

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатери. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Историко-географическія извѣстія Герберштейна Е. Замысловскаго.

Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. . Дм. Тальберга.

Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ А. Веселовскаго.

Бритическія и библиографическія замѣтки: Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи Ф. Бруна. Часть первая. В. Васильевскаго.

Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго Л. Ст.

Къ вопросу объ организаціи учебной части въ городскихъ училищахъ А. Баранова.

Отчетъ о двадцать-второмъ присужденіи наградъ графа Уварова.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ.

Императорское общество любителей естествознанія, антропологій и этнографіи при Московскомъ университетѣ.

Памяти Сергѣя Михайловича Соловьева. Е. Замысловскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

Russia. Min. nar. prosv.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССѢІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

L 451

A4

v. 206

NO. 1000
ANN. 1910

750

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННІИШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1877 ГОДЪ ¹⁾.

Женскія гимназіи и прогимназіи.

Женскія гимназіи и прогимназіи, находящіяся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, содержатся, помимо суммъ, ассигнуемыхъ на нихъ изъ государственнаго казначейства, на средства городскихъ обществъ, земствъ, на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ и другіе подобныя источники. Въ этомъ отношеніи истекшій годъ, потребовавшій вслѣдствіе войны столь значительныхъ пожертвованій со стороны различныхъ классовъ общества, не могъ быть для нихъ особенно благопріятенъ; тѣмъ не менѣе оказалось возможнымъ увеличить число означенныхъ училищъ, а именно: возникли 4 новыя женскія гимназіи въ Шуѣ, Бѣлгородѣ, Ромнахъ и Ташкентѣ и 9 новыхъ прогимназій: Крестецкая, Сычевская, Весеьгонская, Трубчевская, Царицынская, Азовская, Омская, Барнаульская и Вѣрненская (въ Туркестанскомъ краѣ). Всего же въ отчетномъ году находилось въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія гимназій 72, равныхъ съ ними по курсу высшихъ женскихъ училищъ 3 и прогимназіи 159. Число обучающихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 37,972, а окончившихъ полный курсъ было 2,140.

Можно свазать, что учебная часть въ женскихъ гимназіяхъ установлена нынѣ вполнѣ прочно благодаря тому, что учебные планы, которыми опредѣляются предметы, входящіе въ ихъ курсъ, и распределение ихъ по классамъ, примѣнены уже во всѣхъ упомянутыхъ училищамъ. Если въ этомъ отношеніи еще и существуютъ нѣкоторыя

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ часть ССVI, отд. 1. 842268

уклоненія вслѣдствіе случайныхъ или же мѣстныхъ условій, то они постепенно уменьшаются и можно надѣяться, что въ скоромъ времени совершенно прекратятся. Главнымъ результатомъ означенной мѣры было то, что и учащіе и учащіяся гораздо серьезнѣе относятся къ своему дѣлу; возвышеніе требованій для перевода въ высшіе классы послужило къ усиленію занятій ученицъ и къ болѣе правильному посѣщенію ими уроковъ. Учрежденіе при женскихъ гимназіяхъ VIII дополнительнаго класса для приготовления домашнихъ учительницъ приноситъ несомнѣнную пользу, что очевидно сознается и самими воспитанницами, ибо съ каждымъ годомъ возрастаетъ число тѣхъ изъ нихъ, которыя желаютъ усвоить себѣ курсъ этого класса. „Уже и теперь, говоритъ въ своемъ отчетѣ г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, нѣкоторыя гимназіи приготовили въ своихъ дополнительныхъ классахъ весьма дѣльныхъ учительницъ, съ отличнымъ успѣхомъ занимающихся въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій. Подъ контролемъ и руководствомъ наставниковъ онѣ приобрѣтаютъ въ немъ то, что наиболѣе для нихъ важно—привычку къ самостоятельности“. Такое же замѣчаніе содержится и въ отчетѣ г. попечителя Московскаго учебнаго округа: „замѣчательнъ тотъ фактъ, говоритъ онъ, что большинство воспитанницъ, проходящихъ чрезъ VIII классъ, избираютъ своею спеціальностью труднѣйшіе предметы курса женскихъ гимназій, а именно русскій языкъ и математику, между тѣмъ какъ еще не очень давно математика считалась чѣмъ-то недосягаемымъ для женщинъ. По окончаніи восьмилѣтняго гимназическаго курса, дѣвицы очень охотно приглашаются преподавательницами и воспитательницами въ женскія учебныя заведенія и не далеко то время, когда опускаемый въ этихъ заведеніяхъ недостатокъ въ учебныхъ силахъ значительно восполнится хорошо подготовленными и обстоятельно знакомыми съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ наставницами, преподаваніе коихъ въ низшихъ классахъ особенно желательно“. Дополнительные классы существуютъ нынѣ не при всѣхъ гимназіяхъ, но, число ихъ въ отчетномъ году простиралось уже до 33; кромѣ того при нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ находятся педагогическіе курсы для практической подготовки начальныхъ учительницъ изъ числа дѣвицъ, получившихъ образованіе въ прогимназіяхъ.

На равнѣ съ женскими гимназіями стоятъ, по предоставленнымъ имъ правамъ три высшія женскія училища: Маріинское въ Вильнѣ, Холмское въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и училище графа Д. Н. Блудова въ Кіевскомъ округѣ. Всѣ они находятся въ весьма удовле-

творительномъ состояніи. Въ Виленскомъ Маріинскомъ училищѣ число учащихся постоянно возрастаетъ и въ истекшемъ году не произошло даже пріема въ первый классъ за рѣшительною невозможностію найти помѣщеніе для параллельнаго отдѣленія при этомъ классѣ, въ которомъ и безъ того уже число ученицъ значительно превзошло норму, положенную уставомъ. Объ успѣхахъ воспитанницъ можно судить по тому, что число переведенныхъ въ высшіе классы и окончившихъ полный курсъ составляло въ отчетномъ году болѣе $\frac{4}{5}$ общаго числа ученицъ. Въ нѣкоторыхъ классахъ, а именно въ приготовительномъ, VI и VIII не было вовсе оставшихся на второй годъ. По окончаніи экзаменовъ, наградъ удостоены были 82 ученицы.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ находятся женскія гимназіи и прогимназіи, устроенныя на основаніи общаго положенія объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и гимназія въ г. Киевѣ, а также прогимназіи въ Бѣлой Церкви, Златополѣ и Немировѣ, существующія на основаніи положенія 24-го мая 1870 г., учебная часть въ этихъ заведеніяхъ находится въ надлежащемъ порядкѣ, но существенный недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ состоитъ въ неудовлетворительности помѣщеній; такъ, на примѣръ, Киевская гимназія переполнена ученицами и уже нѣсколько лѣтъ сряду поставлена въ необходимость отказывать многимъ въ пріемѣ: не разъ пріискиваемы были для нея по этой причинѣ другіе дома; наемная плата постоянно увеличивалась и тѣмъ не менѣе она не въ состояніи удовлетворить потребностямъ всѣхъ, желающихъ получить въ ней образованіе.

Говоря о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, нельзя не упомянуть объ отдѣленіяхъ для дѣвицъ, находящихся при С.-Петербургскихъ лютеранскихъ училищахъ св. Петра и св. Анны. Эти два отдѣленія, пользующіяся правами Маріинскихъ гимназій, значительно разнятся по курсу отъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Особенное вниманіе обращено въ нихъ на новые языки, въ число коихъ входитъ и языкъ англійскій, изучаемый воспитанницами не по выбору, а обязательно. Математика ограничивается ариметикой и нѣкоторыми свѣдѣніями изъ геометріи. Въ означенныхъ училищахъ нѣтъ дополнительнаго класса, который составляетъ особенное достоинство женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Не смотря на все это, они пользуются довѣріемъ общества, которое вполне справедливо цѣнитъ въ этихъ училищахъ хорошіе результаты, дости-

гаемые воспитанницами, но новымъ языкамъ какъ въ отношеніи теоретическаго, такъ преимущественно и практическаго изученія ихъ.

Число женскихъ гимназій и прогимназій значительно возросло въ послѣдніе годы и учебная ихъ часть организована на такихъ прочныхъ основахъ, какъ никогда прежде, нѣтъмъ не жене нельзя сказать, чтобы всѣ онѣ находились въ одинаково удовлетворительномъ состояніи и превосходить это исключительно отъ различія матеріальныхъ ихъ средствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ все еще не имѣютъ возможности пользоваться учителями, которые посвящали бы главнымъ образомъ имъ свою дѣятельность; особенно замѣчаніе это относится къ прогимназіямъ. Помѣщенія ихъ также далеко не вездѣ удовлетворительны. Это положеніе дѣлъ измѣнится къ лучшему лишь тогда, когда мѣстныя общества, сознавая все болѣе и болѣе пользу, приносимую упомянутыми учебными заведеніями, проникнутся заботою объ увеличеніи средствъ на ихъ содержаніе. Въ послѣдніе годы, суммы, ассигнуемыя на нихъ постоянно возрастаютъ, но къ сожалѣнію все еще не въ такой мѣрѣ, чтобы удовлетворять существующимъ потребностямъ. Въ отчетномъ году всего израсходовано было на женскія гимназіи и прогимназіи 1.951,440 р.; изъ этой суммы на долю государственнаго казначейства приходилось 455,393 р.; отъ городскихъ обществъ поступило 366,730 р., отъ земства 288,689 р.; изъ войсковыхъ суммъ 61,605 р.; изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 38,388 р. и отъ сбора платы за ученіе 465,678 руб.; сумма, образовавшаяся изъ различныхъ другихъ источниковъ составляла 324,954 руб.

Частныя учебныя заведенія.

Всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ какъ частными лицами, такъ и разными церковными, приходами иностранныхъ исповѣданій, было къ 1-му января 1878 г. 1,223 и находилось въ нихъ 25.988 учащихся; въ томъ числѣ мужскаго пола 1,0994 и женскаго 14,994. По разрядамъ училища эти раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1-го разряда 76, 2-го разряда 195 и 3-го 952. Изъ училищъ 1-го разряда 7 мужскихъ и 3 женскихъ носятъ названіе гимназій и пользуются правами, предоставленными мужскимъ и женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія. Означенныя права предоставлены имъ лишь вслѣдствіе тщательнаго удостовѣренія, что учебно-воспитательная ихъ часть поставлена вполне правильно и что

онѣ въ состояніи достигать такихъ же цѣлей, къ какимъ стремятся правительственныя училища, служащія для нихъ образцомъ. Число учащихся въ нихъ постоянно возрастаетъ, чего нельзя сказать о мужскихъ училищахъ 1-го разряда, не подходящихъ подъ упомянутую категорию, а также о мужскихъ училищахъ 2-го разряда, хотя и между ними находится не мало такихъ, которыя исполняютъ свою задачу довольно удовлетворительно. За то въ женскихъ училищахъ число учащихся ежегодно увеличивается; то же самое слѣдуетъ сказать о тѣхъ школахъ, не только женскихъ, но и для обоюго пола, которыя поставили себѣ задачей лишь готовить дѣтей къ поступленію въ учебныя заведенія съ болѣе продолжительнымъ курсомъ.

Женскія частныя училища 1-го разряда по большей части достигаютъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ. Это видно между прочимъ и изъ того, что въ послѣдніе годы замѣтно увеличивается число дѣвицъ, которыя, по окончаніи курса въ этихъ училищахъ, съ успѣхомъ подвергаются экзамену въ испытательныхъ комитетахъ на званіе домашнихъ учительницъ. Между женскими частными гимназіями особенно выдается гимназія г-жи Фишеръ въ Москвѣ, имѣющая классическій курсъ. Въ отчетѣ г. попечителя Московскаго учебнаго округа содержится о ней слѣдующій отзывъ: „что касается до женской гимназіи г-жи Фишеръ, то успѣхи, достигаемые ученицами по древнимъ языкамъ, выше всякой похвалы. Привязанность свою къ мѣсту воспитанія бывшія ученицы VI класса доказали тѣмъ, что, по полученіи ими званія домашнихъ наставницъ, и учительницъ, онѣ выразили желаніе продолжать ученіе въ высшемъ классѣ, для того, чтобы ознакомиться съ болѣе трудными твореніями древнихъ авторовъ, а также съ высшимъ курсомъ математики“.

Въ Варшавскомъ округѣ частныхъ учебныхъ заведеній находится болѣе чѣмъ въ какомъ либо изъ другихъ учебныхъ округовъ: училищъ 2-го разряда состояло тамъ въ истекшемъ году 57, а между тѣмъ продолжаютъ поступать прошенія объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній и о преобразованіи низшихъ изъ нихъ въ училища съ болѣе обширнымъ курсомъ.

Такъ какъ разрѣшенія даются съ тщательнымъ разборомъ, то вслѣдствіе сего между содержателями и содержательницами училищъ возникла благотворная конкуренція: принимая образцомъ казенныя училища, они стараются по мѣрѣ возможности приблизиться къ нимъ относительно учебно-воспитательнаго дѣла. Такъ какъ женскія гимназіи Варшавскаго округа переполнены учащимися, а нѣкоторыя изъ

четырёхклассныхъ женскихъ частныхъ училищъ отличаются вполне правильнымъ устройствомъ, то предположено допустить преобразование лучшихъ изъ нихъ въ пяти и шестиклассныя училища на основаніи программы женскихъ гимназій.

II. УЧЕНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

I. Академія наукъ.

Плодотворная дѣятельность Академіи наукъ выражалась и въ истекшемъ году, съ одной стороны, въ путешествіяхъ и экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ по ея порученію, а съ другой, въ изслѣдованіяхъ, которыми занимались различныя ея отдѣленія. Что касается до экспедицій и путешествій, то результаты замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ были слѣдующіе: горный инженеръ Лопатинъ изслѣдовалъ значительную часть береговъ средней или Подкаменной Тунгуски, причемъ открылъ на этой рѣкѣ обнаженія верхне-силурійской системы, весьма богатыя окаменѣlostями; это открытіе поведетъ къ ближайшему познанію, въ средней части Восточной Сибири, значительнаго силурійскаго бассейна, существованіе коего можно было предполагать на основаніи коллекцій, собранныхъ въ прежнее время. Обогащеніе естественно-историческихъ коллекцій Академіи матеріалами для познанія еще существующей фауны Сибири было плодомъ экспедиціи г. Полякова въ Кузнецкій крайъ, западный Алтай, Семирѣченскую область, въ предгорія Алатау и къ озерамъ Ала-вулю и Балхашу. Юговосточная часть С.-Петербургской губерніи была, по порученію Академіи, изслѣдована въ ботаническомъ отношеніи ученымъ хранителемъ ея музея, г. Мейнсгаузеномъ, а извѣстный знатокъ финскихъ нарѣчій академикъ Видеманъ собралъ въ Прибалтійскомъ краѣ матеріалы, долженствующіе пополнить запасъ сдѣланныхъ имъ наблюденій относительно грамматическаго и лексикографическаго изученія эстскаго языка. Академія приняла не одно только матеріальное участіе въ ученой командировкѣ профессора Варшавскаго университета г. Колосова, поставившаго себѣ задачей изучить языкъ, употребляемый въ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, которыя издавна были заняты русскимъ населеніемъ, но и снабдила его подробною инструкціей. Г. Колосовъ посѣтилъ 11 губерній и особенно подробно былъ изслѣдованъ имъ языкъ жителей губерній Новгородской и Вятской.

Не касаясь здѣсь подробно всѣхъ разнообразныхъ ученыхъ трудовъ Академіи, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что обработка матеріала,

сравнаго русскими экспедиціями для наблюденія прохожденія Венеры въ 1874 году, постепенно продолжались подъ руководствомъ академика Деллена. Предпринятое Академіей наданіе этихъ наблюденій будетъ состоять изъ двухъ частей: первая представитъ отчеты о наблюденіяхъ прикосновеній и другихъ телескопическихъ явленій, а также о географическихъ опредѣленіяхъ мѣстъ наблюденій; вторая же должна содержать рядъ монографій по гелиометрическимъ и гелиографическимъ наблюденіямъ. Для первой части всѣ вычисленія были уже окончены въ отчетномъ году, за исключеніемъ лишь наблюденій покрытій звѣздъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, а въ составъ второй части уже вошло сочиненіе, заключающее въ себѣ разработку фотогелиографическихъ снимковъ, полученныхъ адъюнктомъ Пулковской обсерваторіи, г. Гессельбергомъ въ портѣ Посетъ.

Въ послѣднее время Академія наукъ получила возможность значительно расширить изслѣдованіе атмосферныхъ явленій на пространствахъ всей имперіи. Устроенное при Главной Физической обсерваторіи въ половинѣ 1876 года отдѣленіе морской метеорологіи положило прочныя основы для правильнаго изученія законовъ атмосферныхъ движеній, при неопѣнимомъ пособіи, какое для этого представляютъ телеграфы. Въ настоящее время отдѣленіе ежедневно получаетъ телеграммы о погодѣ болѣе чѣмъ изъ 90 мѣстъ, и пользуется этими данными для составленія метеорологическаго бюллетеня, для начертанія синоптическихъ картъ погоды и для послыки предостереженій о буряхъ въ порты Балтійскаго моря и на Ладожское озеро. Другое учрежденіе, долженствующее въ значительной мѣрѣ обогатить средства къ изученію климатологіи, а именно магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ окончена постройкою съ такою быстротою и осмотрительностью, что уже въ августѣ отчетнаго года можно было приступить тамъ къ метеорологическимъ наблюденіямъ.

Сверхъ печатанія въ своихъ изданіяхъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ своихъ членовъ, такъ и постороннихъ ученыхъ, Академія оказываетъ научнымъ трудамъ поддержку иного рода, состоящую въ наградахъ за лучшія изъ появившихся новыхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ науки. Въ истекшемъ году премія Бера была присуждена бывшему профессору Дерптскаго университета Бунге за пятидесятилѣтніе его труды по части ботаники; соисканія на Ломоносовскую премію не происходило; ибо между трудами, представлен-

ними для полученія ея, не оказалось ни одного такого, которое удовлетворяло бы требованіямъ; для соисканія премій графа Уварова были принимаемы исключительно историческія изысканія, такъ какъ учредитель этихъ наградъ признавалъ уиѣстнымъ отиѣнить на будущее время право участія въ конкурсахъ на нихъ драматическихъ пьесъ; удостоены были означенныхъ наградъ 9 сочиненій по части исторіи. Въ отчетномъ году число премій, которыми распоряжается Академія наукъ, увеличилось съ Высочайшаго соизволенія еще одною—учрежденною въ память пятидесятилѣтней ученой дѣятельности академія Брандта за самостоятельныя изысканія въ области зоологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи. Первое соисканіе ея назначено на 1881 годъ.

Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ.

Дѣятельность Николаевской главной астрономической обсерваторіи обращена была въ истекшемъ году преимущественно на безотложную обработку скопившагося въ ней запаса прежнихъ наблюдений, дабы чрезъ то скорѣе сдѣлать его плодотворнымъ для науки. Такимъ образомъ изготовленъ былъ матеріалъ для четырехъ томовъ этихъ наблюдений и въ непродолжительномъ времени могутъ быть приготовлены еще два или три тома оныхъ. Всѣ главные инструменты обсерваторіи находились, какъ и прежде, въ совершенно удовлетворительномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи обсерваторія и нынѣ, послѣ сорокалѣтняго своего существованія, продолжаетъ занимать первое мѣсто въ ряду подобныхъ ей учреждений.

Утверждать этого нельзя лишь относительно Пулковскаго рефрактора, который, начиная съ 1839 года, считался лучшимъ чѣмъ всѣ другіе, но въ послѣднее время оптики, а еще болѣе техника достигли значительныхъ успѣховъ въ устройствѣ параллактическихъ инструментовъ. Между прочимъ въ 1875 году обсерваторія въ Вашингтонѣ была снабжена двадцати-шести дюймовымъ рефракторомъ, работы Альвана Кларка. Произведенныя этимъ приборомъ наблюденія спутниковъ Урана и Нептуна, легкость, съ какою измѣряются имъ двойныя звѣзды, едва доступныя зрѣнію при помощи пулковскаго рефрактора, а болѣе всего сдѣланное прошлою осенью открытіе двухъ спутниковъ Марса, показываютъ ясно, что вашингтонскій инструментъ превосходить силой Пулковскій, который къ тому же и по механизму своему не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки.

Обсерваторія уже изготовила къ печатанію вторую часть систематическаго каталога своей бібліотеки, но не могла приступить въ отчетномъ году къ печатанію ея отчасти по множеству другихъ своихъ занятій, отчасти же по недостатку средствъ. Между тѣмъ успѣхъ первой части, изданаго въ 1860 году, былъ такъ великъ, что означенный каталогъ сдѣлался, какъ нѣкогда бібліографія Лаланда, главнѣйшимъ бібліографическимъ руководствомъ для ознакомленія съ астрономическою литературой. Со всѣхъ сторонъ иностранныя астрономы выражали желаніе видѣть продолженіе его и для выполненія сего труда разрѣшено было мною воспользоваться частью такъ называемаго капитала обсерваторіи.

Въ истекающемъ году нѣкоторымъ изъ пулковскихъ астрономовъ предоставлена была возможность совершить путешествія съ ученою цѣлью. Гг. Струве, Нуренъ, Гассельбергъ и Дубаго приняли участіе въ общемъ собраніи астрономическаго общества въ Стокгольмѣ, за которымъ непосредственно слѣдовало празднованіе 400-лѣтняго юбилея Упсальскаго университета. Вслѣдъ за тѣмъ, г. Струве посѣтилъ Страсбургъ для ближайшаго ознакомленія со строящеюся тамъ подъ руководствомъ Виннеке, новою обсерваторіей, которая какъ по удобству размѣщенія, такъ и по силѣ инструментовъ, общаесть удовлетворять строжайшимъ требованіямъ науки; г. Дубаго обозрѣлъ обсерваторіи въ нѣсколькихъ германскихъ городахъ, а въ Гамбургѣ ознакомился съ знаменитою механическою мастерскою братьевъ Репсольдъ.

3. Императорская Публичная Библіотека.

Въ 1877 году Императорская Публичная Библіотека продолжала свою полезную дѣятельность съ тѣми-же благоприятными результатами, какъ и въ года предшествовавшіе. Не смотря на то, что, вслѣдствіе необходимыхъ капитальныхъ исправленій зданія, Библіотека была закрыта въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, для занятій въ ея читальной залѣ было выдано 10,716 билетовъ. Всѣхъ читателей было 110,332, которыми вытребовано въ чтеніе 119,502 печатныхъ сочиненія въ 208,297 томахъ, и 69,676 номеровъ поврежденныхъ изданій. Въ отдѣленіи манускриптовъ получили дозволеніе заниматься въ 1877 году 47 лицъ, которыми вытребовано 829 рукописей. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ увеличивается число отечественныхъ и иностранныхъ ученыхъ, поль-

зующихся для своихъ трудовъ драгоценными рукописными матеріалами, хранящимися въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ Библіотеку и устроенныя въ ней выставки, было 3,282. Въ 1877 году поступило въ Библіотеку 30,418 печатныхъ сочиненій въ 34,207 томахъ. Изъ этого числа приобретено ею на свои средства 10,366 томовъ въ 12,607 томахъ и принесено ей въ даръ разными мѣстами и лицами 11,524 сочиненія въ 12,596 томахъ; между послѣдними, какъ это обыкновенно встрѣчается, было довольно много дублетовъ, которые Библіотека частію назначаетъ въ продажу на усиленіе своихъ средствъ для приобретения книгъ и рукописей, частію уступаетъ разнымъ правительственнымъ и общественнымъ книгохранилищамъ; такъ, между прочимъ, ею приготовлено въ отомыскѣ для библіотеки музея Имени Государя Наслѣдника Цесаревича свыше 3,000 названій. Кромѣ печатныхъ сочиненій, въ составъ Библіотеки въ 1877 году вошло: 372 рукописи, 1,268 эстамповъ и фотографій, 348 географическихъ картъ и 607 музыкальныхъ пьесъ.

Замѣчательнѣйшимъ приобретеніемъ Библіотеки въ 1877 году была купленная ею въ полномъ составѣ библіотека извѣстнаго ученаго Тоблера, нѣсколько разъ путешествовавшаго по Святой Землѣ и составившаго самую полную библіографію всего о ней напечатаннаго. Собраніе Тоблера исключительно состоитъ изъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, относящихся къ Палестинѣ, между которыми находится нѣсколько единственныхъ и очень рѣдкихъ. Можно смѣло сказать, что наша Библіотека, послѣ присоединенія къ собранію Тоблера тѣхъ сочиненій о Палестинѣ, которыя въ ней уже находятся, владѣетъ въ настоящее время единственною по своей полнотѣ коллекціею печатныхъ сочиненій о Св. Землѣ, начиная съ первыхъ годовъ книгопечатанія.

Изъ прочихъ приобретеній Библіотеки останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе слѣдующія:

1) Принесенное въ даръ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ собраніе бумагъ, оставшееся послѣ его отца, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Г. Рѣпинскаго. Этимъ собраніемъ, въ которомъ, между прочимъ, находится довольно много собственноручныхъ и въ спискахъ законодательныхъ работъ графа М. М. Сперанскаго, самаго разнообразнаго содержанія, и замѣтки разныхъ лицъ на трудъ графа Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“, дополняются богатые матеріалы, относящіеся къ жизни и дѣятельности нашего знаменитаго государственнаго мужа,

поступившіе въ Библіотеку отъ его дочери Е. М. Фроловой-Барышевой и многихъ другихъ лицъ.

2) Сорокъ, большею частію собственноручныхъ, записокъ Императрицы Екатерины II къ С. Петербургскому генераль-полицеймейстеру Чичерину, занимавшему эту должность съ 1764 года по 7 декабря 1777. Записки эти, любопытныя по содержанию, преимущественно касаются благоустройства столицы и водворенія въ ней благочинія и внѣшняго порядка; но нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ и общій интересъ.

3) Купленная Библіотекою послѣ доктора Лаута въ Страсбургѣ коллекція изъ 6,000 медицинскихъ диссертацій, начинающихся съ XVII столѣтія и доходящихъ до сороковыхъ годовъ настоящаго. По нѣкоторымъ болѣзнямъ, эта коллекція представляетъ необыкновенное богатство и полноту.

4) Купленный Библіотекою пергаментный на латинскомъ языкѣ часословъ XVI вѣка, украшенный 53 миниатюрами и заглавными буквами, превосходно исполненными.

Почетный членъ Библіотеки И. Е. Бецкій и почетный ея корреспондентъ А. Н. Неустроевъ продолжали обогащать Библіотеку, первый — новыми произведеніями, выходящими на италіанскомъ языкѣ, а второй — бумагами нашихъ ученыхъ и писателей и старинными изданіями, случайно попадавшимися ему въ руки.

Значительныя приращенія Библіотеки имѣютъ послѣдствіемъ устройство ежегодно въ ея залахъ новыхъ шкафовъ, и ими весьма скоро будутъ заняты всѣ свободныя въ ней мѣста. Надстройка зданія Библіотеки или его расширеніе явятся въ ближайшемъ будущемъ неотложною необходимостью.

4. Московскій публичный и Румянцевскій Музей.

Въ истекшемъ году Московскій публичный и Румянцевскій Музей привлекалъ по прежнему значительное число посѣтителей. Число лицъ, обозрѣвавшихъ его бесплатно, простиралось до 32,113, а съ платою до 1,402.

Музей продолжалъ обогащаться различными приобрѣтеніями. Особенно счастливъ въ этомъ отношеніи былъ истекшій годъ для отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Въ означенное отдѣленіе поступила давно уже пользующаяся заслуженною извѣстностью коллекція славянскихъ рукописей покойнаго про-

фессора Новороссійскаго университета В. И. Григоровича. Въ ряду другихъ нашихъ частныхъ собраній она по справедливости занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по обилію памятниковъ болгарскаго и сербскаго письма древнѣйшаго періода, преимущественно такихъ, которые для исторіи древнеславянскаго языка и письменности имѣютъ весьма важное значеніе. Таковы, между прочимъ: 1) глаголическое четвероевангеліе XI вѣка,—по числу третій изъ подобныхъ памятниковъ; первый изъ нихъ находится въ Ватиканской библиотекѣ, а второй въ Императорской публичной библиотекѣ; 2) Апостолъ болгарскаго письма XII вѣка, извѣстный подъ именемъ Охридскаго; 3) Паремейникъ болгарскаго письма того же вѣка, старѣйшій изъ всѣхъ другихъ такого рода памятниковъ, имѣющій капитальное значеніе для исторіи перевода на славянскій языкъ библейскихъ книгъ; 4) Псалтирь сербскаго письма XII и XIII вѣковъ и т. д. Всѣхъ славянскихъ рукописей въ коллекціи Григоровича оказалось 70.

На ряду съ означенною коллекціей нельзя не упомянуть о другомъ памятникѣ, поступившемъ въ Музей, чрезвычайно цѣннымъ по своей рѣдкости и научному значенію, а именно о пергаментномъ Евангеліи-аурокошѣ, писанномъ русскимъ полууставомъ въ 1092 году. Оно украшено заставками и заглавными литерами одинаковаго характера съ находящимися въ извѣстныхъ спискахъ Евангелія начала XII вѣка—Юрьевскомъ и Мстиславовомъ. Упомянутое Евангеліе, въ ряду другихъ Кирилловскихъ списковъ Евангелія, послѣ Остромирова, должно занять второе мѣсто, и помимо своей древности имѣетъ высокую важность въ томъ отношеніи, что содержитъ евангельскій текстъ русской редакціи.

Другія отдѣленія Музея получили также приращенія, хотя и не могущія быть поставленными на ряду съ тѣми, которыми обогатилось отдѣленіе рукописей. Между прочимъ въ картинную галлерею поступили 34 картины, писанныя масляными красками, принадлежавшія покойнымъ Н. А. и В. А. Мухановымъ.

Въ теченіе 1877 года библиотека Музея увеличилась на 5,165 томовъ и брошюръ и на 65 номеровъ атласовъ, картъ и рисунковъ. Въ этой общей цифрѣ частныя пожертвованія составляютъ 412 томовъ и 6 картъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ было приношеніе г. Якушина, обогатившаго библиотеку собраніемъ недостававшихъ въ ней русскихъ періодическихъ изданій и театральныхъ піесъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка.

Хранитель отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ былъ

командировать въ истекшемъ году въ Петрозаводскъ, для осмотра хранящихся въ библиотекѣ Олонецкой семинаріи рукописей и церковныхъ книгъ: слѣдствіемъ сего было поступленіе лучшей части упомянутаго собранія въ собственность Музея, въ обмѣнъ на дублеты книгъ русскихъ и иностранныхъ.

5. Виленская Публичная Библиотека и Музей.

Занятія комиссіи, подъ управленіемъ коей состоитъ Виленская Публичная Библиотека и Музей, заключались въ истекшемъ году въ слѣдующемъ:

По русскому отдѣленію внесено въ инвентарь 913 сочиненій и періодическія изданія за 164 года; составленъ и напечатанъ каталогъ дублетовъ; продолжалось печатаніе систематическаго каталога.

По общему отдѣленію описано и внесено въ инвентарь 8,492 сочиненія и 3,457 періодическихъ изданій.

По археологическому отдѣленію Музея составлены инвентари по отдѣламъ печатей, моделей, рѣдкостей.

По естественному отдѣленію Музея изготовленъ проектъ описательнаго каталога.

Всего каталогизовано было 15,867 сочиненій, періодическихъ изданій, а также предметовъ, хранящихся въ Музее.

Библиотека и Музей продолжали дополняться различными пожертвованіями. Число посѣтителей простиралось до 4,716; всѣхъ требованій на книги заявлено было 1,925, въ томъ числѣ 1,447 на русскомъ языкѣ.

6. Археографическая Комиссія министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1877 году Археографическою Комиссіею изданы: 1) Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви съ древѣйшихъ временъ до 1875 года включительно, составленное покойнымъ академикомъ и членомъ Комиссіи П. М. Строевымъ. Замѣчательный трудъ этотъ представленъ въ распоряженіе Комиссіи семействомъ П. М. Стрѣва въ 1876 году, уже послѣ его смерти; 2) девятый томъ Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи, содержащій документы для исторіи малороссійскаго края во время гетманства Демьяна Многогрібнаго до іюня 1672 года, когда былъ

избранъ новый гетманъ Иванъ Самойловичъ, и 3) шестой выпускъ Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи, въ которомъ помѣщены: а) изслѣдованіе Геннадія Карпова подъ заглавіемъ „Малороссійскіе города въ эпоху соединенія Малороссіи съ Великою Россіей“; б) Челобитная старца Артемія; в) Письма графа Н. П. Румянцева къ В. Н. Берху 1817—1822 г.; г) Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ, и д) выписки изъ протоколовъ засѣданій Археографической Коммиссіи за 1871—1875 г.

Продолжалось печатаніе: 1) Новгородской лѣтописи по спискамъ синодальному харатейному и принадлежащему Археографической Коммиссіи; 1) Новгородской лѣтописи по списку, принадлежащему Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, и по другимъ спискамъ; 3) четвертаго тома Русской исторической библіотеки, заключающаго въ себѣ наиболѣе важныя полемическія сочиненія западно-русской литературы XVI и XVII вѣковъ; 4) четвертаго выпуска Указателя личныхъ именъ къ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей; 5) десятаго тома Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи, содержащаго документы для исторіи Малороссіи за 1654—1655 гг., именно: переговоры объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великою Россією, и 6) пятаго тома Русской исторической библіотеки, содержащаго въ себѣ акты Иверскаго Святозерскаго монастыря, сообщенные корреспондентомъ Археографической Коммиссіи о. архимандритомъ Леонидомъ.

Приступлено къ изданію: 1) одиннадцатаго тома Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи, въ которомъ печатаются документы для исторіи Малороссіи за время гетманства Ивана Самойловича; 2) Сборника памятниковъ русскаго каноническаго права, начиная съ XI вѣка и 3) седьмаго выпуска Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи.

7. Виленская Коммиссія для изданія и разбора древнихъ актовъ.

Ученая дѣятельность Коммиссіи, относительно изданія ея трудовъ, выразилась въ истекшемъ году въ слѣдующемъ:

Было начато и окончено печатаніе IX тома актовъ, извлеченныхъ изъ 200 актовыхъ книгъ виленскихъ судовъ: земскаго, городского магистрата, магдебургіи и конфедерации, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ. Означенный томъ состоитъ почти исключительно изъ церковныхъ документовъ, относящихся къ двумъ древ-

нимъ виленскимъ русскимъ монастырямъ—Святодуховскому и Троицкому, а также къ другимъ православнымъ церквамъ какъ въ г. Вильнѣ, такъ и вообще въ сѣверо-западномъ краѣ.

Что касается до другой задачи Коммиссіи, а именно собранія и подготовленія матеріаловъ для будущихъ ея изданій, то съ этою цѣлью Коммиссія разсмотрѣла 118 актовыхъ книгъ Главнаго Литовскаго трибунала и извлекла изъ нихъ 307 документовъ, представляющихъ равносторонній научный интересъ; наблюдала за точною перепиской документовъ, признанныхъ годными къ обнародованію, число копій простиралось до 300; провѣряя означенные документы, писанные на польскомъ языкѣ, излагала ихъ содержаніе по русски; всего изложено было такимъ образомъ 168 актовъ.

8. Центральные архивы древнихъ актовыхъ книгъ: Виленскій и Кіевскій.

Къ концу отчетнаго года въ Виленскомъ центральномъ архивѣ находилось 18,243 актовныя книги съ актами разныхъ правительственныхныхъ мѣстъ, съ подлинными королевскими грамотами и т. п., а въ Кіевскомъ— актовыхъ книгъ 5,882, отдѣльныхъ документовъ 454,979.

Занятія архивовъ состояли въ слѣдующемъ:

Виленскій архивъ продолжалъ описъ актовъ Россіенскаго земскаго суда, а также актовъ Виленскаго городского суда: первыхъ изъ нихъ было описано 794, а вторыхъ 490; кромѣ того, онъ составлялъ алфавитные указатели инвентарей и ограниченій разныхъ старостъ и помѣстій; алфавиты эти значительно служатъ къ разъясненію споровъ между казною и частными лицами.

Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ были составлены описи къ 4 актовнымъ книгамъ, содержащимъ 1,357 документовъ; вслѣдствіе сего въ 1-му января 1878 года оказалось описанными болѣе 30 книгъ съ 11,844 документами. Изъ нихъ 14 отпечатаны, 2 печатаются, а 8 разрѣшены къ напечатанію.

На обоихъ архивахъ, кромѣ описи актовъ и приготовленія къ печати наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ, лежитъ обязанность выдавать, по требованію правительственныхныхъ мѣстъ и по просьбамъ частныхъ лицъ, выписи изъ актовыхъ книгъ и завѣренія представленныхъ документовъ. Такихъ выписей и завѣреній было выдано въ истекшемъ году: изъ Виленскаго архива 97 и изъ Кіевскаго 9.

III. УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Къ числу ученыхъ обществъ присоединилось въ истекшемъ году основанное въ С.-Петербургѣ Общество любителей древней письменности, имѣющее цѣлью издавать славяно-русскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи, а также перепечатывать, безъ исправлений, книги, сдѣлавшіяся библиографическою рѣдкостью. Вслѣдствіе ходатайства состоявшихъ при С.-Петербургскомъ университетѣ химическаго и физическаго обществъ, разрѣшено было сліаніе ихъ въ одно подъ названіемъ Русскаго физико-химическаго общества и съ подраздѣленіемъ его на два отдѣленія: физическое и химическое. Сверхъ сего, при С.-Петербургскомъ же университетѣ возникло юридическое общество, поставившее себѣ задачей разработку теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права и распространеніе въ публикѣ юридическихъ свѣдѣній, а при университетѣ Новороссійскомъ—общество естествоиспытателей для содѣйствія изслѣдованію природы Россіи, преимущественно южныхъ ея провинцій и смежныхъ мѣстностей, хотя бы онѣ находились и внѣ предѣловъ имперіи. Общество врачей въ Казани было присоединено, по его ходатайству, къ Казанскому университету подъ наименованіемъ „Общества врачей, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“, причемъ уставъ его подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Императорское Русское Историческое Общество, состоящее подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, продолжая полезную свою дѣятельность, издало въ истекшемъ году три тома своего Сборника. Въ этихъ томахъ помѣщены между прочимъ переписка Императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ Великимъ, заимствованная изъ государственныхъ архивовъ въ С.-Петербургѣ и Берлинѣ, а также другіе важныя документы, относящіеся къ концу прошлаго вѣка и къ царствованію Императора Александра I. Кроме того, означенное Общество, принявъ на себя задачу, лежавшую нѣкогда на II-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Величества Канцеляріи, приступило къ печатанію актовъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и иностранными державами.

Въ 1877 году устроенъ былъ въ Казани четвертый съѣздъ русскихъ археологовъ, на которомъ были поставлены и частію разрѣше-

ны многіе научныя вопросы мѣстнаго интереса и, сверхъ того, до отергтія сѣзда, былъ предпринятъ рядъ подготовительныхъ ученыхъ работъ, посвященныхъ древностямъ и вообще историческому значенію Казанскаго края.

Изъ числа временныхъ комиссій, состоявшихъ въ 1877 году при министерствѣ народнаго просвѣщенія, комиссія, обсуждавшая мѣры къ сохраненію памятниковъ древности, рассмотрѣвъ проектъ правилъ, выработанный по этому предмету вторымъ археологическимъ сѣздомъ, прекратила свои засѣданія, и самый проектъ, съ подробною объяснительною къ нему запиской, былъ препровожденъ въ министерство. Комиссія для изданія въ свѣтъ писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго продолжала ревностно трудиться надъ исполненіемъ своей задачи: въ теченіе года были рассмотрѣны, переписаны и провѣрены бумаги, хранящіяся въ государственномъ архивѣ и относящіяся до адмиралтействъ - коллегій; собственноручныя записки, резолюціи и указы Императора, переданныя комиссіи, по Высочайшему повелѣнію, министромъ двора; книги входящихъ бумагъ изъ кабинета Императора, а также бумаги, хранящіяся въ ученомъ комитетѣ главнаго штаба. Комиссія по устройству архивовъ разсматривала поступившія въ нее свѣдѣнія о заграничныхъ архивахъ съ цѣлью начертанія общаго положенія для лучшаго устройства архивовъ отечественныхъ; обсуждала соображенія объ учрежденіи по губерніямъ историческихъ центральныхъ архивовъ и о томъ, на основаніи какихъ правилъ можетъ быть допущено, безъ вреда для науки, уничтоженіе нѣкоторыхъ архивныхъ дѣлъ.

Сверхъ того послѣдняя изъ означенныхъ комиссій дѣятельно занималась обсужденіемъ многихъ вопросовъ, относящихся до устройства Археологическаго института. Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности высказала она мысль о необходимости подобнаго учрежденія для подготовки лицъ, которыя были бы достаточно знакомы съ архивнымъ дѣломъ, и въ истекшемъ году возникъ въ С.-Петербургѣ Археологическій институтъ на частныя средства и въ видѣ опыта срокомъ на четыре года. Онъ имѣетъ цѣлью приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ; принимаются въ него только лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; курсъ ученія въ институтѣ бесплатный и ограничивается двумя годами. Въ составъ его входятъ: палеографія вообще и въ особенности русская; русскія древности по частному и общественному быту

часть ссви. отд. 1.

до XVIII вѣка включительно; хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ, древняя географія вообще и преимущественно Россіи.

IV. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подобно предшествовавшимъ годамъ, и въ отчетномъ 1877 году дѣятельность ученаго комитета и особаго отдѣла его заключалась въ разсмотрѣніи разныхъ проектовъ уставовъ, правилъ и инструкцій не только по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, но и по другимъ вѣдомствамъ, въ разсмотрѣніи отчетовъ молодыхъ людей, отправленныхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію, въ опредѣленіи правъ и дарованіи льготъ по отбыванію воинской повинности лицамъ, подлежащимъ сей повинности, и, наконецъ, въ разсмотрѣніи книгъ и рукописей, предназначенныхъ сочинителями и издателями къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ или же для народнаго чтенія.

Въ засѣданіяхъ основаго отдѣла ученаго комитета были разсмотрѣны слѣдующіе проекты уставовъ, положеній, правилъ и программъ разныхъ учреждений и обществъ: Общества любителей древней письменности, С.-Петербургскаго юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; Русскаго физико-химическаго общества, образованнаго изъ соединенія двухъ обществъ — физическаго и химическаго, при томъ же университетѣ; общества врачей при Казанскомъ университетѣ; Варшавскаго Общества акклиматизаціи животныхъ; Вирлянскаго Эстонскаго общества Калевипозгъ, и новаго устава С.-Петербургской консерваторіи; предположенія объ учрежденіи при Императорской академіи художествъ педагогическихъ курсовъ, съ нормальною школою и музеемъ, для приготовленія учителей рисованія; уставы состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Московскаго общества для вспомошествованія гувернанткамъ, домашнимъ учительницамъ и воспитательницамъ; состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны попечительнаго общества о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь; пріюта во имя Казанской Божіе Матери для воспитанія русскихъ нянекъ; общества для доставленія слѣпымъ образованія въ Рижскомъ институтѣ для слѣпыхъ; общества вспомошествованія учащемуся юношеству въ учебныхъ заведеніяхъ Смоленской губерніи, Духовщинскихъ и Ташкентскихъ — русскихъ. Изъ

дѣлъ и проэктвъ, относящихся къ учебнымъ заведеніямъ и лицамъ, въ нихъ служащимъ, были на обсужденіи ученаго комитета: по высшимъ учебнымъ заведеніямъ—положеніе и штатъ Харьковскаго практическаго технологическаго института, правила для училищъ повивальнаго искусства при университетѣ Св. Владиміра; установленія для студентовъ медицинскихъ факультетовъ общаго срока выпускныхъ экзаменовъ; о порядкѣ производства испытаній на званіе аптекарскаго ученика и помощника; предположенія о перемѣнѣ присвоиваемыхъ нимъ медицинскимъ чинамъ специальныхъ званій; правила для библіотекъ Варшавскаго университета и института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи и объ отношеніи клиникъ Варшавскаго университета къ варшавскимъ городскимъ больницамъ, въ которыхъ помѣщается клиника; по среднимъ и нижшимъ учебнымъ заведеніямъ—инструкція для классныхъ наставниковъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; о производствѣ испытаній въ реальныхъ училищахъ; о преобразованіи реальныхъ училищъ въ Ригѣ и уѣздныхъ училищахъ Курляндской губерніи въ городскія; правила для управленія православными школами въ Прибалтійскихъ губерніяхъ; положеніе о ремесленномъ училищѣ Императорскаго технического общества по механическому дѣлу; проэктъ основаній для учрежденія низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и введенія сельско-хозяйственнаго элемента при обученіи въ сельскихъ школахъ; проэктъ специальной педагогической школы для образованія учителей и учительницъ гимнастики, чистописанія и пѣнія; о правахъ лицъ, кончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ на занятіе должностей классныхъ наставниковъ; проэктъ уставовъ: частнаго коммерческаго училища въ Одессѣ, Коммиссаровскаго технического училища въ Москвѣ, земской медицинско-ветеринарной школы въ Перми и Охтенской ремесленной школы въ С.-Петербургѣ; по женскимъ учебнымъ заведеніямъ—о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ; о правилахъ для испытаній въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія; о числѣ недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ которыхъ вовсе не преподаются необязательные предметы; о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ; о женскомъ учебно-воспитательномъ заведеніи въ Москвѣ для дѣтей южныхъ Славянъ; о передачѣ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія 7-ми классной гимназіи при Покровской общинѣ сестеръ милосердія, состоящей

подъ покровительствомъ Государыни Великой Книгини Александры Петровны.

Въ основномъ отдѣлѣ ученаго комитета рассмотрѣны были 204 книги и 30 рукописей, 1 модель, 12 картъ и 5 таблицъ, изъ коихъ одобрено для учебныхъ заведеній 147 книгъ, 11 рукописей, 9 картъ и 4 таблицы.

Въ 1877 году исполнилось пятилѣтіе со времени введенія учебныхъ плановъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія; въ этомъ же году почти во всѣхъ гимназіяхъ VII классъ съ двухгодичнымъ курсомъ замѣненъ самостоятельными классами VII-мъ и VIII-мъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Последнее обстоятельство сдѣлало необходимымъ пересмотръ учебныхъ плановъ 1872 года; для сего, по распоряженію моему, составлена была особая при ученомъ комитетѣ комиссия изъ соотвѣтственныхъ членовъ комитета, директоровъ всѣхъ С.-Петербургскихъ гимназій и 6-классныхъ прогимназій и инспекторовъ С.-Петербургскихъ 4-классныхъ прогимназій. Руководствуясь указаніями педагогической практики въ предшествовавшее пятилѣтіе и благодаря раздѣленію VII класса на два класса, означенная комиссия, по всестороннемъ обсужденіи учебныхъ плановъ 1872 года, признала сіи планы по закону Божію, по краткому курсу естествовѣдѣнія и по обимъ новымъ иностраннымъ языкамъ не подлежащими никакому измѣненію; по прочимъ же предметамъ гимназическаго преподаванія распредѣлила учебный матеріалъ между классами съ большею точностью и послѣдовательностію, приложивъ къ пересмотрѣннымъ учебнымъ планамъ объяснительныя записки и довольно подробныя программы, которыя и утверждены мною 8-го іюня 1877 года.

Въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета были обсуждаемы: порядокъ испытаній на первый классный чинъ и на званіе аптекарскаго ученика; правила и штаты городскихъ училищъ въ Ригѣ; программы и правила для рисовальныхъ классовъ при женской учительской семинаріи и при Маріинскомъ Ризположенскомъ училищѣ въ Москвѣ; уставъ ремесленнаго пріюта для бѣдныхъ дѣвочекъ въ Вятѣ Вятскаго благотворительнаго общества; проектъ устава вспомогательной кассы народныхъ учителей Черниговской губерніи; мнѣніе объ увеличеніи числа штатныхъ преподавателей въ учительскихъ семинаріяхъ Одесскаго учебнаго округа и о пополненіи бібліотекъ римско-католическихъ семинарій сочиненіями русскихъ писателей. Означеннымъ отдѣломъ было рассмотрѣно 208 печатныхъ книгъ и брошюръ, 20

рукописей, 2 сборника картинъ, 6 таблицъ и 1 пропись; изъ нихъ одобрены для употребленія въ низшихъ училищахъ и для народнаго чтенія 72 книги и брошюры, 3 рукописи по ихъ отпечатаніи, 1 собраніе картинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) УНИВЕРСИТЕТЫ.

Всѣ 8 университетовъ, относительно раздѣленія ихъ на факультеты и факультетовъ на отдѣленія, оставались безъ всякой перемены сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ.

Вакантныя каѳедры были слѣдующія:

1. По С.-Петербургскому университету:

- 1) Исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.
- 2) Исторіи славянскихъ законодательствъ.

Кромѣ того каѳедры:

Теоріи и исторіи искусствъ.
Церковной исторіи.
Минералогіи.
Римскаго права.
Финансоваго права.
Гражданскаго права

были заняты доцентами, а каѳедры Персидской словесности и Манчжурской словесности преподавателями по найму.

2. По Московскому университету:

- 1) Исторіи славянскихъ законодательствъ.
- 2) Исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.

Кромѣ того каедры:

по предмету ученія о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ и

по предмету ученія о повязкахъ и машинахъ были заняты — одна изъ нихъ преподавателемъ другого предмета, а другая — доцентомъ.

3) По Харьковскому университету.

- 1) Русской исторіи съ 1875 года.
- 2) Агрономіи съ сентября 1872 года.
- 3) Энциклопедіи права съ 1868 года.
- 4) Международнаго права съ 1872 года.
- 5) Итальянскаго языка.
- 6) Теоріи и исторіи искусствъ.
- 7) Исторіи русскаго права.
- 8) Исторіи славянскихъ законодательствъ.
- 9) Государственнаго права.
- 10) Церковнаго законовѣдѣнія.
- 11) Госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники.

Послѣднія семь кафедръ вакантны со времени введенія въ дѣйствіе устава 1863 года.

4. По Казанскому университету.

- 1) Римской словесности.
- 2) Исторіи всеобщей литературы.
- 3) Теоріи и исторіи искусствъ.
- 4) Вторая кафедра математики.
- 5) Агрономической химіи.
- 6) Физической географіи.
- 7) Каноническаго права.
- 8) Исторіи славянскихъ законодательствъ.
- 9) Частной патологіи и терапіи.

Кромѣ того двѣ каедры восточныхъ языковъ, положенныя по уставу 1863 года.

5. По Кіевскому университету св. Владиміра.

- 1) Русской словесности.
- 2) Греческой словесности.
- 3) Сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.
- 4) Церковной исторіи.

- 5) Геогнозіи и палеонтологіи.
 - 6) Политической экономіи и статистики.
 - 7) Исторіи славянскихъ законодательствъ.
 - 8) Церковнаго законовѣдѣнія.
 - 9) Сельскаго хозяйства и лѣсоводства.
- 6) По Новороссійскому университету.
- 1) Философіи.
 - 2) Римской словесности.
 - 3) Сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.
 - 4) Исторіи всеобщей литературы.
 - 5) Физической географіи.
 - 6) Энциклопедіи права.
 - 7) Государственнаго права.
 - 8) Церковнаго законовѣдѣнія.
 - 9) Международнаго права.
7. По Дерптскому университету.
- 1) Уголовнаго права.
 - 2) Географіи, этнографіи и статистики.
- Кромѣ того должности лекторовъ итальянскаго и латышскаго языковъ.
8. По Варшавскому университету.
- 1) Всеобщей исторіи (доцентура).
 - 2) Физической географіи.
 - 3) Агрономической химіи.

Ученые труды.

Въ теченіе 1877 года нижепоименованные профессоры издали и напечатали свои сочиненія:

1) С.-Петербургскаго университета:

Въ 1877 году преподаватели С.-Петербургскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Срезневскій — продолжалъ изданіе свѣдѣній о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ и другія начатія работы; Рождественскій — печаталъ первый выпускъ сочиненія „Историческое обозрѣніе священныхъ книгъ новаго завѣта“; Сухомлиновъ — написалъ рѣчь по случаю столѣтней годовщины рожденія Императора Александра I и

помѣщалъ статьи въ журналахъ „Русская Старина“ и „Древняя и Новая Россія“; Миллеръ издалъ сборникъ его критическихъ и публицистическихъ статей подъ заглавіемъ „Славянство и Европа“, напечаталъ вторымъ изданіемъ публичныя лекціи „О современной русской литературѣ“ и статью „Лордъ Байронъ и его судьба“; Веселовскій помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей въ журналахъ; Дестунисъ — издалъ, перевелъ и объяснилъ средневѣковую греческую былинку „Объ Артурѣ“ (въ Запискахъ историко-филологическаго факультета); Помяловскій издалъ: а) въ серіи: „Древніе классики для русскихъ читателей“ Платона, Горація, Теренція и Овидія, въ общедоступномъ изложеніи; б) „Переписку Оленина съ Гнѣдичемъ по поводу предпринятаго послѣднимъ перевода Гомеровою Иліады“; в) „Очеркъ науки древности Ф. А. Вольфа“ и по порученію св. синода составилъ „Христоматию изъ латинскихъ христіанскихъ писателей до Карла Великаго“; Бекетовъ занимался, въ качествѣ редактора, изданіемъ VIII тома Трудовъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, и напечаталъ переводъ II тома сочиненія Гризбаха „Растительность земнаго шара“ и „Объ уродливости цикорія“; Фаминцынъ приготовилъ къ печати курсъ физиологіи растений; Савичъ помѣстилъ въ Запискахъ Академіи Наукъ — статью „О вычисленіи солнечныхъ затмѣній“ и въ Бюллетенѣ Академіи — результаты его наблюденій надъ положеніемъ планетъ въ 1876 году; Чебышевъ въ Запискахъ Академіи Наукъ — мемуаръ подъ заглавіемъ „О приближенныхъ выраженіяхъ линейныхъ относительно двухъ полиномовъ“; Коркинъ записку „О частныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ втораго порядка“; Сохоцкій издалъ мемуаръ „Transformation du premier degré des fonctions élliptiques et sur le symbol de Lëganodre“; Золотаревъ напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ „Приложеніе эллиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ, наименѣе и наиболѣе отклоняющихся отъ нуля“ и „Объ ученыхъ трудахъ академика Сомова“ и въ Бюллетенѣ Академіи — замѣтку „Sur les nombres complexes“; Петрушевскій напечаталъ въ Журналѣ физическаго общества изложеніе сдѣланныхъ имъ опытовъ и фонометренныхъ измѣреній съ электрическимъ свѣтомъ; Ленцъ — статьи „О гальваническомъ сопротивленіи галоидальныхъ солей“ и „О вліяніи температуры на сопротивленіе проволоки Симета“; Кесслеръ — сочиненіе „Рыбы арало каспійско-понтійской ихтиологической области“; Менделѣевъ — 3-е изданіе „Основъ химіи“, „О коэффициентѣ расширения газовъ подъ разными давленіями“ и въ Revue scientifique —

„L'origine du pétrole“; Бутлеровъ въ Журналѣ химическаго общества мемуаръ объ изодибутилениѣ; Меншуткинъ — напечаталъ 3-мъ изданіемъ „Аналитическую химию“, помѣстилъ въ мемуарахъ Академіи Наукъ статью „О вліяніи изомерій спиртовъ и кислотъ на образованіе сложныхъ кислотъ“, редактировалъ нѣмецкій переводъ „Аналитической химіи“, сдѣланный докторомъ Бахомъ и изданный въ Лейпцигѣ, и редактировалъ IX томъ Журнала Русскаго химическаго общества; Овсяниковъ — продолжалъ изслѣдованіе надъ сосудодвигательными нервами и надъ строеніемъ головного мозга; весною 1877 года былъ на Волгѣ, гдѣ занимался изученіемъ развитія нѣкоторыхъ стадій зародышей стерлядей; Иностранцевъ напечаталъ отдѣльною книгою „Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи и его рудныхъ мѣсторожденій“ съ двумя картами и тремя хромолитографированными таблицами; Совѣтовъ переработалъ, сообразно съ новѣйшими данными, свое сочиненіе „О кормовыхъ травахъ“; по поводу сдѣланнаго имъ въ 1876 году агрономическаго путешествія по центральнымъ черноземнымъ губерніямъ Россіи, сдѣлалъ нѣсколько сообщений въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ и въ Петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ о положеніи хозяйства въ этихъ губерніяхъ; Янсонъ — напечаталъ „Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ налогахъ и о платежахъ“ и книгу „Россія и западная Европа. Опытъ сравнительной статистики Европы“; Андриевскій напечаталъ въ V томѣ Сборника государственныхъ знаній статью „Реформа исполнительнѣйшей полиціи въ Россіи“ и приступилъ къ печатанію составленнаго подъ его редакціею и издаваемаго Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ „Земскаго ежегодника за 1876 годъ“; Градовскій помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европейской Россіи“; Сергѣевичъ въ Вѣстникѣ Европы — „О причинахъ неудачъ Екатерининской законодательной комиссіи“; Таганцевъ редактировалъ Журналъ гражданскаго и уголовнаго права; Горчаковъ помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей и замѣтокъ въ V томѣ Сборника государственныхъ знаній, въ Русской Старинѣ и другихъ періодическихъ изданіяхъ; Мартенсъ напечаталъ IV томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, снабдивъ его историческими комментаріями; помѣщалъ отдѣльныя статьи въ Journal du droit international privé, въ Сборникѣ государственныхъ знаній и въ нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ и русскихъ повременныхъ изданіяхъ, составилъ для Annuaire de l'Insti-

tut de droit international отдѣлъ, касающійся Россіи; сочиненіе его „Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient“ вышло въ Парижѣ и Гентѣ, а затѣмъ переведено на нѣмецкій языкъ и издано съ значительными дополненіями подъ заглавіемъ „Die russische Politik in der orientalischen Frage“; Вреденъ приготовилъ второе изданіе своего курса политической экономіи; Березинъ издалъ VII, VIII и IX выпуски „Русскаго энциклопедическаго словаря“ Коссовичъ продолжалъ обширный свой трудъ объ отношеніяхъ Арійской отрасли языковъ къ языкамъ семитскимъ и изготовилъ къ печати нѣсколько древнихъ арамейскихъ текстовъ, сопровождаемыхъ сравнительной грамматикой и глоссаріемъ; Паткановъ напечаталъ: „Сочиненіе Ананіи Ширакаци, автора VII вѣка“ на древне-армянскомъ языкѣ и „Текстъ и переводъ армянской географіи VII вѣка, съ объяснительными примѣчаніями“; Хвольсонъ—три статьи подъ заглавіемъ „Послѣдняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти“ и статью „Возможны ли въ Турціи реформы въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ“; Гиргасъ занимался составленіемъ Арабскаго словаря къ изданной имъ христоматіи. Доценты Васильевскій продолжалъ изслѣдованіе о Византійской исторіи въ отношеніи къ Русской и напечаталъ относящіяся сюда три статьи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ заглавіемъ „Русско-Византійскіе отрывки“ Соколовъ напечаталъ рѣчь по случаю столѣтней годовщины Императора Александра I; Бобылевъ сочинилъ „О распредѣленіи электричества на проводникахъ, состоящихъ изъ неоднородныхъ частей“, представленное имъ на степень доктора физики; Фойницкій—по порученію Географическаго Общества составилъ программу для собиранія обычаевъ по уголовному праву, помѣщенную въ Трудахъ Общества, и напечаталъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовного права статью „О судебныхъ кодексахъ Германіи 1876 и 1877 годовъ“; Малышевъ—третій томъ курса гражданскаго судопроизводства и первый томъ курса гражданскаго права; Лебедевъ—въ Сборникѣ государственныхъ знаній—нѣсколько рецензій объ иностранныхъ и русскихъ новыхъ книгахъ, относящихся къ финансовому праву; баронъ Розенъ—каталогъ арабскихъ рукописямъ Петербургскаго института восточныхъ языковъ, Цагарели—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 г.“ и особо—переводъ съ объясненіями Сборника грузинскихъ сказокъ и басенъ XVII и XVIII столѣтій, извѣстнаго подъ названіемъ „Книга мудрости и лжи

Саввы Сулхана Орбелиани". Приватъ-доценты: Бакстъ — напечаталъ въ Archiv für Anatomie und Physiologie статью „О дѣйствіи максимальныхъ раздраженій различной продолжительности на нервъ, ускоряющій сердце“; Гоби—въ Трудахъ общества естествоиспытателей—„Багрянки или красивыя водоросли (Florideae)“ и „Объ одномъ изъ способовъ возрастанія слоевища флоспоровыхъ водорослей“ и въ Botanische Zeitung—„Ueber einige Phaeosporum der Ostsee und des Finnischen Meerbusens“, приготовилъ къ печати: „О флорѣ водорослей Бѣлаго моря“ и „О хлорофилленосныхъ (зеленыхъ) водоросляхъ Финскаго залива“; Боргманъ—сдѣлалъ изслѣдованіе надъ гальваническимъ сопротивленіемъ, помѣщенное въ Журналѣ физическаго общества; Егоровъ помѣстилъ въ томъ журналѣ изслѣдованіе надъ электрическимъ фотометромъ; Гезехусъ — въ томъ же журналѣ—изслѣдованіе надъ упругостію палладія; Шмальгаузенъ—въ Трудахъ общества естествоиспытателей „Изслѣдованіе надъ развитіемъ млечныхъ вѣстилицъ растений, въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ—„Растительные остатки Юруса Урса Восточной Сибири“, участвовалъ въ разработкѣ туркестанской флоры директора ботаническаго сада Е. Регеля и статьи по этому предмету печаталъ въ Трудахъ сада; Гриммъ—напечаталъ: „Каспійское море и его фауна“, выпускъ 2-й съ картой и тремя таблицами, „Къ ученію о простѣйшихъ животныхъ“, „Къ познанію фауны Балтійскаго моря и исторіи ея возникновенія“ (въ Трудахъ общества естествоиспытателей), „О дождевыхъ червяхъ“, „Къ вопросу объ охраненіи рыбъ“ и „О зависимости появленія вредныхъ насѣкомыхъ отъ степени культуры мѣстности“; Глазенацъ окончилъ три работы: „Опредѣленіе массы Юпитера по наблюденіямъ астронома доктора Фогеля надъ элонгаціями III и IV спутниковъ Юпитера“, „Гелиометрическія наблюденія разстояній центровъ Венеры и Солнца въ постѣ Камнерыболовъ, произведенныхъ имъ въ 1874 году во время прохожденія Венеры передъ Солнцемъ“ и „Вычисленіе абсолютныхъ возмущеній Юпитера“; эта послѣдняя работа предпринята по предложенію германскаго астрономическаго общества; Богдановъ—въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества „О черноземѣ и его практическомъ и научномъ значеніи“ и въ Journal für Ornithologie — „Der Saxanth-Höcher“ и Sorgfältige Mittheilung über die Calandrilla-Arten der Russischen Fauna“; Хвольсонъ — „О вліяніи проваливанія на электрическое сопротивленіе желѣзныхъ проволокъ, „О прохожденіи электрическаго тока черезъ плоскія пластинки“, „Объ электрической тео-

рин Эдлунда“ и „О функціи намагниченія“ и приготовилъ къ печати статью „О магнитныхъ индукціяхъ на двухъ шарахъ“; Залеманъ — замѣтки о серебряномъ кувшинѣ, хранящемся въ Императорскомъ эрмитажѣ. Лекторы: протоіерей Дорджеевъ — составилъ разговорный монголо-бурятско-русскій словарь; Флёрн — напечаталъ: „Récits, descriptions et dialogues gradués, suivis de divers extraits en vers et en prose, pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire méthodique“; „Разказы и описанія изъ лучшихъ русскихъ авторовъ“; „Un peuple réveillé par la grammaire“ (Extrait des Mémoires de la société académique de Cherbourg), „Lettre sur la poésie populaire du pays de la Nauva (Manche); Тёрнеръ — „Instruction for schools and Homes:

2) Московскаго университета:

Протоіерей Сергіевскій — въ Православномъ Обзорѣи нѣсколько проповѣдей, говоренныхъ въ университетской церкви; Поповъ — статьи: въ Сборникѣ Древняя и Новая Россія — „Осипъ Андреевичъ Баженинъ, эпизодъ изъ исторіи общественныхъ нравовъ Петровской эпохи“; въ Сборникѣ Древности — „Археологическое общество при Чешскомъ музеѣ и его журналъ“, въ Сборникѣ Племя — „М. П. Погодинъ, какъ славянскій публицистъ“, „Волненіе въ Босніи осенью 1873 года“, „Письмо изъ Константинополя отъ 1870 года“, „Болгарскій церковный вопросъ въ 1866 году“, въ Трудахъ этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія — „Французскій художникъ-этнографъ Теодоръ Валерій“, и произнесъ въ торжественномъ собраніи университета рѣчь „О внутреннихъ реформахъ и вѣншихъ дѣлахъ Александра I“; Вуслаевъ — напечаталъ „Русскую хрестоматію“ вторымъ изданіемъ и статью „О современномъ значеніи романа“; Герье — въ Сборникѣ государственныхъ знаній — „Очеркъ историческаго развитія французскаго государства“, въ Вѣстникѣ Европы — статью о теоріи и практикѣ женскаго образованія и три статьи объ Августѣ и основаніи Римской имперіи, и въ журналѣ Древняя и Новая Россія — статью „Союзъ Россіи съ Пруссіей въ 1813 году“; Дювернуа — приготовилъ къ печатанію изслѣдованіе о критическомъ достоинствѣ и историческомъ значеніи Архангельскаго Евангелія; Щуровскій — напечаталъ въ Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія статью „Общая программа для изслѣдованія костеносныхъ пещеръ“; Бредихинъ — напечаталъ IV-й томъ Анналь Обсерваторіи, въ который вошли различныя его работы, и въ Русскомъ Вѣстникѣ — „Труды Московской обсерваторіи въ 1876 году“;

Богдановъ — напечаталъ четыре вступительныя лекціи въ курсъ зоологій на медицинскомъ факультетѣ подъ заглавіемъ: „Форма и среда въ ихъ отношеніяхъ съ зоологіею и медициною“; издалъ подъ своею редакціею 4-й выпускъ „Протоколовъ засѣданій комитета антропологической выставки“, въ которыхъ помѣстилъ статьи: „Материалы для изученія цыганъ“, „Вопросы по изданію Лонарей“, „Предварительныя замѣтки о поѣздѣ въ Приволжье и Финляндію“; Слудскій въ Математическомъ Сборникѣ — „О свободныхъ движеніяхъ гибкой нерастяжимой нити“ и въ Вюллетенѣ Московскаго общества испытателей природы—„Zur Frage über das Gleichgewicht schwimmender Körper“; Бугаевъ—нѣсколько статей въ Bulletin des Mathématiques et d'Astronomie и „Курсъ начальной алгебры“ и „Вопросы къ алгебрѣ“; Марковниковъ—въ Журналѣ Русскаго химическаго общества изслѣдованіе „О производныхъ нормальной пировинной кислоты“; Ленковъ — продолжалъ редактировать Юридическій Вѣстникъ, въ которомъ помѣстилъ статьи: „О народномъ просвѣщеніи по указамъ Петра Великаго“ и „Библиографическое извѣстіе о разсужденіи доцента Ковалевскаго“; Павловъ — въ Читеніяхъ Общества исторіи и древностей „Грамоту Константинопольскаго патріарха Іереміи I о сербской церкви“, началъ печатаніе „Сборника источниковъ русскаго каноническаго права отъ XI до XV вѣка“ и оканчивалъ печатаніемъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Опыты по исторіи греко-русской полемики противъ Латинянъ съ XI до XV столѣтія“; Карасевичъ— въ Сборникѣ государственныхъ знаній „Мусульманское право и послѣдняя государственная реформа въ Турціи“ и въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„О значеніи и задачахъ науки права“; Умовъ—въ Юридическомъ Вѣстникѣ „О вліяніи отчужденія нанятаго имущества на существованіе найма“; Янжулъ — готовилъ къ печати второй томъ сочиненія „Англійская свободная торговля“; Матюшенковъ издалъ брошюры „Цѣль и задача университетскаго медицинскаго образованія“ и „Открытие бюста профессора Иноземцева въ анатомическомъ театрѣ факультетской клиники“; Соколовскій—печаталъ новое изданіе „Общей и частной фармакологіи“; Бабухинъ—въ Archiv für Anatomie und Physiologie статью „Beobachtungen und Versuche am Zitterweise und Mormyrus des Niles“; Захарьинъ—сообщилъ въ физико-медицинскомъ обществѣ о сифилитической пневмоніи и напечаталъ это сообщеніе въ Медицинскомъ Обзорѣнн. Экстраординарные профессора: Иванцовъ-Платоновъ изслѣдованіе „Объ источникахъ для исторіи древнихъ ересей“; Герцъ — въ Русскомъ Вѣст-

никѣ — „Раскопки г. Шлиманна въ Микенахъ“ и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ — нѣсколько мелкихъ статей „Объ археологич. и искусствѣ“; Лясковскій — въ *Landwirthschaftliche Versuchstationen* — „Объ обмѣнѣ газовъ, происходящемъ при созрѣваніи маслячныхъ сѣмянъ“ и въ *Zeitschrift für analytische Chemie* — „О новой реакціи на лимонную кислоту“; Булыгинскій редактировалъ переводъ „Физиологической химіи“ Гоппе-Зейлера; Зерновъ издалъ отдѣльной брошюрой изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ“. Лекторы: Фелькель — напечаталъ третьимъ изданіемъ рѣчи Цицерона *pro Archia* и *pro Ligaria* и вторымъ изданіемъ *pro Milone*, продолжалъ заниматься составленіемъ предисловія о стоической философіи, объясненій и подробныхъ примѣчаній къ книгамъ Цицерона *de officiis*; кромѣ того, приготавливалъ къ печати рѣчи Цицерона, записки Цезаря о Галльской войнѣ и 22-ю книгу Ливія вторымъ и третьимъ изданіями. Доценты: Коршъ — критическія замѣтки о нѣкоторыхъ мѣстахъ латинскихъ поэтовъ въ *Nordisk Tidskrift for Philologi* и докторскую диссертацию „Способы относительно подчиненія“; Сто роженко — статью „Г-жа Сталь и ея друзья“ по новымъ матеріаламъ, и написалъ предисловіе и примѣчанія къ русскому переводу сочиненія Жюно: „Шекспиръ, его жизнь и сочиненія“; Миллеръ издалъ изслѣдованіе „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ и напечаталъ статьи: въ Трудахъ общества любителей естествознанія — „Восточные и западные родичи одной русской сказки“, въ Вѣстникѣ Европы — „О пѣсняхъ Македонскихъ Болгаръ“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Замѣтки по поводу Сборника Верковича“ и „Миоѣ о Нюбѣ на Востокѣ“, и въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества — „О лютюмъ звѣрѣ народныхъ пѣсней“; Цвѣтаевъ напечаталъ „Сборникъ Осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологии и глоссаріемъ“ и продолжалъ изданіе подъ заглавіемъ: „*Inscriptions Oscae*“; Горожанкинъ занимался изученіемъ явленій развитія цвѣтка голосѣмянныхъ растений и о результатѣ работы сдѣлалъ сообщеніе въ засѣданіи общества любителей естествознанія; Сабанѣевъ напечаталъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества статью „Дѣйствіе цинка и цинковой пыли, какъ общая реакція отнятія галоидовъ и восстановленія галоидныхъ соединеній“; Муромцевъ — издалъ „Очерки общей теоріи гражданскаго права“ (ч. 1), и помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ рецензію на книгу „Патриціи и плебеи“; графъ Комаровскій издалъ монографію „Первое трехлѣтіе института междунаrodnаго права“; Ковалевскій напечаталъ въ Прагѣ

„Исторію полицейской администраціи въ Англіи въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ“, издалъ въ Лондонѣ „Сборникъ документовъ по исторіи мѣстнаго управленія въ Англіи“ и напечаталъ „Полицію рабочихъ въ Англіи въ половинѣ XIV вѣка“; Медвѣдевъ прочелъ восемь публичныхъ лекцій по предмету гигиены, которыя приготовлялъ къ печати; Ельцинскій редактировалъ Московскую медицинскую газету.

3) Казанскаго университета:

Ординарные профессора: Осокинъ—первую часть литографированнаго курса средневѣковой исторіи до XIII столѣтія и въ Русской Старинѣ „Описаніе пути Россійскаго и Санскритскаго посольства отъ Рущука чрезъ Шумлу въ Константинополь въ 1793 году“; Бодуэнъ-де-Куртенэ — въ Филологическихъ Запискахъ „Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки“, въ Сборникѣ государственныхъ знаній—критическій отчетъ о брошюрѣ „Der Materialismus und das Slaven-thum“; въ Извѣстіяхъ Казанскаго университета—„Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію во время заграничной командировки 1872—1873 гг.“ и „Начало подробной программы лекцій въ 1876—1877 учебномъ году“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — критическую замѣтку о книгѣ „Фонетика Кошубскаго языка“ и замѣтку о книгѣ „Beiträge zur slavischen Dialectologie von Lucian Malinowski“; Петровскій—„О трудахъ В. И. Григоровича въ области славянской филологіи“; Буличъ статью „Воспитаніе и юность Императора Александра“, которую читалъ въ день юбилея Императора Александра I въ торжественномъ собраніи университета; Леваковскій статью „О вліяніи воды на развитіе нѣкоторыхъ видовъ Salix“; Зайцевъ—результаты своихъ изслѣдованій по вопросу о превращеніи диэтилкарбинола въ метилпропилкарбинолъ; синтезъ и свойства диэтилуксусной и метилпропилуксусной кислоты; Штуке нбергъ—въ Трудахъ общества естествоиспытателей геологическія изслѣдованія 1876 и 1877 гг. и въ Трудахъ археологическаго съѣзда—статью „Каменные орудія и бронзовые вещи Печорскаго края“; Шпилевскій въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ и рѣчь подъ заглавіемъ „Заботы Императора Александра I о Казани“; Догель въ Archiv für mikroskopische Anatomie двѣ статьи: „Die Muskeln und Nerven des Herzens bei einigen Mollusken“ и „Die ganglienzellen des Herzens bei verschiedenen Thieren und bei Menschen“; Адамюкъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета „Офтальмологическія наблюденія“; Арнштейнъ

въ Запискахъ Вѣнской академіи наукъ—„Die Nerven der behaarten Haut“ и въ Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften—„Zur Kenntniss der gürgestrefsten Musculatur der Venen“. Экстраординарные профессора: Ворошиловъ въ Трудахъ Общества естествоиспытателей изслѣдованія: а) о судьбѣ мыль, вводимыхъ въ желудокъ, б) о количественномъ содержаніи гликогена въ различныхъ органахъ и объ условіяхъ со стороны питанія, измѣняющихъ величину его содержанія, в) о положеніи чувствующихъ и двигательныхъ путей по длинѣ шейвой части спиннаго мозга, и г) о ходѣ, мѣстѣ и способѣ прикрѣпленія сердечныхъ мышцъ; Щербаковъ—составилъ руководство для военныхъ врачей подъ заглавіемъ: „Способы санитарныхъ изслѣдованій. Часть первая: качественный и количественный анализъ водъ, употребляемыхъ для питья“. Доценты: Ге—статью: „Дѣятельность сифилитическаго отдѣленія Казанской земской больницы въ 1877 году“; Скворцовъ—въ Вѣстникѣ народной помощи—„Совѣты врача солдатамъ“ и „Краткій курсъ военно-полевой гигиены“, въ журналѣ Здоровье—„Положеніе гигиены въ нашей жизни“, въ Врачебныхъ Вѣдомостяхъ—„Лекціи по гигиенѣ питанія, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ“, въ Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и общественной гигиенѣ—„Основные вопросы народной гигиены“; Флавицкій—въ Журналѣ Русскаго химическаго общества статьи: „Объ окисленіи псевдопропилированнаго этил-гликола“ и „Къ вопросу о превращеніи псевдопрополэтилена въ триметил-этиленъ“; Бѣляевъ—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью подъ заглавіемъ „Отечество, любовь къ нему и смерть за него по Еврипиду“; Корсаковъ продолжалъ печатать въ Древней и Новой Россіи свою монографію „Объ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ“; приватъ-доцентъ Смирновъ напечаталъ: „Краткій отчетъ о магнитныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ 1876 году“ и „О климатѣ Казани“.

4) Харьковского университета:

Надлеръ въ журналѣ „Сѣверная Звѣзда“ статью „Османскіе Турки и балканскіе Славяне во второй половинѣ XIX вѣка“ и въ „Запискахъ Харьковского университета“ — разборъ сочиненія Воеводскаго „Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ“, Потебня „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка“, „Замѣчанія о пробной тетради (буква А) литовско-русско-польскаго словаря братьевъ Юшкевичей“, разборъ сочиненія П. Житецкаго; „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, „Слово о полку Игоревѣ“; Питра—въ Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik

статью „Versuche über die Drukkraft der Stammorgane bei den Erscheinungen des Blutens und Thränens der Pflanzen“; Имшенецкій въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques статью: „Solution générale du problème de L. Bertrand“; Ценковскій въ Мемуарахъ Академіи наукъ статью: „Къ морфологіи бактерій“; Шимковъ въ Запискахъ Харьковскаго университета первый выпускъ „Курса опытной физики“ и въ Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ—статью „Свѣтъ“; Морозовъ въ Трудахъ общества испытателей природы „Предсказаніе и изслѣдованіе бурь въ Россіи“, „Гидрографическій очеркъ Сѣвернаго Донца“ и „Гидрографическія явленія 1877 года“; Легермаркъ рефератъ „О ядовитыхъ краскахъ, заключающихъ мышьякъ“; Стояновъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статьи: „Финансовая администрація во Франціи отъ среднихъ вѣковъ до 1789 года“ и „Хроника юридическаго факультета Харьковскаго университета“; Владиміровъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній рецензію на сочиненіе Яроша: „Спиназа и его ученіе о правѣ“ и въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„Психическія особенности преступниковъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“; Гаттенбергеръ издалъ книгу: „Вѣнскій кризисъ 1873 года“; Зарубинъ изготовилъ статьи: „О нѣкоторыхъ случайностяхъ при тараноцентезіи“ и „Описаніе случая огнестрѣльной раны колыннаго сустава“; Крыловъ перевелъ сочиненія: д-ра Бирхъ-Гиршфельда—„Руководство къ патологической анатоміи“ и д-ра Орта—„Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ“; Лазаревичъ въ Запискахъ Харьковскаго университета—„Курсъ акушерства“, съ оригинальными рисунками въ текстѣ, и въ изданіи Лондонскаго акушерскаго общества—„Объ усовершенствованіи акушерскаго тупаго крючка“, сверхъ того, для Парижской всемірной выставки изготовилъ, съ описаніемъ, собраніе имъ изобрѣтенныхъ и усовершенствованныхъ инструментовъ; Якобій въ протоколахъ медицинской секціи общества опытныхъ наукъ статью „О вентиляціонныхъ формулахъ“; Тихоновичъ въ томъ же изданіи „О гремучихъ веществахъ съ теоретической и практической точки зрѣнія“; Кремьянскій статью: „О результатахъ опытовъ надъ вліяніемъ салициловой кислоты на консервированіе мясныхъ и хлѣбно-мясныхъ веществъ, особенно же на приготовленіе питательныхъ и удобнѣйшихъ для военнаго времени хлѣбно-мясныхъ сухарей“; Гиршманъ „Офтальмологическую статистику“, въ Ophthalmologische Statistik д-ра Кона и въ редактируемомъ имъ отдѣлѣ Jahresberichte Nagela за 1877 годъ. Доценты: Зеленогорскій въ Запискахъ Харьковскаго университета

„О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства“; Бѣлецкій въ Трудахъ общества испытателей природы „Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки“, „Критическая замѣтка по поводу изслѣдованія Тигеля о зависимости высоты мускульнаго сокращенія отъ силы электрическаго тока“ и „Матеріалы для физиологіи глаза птицъ“; Сыщенко — „Упрощенный гальванофарѣдическій лечебный снарядъ“. Приватъ-доценты: Погорѣлко въ Запискахъ Харьковскаго университета „Изслѣдованіе нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ движенія жидкостей“, Зайкевичъ „Физиологическія изслѣдованія надъ дыханіемъ ворней“; Ярошъ „Спиноза и его ученіе о правѣ“; Даневскій — „Очерки новѣйшей литературы международнаго права“; Куплеваскій — „Состояніе сельской общины въ XVII вѣкѣ на дворцовыхъ земляхъ и земляхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ“ и „Мнѣнія французскимъ и нѣмецкихъ писателей по вопросу объ административныхъ судахъ“; Ковалевскій — „Объ измѣненіи чувствительности кожи у меланхоликовъ“; лаборантъ Ярошевскій въ Трудахъ общества естествоиспытателей „Дополненіе къ списку двухкрылыхъ насекомыхъ Харькова и его окрестностей“. Ординаторы: Вышинскій въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества — „Случай раковаго пораженія желудка“, въ Московской медицинской газетѣ „Подожжнныя впрыскиванія карболовой кислоты противъ легочной чахотки“ и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ — „Матеріалы по клинической статистикѣ раковыхъ пораженій внутреннихъ органовъ“; Ломиковскій диссертацию, подъ заглавіемъ „Причина измѣненія внутреннихъ органовъ у животныхъ при задержкѣ кожной перспираціи“.

5) Кіевскаго университета:

Ординарные профессора: Иконниковъ — въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Обзоръ литературы русской исторіи за 1876 годъ, сверхъ того редактировалъ Университетскія Извѣстія; Гогоцкій — второе дополненное изданіе „Критическаго обзорѣнія сочиненія Троицкаго: „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“; Модестовъ — „Избранныя сатиры Горация съ примѣчаніями къ латинскому тексту и со статьею о Горации“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статьи: „Задача классической филологіи и разныя въ ней направленія“ и „Латинская надгробная надпись съ Аппіевой дороги“; Павловъ въ Кіевлянинѣ — „Оцѣнка передвижной выставки картинъ 1876 года“ и въ Пчелѣ — „Оцѣнка Кіевской мѣстной археологической выставки“, верхъ того представилъ на четвертый Казанскій археологическій

съѣздъ рефератъ подъ заглавіемъ: „О предметѣ касседры исторіи и теоріи искусствъ“; Рахманиновъ—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Объ управленіяхъ движенія твердаго тѣла около неподвижной точки“; Авенаріусъ—въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей „О растираніи жидкостей“ и въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg—„Ueber Volumenveränderung einer Flüssigkeit durch Temperatur und Druck“; Алексѣевъ напечаталъ отдѣльной книгой „Органическую химию“, въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей—„О Кавказскихъ минеральныхъ водахъ“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и въ Русскомъ Химическомъ Журналѣ—„Обзоръ русской химической литературы за 1876 годъ“ и для сего послѣдняго журнала реферировалъ работы, помѣщаемыя въ италянскомъ химическомъ журналѣ *Gazetta Chimica*; Ващенко-Захарченко—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Теоріи опредѣлителей и теоріи двоичныхъ формъ“ и началъ печатать „Евклида, съ комментаріями“; Ворцовъ—въ Трудахъ Арало-Каспійской экспедиціи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей „Водоросли Аральскаго моря“; Хандриковъ—занимался телеграфнымъ опредѣленіемъ разности долготъ Кіева и Варшавы; Бунге—въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей и въ Русскомъ Химическомъ журналѣ—„Химическая природа свекловичной студени“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Исторія и современное состояніе свеклосахарной промышленности“ и „Обзоръ книжной литературы по химической технологіи“, редактировалъ „Указатель русской литературы за 1876 годъ“, издаваемый Кіевскимъ обществомъ естествоиспытателей; Бунге—въ Сборникѣ государственныхъ знаний „Государство и народное образованіе“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—окончаніе курса по законамъ благоустройства, заключающее въ себѣ статьи: о народномъ образованіи, объ ученыхъ учрежденіяхъ, о невещественной собственности, о страхованіи и устройствѣ народныхъ сбереженій, о нищетѣ, благотворительности и общественномъ призрѣніи и объ обезпеченіи народнаго продовольствія; Кистяковскій въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Воспоминаніе объ ученой дѣятельности покойнаго профессора Чебышева-Дмитріева“, „Судъ Шеффеновъ въ русской юридической литературѣ“ и „Разработка вопроса о предрѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ при производствѣ уголовного суда“, въ Юридическомъ Вѣстникѣ „Профессоръ Н. Д. Иванішевъ и его сочиненія“; Рома-

новичъ-Славатинскій — въ Университетскихъ Извѣстіяхъ разборъ сочиненія; Ю. Шварца „Die Demokratie“ Владимірскій-Будановъ — въ Сборникѣ государственныхъ знаній „Уложение и Литовскій статутъ“ и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ разборъ книги „Исторія права Московскаго государства“; Демченко — въ Университетскихъ Извѣстіяхъ продолженіе изслѣдованія „О существѣ наслѣдства и призваніи къ наслѣдованію по русскому праву“; Бецъ — началъ изданіе „Анатоміи поверхности человѣческаго мозга; Перемежко въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей статья „Къ вопросу о строеніи кровеносныхъ сосудов“; Шеляревскій — въ Педагогической Библиотекѣ разборъ сочиненія „Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства“. Эстраординарные профессора: Лучинскій въ Revue historique — „Отчетъ о русской исторической литературѣ за 1876 годъ“ и окончаніе „Писемъ кардинала д'Арманьяка“ и въ Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français — продолженіе „Протоколовъ протестантскихъ политическихъ собраній“; Шиллеръ — въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „О взаимодействіи тѣлъ, погруженныхъ въ несжимаемую жидкость“; Бобрепкій — въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей „Къ вопросу о происхожденіи бластомеры у насѣомыхъ“. Доценты: Дашкевичъ — въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ей задачи“; Антоновичъ — въ Трудахъ Императорскаго Географическаго общества „Очеркъ суевѣрій въ юго-западномъ краѣ въ XVIII вѣкѣ“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — двѣ первыя главы сочиненія „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XV столѣтія“; въ изданіи Кіевской Археографической Коммиссіи — „Изслѣдованіе о гайдамачествѣ“, и занимался редакціею двухъ вышедшихъ томовъ „Собранія сочиненій М. А. Максимовича“; Крущевъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ“ и въ журналѣ Древняя и Новая Россія „Ксенія Ивановна Романова“; Терновскій въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Первые три вѣка христіанства“, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи „Нѣсколько данныхъ для статистики Казанской епархіи въ XVIII вѣкѣ, извлеченныхъ изъ архива св. синода“; Тимченко: въ Revue de Philologie — „Поправки къ текстамъ греческихъ авторовъ“ и „Отчетъ о филологической литературѣ въ Россіи за 1876 годъ“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Божество Промеей въ трагедіи Эсхила“, „Поправка къ текстамъ греческихъ авторовъ“ и оканчивалъ печатаніе перевода „Географія“ Страбона;

Базаровъ—въ *Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft* замѣтку объ опытахъ съ торпедами; Ермаковъ—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Интегрированіе уравненій механики“; Пиеино—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: „Коммерческія операціи государственнаго банка“ (вып. 1), „По поводу сочиненія Кауфмана: „Неразмѣнныя бумажныя деньги въ Англіи“ и „О чиншевомъ владѣніи“; Толочинъ—въ Медицинскомъ Вѣстникѣ нѣсколько случаевъ вѣнматочной беременности и изъ гинекологической практики; Афанасьевъ—перевелъ 1-ю часть XIII тома Патологій Цимсена и редактировалъ переводъ 1-й части XI тома того же сочиненія; Яценко—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго полеваго лазарета въ Сербіи“; приватъ-доцентъ Козловъ—въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: „Лекція объ основныхъ положеніяхъ философіи Шопенгауера“, рядъ статей подъ заглавіемъ „Философія дѣйствительности“ (изложеніе и разборъ философской системы Дюринга), критическій разборъ сочиненія Ренана „*Dialogues et fragments philosophiques*“, критическій разборъ сочиненія Геринга „*Raum und Stoff*“ и рядъ статей „Философія какъ наука“.

6) Новороссійскаго университета:

Исправляющій должность профессора православнаго исповѣданія Кудрявцевъ въ Христіанскомъ Чтеніи—„Рождественскій вечеръ у Славянъ“ и въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ—„Христіанскія обязанности въ отношеніи къ войнѣ и взаимному отношенію между юношами и старцами“. Ординарные профессора Шведовъ—„*Idées nouvelles sur l'origine des formes cométaires*“ и „Прицѣльный дальномѣръ, какъ новое средство обороны и атаки“; Вериго—въ *Berichte d. deutsch. Chem. Gesellschaft*, вмѣстѣ съ лаборантомъ Мелниковымъ, „*Ueber Bichlarpropiionsäure aus Glycerinsäure*“; Синцовъ—въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей „Описаніе нѣкоторыхъ видовъ мезозойскихъ окаменѣлостей изъ Симбирской и Саратовской губерній“, „Описаніе новыхъ и малоизслѣдованныхъ формъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи“ и „Замѣтку по поводу статьи профессора Тратшильда „*Ueber die Kreidefossilien Russlands*“; Патлаевскій—въ Сборникѣ государственныхъ знаний статью „О подоходныхъ налогахъ“; Цитовичъ—въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Теорію гражданскаго права“; Ярошенко и Вальцъ—помѣстили въ Запискахъ Новороссійскаго университета статьи: первый—„Курсъ проективной геометріи“, второй—„Index

seminum, quae hortus botanicus Universitatis Caesareae Novae Rossiae mutuo commutando offert". Эстраординарные профессора: Бондаковъ въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества —, Миниаторы греческой псалтири А. Д. Хлудова" и въ „Revue archéologique— „Les sculptures de la porte de Sainte Sabine à Rome"; Кочубинскій въ Запискахъ Новороссійскаго университета — отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1-го февраля, до 1-го июня 1876 года, томъ I-й и выпускъ I-го тома II-го сочиненія „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій"; Лигинъ въ Запискахъ математической секціи Новороссійскаго общества естественныхъ наукъ — „Очеркъ новыхъ воззрѣній Рело на математику" и въ Запискахъ Новороссійскаго университета — „Замѣтку о способѣ Кошле для механическаго рѣшенія уравненій"; Малининъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ" и „Комментарій къ 366-й статьи устава гражданского судопроизводства". Доценты: Успенскій въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: „Отчетъ о занятіяхъ въ теченіе минувшаго полугодія (май — октябрь 1876 года) заграничной командировки" и „О рукописяхъ исторіи Никиты Аюмината въ Царской національной библіотекѣ"; Воеводскій въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Этиологическія и міеологическія замѣтки. I. Чащи изъ человѣческихъ череповъ и тому подобныя примѣры утилизаціи яруна"; Перетятковичъ — напечаталъ отдѣльнымъ сочиненіемъ „Поводжье въ XV и XVI вѣкахъ" и въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Вступительную лекцію по русской исторіи"; Посниковъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Общинное земледѣліе"; Клименко въ тѣхъ же Запискахъ „Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ"; Бернштейнъ — въ Протоколахъ общества Одесскихъ врачей „Ракъ позвоночника"; Преображенскій и Петріевъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета: первый — „Объ интегрированіи нѣкоторыхъ уравненій съ частными производными", второй — „О моно- и ди-оксиманоловыхъ кислотахъ". Консерваторы Ритава и Репеховъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статьи, первый — „Къ вопросу о дыханіи растений", второй — „Взглядъ на современное состояніе вопроса о зародышевыхъ пластахъ". Сторонній преподаватель, заслуженный профессоръ Брунъ печаталъ русскій переводъ книги Иречка „Geschichte der Bulgaren", и помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—

„Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ“

7) Дерптскаго университета.

Профессоры: Фолькъ — напечаталъ вмѣстѣ съ профессоромъ Мюлау первый томъ „Wilhelm Gesenius, hebräisches und chaldäisches Wörterbuch über das alte Testament, 8-te Auflage, neu bearbeitet“, и помѣстилъ въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland „Ueber den Beweis für die Inspiration der Heiligen Schrift“ и въ Herzog-Real-Encyclopädie—нѣсколько статей по библейскому богословію и библейской исторіи; фонъ-Эттингенъ.— въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland статью „Ueber die Inspiration der Heiligen Schrift“ и нѣсколько рецензій въ Schärer—theologisches Literaturblatt; Энгельманъ — „Die Städteordnung für die baltischen Provinzen mit Einführungs- und Ergänzungsverordnungen übersetzt und herausgegeben“ и въ Dorpater Kalender статью „Die neue Städteordnung in ihrer Anwendung auf Dorpat“; Шмидтъ — въ Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft статью „Kritische Abhandlungen über Napiersky's Quellen des rigaschen Stadtrechts bis zum Jahre 1673“; Эрдманъ — въ томъ же изданіи „Die Einfachen Schuldforderungen des Art. 3633 des Provinzialrechts“; Лёвнигъ — „Geschichte des deutschen Kirchenrechts“; Ал. Шмидтъ — въ Comptes rendus Парижской академіи 2-й и 3-й выпуски „Mémoire sur la coagulation de la fibrine“; А. фонъ-Эттингенъ—въ Dorpater medicinische Zeitschrift: „Abtragung des Ciliarbodens bei Trichiasis“ и „Amblyopie und Amanrose nach Blutverlust“; Бётхеръ—въ Virchow-Archiv—„Ueber einige Veränderungen, welche die rothen Blutkörperchen in Extravasaten erleiden“, въ Zehender-Klinische Montagsblätter für Augenheilkunde—„Beschreibung eines Schädels“, въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg—„Eine neue Methode zur Untersuchung rother Blutkörperchen“, въ Max Schulze Archiv für mikroskopische Anatomie—„Ueber die feineren Structurverhältnisse der rothen Blutkörperchen“, въ Dorpater medicinische Zeitschrift—„Ein Fall von Fettembolie nach Schussverletzung“, въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift — „Ein Fall von Stichwunden der Leber nebst einigen Bemerkungen über die traumatische Hepatitis“ и „Ein Fall von Spinalapoplexie nach übermässiger Körperanstrengung“; Драгендорфъ—въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft—„Jahresbe-

richt über die Fortschritte der Pharmacognosie, Pharmacie und Toxicologie für 1876“, „Die Herbszeitlose im Bier, gedruckt im Auftrage des deutschen Brauerbundes“, въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft—„Ueber die Bestandtheile des Mutterkornes“, въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie—„Ueber die Alcaloïde des Delphinium Staphisagria“, въ Archiv für Pharmacie—„Ueber einige abyssinische Heilmittel: Add-Add, Tschuking und Kosata“, „Einige Notizen zur gerichtlichen Chemie“ и „Materialien zu einer chemischen Werthbestimmung des Flores Cinae“, Фогель—въ Deutsches Archiv für klinische Medicin „Ueber Arteriensyphilis und Hirnerweichung“, Бергманъ—въ St.-Petersburger Medicinische Zeitschrift и отдѣльно „Ueber die Unterbindung der Subelavia“, Вѣмъ—въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie: „Ueber Wiederbelebung nach Vergiftungen und nach Asphyxie“ и вмѣстѣ съ профессоромъ Гофманомъ—„Ueber das Verhalten des Glijcogen nach Injection desselben in den Kreislauf“, Стида въ Archiv für mikroskopische Anatomie—„Ueber den Bau der Menschenhoden“ и „Ueber quergestreifte Muskelfasern in der Wand der Lungenvenen“, въ Reichert-Archiv—„Einige Bemerkungen über die Injection von Leichen“, въ Archiv für Anthropologie—„Einleitende Bemerkungen zu Baer's Beschreibung der Schädel aus einem Scytischen Königsgrabe“, въ Военно-Медицинскомъ журналѣ—„Замѣчания по предмету улучшеній въ инъекціи труповъ“, Мейеръ—въ Bezzenberger-Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen—„Ueber die griechischen, insbesondere die homerischen Nomina auf εὖ“, „Zur Lehre vom lateinischen Vocalismus“, „Homerische ἴμυς, ἰέμας“ и „Elementum“, въ Hopfer und Zacher-Zeitschrift für deutsche Philologie—„Zur Lehre von der deutschen Adjectivflexion“, въ Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat—„Ueber einige ältere estnische Volkslieder und ein finnisches Lied bei Göthe“, въ Göttingensche gelehrte Anzeigen—„Besprechung von Arthur Brehme's Grammatik der deutschen Sprache für obere Classen deutscher Schulen in Russland“ и „Arthur Brehme's Elementargrammatik für untere Classen deutscher Schulen in Russland“, Брикнеръ—въ Russische Revue—„Der Wolf in Russland“ и „Zur Geschichte Peter III und Catharina II“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Патрикъ Гордонъ и его дневникъ“, въ Baltische Monatschrift—„Die Russen im Auslande“, въ Rielhistorisches Taschenbuch—„Russische Geldfürsten“, въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Рус-

кіе дипломаты-туристы въ Италиі въ XVII столѣтіи", Тейхмюллеръ — „Ueber die Frauenemanzipation“, Darwinismus und Philosophie“ и помѣстилъ въ Göttingensche gelehrte Anzeigen рецензію о „Bywater-Heraclite Ephesi Reliquiae“; Петерсенъ — „Atreus und Thyestes nach Sophocles“ и въ „Archäologische Zeitung“ статью „Theseus und Peirithoos“; Гершельманъ — диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: „Observationes Lucretianae alterae“; Мендельсонъ — въ Rheinisches Museum für Philologie „Ueber die römischen Urkunden bei Josephus“; Висковатовъ — въ Meyer Conversations-Lexicon „Aufsatz über die gesammte russische Literatur“; Шварцъ — въ Vierteljahrschrift der astronomischen Gesellschaft „Neue Methode die Collimation des Fernrohrs eines Meridiankreises zu bestimmen“; Миндинъ — въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg „Einige isoperimetrische Aufgaben“; К. Шмидтъ — въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg и въ Mélanges physiques et chimiques, tirés de Bulletin различныя статьи; Гревингъ — въ Archiv für Anthropologie „Zur Archäologie des Balticum und Russlands“ и „Ueber die Aussichten eines zu gründenden Baltischen Bohrvereins“, въ Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat — „Das Bohrloch von Purmallen bei Memel“, въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat — „Ein Steingrab Wolyniens und die Verbreitung gewisser Steinbellformen“ и „Ueber zwei Fibeln des Steinhaufens von Langensee in Livland“; А фонъ-Эттингенъ — въ Wiedemann-Annalen der Physik und Chemie „Der Entladungsrückstand der Leydener Batterie in seiner Abhängigkeit von der Beschaffenheit der isolirenden Substanz“; Руссовъ — „Delictus seminum horti Dorpatensis“; Вейраухъ — „Zehnjährige Mittel für Dorpat 1866—1875“ и въ Schlömilch-Zeitschrift für Meteorologie und Physik: „Ueber die Anzahl der Auflösungen einer diophantischen Gleichung ersten Grades mit vier Unbekannten in der allgemeinsten Form“. Астрономъ-наблюдатель Вакмундъ — въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg — „Zur Entwicklung der negativen ungeraden Potenzen der Quadratwurzel in Function $1-2y+y^2$ “ и въ Vierteljahrschrift der Astronomischen Gesellschaft — „Ueber die Jupiterstörungen des Enckeschen Comiten“. Лекторъ Веcke — „Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1877“ и „Ueber die estnischen Ortsnamen aufwere (im Deutschen auf-fer)“ и въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat — „Beiträge zur Sage von Kalewipoesy

aus dem Fellinchen“, „Mittheilungen über den Dialect auf der Inse Dago“ и „Beiträge zur Erklärung der Ortsamen auf were“; въ Jahrbuch des estnischen literarischen Vereins—„Gesetze der estnischen Lautlehre und Vorschläge zur Verbesserung der estnischen Orthographie“ и „Ueber die estnische Sprache und Literatur“. Доценты: Рейгеръ въ St.-Petersburger Medicinische Wochenschrift статьи: „Die Laryngotomie als diagnostischer und therapeutischer Eingriff bei Ulcerationem im Kehlkopf. Eine Extirpatio Laryngis wegen Carcinom der Stimmblätter“, „Bericht über den deutschen Chirurgen-Congress 1877“ и Correspondenz vom Kriegsschauplatz“, Кесслеръ „Zur Entwicklung des Auges der Wirbelthiere“, В. фонъ-Жиримъ въ Zeitschrift für Biologie—„Ueber das Verhalten der im Säugethierorganismus als Vorstufen des Harnstoffes erkannten Verbindungen zum Organismus der Hühner“, въ Baltische Wochenschrift — „Zur Errichtung einer Samencontrolstation in Dorpat“, „Untersuchung des Maschinentorfes aus Forell in Estland“ и „Samoreien auf der Dorpater Ausstellung 1877“. Приватъ-доценты: Дембергъ въ Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft: „Ueber Silicatumwandlungen“ и „Ueber Gesteinumbildungen bei Predazzo und am Monzoni“, Дыбровскій въ Verhandlungen der Kaiserlichen russischen mineralogischen Gesellschaft—„Die Châte-tiden der ostbaltischen Silurformation“ и въ Sitzungsberichte der Naturforschergesellschaft zu Dorpat — „Ueber die Kaspischen Mollusken“ и „Ueber die Spongillen der Ostseeprovinzen“.

8) Варшавскаго университета:

Ординарные профессора: Струве—выпустилъ въ свѣтъ 4-е издание Логикѣ, одобренной министерствомъ народнаго просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій; Мѣржинскій въ журналѣ Kłosy — „Археологическій конгрессъ въ г. Буда-Пештѣ“, въ сборникѣ Comptendu du congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques—„Sur quelques objets trouvés dans des sépultures en Lithuanie“; Макушевъ въ Славянскомъ Сборникѣ—„Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (по неизданнымъ итальянскимъ памятникамъ)“, „Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка“ и „Слѣды русскаго вліанія на старопольскую письменность“, въ сборникѣ Древняя и Новая Россія—„Станиславъ Трембэцкій, замѣчательнѣйшій сторонникъ Россіи въ польской поэзіи времени возрожденія“, въ Филологическихъ Запискахъ—„Чтеніе о важнѣйшихъ памятникахъ старочешской письменности“, и въ Славянскомъ

Ежегодникъ— „Забытый польскій поэтъ (О. Заць)“; Лэвестамъ напечатать: „Гейдъ-фонъ-Вердихингенъ, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ съ нѣмецкаго“, „Три персидскіе поэта“, и допечатать различныя статьи литературнаго, историческаго и критическаго содержанія въ изданіяхъ *Kłosy* и *Blätter für litterarische Unterhaltung*; Павлинскій напечатать III и IV томы „Сборника историческихъ источниковъ“, Стефанъ Баторій подъ Главнокомъ д. „Документы, относящіяся къ исторіи царствованія Стефана Баторія“; Алексѣевъ въ *Bulletin des sciences mathématiques*— „Note sur deux formules d'analyse“ и въ Трудахъ 5-го съезда русскихъ естествоиспытателей— „О функціяхъ Лежандра въ приложеніи къ эллиптическимъ функціямъ“; Восточковъ въ Трудахъ 5-го съезда русскихъ естествоиспытателей „О разложеніи функціи $\frac{1}{D} = (V^2 - 2VV_1 \cos(VV_1 + V_1^2))^{-1/2}$ въ рядъ по степенямъ эксцентритетовъ“; Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ— „Головня морскаго шавеля“, въ *Botan. Zeit. v. de Bary und Kraus*— „Der Brand des Seemfers“, въ *Nuovo giorn. botan. italiano*— „Notice sur une nouvelle Ustilaginée, „Aperçu systématique des Ustilaginées, leurs plantes nourricières et la localisation de leurs spores“ (сочиненіе, представленное на международный конгрессъ ботаниковъ въ Амстердамѣ), въ *Bulletin des naturalistes de Moscou*— „Zur Kenntniss der Eutyloma Aren“, въ Запискахъ Московскаго Общества испытателей природы— „Revue des plantes nourricières des Ustilaginées“; Юркевичъ въ журналѣ *Bluszcz*— „Изъ области природы“, въ журналѣ *Kłosy*— „Научныя бесѣды“, въ журналѣ *Природа и Промышленность*— „Ученая дѣятельность Сентъ-Клеръ-Девіля“, „Карлъ-Эрнестъ Бэръ“ и „Агаты“, Кашница—въ журналѣ *Niwa* статью „Zasady i polityka“; Симоненко въ Сборникѣ государственныхъ знаній—критическую статью на книгу: *Statystyka rodnawcsza Królestwa Polskiego*; Балецкій въ *Gazeta Sądowa* «Отчетъ о состояніи Варшавскаго Общества земледѣльческихъ колоній для исправленія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ»; Бродовскій въ Трудахъ 5-го съезда русскихъ естествоиспытателей, совместно съ профессоромъ Левитскимъ, статью: „Одинъ случай такъ называемой желтой атрофіи печени“; Гирштовъ—въ Медицинской Газетѣ продолженіе „Руководства къ хирургіи“ и „О выпиливаніи колѣннаго и бедреннаго суставовъ“; Андреевъ въ журналѣ *Современная Медицина*: окончаніе статьи „Современное состояніе вопроса о колтунѣ“ и „За-

мѣтку о томъ, что первый прижизненный діагнозъ *Leukemiae myelogenicae* сдѣланъ въ бывшей его клиникѣ въ 1872 году, а не Модеромъ въ 1876 году"; Тирховскій—въ *Pamiętniku Towarzystwa Lekarsk. Warszawskiego*: „Przeciętne znaczenie dojrzałości płeiowej u kobiet u Królestwie Polskiem“; Гойеръ въ Трудахъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей—„О значеніи практическихъ научныхъ учреждений“ (рѣчь, произнесенная на 2-мъ общемъ засѣданіи 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей) и въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*—„*Protocolle der Sitzungen der Section für Zoologie und vergleichende Anatomie der V. Versammlung russischer Naturforscher und Aertzte in Warschau*“; Лямбль въ журналѣ *Prager Vierteljahrsschrift für praktische Heilkunde* „*Fibromyoma vaginae*“ съ полнотипажамъ въ текстѣ; сдѣлалъ нѣсколько сообщений о своихъ изслѣдованіяхъ и клиническихъ наблюденіяхъ во время 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ; Левитскій—въ *Berliner klinische Wochenschrift* „*Ein Fall v. periphaeumeningitidis spinalis*“, въ *Archiv Руднева*—„Случай полной лейкеміи (*Leucaemia lymphatico-lienale-myelogenica*)“, совместно съ профессоромъ Бродовскимъ,—„*Ein Fall. v. sogenannten acut. gelb. Leberatrophie*“, въ Трудахъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Случай острой желтой атрофіи печени“; Косинскій въ *Pamiętn. Tow. Lekarsk.*—„Туберкулезная язва языка, излеченная помощію операціи“, „О почечныхъ камняхъ“ и въ *Centralblatt für Chirurgie*—„Полная экстирпація гортани (*Totale Extirpation des Kehlkopfes*)“. Экстраординарные профессора: Колосовъ въ Запискахъ Академіи наукъ — „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія“, въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка“ и въ Филологическихъ Запискахъ—„Почему въ родительномъ падежѣ прилагаемое окончаніе *ю* смѣнилось на *ю*“; Первольфъ въ сборникѣ Древняя и Новая Россія—„Фридрихъ, князь Острожскій“ и „Императоръ Александръ I и Славяне“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне“ и въ Вѣстникѣ Европы—„Мадьяры и восточный вопросъ“; Яковлевъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Историческій очеркъ русской печати въ Привислянскомъ краѣ“; Ганинъ въ Трудахъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей: „Матеріалы къ познанію постэмбриональнаго развитія насѣкомыхъ“ и „Наблюденія надъ эмбрио-

нальнымъ развитіемъ *Pelodera teres*“, и редактировалъ сборникъ работъ зоологической секціи 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей; Андреевскій въ *Nouvelles annales des mathématiques* статью „Sur une méthode de variation des paramètres dans les intégrales indéfinies“; Вржесніовскій въ Трудахъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей — „Матеріалы для естественной исторіи наливочныхъ животныхъ“ и въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie — Beiträge zur Naturgeschichte der Infusorien*“; Сонинъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „О распространеніи теплоты въ кристаллахъ“; Миклашевскій издалъ „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изд. 1866 года для Царства Польскаго, съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената“ и 3-й томъ „Руководства для гминныхъ судовъ Царства Польскаго“; Окольскій — издалъ „Гражданское право“ (третій томъ руководства для гминныхъ судовъ) и помѣстилъ въ журналѣ Нива статью „О земскихъ учрежденіяхъ въ Россіи“; Самоквасовъ издалъ „Сборникъ общаго права сибирскихъ инородцевъ“; Лучкевичъ издалъ переводъ съ нѣмецкаго на польскій языкъ „Гигіены“ Эстерлена и помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ многія статьи гигиеническаго и популярно-медицинскаго содержанія; Навроцкій въ журналѣ *Medycyna* статью „Вліяніе нервовъ на отдѣленіе пота“; Барановскій въ періодическомъ изданіи *Ramiętn. Tow. Lekarskiego* статьи „*Rak zotadka*“ и „*Zemnica*“, отдѣла сочиненія доктора Халубинскаго. Доценты: Трейдосевичъ въ Трудахъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей — „Объ исключительномъ богатствѣ окаменѣлостей въ девонскихъ кварцитахъ Царства Польскаго“ и въ журналѣ *Przegląd krytyczny* — критику на сочиненіе „*Die Wirkungen der Winde auf die Gestaltung der Erde, von D-r Franz Czerny*“; Шимановскій „Матеріалы для исторіи банковыхъ учреждений въ Польшѣ до начала XIX столѣтія“ и „О podatku dochodowym“; Пленсковскій въ Медицинской Энциклопедіи: „Мясо въ гигиеническомъ отношеніи“ и „Молочные продукты относительно физиологическихъ и діетическихъ условий“; Фудаковскій въ Трудахъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей статью „О галактозіи“; Нейгебауэръ въ *Vierteljahreschrift für die practische Heilkunde* „*Fibromyoma vaginae. Beitrag zur Lehre von den Vaginal-Stenosen*“, въ Современной Медицинѣ — „Отчетъ о гиліатрическихъ операціяхъ, произведенныхъ въ теченіе 1876 года въ больницѣ св. Духа“, о „Объ инородныхъ

тѣлахъ въ мочево́мъ ну́мерѣ у женщинъ"; Вольфрингъ въ Трудѣхъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей „Къ ученію о развитіи раппус'а". Приватъ-доцентъ Баранецкій напечаталъ въ Трудѣхъ 5-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей „О составленіи сопряженной системы всѣхъ линейныхъ субституцій вида $Kz\ Kxz + b$ ". Старшій астрономъ-наблюдатель Ковальчикъ — помѣстилъ въ Берлинскомъ астрономическомъ календарѣ „Jahresephemeriden der Planeten Neptunia und Tisbe für das Jahr 1877".

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (22-го мая 1879 г.). О передачѣ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія окружныхъ училищъ и заводскихъ школъ горнаго вѣдомства.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, по разсмотрѣніи представленія министра государственныхъ имуществъ о передачѣ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія окружныхъ училищъ и заводскихъ школъ горнаго вѣдомства, мнѣніемъ своимъ Высочайше утвержденнымъ, положилъ:

1) Окружныя училища: Златоустовское, Гороблагодатское, Воткинское и Екатеринбургское, равно какъ всѣ горнозаводскія мужскія и женскія школы въ Екатеринбургскомъ, Златоустовскомъ, Гороблагодатскомъ, Камсковооткинскомъ и Луганскомъ горныхъ округахъ, а также въ Юговскомъ, Олонецкихъ, Пермскихъ и Алагирскомъ горныхъ заводахъ передать, по окончаніи истекающаго учебнаго года, изъ горнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

2) Изъ зданій, занятыхъ сими училищами и школами, передать въ министерство народнаго просвѣщенія только тѣ, кои построены исключительно для школъ; зданія же лишь временно занимаемыя этими учебными заведеніями и заводамъ необходимыя, оставить въ вѣдѣніи горнаго вѣдомства и помѣщеніе въ оныхъ школъ допустить также только временно, впродъ до присканія новыхъ помѣщеній ми-

нистерствомъ народнаго просвѣщенія, по ближайшему о томъ соглашенію мѣстныхъ горнаго и учебнаго начальствъ.

3) Изъ суммы, ассигнуемой нынѣ по смѣтѣ горнаго департамента на содержаніе передаваемыхъ училищъ и школъ, въ размѣрѣ двадцати четырехъ тысячъ пятисотъ тридцати трехъ рублей шестидесяти семи коп., перенести въ ст. 2 § 11 смѣты министерства народнаго просвѣщенія ту часть, которая окажется на лицо во времени передачи упомянутыхъ учебныхъ заведеній, и

4) Определеніе самаго порядка передачи и срока, съ котораго таковая должна быть начата, предоставить взаимному соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ.

2. (5-го сентября 1879 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Дертевымъ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на принятіе завѣщаннаго штабъ-лекаремъ, коллежскимъ совѣтникомъ Дертевымъ капитала въ четыре тысячи рублей, заключающагося въ билетахъ нижегородскаго Александровскаго дворянскаго банка на учрежденіе при Казанскомъ университетѣ одной стипендіи, имени завѣщателя.

3. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго волостными сходами всѣхъ волостей поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ) Камышинскаго и Атеарскаго уѣздовъ капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ государственныхъ 5⁰/₁₀₀ билетахъ, одной стипендіи при Камышинскомъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной „стипендія тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Галкина-Врасскаго“.

4. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Ревельскихъ Александровской мужской гимназій и женской прогимназій.

Ревельское русское купечество, въ ознаменованіе радостнаго избавленія Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей 2-го апрѣля сего года опасности, внеся въ Ревельское губернское казначейство собранный имъ капиталъ въ тысячу рублей, заключающійся въ

10-ти билетахъ 3-го восточнаго займа, ходатайствовало объ учрежденіи двухъ стипендій Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени: одной—при Ревельской Александровской мужской гимназіи, на проценты съ 600 руб., и другой—при Ревельской женской прогимназіи на проценты съ 400 руб.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить жертвователей.

5. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи—ссуды при Казанскомъ университетѣ.

Почетитель Казанскаго учебнаго округа донесъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищу министра, что преподаватель Симбирской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Проворовъ, представивъ въ правленіе Казанскаго университета капиталъ въ три тысячи рублей, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ, ходатайствовалъ объ учрежденіи на проценты сего капитала, одной стипендіи-ссуды, при помянутомъ университетѣ, съ наименованіемъ оной „Алексѣево-Петровской“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Казанскомъ университетѣ одной стипендіи-ссуды, съ наименованіемъ оной „Алексѣево-Петровской“.

6. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Дерптскомъ городскомъ училищѣ.

Прихожане Дерптской Успенской церкви, послѣ благодарственнаго молебствія о спасеніи драгоцѣнной жизни Государя Императора 2-го апрѣля сего года, собравъ между собою сумму 400 р., ходатайствовали, въ память благодарности къ Божьему Промыслу, объ учрежденіи, на проценты съ означенной суммы, двухъ стипендій при Дерптскомъ городскомъ училищѣ, подъ наименованіемъ „благодарственная память 2-го апрѣля 1879 г.“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

7. (8-го сентября 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Дерптскомъ городскомъ училищѣ.

Дерптскій купецъ Кирилль Ефимовичъ Черновъ, доставивъ мѣстному директору училищъ двѣ 5⁰/₀ облигаціи третьяго восточнаго займа на 200 р., ходатайствовалъ обь учрежденіи на проценты съ этого капитала, при Дерптскомъ городскомъ училищѣ стипендіи, имени покойнаго сына его Николая Кирилловича Чернова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

8. (8-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендій при Ревельскихъ мужской Александровской гимназій и женской прогимназій.

Ревельское русское купечество, въ ознаменованіе радостнаго избавленія Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей 2-го апрѣля сего года опасности, внеся въ Ревельское губернское казначейство собранный имъ капиталъ въ тысячу рублей, заключающійся въ 10-ти билетахъ 3-го восточнаго займа, ходатайствовало обь учрежденіи двухъ стипендій Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени: одной—при Ревельской Александровской мужской гимназій на проценты съ 600 руб., другой—при Ревельской женской прогимназій на проценты съ 400 р.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить жертвователей.

9. (31 сентября 1879 г.). Обь учрежденіи при Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинаріяхъ преміи „Юрія Федоровича Самарина“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день текущаго сентября, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинаріяхъ вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія преміи „Юрія Федоровича Самарина“, для выдачи въ награду одному изъ отличнѣйшихъ учениковъ изъ православныхъ Эстовъ и Латышей Прибалтійскихъ губерній, окончивающихъ курсъ въ названныхъ семинаріяхъ, кои получили первоначальное образованіе въ состоящихъ подъ покровительствомъ При-

балтійскаго православнаго братства во Имя Христа Спасителя школахъ, на счетъ процентовъ съ капитала въ 1000 руб., пожертвованнаго общимъ собраніемъ Саратовскаго отдѣленія означеннаго братства.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

14-го августа 1879 года. (№ 10). Производится: старшій учитель Виленскаго Островоротнаго двухкласснаго приходскаго училища Иванъ Горбацевичъ — въ коллежскіе регистраторы, съ 29-го юля 1879 года (Выс. пов. 29-го Юля 1879 года).

Утверждаются: членъ правленія лицея Цесаревича Николая, статскій совѣтникъ Катковъ — директоромъ сего лицея.

Баронъ фонъ-Ганъ-Шнепельнъ и баронъ фонъ-Гейкингъ — почетными попечителями гимназій: первый — Гольдингенской и послѣдній — Митавской, оба на три года.

Командируются: Членъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Георгіевскій — на два мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи.

Учитель Кіевской первой гимназій Турцевичъ — на одинъ годъ за границу, съ ученою цѣлю.

Увольняется въ отпускъ за границу: учитель С.-Петербургскаго Андреевскаго городскаго училища Орелкинъ — на одинъ годъ, по болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (3-го марта 1879 года). Положеніе о стипендіи имени Ефима Роштейна при С.-Петербургской первой гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На проценты съ представленнаго женою маіора Екатериною Роштейнъ капитала въ тысячу руб., заключающагося въ облигаціи восточнаго займа за № 102,706, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 10-го января 1879 г., при С.-Петербургской первой гимназій одна стипендія, съ наименованіемъ „стипендія Ефима Роштейна“.

2. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на плату за право ученія одного ученика въ С.-Петербургской первой гимназій.

3. Право назначенія ученика на эту стипендію предоставляется жень майора Еватеринѣ Роштейнѣ, а по смерти ея—педагогическому совѣту С.-Петербургской первой гимназій.

4. Означенная облигація хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій.

2. (23-го іюня 1879 г.). Инструкція преподавателямъ для болѣе правильнаго веденія упражненій въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Для успѣшнаго хода преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ необходимо, чтобы въ преподаваніи этого предмета принимали участіе всѣ учителя безъ исключенія. Всѣ они должны требовать отъ учениковъ, начиная съ приготовительнаго класса, отвѣтовъ, выраженныхъ полными предложеніями, точно и правильно. Преподаватели же, задающіе какія бы то ни было письменныя работы, должны внимательно исправлять орфографическія и стилистическія ошибки, не пропуская ни одной. Обязанность слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого требованія возлагается на директоровъ, инспекторовъ и въ особенности классныхъ наставниковъ гимназій и прогимназій.

2. Желательно, чтобы въ низшихъ классахъ преподаваніе латинскаго и отечественнаго языковъ соединялось въ рукахъ одного преподавателя, но изъ числа преподавателей древнихъ языковъ—такихъ, которые могутъ вести вполнѣ успѣшно преподаваніе русскаго языка.

3. Во время пропускаемыхъ по какой-либо случайной причинѣ уроковъ и тѣмъ же предметомъ не замѣщаемыхъ, слѣдуетъ въ младшихъ классахъ занимать повѣрочнымъ диктантомъ, а въ старшихъ письменными переводами или изложеніемъ прочитаннаго на урокахъ древнихъ языковъ. Эти диктанты могутъ производить директоръ, инспекторъ и даже помощники классныхъ наставниковъ. Какъ диктанты, такъ и темы для письменныхъ изложеній должны давать заглавнымъ образомъ, съ одобренія педагогическаго совѣта, учитель русскаго языка и исправлять сдѣланныя учениками работы.

4. Вознагражденіе за трудъ исправленія письменныхъ упражненій должно быть распредѣляемо равномерно труду преподавателей и соответствовать числу классовъ, въ которыхъ преподаетъ учитель

въ младшихъ классахъ слѣдуетъ платить приблизительно отъ 20 до 40 руб. (смотря по числу учениковъ), а въ 4-хъ старшихъ отъ 30 до 50 (также соразмѣрно съ числомъ учениковъ). Точный же размѣръ вознагражденія за исправленіе ученическихъ работъ опредѣляется въ началѣ каждаго учебнаго года педагогическимъ совѣтомъ и утверждается попечителемъ учебнаго округа.

5. Весьма желательно устройство литературныхъ бесѣдъ съ участіемъ въ нихъ учебнаго начальства и, по возможности, всѣхъ преподавателей, съ тѣмъ, чтобы предметомъ ихъ были сочиненія не только по русской словесности въ тѣсномъ смыслѣ, но и по всѣмъ другимъ предметамъ гимназическаго курса.

6. Въ виду тѣхъ же цѣлей, къ которымъ стремились въ данномъ вопросѣ германскіе педагоги, слѣдуетъ ввести устные сочиненія (*freie Vorträge*) по предметамъ русской литературы, древнихъ языковъ, исторіи и другихъ предметовъ, съ тѣмъ однако, чтобы 1) подготовленіе не слишкомъ затрудняло учениковъ и 2) отъ учениковъ не требовали бы красоты изложенія (легко переходящаго въ фразерство), а только ясности и правильности.

Въ виду подготовленія къ нимъ учениковъ, учителя другихъ предметовъ должны обращать вниманіе во всѣхъ классахъ на то, чтобы ученики излагали уроки связно, правильнымъ языкомъ, а учитель русскаго языка съ младшихъ классовъ долженъ обращать вниманіе на выразительное чтеніе и произношеніе заученныхъ стихотвореній.

7. Слѣдуетъ обратить большее, чѣмъ до сихъ поръ, вниманіе на переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ. Переводы и изложеніе содержанія прочитаннаго на урокахъ древнихъ языковъ могутъ служить удобнымъ матеріаломъ для классныхъ упражненій въ старшихъ классахъ, упражненій, ограниченныхъ часомъ времени.

8. Желательно, чтобы большее, сравнительно съ теперешнимъ, количество темъ касалось изучаемаго въ классахъ древнихъ языковъ, дабы матеріалъ этотъ, такъ сказать, входилъ въ плоть и кровь учащихся; для облегченія же учителя русскаго языка, нигдѣшаго въ своемъ распоряженіи такъ мало уроковъ, темы для такихъ сочиненій жогъ бы разрабатывать преподаватель латинскаго или греческаго языковъ.

9. Minimum и maximum письменныхъ упражненій должны назначать въ началѣ каждаго учебнаго года классная коммиссія и педагогическій совѣтъ гимназій или прогимназій, соотвѣтственно составу классовъ и характеру темъ; когда и въ какомъ порядкѣ педагогиче-

скій совѣтъ долженъ обсуждать темы, заранѣе объяснено въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 30-го сентября 1878 года № 10401.

10. Необходимо обязать всѣхъ преподавателей русскаго языка и словесности доставлять по окончаніи каждаго учебнаго года, чрезъ педагогическій совѣтъ, попечителю учебнаго округа, для напечатанія въ циркулярахъ округа, свѣдѣнія о томъ: а) какія темы даны были ученикамъ для самостоятельныхъ сочиненій въ истекшій учебный годъ въ классахъ отъ V до VIII включительно; в) сколько описаній, повѣствованій и переложеній было сдѣлано въ младшихъ классахъ, съ распредѣленіемъ по классамъ; с) давались ли въ младшихъ классахъ темы для самостоятельныхъ сочиненій и какія именно?

3. (4-го августа 1879). Уставъ Юридическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Цѣль и составъ общества.

1) Юридическое общество при Новороссійскомъ университетѣ имѣетъ цѣлью теоретическую и практическую разработку права по всѣмъ его отраслямъ и распространеніе въ обществѣ юридическихъ свѣдѣній.

2) Для достиженія означенной цѣли общество имѣетъ свои періодическія собранія; издаетъ, на основаніи существующихъ узаконеній, свои протоколы, отчетъ, записки или журналы, а также юридическія изслѣдованія или сборники, или содѣйствуетъ изданію такихъ изслѣдованій и сборниковъ; назначаетъ преміи за составленіе и изданіе ихъ; снаряжаетъ ученыхъ экспедиціи для изученія и собранія обычаевъ или для другихъ научныхъ цѣлей; устраиваетъ, на основаніи существующихъ постановленій, публичныя лекціи и сѣзды русскихъ юристовъ и принимаетъ всякаго рода законныя мѣры для достиженія своихъ цѣлей.

3) Общество можетъ раздѣлиться на отдѣленія по спеціальнымъ отраслямъ права, когда, по количеству специалистовъ-членовъ, сочтеть это возможнымъ, не испрашивая на это особыхъ разрѣшеній.

4) Общество составляютъ: а) почетные члены, б) дѣйствительные и в) сотрудники.

5) Дѣлами общества управляетъ совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя общества, его товарища, изъ предсѣдателя отдѣленій, когда

таковыя будутъ, и трехъ членовъ. Изъ числа членовъ одинъ исполняетъ должность секретаря, а другой казначея общества.

9) Общество имѣеть свою печать съ надписью: „Юридическое общество при Новороссійскомъ университетѣ“.

7) Сношенія общества съ посторонними мѣстами и лицами производятся чрезъ предсѣдателя.

Избраніе членовъ общества, ихъ права и обязанности.

8) Почетными членами могутъ быть лица, оказавшія особыя заслуги юридической наукѣ или значительное содѣйствіе обществу. Они избираются въ годовыхъ собраніяхъ общества, по предложенію совѣта, открытою подачею голосовъ. На это званіе выдаются дипломы, за подписью всѣхъ членовъ совѣта.

9) Дѣйствительными членами могутъ быть только лица, получившія высшее юридическое образование или извѣстныя въ литературѣ своими трудами въ юридической наукѣ. Желавшій поступить въ дѣйствительные члены долженъ быть предложенъ не менѣе чѣмъ двумя дѣйствительными членами, которые должны засвидѣтельствовать, что предлагаемый ими кандидатъ соотвѣтствуетъ условіямъ, обозначеннымъ выше.

Примѣчаніе. Учредители общества считаются дѣйствительными членами, не подвергаясь избранію.

10) Дѣйствительные члены вносятъ въ кассу общества ежегодно не менѣе 10 р. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ 100 р.

Примѣчаніе. Годовая плата вносится вступающимъ вновь членомъ сполна, хотя бы онъ поступилъ и въ концѣ года, считая срокъ взноса съ 19-го февраля.

11) Дѣйствительные члены избираютъ и могутъ быть избираемы во всѣ должности по обществу.

12) Почетные члены могутъ быть и дѣйствительными, по заявленію ихъ о томъ совѣту общества и съ принятіемъ на себя всѣхъ обязанностей дѣйствительнаго члена, не подвергаясь избранію.

13) Лица, изъявившія готовность доставлять обществу нужныя ему свѣдѣнія, принимаются, по представленіямъ совѣта, въ члены-сотрудники. Они не обязываются къ денежнымъ взносамъ, а въ собраніяхъ общества имѣють голосъ только совѣщательный.

14) Всѣ члены общества получаютъ бесплатно протоколы засѣданій и отчеты общества.

15) Дѣйствительный членъ, не внесшій два года сряду слѣдующихъ съ него платежей, а сотрудникъ, недоставлявшій свѣдѣній послѣ двукратнаго требованія икъ отъ него совѣтомъ, считаются сложившими съ себя эти званія. Выбывшій за невозможность платы дѣйствительный членъ зачисляется вновь въ списки общества безъ баллотировки, если полностью покроетъ свои недоимки.

16) Всѣ выборы по обществу, за исключеніемъ избранія въ почетные члены, производятся закрытою баллотировкою по большинству голосовъ. Избраніе въ должности предсѣдателя, товарища его и членовъ совѣта производится изъ кандидатовъ, предложенныхъ записками большинствомъ членовъ собранія.

17) Какъ предсѣдатель, его товарищъ, такъ и члены совѣта избираются на 3 года.

18) Изъ 3 членовъ совѣта, начиная со 2-го года существованія общества, одинъ выбываетъ ежегодно, по очереди своего вступленія, и можетъ быть избранъ вновь въ ту же должность не прежде, какъ по истеченіи года по выбитіи.

19) Въ помощь совѣту, въ случаѣ надобности, могутъ быть избираемы особыя коммисіи, члены которыхъ пользуются одинаковыми правами съ членами совѣта.

О собраніяхъ.

20) Собранія общества бываютъ: очередныя, годичныя и чрезвычайныя.

21) Очередныя собранія бываютъ ежемѣсячно, кромѣ іюня, іюля и августа, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Они посвящаются: а) избранію членовъ, б) обсужденію и утвержденію разныхъ предположеній и опредѣленій совѣта; в) чтенію и обсужденію юридическихъ статей и докладовъ какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и отъ отдѣленій.

Примѣчаніе. О предметахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и обсужденію собранія, члены извѣщаются чрезъ объявленія въ газетахъ, а когда надобность укажетъ—и особыми пригласительными записками.

22) Въ очередномъ собраніи, предшествующемъ годичному, избирается коммиссія для обревизованія суммъ и дѣлъ совѣта и для доклада о семъ годичному собранію.

23) Въ очередныхъ собраніяхъ могутъ присутствовать и посто-

роннія лица, введенныя дѣйствительными членами съ согласія всякій разъ председателя.

24) Въ годичныхъ собраніяхъ, имѣющихъ мѣсто ежегодно 19 февраля, читаются годовые отчеты о дѣйствіяхъ и состояніи суммъ общества, избираются должностныя лица, раздаются награды и преміи, произносятся рѣчи и читаются статьи обще-интереснаго юридическаго содержания. Эти собранія происходятъ публично.

25) Чрезвычайныя собранія имѣютъ предметомъ измѣненіе устава общества или прекращеніе существованія общества.

26) Очередное и годичное собранія считаются состоявшимися, если на нихъ присутствуютъ по крайней мѣрѣ 10 дѣйствительныхъ членовъ, а чрезвычайное только тогда, когда на него явится не менѣе половины находящихся въ Одессѣ членовъ общества.

27) Предметъ занятій совѣта состоитъ: а) въ подготовленіи матеріала къ собраніямъ; б) въ разсмотрѣніи представляемыхъ обществу юридическихъ сочиненій и изслѣдованій и составленіи по нимъ отчетовъ; в) изданіи трудовъ общества; г) въ управленіи дѣлами общества въ хозяйственномъ отношеніи; д) въ назначеніи собраній; е) въ предложеніи задачъ на преміи и награды.

Примѣчаніе 1. Засѣданія совѣта общества считаются дѣйствительными, когда на нихъ присутствуютъ по крайней мѣрѣ 3 члена, въ томъ числѣ председатель или его товарищъ.

Примѣчаніе 2. Впредь до образованія общества въ числѣ не менѣе 30 дѣйствительныхъ членовъ права и обязанности совѣта, а также избраніе дѣйствительныхъ членовъ общества принадлежитъ учредителямъ.

28) Ходатайства объ измѣненіи сего устава представляются, чрезъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія.

29) Въ случаѣ прекращенія существованія общества, все его имущество, въ томъ числѣ и бібліотека, поступаютъ въ собственность Новороссійскаго университета.

4. (18-го августа 1879 г.). Правила о стипендіи коллежскаго совѣтника Николая Сергѣевича Афанасьева въ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) При университетѣ св. Владиміра на оставшіяся изъ собранныхъ профессорами и преподавателями денегъ, а также и изъ по-

жертвованій частныхъ лицъ, капиталъ въ тѣхъ тысячахъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть рублей, заключающійся нынѣ въ 5¹/₂% рентъ, учреждается одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го августа 1879 г., именуется „стипендіею Николая Сергѣевича Афанасьева“.

2) Проценты съ означеннаго капитала назначаются на содержаніе стипендіата и на единовременное пособіе ему послѣ удовлетворительнаго окончанія университетскаго курса.

3) На содержаніе стипендіата выдается изъ процентовъ по 120 рублей въ годъ, а въ единовременное пособіе назначается вся оставшаяся сумма процентовъ, какая окажется свободною во время выхода стипендіата изъ университета; въ случаѣ же поступленія дальнѣйшихъ пожертвованій размѣръ стипендіи можетъ быть увеличенъ.

4) Стипендіатомъ Николая Сергѣевича Афанасьева можетъ быть только студентъ медицинскаго факультета.

5) При замѣщеніи стипендіи предоставляется профессору общей патологии представлять медицинскому факультету кандидатовъ для избранія достойнѣйшаго изъ нихъ.

5. (21-го сентября 1879 г.). Положеніе о стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени при Ревельской Александровской мужской гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) При Ревельской Александровской гимназій учреждается, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го сентября 1879 года, одна стипендія Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени, на % съ капитала въ 600 р., заключающагося въ шести билетахъ третьяго восточнаго займа, каждый въ 100 р., пожертвованнаго ревельскимъ русскимъ купечествомъ, въ ознаменованіе радостнаго избавленія Государя Императора, во 2-й день апрѣля сего года, отъ опасности.

2) Размѣръ стипендіи опредѣляется въ 30 р., которые употребляются на уплату за обученіе одного изъ учениковъ означеннаго заведенія.

3) Стипендіею пользуются дѣти бѣднѣйшихъ родителей православнаго вѣроисповѣданія, отличающіяся своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ.

4) Выборъ стипендіатовъ предоставляется обществу ревельскаго

православнаго купечества, съ утверженіемъ педагогическаго совѣта гимназій.

5) Въ случаѣ, еслибы Ревельское православное купечество не нашло возможнымъ представить своихъ кандидатовъ, педагогическій совѣтъ самъ выбираетъ стипендіатовъ изъ числа учащихся, на основаніи п. 3 сего положенія.

6. (22-го сентября 1879 г.) Положеніе о стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени при Ревельской женской прогимназій.

(Утверждено д. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра.)

1. При Ревельской женской прогимназій учреждается, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го сентября 1879 г., одна стипендія Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени на $\frac{1}{2}$ съ капитала въ 400 руб., заключающагося въ четырехъ билетахъ третьяго восточнаго займа каждый въ 100 руб., пожертвованнаго Ревельскимъ русскимъ купечествомъ въ ознаменованіе радостнаго избавленія Государя Императора, во 2-й день апрѣля сего года, отъ опасности.

2. Размѣръ стипендіи опредѣляется въ 20 руб., которые употребляются на уплату за обученіе одной изъ ученицъ означеннаго заведенія.

3. Стипендією этой пользуются дѣти бѣдѣвшихъ родителей православнаго вѣроисповѣданія, отличающіяся своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ.

4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется обществу Ревельскаго православнаго купечества съ утверженія Педагогическаго Совѣта прогимназій.

5. Въ случаѣ, еслибы Ревельское православное купечество не нашло возможнымъ представить своихъ кандидатовъ, Педагогическій Совѣтъ самъ выбираетъ стипендіатовъ изъ числа учащихся, на основаніи п. 3 сего положенія.

7. (22-го сентября 1879 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о преподаваніи пѣнія воспитанникамъ учительскихъ семинарій.

По поводу циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 3-го февраля текущаго года за № 1,400 касательно лучшей подготовки воспитанниковъ учительскихъ семинарій по обученію въ начальныхъ народныхъ училищахъ пѣнію, на разрѣшеніе

министерства представлено начальствомъ одного учебнаго округа заявленіе о томъ, что, въ видахъ означенной подготовки, было бы полезно принять слѣдующія мѣры: 1) одинъ изъ двухъ уроковъ пѣнія, положенныхъ въ III классѣ, сдѣлать практическимъ и для сего въ часы, положенные для этого урока, назначать одного изъ воспитанниковъ III класса по очереди давать урокъ по пѣнію въ училищѣ, состоящемъ при семинаріи, а затѣмъ этотъ урокъ, подобно урокамъ по другимъ предметамъ, подвергать разбору въ педагогическомъ собраніи, и 2) для побужденія воспитанниковъ семинаріи къ болѣе успѣшному занятію пѣніемъ, дѣлать въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ объ окончаніи курса отмѣтки объ успѣхахъ въ изученіи пѣнія.

По соображеніи сего заявленія съ инструкціей для учительскихъ семинарій, утвержденною 4-го іюля 1875 г., оказывается, что по ст. 109, 129 и слѣд. сей инструкціи, практическія занятія или уроки для воспитанниковъ старшаго класса, а равно обсужденія такихъ уроковъ на педагогическихъ собраніяхъ, установлены по всѣмъ предметамъ, въ томъ числѣ и по пѣнію, и что хотя по таблицѣ распределенія уроковъ, приложенной къ ст. 57 инструкціи, а также по ст. 129, для практическихъ занятій воспитанниковъ III класса назначено 6 уроковъ въ недѣлю по всѣмъ предметамъ, но распределеніе практическихъ занятій предоставлено совѣтамъ семинарій. Кроме того, по ст. 130, еженедѣльно два воспитанника старшаго класса, въ теченіе пѣлой недѣли, присутствуютъ для практическихъ занятій на урокахъ начальнаго училища также по всѣмъ предметамъ, слѣдовательно и по пѣнію. Наконецъ, по ст. 57 инструкціи дозволяется педагогическимъ совѣтамъ семинарій, съ разрѣшенія попечителей округовъ, дѣлать необходимыя отступленія отъ упомянутой таблицы уроковъ. Такимъ образомъ, первый пунктъ изложеннаго заявленія разрѣшается приведенными статьями инструкціи въ томъ смыслѣ, что отъ совѣтовъ семинарій зависитъ изъ числа 6 уроковъ, назначенныхъ вообще для практическихъ занятій, отдѣлить время для таковыхъ занятій и по пѣнію, или же, въ случаѣ необходимости, испросить дозволеніе попечителя округа на то, чтобы одинъ изъ двухъ теоретическихъ уроковъ по пѣнію въ III классѣ, положенныхъ по таблицѣ, обратить въ практическій. Что касается втораго пункта заявленія, то помѣщеніе въ свидѣтельствахъ воспитанниковъ, окончивающихъ курсъ, отмѣтки объ успѣхахъ по пѣнію, я признаю необ-

ходимымъ, и потому таковая должна быть введена съ перваго предстоящаго выпуска воспитанниковъ.

О вышеизложенной иже честь сообщить вашему превосходительству, для зависящихъ распоряженій.

8. (28-го сентября 1879 г.) Положеніе о преміи Юрія Федоровича Самарина для воспитанниковъ Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 21-й день сентября 1879 г., учреждается премія, съ наименованіемъ „Премія Юрія Федоровича Самарина“.

2. Премія обезпечивается процентами съ капитала, пожертвованнаго, по опредѣленію общаго собранія Саратовскаго отдѣленія Прибалтійскаго православнаго братства во Имя Христа Спасителя, въ память умершаго Ю. Ф. Самарина и въ уваженіе къ его заслугамъ на пользу братства, и заключающагося въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа по нарицательной ихъ стоимости, на сумму 1,000 рублей.

3. Премія сія выдается въ награду одному изъ отличѣйшихъ учениковъ изъ православныхъ Эстовъ и Латышей Прибалтійскихъ губерній, окончивающихъ курсъ въ Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинаріяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, кои получили первоначальное образованіе въ состоящихъ подъ покровительствомъ Прибалтійскаго братства школахъ. Выборъ кандидата на премію предоставляется совѣту братства и по его представленію утверждается педагогическимъ совѣтомъ той семинаріи, гдѣ обучался избранный. По присужденіи преміи, педагогическій совѣтъ дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ оной удостоенному. Если удостоенный будетъ изъ воспитанниковъ не Рижской, а какой либо другой семинаріи, то совѣтъ послѣдней о выдачѣ преміи сносится съ начальствомъ Рижской семинаріи.

4. Премія выдается не ежегодно, но по истеченіи срока, положеннаго для курса ученія въ той учительской семинаріи, гдѣ обучался удостоенный оной; размѣръ же преміи, опредѣляется количествомъ процентовъ съ вышепоказанной цифры капитала за все время прохожденія имъ курса семинаріи.

5. Въ случаѣ, еслибы въ теченіе извѣстнаго времени не оказалось

кандидата, подходящаго подъ условія преміи, проценты съ капитала за все это время идутъ на усиленіе оного и обращаются въ правительственныя процентныя бумаги до тѣхъ поръ, пока капиталъ по нарицательной стоимости не удвоится; съ удвоеніемъ же капитала учреждается на проценты со вновь образовавшейся части его другая премія на одинаковыхъ съ первою условіяхъ. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и при дальнѣйшемъ усиленіи капитала, образуя на тѣхъ-же условіяхъ новую премію всякій разъ, когда нынѣшняя цифра капитала увеличится втрое, вчетверо и т. д.

6. Обозначенный во 2 и 5 пунктахъ настоящаго положенія капиталъ, составляя собственность учебнаго вѣдомства, зачисляется въ спеціальныя средства Рижской учительской семинаріи, хранится въ тамошнемъ вѣдомствѣ казначействѣ, состоитъ въ завѣдываніи педагогическаго совѣта названной семинаріи и остается нерасходуемымъ; проценты же съ капитала обращаются исключительно на предметы, указанные въ настоящемъ положеніи.

7. На обязанность совѣта Рижской учительской семинаріи, кромѣ выдачи преміи по п. 3 сего положенія, возлагается: 1) наблюдать, чтобы хранящіяся въ казначействѣ процентныя бумаги, въ кои заключаются упоминаемый въ положеніи капиталъ, по истеченіи срока, или по выходѣ въ тиражъ, были замѣняемы своевременно новыми государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами, какія будутъ признаны попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа болѣе выгодными, и 2) по мѣрѣ увеличенія капитала до цифры, потребной согласно п. 5 сего положенія, на учрежденіе новой преміи, доносить о томъ попечителю названнаго округа для испрошенія разрѣшенія министерства на такое учрежденіе и, по полученіи разрѣшенія,ставлять объ ономъ въ извѣстность братство.

и 8. Въ случаѣ прекращенія братствомъ своего существованія, указанный въ п. 3 сего положенія порядокъ выбора кандидатовъ на премію измѣняется по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

18-го августа 1879 года (№ 12). Утверждаются, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный

статскій совѣтникъ Иремлевъ — деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 26-го мая 1879 года по 10-е октября 1881 г.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, докторъ исторіи всеобщей литературы, коллежскій ассесоръ Ырпичниковъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы, съ 3-го мая 1879 года, съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Учитель Московской третьей гимназій, магистръ всеобщей исторіи Карѣевъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи, съ 1-го августа 1879 года.

Учитель Таганрогской гимназій, надворный совѣтникъ Дьяконовъ — директоромъ Ананьевской гимназій, съ 5-го августа 1879 г.

Инспекторъ Нарвской прогимназій, преобразованной въ шести-классную, надворный совѣтникъ Келлеръ — директоромъ сей прогимназій, съ 11-го августа 1879 года.

Штабсъ-капитанъ Зилоти — почетнымъ понечителемъ Старобѣльской Александровской прогимназій, на три года.

Учитель Харьковской первой гимназій, надворный совѣтникъ Клеммъ — директоромъ Моршанскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1879 года.

Инспекторъ Красноярской мужской гимназій, коллежскій совѣтникъ Солдатовъ — директоромъ Троицкосавскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1879 года.

Учитель Рижельевской гимназій, коллежскій ассесоръ Ждановскій — директоромъ Мелитовальскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1879 года.

Учитель Кіевской прогимназій, статскій совѣтникъ Давидовичъ — директоромъ Боростышевской учительской семинаріи, съ 21-го іюля 1879 года.

Директоръ Ананьевской гимназій, статскій совѣтникъ Влохинъ — директоромъ Байрамчской учительской семинаріи, съ 5-го августа 1879 года.

Назначаются: исполняющій обязанности инспектора Нижегородской гимназій, учитель сей гимназій, статскій совѣтникъ Гавриилъ Шапошниковъ — исправляющимъ должность директора Нижегородскаго Александровскаго института, съ 1-го августа 1879 года.

Инспекторъ Нижегородскаго Александровскаго института, статскій

совѣтникъ Александръ Шапошниковъ — исправляющимъ должность директора Тверскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1879 года.

Наставникъ Омской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Водяниковъ — исправляющимъ должность директора сей семинаріи, съ 11-го августа 1879 года.

Перемѣщаются: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Стронинъ — начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи, съ 28-го іюля 1879 года.

Директоръ Тверскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бривоносовъ — директоромъ Александровскаго Орловскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1879 года.

Директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Урусовъ — директоромъ Ростовскаго Петровскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1879 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: директоръ Омской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Вирень, съ 17-го августа 1879 года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ распоряженіи Варшавскаго генералъ-губернатора для занятій по греко-уніатскимъ дѣламъ, коллежскій совѣтникъ Барановъ — съ назначеніемъ начальникомъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, съ 28-го іюня 1879 года.

Воспитатель и преподаватель Сибирской военной гимназіи, коллежскій совѣтникъ Словцовъ — съ утвержденіемъ директоромъ Тюменскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1879 года.

Оставляются на службѣ: директоръ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Савельевъ и директоръ Тверской гимназіи статскій совѣтникъ Фрезе — на одинъ годъ, первый съ 1-го и послѣдній съ 31-го іюля 1879 года.

Директоръ Витебской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шефлеръ — на два года, съ 10-го августа 1879 года.

Инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Радловъ — на пять лѣтъ, со 2-го іюля 1879 года.

Командируется: директоръ Екатеринбургскаго Алексѣевского

реального училища, коллежскій совѣтникъ Балдинъ—въ С.-Петербургу и Москву, на полтора мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: исправляющій должность директора Новинской учительской семинаріи, титулярный совѣтникъ Токаревскій—на восемь дней, въ гор. Ярославль.

Директоръ Киевской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андриашевъ и директоръ Псковскаго реального училища, статскій совѣтникъ Раевскій—на десять дней, первый—въ Полтавскую губернію и послѣдній—въ Лифляндію.

Директоръ Динабургскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ Близевъ—на четырнадцать дней, въ гор. Москву.

Директоръ народныхъ училищъ Костромской губерніи, статскій совѣтникъ Петровскій—на двадцать четыре дня, въ Московскую губернію.

Директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Поповъ—на двадцать восемь дней, въ Могилевскую губернію.

Ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головкинскій и директоръ Вологодской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Красовъ—на двадцать девять дней, первый въ Таврическую губернію и послѣдній—въ разныя губерніи.

Начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Щебальскій—на шесть недѣль, въ Крымъ, по болѣзни.

Помощникъ попечителя Киевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ростовцевъ—на полтора мѣсяца, въ разныя губерніи.

Директоръ Новочеркасской гимназіи, надворный совѣтникъ Канскій—на мѣсяць и двадцать девять дней, въ Лифляндскую губернію.

Директоръ Московской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій—на три мѣсяца, по болѣзни, въ разныя губерніи.

За границу: инспекторъ Житомирскаго еврейскаго учительскаго института, надворный совѣтникъ Гурляндъ—на три мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію: дичастъ осѣт., отд. 1.

ректоръ Троицкосавскаго реальнаго училища Кехеръ, съ 1-го іюля 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Умовъ, съ 14-го іюля 1879 года.

Директоръ Байрамчской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Титаренко, съ пятаго августа 1879 года.

За выслугою срока: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Юркевичъ, съ 20-го іюля 1879 года. съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полулафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: предсѣдателю комиссіи, учрежденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія предназначившихся на всемірную выставку въ Парижъ упражненій учениковъ гимназій по греческому языку, директору С.-Петербургской третьей гимназій, дѣйствительному статскому совѣтнику Лемониусу и членамъ сей комиссіи: директору С.-Петербургской шестой гимназій, статскому совѣтнику Пустонскому, инспектору С.-Петербургской второй гимназій Гельбке и учителю С.-Петербургской шестой гимназій Фарнику — за труды ихъ въ этой комиссіи.

Почетному попечителю Тверскаго реальнаго училища, Тверскому городскому головѣ Нечаеву — за пожертвованія его въ пользу сего училища.

Почетному попечителю Киржачской учительской семинаріи, потомственному почетному гражданину Соловьеву — за пожертвованія въ пользу сей семинаріи.

Почетному блюстителю Едровскаго двухкласснаго училища Валдайскаго уѣзда, коммерціи совѣтнику Епишкину — за заботы его о благоустройствѣ сего училища и пожертвованія на пользу онаго.

Попечителямъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи: Краснянскаго, Быценкѣ и Нижнекорочанскаго, Пармузину — за пожертвованія ихъ въ пользу названныхъ училищъ.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Брандтъ и ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Андреевскій.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—книгу подъ заглавіемъ: „Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ. Г. В. Штоля. Переводъ подъ редакцію В. Г. Васильевскаго. Изд. 2, О. И. Бакста. С.-Петербургъ, 1879 г. Цѣна 2 р.“—одобрить въ видѣ пособія для высшихъ классовъ гимназій, а равно и для раздачи учащимъ въ видѣ награды въ реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

— №№ 1, 2, 3, 4 и 5 ежемѣсячнаго изданія „Математическій листокъ“; выходящаго въ Москвѣ подъ редакцію отставнаго штабсъ-капитана артиллеріи А. И. Гольденберга—допустить въ основныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также для бібліотекъ учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книги подъ заглавіями: 1) Томъ III сочиненія Фридриха фонъ-Гельвальда „Земля и ея народы. Живописная Европа и т. IV того же сочиненія. Живописная Азія и Австралія. С.-Петербургъ, 1878 и 1879 гг.“—одобрить для приобрѣтенія въ основныя бібліотеки высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

II. „Иерусалимъ и Синай. Записки втораго путешествія на Востокъ А. С. Норова. Подъ редакцію В. Н. Хитрово. С.-Петербургъ 1878 г.“ и

III. „Альбомъ видамъ Палестины и Синай, рисованныхъ съ натуры Полевановымъ. С.-Петербургъ 1878 г.“—одобрить для приобрѣтенія въ основныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а равно и учительскихъ семинарій.

— Книгу подъ заглавіемъ: I. „Курсы опытной физики А. П. Шимкова, профессора Харьковскаго университета. Выпускъ II. О свѣтѣ и теплотѣ. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Харьковъ 1879 г.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

II. „Докторъ Везенеръ. Книга упражненій по латинской этимологіи; обработана для русскихъ гимназій К. Павляковскимъ и В. Исаенковымъ, преподавателями 2-й Московской гимназіи. Москва 1879 г.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по латинскому языку для трехъ

низшихъ классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Г. Нидерле, грамматика древняго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть 1. Этимологія, съ чешскаго перевелъ И. Мейеръ. Москва 1879 г. Цѣна 1 р.“—одобрить какъ руководство по греческому языку для гимназій. вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Боганика весною. Свѣдѣнія объ устройствѣ и жизни растений, основанныя на изученіи раннихъ весеннихъ, преимущественно садовыхъ растений. Съ 70 иллюстраціями и таблицами для опредѣленія деревьевъ и кустарниковъ въ безлиственномъ состояніи. Сост. М. Мелиоранскій. С.-Петербургъ, 1879 г. Цѣна 65 коп.“—одобрить какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, а также какъ книгу, пригодную для учебныхъ библиотекъ.

— Составленную директоромъ Бѣлгородской учительской семинаріи М. Бойковымъ брошюру: „Краткое обзореніе Курской губерніи въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Бѣлгородъ, 1879 г.“—одобрить въ настоящемъ ея видѣ, въ качествѣ пособия при преподаваніи географіи какъ въ Бѣлгородской учительской семинаріи, такъ и въ другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ губерніи.

— Книгу: „Нѣмецкая хрестоматія, заключающая въ себѣ выборъ статей въ прозѣ и стихахъ, извлеченныхъ изъ твореній нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ столѣтій. Составилъ Н. Берте. Изд. 12-е С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна безъ пересылки 75 коп.“—допустить въ употребленію какъ пособие при преподаваніи нѣмецкаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи былъ приложенъ общій алфавитный словарь, вмѣсто словаря, размѣщеннаго по статьямъ.

— Изданную редакторомъ издателемъ журнала „Хозяйственный Строитель“ брошюру: „Дешевыя несгораемыя постройки“ Вып. 1. Постройки изъ саманнаго кирпича. С.-Пб. 1879 г.“—одобрить для чтенія въ народныхъ училищахъ и для народныхъ библиотекъ.

— Книги подъ заглавіями: I. „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Сост. К. Крафтъ. Кіевъ 1879 г. Цѣна 80 к.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

И. „Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ эпической поэзіи. Новое изданіе. „Книги о кievскихъ богатыряхъ“ дополнены былинами Новгородскими, Московскими, Казанскими, Петровскими и безымянными. Сост. В. П. Афанасіусъ. С.-Петербургъ 1880 г. Цѣна 2 р. 70 к.“—одобрить какъ учебное пособие при изученіи словесности.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Синтаксисъ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ, съ руководящими вопросами для практическихъ занятій. Хрестоматія. Сост. Ѳ. Г. Савенко, преподаватель русскаго языка при Елисаветградскомъ мужскомъ 7-ми классномъ училищѣ 1-го разряда. Воронежъ 1879 г. Цѣна 85 коп.“—одобрить какъ учебное пособие при занятіяхъ русской грамматикой въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книги подъ заглавіемъ I. „Etude pratique de la langue. Cours de la langue française, de composition et de style basé sur un choix de morceaux en prose, de force graduée, extraite d'auteurs célèbres et suivis de nombreuses matieres de composition analogues représentant plus de 300 devoirs a faire et de modèles indiquant l'emploi de la méthode. à suivre, par Camille Ruault, professeur de langue et de littérature française au Lycée Alexandre, à l'école de droits et dans plusieurs autres établissements publics. St.-Petersbourg. 1878 г.“—одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ книги для чтенія и перевода.

II. „Историческіе, критическіе и полемическіе опыты. Николая Барсова, Ѳ. Ол. профессора С.-Петербургской духовной академіи. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 25 коп.“—одобрить, согласно утвержденному св. синодомъ заключенію, учебнаго комитета, для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ заглавіями I. „Элементарный курсъ зоологіи съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Сост. К. Сентъ-Илеръ. IX-а, исправленное и значительно пополненное изданіе. С.-Петербургъ 1880 г. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.“—одобрить въ видѣ руководства для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій и въ видѣ пособия для реальныхъ училищъ.

II. „Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ низшихъ трехъ классахъ гимназій и прогимназій. Составлено согласно съ учебнымъ планомъ министерства народнаго просвѣщенія 1877 г. инспекторомъ Уфимской гимназіи Лопатинскимъ. Въ 2 частяхъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Уфа, 1879 г. Цѣна

1 р. 50 коп.“—одобрить какъ руководство по латинскому языку въ высшихъ трехъ классахъ гимназій иprogимназій министерства народнаго просвѣщенія.

И — Книги подъ заглавіями: 1. „Русская христоматія, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. 1. Эпическая поэзія. Сост. Андрей Филоновъ. Изд. 6-е (перепечатано съ 3 изд.) С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособия для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

II. „Латинская грамматика доктора Фердинанда Шульца, обработанная для русскихъ гимназій преподавателемъ 3-й Московской гимназій и лицея Цесаревича Николая. Ю. Ходобаемъ. Курсъ младшаго возраста. Изд. 4-е исправленное. Москва 1878 г. Цѣна 80 коп.“—одобрить какъ руководство по латинскому языку.

III. „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Сост. Ю. Ходобай и П. Виноградовъ, преподаватели 3-й Московской гимназій и лицея Цесаревича Николая. Часть I, для среднихъ классовъ гимназій и семинарій. Москва 1878 г. Цѣна 1 р. 20 к. Часть II для высшихъ классовъ гимназій и семинарій. Москва 1879 г. Цѣна 1 р. 30 к. Изд. 2-е исправленное и значительно дополненное.“—внести въ списокъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ пособій по латинскому языку.

— Составленную Ѳ. Пудыковичемъ книгу: „Практическая русская грамматика, пособие для учениковъ народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ; 300 грамматическихъ упражненій. С.-Петербургъ, 1879 года“—одобрить какъ учебное пособие для учениковъ начальныхъ училищъ.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, выслушавъ утвержденное опредѣленіемъ св. синода заключеніе духовно-учебнаго комитета при св. синодѣ о книгѣ священника Минской епархіи Романа Москалевича: „Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочеловѣка, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Размышленіе христіанина, посвященное юности. Минскъ, 1877 г.“—призналъ возможнымъ допустить оную въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено—книгу подъ заглавіемъ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго систематическаго курса. Первая часть. Цѣлыя числа. Сост. В. Евтушевскій. Изд. 12. С.-Петербургъ, 1880 г. Цѣна 40 к.“—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру подъ заглавіемъ: „Покореніе Царства Казанскаго. В. Лапина. Съ раскрашеною картинкою. Изд. учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. С.-Петербургъ, 1879 г.“—допустить для библиотекъ народныхъ училищъ и для народныхъ чтеній.

— Изданіе: „Сочиненія Г. П. Данилевскаго. С.-Петербургъ, 1877 годъ. Томъ I. Романъ. Бѣгле въ Новороссіи. Разказы: Семейная старина. Прабабушка. Тѣнь Прадѣда. Вабушкинъ рай. Украинскія сказки (XIX). Томъ II. Романъ: Воля (Бѣгле воротились). Разказы: Старосвѣтскій маляръ. Село Сорокопановка. Феничка. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Томъ III. Романъ: Новыя мѣста. Разказы: Бѣглый Лаврушка за границей. Изъ преданій семнадцатаго вѣка. I. Первый выпускъ сокола. II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Четыре времени года украинской охоты. Священная легенда. Томъ IV. Романъ: Девятый валъ (изъ лѣтописей женскаго монастыря). I. Въ обществѣ. II. Обитель. III. Въ семьѣ“—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾.

— Книгу: „Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. А. Бекетова. Въ 2-хъ книжкахъ. Изданіе 4-е; съ 18 рисунками въ текстѣ, С.-Петербургъ, 1879 г. Цѣна 80 к.“—рекомендовать для библиотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ и начальныхъ училищъ, а также для ученическихъ библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

¹⁾ 4 тома, изд. 1877 г., всѣ нынѣ распроданы; готовится новое изданіе, о приобритеніи котораго слѣдуетъ заявить автору, по адресу: С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Николаевской, д. № 69—1, кв. № 5.

— Изданіе: „Азбука рисованія для семьи и школы. Руководство для родителей и воспитателей. М. Д. Ордынкой-Ивановой. Калужскъ. 1879 г. Цѣна оригиналовъ 85 коп.; — руководства 15 коп.“ — одобрить какъ пособіе для городскихъ и народныхъ училищъ, а также и для младшаго класса реальныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 25 день іюля 1879 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Калужскаго реального училища мраморной доски, съ написаніемъ на ней золотыми буквами, именами, отчествами и фамиліями, первыхъ жертвователей, положившихъ основаніе Калужскому реальному училищу, а именно: Ѳедора Ивановича Коровина, Осипа Павловича Пестрикова и Николая Прохоровича Масленникова.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 21-го іюля 1879 г., разрѣшилъ открыть, съ начала 1879—1880 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Виленскаго реального училища, съ платою за ученіе въ ономъ по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика и съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію этой параллели на сумму сбора за ученіе въ оной, и съ того же времени закрыть параллельное отдѣленіе при I классѣ названнаго училища.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 21-го іюня 1879 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Кіевской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи, съ начала 1879—1880 учебнаго года, по тридцати р. въ годъ съ каждаго ученика, оставивъ плату въ приготовительномъ классѣ въ прежнемъ размѣрѣ, то-есть по 20 р. въ годъ съ ученика.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 21-го іюля 1879 г., разрѣшилъ открыть при I классѣ Одесской 3-й гимназіи, съ начала 1879—1880 учебнаго года, параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію его на спеціальныя средства названной гимназіи.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 11-го августа 1879 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Архангельской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гим-

назін, съ 1-го января 1880 г., по двадцати р. въ годъ въ нормальныхъ классахъ и по пятнадцати р. въ годъ въ приготовительномъ классѣ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 28-го іюля 1879 г., разрѣшилъ: 1) увеличить плату за ученіе въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ до двадцати руб. въ годъ съ ученика, вмѣсто взимаемыхъ нынѣ 16 р., и 2) открыть, съ начала 1879—1880 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при 2-мъ классѣ названнаго училища, съ отнесеніемъ расходовъ, потребныхъ на содержаніе означеннаго параллельнаго отдѣленія, на спеціальныя средства училища—сумму сбора за ученіе.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 28-го іюля 1879 г., разрѣшилъ продолжить существованіе параллельныхъ отдѣленій при I и III классахъ Гродненской гимназій и открыть, съ начала 1879—1880 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II-мъ классѣ названной гимназій, съ платою за ученіе въ сей параллели по сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика, съ тѣмъ, чтобы уроки закона Божія и французскаго языка въ параллельныхъ отдѣленіяхъ I, II и III классовъ были сводными и съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію всѣхъ сихъ параллелей на сумму сбора за ученіе въ названной гимназій.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Каменской прогимназій размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназій, съ начала 1879—1880 учебнаго года, по десяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 14-го іюля 1879 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Курскаго реальнаго училища размѣръ платы за ученіе въ названномъ училищѣ, съ начала 1879—1880 учебнаго года, по двадцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 23 іюня 1879 г., разрѣшилъ открыть, съ начала 1879—1880 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при III классѣ Гомельской прогимназій, съ платою за ученіе въ ономъ по тридцати пяти р. въ годъ съ каждаго ученика, и увеличить, съ того же срока, плату за ученіе въ параллельномъ отдѣленіи II класса названной прогимназій также до тридцати пяти р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 19-го августа 1879 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ часть ссви, отд. 1.

гогическимъ совѣтомъ Аккерманской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи: въ нормальныхъ классахъ по тридцати р., а въ приготовительномъ классѣ по двадцати р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ возвысить, съ начала будущаго 1879—1880 учебнаго года, плату за ученіе въ Вологодскомъ реальномъ училищѣ до восемнадцати р. въ годъ.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 14-го іюля 1879 г., разрѣшилъ открыть, съ начала 1879—1880 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при III классѣ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго общества, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ шестидесяти руб., на сумму, имѣющую быть отпущенною на сей предметъ изъ кассы Императорскаго Человѣколюбиваго общества.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 11-го минувшаго августа, разрѣшилъ преобразовать Нижнечирскую 4-хъ классную прогимназію въ 6-ти классную, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 8-го (20-го) іюня 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта, о дозволеніи открывать прогимназіи въ 4-хъ и 6-ти классномъ составѣ, и штатовъ 6-ти классовыхъ прогимназій открывъ при означенной прогимназіи, съ 1879—1880 учебнаго года V классъ, а въ слѣдующемъ учебномъ году VI классъ, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію двухъ прибавляемыхъ классовъ на счетъ суммъ войска Донскаго и окружнаго земства 2-го Донскаго округа.

Открытіе училищъ.

— Высочайше разрѣшенное въ учрежденію въ г. Тюмени реальное училище, послѣ сформированія комплекта преподавателей, главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири, въ присутствіи Тобольскаго губернатора и представителей Тюменскаго городского общества, открыто 15 истекшаго сентября, въ составѣ первыхъ двухъ классовъ; по день открытія училища принято: въ первый классъ 24 ученика, во второй 11. Прошенія о принятіи учениковъ продолжаютъ поступать.

— 14-го минувшаго сентября, въ присутствіи гг. управляющаго

Минскою губернію, Минскаго губернскаго предводителя дворянства, исправляющаго должность городскаго головы, членовъ управы и многихъ другихъ почетныхъ лицъ, послѣдовало открытіе въ г. Минскѣ четырехкласснаго городскаго училища.

Прошеній о принятіи въ число учениковъ поступило 176, по приемнымъ испытаніямъ, производившимся съ 1-го по 10-е сентября включительно, принято: въ 1-мъ классѣ—45, во 2-мъ—46, остальнымъ же 85 отказано въ приемъ отчасти по недостаточной подготовкѣ, а отчасти по неимѣнію мѣстъ въ классахъ училища.

— 26-го августа текущаго года въ г. Любимѣ (Ярославской губ.) состоялось открытіе двухкласснаго городскаго училища; причемъ законоучитель училища священникъ Разумовъ пожертвовалъ икону св. Троицы въ серебряномъ окладѣ, стоимостью 100 р., а мѣстный врачъ г. Соболевъ изъявилъ готовность безвозмездно пользоваться учениковъ. Съ 27-го августа начались классныя занятія и въ число учениковъ принято 103.

— 4-го сентября открыто въ г. Бѣломъ, Смоленской губерніи, городское трехклассное училище и въ день открытія принято въ училище 88 учениковъ.

— 4-го сентября открыто Боровичское двухклассное городское училище. При открытіи учащихся поступило 86: въ первый классъ—50, а во второй 36.

— 16-го минувшаго сентября, въ г. Борисовѣ, Минской губ., при значительномъ стеченіи публики изъ мѣстныхъ чиновниковъ и обывателей города, послѣдовало открытіе двухкласснаго городскаго училища; причемъ въ первый классѣ Борисовскаго городскаго училища принято 68 учениковъ.

— 8-го минувшаго сентября открыто въ Гавриловскомъ посадѣ, Суздальскаго уѣзда Владимірской губ., двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія. Въ день открытія сего училища принято въ оное 68 учениковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I. Зоологическою станціею доктора Дорна, въ Неаполѣ, предпринято ежегодное изданіе періодическихъ сочиненій:

I) Fauna und Flora des Golfes von Neapel.

II) Mittheilungen aus der Zoologischen Station zu Neapel.

III) Prodromus Faunae Mediterraneae.

IV) Zoologischer Jahresbericht.

Первая часть: „Fauna und Flora des Golfes von Neapel“, имѣющаго выходить ежегодно по одному тому, въ настоящее время выходитъ въ свѣтъ. Подписка принимается: Verlangsbuchhandlung von Wilhelm Engelmann in Leipzig и въ Неаполѣ на зоологической станціи доктора Дорна. Цѣна каждаго тома этого сочиненія 30 германскихъ марокъ.

II. Одобренное ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія изданіе профессора Лапшина „Лунное теченіе и разные способы опредѣленія Пасхи православной и западной, съ приложеніемъ 2 приборовъ на картонѣ и 10 рисунковъ на особомъ листѣ. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ картоннымъ приборомъ, и 1 р. 20 к. съ чертежами, на пересылку съ приборомъ за 2 ф., а простыхъ за 1 ф.,—продается въ С.-Петербургѣ и Москвѣ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ГЕРБЕРШТЕЙНА.

Горы восточной Европы.

Поверхность восточной Европы. — Лѣсная и степная полоса. — Горы, составляющія границы восточно-европейской равнины. — «Земной Поясъ». — Уральскія горы. — Особенность русскаго народнаго воззрѣнія на формы земной поверхности. — Путь, по которому Русскіе перешли черезъ Уральскій хребетъ. — Данныя, замѣтованныя Русскими отъ инородцевъ. — Разборъ извѣстія о горахъ Столицъ. — Воззрѣніе азіатскихъ народовъ на горы и вершины. — Значеніе слова *гора*. — Какъ понималъ это слово Герберштейнъ. — Обзоръ историческихъ, свѣдѣній объ Уралѣ съ XI до XVI вѣка. — Какія земли следуетъ разумѣть подъ именемъ Югорской земли? — Извѣстія Герберштейна о горахъ, находящихся внутри восточной Европы. — Святыя горы. — Значеніе ерографическихъ данныхъ Герберштейна въ западно-европейской литературѣ. — Спорный вопросъ о Русскихъ горахъ, въ XVI вѣкѣ.

„Руссія“, населенная народами, „употребляющими языкъ славянскій, слѣдующими обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому закону и имѣющими одно общее имя, народное прозвище Руссовъ“ — эта обширная страна, лежавшая, по мнѣнію географовъ XVI вѣка въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азій, представлялась автору Записокъ о Московіи страню неизменностей, великою, обильною и славными рѣками, и великими озерами, равниною, однообразіе которой только въ нѣкоторыхъ, немногихъ мѣстахъ прерывается незначительными возвышеніями, не заслуживающими даже названія горъ. Сѣверная и сѣверо-западная часть ея покрыта огромными сплошными лѣсами, еще сохраниющими дѣвственный характеръ, а юго-восточная, начинающаяся къ югу отъ города Тулы, разстилается гладкою степью, но не пустынною, а щедро надѣленною всякими произведеніями при-

роды, пользование которыми, однако, въ XVI в., вслѣдствіе хищническихъ набѣговъ съ юга, было сопряжено съ великими опасностями. Нѣкоторые изъ живущихъ около Мценска, лежащаго въ болотистой мѣстности, замѣчаетъ Герберштейнъ, — въ случаѣ необходимости, „убѣгаютъ въ эти болота, какъ въ крѣпость“¹⁾.

Кромѣ морей, естественными границами этой равнины служатъ горы. На юго-западъ „Руссія“ граничитъ горами Сарматскими, которыя простираются недалеко ото Бракова. Такъ называетъ Герберштейнъ Карпатскія горы; то же названіе встрѣчается и у Птоломея. На югъ отъ рѣки Кубани, впадающей въ Меотійскія болота, то-есть, въ Азовское море, „до самой рѣки Мерулы (?), впадающей въ Понтъ, тянутся горы, въ которыхъ живутъ Черкасы или Цыки. Въ надеждѣ на неприступность своихъ горъ, они не признаютъ власти ни Турокъ, ни Татаръ“. Легко догадаться, что тутъ идетъ рѣчь о горахъ Кавказскихъ. Онѣ были неприступны только для чужихъ пришельцевъ и служили защитой для своихъ обитателей; но горы, недоступныя человѣку и по высотѣ своей, и по суровой природѣ, лежали на крайнемъ сѣверѣ, и такое представленіе о немъ вполне соотвѣтство-

¹⁾ R. M. C., 1 B (8): «Sed undecunq; tandem Russia nomen acceperit, certe populi omnes qui lingua Slavonica utuntur, ritum ac fidem Christi Graecorum more sequuntur, gentiliter Russi, Latine Rhuteni appellati, ad tantam multitudinem excreverunt... Выраженіе gentiliter Russi въ изд. 1567 г., р. 1, переведено такъ: «und gemeinlich Rüssen in irer sprach»; а въ изд. 1557 г., B об. «Naeh irer sprach werden sy Russy»...

R. M. C., 66 B (102): Tula est «ultimum oppidum ad campestria deserta» (въ изд. 1557 г., Kijj л. 2: Tula «ist die letzte gegen Oden Land»); 67 B: «Circa hunc locum adhuc quidam in tuguriolis habitant, qui necessitate imminente, in paludibus illas, seu castrum refugiant.» (р. и., 103: «нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и при наступленіи опасности прячутся въ эти болота, какъ за стѣны крѣпости». Ср. въ изд. 1567 г., р. LXXIII: «bey diesem orth wosend viel leut noch jnn kleinen heusslinen; wann es auch die notturft erforderet, so weychen sy jnn das maas, als jnn ein vestes Schloss», въ изд. 1557 г., kijj л. 2 об. «in dainen hütten da gewont».

Слово Руссія у Герберштейна имѣетъ двоякое значеніе: такъ называлъ онъ страну, населенную народами, употребляющими языкъ славянской, и въ составъ ея включалъ, кромѣ Московіи, и Литву, и Польшу (R. M. C., 2 B: «Principum qui nunc Russiae imperant, primus est Magnus dux Moscoviae... secundus magnus dux Lithuaniae; tertius est rex Poloniae»); въ тѣсномъ смыслѣ онъ называлъ Руссией только одну Московію (ib., 60 C: «Urbe Moscovia itaque Russiae caput et metropolis»). На различныхъ значенія слова Руссія у Герберштейна впервые обратилъ вниманіе Мейнерсъ, Vergleichung des älteren und neuern Russlands, 1 B.; Leipzig 1798, S. 47.

вало тому, что въ то время разказывали о всякихъ дивахъ природы Сѣвернаго океана и странъ, съ нимъ сопредѣльныхъ. Эти горы находились на сѣверо-западномъ берегу европейскаго материка и на сѣверо-восточной окраинѣ Руссін, за р. Печорою.

Нося въ разныхъ мѣстностяхъ различныя названія, горы на сѣверо-востоки Европы имѣютъ, однако, одно общее имя: „Земной поясъ“ (*Semnoi pojas*) — *Cingulus mundi*, то-есть, „Поясъ міра или земли, ибо *cingulus*“, говоритъ Герберштейнъ, — „по русски поясъ“. Ихъ вершины, на которыхъ вѣютъ гнѣзда кречеты, отъ постоянныхъ вѣтровъ почти совершенно лишены всякой растительности, но на склонахъ этихъ горъ растутъ кедры, около которыхъ водятся самыя черныя соболы. „Во владѣніи князя Московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы—вѣроятно, это тѣ, которыя у древнихъ слыли Рифейскими или Гиперборейскими горами“. Онѣ постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ, и переходъ черезъ нихъ труденъ¹⁾.

На одну изъ вершинъ этой цѣпи горъ, называемую „Столпомъ

¹⁾ R. M. C. 2 A—B; 101 A (*Circassi seu Ciki—«Hi montium asperitate freti, nec Turcis, nec Tartaris parent»; въ изд. 1567 г., р. CXII: «Dise verlassend sich auff jr ranch gebürg, sind weder den Türcken noch den Tartaren vnderworfen; въ изд. 1557 г., Oijj л. 2 об. «haben ain solch vesst Land, das sy weder in der Türkhen noch der Tatern gewalt oder gehorsamb seind»); 119 C—120 A; 117 B; 83 B—C (8; 9; 153; 179; 175; 127): «Vltra hunc fluvium [Petzoram] altissimi montes ad ripas usque protenduntur, quorum vertices ob continuos ventorum flatus omni prorsus materia gramineque fere carent (въ изд. 1567 г., XCII: «darauff wachset weder laub noch grass; въ изд. 1557 г., Mijj л. 2 об. «seind ploss one grass vnd holtz») hi etsi uarijs in locis uaria habeant nomina, communiter tamen Cingulum mundi vocantur. In his montibus nidificant Gerofalcones... «Crescunt etiam illic arbores cedri: circa quas nigerrimi Zebelli reperiuntur. Atque in Principis Moscoviuae ditone hi montes soli uisuntur, qui veteribus Rhiphaei forte, vel Hyperborei montes uisi sunt: et quod perpetuis niuibus ac glacie rigeant, transirique facile non possint». Выраженіе *ad ripas usque protenduntur* слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что горы эти тянутся до береговъ Сѣвернаго океана, такъ какъ далѣ Герберштейнъ упоминаетъ о томъ, что Енгронеландъ неизвѣстенъ, такъ какъ переходъ черезъ эти горы очень труденъ, а Енгронеландъ омывается Сѣвернымъ океаномъ (80 A); затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Extenditur mons ille (Stolp) in Oceanum». Въ русск. переводѣ, по изд. 1866 г., на стр. 127: «соколы особой породы»; а въ подл. «Gerofalcones». R. M. C., 132 C: «quem nos Girofalcones, hos illi Kretzet appellant». Слав. Древн. *Шафарика*, т. I, кн. 2, М. 1848 г., стр. 344. Geogr. d. Griechen und Römer v. *Mannert*, Leipzig, 1820, IV Th., S. 180; на картѣ Германіи, по Птолемею, прил. къ III ч., *Sarmatic montes* изображены между 42° и 43° долготы и 48° и 50° шир. *Real-Encyclopädie d. class. Alterth. v. Pawly*, VI B (1852 г.), 780 (*Ptol.*, II, 11, 6).*

(Stolp), то-есть, колонной“ русскій воевода князь Семень Курбскій забирается семнадцать дней и все же не могъ достигнуть вершины ея. Она „вдается въ океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры“.

Кромѣ этой горы, въ „Запискахъ о Московіи“ поименованы еще слѣдующія горы той же цѣпи: а) гора Печора (mons Petzoga), черезъ которую перешелъ князь Семень Курбскій; б) „Земной Поясъ“ (Poyas zemnoi), „находящаяся влѣво отъ лѣтнаго восхода“—съ огрѣзнаго камня этой горы, называемаго „Большимъ Камнемъ“ (Самен Bolschoi), беретъ начало р. Уса; в) „Каменный поясъ“ (Самени-пояс), за рр. Печорой и Щугуромъ; г) „Камень“ (mons Samen), на которую нужно подниматься три дня; съ горы „Камень Большаго Пояса (ex monte Samen Bolschega. Pojassa) текутъ рр. Сосва (Sosva), Березва (Berezvua) и Данадимъ (Dadadim).

Таковы свѣдѣнія о „Земномъ Поясѣ“, извлеченныя авторомъ „Записокъ“ изъ русскаго дорожника и собранныя отъ лицъ, участвовавшихъ въ походахъ Русскихъ въ область рр. Печоры и Оби въ 1499—1500 годахъ ¹⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, „Земнымъ Поясомъ“

¹⁾ Р. М. С., 84 А; 79 А; 81 В—С; 82 А, С (128; 120; 124; 125). О походѣ 1499 г.—Ист. гос. Росс. Карамзина, VI, пр. 462 (вып. изд. Архив. Разрядной книги). Никол., VI, 157; П. С. Р. Л., IV (Псков. 1), 271; VIII (Воскр.), 237. Описание Сибирскаго царства Г. Ф. Миллера, С.-Пб. 1750 г., стр. 62—66.

Въ лѣтописяхъ упомянута о походѣ кн. Петра Ушатого и кн. Семена Курбскаго въ Югорскую землю подъ 1499 г., а въ выпискѣ изъ Разрядной книги, подъ 7009 г. (1501 г., а не 7109 г., какъ у Миллера по ошибкѣ) говорится о походѣ тѣхъ же воеводъ въ ту же землю, вслѣдствіе чего Миллеръ въ своемъ Описаніи Сибирскаго царства сначала передаетъ извѣстія лѣтописныя о походѣ 1499 г., а потомъ извѣстія, извлеченныя изъ Разрядной книги, о походѣ 1501 г. на Югру. Но онъ же, на стр. 65—66, § 7, того же Описанія, высказалъ весьма основательные доводы и соображенія въ защиту предположенія, что лѣтописи и Разрядная книга, подъ вышеуказанными годами, говорятъ объ одномъ и томъ же походѣ, въ чемъ былъ увѣренъ и Карамзинъ. Къ доводамъ почтеннаго академика прибавимъ еще, что и Герберштейну кн. Семень Курбскій разказывалъ объ одномъ только походѣ, Р. М. С., 79 А (120); 84 А (127—128).

Въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ извѣстія о походѣ 1499 г. дословно сходны, за исключеніемъ одного только мѣста, гдѣ перечисляются воеводы: въ первой въ числѣ ихъ упом. Василій Бражничъ; во второй Василій Ивановъ сынъ Гавриловичъ Бражничъ; въ выпискѣ изъ Разрядной книги—Василій Ивановъ Гавриловъ; у Миллера—Иванъ Васильевичъ Заболовскій, по прованію Бражничъ; у Карамзина—Василій Ивановичъ Заболоцкій Бражничъ.

названъ Уральскій хребеть „это“, по замѣчанію Ал. Гумбольдта, — „наиболѣе значительное поднятіе по направленію отъ юга къ сѣверу, какое представляетъ рельефъ Азіи“. До настоящаго времени Русскіе, живущіе въ сѣверномъ Уралѣ, называютъ его Поясовымъ камнемъ. Названіе „Земной Поясъ“, можетъ быть, было переводомъ названія инородческаго и потому было дано хребту, принимаемому за естественную грань двухъ частей свѣта, что онъ тянется на весьма значительномъ разстояніи отъ юга къ сѣверу, между тѣмъ какъ ширина его сравнительно съ длиною ничтожна. Но каково бы ни было происхожденіе этого названія, оно любопытно само по себѣ, какъ выраженіе вѣрнаго представленія о хребтѣ, и потому или было принято Русскими, или дано ими самими. Оно къ тому же вполне соответствовало и ихъ народному возрѣнію на формы земной поверхности. Русскимъ пришельцамъ, въ началѣ XVI столѣтія достигшимъ на востокъ естественной грани своей великой равнины, у себя дома привышимъ созерцать съ холмистыхъ возвышеній ея широкую гладь, передъ ними разстилавшуюся, и незнакомымъ съ тѣми существенными преградами въ движенію, какія воздвигла природа въ другихъ странахъ, Уральскія горы должны были казаться необычайными по своей высотѣ, неизблжимымъ поясомъ, на которомъ Господь утвердилъ земную поверхность, точно такъ какъ, по тому же народному представленію, и небо, и „все звѣздное теченіе“ было поставлено Имъ на семи поясахъ; поэтому обитатель великой европейской равнины, вѣроятно, взиралъ на вершины „Земнаго Пояса“ съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ смотрѣлъ на нихъ и исконный обитатель его лѣсистыхъ склоновъ.

Путь, по которому Русскіе въ концѣ княженія Ивана III перешли Уральскій хребеть отъ р. Щугура къ верховьямъ р. Сыгвы, выдающей съ лѣвой стороны въ Сосву, лежитъ между 64° и 65° сѣверной широты. Въ томъ мѣстѣ Уралъ, нивьющій, какъ и другіе хребты окраинъ, скаты, спускающіеся на обѣ стороны, состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ, высокихъ каменныхъ хребтовъ, разстояніе между которыми простирается отъ 5 до 12 верстъ; ширина горной долины р. Щугура доходитъ до 10 верстъ. На этомъ пути находится нѣсколько вершинъ: Кореджь-уррь, Ахутасъ-люльне-неръ, Поттелова-нелъ и Квитель-пингъ-неръ, примѣчательныхъ по своей высотѣ, хотя, впрочемъ, оленья дорога, пролегающая въ мѣстности, усѣянной этими вершинами, довольно удобопроходима; на лѣвой сторонѣ р. Щугура, который служилъ для Русскихъ путеводною нитью въ великую низменность

сѣверной Азіи, возвышается одна изъ высочайшихъ вершинъ Урала Телпосъ-изъ или Непубы-неръ, простирающаяся до 5,000 футовъ высоты; въ горныхъ ущельяхъ этого хребта они могли видѣть огромныя массы снѣга, который не растаиваетъ даже лѣтомъ. Порывистые вѣтры, быстрыя перемены воздуха и вообще всѣ тѣ предятствія, какія воздвигаетъ человѣку суровая горная природа, встрѣчаются на пути черезъ Уральскій хребетъ. Не смотря однако на эти препоны, на тѣ потери и въ силахъ и въ запасахъ, какія должна была понести русская рать, прошедшая длинный, тяжелый путь, прежде чѣмъ она достигла верховьевъ р. Щугура, неутомимый вождь ея князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, извѣстный своею воздержною и суровою жизнію, перешелъ „Земной Поясъ“, и власть Русскихъ должны были признать не только инородцы, жившіе на восточныхъ, но и на западныхъ его склонахъ ¹⁾.

Отъ этихъ инородцевъ, принадлежавшихъ къ племенамъ финской вѣтви, изъ которыхъ въ дорожникѣ помянуты вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими—Самоядь (Samoged), близъ Пустозерка, Вогуличи (Voogolici), по р. Сосвѣ (Sossa) и Оби, и Югричи (Ugritzschi), по р. Оби, подъ которыми, кажется, слѣдуетъ разумѣть Остяковъ, Русскіе во время похода подъ начальствомъ кн. Семена Курбскаго узнавали названія горъ, странъ, племенъ, рѣкъ и крѣпостей. Число этихъ названій, вѣроятно, далеко превосходило то, какое извѣстно намъ по Запискамъ о Московіи, такъ какъ естественнымъ слѣдствіемъ условій полукочеваго охотничьяго быта приуральскихъ инородческихъ племенъ было обстоятельное знакомство ихъ съ топографіей обширной области звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, доставлявшихъ имъ средства къ су-

¹⁾ *Asie Centrale* par *A. de Humboldt*, t. I, Paris, 1848, p. 412; 471—472 (о происхожденіи имени «Земной Поясъ»); ст. объ Уралѣ, составл. *Л. И. Зедделеромъ*, по рукописи *Гобмана*, въ Военн. Энцикл. Лекс., т. XIII, С. Пб. 1857 г., стр. 207. О значеніи географическихъ названій см. *Землеуѣдніе Азіи К. Рихтера*, ч. I., С. Пб. 1856 г., стр. 31. На стр. 52-й о хребтахъ на окраинахъ. Толковый словарь живаго великорус. яз. *В. Даля*, III, М. 1865 г., стр. 342. Путь черезъ Уральскій хребетъ отъ р. Щугура къ юрмамъ Ляпинскимъ, на р. Сыгвѣ или Ляпинѣ, гдѣ некогда находился городокъ Ляпинъ, описать въ соч. *Топографическое описаніе сѣвернаго Урала и его рѣкъ (1847—1848 гг.)*, *Зам. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, кн. VI, С. Пб. 1852 г., стр. 309—313. См. также стр. 271—272; 280, 281. Ляпинъ городокъ упоминается въ разр. кн., 7009 г., и въ царск. гр. 1586 г. авг., *Описаніе Сибир. царства Г. Ф. Миллера*, стр. 63, 200—202; 205—206—топографическое опредѣленіе городка Ляпина. *Геогр. стат. словарь Семенова*, III, 128. В. Ч., 207. Отзывъ о кн. Курбскомъ въ *В. М. С.*, 79 А (120).

ществованію. У Остяковъ, въ настоящее время обитающихъ въ верховьяхъ рр. Печоры и Оби, въ тѣхъ же условіяхъ быта, въ какихъ они жили и въ то время, когда Русскіе впервые ближе ознакомились съ ними, каждая гора, пригорокъ, рѣчка, болото и другіе предметы всё имѣютъ собственное названіе ¹⁾.

Занимствованія Русскими отъ инородцевъ географическихъ данныхъ, находящихся въ дорожничѣ, вѣроятно, не ограничивались только одними названіями. Тамъ можно справедливо догадываться, если мы даже допустимъ, что свѣдѣнія, во время похода добытыя Русскими самостоятельно или черезъ посредство обрусѣвшихъ или знающихъ русскій языкъ инородцевъ, были дополняемы составителями дорожника данными, извлеченными изъ какихъ-нибудь не дошедшихъ до насъ письменныхъ источниковъ. Свѣдѣнія о нѣмой торговлѣ Грустинцевъ и Серноновцевъ—жителей двухъ крѣпостей на р. Оби, о князѣ Венцѣ (Vuentza), владѣвшемъ крѣпостью Коссинъ, о добываніи мѣховъ въ области р. Иртыша, вѣроятно, были получены Русскими отъ инородцевъ. Нельзя также отрицать, что въ разказахъ инородцевъ приуральскихъ областей о людяхъ, обитавшихъ далѣе на востокѣ, могла быть примѣсь элемента чудеснаго, и вѣроятно, отъ этихъ инородцевъ Русскіе слышали о необыкновенныхъ людяхъ, живущихъ за р. Тахнинномъ. Говорилъ же самоѣдъ Миллей нашему извѣстному путешественнику Василію Николаевичу Латкину, записавшему съ его словъ

¹⁾ R. M. C., 81 C.; 82 A.; 83 C. (124; 127). Зап. Геогр. Общ., VI, 310: «Не смотря на дикую пустыню этой страны (отъ р. Шугура къ р. Сымѣ), каждая гора, пригорокъ, рѣчка, болото и другіе даже мелочные предметы всё имѣютъ собственное названіе у туземцевъ». Названіе Югричи встрѣчается въ царск. гр. 1557 г. Изслѣдованія Лерберга, С.-Пб. 1819 г., стр. 7. Лербергъ былъ убѣжденъ въ томъ, что подъ Юграми слѣдуетъ разумѣть Вогуловъ и Обскихъ Остяковъ, см. тамъ же, стр. 6. Ср. прекрасное замѣчаніе Шегрена въ его *Gesammelte Schriften*, V, I, St.-Pet. 1861, S. 311. Авторъ статьи А. Б. (Бушенъ), напеч. въ *Вѣстн. Геогр. Общ.*, 1855 г., Ч. XIV, стр. 167—190, старался доказать, что не Вогуличи—потомки Югры, а Обскіе Остяки (стр. 177), обитавшіе въ древности на западныхъ склонахъ Урала. Главное доказательство того, что Русскіе не могли называть Вогуличей Югрой основано на томъ, что въ лѣтописномъ перечнѣ племенъ, подъ 1396 г., Вогуличи поставлены рядомъ съ Югрою (Никон., IV, 268). Въ пр. 26, на стр. 189, любопытно слѣдующее указаніе: «Нѣсколько рѣчекъ на сѣверномъ Уралѣ до сихъ поръ называются Югра». Отамъ объ этой статьѣ см. въ «Обозрѣніи трудовъ (Геогр.) Общ. по истор. геогр.» А. И. Артемьева въ кн. «Двадцатипятилѣтіе Имп. Русск. Геогр. Общ.», С.-Пб. 1872 г., стр. 181—182.

драгоцѣнный разказъ о жизни Самоѣдовъ въ тундрѣ, что къ востоку отъ р. Оби, за областью, обитаемою Карачеями, „живуть еще чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе—они спрячутся, а куда, никто не знаетъ, видно—въ землю уходятъ“¹⁾).

Слѣдъ инородческаго вліянія на русскія географическія свѣдѣнія можетъ быть отысканъ и въ вышеприведенномъ извѣстіи о горѣ Столпъ, взобраться на которую мало было семнадцати дней. Едва ли было бы справедливо невѣроятное опредѣленіе высоты этой вершины считать случайно ошибочнымъ, такъ какъ оно даже въ эпоху совершенно неопредѣленныхъ представлений о твердыхъ формахъ земной поверхности должно было поражать своею необычайностію, и не даромъ авторъ Записокъ счелъ необходимымъ не только указать на лицо, сообщившее ему извѣстіе объ этой горѣ, но и замѣтить, что оно было результатомъ его разспросовъ, обращенныхъ къ Курбскому, который не могъ не внушать къ себѣ довѣрія. Еще менѣе вѣроятно объяснять это извѣстіе преднамѣреннымъ искаженіемъ со стороны Курбскаго дѣйствительнаго факта; искаженія и преувеличенія были обычны и легко объяснимы въ свѣдѣніяхъ, передаваемыхъ иностранцамъ людьми Московскаго государства относительно власти великаго князя Московскаго, государя всея Руси, его казны и данниковъ его изумлявшей своею обширностію вотчины. Отъ предположеній, на которыхъ нельзя успокоиться, обратимся къ догадкамъ болѣе вѣроятнымъ, опредѣляющимъ сложное названіе занимающаго загадочнаго извѣстія.

Слово гора въ русскомъ языкѣ означаетъ вершину и оно же есть „общее названіе всякой земной возвышенности“; на сѣверѣ Россіи горою называютъ „вообще землю, сушу, берегъ, материкъ,

¹⁾ Описаніе Сибир. царства Г. Ф. Миллера, стр. 208: Остяки называютъ дорогу между Березовымъ и Лынымъ городкомъ *Зырянкою*, а Русскіе *Русскимиъ Тесомъ*, «потому что по оной дорогѣ, дабы не заблудиться, знаки на деревьяхъ тесаны или зарубаемы бывали». Зыряне, по языку, очень близки къ Пермьямъ, съ которыми Русскіе вступили въ близкія сношенія уже въ XIV в. *Joh. Andreas Sjogrens Gesammelte Schriften*, S. 81, 431—433. В. М. С., 82 А—В; 83 А (125—126). Дневникъ Василія Николаевича Латкина, во время путешествія на Печору, въ 1840 и 1843 гг. въ *Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ.*, кн. VII, С. 116. 1853 г., ч. I, стр. 149. Зыряне подчиняются русскому вліянію (тамъ же, стр. 48); Самоѣды отличные мореходы и въ настоящее время вмѣстѣ съ Русскими участвуютъ въ промысловыхъ предпріятіяхъ и «нерѣдко женятся на Русскихъ» (стр. 94). Самоѣдъ Иванъ, сопровождавшій г. Латкина, во время его плаванія по р. Усѣ, хорошо говорилъ по зырянски, по остяцки, на языкѣ Егровъ или Манчей и порядочно по русски (стр. 111).

въ противность водѣ, рѣкѣ, морю“. Эти разнообразныя значенія слова гора были общеупотребительны и въ древности, и Курбскій, отвѣчая на разспросы объ Уральскомъ кребѣ, по всей вѣроятности, подѣ словомъ гора разумѣлъ и вершину, и возвышенность (по зырянски парма). Это, между прочимъ, подтверждается извѣстіемъ, вѣроятно—записаннымъ со словъ Курбскаго о томъ, что онъ перешелъ гору Печору; здѣсь, очевидно, слово шаяъ въ подлинникѣ буквальный переводъ слова гора въ смыслѣ возвышенности. Курбскій, разказывая Герберштейну о своемъ походѣ, могъ ему говорить, что при переходѣ чрезъ Уральскія горы онъ поднимался на гору, то-есть, на возвышенность въ продолженіе семнадцати дней; могъ при этомъ вспоминать и разказывать Герберштейну о самой высокой вершинѣ, лежавшей на древнѣйшемъ пути Русскихъ въ Азію и называемой финскими инородцами Столпомъ. По мировоззрѣнію, господствующему у народовъ средней Азіи, высокія вершины, какъ и у народовъ арійской вѣтви, считаются священными; на нихъ смотрятъ какъ на столбы, поддерживающіе небесный сводъ. Подобное же воззрѣніе, какъ можно предполагать на основаніи современныхъ этнографическихъ данныхъ, существовало и у племенъ финской вѣтви, обитавшихъ на склонахъ сѣвернаго Урала. Жертвоприношенія Нумѣ, котораго Самоѣды-язычники считали высшимъ существомъ, совершались ими на высокихъ холмахъ. Въ настоящее время о горѣ Непубы-неръ или Телпось-изъ, окруженной „группою сопокъ, отвѣсныхъ скалъ и каменныхъ росыпей“, съ вершинами, которыя поднимаются скалистыми зубцами, и по дикому виду своему, кажутся мало доступными, Остяки и Зыряне разказываютъ, „что на эту гору никто не смѣетъ взобраться; что въ старину были будто смѣльчаки, увлеченные любопытствомъ, но оттуда никогда уже не возвращались. Они считаютъ мѣсто это обитающимъ нечистаго духа“.

Вѣроятно, какъ мы уже замѣтили, Курбскій съ своею ратью проходилъ мимо Телпось-изъ, и это предположеніе мы можемъ здѣсь дополнить новою догадкою: не эту ли вершину Русскіе называли Столпомъ ¹⁾.

¹⁾ О значеніи слова гора см. Словарь *Дала*, I, 332; Слав. Древн. — *Шафарика*, т. I, кн. 2, стр. 348: слово гора въ славянскомъ языкѣ означаетъ вершину и гѣсь; Очерки русской истор. географіи *Н. Барсова*, Варшава, 1873 г., стр. 15, XI, пр. 34. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ... *А. Будиловича*, ч. I, Кіевъ, 1878 г., стр. 41, § 34. Дневникъ—*Латкина*, I, 28 (по зырянски парма

Замѣчаніе Герберштейна о томъ, что гора Столпъ вѣдается въ океанъ и простирается до устьевъ Двины и Печоры, очевидно относящееся къ Уралу, а не къ одной изъ вершинъ его, названной Столпомъ, характеризуетъ взглядъ Русскихъ этого времени на этотъ горный хребетъ и подтверждается свидѣтельствомъ Разрядной книги: дѣла Камени „отъ моря до моря“. Такое преувеличенное представленіе относительно протяженія Урала въ начальную эпоху знакомства съ нимъ весьма понятно; даже на позднѣйшихъ картахъ его изображали простирающимся до берега Ледовитата моря; между тѣмъ какъ онъ оканчивается краемъ Минисей, самая сѣверная гора котораго—Константиновъ камень—находится въ 40 верстахъ отъ морскаго берега (68° 29' сѣв. шир., 83° 57' долг.). Къ западу отъ оконечности Уральскаго хребта, болѣе чѣмъ на 40 верстъ отъ нея, тянется къ острову Вайгачу „рядъ невысокихъ горъ, раздѣленныхъ одна отъ другой тундрой и возвышающихся надъ послѣднею въ видѣ отдѣльной цѣпи, подъ общимъ именемъ Пайхой“. Эти горы отдѣлены отъ Урала огромною тундрой и р. Карою ¹⁾.

Какъ разказъ Курбскаго о горѣ Столпъ, такъ и извѣстія Русскихъ объ Уральскихъ горахъ не были вѣрно поняты авторомъ Записокъ о Московіи, хотя онъ заботился о точномъ переводѣ дорожника, изъ котораго извлечены эти извѣстія. Онъ не были для него ясны

означаетъ вообще возвышенность, «преимущественно лѣсную», 99 (о Нумъ); II, 119 (о вырянскихъ названіяхъ). О возвращеніяхъ азиатскихъ народовъ на горы вершины см. *Gesch. der Erdkunde v. Carl Ritter*, Berlin, 1861, S. 42 (р. в., Спб. 1864, стр. 37); *Asie Centrale par A. de Humboldt*, t. I, Paris, 1843, p. 271—272; Этнографическія замѣчанія и наблюденія *Кастрена*, въ *Этногр. Сборникъ*, вып. IV, Спб. 1858 г., стр. 293 (о Нумъ); Топографическое описаніе сѣв. Урала, *Зап. Геогр. Общ.*, VI, 283. Въ сибирской лѣтописи *Ильи Черепанова*, по рукоп. Тобольской дух. семинаріи, л. 170 и об. «Алтай—основаніе вселенней, досягае главою до небесъ» (выписки изъ этой лѣтописи сдѣланы Л. Н. Майковичъ). Ст. *А. Н. Пылина*: «Средніе вѣка русской литературы и образованности», *Вѣстн. Европы*, 1877, апрѣль, стр. 731: «По одному русскому апокрифу, въ самомъ океанѣ стоитъ столпъ, называемый адамантинъ, глава котораго возвышается до неба».

Б. Риттеръ, въ «Идеяхъ о сравнительномъ земледѣніи», въ числѣ причинъ, объясняющихъ множество заблужденій въ физической географіи, справедливо указываетъ на «обычай называть горами всякія возвышенія и холмы». *Магазинъ землеѣдннхъ путешествій*, изд. *Н. Фроловичъ*, т. II, М. 1853 г., стр. 424—425.

¹⁾ R. M. C., 84 A. (128). *Миллеръ*, 63; *Зап. Геогр. Общ.*, VI, 272—273.

на столько, на сколько могли бы быть, какъ потому, что въ XVI в. понятія о твердыхъ формахъ земной коры были крайне ограниченны, и эти послѣднія едва-едва обращали на себя вниманіе путешественниковъ, такъ и потому, что онъ, какъ мы видѣли, едва ли понималъ слово гора въ томъ широчинномъ смыслѣ, какой оно имѣло въ русской рѣчи; другія же слова и выраженія, которыми въ разныхъ мѣстностяхъ Русскій народъ означалъ различныя твердыя формы земной поверхности, или были неизвѣстны, или не вполне понятны Герберштейну. Вотъ почему онъ не могъ составить себѣ на столько ясное представленіе о нихъ, на сколько это было возможно по извѣстіямъ, имъ добытымъ, хотя отнесся въ нимъ съ большимъ вниманіемъ. По тому же самому онъ принялъ и разные названія, прилагаемыя къ ихъ цѣлямъ и вершинамъ, а именно: Камень, Камениый Поясъ, Земной Поясъ за названія отдѣльныхъ горъ—вершинъ, между тѣмъ какъ этими названіями Русскіе означали Уральскій хребетъ и его различныя вѣтви. Къ этимъ заключеніямъ приводятъ и указанія, находящіяся въ дорожникѣ, и замѣчаніе о томъ, что поименованныя въ немъ горы имѣютъ одно общее названіе „Земной Поясъ“, и современныя намъ названія Урала Камнемъ и Поясомъ. Камнемъ, вѣроятно, онъ названъ и въ описаніи того же похода 1499—1500 г., находящемся въ Разрядной книгѣ. Воеводы кн. Петръ (Ушатый) да князь Семень (Курбскій), говорится въ этомъ описаніи,—отъ Печеры до Камени или двѣ недѣли, „и тутъ развелися... черезъ Камень щелью, а Камени во облакахъ не видѣти. А коли вѣтрено, ино облака раздираетъ. А длина его отъ моря до моря“. Отъ Камени или недѣлю до перваго городка Ляпина. Остяки и Самоѣды называютъ Уралъ, Кѣу и Пай, что означаетъ камень или скалу. Не безъ вѣроятія можно предполагать, что этотъ же Камень въ дорожникѣ названъ горомъ Печорою, черезъ которую перешелъ Курбскій ¹⁾.

¹⁾ В. М. С., 84 А (128). Словарь *Далай*, II, 697; *Г. Ф. Миллеръ*, 63; *Карамзинъ*, VI, пр. 462. Въ приводимой Миллеромъ выпискѣ изъ Разрядной книги о походѣ 1499—1500 г. находятъ слѣдующія заслуживающія вниманія географическія данныя: Пинежскій волокъ («до Пинѣжемаго волочку», ср. В. М. С., 81 А (123); р. Колода (В. М. С., 81 А—Кулой); Олений бродъ; гор. Ушашъ на р. Печеръ; Камен; Самоѣды на Камени; гор. Ляпинъ; Одоръ («съ Одора Югорскіе князи»); ввали всего 42 города и прошли 4,650 вер. до Ляпина.

Изъ двухъ предложенныхъ Миллеромъ объясненій слова Одоръ слѣдуетъ считать наиболѣе вѣроятнымъ второе, то-есть, «съ Обдоры, древняго Остачкаго мѣстечка, что вынѣ русскій острогъ въ Березовскомъ уездѣ, недалеко отъ устья

Какъ ни мало удовлетворительны свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, извлекаемыя изъ извѣстнаго намъ, благодаря Герберштейну, указанія, все же въ русской исторической географіи онѣ имѣютъ цѣну потому, что передаютъ намъ названія этихъ горъ, данныя имъ Русскими въ XVI столѣтіи, служатъ къ опредѣленію путей, по которымъ войска великаго князя перешли Уралъ въ 1499—1500 г., и въ значительной степени дополняютъ извѣстія о томъ же походѣ, занесенныя въ лѣтописи и въ Разрядную книгу.

Первыя свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, отличающіяся баснословнымъ характеромъ, встрѣчаются въ нашихъ письменныхъ памятникахъ очень рано. „Суть горы“, передаетъ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1096 г., со словъ Новгородца Гюраты Роговича, посылавшаго своего отрока въ Югру, — „зайдуче (в) луку моря, имже высота яко до небесе“. „Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастью, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощи“. Затѣмъ упоминанія объ этихъ горахъ надолго прекращаются, хотя въ источникахъ, относящихся къ исторіи Новгорода Великаго, въ лѣтописель съ XII в., а въ договорныхъ грамотахъ съ XIII в., находимъ рядъ извѣстій о Югрѣ, какъ о землѣ, подвластной этому знаменитому городу и лежавшей на крайнемъ сѣверо-востокѣ его владѣній. По всей вѣроятности, Югорская земля, платившая ему дань, лежала въ предѣлахъ великой европейской равнины и не переходила за ея естественный рубежъ на сѣверо-востокѣ. Единственное извѣстіе о походѣ Новгородцевъ на р. Обь въ 1364 г., отрицать которое мы не имѣемъ основанія, должно считать не болѣе, какъ смѣлою попыткою проникнуть за этотъ рубежъ. Какими путями достигли они р. Оби въ этотъ году—неизвѣстно, и только на основаніи повѣрѣннѣйшихъ данныхъ можно предполагать, что они совершили этотъ походъ по рѣкамъ, и слѣдовательно, перешли Уральскій хребетъ.

Послѣ 1364 года не встрѣчаемъ никакихъ свидѣтельствъ, относящихся къ Уралу, и только послѣ паденія независимости Новгорода Великаго, съ того времени, когда московскія войска въ первый разъ перешли Уральскія горы (1483 г.), онѣ и земли, къ нимъ прилегаю-

рѣки Оби» (стр. 65), см. Р. М. С., 82 С. (125): «ad Obi ostia, in provincia Obdoga». О названіяхъ Пай и Кеу см. Военн. Энци. Лекс., т. XIII, стр. 207; *Зан. Геогр. Общ.*, VI, стр. 269; 296—гора Березовый камень-Кассепъ меръ (а меръ по остатку камень, стр. 268) и др.

нія, становятся болѣе извѣстными, и свѣдѣнія о нихъ не прекращаются. Походъ этотъ доказалъ, что горы, казавшіяся недосыгаемыми, пугавшія воображеніе своею высотой, оказались проходимыми, и московское правительство съ конца XV в. не переставало обращать бдительное вниманіе на земли, прилегающія къ Уралу. Поэтому, понятно, и свѣдѣнія о Югорской землѣ должны были измѣниться. Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка, далеко превосходятъ все то, что было извѣстно о ней до этого времени; но все же онѣ весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностью возстановить то представленіе о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегавшую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала; но въ то же время Югорскую землю несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби¹⁾.

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., С.-Пб. 1872 г., стр. 227 (1096 г.); Лѣт. по Ипат., сп., С.-Пб. 1871 г., стр. 199 (1114 г.): «суть и еще мужи стари ходили за Югру и за Самояды». П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 19 (1487 г. Югорскіе даники); 21—22 (1193 г.—извѣстіе весьма любопытное), 73 (1323 г.); 74 (1329 г.); IV (Новг. IV), 17 (1187 и 1194 г.), 51 (1329 г.); V (Соб. 1), 169—170 (1193—1194 г.), 218 (1323 г.). Никон., IV, 259—260 (1193 г.). Новг. лѣтописи (2 и 3-я), С.-Пб. 1879 г., стр. 84, 236. Югра упоминается въ числѣ воеводъ новгородскихъ въ слѣдующихъ договорныхъ грамотахъ Новгорода а) съ в. княземъ Тверскимъ, Собр. гос. гр. и дог., I, № 1, 2 (1265 г.), стр. 1—3, —Ярославомъ Ярославичемъ; № 6—10 (1305—1308 г.), стр. 6, 8, 10, 11, 13—Михиломъ Ярославичемъ; № 15 (1327 г.), стр. 19, —Александромъ Михайловичемъ; б) № 20 (1471 г., авг. 11), стр. 27, —съ в. кн. Иоанномъ III; в) А. И.; I, № 258 (1434 г.), стр. 487, —съ в. кн. Василиемъ Васильевичемъ; г) А. А. Э., № 57 (1436 г. до июля), стр. 42, —съ в. кн. Василиемъ Васильевичемъ; д) тамъ же, № 87 (1470—1471 г.), стр. 64, —съ польскимъ королемъ, Казиміромъ IV; е) тамъ же, № 19 (1471, авг. 11), стр. 67, —съ в. кн. Иоанномъ III. О походѣ на р. Обь въ 1364 г., П. С. Р. Л., IV (Новг. IV), 64—65; V, 230.

На основаніи доводовъ и соображеній, приведенныхъ *Н. Барсовымъ* въ его соч. *Очерки русск. истор. географіи*, стр. 14, 53—55, мы готовы допустить, что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV вв. относится къ землѣ, лежащей къ западу отъ Урала. Но въ XV в. Югорскою землею называли также и область, прилегавшую къ восточнымъ склонамъ Урала, что, вѣроятно, и привело Лерберга (см. его *Исл.*, 1819 г.) къ очень одностороннимъ и невѣрнымъ заключеніямъ, см. выписку изъ разр. кн. у *Миллера*, стр. 61; *Лѣтописецъ* (Арханг. лѣт.), 1781 г., стр. 160—161: 6991 г. (1483) «князь великій Иванъ Васильевичъ посла рать на Асыку на Вогульскаго князя да и въ Югру на Обь великую рѣку; воеводы отъ Сибири, шли по Иртышу рѣцѣ въ низъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю».... Р. М. С., 82

Всѣ вышеприведенныя данныя изъ Записокъ о Московіи касаются только тѣхъ горъ, которыя возвышаются на ея окраинахъ, и эти данныя не случайно нашли себѣ мѣсто въ Запискахъ: горы на окраинахъ великой равнины, занятой Русскими народами, служили ея естественными границами, и нѣкоторыя изъ нихъ къ тому же представлялись высочайшими въ цѣломъ свѣтѣ. Горы, находящіяся внутри этой равнины, казавшіяся обитателю каменной части Европы холмами, не могли обращать на себя его вниманіе и потому, естественно, извѣстія Герберштейна о нихъ весьма скудны и отличаются случайнымъ характеромъ; авторъ не считалъ необходимымъ даже упомянуть о всѣхъ тѣхъ горахъ и возвышенностяхъ, которыя самъ видѣлъ во время своего путешествія, и въ Запискахъ его находятся еще слѣдующія орографическія данныя, вромѣ вышеприведенныхъ: а) Смоленскъ, „лежащій въ долинѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ плодоносными холмами“.... б) „Черемисы живутъ на сѣверѣ, за Волгою; для отличія отъ нихъ тѣ, которые живутъ около Новгорода, называются верхними Черемисами или горными, не отъ горъ, которыхъ тамъ нѣтъ, но скорѣе отъ холмовъ, на которыхъ они живутъ“. в) На горахъ, сосѣднихъ съ Киевомъ „и теперь еще видны слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей“. „У Киева есть одинъ холмъ, черезъ который купцы должны проѣзжать нѣсколько трудною дорогою“. г) Воины, которыхъ великій князь каждый годъ носылалъ въ степь, „для развѣдыванія и отраженія татарскихъ набѣговъ“, разказывали, „что около устьевъ малаго Танаиса, въ четырехъ дняхъ отъ Азова, близъ мѣста Великій Перевозъ, у Святыхъ горъ, они видѣли статуи и какія-то мраморныя и каменныя изображенія“¹⁾.

То, что въ послѣднемъ изъ приведенныхъ извѣстій имѣло для автора значеніе второстепенное, и о чемъ онъ счелъ нужнымъ упомянуть въ виду могущаго возникнуть у читателя недоумѣнія относительно каменныхъ изображеній, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть каменныя бабы—эти до сихъ поръ остающіеся загадочными памятники языческой эпохи народовъ, обитавшихъ въ восточной Европѣ, то именно и имѣетъ цѣну для нашей исторіи XVI в. Свидѣтельство о ежегодной посылкѣ великимъ княземъ воиновъ, то-есть, станичниковъ,

А (124): <ad fluvium Oby... pervenitur.. Hunc quoque Vuogulici et Vgritzschi gentes accolunt>.

¹⁾ R. M. C., 70 C; 64 C; 104 B—C; 67 A B (108; 99; 158—159; 103). Ср. по изд. 1557 г., стр. Lij об., Kij об., Pij, Kij, л. 2 об.

въ степь восполняетъ весьма скудныя и отрывочныя, начиная съ XIV до второй половины XVI вѣка, данныя нашихъ источниковъ о русской стражѣ въ стѣнахъ и указываетъ на то, что въ первой четверти XVI в. необходимость устройства ея уже была совнаема правительствомъ, какъ необходимость государственная. Посылая станичниковъ въ степь, оно, вѣроятно, руководилось обстоятельными географическими свѣдѣніями о путяхъ, по которымъ Татары дѣлали набѣги на южныя области Московскаго государства.

Какъ свидѣлствуютъ Записки о Московіи, станичники совершали свои разбѣды въ мѣстности, весьма отдаленной отъ южныхъ городовъ Московскаго государства, въ сосѣдствѣ съ Святыми горами, лежащими на берегу р. Донца, въ 30 верстахъ отъ гор. Изюма. Эти горы, бывшія въ продолженіе многихъ вѣковъ нѣмыми свидѣтелями хищническихъ движеній азіатскихъ народовъ, въ началѣ XVI столѣтія, вѣроятно, уже служили для Русскихъ весьма выгоднымъ мѣстомъ наблюденія за движеніями Татаръ. Отсюда можно было замѣчать ихъ появленіе на далекомъ разстояніи, наблюдать за ними съ болѣею, чѣмъ въ открытомъ полѣ, безопасностію, такъ какъ въ пещерныхъ ходахъ этихъ твердыхъ легко было укрыться отъ степнаго набѣдника. Замѣчательно, что онѣ были мѣстомъ убѣжища не однихъ только станичниковъ. Въ XVII столѣтіи здѣсь подвизались иноки Святогорской обители, и здѣсь живая дѣйствительность призывала ихъ къ подвигамъ христіанской любви: на этихъ горахъ искали и находили пріютъ бѣжавшіе или изъ плѣна бусурманскаго, отъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Турокъ, или отъ нестерпимыхъ гоненій, воздвигнутыхъ на Русскій народъ латинскою церковью¹⁾.

¹⁾ Святогорская общежительная Успенская пустынь, М. 1853 г., стр. 6—9 (на стр. 7: «въ скалѣ Донецкой, по длѣнѣ 200 сажени, идетъ подземный ходъ»), 13 («несомнѣнно существованіе Святогорской обители съ 1624 г.»), 19 (царская гр., 1644 г. Мар. 21: «А будетъ, придетъ въ Святогорскій монастырь изъ Крыма, или отъ Нагай, или изъ Царьграда, или иныхъ земель полоненики»), 27. Ист. рос. царств., ч. VI, стр. 66—67. О нападеніи Татаръ на юго-восточную Украйну въ XV—XVI стол. см. Никон. лѣт., V, 92, 123, 157, 192—193, 217—218, 287 (XV стол.); VI, 132 (1492 г. бой между Русскими и Татарами между «Трудовъ и Быстрые Сосны»), 179 (1507 г. упом. рг. Ровница), 192 (1512 г.), 208 (1517 г. Татары въ числѣ 20,000 подступили къ Тулѣ и потерпѣли совершенное пораженіе. «А напередъ ихъ (Татаръ) задоша по лѣсомъ пѣшіе многіе люди украинные да ить дороги засѣкоша»... «Слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самыхъ Татаръ, которые придоша опослѣ того

Изъ всѣхъ орографическихъ данныхъ, извлеченныхъ нами изъ Записокъ о Московіи, самъ авторъ, какъ можно догадываться, справедливо придавалъ наибольшее значеніе свѣдѣніямъ о горахъ Уральскихъ; всё же остальные данныя имъ помнаны случайно и потому, конечно, не могли обратить на себя вниманіе читателей. Объ Уралѣ Герберштейну удалось собрать отъ Русскихъ любопытныя и новыя свѣдѣнія, несомнѣнно имѣющія общее научное значеніе въ исторіи землевѣдѣнія, не смотря на ихъ несостоятельность во многихъ отношеніяхъ, на примѣсъ баснословнаго элемента, на неясность и искаженіе многихъ географическихъ названій. Это важное значеніе этихъ новыхъ извѣстій состоитъ однако не въ томъ, что онѣ были первыми по времени появленія въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Московіи. Ранѣе Герберштейна Матвѣй Мѣховскій въ своей книгѣ о Сарматіи, первое изданіе которой явилось въ 1517 г., замѣтилъ, что горы въ области, занимаемой Югрюю, подъ которыми очевидно слѣдуетъ разумѣть Уральскія горы, не такъ высоки, какъ Альпы и горы Сарматскія (то-есть, Карпаты), что Югорскія горы покрыты густыми лѣсами, открыты, довольно удобопроезжимы, объема средняго и высоты, каменисты и скалисты; такія горы находятся на всемъ сѣверѣ на краю земли, близъ Сѣвернаго океана. О тѣхъ же горахъ Записки о Московіи даютъ свѣдѣнія, несравненно болѣе подробныя. Здѣсь мы находимъ достовѣрныя указанія относительно мѣстоположенія Уральскихъ горъ, перечень рѣкъ, берущихъ начало на ихъ склонахъ, описаніе пути, по которому можно было совершить перекодь по этимъ горамъ, свѣдѣнія о произведеніяхъ странъ, къ нимъ прилегающихъ, и ихъ обитателяхъ. Поэтому эти данныя и занимаютъ видное мѣсто въ общей исторіи географическихъ знаній. Не смотря однако на это значеніе ихъ, краткія замѣтки Мѣховскаго имѣютъ одно преимущество: о высотѣ Урала онѣ даютъ болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ Записки Герберштейна.

Его извѣстія объ Уралѣ должны были возбудить вниманіе западно-европейскихъ географовъ еще и потому, что затрогивали всѣхъ ихъ занимавшій вопросъ о Рифейскихъ горахъ. Матвѣй Мѣховскій первый смѣло заявилъ, что мнѣніе о существованіи высокихъ горъ на

ис Крыму, яко отъ 20,000 мало ихъ въ Крымъ придоша, и тѣ пѣши, и боск, и наги); 228 (1521 г.). Ср. VI, 158; VII, 241 (1555 г. — сторонъ отъ Святыхъ горъ). «О сторожевой и станичной службѣ», И. Бяляева, въ Чт. Моск. Общ. истор. и дрем., 1846, № 4, стр. 5—8; въ «Источникахъ», стр. 18.

востокъ Европы, сложившееся подъ вліяніемъ классической географіи и державшееся до начала XVI столѣтія, совершенно невѣрно, что восточная Европа имѣетъ повсюду видъ равнины, что ея величайшія рѣки берутъ начало не съ высокихъ горъ Рифейскихъ или Гиперборейскихъ, а съ лѣсистой и болотистой низменности. Новое, важное свидѣтельство Мѣховскаго не могло пройти безслѣдно и остаться не замѣченнымъ въ тотъ вѣкъ, когда такъ сильно были возбуждены стремленія къ знаніямъ, и оно стало быстро распространяться, не смотря на то, что подрывало въ то время высоко цѣнимый авторитетъ классическихъ писателей. Послѣ Мѣховскаго ихъ извѣстія о Рифейскихъ горахъ необходимо было признать такимъ вымысломъ, въ которомъ, по видимому, нельзя было отыскать даже какихъ-либо чертъ дѣйствительности, такъ какъ ни самъ Мѣховскій, ни его послѣдователи во взглядѣ на восточную равнину не знали о существованіи Валдайской возвышенности, къ которой можно было бы приурочить Рифейскія горы, и такимъ образомъ спасти и это наслѣдіе классической древности. Кампензе съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ, которые повторяютъ излюбленное ложное извѣстіе объ этихъ горахъ. Ученый Мюнстеръ въ своей космографіи тоже не преминулъ воспользоваться свѣдѣніями Мѣховскаго. Въ сочиненіи Іовія даже на заглавномъ листѣ было упомянуто о томъ, что въ этомъ трудѣ указаны ошибочныя мнѣнія Страбона, Птолемея и другихъ географовъ относительно Рифейскихъ горъ. Тамъ, гдѣ помѣщались эти горы, оказались болота, именуемая, по свидѣтельству Іовія, Бѣлыми озерами, изъ которыхъ вытекаютъ почти всѣ рѣки Московіи. Отъ этого говоритъ онъ, — „занимающіеся космографіею почитаютъ сказкою прославленныя древними Рифейскія и Гиперборейскія горы. Но отказавшись отъ Рифейскихъ горъ, извѣстный италіанскій историкъ, проникнутый уваженіемъ къ классической древности, считалъ вѣроятнымъ приурочить Гиперборейскія горы къ суровымъ (*asperos*), какъ онъ называетъ, горамъ въ странѣ Югровъ и Вогуличей. Предположеніе это, не подкрѣпленное никакими положительными свидѣтельствами объ этихъ горахъ, нашло себѣ подтвержденіе въ Запискахъ о Московіи. Югорскія горы, по новымъ обстоятельнымъ свѣдѣніямъ о нихъ, оказались замѣчательными по своей высотѣ, и Герберштейнъ имѣлъ основаніе сказать: „Во владѣніи князя Московскаго можно замѣтить только однѣ эти горы, которыя, можетъ быть, у древнихъ слыли Рифейскими или Гиперборейскими горами“. Замѣчаніе это и предшествующія ему свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, ихъ суровой природѣ и высочайшей вершинѣ Столпъ

должны были поколебать довѣріе къ тому, что писалъ о горахъ Московіи Мѣховскій, а вслѣдъ за нимъ и Кампензе; догадка же Іовія приобрѣла еще болѣе вѣроятія¹⁾. Что же касается до внутреннихъ возвышенностей Европейской Россіи, то географы и путешественники иностранцы, писавшіе о Московіи послѣ Герберштейна, не обращали на эти возвышенности никакого вниманія и продолжали представлять себѣ великую восточную равнину такою же, какою ее впервые представилъ Мѣховскій. Это воззрѣніе держалось такъ долго, конечно, потому, что понятія о твердыхъ формахъ земной поверхности, господствовавшія до XVIII столѣтія, были крайне незрѣлы. Только въ этомъ столѣтіи французскій ученый Бюашъ (Philippe Buache), впервые обративъ вниманіе на земной рельефъ, указалъ на необходимость установить систему дѣленія горъ по ихъ внѣшнему виду и далъ особое названіе уваламъ, ограничивающимъ ложа рѣкъ—*montagnes de revers*. Тогда крайности физическаго воззрѣнія, господствовавшія съ XVI в., смѣнились крайностями противоположнаго воззрѣнія. Послѣ Бюаша стали отыскивать и указывать цѣпи горъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было²⁾.

¹⁾ «*Descriptio Sarmatarum*—*Mathias de Miechow*, по изд. 1521 г., Diiij 2 об. «*Accipe terciò, quod Juhra septentrionalissima est absque altissimis et inaccessibilibus montibus, nec tantis ut sunt alpes iuxta Italiam, neque sicut montes sarmatici. Non recte ergo quidam historici tradiderunt dicentes hugnos exisse de prouincia eorum, de montibus maximis et inaccessibilibus. Enim vero sunt montes in Juhra, cum densis syluis, patentes et bene permeabiles, quantitatis mediae et altitudinis, petrosi et saxosi, quales sunt per totum septentrionem in fine terrae iuxta oceanum septentrionis*» (изъ гл. V, которая оканчивается слѣдующими словами: «*Haec vera sunt et qui scripsit verum scripsit, et scimus quia verum est testimonium eius*»); Giiij и л. 2—объ истокахъ рр. Двѣпра, З. Двинны и Волги; Hiiij и об. О Сарматскихъ горахъ тамъ же, стр. F. Библи. иностр. пис., С.-Пб. 1836 г., Кампензе, стр. 68 (29); *Iovii*, 68 (35). *Cosmographia Seb Münster*, по изд. 1552 г., р. 913. R. M. C., 83 C. (127: «вѣроятно это тѣ, которыя у древнихъ слыла»). O. *Peschel's* *Gesch. d. Eräkunde*, 2-te Aufl., heraus. V. *Sophus Rüge*, München, 1877, 1-te Abth., S. 316: «*Herberstein beseitigte auch den Irrthum der griechischen Geographen, dass das innere Russlands von einem Alpenwall, den die Riphäen, von West nach Ost durchzogen werde*... Не Герберштейнъ, а Матвѣй Мѣховскій.

²⁾ *Олеарій*, по изд. 1663 г., стр. 144 (р. п., 104), упомянувъ о величайшихъ рѣкахъ восточной Европы, замѣчаетъ: «*Und ist wol zu mercken dasselbige Wasser alle, nicht wie sonst in gemein, aus den Bergen und Felsen, die im ganzen Grossfürstenthum nicht zu finden, sondern aus den pfützen, morassichten und sandigen Orten ihren Ursprung haben*». *Мейербернъ*, по изд. 166 г., стр. 17, 29 (р. п. 30, 52). *Рейтенфельсъ*, по изд. 1680 г., стр. 255. «*Kurtze und Neueste aus den besten und neuesten Autoren zusammen getragene... Moszkowitzische Zeits-Lands-Staats und Kirchen Beschreibung*», Nürnberg, 1687, стр. 171—172.

О Бюашѣ см. *Карлъ Риттеръ*: *Идея... Матвѣй землевѣд.*, т. 2, М. 1853, стр. 419—421; *Н. Хамыковъ*: *Значеніе Риттера въ наукѣ землевѣдѣнія* (1872 г.) въ кн. «*Иранъ*», ч. I, С.-Пб. 1874 г., стр. XXIII.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ ЧУЖОЙ ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

Насильственное похищение чужой собственности по дѣйствующему праву составляетъ едва-ли не наиболѣе несовершенный отдѣлъ нашего уложенія о навазаніяхъ, представляющій такія рѣзкія особенности относительно предмета настоящаго изслѣдованія, которыя не встрѣчаются ни въ одномъ изъ иностранныхъ законодательствъ; это обстоятельство, а также то, что въ литературѣ нашей этотъ предметъ не имѣетъ еще специальной монографіи, побудили меня заняться обработкою вопроса о насильственномъ похищеніи чужой собственности. Помимо догматической стороны дѣла, рассматриваемый вопросъ имѣетъ значительный историческій интересъ, такъ какъ насильственное похищеніе чужой собственности есть болѣе преступленіе времени прошлаго, нежели настоящаго. Въ наше время установилось возрѣніе, по которому нормы права нельзя рассматривать, какъ явленіе случайное, находящееся въ зависимости отъ личной воли лица. Всякое право составляетъ естественный продуктъ умственнаго и нравственнаго состоянія общества известной эпохи; въ области исторіи мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить видоизмѣненіе правовыхъ понятій по мѣрѣ того, какъ измѣняются нравы и понятія общества, его обычаи, учрежденія, его экономическое состояніе и политическій строй. Съ наибольшимъ основаніемъ можно это сказать объ уголовномъ правѣ, имѣющемъ своимъ предметомъ преступленіе и наказаніе; не только количество преступленій въ обществѣ и тяжесть уголовныхъ наказа-

ній находятся въ прямой зависимости отъ общаго состоянія известнаго общества, но и само преступленіе, форма и родъ его запечатлѣны въ высокой степени характеромъ культуры данной эпохи. Въ историческомъ процессѣ уголовно-правовыхъ понятій одни преступленія вовсе исчезаютъ изъ числа наказуемыхъ дѣяній, другія вновь выдвигаются силою самой жизни; одни уменьшаются по мѣрѣ развитія гражданского общества, другія, напротивъ, увеличиваются. Укажу для примѣра на два преступленія, представляющія особенный интересъ въ отношеніи ихъ исторической судьбы: въ древнѣйшій періодъ русскаго общества неизвѣстны были юридическія понятія разбоя и мошенничества; оба эти понятія не различались отъ другихъ, родственныхъ имъ. Съ теченіемъ времени природа перваго преступленія опредѣляется и настаетъ періодъ въ жизни общества, когда разбой и грабежъ составляютъ обыкновенное и наиболѣе частое преступленіе. Въ эту эпоху едва замѣтны еще признаки выдѣленія понятія мошенничества. Затѣмъ, чѣмъ ближе въ нашему времени, чѣмъ дальше идетъ общество по пути умственнаго прогресса и государственнаго благоустройства, случаи разбоя уменьшались, а мошенничество увеличивается въ числѣ и занимаетъ выдающееся мѣсто въ законодательствѣ о судебной практикѣ. Орудіе разбоя—грубая физическая сила, средство мошенничества—ловкость и изобрѣтательность ума человѣческаго; первое удѣлъ прошлаго, второе—настоящаго.

Имѣя задачей изслѣдовать вопросъ о насильственномъ похищеніи чужой собственности по русскому праву съ историко-догматической стороны—я постараюсь изложить въ предлагаемой статьѣ послѣдовательное историческое развитіе понятія разбоя и грабежа въ различныхъ эпохи исторіи нашего права; только строго-историческимъ путемъ можно объяснить тѣ особенности, которыми отличается дѣйствующее право по предмету насильственнаго похищенія чужой собственности.

I.

Періодъ Русской Правды.

§ 1 Съ призваніемъ князей и введеніемъ христіанства въ жизнь русскаго общества внесены были новыя начала и притомъ на столько могучія, что старый освѣщенный вѣками строй жизни не могъ не поддаться, не уступить подъ напоромъ новыхъ идей. Но особенность

историческаго роста общества такова, что побѣда всякаго вновь внесеннаго въ жизнь начала надъ старымъ достигается только послѣ упорной внутренней борьбы и не мало времени проходитъ, пока совершенно ослабѣютъ и исчезнутъ явленія прежняго строя жизни, уступивъ вѣчно прогрессирующимъ идеямъ новаго порядка, а потому эпоха Русской Правды справедливо называется временемъ сложенія и организациі общественнаго строя; во всѣхъ почти явленіяхъ общественной жизни этой эпохи мы видимъ борьбу двухъ началъ. Княжеская власть и община съ ея автономіей, христіанство и язычество, элементъ пришлый и туземный, писанный законъ и изустный обычай, Византійское законодательство и туземное право — вотъ черты, придающія характеръ нѣкоторой двойственности разсматриваемой эпохи. Появленіе единой княжеской власти имѣло послѣдствіемъ сліяніе разрозненныхъ и враждебныхъ между собой общинъ; на русской почвѣ возникаетъ идея государства, создается начало политическаго объединенія русскаго народа. До призванія князя правоспособность лица имѣла признаніе лишь въ мѣстномъ кругу общины; съ этого момента кругъ лицъ, могущихъ быть объектомъ преступленія, значительно увеличивается, обнимая собой всѣхъ членовъ общинъ. На ряду съ судомъ княжескимъ остается судъ общинный, юрисдикція котораго постепенно суживается; производство уголовныхъ дѣлъ ничѣмъ не отличается отъ производства дѣлъ гражданскихъ, судъ — состязательный и обвинительный. Въ древнѣйшую до-княжескую эпоху всякое правонарушеніе разсматривается съ точки зрѣнія личной обиды и уголовная неправда почти не различалась отъ гражданской неправды; кажется, нельзя вовсе отрицать существованіе подобнаго разграниченія въ индивидуальномъ чувствѣ и сознаніи человека того времени, такъ какъ при всей бѣдности внутренней, психической жизни его, онъ не могъ одинаково и безразлично относиться къ преступленію и чисто гражданскому правонарушенію. Но подъ вліяніемъ новыхъ началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь христіанствомъ и княжескою властью, уголовное право періода Русской Правды постепенно реформируется, наказаніе нерѣдко получаетъ характеръ общественнаго возмездія, а въ понятіи преступленія замѣчаются попытки разграничить различныя формы виновности, такъ напр. различалось убійство умышенное, безъ всякаго свадья, отъ убійства на пиру, въ ссорѣ, различаются случаи дозволеннаго убійства татя на поличномъ; при истребленіи чужаго имущества, прямо выдѣляется злонамѣренное

истребленіе коня или скотины, покушеніе наказывается слабѣ нежели совершеніе преступленія, встрѣчаются нѣкоторыя отрывочныя постановленія о необходимой оборонѣ и соучастіи.

§ 2. Понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности, какъ дѣйствія уголовно-наказуемаго, мы находимъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего законодательства, въ договорахъ Русскихъ съ Греками. Участники договоровъ, имѣя въ виду возможное обезпеченіе правъ собственности, старались защитить ее не только отъ тайнаго посягательства, но и отъ явнаго насилія. Къ сожалѣнію, относящіяся къ предмету настоящаго изслѣдованія постановленія въ договорахъ принадлежатъ къ числу наиболѣе темныхъ и неопредѣленныхъ мѣстъ этихъ чрезвычайно важныхъ памятниковъ нашего древняго законодательства. Остановимся прежде на договорѣ Олега съ Греками 911 года.

Здѣсь находимъ мы слѣдующее постановленіе: „Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину, мученія образомъ искусь творити и насилье явѣ, или възметъ что любо дружинне, да вспятнъ троиць“ (Ст. 7. Договора по Ипатіевскому списку)¹⁾; но существуетъ иное чтеніе этого мѣста договора, предложенное Шлецеромъ и принятое Эверсомъ и другими изслѣдователями: „аще кто отъ Хрестьянъ или отъ Руси мученья образомъ искусь творитъ и насильемъ явѣ взметъ что любо дружне, да вспятитъ тройче“²⁾. Пользованіе различными списками договора и различное чтеніе статей служатъ отчасти объясненіемъ разногласія среди изслѣдователей нашихъ при объясненіи означенной статьи. Особенное затрудненіе представляютъ выраженія „искусь творити“ и „дружне“ „дружинне“. Одни изслѣдователи понимаютъ слово „искусь“ въ смыслѣ попытки, покушенія (Гг. Эверсъ, Мейчикъ и М. Ф. Владимірскій-Будановъ), другіе переводятъ выраженіе „искусь творити“—производить обыскъ (Раковецкій, Карамзинъ, Полевой, Соловьевъ и Бѣляевъ), наконецъ, третьи читаютъ это выраженіе памятника въ смыслѣ „производить пытку, искушать, допрашивать“ (Татищевъ, Лавровскій, Срезневскій и Станиславскій). Что касается выраженія договора „взметъ что любо дружинне“ или „дружне“, то большинство изслѣдователей читаютъ

¹⁾ Владимірскій-Будановъ, Христ. по ист. русскаго права, в. 1, стр. 5.

²⁾ Шлецеръ. Несторъ. Русскія лѣтописи на древне-слав. языкѣ. С.-Пб. 1809, ч. 11, гл. XV, стр. 719. Эверсъ. Древн. русское право, С.-Пб. 1835, стр. 170.

его такъ: „возьметъ что либо чужое“ за исключеніемъ гг. Лавровскаго и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, которые усматриваютъ здѣсь понятіе особаго специфическаго вида насильственнаго похищенія чужой собственности, производимаго шайкою или совокупностью нѣсколькихъ лицъ ¹⁾.

Изложенное разногласіе лучшихъ нашихъ историковъ въ чтеніи и объясненіи ст. 7-й договора Олега съ Греками съ одной стороны указываетъ на возможность здѣсь болѣе или менѣе проблематическаго толкованія, а съ другой—не оставляетъ позднѣйшему изслѣдователю ничего иного, какъ присоединиться къ одному изъ наиболѣе вѣроятныхъ объясненій.

Наиболѣе правильнымъ, кажется, слѣдуетъ признать объясненіе слова „искусъ“, предложенное нашими филологами гг. Лавровскимъ и Срезневскимъ, согласно мнѣнію которыхъ слово „искусъ“ въ ст. 7-ой договора Олега означаетъ пытку, истязаніе, выпытываніе. Кромѣ наибольшей, по нашему мнѣнію, компетентности упомянутыхъ ученыхъ въ разрѣшеніи вопросовъ филологіи, въ пользу предложеннаго ими объясненія говоритъ то обстоятельство, что оно вполне соответствуетъ тому смыслу, который можетъ имѣть ст. 7 договора Олега. Въ ней имѣется въ виду случай насильственнаго нападенія на личность и имущество; вмѣсто того, чтобы предполагать здѣсь „обыскъ“, какъ предлогъ для нападенія (въ которомъ вовсе не нуждались наши предки), или „поушеніе“, выраженіе, не имѣющее никакого значенія въ статьѣ, устанавливающей одно лишь взысканіе за оконченное преступленіе грабежа, болѣе естественнымъ, кажется, предположить здѣсь тотъ случай, когда въ грабежѣ допрашиваютъ хозяина вещи, при помощи различныхъ мученій, гдѣ хранятся его деньги или цѣнныя вещи.

¹⁾ Эверс, *ibid.*, стр. 176., Мейчикъ, Система преступленій и наказаній, *Юридич. Вѣстн.* за 1875 г., янв., стр. 40—41; М. Ф. Владимірскій—Будановъ, *ibid.*, стр. 5, прим. 10; Prawda Russka, czyli prawa wielkiego Xięcia Jarusława Władimirowicza etc. przez Rakowickiego, tome II, 1822, стр. 5; Карамзинъ, *Ист. госуд. Росс. С.-Пб.* 1842, т. I, гл. V, стр. 83; Полевой, *Ист. Русск. народа*, т. I, стр. 130; Соловьевъ, *Ист. Россіи*, т. I. 1851, стр. 108; Лавровскій, О византийскомъ Элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками, С.-Пб. 1853, стр. 123—126; Срезневскій въ *Изв. Импер. Акад. Наукъ*, т. III, стр. 287 и слѣд.; Станиславскій въ *Юридич. Сборникъ* изд. Мейеромъ, Казань, 1855, стр. 161; Бяляевъ, *Лекціи по ист. русс. законодательства*. М. 1879 г., стр. 69 и 83.

Болѣе важнымъ и достовѣрнымъ представляются намъ возраженія г. Лавровскаго противъ чтенія слова „дружинне“ въ смыслѣ чужой, „дружне“. Эти возраженія заключаются въ слѣдующемъ: а, ни одинъ изъ лучшихъ списковъ не представляетъ чтенія „дружне“ (см. списки Лаврент., Хлѣбн., Ряз., и Троиц. лѣтописей), принятаго Шлецеромъ, Карамзинымъ, Эверсомъ и др.; в, переводъ слова „дружне“ „чужой, другой“ неправиленъ, такъ какъ обыкновенно это слово означаетъ дружескій, пріятельскій; с, принимая „дружинне“ за средній родъ прилагательнаго дружинный, мы, говоритъ г. Лавровскій, едва ли не поймемъ истиннаго смысла мѣста. Дружина—есть соединеніе, совокупность, скопище нѣсколькихъ лицъ, откуда: взять что либо дружинне „значить похитить вещь насильственно посредствомъ совокупнаго нападенія нѣсколькихъ лицъ“ (Лавровскій, стр. 124—125). Къ этой, по моему мнѣнію, весьма вѣской аргументаціи прибавимъ то соображеніе, что употребленіе слова „дружне“ въ смыслѣ „чужое“ въ ст. 7 договора было бы совершенно излишне, такъ какъ, само собой разумѣется, насильственное похищеніе собственной вещи не можетъ быть за исключеніемъ случая самоуправства.

Замѣтимъ, что Русскимъ людямъ того времени не чужды были обычаи вольной добычи и легко возможно допустить, что жители Византійскихъ владѣній не мало страдали отъ пограничныхъ набѣговъ, разбойничьихъ и хищническихъ наѣздовъ со стороны Русскихъ, тѣмъ болѣе, что подобные наѣзды были очень долго постояннымъ явленіемъ въ древней Руси, въ чемъ можно убѣдиться изъ различныхъ грамотъ и договоровъ позднѣйшаго времени (Акты Ист. т. II, № 194; Акты Зап. Рос. т. I, №№ 58, 74, 88, 134, 192; т. II, №№ 16, 17, 49, 74, 112 и мн. др.). Естественно предположить, что эти хищническіе пограничные набѣги совершались не единичными силами, а сообща, цѣлыми шайками, „дружинне“; нападенія Русскихъ вызывали взаимные пограничные наѣзды со стороны жителей Византійскихъ владѣній. Въ виду важности подобнаго явленія для спокойствія гражданъ и государства договаривающіяся стороны не могли пройти его молчаніемъ, а потому и установили наказуемость разбойничьихъ набѣговъ въ ст. 7 договора 911 г. Такимъ образомъ, наиболѣе правильнымъ, кажется, будетъ слѣдующее чтеніе этой статьи: „Если кто изъ хрестіянъ или Русскихъ станетъ допрашивать (предполагается хозяина вещи) посредствомъ мученья, и явно, чрезъ насиліе, что либо возьметъ или въ сообществѣ съ другими (дружинне), то платить за

это втрое⁴. Согласно предлагаемому чтенію ст. 7-й договора Олега имѣемъ въ виду два случая: когда насильственное похищеніе чужой собственности совершается однимъ лицомъ и когда оно совершается совокупностью лицъ, „дружинне“. По наказуемости эти случаи не различаются, подвергаясь одному и тому же взысканію.

Относящаяся къ предмету нашего изслѣдованія ст. 5-й договора Игоря съ Греками не представляетъ никакого почти затрудненія въ чтеніи, а потому всѣ почти изслѣдователи, за исключеніемъ Карамзина (т. I, гл. V, стр. 92) и Бѣляева (Лекціи, стр. 78—79), согласны въ объясненіи ея, въ чемъ нельзя не видѣть признака достовѣрности текста и правильности установившагося толкованія. „Если кто изъ Русскихъ покунется взять что нибудь у людей царства вашего, то сдѣлавшій это да будетъ строго наказанъ. Если же онъ взялъ дѣйствительно, то да заплатитъ за это (вдвое)“ (Эверсъ, стр. 195). Въ этой статьѣ мы находимъ постановленіе о насильственномъ похищеніи чужой собственности съ тѣмъ измѣненіемъ сравнительно съ договоромъ Олега, что кромѣ исполненія преступленія различается покушеніе на него; установленное въ первомъ договорѣ взысканіе за грабежъ также измѣнено, но объ этомъ мы скажемъ нѣсколько ниже.

§ 3. Если всѣ споры и сомнѣнія относительно подлинности договоровъ Русскихъ съ Греками послѣ трудовъ Карамзина, Эверса, Погодина и др. не имѣютъ мѣста въ настоящее время, то далеко нельзя этого связать относительно вопроса о степени вліянія Византійскаго права на содержаніе договоровъ; до послѣдняго времени одни изслѣдователи признаютъ въ договорахъ большое сходство съ такимъ національнымъ памятникомъ русскаго права, какъ Русская Правда (Погодинъ), чисто національныя русскія основы (Сокольскій), другіе—утверждаютъ, что договоры не могутъ дать понятія о русскомъ правѣ (Стефановскій), наконецъ третьи изслѣдователи не такъ рѣшительны въ своемъ приговорѣ и, признавая большое вліяніе Византійскаго права въ понятіяхъ, не могутъ не видѣть степень развитія народнаго языка въ договорахъ (Срезневскій) и т. д. ¹⁾.

¹⁾ *Погодинъ*, Иссл. замѣч. и лекціи о русской исторіи. М. 1846, стр. 145—146; *Сокольскій*, О договорахъ Русскихъ съ Греками. Киев. унив. изв. 1870 г. стр. 18—19; *Стефановскій*, Разграниченіе граждан. и уголов. судопроизв. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1873, февр., стр. 276; *Срезневскій* въ *Изв. Имп. Ак. Наукъ*, т. I, л. 21, стр. 324.

Такимъ образомъ задача исторической науки относительно договоровъ Русскихъ съ Греками далеко не выполнена и вопросъ о степени вліянія Византійскаго права въ нихъ остается до нынѣ открытымъ. Оставляя въ сторонѣ этотъ общій и чрезвычайно сложный вопросъ, какъ имѣющій побочное значеніе для настоящаго изслѣдованія, остановимся на одной изъ частныхъ его, а именно: слѣдуетъ ли видѣть въ постановленіи договоровъ относительно нашего предмета исключительно продуктъ Византійскаго законодательства или понятіе древне-русскаго права? Можно думать, что понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности, какъ *delicta sui generis*, было неизвѣстно Русскимъ въ эпоху составленія договоровъ, а потому понятіе это явилось въ послѣднихъ по инициативѣ Грековъ, подѣ вліяніемъ римскаго права, хотя и не безъ вниманія, впрочемъ, къ особенностямъ древне-русскаго юридическаго быта. Это положеніе мы основываемъ на нижеслѣдующемъ: 1) Исторія развитія уголовного права всѣхъ народовъ указываетъ на одно болѣе или менѣе общее явленіе—что въ самый древнѣйшій періодъ жизни общества понятіе грабежа остается неизвѣстнымъ; оно или сливается съ воровствомъ, или имѣетъ значеніе вооруженнаго столкновенія между нѣсколькими лицами, какъ это увидимъ въ слѣдующемъ изложеніи. Что касается собственно русскаго права, то въ древнѣйшій періодъ исторіи права мы вовсе не находимъ понятія грабежа въ указанномъ значеніи; его не знаетъ ни Русская Правда, ни другіе памятники разсматриваемаго періода. Такимъ образомъ, является весьма страннымъ и непонятнымъ обстоятельствомъ существованіе понятія грабежа въ договорахъ съ Греками въ X в. и отсутствіе его въ Русской Правдѣ и другихъ современныхъ ей памятникахъ XI—XIII вѣковъ? 2) Вышняя форма изложенія статьи 7-й договора 911 года наводитъ на мысль о Византійскомъ происхожденіи статьи. Языкъ договоровъ вообще отличается своею неточностью и случайностью въ употребленіи словъ и выраженій, переводъ договоровъ съ греческаго языка на столько неудовлетворителенъ, что даетъ основаніе думать, что переводчикъ былъ Болгаринъ, мало знакомый съ особенностями русскаго языка. При всемъ томъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, „въ языкѣ договоровъ проглядываетъ мысль и бытъ Русскаго народа хотя и тускло, но все же проглядываетъ“ (Срезневскій, Изв. И. Ак. Наукъ, т. III, стр. 260—262); Вѣляевъ видитъ въ договорахъ—языкъ Приднѣпровскихъ Славянъ (Лекціи, стр. 65). Статья 7-я договора Олега отли-

чается особенно искусственностью языка, особеннымъ значеніемъ словъ и вообще обнаруживаетъ обильные признаки Греческаго происхожденія (Лавровскій). Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного изъ нашихъ историковъ-юристовъ, что „эта несомнѣннѣйшая статья... по всей вѣроятности возникла по инициативѣ Грековъ“¹⁾. Замѣтимъ ко всему этому, что при всемъ невниманіи къ языку Русскихъ—переводчикъ договоровъ не могъ пренебречь готовымъ терминомъ для выраженія понятія грабежа, еслибы оно, подобно татѣбѣ, извѣстно было Русскимъ того времени, тѣмъ болѣе, что слова „грабежь, грабинь“ имѣютъ общеславянскій корень у многихъ славянскихъ народовъ²⁾. Перейдемъ къ наказаніямъ, установленнымъ въ договорахъ за грабежь. По договору 911 года виновный въ этомъ преступленіи подлежалъ тройному взыскаю въ размѣрѣ стоимости похищенной вещи, а по договору 945 года за покушеніе на грабежь виновный наказывался „вельми“, то-есть строго, за совершеніе преступленія; кромѣ этого неопредѣленнаго наказанія, долженъ былъ вернуть двойную стоимость вещи, заплатитъ „сугубо“. Едва-ли не общее мнѣніе всѣхъ изслѣдователей нашихъ, что установленныя въ договорѣ Олега взысканія за воровство и грабежь взяты изъ римскаго *actio vi bonorum rapto-um*, иска, по которому требовалось вознагражденіе четверо; въ договорѣ виновный въ воровствѣ платилъ тройное вознагражденіе и кромѣ того возвращалъ вещь, а виновный въ грабежѣ платилъ только тройное вознагражденіе. Если сравнить между собою наказанія за грабежь и воровство по договорамъ, то увидимъ, что въ первомъ договорѣ грабежь наказывается слабѣе воровства, а во второмъ наказуемость этихъ двухъ родственныхъ преступленій уравнивается³⁾. Чѣмъ объяснить различную наказуемость воровства и грабежа въ первомъ случаѣ? Одинъ изъ почтенныхъ изслѣдователей видитъ въ относящихся сюда постановленіяхъ договора Олега съ Греками

¹⁾ *Дювернуа*. Источники права и суда въ древней Россіи. М. 1869 г., стр. 26.

²⁾ *Linde*, *Stownik języka polskiego*, t. IV, 1808, стр. 765—766.

³⁾ Болѣе слабая наказуемость грабежа сравнительно съ воровствомъ въ договорѣ Олега послужила однимъ изъ основаній скептическаго отношенія Шлецера къ подлинности договоровъ Русскихъ съ Греками (Нестор, т. II, гл. XV, стр. 718—721); при этомъ Шлецеръ назвалъ *какимъ-то* совершенно справедливое и весьма мѣткое замѣчаніе Татищева, что «въ то время разбой считался лучше воровства».

нѣкоторую уступку Русскимъ „по неизвѣстнымъ для насъ побужденіямъ“ (Станиславскій, стр. 162); можно съ большою вѣроятностью допустить, что болѣе слабая наказуемость грабежа сравнительно съ воровствомъ въ договорѣ 911 г. была дѣйствительно уступкой русскимъ во вниманіе къ особенностямъ юридическаго быта нашихъ предковъ, не представлявшаго понятія насильственнаго похищенія чужой собственности. Въ договорѣ Русскихъ съ Греками при Игорѣ, состоявшемся при неблагоприятныхъ условіяхъ для Русскихъ, мы, естественно, не находимъ этой уступки и грабежъ подлежитъ хотя и неопредѣленному, но во всякомъ случаѣ строгому уголовному наказанію наравнѣ съ воровствомъ.

§ 4. Въ исторіи нашего права Русская Правда по своему богатѣйшему юридическому и бытовому содержанію занимаетъ приблизительно то же мѣсто, какъ Уложеніе въ Московскомъ періодѣ и Статутъ въ Литовскомъ законодательствѣ. Представляя собой сборникъ частныхъ лицъ, не имѣя характера официальнаго законодательнаго памятника, Русская Правда отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ источниковъ, изъ которыхъ составители заимствовали ея содержаніе. Однѣ статьи Русской Правды—древне-юридическіе обычаи, другія—постановленія, изданныя подъ вліяніемъ христіанской вѣры, наконецъ третьи заключаютъ въ себѣ практическіе случаи, судебныя рѣшенія. Въ Правдѣ мало системы, номенклатура далеко не полная и часто произвольная; если къ этому прибавить искаженія въ текстѣ первоначальной Русской Правды, внесенныя переписчикомъ, сухость и сжатость ея статей, а также то обстоятельство, что кромѣ Русской Правды исторія почти не оставила намъ матеріала для воспроизведенія юридическаго быта княжескаго періода, то мы поймемъ, кажется, то явленіе, что Русская Правда до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ необъяснимою, не смотря на то, что лучшія силы нашей историко-юридической литературы были потрачены на объясненія ея.

Къ числу наиболѣе спорныхъ мѣстъ въ Русской Правдѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ постановленія ея объ убійствѣ, которое въ нѣкоторыхъ статьяхъ называется „разбоемъ“. Последнее обстоятельство побуждаетъ насъ нѣсколько подробно остановиться на относящихся сюда постановленіяхъ Русской Правды.

Прежде всего необходимо выяснить, чтó слѣдуетъ понимать подъ „разбоемъ“ въ разсматриваемомъ памятникѣ? Анализируя это понятіе, нельзя не придти къ тому выводу, что необходимый признакъ его

составляетъ убійство и что выраженіе „разбой“, по крайней мѣрѣ въ ст. 19 Правды Ярославичей и 3 Русской Правды XIII в., употреблено не въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ наше время. Это положеніе вѣдъ всякаго спора и можно считать вполне установленнымъ среди изслѣдователей Русской Правды, не смотря на самые разнообразныя и противоположныя взгляды ихъ на постановленія Правды объ убійствѣ въ разбой. Что касается того, какое именно убійство выражаетъ слово „разбой“ въ настоящемъ случаѣ, какіе признаки и какую цѣль слѣдуетъ предполагать въ убійствѣ, въ разбой—всѣ эти вопросы болѣе или менѣе спорныя, относительно которыхъ историческая литература у насъ не пришла пока къ одному какому-либо опредѣленному рѣшенію.

Такъ называемая Правда Ярослава, заключающая въ себѣ 17 первыхъ статей Русской Правды Академическаго списка, не упоминаетъ вовсе о „разбой“; впервые этотъ терминъ является лишь только въ Правдѣ Ярославичей и Русской Правдѣ XIII в. (Карамзинъ сп.). Въ Правдѣ Ярославичей различаются три случая убійства: 1) когда виновный лично уплачиваетъ виру за себя, „а людямъ не надобѣ“ (аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити зань 80 гривенъ оубици, а людямъ не надобѣ... ст. 18); 2) когда община, вервь платитъ вору за убійство (а иже оубьютъ огнищанина въ разбой, или (и) оубица не ищоуть: то вирное платити въ неи же ви. р. и. голова начыеть лежати, ст. 19); 3) когда убійство остается вовсе безнаказанно и никто не платитъ виры (аже оубьютъ огнищанина оу клѣти, или оу кони, или оу говяда, или оу коровѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто... ст. 20). Всѣ три статьи, заключающія въ себѣ приведенные случаи, слѣдуютъ въ памятникахъ послѣдовательно одна за другой, въ чемъ нельзя не видѣть указанія на нѣкоторую связь между ними, тѣмъ болѣе что расположеніе статей вполне соответствуетъ содержанію ихъ: первоначально идетъ рѣчь о наиболѣе тяжкомъ случаѣ убійства („въ обиду“), затѣмъ объ убійствѣ менѣе тяжкомъ („въ разбой“) и, наконецъ, устанавливается правило о ненаказуемости убійства вора на поличномъ. Если признать, что личная отвѣтственность за преступленіе соответствуетъ болѣе тяжкому виду его, а общинная—менѣе тяжкому, то мы логически должны будемъ придти къ тому выводу, что ст. 18 и 19 Правды Ярославичей имѣютъ въ виду различныя случаи убійства, что убійство „въ обиду“ представляетъ болѣе тяжкую форму преступленія, нежели убійство

„въ разбой“¹⁾. Вотъ выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать на основаніи постановленій объ убійствѣ Правды Ярославичей; всякое дальнѣйшее объясненіе выраженій „въ обиду“ и „въ разбой“ не можетъ быть принято безъ параллельнаго изученія соответствующихъ статей Русской Правды XIII в. Различныя редакціи разсматриваемаго памятника древне-русскаго права имѣютъ между собой тѣсную внутреннюю связь, и всякая послѣдующая редакція служитъ дальнѣйшимъ дополненіемъ и развитіемъ началъ, вошедшихъ въ болѣе ранній списокъ. Благодаря этому обстоятельству, представляется весьма затруднительнымъ и даже невозможнымъ по нѣкоторымъ вопросамъ придти къ какому либо опредѣленному выводу на основаніи одной лишь редакціи памятника.

Въ постановленіяхъ Русской Правды XIII в. мы замѣчаемъ то же явленіе, которое указано было выше относительно Правды Ярославичей; въ однихъ случаяхъ опредѣляется личная отвѣтственность (будетъ ли стоялъ по разбой безо всякаы свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдабодуотъ самого всего и съ женою и зъ дѣтми на потокъ и разграбленіе, ст. 5), въ другихъ случаяхъ участіе общины, верви въ уплатѣ виры (аже кто оубіетъ княжа моужа въ разбой, а головника не ищоутъ, то вервную платити въ чей же верви голова лежить... ст. 3) „... но оже будетъ оубилъ оже въ свадѣ или въ пироу явлено, то тако ему платити по вервинѣ, еже ея прикладывають вирую“, ст. 4), наконецъ, устанавливается безнаказанность убійства вора на татьбѣ „въ пса мѣсто“ (ст. 37). Сличеніе соответствующихъ статей Правды Ярославичей и Русской Правды XIII в. приводитъ къ тому убѣжденію, что ст. 18 перваго памятника соответствуетъ по содержанію ст. 5 втораго; ст. 19 Правды Ярославичей статьямъ 3 и 4 Русской Правды XIII в. Какъ памятникъ позднѣйшаго времени, Русская Правда XIII в. естественно представляетъ дальнѣйшее развитіе слабо и не совѣмъ ясно намѣченныхъ началъ въ Правдѣ Ярославичей; такъ личная денежная отвѣтственность убійцы „въ обиду“ (ст. 18) переходитъ въ высшее

¹⁾ Выраженіе «въ обиду» въ ст. 18 Русской Правды Ак. сп. одни изслѣдователи переводятъ словомъ «несправедливо» (*Эверсъ*, стр. 359; *Поодинъ*, *Исслѣд.*, замѣч. и лекціи, т. VII, стр. 289); другіе словомъ «умиленно» (*Ланге*, *Исслѣд. объ уголов. пр. Русской Правды*, С.-Пб. 1860, стр. 108; *М. Ф. Владиміръскій-Будановъ*, *Христоматія*, в. 1, стр. 28, прим. 2).

уголовное наказаніе „потокъ и разграбленіе“ за убійство „на разбой безо всякыя свады“ (ст. 5), участіе верви въ уплатѣ виры получаетъ большую опредѣленность и законченность. Начала круговой поруки въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи опредѣляли во многомъ жизнь человѣка и глубоко захватывали всѣ стороны общиннаго быта нашихъ предковъ; община, съ ея круговой порукой, являлась представительницею интересовъ лица, давала ему безопасность, защищала его, связывала во единое цѣлое всѣхъ членовъ своихъ и, казалось, личность терялась въ идеѣ круговой поруки общинной жизни ¹⁾. Община блюдетъ интересы своихъ членовъ, заботится о благосостояніи и безопасности ихъ; въ однихъ случаяхъ принимаетъ на себя денежную отвѣтственность за преступленіе, совершенное однимъ изъ членовъ ея; въ другихъ случаяхъ, находитъ для себя невыгоднымъ защищать преступника, а потому первоначально, въ извѣстныхъ случаяхъ убійства, лишаетъ убійцу своей помощи въ уплатѣ виры, и впоследствии, въ XIII в., выдаетъ убійцу съ женою и дѣтьми „на потокъ и разграбленіе“. Въ какихъ же случаяхъ община лишаетъ своей поддержки виновнаго въ убійствѣ и въ какихъ она выдаетъ его? Община не отвѣчаетъ, не платитъ за убійцу въ двухъ случаяхъ: при убійствѣ „въ обиду“ (ст. 18 Ак. списка) и въ случаѣ убійства „на разбой безо всякыя свады“ (ст. 5 Карамз. сп.). Постараемся опредѣлить эти понятія. Выраженіе „безо всякыя свады“ указываетъ, безъ сомнѣнія, на отсутствіе въ преступленіи убійства признаковъ раздраженія, ссоры и вражды; отбросивъ эти признаки изъ понятія убійства „на разбой безо всякыя свады“ и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что случайное убійство не могло подлежать самому строгому наказанію, мы должны придти къ тому выводу, что подъ убійствомъ „на разбой безо всякыя свады“ и „въ обиду“ слѣдуетъ понимать вообще всякое предумышленное убійство, безъ всякаго повода со стороны убитаго. Цѣль преступленія, по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія ограничивать ограбленіемъ; по всей вѣроятности, въ понятіе убійства, выраженнаго въ тождественныхъ статьяхъ Правды Ярославичей (ст. 18) и Русской Правды XIII в. (ст. 5), входило какъ убійство съ цѣлью ограбленія, такъ и всякое другое корыстное или съ иною цѣлью совершенное

¹⁾ *Иоанишев.* Соч. его, изд. унив. Св. Владимира, Кіевъ, 1876: О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи, стр. 236—237.

предумышленное убійство ¹⁾. То обстоятельство, что община лишает своей помощи убійцу „въ обиду“ и выдаетъ на потокъ и разграбленіе убійцу „на разбой безо всякыя свады“, убѣждаетъ насъ еще болѣе въ правильности предлагаемаго толкованія. „Община не была защитницею явныхъ злодѣевъ, нетерпимыхъ въ обществѣ“, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей древне-общиннаго быта Русскихъ, „и отвѣчала только за того, кто былъ виноватъ и подлежалъ поло-

¹⁾ Въ нашей историко-юридической литературѣ не установился еще одинъ какой-либо опредѣленный взглядъ на понятіе убійства, выраженного въ ст. 5 Русск. Пр. XIII в. Съ легкой руки Эверса (стр. 253 и слѣд.) многіе изслѣдователи видятъ въ ст. 5 тайное, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, коварное, убійство безъ всякой «свады» и раздраженія. (Рейс, Опыт исторіи госуд. и гражд. зак. М. 1836, стр. 179—180; Лешковъ, Русскій народъ и госуд. М. 1858, стр. 98—103; В. Г. Демченко, Ист. изс. о повзаніяхъ свѣдѣт. Кіевѣ, 1859 г., стр. 33; Бодановскій, Разв. прест. и нак. и т. д. М. 1857, стр. 31; Соколовскій, Главн. моменты въ ист. повального обыска. Кіевѣ, 1871, стр. 10—13). Подобное толкованіе основывается на сопоставленіи противоположныхъ постановленій, заключающихся въ ст. 4 и 5; но ст. 4 далеко не самостоятельное постановленіе Правды XIII в. и составляетъ продолженіе и дополненіе къ предыдущей ст. 3, ведущей рѣчь вообще объ убійствѣ въ разбой, и *убійство на миру явлено* составляетъ лишь частный случай, вовсе не дающій основанія предполагать открытое, явное нападеніе, какъ общій признакъ убійства «въ разбой». По нашему мнѣнію, одинъ несомнѣнный признакъ убійства, которое въ ст. 3 и 4 противопоставляется убійству «безъ всякыя свады», это совершеніе преступленія въ ссорѣ, изъ вражды; затѣмъ, всякое дальнѣйшее, болѣе точное опредѣленіе признаковъ разбоя неосновательно. То же должно сказать относительно мнѣнія Каченовскаго, который видитъ въ убійствѣ «на разбой безо всякыя свады» — *несчастное нападеніе по злобѣ или корыстолюбію* (Разсужденіе о судебн. поединкахъ, Труды Общ. Ист. и древн., ч. I, М. 1815, стр. 11—16, 32—33). По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ ст. 5 Русской Правды XIII в. имѣется въ виду случай убійства съ цѣлью ограбленія (*Vakowieckiego*, Prawda Russka etc. w Wazsawie, 1822, стр. 133, прим. 37; *Соловьевъ*, т. 1, стр. 233; т. III, стр. 79; *Чебышевъ-Дмитриевъ*, О прест. дѣйст. стр. 73—75; *Балассъ*, Лекціи, стр. 236—237, 243). Мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ; отсутствіе предварительной ссоры при убійствѣ, разумѣется, указываетъ на существованіе особыхъ злоумышленныхъ мотивовъ для убійства, но почему же слѣдуетъ предполагать здѣсь именно цѣль ограбленія: развѣ предумышленное убійство не можетъ имѣть иной какой либо предумышленной цѣли? Наболѣе правильное и близкое къ тексту статьи даютъ объясненіе выраженію убійства «на разбой безо всякыя свады» тѣ изслѣдователи, которые усматриваютъ здѣсь вообще предумышленное убійство, не основанное на «свадѣ», безъ обиды со стороны убитаго. Гг. Поповъ, Балачевъ, Ланге, Суховъ и Владимірскій-Будановъ).

женному въ законѣ наказанію, но въ общественномъ мнѣніи признавался виновнымъ или, по крайней мѣрѣ, считался заслуживающимъ извиненія и участія общества" ¹⁾).

Въ отличіе отъ убійства безъ всякой свады Русская Правда различала убійство въ свадѣ, подъ которымъ понимали вообще всякое причинное убійство, то-есть такое, которое вызывалось и объяснялось причинами, лежавшими въ лицѣ пострадавшаго. Община относилась снисходительно къ виновному въ убійствѣ въ разбоѣ, въ свадѣ, въ „пироу явлено“ и помогала ему въ уплатѣ виры; подобная помощь общины имѣла мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда убійство совершено въ разбоѣ, то-есть свадѣ, изъ за вражды, 2) когда „головника не ищутъ“, то-есть община не старается отыскать или не хочетъ выдать убійцу и 3) когда преступникъ, находящійся на лицо, совершилъ неумышленное убійство („въ пироу явлено“). (См. Христоматию Владимірскаго-Буданова, в. 1, стр. 36—37, прим. 9 и 10). Подъ убійствомъ „въ разбоѣ“, о которомъ говорятъ несомнѣнно аналогичныя и родственныя статьи Русской Правды (ст. 19 Правды Ярославичей и ст. 3 Русской Правды XIII в.), слѣдуетъ понимать убійство изъ за ссоры, вражды: имѣя въ виду то обстоятельство, что убійство „въ разбоѣ“ и убійство „на разбоѣ безо всякія свады“, выражаютъ собой два совершенно противоположныя понятія.

Такимъ образомъ, подробное разсмотрѣніе относящихся къ убійству постановленій Русской Правды приводитъ къ тому выводу, что онѣ не представляютъ понятія чужой собственности, какъ *delicta sui generis*, что подъ „разбоемъ“, Русской Правды никакъ нельзя понимать понятіе разбоѣ въ современномъ значеніи этого слова.

Русская Правда называетъ убійство «разбоемъ» то-есть употребляетъ въ настоящемъ случаѣ слово, всегда выражавшее преступное дѣйствіе съ признаками ограбленія. Этому особенностно терминологіи разсматриваемаго памятника объясняется разнообразіе существующихъ въ историко-юридической литературѣ нашей объясненій относительно выраженія Русской Правды «разбоѣ». Одни изслѣдователи видятъ здѣсь поединокъ (издатель Русской Правды 1792 г. и Раковецкій); другіе—тайное, не въ видѣ мести за какую либо обиду, но съ какою либо корыстною цѣлью совершенное убійство» (Богдановскій, стр 26); третьи — убійство въ

¹⁾ *Виллегъ*, О круговой поруцѣ на Руск. *Русская Бесѣда*, 1860, № 11, стр. 10—12.

свадѣ, по враждѣ, въ пылу ссоры и раздраженіи (Полевой, Соловьевъ и Бѣляевъ), наконецъ — четвертые видать въ «разбой» Русской Правды убійство изъ мести (Поповъ, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, М. 1841, стр. 59; Власьевъ, о вѣнненіи по нач. рус. права, М. 1860, стр. 171; Чебышевъ-Дмитріевъ, стр. 73 — 74). Послѣдніи два объясненія слова «разбой» почти тождественны, одно другое дополняя. Мнѣніе тѣхъ, кто видить въ «разбой» убійство изъ мести, кажется, нѣсколько выясняетъ вопросъ — почему убійство въ эпоху Русской Правды въ нѣкоторыхъ случаяхъ называется разбоемъ? Не потому ли, что между убійствомъ Русской Правды и разбоемъ нашего времени существуютъ нѣкоторыя общія черты, сближающія по внѣшнимъ признакамъ эти два совершенно различныя по внутреннему содержанію понятія. Въ эпоху господства частной мести, всякая побѣда надъ врагомъ сопровождалась ограбленіемъ побѣжденнаго¹⁾; можно думать, что убійство изъ мести, изъ за вражды обыкновенно имѣло послѣдствіемъ разграбленіе имущества убитаго. Какъ отнеслось къ обычаю мести духовенство, которое въ эпоху Русской Правды имѣло особенно сильное вліяніе на всѣ вопросы внутренней жизни русскаго общества? Воспитанное среди совершенно иныхъ условій жизни, на другихъ началахъ права, духовенство не желало признать въ кровавой мести вѣками освященный обычай, но видѣло здѣсь лишь признаки преступнаго дѣйствія, которое по Византійскому праву входило въ понятіе разбоя. Что въ глазахъ духовенства кровная месть была преступленіемъ, разбоемъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ нѣкоторыя мѣста нашей древней письменности (Полн. Соб. Рус. Лѣт. т. I, 1846, стр. 54; Акты Ист. т. I, № 40, стр. 77. См. Розенкампфъ, Обзорніе Кормчей, М. 1829 г., стр. 96, прим. 96; Калачевъ, О значеніи Кормчей въ системѣ древне-русскаго права, Чтенія Имп. Общ. Ист. и древн. 1847, г. № 3, примѣч. 46, стр. 100—103; прим. 22, стр. 51). Въ глазахъ духовенства, какъ убійство изъ мести, такъ и убійство съ цѣлью ограбленія было равно разбоемъ; въ обоихъ случаяхъ для него существовали общіе признаки сходнаго по внѣшнимъ признакамъ явленія: убійство и ограбленіе убитаго. Если вѣрно то, что почти всякое убійство изъ мести, въ ссорѣ, въ эпоху господства физической силы лица и слабости общественной власти, сопровождалось ограбленіемъ имущества убитаго, то употребленіе слова «разбой» для выраже-

¹⁾ Grimm, Deutsche Rechtsaltlerthümer, s. 635, «der held durfte seinen erlegten feind berauben (spolia detrahere), das hiess ahd. hrēogan»: См. Tissot, Le droit penal etc. Paris 1860, t. II, p. 118. У насъ весьма долгое время существовало правило въ судебныхъ поединкахъ, по которому побѣдитель грабилъ побѣжденнаго.

нія понятія убійства получаетъ, кажется, надлежащее освѣщеніе. Духовенство византійское, смѣшивая явленія кровавой мести съ понятіемъ разбоя, внесло въ жизнь и установило въ законѣ терминъ «разбой» для выраженія понятія убійства изъ мести, изъ за вражды и ссоры.

§ 5. Понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности, какъ самостоятельнаго преступленія, подлежащаго особо-опредѣленному наказанію, вовсе не было извѣстно въ разсматриваемую эпоху. Ни Русская Правда, ни другіе памятники, въ которыхъ могли бы выразиться черты національнаго русскаго права, не знаютъ ни грабежа, ни разбоя въ современномъ значеніи этого слова. Русская Правда, представляя болѣе или менѣе подробныя опредѣленія объ убійствѣ, побояхъ, ранахъ, увѣчьяхъ, татьбѣ, поджогѣ и другихъ злонамѣренныхъ истребленіяхъ чужой собственности, не упоминаетъ вовсе о грабѣжѣ, какъ дѣйствию подлежащемъ наказанію; даже выраженіе „оукраденъ“ и „оуведенъ“ употребляются совершенно безразлично (ст. 35 Русской Правды, Карамз. сп.). Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1195 г., заключающая въ себѣ исключительно постановленія о личныхъ преступленіяхъ (объ убійствѣ, обидѣ дѣйствиемъ, лишеніи свободы и покушеніи на изнасилованіе) не касается вовсе имущественныхъ преступленій, а потому неудивительно, что въ этомъ памятникѣ мы не находимъ понятія грабежа. То же должно замѣтить относительно другаго болѣе важнаго памятника — договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и Нѣмецкими городами 1229; за исключеніемъ одной статьи, говорящей о татьбѣ (ст. 32), постановленія о личныхъ преступленіяхъ составляютъ въ этомъ памятникѣ почти исключительное содержаніе. Здѣсь мы находимъ нѣкоторыя выраженія, заставляющія насъ нѣсколько остановиться на договорѣ 1229 г. Всѣ извѣстные списки послѣдняго, по словамъ академика Куника, представляютъ одинъ и тотъ же договоръ, но въ двухъ редакціяхъ: готландской и Рижской ¹⁾. Одна редакція представляетъ списокъ договора, утверж-

¹⁾ Русско-Ливанскіе Акты, изд. Археогр. комиссіи, С.-П. 1868, Anhang № 1, в. 410. Здѣсь списки А. В. С. готландской редакціи, списки Д. Е. рижской редакціи. Первая помѣщена у *Раковецкаго*, Russka prawda, l. 211, въ Христоматіяхъ *Арыстова*, стр. 752 — 759 и *Владимірскаго-Буданова*, стр. 94 и слѣд.; вторую, рижскую редакцію, находимъ мы у *Дубенскаго*, въ Русскихъ Достопамятностяхъ, изд. Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос. ч. II, М. 1843 г.

деннаго въ Готландѣ, другая — списокъ договора, утвержденнаго въ Ригѣ. Тамъ, гдѣ въ спискахъ готландской редакціи рѣчь идетъ о „бои“ и убійствѣ, въ спискахъ рижской редакціи говорится о „разбой“; признавая въ этихъ двухъ редакціяхъ, вслѣдъ за гг. Куникомъ и Владимірскимъ-Будановымъ, одинъ и тотъ же договоръ, нельзя не видѣть здѣсь простую замѣну одного выраженія другимъ для обозначенія одного и того же понятія. Если это такъ, то очевидно, что разбой въ договорѣ 1229 г. употребленъ въ смыслѣ убійства, подобно тому какъ это мы видѣли въ Русской Правдѣ; слѣдующія мѣста другихъ историческихъ памятниковъ еще болѣе подтверждаютъ нашъ выводъ: „Аже оубьютъ мужа вольного, тѣ видати разбойники, колико то ихъ боудѣтъ было и т. д.“ (Р. А. Акты, Anhang № 11, s. 451, Договоръ 1230 — 1270 г.) или „Аже другъ друга убнетъ до смерти, а имуть того человекъ, кто разбой учинилъ, тому дати вина, по его дѣлу; а товаръ его свободѣнъ своему племени.“ (Р. Л. Акты, № XLIX, s. 25—28).

Въ договорѣ 1229 года рижской редакціи находится слѣдующаго содержанія статья: Аже боудеть Роусиноу товаръ имати на Немчичи, ли въ Ризѣ, ли на Готьскомъ березе, ли въ котормъ городѣ въ Немецьскомъ, нѣ ити истьцю к-зистьцю и взати емоу та правда, которая то в томъ городѣ, а роубежа... не дѣяти; а Немчичю та же правда взати в Роуса“ (ст. 23). Карамзинъ видитъ здѣсь постановленіе о грабежѣ, а Дубенскій — конфискацію, заарестованіе имущества (см. Русс. Дост., ч. II, стр. 254, 281). Въ актахъ XIII—XII вв. мы очень часто встрѣчаемъ слово „рубежъ“, которое не всегда употребляется въ значеніи границы владѣній¹⁾; иногда оно имѣетъ смыслъ насильственнаго захвата имущества.

Иностранцы, заключая договоры съ Русскими, обыкновенно старались гарантировать безопасность своей личности и собственности отъ всякихъ случайностей, какъ-то войны, личнаго произвола властей, самоуправства и другихъ препятствій въ пути; этимъ объяс-

стр. 245—286. Списокъ договора 1229, приведенный Карамзинимъ (Истор. Госуд. Рос., т. III, М. 1818 г., примѣч. 248), по спискамъ Куника, наиболѣе близокъ къ спискамъ F. G. рижской редакціи (Р. Л. Акты, Anhang № I, s. 417).

¹⁾ Словарь церковно-славянскаго языка, изд. Академіи Наукъ, т. IV, 1847 г., стр. 74.

няются въ договорахъ слѣдующія выраженія „путь чистъ безъ рубежа, безъ пакости, безъ опасы, безъ завады, безъ вывѣда, безъ зацѣпокъ“, но чаще всего встрѣчаются выраженія: „безъ рубежа, безъ пакости¹⁾“. Какъ понимать слово „рубежь“? Какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ различныхъ договорахъ слова „рубежь, рубити, порубити, грабити“ выражаютъ вообще насильственный захватъ чужой собственности²⁾, въ однихъ актахъ въ смыслѣ захвата имущества установленною властью („а что князь товаръ порубилъ братьи нашей, а того товара намъ отступитися“, Карамзинъ, т. IV, прим. 213. „А Бориса Константиновича кѣрмилъ Новгородъ Корелю, и онъ Корелю всю истерялъ и за Нѣмцы загонилъ. Надъ тѣмъ (сверхъ того) рубежь учинилъ въ Новгородѣ, чего не

¹⁾ Выраженіе «путь чистъ» въ актахъ XII—XV вв. означало вообще свободу движенія иностранныхъ «гостей», иногда въ смыслѣ беспопытливнаго пропуска (Соловьевъ, т. IV, стр. 257). Въ подтвердительномъ договорѣ XIII в. договора Мстислава Давидовича 1229 г. читаемъ: «*А ѿ Смоленска чистѣиш поуть до Рѣчи, а не надобе имъ ни вошець ни мѣсто, а на Волоче, како то есть пошло*» Р. А. Акты, Anhang № 11, S. 452; См. Р. А. Акты, Дог. 1266—1272, № XXVI; Дог. 1392, № CXV; Дог. 1493 № CCLXXIX; Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. I, Дог. 1426—1461, № 18; 1471, № 20; 1371, № 31. Акты Запад. Рос. т. I, 1440, № 38; Акты Этн. Экс. т. I, Дог. гр. около 1398, № 14. Въ нѣкоторыхъ актахъ выраженіе «чистъ путь» замѣняется словами «чисто» «добровольно»: «*а наши к вамъ едутъ чисто*» (Р. Л. Акты, грамота 1409, (?) № CXXXVI) или «*имъ бы ходити добровольно*». (Тамъ же, № CCLXXVIII, S. 240—241) или «*чтобы Полочаномъ добровольно ѣхати къ Рязь*» (А. Э. Э. т. I, Дог. 1407, № 16).

²⁾ Въ Акад. Словарѣ,—слово «порубъ» означаетъ мѣсто заключенія, темницу острога (см. т. III, стр. 375); въ словарѣ Линде *parobie, więzienie, das Gefängnis*, а «рубежь», *Rubież* означаетъ *rabież, rabunek, die Räuberei*, напримѣръ, «*Przubyiega poweł z domu, daiże mi znać o rubieżu*» и т. д. (Linde, Słownik języka Polskiego, Warszawie, 1812, t. V, k. 137; t. IV, 1811, k. 930). По мнѣнію Карамзина, «порубять» значитъ захватить (И. Г. Р. т. IV, стр. 355); въ XV—XVI вв. это слово употребляется въ значеніи арестовать: «*А зотя будетъ (между В. К. Московскимъ и Ливонскою землею) дѣло какою: ино... посла и юстя съ томъ не порубати і не грабити*» Р. Л. Акты, Дог. 1521, № CCCLXIX. Сравни Судебникъ Казимира, 1468 г., А. З. Р. т. I, № 67; Дог. 1474, А. З. Р., т. I, № 69; Дог. 1480, № 73, Дог. 1481 № 75; т. III, грам. 1556, № 17). Такимъ образомъ, мы видимъ, что подъ «порубомъ» понимали не только личный арестъ, но также и имущественный. Въ нѣкоторыхъ же актахъ слова «порубъ» и «рубежь» употребляются, какъ одно другое замѣняющія выраженія; такъ, напримѣръ, въ Дог. Гр. между Нѣмцами и Ригю 1407 года (А. Э. Э., т. I, № 16; Р. Л. А., № CLXIV); изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что слово *рубежь* употреблялось иногда въ значеніи ареста, конфискаціи имущества.

пошло". Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. I, № II, Дог. Гр. 1309 г. См. Р. Лив. Акты, Дог. 1392 г., № СХV; Грамота 1452—1479 г. № ССLXVI; Акты Западной Россіи т. I, Дог. Гр. 1477 г., № 69); въ другихъ актахъ—въ значеніи самоуправства (Оже родится тѣжа в Нѣмцехъ Новгородцю, либо Нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати" Дог. Гр. 1189—1199 г., Р. А. Акты № 1; Дог. Гр. 1195, ст. II, Христ. Влад.-Буданова, ч. I, стр. 92. „А рубежа не чинити промежи себе на обе стороне, ни нѣмцемъ, ни Полочанамъ, знати истцю истца" Дог. 1399, Р. Л. Акты № СХХII, Дог. 1405, № СѢIV). Что касается слѣдующихъ выраженій въ древнихъ актахъ: „а гости нашему гостити (по Суздальской землѣ) безъ рубежа, по царевѣ грамотѣ" (Собр. Г. Гр. и Дог., ч. I, Дог. 1270 г., № 3; Дог. 1305—1308, № 6; Дог. 1327, № 15; Дог. 1471, № 20; А. Э. Э., т. I, Грам. 1456. № 57) или „а гости всякому (нашему) гостити (ходити) безъ рубежа" (Собр. Г. Гр. и Дог., ч. I, Дог. 1318, № 14; Дог. 1375, № 16; Дог. 1451, № 76; А. Э. Э., т. I, Дог. Гр. около 1398, № 14), то трудно придти къ какому-либо опредѣленному заключенію относительно значенія здѣсь слова рубежъ; одно можно сказать съ увѣренностью, что въ выписанныхъ выраженіяхъ нельзя видѣть грабежъ въ современномъ значеніи.

Возвращаясь къ договору Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г., послѣ изложеннаго о значеніи слова „рубежъ", мы думаемъ, что выписанная нами статья 23 договора имѣетъ въ виду не грабежъ, не конфискацію имущества, а скорѣе всего самоуправство, самоуправный захватъ чужой собственности. Можно думать, что самый терминъ грабежа въ современномъ значеніи его неизвѣстенъ былъ въ то время; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ памятниковъ разсматриваемаго періода не знаетъ его. Въ одной изъ статей договора Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключеннаго въ 1270 году, предусматривается случай покушенія на грабежъ „съ обнаженнымъ оружіемъ" и съ нанесеніемъ ранъ, но подобно тому, какъ это мы видѣли въ договорахъ съ Греками, понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности не выражается какимъ-либо опредѣленнымъ терминомъ ¹⁾.

¹⁾ Андреевскій, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ,

Отсутствіе понятія насильственнаго похищенія чужой собственности въ періодъ Русской Правды не представляетъ исключительнаго явленія въ исторіи развитія правовыхъ понятій; подобное же явленіе видимъ мы въ восточныхъ законодательствахъ, въ законахъ XII таблицъ Рима и другихъ древнихъ законодательствахъ. Безъ сомнѣнія, въ основаніи подобнаго явленія лежатъ извѣстныя общія причины, объясненіе которыхъ слѣдуетъ искать въ бытовыхъ условіяхъ древнѣйшаго періода жизни общества. Это вопросъ чрезвычайно сложный и къ тому же вовсе почти не изслѣдованный¹⁾; мы вовсе не думаемъ предлагать рѣшеніе его, но беремъ представить нѣкоторыя соображенія, могущія послужить къ объясненію интересующаго насъ явленія въ исторіи русскаго права.

Представленія о правѣ, весь процессъ формированія юридическихъ понятій, безъ сомнѣнія, представляютъ продуктъ нравственнаго и умственнаго состоянія общества, политическаго и гражданскаго развитія народа; данное понятіе, идея, сложившаяся въ опредѣленныя формы, можетъ явиться только при наличности извѣстныхъ элементовъ въ жизни общества, способныхъ объяснить и дать ей разумное основаніе. Смотри съ этой точки зрѣнія на развитіе правовыхъ идей въ жизни общества, является вполне понятнымъ—почему насильственное похищеніе чужой собственности, будучи извѣстнымъ въ древности какъ фактъ, не выдѣлялось въ законодательствахъ того времени въ особое преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли существовать въ то время тѣ основанія, по которымъ насильственное похищеніе чужой собственности въ уголовномъ правѣ позднѣйшихъ временъ отнесено было къ числу наиболѣе тяжкихъ преступленій? Грабежъ, соединяя въ себѣ нападеніе на личность и имущество, представляетъ по своимъ особенностямъ чрезвычайно опасное для общественной безопасности преступленіе; совершаемый открыто, вооруженною силою, грабежъ обнаруживаетъ въ преступникѣ особую закоренѣлость злой воли, большую смѣлость, рѣшимость и открытый протестъ противъ законовъ,

заключенномъ въ 1270 г. С.-Пб. 1855 г., стр. 28, ст. XII. *Ею же*: О правахъ иностранцевъ въ Россіи. С.-Пб. 1854, стр. 100—101.

¹⁾ Нѣсколько стрывочныхъ замѣчаній о причинахъ отсутствія понятія насильственнаго похищенія чужой собственности въ древности нашли мы у *Эерса* (Древн. право, стр. 342—349), у *Станиславскаго*, *ibid.* стр. 172—173, *Thonissen*, *Etudes sur l'histoire du droit criminel*, t. II, 1869 г. Appendice, p. 213—214; къ сожалѣнію мы не могли достать сочиненія *Michaelis'a*: *Mosaisches Recht*, 1750, 5 и 6 т., на которое по настоящему вопросу ссылается *Thonissen*.

гарантирующихъ неприкосновенность частной собственности въ обществѣ. Въ представленіи же человѣка первобытной культуры, періода организаціи общества, когда еще живутъ въ немъ традиціи времени кровавой мести и кулачной расправы, употребленіе открытой силы нисколько не квалифицируетъ похищеніе чужой собственности, вовсе не составляетъ исключительнаго явленія, особенно опаснаго для общества. „При господствѣ матеріальной силы, при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, при постоянномъ употребленіи матеріальной силы—правы не могли быть мягки.... Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ—ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила въ народномъ воображеніи доведена до чудовищныхъ размѣровъ—вотъ герой эпохи“. (Соловьевъ, Исторія, т. I, стр. 240—241).

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ грубая матеріальная сила была принципомъ жизни людей всѣхъ сослоій, начиная отъ князя, гдѣ употребленіе силы считалось зауряднымъ явленіемъ и въ ней не видѣли ничего особенно опаснаго, тамъ, говоримъ мы, не могло образоваться насильственное похищеніе чужой собственности, какъ *delicta sui generis*. Грабежъ, такъ сказать, терялся въ понятіи убійства, воровства и необходимой обороны, смотря по послѣдствіямъ нападенія. Въ эпоху господства физической силы, при воинственности нравовъ гражданъ, открытое нападеніе на собственность вызвало болѣе энергическую и сильную защиту, чѣмъ въ наше время, и можно думать, что рѣдкій случай грабежа не оканчивался смертью кого-либо. Когда нападеніе на лицо съ цѣлью грабежа имѣло послѣдствіемъ убійство собственника вещи, то виновный подлежалъ наказанію, установленному за злоумышленное убійство въ „обидоу“ и „на разбой безо всякыя свады“; при убійствѣ же нападающаго съ цѣлью грабежа получало примѣненіе правило о невмѣненіи убійства вора на поличномъ, „во пса мѣсто“ (ст. 24 Правды Ярославичей и 37 Р. Правды XIII в. ¹⁾).

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ древнихъ славянскихъ законодательствахъ существуетъ опредѣленіе, по которому убійство разбойника подобно тому, какъ убійство вора на поличномъ считается безнаказаннымъ; такъ, въ Видопольскомъ уставѣ 1288 г., въ Полоцкомъ статутѣ XV—XVII вв. (*Леонтовичъ*, Древне Хорватско-Далматское законодательство, стр. 71—126). Правило, дозволяющее убить дневнаго вора съ оружіемъ и ночнаго безъ оружія—общее всѣмъ древнимъ законодательствамъ; см. *Ди*

Наконецъ, если грабитель успѣвалъ безнаказанно скрыться, то восстановление права собственности происходило по общимъ правиламъ, установленнымъ для дѣлъ о татьбѣ (ст. 13 Правды Ярослава; ст. 30, 33, 34, 36, 80 и 83 Русской Правды XIII в. ¹⁾).

Существованіе разбоевъ въ X—XIV вв. доказывается нѣкоторыми свидѣтельствами исторіи и преданія; нашъ народный эпосъ содержитъ нѣсколько разказовъ о подвигахъ богатырей Владиміра св. противъ разбойниковъ; лѣтописи упоминаютъ о разбойникѣ Мосуто, пойманномъ въ 1008 г. и покаявшемся въ домѣ у митрополита; богатѣйшіе клады въ различныхъ мѣстахъ свидѣлствуютъ тоже о разбояхъ въ древности (Соловьевъ, Исторія, т. I, стр. 163, 251—252; т. II, стр. 112—114). Существуетъ мнѣніе, что разбойники умножились вслѣдствіе бѣгства тѣхъ заворенѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли принимать христіанства; разумѣется, они должны были бѣжать въ отдаленные лѣса и жить тамъ на счетъ враждебнаго имъ общества. Вообще можно думать, что похищеніе чужой собственности обыкновенно совершалось въ разсматриваемую нами эпоху преимущественно въ видѣ болѣе или менѣе организованныхъ разбойническихъ шаекъ, преслѣдованіе которыхъ составляло исключительно предметъ административной и военной вооруженной расправы; при такихъ условіяхъ не было необходимости въ законодательныхъ опредѣленіяхъ о наказуемости за разбой.

Что касается одиночныхъ случаевъ грабежа, то при маломъ объемѣ имущественныхъ объектовъ и тѣсной сплоченности общинной жизни они не могли быть часты. Но, будучи весьма рѣдкимъ явленіемъ среди туземцевъ, грабежи постоянно повторялись относительно ино-странцевъ.

Подобно другимъ древнимъ народамъ, Русскіе не отличались уваженіемъ къ частной собственности иноземцевъ, и мы имѣемъ въ историческихъ памятникахъ пѣлый рядъ свидѣтельствъ о грабежахъ иноземныхъ гостей; „всякій иностранецъ, говоритъ Каченовскій, считался не только лицомъ подозрительнымъ, но даже вреднымъ, относительно котораго грабежъ былъ вполне терпимымъ и дозволеннымъ

Boys, Histoire du droit criminel des peuples anciens, Paris, 1845, p. 304; *Lubbock*, Les origines de la civilisation etc. Paris, 1873, p. 463.

¹⁾ По мнѣнію извѣстнаго исследователя древне-славянскихъ правъ, Мадъевского, русское законодательство никогда не различало воровства отъ разбоя, первое ассимилировало второе. См. *Tissot*, Le droit pénal etc. t. II, p. 123.

дѣйствіемъ“¹⁾. Иноземцы старались гарантировать неприкосновенность своего имущества договорами съ Русскими, но можно думать, что въ этомъ малаго достигали; одною изъ причинъ заключенія договоровъ Новгородъ съ нѣмецкими городами и Готландомъ (напр., въ 1230, 1338 и т. д.) было то обстоятельство, что съ увеличеніемъ населенія Новгородской области, при слабомъ полицейскомъ устройствѣ, разбои чрезвычайно усилились²⁾. Изъ росписи товаровъ, отнятыхъ Русскими у Нѣмцевъ въ 1288—1311 гг. видно, что купцы часто подвергались ограбленіямъ и убійствамъ со стороны Псковитянъ (см. Русско-Ливонскіе Акты, № XLIX, 1301; № L, 1299—1307; договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю 1229 г.; Р. Л. Акты, Anhang № 1, ст. 35 готл. ред., 37 рижск. ред.; Anhang, № II, 1230—1270, S. 451; Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 6, 1294—1303; Докончальная Грам. 1360—1387, Доп. Ав. Ист., т. I, № 7; Договоръ 1393 Русско-Лив. Акты, № XCVI).

Отсутствіе специальныхъ постановленій о насильственномъ похищеніи чужой собственности въ древне-русскомъ законодательствѣ, какъ замѣчено было выше, далеко не составляетъ исключительнаго явленія въ исторіи уголовного права. Мы изложимъ нѣсколько извѣстныхъ намъ фактовъ, не считая себя въ правѣ дѣлать на основаніи ихъ какіе-либо общіе выводы. Въ законодательствѣ Индіи, Египта и Евреевъ не существовало особо опредѣленныхъ наказаній за грабежъ, хотя и извѣстны, напр., въ исторіи Египта случаи казни разбойниковъ; такъ, по свидѣтельству Діодора, царь Актизанъ велѣлъ обрѣзать уши у разбойниковъ, опустошавшихъ высоты Египта; въ другомъ случаѣ тотъ же царь сослалъ въ необитаемую страну разбойниковъ, помиловавъ ихъ отъ смертной казни. Но тутъ очевидно, подобно тому какъ и у насъ въ древности, идетъ рѣчь о разбойничьихъ шайкахъ, для истребленія которыхъ принимались мѣры административныя, не опредѣленныя въ уголовныхъ законахъ (Thonissen, Etudes sur l'histoire du droit criminel etc. Paris 1869 г. t. 1, pp. 144—154, 161—169; t. II, pp. 28—79, 115—205, 210—218). По мнѣнію Тониссена, отсутствіе въ уголовномъ правѣ Евреевъ опредѣленій о воровствѣ съ насиліемъ (le vol commis avec violence ou à main armée) объясняется тѣмъ, что воинственные нравы народа представляли серьезное, непреодолимое препятствіе для преступленій этого рода (Ibid., t. II, p. 214).

¹⁾ *Андреевскій*. О договорѣ Новгородъ съ нѣмецкими городами и Готландомъ. Спб. 1855, стр. 5, 101, 105.

²⁾ *Каченовскій*. Разсужденіе о Русской Правдѣ. Учен. Зап. Моск. Университета, 1835, № 111, стр. 368—370.

По праву мусульманскому, грабежь (Raub) наказывался смертью, но если виновный приносил раскаяние, то заслуживал прощенья и вовсе освобождался отъ наказанія (см. Mayer, Geschichte der Strafrecht etc. Trier, 1876, § 76, S. 606—607). Въ уголовномъ правѣ Аѳинянъ, по свидѣтельству Тониссена, извѣстно было преступленіе разбоя (bandis), но, кажется, въ исключительной формѣ грабительства на пути, въ дорогѣ (Thonissen, Le droit pénal de la Republique Athénienne, Paris, 1875, p. 306; ср. Mayer, § 76, S. 601—602).

Древнѣйшіе законодательные памятники Римлянъ—законы 12 таблицъ, сохраняя въ себѣ слѣды первобытной формации, не выдѣляютъ вовсе насильственнаго похищенія чужой собственности изъ понятія воровства. „Въ древнѣйшее время, говоритъ Морецаль, тотъ, кто умышленно присваивалъ себѣ движимую вещь съ насиліемъ противъ ея обладателя, разсматривался строго гражданскимъ правомъ лишь какъ fur improbus, т. е. съ него взыскивалось, какъ за furtum (manifestum) (Морецаль, Учебникъ римскаго права, М. 1867 г. стр. 289—290. Zumpt, Das Criminalrecht der Römischen Republik, t. 1, 374 etc).

Среди германскихъ народовъ древности грабежь (Raub), по словамъ Гримма, „былъ столь же непостыднымъ и не безчестящимъ поступкомъ какъ и Todschlag (неумышленное убійство); грабежь можно противопоставить тайному воровству подобно тому, какъ Todschlag—преступленію Mord; только послѣднее считалось преступленіемъ“. Но чрезъ мѣру употребленная сила и насиліе, совершенныя надъ беззащитнымъ и безоружнымъ, дѣлали грабежь дѣйствіемъ несправедливымъ, неправомѣрнымъ (unrechtlich). Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, Gött., 1854, 5 Buch, Cap. 1, 634—635. Такимъ образомъ, если лицо, подвергшееся нападенію, было вооружено, то нападеніе обращалось въ вооруженное столеновеніе, драку, которая въ большинствѣ случаевъ вѣроятно кончалась смертью кого либо изъ участниковъ ея. Разбой, совершенно основательно замѣчаетъ французскій публицистъ Tissot, первоначально представлялъ актъ непріятельскаго нападенія: человекъ, семейство, община и народъ другой страны—все было враждебно и воровство имѣло характеръ войны, по крайней мѣрѣ дѣйствія, достойнаго прославленія и поощренія. Въ вооруженной кражѣ видѣли родъ войны; эти понятія не рѣдко смѣшивались. Указывая на подобное смѣшеніе, Tissot замѣчаетъ, что одно находитъ свое объясненіе и оправданіе въ другомъ. Это неудивительно тамъ, гдѣ casus belli не имѣло другаго основанія, кромѣ каприза и произ-

вода, гдѣ право войны считалось безконечнымъ и гдѣ народы смотрали другъ на друга враждебно, даже во время мира.

Въ Шотландіи и Ирландіи, еще въ XVII в. разбойничество не представляло ничего безчестнаго и нерѣдко принимало нѣкоторое религиозное освященіе; послѣднее явленіе не такъ давно наблюдалось въ Венгріи, у Валаховъ, гдѣ разбойники отличаются особенною набожною. Въ Белуджистанѣ, въ Гвиней похититель чужой вещи, уличенный въ третій разъ, обыкновенно говоритъ собственнику: „я отнял у тебя вещь силою, возьми ее тѣмъ же путемъ, иначе—ты не будешь ее имѣть“. Въ этомъ нельзя не видѣть новаго указанія на то, что въ древнѣйшій періодъ жизни общества допускалась частная расправа въ случаяхъ насильственнаго похищенія чужой собственности (см. Tissot, *Le droit pénal*, 1869, t. II, 106, 111—112, 118—119).

Что касается древне-славянскихъ законодательствъ, то вездѣ мы находимъ понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности; такъ у Чеховъ въ XI—XIII в. грабежъ находился въ одинаковыхъ условіяхъ, относительно наказанія и процессуальныхъ особенностей, съ воровствомъ, однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, за которое слѣдовала смертная казнь и конфискація имущества. (См. О жупныхъ судахъ, изслѣд. Ирѣча, „Архивъ ист. и прак. свѣд. относ. до Россіи“, изд. Калачевымъ, кн. 6, 1861 г., стр. 59). По Винодольскимъ законамъ XIII в., разбой считался наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ (Леонтовичъ, Древнее хорватско-далматское законодательство, Одесса, 1868 г., стр. 28, 38, 44); въ процессуальномъ отношеніи разбой и татьба раздѣляютъ часто общую судьбу. По закону царя Душана, разбой наказывался строже нежели умышленное убійство и воровство (Законникъ Стефана Душана, соч. Э. Зигела, С.-Пб. 1872, ст. 87, 146, 151 и др.). Въ Польшѣ, по статуту Казимира Великаго, различали разбой и уличный грабежъ; разбойникъ обязанъ былъ очищаться такимъ же числомъ свидѣтелей какъ и воръ. Грабежъ составлялъ высшую степень воровства (Maciewski, § 169, S. 157—158; § 171, S. 159—160; § 172, S. 160). Но существованіе понятія насильственнаго похищенія чужой собственности въ древне-славянскихъ памятникахъ нисколько не служитъ доказательствомъ того, чтобы въ жизни славянскихъ народовъ не было періода, когда понятіе грабежа сливалось съ воровствомъ и убійствомъ, такъ какъ всѣ эти памятники, безъ сомнѣнія, выражаютъ болѣе развитое право народа, нежели это мы видимъ въ русскомъ законодательствѣ XI—XIII вв. Мы, напримѣръ, имѣемъ свидѣтельство исторіи, что воровство у древнихъ

Славянъ принадлежитъ къ числу болѣе позднихъ преступленій, что среди славянскихъ общинъ, жупъ, это преступленіе долгое время было неизвѣстно, или составляло весьма рѣдкое явленіе (напримѣръ, у Славянъ, жившихъ на Эльбѣ, Поморянъ, см. Maciewski, § 170, 158; А. А. Котляревскій, Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ Славянъ въ XII в. Прага, 1874, стр. 43, 57—57. Tissot, Le droit pénal etc., 122—123); объясненіе этого отчасти слѣдуетъ видѣть въ томъ обстоятельстве, что, сохраняя свято неприкосновенность частной собственности, Славяне до XIV в. отличались особенно хищностью за предѣлами своей общины, жупы; набѣги и грабежи были обычнымъ занятіемъ Поморянъ. „Вторженія дунайскихъ Славянъ въ Византію, походы Руссовъ на Востокъ, разбои балтійскихъ Поморянъ ознаменованы отвагою и удалствомъ“ (Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, С.-Пб. 1861, стр. 156—160). Грабежъ былъ до такой степени зауряднымъ явленіемъ, что, по словамъ Мацѣевского, „даже люди высшаго сословія занимались грабительствомъ, если не было стычекъ съ непріятелемъ“ (Очеркъ ист. письменности и просвѣщенія Слав. народовъ до XIV в. Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос. 1846 г., № 2, стр. 65) ¹⁾. При такихъ особенностяхъ жизни древнихъ Славянъ, при хищности и враждебности ихъ къ сосѣдямъ, неудивительно, что воровство у нихъ было рѣдкимъ явленіемъ, такъ какъ пограничные сосѣдскіе набѣги представляли полную возможность къ удовлетворенію корыстолюбія и хищничества.

§ 6. Въ исторіи развитія правовыхъ началъ въ рассматриваемую эпоху церковно-византійское право имѣло большое значеніе и вліяніе; лѣтописи указываютъ, что церковныя правила древняго греческаго Номоканона имѣли силу со времени крещенія русскаго народа до конца XV и XVI вв., но, начиная съ этого времени, юрисдикція святительскаго суда значительно ограничивается. Кормчія имѣли значеніе источниковъ права не только въ судахъ церковныхъ, но и свѣтскихъ и кругъ дѣлъ, подлежащихъ у насъ суду церковному, по замѣчанію Неволіна, былъ распространенъ до такого объема, до какого въ

¹⁾ Въ жизни Поморянъ «страсть грабежа, повальная болѣзнь добычи нередко приводила въ забвеніе естественныя узы народности; одна часть племени ополчалась на другую, грабила и работала ее, и сама, въ свою очередь, подвергалась той же участи» (Жотляревскій, Древности права, Прага 1847, стр. 51—52, 25—26, 54, 65, 149). Война, пиратство и грабежъ были явленіями почти однородными (его же Книга о древностяхъ и т. д., стр. 111).

Греціи онъ никогда не достигалъ ¹⁾. Обладая обширными поземельными имуществами, духовенство распространяло свою юрисдикцію по всѣмъ дѣламъ на лицъ, жившихъ на этихъ земляхъ. При такихъ условіяхъ наши кормчія имѣли судебное практическое значеніе и съ этой стороны постановленія ихъ не могутъ быть пройдены молчаніемъ изслѣдователемъ исторіи русскаго права. Отсутствие особыхъ опредѣлений относительно насильственнаго похищенія чужой собственности въ руссикхъ законодательныхъ памятникахъ восполнялось въ кормчихъ, которыя представляютъ вполне опредѣленное понятіе грабежа. По закону Леона, царя премудраго, и Константина, виновные въ ограбленіи и убійствѣ подлежали смертной казни чрезъ повѣшеніе (Разбиваяи и присѣданія творая и оубивая, на немже мѣсть і—ать боудеть, да востокнуть его на древо“); за поджогъ съ цѣлью ограбленія виновный наказывался сожженіемъ, за ограбленіе мертвыхъ отсѣченіемъ руки, за воровство—возвращалъ двойную стоимость вещи и т. д. (Печатная Кормчая, II, гл. 46, стр. 24—29) Въ одномъ изъ источниковъ Кормчихъ находимъ слѣдующія главы: „о татбѣ“ „о подемницехъ разбойниковъ“ „о древесехъ явѣ, или тай сѣченныхъ“ „о сильно вещехъ въскищенныхъ“ и т. д. (См. Розенкампфъ, стр. 117—123, приб. № 3). Всѣ означенныя постановленія нашихъ кормчихъ, безъ сомнѣнія, имѣли извѣстное вліяніе на русское право, которое уже въ слѣдующемъ періодѣ выдѣляетъ изъ круга правонарушеній понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности.

Изложенное въ настоящей главѣ даетъ намъ основаніе для слѣдующихъ выводовъ:

1) Извѣстныя намъ источники русскаго національнаго права XI—XIII вв. не представляютъ вовсе понятія насильственнаго похищенія чужой собственности, какъ *delicta sui generis*.

2) Существующая въ наше время терминологія для выраженія этого понятія въ разсматриваемую эпоху имѣетъ совершенно иное значеніе: разбой означалъ убійство, а подъ грабежемъ понимался всякій насильственный захватъ чужаго имущества—будетъ ли это дѣйствіемъ установленной власти или личнаго произвола или народнаго волненія.

3) Отсутствие понятія насильственнаго похищенія чужой собствен-

¹⁾ *Розенкампфъ*, Обзорніе Кормчей и т. д. стр. 228—229; *Калачевъ*, О значеніи Кормчей и т. д., стр. 1—3; *Неволинъ*, Полное собр. соч., т. VI, С. IIб. 1859, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, стр. 334.

ности въ древнѣйшій періодъ русскаго законодательства не составляетъ исключительнаго явленія въ исторіи уголовного права.

4) Несмотря на отсутствіе въ законодательствѣ разсматриваемаго періода юридическаго понятія разбоя, какъ особаго преступленія, нельзя сказать, чтобы это понятіе вовсе не было извѣстно въ судебной практикѣ; рецептированное право, первоначально въ договорахъ съ Греками, а потомъ въ Кормчихъ и другихъ памятникахъ, содѣйствуетъ выдѣленію насильственнаго похищенія чужой собственности изъ круга личныхъ и имущественныхъ преступленій, хотя признаки этого выдѣленія успѣли обнаружиться лишь только въ XIV и XV вѣкахъ.

II.

Періодъ мѣстныхъ законовъ, до Судебниковъ.

§ 7. Въ исторіи русскаго права нѣтъ другаго періода болѣе бѣднаго источниками для воспроизведенія юридическаго быта эпохи, какъ время съ XIII в. по XV в. На пространствѣ двухъ вѣковъ мы не имѣемъ ни одного памятника, который обнималъ бы, подобно Русской Правдѣ, почти всю область дѣйствующаго права; все, что мы имѣемъ относительно юридическаго быта настоящаго періода, ограничивается нѣсколькими уставными, судными и жалованными грамотами, которыя не имѣли характера общихъ законодательныхъ памятниковъ и по содержанію своему даютъ очень мало для исторіи матеріальнаго уголовного права. Отличительною чертой развитія русскаго законодательства XIV—XV вв. слѣдуетъ признать сепаратизмъ, случайность отдѣльныхъ постановленій, отсутствіе общей идеи и руководящей законодательной нити. Особенности въ развитіи законодательствъ находятся въ зависимости отъ условій общественной и политической жизни народа данной эпохи; въ настоящемъ случаѣ эти условія были крайне неблагопріятны: удѣльный періодъ съ его безконечными смутами, монгольское иго, надолго задержавшее правительственный ростъ русскаго общества, отсутствіе единой власти и сильное развитіе областной автономіи служатъ объясненіемъ отсутствія общаго законодательнаго памятника въ разсматриваемую эпоху. Русская Правда остается по прежнему общимъ связующимъ элементомъ въ системѣ права, но мѣстныя особенности, измѣненіе условій обще-

ственной жизни и развитіе правовыхъ понятій измѣняютъ и дополняютъ во многомъ этотъ древнѣйшій законодательный памятникъ.

Въ сферѣ уголовного права періодъ мѣстныхъ законовъ характеризуется борьбой между интересами частными и общественными; въ памятникахъ этого времени, вслѣдствіе недостаточнаго развитія процессуальныхъ формъ, нѣтъ еще яснаго сознанія различія между гражданской и уголовною неправдою. Обвинительный процессъ является общимъ какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ; въ основаніи процесса положено было начало частнаго договора и примиреніе лица пострадавшаго съ обиженнымъ имѣло почти полную юридическую силу. Но въ судопроизводствѣ этого времени начинаютъ уже проявляться начала слѣдственнаго процесса (Псков. Суд. Грамота, ст. 97; Новгород. Суд. Гр., ст. 34, 36, см. христоматію Владимирскаго-Буданова, в. 1, стр. 162, 184); нѣкоторыя уголовныя дѣянія получаютъ общественное значеніе (Двинск. Уст. Гр., ст. 6, Пск. Суд. Гр. ст. 97); кругъ преступленій увеличивается государственною измѣною, оскорбленіемъ словомъ, церковною кражею и т. д., а въ системѣ наказаній впервые появляется и получаетъ все большее и большее развитіе смертная казнь (Двинск. Уст. Гр., ст. 5; Псков. Суд., ст. 7 и 8).

Случаи насильственнаго похищенія чужой собственности въ разсматриваемую эпоху были очень частымъ явленіемъ, но это зло не успѣло дойти до такихъ чрезвычайныхъ размѣровъ, какъ въ XVI—XVII вв., а потому оно и не вызывало особыхъ мѣръ со стороны правительственныхъ органовъ. Въ вольныхъ городахъ нашихъ пожары, которые были особенно часты въ XIV в., сопровождались обыкновенно грабежемъ; недобрые люди по обычаю грабили; „окаянные челоуѣци“, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, не боясь Бога, или не жалѣя своей братьи въ бѣдѣ, поспѣшали похитить чужое добро, чтобъ прибрать его въ свои руки“ (Костомаровъ, т. II, стр. 112—118, 165—177; Соловьевъ, т. IV, стр. 343—344). Вообще, всякое общественное бѣдствіе, неурожай, моръ, голодъ, пожары, война и т. д. служили поводомъ къ грабежу. Особенно, кажется, страдали отъ грабежа монастыри; духовенство принимало свои мѣры противъ разбойниковъ, лишая ихъ причастія, отлучая иногда вовсе отъ церкви (Посланіе священнослужителямъ 1499 г., Акты Ист. т. I., № 109; Посланіе митрополита Геронтія Вятскому духовенству 1486—1489 г., ib. № 97 и 98; Посланія митрополита Іоны Вятскимъ воеводамъ и жителямъ около 1452, ib. № 261); князья иногда посылали своихъ людей для

защиты монастырей отъ разбойниковъ,—такъ въ 1485 г. великій князь Іоаннъ Васильевичъ послалъ въ Троице-Сергіевскій монастырь пристава Сенку Кулпу для защиты монастыря „отъ Боровичъ и Кременчанъ и Мединчанъ, и отъ иныхъ тамошнихъ людей“ (А. Э. т. I, № 113).

Однимъ изъ характерныхъ явленій Новгородской жизни былъ обычай повольничества, родъ разбоя, обычай вовсе неизвѣстный другимъ славянскимъ племенамъ на Руси. „Въ XIV в., говоритъ Г. Костомаровъ, составлялись разбойническія шайки, разносившія страхъ на востокъ нынѣшней Россіи подъ именемъ ушкуйниковъ (отъ слова ушкуй, означавшаго лодку особой постройки¹⁾)“. Новгородская вольница состояла по большей части изъ молодыхъ людей, не принимавшихъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и искавшихъ простора для своего удалства; кромѣ того частыя общественныя бѣдствія, морь, голодъ, пожары и т. д. лишали населеніе осѣдлости, увеличивали число гулящихъ людей, которые, вступая въ шайки ушкуйниковъ, искали счастья и богатства внѣ своей земли. По большей части ушкуйники отправлялись внизъ по Волгѣ и ея притокамъ; на пути они грабили купцовъ, прибрежное населеніе, сжигали дѣльные города; на сколько велика была сила ушкуйниковъ видно изъ того, что они разграбили въ 1375 г. Кострому и Нижній-Новгородъ, за что Дмитрій Донской съ князьями и съ ополченіемъ многихъ русскихъ городовъ подходилъ къ Новгороду. Въ самомъ Новгородѣ на дѣйствія ушкуйниковъ, предававшихся грабежу по Волгѣ, смотрѣли снисходительно и участіе въ подобныхъ грабежахъ не составляло въ глазахъ Новгородцевъ чего либо безчестнаго и постыднаго; напротивъ, нерѣдко ушкуйники, вернувшись на родину, становились тысяцкими, воеводами и даже посадниками Новгорода. Но мало по малу, по мѣрѣ усилія Москвы и ослабленія Новгорода, набѣги ушкуйниковъ становятся все рѣже и рѣже и наконецъ въ XV в., кажется, вовсе прекращаются.

§ 8. Ближайшій къ Русской Правдѣ по времени и содержанію

* ¹⁾ Костомаровъ, Северо-русскія народоправства, т. II, стр. 119. Иначе думаетъ покойный профессоръ Влѣевъ, по мнѣнію котораго обычай повольничества существовалъ еще въ до-Рюриковское время, «когда походы Новгородской вольницы, конечно, были обширнѣе» (Лекція, стр. 25—26). О повольничествѣ см. Разказы изъ Русс. Ист., М. 1864, кн. II, *И. Д. Влѣева*, стр. 107, 575—577. Костомаровъ, *Ibid.*, т. I, стр. 128, 131, 133, 141, 147 и др.; т. II, гл. VIII и IX; Соловьевъ, *Исторія*, т. IV, стр. 645; *Бестужевъ-Рюминъ*, *Исторія*, стр. 347.

памятникъ, Уставная Двинская Грамота 1397 года не упоминаетъ все о грабѣжѣ и разбоѣ, а потому мы не останавливаемся на этомъ памятникѣ. Псковская Судная Грамота (1397—1467 г.)—первый законодательный сборникъ, который заключаетъ въ себѣ опредѣленія, касающіяся насильственнаго похищенія чужой собственности; въ первой же статьѣ этого сборника мы находимъ три выраженія, относящіяся къ предмету настоящаго изслѣдованія: разбой, находъ и грабѣжъ¹⁾. Что выражаютъ эти понятія, какіе отличительные признаки каждаго изъ нихъ? Изслѣдователи Псковской Судной Грамоты почти ничего не даютъ для выясненія „разбоя, находъ и грабежа“. Г. Устряловъ вовсе оставляетъ безъ объясненія это выраженіе, а Энгельманъ, правильно понимая выраженіе „грабѣжъ“, совершенно ошибочно видитъ въ „находѣ“ покушеніе на грабѣжъ (?) и слишкомъ мало сказалъ, замѣтивъ, что понятіе разбоя Псковской Судной Грамоты „ближе подходило къ нынѣшнему смыслу сего слова, нежели къ тому значенію, какое оно имѣло въ Русской Правдѣ (умышленное убійство²⁾)“.

Существованіе одного и того же наказанія за разбой, находъ и грабѣжъ, трудность разграниченія этихъ понятій наводитъ первоначально на мысль—не слѣдуетъ ли видѣть здѣсь понятія тождественныя, синонимы; но дальнѣйшее изученіе вопроса, а также то обстоятельство, что отсутствіе градаціи и степеней въ преступномъ дѣйствіи, существованіе одного и того же наказанія за разновидности одного и того же преступленія, составляетъ одну изъ особенностей Псковской Судной грамоты (см. Энгельманъ, § 72, стр. 116)—заставляетъ отказаться отъ мысли о тождественности приведенныхъ выраженій. Напротивъ, можно съ полною увѣренностью думать, что „разбой, находъ и грабѣжъ“ выражаютъ различныя понятія, имѣющія общій признакъ насильственнаго дѣйствія, направленнаго противъ имущества лица. Ближайшее, болѣе опредѣленное разграниченіе этихъ по-

1) То обстоятельство, что въ Псковской Судной грамотѣ мы находимъ повидому довольно развитое понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности въ то время, какъ ни одинъ изъ предшествующихъ законодательныхъ памятниковъ не знаетъ его, не должно насъ удивлять; то же явленіе наблюдается по вопросу о поземельной собственности, относительно которой Русская Правда вовсе не упоминаетъ (См. *Дювернуа*, Источники права, стр. 297—299).

2) *Устряловъ*, Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты 1467 г. С.-Пб. 1855, стр. 63. *Энгельманъ*, Гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты. С.-Пб. 1855, § 50, стр. 80.

нѣтій представляется весьма затруднительнымъ, но это обстоятельство не можетъ, разумѣется, останавливать изслѣдователя, если только въ историческихъ памятникахъ существуютъ хоть какія нибудь данныя для тѣхъ или иныхъ выводовъ.

Приступая къ анализу известнаго понятія, необходимо прежде всего выдѣлить изъ состава его несомнѣнные или наиболѣе вѣроятныя признаки и затѣмъ отыскивается возможность чисто логическимъ путемъ прийти къ тому или другому заключенію. Этимъ приемомъ мы воспользуемся при выясненіи понятія разбоя Псковской Судной Грамоты. Выше, въ первой главѣ, мы старались доказать, что въ древнѣйшій періодъ исторіи русскаго права слово „разбой“ служило общимъ выраженіемъ для убійства; сохраняется ли это значеніе „разбоя“ въ Псковской Судной Грамотѣ? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) для выраженія понятія смертоубійства Псковская Судная Грамота знаетъ специальный терминъ „головщина“ (ст. 26, 96 и 98), а потому нѣтъ основанія допустить существованіе въ одномъ и томъ же памятникѣ двухъ словъ „разбой“ и „головщина“ для выраженія одного и того же понятія; 2) въ историческихъ памятникахъ XIV—XV вв. существовало совершенно ясное и несомнѣнное разграниченіе убійства и разбоя (см. Ханскій ярлыкъ 1318 г., Собр. Госуд. Гр. и Дог., ч. II, № 7; ханскій ярлыкъ 1837 г., *ibid.* № 11; Грамота великаго князя Ивана Калиты архіепископу Юсифу 1340 г., Розенкампфъ, стр. 127, приб. № IV; Дог. Грам. около 1398 г., А. Э. Эксп. т. I, № 14; Жалов. Грам. 1363—1389, *ibid.*, № 7; Дог. Грам. 1402, Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. I, № 36; Дог. Гр. 1426—1461, Собр. Госуд. Грам. и Дог., ч. I, № 18; Дог. Гр. 1428, Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. II, № 43; Дог. Гр. 1433 г., *ibid.* № 48, Дог. Гр. 1434, № 53; Дог. Гр. 1451, № 76; Дог. Гр. 1471, № 20 Дог. Гр. 1496, № 127 и многіе другіе акты). Такимъ образомъ, отрицательный признакъ понятія разбоя Псковской Судной Грамоты заключается въ томъ, что оно не имѣетъ тождественнаго значенія съ разбоемъ Русской Правды, то есть разбой въ настоящемъ случаѣ не выражаетъ понятіе убійства. Различіе въ историческихъ памятникахъ разсматриваемой эпохи разбоя отъ татѣи и душегубства, а также указанный нами отрицательный признакъ „разбоя“—даютъ основаніе думать, что подъ разбоемъ Псковской Судной Грамоты нельзя понимать ничего иного, какъ насильственное похищеніе чужой собственности, гдѣ злонамѣренное присвоеніе принадлежащаго другому имущества является цѣлью преступнаго дѣйствія; правда, нельзя указать положительные при-

знаки упомянутого значенія разбой Судной Грамоты, такъ какъ памятники древняго законодательства очень мало даютъ для догмы права, но какое же иное понятіе можно предполагать въ „разбоѣ“? Что касается того — не былъ-ли разбой Псковской Судной Грамоты преступленіемъ, совершавшимся шайкой, не сопровождался ли онъ всегда смертоубійствомъ, тяжкими ранами и побоями, или достаточно было открытаго, явнаго похищенія чужаго имущества, хотя бы и безъ физическаго насилія противъ лица — на все это историческій матеріалъ не даетъ отвѣта, да и не можетъ дать, думаемъ мы, такъ какъ кругъ юридическихъ понятій того времени для этого былъ слишкомъ ограниченъ и бѣденъ содержаніемъ.

Въ Псковской Судной Грамотѣ мы впервые встрѣчаемъ опредѣленія, касающіяся поземельной собственности; въ ст. 9 этого сборника находимъ цѣлый рядъ вполне опредѣленныхъ и ясныхъ понятій относительно факта занятія земли и условій, при которыхъ этотъ фактъ порождаетъ извѣстныя юридическія послѣдствія. Историческій процессъ развитія юридическихъ понятій указываетъ на то, что на ряду съ законами, опредѣляющими условія владѣнія землею, являются опредѣленія, гарантирующія поземельную собственность отъ насильственныхъ посягательствъ; законы опредѣлительные вызываютъ законы охранительнаго содержанія. Въ указанномъ явленіи мы находимъ объясненіе того, что Псковская Судная Грамота въ первой же статьѣ говоритъ о „находѣ“ и сравниваетъ его, по наказуемости, съ разбоемъ и грабежомъ. — Что слѣдуетъ понимать подъ „находомъ“? Нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что „находъ“ Псковской и „наѣздъ“ Новгородской Судныхъ Грамотъ имѣютъ совершенно тождественное значеніе (Дювернуа, стр. 298), въ словарѣ Linde мы находимъ подтвержденіе указаннаго мнѣнія ¹⁾. Въ однихъ историческихъ памятникахъ „наѣздъ“ фигурируетъ наряду съ разбоемъ и татбой („А гдѣ учинится разбой, или татба или наѣздъ изъ твоей вотчины на нашихъ людей, и о томъ суда вочего не ждати...“ Дог. Гр. 1547 г., Соб. Госуд. Гр. и Дог., ч. I, № 65;

¹⁾ Словарь *Linde*, т. III, стр. 187 и 217. N a c h o d — parad, paradnienie nакого, nа i a z d, н а х о д ѣ, нахождение. — N a i a z d, nа i z d z k a, н а ѣ з д ѣ, в а х о д ѣ, nа i e c h a n i e, u d e r z e n i e н а к о г о; Einfall in fremde Güter, Eintritt. Вотъ объясненіе слова «наѣздъ» польскаго писателя: «Przez nаi a z d domu szlacheckiego, rozumie się paradnienie gwałtowne onego zboyną ręką, tamże zabicie, skałeczenie lub zlicie gospodarza albo domownika iego, или Nа i e z d z a m k o g o, t o i e s t, m а i e t n o s z, d o m s z y u» (стр. 217—218).

См. Акті Зап. Россіи, т. I, Посольскія рѣчи 1496 г., №134, а въ другихъ, напротивъ, о наѣздѣ и грабежѣ говорится отдѣльно отъ разбоя и татбы (Дог. Гр. 1471 г., Соб. Госуд. Гр. и Дог., ч. I, № 20).

Можно думать, что наѣзды имѣли много общаго съ „наѣздами“, бывшими долгое время зауряднымъ явленіемъ въ Литовской и Юго-Западной Руси, которое въ XVII—XVIII вв. стало какимъ-то хроническимъ недугомъ общественной жизни той эпохи. Заносчивые шляхтичи не хотѣли признавать въ своихъ личныхъ спорахъ авторитетъ закона и установленной власти, и постоянно предпринимали съ своими слугами и знакомыми сосѣдскіе наѣзды, имѣвшіе цѣлью или завладѣть спорною поземельною собственностью или отплатить врагу за обиду. Указанное нами явленіе слишкомъ извѣстно всѣмъ, сколько нибудь знакомымъ съ исторіей Литовской Руси, чтобы входить въ подробности его; достаточно пересмотрѣть, напримѣръ, изданные Кіевскимъ Центральнымъ Архивомъ описи древнихъ актовъ, чтобы убѣдиться, насколько часты были наѣзды и грабежи между шляхтой XVI—XVIII вв. (См. описи актовыхъ книгъ Кіевского Центрального Архива, 1869 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 8; 1871, № 6, 1872, № 7 и 9; 1873, № 21; 1874, 18; см. также любопытное изслѣдованіе Иваннишева: Жѣнаи князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, стр. 157, 165, 168, 179 и т. д. ¹). Разумѣется, между „наѣздомъ“ сѣверно-русскихъ вѣчныхъ городовъ XIV—XV вѣковъ и „наѣздомъ“ литовской Руси нельзя провести полную аналогію, но для нашего предмета настоящее сравненіе имѣетъ ту цѣль, что оно подтверждаетъ положеніе, по которому подъ наѣздомъ никакъ нельзя понимать нападеніе на имущество съ признаками преступнаго дѣйствія въ родѣ разбоя и грабежа въ современномъ значеніи этихъ словъ. Наѣзды Литовской и Юго-Западной Руси имѣли болѣе общаго съ самоуправствомъ, самосудомъ, чѣмъ съ злонамѣреннымъ похищеніемъ чужой собственности съ корыстной цѣлью; въ этомъ же значеніи извѣстны властельскіе наѣзды въ старой Сербіи, въ Чехіи и Польшѣ (См. Зигель, Зак. Стеф. Душана, Прилож., стр. 81, ст. 143, прим. 1 ²). Въ актахъ XV в. о „наѣздѣ“ чаще всего говорится тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самоуправствѣ; напримѣръ, въ Судебникѣ короля

¹) Литовскій Статутъ, 1520 г., Разд. II, п. 16; Разд. VII, п. 1; Лит. Ст. 1566, Разд. II, Арт. 1; Разд. IV, Арт. 16.

²) «Выбой» (invasio aedificii) и «гордость» (violatio fundi) у Чеховъ, «надворе» въ Полоцкомъ статутѣ; см. ниже.

Кавиіра Ягеловича, данномъ Литвѣ въ 1468 г. „а такожъ кому будетъ до кого какое дѣло будетъ земное дѣло, ино ѣздоки побрати; а будутъ иные которы дѣла, ино судьи побрати, а искати правомъ; а порубовъ и наѣздовъ не надобѣ никому же чинити“ (ст. 20). Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ мы видимъ, что наѣздъ, т. е. насильственное завладѣніе землею, въ данномъ случаѣ вызываетъ чрезвычайныя государственныя мѣры, а именно: „судъ верховной власти, непремѣнно велико княжескій“ (ст. 21. См. Христоматія М. Ф. Владимірскаго-Буданова, в. 11, стр. 48—49, прим. 33). Новгородская Судная Грамота велитъ „до суда на землю не наѣзпать“ (ст. 7) и говоритъ о наѣздѣ или грабежѣ, въ связи съ искомъ о поземельной собственности, „въ земскомъ дѣлѣ“ (ст. 10 и 11). Отмѣтимъ еще слѣдующее обстоятельство: какъ Литовскій Судебникъ 1468, такъ и Новгородская Судная Грамота, а также Дог. Грамота Вел. Новг. съ Вел. Кн. Всеросс. Іоанномъ Васильевичемъ 1471 г. (Собр. Госуд. Гр. и Дог., ч. 1, № 20)—не отдѣляютъ наѣзды отъ грабежа („поруба“ въ Лит. Судебникѣ), что заставляеть видѣть въ разграбленіи чужаго имущества одинъ изъ признаковъ понятія „наѣзда“, „находа“. При слабости общественной власти и необезпеченности частной собственности, насиліе было довольно обыкновеннымъ послѣдствіемъ возникшаго поземельнаго спора; въ сборникахъ актовъ XVI—XVII вѣковъ мы находимъ рядъ дѣлъ, гдѣ наѣздъ, сопровождаемый боемъ и грабежемъ, составлялъ предметъ чисто гражданскаго иска лицъ потерпѣвшихъ. Подобныя наѣзды совершались скопомъ при участіи прикащиковъ, старцевъ монастырей и крестьянъ; нерѣдко они сопровождались изгнаніемъ владѣльцевъ съ занимаемой ими земли и поселеніемъ другихъ; такъ, напримѣръ, въ 1554 г. Воробазакской волости крестьянинъ Якуна искалъ на Троицкомъ игуменѣ Θεодосіи и на старцѣ Галасіи въ томъ, что „тотъ, г-не, игумень Θεодосѣй да старецъ Галасея съ тѣми своими крестьяны пріѣхали ко мнѣ... да меня, г-не, били и грабили... да мене, г-не, изъ того починка изъ Судцоваго выбили вонъ, да своихъ хрестьянъ посажали“ (Акты отн. до гражд. расправы, изд. А. Θεодотовымъ-Чеховскимъ, Кіевъ, 1860 г., т. 1, № 65, стр. 126) или „отъ Николя Чудотворца Дудина монастыря старецъ Елисей“ съ крестьянами принесли въ 1553 г. жалобу „на Матфея, да на Михайла, да на Ондрея на Володимеровыхъ дѣтей Скоратина“ и т. д. въ томъ, что обвиняемые „пріѣхали, Г-рь, на монастырскую деревню на Чернцово селнщю... со многими людьми разбоемъ, да насъ, Г-рь, били

и грабили... и деревню зашли Черниковъ селище, и насъ, Г-рь, из деревни и нашихъ крестьянъ сбили..." (Тамъ же, № 66; стр. 128). За рѣдкимъ исключеніемъ, наѣзды имѣли тѣсную связь съ поземельнымъ споромъ, сопровождались „боемъ и грабежемъ“; въ судебныхъ дѣлахъ вслѣдъ за обвиненіемъ въ боѣ и грабежѣ почти всегда шли доказательства правъ на луга, мельницы, земли, покосы и т. д. (А. Э. Э., т. 1, № 94. Три списка двинскихъ земель, 1471 г., стр. 74—75; А. отн. до гражд. распр., т. 1, дѣло 1543, № 57, дѣло 1557, № 70; 1561, № 75; 1636, № 104; 1636, № 105; т. II, дѣло 1447, № 115 ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, сосѣдскіе или властельскіе наѣзды не находились, кажется, въ связи съ поземельнымъ споромъ, но во всякомъ случаѣ имѣли мотивомъ своимъ личныя счеты между сосѣдами, совершались скопомъ, при участіи многихъ и состояли въ насильственномъ нападеніи на недвижимое имущество лица и его крестьянъ (Акты юридическіе, т. I, дѣло о наѣздѣ на село Хрепелево, 1579, № 46; дѣло о грабежѣ помѣщицы Анны Пюховой 1613 г., № 50). Изложенное убѣждаетъ насъ въ томъ, что подъ находомъ или наѣдомъ слѣдуетъ разумѣть насильственное, открытое нападеніе на недвижимое имущество извѣстнаго лица, совершавшееся скопомъ, по сосѣдству, изъ-за поземельныхъ или какихъ либо личныхъ счетовъ съ пострадавшимъ, причемъ ограбленіе являлось одинъ изъ признаковъ, но никакъ не цѣлью преступнаго дѣйствія.

Выше мы замѣтили, что Псковская Судная Грамота открываетъ передъ глазами историка-юриста цѣлый міръ новыхъ понятій, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы эти понятія явились вдругъ, безъ обычнаго, весьма долгаго подготовительнаго процесса формированія правовыхъ идей въ обществѣ. Въ Псковской грамотѣ грабежъ впервые встрѣчаемъ мы на ряду съ разбоемъ и съ этой поры до нашего времени эти два понятія являются вмѣстѣ во всѣхъ сколько нибудь важныхъ законодательныхъ памятникахъ; признаки разграниченія этихъ понятій порой рѣшительно неуловимы: являясь въ однихъ памятникахъ, они исчезаютъ въ другихъ и вновь являются въ третьемъ и т. д. Псковская Судная Грамота не говоритъ о грабежѣ въ одномъ какомъ либо опредѣленномъ значеніи: 1) въ одномъ случаѣ Псков-

¹⁾ Древнѣйшій поземельный споръ, справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ, имѣлъ всегда основаніемъ давность, а ближайшимъ поводомъ *насильство*. См. Дмитріевъ, Ист. судеб. вѣстанцій, стр. 245.

ская Судная Грамота подъ грабежомъ понимаетъ народное возстаніе, „А кто съ чужой земли прѣхавъ, или подъ пожаръ за недѣлю, или по грабежу, и тотъ иметъ заширяться, ино тотъ судъ судити на того волю...“ (ст. 17, см. христоматію, стр. 134, прим. 51); 2) въ другомъ случаѣ съ понятіемъ грабежа сливаются дѣйствія самоуправныя: „а кто почнетъ на волостеляхъ посула сочить, да и портище соймае, или конь сведеть; а молвить такъ: въ посулѣ есми снялъ, или конь свелъ, ино быти ему въ грабежи, хто въ посули снялъ, или коня свелъ“ (ст. 48) или: „а истець, прѣхавъ съ приставомъ, а возьметъ что за свой долгъ силою, не сугажетъ своего исца, ино быти ему оу грабежу; а грабежь судити рублемъ, а приставное печатать виноватому“ (ст. 67) ¹⁾; 3) въ третьемъ случаѣ грабежь является однимъ изъ обстоятельствъ, сопровождающимъ бои, побои. Но ни въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ нельзя видѣть признаковъ грабежа, какъ преступленія *sui generis*, направленного противъ имущества лица. Существуетъ мнѣніе, что Псковской Судной Грамотѣ извѣстно было понятіе грабежа съ тою же цѣлью, какъ и при воровствѣ, то-есть *lucris faciendi causa*, что это понятіе искусственно было распространено на случаи, когда лицо захватываетъ находящуюся во владѣніи другаго вещь, чтобы удовлетворить себя безъ содѣйствія власти (Дюверинуа, стр. 304), но нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ; образъ выраженія въ приведенныхъ статьяхъ судной грамоты „быти ему въ грабежи“ только при томъ условіи могъ бы служить указаніемъ на то, что здѣсь „не первоначальный, а распространенный смыслъ этого слова“—еслибы возможно было доказать, что въ Псковской Судной Грамотѣ и въ прочихъ историческихъ памятникахъ этой эпохи грабежь выдѣлялся въ особое самостоятельное преступленіе съ опредѣленными признаками и злоумышленною цѣлью; между тѣмъ, ничто намъ не указываетъ на существованіе подобнаго понятія ни въ періодъ Русской Правды, ни въ судныхъ грамотахъ, ни въ другихъ актахъ XIV—XV в. Не допуская существованія въ Псковской Судной Грамотѣ понятія грабежа, какъ преступнаго дѣйствія съ злоумышленною, корыстною цѣлью, мы думаемъ, что этотъ памятникъ усматривалъ въ случаяхъ самоуправства не распространенное понятіе грабежа, а самый грабежь, и смѣшивалъ такимъ образомъ эти два сход-

¹⁾ Почти тождественное постановленіе находимъ мы въ законникѣ царя Стефана Душана: «если кто что (свое) узнаеть и захватить или возьметъ (силою), да платить, какъ воръ и разбойникъ» (см. *Зисель*, прилож., стр. 67, ст. 117).

ныя по внѣшнимъ признакамъ, но совершенно различныя по внутреннему содержанию понятія. Въ настоящемъ случаѣ нельзя видѣть какую либо оригинальную особенность Псковской Судной Грамоты, такъ какъ во многихъ актахъ начиная, съ XII в. подъ грабежомъ слѣдуетъ понимать дѣйствія самоуправныя (см. выше § 5; дог. грамота 1407, Р. Л. Акты, № CLXIV, стр. 131; № CLXV, стр. 132; Наказ. Грамота Киевск. воеводѣ князю К. Острожскому 1576, А. З. Р., т. III, № 72; Окр. Кор. Гр. раднымъ панамъ и городскимъ сановникамъ 1584, *ibid*, № 139).

Въ законодательныхъ и судебныхъ историческихъ памятникахъ до конца XVII ст. бой и грабежъ почти всегда при обвиненіи шли вмѣстѣ; очень часто обвиненіе въ боѣ и грабежѣ присоединялось къ иску о поземельной собственности и о межахъ. Псковская Судная Грамота, за исключеніемъ первой ея статьи, гдѣ устанавливается общая наказуемость за разбой, находъ и грабежъ, и тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о самоуправствѣ, не знаетъ понятія грабежа независимо отъ боя. Относящіяся къ бою и грабежу статьи Псковской Судной Грамоты даютъ основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ грабежъ разсматривается, какъ послѣдствіе или обстоятельство, сопровождавшее бой, что бой не всегда сопровождался ограбленіемъ (ст. 23 и 27), но послѣднее всегда слѣдовало за боемъ (ст. 20, 27). Если настоящее наше заключеніе правильно, то едва-ли можно предположить въ статьяхъ о боѣ и грабежѣ понятіе насильственного похищенія чужой собственности, гдѣ ограбленіе является цѣлью, а бой, нанесеніе побоевъ, увѣчій и т. д. средствомъ преступнаго дѣйствія ¹⁾. Скорѣе слѣдуетъ думать, что бой начинался по инымъ, какимъ либо личнымъ причинамъ, и физическая побѣда вела за собой ограбленіе, въ чемъ выражается, кажется, остатокъ временъ мести, сохранившейся отчасти и въ судебныхъ поединкахъ.

Подробное разсмотрѣніе всѣхъ случаевъ грабежа, о которыхъ упоминается въ Псковской Судной Грамотѣ, приводитъ къ тому выводу, что подъ грабежомъ въ этомъ сборникѣ понималось всякое насиль-

¹⁾ Въ подкрѣпленіе нашего взгляда на грабежъ древне-русскаго законодательства авторъ радъ сослаться на авторитетъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, по мнѣнію котораго грабежъ (въ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича), какъ *явное отнятіе собственности, было результатомъ насилія (боя), а не намеренно подготовленное имъ, что переходило уже въ понятіе разбоя*. Хрестоматія, в. стр. 120, прим. 47

ственное присвоение чужаго имущества, будетъ ли это присвоение послѣдствіемъ народнаго возстанія, или частной ссоры, драки, боя или дѣйствіемъ самоуправства и самосуда.

§ 9. Изслѣдованіе вопросовъ догмы уголовного права представляетъ особенныя затрудненія, подъ часъ непреодолимыя для опредѣленія того или другаго юридическаго понятія, благодаря тому обстоятельству, что законодательные акты и прочіе историко-юридическіе памятники до половины VII в. имѣютъ чисто процессуальный характеръ; въ источникахъ права, имѣвшихъ исключительную задачей опредѣлить порядокъ суда по извѣстнымъ правонарушеніямъ, мы вовсе не находимъ опредѣлений догматическаго содержанія, отчасти потому, что отвлеченныя, теоретическія опредѣленія вообще чужды духу законодательства того времени, а матеріальное уголовное право жило въ людяхъ, въ обычаяхъ. Предметъ настоящаго изслѣдованія представляетъ особенныя трудности для изученія его догматической стороны; понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности, мѣсто этого преступленія въ общей системѣ правонарушеній, навазуемость и другіе подобные вопросы мы можемъ изучать лишь изъ отрывочныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ различныхъ судебныхъ грамотахъ и договорахъ. Преступленія уголовныя не различаются отъ частныхъ правонарушеній, дѣла тяжбыя о холоствѣ, о землѣ и т. д. соединены часто въ одну группу съ уголовными и это обстоятельство лишаетъ изслѣдователя возможности судить о характерѣ извѣстнаго преступнаго дѣйствія по мѣсту, занимаемому имъ на ряду съ другими правонарушеніями. Терминологія не отличается выдержанностью и слово „грабежъ“, подобно тому, какъ это мы видѣли въ первой главѣ, употребляется въ различныхъ выраженіяхъ; въ однихъ актахъ оно выражаетъ понятіе самоуправства (см. выше, § 8), въ другихъ награбленное имущество („а будетъ отчину мою кто грабилъ и тотъ грабежъ, кто будетъ что взялъ, и онъ отдастъ назадъ все“ (Дог. Гр. 1436, Собр. Госуд. Гр. и Д. ч. I, № 56, 57, 58 и 59; Акты Ист. т. I, Посл. 1486—1489, № 97 и 98; А. З. Р., т. II, Пос. рѣчи 1507, № 16; Челобит. 1508, *ibid.* № 46; Пос. рѣчи 1509, *ibid.* № 47), въ третьихъ случаяхъ грабежъ какъ бы сливается съ понятіемъ войны („а што, брате, въ наше размирье въ нашихъ отчинахъ войны и грабежи чинилися, а тому всему дерть по се наше докончанье на обѣ стороны“ Дог. Гр. 1434, Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. I, № 52; Дог. Гр. 1368 г., *ibid.* № 28; Дог. Гр. 1433, *ibid.* № 48; Дог. Гр. 1428, *ibid.* № 43 и 44; Дог. Гр. 1456,

А. Этн. т. I, № 91). Въ актахъ разсматриваемаго періода мы находимъ цѣлый рядъ выраженій, заключающихъ въ себѣ признаки насильственнаго похищенія чужой собственности, какъ-то: разбойникъ, наѣздщикъ, рубежникъ, грабежникъ, грабитель. Выше мы старались доказать, что подъ разбоемъ нельзя понимать ничего иного, какъ насильственное похищеніе чужой собственности съ злоумышленною, корыстною цѣлью, подобно тому, какъ это мы видимъ въ воровствѣ; замѣтимъ при этомъ, что въ памятникахъ XV в. различаютъ: разбой съ поличнымъ и безъ поличнаго, но различіе это процессуальнаго характера и съ большею рельефностью и рѣзкостью выступаетъ въ эпоху судебниковъ, а потому мы здѣсь не станемъ останавливаться на этомъ весьма важномъ въ древне-русскомъ правѣ различіи. Выраженіе „наѣзщикъ“ (напр. Дог. Гр. 1471, А. Этн., т. I, № 91) употреблено въ значеніи „находа“ Псковской и „наѣзда“ Новгородской Судебныхъ Грамотъ. Подъ рубежникомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кажется, слѣдуетъ понимать лицо, захватившее самовольно чужую межу; основаніе для подобнаго рода догадки даютъ слѣдующія мѣста въ договорахъ: „а вывода и рубежа межѣ себе не замышляти; а хто замыслитъ рубежь, рубежника по исправѣ выдати“, Дог. Гр. 1368, Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 28, или: „а вывода межѣ Суздальской земли и Ноугородской не чинити“, Дог. Гр. 1456, А. Этн. т. I, № 57. Но правильность нашего чтенія подвергается сомнѣнію въ виду слѣдующаго: „а межѣ насъ людемъ нашимъ и гостемъ поуть чистѣ, безъ рубежа, а хто учинетъ рубежь или выводъ, рубежника и выводчика выдати по исправѣ“ (Дог. Гр. около 1398, А. Этн., т. I, № 14; Дог. Гр. 1451, Собр. Госуд. Гр. и Дог., № 76). Что касается выраженія „грабежникъ“, „грабитель“, то въ историческихъ памятникахъ XIV—XVIII вѣковъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія этого понятія; скорѣе всего—разбойникъ, грабежникъ, грабитель употреблялись какъ выраженія безразличныя, одно другое замѣняющія. Новгородская Судная Грамота, имѣвшая, подобно другимъ законодательнымъ памятникамъ древней Руси, исключительною цѣлью указать правила суда, почти ничего не даетъ для выясненія понятій грабежа и разбоя; тѣмъ болѣе, что въ процессуальномъ отношеніи понятія эти ничѣмъ не различаются, находясь въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ (см. изслѣд. Куницына и Панова). Въ этомъ памятникѣ мы видимъ то же явленіе, какъ и въ Псковской Судной Грамотѣ: въ однихъ случаяхъ (ст. 33 и 36) грабежь, являясь на ряду съ разбоемъ, тѣмъ самымъ

даетъ поводъ думать не слѣдуетъ-ли видѣть въ грабежѣ особый видъ насильственнаго похищенія чужой собственности, *delicta sui generis*, съ опредѣленными признаками, отличающими это понятіе отъ разбоя; въ другихъ случаяхъ (ст. 10, 11) грабежъ сливается съ понятіемъ самоуправства, самосула. Судная грамота 1471 г. явилась въ тяжелую годину жизни Великаго Новгорода, когда внутренній разладъ и неурядица служили знаменіемъ близкаго паденія вольнаго города; сама судная грамота вызвана къ жизни крайнимъ развитіемъ самоуправства и преступленій. Самоуправство составляло большое мѣсто общественной жизни того времени, подобно тому, какъ разбой и татьба въ послѣдующую эпоху; традиціи времени частной расправы, господство силы въ разрѣшеніи частныхъ споровъ еще жили въ обществѣ, а общественная власть была слишкомъ слаба и неустойчива для того, чтобы доставить побѣду и торжество суду во имя закона надъ личнымъ произволомъ, хотя бы и въ осуществленіе извѣстнаго права. — Самосудъ является язвой общества тамъ, гдѣ законъ и судъ не внушаютъ довѣрія и уваженія, гдѣ насиліе считается наилучшимъ исходомъ изъ столкновенія личныхъ и имущественныхъ интересовъ. „Новгородская судная грамота убѣждаетъ въ томъ, что въ Новгородѣ въ то время буйное нападеніе на судъ, отбитіе подсудимыхъ было дѣломъ обыкновеннымъ, что наводки и нападенія на судъ дѣлали цѣлые концы, улицы, сотни, ряды и богатые люди“ (Бѣляевъ, Разказы изъ русской исторіи, кн. II, стр. 571—572). Псковская судная грамота въ первой же статьѣ гарантируетъ силою закона неприкосновенность частной собственности противъ насилій и самоуправства; далѣе этотъ памятникъ говоритъ о тѣхъ, кто „силою въ судебню полѣзеть“ или „подверника оударить“ (см. 58), кто „возьметъ что за свой долгъ силою, не сутажетъ истца“ (см. 48, 67). То же явленіе въ Новгородской судной грамотѣ; за всякое насиліе противъ суда и собственности другаго въ этомъ памятникѣ установлены тяжкія денежные взысканія: „на виноватомъ на бояринѣ 50 рублевъ, а на житьемъ двадцать рублевъ, а на молодшемъ десять рублевъ за наводку; а истцю убытки подоиметь“ (ст. 6 и 10). Судная грамота запрещаетъ дѣлать „наводки“ „на посадника, или на тысяцкого, или на владычня намѣстника, или на иныхъ судей или на докладшиковъ, или истецъ на истца у суда, или у доклада или у поля“ (ст. 6). Въ особенности самоуправство было частнымъ явленіемъ въ поземельныхъ спорахъ; съ тяжбами о поземельной собственности тѣсно были связаны иски противъ насильственныхъ дѣйствій, которыми сопровождалось самоуправное завладѣ-

ніе землею. Разсматриваемый памятникъ предписываетъ „до суда на землю не наѣзжать“, а въ случаѣ „наѣзда или грабежа въ земномъ дѣлѣ“ прежде всего рѣшалось дѣло о самоуправномъ нарушеніи владѣнія, „а о земли послѣ судъ“ (ст. 10). Такимъ образомъ, разсмотрѣніе Новгородской судной грамоты еще разъ убѣждаетъ насъ, что грабежъ въ то время большею частью сливался съ понятіемъ самоуправства и для пониманія грабежа въ значеніи *delicta sui generis*, направленного съ злоумышленною, корыстною цѣлью противъ имущества лица, нѣтъ ровно никакихъ указаній въ памятникахъ разсматриваемой эпохи.

Существованіе несомнѣннаго разграниченія въ актахъ того времени грабежа отъ разбоя, татьбы и душегубства само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ того, что подъ грабежемъ понимали грабежъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостатокъ или даже полное отсутствіе историческихъ данныхъ для извѣстнаго вывода отчасти восполняется болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніемъ; возможно-ли въ данномъ случаѣ допустить предположеніе, что въ разсматриваемую эпоху извѣстно было совершенно развитое понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности, которое классифицировалось по степени употребленнаго противъ лица насилія? Имѣя въ виду, что процессъ формулированія понятія насильственнаго похищенія чужой собственности у другихъ народовъ очень медленный, трудно допустить подобное предположеніе. Въ извѣстныхъ намъ источникахъ древне-русскаго законодательства XIV—XV вѣковъ мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы въ это время извѣстно было понятіе грабежа, какъ преступнаго дѣйствія съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ признакомъ, подобно воровству, убійству, разбою и др. преступленіямъ; напротивъ, все убѣждаетъ насъ въ томъ, что это понятіе не имѣло одного опредѣленнаго значенія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ нельзя видѣть какую либо исключительную особенность въ историческомъ развитіи русскаго законодательства.

Въ древне-римскомъ правѣ, какъ извѣстно, грабежъ долгое время разсматривался, какъ частное правонарушеніе и вовсе не выдѣлялся изъ понятія *furtum*. Реальная самостоятельность понятія грабежа начинается со времени преторскаго *Actio vi bonorum raptorum*; впоследствии по *Lex Julia de vi* грабежъ наказывается какъ *crimen vis*—отчасти, какъ *vis publica*, отчасти какъ *vis privata*. Относительно того, требовалось ли для состава грабежа

насилъственное нападеніе на личность собственника, или достаточно было одного явнаго открытаго похищенія, мнѣнія германскихъ ученыхъ раздѣляются. По мнѣнію Майера грабежъ въ древнеримскомъ правѣ признавался воровствомъ, но съ насильемъ противъ лица (Mayer, Geschichte des Strafrechts, 1876, § 76, § 603—605). Въ такой же мѣрѣ спорнымъ считается вопросъ о томъ—допускало ли римское право *garina possessionis*? (Merkel, Handbuch des deutschen Strafrechts, herausg. von Holtzendorf, III, 1874, s. 714—715). Только въ императорскій періодъ особенно тяжелые случаи грабежа были разграничены и опредѣлены въ законодательствѣ: виновные въ уличномъ грабежѣ, *latrones* (Strassenräuber) и такъ назыв. *grassatores* (Wegelagerer) подвергались смертной казни. (См. Mayer; Merkel; Meyer, Lehrbuch etc. 1875, s. 470—471; Berger, Lehrbuch etc. 1876, s. 539—540).

Въ древнѣйшій періодъ германскаго права, какъ сказано было выше, грабежъ (Raub) былъ столь-же непостыднымъ и небезчестящимъ поступкомъ, какъ и Todsclag (Grismm, 636) ¹⁾. Съ измѣненіемъ воинственныхъ правовъ и вообще условій жизни древнихъ Германцевъ взглядъ на грабежъ долженъ былъ измѣниться, и дѣйствительно, въ V—VIII в. мы находимъ грабежъ, не безъ вліянія римскаго права, въ числѣ преступленій, нарушавшихъ общій миръ (*homicidia, raptus, incendia, depraedatio, membrorum amputaciones, furta, latrocinia, alienarum rerum invasiones*; см. *Eichhorn, Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte, Gött. 1834, t. I, § 74, 430, n. f.*); впрочемъ, не смотря на это, грабежъ (Raub) и воровство (Diebstal) еще въ VII—IX не всегда ясно разграничивалось (Eichhorn, 206, S. 830; § 38, 269, n. i. й. g.). Специфическія черты понятія насильственнаго похищенія чужой собственности въ древне-германскомъ правѣ не сразу опредѣлились; первоначально грабежъ (Raub) и другія тождественныя выраженія, синонимы (*gān, hrifa, nāmā, numft, fornaemi* и т. д.)—выражали вообще взятіе принадлежащаго другому имущества, безъ дозволенія владѣльца вещи съ признакомъ противузаконнаго дѣйствія (*der Begriff der Widerrechtlichkeit*). Въ понятіе грабежа входили слѣдующіе случаи: (по закону Фризевъ) насильственный или противузаконный отводъ воды (*rafdelta*); противузаконный поносъ, погрова (*raferd, rafmete, rafelh a rafsked*); пользование лошадыю «ohne erhaltene Erlaubniss» (*rafreol, Raubritt*); (по законамъ сѣв. народовъ) намѣренный неплатежъ долга (*gan*); удержаніе вещи при раздѣлѣ имущества (*lutran*); завладѣніе чужою недвижимою соб-

¹⁾ Въ германской литературѣ для выраженія насильственнаго похищенія чужой собственности существуетъ лишь одно слово «Raub», которое нельзя всегда переводить разбоемъ или грабежомъ, а потому, примѣняясь къ существующей у насъ терминологіи, мы переводимъ Raubъ смотря по значенію его въ томъ или другомъ источникѣ.

ственностью съ постройкой на ней дома, обработкой земли и уничтоженіемъ границъ (*jordægan*). Виновнымъ въ грабежѣ оказывается также тотъ, кто взятое въ закладъ отнимаетъ, не имѣя на то права, кто у должника что либо отнимаетъ въ уплату долга прежде чѣмъ обратиться въ судъ. Общій признакъ всѣхъ этихъ разсматривавшихся какъ грабежъ противузаконныхъ дѣйствій, по словамъ Вильда, въ томъ, что они не составляютъ, подобно воровству и другимъ воровскимъ дѣйствіямъ нарушеніе общаго мира (*Friedensbruch*), а представляютъ лишь правонарушеніе (*Rechtsbrüche*), подлежащее денежному взысканію (*Raubbusse*, *ransbougr*). Дѣйствія грабительскія противопоставлены были дѣйствіямъ воровскимъ и постыднымъ. Въ какихъ же случаяхъ грабежъ разсматривался какъ преступленіе, нарушавшее общій миръ? Только при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, при наличности особенной опасности, напримѣръ, нападеніе шайкой. См. Wilda, *Das Strafrecht der Germanen*, Halle, 1842, XII, 907—910). Грабежъ (*Raub*), говоритъ Вильда, часто смѣшивался съ причиненіемъ вреда (*Schadenzufügung*). Для состава понятія грабежа корыстное намѣреніе не составляло такого опредѣленнаго признака, какъ, напримѣръ, при воровствѣ; но необходимо было, чтобы владѣніе ограбленнаго было противузаконно (*widerrechtlich*) нарушено. Грабежъ отличался отъ воровства не насиліемъ противъ лица, какъ это мы видимъ въ наше время, а чисто отрицательнымъ признакомъ—отсутствіемъ таинственности дѣйствія. Насиліе противъ лица не только не составляло необходимый признакъ грабежа въ древне-германскомъ правѣ, но служило даже обстоятельствомъ квалифицирующимъ понятіе грабежа; такъ, отъ обыкновеннаго случая грабежа различался грабежъ съ насиліемъ (... *unter gewaltsamen Beraubung, die das westgothländische Recht vom einfachen Handraub unterscheidet*—говоритъ Wilda, 913, 912; см. Merkel, 715). Различались слѣдующіе виды грабежа: *Handraub* (Handraub), когда вещь взята непосредственно отъ лица ограбленнаго и *Bosraub* (Hausraub), когда имущество похищено изъ дома или имѣнія владѣльца; въ первомъ случаѣ виновный платилъ 3 марки штрафа, а во второмъ—40 марокъ. Но грабежъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существовало воровское намѣреніе (*Aneigung einer fremden Sache in diebischer Absicht*)—это преступленіе различалось отъ самоуправства п. т. д.—считался менѣе преступнымъ дѣйствіемъ нежели воровство. Нѣсколько ранѣе существовало въ *«alamannischen Recht»* правило, по которому грабежъ оплачивался двойною стоимостью вещи, а воровство девятерною; подобное же явленіе существовало въ правѣ восточной Фриландин и въ Бургундин. Въ Англо-саксонскомъ правѣ грабежъ (*Raub*), по крайней мѣрѣ по тяжести преступленія, не стоялъ выше воровства (Wilda, 913—914); въ IX в. въ Англии воровство наказывалось денежными взысканіями, а при господствѣ

Норманновъ различались простое воровство (*larcin*) и воровство съ насильемъ (*roberie*) (см. Tissot, p. 124—125).

Въ древне-германскомъ правѣ, кромѣ указанныхъ выше, существовалъ еще одинъ видъ грабежа; здѣсь преступное дѣйствіе состояло не только въ противузаконномъ присвоеніи чужой вещи, но заключало въ себѣ злоумышленное намѣреніе, родъ постыднаго дѣйствія. Искать случая, чтобы получить добычу и тѣмъ самымъ доказать отвагу, напасть на область сосѣдняго народа и тамъ для достиженія цѣли убивать людей, сожигать жилища, или рыскать по морямъ, нападать на судна и корабли другихъ народовъ—все это считалось занятіемъ болѣе славнымъ нежели недозволеннымъ (*galt mehr für ruhbringend als unerlaubt*). Но употребленіе подобной же силы противъ членовъ того же рода и той же общины считалось болѣе тяжкимъ преступленіемъ; виновными въ послѣднемъ признавались тѣ, кто соединялся въ шайки и занимался грабежомъ въ видѣ ремесла (*gleichsam gewerbmässig*). Подоонные разбойники (*hegnar*), а также тѣ, кто находился въ сношеніяхъ съ ними, лишались мира и каждый могъ убить разбойника; за голову его у нѣкоторыхъ народовъ назначалась особая плата (*Wilda*, 915—917).

Впослѣдствіи, когда установлена была смертная казнь за разбой (*Raub*) и воровство, послѣднее наказывалось чрезъ повѣшеніе, а первое чрезъ обезглавленіе. Еще Каролина удерживаетъ для разбойниковъ наказаніе мечомъ (*Maier*, § 76, 606). Чѣмъ объяснить менѣе постыдную казнь для разбойниковъ? Не тѣмъ ли обстоятельствомъ, что въ средніе вѣка разбоемъ занимались не только низшіе классы, но и владѣтельные бароны? Или здѣсь слѣдуетъ видѣть остатокъ того взгляда на грабежъ, когда онъ не считался дѣйствіемъ безчестнымъ?

Въ древне-славянскихъ законодательствахъ понятіе насильственного похищенія чужой собственности подраздѣляется на виды, разграниченіе которыхъ болѣею частью представляется весьма затруднительнымъ, на сколько это можно сказать на основаніи имѣющагося у автора матеріала. Въ чешскомъ правѣ XI—XIII в. извѣстны были слѣдующіе случаи насильственного похищенія чужой собственности: *грабежъ* (*garpa*); такъ называемый *выбой*, то-есть насильное вторженіе въ домъ (*invasio aedium*); *тордость*, дерзкое отторженіе части чьего либо имущества (*violatio fundi*); *разбой* (*plen*), добыча, какъ слѣдствіе упорной борьбы (Изслѣд. Ирѣчка, Арх. ист. и прак. свѣд. отн. до Россіи, 1861 г. кн. 6, стр. 43, 45, 46). Грабитель наказывался наравнѣ съ воромъ и убійцею (Ирѣчекъ, стр. 59). Кромѣ указанныхъ случаевъ чешское право различало грабежъ, какъ послѣдствіе насилія; извѣстны были насиліе съ грабежомъ и насиліе безъ грабежа; «*der Raub (lúpeř, spoliatio) wird als gewaltsame Besitzergröpfung fremder beweglicher Sachen definirt*» говорятъ Ирѣчекъ

(*Jirecek, Ueber Eigenthumsverletzungen... nach dem Altböhmischen Rechte. Wien. 1855. 27—28*). Велико-польское право до XIV в. различало грабежъ отъ поврежденія чужаго имущества и грабежъ (*Raub, lotrowstwo*) составлялъ высшую степень воровства (*Maciewski, § 175, S. 165, § 169, S. 157—158*). Въ XV в. грабежъ на публичныхъ дорогахъ и насильственное нападеніе на домъ въ числѣ немногихъ болѣе тяжкихъ преступленій подсуденъ былъ судебному старостѣ (*Capitanei*), (Русс. Ист. Сборникъ, 1841, кн. 2 и 3, стр. 278). Въ Винодольскихъ законахъ XIII вѣка разбой и грабежъ (сила) различались, но признаки разграниченія этихъ понятій трудно опредѣлить, такъ какъ и разбой и грабежъ называются *силою*, словомъ—означавшимъ, кажется, вообще всякое насиліе (см. Леонтовичъ, стр. 28—34). Полоцкіи статуты XV—XVII ст. представляютъ, какъ болѣе поздній по времени памятникъ, вполне развитое понятіе насильственного похищенія чужой собственности; здѣсь различаются слѣдующіе случаи: 1) разбой изъ засады, 2) разбой дорожный 3) разбой совершенный своими, и 4) разбой съ нападеніемъ извнѣ, воинскимъ образомъ. Кромѣ того Полоцкому статуту извѣстно понятіе грабежа (сила, надворе). Обыкновенный случай разбоя, совершенный лихими людьми, злоумышленниками (ашашины очить музу вирь) отличался отъ разбоя, совершеннаго открытымъ нападеніемъ извнѣ, то-есть людьми, принадлежащими къ другой общинѣ, или воинскими людьми (такъ наз. «гусарь» гуса ночна и очита, войска). Грабежъ (сила) наказывался денежною пенею, а находъ или наѣздъ на чужой домъ или дворъ, такъ наз. *надворе* («нашад на кѣбу») по старому закону наказывалось «крвью» то-есть смертною казнью (Леонтовичъ, стр. 131—138). По закону царя Стефана Душана въ Сербіи виновный въ разбой подвергался болѣе строгому наказанію нежели за умышленное убійство; въ числѣ болѣе важныхъ преступленій мы не находимъ грабежа (ст. 103, 159, 183), который въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется въ значеніи самосуда (ст. 145) или дозволенной судебной мѣры (ст. 112 и 146) (*Умелъ, Зак. Ст. Душана, 1872 г., стр. 59, 91 и 107; 63 и 83*).

Но ни въ одномъ изъ древне-славянскихъ памятниковъ не выступаетъ такъ рельефно характеръ преступнаго дѣйствія, извѣстнаго подъ названіемъ «грабежа», какъ въ Литовскомъ статутѣ (Литовскій статутъ 1529 г. Разд. VI, ст. 4 и 31; Разд. IX, ст. 6; Разд. XII, ст. 11 и 4; Разд. VII, ст. 19) Изученіе этого памятника убѣждаетъ насъ еще болѣе, что въ грабежѣ древняго права никакъ нельзя видѣть насильственное похищеніе чужой собственности съ злоумышленною корыстною цѣлью присвоенія чужаго имущества. Ниже, въ слѣдующей главѣ, мы подробно остановимся на постановленіяхъ Литовскаго статута о разбой и грабежѣ. Изложенный сравнительный очеркъ развитія понятія насильственного похищенія чужой собственности приводитъ насъ къ тому выводу, что

первоначально грабежъ не означалъ какое либо одно опредѣленное понятіе, что какъ въ древне-германскомъ правѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ славянскихъ законодательствахъ подъ грабежомъ слѣдуетъ понимать вообще насильственные (не всегда противузаконныя) дѣйствія, относительно имущества, находящагося во владѣніи другаго. Въ этомъ выводѣ мы видимъ вѣскую опору въ тѣхъ заключеніяхъ, къ которымъ привело насъ изученіе памятниковъ древне-русскаго права прежде, чѣмъ мы познакомились съ положеніемъ вопроса въ исторіи права другихъ народовъ.

По наказуемости насильственное похищеніе чужой собственности въ Псковской судной грамотѣ уравнивается съ убійствомъ (ст. 1 и 96), стоитъ выше простой кражи (ст. 1), но значительно ниже кражи, совершенной въ третій разъ, церковной кражи, конокрадства, государственной измѣны и поджога (ст. 1, 7 и 8). Если судить о природѣ правонарушенія по тяжести установленнаго за него взысканія, то слѣдуетъ придти къ тому выводу, что разбой не считался въ эпоху Псковской судной грамоты въ числѣ наиболѣе тяжкихъ преступленій, такъ какъ виновные въ разбой подлежали денежному взысканію въ то время, какъ за другія преступленія слѣдовала смертная казнь. Что насильственное похищеніе чужой собственности въ эпоху судныхъ грамотъ не принадлежало къ числу тяжкихъ уголовныхъ преступленій и не имѣло общественнаго характера, это доказывается отчасти тѣмъ, что въ дѣлахъ этого рода допускалось частное примиреніе, а также тѣмъ, что это преступленіе, за нѣкоторыми исключеніями, не изъято было изъ подсудности суду владѣльческому. Относительно татбы и разбоя въ Псковской судной грамотѣ существуетъ вполне опредѣленное и ясное указаніе на возможность здѣсь частнаго примиренія между лицомъ потерпѣвшимъ и отвѣтчикомъ; „а на татини и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти“ (ст. 52)¹⁾. Что касается грабежа, то есть основаніе думать, что обвиненіе въ грабежѣ могло быть прекращено мирною сдѣлкой, хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ указаній въ источникахъ разсматриваемой эпохи, но въ дѣлахъ о боѣ, раздѣлявшемъ часто при

¹⁾ По общему мнѣнію нашихъ изслѣдователей, здѣсь слѣдуетъ видѣть допущеніе частнаго примиренія въ дѣлахъ о татбѣ и разбоѣ, см. *Устряловъ*, стр. 61; *Эттелманъ*, стр. 119—120, 147 и 156; *Чебышевъ-Дмитріевъ*, стр. 148, *Соколовскій*, Главн. м. пов. обыска, стр. 30, прим. 38. Иначе думаетъ *Владимірскій-Будановъ*, Христ. в. I, стр. 148, прим. 113; срви. *Дмитріевъ*, стр. 272—273; *Дювернуа*, стр. 268, 332 и слѣд.; *Калачевъ*, Объ уг. правѣ по Судебнику, *Юрид. Зап.* т. II, 1842 г., стр. 365—366.

обвиненіяхъ общую судьбу съ грабежомъ, допускалось долгое время частное примиреніе (Пск. суд. гр., ст. 80; Судебникъ 1-й, ст. 53; Судеб. 2-й, ст. 31; А. этн. т. I, № 143 и 144; Русс. Дост., ч. I, стр. 128 и т. д.). Въ актахъ позднѣйшаго времени до конца XVII в., какъ это мы увидимъ ниже, мировыя въ грабежахъ были очень частнымъ явленіемъ въ то время, когда частное примиреніе въ разбоѣ было категорически запрещено.

Законодательная дѣятельность въ разсматриваемый періодъ выражается главнымъ образомъ въ жалованныхъ грамотахъ князей, количество которыхъ весьма велико; г. Горбуновъ, авторъ статьи „Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквямъ въ XIII, XIV и XV вв.“ (Архивъ прат. и историч. свѣд. отн до Россіи, 1860—1861, кн. 1, стр. 7) насчитываетъ ихъ до 230, но, конечно, многія жалованныя грамоты не дошли до насъ или пока не открыты. Этими жалованными грамотами, а также ханскими ярлыками духовенство поставлено было въ исключительное положеніе относительно другихъ общественныхъ классовъ на Руси; между прочими льготами наиболѣе важною слѣдуетъ признать освобожденіе отъ суда княжескихъ наместниковъ. Въ числѣ основаній подобныхъ льготъ одни указываютъ на положеніе духовенства, какъ особаго сословія, и притомъ въ качествѣ особенно покровительствуемыхъ землевладѣльцевъ (Дмитріевъ, стр. 93—95), другіе указываютъ на то обстоятельство, что церкви и монастыри особенно нуждались въ огражденіи отъ произвола (Горбуновъ, стр. 9). Льготныя судебныя грамоты, имѣвшія совершенно случайный характеръ, какъ актъ личной воли князя, всегда примыкали, такъ сказать, къ землѣ; землевладѣлецъ, въ силу права его на землю, становился судьей всѣхъ живущихъ на ней. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе характерная и выдающаяся особенность судебныхъ льготъ. Если нельзя въ подобномъ явленіи видѣть отождествленіе судебной власти монастырей со всякимъ частнымъ правомъ, то во всякомъ случаѣ предоставленіе права суда по всѣмъ дѣламъ частному собственнику, какимъ является въ данномъ случаѣ духовенство, указываетъ на то, что судебныя функціи еще не усилились и обрѣсть въ то время характеръ и значеніе органа публичной власти. Но по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ Московское государство, Русь централизуется и собирается во единое цѣлое—значеніе суда, какъ учрежденія общественнаго и публичнаго, уясняется, изъ круга правонарушенія выдѣляются такія, которыя не подлежали по общему

правилу суду владѣльческому. Въ процессѣ выдѣленія изъ юрисдикціи владѣльческаго суда извѣстныхъ преступленій слѣдуетъ искать отвѣта, какія преступленія въ данный періодъ считались наиболее тяжкими и важными. Въ жалованныхъ грамотахъ XIV—XV вв. духовенству по большей части предоставляется судъ по всѣмъ дѣламъ. (См. полныя несудимыя: А. Э. т. I, № 135, 1498; Жал. гр. 1437—1461, № 35; 1443, № 38; 1446, № 39; 1450, № 45; 1471 № 95; Гр. В. Б. Юрія Ивановича Глушнецкому монастырю 1400 г. (Ист. Рос. іерарх., у Розенкампа, стр. 127, прим. IV), Акты отн. до юридич. б. т. I, Ж. гр. 1442—1443, № 30. 1; 1391—1425, № 31, 1; 1433, № 31, III; 1445, № 31. VII; 1455—1462, № 31, XIII; 1462—1464, № 52, 1; Доп. къ Акт. ист. т. 1, ж. гр. 1479, № 17; 1471, № 200. II. стр. 353; 1471—1475, № 207 и др.). Но уже въ настоящемъ періодѣ встрѣчаются исключенія изъ общей подсудности владѣльческому суду уголовныхъ дѣлъ; съ теченіемъ времени число полныхъ несудимыхъ уменьшается, а количество исключеній увеличивается. Чаше всего указанное исключеніе въ жалованныхъ грамотахъ XIV—XV вв. касается одного душегубства (Акты Ист. т. I, ж. гр. 1404, № 15, 1479, № 88; А. Этн., т. I, ж. гр. 1414, № 19, 1425, № 23; 1434—1447, № 28; около 1437, № 31; 1440, № 37; 1448, № 41; 1449, № 44; 1450, № 47; 1453, № 52; 1453, № 53; 1455, № 56; 1476, № 102; 1446, № 371; 1455, № 373; Акты отн. до гражд. распр. т. I, ж. гр. 1499, стр. 97—98; Акты отн. до юрид. б., т. I, ж. гр. 1432—1443, № 31. II. 1434—1447, № 31. IV; 1439, № 31. V; 1441—1442, № 31. VI; 1447—1456, № 31. IX; 1453, № 31. XII; 1462—1464, № 31. XV; 1462—1466, № 31. XVI; 1471, № 31. XIX. Акты Юрид., т. I, ж. гр. 1534, № 5, стр. 9), затѣмъ—разбоя и татьбы (А. Э. т. I, ж. гр. 1465, № 75; 1473—1478, № 99; 1485, № 113 и др.); душегубства и разбоя (А. Ист., т. I, до 1418, № 25; 1499, № 108; А. Этн., т. I, 1410—1417, № 17; 1417, № 18; 1425, № 21 и др.); душегубства и разбоя съ поличнымъ (А. И., т. I, 1425, № 28; А. Этн., т. I, 1486, № 119); татьбы, разбоя и душегубства (ж. гр. В. Кн. Іоанна Калиты арх. Іосифу 1340, Ист. Іерархіи у Розенкампа, стр. 127; А. Э. т. I, 1437—1461, № 35; 1456, № 60; около 1465, № 79; 1471, № 88).

Въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ разсматриваемаго періода мы находимъ прямое указаніе на подсудность разбоя вѣдомству монастырей (см. ярлыкъ царя Узбека Петру митрополиту 1313: „а знаетъ Петръ митрополитъ правду и правосудитъ... і в

розбое и въ поличномъ и в татбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ митрополитъ единъ, или кому прикажетъ“ (Собр. Госуд. Гр. и Дог., ч. II, № 7; А. Э. т. I, Ж. Гр. 1361—1365, № 5; 1363—1389, № 7; А. Ист., Ж. Гр. 1408—1413, № 16; Доп. А. Ист. т. I, Ж. Гр. 1451, № 195) „а судить свои люди игумень самъ, и татбу и разбой съ поличнымъ, опроче душегубства, или кому прикажетъ“ (А. Э. т. I, 1488, № 124; 1455, № 374; 1473, № 377; 1484, № 379; 1437—1461, № 34). Впрочемъ, нерѣдко судъ о разбоѣ и татбѣ предоставляется монастырю съ известными ограниченіями, въ чемъ слѣдуетъ видѣть признакъ того, что общественный характеръ этихъ преступленій все болѣе и болѣе выясняется; такъ, напримѣръ, рѣшеніе игумена или „кому онъ прикажетъ“ по дѣламъ разбоя и татбы подлежало докладу (См. Акты отн. до город. б., ж. гр. 1462—1463, № 31. XIV; „А. лучится судъ о розбое или о татбѣ с поличнымъ, а оба будут монастырские, и архимандрит в том дѣле своихъ людей (судить) сам или кому прикажет, да судив да о томъ дѣле доложатъ меня великог князя или моего боярина введенного“, стр. 104; Ж. Гр. 1498, № 31. XXI; А. Ист., т. I, Ж. Гр. 1496, № 106); иногда же назначался судъ смѣстный при участіи княжескаго намѣстника и рѣшеніе этого суда шло на докладъ къ князю (см. ж. гр. Кириллову монастырю, 1455 г. февр. 3: „и намѣстницы мои Дмитровскіи и ихъ тѣни тѣхъ людей монастырскихъ судить въ розбоѣ и въ татбѣ съ поличнымъ, а ихъ приказшиез монастырской съ ними судить, а судивъ того да доложить меня князя Юрья Васильевича, и язъ того самъ дозрю“, А. Этн. № 373, стр. 465¹⁾).

Изложенное о владѣльческомъ судѣ монастырей приводитъ насъ къ тому выводу, что въ жалованныхъ грамотахъ подсудность разбоя этому суду была какъ бы общимъ явленіемъ, и выдѣленіе разбоя и татбы изъ этой подсудности—исключеніемъ; въ слѣдующемъ періодѣ, въ эпоху Судебниковъ и Уложенія, мы увидимъ совершенно обратное явленіе.

§ 10. Изложенное въ настоящей главѣ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно насильственнаго похищенія чужой собственности въ періодъ мѣстныхъ законовъ XIV—XV вѣковъ:

¹⁾ Въ актахъ разсматриваемаго періода находимъ мы весьма незначительное количество жалованныхъ грамотъ, изъ которыхъ видно, что татба, разбой и душегубство исключаются изъ владѣльческаго суда частныхъ лицъ (А. Этн. т. I, ж. гр. 1450, № 46; 1484, № 111; 1487, № 120; 1495, № 132).

1. Въ законодательныхъ источникахъ и судебныхъ актахъ разсматриваемаго періода существуютъ три главныхъ выраженія, относящіяся къ предмету настоящаго изслѣдованія: разбой, грабежъ и находъ или наѣздъ; разграниченіе соотвѣствующихъ этимъ выраженіямъ понятій встрѣчаетъ серьезныя затрудненія благодаря особенностямъ законодательства, дающаго очень мало для догмы уголовного права.

2. Подъ разбоемъ слѣдуетъ понимать насильственное похищеніе чужой собственности, совершаемое съ злоумышленною, ворыстною цѣлью; въ историко-юридическихъ актахъ XIV—XV вв. нѣтъ данныхъ для дальнѣйшаго, болѣе полнаго опредѣленія внутренняго состава этого понятія.

3. Грабежъ, по прежнему, не имѣетъ одно какое либо опредѣленное значеніе; понятіе грабежа выражаетъ вообще всякое противозаконное отнятіе находящейся во владѣніи другаго вещи и чаще всего совпадаетъ съ понятіемъ самоуправства. Во всякомъ случаѣ подъ грабежемъ нельзя понимать преступное дѣйствіе съ тою же цѣлью, какъ и въ воровствѣ, то-есть *lucri faciendi causa*; въ этомъ убѣждаетъ насъ, кромѣ отсутствія всякихъ указаній противнаго въ источникахъ древняго права, также изученіе исторіи законодательства другихъ народовъ.

4. Находъ или наѣздъ означаетъ насильственное нападеніе на чужое недвижимое имущество, совершаемое скопомъ, болшею частью, по сосѣдству, изъ-за повемельныхъ или иныхъ личныхъ счетовъ съ лицомъ потерпѣвшимъ; подобно грабежу, находъ или наѣздъ сопровождался разграбленіемъ имущества, всего ближе совпадая съ понятіемъ самоуправства.

5. Насильственное похищеніе чужой собственности въ древнерусскомъ законодательствѣ XIV—XV вв. не составляло наиболѣе тяжелыхъ преступленій; при существованіи въ системѣ наказаній того времени смертной казни—разбой, грабежъ и находъ равно подвергаютъ виновнаго лишь денежному взысканію.

Дн. Тальбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОНѢМЕЧЕННОЕ СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЪ ТИРОЛЬ.

I.

Тироль—страна народныхъ наслоеній и этнографическихъ загадокъ. Кто были Ретійцы, первые обитатели страны, о которыхъ помнить исторія? Объ этомъ до сихъ поръ спорятъ вельтологи и поборники этрусской гипотезы. Римское завоеваніе привело здѣсь къ такимъ же результатамъ, какъ и вездѣ, гдѣ оно держалось долго и безъ помѣхи: Ретійцы заговорили особымъ романскимъ языкомъ, до сихъ поръ живущимъ въ „ладинскихъ“ говорахъ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ долинъ Тироля. Исслѣдованіе этихъ говоровъ, родственныхъ романскимъ діалектамъ Граубюндена и сѣверо-восточной Италіи, открыло въ нихъ особую средне-романскую группу и несомнѣнно отмѣнить многія изъ тѣхъ гадательныхъ этимологій, кельтскихъ и этрусскихъ, какія предлагались досадѣ въ объясненіе мѣстныхъ тирольскихъ названій.

Затѣмъ послѣдовалъ періодъ германскихъ вторженій: Свевы и Алеманны, Готы и Лонгобарды, Франки и Байвары поочередно перебывали здѣсь. Готы въ особенности оставили по себѣ память и въ названіяхъ урочищъ (Gossensass на Бреннерѣ, то-есть, Готское село; Götzens), и въ пейзажѣ древнихъ нѣмецкихъ поэмъ, воспѣвающихъ Дитриха Бернскаго, то-есть, Теодориха Веронскаго, и его сподвижниковъ. Онѣ съ любовью приурочиваются къ тирольской мѣстности: снѣжныя вершины Юхгримма красуются въ пѣснѣ о великанѣ Экке; у деревни Лаурейнъ, въ Нонсбергѣ, находятъ знаменитый розовый садъ короля Цверговъ Лауринна; берега Эча прославлены эпическими под-

вигами молодаго Дитриха, а надъ Салурномъ, на романско-германской границѣ, еще и теперь видѣются развалины древняго замка, въ которомъ сидѣлъ могучій ярлъ Рюдигерь съ своею дочерью, красавицей Гильдесвидой. Въ нее влюбился сильный витязь Самсонъ и увезъ ее въ темный лѣсъ, гдѣ началъ жить съ нею. Напрасно поднялись на него Рюдигерь и его братъ Брунштейнъ: они заплатились за то жизнью, а Самсонъ воцарился въ Салурнѣ и сталъ отцомъ Эрменриха и Дитриха Бернскаго.

Такъ начинается свой разказъ извѣстная сѣверная сага, называемая обыкновенно по его имени. Салурнскій замокъ стоитъ теперь въ развалинахъ, къ которымъ пристроился одинъ изъ обычныхъ суевѣрныхъ разказовъ: въ 1688 году какой-то Христофоръ Платцбнеръ нашелъ въ его погребахъ бочки со старымъ виномъ, пользоваться которымъ ему дозволили три таинственные незнакомца, но подъ условіемъ—хранить про себя тайну своей находки. Но Платцбнеръ проговорился и заплатился за то жизнью; громадные сосуды, въ которыхъ онъ приносилъ заповѣдное вино, долгое время хранились въ салурнской ратушѣ.

До такого общаго мѣста обвѣтрились разказы о славныхъ готскихъ витязяхъ, какъ бы исполняя вѣщія слова Самсона: „Когда я умру, пропадетъ вся наша слава и привольная жизнь!“ Пѣсни о немъ, навѣяныя Тидрексагой, слышатся въ Даніи; въ Тиролѣ ихъ нѣтъ, какъ вообще Тироль поетъ мало: знаменитое „Jodeln“ легче услышать въ парижскомъ café-chantant, чѣмъ на тирольскомъ сѣнокосѣ, который отбывается опятно, но молча. Прежде бывало иное: пѣсни и пляски и рукопашный бой, одинъ на одинъ или село на село; народная поэзія творилась экспромптомъ, и еще въ прошломъ столѣтіи процвѣталъ народный театръ, авторами и исполнителями котораго были крестьяне. Причины такого обвѣтрія народнаго веселья различны. Вопервыхъ, клерикализмъ, до сихъ поръ почерпающій свои силы и преданія въ религиозной реакціи XVI вѣка, сдѣлавшій Тирольцевъ самыми благочестивыми и рьяными католиками, какими можетъ только гордиться Римъ. Здѣсь не только приволье монастырямъ, но и существуетъ культъ отшельничества, въ горахъ, гдѣ-нибудь на живописномъ обрывѣ, гдѣ поселился скитникъ и появилась часовня и паломницы. Съ такимъ послѣдовательнымъ клерикализмомъ плохо мирилась народная поэзія: шесть дней полагалось работѣ, седьмой церкви, а не веселому jodeln и не пляскѣ. Полицейскій рационализмъ XVIII вѣка пошелъ на встрѣчу этимъ воззрѣніямъ,

потому что передъ его судомъ народное веселье было и неразумно въ своихъ проявленіяхъ, и неопратно, и полно суевѣрія.

Есть еще одна причина поэтического оскуднѣнія, на которую указать мнѣ одинокіе нѣсколько значковъ современнаго Тироля: кому бѣдно живется, тому плохо поется! Кто прослѣдуетъ долинами Инна и Эча, легко можетъ составить себѣ не совсѣмъ вѣрное представленіе о Тиролѣ, какъ о странѣ благословенной небомъ. Въ общемъ—это бѣдная страна: цѣлыя долины принуждены отказаться отъ сельской работы, которая не въ состояніи прокормить ихъ, и ищутъ подспорья въ какомъ-нибудь ремеслѣ или отхожемъ промыслѣ. Такъ, жители Грѣдненской долины (Grödner Thal, латинское: Gherdeina) известны по всей Европѣ своею рѣзбой изъ дерева, которой обязаны своимъ благосостояніемъ; другіе промышленуютъ кузнечествомъ, продажей муравьиныхъ яицъ, рубкою кауцты и т. н.; цѣлыя сотни дѣтей уходятъ въ началѣ каждой весны въ сосѣднюю Швабію, гдѣ нанимаются въ крестьянскія семьи, чтобы на зиму добыть себѣ лишнюю пару гульденовъ. Самымъ яркимъ показателемъ экономическаго уровня служатъ такъ-называемые Dögcher или Lapinget, бродячіе, бездомные крестьяне, что-то въ родѣ туземныхъ Цыганъ, заходящихъ, впрочемъ въ своихъ лѣтнихъ странствованіяхъ и въ сосѣднюю Штирію, Хорутанію и даже въ Хорватію. Они путешествуютъ, обыкновенно, семьями; ихъ домъ—двухкожесная, рѣдко четырехколесная тележка, верхъ которой оплетенъ щитомъ изъ прутьевъ орѣшины и прикрытъ кускомъ грубаго холста. Тутъ помѣщается вся семья, утварь и орудія промысла и торговли: метлы, ворзины, трутъ, посуда, смотря по специальности домохозяина; къ обычнымъ промысламъ относится и мелкое воровство, потому что дѣрхеры по природѣ коммунисты, которымъ ни одинъ проповѣдникъ не втолкуетъ разницы между своимъ и чужимъ. Оттого не любятъ ихъ крестьяне, и дѣрхеръ оплачиваетъ ихъ презрѣніемъ свободнаго человѣка къ человѣку, привязанному къ невольной, неустанной работѣ. Расположившись съ своимъ легкимъ домомъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью дерева, овъ свысока смотритъ на толпу, суетающуюся въ полѣ подъ отвѣсными лучами солнца. „Что, чай, жарко сегодня?“ кричитъ онъ имъ— „сегодня, чай, славно поработали?“ „За то славно и поѣли“, отвѣчаетъ голодному дѣрхеру находчивый крестьянинъ. Въ тележкѣ-домѣ дѣрхера нѣтъ недостатка и въ обычномъ пенатѣ каждой тирольской избы: клѣткѣ съ завѣтнымъ „Krummschnabel“, который, по повѣрью, предохраняетъ отъ несчастія, колдовства и болѣзни; въ долиніхъ верх-

наго Инца клѣтка съ этою птичкой подвѣшивается подъ гробъ покойника, когда его несутъ на погостъ. Находка для мисологовъ: душа—птица.

Къ долинамъ Тироля, обратившимся отъ сельской работы къ промыслу, относится и Теферрегекъ, названная такъ по древнему названію рѣки Теферъ, нынѣ Шварца, съ гребнемъ славянскимъ, нынѣ отъмеченнымъ населеніемъ.

Славяне явились въ Тироль послѣдними, и первые сошли со сцены. Когда-то они доходили до Пиллерзее и Кицбюгеля въ Гросс-ахенталь, жили въ южныхъ тирольскихъ областяхъ, на примѣръ, въ Примберо (нынѣ Primör), встрѣчались по теченію Ріенца до Бриксена, въ Пустертадѣ и окрестныхъ долинахъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и небольшая долина Тефера, простирающаяся на сѣверъ отъ Ліонца, съ востока на западъ, такъ что солнце посѣщаетъ ее уже раннею весною, и на солнечномъ сѣверномъ склонѣ родится пшеница; но западный вѣтеръ приноситъ съ сосѣднихъ горъ иней и градъ, нерѣдко уничтожающій жатву. Пришлось искать другихъ источниковъ заработка: мужское населеніе уходило торговать оселками и грубыми одѣлами изъ коровьяго и козьяго волоса или овечьей шерсти, специально приготовляемыми въ долинахъ. Пока мужья и братья отсутствуютъ, вся полевая и домашняя работа остается на женщинахъ, рѣдко выходящихъ изъ своего заповѣднаго уголка, и то не подальше, но за то сохранившихъ черты древняго костюма и уголовного убора, рѣзко отличающія ихъ отъ жителей сосѣднихъ долинъ, а также особенности типа и обычая, въ числѣ которыхъ особое вниманіе обращаютъ на себя обряды сватовства и брака.

Невѣсту сыну выбираетъ отецъ, который объявляетъ ему въ гостинницѣ, при свидѣтеляхъ, имя его будущей жены. Сынъ обыкновенно соглашается, и тогда-же приступаютъ къ сватовству. По этому поводу мать жениха печетъ каравай, Weberstrauben, сваты идутъ къ невѣстѣ, а женихъ и его родня ждутъ въ гостинницѣ отвѣта. Если сватовство отклонено, то о парнѣ говорятъ, что онъ получилъ Schlägel (er hat den Schlägel bekommen); если дѣло уладилось, то всѣ собравшіеся въ гостинницѣ отправляются домой, гдѣ происходятъ окончательные сговоры, а мать жениха угощаетъ гостей особымъ пирогомъ, называемымъ Brautflötschen.

Наканунѣ совершенія брака имущество невѣсты, ея сундукъ, перевозится въ ея будущее жилище: это зовется Truheführen. При этомъ „сказываютъ“, es wird „gereimt“: поперекъ дороги, по которой дви-

жется возъ съ невѣстичьимъ имуществомъ, протягивать жердь, устраивая такимъ образомъ загородъ (Klause), при чемъ сыплятся стихи, уснащенные остроумными, нерѣдко грубыми намеками на лица и отношенія ближайшаго сосѣдства. Возница, Truhführer, къ шляпѣ котораго пришитъ платокъ, подарокъ невѣсты, обязанъ заплатить за право проѣзда стихошлету, Reimerg. Такихъ реймеровъ является по дорогѣ нѣсколько, и всякій разъ повторяется та же сцена: загороди и выкупа; первымъ реймеромъ бываетъ обыкновенно одинъ изъ близкихъ родственниковъ невѣсты, и получаетъ талеръ откупнаго. Въ продолженіе всего пути раздаются выстрѣлы; то же продолжается и на слѣдующій день, день свадьбы. Гости приглашены задолго напередъ, съ одной стороны женихомъ и дружкой (Brautführer), съ другой—невѣстой и ея посаженою матерью, которыя обошли по этому поводу всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. При этомъ онѣ собираютъ подарки на пользу имѣющаго основаться молодаго хозяйства: деньги, полотно на пеленки и т. п. И на самую свадьбу не приходятъ съ пустыми руками, а приносятъ кожаный мѣшокъ съ житомъ, который и вручаютъ жениху.

Невѣста особо одѣвается къ этому дню. Уже со времени помолвки она носить бѣльца завязки у башмаковъ—признакъ, что она готовится выйти изъ дѣвчества; въ день свадьбы она надѣваетъ кромѣ того платье изъ синаго сукна и бѣлые шерстяные чулки; въ косы, вплетенъ не обычный красный шнурокъ (отличіе дѣвчьяго костюма; у женщинъ шнурокъ синій, зеленый, либа желтый; черный въ траурѣ), а золотая лента, и онѣ свободно спускаются на синну. За обрученіемъ слѣдуетъ въ церкви торжественная обѣдня, за которою причащаются всѣ присутствующіе: сначала парни и мужчины, затѣмъ молодые, которыхъ сопровождаетъ дружка невѣсты, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелемъ и называемый Altvater; наконецъ, дѣвушки и женщины. По окончаніи службы, мужчины отправляются въ гостиницу, женщины же остаются пока въ церкви, какъ будто онѣ до того погружены въ молитву, что не слышатъ приглашенія; лишь по вторичномъ появленіи мужчинъ въ церкви идутъ за ними и женщины. Въ гостиницѣ между тѣмъ приготовленъ обѣдъ и тотчасъ же устраивается пляска. Оркестръ состоитъ обыкновенно изъ одной скрипки, кларнета и цимбалъ (Hackbrett, струнный инструментъ, на которомъ играютъ двумя молоточками). Какъ только появились на столѣ запощенныя вѣтки съ кислою капустой, музыканты начинаютъ играть вальсъ и гости танцуютъ. Это зовется: „übers Kraut tanzen“—выра-

женіе, напоминающее образы малорусской свадебной пѣсни, что женихъ съ болрами вытопчетъ садъ-виноградъ. Плясъ продолжается до трехъ часовъ по полудни, послѣ чего молодые удаляются, сопровождаемые музыкой до самаго порога своего жилища.

Какъ видно, брачные обычаи Тефереггской долины представляютъ довольно древнія, если и не специально славянскія черты. Дареніе хлѣбомъ молодого отвѣчаетъ, быть можетъ, обычаю обсыпанія; выкупъ невесты у родственника (Reimer) намекаетъ на международныя отношенія; дружка невесты называется *Altvater*, то-есть, отцомъ, какъ бы старшимъ представителемъ рода, изъ котораго выходятъ дѣвушка. Еще другое обстоятельство указываетъ, быть можетъ, на черты родового быта: въ Тефереггской долинѣ отдѣльныя части общины носятъ названіе „*Rotten*“; такъ община *Hopfgarten* дѣлится на четыре *Rotten*: *Grossrotte*, *Feistriz*, *Unterrotte* и *Oberrotte*. То же названіе и съ тѣмъ же значеніемъ мы находимъ и въ сосѣднихъ долинахъ: *Virgen*, *Kals*, *Pregratten*, *Windischmatrei*. Бидермайя и Германъ видятъ въ тирольской *rotte* — забытый славянскій родъ, и эта гипотеза находитъ внѣшнее подтвержденіе въ одномъ изъ значеній средневерхненѣмецкаго *rote*, *rotte*, *rot*: отрядъ, толпа, община, *gemeinde*, *markgenossenschaft*. Съ этимъ же значеніемъ *rotte* встрѣчается не только въ указанныхъ мѣстностяхъ Тироля, въ долинѣ Зальцахъ (напримѣръ, въ баварск. *Berchtesgaden*), когда-то колонизованной Славянами, но и въ Швейцаріи: я разумѣю „12 *Rooden*“ въ кантонѣ Аппенцель, и *rode*, множ. ч. *rodan*, указанное Гриммомъ для Санетъ Галлена. Обычная этимологія *rotte* — лат. *rupta*, собственно отломокъ, отдѣлъ, а далѣе отрядъ и т. д. Въ мѣстностяхъ съ славянскимъ населеніемъ *rotte* и родъ могли встрѣчаться и смѣшиваться въ названіяхъ урочищъ.

Если тирольское *rotte* дѣйствительно отвѣчаетъ славянскому „родъ“, то Тефереггцы могли принести съ собою память древне-славянскаго устройства, въ которомъ свадебный *Altvater* являлся дѣйствительнымъ представителемъ рода.

Собирая въ Тироля послѣдніе отзвуки славянства, Бидерманъ указалъ, какъ на матеріалъ для изученія, на названія мѣстностей и пахатнаго снаряда, отличія типа и костюма, культъ извѣстныхъ святыхъ (церкви св. Вита въ разныхъ мѣстахъ Тироля; церковь св. Кирилла около *Säben-Brühen*) и народныя обычаи. Послѣдніе, сами по себѣ, не могутъ быть названы достовернымъ источникомъ, потому что этнографически-опредѣленныхъ обычаевъ и обрядовъ мы вообще

знаемъ мало. Плакальницы въ Вальсуганѣ, пляска Gobbi о масляницѣ въ Триентѣ, похожая на южно-славянское коло, всё это, можетъ быть, и не славянское. Интереснѣе къ вопросу о rotte — сходное дѣленіе, встрѣчающееся въ италянскомъ Тироли: colmelli (quartieri одного статута Флеймской долины: vadino in Roda nei quartieri), и обычай передѣла участковъ въ Примберо, по которому каждая новина, обработанная кѣмъ-либо изъ общины, время отъ времени поступаетъ въ передѣлъ по равной части между всѣми общинниками.

Таковы немногіе слѣды славянства, когда-то заглянушаго въ Тироль. Нѣмецкое начало его осилило и не боится. Другое дѣло — романство на южныхъ окраинахъ. Когда-то сѣверо-восточная часть долины рѣки По была богата нѣмецкимъ элементомъ: въ 1598 году горы вокругъ Виченцы могли поставить Венеціанской республикѣ 10,000 нѣмецкихъ людей, годныхъ къ военной службѣ, что заставляетъ предположить нѣмецкое населеніе по крайней мѣрѣ въ 100,000 душъ. Теперь нѣмецкая рѣчь тамъ вымерла и сохраняется, полузабытая, лишь стариками въ такъ-называемыхъ Sette comuni. Недаромъ нѣмецкіе патриоты Тироля обнаруживаютъ примѣрную чуткость ко всякимъ заявленіямъ italianissimi Триента: съ той стороны грозила дѣйствительная опасность, которую ощущало не только правительство, но, и божѣ того, частный нѣмецкій патриотизмъ. Титъ австрійскаго tedeschissimo, дѣйствующаго по какому-то внутреннему инстинкту, не подсказанному правительственнымъ самосохраненіемъ, въ Тироли самый обычный, и дѣятельность ему нашлась: основаніе нѣмецкой школы въ тѣхъ частяхъ Тироля, гдѣ слышатся хотя-бы два-три звука нѣмецкой рѣчи. Сойдутся ли тогда сѣверъ и югъ въ братской любви, какъ въ томъ сонетѣ, гдѣ сѣверно-тирольскій юноша общается своей южной красавицѣ, — разказать ей сказки, отзывающіяся полумракомъ горнаго лѣса, а она пусть нальетъ ему изерскаго вина, пусть наберетъ свѣжихъ фигъ своими нѣжными ручками и увѣнчаетъ его гелову цвѣтомъ миндальнаго дерева?

Von unsern Bergen will ich zu dir sprechen,
Erzählen dir heil'dankle Waldgeschichten.

Du aber sollst Isera mir kredenzen,
Frühfeigen pflücken mit den weichen Händen
Und mir das Haupt mit Mandelblüthen kränzen.

Und rufen wollen wir bis an die Grenzen,
Wir gross Tirol und seine Männer ständen
Wenn so wie wir, sich Nord und Süden fänden!

На сколько эта поэтическая мѣра дѣйствительна — покажетъ будущее; во всякомъ случаѣ, дѣло безъ борьбы не обойдется, потому что германская раса не захочетъ же спокойно разстаться съ тѣмъ, что здѣсь эмфатически зовутъ „раемъ Германіи“.

II.

Вопросъ о слѣдахъ славянства въ Тиролю, обратившій на себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ вниманіе Бидермана, снова поднятъ былъ на 29-мъ сѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ и учителей, въ Инсбрукѣ, въ сентябрѣ 1874 года. Въ рѣчи, которою профессоръ Юльгъ открылъ засѣданія сѣзда, онъ изобразилъ Тироль, какъ великія врата, черезъ которыя одна народная струя двигалась за другую, одна отодвигая другую — отъ горныхъ стѣнъ Альповъ къ желанной всѣмъ цѣли: Италіи. „Послѣднею струей этого движенія были Славяне. Вскорѣ по удаленіи въ Италію Ломбардовъ, они распространились въ долинахъ Дравы и Изёлы; всюду, гдѣ нынѣ не слышно болѣе славянской рѣчи, еще встрѣчаются славянскія названія мѣстностей. Западною границей былъ, вѣроятно, водораздѣлъ Тоблахскаго поля, гдѣ Vierschach у подножія Хельма прямо указываетъ на славянскую этимологию: верхъ, тогда какъ сосѣдняя Villgraten-Thal, вѣроятно, получила свое названіе отъ замка, лежащаго у входа въ долину: Velegrad, впоследствии переименованнаго въ Neunfels. Въ глубинѣ долины Virgen, среди мѣстныхъ названій кельтскаго происхожденія, пріютился и Pregraten, славянское преграда; Windisch-matrei ясно говоритъ само за себя; даже Glanz выше Ливнца скрываетъ подъ своимъ нѣмецкимъ обликомъ славянское klanies, возвышеніе“.

Только что вышедшая программа Миттеррутцнера, директора Бриенсенской гимназіи, отвѣтила на призывъ Юльга возможно-полнымъ собраніемъ slavica, сохранившихся въ названіяхъ урочищъ и языкъ Пустертала, въ области Дравы и Изёлы. Кое-что недостающее можно пополнить при помощи труда Гингнера о нарѣчій Дефереггцевъ. Такъ у Миттеррутцнера я не нашелъ слѣдующихъ словъ, этимологическія отношенія которыхъ предстоитъ провѣрить слависту:

pötschet n. plur., gebratene Rüben, wend. pezhka — gebratene Rübe.

parlöisslen, Frühlingssafran, slov. podlesk, wilder Safran.

geusche f. kleine Wohnung, ärmliche Behausung, wend. wôda, куца-

ânke f., plur., ânx'n — Gabeldeichsel für ein einzelnes Stück Vieh; Hintner слычаетъ wend. oje; plur. ojnye; Deichsel.—и т. п.

Слѣдующій далѣе выборъ словъ изъ Миттеррутцнера имѣетъ цѣлью познакомить русскаго читателя съ содержаніемъ интересной программы, не поступившей въ продажу.

береза: Fresach, названіе горной долины; Fresov, названіе дѣса;—ach въ Fresach и подобныхъ названіяхъ урочищъ — суффиксъ мѣстнаго падежа: Fresach=въ березахъ.

берлога: Berlogaz, горная поляна въ долинѣ Изеля.

быстръ: Feistritz, поселокъ въ Deferegggen, на берегу ручья=быстрица; Feistritzen у Лэнца.

бобъ: Bobojach, деревня въ сосѣдствѣ съ Windisch-Matrei.

боръ: Borize, горная долина въ общинѣ Schlaiten.

бродъ: Zabrot, Zabrod, мѣстное названіе.

брѣно, latum: Bernize, поле въ общинѣ Schlaiten.

бѣлъ: Weliz, горная вершина въ области Изеля, называющаяся со стороны Ahren-Taufer'a—Röthspitze.

вода: Wodach, горная поляна въ Прегратенѣ.

глина: Glinz, названіе дома и ручья=гливица. Сл. Glins, Glinel.

гѣль: Golik, Goller, Gollisell, мѣстное названіе.

гора: Goriach, Gortschach (въ горахъ, горицахъ).

градъ и т. п.: Aegrâthl, названіе садика въ Прегратенѣ = ограда; Praegraten; Gradiz — поле въ долинѣ Virgen'a и названіе ручья на лѣвомъ берегу Дравы; Groder, фамилія въ Кальской долинѣ (=Bürger); Villgraten; Graezer.

гроза: Grosnitz-kopf, гора на правомъ берегу Дравы.

доль, долина: Döllach, Dölsach, Dollnitz, мѣстное названіе; редолл, гора въ долинѣ Virgen = подолье; Zuggedoll = суходоль. Сл. Pusterthal=пустодоль, Frutschenthal въ округѣ Windisch-Matrei: вручидоль.

драга: Droege, въ Deferegggen: углубленіе, на подобіе долины, образовавшееся на поляхъ вслѣдствіе земляныхъ обваловъ; Drogen мѣстное названіе.

камень: Gampnitz, часть горной стѣны на восточной сторонѣ долины Seinitz'a: каменца?

кисель: Geilitz, Geilitze, Geislitz: овсяный кисель, общеупотребительная пища въ Кальской долинѣ, жителей которой называютъ въ насмѣшку кисельщиками (geilizefresser). Средневерхне-нѣмецкое giselitze, gisliz, староверхненѣмецкое giselitz: кислица?

- липа: Leibnig, Leibniz, Leibnitz, мѣстное названіе.
- лѣсъ: Lasa, названіе поля и лѣса. Сл. Lazach; Lázach, горная поляна въ Прегратенѣ; Leisach, Lesach, Lössen.
- лука: Lussitze, поле въ Schlaiten'ѣ.
- малина: Mallnitzwald, въ Deferegggen.
- могила: Moegele, поле въ Прегратенѣ.
- моча, palus: Motschenboden, мѣстность въ Virgen'ѣ.
- нора: Nörsach, община и поселокъ въ юговостоку отъ Лиэнца.
- обль: oublitz'n, gesottene Rüben (Deferegggen); oblica=Ball, Kügelchen, gedünstete Rübe (Janekö).
- остръ: Osterwitz, гора въ долинѣ Virgen.
- ольха: Olschnitz, Oischnitz, Eischnitz, названіе мѣстности.
- орать: Arnig, группы домовъ въ общинѣ Kals; сл. у Hintner'a: ôrl=плугъ (рало, орало), ârlink—лопата у плуга, оборачивающая комья вспаханной земли. Rattey-eggele — горная поляна на лѣвомъ берегу Gail'я: ратай?
- папороть, prarot, prapret: Prabernitze, горная поляна въ общинѣ Schlaiten; Prapernitzen, Prapornizen.
- пепель: Pereler, названіе дома въ Deferegggen.
- пешть, спрсуа: Petsch, Pöitsch, Pötschen, мѣстное названіе.
- поле: Aeperrollen, горная поляна въ Прегратенѣ; Pölle, то-же въ Deferegggen; Poll, то-же въ общинѣ Alkus; Polland, Pollen, Pollon, Polesle; Zucherpoll, поляна въ Virgen'ѣ: сучополье.
- потокъ: Petogg, Petoggen, Petögg, мѣстное названіе.
- просѣкъ: Prosssek, мѣстное названіе.
- прѣлогъ: Perlog, одиночный домъ у Oberlienz; поле въ Прегратенѣ.
- рогозь, raryus: Ragösl, горная поляна въ Virgen'ѣ; Rogoen.
- руда: Rudeneck, Rudnik, мѣстное названіе.
- село: Libisell, Libisellen, названіе дома и семейное (Любоселье?); Seler; Zedlach, Zelzsch, zettelunitzsch; Gollisell=голоселье?
- сопеть: Zorrot, Zorotnizen и др. мѣстныя названія.
- столь: Stollizen, мѣстное названіе.
- стража: Strasnig, Strassnig, мѣстное названіе.

трѣсть: Tristach, деревня подъ Лэнцомъ у болотистаго берега Дравы.

ужинъ: jause означаетъ въ Defereggem: обѣдъ; обычное значеніе jause: меренда, закуска между обѣдомъ и ужиномъ, наше: паужинъ.

холмъ: Kolm-Alpe, гора у источника Тилліахскаго ручья; Mallham (малый холмъ), вершина у Windisch-Matrei.

ясенъ: Asling, Assling, древн. Eznich, Aznich; въ верхней Крайнѣ Assling, слов. Jesenice, названіе мѣстное и др.

Въ критеріямъ, къ которымъ обращались исследователи тироляскаго Славянства, принадлежатъ, кромѣ мѣстныхъ названій и особенностей обычая, о которыхъ говорено было выше, и сохраненіе славянскаго этнографическаго типа и нрава, славянской (?) породы скота и патриархальныхъ отношеній, когда-то общихъ весть Славянамъ и нынѣ у нихъ доживающихъ, особливо въ Россіи.

Относительно типа и нравственнаго облика всѣ согласны, что населеніе Пустертала и долины Изеля удержало многа особенности, отличающія славянскую этнографическую особь. Правда, опредѣленіе ихъ выходитъ нѣсколько субъективное. Черта, сближающая жителя Пустертала съ Славяниномъ—это его тревный взглядъ на жизненные отношенія, влияющія на его собственную судьбу, его находчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами; однимъ словомъ—его смѣтливость (Pffifigkeit)*.

Съ этимъ отзывомъ Бэды Вебера сличите характеристику жителя долины Изеля, которую я заимствую у другого знатока Тироля, Ауера: Жители этой области отличаются до сихъ поръ замѣтнымъ славянскимъ типомъ, хотя нѣсколько постершимся отъ времени и влияния баварскихъ элементовъ; проникавшихъ съ запада и сѣвера и создавшихъ такимъ образомъ особую славяно-баварскую помѣсь. Особенно удержался этотъ типъ въ долинѣ Кальса, хотя онъ существуетъ и въ Windischmatrei, а въ Деферреггенѣ даже выразился образованіемъ особаго діалекта. Славянизмъ сказывается преимущественно въ очертаніяхъ лица. Кто сколько-нибудь наблюдалъ тирольскіе типы, тотъ признаетъ при первой встрѣчѣ съ жителемъ Изельтала, и особенно долины Кальса, въ его лицѣ нѣчто такое, что нигдѣ болѣе не встрѣчается въ Тиролѣ: выдающіяся скулы, моргающія, нѣсколько косо посаженные глаза, бѣлый, свинцово-блѣдный цвѣтъ кожи, неопредѣлимый блескъ взора, обличающій присутствіе глубокаго, нѣжнаго чувства, ушедшаго внутрь себя и наклоннаго къ мистицизму; прямые волосы—все указъ часть совѣ, отд. 2.

зывается на Славянъ, какъ на праотцевъ Изельтальцевъ. Они вообще мягкаго нрава и легко предаются религіозной идеѣ. Воспримчивые по природѣ, открытаго характера, они быстро возбуждаются, способны къ великимъ жертвамъ; разумѣется, какъ и всѣ сангвиники, они также легко забываютъ, вѣтряны и любятъ жизнь: сегодня они толпятся у исповѣди, по непосредственному увлеченію, и не ханжи; завтра, зазвонитъ ли цитра, загудитъ ли Hackbrett, они тутъ какъ тутъ. Жители Кальской долины любятъ пѣть, и ихъ мелодіи—славянскія. Преобладаетъ минорный тонъ; однообразные наѣвны повторяются постоянно, такъ что, слыша пѣсни кальскихъ горцевъ, невольно переносишься на берега Савы или къ далматскому побережью. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на архитектуру ихъ домовъ: кухня и жилая комната почти всегда помѣщаются въ одномъ покоѣ, въ углу котораго обыкновенно стоитъ народное кушанье: овсяный кисель, Geiliz. Дома въ Кальсѣ, а также и въ Windisch-waldei, стоятъ группами, не въ одиночку, какъ у старыхъ Германцевъ, что опять указываетъ на не германское происхожденіе.

Къ признакамъ, опредѣляющимъ границы прежняго распространенія Славянъ, принадлежитъ и то обстоятельство, что славянская порода скота до сихъ поръ водится тамъ наравнѣ съ баварскою; первая встрѣчается даже въ Гайсталѣ, въ 5—6 часахъ горнаго пути отъ Деферрегена.

Обработка крестьянскаго участка совершается, какъ и у Славянъ, членами семьи. Старшій сынъ, или если онъ отцу не по нраву, одинъ изъ младшихъ, назначается по духовному завѣщанію старшимъ, хозяиномъ, Hausvater, при чемъ все равно, женатъ ли онъ или нѣтъ. Выѣстъ съ участкомъ на его попеченіе переходятъ всѣ родственники по отцу или по матери, жившіе дотогъ въ семьѣ. Эти родственники, въ числѣ которыхъ можно нерѣдко встрѣтить дѣда и внуковъ, тетку и дядю, брата и сестру, даже двоюродныхъ сестеръ и братьевъ, обязаны всю свою жизнь провести въ домѣ, работая на семью изъ-за пищи и одежды и случайной копѣйки, которую дастъ имъ хозяинъ изъ милости или за какую-нибудь особую услугу.

Мѣстность, въ которой живутъ нынѣ отмеченные Славяне Пустертала, занимаетъ около 29 квадратныхъ миль съ населеніемъ приблизительно въ 22 тысячи. Славянъ замѣнила славяно-баварская помѣсь; въ преданіи, записанномъ на раздѣлѣ водъ и народовъ, Байваровъ и Славянъ, послѣдніе представляются какими-то троглодитами, пещерными людьми, какъ бы попрытавшимися въ скалы передъ на-

плывомъ другой народности. Въ старые годы жили въ Виндталѣ въ берлогѣ Антовъ (Antisches Loch), какіе-то люди, рѣдко или никогда не появлявшіеся въ долину. Только однажды пришла оттуда дѣвушка-красавица и нанялась въ услуженіе въ Преттау. Она была молчалива и никому ничего не говорила о своемъ родѣ-племени; говорила только, что въ Преттау ей быть недолго, потому что когда появится вооруженный всадникъ на бѣломъ конѣ, ей снова надо будетъ вернуться въ свою берлогу. Такъ разказывая, она плакала. И дѣйствительно, какъ скоро появился всадникъ, дѣвушка исчезла. Изъ берлоги и теперь еще слышать дѣтскій плачь, а на камняхъ кругомъ видѣли нерѣдко пеленки, сушившіяся на солнцѣ. Въ пескѣ у берлоги находятъ крошечные свѣтло-желтые камешки, величиной съ горошину и менѣе; имъ приписываютъ цѣлебное свойство: вытягивать изъ глазъ осколки дерева и соръ, туда попавшій. Говорятъ, что это окаменѣвшія слезы Антскихъ людей.

А. Веселовскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи.
Ф. Бруна. Часть первая. Одесса. 1879.

Южно-русскія области, прилегающія къ Черному морю, представляютъ наиболѣе привлекательное поле для розысканій того рода, къ какому принадлежатъ труды почтеннаго профессора Новороссійскаго университета Ф. К. Бруна. Многочисленные остатки древности и многообразные слѣды свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь нѣкогда кипѣла бодрая и радостная жизнь Греческаго народа, процвѣтала эллинская гражданственность съ ея высоко-художественнымъ творчествомъ. Здѣсь находятся развалины городовъ, описанныхъ Геродотомъ и Страбономъ, отчасти еще не вполне обслѣдованные; здѣсь должны быть отыскиваемы объясненія ко многимъ мѣстамъ наиболѣе почитаемыхъ сочиненій древнихъ классическихъ авторовъ. Все, что осталось здѣсь отъ эллинскаго періода, дорого и свято для всего образованнаго міра. Оттого эти мѣста издавна привлекаютъ пытливость ученыхъ и путешественниковъ всѣхъ странъ Европы. Было бы постыдно для русской науки и для русской образованности, еслибъ она осталась слѣпа къ тому, что находится предъ глазами, опустила бы возможность сдѣлать свой вкладъ въ общую сокровищницу, не сумѣла бы стать въ болѣе живыя и самостоятельныя отношенія къ изученію классическаго міра.

Не чужды общечеловѣческаго интереса и тѣ событія, которыя совершались въ южной Россіи въ переходное время отъ древняго къ новому, въ началѣ среднихъ вѣковъ. Здѣсь долго жили Готы, прошли

Гуны, господствовали Хазары, кочевали Печенѣги и Половцы, не миновали этихъ странъ и Мадьяры. Только одному народу Русскому суждено было сдѣлаться здѣсь владыкой и господиномъ. Именно здѣсь, на Черномъ морѣ и въ черноморскихъ странахъ, заявилъ онъ впервые міру о своемъ имени и своемъ призваніи. Не смотря на временное торжество кочевниковъ, оттѣснившихъ Русь отъ береговъ Понта, мы еще долго встрѣчаемъ въ арабскихъ извѣстіяхъ и на средневѣковыхъ картахъ названія мѣстностей, напоминающія Русь и Вараговъ, названія, которыхъ мы иногда не въ состояніи объяснить и приурочить. Во всякомъ случаѣ, здѣсь находятся важныя задачи русской исторіи, разрѣшенія которыхъ слѣдуетъ ожидать именно отъ сравнительныхъ историческо-географическихъ изслѣдованій.

Въ то время, когда нѣмецкая Ганза едва начинала развиваться и прокладывать себѣ дорогу къ торговому преобладанію на Балтійскомъ морѣ, предприимчивые граждане италіанскихъ городскихъ республикъ покрыли своими торговыми колоніями и факторіями берега Чернаго и Азовскаго морей. Въ XIII столѣтіи, со времени господства Генуэзцевъ и Венеціанцевъ, для Черноморья началось возрожденіе, напомнившее блистательную эпоху его первоначальной исторіи. Татарскія и турецкія времена опять изгладили здѣсь многое, но то, что остается, должно одинаково интересоватъ и образованнаго жителя современной намъ Генуи, и русскаго любознательнаго человѣка.

Никто не можетъ сказать, чтобы русская наука осталась глухою и невнимательною къ тѣмъ запросамъ, которые къ ней предъявлялись самымъ положеніемъ вещей. Въ 1794 году русскій академикъ Палласъ открылъ и описалъ развалины обоихъ Херсонисовъ и вообще проложилъ прочный путь къ изслѣдованіямъ на Ираклійскомъ полуостровѣ¹⁾. Нѣсколько позднѣе французъ Рейльи (Reuilly) составилъ весьма интересное описаніе своего путешествія въ Крымъ и по берегамъ Чернаго моря²⁾; затѣмъ посѣтили Тавриду Парротъ и Энгельгардтъ и описали свои наблюденія въ изданіи, вышедшемъ въ 1815

¹⁾ *Pallas*, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterchaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Vol. 1—2. Leipzig, 1799—1801 (тогда же появился и французскій переводъ).

Его же: *Tableau physique et topographique de la Tauride*. S.-Pétersbourg, 1795 (нѣмецкій переводъ: 1796).

²⁾ *Reuilly*, Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806.

году на нѣмецкомъ языкѣ, подобно сочиненіямъ Палласа ¹⁾. На русскомъ языкѣ писалъ Броневскій, авторъ „Обозрѣнія южнаго берега Крыма“ (1823 г.), которое не утратило своего интереса и послѣ того, какъ появился „Крымскій сборникъ“ академика Кеппена, капитальный трудъ, сдѣлавшійся настольною книгою для всѣхъ, занимающихся исторіей Тавриды или нуждающихся въ какихъ-либо справкахъ, которая до нея касаются. Опуская многое другое, отмѣтимъ лишь „Путешествіе по Тавридѣ“ И. М. Муравьева-Апостола, совершенное въ 1820 году и описанное въ книгѣ, появившейся въ 1823 году. Это было настоящее ученое путешествіе, которому предшествовало глубокое изученіе древнихъ классическихъ писателей и основательное знакомство съ новыми сочиненіями, объясняющими извѣстія древнихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прошлую исторію страны. Книга Муравьева-Апостола, написанная въ высшей степени живо, умно и занимательно, начинается поэтическимъ изображеніемъ древней Ольвии, мѣстоположеніе которой при нынѣшнемъ селѣ Порутинѣ впервые было точно указано нашимъ путешественникомъ. Не забудемъ далѣе полковника Стемпковскаго, „Исслѣдованія“ котораго „о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго между Тирасомъ и Борисееномъ“ отличаются, помимо твердаго и полнаго знакомства съ классиками, необыкновенною ясностію и трезвостію мысли и прекраснымъ изложеніемъ, которое кажется даже удивительнымъ, когда вспомнишь годъ, подписанный въ низу заглавнаго листа (С.-Петербургъ, 1826). Стемпковскій, котораго можно назвать основателемъ Керченскаго музея, въ то же время есть родоначальникъ Одесскаго общества исторіи и древностей; по крайней мѣрѣ онъ первый громко высказалъ мысль о необходимости основанія на югѣ Россіи ученыхъ обществъ для собиранія, сохраненія и изслѣдованія древности. Не скоро и не вдругъ, но наконецъ эта мысль осуществилась. Въ 1844 году, въ пятый годъ существованія общества, вышелъ первый томъ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стояла обширная статья: „Геродотова Скиѣія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями“, подписанная именемъ, достопамятнымъ въ лѣтописяхъ русской науки, и особенно той ея отрасли, къ которой относятся послѣдующіе труды Ф. К. Бруна, именемъ Н. И. Надеждина. Здѣсь же была напечатана и другая статья Надеждина: „О мѣ-

¹⁾ *Engelhardt und Parrot, Reise in die Krym und den Kaukasus. Vol. 1—2. Berlin, 1815.*

столоженіи древняго города Пересѣчина, принадлежавшаго народу Угличамъ"; она показала, что на ряду съ изученіемъ греческой древности, есть и другія спеціально-русскія задачи въ исторической географіи южнаго края. На византійскія и генуэзскія древности въ Крыму уже обращали вниманіе Броневскій, Муравьевъ - Апостоль и Кеппень. Не пускали ихъ изъ виду и Французы — Дюбуа-де-Монпепре, путешествіе котораго вокругъ Кавказа и по Крыму ¹⁾ выпло въ 1839—1843 годахъ, и въ двухъ послѣднихъ частяхъ, касающихся собственно Тавриды, отчасти повторяетъ, отчасти дополняетъ указанія Палласа и Муравьева-Апостола, и Омеръ де-Гель ²⁾, уступающій своему предшественнику въ талантъ и знаніяхъ историческихъ, но тоже оказавшій услуги распространенію и поддержкѣ общаго интереса къ прошлымъ судьбамъ Крыма и южной Россіи. Изданный Гелемъ живописный и историческій атласъ, хотя и не можетъ равняться съ великолѣпнымъ, роскошнымъ атласомъ Дюбуа, но и до сихъ поръ представляетъ полезное пособіе для изученія средневѣковой картографіи. Рядомъ съ этими Французами слѣдуетъ назвать Нѣмца Нейманна (Neumann, Die Völker des südlichen Russlands, 1847, и Die Hellenen im Skythenlande, Berlin, 1855), и еще двухъ иностранцевъ, служившихъ и писавшихъ въ южной Россіи — Дюбрюкса и Бларамберга ³⁾, а затѣмъ упомянуть о сочиненіи графа А. С. Уварова: „Исслѣдованія о древностяхъ южной Россіи“, появившемся въ 1851 году. Оно было результатомъ археологическаго путешествія, предпринятаго молодымъ наслѣдникомъ имени достопамятнаго въ исторіи русскаго просвѣщенія, тогда еще начинавшимъ свое поприще, на которомъ онъ въ послѣдствіи оказалъ столько важныхъ и славныхъ услугъ русской наукѣ. Общее художественное описаніе древней Ольвіи, оставленное намъ въ книгѣ Муравьева-Апостола, теперь было дополнено

¹⁾ *Dubois de Montpéroux*, Voyage autour de Caucase et chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6 vol. Paris, 1838—1843.

²⁾ *Hommage de Hell*, Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie meridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. Strasbourg, 1843—1845.

³⁾ *Blaramberg*, Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride. Paris, 1822.

Его же: Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia, faisant partie du cabinet du conseiller d'état de Blaramberg à Odessa. Paris, 1822.

Dubruks, De la position des trois forteresses tauroscythes dont parle Strabon. Odessa, 1831.

тщательнымъ и подробнымъ ученымъ обзорѣемъ ея археологическихъ памятниковъ. Между тѣмъ на самомъ югѣ Россіи, въ Одессѣ, начали трудиться П. В. Беккеръ, наиболѣе точный и строгій изслѣдователь вопросовъ, касающихся топографіи береговыхъ странъ Понта Евксинскаго въ эллинскій періодъ, Н. Н. Мурзакевичъ и особенно проф. Юргевичъ, занимавшіеся, между прочимъ, средневѣковыми генуэзскими колоніями и оставшимися отъ нихъ памятниками, а также покойный П. М. Леонтьевъ, производившій изслѣдованія на мѣстѣ древняго Танаиса, и т. д.

Въ 1853 г., въ 3-мъ томѣ Записокъ Одесск. общества, появилась первая статья Ф. К. Бруна, и съ тѣхъ поръ онъ оставался наиболѣе усерднымъ и постояннымъ вкладчикомъ этого изданія, въ настоящее время считающаго уже десять томовъ. Онъ помѣщалъ также свои труды во французской одесской газетѣ (*Journal d'Odessa*) и въ разныхъ мѣстныхъ погодныхъ изданіяхъ; а затѣмъ изслѣдованія его стали появляться на страницахъ академическихъ изданій, въ Бюллетеняхъ, Мемуарахъ и Ученыхъ запискахъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ ученой дѣятельности г. Бруна была его многосторонность въ изслѣдованіи судебъ любимаго края. Онъ не ограничивался классическою древностію или генуэзскими колоніями, но интересовался тѣмъ и другимъ, а также и вопросами первоначальной русской исторіи. Онъ изучалъ Геродота и написалъ важное сочиненіе о Геродотовой Скиѣи; онъ много занимался Страбономъ, но не были ему чужды и уставы италянскихъ торговыхъ факторій въ средневѣковой Газаріи, и византійскія и арабскія извѣстія о Руссахъ, Печенѣгахъ и Половцахъ. На ряду съ Геродотомъ и Страбономъ, г. Брунъ усердно изучалъ Константина Багрянороднаго, Эдризия и средневѣковыя италянскія портуланы. Статьи г. Бруна всегда носили въ себѣ самихъ доказательства самаго добросовѣстнаго отношенія къ предмету, и прежде всего, самой обширной начитанности въ источникахъ и пособіяхъ всякаго рода. Давно желательно было видѣть полное собраніе этихъ статей, такъ какъ безъ нихъ нельзя, какъ говорится, шагу сдѣлать въ изслѣдованіяхъ, сопрягающихся съ историческою географіею южно-русскаго края, а между тѣмъ они оставались разсѣянными въ разныхъ, иногда мало доступныхъ, изданіяхъ. Наконецъ, благодаря содѣйствію Новороссійскаго университета, рѣшившаго напечатать въ своихъ Запискахъ тѣ изъ многочисленныхъ трудовъ г. Бруна, которые не украшали уже ранѣе страницъ университетскаго изданія, появилась на свѣтъ первая часть

сборника, заглавіе котораго поставлено въ началѣ нашей статьи. Въ предисловіи къ нему сообщается, что двѣнадцать статей, вошедшихъ въ эту часть, представлены были въ рукописи Императорской Академіи Наукъ для соисканія Уваровской преміи за 1878 годъ. Не столько, конечно, рецензіи нижеподписавшагося, о которой Ф. К. Брунъ упоминаетъ въ предисловіи, сколько сводитъ общепризнаннымъ заслугамъ, снискавшимъ ему титулъ „перваго знатока“ южно-русской географіи даже въ ученой Германіи, обязанъ почтенный одесскій профессоръ тѣмъ, что Академія увѣнчала его труды преміей, находящеюся въ ея распоряженіи. Присѣдствуя съ своей стороны появленіе полезнаго и желаннаго изданія, мы намѣрены еще разъ подвергнуть разсмотрѣнію двѣнадцать статей, его составляющихъ, и между прочимъ отмѣтить тѣ дополненія и тѣ поправки, которыя теперь сдѣланы при новомъ ихъ пересмотрѣ.

Первая статья носитъ заглавіе „Островъ Тирагетовъ и греколатинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ“.

Тиритская надпись, найденная на берегахъ Днѣстра въ селѣ Коротномъ, уже сдѣлалась теперь общимъ достояніемъ науки, такъ какъ она издана не только въ извѣстномъ берлинскомъ сборникѣ латинскихъ надписей, но печатается даже въ такого рода нѣсколькихъ пособіяхъ какъ *Fontes juris romani* Брунса. Первыми ея толкователями были одесскіе ученые П. В. Беккеръ и Ф. К. Брунъ. Послѣдній сообщилъ наиболѣе подробный отчетъ о мѣстности и обстоятельствахъ открытія документа, весьма важнаго для исторіи римскаго господства по обѣимъ сторонамъ Дуная. Моммсенъ, уже послѣ изданія надписи ознакомившійся со статьею одесскаго ученаго, воспользовался ея сообщеніями въ *Supplementa* къ соответствующему тому берлинскаго изданія, находящагося подъ его редакціей. Теперь г. Брунъ, въ свою очередь, приводитъ какъ первоначальныя объясненія къ надписи, сдѣланныя Моммсеномъ, такъ и дополнительныя его замѣчанія, вызванныя сообщеніями самого г. Бруна. Сверхъ того, въ статьѣ г. Бруна, которая, кстати сказать, составила изъ двухъ прежнихъ статей, подвергшихся при этомъ неизбежной переработкѣ, снова обсуждается вопросъ о мѣстоположеніи Тираса, Офіусы и острова Тирагетовъ. Мы видимъ, что, вслѣдствіе замѣчаній Моммсена, г. Брунъ отказался отъ своего прежняго мнѣнія, что городъ Тирасъ во времена имперіи перенесенъ былъ на лѣвую сторону Днѣстра, именно туда, гдѣ теперь лежитъ село Коротное; оказалось, что мѣсто нахожденія надписи не можетъ служить основаніемъ для такого пред-

положенія, противорѣчающаго всѣмъ болѣе авторитетнымъ свидѣтельствамъ, по которымъ мѣстоположеніе Тираса опредѣляется близъ нынѣшняго Аккермана, и что памятникомъ, на которомъ находилась надпись, обозначалась только граница владѣній Тиритовъ (см. стр. 16). Теперь г. Брунъ, наоборотъ, полагаетъ что между Днѣстромъ и лиманомъ Кучурганскимъ, гдѣ лежитъ и село Коротное, находится островъ Тирагетовъ, упоминаемый у Плинія, что здѣсь же находилась и древняя Офіуса, изъ которой жители только послѣ перешли на правый берегъ Днѣстра, гдѣ основали новый городъ, первоначально названный также Офіусой, и только во времена римскаго господства переименованный въ Тирасъ. Признаемъ, что и новая теорія г. Бруна кажется намъ слишкомъ сложною и менѣе правдоподобною, чѣмъ взглядъ его друга и на этотъ разъ противника г. Беккера. Намъ представлялся вопросъ: если новая Офіуса стала называться Тирасомъ только послѣ присоединенія къ Римской имперіи, то-есть, послѣ 54 года по Р. Х., то какъ объяснить слова Помпонія Мелы, писавшаго нѣсколькими годами ранѣе половины I вѣка по Р. Х.: *Tyra surgit in Neuris; qua exit sui nominis oppidum attingit?* Г. Брунъ отвѣчаетъ на это, что быть можетъ, еще до формальнаго (?) присоединенія къ римскимъ владѣніямъ городъ пересталъ называться Офіусой. Еслибы мы даже удовлетворились такимъ довольно темнымъ объясненіемъ, то все-таки остался бы вопросъ о Геродотовыхъ Тиритахъ, которые свое имя получили скорѣе отъ города, чѣмъ отъ рѣки Тираса.

Вторая статья относится къ русской исторіи и занимается островомъ св. Ееерія. Тождество острова Ееерія съ Березанью было уже признано Карамзинимъ и Лербергомъ. Г. Брунъ взялъ на себя обязанность подкрѣпить простую, и нужно сказать, вполне естественную догадку своихъ предшественниковъ доказательствами ученаго характера. Точкой отправленія его довольно сложной аргументаціи служитъ то очевидно болѣе древнее названіе; подъ которымъ островъ Ееерія является въ одномъ старинномъ памятникѣ агиографической литературы, именно—въ житіи херсонскихъ мучениковъ, изъ коихъ одинъ несомнѣнно передалъ острову свое наименованіе, слѣвавшееся потомъ общепринятымъ для послѣдняго. Въ русской редакціи этого житія, какъ она читается въ Четьи-Миней Димитрія Ростовскаго, повѣствуется, что одинъ изъ современныхъ Константину Великому херсонскихъ святителей, именно Ееерій, кончилъ свою жизнь на пути изъ своей епархіи въ Царьградъ—на островѣ Аасъ...

Послѣдовательный рядъ ученыхъ соображеній, развиваемыхъ въ статьѣ г. Бруна, долженъ привести насъ къ убѣжденію, что островъ Аасъ, переименованный въ островъ Бѳерія въ честь умершаго на немъ епископа, не могъ быть никакимъ другимъ, какъ только Березанью, какъ только островомъ, находящимся при устьяхъ рѣки Днѣпра. Сущность дѣла въ томъ; что названіе Аасъ, по мнѣнію г. Бруна, почти тождественно съ однимъ изъ наименованій самаго Днѣпра, подъ которымъ эта рѣка была известна почти во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Наименованіе это есть „Озу“ или „Узу“, а доказательства, что оно было довольно обычно, суть слѣдующія: 1) г. Брунъ полагаетъ, что Озо-лимма, которая упоминается въ Алексіадѣ Анны Комнины, есть не что иное, какъ Днѣпровскій лиманъ, слѣдовательно, первая половина слова „Озо“ будетъ означать рѣку Днѣпръ; 2) у Моисея Хоренскаго устье Дуная называется Іозу; по мнѣнію г. Бруна, Дунай здѣсь смѣшанъ съ Днѣпромъ, и мы должны названіе Іозу возвратити къ принадлежности сему послѣднему; 3) на итальянскихъ картахъ XV столѣтія Днѣпръ называется Іозо и Іусеп; первую букву слѣдуетъ принимать за членъ и писать І'Озо и І'Усеп; помимо сходства съ именемъ Озо-лиммы, г. Брунъ признаетъ здѣсь родство съ татарскимъ словомъ „юзенъ“, что означаетъ вообще рѣку; 4) даже въ Ателькузу, древнемъ мѣстожителствѣ Угровъ по Константину Багрянородному, отискиваемомъ обыкновенно въ южной Россіи, г. Брунъ, посредствомъ нѣкоторыхъ поправокъ въ чтеніи и греческомъ написаніи слова, отыскиваетъ наименованіе двухъ рѣкъ: Атель=Этель или Итилъ и Узу, при чемъ послѣдняя половина слова прямо указывала бы на Днѣпръ; впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что г. Брунъ и самъ не считаетъ этотъ свой аргументъ свободнымъ отъ всякихъ сомнѣній; 5) Оксъ, упоминаемый у повднато византийскаго писателя Тцетцеса (жилъ въ XII вѣкѣ), долженъ особенно означать Днѣпръ, такъ какъ Тцетцесъ говоритъ въ данномъ мѣстѣ, по видимому, о еврейскихъ рѣкахъ; 6) наконецъ, Юзагъ въ отвѣтномъ письмѣ Хазарскаго кагана къ раббн Хиздаю еще съ большимъ правомъ можетъ быть отнесено къ рѣкѣ Днѣпру, чѣмъ къ Волгѣ.

Все это обиліе учености, весьма цѣнное само по себѣ, пришлось бы считать напрасно и непроизводительно расточаемымъ, еслибъ оно всегда приводило къ такимъ выводамъ, какой далѣе слѣдуетъ у г. Бруна: „Если Днѣпръ назывался Узу, то названіе рѣки легко могло перейти на островъ, лежащій при устьѣ Днѣпра“. Такой способъ заключенія никогда не будетъ пользоваться большимъ креди-

томъ въ ученой критикѣ. Намъ нужны положительныя доказательства, что это не только могло быть, но и на самомъ дѣлѣ было. Правда, г. Брунъ приводитъ еще одно сопоставленіе. Въ донесеніи Адашева къ царю Ивану Грозному говорится объ Очаковѣ и Азибебѣ. Но хотя бы подѣ Азибекомъ и слѣдовало разумѣть островъ Березань, однако, по собственному сознанію г. Бруна, имя Азибекъ весьма поздняго происхожденія и напоминаетъ Ази-гирея или Хаджи-гирея, основателя Крымскаго ханства.

Веротися все-таки въ названію острова Аѣсомъ, и къ названію Дифпра „Озу“ или „Узу“. Оказывается, что самая исходная точка всего разсужденія была весьма сомнительна. Правда, еще Шлецеръ отзывался благосклонно о томъ источникѣ, въ которомъ г. Брунъ прочиталъ наименованіе Ееріева острова Аѣсомъ; но знаменитый критикъ могъ сравнивать русскую редакцію житія херсонскихъ мучениковъ только съ наиболее краткою редакціей оного, помѣщенной въ Acta sanctorum Болландистовъ. Теперь мы должны признать существованіе еще гораздо лучшихъ источниковъ, и на основаніи ихъ отвергнуть самое чтеніе Аѣсъ, какъ совершенно ошибочное и невѣрное. Въ пространномъ греческомъ житіи херсонскихъ мучениковъ (изданномъ, правда, послѣ перваго появленія статьи г. Бруна въ печати) островъ называется не Аѣсъ, а Алсось (Ἄλσος) или Алсъ. Въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей, гдѣ любопытный и важный памятникъ былъ впервые напечатанъ, мы не находимъ никакого точнаго указанія на рукопись или сборникъ, изъ котораго была заимствована присланная изъ Москвы (покойнымъ К. И. Невоструевымъ) копія. Но все-таки можно утверждать, не боясь ошибки, что греческій текстъ житія былъ выписанъ изъ знаменитой Минеи XI вѣка, украшенной миниатюрами, подобными тѣмъ, какія находятся въ Ватиканскомъ менологіѣ Василія, и вообще составляющей одно изъ лучшихъ сочиненій Московской синодальной бібліотеки. Если это такъ, то мы сами имѣли случай ознакомиться съ этимъ кодексомъ, и можемъ засвидѣтельствовать, что данное мѣсто дѣйствительно читается такъ: Ὁς (==Αἰθέριος) ἤμπερ τὴν Χερσόνα καταλαβὼν, ἀναγνῶν ἀνέμων πνοαῖς ἐν τῇ νήσῳ ἄλσος ἀνομασίην καὶ τοῖς ἑρρεσι τοῦ Δανάκρουσ καταπῶν προσκλήμενῃ καταίρει... Однако, это еще не все. Намъ давно удивляло, что лица, занимавшіяся вопросомъ о св. Ееріи до г. Бруна и послѣ него, не обращали никакого вниманія на другую редакцію житія херсонскихъ мучениковъ, находящуюся въ рукописи, столь же древней, какъ сборникъ Синодальной бібліо-

еки, и по всѣмъ признакамъ, редакцію даже болѣе близкую въ первоначальному полному житію, чѣмъ редакція греческой Синодальной инии, содержащей вообще только сокращенныя житія. Мы разувѣемъ ту редакцію, которая находится въ извѣстномъ Супрасльскомъ борникѣ, изданномъ много времени тому назадъ трудами Миклошича. Въ житіи херсонскихъ мучениковъ мы читаемъ здѣсь: „Ееерій... ривръженъ бысть въ островъ нарицаемъи Агосъ въ странахъ рѣки ѡнапра“. Изученіе взаимнаго отношенія между разными редакціями житія, къ числу которыхъ нужно еще отнести и находящуюся въ старой печатной венеціанской греческой Минеѣ, было бы вообще не лишнимъ, но конечно, здѣсь не мѣсто этимъ заниматься. Отвѣтимъ только, что по обѣимъ древнѣйшимъ редакціямъ, Ееерій умираетъ рибитнѣ бурей къ извѣстному острову: не на возвратномъ пути послѣ путешествія въ Царьградъ, а при первомъ путешествіи въ Херсонъ, никогда не выдвѣ своей епархіи. Относительно его преемника Сапитона существуетъ еще большее разногласіе.

Какъ бы то ни было, островъ въ странахъ рѣки Днѣпра, на которомъ умеръ св. Ееерій, назывался первоначально не Агосъ, а Агососъ, или еще того дѣлѣе — Агосъ (какъ въ Супрасльской рукописи). Теперь осмотримъ, дѣйствительно ли Днѣпръ несилъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ названіе Озу или Узу. При рѣшеніи этого вопроса, намъ прежде всего представляется Озо-лима Анны Комнины. По нашему убѣжденію, достаточно со вниманіемъ прочесть весь разказъ Анны Комнины о столкновеніи между Пеленцами, разбившими императора Алексѣя около Прѣслава (западнѣе отъ Шумлы), и между Половами, послѣдними къ нимъ на помощь, не поторгъ разсорившимся, чтобъ убѣдиться, что мѣсто дѣйствія находится на южной стонѣ Дуная, въ Добруджѣ. Тогда не нужно будетъ предполагать „Сто холмовъ“ Алексѣя въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ они полагаются Кедичемъ. Названій византийскаго писателя, по собственному сознанію Бруна, очевидно указываютъ на существованіе „Сто холмовъ“ между Дунаемъ и Балканами; тѣмъ не менѣе, г. Брунъ думаетъ, что мѣстность, именуемая „Сто холмовъ“ у Анны Комнины, и находящаяся ниже Озо-лимы, есть не что иное, какъ „Сто могилъ“ при развалинахъ древней Ольви. Что же касается Іозу Моисея Херсонскаго, то, во первыхъ, теперь уже можно считать общепризнанною истиною, что армянская географія, носящая имя этого знаменитаго историческаго писателя, на самомъ дѣлѣ гораздо позднѣе его и относится никакъ уже не ранѣе, какъ къ VII вѣку по

Р. X.; а ввоторыхъ, какъ мы узнаемъ изъ изслѣдованія, сопровождающаго русскій ея переводъ г. Патканова, въ лучшихъ и старѣйшихъ спискахъ совсѣмъ нѣтъ никакого упоминанія о Іезу¹⁾. Въ сущности, только Loso и Lusen средневѣковыхъ итальянскихъ картъ имѣютъ значеніе для тезиса, доказываемаго г. Бруномъ; но эти карты относятся уже къ тому времени, когда въ южной Россіи господствовали Татары. Очень вѣроятно, что татарское „юзеиъ“, означающее вообще рѣку, въ частности служило наименованіемъ Днѣпра. Но очевидно, въ такомъ случаѣ оно не будетъ имѣть ничего общаго съ древнимъ названіемъ острова Ееерія, если бы даже этотъ послѣдній и въ самомъ дѣлѣ названъ былъ въ херсонскомъ памятникѣ Аѣсомъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что хотя мы и считаемъ излишними и неудачными доводы Ф. К. Бруна, мы все-таки соглашаемся съ нимъ въ томъ, что островъ Ееерія есть именно Березань, а не Тендра, какъ въ послѣднее время сталъ утверждать Г. Н. Бурачковъ. Напрасно этотъ послѣдній указываетъ на то, что островъ Березань не находится на пути плаванія изъ Царсграда въ Корсунь. Въ греческомъ текстѣ житія островъ Аѣсомъ и не предполагается лежащимъ на таковой дорогѣ, потому что тамъ говорится о „противныхъ вѣтрахъ“. Сверхъ того, выраженіе ἐν τοῖς παρά τοῦ Δελφύραος ποταμοῦ— „въ странахъ рѣвы Дѣнапра“—явно, больше идетъ въ Березани, чѣмъ въ Тендрѣ, и т. д. Точно также г. Брунъ совершенно правъ, возставая противъ мнѣнія Лерберга, что св. Ельферій, упоминаемый въ Игоревомъ договорѣ, есть мѣстность, совершенно отличная отъ св. Ееерія у Константина Багрянороднаго и находившаяся въ самомъ Константинополѣ. Переходимъ теперь къ третьей статьѣ.

Третья статья, „Нѣчто о Добруджѣ“, была написана въ 1854 году, по случаю перехода русскихъ войскъ за Дунай, сообщала общую характеристику страны по сочиненіямъ Венелина и Ами-Буэ и говорила о древнихъ греческихъ колоніяхъ, въ ней находившихся, именно о пяти приморскихъ общинахъ, составлявшихъ конфедерацію, известную подъ именемъ Пентаполя; затѣмъ здѣсь перечислялись и другіе пункты поселенія около нижняго Дуная, упоминаемые въ позднѣйшихъ римскихъ и византійскихъ источникахъ. Небольшая съ начала и непрята-

¹⁾ Армянская географія VII вѣка по Р. X. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текстъ и переводъ издавъ Ж. Паткановъ. С.-Петербургъ. 1877, см. стран. VIII.

зательная, хотя, нужно думать, полезная для публики, статья является теперь въ новомъ видѣ, съ значительными дополненіями. Ф. К. Брунъ обратилъ вниманіе на новѣйшія находки, и можно сказать, открытія, относящіяся къ городу Томи и къ греческому Пентаполю и состоящія, кромѣ латинскихъ надписей, изданныхъ Ренье (въ приложеніи къ книжкѣ А. Лара: *La Bulgarie orientale*), въ цѣлой дюжинѣ греческихъ надписей. Надписи эти первоначально были изданы Куманудесомъ въ аѳенскомъ журналѣ *Néa Παυδώρα* за июнь 1868 года; потомъ, хотя не вполне, перепечатаны были въ константинопольскомъ *Σύλλογος* за 1871 годъ (томъ IV, 105). Въ одномъ изъ общедоступныхъ французскихъ ученыхъ журналовъ (*Revue archéologique*, 1874 года XXVIII, 16) можно было найти одну довольно обширную и весьма любопытную статью, озаглавленную „*Inscriptions inédites des côtes de la mer Noire*“ и подписанную известнымъ именемъ Жоржа Перро (*Georges Perrot*). Французскій ученый во второмъ отдѣлѣ своей статьи занимался именно надписями Куманудеса, изданными въ Пандорѣ. Данными, которыя извлекаются изъ этого матеріала для исторіи черноморскаго Пятиградія, въ высшей степени интересны и важны; они послужили не только къ дополненію свѣдѣній, собранныхъ Ф. К. Брунъ, но и къ болѣе точному формулированію нѣкоторыхъ положеній его статьи. Перро очень правдоподобно объясняетъ, что встрѣчающаяся въ двухъ надписяхъ *Φλάβια νέα πόλις*, по видимому, находящаяся въ очень близкихъ отношеніяхъ къ конфедераціи и особенно къ ея метрополи, городу Томи (близъ Крестендже), есть не что иное, какъ городъ *Νοβαε* (= Снетово). Проф. Брунъ съ своей стороны полагаетъ, что Флавійскій Новгородъ, такъ презванный въ честь своего основателя, одного изъ императоровъ Флавіева дома, скорѣе соответствовалъ Новіодунуму. Французскій ученый ничего не сказалъ въ объясненіе надписи, напечатанной въ *Σύλλογος* подъ № 4-мъ, въ которой вмѣсто привычнаго намъ Пентаполя, говорится о Шестиградіи:

τὸν Πεντάρῃτην καὶ ἄρῃαντα τῆς Ἐξαρπόλεως
 τοῦ οἰὸν τοῦ Πόντου и т. д.

Ф. К. Брунъ склоняется въ пользу того предположенія, что именно со вступленіемъ въ конфедерацію новаго города Флавіевъ она превратилась въ Шестиградіе. Сверхъ того, любопытно объясненіе эпитета *εὐθωρος*, приданнаго Понту въ двухъ вновь найденныхъ надписяхъ, эпитета, предъ которымъ сталъ въ затрудненіе Перро.

Четвертая статья посвящена „Острову Певки“ (изъ Одесскаго

Вѣстника 1854 года). Въ статьѣ доказывается, что это названіе не у всѣхъ классическихъ писателей означаетъ одно и то же пространство, что именно у лучшихъ и болѣе извѣстныхъ географическихъ писателей I вѣка по Р. Х., Страбона и Плинія, а равне у Арріана въ описаніи походовъ Александра Македонскаго, названіе Певки означаетъ нѣчто большее, чѣмъ островъ, заключенный между тѣнерешскими дунайскими гирлами. У только что поименованныхъ авторовъ островъ Певки означаетъ сѣверо-восточную часть нынѣшняго Бабадагскаго полуострова, то-есть, полосу земли, расположенную между крѣпостями Бабадагомъ, Исакчей, Тульчей и мысомъ Бештене. Еще Крузе, въ своемъ сочиненіи объ устьяхъ Дуная, указывалъ, что эта полоса земли до сихъ поръ отдѣляется отъ западной части полуострова песчановъ возвышенностью, въ которой легко признать бывшее ложе рѣки. Можно полнѣ согласиться съ теоріей Укверта, поддерживаемой г. Бруномъ, что именно въ этомъ объемѣ и въ этихъ границахъ мы должны представлять себѣ островъ Левки при чтеніи Страбона. Относительно Арріана, описывающаго сраженіе Александра съ Трибалами, тоже слѣдуетъ признать, что ходъ дѣла будетъ намъ представляться болѣе естественнымъ, если мы примемъ объясненія г. Бруна, что островъ Певки, на которомъ спасался царь Трибалловъ, соответствуетъ Бабадагскому полуострову. Мы сомнѣвались прежде относительно возможности объяснять слова Плинія въ томъ же смыслѣ, который оказывается весьма подходящимъ въ приложеніи въ текстахъ Страбона и Арріана, такъ какъ новѣйшіе филологи, занимавшіеся текстомъ Естественной исторіи Плинія, въ данномъ мѣстѣ отступаютъ отъ прежнихъ изданій, и по видимому, совершенно основательно отмѣчаютъ тутъ прямой пропускъ нѣсколькихъ словъ. Такъ поступилъ Детлефсенъ (Dettefesen), а за нимъ послѣдовалъ и Мюленгофъ въ своемъ изданіи „*Germania antiqua*“. Но г. Брунъ приводитъ теперь слова Плинія въ ихъ подлинномъ текстѣ (по изданію Детлефсена) и даетъ имъ совершенно удовлетворительное толкованіе въ смыслѣ своей теоріи. Представленія позднѣйшихъ классическихъ писателей, за исключеніемъ Птолемея, относительно острова Певки также неопредѣленны и неточны, какъ и описаніе древнихъ греческихъ перипловъ. Всѣ они имѣютъ то общее, что, вопреки Страбону, заставляютъ островъ Певки доходить до самаго морскаго берега и заключаютъ его то вообще между устьями Дуная, то-есть, между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ, то между двумя только болѣе южными (Священное и Нараконъ).

Въ пятой статьѣ рѣчь идетъ о топографіи Ираклійскаго полуострова, и главнымъ образомъ, о мѣстоположеніи древнѣйшаго Херсонеса (Chersonesus vetus). Извѣстно, что развалины средневѣковаго Херсона и русскаго Корсуна, во времена Страбона называвшагося Новымъ Херсонесомъ, давно и несомнительно указаны Палласомъ, описаны Муравьевымъ-Апостоломъ, Дюбуа-де-Монпере и т. д. Но вопросъ, гдѣ находился первоначальный Херсонесъ, о которомъ говорить Страбонъ, еще можетъ подлежать обсужденію и спору. Г. Брунъ въ этомъ отношеніи отказывается слѣдовать указаніямъ Палласа, съ которыми не расходится въ другихъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, мысъ Парсеионъ, отъ котораго Новый Херсонесъ отстоялъ на сто стадій, есть мысъ св. Георгія или Феолентъ, на южной сторонѣ полуострова; здѣсь и долженъ былъ находиться храмъ Ифигеніи, о которомъ говорится у Страбона, и на который указываютъ развалины, описанныя въ первый разъ знаменитымъ академикомъ. Въ этомъ приуроченіи г. Брунъ остается вѣрнымъ руководству Палласа, не смотря на весьма вѣскія возраженія, сдѣланныя Муравьевымъ-Апостоломъ, уважившимъ Парсеионъ при нынѣшнемъ мысѣ Херсонесѣ. Но далѣе нашъ изслѣдователь, хотя, быть можетъ, и остается болѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ его руководитель, но едва ли тѣмъ приближается къ истинѣ; нельзя поручиться, чтобъ эта послѣдовательность не была дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальной ошибки. г. Брунъ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ изъ словъ Страбона слѣдуетъ, что древній Херсонесъ лежалъ между мысомъ Парсеионъ и гаванью Символовъ, нынѣшней Балаклавой, то позволено будетъ думать, что городъ находился на южномъ берегу полуострова Ираклійскаго, къ востоку отъ Георгіевскаго монастыря, подлѣ мыса Ай-Бурузъ“. Здѣсь одесскій профессоръ расходится уже не только съ Муравьевымъ-Апостоломъ, но и съ Палласомъ, да и вообще съ общепринятыми возрѣніями, по которымъ древнѣйшій Херсонесъ обозначается развалинами, открытыми тѣмъ же Палласомъ и находящимися у Камышевой бухты, на западной сторонѣ Ираклійскаго полуострова, близъ мыса Херсонеса, въ которомъ, по нашему мнѣнію, и слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Муравьевымъ, видѣть мысъ Парсеионъ. Главнымъ аргументомъ для г. Бруна служатъ развалины древнихъ стѣнъ и зданій, находящіяся во множествѣ въ указываемомъ имъ для древняго Херсонеса мѣстѣ. Эти развалины такъ массивны и обширны, что не могутъ быть объясняемы ни существованіемъ здѣсь только одного храма, ни какими-либо загородными постройками Херсонис-

товъ. Прекрасно; но и подлѣ Камышевой бухты тоже находятся, или лучше сказать, находились большія развалины, описанныя все тѣмъ же Палласомъ, который и видѣлъ въ нихъ древнѣйшій Херсонесъ. Г. Брунъ усматриваетъ тутъ постройки позднѣйшаго времени, собственно уже корсунской средневѣковой эпохи. Но почему же не на оборотъ? Почему не видѣть такихъ построекъ въ развалинахъ подлѣ мыса Аія-Буруна? Какъ бы то ни было, и точный смыслъ словъ Страбона не особенно можетъ служить въ пользу новой теоріи г. Бруна. Страбонъ говоритъ: μεταὶ δὲ τῆς κόλας καὶ τῆς ἄκρας λιμένας τρεῖς, εἰδ' ἢ πάλαι χαρρόνους κατασκαυμένους.. то-есть, „между Новымъ Херсонесомъ и мысомъ Пареніономъ три гавани или бухты, а затѣмъ древній Херсонесъ въ развалинахъ“. Такъ какъ новѣйшій Херсонесъ (разумѣется—въ отношеніи въ древнѣйшему) стоялъ, какъ въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, на западномъ берегу Карантинной бухты, то три бухты суть: Стрѣльская, Круглая и Двойная (Песчаная съ Казачею); между послѣднею и Камышевою будетъ находиться древнѣйшій Херсонесъ. Старый взглядъ Палласа, котораго держались въ сущности Муравьевъ-Апостолъ и Дюбуа, намъ все-таки кажется имѣющимъ нѣкоторыя преимущества предъ новымъ, хотя мы одинаково готовы признать и то, что вопросъ остается не рѣшеннымъ, и то, что только новыя открытія могутъ вполне оровергнуть мнѣнія, съ такимъ знаніемъ дѣла наложенныя г. Брунѣмъ. Онъ теперь сообщаетъ намъ, что съ его гипотезою, которая прежде казалась смѣлкомъ сибѣлю его товарищамъ по Одесскому обществу исторіи и древностей, теперь готовъ согласиться и проф. Юргевичъ, очень вѣжливый судья въ вопросахъ сего рода. Статья, которую имѣеть въ виду г. Брунъ, еще только имѣеть появиться въ XI-мъ томѣ Записокъ Общества. Ожидаемъ ее съ тѣмъ большимъ любопытствомъ, что эта же книга и статья дасть намъ возможность ближе ознакомиться съ результатами раскопокъ, въ которыхъ Одесское общество могло приступить три года тому назадъ, благодаря инициативѣ и содѣйствію своего почетнаго члена, министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго.

Шестая статья носитъ слѣдующее заглавіе: „Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій“. Появилась эта статья въ первый разъ на французскомъ языкѣ въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ за 1858 годъ и до сихъ поръ ни мало не утратила ни своего интереса, ни своего научнаго значенія. Морскія карты XIV и XV столѣтій, помимо каталонской шарра mundi,

принадлежащія Итальянцамъ, и въ частности большею частію Генуэзцамъ, представляютъ чрезвычайно важный источникъ для изученія исторической географіи, источникъ, отличающійся особою полнотою и достоверностію именно по отношенію къ Черноморью, гдѣ Генуэзцы и Венеціанцы имѣли свои торговныя колоніи и факторіи. Но этотъ источникъ для своего объясненія требовалъ знающаго, опытнаго и проинициальнаго толкователя. Наибольшую загадку представляла здѣсь самая географическая номенклатура, предъ которою одинаково могъ остановиться въ недоумѣніи и начитанный въ древнихъ классикахъ филологъ, и подробно изучившій возвышенную топографію географъ. Въмѣсто Верисеена или Дибра мы встрѣчаемъ здѣсь Кінехе, Егехе, вмѣсто Дибстра—Турло; затѣмъ слѣдуютъ такія выраженія, какъ Gynestra, Pidea, Flot de lis и т. д. Предстояло, воопервыхъ, приурочить эти названія къ опредѣленнымъ современнымъ мѣстностямъ, что, при несовершенствѣ средневѣковой картографіи, не было дѣломъ легкимъ и требовало внимательнаго сравненія всѣхъ отдѣльныхъ показаній на каждой картѣ, повторить — слѣдовало объяснить самыя названія и указать заключающійся въ нихъ смыслъ. То и другое исполнено было г. Бруномъ съ полнѣеи усѣбкомъ. На основаніи характеризуемой нами статьи представлены берега и гавани Чернаго моря въ XIV вѣкѣ и на картѣ большаго нѣмецкаго атласа Шпрунера-Менке, выходящаго теперь новымъ изданіемъ (девятнадцатый выпускъ, № 88). Что касается объясненія номенклатуры, то г. Брунъ весьма остроумно и удачно большую часть названій объяснилъ при посредствѣ своего знакомства съ мѣстною флорой, которая, очевидно, прежде всего останавливала на себѣ вниманіе Итальянцевъ. Flot de lis, то-есть, двѣтуція лиліи, отмѣченныя при устьѣ Тимрульскаго лимана, служили, конечно, хорошимъ къ тому намекомъ, хотя ихъ все-таки пришлось замѣнить присами или тильпанами, такъ какъ обыкновенныхъ лилій нѣтъ въ данной мѣстности. Живестра (ginestra, франц. genêt), названіе, стоящее въ мѣстности Буальницваго лимана, заставляетъ думать, что италянское имя будущей Одессы происходило — если и не отъ того самаго растенія, которое сообщило прозваніе фамиліи Пантагенітовъ, то по крайней мѣрѣ, отъ родственнаго ему дрожа. Очень любопытно объясненіе слова Пидеа (pidea), обозначающаго мѣстность на лѣвомъ берегу Дибра, куда простиралась Геродотовская Гилея. Г. Брунъ производитъ это слово отъ греко-византійскаго πιδος (быть можетъ, *pinus padus*, черемуха) или же самостоятельнаго πιδος

(впрочемъ г. Врунъ пишетъ *πῦδος*), родъ дерева, изъ котораго приготовляются весла, по мнѣнію изслѣдователя—даже сосна. Здѣсь мы предложили бы поправку. Намъ думается, что лучше было бы взять за основаніе позднѣйшее греческое *ἀπίδιον*, diminut. отъ *ἀπιον*, груша, грушевое дерево. Въ византийскихъ монастырскихъ грамотахъ, недавно изданныхъ Мильоничемъ и Миллеромъ (*Acta graeca*, t. IV), мы читаемъ (pag. 8): *ἀπίδαι τρεῖς καὶ δρῶς ἕξο*, или (pag. 57): *σοκαὶ δάδακα ἀπίδαι λ'* (Ср. новогр. *ἀπίδι* и *ἀπίδα*). Намъ говорятъ весьма знающія лица (см. статью г. Бурачкова о мѣстоположеніи Барвинита въ послѣдней книгѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей), что хвойникъ деревьевъ не только нѣтъ, но и быть не могло въ данной мѣстности, да нѣтъ и черемухи (*prunus radus*). За то полковникъ Томиловъ, описавшій въ 1774 году Кинбурнскій полуостровъ, нашелъ тамъ ольху, яблони и груши (Записки Одесскаго общества, IX, 4). Такого же рода растительность простиралась, по видимому, отъ Кинбурна до самыхъ Алешевъ. Мы считаемъ удачными и другія объясненія, какъ напримѣръ, Барбарея Блюбержевъ, и наконецъ, полагаемъ, что г. Врунъ хорошо поступилъ, отказавшись отъ приуроченія греко-византийскаго *Ἐλισσοσ* къ Одешью. Изъ документовъ, уже давно обнародованныхъ, было совершенно ясно, что это мѣстечко, за которое спорили два митрополита, Херсонскій и Сугдѣйскій, находилось въ южной части Таврическаго полуострова (*Acta Patriarchat*. II, стр. 42 и 150).

Седьмая статья—„Слѣды рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ (стр. 98—133).

Этой статьѣ, напечатанной первоначально въ V-мъ томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, всего болѣе посвящено въ нашей ученой литературѣ. Ея тема, интересная сама по себѣ, имѣетъ кромѣ того прямое отношеніе къ вопросамъ первоначальной русской исторіи и проводить мысль о тѣснѣйшихъ связяхъ приднѣпровской кievской Руси съ черноморскою или тмутараканскою. Понятно, что когда въ послѣднее время обсужденіе этихъ вопросовъ снова оживилось, статья г. Вруна должна была пользоваться особеннымъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ раздѣлять того увлеченія, съ какимъ другіе русскіе изслѣдователи относятся къ статьѣ почтеннаго одесскаго профессора. Мы признаемъ, что трудолюбіе и обширная начитанность автора въ источникахъ всякаго рода помогли ему собрать массу очень цѣннаго матеріала, который навсегда сохранить значеніе за его статьей; мы признаемъ, что нѣкоторые

частным сопоставленіемъ и комбинаціи автора могутъ быть приняты въ разсчетъ самою строготоу критикой. Но въ то же время мы находимъ, что въ своемъ основаніи статья содержитъ рядъ весьма сомнительныхъ положеній, построена на некрѣпкомъ фундаментѣ. Сущность дѣла вотъ въ чемъ: Проф. Брунъ въ самомъ началѣ своей статьи приводитъ свидѣтельство изъ знаменитаго описанія Украины Воппаномъ (XVII в.), что Запорожскіе казаки иногда возвращались изъ своихъ поисковъ на Черномъ морѣ слѣдующимъ путемъ: чрезъ Керченскій проливъ въ Азовское море, по Донскому лиману, по Міусу до Волчьей воды (Ташаводы), потомъ волокомъ въ Самару, которая уже изливается въ Днѣпръ. Показаніе французскаго инженера, 17 лѣтъ проведеннаго на службѣ Польскаго короля, не можетъ быть подвергаемо сомнѣніямъ, да, по нашему мнѣнію, оно не нуждается и въ той поправкѣ, которую предлагалъ сначала Л. Н. Майковъ¹⁾, а теперь принялъ и Ф. К. Брунъ, и которая состоитъ въ замѣнѣ Міуса Кальміусомъ. Съ другой стороны, волокъ, отмѣченный Воппаномъ между Волчьею и Самарою, опредѣляетъ весьма недвусмысленно удобства этого пути и размѣры возможнаго пользованія онымъ. Можно допустить, что въ XVII столѣтіи, а тѣмъ болѣе въ древности, Міусъ (или же Кальміусъ) и Волчья были гораздо многоводнѣе, чѣмъ онѣ являются въ настоящее время; но дѣлать изъ нихъ рѣки судоходныя чуть не до самыхъ верховьевъ едва ли существовала какая удобность. Намъ кажется весьма основательнымъ замѣчаніе, высказанное г. Бурачковымъ, что все судоходство казаковъ по Міусу и далѣе состояло въ томъ, что казаки, возвращаясь съ моря, затопляли въ Міусскомъ лиманѣ „свои дубы для переду“, то-есть, оставляли здѣсь до будущей морской экспедиціи тѣ большія суда, которыя описаны у Воппана, и на которыхъ они развѣзали по Черному морю, а для рѣчнаго путешествія садилась на другія меньшія переносныя лодки. Именно такъ поступали казаки въ другихъ подобныхъ случаяхъ, по свидѣтельству другихъ источниковъ. Вотъ фактъ и его истинное значеніе. Но что же на немъ построилъ г. Брунъ? На казачьихъ развѣздахъ и на рѣчномъ судоходствѣ съ волоками онъ построилъ цѣлую теорію о некрѣпкомъ водномъ сообщеніи между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ; онъ предполагаетъ существованіе этого пути во времена Геродота, находитъ его на страницахъ византійскаго писателя, прилагаетъ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., августъ 1874 г., разборъ книги г. Н. Барсова: Географія начальной лѣтописи.

свою гипотезу къ объясненію весьма многихъ явленій и фактовъ древнѣйшаго періода русской исторіи. Но при этомъ онъ не столько провѣряетъ свою гипотезу несомнѣнными фактами, сколько приравливаетъ простые и ясные факты къ потребностямъ своей темы.

Такъ, прежде всего, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы у Константина Багрянороднаго находился хотя бы малѣйшій намекъ на существованіе преданія о внешнезаченномъ водномъ пути. Совершенно напротивъ — Константинъ въ дѣлѣхъ мѣстѣ (De administr., cap. 42) говоритъ только о томъ, что въ древности весь темерекскій Перекопскій перешеекъ былъ прорѣзанъ глубокимъ рвомъ, который въ его время давно уже былъ засыпанъ землей и поросъ лѣсомъ. Разумѣются ровъ и валъ, устроенные для защиты большого полуострова противъ нападений сѣверныхъ номадовъ, вѣроятно, въ эпоху Воспорскаго царства. Отъ этого еще далеко до воднаго сообщенія, а тѣмъ болѣе гдѣ же тутъ рѣчной путь изъ Днѣпра чрезъ Самару и Міусь? Далѣе, г. Брунъ полагаетъ, что этнически именно путемъ Игорьъ воротился изъ своего несчастнаго похода на Гривовъ. Относительно послѣдшаго предположенія замѣтимъ, что, конечно, въ словахъ, вложенныхъ Львомъ Діакономъ въ уста Цимисхія, содержится прямое указаніе на удаленіе Игоря къ Веспору, т. е. къ Керченскому проливу. Но даже допуская, что тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія, ничего сказаннаго вообще и наоборотъ, мы все-таки не можемъ быть увѣрены, что въ Керчь путь непремѣнно продолжался по Міусу или Калміусу и т. д. Чтобы устродить возможные возраженія и доказать, что прибрежье Азовскаго моря была доступно для Русскихъ при Игорѣ, г. Брунъ вступаетъ въ длинное рассужденіе объ Уличахъ или Угличахъ: они первоначально обитали на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ углу, образуемомъ важнымъ теченіемъ сей рѣки и западнымъ берегомъ Азовскаго моря, и послѣ того какъ Олегъ воевалъ съ ними безуспѣшно, были подчинены Игоремъ. Прекрасно. Но мы полагаемъ, что еслибы г. Бруну удалось окончательно доказать свой побочный историческій тезисъ о первоначальномъ мѣстожителствѣ Уличей и Угличей, то такой результатъ былъ бы даже гораздо важнѣе собственно географической его темы о рѣчномъ пути. Другими словами мы можемъ выразить свою мысль такъ, что никогда не слѣдуетъ трудные, запутанные и важные вопросы трактовать какъ бы мимоходомъ, не ради ихъ самихъ, а только для потребностей другой, даже менѣе важной темы. Ученныя, которые послѣ занимались вопросомъ о мѣстожителствѣ Уличей специально,

приходили къ другому заключенію, чѣмъ г. Брунь. По изслѣдованіямъ Н. П. Ламбина оказывается, что Уличи и Угличы никогда въ историческое время не жили на востокъ отъ Днѣпра и во время Олега населяли черномерскую равнину между Вугомъ и Днѣстромъ. Такой выводъ нѣтъ тѣмъ болѣе силы, что изображенія, на которыхъ она была описана основанъ, послѣ манли себя блистательное фактическое подтвержденіе въ явленіи, сдѣланномъ при разборѣ статей г. Ламбина академикомъ А. А. Кунинкомъ и А. Ф. Вычювымъ, что въ Новгородской лѣтописи А. Ф. Вычювъ находитъ въ известномъ мѣстѣ болѣе важное для данного вопроса мѣстѣ желаемое чтеніе „межи Бюгъ и Днѣстръ“, какъ опредѣленіе мѣстожителства Ульденъ (см. Отчеты о XIV-мъ присужденіи наградъ графа Уварова). Правда что г. Брунь, когда писалъ первоначальное свое изслѣдованіе, имѣлъ еще дѣло съ безсмысленнымъ: „межи воинднѣстръ“; если онъ и теперь не хочетъ отказаться отъ прежняго своего мнѣнія, то это доказываетъ только то, что вообще не легко отказываться отъ выработаннаго долготѣ трудомъ. Сложныя и нѣсколько запутанныя изображенія, основанныя на предполагаемомъ тождествѣ Дукоморья съ Угломъ и е происхожденіи имени Уличей или Угличей отъ послѣдняго; остаются по-прежнему мало убѣдительными.

Приведемъ еще два примѣра значимаго умалченія, съ какими почтенный изслѣдователь видно-русской исторической географіи испровергаетъ установленныя понятія — ради наибольшаго подкрѣпленія своей идеи о пользованіи Волчановскою дорогою въ древнее время. Онъ хочетъ убѣдить насъ, что Святославъ изъ своего похода противъ Хазаровъ возвратился слѣдующимъ образомъ: Дономъ въ Азовское море, а оттуда Казмиусомъ и Самарою въ Днѣпръ и до Кіева (см. стр. 116). Чѣмъ это доказивается? Тѣмъ, что Касоги были побѣждены Святославомъ, до видному, на возвратномъ пути его изъ Хазарскаго похода (ибо въ лѣтописи говорится: „одолѣ Святославъ Хазаромъ и градъ ихъ Бѣлу вѣшу взя, и Яси побѣди и Касоги и приде къ Кіеву“; послѣднія слова притомъ—не во всѣхъ спискахъ), и встрѣчени были имъ не въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ именно при Казмиусѣ. Но общезвѣстное пребываніе Касоговъ полагается совсѣмъ не тамъ, а около Кубани, по сосѣдству съ Таманью, то есть, древней Тмутараканью, вслѣдствіе чего мы и видимъ, что Касогами берутся или берутъ съ нихъ дань тѣ князья, которые владѣютъ Тмутараканью (Мстиславъ Тмутараканскій въ 1022

году, Ростиславъ Владиміровичъ въ 1066 году). Автору статьи не надобился очень длинный перерывъ посредствъ его разсужденій, чтобы доказать возможность существованія Касоговъ у Калкіюса. Въ этомъ эссеурсѣ, который для удобства читателей лучше было бы выдѣлить изъ состава статьи на конецъ ее въ видѣ приложения, собрано много важныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній о Кабаракъ, одномъ изъ Хазарскихъ племенъ, или что не мнѣею г. Бруна одно и то же, — Черкесскихъ, о поддѣльныхъ Черкасскъ Азовскихъ, о Бродникахъ, родство которыхъ съ Кабарами считается несомнѣннымъ. Все это въ отдѣльности — повторяемъ — и цѣнно, и важно, но связь, которая соединяетъ разнообразныя данныя, кажется намъ противосестественною и насильственною. Наиболѣе существенный вопросъ: были ли въ X столѣтіи эти Кабары (= Касоги = Черкасы = Бродники) на правой сторонѣ рѣки Дона — не находятъ себѣ положительнаго отвѣта, ибо такія нельзя считать проблематическаго „могли“, выражаемаго притомъ осторожнымъ вопросомъ (стр. 177: „Почему часть Кабаровъ не могла оставаться на лѣвой сторонѣ Дѣвира?“). Можно ли на такомъ зыбкомъ основаніи строить опоры для какой бы то ни было теоріи?

Съ такимъ же сомнѣніемъ мы должны отнестись и къ предположенію г. Бруна относительно принадлежности города Воспора или Керчи къ составу русскихъ владѣній. Никакихъ серьезныхъ доказательствъ на это мы не находимъ и никогда не были въ состояніи видѣть такое доказательство въ известной надписи на Тмутараканскомъ камнѣ, гласящей, что въ 1068 году князь Глебъ мѣрилъ море по льду отъ Тмутараканя до Крчева. Было бы, конечно, другое дѣло, если бы на оборотъ пунктомъ а quo былъ Крчевъ; но такъ какъ этого нѣтъ, то приходится думать, что любознательный князь остановилъ свои измѣренія передъ Керчью, именно потому что она не входила въ составъ его владѣній. Равнымъ образомъ, если городъ принадлежалъ Грекамъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что его посетила греческая царица Анна на пути изъ Корсуны, какъ объ этомъ повѣствуетъ легенда. Напротивъ, намъ кажется возможнымъ представить одно новое соображеніе въ опроверженіе догадки г. Бруна. Если бы въ самомъ дѣлѣ Керчь = Воспоръ ранѣе 988 года была завоевана Владиміромъ Святѣмъ и послѣ того оставалась чуть ли не до XII вѣка подъ русскою властію, то конечно, и Керчьская = Воспорская епархія вошла бы въ составъ Русской митрополіи, и Воспорскій епископъ принималъ бы то или другое участіе въ дѣлахъ Русской церкви, и слѣды этого участія такъ или иначе сохра-

нились бы въ историческомъ преданіи. Между тѣмъ, этого не только нѣтъ, но замѣчается обратное отношеніе. Воспорскій епископъ, какъ представитель самостоятельной митрополіи, присутствуетъ на помѣстныхъ Цариградскихъ соборахъ, на которыхъ мы никогда не встречаемъ подчиненнаго Кіевскому митрополиту областныхъ епископовъ. Въ синодальныхъ актахъ можно найти въ 1028 году подпись Іоанна Воспорскаго, въ 1066 году—упоминаніе о присутствіи другого епископа, не названнаго по имени (См. Ralli, V, 32 и т. д.) Возьмемъ, напротивъ того, Тмутаракань, византійскія Матрахи (сѣ Матраха). Вотъ область, которая въ соотвѣствующій періодъ дѣйствительно принадлежала къ составу русскихъ владѣній. И что же? Мы не видимъ, чтобы въ XI столѣтіи Тмутараканскіе епископы когда-либо являлись на Константинопольскихъ патриаршихъ соборахъ, тогда какъ это слѣдуетъ дѣлать, начиная со времени воссоединенія съ Восточною монархіею, со времени Мануила I (при Лукѣ Хрисовергѣ, 1155—1167 г., см. Ralli V, 98); а съ другой стороны, за періодъ политической связи Тмутаракани съ Русью, въ русскихъ источникахъ мы встречаемъ указанія на дѣятельность въ Тмутаракани Русскихъ людей; такъ Никонъ, Печерскій игуменъ, является основателемъ одного изъ тмутараканскихъ монастырей; сверхъ того, мы случайно узнаемъ, что одинъ изъ епископовъ Тмутараканскихъ вывелъ изъ среды печерскихъ монаховъ (см. посланіе Нелливарія въ Печерскомъ Патерикѣ).

Г. Врунь тѣмъ болѣе дорожитъ своимъ мнѣніемъ о принадлежности Веспера или Керчи къ древнимъ русскимъ владѣніямъ, что оно служитъ нѣкоторымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ еще болѣе важныхъ его соображеній касательно этого города. Въ одномъ византійскомъ документѣ, именно въ грамотѣ императора Мануила, данной Генуэзцамъ въ 1170 году, запрещается этимъ послѣднимъ вести торговлю съ Россіей и Матраками, то-есть, Тмутараканью (ἀνω τῆς Ρωσίας καὶ τῶν Μαρτράχων). Арабскій географъ Адріанъ, жившій въ томъ же XII столѣтіи, точно также говоритъ о русскомъ городѣ, лежащемъ не подалеку (въ 27 миляхъ) отъ Матрахи, при устьѣ Русской рѣки. Г. Врунь полагаетъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ о Керчи, что Адріанъ подъ устьемъ Русской рѣки разумѣлъ Керченскій проливъ, а подъ русскимъ городомъ—Керчь. Правда, этому противорѣчитъ то обстоятельство, что хорошо извѣстны нашему ученому морскія карты XIV и XV столѣтія вовсе недвусмысленно, но совершенно ясно и графически обозначали существованіе русскаго

поселенія, *casal degli Rossi*, нѣсколько въ юго-востокъ, именно при устьяхъ Дона, въ окрестностяхъ вѣнѣянскаго Азова. Проникающій отсюда возрѣженіе г. Врунь устраняетъ и теперь устраняетъ основную на свидѣтельство Рубрукиса, который тоже говоритъ, какъ очевидно, объ одномъ русскомъ поселеніи на Дону, но прибавляетъ, что оно было основано при Татарахъ, но приписанію Ваана и Сартака: *In illo loco (внѣ дельты Дона) fecerunt Vaana et Sartach fieri quendam Casale de Rutenis in ripa orientali: qui transibant pascuos et mercatores cum daviculis*. Проф. Брунь предполагаетъ, что русское поселеніе любезныхъ ему мерсманъ вартъ тождественно только съ самымъ позднѣйшимъ поселеніемъ, появившимся въ XIII вѣкѣ, въ татарскую эпоху, и что, слѣдовательно, оно не можетъ служить къ опредѣленію мѣстонахожденія русскаго народа, существовавшаго гдѣ-то тамъ около Тмутаракани еще въ XII вѣкѣ. Принимаемъ, что соображенія ученаго одесскаго профессора казались намъ весьма вѣскими, и мы пріемъ явили (въ откликъ, представленномъ Академіи Наукъ въ 1878 году), что намъ мѣшало вѣнѣнъ послѣдовать за нимъ въ признаніи Керчи за русскій городъ или *Râsîn* только два обстоятельство: 1) то, что Керчь никогда не принадлежала Русскимъ, какъ это предполагалось бы приписываемымъ ей русскимъ наименованіямъ, и 2) то, что топографія Эдрия, не смотря на всѣ колебанія, осталась для насъ крайне сбивчивою и темною. Въ надѣжнѣмъ аншедикомъ новомъ сочиненіи В. Гейда (*W. Heyd, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, I, 227*), которое, впрочемъ, уже вошло въ виду и г. Брунь, мы находимъ отчасти подтверженіе своимъ сомнѣніямъ, отчасти разрѣшеніе ихъ. Гейдъ соглашается съ профессоромъ Брунемъ, что на первый взглядъ Русія (*Rusia*) Эдрия дѣйствительно совпадаетъ съ Керчью, какъ какъ устье Дона, или что то же, Русской рѣки, при которой находится и русскій городъ, по возрѣнію арабскаго географа въ самомъ дѣлѣ совпадало съ Керченскимъ проливомъ, какъ это видно и на его картѣ. Но Гейдъ все-таки не хочетъ вѣрить въ тожество города Русія у арабскаго географа съ Керчью, на томъ основаніи, что Керчь никогда ни прежде, ни послѣ не называлась по имени Русскихъ, а во все теченіе среднихъ вѣковъ была известна или подъ именемъ Воспора (*Vosporo*), или же подъ ее вѣнѣнскимъ именемъ, и что исторія ничего не знаетъ о какомъ-либо поселеніи Русскихъ людей внутри ея. При томъ, замѣчаетъ Гейдъ,—предположеніе, что Русія соизмѣстуетъ Керчь, противорѣчитъ въ сущности самой картѣ Эдрия, которую онъ

приложилъ къ своему сочиненію, и вторая дошла до насъ ¹⁾. Карта помещаетъ Русію на лѣвой сторонѣ значимаго устья рѣки Дона, то-есть, Керченскаго пролива, тогда какъ Верчь находится, какъ известно, на противоположной сторонѣ. Все затрудненіе объясняется слѣдующимъ образомъ: Вслѣдствіе своего ложнаго географическаго повернія переимѣнить устье рѣки Дона отъ Азовскаго моря на Черное, Эдриси совершенно неслѣдовательно переимѣнилъ къ Черному морю и свой русскій городъ; но мы должны предположить, что въ дореволюціи, который былъ у него въ рукахъ, и по которому онъ составлялъ свою карту, этотъ городъ въ самомъ дѣлѣ обязанъ былъ совершенно правильно на лѣвой сторонѣ дѣйствительнаго устья рѣки Дона. Въ русскомъ населеніи, Саидъ де-дѣ Россіи, переимѣнилъ карту XIV вѣка слѣдующимъ образомъ: остатки этого древняго русскаго города, уже потерявшаго свое значеніе и превратившагося въ простое село. Что касается другаго русскаго населенія, основаннаго Татарскими ханами, то это было именно другое, то-есть, совершенно новое населеніе. Изъ разказа Рубрукиса, который именуется тутъ, при этомъ новомъ населеніи, переправился чрезъ рѣку Донъ, видно, что русско-татарское селеніе находилось гораздо выше по рѣкѣ и гораздо далѣе внутрь страны, чѣмъ русское населеніе перскихъ картъ. Последнее находится при устьѣ Дона, въ окрестностяхъ Азова, и очевидно, тождественно съ русскимъ городомъ Эдриси, и по всей вѣроятности, съ Россіей византийской золотой грамоты.

Намъ кажется, что попытка г. Вруна найти озеру своему мѣсто въ соединенныхъ географическихъ сочиненіяхъ Ибнъ-Саида († 1274 г.), гдѣ говорится о русскомъ городѣ, лежащемъ въ западу отъ озера Туны, совершенно напрасна. Если въ самомъ дѣлѣ это озеро тождественно съ озеромъ Терми Эдриси, то довольно взглянуть на карту старѣйшаго арабскаго географа, дѣйствительно служившаго источникомъ для позднѣйшаго, чтобы понять всю слабость аргумента.

Многосодержательная статья г. Вруна, въ которой мы сокращаемъ полное изложеніе, не смотря на всѣ свои возраженія, оканчивается разсужденіемъ о русскихъ торговыхъ путяхъ Греческомъ, Селѣнскомъ и Салозномъ. Его объясненія, вообще, находятся въ связи съ его основною теоріей и вѣротъ съ нею держатся или падаютъ; потому мы не вступаемъ въ частное разсмотрѣніе этихъ объясненій.

¹⁾ У насъ она была издаваема въ 1822 г. П. П. Византинъ въ его толкованіяхъ на Слово о Полку Игоревѣ.

Переходимъ къ восьмой статьѣ: „Обмелѣніе Азовскаго моря“ (стр. 134—145). Эта небольшая сравнительно статья представляетъ любопытный образецъ того, какъ археологія и географія историческая могутъ помочь рѣшенію вопросовъ, имѣющихъ живой практической интересъ для современной намъ дѣятельности, и притомъ подлежащихъ, на первый взглядъ, вѣдѣнію однихъ натуралистовъ. Академическая коммиссія, назначенная для изслѣдованія вопроса объ обмелѣніи Азовскаго моря и представившая свой докладъ въ 1862 году, должна была обратиться къ сравненію настоящаго положенія извѣстныхъ пунктовъ при устьяхъ Дона и на Азовскомъ морѣ съ прежними ихъ положеніемъ, т. е. съ данными, почерпнутыми изъ старинныхъ источниковъ историко-географическаго содержанія. Вотъ именно въ этой-то области, какъ доказывается съ полнымъ вѣдомъ основательности г. Брунъ, академическая коммиссія и впала въ ошибку, слѣдкомъ доверившись неточнымъ показаніямъ Шардена, французскаго путешественника второй половины XVII вѣка (*Voyage en Perse*), относительно положенія гавани Палестры или Палестри и порта Пиванскаго. На основаніи средневѣковыхъ картъ, на которыхъ эти мѣста обозначены, не лишеныя важности ошибки исправляются или замѣняются другими болѣе точными и полными данными. Такъ, оказывается, что гавань Палестра находилась на Вѣлосарайской косѣ близъ нынѣшняго Мариуполя, а вовсе не совпадала съ Таганрогомъ; какъ полагала коммиссія; равнымъ образомъ, портъ Пиванскій, который, по мнѣнію коммиссіи, находился тоже при Таганрогскомъ заливѣ, по г. Бруну приходится на устья Мертваго Донца, или сѣвернаго рукава Дона. Положеніе Палестры важно было для коммиссіи особенно потому, что у Шардена указано было расстояние этого порта отъ устьевъ Дона и отъ города Азака или Азова. Здѣсь тоже потребовались немаловажныя дополненія или исправленія. Нѣтъ сомнѣнія, что географическія свѣдѣнія и возрѣнія одесскаго ученаго отличаются болѣею точностію и близостію къ правдѣ. То обстоятельство, что его мнѣніе о положеніи Палестры принято и въ лучшемъ современномъ историческомъ атласѣ Шпрунера-Менне, напоминаетъ намъ объ одномъ ощутительномъ недостаткѣ, который, впрочемъ, какъ видно изъ предисловія, г. Брунъ теперь обѣщаетъ восполнить при изданіи второй части своего сборника. При такого рода статьяхъ, какъ сейчасъ нами оцѣниваемая, почти необходимо для большей убѣдительности прилагать снимки или уменьшенныя копіи съ тѣхъ средневѣковыхъ картъ, которыя даютъ главныя основанія для всей аргумен-

таціи. Копія карты Генуэзца Веспиги (1318 г.), которая, въ случаѣ возможности, будетъ приложена ко второй части, послужитъ не мало къ уясненію толкованій г. Бруна. Сверхъ того, мы должны прибавить, что едва ли можно будетъ согласиться съ возрѣшеніями г. Бруна относительно положенія Саргела, которое приурочивается къ Таганрогу.

Въ девятой статьѣ (стр. 153 — 169) содержится „Донесеніе о поѣздѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра“, представленное въ Одесское общество исторіи и древностей. Само собой разумѣется, что г. Брунъ прежде всего отправился въ село Порутина, о которомъ можно было бы сказать, что оно прославлено было описаніемъ Муравьева-Апостола, если бы мы не забывали такъ легко и скоро многое достойное и благодарности, и памяти, чѣмъ гордилась бы всякая другая литература съ полныиъ правомъ. На мѣстѣ священныхъ остатковъ древней Ольви г. Брунъ не имѣлъ, конечно, возможности сдѣлать какія-либо новыя важныя открытія, но онъ нашелъ не мало амфорныхъ ручекъ съ клеймами; имена и знаи, въ нихъ находящіяся, и сообщаются въ статьѣ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Сверхъ того, въ окрестностяхъ Ольви при Аджигельскомъ городкѣ (при самомъ впаденіи Буга въ Днѣпровскій лиманъ), въ семи верстахъ отъ Порутина, осмотрѣны были признаки древнихъ построекъ, въ которыхъ графъ А. С. Уваровъ предполагалъ видѣть укрѣпленіе, а Ф. К. Брунъ находитъ храмъ съ маякомъ. Далѣе, при помощи нагляднаго изученія мѣстности, путешественникъ старался точнѣе опредѣлить мѣстоположеніе храма Дмитрия около мнса Гиполаева (гдѣ теперь мѣстечко Станицлавовъ). Вообще, какъ видно изъ статьи, путешествіе послужило къ провѣркѣ своихъ и чужихъ взглядовъ или мнѣній о разныхъ частныхъ вопросахъ мѣстной археологіи.

Въ десятой статьѣ авторъ, съ обычною ему обширностію и полнотою знанія излагаетъ судьбу мѣстности, которую теперь занимаетъ Одесса съ ея окрестностями. Г. Брунъ начинаетъ съ опредѣленія мѣстоположеній древняго Ордессоса, гавани Истрианъ и гавани Исидоръ. Здѣсь онъ имѣлъ предшественниковъ въ Степиковскомъ и въ П. В. Беккерѣ, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправилъ выводы и остроумныя толкованія Степиковскаго. Г. Брунъ болѣе склоняется въ пользу тѣхъ взглядовъ, которые были развиты въ статьѣ г. Беккера, за исключеніемъ одного второстепеннаго пункта. Исслѣдованіе переходитъ далѣе ко временамъ Готовъ и Славянъ. Здѣсь

авторъ продолжаетъ настаивать на ошибкѣ, которой мы продолжаемъ удивляться. Онъ полагаетъ, что Туррисъ, занятый Антами въ царствованіе Юстиніана, есть древній Тирасъ, то-есть, Аккерманъ; но изъ двухъ мѣстъ Провонія (De bello Goth. p. 866; De aedific. p. 285) несомнѣнно слѣдуетъ, что городокъ Туррисъ или Турриасъ находился гораздо ближе къ Дунаю, на самыхъ его берегахъ, и притомъ былъ основанъ гораздо позже Тираса. Виѣсть съ тѣмъ это есть единственное замѣчаніе, которое мы въ состояніи направить противъ автора, не имѣющаго, конечно, соперниковъ въ глубокомъ знаніи старинной исторіи города Одессы, своего мѣстожителства, во времена литовскія и татарскія, когда она еще носила имя Хаджибея.

Далѣе слѣдуетъ наиболѣе обширная статья во всемъ сборникѣ: „О поселеніяхъ Италіанцевъ въ Газаріи. Топографическія и историческія замѣтки“ (стр. 189—240). Исслѣдованіе съ такимъ же почти заглавіемъ помѣщено было на французскомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ (въ 1866 году). Далѣе, о томъ же предметѣ авторъ представилъ статью въ Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Теперь обѣ прежнія статьи переработаны въ одну съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными весьма лестными для автора обстоятельствомъ. Нужно замѣтить, что, съ самаго начала, исслѣдованія г. Бруна находились въ тѣсной связи съ превосходными статьями, посвященными исторіи италіанскихъ торговыхъ колоній въ Черномъ морѣ германскимъ ученымъ Гейдомъ (Heud), которыя потомъ, виѣсть съ другими однородными статьями, касающимися италіанскихъ колоній въ Византійской имперіи, были соединены въ одну книгу и появились въ переводѣ на италіанскій языкъ. Нашъ ученый, пользуясь русскими источниками и своимъ знаніемъ мѣстности, предложилъ не мало поправокъ и дополненій къ сочиненію германскаго ученаго, которыя не оставлены были безъ вниманія этимъ послѣднимъ и вызвали съ его стороны два ученныя посланія, адресованныя къ г. Бруну и напечатанныя въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ. Относьсь съ полнымъ уваженіемъ къ замѣчаніямъ одесскаго ученаго, Гейдъ все-таки настаивалъ на нѣкоторыхъ своихъ мнѣніяхъ, и его новыя доказательства пришлось теперь принять въ расчетъ г. Бруну. Такъ, въ статьѣ, помѣщенной въ Запискахъ Академіи Наукъ, г. Брунъ доказывалъ, что уже въ актѣ раздѣла завоеванной Латинами Византійской имперіи упоминаются нѣкоторые береговые пункты Чернаго и Азовскаго морей, какъ часть надѣла Венеціанцевъ. Именно *pertinentiam de muntimanis*, которыя стоятъ

рядомъ съ Галлиполи и не могли быть объяснены Тафелмъ (онъ предлагалъ читать демия Timalis), по мнѣнію нашего ученаго слѣдовало отыскивать при рѣкѣ Тавалисъ (г. Брунъ читалъ демия Tavalis); равнымъ образомъ въ строгіиш Sagidai г. Брунъ желалъ видѣть Сугдеа или Сурома. Но во второмъ письмѣ на имя Ф. К. Бруна, помѣщенномъ въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ, Гейдъ привалъ новую, то-есть, до-тѣхъ поръ неизвѣстную грамоту, въ которой Мунтиміаны оказываются въ сосѣдствѣ съ Plagia, Rotamia и Sestos, то-есть, на Херсонесѣ Фракійскомъ. Равнымъ образомъ, и для Сагудайскаго торжища оказался двойникъ въ Σαγυδαῖος χερσόπολις. Анны Коменины (ed. Paris., p. 464), что отнимало всякую необходимость искать для него объясненія въ Сугдеѣ. Г. Брунъ признаетъ теперь, что его гипотеза не имѣла пречинаго основанія; точно также онъ не стоитъ теперь за то, что въ Lazu и Lactu акта раздѣла (Partitio, p. 468 у Тафеля) можно находить испорченныя названія Дѣлара и Буга (то-есть, Узѹ и Аксу). Мы полагаемъ, что онъ сверхъ того могъ бы отказаться и отъ Анкіала, которымъ онъ замѣняетъ до сихъ поръ Бракіоло (стр. 195). За то, конечно, Гейдъ долженъ былъ уступить, въ некоторыхъ другихъ пунктахъ; такъ, въ Varea папской грамоты 1318 года онъ долженъ былъ признать вмѣсто Верріа Варну и т. п. Вообще статья г. Бруна служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ Гейда, то-есть, къ той ея части, которая занимается италіанскими поселеніями въ Черноморьѣ и въ Крыму. Здѣсь въ первый разъ были сообщены подробныя и въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о Мангупѣ, о послѣднихъ готскихъ князьяхъ и еще о многихъ другомъ:

Послѣдняя статья, заимствованная изъ VI-го тома Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, разсуждаетъ „О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами“. Объ этой статьѣ, отличающейся отъ другихъ болѣе филологическимъ характеромъ, мы можемъ сказать не многое. Она рѣшаетъ первую половину темы въ утвердительномъ смыслѣ, а относительно происхожденія Румыновъ проводитъ извѣстный взглядъ Рёслера. Замѣчанія при объясненіи дакійскихъ именъ растений, сдѣланныя г. Бруномъ въ дополненіе къ толкованіямъ Гримма и Рёслера, заслуживаютъ, конечно, всякаго вниманія; но и теперь какъ прежде, остается не мало поводовъ къ недоумѣніямъ и сомнѣнію. Даже наиболѣе на первый взглядъ подходящее толкованіе дакійскаго названія чемерицы—*prodiopva*—славян-

скимъ „продирать“ (носъ или глаза) не удовлетворить всѣхъ филологовъ. На стр. 268 не точно передано свидѣтельство византійскаго историка Киннама. Въ концѣ статьи нашъ авторъ упоминаетъ о новѣйшихъ сочиненіяхъ по румунскому вопросу, и кажется, придаетъ слишкомъ много значенія и чести замѣчаніямъ, которыя были направлены противъ гипотезы Реслера извѣстнымъ берлинскимъ географомъ Кипертомъ. Кипертъ утверждаетъ—и это есть его главный аргументъ,—что мадьярское слово „*déac für lateinisch*“ свидѣтельствуешь, что во время завоеванія края Мадырами романизированные его обитатели все еще назывались Даками. Вотъ аргументъ, который способенъ вызвать улыбку у нашихъ славистовъ. Одинъ изъ нихъ вполне убѣдительно объяснилъ намъ, что слово *déac* вовсе не происходитъ отъ народнаго названія „Даки“ и первоначально совсѣмъ не значило „латинскій“, а именно „ученый“, и родство его съ русскимъ и славянскимъ *дьякъ* не подлежитъ сомнѣнію.

Намъ остается пожелать, чтобы не замедлилось появленіе и второй части сборника „Черноморье“, долженствующаго содержать десять статей, перечисленныхъ въ предисловіи къ первой.

В. Васильевичъ.

Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. С.-Петербургъ. 1879.

Книга г. Полеваго имѣетъ цѣлью представить главнѣйшіе результаты произведенныхъ въ предѣлахъ Россіи археологическихъ изслѣдованій—въ общедоступной формѣ и въ рядѣ точныхъ изображеній съ тѣхъ памятниковъ, которые могутъ считаться типическими представителями древностей, сохранившихся на русской почвѣ. Въ настоящее время розысканіе и изученіе памятниковъ древности привлекаетъ общее вниманіе гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо; ему отдають свой досугъ даже и такіе люди, которые не имѣютъ специальной подготовки для подобныхъ занятій. И какъ извѣстно, уже не мало услугъ оказано наукѣ этими любителями-собирающими. Но для того, чтобы общество имѣло живой интересъ къ изученію древности, чтобы оно постоянно выдѣляло изъ своей среды новыхъ любителей и собирателей, необходимо дѣятельное пособіе науки и искусства; а между тѣмъ у насъ въ Россіи изданія строго научныхъ археологическихъ сочиненій, съ необходимыми иллюстраціями, и рѣдки, и дороги, да и всѣ такія

сочиненія на русскомъ языкѣ имѣють до сихъ поръ характеръ монографическій, а нерѣдко и того менѣе—представляютъ лишь описаніе древнихъ памятниковъ съ немногими, чисто частными или случайными замѣчаніями о ихъ отношеніи къ другимъ подобнымъ и вообще къ культурнымъ эпохамъ народной жизни. При малодоступности этихъ сочиненій, какъ внѣшней, такъ и внутренней, для большинства образованныхъ читателей, изданіе задуманной г. Полевымъ книги представляется чрезвычайно полезнымъ и умѣстнымъ: книга эта предназначена восполнить тотъ пробѣлъ, который существуетъ въ русской археологической литературѣ вслѣдствіе свойственнаго русскимъ ученымъ нерасположенія—дѣлать своды результатовъ, добытыхъ въ той или другой научной области, и притомъ сводъ, предлагаемый г. Полевымъ, долженъ быть наложенъ такъ, чтобъ онъ могъ занять вниманіе обыкновеннаго читателя, не имѣющаго особыхъ археологическихъ свѣдѣній.

Содержаніе I-го выпуска перваго тома сочиненія г. Полеваго посвящено древнѣйшимъ судьбамъ восточной Европы; сперва говорится о памятникахъ такъ-называемой доисторической древности, то-есть, о каменномъ и бронзовомъ вѣкахъ и о свайныхъ постройкахъ, затѣмъ идетъ рѣчь о Скивахъ, далѣе о древнѣйшемъ бытѣ Славянъ, и наконецъ, о нѣкоторыхъ сосѣдяхъ Русскихъ Славянъ во время ближайшее къ эпохѣ основанія Русскаго государства. Такой планъ не можетъ не быть признанъ вполне удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, и, въ особенности, въ виду настоящаго состоянія русской археологіи. „Дать полную исторію русскаго быта“, говоритъ г. Полевой въ предисловіи къ своей книгѣ, — „такую исторію, въ которой были бы указаны всѣ пережитыя бытомъ стадіи развитія, всѣ постепенныя измѣненія, происходившія въ немъ подъ вліяніемъ климатическихъ условій, политическихъ событій, торговыхъ сношеній и этнографическихъ сліяній,—при нынѣшней степени разработки археологическаго и историческаго матеріала мы считали невозможнымъ“. Эта осторожность вполне основательна, и г. Полевой совершенно правъ, когда говоритъ, что недостатокъ научной разработки не позволилъ ему внести въ его книгу твердо обоснованное воззрѣніе по такому, на примѣръ, важному вопросу, какъ разъясненіе степени вліянія различныхъ народностей на бытъ Русскаго народа. Поэтому онъ и рѣшился ограничиться изложеніемъ лишь важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русскаго быта—„въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ“ (стр. VIII). Но мы не можемъ вполне согласиться со всѣмъ тѣмъ, что именно

часть ссви, отд. 2.

бралъ г. Полевой предметомъ для своихъ отдѣльныхъ очерковъ, или лучше сказать, не можемъ одобрить вполне то, въ какихъ предѣлахъ трактуется предметъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ очерковъ. Такъ въ главѣ шестой, озаглавленной: „Хазары, Болгары, Біармія“, говорится о нѣкоторыхъ древнихъ народахъ не славянскаго корня, жившихъ на востокѣ Европы въ періодъ основанія Русскаго государства и въ ближайшіе вѣка предъ тѣмъ. Несомнѣнно, что и Хазары, и Болгары Волжскіе и Камскіе занимали „видное мѣсто въ исторіи русскаго Востока“; весьма вѣроятно, что болгарская культура оказывала нѣкоторое и даже довольно значительное вліяніе на русскій народный бытъ не только въ IX и X вѣкахъ, но и позже, до самаго паденія Болгарскаго царства; но все же мы не понимаемъ—почему слѣдовало посвящать особый, и притомъ, довольно обширный очеркъ этимъ восточнымъ сосѣдямъ древней Руси, когда въ книгѣ нѣтъ и въ дальнѣйшихъ выпускахъ ея не предвидится особыхъ характеристикъ для сосѣдей западныхъ—Византіи и Норманновъ, также несомнѣнно оказывавшихъ вліяніе на древнюю Русь. Намъ возразятъ, можетъ быть, что Хазары и Болгары жили въ такихъ мѣстностяхъ, которыя съ теченіемъ времени вошли въ самый составъ русской государственной области, тогда какъ страны, гдѣ обитали вышеназванные западные сосѣди древней Руси, и понынѣ находятся внѣ русской государственной границы. На это можно однако замѣтить, что содержаніе русской исторіи никакъ не можетъ совпадать съ содержаніемъ исторіи русской государственной территоріи (иначе въ русскую исторію можно ввести и древнія судьбы Кавказа или Средней Азіи, и всю исторію Польши и т. д.), и что во всякомъ случаѣ Хазары, Болгары и Біармія не составляютъ никакого „момента въ исторіи русскаго быта“—какъ не составляютъ его, конечно, и Византія, и Норманны; короче сказать, сосѣди древней Руси, какъ восточные, такъ и западные, оказывали въ различной мѣрѣ культурное вліяніе на русскій бытъ, и только въ этомъ качествѣ, а не сами по себѣ, со всею своею внутреннею жизнью, могутъ быть введены въ картины изъ исторіи русскаго быта; г. же Полевой, какъ мы видѣли, желаетъ воздержаться отъ заключеній именно по вопросу о томъ, какимъ чуждымъ вліяніямъ подвергался русскій народный бытъ въ ходѣ своего историческаго развитія, и стало быть, мы не имѣемъ права разчитывать, что встрѣтимъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ его сочиненія какія-либо указанія о томъ, въ чемъ именно проявляется зависимость русской культуры отъ описаннаго имъ въ I-мъ выпускѣ быта Хазаръ и Волжскихъ

Болгарь. Не забываемъ при этомъ, что главное значеніе эти народы имѣли для Руси въ сферѣ торговыхъ сношеній; но если г. Полевой имѣлъ въ виду преимущественно это обстоятельство, желательно было бы видѣть въ его книгѣ болѣе обстоятельное изложеніе этого предмета, по которому русская наука къ счастію имѣетъ нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій:

Съ болѣшимъ правомъ, чѣмъ Хазары и Болгары, могли бы быть введены въ историческіе очерки русскаго быта народы финскаго корня; народы эти не только являются на первыхъ страницахъ исторіи Русскаго государства, но и участвовали несомнѣнно въ самомъ сложеніи русской народности: совершающееся на нашихъ глазахъ обрусеніе Финскихъ племенъ имѣетъ свое начало въ фактахъ, конечно, современныхъ основанію Русскаго государства, если не еще болѣе раннихъ. При такихъ условіяхъ культурныя связи между Русскими и Финнами представляются крайне тѣсными, и потому намъ казалось бы умѣстнымъ въ книгѣ г. Полеваго по крайней мѣрѣ „приведеніе наиболее важныхъ данныхъ“ по этому предмету (употребляемъ тѣ самыя выраженія, которыми авторъ ограничилъ свое право говорить о чуждыхъ вліяніяхъ на русскую культуру). Между тѣмъ въ первомъ выпускѣ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о бытѣ только двухъ финскихъ племенъ—Югры и Біарміицевъ (г. Полевой почему-то не рѣшился сблизить это названіе съ встрѣчаемымъ уже въ нашей начальной лѣтописи Пермь), и вовсе не находимъ знакомыхъ еще Юризицу именъ Мери, Веси, Мордвы и т. д.

Мы высказали это замѣчаніе не столько для того, чтобъ отмѣтить слабую сторону въ почтенномъ трудѣ г. Полеваго, сколько для того, чтобъ указать на тѣ невыгодныя условія, въ которыя поставленъ теперь популяризаторъ свѣдѣній по русской археологіи при томъ состояніи, въ какомъ еще находится у насъ эта наука. Спѣшимъ прибавить, что г. Полевой, объясняя въ предисловіи планъ, положенный имъ въ основу своего труда, даетъ намъ надежду расширять его впоследствии „новыми вставками и дополненіями“.

Итакъ, планъ сочиненія г. Полеваго имѣетъ выгодное свойство растяжимости. Что же касается выполненія въ предѣлахъ избранныхъ авторомъ вопросовъ, то нельзя не отдать ему справедливости: трудъ этотъ исполненъ имъ вполне отчетливо, ясно и занимательно. Наиболее богатою по содержанію и вообще наиболее интересною представляется намъ глава IV-я—о Скивахъ, обработанная преимущественно на основаніи „Древностей Геродотовой Скиаіи“ и „Отчетовъ Археологической

Коммисіи“, съ превосходными статьями академика Стефана. Окончательный выводъ о Скиѣохъ, въ которому г. Полевой приводитъ своего читателя, слѣдующій: „Ближайшее изученіе всего, что сообщаютъ намъ о Скиѣохъ писатели греческіе, въ связи съ изученіемъ тѣхъ памятниковъ, которыми обогатили археологическую науку раскопки на югѣ Россіи,—привело ученыхъ новѣйшаго времени къ тому заключенію, что обширная группа Скиѣскихъ народовъ несомнѣнно заключла въ себѣ элементъ славянской. Вотъ почему и неудивительно, что мы въ подробностяхъ Геродотова разказа о нравахъ скиѣскихъ, и въ данныхъ, доставленныхъ изслѣдованіемъ скиѣскихъ могильныхъ насипей, видимъ много чертъ, явно изобличающихъ сродство Скиѣовъ съ племенами Славянскими“ (стр. 94—95). Понимая въ такомъ смыслѣ этнографическій скиѣскій вопросъ, г. Полевой естественно долженъ былъ отвести въ своемъ трудѣ широкое мѣсто этимъ предшественникамъ Славянъ на русской почвѣ. Но такое пониманіе—думаемъ мы—обязывало его или еще болѣе развить и сдѣлать убѣдительными тѣ аналогіи, которыя обнаруживаются между бытомъ Скиѣовъ и древнѣйшихъ Славянъ (и которыя отчасти приведены имъ на стр. 95), или же не умолчать и о другихъ новыхъ гипотезахъ относительно этнографическаго состава древней Скиѣи, какъ напримѣръ, объ иранской гипотезѣ Мюлленгофа, или о теоріи Бергмана, который видитъ въ Скиѣохъ не тотъ или другой именно народъ Арійской расы, а лишь одну изъ стадій въ дробленіи западной вѣтви Арійцевъ.

V-я глава сочиненія г. Полеваго заключаетъ въ себѣ изображеніе древнѣйшаго быта Славянъ и обработана также весьма обстоятельно, и если читается не съ тѣмъ интересомъ, какой представляетъ IV-я глава, то лишь потому, что самое содержаніе V-й главы вообще болѣе извѣстно русскому читателю, знакомому съ трудами Соловьева, Иловайскаго, Забѣлина и т. д. Къ числу любопытнѣйшихъ страницъ этой главы мы относимъ тѣ, въ которыхъ г. Полевой воспользовался результатами сравнительнаго языкованія для характеристики древнѣйшаго славянскаго быта, и въ которыхъ онъ сближаетъ эти результаты съ наблюденіями археологовъ. Здѣсь въ особенности обращаетъ вниманіе на себя слѣдующее замѣчаніе, которое показываетъ, къ какимъ важнымъ для исторіи выводамъ можетъ привести сближеніе археологіи съ лингвистіей: «Когда именно овладѣли Славяне своею территоріей (въ Европѣ)—съ точностью опредѣлить не возможно. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, однако же, не безъ основанія предполагаютъ, что это постепенное заселеніе должно было про-

ивойдти въ концѣ бронзоваго вѣка. Доселѣ производимыя археологическія изслѣдованія дѣйствительно привели къ тому важному результату, что на пространствѣ между Дономъ и Вислою не встрѣчается вовсе предметовъ, принадлежащихъ древнѣйшему періоду бронзоваго вѣка, который... возмужалъ только двумя окраинами славянской территории. Но на той же территории славянской, рядомъ съ каменными надѣліями древнѣйшаго и позднѣйшаго періода, отрываютъ изъ земли множество предметовъ изъ желѣза, которое греческими воюніями (а слѣдовательно, и сосѣдними съ ними племенами) было извѣстно уже во время Геродота. Изслѣдованія языковъ славянскихъ, съ другой стороны, усиледи значеніе этихъ археологическихъ находокъ тѣмъ важнымъ свидѣтельствомъ, что желѣзо было уже извѣстно Славянамъ еще до ихъ раздѣленія на отдѣльныя племена, и притомъ въ такое время, когда въ средней Европѣ бронзовый вѣкъ несомнѣнно еще продолжался, не уступая мѣста вѣку желѣзному" (стр. 105).

Это прекрасное замѣчаніе обращаетъ насъ къ первымъ тремъ главамъ сочиненія г. Полеваго, въ которыхъ—какъ уже сказано выше—идетъ рѣчь о каменномъ вѣкѣ, о свайныхъ постройкахъ и о вѣкѣ бронзовомъ.

Во всѣхъ этихъ главахъ г. Полевой признаетъ необходимымъ не ограничиваться данными, относящимися къ одной восточной Европѣ, къ русской территории; онъ характеризуетъ соответствующія явленія, отмѣченныя въ западной Европѣ, и затѣмъ уже сравнительнымъ путемъ опредѣляетъ значеніе такихъ же данныхъ, указанныхъ на русской почвѣ. Какъ обзоръ западно-европейскихъ фактовъ, такъ и параллель ихъ съ русскими, сдѣланы г. Полевымъ во всѣхъ трехъ главахъ весьма удачно; быть можетъ, о швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ и не стоило бы распространяться такъ много, въ виду того, что, по собственнымъ словамъ автора, „по отношенію къ восточной Европѣ вопросъ о свайныхъ сооруженіяхъ остается еще чрезвычайно мало разслѣдованнымъ“; но свѣдѣнія, сообщаемыя г. Полевымъ въ данномъ случаѣ, могутъ пригодиться будущимъ мѣстнымъ наблюдателямъ въ Россіи, для которыхъ иностранныя источники не всегда доступны.

Что касается главы I-й—о каменномъ вѣкѣ, то напротивъ можно пожалѣть о томъ, что русская часть ея нѣсколько коротка. Здѣсь, послѣ разсказа о первомъ открытіи каменныхъ орудій въ Россіи и послѣ перечня губерній, гдѣ затѣмъ были сдѣланы такіа же находки (перечень этотъ не совершенно полонъ; въ немъ пропущены между прочимъ губерніи Херсонская, Тульская, Нижегородская), авторъ болѣе

подробно описываетъ остатки каменнаго вѣка, открытыя въ губерніяхъ Олонецкой, Волынской и Владимірской. Намъ кажется, что, напримѣръ, матеріалъ, собранный и обнародованный въ Трудахъ комитета Московской антропологической выставки, могъ бы послужить г. Полевому и еще для нѣсколькихъ не безынтересныхъ сообщеній. Какъ бы то ни было, въ томъ очеркѣ каменнаго вѣка на русской почвѣ, который предлагаетъ книга г. Полеваго, мы не можемъ согласиться только съ однимъ замѣчаніемъ автора, а именно: „Но отрицая того, что на югѣ и западѣ Россіи каменный вѣкъ могъ ранѣе возникнуть и найдти болѣе благоприятныя условія для развитія соответствующаго ему быта, мы имѣемъ основанія думать, что каменный вѣкъ могъ совершенно самостоятельно явиться и на сѣверѣ Россіи, и что здѣсь могли быть пережиты два важнѣйшіе періода этого вѣка. Послѣднія разслѣдованія въ Архангельской губерніи и находки г. Полякова въ юго-восточной части Олонецкой губерніи могутъ служить подтвержденіемъ этому мнѣнію“ (стр 21). Въ приведенныхъ словахъ насъ поражаетъ указаніе на совершенно самостоятельное появленіе каменнаго вѣка на русскомъ сѣверѣ; оно ничѣмъ не мотивировано въ изложеніи г. Полеваго, а замѣчательное сходство олонецкихъ орудій съ тѣми, которыя были находимы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ западной Европѣ и даже въ Азій, можетъ вести насъ къ инымъ выводамъ.

Какъ извѣстно, этнографическое опредѣленіе того населенія, которое употребляло каменные орудія, составляетъ загадку, научное разрѣшеніе которой предстоить еще будущему, а потому и г. Полевой не позволилъ себѣ никакихъ предположеній въ этомъ отношеніи. То же приходится сказать въ значительной мѣрѣ и относительно вещей вѣка бронзоваго, о которомъ идетъ рѣчь въ III-й главѣ разбираемой книги. Въ своемъ очеркѣ бронзоваго вѣка г. Полевой обходитъ этотъ вопросъ очень осмотрительно, и мы не можемъ не признать эту осторожность весьма благоразумною. Но съ другой стороны, трудно вполнѣ отрѣшиться отъ желанія выяснитъ себѣ вопросъ: какіе именно народы, какого племени находились на такой степеніи культуры, которая еще не была знакома съ выработкой желѣза и обдѣлкой желѣзныхъ издѣлій? При чтеніи книги г. Полеваго вопросъ этотъ возникаетъ тѣмъ настоятельнѣе, что автору приходится говорить о древнихъ бронзовыхъ предметахъ въ разныхъ главахъ своего сочиненія. Такъ въ главѣ III-й, специально посвященной бронзовому вѣку, мы находимъ между прочимъ очень обстоятельную характеристику бронзовыхъ вещей, извлеченныхъ изъ такъ называемаго Ашанбинскаго мо-

гильника (въ Елабужскомъ уѣздѣ Вятской губерніи); но какъ историческое значеніе этого шаматника, такъ и его происхожденіе, определено г. Полевымъ въ означенной главѣ лишь въ такихъ выраженіяхъ: „Ананьинскій могильникъ принадлежитъ эпохѣ весьма отдаленной и народу, жившему между Волгой и Ураломъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х.“. Къ этимъ немногимъ словамъ авторъ прибавляетъ еще слѣдующія: „Какъ далеко шла отсюда на сѣверъ и сѣверо-западъ область распространенія бронзоваго вѣка — остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Что же касается до ея юго-западной границы, то она доходила до приднѣпровскихъ странъ, такъ какъ въ курганахъ скинскихъ, въ области рр. Дона и Днѣпра, находимы были произведенія бронзоваго вѣка, которыя, по всей вѣроятности, заходили туда съ Урала“ (стр. 54). И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе этой замѣтки, въ числѣ рисунковъ, приложенныхъ къ IV-й главѣ сочиненія г. Полеваго, посвященной Скивамъ, мы находимъ изображеніе нѣсколькихъ бронзовыхъ предметовъ изъ Луговой могилы (или Александропольскаго кургана въ Екатеринославскомъ уѣздѣ), предметовъ, весьма сходныхъ по своему стилю съ вещами Ананьинскаго могильника (ср. у г. Полеваго рисунки 47 — 52 и 63 — 70). Но далѣе въ третьемъ мѣстѣ разбираемой книги, въ главѣ VI-й, гдѣ рѣчь идетъ о Біармійцахъ, мы снова встрѣчаемся съ вещами того же стиля, только открытыми уже въ Пермской губерніи (см. рисунки 107 — 115). Слѣдуетъ ли считать эти послѣднія вещи издѣліями Біармійцевъ — г. Полевой не разъясняетъ; но ели на этотъ вопросъ возможенъ — по его мнѣнію — отвѣтъ утвердительный (иначе — почему же рисунки пермскихъ вещей помѣщены въ главѣ о Біарміи?), то судя по единству стиля въ вещахъ ананьинскихъ, александропольскихъ и пермскихъ, двѣ первыя группы предметовъ должны быть приписаны тому же народу, которому принадлежитъ и третья группа; а въ такомъ случаѣ и вопросъ о томъ, какой народъ былъ главнымъ двигателемъ культуры на сѣверо-востокѣ Европы въ вѣка ближайшіе ко времени Р. Хр. можетъ получить значительное разъясненіе. Допуская вышеприведенное сближеніе, мы не настаиваемъ однако на выведенномъ изъ него заключеніи; но мы сочли нужнымъ указать на то и на другое, съ одной стороны, въ виду интереса самого факта, а съ другой — въ виду недоумѣнія г. Полеваго, могущей повести читателя къ такимъ выводамъ, къ которымъ авторъ, быть можетъ, и не хотѣлъ его направить.

Въ заключеніе нашего обзора повторимъ еще разъ, что сочиненіе г. Полеваго имѣетъ большой интересъ и составлено весьма тща-

тельно: содѣйствіе профессора Замысловскаго (о чемъ упоминаетъ г. Полевой въ своемъ предисловіи) не могло не возвысить ученаго достоинства этого труда. Вместе съ тѣмъ г. Полевой много позаботился и о художественной сторонѣ изданія и снабдилъ его рисунками, замѣчательными не только по точности, но и по тонкому изяществу. По всему этому нельзя не пожелать, чтобъ изданіе это было по достоинству оценено нашимъ образованнымъ обществомъ, которое тѣмъ самымъ докажетъ, что ему не чужды интересы серьезной науки.

Л. Ст.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ ¹⁾.

III.

Опытъ сельскихъ начальныхъ училищъ, устроенныхъ на новыхъ началахъ, показалъ, что для сообщенія тѣхъ элементарныхъ знаній и умѣній, которыя составляютъ первую ступень образованія, необходимо трехлѣтнй курсъ ученія. Въ настоящее время такая продолжительность курса ученія въ сельскихъ школахъ нигдѣ не оспаривается и считается вполне нормальною. Соответственно трехлѣтнему курсу ученія, въ каждой правильно поставленной школѣ ученики естественно дѣлятся на три группы, рѣзко отличающіяся какъ по развитію, такъ и по своимъ познаніямъ; къ первой или младшей группѣ относятся учащіеся 1-й годъ, ко второй или средней—учащіеся 2-й годъ и къ третьей или старшей—учащіеся 3-й годъ, т. е. окончивающіе курсъ. Что касается до сельскихъ двухклассныхъ училищъ, то въ 1-мъ классѣ, этихъ училищъ ученики дѣлятся на три группы, а во 2-мъ классѣ—на двѣ группы.

Въ новыхъ городскихъ училищахъ, замѣняющихъ прежнія уѣздныя, примѣнена та же система дѣленія учащихся на группы, какъ и въ сельскихъ школахъ. Такимъ образомъ вопросъ о дѣленіи учениковъ на группы и о веденіи занятій съ вѣсколькими группами становится существенно важнымъ для всѣхъ народныхъ школъ вообще; въ рѣшеніи этого вопроса заинтересованы теперь не только учителя сельскихъ, но и учителя городскихъ училищъ. Какъ и слѣдовало ожи-

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1879 г.

дать, съ открытіемъ городскихъ училищъ и съ первыхъ опытовъ преподаванія въ нихъ на новыхъ началахъ, прежде всего обратилъ на себя вниманіе учителей именно вопросъ о занятіяхъ съ нѣсколькими группами; этимъ и объясняется появленіе въ педагогическихъ журналахъ статей, трактующихъ о преподаваніи въ городскихъ училищахъ. Конечно, всесторонняя разработка учебно-воспитательныхъ вопросовъ и тѣмъ болѣе по отношенію къ новымъ школамъ, весьма желательна, но замѣчательно, что многіе относятся къ дѣленію учениковъ на группы весьма несочувственно; такъ, г. И. Д., авторъ первой изъ рассмотрѣнныхъ нами статей, на столько увлекся въ своихъ нападкахъ на новую организацію обученія, что признаетъ городскія училища совершенно непригодными въ этомъ отношеніи; г. Вахтеровъ, авторъ второй статьи, старается также доказать несостоятельность въ учебно-воспитательномъ отношеніи существованія въ одномъ классѣ нѣсколькихъ группъ и хотя не указываетъ на преимущество прежнихъ уѣздныхъ училищъ, но тѣмъ не менѣе предлагаетъ такую систему занятій, которая ставитъ обученіе въ городскихъ училищахъ на старый ладъ.

Въ статьяхъ г. И. Д. и г. Вахтерова сосредоточено все, что можно сказать противъ дѣленія классовъ на отдѣленія, а потому эти статьи даютъ поводъ къ тому, чтобы рассмотреть этотъ вопросъ подробнѣе. Какъ въ самомъ дѣлѣ нужно относиться къ существованію въ одномъ классѣ нѣсколькихъ ¹⁾ отдѣленій? Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ нормальное явленіе въ жизни нашихъ школъ, или зло, которое хотя и затрудняетъ успѣшный ходъ занятій, но должно быть терпимо вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ и главнымъ образомъ денежныхъ расчетовъ?

Въ городскія училища поступаютъ дѣти, только что начинающія учиться, а потому здѣсь ни въ какомъ случаѣ нельзя основывать обученіе на домашнихъ работахъ и относить всѣ необходимыя самостоятельныя работы къ числу домашнихъ занятій. Напротивъ, всѣ самостоятельныя работы, по крайней мѣрѣ въ первые четыре года ученія, должны производиться непременно въ классѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ учителя. Большинство учащихся въ городскихъ училищахъ — дѣти мѣщанъ, мелкихъ торговцевъ, служащихъ и пр., слѣдовательно о домашней помощи или кон-

¹⁾ Подъ словомъ *нѣсколько* мы разумемъ два или три отдѣленія, такъ какъ болѣе этого не бываетъ въ правильно устроенныхъ школахъ.

тролѣ со стороны родителей, а тѣмъ болѣе о приглашеніи репетиторовъ не можетъ быть и рѣчи. Да и какіе могутъ быть репетиторы въ уѣздномъ городѣ? Мало того, домашняя обстановка многихъ учениковъ городского училища такова, что они не только не имѣютъ домашней помощи и надзора, но нерѣдко не могутъ выполнить требованій учителя по чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, какъ-то: по тѣснотѣ помѣщенія, вслѣдствіи отсутствія книгъ и письменныхъ принадлежностей, за недостаткомъ свѣта и пр. Все это, кажется, достаточно извѣстно, и въ статьѣ г. Вахтерова встрѣчается слѣдующая записка: „Ученики среднихъ учебныхъ заведеній въ изобиліи снабжены всѣми нужными книгами и учебными пособиями; при томъ же они настолько развиты, что могутъ въ извѣстной степени пользоваться руководствомъ и безъ помощи преподавателя; наконецъ и въ семьѣ своей они нерѣдко находятъ, къ кому могли бы обратиться за разъясненіями; между тѣмъ, ученики начальной школы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, окруженны невѣжественными родителями и средой, едва имѣютъ одну книжку, часто весьма сомнительнаго достоинства, да еслибы и были снабжены всѣми нужными пособиями, то по своей неразвитости безъ посторонней помощи (подчеркиваемъ эти слова) не могли бы пользоваться ими, и эту помощь можетъ оказать имъ только учитель“. Казалось бы, на основаніи этихъ совершенно вѣрныхъ соображеній нужно было придти къ тому заключенію, что задавать уроки на домъ ученикамъ городскихъ училищъ не слѣдуетъ, что обученіе въ этихъ училищахъ должно основываться на классныхъ занятіяхъ. Но г. Вахтеровъ приводитъ эти соображенія для того, чтобы доказать, что въ классѣ нѣтъ мѣста самостоятельнымъ работамъ, а всѣ уроки должны быть непременно съ учителемъ. „Вотъ почему, продолжаетъ онъ, если гдѣ всего менѣе желательно уменьшить вліяніе учителя на учениковъ и сократить уже безъ того недолгое время его непосредственнаго водѣйствія на нихъ, такъ это въ нашихъ начальныхъ школахъ“. Совершенно вѣрно, но водѣйствіе учителя не состоитъ только въ томъ, что учитель постоянно ведетъ учениковъ, что называется, на помочахъ. Водѣйствіе учителя выражается въ совокупности всѣхъ учебно-воспитательныхъ мѣръ. Да и водѣйствіе водѣйствіемъ разнѣ. Мы не думаемъ, чтобы особенно благотворно было водѣйствіе въ томъ случаѣ, когда учитель большую часть времени посвящаетъ на спрашиваніе уроковъ; большая часть шалостей, невниманіе и разсыпанность учениковъ объясняется тѣмъ пассивнымъ состояніемъ, въ какомъ они

находятся, выслушивая одинъ и тотъ же выученный и извѣстный имъ урокъ. При дѣленіи учениковъ на группы и существованіи классныхъ самостоятельныхъ работъ воздѣйствіе учителя нисколько не ослабляется, а напротивъ усиливается. Если учитель рядомъ разумно поставленныхъ классныхъ самостоятельныхъ занятій приучаетъ учениковъ постепенно къ самостоятельному труду и добросовѣстному исполненію извѣстныхъ обязанностей, то не есть ли это то „воздѣйствіе“ учителя, которое именно желательно? Не можете ли привести мнѣніе по этому поводу Ушинскаго. „Прежняя схоластическая школа, говоритъ онъ, вваливала весь трудъ ученья на плечи дѣтей, давая въ руки учителя только фериулу для того, чтобы готовить лѣнливыхъ. Слѣдовавшая затѣмъ школа ударилась въ другую крайность: она вваливала весь трудъ на учителя, заставляя его развивать дѣтей такъ, чтобы для нихъ это развитіе не стоило никакихъ усилій. Новая школа, напротивъ, раздѣляетъ и организуетъ трудъ учителя и учениковъ: она требуетъ, чтобы дѣти, по возможности, трудились самостоятельно, а учитель руководилъ этимъ самостоятельнымъ трудомъ и давалъ для него матеріаль. Вотъ почему классъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, послѣдовательныхъ по развитію и знаніямъ, даже больше представляетъ условій для ученья, чѣмъ состоящій изъ дѣтей одного возраста, развитія и познаній“¹⁾. „Такое дѣленіе класса на группы, изъ которыхъ одна сильнѣе другой, не только не вредно, но даже полезно, если наставникъ умѣетъ, занимаясь съ одною группою самъ, дать двумъ другимъ полезное самостоятельное упражненіе“²⁾. Такой взглядъ Ушинскаго, который глубоко понималъ свойства дѣтской природы и условія успѣшности обученія, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Мы совѣтовали бы учителямъ городскихъ училищъ подтвердить это мнѣніе замѣчательнаго русскаго педагога. „Изъ этого ученья уроковъ въ классѣ, говоритъ Ушинскій въ другомъ мѣстѣ, выходитъ много полезныхъ послѣдствій: во 1-хъ, тогда уроки не мѣшаютъ ребенку свободно развиваться въ семьѣ подъ вліяніемъ природы и окружающихъ его людей; во 2-хъ, учитель, задавшій урокъ, видитъ какъ этотъ урокъ исполняется ребенкомъ, и замѣчаетъ, можетъ быть, свои собственныя ошибки въ преподаваніи; въ 3-хъ, наблюдая за ребенкомъ, выполняющимъ урокъ, учитель всего удобнѣе изучаетъ дитя, замѣчаетъ, что ему дается легко и что

¹⁾ Руководство къ „Родному Слову“, стр. 17.

²⁾ Ib. стр. 17.

трудно, и предупреждаетъ всякое ложное пониманіе, часто превращающееся посредствомъ зазубриванья въ умственный недостатокъ, который надобно потомъ искоренять; въ 4-хъ, дитя выучивается учиться подь руководствомъ наставника, а это въ первоначальномъ обученіи важнѣе самого ученья“¹⁾.

И такъ дѣленіе классовъ на группы и исполненіе самостоятельныхъ работъ въ классѣ основано на совершенно вѣрныхъ педагогическихъ началахъ и условіяхъ жизни и обстановки учениковъ начальныхъ школъ. Но противники подобной организаціи обученія находятъ множество весьма важныхъ, по ихъ мнѣнію, препятствій для осуществленія ея на практикѣ. Главнѣйшія изъ возраженій, какъ это видно по статьямъ г. И. Д. и г. Вахтерова, сводятся къ слѣдующимъ:

1) Въ большинствѣ случаевъ правильно поддерживать классную дисциплину невозможно.

2) Вниманіе учителя дѣлится: объясняя что-либо однимъ ученикамъ, онъ развлекается то вопросами, то шалостями учениковъ, занятыхъ самостоятельными работами.

3) Часовой урокъ дѣлится на части по числу отдѣленій въ классѣ, а потому каждый ученикъ находится подь непосредственнымъ воздействием учителя не цѣлый часъ, но половину, треть. Черезъ уменьшеніе вдвое и болѣе разъ продолжительности „вліянія развивающей и руководящей силы преподавателя, во столько же разъ уменьшается успѣшность преподаванія“.

4) Трудно придумать какія-либо самостоятельныя занятія для дѣтей, не умѣющихъ ни читать, ни писать.

5) „Самостоятельныя работы, даваемые въ виду необходимости занять чѣмъ нибудь отдѣленія, которыя безъ того были бы неизбѣжно праздными, должны быть такъ многочисленны, что уже по этому одному трудно привести ихъ въ какую-либо правильную систему; еще труднѣе серьезное отношеніе къ нимъ учителя“.

6) Учителю ежедневно приходится просматривать и исправлять „массу ученическихъ тетрадей“, а это увеличиваетъ и безъ того уже тяжелый трудъ преподавателя.

7) 1 и 2) Въ тѣхъ школахъ, гдѣ въ каждомъ классѣ преподаетъ нѣсколько учителей, весьма нерѣдко можно наблюдать, какъ у одного учителя всѣ ученики сидятъ въ классѣ внимательно, не позволяя себѣ никакихъ шалостей или беспорядковъ, а у другаго преподава-

1) Ib. стр. 14.

тела, напротивъ, тѣ же самые ученики невнимательны, производятъ безпорядки, шалости; или для водворенія въ классъ необходимой тишины и порядка одинъ преподаватель прибѣгаетъ постоянно къ угрозамъ и наказаніямъ, а другой не нуждается ни въ томъ, ни въ другомъ. Подобныя явленія въ школьной жизни ясно показываютъ, что классная дисциплина всецѣло зависитъ отъ личности преподавателя и отъ умѣнья его заниматься съ цѣлымъ классомъ. Если преподаватель пользуется любовью и привязанностью учениковъ, если онъ въ состояніи вести такъ занятія, что всѣ ученики (мы разумѣемъ учениковъ низшихъ классовъ) бываютъ заняты во время урока, то классная дисциплина поддерживается безъ всякаго затрудненія и особыхъ мѣръ. Всѣ шалости во время урока, невнимательность и т. п. являются главнымъ образомъ отъ неудовлетворенія врожденному стремленію дѣтей къ активной дѣятельности, отъ ихъ подвижной дѣтской природы. Ведите преподаваніе оживленно, возбуждайте постоянно вниманіе учениковъ, разнообразьте приемы преподаванія, не оставляйте дѣтей въ бездѣйствіи, но дайте имъ возможность работать самостоятельно, — и они не замѣтятъ, какъ пройдетъ урокъ, у нихъ не можетъ явиться и мысли о шалостяхъ и безпорядкахъ. Скука отъ бездѣятельности, — вотъ источникъ школьнаго зла. „Въ школьной скукѣ, говоритъ Ушинскій, скрывается источникъ множества дѣтскихъ проступковъ и даже пороковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученія, хитрости, лицемерія, обмановъ и тайныхъ грѣховъ. Уничтожьте школьную скуку, — и вся эта смрадная туча, приводящая въ отчаяніе педагоговъ и отравляющая свѣтлый потокъ дѣтской жизни, исчезнетъ сама собою“¹⁾).

Если классъ состоитъ изъ двухъ, трехъ группъ, то это не можетъ служить непремѣннымъ условіемъ для ухудшенія классной дисциплины. Напротивъ, если занятія ведутся правильно, то ученики всегда бываютъ заняты: одни изъ нихъ заняты съ учителемъ, другіе исполняютъ самостоятельно заданныя имъ работы, а при отсутствіи существеннаго зла — ничего недѣланія и скуки — классная дисциплина поддерживается весьма легко. Говоримъ это на основанія данныхъ, очерпнутыхъ изъ практики. Намъ часто приходится наблюдать занятія въ начальномъ училищѣ при одной изъ учительскихъ семинарій и мы никогда не замѣчали особыхъ безпорядковъ. Напротивъ, пріятно даже смотрѣть, съ какимъ удовольствіемъ, усердіемъ и замѣчательною энергіею

¹⁾ Ib. стр. 19.

исполняютъ дѣти самостоятельныя работы, разумно выбранныя, нисколько не нарушая классной тишины и не мѣшая учителю, занимающемуся съ другою группою того же класса. Мы не слышали также ни одной жалобы въ этомъ отношеніи и отъ учителей, вышедшихъ изъ учительской семинаріи, не смотря на то, что большинству изъ нихъ приходится вести занятія съ тремя группами¹⁾. Правда, при веденіи занятій съ двумя, тремя группами, вниманіе учителя, занимающагося съ одною группою, нѣсколько отвлекается другими группами, исполняющими самостоятельныя работы; но въ этомъ случаѣ нуженъ болѣе всего учительскій глазъ, который необходимо долженъ видѣть все, что дѣлается въ классѣ. Что же касается до вопросовъ, которыми будто бы тревожатъ учителя ученики, занятые самостоятельными работами, то это зависитъ отъ качества самостоятельныхъ работъ и отъ тѣхъ школьныхъ порядковъ, которые заведены учителемъ. Давайте дѣтямъ такія работы, которыя для нихъ совершенно ясны и понятны, которыя могутъ выдвинуть даже ученики съ средними способностями, заведите разъ на всегда такой порядокъ, чтобы во время занятій ученики не тревожили пустыми вопросами, — и тогда можете спокойно заниматься съ одною группою въ то время, когда другія группы исполняютъ самостоятельныя работы. Все дѣло, повторяемъ, въ правильной постановкѣ и разумномъ веденіи занятій. „Въ разумно устроенной школѣ, говоритъ Ушинскій, наказаній за лѣность быть не можетъ, потому что уроки выучиваются въ классѣ; наказаній за шалость — тоже, потому что дѣти заняты и шалить имъ некогда“²⁾.

3) Всѣ арифметическія вычисленія, наложенныя въ этомъ пунктѣ, были бы, пожалуй, лѣрны, еслибы успѣшность обученія и благотворное вліаніе преподавателя зависѣли дѣйствительно только отъ того количества часовъ, какое приходится на непосредственныя занятія учителя съ учащимися. Успѣшность учебно-воспитательнаго дѣла зависить отъ множества весьма разнообразныхъ условій, а болѣе всего отъ личности преподавателя, его педагогическаго такта и

¹⁾ До какой степени дѣти привязываются къ занятіямъ, когда эти занятія ведутся правильно, показываетъ слѣдующій фактъ, разказанный намъ учителемъ изъ воспитанниковъ учительской семинаріи. Въ младшемъ отдѣленіи было назначено 4 урока въ день, а въ остальныхъ двухъ по 3-ти уроковъ. Однако, ученики младшаго отдѣленія этимъ не удовольствовались и, спустя нѣсколько времени, просіявъ учителя, чтобы онъ прибавилъ имъ еще самостоятельную работу и не спускалъ развѣ друзейъ учениковъ.

²⁾ *Ib.* стр. 21.

умѣнья. Ужь будто бы, при трехъ отдѣленіяхъ въ классѣ, усѣбность обученія въ каждомъ отдѣленіи въ три раза менѣе? Ужь будто въ самомъ дѣлѣ „руководящая и развивающая сила учителя“ проявляется только тогда, когда онъ непосредственно занимается съ учениками? А развѣ въ правильной постановкѣ и веденіи самостоятельныхъ работъ, которыя выполняются въ классѣ подъ надзоромъ и наблюденіемъ учителя, не чувствуется его „руководящая и развивающая сила“. Развѣ каждая такая работа обдумывается, задается и провѣряется не учителемъ? Въ одноклассныхъ сельскихъ школахъ, состоящихъ изъ трехъ отдѣленій, на непосредственныхъ занятіяхъ учителя съ каждымъ отдѣленіемъ можетъ быть удѣлена всего треть учебнаго времени; слѣдовательно, въ теченіе трехъ лѣтъ обученія ученики занимаются непосредственно съ учителемъ одинъ годъ, а остальные два года они проводятъ за самостоятельными работами. Но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы можно было пройти въ одинъ годъ все то, что проходится въ этихъ школахъ. Точно также едва ли результатъ будетъ въ три раза болѣе въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ тогда, когда учитель, вмѣсто трехъ, имѣетъ одно отдѣленіе и занимается съ нимъ три года. Количество и качество учебнаго матеріала, сообщаемаго дѣтямъ, должно согласоваться съ ихъ возрастомъ и развитіемъ; вѣдь нельзя же дѣтямъ сообщать такихъ знаній, которыя они не въ состояніи воспринять и сознательно усвоить; нераціонально также сообщать имъ новыя свѣдѣнія, пока не усвоены твердо прежнія. По арифметикѣ, напримѣръ, въ одноклассныхъ сельскихъ школахъ проходится цѣлая числа и przygotowательный курсъ дробей; но если увеличить число недѣльныхъ уроковъ, то все-таки нельзя пройти болѣе съ дѣтьми 8—10-ти лѣтняго возраста.

4) „Мы недоумѣваемъ, замѣчаетъ г. Вахтеровъ, какія работы придумываются дѣтямъ, не умѣющимъ ни читать ни писать“. Даже и придумывать много, отвѣчаемъ мы, не приходится; самостоятельныя работы являются, такъ сказать, сами собою. Пока ведутся съ дѣтьми, только что принятыми въ школу, предварительныя бесѣды и звуковыя упражненія, нужно позаботиться о томъ, чтобы они привыкли нѣсколько владѣть грифелемъ или карандашомъ, нужно подготовить ихъ къ письму буквъ; поэтому самостоятельными работами въ это время бываютъ упражненія въ черченіи линий и очертанія предметовъ, письмо элементовъ буквъ. Когда ученики проходятъ букварь, являются новыя работы: письмо буквъ, письмо прочитанныхъ словъ, пред-

варительное и повторительное чтение словъ и краткихъ предложений и проч. Приступаятъ ученики къ чтенію „Роднаго слова“, — количество самостоятельныхъ работъ возрастаетъ; даются: письмо словъ по разрядамъ, списываніе съ книги краткихъ предложений, повтореніе прочитанныхъ статей, письмо неоконченныхъ фразъ и т. д.

5) Самостоятельныя работы даются вовсе не для того только, чтобы „тѣмъ нибудь“ занять однихъ учениковъ, когда учитель бесѣдуетъ съ другими. Таковъ взглядъ на классныя самостоятельныя работы совершенно ошибоченъ, хотя, къ сожалѣнію, и распространенъ. Если все обученіе ограничивается классными занятіями, если обученіе ведется правильно, то классныя самостоятельныя работы являются необходимымъ и существенно важнымъ дополненіемъ уроковъ съ учителемъ.

Многочисленность и разнообразіе самостоятельныхъ работъ вовсе не препятствуютъ приведенію ихъ въ правильную систему. Конечно, если учитель смотритъ на эти работы какъ на дисциплинарное средство, содѣйствующее только восстановленію въ классѣ необходимаго порядка, то онъ не заботится объ известной системѣ и послѣдовательности при задаваніи самостоятельныхъ работъ; придя въ классъ, онъ даетъ то, что Богъ на душу положитъ, лишь бы занять тѣмъ нибудь учениковъ. Но когда класснымъ работамъ приписывается надлежащее значеніе, то и ведутся эти работы непременно по опредѣленной системѣ. Сами учителя иногда затрудняютъ себя и увеличиваютъ безъ нужды количество самостоятельныхъ работъ. Такъ г. И. Д. и г. Вахтеровъ почему-то непременно дѣлятъ каждый часовой урокъ на двѣ или на три части, смотря по числу отдѣленій въ классѣ; между тѣмъ какъ этотъ способъ занятій съ нѣсколькими группами самый неудобный. При такомъ дробленіи cadaго урока естественно уменьшается время, какъ для непосредственныхъ занятій учителя съ учащимися, такъ и для выполненія самостоятельныхъ работъ. А тѣмъ меньше времени дается на исполненіе этихъ работъ, тѣмъ труднѣе придать имъ надлежащее значеніе. Какую, на примѣръ, серьезную работу можно дать на $\frac{1}{4}$ часа? Да и количество работъ при такомъ способѣ увеличивается вдвое и втрое. Самый лучший способъ, по нашему мнѣнію, тотъ, когда учитель посвящаетъ почти весь урокъ на занятія съ одною группой, а другимъ на это время даетъ самостоятельныя работы. При такомъ распредѣленіи времени и занятія съ учителемъ вестя удобнѣе, и самостоятельныя работы могутъ быть серьезнѣе и полезнѣе, и, наконецъ, количество этихъ ра-

боть меньше. Возьмемъ для примѣра классъ, состоящій изъ двухъ группъ. Если дѣлать каждый часовой урокъ по числу отдѣленій на двѣ части, то на занятія учителя съ каждымъ отдѣленіемъ и на выполнение самостоятельныхъ работъ придется менѣе получаса, и при четырехъ урокахъ въ день понадобится 8 самостоятельныхъ работъ. Если же учитель въ продолженіе четырехъ часовъ два часовые урока посвятить на занятія съ однимъ отдѣленіемъ и два — на занятія съ другимъ, то продолжительность каждого урока съ учителемъ и выполнения самостоятельныхъ работъ будетъ около часа и всѣхъ самостоятельныхъ работъ потребуется только 4. Выгоды, такимъ образомъ, послѣдняго способа очевидны. Но этого мало. Какъ скоро каждая самостоятельная работа продолжается нѣмнѣе урока, то все количество уроковъ, приходящееся на самостоятельные занятія, можетъ быть строго распределено по главнѣйшимъ видамъ самостоятельныхъ работъ, сообразно ихъ значенію, подобно тому, какъ уроки съ учителемъ распределяются по предметамъ обученія. Преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется по извѣстнымъ программамъ въ системѣ и послѣдовательности; такія же программы не трудно составить и для каждого вида самостоятельныхъ работъ. Матеріалъ для объяснительнаго чтенія, на примѣръ, распределяется въ извѣстной постепенности; въ той же постепенности можетъ быть распределенъ матеріалъ для заучиванія наизусть и для самостоятельнаго чтенія; грамматическія и ариѳметическія упражненія также распределяются въ той послѣдовальности, въ какой проходятся эти предметы. Такимъ образомъ получается вполнѣ опредѣленная система самостоятельныхъ занятій, при чемъ возможно и серьезное отношеніе къ нимъ учителя.

6) Остается послѣднее затрудненіе — ежедневная провѣрка учителемъ на дому „массы ученическихъ тетрадей“. Дѣйствительно, подобный трудъ обременителенъ для учителя: ему нужно отдохнуть отъ классныхъ занятій, нужно подготовиться къ слѣдующему дню. Къ счастью, все это не такъ страшно, какъ говорятъ. Во всякомъ случаѣ система дѣленія классовъ на группы тутъ ни въ чемъ неповинна. Дѣло въ томъ, что большинство самостоятельныхъ работъ можетъ и должно провѣряться учителемъ, или самими учениками въ классѣ, и только самое ограниченное число этихъ работъ необходимо провѣрять и исправлять на дому. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ устные самостоятельныя работы, каковы: заучиваніе наизусть стихотвореній, самостоятельное чтеніе, повтореніе уроковъ по руководству, провѣряются въ классѣ; далѣе, весьма легко провѣряются въ классѣ

и многія письменныя работы, напримѣръ: списываніе съ книги, подборъ грамматическихъ примѣровъ, рѣшеніе арифметическихъ задачъ, черченіе, истописаніе и проч. Что же остается для пробѣрки и исправленія на дому? Остается очень не многое: письменныя работы, имѣющія цѣлью правильное изложеніе мыслей, и письменныя работы, служащія для пробѣрки усвоенныхъ свѣдѣній, напримѣръ, письменное изложеніе уроковъ по закону Вежію, исторіи. Откуда же берется, такимъ образомъ, „масса тетрадей“, которыя учителю приходится ежедневно исправлять на дому, для насъ непонятно.

Относительно всѣхъ этихъ затрудненій, будто бы препятствующихъ на практикѣ осуществленію системы дѣленія классовъ на группы и веденію классныхъ самостоятельныхъ занятій, можно сказать очень многое, но думаемъ, что и сказаннаго нами достаточно, чтобы убѣдиться, что затрудненія эти объясняются отчасти новостью дѣла и необычностью учителей, отчасти же предвзятыми мнѣніями.

IV.

Мы имѣли случай высказать наше мнѣніе о веденіи занятій съ тремя группами учениковъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ ¹⁾, причемъ нами сдѣланы не только общія указанія о постановкѣ и веденіи классныхъ самостоятельныхъ занятій, но представленъ подробный планъ, какъ уроковъ съ учителемъ, такъ и самостоятельныхъ работъ. Между сельскими и городскими училищами такъ много общаго въ этомъ отношеніи, что мы находимъ возможнымъ примѣнить выработанную нами систему занятій и къ городскимъ училищамъ. Въ виду новости дѣла въ городскихъ училищахъ, думаемъ, что наши соображенія могутъ оказаться не лишними:

Хотя курсъ ученія во всѣхъ городскихъ училищахъ шестилѣтній, но по числу классовъ они бываютъ не одинаковы; такъ, есть училища одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя, четырехклассныя и даже могутъ быть пяти и шестиклассныя. Это разнообразіе городскихъ училищъ объясняется тѣмъ, что при открытіи ихъ въ томъ или другомъ составѣ классовъ принимаются во вниманіе мѣстныя условія жизни и финансовыя средства города. Относительно продолжительности курса

¹⁾ См. статью: „Устройство учебной части въ начальномъ училищѣ при учительской семинаріи“ въ Журн. Мин. Нар. Пресс. декабрь 1878 года.

въ каждомъ классѣ въ „Положеніи о городскихъ училищахъ“ имѣются слѣдующія указанія:

§ 8. Въ одноклассныхъ училищахъ учащіеся раздѣляются соотвѣтственно познаніямъ своимъ на три послѣдовательныя отдѣленія и остаются въ каждомъ отдѣленіи обыкновенно два года.

§ 9. Въ двухклассныхъ училищахъ курсъ перваго класса продолжается четыре года, и учащіеся въ немъ дѣлятся на два послѣдовательныя отдѣленія. Курсъ же 2-го класса продолжается два года.

§ 10. Въ училищахъ трехклассныхъ курсъ важнаго класса двухгодичный.

§ 11. Въ четырехклассныхъ училищахъ курсъ первыхъ двухъ классовъ продолжается по два года въ каждомъ классѣ; курсъ же 3-го и 4-го классовъ по одному году.

Не трудно замѣтить, что здѣсь число отдѣленій въ каждомъ классѣ опредѣлено не совсѣмъ точно. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого основанія предполагать, что приемъ въ городскія училища долженъ производиться не каждый годъ, а черезъ годъ (какъ нѣкоторые думаютъ), ибо это во 1-хъ противорѣчитъ общепринятому порядку приема учениковъ въ учебныя заведенія, во 2-хъ въ „Положеніи“ упомянуто, что приемъ производится „одинъ разъ въ годъ, въ началѣ каждого учебнаго года, а по соотвѣтственномъ испытаніи и въ теченіе всего учебнаго года“ (§ 37). Но если ученики будутъ приниматься ежегодно, то въ каждомъ городскомъ училищѣ непремѣнно образуется шесть отдѣленій или группъ по числу лѣтъ обученія; учащіеся 1-й годъ составятъ первую группу, учащіеся 2-й годъ—вторую и т. д. Такимъ образомъ въ одноклассномъ училищѣ будетъ не три, а шесть отдѣленій, въ первомъ классѣ двухкласснаго училища—четыре отдѣленія, а въ каждомъ классѣ трехкласснаго и первыхъ двухъ классахъ четырехкласснаго училища—по два отдѣленія.

Оставляя пока одноклассныя и двухклассныя училища, обратимся къ трехкласснымъ.

Каждый классъ трехкласснаго городского училища дѣлится на двѣ группы: младшую и старшую; къ первой принадлежатъ ученики, обучающіеся первый годъ, а ко второй—обучающіеся второй годъ въ классѣ. Развитіе и познанія двухъ группъ важнаго класса на столько разнятся между собою, что совмѣстное преподаваніе имъ учебныхъ предметовъ въ большинствѣ случаевъ невозможно, а потому учителю приходится заниматься съ каждою группою отдѣльно. Между тѣмъ въ таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, приложенной къ „Положе-

нiю⁴, количество уроковъ въ каждомъ классѣ назначено общее, безъ раздѣленія по группамъ. Конечно, подобное раздѣленіе должно быть основано на опытѣ, а потому и предоставляемо педагогическимъ совѣтамъ городскихъ училищъ и самимъ учителямъ, тѣмъ болѣе, что частное распредѣленіе уроковъ между группами или отдѣленіями зависитъ отчасти отъ того или другаго состава учащихся. Оказывается однако, что правильно сдѣлать это распредѣленіе затруднительно, и главнымъ образомъ потому, что общее число уроковъ по нѣкоторымъ предметамъ слишкомъ недостаточно. Вотъ таблица числа недѣльных уроковъ въ трехклассномъ городскомъ училищѣ:

	К Л А С С Ы .		
	I.	II.	III.
Законъ Божій	6	3	2
Чтеніе и письмо	8	—	—
Русскій языкъ и церковно-слав	—	6	4
Ариметика	4	6	5
Практическая геометрія	—	} 4	6
Черченіе и рисованіе	—		
Отечественная исторія и географія	—	2	3
Естествовѣдѣніе	—	3	4
	18	24	24

Такъ какъ каждый классъ трехкласснаго городского училища состоитъ изъ двухъ группъ, то на преподаваніе учебныхъ предметовъ отдѣльно каждой группѣ придется половинное число уроковъ; слѣдовательно на преподаваніе въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса, на примѣръ, исторіи и географіи можно удѣлить только одинъ урокъ въ недѣлю. Но и это не представляло бы ничего особеннаго, еслибы сообразно данному количеству уроковъ были составлены программы преподаванія. Эти программы, какъ извѣстно, составлены не по классамъ, а по годамъ обученія, или по группамъ, причемъ оказывается, что только въ программахъ преподаванія закона Божія означено правильно количество недѣльных уроковъ. Въ другихъ же, на примѣръ, въ программахъ преподаванія русскаго языка, ариметики, исторіи и естествовѣдѣнія для каждого отдѣленія показано не половинное количество уроковъ, а то, какое назначено для цѣлаго класса, то-есть вдвое болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Наконецъ, въ программахъ географіи и рисованія количество уроковъ совсѣмъ не показано.

Все это имѣетъ вѣзкое, хотя и не представляетъ важныя препятствій для правильной постановки учебнаго дѣла, тѣмъ не менѣе рождаетъ недоразумѣнія. Намъ кажется, что достаточно уже претекло времени съ открытія первыхъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ для того, чтобы, руководствуясь указаніями ошита, возможно было разработать этотъ вопросъ опредѣленнѣе и подробнѣе. Содѣйствіе учительскихъ институтовъ въ этомъ отношеніи особенно важно, такъ какъ они имѣютъ всѣ средства, какъ для теоретической, такъ и практической разработки вопросовъ, касающихся обученія въ городскихъ училищахъ.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что общее число уроковъ въ каждомъ классѣ можетъ быть увеличено. Со введеніемъ классныхъ самостоятельныхъ работъ все обученіе въ городскихъ училищахъ ограничивается занятіями въ классѣ, и учащимся въ первыхъ двухъ классахъ едва-ли нужно задавать уроки на домъ, такъ какъ всѣ уровни разрабатываются и усваиваются въ классѣ. А если такъ, то 4—5 часовъ ежедневныхъ занятій для дѣтей 10—12 лѣтъ нельзя признать ни въ какомъ случаѣ обременительнымъ; дѣти этого возраста, обучающіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимаются болѣе. Кромѣ того, если въ 1-мъ классѣ двухклассныхъ городскихъ училищъ назначено 28 уроковъ въ недѣлю, то отчего же этого не допустить во 2-мъ классѣ, а тѣмъ болѣе въ третьемъ—трехклассныхъ городскихъ училищъ? Могутъ сказать, что большое число уроковъ слишкомъ обременительно для учителей. Согласны, но что же дѣлать? Во всякой общественной дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ дѣятельности учебно-воспитательной, личныя удобства и интересы должно ставить на второмъ планѣ. Да и едва-ли 4—5 уроковъ въ день чересчуръ обременительны для учителя. Не нужно также забывать, что матеріальное положеніе учителей городскихъ училищъ значительно улучшено, такъ что они не могутъ имѣть крайней нужды въ постороннихъ занятіяхъ.

Затѣмъ, для правильной постановки и веденія учебнаго дѣла необходимо не только точно распредѣлить общее количество уроковъ по группамъ и предметамъ обученія, но также обозначить отдѣльно уроки съ учителемъ и уровни, приходящіеся на самостоятельныя занятія. Кромѣ того, для установленія строго опредѣленной системы и послѣдовательности въ самостоятельныхъ работахъ, крайне полезно сгруппировать эти послѣднія въ нѣсколько главныхъ отдѣловъ и на каждый отдѣлъ назначить опредѣленное число недѣльныхъ уроковъ,

сообразно важности и значенію самостоятельныхъ работъ. Все это выполнить гораздо легче при томъ порядкѣ занятій съ двумя группами, о которомъ мы упоминали выше; онъ состоитъ въ томъ, что учитель, не дѣля часовую урокъ на двѣ половины, посвящаетъ почти цѣлый урокъ на занятія съ однимъ отдѣленіемъ, а другому даетъ самостоятельную работу. Общій ходъ урока бываетъ при этомъ такой: учитель даетъ самостоятельную работу одному отдѣленію, затѣмъ переходитъ въ другому, занимается съ нимъ почти весь урокъ и только въ концѣ урока посвящаетъ нѣсколько времени на провѣрку самостоятельной работы, исполненной первымъ отдѣленіемъ. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, впрочемъ, при обученіи, напримѣръ, письму, черченію, рисованію, удобнѣе заниматься половину урока съ однимъ отдѣленіемъ и половину—съ другимъ.

Какъ ни многочисленны и разнообразны могутъ быть самостоятельныя работы въ теченіе шестилѣтняго курса, все-таки возможно соединить ихъ всѣ въ нѣсколько главныхъ группъ. Такъ, самостоятельныя работы по русскому языку соединяются въ четыре группы: самостоятельное чтеніе, ученіе наизусть образцовъ, письменныя упражненія и грамматическія упражненія; самостоятельныя работы по ариѳметикѣ составляютъ отдѣльную группу: ариѳметическія упражненія, по геометріи—геометрическія упражненія и т. д. Если, такимъ образомъ, самостоятельныя работы по каждому изъ остальныхъ предметовъ обученія будутъ соединяться въ одну группу, то получится всего 12 отдѣловъ или группъ самостоятельныхъ работъ, между которыми и слѣдуетъ распределить всѣ уроки, приходящіеся на самостоятельныя занятія.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ трехклассномъ городскомъ училищѣ можетъ быть представлена, по нашему мнѣнію, въ такомъ видѣ:

ПРЕДМЕТЫ.	I Классъ.				II Классъ.				III Классъ.				
	Млад. отд.		Стар. отд.		Млад. отд.		Стар. отд.		Млад. отд.		Стар. отд.		
	съ учит.	сам.	съ учит.	сам.	съ учит.	сам.	съ учит.	сам.	съ учит.	сам.	съ учит.	сам.	
Законъ Божій.	3	—	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	
Русскій языкъ. {	письмо-чтеніе. объясн. чтеніе.	5	—	3	—	2	—	1	—	1	—	1	—
	самостоят. чтеніе.	—	3	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	ученье наизусть.	—		1	—	1	—	1	—	1	—	1	—
	письменные упраж.	—		2	—	3	—	3	—	2	—	2	—
граматика	—	—	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	
Церковно-славянс. чтеніе.	—	—	1	—	1	—	1	—	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	
Ариметика	2	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	
Практическая геометрія	—	—	—	—	1	—	1	1	1	1	1	1	
Отечествен. исторія	—	—	—	—	1	—	1	1	2	1	2	2	
Географія	—	—	—	—	1	—	1	1	2	1	2	1	
Естествовѣденіе	—	—	—	—	1	—	2	1	2	1	2	1	
Черченіе и рисованіе	—	—	—	—	1	2	1	1	1	2	1	2	
Чистописаніе	2	2	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	
	12	6	12	12	14	12	14	14	15 ^{1/2}	14 ^{1/2}	14 ^{1/2}	15 ^{1/2}	
	18		24		26		28		30		30		

Эта таблица не нуждается въ подробныхъ разъясненіяхъ, а потому мы ограничимся нѣкоторыми только замѣчаніями. Въ младшемъ отдѣленіи 1-го класса не назначено уроковъ на самостоятельныя занятія по закону Божію, такъ какъ ученики этого отдѣленія не умѣютъ читать. Въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса не назначено уроковъ на самостоятельныя работы по геометріи, исторіи и географіи, потому что курсы по этимъ предметамъ здѣсь пропедевтическіе и въ рукахъ

учениковъ не имѣется руководство, по которымъ они могли бы повторять пройденное съ учителемъ; всѣ же необходимыя самостоятельныя работы могутъ быть отнесены или къ письменнымъ упражненіямъ, или къ черченію и рисованію. Въ старшемъ отдѣленіи 2-го и двухъ отдѣленіяхъ 3-го класса исключено самостоятельное чтеніе въ виду того, что многія изъ самостоятельныхъ работъ въ этихъ отдѣленіяхъ по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію состоятъ въ чтеніи статей, относящихся въ пройденному, и въ повтореніи пройденнаго по руководствамъ. Хотя количество недѣльныхъ уроковъ съ учителемъ, приходящееся на изученіе учебныхъ предметовъ въ каждомъ отдѣленіи, незначительно, но въ общей сложности получается такое количество уроковъ, какое совершенно достаточно для усвоенія учащимися всего учебнаго матеріала, содержащагося въ программахъ преподаванія; такъ, по закону Божію получается всего 14 уроковъ, по русскому языку—19, по арифметикѣ—12 и т. д. Наконецъ, количество занятій вообще увеличивается постепенно, сообразно съ возрастомъ учащихся; въ 1-й годъ учащіеся имѣютъ 18 уроковъ въ недѣлю, во 2-й годъ—24 урока; въ 3-й годъ—26, въ 4-й годъ—28, въ 5-й и 6-й—30 уроковъ въ недѣлю.

Чтобы показать порядокъ ежедневныхъ занятій и связь между уроками съ учителемъ и самостоятельными работами, приводимъ примѣрное расписаніе классныхъ занятій въ трехклассномъ городскомъ училищѣ:

Д. Н. Е.	Отдѣленіе.	1-й урокъ.	2-й урокъ.	3-й урокъ.	4-й урокъ.
Понедѣльникъ.	Млад. Стар.	Археологич. Писем. управл.	Самостоят. работа. Обяснит. чтеніе.	Законъ Божій. Зак. Божій (самост.).	— Законъ Божій.
Вторникъ.	Млад. Стар.	Письмо-чтеніе. Археол. управл.	Самостоят. работа. Археологич.	Письмо подъ тактъ.	Обяснит. чтеніе.
Среда.	Млад. Стар.	Самостоят. работа. Грамматич.	Письмо-чтеніе. Граммат. управл.	Законъ Божій. Зак. Божій (самост.).	— Законъ Божій.
Четвертъ.	Млад. Стар.	Письмо-чтеніе. Археол. упр.	Самост. работа. Археологич.	Письмо подъ тактъ.	— Перконо-слав. чтеніе.
Пятница.	Млад. Стар.	Письмо-чтеніе. Ученъе. наизустъ.	Письмо подъ тактъ.	Законъ Божій. Зак. Божій (самост.).	— Законъ Божій.
Суббота.	Млад. Стар.	Археологич. Школы. управл.	Письмо-чтеніе. Самостоят. чтеніе.	Письмо подъ тактъ.	— Обяснит. чтеніе.

Д. Н. И.	1-й урокъ.	2-й урокъ.	3-й урокъ.	4-й урокъ.	5-й урокъ.
Понедѣльникъ	Млад. Арифметика. Стар. Географія (самост.).	Арифмет. упраж. Грамматика.	Обьяснит. чтеніе. Письм. упражн.	Письм. упраж. Естеств. исторія.	Письмо подъ тактъ. Естеств. исторія (самост.).
Вторникъ	Млад. Ест. ист. (самост.). Стар. Арифметика.	Естеств. исторія. Арифмет. упраж.	Законъ Бож. (сам.). Законъ Божій.	Законъ Божій. Законъ Божій (самостоят.).	— Черченіе и рисованіе.
Среда	Млад. Арифметика. Стар. Письм. упраж.	Арифмет. упраж. Исторія.	Обьяснит. чтеніе. Исторія (самост.).	Письм. упражн. Обьяснит. чтеніе.	— —
Четвергъ	Млад. Самост. чтеніе. Стар. Геометрія.	Географія. Геометр. упражн.	Законъ Божій. Зак. Бож. (самост.).	Законъ Божій. Законъ Божій.	Черченіе и рисованіе.
Пятница	Млад. Письм. упраж. Стар. Арифметика.	Грамматика. Арифмет. упраж.	Граммат. упраж. Естеств. исторія.	Исторія. Письм. упраж.	— Церковно-слав. чтеніе.
Суббота	Млад. Геометрія. Стар. Ученые наизусть.	Черченіе и рисов. (самост.). Грамматика.	Церковно-слав. чтеніе. Граммат. упражн.	Ученые наизусть. Географія.	— —

Дни	Отъѣ.	1-й урокъ.	2-й урокъ.	3-й урокъ.	4-й урокъ.	5-й урокъ.
Понедѣльникъ.	Млад. Стар.	Арифметика. Арифмет. упраж.	Арифметика. Арифметика.	Естество-исторія. Естество-исторія (сам.).	Естество-ист. (сам.). Естество-исторія.	Черчение и рисованіе.
Вторникъ . . .	Млад. Стар.	Закоуъ Вожиі. (сам.).	Закоуъ Вожиі. (сам.).	Географія. Географія (сам.).	Географія (сам.). Географія.	Естество-исторія. Рисованіе (сам.).
Среда	Млад. Стар.	Грамматика. Граммат. упраж.	Грамматика. Грамматика.	Исторія. Исторія (сам.).	Исторія (сам.). Исторія.	Церковно-слав. чтеніе.
Четвертъ . . .	Млад. Стар.	Арифметика. Арифмет. упр.	Арифметика. Арифмет. упраж.	Письм. упраж. Географія.	Объяснит. чтеніе. Письм. упраж.	Рисованіе (сам.). Естество-исторія.
Пятница . . .	Млад. Стар.	Закоуъ Вожиі. Закоуъ Вожиі (сам.).	Закоуъ Вожиі (сам.).	Чтеніе по дерг. слав. Ученые наизусть.	Письм. упраж. Объяснит. чтеніе.	Географія. Письм. упраж.
Суббота . . .	Млад. Стар.	Геометрія. Геометр. упраж.	Геометрія. Геометрія.	Ученые наизусть. Исторія.	Исторія. Исторія (самост.).	Черчение и рисованіе.

Принявъ въ основаніе вышеприведенную таблицу недѣльных уроковъ, можно составить для каждаго класса не только подробныя программы учебнаго матеріала, сообщаемаго на урокахъ съ учителями, но также подробныя программы всѣхъ самостоятельныхъ работъ сообразно назначенному на каждый отдѣлъ количеству уроковъ. Эти программы по мѣрѣ указанія опыта, конечно, будутъ измѣняться, дополняться, но вѣдѣствъ съ тѣмъ постепенно выработается вполне опредѣленная и цѣлесообразная система занятій для каждаго класса городского училища.

Гораздо болѣе затрудненій встрѣчается при организаціи обученія въ двухклассныхъ и одноклассныхъ городскихъ училищахъ. Если пріемъ учениковъ въ эти училища долженъ совершаться каждый годъ, въ чемъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, то первый классъ двухклассныхъ училищъ по необходимости долженъ быть раздѣленъ на 4 отдѣленія, а каждое одноклассное училище на 6 отдѣленій; такимъ образомъ, въ первыхъ учителю I-го класса придется вести занятія съ четырьмя отдѣленіями, а въ послѣднихъ на учителя и его помощника придется по меньшей мѣрѣ по три отдѣленія на каждаго. Вести занятія съ тремя или четырьмя отдѣленіями несравненно труднѣе, и притомъ количество часовъ, приходящихся на уроки съ учителями, въ этомъ случаѣ непремѣнно уменьшится, а потому явится необходимость сократить программы преподаванія.

Мы думаемъ, однако, что обученіе въ двухклассныхъ училищахъ можетъ быть организовано на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ. И вотъ почему. Въ § 16 Положенія о городскихъ училищахъ сказано: „въ одноклассныя училища, сверхъ завѣдывающаго онымъ учителя, назначается учительскій помощникъ. Если же въ училищѣ одноклассномъ, или первомъ классѣ другихъ городскихъ училищъ, болѣе пятидесяти учениковъ, то на каждые слѣдующіе тридцать учениковъ полагается еще по одному учительскому помощнику. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ I классѣ каждаго изъ двухклассныхъ училищъ и во всѣхъ одноклассныхъ училищахъ число учащихся всегда будетъ болѣе указанной въ этомъ параграфѣ цифры, а потому каждое двухклассное училище сверхъ двухъ штатныхъ учителей, и каждое одноклассное училище сверхъ учителя и помощника, должны имѣть еще одного помощника учителя. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ училищахъ окажется по три преподавателя. Какимъ же образомъ распределить между ними занятія? Всего удобнѣе, конечно, поручить каждому изъ преподавате-

лей по два послѣдовательныхъ отдѣленія; такъ, напримѣръ, въ двухклассныхъ училищахъ 1-е и 2-е отдѣленія I класса поручить помощнику, а 3-е и 4-е одному изъ учителей; въ одноклассныхъ училищахъ 1-е и 2-е отдѣленія поручить одному помощнику, 3-е и 4-е—другому, а 5-е и 6-е учителю. Какъ скоро каждый изъ преподавателей будетъ имѣть только по два отдѣленія, то преподаваніе въ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ ничѣмъ не должно отличаться, по своей организаціи, отъ преподаванія въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ.

Для осуществленія этого на практикѣ, могутъ встрѣтиться только два препятствія: можетъ оказаться недостатокъ въ классныхъ помощникахъ, и можетъ явиться затрудненіе въ прискачаніи достойныхъ лицъ на должности помощниковъ, такъ какъ воспитанниковъ, окончивающихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ, едва хватаетъ для замѣщенія вакантныхъ учительскихъ мѣстъ. Первое изъ этихъ препятствій не трудно устранить заранѣе при открытіи каждаго новаго училища. Что же касается до втораго, то и въ этомъ случаѣ вопросъ рѣшается безъ особаго затрудненія. Количество воспитанниковъ, окончивающихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, съ каждымъ годомъ возрастаетъ, а число сельскихъ школъ, въ которыхъ матеріальное положеніе хотя сколько нибудь обезпечено, весьма ограничено. Въдѣ нельзя же 120—180 р. въ годъ считать достаточнымъ вознагражденіемъ для учителя, получившаго спеціальную подготовку, тѣмъ болѣе для учителя изъ крестьянскаго сословія, который обязанъ оказывать денежную помощь еще своимъ родителямъ. А много ли такихъ школъ, въ которыхъ учителямъ платится болѣе 200 р.? Да наконецъ и это послѣднее вознагражденіе не такъ значительно для болѣе или менѣе развитаго человѣка, чтобы онъ не пожелалъ получить болѣе, хотя и на другаго рода службѣ. Есть много оснований не упускать честныхъ и опытныхъ преподавателей, — напротивъ, по возможности удерживать ихъ, улучшая матеріальное положеніе. Въ виду этихъ обстоятельствъ, лучшіе изъ сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, и могутъ поступать на должности помощниковъ учителей городскихъ училищъ ¹⁾. Мы убѣждены, что при тщательномъ выборѣ они вполне оправдываютъ оказываемое имъ довѣріе.

¹⁾ Распоряженіе въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано министерствомъ нар. просв., но пока въ видѣ временной мѣры.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ-ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено Академіи шесть историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ одно рукописное; къ нимъ присоединилось еще одно сочиненіе, отложенное отъ предшествовавшаго конкурса. По разсмотрѣніи ихъ въ установленномъ для того порядкѣ, Академія присудила четыремъ изъ нихъ малыя Уваровскія награды (въ 500 руб. каждая). Эти удостоенные преміями труды суть слѣдующіе:

I.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. О. Головацкимъ. 3 части въ 4-хъ томахъ. Москва. 1878.

При оцѣнкѣ этого труда Академія имѣла въ виду рецензію, составленную, по ея просьбѣ, членомъ-корреспондентомъ ея, профессоромъ, Харьковскаго университета А. А. Потебнѣю, который своими изслѣдованіями о малорусской народности приобрьлъ себѣ неоспоримое право считаться компетентнымъ судьей въ относящихся до нея вопросахъ.

Сборникъ г. Головацкаго, по мнѣнію рецензента, составляетъ весьма важное приобрьтеніе для науки, необходимое для дальнѣйшихъ розысканій въ области южно-русской этнографіи, исторіи, исто-

¹⁾ Читанъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Е. С. Веселовскимъ, въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1879 года.

рїи языка и словесности. Это — въ настоящее время положительно самое полное изъ всѣхъ существующихъ собраній народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, заключающее въ себѣ и такіа пѣсни, которыя начинаютъ уже исчезать въ народѣ. Въ продолженіе многолѣтнихъ странствованій своихъ, начиная съ 1834 г., по всей Галицкой и Угорской Руси, г. Головацкій неустанно собиралъ памятники народной литературы и успѣлъ записать изъ устъ народа многое, что сохранялось въ его памяти отъ отдаленнѣйшихъ временъ. Собранное такимъ образомъ довольно значительное число пѣсенъ г. Головацкій положилъ въ основу напечатаннаго имъ сборника, въ который онъ сверхъ того включилъ все, что было до него издано другими собирателями, равно какъ и сборники, предоставленные ему разными лицами.

Кому не извѣстно то значеніе, которое въ настоящее время получили въ наукѣ народныя пѣсни? Онѣ живо рисуютъ національный бытъ въ самую отдаленную эпоху, составляя во многихъ случаяхъ единственный для этого источникъ; въ нихъ отражается домашняя и семейная жизнь, съ ея радостями и скорбями, и нерѣдко пополняется то, о чемъ молчатъ лѣтописцы. Собрать и сохранить произведенія народнаго творчества для потомства и науки — безспорно заслуга не маловажная, но она одна не давала бы г. Головацкому права на получение Уваровской преміи, еслибъ онъ не отнесся къ собранному имъ матеріалу критически, не постарался объяснить его значеніе въ этнографическомъ отношеніи и не предпослалъ сборнику обширнаго введенія, которое заключаетъ въ себѣ: 1) географическо-статистическіе и историко-этнографическіе очерки Галичины, Сѣверо-восточной Угріи и Буковины; 2) политическое дѣленіе прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія; 3) историко-этнографическое обзорѣніе: а) Галичины, б) Угорской Руси и Буковины; 4) объясненіе этнографической карты этихъ земель. Изъ этихъ отдѣловъ наиболѣе значенія имѣютъ первый и послѣдній; что же касается до третьяго отдѣла, то отъ него можно было бы пожелать гораздо большей полноты.

До своего труда г. Головацкій пользовался разными сочиненіями, но во многихъ случаяхъ исправилъ и значительно дополнилъ ихъ на основаніи личнаго знакомства съ описываемыми мѣстностями. Новизною сообщаемыхъ свѣдѣній отличается статья: „Проходы черезъ Карпаты и пути сообщенія, древніе и нынѣшніе“, въ которой авторъ

обратилъ особенное вниманіе на мѣста, упоминаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ.

Нельзя не поблагодарить автора за приложенную къ сборнику этнографическую карту, на которой нанесены всѣ мѣстности, гдѣ были собираемы пѣсни, въ него вошедшія. Эта карта, по отношенію Карпатской Руси, значительно вѣрнѣе карты, приложенной къ сочиненію Шафарика „Славянская народная“, и этнографической карты барона Чернига. Въ весьма пространномъ объясненіи къ этой картѣ, авторъ между прочимъ указываетъ на ея особенности, состоящія въ томъ, что на ней показаны до сихъ поръ сохранившіяся у народа географическія и этнографическія названія и племенные разности, и приведены имена мѣстностей, рѣкъ и горъ, какія во всеобщемъ употребленіи у мѣстнаго Русскаго народа, а не тѣ, которыхъ держатся правительственные органы, и которыя вошли въ книжное употребленіе подъ вліяніемъ польскимъ, мадьярскимъ, румынскимъ и нѣмецкимъ.

Конечно, можно указать на нѣкоторые недостатки сборника г. Головацкаго; но одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, нестрогое сохраненіе отличій говоровъ въ языкѣ пѣсенъ, должны быть приписаны издателю, а не собирателю, другіе же, какъ напримѣръ, дѣленіе пѣсенъ по ихъ содержанію на разряды и неточное разнесеніе пѣсенъ по опредѣленнымъ разрядамъ, не на столько важны, чтобы въ состояніи были уменьшить научное значеніе сборника, который послужитъ для изслѣдователей народнаго быта Малорусскаго племени богатою сокровищницею важныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній.

II.

Главнѣйшіе источники для исторіи святыхъ Кирилла и Меодія. *А. Воронова.* Кіевъ. 1877.

Подробный разборъ этого сочиненія, составленный, по приглашенію Академіи Наукъ, экстраординарнымъ профессоромъ Московской духовной академіи, магистромъ Е. Е. Голубинскимъ, послужилъ основаніемъ для сужденій о достоинствахъ труда г. Воронова.

Сочиненіе г. Воронова, появившееся въ 1876 и 1877 годахъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе источниковъ для исторіи свв. Кирилла и Меодія. Признавая, что не смотря на имѣющееся уже значительное число и ученое достоинство трудовъ, посвященныхъ такому изслѣдованію, критика источниковъ для исторіи святыхъ первоучителей Славянства

еще не достигла такой степени, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области могли быть сочтены излишними, г. Вороновъ въ своемъ сочиненіи, главнымъ образомъ, пытался опредѣлить время происхожденія главнѣйшихъ легендарныхъ источниковъ этой исторіи и отношеніе одного источника къ другому, то-есть, разъяснить зависимость или самостоятельность каждаго изъ нихъ, а также опредѣлить степень подлинности и достовѣрности нѣкоторыхъ спорныхъ документальныхъ источниковъ.

Подвергнувъ внимательному разбору критическія соображенія и выводы автора, рецензентъ изложилъ причины, по которымъ онъ не можетъ согласиться во многими изъ нихъ. Такъ называемыя „паннонскія житія Константина и Меодія“ и „пространное греческое житіе Климента“ суть тѣ сказанія о первоучителяхъ, въ критикѣ которыхъ заключается главная задача введенія въ ихъ жизнеописаніе, такъ какъ эти сказанія составляютъ собою первоисточники свѣдѣній о нихъ, и слѣдовательно, все зависитъ отъ того или другого рѣшенія вопроса о ихъ качествѣ. Профессоръ Голубинскій рѣшительно не согласенъ съ г. Вороновымъ во взглядѣ на паннонскія житія, признавая ихъ не позднѣйшими легендами, какими считаетъ ихъ сей послѣдній, а достовѣрными сказаніями, принадлежащими непосредственнымъ современникамъ и ученикамъ первоучителей. Главнымъ образомъ, онъ весьма не согласенъ съ авторомъ и во взглядѣ на „житіе“ Климентово, которое, по мнѣнію почтеннаго московскаго профессора, заслуживаетъ довѣрія въ несравненно меньшей степени, нежели сколько расположенъ вѣрять ему г. Вороновъ, и можетъ быть признаваемо за источникъ только въ самомъ условномъ смыслѣ.

Заявляя столь категорически свое разномысліе съ авторомъ, рецензентъ представилъ прекрасный примѣръ строгаго безпристрастія, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудѣ г. Воронова и полезныя стороны: „Если мы не согласны“, говоритъ онъ,—„съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ во взглядахъ, то это, конечно, само собою значитъ, что мы признаемъ его взгляды неудовлетворенными и неправильными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не значитъ, чтобы мы осуждали научную неостоятельность и недоброкачественность его труда по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ этого послѣдняго. Всякій знаетъ, что критика сказаній о Константинѣ и Меодіи есть нѣчто своеобразное: здѣсь дѣло преимущественнымъ образомъ основывается не на прямыхъ и положительныхъ данныхъ, которыхъ не достаетъ, а на собственныхъ всякаго изслѣдователя соображеніяхъ. Но соображенія представляютъ собою

вещь весьма субъективную: вполне убѣдительно для одного, ни малѣйше не убѣдительно для другого. Мы не можемъ отказать труду г. Воронова въ замѣчательномъ научномъ достоинствѣ и въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ съ воззрѣніями автора мы вовсе или далеко не согласны. Защищая несостоятельную, по нашему мнѣнію, мысль, будто паннонскія житія первоначально были написаны по гречески, авторъ защищаетъ ее цѣлымъ рядомъ филологическихъ доводовъ, и если мы не можемъ признать за этими доводами убѣдительности, то во всякомъ случаѣ не можемъ не признать, что они суть плодъ самаго тщательнаго изученія текста житій. Не согласятся подобно намъ или согласятся съ авторомъ другіе—мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что подобное тщательное изученіе текста житій есть дѣло далеко не безплодное и не малоцѣнное. Не можемъ мы согласиться съ г. Вороновымъ и въ томъ, чтобы признавать авторомъ Климентова житія архіепископа Теофилакта; но не можемъ и не признать научнаго достоинства доказательствъ, которыми онъ хочетъ утвердить свою мысль, его сравненія нашего житія съ несомнѣнно принадлежащими Теофилакту сочиненіями, при чемъ получаютъ данныя, которыми воспользуются и люди съ нимъ не согласные.

„Не находимъ мы справедливымъ и возможнымъ отказать труду г. Воронова въ научномъ достоинствѣ тамъ, гдѣ мы съ нимъ не согласны. Но это несогласіе наше съ нимъ простирается не на все изслѣдованіе и не на все въ изслѣдованіи; оно касается одной только части послѣдняго (хотя и наиболѣе существенной). Въ остальномъ мы на большую половину совершенно согласны съ нимъ, а на меньшую половину могли бы предъявить только такія неважныя разногласія, изъ-за которыхъ не стоило бы поднимать нарочитаго спора.

„Позволимъ себѣ указать на то, что, по нашему мнѣнію, должно быть отмѣчено въ изслѣдованіи, какъ выдающееся. Считаая автора житія Мееодія принадлежащимъ не къ римской половинѣ церкви, хотя и признающимъ символъ православный, а къ половинѣ греческой (однимъ и тѣмъ же лицомъ съ авторомъ житія Константинова), изслѣдователь совершенно удовлетворительно разъясняетъ тѣ недоумѣнія которыя заставляли прежнихъ изслѣдователей причислять автора къ римской половинѣ церкви. Въ разборѣ пространнаго греческаго житія Климента изслѣдователь совершенно основательно опровергаетъ мнѣніе покойнаго Бодянскаго, принятое и многими другими, будто авторъ его—Славянинъ. Затѣмъ заслуживаетъ полного одобренія и не можетъ быть названа совсѣмъ неудачною попытка г. Воронцова доискать-

ся настоящаго смысла въ темныхъ и по буквальному смыслу несообразныхъ рѣчахъ автора о дѣятельности Климента. Въ разборѣ „Успенія св. Кирилла“ изслѣдователь дѣлаетъ столько же похвальную и также не удачную попытку разъяснить, откуда могла взятая эта Брегалница, какъ мѣсто проповѣднической дѣятельности Константина. „Написаніе о правой вѣрѣ“ изслѣдователь не находитъ возможнымъ признать за подлинное произведеніе Константина. Можетъ быть, авторъ не всѣхъ убѣдитъ своими доводами; но совсѣмъ неосновательно на нашъ взглядъ, или по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ основательно поступить тотъ, кто не обратитъ на нихъ серьезнаго вниманія и не взвѣситъ ихъ по надлежащему. Авторъ дѣлаетъ новую попытку объяснить загадочное слово „каонъ“, и попытку, едва ли не болѣе удачную всѣхъ прежнихъ“.

Г. Голубинскій заключаетъ свою рецензію заявленіемъ, что онъ признаетъ сочиненіе г. Воронова ученымъ изслѣдованіемъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ, которое при полной самостоятельности обладаетъ немалыми положительными достоинствами и представляетъ собою полезный вкладъ въ науку.

III.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западнo-Русскій край снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные д. чл. П. П. Чубинскимъ. 7 томовъ. С.-Пбургъ. 1872—1878.

Ближайшее рассмотрѣніе этого сочиненія было поручено академикамъ И. И. Срезневскому и А. Н. Веселовскому, изъ которыхъ первый принялъ на себя оцѣнку преимущественно лексической и грамматической стороны труда г. Чубинскаго, а второй всего того, что въ этомъ трудѣ относится до народной поэзіи.

По свидѣтельству г. Срезневскаго, сборникъ трудовъ экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ юго-западный край Руси, заключаетъ въ себѣ такое количество матеріаловъ, что долженъ занять первое мѣсто между сборниками разнаго рода, относящимися къ тому же краю. Въ семи большихъ томахъ содержатся разнообразныя записки о бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ народа и вообще разнаго рода свѣдѣнія, замѣтки о народной словесности и особенностяхъ народнаго языка. Матеріалы и изслѣдованія, вошедшіе въ составъ этого сборника, были разработаны

или же только приготовлены къ изданію разными лицами. Въ этомъ обстоятельствѣ г. Срезневскій видитъ причину, почему нѣкоторые отдѣлы сочиненія вышли значительно полнѣе, чѣмъ другіе, и почему въ обработкѣ различныхъ отдѣловъ нѣтъ общей внутренней связи. Въ разныхъ мѣстахъ сборника проглядываетъ намѣреніе отличить въ южно-русскомъ народѣ нѣсколько мѣстныхъ отдѣловъ; можно предположить, что и матеріалы были первоначально подбираемы по этимъ народнымъ отдѣламъ; но при изданіи сборника матеріалы распредѣлились по содержанию такъ, что народные отдѣлы смѣшались, затемнились, а въ тѣхъ случаяхъ, когда не было отмѣчено, гдѣ именно что записано, и совершенно пропали.

Обращаясь собственно къ филологической части сборника, а именно къ свѣдѣніямъ о южно-русскомъ нарѣччіи, или точнѣе, объ особенностяхъ видоизмѣненій этого нарѣччія, заключающимися въ VII томѣ сочиненія, академикъ Срезневскій свидѣтельствуетъ, что возбужденные здѣсь вопросы и сопровождающія ихъ объясненія очень поучительны и любопытны; но отвѣты на эти вопросы и сами по себѣ, а еще болѣе по небольшому числу мѣстностей, къ которымъ относятся, полезны преимущественно только въ смыслѣ случайныхъ дополненій къ объясненіямъ, приложенныхъ къ вопросамъ.

Другой рецензентъ, профессоръ Веселовскій, съ своей стороны, признаетъ помянутый сборникъ замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Экспедиція, руководителемъ которой былъ г. Чубинскій, должна была изслѣдовать въ этнографическо-статистическомъ отношеніи юго-западный край, то-есть, губерніи Кіевскую, Подольскую и Волынскую; но г. Чубинскій раздвинулъ предѣлы изслѣдованія и включилъ въ его районъ южныя части губерній Гродненской и Минской, западныя Люблинской и Сѣдлецкой и сѣверо-восточную часть Бессарабіи. Это доставило ему преимущество болѣе широкаго кругозора и большаго запаса матеріаловъ, которые затѣмъ надлежало подвергнуть внимательному разбору и редакціонной обработкѣ. Такимъ образомъ г. Чубинскій исполнилъ работу, потребовавшую много труда и времени и отрывшую для науки массу новыхъ данныхъ. Приписывая такимъ образомъ труду г. Чубинскаго важное значеніе, г. Веселовскій не умалчиваетъ однако о его недостаткахъ. Подобно первому рецензенту, акад. Срезневскому, г. Веселовскій полагаетъ, что они были неизбѣжны вслѣдствіе какъ значительности числа лицъ, участвовавшихъ въ составленіи сборника, такъ и обилія и разнообразія вошедшихъ въ него матеріаловъ. Подробному указанію на эти недостатки въ

тѣхъ отдѣлахъ сборника, которые относятся до народной поэзіи и народнаго быта, посвящена существенная часть рецензій г. Веселовскаго, въ которой онъ устраняетъ отъ своей оцѣнки, какъ не подлежащія суду Уваровской комиссіи, монографіи нѣкоторыхъ сотрудниковъ г. Чубинскаго, помѣщенные въ его сборникѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ, что „по богатству этнографическихъ данныхъ, онъ знаетъ лишь два труда, съ которыми можно сравнить матеріалы и изслѣдованія г. Чубинскаго: это — „Людь“ польскаго собирателя Кольберга и пока не оконченная „Библіотека сицилійскихъ народныхъ преданій“ Питрэ.

IV.

О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. М. Бережкова. С.-Пбургъ. 1879.

Профессоръ Варшавскаго университета А. И. Никитскій составилъ, по вызову Академіи, подробный и обстоятельный разборъ сочиненія г. Бережкова. Сущность замѣчаній ученаго рецензента сводится къ слѣдующему:

Едва ли какая-либо отрасль древне-русской исторіи можетъ похвалиться такимъ значительнымъ приращеніемъ важныхъ матеріаловъ за послѣднее время, какъ исторія торговли древней Руси съ Ганзой. Это обстоятельство весьма естественно должно было привлекать изслѣдователей къ занятіямъ по этому интересному предмету; но только лишь въ самое послѣднее время являются у насъ настоящія попытки воспользоваться новыми матеріалами въ широкихъ размѣрахъ, извлечь изъ нихъ данныя для объясненія происхожденія Ганзейскаго союза и характера его дѣятельности. Къ числу такихъ попытокъ относится трудъ г. Бережкова; онъ заслуживаетъ нашего вниманія, какъ опытъ разработки данныхъ о томъ участіи, которое въ составѣ Ганзейскаго союза принадлежало древней Россіи.

Авторъ самъ очертилъ принятую имъ на себя задачу слѣдующимъ образомъ: „Въ настоящемъ трудѣ мы поставили себѣ... задачу, чтобы на основаніи документовъ и лѣтописныхъ данныхъ восполнить свѣдѣнія о торговлѣ Новгорода и Западной Руси съ Ганзой до закрытія Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ въ 1494 году, и представить критическую повѣрку выводовъ, сдѣланныхъ въ прежнихъ ученыхъ трудахъ. Не рассчитываемъ на полную обработку всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ и не надѣемся вездѣ въ новомъ свѣтѣ представить предметъ, однако рѣшаемся исполнить нашу задачу

именно въ предложенныхъ размѣрахъ, руководствуясь тою мыслью, что болѣе широкая постановка задачи удобнѣе для достиженія цѣльнаго взгляда на предметъ и для лучшей оцѣнки фактовъ, смыслъ которыхъ полнѣе отрывается въ томъ случаѣ, когда они подводятся подъ одну общую идею". Соглашаясь съ авторомъ относительно выгодъ широкой постановки задачи, г. рецензентъ указываетъ на то, что дѣло имѣетъ и свою обратную сторону, и что неудобства, вытекающія изъ послѣдней, врядъ ли не перевѣшиваютъ въ настоящемъ случаѣ выгоды первой. Широкая постановка задачи въ историческихъ трудахъ можетъ давать плодотворные результаты только тогда, когда при изученіи дѣла не приходится идти цѣльною, когда подлежащія разсмотрѣнію фактическія данныя значительно подготовлены, когда по отдѣльнымъ вѣтвямъ предмета имѣется достаточный запасъ частныхъ изслѣдованій. А въ вопросѣ о ганзейской торговлѣ на Руси дѣйствительность представляетъ, за немногими исключеніями, прямую противоположность этимъ условіямъ. Поэтому скорѣе можно было бы ожидать, что ограниченіе работы одною какою-либо мѣстностью Русской земли дало бы гораздо болѣе плодотворные результаты какъ въ отношеніи правильной оцѣнки фактовъ, такъ и въ отношеніи даже цѣльности взгляда на иноземную торговлю на Руси, чѣмъ общее обзорѣніе, принужденное зачастую отказываться отъ удовлетворенія самымъ существеннымъ научнымъ требованіямъ. Если же авторъ предпочелъ поставить себѣ задачей изображеніе ганзейско-русской торговли во всемъ ея объемѣ, то это — его добрая воля, и критикѣ остается только послѣдовать за нимъ и опредѣлить, на сколько выполнена имъ эта задача, то-есть, на сколько достигнута имъ цѣльность взгляда на предметъ, на сколько представляетъ собою гарантію научности сдѣланная имъ критическая оцѣнка выводовъ и фактовъ, и наконецъ, на сколько сочиненіе его возмѣщаетъ пробѣлы прежнихъ работъ въ отношеніи полноты данныхъ. Такой немаловажный трудъ исполнилъ г. Никитскій въ составленной имъ рецензій. Онъ замѣчаетъ въ ней, что внѣшнимъ образомъ г. Бережкову не удалось совладѣть со своимъ обширнымъ матеріаломъ. Въ строгомъ смыслѣ обзорѣніе торговли Руса съ Ганзой должно быть внутреннею исторіей этой торговли, и въ качествѣ таковой, слѣдовать своему особому порядку, въ которомъ историческое и предметное изложеніе дѣла должны быть строго разграничены. Но такого разграниченія у г. Бережкова нѣтъ; у него скорѣе замѣчается наклонность къ смѣшенію обоихъ этихъ моментовъ въ одно безразличное цѣлое — об-

стоятельство, отнимающее у сочиненія значительную долю его наглядности. Отсутствие внѣшней наглядности есть всегда до нѣкоторой степени вѣрный признакъ недостаточности общаго цѣльнаго взгляда на предметъ. И дѣйствительно, если въ данномъ случаѣ подъ цѣлностію взгляда понимать не простое обозрѣніе ганзейской торговли во всѣхъ краяхъ древней Россіи, а отчетливое изображеніе отличительнаго характера этой торговли въ ея мѣстномъ и историческомъ развитіи, то въ этомъ смыслѣ трудъ г. Бережкова оставляетъ желать еще многого. Останавливаясь съ любовью на второстепенныхъ чертахъ, авторъ какъ-то неохотно касается главныхъ, отъ которыхъ больше всего зависитъ цѣлость взгляда. Отъ труда, претендующаго на цѣльность взгляда, всего естественнѣе ожидать обстоятельнаго разъясненія такихъ существенныхъ вопросовъ, каковы, на примѣръ, вопросы о характерѣ купли - продажи, объ активномъ участіи Русскихъ въ торговлѣ, объ относительной выгодности торговли для заинтересованныхъ сторонъ, объ особенностяхъ торговаго быта въ разныхъ краяхъ древней Россіи и т. п. А между тѣмъ, именно эти вопросы и оставлены авторомъ почти совершенно въ тѣни и не разработаны въ той мѣрѣ, какая желательна и возможна по количеству имѣющихся уже данныхъ. Затѣмъ, едва ли не самую слабую часть труда г. Бережкова является изображеніе историческаго развитія ганзейской торговли на Руси въ послѣдніе два вѣка ея существованія. Конечно, было бы несправедливо утверждать, что г. Бережковъ не удѣляетъ этому предмету никакого вниманія. Напротивъ, у него есть даже особая (VI) глава, посвященная исключительно обозрѣнію исторіи торговли XIII, XIV и XV вѣковъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ Новгородѣ. Но эта глава носитъ совершенно внѣшній характеръ, и есть исторія не столько торговыхъ отношеній, сколько враждебныхъ столкновеній между Новгородцами и Нѣмцами и вытекавшихъ отсюда перерывовъ въ торговлѣ и новыхъ торговыхъ договоровъ. А между тѣмъ исторія торговли есть по преимуществу внутренняя исторія. Она должна давать намъ разъясненіе внутреннихъ вопросовъ, которые волновали торговый міръ, и для которыхъ внѣшніе событія были только видимымъ отраженіемъ. Хотя въ главахъ, посвященныхъ внутренней характеристикѣ торговли, встрѣчаются замѣчанія и на счетъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждались торговыми отношеніями въ позднѣйшее время, однако вопросы эти затрогиваются тамъ мимоходомъ, и вслѣдствіе того, остаются обыкновенно недостаточно выясненными. Къ числу

недостатковъ исторической части сочиненія г. Бережкова нужно отнестн также совершенное отсутствіе данныхъ о постепенномъ сокращеніи торговли послѣ катастрофы 1494 г., въ особенности же недостаточное вниманіе къ разъясненію причинъ этого упадка.

Переходя къ оцѣнкѣ критическихъ приѣмовъ г. Бережкова въ приложеніи къ установленію имъ цѣлыхъ группъ фактовъ или отдѣльныхъ фактическихъ данныхъ, г. Никитскій представляетъ въ своей рецензій длинный рядъ любопытныхъ соображеній, дающихъ возможность точнымъ образомъ взвѣсить достоинство труда г. Бережкова по отдѣльнымъ вопросамъ, входящимъ въ составъ его задачи.

Сводя въ одно цѣлое результаты сдѣланнаго имъ разбора, рецензентъ признаетъ, что трудъ г. Бережкова далеко не вполне отвѣчаетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя въ настоящее время могутъ быть предъявлены къ сочиненію, имѣющему своимъ предметомъ торговлю древней Руси съ Ганзою. Многие изъ существенныхъ вопросовъ, поставленныхъ уже предшествующими трудами и ожидавшихъ новаго освѣщенія отъ массы собраннаго за послѣднее время матеріала, или вовсе оставлены авторомъ безъ отвѣта, или затронуты слишкомъ слабо, или же наконецъ, рѣшены не совсемъ правильно. Точно также и критика г. Бережкова оставляетъ желать еще многаго. Въ нѣкоторыхъ, хотя и довольно рѣдкихъ случаяхъ, авторъ пользуется сомнительными источниками, какъ несомнѣнными, и принимаемыми только къ свѣдѣнію пособіями, какъ вполне научными. Но въ особенности должно быть выставлено на видъ, что г. Бережковъ не всегда строго придерживается фактическаго изслѣдованія и позволяетъ себѣ замѣщать его по временамъ вѣроятными коньектурами, которыя, какъ оно и естественно при такихъ условіяхъ, выходятъ часто не довольно удачными. Но съ другой стороны, трудъ г. Бережкова имѣетъ и свои положительныя достоинства. Онъ обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ литературой предмета; но главное — въ немъ собрано значительное количество данныхъ, не только такихъ, которыя замѣчены были уже предшествующими работами, но и много новыхъ, почерпнутыхъ впервые изъ накопленнаго за послѣднее время матеріала. Данныя эти переданы авторомъ въ общепонятной формѣ, дѣлающей пользованіе ими возможнымъ даже для лицъ, незнакомыхъ съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которомъ они первоначально написаны. Заслуга эта тѣмъ болѣе достойна вниманія, что, по справедливому замѣчанію автора, чтеніе

древне-нѣмецкихъ актовъ уже само по себѣ дѣло далеко не легкое, и что поэтому передача ихъ могла совершиться не безъ напряженія и труда. Принимая въ соображеніе въ особенности это послѣднее обстоятельство, рецензентъ признаетъ, что сочиненіе г. Бережкова заслуживаетъ ученаго поощренія.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, комиссія положила благодарить, именовъ Академіи, А. А. Потемну, Е. Е. Голубинскаго и А. И. Никитскаго за содѣйствіе, оказанное ей при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій и въ изъявленіе этой признательности присудила имъ установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

19-го марта нынѣшняго года происходило первое годовое собраніе общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Какъ извѣстно, общество это возникло весьма недавно, послѣ того какъ въ августѣ 1877 года состоялся въ Казани четвертый русскій археологическій съѣздъ, замѣтно пробудившій интересъ къ изученію древности и народности на среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ и въ Приуральскомъ краѣ. Предсѣдателемъ названнаго общества состоитъ попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковъ, товарищемъ его—профессоръ С. М. Шпилевскій, а секретаремъ—доцентъ Н. П. Загоскинъ. Въ засѣданіи 19-го марта г. Шпилевскій произнесъ любопытную рѣчь, въ которой яркими чертами намѣтилъ важнѣйшія задачи, подлежащія вновь основанному обществу, а также указалъ и на то, въ чемъ можетъ выразиться содѣйствіе обществу со стороны мѣстныхъ жителей. Изложеніе содержанія этой рѣчи всего лучше можетъ служить введеніемъ къ обзору того, что уже сдѣлано обществомъ въ первый годъ его существованія.

Указавъ, что, согласно уставу, общество имѣетъ цѣлью „изученіе прошедшаго и настоящаго русскаго и инородческаго населенія въ территоріи бывшихъ Булгарско-Хазарскаго и Казанско-Астраханскаго царствъ съ прилежащими къ ней мѣстностями“, и затѣмъ очертивъ нѣсколькими словами главныя историческія эпохи, пережитыя среднимъ Поволжьемъ—булгарскую, татарскую, и наконецъ, русскую, въ теченіе которыхъ этотъ край оставался неизмѣнно мѣстомъ торговаго

обмѣна между Европой и Азіей, а съ водвореніемъ русскаго владычества стала и исходнымъ пунктомъ поступательнаго движенія европейско-русской культуры на азиатскій востокъ,—г. Шпилевскій сдѣлалъ перечень тѣхъ памятниковъ, которые остались въ краѣ отъ этихъ трехъ моментовъ его исторической жизни. „Первыми важнѣйшими памятниками быта древнихъ обитателей нашего края“, сказалъ г. Шпилевскій,—„я считаю такъ-называемые памятники вещественные... На всемъ пространствѣ, которое составляетъ предметъ спеціального изученія нашего общества, находится множество городищъ и кургановъ“. Но до сихъ поръ они не были обследованы вполнѣ научно. Дать научное направленіе изысканіямъ въ этой области составляетъ—по убѣжденію г. Шпилевскаго—одну изъ важнѣйшихъ обязанностей Казанскаго общества. Но для объясненія курганныхъ находокъ иногда бываетъ недостаточно спеціально-археологическихъ свѣдѣній, нужно еще пособіе антропологии для опредѣленія череповъ и костяковъ и пособіе химіи для опредѣленія состава тѣхъ сплавовъ, изъ коихъ бываютъ сдѣланы нѣкоторые находимыя въ курганахъ вещи. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію г. Шпилевскаго, новому археологическому обществу желательно встрѣтить помощь отъ Казанскаго общества естествоиспытателей, между тѣмъ какъ со стороны большинства мѣстныхъ жителей содѣйствіе должно выразиться въ охранѣ кургановъ и городищъ отъ невѣжественнаго и неумѣлаго прикосновенія, отъ поврежденія и уничтоженія.

Продолжая обзорѣніе древнихъ памятниковъ на среднемъ Поволжьи, г. Шпилевскій останавливается на мусульманскихъ могилахъ; могилы эти, говоритъ онъ,—„не представляютъ возвышенностей, кургановъ, но древнѣйшія изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе находимыми при нихъ надгробными надписями, которыя имѣютъ очень важное значеніе при отсутствіи другихъ современныхъ имъ памятниковъ мусульманской письменности, принадлежащихъ предѣламъ Булгарскаго царства“. На нѣкоторыхъ изъ этихъ надписей, восходящихъ къ XIV вѣку, знатоки видятъ слѣды чувашскаго языка, а таковой фактъ наводитъ на предположеніе, что въ Булгарскомъ царствѣ господствовалъ тюркскій элементъ, къ которому принадлежитъ и Чувашское племя. Разъясненія этихъ надписей г. Шпилевскій справедливо ожидаетъ отъ ориенталистовъ, принадлежащихъ къ составу Казанскаго археологическаго общества, а къ мѣстнымъ жителямъ обращаетъ также просьбу о сохраненіи этихъ памятниковъ и объ указаніи ихъ новому обществу.

Далѣе г. Шпилевскій переходитъ къ исчисленію другихъ, болѣе мелкихъ вещественныхъ памятниковъ, нерѣдко находимыхъ въ среднемъ Поволжьѣ. Таковы прежде всего многочисленныя болгарскія древности, прекрасная коллекція которыхъ уже составлена однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстныхъ знатоковъ и любителей, А. О. Лихачевымъ; таковы каменные орудія, богатые запасы которыхъ въ недавнее время найдены между прочимъ подъ самою Казанью; таковы и различныя восточныя монеты, собираніе которыхъ уже издавна составляло предметъ вниманія любителей въ Казанскомъ краѣ; таковы наконецъ и вещественныя древности русскія, между которыми встрѣчаются иногда предметы XIII и XII вѣковъ, стало быть, изготовленные гораздо ранѣе, чѣмъ край вошелъ въ составъ русскихъ владѣній. Въ отношеніи всѣхъ подобныхъ предметовъ мѣстные жители могутъ служить указаніями, сообщеніемъ свѣдѣній, и наконецъ, предоставленіемъ самыхъ вещей въ распоряженіе или собственность общества.

Кромѣ памятниковъ вещественныхъ, вновь устроившееся общество должно, по мнѣнію г. Шпилевскаго, — обратить вниманіе и на памятники письменности, какъ русской, такъ и мусульманской. „Принятіе особенныхъ мѣръ къ приведенію въ извѣстность и сохраненію старинныхъ рукописей, хранящихся въ разныхъ болѣе или менѣе официальныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ, представляется“, говоритъ г. Шпилевскій, — „важнѣйшею задачею дѣятельности нашего общества“. Приведа затѣмъ рядъ примѣровъ того, какіе важные и любопытные рукописные документы извѣстны въ собственности разныхъ частныхъ лицъ въ краѣ, отъ дворянства до крестьянъ-инородцевъ, г. Шпилевскій выражаетъ надежду, что эти лица не откажутъ въ доставленіи обществу принадлежащихъ имъ рукописей.

Указавъ затѣмъ, что въ число предметовъ занятій новаго общества входитъ и этнографія, г. Шпилевскій заявляетъ, что и въ этомъ отношеніи Казанскій край, со своимъ пестрымъ населеніемъ, можетъ представить богатый предметъ для изученія, и потому высказываетъ мысль, что на обязанности общества должно лежать прежде всего составленіе и распространеніе обстоятельной этнографической программы, по которой могли бы быть собираемы свѣдѣнія для общества, а также образованіе мѣстнаго этнографическаго музея. Въ этомъ отношеніи г. Шпилевскій надѣется на содѣйствіе общества не только со стороны отдѣльныхъ лицъ, но и земства губерніи, и затѣмъ за-

ключаетъ свою рѣчь горячимъ призывомъ всѣхъ мѣстныхъ жителей трудиться на пользу науки и своей родины.

Если прекрасная рѣчь г. Шпилевскаго можетъ служить вполне убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ Казани проявляется сознательное стремленіе къ изученію мѣстной старины и народности, то факты изъ перваго года существованія Казанскаго общества археологій, исторіи и этнографіи могутъ засвидѣтельствовать и то, что это стремленіе начинаетъ уже осуществляться, и притомъ съ замѣтнымъ успѣхомъ. Это видно, какъ изъ мѣръ, принятыхъ совѣтомъ общества для приведенія въ извѣстность разныхъ памятниковъ древности, такъ и изъ работъ и сообщеній, уже представленныхъ обществу отдельными его членами.

Къ числу мѣръ общихъ должно отнести: 1) обнародованіе обществомъ извѣщенія о его открытіи и приглашенія сообщать ему свѣдѣнія о разнаго рода древностяхъ; 2) установленіе удостовѣрительныхъ листовъ для лицъ, которыя предпринимаютъ какія-либо изысканія, соответствующія цѣлямъ общества, и въ особенности, 3) мѣры относительно церковныхъ архивовъ: при многихъ церквяхъ Казанской епархіи имѣются богатые архивы, въ которыхъ можно разчитывать найти болѣе или менѣе цѣнные матеріалы для исторіи Казанскаго края; по большей части архивы эти плохо сохраняются, а нѣкоторые подверглись и истребленію; въ виду этого общество, по предложенію одного изъ своихъ членовъ И. А. Износкова, вошло съ ходатайствомъ къ архіепископу Казанскому и Свѣжскому Антонію о дозволеніи членамъ его разсматривать церковные архивы и пользоваться ими для научныхъ цѣлей.

Сообщенія отдельныхъ членовъ, поступившія въ общество въ теченіе перваго года его существованія, касались какъ письменныхъ памятниковъ, такъ и вещественныхъ, а именно нумизматическихъ находокъ, каменныхъ орудій, церковныхъ древностей, и наконецъ, развалинъ древнихъ сооружений.

По части письменныхъ памятниковъ секретарь общества Н. П. Загоскинъ сообщилъ о приготовленномъ имъ къ изданію собраніи актовъ XVII вѣка, составляющихъ архивъ князя В. И. Баюшева и содержащихъ въ себѣ данныя для исторіи Арзамасскаго, Алатырскаго, Симбирскаго и сопредѣльныхъ съ ними уѣздовъ, а членъ В. К. Савельевъ увѣдомилъ общество о весьма значительномъ собраніи столбцовъ XVII вѣка, хранящемся въ Нижегородской гимназіи.

Къ области русскихъ же древностей, найденныхъ въ предѣлахъ

Базанскаго края, относились еще сообщенія В. К. Сзвельева о кладѣ древне-русскихъ монетъ, вновь открытою въ Казанскомъ кремлѣ, и сообщеніе протоіерея П. Е. Заринскаго объ открытой имъ въ г. Козмодемьянскѣ древней каменной иконѣ. Уже во время Казанскаго археологическаго съѣзда академикъ И. И. Срезневскій обратилъ вниманіе на два каменные рѣзные образка XIII—XIV вв., находящіеся одинъ въ ризницѣ Казанскаго кафедральнаго собора, а другой—въ Свяжскомъ женскомъ монастырѣ, и выразилъ мнѣніе, что эти образки служить памятниками существованія христіанства въ Болгаро-Казанскомъ краѣ задолго до покоренія его Русскими. П. Е. Заринскій указалъ на рядъ подобныхъ же находокъ въ селахъ Болгарахъ и Ишакахъ и въ городахъ Цивильскѣ и Козмодемьянскѣ. Изложивъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ распространеніе христіанства въ Болгаро-Казанскомъ краѣ со временъ Владиміра Святаго до 1552 г. и обозначивъ нѣкоторыя мѣстности, служившія здѣсь центрами христіанства, о. Заринскій сдѣлалъ предположенія о томъ, какой именно христіанской общинѣ могла принадлежать та или другая икона. Всѣ найденныя мѣстныя иконы—изъ твердаго аспіда различныхъ цвѣтовъ, и нѣкоторыя изъ иконъ, въ особенности Болгарская, Ишакская и Свяжская, болѣе совершенной, можетъ быть, не русской работы, а прочія—мѣстнаго происхожденія. Вновь открытый въ Козмодемьянскѣ образокъ сохранился вполне и представляетъ изображеніе св. Николая, вокругъ котораго вырѣзано изображеніе семи отроковъ въ Ефесѣ. Мѣра иконы $\frac{3}{4}$ вершка, съ обѣихъ сторонъ надписи: **НИКОЛА—ОТРОКИ**. Образокъ въ хорошо сохранившемся филигранномъ серебряномъ окладѣ, который сверху оканчивается серебрянымъ чеканнымъ ушкомъ, и на ушкѣ Спасовъ нерукотворенный образъ. Козмодемьянская икона относится знатоками, которымъ о. Заринскій послалъ фотографическіе снимки съ нея, къ XIII—XIV столѣтіямъ.

Относительно находокъ по части древностей каменнаго вѣка въ общество поступили заявленія гг. Заусайлова, Кротова и А. Θ. Лихачева. Последнимъ остатки каменнаго вѣка найдены въ ближайшей окрестности г. Казани, за Ново-Татарскою слободою, на заливной равнинѣ на берегу озера, неподалеку отъ дороги къ Бакалдинской пристани. Составленное здѣсь г. Лихачевымъ собраніе заключаетъ въ себѣ куски кремней, служившіе матеріаломъ, долотушки и шлифовальные камни, орудія обдѣланныя вчервь, орудія не додѣланныя и обломавшіяся при отдѣлѣ, разнаго рода орудія вполне обдѣланныя и шлифованныя, и наконецъ, множество осколковъ, образовав-

шихся при отбиваніи камня. Все это заставляетъ предполагать, что мѣстность, въ которой найдены орудія, служила для самаго производства ихъ.

Но самымъ важнымъ научнымъ результатомъ, который дала дѣятельность Казанскаго общества за первый годъ его существованія, должно считать обследованіе Увекскаго городища въ Саратовской губерніи. Членъ общества П. А. Пономаревъ посѣтилъ эту мѣстность, находящуюся у деревни Набережнаго Увека въ 12 верстахъ къ югу отъ Саратова, въ августѣ 1878 года, и результаты своего осмотра, вмѣстѣ съ найденными тамъ предметами, представилъ обществу. Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ другимъ членамъ, а именно С. М. Шпилевскому и В. М. Флоринскому, сообщить собранныя имъ въ литературѣ свѣдѣнія объ Увекѣ, а также побудило бывшаго профессора Казанской духовной академіи Г. С. Саблукова препроводить въ общество составленное имъ въ 1846 году, но до сихъ поръ не напечатанное, изслѣдованіе объ этомъ же татарскомъ городѣ, тѣмъ болѣе любопытное, что въ немъ находится и описаніе Увекскихъ развалинъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Такимъ образомъ собрался богатый матеріалъ для подробной монографіи объ Увекѣ, обработку которой и принялъ на себя г. Пономаревъ. Изъ сообщенія г. Шпилевскаго и изслѣдованія г. Саблукова оказывается, что древнѣйшія извѣстія объ Увекѣ, или какъ его называли Монголы — Укекѣ (валъ-плотина); восходятъ къ XIII в., и что разрушенъ онъ былъ Тамерланомъ. Такому періоду существованія Увека соотвѣтствуютъ и найденныя на его городищѣ русскія и восточныя монеты: древнѣйшія изъ нихъ относятся къ послѣдней четверти XIII в., а позднѣйшія — къ третьей четверти XIV столѣтія. Въ слѣдующіе вѣка въ историческихъ памятникахъ и вообще въ литературныхъ источникахъ находятся упоминанія только о городищѣ или развалинахъ Увека. Переименованіе его изъ Увека въ Увекъ, по замѣчанію члена же Казанскаго общества Н. И. Золотницкаго, объясняется законами чувашскаго языка, въ которомъ *и* и *к* переходятъ иногда въ *в*. Нынѣшніе остатки его, какъ видно изъ предварительнаго сообщенія г. Пономарева, находятся на склонѣ горы, обращенномъ къ Волгѣ; такое положеніе города дѣлало его весьма важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ, но въ то же время такое положеніе объясняетъ и постепенное исчезновеніе его развалинъ: онѣ размываются весенними разливами рѣки и дождевыми потоками. По словамъ г. Пономарева, на Увекскомъ горо-

дищѣ были находимы слѣдующіе предметы: 1) древніе фундаменты изъ бутоваго камня съ кирпичною кладкой сверху, обнаруженные въ прошломъ году при выработкѣ бута для замощенія саратовскихъ улицъ; 2) узорчатые плитняковые камни въ формѣ параллелепипедовъ, кубовъ, карнизовъ и пр.; 3) водопроводныя гончарныя трубы небольшого калибра, которыя на ряду съ другими остатками зданій указываютъ на значительное городское благоустройство Увека; 4) человѣческія кости, въ громадномъ количествѣ встрѣчающіяся въ предѣлахъ нижней береговой террасы, а равно кости допотопныхъ животныхъ и животныхъ домашнихъ; 5) различнаго рода домашняя утварь металлическая и глиняная: кувшины, чашки, металлическія зеркала и т. п.; 6) двѣ аллебарды, исчезнувшія во время пожара изъ церковной сторожки с. Увека и составляющія единственное оружіе, когда-либо поднятое на Увекскомъ городищѣ; 7) идолы (божки) изъ камня и серебра, находившіяся въ коллекціи К. Я. Маурина и указывающіе—по мнѣнію г. Пономарева—на существованіе здѣсь города въ до-магометанскую эпоху; 8) джучидскія монеты, серебряныя и мѣдныя, находимыя какъ отдѣльными экземплярами, такъ и цѣлыми кладами, а также чеканная машинка и значительные куски мѣди, какъ матеріалъ денежнаго производства; 9) вещи, служившія въ качествѣ украшеній: пронизки, подвѣски, кольца, браслеты, золотыя перстни и т. п. Кромѣ этихъ предметовъ, извѣстно о существованіи еще двухъ находокъ на Увекскомъ городищѣ—серебряной вещицы, имѣвшей форму лагушки, и печати изъ темнаго камня съ именемъ Михаила, князя Черниговскаго (эта печать была представлена на III-мъ археологическомъ съѣздѣ); лѣтъ тридцать тому назадъ существовала коллекція увекскихъ находокъ у архіепископа Саратовскаго Аеанасія, а позже таковыя же собранія были составлены владѣльцемъ мѣстности, гдѣ находятся развалины, К. Я. Мауринымъ и священникомъ с. Набережнаго Увека А. И. Дроздовымъ. Но вообще, при отсутствіи въ Саратовѣ собирателей, предметы, находимые среди развалинъ Увека, идутъ на переплавъ или же употребляются крестьянами въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду постепеннаго уничтоженія Увекскихъ развалинъ отъ разливовъ Волги, дождевыхъ потоковъ и отъ того, что остатки древнихъ построекъ Увека нынѣ добываются изъ прибережныхъ кучугуръ въ видѣ бутоваго камня, поставляемаго г. Мауринымъ по подряду Саратовской городской управѣ, г. Пономаревъ предложилъ обществу изыскать способы къ охраненію и изученію тѣхъ остатковъ увекской

древности, которые еще не подверглись уничтоженію или расхищенію. Совѣтъ общества входилъ по этому поводу въ сношеніе съ бывшимъ начальникомъ Саратовской губерніи М. Н. Галицинымъ-Врасскимъ и просилъ его передать г. Маурину просьбу общества о снятіи плановъ съ остатковъ города, обнаруживающихся по мѣрѣ эксплуатаціи кучугуръ, и по возможности, объ описаніи ихъ. Нельзя не пожелать, чтобъ это ходатайство Казанскаго общества увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ; въ случаѣ успѣха общество окажетъ значительную услугу науцѣ и въ успѣхѣ этомъ почерпнетъ, безъ сомнѣнія, самое живое и свѣтлое ободреніе дальнѣйшимъ своимъ трудамъ по изученію мѣстныхъ древностей.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕР- СИТЕТѢ.

15-го октября текущаго года происходило въ Москвѣ, въ зданіи Политехническаго музея, годичное собраніе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Собраніе было открыто краткою вступительною рѣчью президента общества Г. Е. Щуровскаго, а затѣмъ секретарь А. А. Тихомировъ прочелъ некрологъ нѣсколькихъ скончавшихся въ истекшемъ году членовъ общества и представилъ отчетъ о его дѣятельности за послѣдній годъ. Дѣятельность общества состояла преимущественно въ приготовленіи и устройствѣ антропологической выставки и въ содѣйствіи обществу акклиматизаціи по устройству зоологическаго сада. Что касается выставки, то о ходѣ подготовительныхъ къ ней работъ лучше всего свидѣлствуютъ три огромные тома трудовъ комитета выставки, заключающіе въ себѣ не только изложеніе дѣйствій комитета, но и рядъ научныхъ докладовъ изъ области антропологии, этнографіи и археологіи. О результатахъ выставки г. Тихомировъ предоставилъ сообщить другому лицу. Дѣятельность общества по реорганизациіи Московскаго зоологическаго сада состояла въ устройствѣ при немъ лабораторіи и въ выпискѣ разныхъ животныхъ породъ. На лабораторію издержано обществомъ до 2,000 р. Бромъ того, общество доставило саду 5,000 рублей, полученныхъ отъ И. С. Ананова, и 600 руб., полученныхъ отъ В. Д. Коншина,— послѣдніе специально на выписку русскихъ животныхъ, которыя, именно сайги и разныя породы птицъ, и были дѣйствительно приобретены

для сада въ Сарептѣ; наконецъ, въ самое послѣднее время въ пользу сада поступило отъ предсѣдателя Нижегородскаго ярмарочнаго комитета В. П. Мошина 2,000 руб., специально назначенныхъ на устройство заведенія для вывода и откармливанія бѣлыхъ свиней. Изъ ученыхъ трудовъ общество издало въ истекшемъ году: замѣчательный трудъ М. П. Усова „Исторія развитія головоногихъ слизняковъ“, со многими таблицами, пятый выпускъ перваго тома трудовъ общества акклиматизаціи и зоологическаго сада и описаніе ленточныхъ глистовъ, собранныхъ А. П. Федченкомъ въ Туркестанѣ. Послѣднее сочиненіе, составившее одинъ изъ выпусковъ многотомнаго путешествія въ Туркестанъ А. П. Федченка, было составлено для общества иностраннымъ зоологомъ, г. Краббе, и переведено на русскій языкъ А. П. Богдановымъ. Кроме того, въ настоящее время приготовлено къ изданію нѣсколько слѣдующихъ выпусковъ путешествія въ Туркестанъ А. П. Федченка, а также 2-й томъ трудовъ лабораторіи зоологическаго музея, семь таблицъ къ которому уже отпечатаны. Общество имѣло въ истекшемъ году 18 засѣданій, въ которыхъ было сдѣлано до 70 рефератовъ; значительное число это объясняется тѣмъ, что по случаю антропологической выставки было два съѣзда инородныхъ и иностранныхъ ученыхъ. Услуги, оказанныя обществу разными лицами при устройствѣ антропологической выставки, побудили общество выразить имъ благодарность избраніемъ ихъ въ свои почетные члены.

Послѣ отчета секретаря общества слѣдовалъ отчетъ о дѣятельности антропологическаго отдѣла общества, прочитанный секретаремъ отдѣла Д. Н. Анучинимъ. Дѣятельность отдѣла въ истекшемъ году была всецѣло поглощена антропологическою выставкою, съ комитетомъ которой онъ совместно и дѣйствовалъ. Сообщивъ подробно объ изданіяхъ комитета и отдѣла, а также о распредѣленіи оставшихся послѣ выставки вещей, большая часть которыхъ имѣетъ поступить, по постановленію общества, въ антропологическій музей Московскаго университета, г. Анучинъ далъ нѣсколько свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ выставки. Всего выставку посетило 81,446 человекъ, давшихъ сбора 35,601 руб., сумма крайне незначительная по соотвѣтствію съ затратами общества и съ его надеждами. Это обстоятельство поставило было комитетъ въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ образовался дефицитъ до 35,000 руб.; но въ послѣднее время болѣе половины дефицита уже покрыто, благодаря пожертвованіямъ и содѣйствію А. К. Трапезникова, В. Д. Коншина,

С. М. Третьякова и Д. С. Полякова. Комитетъ надеется, что въ скоромъ времени и остальные счета будутъ уплачены, и обществу не долго придется переживать тяжелое положеніе отъ денежнаго неуспѣха выставки, облегчающагося только сознаниемъ, что трудъ исполненъ былъ добросовѣстно, заслужилъ одобреніе многихъ компетентныхъ лицъ и не пройдетъ безслѣдно въ ходѣ развитія антропологии въ Россіи.

Также слѣдовали отчеты по отдѣлу этнографіи—Е. В. Барсова, по отдѣлу физическихъ наукъ—А. С. Владимірскаго и по дѣятельности Политехническаго музея—Д. А. Наумова.

Отдѣлъ этнографіи понесъ въ истекшемъ году чувствительную потерю въ лицѣ двухъ своихъ членовъ: С. М. Соловьева и П. М. Апостольскаго. Кромѣ трехъ засѣданій, дѣятельность отдѣла выразилась еще въ содѣйствіи антропологической выставкѣ и въ двухъ коммиссіяхъ, изъ коихъ одна была составлена для разбора рѣшеній волостныхъ судовъ, собранныхъ въ Архангельской губерціи г. Ефименкомъ, а другая—для выработки программы по составленію этнографическихъ коллекцій для губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

Дѣятельность отдѣла физическихъ наукъ выразилась главнымъ образомъ въ трудахъ его коммиссій, особенно коммиссіи по составленію коллекцій прикладной физики при Политехническомъ музеѣ, которая имѣла 18 засѣданій и занималась исполненіемъ разныхъ музейскихъ коллекцій. Въ настоящее время коммиссія занимается, между прочимъ, подготовленіемъ коллекцій для предстоящей мануфактурной выставки, избравъ для начала коллекціи по полученію огня и по исторіи гальваническихъ элементовъ. Кромѣ того, въ отдѣлѣ былъ въ истекшемъ году возбужденъ вопросъ объ ученыхъ телеграфистахъ, именно о томъ, что должно входить въ кругъ знаній образованнаго телеграфиста. При содѣйствіи г. помощника начальника телеграфнаго управленія въ Москвѣ, г. Абрама, отдѣлъ выработалъ подробную программу преподаванія въ училищѣ для телеграфистовъ, открытіе котораго уже давно имѣется въ виду. Много интересныхъ матеріаловъ было собрано также другою коммиссіей при отдѣлѣ, состоящею подъ предсѣдательствомъ г. Вейнберга и основанною съ цѣлью изслѣдовать уменьшеніе водъ въ рѣкахъ и озерахъ.

Изъ отчета о дѣятельности Политехническаго музея видно какъ постоянное внутреннее развитіе этого учрежденія, такъ и все болѣе и болѣе развивающееся вниманіе къ нему русскаго общества. Въ истекшемъ году музей былъ посѣщенъ его императорскимъ высоче-

ствомъ, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и при содѣйствіи его высочества, обогатился интересною коллекціей тиглей и матеріаловъ, идущихъ на ея приготовленіе, полученною отъ Обуховскаго сталелитейнаго завода. Г. министръ финансовъ также посѣтилъ музей въ отчетномъ году, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на коллекціи по кустарнымъ промысламъ Московской губерніи, приготовляемыя для мануфактурной выставки 1881 года, и выразилъ желаніе, чтобъ эти промыслы были на ней представлены возможно полнѣе. Со времени открытія музея въ настоящемъ его помѣщеніи, въ немъ было устроено комитетомъ музея 57 воскресныхъ объясненій по разнымъ техническимъ производствамъ, сельскому хозяйству и пр., на которыхъ перебивало до 23,000 посѣтителей. Вообще же, съ 1-го сентября 1878 г. по 1-е сентября текущаго года музей былъ открытъ для публики 255 дней, въ теченіе коихъ посѣтителей было 165,319 человекъ, въ томъ числѣ 160,737 бесплатныхъ. Музей предоставляетъ свое помѣщеніе для засѣданій разныхъ ученыхъ обществъ, для цѣлей учебныхъ и вообще образовательныхъ. Такъ, по вечерамъ, отъ 5 до 7 часовъ, въ музей происходили воскресныя бесплатныя народныя чтенія, устраиваемыя комиссіей народныхъ чтеній, состоящею при обществѣ распространенія полезныхъ книгъ. Соудѣйствіе музея этому дѣлу выражается, кромѣ предоставленія залы, еще въ ежегодной субсидіи въ 200 р. и въ предоставленіи богатой своей коллекціи картинъ для волшебнаго фонаря; въ теченіе 50 дней комиссіей было устроено 41 чтеніе и 9 духовныхъ бесѣдъ, которыя посѣтили 9,951 человекъ. Кромѣ того, музей даетъ бесплатно помѣщеніе для высшихъ женскихъ курсовъ, для курсовъ гувернанткамъ, устраиваемыхъ обществомъ пособія гувернанткамъ, для воскресныхъ бесплатныхъ классовъ рисованія, устраиваемыхъ комиссіей технического рисованія при обществѣ распространенія техническихъ знаній, а лѣтомъ, въ теченіе пяти недѣль, въ музей происходили педагогическіе курсы для учителей народныхъ школъ, устроенные Московскимъ губернскимъ земствомъ. Наконецъ, въ теченіе истекшаго года по 23-е мая въ зданіи музея происходили засѣданія правленія музея, Общества любителей естествознанія съ его отдѣлами и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ; всѣхъ таковыхъ засѣданій было 178, въ которыхъ приняли участіе 6,109 членовъ и посѣтителей. Такимъ образомъ, какъ видно изъ изложенныхъ отчетовъ, общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи энергически продолжаетъ свою дѣятельность, и минувшій годъ его существованія займетъ видную страницу въ его исторіи.

ПАМЯТИ СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА.

(Рѣчь, произнесенная въ обществѣ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, 14-го октября 1879 года).

Преждевременная кончина нашего знаменитаго историка, послѣдовавшая 4-го октября, на 60-мъ году отъ его рожденія, прежде всего вызвала заявленія глубокой скорби и горячія воспоминанія въ Москвѣ въ глубокоуважаемыхъ, ученыхъ представителяхъ духовенства и профессорахъ Московскаго университета. Москва близко знала его высокія достоинства какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, справедливо гордилась имъ, и мы убѣждены въ томъ, что и вся Россія достойно почтитъ его память. Онъ былъ достоинъ высокаго всенароднаго чествованія.

Съ многостороннимъ умомъ и рѣдкими дарованіями С. М. Соловьевъ соединялъ въ себѣ непоколебимую волю, всегда находившуюся на стражѣ его строгихъ требованій долга и правды. Свои обширнѣйшія историческія познанія онъ умѣлъ искусно обобщать, возводить въ систему и излагать эти знанія въ общедоступной, увлекательной формѣ.

Рано почувствовалъ онъ влеченіе къ историческимъ занятіямъ, и уже въ университетѣ окончательно посвятилъ себя имъ, преимущественно же занятіямъ русскою исторіей. По окончаніи университетскаго курса, 22 лѣтъ, въ 1842 году, онъ отправился за границу, „гдѣ, во время двухлѣтнаго пребыванія, продолжалъ историческія занятія,

разрабатывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету—отечественной исторіи¹⁾.

Въ 1845 году защитивъ магистерскую диссертацию: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, а въ 1847 г. сочинивъ на степень доктора: „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ и будучи затѣмъ въ 1850 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, Сергій Михайловичъ задумалъ воздвигнуть себѣ вѣчный памятникъ—написать полную, подробную исторію Россіи съ древнѣйшаго времени; въ августѣ 1851 г. издалъ онъ первый томъ и затѣмъ съ безпримѣрною настойчивостію и энергіей продолжалъ этотъ трудъ. Никакія препятствія не могли остановить его быстро движена по пути, имъ избранному для достиженія великой задачи. Силы и время его были строго соразмѣрены съ требованіями программы занятій, предопредѣленной въ главныхъ чертахъ и неизмѣнной въ продолженіе столь многихъ лѣтъ. Онъ велъ подвижническую жизнь, вдали отъ свѣта, исполненную труда и неустаннаго бдѣнія, и какъ онъ самъ выражался, „не имѣлъ времени искать сочувствія“²⁾. Въ продолженіе 28 лѣтъ ежегодно издавая по тому своей Исторіи Россіи и доведя ее до 1772 года, онъ находилъ еще время почти каждый годъ печатать въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ статьи по всеобщей и русской исторіи, изъ которыхъ лишь немногія вошли въ его обширный трудъ. Статьи его касаются и всѣхъ важнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи и не одной только политической исторіи Россіи, но и русской исторіографіи, исторіи права, географическихъ свѣдѣній, торговли, промышленности, церкви и литературы. Имъ были напечатаны также и нѣкоторые изъ многочисленныхъ, имъ открытыхъ матеріаловъ и изданы отдѣльно слѣдующіе труды: Учебная книга Русской исторіи; Исторія паденія Польши; Курсъ новой исторіи; Общедоступныя чтенія о русской исторіи; 12-е декабря 1877 года: Императоръ Александръ I.

Долголѣтніе ученые труды, чтеніе лекцій, на которыхъ воспиталось много поколѣній студентовъ, честное и нелегкое служеніе университетской корпораціи не ослабляли въ знаменитомъ подвижникѣ науки страстнаго отношенія къ судьбамъ русской народности, и можно думать, ово увеличивалось, по мѣрѣ того какъ росъ кругъ его историческихъ наблюденій, и передъ нимъ яснѣе раскрывались таин-

¹⁾ Біогр. словарь Имп. Московск. унив., ч. 2, М. 1855 г., стр. 434.

²⁾ Др. и Нов. Росс., 1877, № I, стр. 111.

ственные судьбы этой народности, опредѣлялись ея всемірныя задачи, и изъ мрака и забвѣты выступали великія жертвы, ея принесенныя на ея тернистомъ историческомъ пути.

Въ исторіи этого тысячелѣтнаго развитія ростъ политической самобытности составляетъ одну изъ самыхъ низшихъ движеній въ ряду другихъ. Это движеніе въ непрерывной послѣдовательности его съ дравнѣйшаго времени до царствованія Екатерины II раскрылъ передъ нами трудъ С. М. Соловьева. Предшествовавшіе ему обширные труды по общей исторіи Россіи были доводимы только до начала XVII вѣка. Смутное время, XVIII вѣкъ, эпоха преобразованія и время, наступившее послѣ нея до вступленія на престолъ Екатерины II— впервые въ трудѣ Соловьева явились, какъ части одного историческаго цѣлага, какъ періоды органической жизни въ ихъ внутренней связи между собою, и извѣстная намъ область нашего историческаго прошлаго широко раздвинула свои предѣлы, обогатилась массою новыхъ фактовъ, сдѣлавшихся доступными общему наблюденію. Раскрытъ былъ, благодаря Соловьеву, смыслъ величайшаго изъ нашихъ всенародныхъ движеній въ Смутную эпоху; мы почувствовали подъ собою твердую почву въ сужденіяхъ и взглядахъ на отношенія двухъ частей Россіи Великой и Малой. Петръ Великій предсталъ передъ нами въ живомъ образѣ, какъ человѣкъ, съ недостатками и достоинствами, какъ величайшій по значенію своему историческій дѣятель, соединившій обѣ половинны Европы восточной и западной въ общей дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы получили яснее представленіе о безиримѣмомъ въ исторіи подвигѣ Русскаго народа, совершенномъ имъ въ первой четверти XVIII вѣка. Благодаря нашему историку, мракъ, скрывавшій отъ насъ знаменательную эпоху отъ смерти великаго преобразователя до вступленія на престолъ Екатерины II, рассѣялся. Мы поняли причины господства вмѣнія Нѣмцевъ въ XVIII столѣтіи, страшной Вироновщины, когда, по выраженію историка, медленнымъ огнемъ жгли князей Долгорукихъ. Время царствованія достойной дочери Петра Великаго получило историческое освѣщеніе; она сама и ея пособники впервые выступили передъ нами, какъ историческіе дѣятели въ общемъ теченіи Русской жизни; участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ перестало казаться намъ случайнымъ, дѣломъ личныхъ отношеній, и напротивъ, явилось знаменательнымъ событіемъ, вызваннымъ нудящею необходимостью сократить силы „скоропостижнаго“ короля. Никто послѣ Карамзина въ такой степени не расширялъ нашъ историческій круго-

зорь; никто послѣ автора „Исторіи Государства Россійскаго“ не внесъ въ него столько свѣта.

Болѣе чѣмъ кому либо мы обязаны Соловьеву раскрытіемъ всемірно-историческаго значенія нашихъ важнѣйшихъ политическихъ событій. Онъ вѣрно опредѣлилъ всемірно-историческое значеніе поступательнаго движенія Россіи на востокъ съ XVI вѣка, которое знаменуется взятіемъ Казани и Астрахани, повореніемъ Сибири, завоеваніями на Каспійскомъ побережьи при Петрѣ Великомъ, обращеніемъ свои взоры на Индію. Движеніе на западъ историкъ разсматривалъ въ связи съ всемірнымъ значеніемъ народностей Романо-Германскихъ и Славянскихъ. Поэтому Западная Русь въ Исторіи Россіи выступила какъ арена трагической борьбы между началами цивилизаціи романо-германской и греко-славянской. Идея Крижанича, Прутскій походъ въ связи съ движеніемъ обще-славянскимъ, затѣи отношенія Россіи къ Славянамъ при преемникахъ Петра Великаго нашли себѣ мѣсто въ общей исторіи Россіи. Мысль великаго преобразователя о томъ, что не Россія только нуждается въ западной Европѣ, но и она въ ней нуждается, нашла себѣ блестящія доказательства въ исторіи, и мы съ болѣе свѣтлыми надеждами можемъ взирать на наше будущее.

По отношенію къ внутренней жизни нашего народа, по исторіи права, торговли и промышленности, церкви, литературы и быта Исторія Россіи даетъ множество фактическихъ данныхъ и объясняетъ ихъ въ связи съ главнѣйшими фазами развитія.

Высоко цѣня духовное благо народа, безъ котораго всякій матеріальный ростъ его лишень прочныхъ основъ, С. М. Соловьевъ широко понималъ это благо и вѣрно опредѣлялъ значеніе церкви и религиозно-нравственныхъ и научныхъ средствъ развитія. Припомнимъ, какъ опредѣлялъ историкъ значеніе нашей церковной самобытности. Отринутіе Флорентійскаго соединенія въ Москвѣ въ отдаленное отъ насъ вняженіе Василія Васильевича, въ сороковыхъ годахъ XV вѣка, опредѣлило „судьбы Европы восточной: вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова“¹⁾.

¹⁾ Ист. Россіи, т. IV (по изд. 1857 г.), стр. 428.

Въ Руси Московской Соловьевъ справедливо видѣлъ здоровое, свѣжее тѣло и съ глубокимъ сочувствіемъ относился ко многимъ ея дѣтелямъ, но въ то же время его вдохновляла творческая дѣятельность великаго преобразователя. Благодаря такому всестороннему отношенію къ прошлой жизни, Исторія Россіи служила и еще долго будетъ служить руководящею книгою въ дѣлѣ изученія нашей исторіи. Пожелаемъ же, чтобы чувства и мысли, вызванныя въ нашемъ обществѣ утратою С. М. Соловьева, навсегда запечатлѣлись, чтобы жизнь достойнѣйшаго изъ нашихъ современныхъ дѣятелей оставалась завѣтомъ для грядущихъ поколѣній, чтобы они сохраняли о немъ благоговѣнное воспоминаніе, и будемъ надѣяться, что Россія достойно увѣковѣчитъ его дорогую для всѣхъ насъ память.

Е. Замысловскій.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Ученые труды С. М. Соловьева.

Библиографическій списокъ ихъ, составленный Е. Замысловскимъ.

„Скандинавоманія и ея поклонники или столѣтнія изысканія о Варагахъ“. Ю. Венелина. Критич. ст. Москвитянинъ, ч. IV, 1842 г., отд. IV, стр. 396—399.

„Кіевлянинъ. Кн. 1, на 1840 г. Кн. 2. Изд. Михаилъ Максимовичъ на 1841 г.“ Критич. ст. Москвитянинъ, т. VI, 1844 г., стр. 511—517.

О значеніи слова Черный въ древнемъ русскомъ языкѣ и преимущественно о черномъ борѣ Новгородскомъ. Историческій и Статистическій Сборникъ, т. I. М. 1845 г., стр. 282—286.

Въ прим. на стр. 282: «Эта статья одинъ отрывокъ изъ большаго сочиненія того же автора, которое должно представить подробное истолкованіе на всѣ замѣчательнѣйшія юридическія и другія выраженія, встрѣчаемыя въ нашемъ древнемъ языкѣ, и тѣмъ, разумется, восполнить собою большой пробѣлъ въ нашей исторической наукѣ».

Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Чт. М. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1846 г., № 1, стр. 1—162.

Издано также отдѣльно въ Москвѣ въ 1846 г.

О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси отъ

временъ Ярослава I до нашествія Монголовъ. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1846 г., № 1, отд. I, стр. 46—60.

Исторіи отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847.

Обзоръ важнѣйшихъ изданій и сочиненій по русской исторіи, вышедшихъ въ 1846 году. Московскій Городской листокъ, 1847 г., №№ 22, 24, 31, 37, 38, 42, 59, 61, 62, стр. 87—89, 95—97, 123—125, 149—150, 151—152, 167—169, 236—237, 243—244, 247—249.

О мѣстничествѣ. Московскій Сборникъ. М. 1847 г., стр. 265—316.

Даніилъ Романовичъ, король Галицкій. Современникъ, т. I 1847 г., отд. II, стр. 109—124.

Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1847 г., № 6, стр. 1—18.

Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу. Отеч. Зап.: т. LXI (ст. 1 и 2), 1848 г.; т. LXII (ст. 3), 1849 г., отд. II, стр. 1—34, 147—166, 213—270.

Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Федора Ивановича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ. Современникъ, т. VII, VIII, XIII, XIV, XVIII, XXIX. 1848, 1849, 1851 гг., стр. 1—40 (гл. 1), 59—88 (гл. 2), 1—26 и сл. (гл. 3), 45—80 и сл. (гл. 4), 1—36 (гл. 5), 67—106 (гл. 6), 1—36 (гл. 7), 31—57 (гл. 8), 85—108 (гл. 9), 1—48 (гл. 10).

Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. Кн. 1, М. 1850, отд. I, стр. 1—54.

Князья Суздальскіе-Шуйскіе. Тамъ же, отд. III, стр. 19—21.

Замѣтка о ихъ происхожденіи, при чемъ сказано (стр. 21): «На Карамзинскомъ рѣшеніи вопроса о происхожденіи князей Суздальскихъ-Шуйскихъ мы не можемъ успокоиться: дѣло должно быть подвергнуто новымъ изслѣдованіямъ».

О вліяніи природы русской государственной области на ея исторію. Отеч. Зап., т. LXIX, 1850 г., отд. II, стр. 229—244.

Помѣчена 15-го іюля 1848 года.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, М., 1851, всего стр. 279, I—LXI прим., 1—14 дополненій; т. XVIII, М., 1878 (гл. 4-я о событіяхъ 1772 г.).

Обзоръ царствованія Михаила Феодоровича Романова. Современникъ, 1851 г., т. XXXI, отд. II, стр. 1—70 и 79—122.

О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у Западныхъ Славянъ. Намеч. въ альманахъ Комета, изд. Николаемъ Щепкинымъ. М., 1851, стр. 231—255.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Аванасьева: „Вѣдунъ и вѣдьма“, помѣщенной въ альманахъ: Комета. Моск. Вѣдом., 1851 г., № 60, стр. 529—530.

Дворцовые Разряды, т. I и II (1612—1645 г.). Моск. Вѣдом., 1851 г., № 81, стр. 735—736.

Обзоръ событій русской исторіи при внукахъ Ярослава. Отеч. Зап., т. LXXIX, 1851 г., отд. II, стр. 1—52.

Псковъ и Ливонія. Московскій Сборникъ. М. 1852 г., стр. 247—315.

Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Публичныя лекціи профессоръ Геймана, Рулье, Соловьева, Грановскаго и Шевырева, чит. въ 1851 г. М. 1852 г.

Соловьеву принадлежать четыре лекціи, которыя занимаютъ 70 стр.

Дворцовые Разряды, т. III (съ 1645—1676 г.), С.-Пб. 1859 г, Моск. Вѣдом., 1853, № 111, Лидер. отд., стр. 1139—1141.

Географическія извѣстія о древней Россіи. Отеч. Зап., т. LXXXVI, LXXXVIII, XCVI, 1853 и 1854 гг. Отд. II, стр. 87—126, 39—54, 1—22.

Русскій городъ въ XVII вѣкѣ. Современникъ, т. XXXVII, 1853 г., стр. 1—20.

Н. М. Карамзинъ и его литературная дѣятельность. Исторія государства Россійскаго. Отеч. Зап. т. XC (ст. 1), 1853 г., XCII (ст. 2); XCIV (ст. 3), 1854 г., XCIX (ст. 4), C (ст. 5), 1855 г., CV, 1856 г. (ст. 6-я и послѣдняя). Отд. II, стр. 31—50, 125—140, 33—46, 101—142, 35—60, 405—450.

Герардъ-Фридрихъ Мюллеръ (Федоръ Ивановичъ Миллеръ). Современникъ, 1854 г., т. XLVII, отд. II, стр. 115—150.

Обзоръ дипломатическихъ сношеній Московскаго двора съ Литовскимъ во второй половинѣ XV в. Ж. М. Нар. Пр., ч. LXXXII, 1854 г., отд. II, стр. 43—78.

Писатели русской исторіи XVIII вѣка: Манкиевъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Щербатовъ, Болтинъ, Эминъ, Елагинъ, митр.

Платонъ. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относ. до Россіи. Кн. 2, половина первая. М. 1855. Отд. III, стр. 3—82.

Замѣчаніе о словѣ Дума. Тамъ же, стр. 154.

Два хронологическіе вопроса изъ XVI в. Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1855 г., кн. XXI, стр. 1—4.

Благодарное воспоминаніе о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Моск. университета 12-го января 1855 г. Ж. М. Нар. Пр., ч. LXXXV, 1855 г., отд. II, стр. 161—177.

Напечатано также въ Истор. Запискѣ Моск. унив., М. 1855, стр. 1—14.

Восточная Европа въ XVII вѣкѣ. Ст. 1-я и 2-я. Отеч. Зап., т. CIV, 1856 г. № 2, 11, отд. II, стр. 33—50, 1—14.

По поводу сочиненій: 1) Книги разрядныя, 2) Памятники дипломатическихъ сношеній, 3) Русское посольство въ Польшу въ 1673—1677 гг.—*А. Н. Попова*, 4) Исторія русскаго раскола—еписк. *Макарія*, 5) Исторія Славяно-Греко-Латинской академіи, *С. Смирнова*.

Братчины. Русск. Вѣстн. 1856 г. Кн. 4-я, отд. V, стр. 108—117.

Древняя Россія. Русск. Вѣстн., т. I, 1856 г. Кн. I, стр. 11—31.

Августъ-Людвигъ Шлецеръ († 1809 г.). Русск. Вѣстн., т. II, 1856 г., № 8, стр. 489—533.

„Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ“. Постриженника святой горы Афонскія инока Паренія. Ч. I—IV. Крит. ст. Русск. Вѣстн., т. III, 1856 г., № 9, Совр. лѣтоп., стр. 17—28.

Споръ о сельской общинѣ. Русск. Вѣстн., т. VI, 1856, № 22, стр. 285—304.

Разборъ статьи г. *Чичерина*: «Обзоръ историч. развитія сельской общины въ Россіи».

Избраніе на польскій престолъ наслѣднаго принца шведскаго Сигизмунда Вазы. Русск. Вѣстн., т. V, 1856 г., № 17, стр. 5—38.

Нѣсколько дополнительныхъ словъ къ статьѣ: „Споръ о сельской общинѣ“. Русск. Вѣстн., т. VI, 1856 г., № 24, Совр. лѣтоп., стр. 192—196.

Тимофей Николаевичъ Грановскій. Напеч. въ книгѣ: „Рѣчи, некрологъ и отчетъ, произнес. въ торж. собраніи Московск. университетѣ“. М. 1856 г., стр. 3—9.

Нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу древнѣйшаго мѣстнаго дѣла. Моск. Вѣдом. 1857 г., № 53, стр. 239.

О статьѣ *М. А. Коркунова*: Агты изъ дѣла о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболотскимъ, помѣщ. въ VII вып. V-го тома *Извѣстій Академіи Наукъ по отд. Русск. яз. и Словесности*.

Острожковскіе и подмосковные переговоры (1615—1617 г.), *Отеч. Зап.*, т. CXV, 1857 г., № 11, отд. I, стр. 59—80.

Шлецеръ и анти-историческое направленіе. *Русск. Вѣстн.*, т. VIII, 1857 г., № 8, стр. 431—480.

Русскіе исповѣдники просвѣщенія въ XVII вѣкѣ. *Русск. Вѣстн.*, т. XI, 1857 г., № 17, стр. 65—76.

Русская промышленность и торговля въ XVI вѣкѣ. *Современникъ*, т. LXI, 1857 г., № 1, отд. II, стр. 1—12.

Англія въ XVI вѣкѣ. *Атеней*, ч. I, 1858 г., стр. 341—351, 405—415.

По поводу сочиненія: *History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth. By James Anthony Froude. 1856, vol. I, II.*

„Исторія царствованія Петра Великаго“ Н. Устрялова. *Крит. статья*. *Атеней*, ч. IV, 1858 г., №№ 27 и 28, стр. 3—29, 63—82.

Рѣчь надъ гробомъ Петра Николаевича Кудрявцева. *Русск. Вѣстн.*, т. XIII, 1858 г., № 2, *Современ. лѣтоп.*, стр. 112—113.

Историческія письма. I—II. *Русск. Вѣстн.*, т. XIV, XV, стр. 5—28, 21 5—235

Московскіе вупцы въ XVII вѣкѣ. *Современникъ*, т. LXXI, 1858 г., № 10, стр. 427—440.

О нѣкоторыхъ рукописяхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. *Библиогр. Зап.*, 1858 г., № 9, стр. 272—279.

Учебная книга русск. исторіи М. 1859. 8°. 566 стр.

3-е изд. М. 1860. 8°. 354 стр.

6-е изд. М. 1866. 8°. 421 стр.

Унія, казачество и расколъ. *Атеней*, ч. 2, 1859, мартъ и апрѣль, стр. 393—420.

По поводу сочиненій: 1) Литовская церковная унія — *М. О. Колловича*; 2) Богданъ Хмѣльницкій — *Н. И. Костомарова*; 3) Русскій расколъ старообрядства — *А. П. Щапова*.

Письмо самозванца Тимошки Анкиндинова къ дворянину Василию Унѣвскому, прѣхавшему въ Чигиринъ посломъ отъ цара къ гетману Богдану Хмѣльницкому въ 1650 г. *Лѣтописи русск. литературы*, т. I, М. 1859 г., отд. III, стр. 160—161.

Вознагражденіе за ученый трудъ въ XVII в. Тамъ же, стр. 159—160.

Гетманъ Иванъ Выговскій. Отеч. Зап., т. СХХVII, 1859 г., отд. I, стр. 43—64.

Малороссійское казачество до Хмѣльницкаго. Русск. Вѣстн., т. XXIII, 1859 г., № 18, стр. 177—196.

Монахъ Самуиль (изъ исторіи раскола XVIII в.). Прав. Обзор., 1860 г., № 7, стр. 332—338.

Разказы изъ русской исторіи XVIII в. I. Сто свадебъ въ Астрахани II. Булавинъ. III. Мазепа. Русск. Вѣстн., т. XXVIII. 1860 г., № 15 стр. 369—402.

Самозванецъ Ивашка Клеопинъ (1671 г.). Архивъ истор. и практическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачовымъ. С.-Пб. 1860—1861 г. Кн. 1, стр. 1—2.

Школа Посошкова. Библиогр. Записки, т. III. 1861 г., № 5 стр. 129—131.

Книги, приобрѣтеніе которыхъ считалось нужнымъ въ Москвѣ въ XVII в. Лѣтописи русской литературы, т. III, М. 1861 г., стр. 34.

Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка: 1767 годъ. Русск. Вѣстникъ, т. XXXV. 1861 г., № 10, стр. 303—340.

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (1725—1741 г.). Русская Рѣчь, 1861 г., №№ 4, 77, 78, стр. 53—60, 381—384, 397—401.

Дѣло о профессорѣ Мельманѣ. Чт. М. Общ. Ист. и Древн. 1861 г. Кн. 4, отд. V, стр. 199—200.

Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ. День, 1862 г., № 16, стр. 2—3.

Въ этой замѣткѣ въ дополненіе къ труду И. А. Чистовича, впервые изложившаго дѣло Мацѣевича, по оенціальнымъ документамъ Государственнаго Архива, С. М. Соловьевъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ.

Исторія и современность. Наше Время. 1862 г., № 44, стр. 175—176; № 50, стр. 200.

Статья по поводу соч. Короневича: «Słowo dziejów Polskich».

Лазарь Барановичъ. Изъ исторіи южно-русской митрополіи. Прав. Обзор., т. VII, 1862 г., стр. 171—181.

Рапортъ графа Миниха о кадетскомъ корпусѣ 1733 г. Чт. М. Общ. Ист. и Древн., 1862 г., кн. 1, отд. V, стр. 172.

Сказка о Петрѣ В. Чт. М. Общ. Ист. и Древн., 1862 г. кн. 4, отд. V, стр. 2.

Письма А. П. Волынскаго къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Тамъ же, стр. 8—10.

Исторія паденія Польши. М. 1863. Всего 369 стр.

Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова. Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4-го апрѣля 1765—1865 г. М. 1865 г., стр. 5—18.

Еще замѣтка о Наполеонѣ I и Польшѣ. Моск. Вѣдом., 1863 года, № 39.

Европа въ концѣ XVIII в. Русск. Вѣстн., т. XXXVIII, XXXIX, XLII, XLIII, XLIV. 1862 г., №№ 4, 5, 6 и 11; 1863 г., №№ 2, 3; стр. 481—499; 5—41; 425—448; 7—29; 645—673; 1—30.

Замѣтка по поводу статьи г. Мельникова: „Старообрядческіе архіереи“. Русск. Вѣстн., 1863 г., № 6, стр. 507—508.

Историческія поминки по историкѣ. Моск. ун-в. изв., 1866—1867 года, № 3, стр. 173—184.

Рѣчь о Карамзинѣ, читанная въ актовомъ залѣ Московскаго университета, 1-го декабря въ день столѣтняго юбилея Карамзина.

Эпоха конгрессовъ. Вѣстн. Евр., 1866 г., т. III, стр. 232—284 т. IV, стр. 210—254; 1867 г., т. I, стр. 331—366; т. II, стр. 300—344; т. III, стр. 336—384; т. IV, стр. 276—324.

Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія. С.-Пб. 1867. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, изд. В. А. Дашковымъ. М. 1868 г., кн. I, стр. 111—117.

Политика Россіи во время войны за австрійское наслѣдство. Ж. М. Н. Пр., ч. CXXXV, 1867 г., сент., стр. 562—605.

Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ. Вѣстн. Евр., 1868 г., № 3, стр. 163—202.

Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ. Вѣстн. Евр., 1868 г., № 12; 1869 г., № 12; стр. 676—707, 493—541.

Прогрессъ и религія. Ж. М. Н. Пр., ч. CXXXXIX, 1868 г., сент. стр. 699—719.

Курсъ новой исторіи. Ч. I. М. 1869, 320 стр. Изд. Общ. распространенія полезныхъ книгъ.

Гл. I. Открытія новыхъ странъ и путей. Гл. XV (последняя). Умственное движеніе въ Европѣ въ первую половину XVII вѣка.

Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ. Вѣстн. Евр., 1869 г., кн. 12, стр. 493—541.

Императорскіе совѣты въ Россіи въ XVIII стол. Русская Старина, 1870 г., ноябрь, стр. 463—468.

По поводу изданія: «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I. «Совѣтъ въ царствованіе императрицы Екатерины II».

Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія, М. 1871 г., стр. 193.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872 г., 134 стр.

Византія въ X вѣкѣ. Русск. Вѣств., 1873 г., т. СІІ, январь-стр. 461—470.

По поводу сочиненія А. Рамбо: L'empire Grec au dixième siècle P. 1872.

Курсъ новой исторіи, ч. II, М. 1873 г., 178 стр..

I. Стр. 1—26. Внутренняя дѣятельность Людовика XIV въ началѣ его самостоятельнаго управленія.—II. Стр. 27—66. Войны Франціи съ Испанією и Голландією и пр.—III. Стр. 67—114. Война за Испанское наследство. IV. Стр. 115 и сл. Умственное движеніе въ Англіи, Франціи и Германіи въ первую половину XVIII в.

Распоряженіе правительствующаго сената о бумагахъ Петра Великаго 1751 года, Русск. Архивъ, 1873 г., № 5, стр. 776—779.

Заботы сената о чистотѣ русскаго языка въ XVIII столѣтіи (1750—1751 г.). Русск. Старина, 1873 г., июнь, стр. 859—860.

Общедоступныя чтенія о русской исторіи. М. 1874 г. Съ картою Европы и рисункомъ памятника тысячелѣтія Россіи. Всего 341 стр.

Чтенія эти заключаютъ въ себѣ исторію Россіи съ древнѣйшаго времени до царствованія Николая I.

Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову (1762 г.), Русск. Архивъ, 1874 г., № 8, стр. 336—346.

Въ примѣчаніи сказано: «Историческая важность этихъ писемъ говоритъ сама за себя».

Сенатъ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Древн. и Новая Россія, 1875 г.; № 1, стр. 22—29.

Диспутъ въ Московскомъ университетѣ 25-го августа 1769 года. Доношеніе синоду Амвросія архіепископа Московскаго. Русск. Архивъ, 1875 г., № 11, стр. 312—313.

Исторія Наполеона I Ланфре. Крит. зам. Древн. и Новая Россія, 1876 г., № 1, стр. 69—70.

Восточный вопросъ 50 лѣтъ назадъ. Древн. и Новая Россія, 1876 г., № 2, стр. 129—141.

Восточный вопросъ въ 1827, 1828 и 1829 годахъ. Древн. и Новая Россія, 1876 г., № 10, стр. 105—119.

Къ біографіи Кирилла Флоринскаго, епископа Сѣвскаго. (Донесеніе графа Чернышева изъ Парижа, отъ 31-го августа 1761 г.). Русск. Старина, 1876 г., мартъ, стр. 675.

Москва въ 1770—1771 годахъ. Русск. Старина, 1876 г., октябрь, стр. 189—204.

Начала Русской земли. Сборникъ государственныхъ знаній, т. IV. С.-Пб. 1877 г., стр. 1—19.

12-е декабря 1877 г. Императоръ Александръ I. Политика-дипломатія. С.-Пб. 1877, ч. I. Эпоха коалицій. Ч. II. Эпоха конгрессовъ. Всего 560 стр.

Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг. Русская Старина, 1877 г., ноябрь, стр. 407—426.

По случаю кончины С. М. Соловьева появились въ печати слѣдующія рѣчи и замѣтки:

Рѣчи: митрополита Макарія. Москов. Вѣдом., № 255 (окт. 8-го); протоіерея Н. А. Сергіевскаго. Тамъ же, № 256 (окт. 9-го). протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. Тамъ же, № 256 (окт. 9-го); проф. В. И. Герье. Русскій Курьеръ, № 41 (окт. 9-го).

Замѣтки: Моск. Вѣдом., № 255 (окт. 8-го); Новое Время, № 1299 (окт. 10-го); Русскій Курьеръ, №№ 38, 39, 41 (окт. 6-го, 7-го 9-го). Некрологъ, Критическое Обзорѣніе, № 20, стр. 37—40

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроль надъ ихъ занятіями; присужденіе наградъ за представленныя сочиненія; ученые труды преподавателей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; ученые при университетѣ общества.

Въ Казанскомъ университетѣ состояло къ 1-му января 1879 года, сверхъ профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2, лекторовъ 2, всего 11 лицъ; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 10; экстраординарныхъ 4, доцентовъ 2, лаборантовъ 4, астрономъ-наблюдатель 1, всего 21; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентъ 1, всего 8; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 11, прозекторъ 1, помощниковъ прозектора 2, лаборантъ 1, всего 30 лицъ. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей составляло: 1 профессоръ православнаго богословія, ординарныхъ профессоровъ 36, экстраординарныхъ 7, доцентовъ 16, прозекторъ 1, помощниковъ прозектора 2, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 2, лаборантовъ 5, всего 71 лицо. Сверхштатныхъ преподавателей было: 2 ординарныхъ профессора, 1 помощникъ прозектора, 3 лаборанта и 5 ассистентовъ. Изъ сверхштатныхъ профессоровъ одинъ по психіатріи, другой по частной патологіи и те-

раши. Привать-доцентовъ имѣлось 11 по слѣдующимъ предметамъ: латинскому языку, греческому языку, славянской филологіи, физической географіи, уголовному праву, агрономической химіи, теоріи функций, исторіи русскаго права, семіотики и діагностики, практическаго гражданскаго судопроизводства, акушерству и женскимъ болѣзнямъ. Сверхъ того приглашены были въ временному преподаванію: римской словесности профессоръ мѣстной духовной академіи Красинъ, и логики съ психологіею профессоръ той же академіи Снегиревъ. Изъ положенныхъ по дѣйствующему университетскому уставу кафедръ оставались незамѣщенными слѣдующія: въ историко-филологическомъ факультетѣ: римской словесности, со 2-й половины 1869 года, исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ обѣ со времени введенія въ дѣйствіе нынѣшняго устава, и двѣ кафедры восточныхъ языковъ; въ физико-математическомъ: вторая кафедра математики съ декабря 1871 года, агрономической химіи съ марта 1870 года, и физической географіи съ 1863 года; въ юридическомъ: каноническаго права съ сентября 1869 года, исторіи славянскихъ законодательствъ со времени введенія дѣйствующаго устава, политической экономіи и статистики съ марта 1878 года, и исторіи иностранныхъ законодательствъ съ января 1876 года.

Въ 1878 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 16, изъ нихъ 3 для производства испытаній на ученые степени и званія и 2 публичныя; физико-математическій 20, юридическій 16, медицинскій 20, изъ нихъ одно публичное, для защищенія диссертациі на степень доктора медицины. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ принимались слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ, кромѣ обыкновеннаго контроля, состоящаго въ переводныхъ испытаніяхъ, для студентовъ 1-го курса назначены были въ декабрѣ репетиціи изъ пройденнаго въ послѣднее полугодіе по всѣмъ факультетскимъ предметамъ; отъ студентовъ прочихъ курсовъ требовались письменныя, болѣе или менѣе самостоятельныя работы по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ. Такихъ работъ, признанныхъ болѣею частію весьма удовлетворительными, представлено было 26, именно: по русской словесности 1, по русской исторіи 9, по всеобщей исторіи 4, по славянскимъ нарѣчіямъ 1, по римской словесности 4, по греческой словесности 1, по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ 3, по философіи 1. Сверхъ того для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ студен-

товъ, готовящихся къ учительскому званію, въ III курсѣ, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ опредѣлить свою спеціальность, и въ IV введены были особня практическія занятія въ учрежденныхъ пять лѣтъ тому назадъ семинаріумахъ, подъ руководствомъ: по русской словесности заслуженнаго профессора Булича, въ которыхъ принимали участіе два студента; по русской исторіи и географіи профессора Эйрсова, руководившаго занятіями четырехъ студентовъ; по всеобщей исторіи и географіи профессора Осокина, имѣвшаго подъ своимъ руководствомъ пять студентовъ; по греческой и римской словесности профессора Вѣляева и приватъ-доцента Гвоздева, руководившихъ: въ первое полугодіе 2, и во второе 8 студентовъ. Эти занятія, происходившія въ особые отъ лекцій часы, состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ ученою и педагогическою литературою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомленіи съ источниками наукъ, въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической, въ которомъ допускалось участіе и товарищей лекторовъ; въ переводѣ съ русскаго на классическіе языки, и, наконецъ, въ разборѣ годичныхъ письменныхъ работъ студентовъ. Занятія III и IV курсовъ по греческой словесности во второе полугодіе состояли главнымъ образомъ въ чтеніи и объясненіи греческихъ лириковъ, причемъ студенты, сдѣлавъ историко-литературный обзоръ жизни и дѣятельности того или другаго поэта, объясняли отрывки или цѣлыя сочиненія со стороны грамматической, метрической и реальной. Кромя того профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ, во второе полугодіе, то-есть съ октября по декабрь включительно, велъ слѣдующія практическія занятія: а) по санскриту (начальный курсъ два часа въ недѣлю), б) по высшему курсу санскрита, состоявшему въ чтеніи и объясненіи Риг-Веды (два часа въ недѣлю), в) по старославянскому языку и по славянской діалектологіи (три часа въ недѣлю), г) ознакомленіе съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ лингвистическихъ сочиненій и разсужденій (три часа въ недѣлю). Въ этихъ занятіяхъ принимали участіе какъ желающіе изъ студентовъ, такъ и два кандидата, оставленные при университетѣ въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ. Физико-математическимъ факультетомъ были установлены: а) обязательныя практическія занятія студентовъ по всѣмъ предметамъ обонхъ разрядовъ, б) полугодичныя репетиціи, замѣняемыя нѣкоторыми преподавателями, съ разрѣшенія факультета, письменными работами, и в) экзамены. По чистой математикѣ студенты двухъ младшихъ курсовъ занимались

практическимъ рѣшеніемъ задачъ. Кромѣ того студентамъ тѣхъ же курсовъ математическаго разряда предлагались задачи для письменнаго изложенія рѣшеній: студентамъ I курса изъ аналитической геометріи и сферической тригонометріи, а студентамъ II курса по интегрированію функцій одного переменнаго. Для разъясненія встрѣчаемыхъ студентами, при рѣшеніи задачъ, недоразумѣній и затрудненій, назначались по взаимному соглашенію со студентами свободные отъ лекцій часы. По теоретической механикѣ студенты IV курса занимались теорією равновѣсія и движеніемъ упругихъ тѣлъ. По астрономіи студенты II курса рѣшали практическія задачи и занимались изученіемъ инструментовъ; студенты двухъ старшихъ курсовъ въ лѣтнее время упражнялись въ астрономическихъ наблюденіяхъ малыми инструментами. По физикѣ студенты I курса обоихъ разрядовъ занимались практическимъ опредѣленіемъ: удѣльнаго вѣса, коэффициента расширенія, теплоемкости и скрытой теплоты; а студенты II курса математическаго разряда опредѣляли показатели преломленія. По химіи профессоръ велъ со студентами II курса естественнаго разряда практическія занятія въ минеральномъ качественномъ анализѣ, со студентами III курса — въ минеральномъ количественномъ анализѣ, а со студентами IV курса — спеціальныя изслѣдованія въ области органической химіи. Кромѣ того, профессоръ читалъ по неорганической химіи курсъ демонстративный студентамъ I курса естественнаго разряда, а въ концѣ года открывъ практическія занятія для студентовъ II курса математическаго разряда по качественному химическому анализу, производилъ студентамъ I курса естественнаго разряда изъ пройденнаго курса химіи репетиціи, замѣнявшія собою практическія занятія, которыхъ, за недостаткомъ необходимыхъ принадлежностей, онъ не производилъ. Студенты старшихъ двухъ курсовъ естественнаго разряда занимались въ технической лабораторіи изученіемъ объемнаго анализа въ примѣненіи къ изслѣдованію матеріаловъ и продуктовъ техническихъ производствъ. По кристаллографіи студенты I курса естественнаго разряда занимались разборомъ комбинацій кристаллическихъ формъ. По минералогіи студенты II и IV курсовъ того же разряда занимались микроскопическимъ изслѣдованіемъ минераловъ, входящихъ въ составъ горныхъ породъ. По геологіи студенты III курса естественнаго разряда занимались опредѣленіемъ горныхъ породъ, а IV курса студентъ Зайцевъ — разработкой палеонтологическаго матеріала, собраннаго имъ во время экскурсіи подъ руководствомъ А. А. Штукенберга. По бо-

таникъ профессоръ велъ практическія занятія со студентами I курса естественнаго разряда по анатоміи растений. По зоологіи студенты I курса естественнаго разряда занимались изученіемъ зоологическихъ препаратовъ для лучшаго усвоенія теоретическаго курса, распознаваніемъ формъ простѣйшихъ животныхъ, и вообще упражнялись въ приѣмахъ зоологическихъ изслѣдованій. Кроме того, профессоръ велъ обязательныя практическія занятія со студентами II курса естественнаго разряда, состоявшія въ опредѣленіи относительнаго значенія признаковъ для установленія систематическихъ группъ класса рыбъ. По физиологіи, кроме демонстративнаго курса физиологіи животныхъ, студенты 3-го курса практически изучали анатомическое и гистологическое строеніе тканей и органовъ по готовымъ препаратамъ и упражнялись въ производствѣ физиолого-химическихъ анализовъ тканей и отдѣленій. На юридическомъ факультетѣ, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, производимы были: годовые экзамены при переходѣ въ слѣдующіе курсы, полугодовыя репетиціи, письменныя работы на предлагаемыя преподавателями темы и практическія занятія по нѣкоторымъ предметамъ. На медицинскомъ факультетѣ также практиковались мѣры прежнихъ лѣтъ.

Для соисканія наградъ медалями предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — „О языкѣ русскихъ былинъ“, отъ юридическаго — „Организація высшаго управленія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“ и „Переводъ и объясненія текста Dig. de acquirendo rerum dominio lib: 41, tit. I“, по медицинскому „Корни лимфатической системы и отношеніе ихъ къ кровеноснымъ сосудамъ и влагалищамъ нервъ“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены золотыми медалями студенты IV курса: историко-филологическаго факультета Кувурановъ, юридическаго Викторъ Ивановскій и Владиміръ Щегловъ, медицинскаго Александръ Догель.

Въ 1878 году преподаватели Казанскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: Добротворскій напечаталъ въ Православномъ Собесѣдникѣ „Обличеніе на Соловецкую челобитную“, сочиненіе Крижанича, переводъ Поликарпова; Осокинъ издалъ литографированный курсъ „средневѣковой исторіи отъ XIII до XV столѣтій“; Ойрсовъ написалъ, по порученію академіи наукъ, напечатанный въ Запискахъ академіи разборъ сочиненій протоіерея Заринскаго „Очерки Казани преимущественно въ XVI столѣтіи“;

Бодуэнъ-де-Куртенэ напечаталъ: а) въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета: „Окончаніе подробной программы лекцій въ 1876—1877 учебномъ году“, критическіе разборы книгъ: В. Ю. Хорошевскаго „Русскій бугваръ для польскихъ дѣтей“, и Поля „Historyczny obszar Polski“, критическій разборъ книги А. Кочубинскаго „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“; б) въ видѣ приложенія къ изданному академіей наукъ сочиненію И. И. Срезневскаго о Фріульскихъ Славянахъ: „Образцы нѣсколькихъ славянскихъ говоровъ сѣверной Италіи“, „Разсужденіе Клодича „О нарѣчій венеціанскихъ Словенцевъ“, статью Валента „О славянскомъ языкѣ въ Резіанской долині въ Фріулѣ“; Зайцевъ напечаталъ въ Liebig's Annalen и въ Журналѣ русскаго химическаго общества статьи: „Объ аллилпропил-карбинолѣ“, „Объ аллил-диэтил-карбинолѣ“, „О диализил-изоприл-карбинолѣ“, „Къ исторіи окиси валеріановой кислоты, получаемой окисленіемъ аллил-диэтил-карбинола“, „Предварительное сообщеніе объ углеводородахъ C_8 , H_{10} , C_{12} , H_{20} и C_{10} H_{18} и о строеніи терпеновъ“; Заленскій помѣстилъ: въ Zeitschrift für Siebolds Jubilaem „Ueber den Bau der Salpenhoden und über das Metagenesis der Sulpon“ въ Протоколахъ Казанскаго общества естествоиспытателей „Исторія развитія стерляди“, въ Zoologischer Anzeiger „Zur Embryologie der Ganoiden“; Штукенбергъ напечаталъ статьи: „Европейская Россія прошлыхъ геологическихъ эпохъ“, „По поводу замѣтки В. И. Мюллера“ и въ Трудахъ общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ „Девонскій бассейнъ Европейской Россіи“; Колли помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго химическаго и физическаго общества диссертацию „О поляризаціи въ электролитахъ“; Смирновъ напечаталъ отчетъ о магнитныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ во время путешествія лѣтомъ 1877 года; Сорокинъ помѣстилъ въ Журналѣ химическаго общества статью „Объ окисленіи диализила и происходящаго изъ него гексильнаго гликола“; Шедль напечаталъ въ Трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ „Списокъ явобрачныхъ растений окрестностей Талицкаго (Пермской губ.) завода“; Рудневъ помѣстилъ въ Журналѣ химическаго общества сообщеніе о соляхъ тримэтил-карбинолина; Степановъ и Загоскинъ напечатали въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета: первый „По поводу пересмотра устава университетовъ“, второй, томъ I-й „Исторіи права Московскаго государства“; Ковалевскій напечаталъ въ Centralblatt für:

die medicinische Wissenschaften и въ журналѣ Медусупа, совместно съ профессоромъ Навроцкимъ, статью „Untersuchungen über die sensiblen Nerven der Muskeln“; Виногорадовъ помѣстилъ въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ два сообщенія: „Случай „febris intermittentis larvatae“ и „Случай Syphilis congenitae“; Гвоздевъ перевелъ со студентами университета „Судебную медицину“ Гофмана; Догель напечаталъ въ Archiv für die gesammte Physiologie von D-r Pflüger статью: „Zur Kenntniss der Eiweisseractionen und von dem Verhalten des Albumins der lichtbrechenden Medien des Augen“; Фрезе помѣстилъ въ Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и въ Friedreich's Blätter für gerichtliche Medicin статью „Бредъ о преслѣдованіи, разборъ дѣла о Л. К., обвиняемомъ въ покушеніи на убійство и поджогъ“; Адамюкъ напечаталъ: въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета 2-й выпускъ, 2-е отдѣленіе „Офтальмологическихъ наблюдений“; въ Берлинскомъ офтальмологическомъ журналѣ Гиршберга „Объ отсутствіи иннерваціи глазныхъ движеній“, „Случай разрыва сосудистой оболочки“, „О началахъ общаго главодвигающаго нерва“, „Новый способъ леченія воспаленій бѣлковинной оболочки глаза“; въ Нѣмецкомъ Архивѣ для офтальмологін Кнаппа „О патологін линзы“ и „О глаукоматозномъ процессѣ“; Арнштейнъ помѣстилъ въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ статью „Mola hydati dosa incipiens“; Щербаковъ напечаталъ въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ статью „Къ вопросу о дѣйствиіи искусственнаго желудочнаго сока на фибринъ“; Левшинъ напечаталъ: отдѣльно „Руководство къ общей хирургіи“ и въ протоколахъ очереднаго Казанскаго земскаго собранія „О Казанской земской больницѣ“; Пашутинъ издалъ „Лекціи общей патологін. Часть первая: патологін тканей“ и напечаталъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ статью „Отвѣтъ на статью Prof. Exner'a: „Fortgesetzte Studien über die Endigungsweise des Geruchsnervens“; Болдыревъ помѣстилъ: въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ „Polypus laryngis multiplex“ и во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ „Обозрѣніе госпиталей, расположенныхъ въ Румелии по южной балканской желѣзной дорогѣ“; Высоцкій напечаталъ въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ статью „О лимфатической системѣ надмышечныхъ апоневрозовъ“; Скворцовъ помѣстилъ: въ журналѣ Свѣтъ „Приспособляемость и цѣлесообразность“ и „Имѣютъ ли основаніе наши заботы о здоровьѣ“; въ журналѣ Здоровьѣ „Гигіена и медицина“, во Врачебныхъ Вѣдо-

мостяхъ „Лекціи по гигиенѣ питанія, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Казани“; Флавицкій напечаталъ въ журналѣ Русскаго физико-химическаго общества статьи: „О правомъ терпенѣ изъ русскаго скипидара“, „Взглядъ на строеніе терпеновъ“, „Замѣтка по поводу статьи г. Эльтекова о дѣйствиіи воды въ присутствіи окиси свинца на галоидныя соединенія углеводовъ этиленнаго ряда“ и „О псевдопропил-ацетиленѣ“; Студенскій помѣстилъ статьи: въ Centralblatt für Chirurgie „Ein neuer Apparat für den Gypsverband bei Schenkelbrüchen“ и въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ „Болѣзненность въ дунайской арміи по свѣдѣніямъ сортировочной комиссіи во Фратешти“; Маліевъ напечаталъ: въ Военно-медицинскомъ журналѣ „Рѣдкій случай неправильнаго образованія черепа“, „Военно-хирургическія наблюденія“ и въ Трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ „Антропологическія наблюденія надъ Мордвою Самарской губерніи“; Котовщиковъ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ статьи „Къ ученію о пульсѣ“, „Къ ученію о сердечномъ толчкѣ“ и „Къ ученію о выслушиваніи сосудовъ“; Любимовъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета отчетъ о занятіяхъ своихъ за границею съ сентября 1877 по апрѣль 1878 года; Асташевскій помѣстилъ статьи: въ Centralblatt für die medic. Wissensch. и въ журналѣ Medycyna „Reaction des Paratisspeichels beim gesunden Menschen“ и въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета „О сравнительной діагностической способности слюны у различныхъ животныхъ“; Зембликовъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Казанскаго университета „Очеркъ изслѣдованій, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ университета въ 1874 году“; Миславскій помѣстилъ въ Протоколахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ статью „О вліяніи дыханія на кровообращеніе въ легкихъ“; Никольскій напечаталъ въ Трудахъ Казанскаго общества естествоиспытателей статью „Про́вѣрка дѣйствій камфоры на животный организмъ и нѣкоторыя замѣчанія относительно физиологии nervi erigentis“; Крыловъ помѣстилъ въ Трудахъ Казанскаго общества естествоиспытателей три статьи: „Матеріалы къ флорѣ Пермской губерніи“, „Матеріалы къ флорѣ Вятской губерніи“ и „Каталогъ растений, собранныхъ профессоромъ Штувенбергомъ и лаборантомъ Пельцамомъ въ Пермскомъ краѣ и на Тиманскомъ хребтѣ“.

Совѣтъ Казанскаго университета имѣлъ въ теченіе 1878 года 14 засѣданій. Утверждены въ степени доктора: магистръ Бѣляевъ гре-

ческой словесности, Безсоновъ славянской словесности и лекаръ Асташевскій медицины; въ степени магистра государственнаго права кандидатъ Загоскинъ. Затѣмъ удостоены степени кандидата 17, въ томъ числѣ: историко-филологическаго факультета 6, физико-математическаго 2, юридическаго 9; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету 5, по физико-математическому 6, по юридическому 25, всего 36. По медицинскому факультету удостоено: степени лекари 41, оператора 4, уѣзднаго врача 23, провизора 7, аптекарскаго помощника 35, дантиста 1, повивальной бабки 42. Изъ числа повивальныхъ бабокъ удостоены: 13 изъ ученицъ повивальнаго класса Казанскаго университета, а остальные 29 изъ другихъ родовспомогательныхъ учреждений. Для приготовленія въ преподавательскому званію и для усовершенствованія въ избранныхъ спеціальностяхъ оставлены при университетѣ: при историко-филологическомъ факультетѣ преподаватели гимназій: Симбирской Архангельскій и Уральской Крушевскій и кандидаты Смирновъ; при юридическомъ кандидаты Львовъ, Щегловъ и Соколовскій; при медицинскомъ лекаръ Потѣхинъ. Командированы были съ ученою цѣлю: за границу профессора Никольскій и Бодуэнъ-де-Куртэнэ, лекторъ Колмачевскій и приватъ-доцентъ Васильевъ; внутри Россіи профессоръ Штукенбергъ въ губерніи Пермскую, Уфимскую, Самарскую и Оренбургскую, профессоръ Колли въ Москву, ассистентъ Шелль въ Уфимскую и Оренбургскую, хранитель ботаническаго кабинета Смирновъ въ Туркестанскій край, приватъ-доцентъ Смирновъ по Россіи для производства магнитныхъ изслѣдованій, и профессорскій стипендіатъ Кузнецовъ въ Дерптъ.

По финансовою смѣтѣ, къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1878 годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава 212,675 руб. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 81,563 р. 5 к., на стипендіи и пособія студентамъ 40,217 руб., въ пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ 2,500 руб., всего же, за вычетомъ на пенсїи и въ инвалидный капиталъ 337,678 р. Изъ этой суммы израсходовано въ 1878 году 317,276 руб., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 20,402 р. 9 к. Спеціальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) сбора за слушаніе лекцій оставалось отъ 1877 года 191 руб. 34¹/₂ коп., въ теченіе 1878 года поступило 24,385 р. 70 к., въ теченіе года израсходовано 22,543 р. 10 к., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 2,033 руб. 92¹/₂ коп.; б) пожертвованныхъ (на-

личными и билетами): къ 1-му января 1878 года имѣлось 96,559 р. 87³/₄ к., въ 1878 году поступило 73,637 руб. 27 коп., израсходовано 15,757 руб. 25 коп., затѣмъ къ 1879 году оставалось 154,439 руб. 89³/₄ коп.

Студентовъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо 572, въ теченіе года вновь поступило 206, въ томъ числѣ: изъ гимназій 122, изъ духовныхъ семинарій 82, изъ другихъ заведеній 2; въ теченіе года выбыло 132 (до окончанія курса 51, по окончаніи курса 81); затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 644, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 58, на физико-математическомъ 76 (по разряду математическихъ наукъ 57, по разряду естественныхъ наукъ 19), на юридическомъ 87 (по разряду юридическихъ наукъ 66, по разряду государственныхъ наукъ 21), на медицинскомъ 425. Постороннихъ слушателей къ 1878 году оставалось 36, въ теченіе 1878 года вновь поступило 43 (изъ гимназій 28, изъ духовныхъ семинарій 11, изъ другихъ заведеній 4), въ 1878 году выбыло 7 до окончанія курса, затѣмъ къ 1-му января 1879 года состояло 72. Изъ общаго числа бывшихъ къ 1-му января 1879 года 646 студентовъ освобождено отъ платы 169, что составляетъ 26% общаго числа. Пособій выдано было изъ штатной университетской суммы и изъ пожертвованій разныхъ обществъ и учреждений 131 студенту въ количествѣ 6,726 руб. 78 коп. На тотъ же предметъ израсходовано изъ суммы сбора за ученіе 3,072 руб. Стипендіями пользовались 204 студента, всего на сумму 53,055 руб. 69 коп. Размѣръ стипендій отъ 114 руб. 28 коп. до 420 руб. включительно. Изъ числа стипендіатовъ трое, за малоуспѣшность, лишены были стипендій.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго университета находились къ 1-му января 1879 года въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ 38,970 названій 81,612 томовъ на сумму 232,767 руб., періодическихъ изданій 816 названій 13,089 томовъ на 41,108 руб., рукописей 810 тетрадей; картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 742 листа. Въ студентской библіотекѣ: книгъ 3,749 сочиненій 12,615 томовъ, періодическихъ изданій 140 названій; рукописей, картъ, гравюръ и плановъ 532 листа, всего въ библіотекѣ на 27,919 руб. Въ астрономической обсерваторіи 89 номеровъ на сумму 41,718 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: картъ, атласовъ, брошюръ, моделей, снарядовъ и мебели 1,474 номера на сумму 34,573 руб. Въ кабинетѣ практической механики раз-

ныхъ предметовъ 12 номеровъ на 1,224 руб. Въ химической лабораторіи: книгъ 21 названіе 52 тома на 285 руб.; химическихъ препаратовъ, реактивовъ, посуды, инструментовъ, снарядовъ и другаго имущества 668 предметовъ 698 экземпляровъ на 9,569 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій моделей и препаратовъ 403 номера 22,317 экземпляровъ на сумму 12,509 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: минераловъ, моделей, рисунковъ, камней, приборовъ, инструментовъ, посуды, химическаго матеріала и мебели 7,196 номеровъ 15,775 экземпляровъ на сумму 20,615 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ физико-математическаго факультета: аппаратовъ, снарядовъ, инструментовъ, матеріаловъ, посуды и мебели 462 номера 1,464 экземпляра на 5,001 руб. Въ музеѣ этнографическихъ, древностей и изящныхъ искусствъ: этнографическихъ, археологическихъ и нумизматическихъ предметовъ 15 номеровъ 1,581 экземпляръ на 3,666 руб.; книгъ, брошюръ, картъ, гравюръ и рукописей 3,441 названій на 9,153 руб. Библиотекой музея продолжали пользоваться по прежнему профессеры и студенты историко-филологическаго факультета, занимаясь или въ самомъ музеѣ, или получая книги на домъ. Въ 1878 году, кромѣ прежнихъ утреннихъ часовъ, музей былъ открытъ для занятій въ немъ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ вечера. Въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ, картъ, рисунковъ и моделей 25 названій 39 экземпляровъ на 287 руб.; горныхъ породъ и окаменѣлостей, приборовъ, инструментовъ, посуды, химическаго матеріала и мебели 10,952 номера 26,323 экземпляра на 7,342 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: препаратовъ, стѣнныхъ рисунковъ, инструментовъ, приборовъ, снарядовъ и посуды 2,801 номеръ 6,471 экземпляръ на сумму 15,761 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 7 названій 13 томовъ на 110 руб.; препаратовъ, моделей, рисунковъ, инструментовъ, приборовъ, снарядовъ и посуды 756 номеровъ 2,673 экземпляра на 3,237 руб. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 1,839 экземпляровъ на 1,560 руб. Въ музеѣ патологической анатоміи: препаратовъ, мебели, инструментовъ, матеріаловъ и аппаратовъ 1,057 номеровъ 746 экземпляровъ на сумму 11,456 руб. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: книгъ 18 названій на 465 руб.; инструментовъ, снарядовъ, приборовъ, препаратовъ, реактивовъ и другихъ матеріаловъ 629 номеровъ на 6,205 руб. Въ факультетской терапевтической клиникѣ: разныхъ предметовъ 146 номеровъ 229 экземпляровъ на 2,639 руб. Въ бли-

никъ этой, имѣющей 28 кроватей, больныхъ отъ 1877 года оставалось 27, въ теченіе 1878 года вновь поступило 64, выздоровѣло 57, умерло 11, оставалось къ 1-му января 1879 года на излѣченіи 23, въ теченіе года больныхъ приходившихъ за совѣтами было 1,494. Въ хирургической факультетской клиникѣ разныхъ предметовъ 164 номера, 359 экземпляровъ, на 3,927 франковъ 256 сантимовъ. Больныхъ въ этой клиникѣ, имѣющей 15 кроватей, оставалось къ 1-му января 1878 года 20, въ теченіе 1878 года вновь поступило 95, выздоровѣло и вышло 90, умерло 9, осталось на излѣченіи къ 1879 году 16, приходило за совѣтами въ теченіе года 1,350. Въ госпитальной терапевтической клиникѣ: аппаратовъ, инструментовъ, посуды и проч. 209 номеровъ, 280 экземпляровъ, на 2,152 руб. Въ клиникѣ этой, имѣющей 35—40 кроватей, больныхъ отъ 1877 года оставалось 26, въ теченіе 1878 года вновь поступило 464, выздоровѣло и ушло 372, умерло 103, осталось къ 1879 году на излѣченіи 30, приходившихъ больныхъ было 123. Въ хирургической госпитальной клиникѣ хирургическихъ инструментовъ 534 номера, 1,394 экземпляра, на 2,920 руб. Больныхъ въ клиникѣ, имѣющей 40 кроватей, въ 1878 году поступило 216, выздоровѣло изъ нихъ и вышло 201, умерло 15, приходившихъ за совѣтами больныхъ было 852. Въ гистологическомъ кабинетѣ числилось: микроскоповъ, лупъ, поляризаціонныхъ аппаратовъ, вѣсовъ, инструментовъ, препаратовъ и прочаго имущества 405 номеровъ на 2,676 руб. Въ фармацевтическихъ лабораторіи и кабинетѣ: книгъ 30 названій на 315 руб.; фармацевтическихъ препаратовъ, секретныхъ и восточныхъ средствъ, моделей кристалловъ, снарядовъ и проч. 1,540 номеровъ на 1,913 руб. Въ лабораторіи занятія состояли: а) въ демонстраціонномъ курсѣ фармакологіи для студентовъ III курса медицинскаго факультета и фармацевтовъ; б) въ практическихъ занятіяхъ тѣхъ же студентовъ. Занятія заключались въ знакомствѣ съ физиологическими методами въ примѣненіи къ рѣшенію различныхъ фармакологическихъ вопросовъ. Студентамъ предоставлялось изслѣдовать дѣйствіе на животный организмъ нѣкоторыхъ наиболее важныхъ лекарственныхъ веществъ. Студентъ IV курса Мещатевъ продолжалъ изученіе дѣйствія хинина на кровообращеніе; ветеринарный врачъ Гольцманъ занимался изслѣдованіемъ дѣйствія нѣкоторыхъ лекарственныхъ веществъ на движеніе лимфы и печаталъ эти изслѣдованія, какъ диссертацию на степень магистра ветеринарныхъ наукъ; лѣкаръ Егоровъ началъ изслѣдованіе о вліяніи кровообращенія на измѣненіе зрачка; лѣкаръ Леонтьевъ занимался

изученіемъ опредѣленія времени наступленія смерти при задушеніи; лѣкарь Никольскій приготовлялъ мускаринъ изъ нѣкоторыхъ продуктовъ животнаго организма. Преподаватель окончилъ изслѣдованіе о реакціи на бѣлокъ и о содержаніи послѣдняго въ преломляющихъ средахъ глаза. Въ гигиеническомъ кабинетѣ числилось: книгъ, рисунковъ и плановъ 23 названія на 122 руб.; аппаратовъ, инструментовъ, приборовъ, реактивовъ, препаратовъ и проч. 547 нумера, 1,099 экземпляровъ, на 2,990 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: образцовъ фабрично-заводскихъ продуктовъ, моделей, машинъ, аппаратовъ, приборовъ, инструментовъ, стѣнныхъ таблицъ, мебели, реактивовъ, матеріаловъ и проч. 1,996 нумеровъ, 8,741 экземпляръ, на сумму 8,950 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ: сухихъ растений, моделей, образцовъ, приборовъ, реактивовъ, матеріаловъ и прочаго имущества 854 нумера 1,780 экземпляровъ на 2,226 руб. Въ медико-химической лабораторіи: приборовъ, инструментовъ, животно-химическихъ препаратовъ, реактивовъ и пр. 592 нумера 3,373 экземпляра на сумму 7,257 руб. Въ химической лабораторіи для практическихъ занятій по аналитической химіи студентовъ медицинскаго факультета: химическихъ матеріаловъ, химической посуды 20 нумеровъ на 46 руб. Въ химической лабораторіи физико-математическаго факультета: химическихъ препаратовъ, реактивовъ, матеріаловъ, инструментовъ, снарядовъ, мебели 538 нумеровъ 116 экземпляровъ на 1,134 руб. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: хирургическихъ и оптическихъ приборовъ и инструментовъ на 3,071 руб. Въ собраніи пособій для демонстративнаго преподаванія педиатріи: разныхъ предметовъ 18 нумеровъ 19 экземпляровъ на 280 руб. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений, фруктовыхъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ 721 нумеръ на 616 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ медицинскаго факультета: книгъ 2 названія 54 тома на 70 руб.; аппаратовъ, снарядовъ, моделей, препаратовъ и проч. 966 нумеровъ 4,005 экземпляровъ на 8,131 руб. Въ общепатологическомъ кабинетѣ: инструментовъ, снарядовъ, приборовъ и матеріаловъ 217 нумеровъ на 1,743 руб. Занятія въ кабинетѣ, по ограниченности средствъ онаго, состояли почти исключительно изъ работъ завѣдывающаго кабинетомъ профессора, который продолжалъ свои изслѣдованія надъ вліаніемъ положенія тѣла животныхъ на состояніе кровянаго давленія въ различныхъ частяхъ тѣла, и старался анализировать наблюдавшіяся при этомъ явленія путемъ гидродинамическихъ опытовъ надъ систематическимъ кровообращеніемъ на

трубкахъ. Кромѣ того, состоящая на службѣ въ университетѣ М. П. Рѣшетина, окончившая курсъ медицинскихъ наукъ на женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ, производила изслѣдованія надъ вліяніемъ смазыванія вожи животныхъ различными задерживающими перспирацію веществами. Въ акушерскомъ кабинетѣ числилось разныхъ предметовъ 398 нумера на сумму 3,158 руб.

При Казанскомъ университетѣ существуютъ три ученые общества: общество естествоиспытателей, общество археологій, исторіи и этнографіи и общество врачей. Состояніе этихъ обществъ и дѣятельность ихъ въ 1878 году представляются въ слѣдующемъ видѣ. Научная дѣятельность общества естествоиспытателей, какъ и въ предшествующіе годы, сосредоточивалась главнымъ образомъ на устройствѣ экскурсій для естественно-научнаго изслѣдованія различныхъ мѣстностей восточной полосы Россіи и Сибири. Лѣтомъ 1878 года на средства общества были предприняты слѣдующія экскурсіи: Ю. К. Шелль—изслѣдовалъ флору Уфимско-Оренбургскаго края; П. Н. Крыловъ продолжалъ изслѣдованія флоры Урала въ сѣверной части Пермской губерніи; А. М. Зайцевъ прослѣдилъ въ части Казанской и Симбирской губерній ярусы пермскаго известняка и пестрыхъ мергелей, а также и послѣдствія третичнаго образованія; С. М. Чугуновъ производилъ въ г. Симбирскѣ раскопки древнихъ кладбищъ; Э. Д. Пельцамъ ѣздилъ по Волгѣ для собранія многого и молодыхъ стерлядей, съ цѣлю изученія образа жизни послѣднихъ; И. Н. Смирновъ производилъ магнитныя наблюденія въ Печорскомъ краѣ. Сверхъ того, предприняты были отъ имени общества, хотя и безъ матеріальнаго съ его стороны содѣйствія, еще двѣ геологическія экскурсіи: А. А. Штукенбергомъ и П. И. Кротовымъ по Камѣ, Чусовой и за Ураломъ, и А. П. Ивановымъ по верхнему теченію Камы. Въ засѣданіяхъ общества были сдѣланы слѣдующія научныя сообщенія: В. В. Зеленскій окончилъ изложеніе своихъ изслѣдованій объ исторіи развитія стерляди; А. П. Сизовъ сообщилъ объ окончаніи обонятельнаго нерва у лягушки; Н. А. Миславскій сообщилъ о кровообращеніи въ легкихъ при различныхъ фазахъ дыханія; А. А. Штукенбергъ, кромѣ представленія предварительныхъ отчетовъ о геологическихъ экскурсіяхъ 1878 года, сообщилъ также о пластахъ въ Минусинскомъ округѣ; С. М. Чугуновъ представилъ свое изслѣдованіе о значеніи отношенія вышины черена къ его ширинѣ, совмѣстно съ отношеніемъ длины къ основанію, какъ отличительнаго признака растъ; Ю. К. Шелль и П. Н. Крыловъ

представили предварительные отчеты о своихъ экскурсіяхъ; Н. А. Толмачевъ сообщилъ объ организаціи и дѣятельности сѣзда французской ассоціаціи для споспѣшествованія наукамъ въ 1878 году въ Парижѣ. Кромѣ того, представлены въ общество статьи: С. М. Чугунова „О костяхъ, найденныхъ въ Симбирскѣ“; Н. М. Маліева „Общая свѣдѣнія о Мордвѣ Симбирской губерніи“; А. А. Штукенберга „По поводу замѣтки Меллера „Къ геологическому очерку южной части Нижегородской губерніи“; Ю. К. Шелля „Описокъ явобратныхъ растений окрестностей Талицкаго завода Пермской губерніи“; В. Н. Виноградскаго „Результаты пятилѣтнихъ метеорологическихъ наблюдений при Вятскомъ земскомъ училищѣ“, и каталогъ растений, собранныхъ въ 1874 году въ Печорскомъ краѣ и на Тиманскомъ хребтѣ Штукенбергомъ и Пельдамомъ, обработанный Шеллемъ и Крыловымъ. Эти статьи, а также въкоторыя другія изъ указавшихъ выше сообщеній напечатаны въ изданіяхъ общества, которое въ 1878 году выпустило въ свѣтъ VII томъ Трудовъ и одинъ томъ протооловъ съ приложениями. Въ концѣ 1878 года открылся при обществѣ анатомо-физиологическій отдѣлъ, имѣвшій одно засѣданіе, въ которомъ К. А. Ариштейкъ сообщилъ о Мембрана Вгучгі радужной оболочки-человѣка. Въ теченіе года избраны: 2 почетныхъ члена, 6 дѣйствительныхъ и одинъ членъ-сотрудникъ, такъ что къ концу года общество состояло изъ 20-ти почетныхъ членовъ, 51-го дѣйствительнаго и 28-ми членовъ-сотрудниковъ. Общество имѣло въ теченіе года, независимо годичнаго и одного экстреннаго, 9 засѣданій совѣта и 8 общихъ собраний. Поддерживая сношенія съ другими учеными обществами и учрежденіями, общество высылало свои изданія въ 58 ученыхъ урядовъ. Вслѣдствіе полученія въ обихъ изданій другихъ обществъ, бібліотека общества значительно пополнилась. Кромѣ книгъ пріобрѣтенія заключались: въ коллекціи растений, собранныхъ дѣйствительнымъ членомъ Мартыановымъ около г. Минусинска, и въ геологическихъ коллекціяхъ, составленныхъ членами-сотрудниками Бротовымъ и Зацевымъ. Денежныя средства общества представляются въ слѣдующемъ видѣ: отъ 1877 года оставалось 365 руб. 94½ коп., поступило въ 1878 году: изъ государственнаго казначейства 2,500 руб., процентовъ за 1877 годъ 49 руб. 43 коп., отъ продажи изданій 38 руб. 53 коп., членскихъ взносов 161 руб., остатки аванса и суммы, выданной для уплаты за метеорологическія инструменты 30 руб. 63 коп., всего въ приходѣ 3,145 руб. 53½ коп. Изъ нихъ израсходовано: на

экскурси 1,999 руб. 20 коп., на печатаніе наданій 1,197 руб. 33 коп., на текущіе и мелочные расходы 254 руб. 32 коп., на пособія при ученыхъ работахъ 400 руб. 65 коп., всего истрасходовано 3,051 руб. 50 коп.; въ остаткѣ къ 1-му января 1879 года имѣлось 94 руб. 3½ коп.

Общество археологій, исторіи и этнографіи, учрежденное 18-го марта 1878 года, къ концу этого года имѣло 64 члена, изъ коихъ 2 почетныхъ, 51 действительный и 11 сотрудниковъ. Общество имѣло въ теченіе года семь общихъ собраній членовъ и семь засѣданій совѣта общества. Въ очередныхъ общихъ собраніяхъ сдѣлано было 14 научныхъ сообщеній слѣдующими лицами: П. В. Владиміревыхъ „Объ историческомъ значеніи рукописей библиотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской духовной академіи; Н. Е. Заринскимъ „О древней каменной монетѣ XIII и XIV столѣт., открытой въ гор. Козьмодемьянскѣ“ и „Легендарныя сказанія о началѣ Казани“; Н. И. Золотницкимъ „Лингвистическія замѣтки о названіяхъ Булгарь, Биляръ и Морхвань“; А. П. Ивановымъ „О слѣдахъ первобытнаго чудскаго населенія въ сѣверо-западной части Пермской губерніи“; Д. А. Корсазовымъ „О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію Казанскаго края“; А. Ѡ. Лихачевымъ „Предварительное сообщеніе объ открытіи слѣдовъ каменнаго вѣка въ окрестностяхъ гор. Казани“; П. А. Пономаревымъ „О временныхъ слѣдахъ древняго города Увека въ Саратовской губерніи“; В. К. Савельевымъ „Описаніе Джучидскихъ монетъ, собранныхъ П. А. Пономаревымъ въ дер. Увеки“ и „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ XV—XVI в. составлявшихъ кладъ, открытый въ Казанскомъ кремлѣ 4-го сентября 1878 года“; С. М. Шпилевскимъ „Обзоръ литературныхъ свѣдѣній о древнемъ Увекѣ“; имъ же прочитано сообщеніе профессора С.-Петербургскаго университета В. П. Васильева „О замѣчательной китайской монетѣ 998—1099 гг. нашей эры, приобрѣтенной въ с. Болгаряхъ въ августѣ 1877 года“; А. А. Штукенбергомъ „О чудскомъ городищѣ, вновь открытомъ имъ на устьѣ р. Чусовой“; имъ же прочитано сообщеніе П. И. Кротова „О нѣкоторыхъ мѣстонахожденіяхъ каменныхъ орудій въ Вятской и Казанской губерніяхъ“. При обществѣ учреждены: библиотека, архивъ рукописей и актовъ, и археолого-этнографическій музей. Въ библиотекѣ имѣлось къ концу 1878 года 228 названій въ 381 томѣ книгъ, атласовъ и брошюръ. Архивъ рукописей и актовъ имѣлъ 90 отдѣльныхъ номеровъ. Въ музей числи-

лось 370 номеровъ предметовъ, касающихся мѣстной археологіи и этнографіи. Денежныя средства образуются исключительно изъ единовременныхъ и годичныхъ членскихъ взносов, сумма которыхъ в 1878 году простиралась до 500 руб. Общество надееть, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, Извѣстія, и проектируетъ учрежденіе въ Казани публичнаго археологическаго и этнографическаго музея, представляющагося дѣломъ настоятельной потребности, въ виду особеннаго богатства и значенія мѣстнаго края въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Разработка этого вопроса возложена на особую комиссію, избранную обществомъ изъ среды членовъ его.

Общество врачей состоитъ изъ 56 членовъ; изъ нихъ почетныхъ 3, дѣйствительныхъ 53, живущихъ въ Казани 50, иногородныхъ 6. Въ теченіе 1878 года оно имѣло 6 очередныхъ засѣданій и одно годовое, публичное. Въ очередныхъ засѣданіяхъ членами сдѣлано 15 научныхъ сообщеній, именно: К. А. Арнштейномъ и А. Н. Соловьевымъ „*Molohydaticida incipiens*“, М. Ф. Волдыревымъ „*Polypus laryngis multiplex*“, Н. А. Виноградовымъ „Два случая *Febris intermittens larvata*“ и „Извѣ терапевтическаго отдѣленія факультетской клиники Казанскаго университета“, М. Ф. Высоккимъ „Лимфатическая система оболочивающихъ апоплевровъ“, П. В. Кузнецкимъ „О герметической перязкѣ съ камфарнымъ спиртомъ“, студентомъ Львовымъ „Къ вопросу о лѣченіи несрастающихся переломовъ ложныхъ суставовъ“, П. В. Рудановскимъ „Дополнительныя свѣдѣнія въ построенію осевыхъ цилиндровъ, какъ трубокъ, заключающихъ въ себѣ содержимое, и о механическихъ въ нихъ измѣненіяхъ“, А. Н. Соловьевымъ „Случай остановки кровотеченія послѣ родовъ введеніемъ кусковъ льда въ полость матки“, „О смываніи промежности посредствомъ катъ-гуттъ“, „Краткое сообщеніе о полипѣ матки“ и „Извлеченіе изъ 2-го отчета по Лихачевскому родильному заведенію“; Н. И. Студенскимъ „Болезненность и смертность въ Дунайской арміи по свѣдѣніямъ сортировочной комиссіи во Фратештѣ“, Толмачевымъ „Случай *foetus in foetu*“, А. Я. Щербаковымъ „Къ вопросу о дѣйствиіи искусственнаго желудочнаго сока на фибринъ“.

Казанскій ветеринарный институтъ съ состоящею при немъ фельдшерскою школою въ 1878 году.

Въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ и состоящей при немъ фельдшерской школѣ въ 1878 году состояло штатныхъ преподавателей:

въ институтѣ — ординарныхъ профессоровъ 3, экстраординарный 1, доцентъ 1, преподавателей 5, помощникъ прозектора 1, ученый кузнецъ 1, лаборантъ фармаціи 1, ассистентовъ клинни 2; всего 15; въ фельдшерской школѣ: заовоучитель 1, преподаватель русскаго языка 1; сверхъ того въ школѣ преподають состоящіе при институтѣ помощникъ прозектора, ученый кузнецъ, два ассистента и лаборантъ фармаціи. Сверхштатныхъ при институтѣ преподавателей состояло 5, а именно: по физиологій, сельскому хозяйству, русскому языку съ теоріей и исторіей литературы, по фармакологіи (части теоретической), общей терапіи, судебной ветеринаріи и клинической части фармакологіи.

Въ теченіе 1878 года совѣтъ института имѣлъ 30 засѣданій. Изъ числа занятій совѣта важнѣйшія были слѣдующія: а) на основаніи Высочайшаго повелѣнія относительно сроковъ выпуска въ 1878 году врачей и ветеринаровъ, совѣтомъ института было опредѣлено усилить преподаваніе предметовъ на IV курсѣ такъ, чтобы выпускъ ветеринаровъ могъ быть произведенъ одновременно съ выпускомъ медиковъ мѣстнаго университета. Согласно съ симъ, исчисленіе студентовъ на ученую ветеринарную степень по теоретическимъ предметамъ начаты съ 1-го марта, и къ 1-му апрѣлю, по окончаніи экзаменовъ, произведенъ былъ выпускъ; б) вслѣдствіе возбужденнаго еще въ 1877 году вопроса относительно формы медалей, присуждаемыхъ студентамъ за отличныя сочиненія, по порученію совѣта института былъ изготовленъ рисунокъ медалей, который препровожденъ на утвержденіе высшаго начальства; в) по примѣру прежнихъ лѣтъ, постановлено было не производить изъ институтской аптеки вольной продажи лѣкарствъ; г) въ поощреніе студентовъ къ учебнымъ занятіямъ, а также съ цѣлію предоставленія бѣднѣйшимъ изъ нихъ средствъ къ обезпеченному продолженію своего образованія, независимо отъ предложенной въ 1877 году темы, на которую въ декабрѣ ожидалось представленіе работъ, кромѣ выдачи штатныхъ 3,000 руб. на стипендіи, которыя были раздѣлены на 15 студентовъ послѣднихъ трехъ курсовъ, по 200 руб. въ годъ каждому, съ освобожденіемъ ихъ отъ платы за слушаніе лекцій, по примѣру предъидущихъ лѣтъ, выдано: 1) 200 руб. на пособіе студентамъ въ крайнихъ и неотложныхъ случаяхъ; 2) изъ специальныхъ средствъ въ продолженіе года отчислялась половинная часть сбора за слушаніе лекцій и выдавалась въ единовременное пособіе студентамъ, сообразуясь съ ихъ успѣхами въ наукахъ, поведеніемъ, а также представленными свидѣтельствами

о бѣдности; 3) дежурнымъ при клиникахъ студентамъ IV и III курсовъ выдавалось изъ того же источника по 50 коп. на продовольствіе, на что въ теченіе года израсходовано 106 руб. Кроме того несостоятельные изъ студентовъ освобождались отъ платы за слушаніе лекцій; нѣкоторымъ же изъ нихъ размѣръ платы былъ уменьшенъ. Наконецъ, недостаточнымъ студентамъ было выдано въ теченіе года 1,134 руб. 43 коп., вырученные отъ двухъ спектаклей, устроенныхъ въ ихъ пользу по почину преподавателя института Назавихина.

Преподаватели и другія служащіе при институтѣ лица издали въ свѣтъ и приготовили въ печати слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института, ординарный профессоръ Зейрманъ напечаталъ отдѣльною брошюрой „Краткій обзоръ учебно-ветеринарныхъ заведеній въ Россіи“; ординарный профессоръ Ланге приготовилъ въ печати статьи: „Что сдѣлало земство по устройству ветеринарной медицины въ отечествѣ?“ и „Часть курса эпизоотіи и ветеринарной полиціи“ и отлитографировалъ лекціи по преподаваемымъ имъ предметамъ частной патологіи и терапіи вторымъ изданіемъ, и эпизоотіи съ ветеринарною полиціей; экстраординарный профессоръ Влюшбергъ напечаталъ брошюру „Altera pars non semper auditur. (Erwiderung auf den Artikel: Audiatur et altera pars)“, и изготовилъ для печати брошюру: „По поводу возраженія профессора Дерптскаго ветеринарнаго института Фридр. Унтербергера на статью объ эстонской лошади и о Торчельскомъ конскомъ заводѣ“; преподаватель фармакологіи Догель помѣстилъ въ Архивъ Флюгера статьи: Zur Kenntniss der Eiweisreactionen und von dem Verhalten des Albumins der lichtbrechenden Medien des Auges“; ученый кузнецъ Кальнингъ напечаталъ отдѣльною брошюрой „Ученіе о рациональной ковкѣ лошадей“ и помѣстилъ въ Архивъ ветеринарныхъ наукъ статью „Порядокъ вояванія у Сибирскихъ Киргизовъ“; ассистентъ Гольцманъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Experimentelle Untersuchungen über die Wirkung einiger Arzneikörper auf den Lymphstrom mit Berücksichtigung des Blutdruckes“.

На соисканіе награды медалью предложена была слѣдующая тема: „Какое вліяніе имѣетъ на внутреннюю температуру тѣла у рогатаго скота время дня и температура окружающей среды“. Представившему на эту тему сочиненіе, студенту IV курса Михаилу Аристову со вѣтомъ института присуждена золотая медаль.

По финансовой смѣтѣ 1878 года, на содержаніе института ассигновано было изъ государственнаго казначейства: на личный составъ

23,091 руб., на содержание, отождение, освещение и другие хозяйственные расходы 2,450 руб., на библиотеку и кабинеты 2,300 руб., на вознаграждение библиотекаря 150 руб., на клинику съ ветеринарной аптекой 1,400 руб., на содержание педалей и служителей 1,600 руб., на кузницу 100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлью 550 руб., на канцелярскіе расходы 150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института 400 руб., на изготовленіе медалей 100 руб., на стипендіи 3,000 руб., на наемъ помѣщенія для института 5,000 руб., всего же ассигновано было 40,291 руб., что съ остаткомъ суммы 1877 года составляетъ 47,020 руб. 15 коп. Изъ этой суммы въ теченіе 1878 года израсходовано 42,559 руб. 86 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1879 года осталось 4,460 руб. 29 коп. Специальные средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: а) сбора за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1877 года 611 руб. 52 коп., въ 1878 году поступило 3,867 руб. 50 коп., въ теченіе года израсходовано 3,615 руб. 61 коп.; къ 1-му января 1879 года было въ остаткѣ 363 руб. 41 коп.; б) сбора за лѣченіе домашнихъ животныхъ въ клиникахъ: оставалось отъ 1877 года 248 руб. 50 коп., въ теченіе 1878 года поступило 271 руб. 4 коп., израсходовано 248 руб. 30 коп., къ 1-му января 1879 года оставалось 271 руб. 4 коп.; в) партикулярныхъ суммъ и залоговъ: отъ 1877 года оставалось 295 руб. 10 коп., въ 1878 году поступило 5,478 руб. 27 коп., израсходовано 5,327 руб. 97 коп., остатка къ 1-му января 1879 года 445 руб. 40 коп. Главнѣйшіе расходы изъ специальныхъ средствъ были слѣдующіе: на выдачу пособій студентамъ 1,157 руб. 9 коп., на вознагражденіе профессора университета Вулича за преподаваніе русскаго языка съ теоріей и исторіей литературы, и доцента института Лемана за преподаваніе аналитической химіи, по 600 руб. каждому, 1,200 руб., на одновременное вознагражденіе преподавателямъ фельдшерской школы и чиновникамъ по административной части института 550 руб.

Къ 1-му января 1878 года состояло студентовъ института 200, въ теченіе года вновь поступило 64 (изъ гимназій 31, изъ духовныхъ семинарій 30, изъ другихъ заведеній 3), въ теченіе года выбыло 70 (до окончанія курса 33, по окончаніи курса 37); затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 194, которые распределены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ I курсѣ 54, во II—50, въ III—51, въ IV—39. Учениковъ ветеринарно-фельдшерской школы къ началу 1878 года состояло 16, въ 1878 году поступило изъ разныхъ заведеній 6, выбыло въ теченіе года 11 (5 до окончанія, 6 по окончаніи

курса); къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 11, которые распределены были по классамъ такъ: въ I классѣ 5, во II — 3, въ III — 3. Изъ числа студентовъ освобождено было отъ платы 91, что составляетъ 50% общего числа студентовъ; слушали курсъ за половинную плату 16.

Учебно-вспомогательныя учреждения Казанскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1879 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библиотекѣ института числилось книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ 1,835 названій 2,794 тома на сумму 6,566 руб. Въ фармакологическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ 1,036 номеровъ на 8,961 руб. Въ физиолого-анатомическомъ музеѣ 60 номеровъ на 1,076 руб. Въ патолого-анатомическомъ музеѣ 420 номеровъ на 2,159. По патологической анатоміи практическія занятія студентовъ IV курса заключались въ производствѣ вскрытій труповъ животныхъ съ составленіемъ о томъ протоколовъ. Всѣхъ вскрытій въ теченіе года было 64; студенты же III курса занимались практически по патологической анатоміи. Въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ числилось разныхъ предметовъ 127 номеровъ на 663 руб.; въ кузницѣ 202 номера на 609 руб., въ сельско-техническомъ кабинетѣ 141 номеръ на 904 руб. Въ физиолого-химическомъ кабинетѣ 914 номеровъ на 5,879 руб., въ аптекѣ 979 номеровъ на 2,710 руб., въ кабинетѣ образцовыхъ водокъ и разнаго рода копьевъ 108 номеровъ на 373 руб., въ собраніи зубныхъ препаратовъ 22 номера на 68 руб., въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 445 номеровъ на 1,162 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 859 номеровъ на 2,498 руб. Въ этомъ кабинетѣ студенты II курса ежедневно въ послѣобѣденное время занимались по группамъ преподаваніемъ всѣхъ органовъ и частей тѣла животныхъ. Для практическихъ работъ были приобретаемы живыя животныя, а также отдѣльныя части ихъ или же цѣлыя трупы, на что въ теченіе года израсходовано было до 136 руб. Въ концѣ каждой недѣли по изготовленнымъ и представленнымъ студентами препаратамъ производились новѣрочныя испытанія, съ запиской препаратовъ и результатовъ испытаній въ особо-заведенную для сего книгу. Въ клиникахъ числилось разныхъ предметовъ 970 номеровъ на сумму 5,357 руб. Въ клиникѣ терапевтической и хирургической ежедневно, въ опредѣленные часы, производились осмотръ, изслѣдованіе и прописываніе лѣкарствъ для животныхъ какъ амбулаторныхъ, такъ и находившихся на излѣченіи въ постоянныхъ клиникахъ. При этихъ занятіяхъ, по мѣрѣ встрѣчавшихся случаевъ, сту-

енты III и IV курсовъ практически ознакомлялись съ методами излѣчѣнія больныхъ животныиъ, опредѣленія болѣзней и способами ихъ лѣченія. Для этихъ же цѣлей, а равно и для приобретѣнія навыка къ наблюденію за кодомъ болѣзней, студенты означенныхъ курсовъ ежурили по очереди при клиникахъ и были назначены кураторами, при чемъ имъ даваемо были въ помощь ученики ветеринарно-фельдшерской школы, съ цѣлю ознакомленія послѣднихъ съ уходомъ за больными животными; въ случаѣ же производства въ клиникѣ хирургическихъ операций, по нѣскольку студентовъ IV курса участвовали какъ ассистенты. Больше важныхъ операций произведено было въ 1878 году 41. Въ теченіе года доставлено было въ клиники больныхъ животныиъ 523, въ томъ числѣ: въ стационарную клинику 112, представленныхъ какъ амбулаторныхъ животныиъ—390, были лѣчены помиклиноческн 21. Изъ животныиъ, находившихся въ стационарной клиникѣ, выдорождало и получило облегченіе 79, пало 32.

НИЗШНЯ УЧИЛИЦА.

Низшнѣ училищѣ Виленскаго учебнаго округа въ 1879 году.

Начинаемъ обзоръ состоянія низшихъ училищъ Виленскаго округа въ 1878 году съ училищъ городскнхъ, учрежденныхъ по положенію 31-го мая 1872 года. Къ началу упомянутого года было ихъ всего два, но затѣмъ число ихъ увеличилось до 10, такъ какъ 8 уѣздныхъ училищъ были преобразованы въ городскія. Число учащихся простиралось до 769, изъ коихъ православнаго исповѣданія 280, католическаго 341, лютеранъ 8, магометанъ 11 и прочихъ исповѣданій 129. Означенныя училища учреждены такъ недавно, это нельзя еще произнести о нихъ окончательный приговоръ, но все заставляетъ думать что имъ суждено приносить значительную пользу. Оставимся нѣсколько подробнѣе на двухъ изъ нихъ—Свенцянскомъ и Могилевскомъ, учрежденныхъ годомъ ранѣе чѣмъ остальные.

Въ Свенцянскомъ городскомъ училищѣ занятія шли правильно и во всемъ согласно съ требованіями программъ. Изъ отвѣтовъ учащихся можно было видѣть, что все пройденное усвоено было твердо,—только успѣхи ихъ по закону Божию римско-католическаго исповѣданія не отличались отчетливостью и толковымъ знаніемъ предмета.

Пѣніе, подъ руководствомъ инспектора, шло удовлетворительно; ученики довольно стройно пѣли на два голоса молитвы, народный гимнъ и нѣсколько русскихъ пѣсенокъ; столь же усердно были ведены гимнастическія упражненія: хотя, въ сожалѣнію, училище еще не имѣетъ всѣхъ необходимыхъ для того приборовъ. Помѣщеніе Свейцянскаго училища ремонтировано и вполне приспособлено къ школьнымъ требованіямъ: кромѣ четырехъ просторныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, кромѣ классовъ, находятся въ немъ большой актовъ залъ, три комнаты для канцелярии и библіотека. Не совсѣмъ удобная мебель, оставшаяся отъ уѣзднаго училища, была замѣнена новою, а библіотека значительно пополнена книгами, руководствами и учебными пособиями, въ числѣ коихъ слѣдуетъ упомянуть о зоологическомъ атласѣ Шуберта, о картинахъ четырехъ временъ года Семанова, коллекціи геометрическихъ тѣлъ и гипсовыхъ моделей, телѣической коллекціи Рейнбота, коллекціи минераловъ и др. Въ Могилевскомъ городскомъ училищѣ открыто было въ 1878 году первое отдѣленіе III-го класса и число преподавателей увеличилось назначеніемъ особаго учителя-инспектора. Учебная и воспитательная часть были поставлены вполне удовлетворительно. Помѣщеніе училища, хотя и расширенное, все-таки оказывалось недостаточно просторнымъ для 130 учащихся, — кромѣ того, нѣтъ въ немъ особой комнаты для библіотеки и разныхъ коллекцій, а также и двора для гимнастическихъ упражненій. Впрочемъ, Могилевская городская управа занялась уже высланиемъ средствъ для лучшаго матеріальнаго обезпеченія училища и намѣрена построить для него особый домъ.

Число уѣздныхъ училищъ въ Валенскомъ округѣ увеличилось въ 1878 году на 8 вслѣдствіе преобразованія ихъ въ городскія, то-есть вмѣсто 38 осталось ихъ 30. Учащихся было 1865, — среднимъ числомъ по 62 въ каждомъ изъ нихъ. Впрочемъ, нѣкоторые уѣздныя училища особенно отличаются своимъ многолюдствомъ, — такъ, напримѣръ, въ Россіенскомъ было 152, Слонимскомъ 98, Витебскомъ 84. По сравненію съ городскими училищами, уѣздныя поставлены въ менѣе благоприятныя условія: помѣщенія многихъ изъ нихъ тѣсны, классная мебель неудобна, въ меньшемъ количествѣ снабжены они учебными пособиями и коллекціями, необходимыми для нагляднаго преподаванія. При теперешнемъ переходномъ ихъ состояніи не легко находить для нихъ и учителей; къ тому же находящіеся на лицо преподаватели обязаны исполнять особыя порученія, а именно замѣняютъ своихъ товарищей, командируемыхъ на педагогическіе курсы при учитель-

скомъ институтѣ, или же производить испытанія на выдачу льготныхъ свидѣтельствъ по военной повинности какъ въ находящияся при уѣздныхъ училищахъ испытательныхъ коммисіяхъ, такъ и въ народныхъ школахъ своихъ уѣздовъ. Не смотря на все это, ученіе во многихъ уѣздныхъ училищахъ шло вполне успѣшно. По закону Божію православнаго исповѣданія пройдена была св. исторія ветхаго и новаго завета и важнѣйшія событія изъ исторіи церкви, пространнѣй катехизисъ и объясненіе церковнаго Богослуженія. Обученіе церковному гвнью возлагается на законоучителей; но не всѣ они обладаютъ способностями къ этому, а потому въ нѣкоторыхъ училища были приглашаемы постороннія лица за особое вознагражденіе, выдававшееся изъ суммъ сбора за ученіе. Лучшіе хоры воспитанниковъ находились при уѣздныхъ училищахъ Дисненскомъ, Слонимскомъ, Пружанскомъ, Ковринскомъ, Свнннскомъ, Выховскомъ и Мстиславскомъ. — Преподаваніе русскаго языка во многихъ училищахъ шло весьма удовлетворительно. Грамматическія правила были изучаемы при чтеніи избранныхъ статей и на образцахъ живой рѣчи, при чемъ обращено было особенное вниманіе на сознательность и плавность чтенія и на очищеніе разговорнаго языка учащихся отъ жѣстныхъ бѣлорусскихъ и польскихъ особенностей. Съ другой стороны, письменныя упражненія, состоявшія въ диктантѣ, переложеніи своими словами заученныхъ отрывковъ и небольшихъ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, не мало способствовали къ приобритенію учениками навыка послѣдовательно излагать свои мысли на бумагѣ. Изученіе церковно-славянскаго языка въ училищахъ, имѣвшихъ разнообразный составъ учащихся по вѣроисповѣданіямъ, шло менѣе успѣшно; въ училищахъ же, гдѣ большинство учениковъ принадлежало къ православному исповѣданію, оно не ограничивалось чтеніемъ евангелскаго текста и изложеніемъ его русски прочитаннаго, но сопровождалось указаніями на отличіе важнѣйшихъ грамматическихъ формъ славянскихъ отъ русскихъ. Ученики читали книги славянской печати большею частью правильно и толково. — Отечественная исторія имѣла для учащихся не только образовательное, но и воспитательное значеніе; преподаваніе ея происходило по учебникамъ Иловайскаго, Рождественскаго и отчасти Пудыковича. Въ первыхъ классахъ оно ведено было въ формѣ энциклопедической и біографической съ соблюденіемъ хронологическаго порядка; во вторыхъ классахъ болѣе систематически съ строгимъ соблюденіемъ связи между событіями и объясненіемъ ихъ. При преподаваніи исторіи особенное вниманіе было обращено на истолкованіе учащимся зна-

ченія русской народности въ мѣстномъ краѣ и тѣхъ историческихъ личностей, которыя по своимъ подвигамъ заслуживаютъ особенной ея признательности. — По географіи общей и отечественной объѣтъ пройденнаго былъ приравненъ къ учебникамъ Смирнова, Врамсона и др. Учащіеся приобрѣли вообще достаточныя свѣдѣнія по этому предмету; преподаваніе его, согласно требованіямъ учебнаго плана, постоянно сопровождалось черченіемъ картъ. — По арифметикѣ въ первыхъ классахъ училищъ была пройдена первая ея часть до десятичныхъ дробей, а во вторыхъ до тройнаго правила включительно; не совсѣмъ удовлетворительны были успѣхи по геометріи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ училищахъ преподаватели, вмѣсто практическаго направленія, при которомъ необходимо знакомить учениковъ лишь съ главнѣйшими правилами планиметріи и стереометріи, излишне вдавались въ подробности доказательства геометрическихъ теоремъ. Впрочемъ, приобрѣтенныя въ 1878 году для нѣкоторыхъ училищъ коллекціи проволочныхъ геометрическихъ моделей давали возможность примѣнить къ дѣлу принципъ наглядности. — Обученіе чистописанію, черченію и рисованію въ уѣдныхъ училищахъ шло такъ же успѣшно, какъ и въ прежнее время. Благодаря усердію молодыхъ учителей, бывшихъ воспитанниковъ Строгановскаго училища, а также тому, что была возможность пользоваться хорошими коллекціями по техническому черченію и гипсовыми моделями, преподаваніе означенныхъ предметовъ установилось во многихъ училищахъ вполне правильно. Занятія по черченію состояли въ исполненіи чертежей геометрическихъ фигуръ и тѣлъ съ оригиналовъ, равно какъ въ составленіи мѣшечныхъ и простыхъ архитектурныхъ плановъ и фасадовъ. Воспитанники приучались дѣлать по данному масштабу геометрическіе чертежи домашней посуды, зданій и т. п. Рисованію обучались только желавшіе и наиболѣе способные; образцы ихъ работъ (рисунки цвѣтовъ, головъ, отдѣльныхъ фигуръ, видовъ и т. п.) свидѣтельствуютъ объ успѣшности ихъ занятій.

Преобразование уѣдныхъ училищъ въ городскія находится въ прямой зависимости отъ того, въ какихъ размѣрахъ учительскіе институты готовятъ учителей для новыхъ городскихъ училищъ. По Виленскому институту обязанность эта лежитъ на институтѣ, учрежденномъ въ гор. Вильнѣ. Считаемо необходимымъ остановиться здѣсь и на немъ. Въ прошломъ году вступилъ онъ въ третій годъ своего существованія. Учащихся было къ 1-му января 1849 года 40. Учебная часть была вполне установлена, съ одной стороны, Высочай-

нее утвержденнымъ положеніемъ объ институтахъ, а съ другой—составленными въ министерствѣ правилами учебныхъ предметовъ и инструкціей для ихъ преподаванія. На практическія упражненія воспитанниковъ въ городскомъ при институтѣ училищѣ было обращено особенное вниманіе. Для этихъ упражненій издали были совѣтомъ института особія правила, утвержденныя г. попечителемъ, и согласно имъ на весь годъ составлялось росписаніе занятій воспитанниковъ. Поочереды воспитанники (по два человека) присутствовали, а затѣмъ преподавали сначала въ одномъ классѣ, потомъ въ другомъ; готовились они къ уроку накануне подъ руководствомъ соотвѣтствующаго преподавателя; этотъ же преподаватель наблюдалъ на урокѣ въ какой мѣрѣ практиканты усвоили сдѣланныя имъ указанія. Каждый изъ воспитанниковъ упражнялся въ преподаваніи недѣлю и еженедѣльно же, въ общемъ педагогическомъ собраніи подъ предѣтельствомъ директора и въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта, а также старшихъ воспитанниковъ, обсуждался весь ходъ занятій практикантовъ по преподаванію въ городскомъ училищѣ. Каждый практикантъ читалъ записку о томъ, какъ онъ велъ дѣло, а присутствовавшіе дѣлали ему свои замѣчанія. Всѣхъ примѣрныхъ уроковъ въ обоихъ классахъ городского училища было дано 428, а именно по русскому языку 92, ариметикѣ и геометріи 115, естествознанію 64, исторіи 36, географіи 15, черченію и рисованію 68 и пѣнію 38. За исключеніемъ одного урока по исторіи, всѣ остальные были признаны педагогическою конференціей удовлетворительными. При оцѣнѣ практическихъ занятій воспитанниковъ, начальствомъ Виленскаго института постоянно было обращено вниманіе на совмѣстное и равномѣрное веденіе занятій воспитанниками въ обоихъ отдѣленіяхъ классовъ городского училища, такъ какъ это одна изъ наиболѣе трудныхъ задачъ для начинающаго учителя: не легко ему, такъ сказать, раздвоиться и, занимаясь съ однимъ отдѣленіемъ, постоянно имѣть на глазахъ другое; не отвлекаясь отъ работы съ первымъ, давать направленіе занятіямъ втораго. Равнымъ образомъ, совѣтъ Виленскаго института заботился о томъ, чтобы каждый практикантъ внимательно просматривалъ письменныя упражненія учениковъ своей группы, въ случаѣ нужды занимался бы особо съ слабѣйшими, слѣдилъ бы за правильнымъ посѣщеніемъ учениками классовъ и свои наблюденія сообщалъ бы учителямъ, а также педагогическому собранію.

Въ 1878 году были прикомандированы къ Виленскому институту для слушанія дополнительныхъ курсовъ 5 штатныхъ смотрителей и

4 учителя увѣданныхъ учащихся. Занятія ихъ раздѣлялись на теоретическія и практическія. Изъ этихъ 9 человекъ 6 были удостоены званія учителя городского училища.

Въ отношеніи нравственномъ воспитанники Виленскаго института не заслуживали доселѣ ничего кромѣ похвалы. Въ теченіе болѣе чѣмъ трехлѣтняго его существованія только одинъ изъ нихъ совершилъ неблаговидный поступокъ; вообще же они зѣливы, послушны и строго соблюдаютъ установленный порядокъ. Трудолюбіе замѣтно развито въ нихъ: чтобы лучше исполнять свои обязанности, они очень часто не довольствовались имѣющимися въ институтѣ наглядными пособиями, а сами изготовляли большихъ размѣровъ рисунки, различныя модели и т. п. По нѣкоторымъ предметамъ они дѣлали гораздо болѣе чѣмъ требовалось отъ нихъ, — особенно слѣдуетъ это сказать о занятіяхъ ихъ рисованіемъ, черченіемъ, географическими картами, пѣніемъ и музыкой. Во всемъ этомъ они достигли замѣчательныхъ успѣховъ.

Въ 1848. году находилось въ Виленскомъ округѣ двухклассныхъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, мужскихъ и женскихъ, 27 съ 1,792 учащихся (1,240 м., 552 дѣв.), изъ коихъ выбывшихъ до окончанія курса было обоюго пола 530, а по окончаніи 237 (въ 1877 году было 27 такихъ училищъ съ 1,291 м. и 491 дѣв., съ 511 обоюго пола выбывшихъ до окончанія курса и 227 по окончаніи онаго), начальныхъ народныхъ одноклассныхъ городскихъ училищъ, мужскихъ, женскихъ и для обоюго пола, было 109 съ 3,053 учащимися мальчиками и 1,935 дѣвочками, съ 1,307 обоюго пола, выбывшими до окончанія курса и 239 по окончаніи (въ 1877 году было 111 такихъ училищъ, съ 3,116 учащимися мальчиками и 2,015 дѣвочками, съ 1,524 обоюго пола выбывшими до окончанія курса и 549 по окончаніи), начальныхъ народныхъ одноклассныхъ сельскихъ мужскихъ и женскихъ и для обоюго пола училищъ было 1,326 съ 58,790 учащимися мальчиками и 3,500 дѣвочками, съ 13,608 обоюго пола выбывшими до окончанія курса, и 4,063 по окончаніи онаго (въ 1877 году было такихъ училищъ 1,310 съ 58,375 учащимися мальчиками и 3,250 дѣвочками, съ 15,089 обоюго пола выбывшими до окончанія курса и 3,580 по окончаніи), наконецъ отдѣленій начальныхъ народныхъ училищъ, въ селахъ и деревняхъ, было 396 съ 7,733 учащимися мальчиками и 220 дѣвочками, съ выбывшими до окончанія курса 703, и по окончаніи курса 87 (въ 1877 году было такихъ отдѣленій 416, съ 8,291 учащимися мальчиками и 254 дѣ-

вочками, съ выбывшими до окончанія курса 1,232, и по окончаніи курса 34). Итого всѣхъ начальныхъ училищъ вышеупомянутыхъ наименованій состояло 1,858 съ 70,816 учащимися мальчиками и 6,208 дѣвочками; выбывшихъ до окончанія курса было 15,148 и по окончаніи курса 4,626 (въ 1877 году было 1,864 съ 71,078 учащимися мальчиками и 6,011 дѣвочкою, съ числомъ выбывшихъ до окончанія курса 18,356 и по окончаніи курса 4,390). Сравнивая приведенные итоги, видимъ, что при уменьшеніи числа народныхъ начальныхъ училищъ на 6, число учащихся въ начальныхъ училищахъ мальчиковъ уменьшилось на 257, или на $0,3\%$, а число дѣвочекъ увеличилось на 197, то-есть слишкомъ на 3% . Изъ всего числа учащихся въ проименованныхъ школахъ, то-есть изъ 70,816 мальчиковъ и 6,208 дѣвочекъ, на долю собственно сельскихъ сословій или крестьянъ приходится 65,184; въ остальныхъ же училищахъ, какъ-то городскихъ, уѣздныхъ, учительскомъ институтѣ, учительскихъ семинаріяхъ и проч. учатся 1,051 чел., такъ что всего учащихся въ общихъ училищахъ крестьянъ въ отчетномъ году было 66,235 (въ 1877 году было 65,037). Если считать сельское сословіе въ предѣлахъ Виленскаго округа въ 5.300,000, то одна начальная школа придется на 2,854 души обоого пола и одинъ учащійся на 78 душъ. Засимъ крестьянскихъ дѣтей такъ называемаго школьнаго возраста, отъ 7 до 14 лѣтъ, по общему статистическому закону должно быть приблизительно $\frac{1}{3}$ доля или 757,142 души обоого пола, а такъ какъ въ дѣйствительности учащихся дѣтей сельскаго сословія въ шести губерніяхъ 66,235, то число учащихся относится къ числу неучащихся крестьянскихъ дѣтей какъ 1 къ $10\frac{1}{3}$, или иначе изъ 100 дѣтей сельскаго сословія отъ 7 до 14 лѣтъ 9 дѣтей учатся, а 91 школу не посѣщаютъ. Необходимо однако не упускать здѣсь изъ виду климатическія особенности 1878 года. Минувшая осень была необыкновенно продолжительна и тепла, отъ этого сборъ учащихся въ сельскихъ школахъ начался весьма поздно, большею частію въ половинѣ или даже въ концѣ ноября; между тѣмъ, къ 1-му декабря, наставники должны были сообщать дирекціямъ свѣдѣнія о числѣ учащихся къ 1-му января 1879 года, и такимъ образомъ они показывали цифру только самаго начального сбора дѣтей въ школы. Безъ всякаго сомнѣнія, цифра эта была бы значительно больше, если бы свѣдѣнія наставниковъ и наставницъ были доставляемы въ дирекцію въ концѣ января, когда сельскія школы болѣе всего наполняются учащимися. Подтверженіемъ этого могутъ служить данныя изъ отчетовъ, представляемыхъ

учителями къ 1-му мая. Другое неблагоприятное успѣху народнаго образованія явленіе заключалось въ томъ, что значительный процентъ учащихся по прежнему выбывалъ до окончанія курса, оканчиваетъ же оный весьма незначительное число; такъ, при 77,084 учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, въ 1878 году выбыло до окончанія курса 15,148, то-есть 19 $\frac{1}{2}$ процента (въ 1877 году 18,356, то-есть болѣе 23 процентовъ), между тѣмъ какъ окончило курсъ 4,626, то есть 6 процентовъ (въ 1877 году 4,390 человекъ, то-есть болѣе 5 $\frac{1}{2}$ процентовъ). Впрочемъ, по разнымъ разрядамъ начальныхъ школъ это процентное отношеніе значительно видоизмѣняется, напримѣръ, въ городскихъ училищахъ, двухклассныхъ и одноклассныхъ, оно гораздо благоприятѣе, по отношенію къ числу оканчивающихъ курсъ сравнительно съ сельскими одноклассными и отдѣленіями начальныхъ училищъ. Такъ, въ двухклассныхъ училищахъ, при 1,793 учащихся (1,240 мужскихъ и 552 дѣв.) хотя выбыло до окончанія курса 530 или 29 $\frac{1}{2}$ %, но окончило курсъ 239 или 13%, въ одноклассныхъ городскихъ училищахъ при 4,988 учащихся (3,053 мужск., 1,935 дѣв.) выбыло до окончанія курса 1,307 человекъ или 26%, а окончило курсъ 239 или 4 $\frac{1}{2}$ %, въ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ при 62,290 учащихся (58,790 мал. и 3,500 дѣв.) выбыло до окончанія 13,608 или 21 $\frac{2}{3}$ %; а окончило курсъ 4,063 человекъ или 6%, наконецъ въ отдѣленіяхъ начальныхъ училищъ при 7,954 учащихся (7,733 мальчиковъ и 221 дѣвочекъ), выбыло до окончанія курса 703 или слишкомъ 9% а окончило курсъ 87 или слишкомъ 1%. Такимъ образомъ, наибольшее число окончившихъ курсъ въ 1848 году оказалось въ городскихъ двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ, а наименьшее въ одноклассныхъ городскихъ, въ отдѣленіяхъ же при школахъ таковыхъ учениковъ было всего менѣе.

При сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ общее число учащихся въ сельскихъ школахъ преимущественно уменьшилось по Виленской губерніи, а именно на 239 человекъ, или на 3,3% общаго числа обучающихся въ начальныхъ школахъ этой губерніи.

Сравнительныя процентныя соотношенія учащихся въ начальныхъ школахъ по вѣроисповѣданіямъ даютъ слѣдующій выводъ. Преобладающія, по численности, вѣроисповѣданія шести губерній округа суть православное, римско-католическое и еврейское; вслѣдствіе того и въ школахъ изъ 77,024 учащихся было православныхъ 52,205 (въ 1877 году 46,636), 20,781 католиковъ (въ 1877 году 23,755) и 2,896 Евреевъ (въ 1877 году 1,561). Число православныхъ увеличилось въ 1878 году

на 5,569 или на 10⁰%, римско-католиковъ уменьшилось на 2,974 или 13⁰%, и Евреевъ увеличилось на 1,335 или на 46⁰%; такимъ образомъ въ 1878 году болѣе другихъ шли въ общія начальныя школы евреи, за ними православные, а затѣмъ уже римско-католики.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ учебной части въ исчисленныхъ выше школахъ.

Къ двухкласснымъ народнымъ училищамъ относятся 13 городскихъ мужскихъ (при нихъ 9 женскихъ отдѣленій), 1 городское женское и 4 сельскихъ. Въ 12 такихъ школахъ, находящихся въ губернскихъ городахъ, обученіе производится на основаніи утвержденныхъ въ 1871 году программъ для народныхъ училищъ Виленскаго округа и особой руководящей инструкціи для наставниковъ означенныхъ училищъ. Объемъ установленныхъ программъ исчерпывается вполнѣ, чему особенно содѣйствуютъ продолжительность учебнаго времени (съ половины августа до конца іюня), правильное снабженіе школъ книгами и учебными пособиями и ближайшій надзоръ за ними членовъ дирекціи. Сельскія двухклассныя училища не поставлены въ такія благоприятныя условія по сравненію съ городскими: время ученія въ нихъ менѣе продолжительно (съ конца октября до мая), должности втораго учителя во многихъ остаются незамѣщенными, значительное число обучающихся принадлежитъ исключительно къ крестьянскому сословію, а дѣти этого сословія не могутъ такъ правильно и аккуратно посѣщать уроки, чтобы въ этомъ отношеніи сравняться съ учениками городскихъ школъ.

Въ женскихъ смѣнахъ при мужскихъ двухклассныхъ училищахъ и въ женскомъ городскомъ училищѣ (въ г. Минскѣ) обученіе производится по тѣмъ же программамъ, какъ и въ мужскихъ школахъ; кромѣ того, дѣвочки обучаются руководствію у особо назначенныхъ наставницъ. Успѣхи ихъ по этому предмету весьма удовлетворительны, но по учебнымъ предметамъ стоятъ нѣсколько ниже успѣховъ учениковъ мужскихъ школъ, въ особенности въ тѣхъ смѣнахъ, которыя за недостаткомъ особыхъ помѣщеній, собираются по окончаніи уроковъ въ мужскихъ училищахъ. Наибольшее число двухклассныхъ училищъ находится въ Виленской дирекціи, преимущественно въ г. Вильнѣ. Г. виленскій директоръ въ годовомъ отчетѣ признаетъ, что учебная часть въ двухклассныхъ училищахъ была удовлетворительна, и учащіеся приобрѣли достаточно полезныхъ свѣдѣній. Выше другихъ, какъ по успѣхамъ учащихся, такъ и по усердію и опытности преподавателей, стояли училища Замковое, Снопшское и Островоротное.

Къ начальнымъ народнымъ училищамъ въ округѣ принадлежатъ 51 городскихъ мужскихъ, 54 городскихъ женскихъ (со смѣнами) и 4 для обоого пола, затѣмъ 22 училища сельскихъ мужскихъ, 33 сельскихъ женскихъ и 1271 сельскихъ для обоого пола, всего 1435.

Учебная часть во всѣхъ этихъ школахъ съ каждымъ годомъ медленно, но постоянно совершенствуется, чему преимущественно содѣйствуетъ пополненіе состава учителей лицами получившими надлежащее образованіе и притомъ, до опредѣленія на мѣста, предварительно подготовлявшимися при дирекціяхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Требованіе отъ ищущихъ учительскихъ мѣстъ и неокончившихъ курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ свидѣтельствъ на званіе сельскаго наставника не мало способствуетъ поднятію уровня личнаго состава народныхъ наставниковъ.

Въ отчетахъ гг. директоровъ народныхъ училищъ указаны обстоятельства, мѣшавшія вполнѣ правильному ходу ученія въ народныхъ школахъ: поздній сборъ учениковъ, раннее прекращеніе ими занятій, неаккуратное посѣщеніе ими уроковъ, все это главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что родители вынуждены удерживать дѣтей дома для полевыхъ и другихъ работъ, и не могутъ снабжать ихъ хорошею обувью для посѣщенія школъ во время продолжительной дождливой осени. Не малымъ тормазомъ служило также полное равнодушіе крестьянъ, особенно въ католическихъ мѣстностяхъ, къ грамотности, что можетъ быть въ свою очередь также зависить отъ экономическихъ условій. Во всякомъ случаѣ всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства едва ли могутъ быть устранены при всѣхъ усиліяхъ учебнаго вѣдомства. Такъ назначеніе опредѣленныхъ сроковъ пріема учениковъ въ школы оказалось неэффективнымъ и часто возбуждало въ крестьянахъ неудовольствіе на учителей, которые настаивали на этой мѣрѣ.

Дирекціи народныхъ училищъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, рассылали циркулярныя отношенія къ мировымъ посредникамъ и въ убѣдныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія съ просьбой оказать надлежащее съ ихъ стороны содѣйствіе къ устройству ночлежныхъ избъ и общеученическихъ квартиръ при народныхъ училищахъ, гдѣ таковыя общежитія не были заведены.

Отчеты гг. директоровъ народныхъ училищъ показываютъ, что вообще крестьяне, при вліяніи на нихъ со стороны мировыхъ посредниковъ и православнаго духовенства, и теперь охотно жертвуютъ свои небогатыя средства на пользу сельскихъ училищъ. Кромѣ ежегодныхъ взносовъ на содержаніе школъ отъ всѣхъ вообще волостей,

нѣкоторыя изъ нихъ дѣлають по временамъ значительныя затраты на постройку училищныхъ домовъ и тому подобныя надобности.

Такъ, въ отчетномъ году Долгиновская волость (Виленскаго уѣзда) построила прекрасный, просторный училищный домъ, стоившій болѣе 1,800 руб.; кромѣ того, во многихъ училищахъ Виленской дирекціи были произведены необходимыя исправленія; въ Гродненской дирекціи построено было 9 новыхъ училищныхъ зданій на общественный счетъ на сумму 9,500 р., а именно въ заштатномъ городѣ Брянскѣ Бѣльскаго уѣзда, въ деревняхъ Подолѣвѣ и Деревной Кобринскаго уѣзда, въ м. Икрашевѣ Пружанскаго уѣзда, въ деревняхъ Хотиславлѣ, Гершоновичахъ и Каменецъ-Бискупской Брестскаго уѣзда, для женскихъ училищъ въ м. Высоко-литовскѣ и деревнѣ Суходолѣ того же уѣзда. Въ той же губерніи за отчетное время отремонтировано было 60 училищныхъ поимѣнностей на сумму 6,227 р. 72 к. изъ суммъ подесятинаго сбора.

Учебные предметы во всѣхъ народныхъ школахъ преподавались по программамъ для народныхъ училищъ, составленнымъ на сѣздѣ гг. директоровъ въ 1871 году. Программы эти, представляющія довольно подробный сводъ свѣдѣній по всѣмъ учебнымъ предметамъ начальной школы, выполнялись не вездѣ одинаково. Лучше другихъ въ городскихъ (приходскихъ) училищахъ, гдѣ занятія продолжаются въ теченіи всего учебнаго времени, а не съ конца осени до Пасхи, какъ въ сельскихъ школахъ. Въ большинствѣ же сельскихъ училищъ преподаватели не успѣваютъ сообщать учащимся свѣдѣній изъ отечественной исторіи, географіи и русской грамматики, или же занимаются этими предметами въ ущербъ болѣе существенной части начального обученія—блгоусти чтенія и правильности письма; были школы, въ которыхъ программы по всѣмъ предметамъ выполнены едва только на половину. Болѣе всего отступленій отъ нихъ допущено было законоучителями, какъ по трудности самаго предмета, такъ и потому, что приходскія обязанности и хозяйственныя заботы часто отвлекали ихъ отъ занятій въ школѣ; почему не только въ старшемъ, но и въ младшемъ отдѣленіяхъ нерѣдко оказывались пробѣлы по закону Божію, преимущественно по объясненію православнаго богослуженія.

Обученіе дѣтей въ начальныхъ народныхъ училищахъ Виленскаго округа, согласно утвержденной для сего инструкціи, ведется въ такомъ порядкѣ: ученики ваядаго училища, по степени ихъ умственнаго развитія, раздѣляются на три послѣдовательныя отдѣленія, за-

нѣтія въ нихъ идутъ одновременно, причѣмъ пока въ одноѣмъ отдѣленіи занимается съ дѣтьми самъ учитель, въ остальныхъ, подѣ его наблюденіемъ, дѣти самостоятельно исполняютъ назначенныя имъ работы. Иногда учитель въ помощь себѣ выбираетъ нѣсколько лучшихъ учениковъ старшаго отдѣленія и поручаетъ имъ наблюдать за усвоеніемъ пройденнаго прочими учащимися. Если учитель ведетъ занятія съ старшимъ отдѣленіемъ и разучиваетъ съ нимъ что либо новое, то въ помощь себѣ выбираетъ ученика средняго отдѣленія. Всѣ письменныя работы и упражненія отдѣленій, съ которыми учитель не занимается, просматриваются имъ въ классѣ, въ концѣ урока, или на дому и съ поправками возвращаются мальчикамъ.

Учебная часть въ означенныхъ училищахъ за 1878 годъ представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

По закону Божію православнаго исповѣданія ученики старшихъ отдѣленій читали наизусть правильно и большею частію сознательно всѣ важнѣйшія молитвы и могли объяснять въ нихъ отдѣльныя выраженія; довольно подробно разказывали о главнѣйшихъ событіяхъ изъ священнои исторіи ветхаго и новаго завѣта, придерживаясь преимущественно картинъ; давали отвѣты изъ краткаго катехизиса о молитвѣ Господней, символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ; наконецъ, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія о храмѣ, его принадлежностяхъ и порядкѣ богослуженія. Ученики римско-католическаго исповѣданія изучали общія молитвы, священную исторію обоихъ завѣтовъ и краткій катехизисъ, но пройденное усваивали съ меньшею сознательностію чѣмъ православные.

Первоначальное обученіе чтенію и письму велось въ большинствѣ училищъ одновременно по звуковому способу, при помощи подвижныхъ буквъ, примѣнительно къ способу, изложенному въ руководствахъ Гербача и Бунакова, хотя по мѣстамъ употребляются буквари Водовозова, Тихомирова, Главинскаго и т. д. Для упражненія въ бѣглоѣ и сознательномъ чтеніи, служатъ большею частію учебныя книжки Паульсона, и „Родное Слово“ Ушинскаго. Послѣднимъ руководствомъ съ особеннымъ успѣхомъ пользуются преподаватели, обучавшіеся въ учительскихъ семинаріяхъ, приучая дѣтей къ классификаціи предметовъ по ихъ признакамъ и къ правильному мышленію. Книгою для чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ служитъ „Дѣтскій Миръ“ Ушинскаго, книги для чтенія Водовозова, Паульсона, Главинскаго и другія. Читаютъ ученики даже и незнакомыя статьи бѣгло, сознательно и могутъ передать въ довольно связномъ разказѣ содержаніе прочитан-

наго; выученныя наизусть стихотворенія и басни произносятъ съ интонаціей, выразительно; подъ диктовку пишутъ вообще правильно, безъ грубыхъ звуковыхъ ошибокъ и съ соблюденіемъ знаковъ препинанія; кромѣ того, ознакомлены съ предложеніемъ, его частями, склоненіями и спряженіями. Было также обращено должное вниманіе на письменныя упражненія; ученики не только излагали на бумагѣ содержаніе нетрудныхъ и доступныхъ ихъ пониманію статей, но сами составляли описанія знакомыхъ имъ предметовъ, мѣстностей и т. д. Черезъ чтеніе статей историческихъ, географическихъ и естественно-описательныхъ, помѣщенныхъ въ книгахъ для чтенія, дѣти приобрѣли значительный запасъ свѣдѣній изъ отечественной исторіи, географіи, естествознанія; могутъ разказать о важнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни своего отечества, указать главнѣйшія горы, рѣки, города и т. п. какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ. Такіе успѣхи въ русскомъ языкѣ можно встрѣтить только въ лучшихъ училищахъ, гдѣ дѣти аккуратно ходятъ въ классъ, ученіе продолжается довольно долго, учителя занимаются усердно, — преимущественно въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ; ученики сельскихъ школъ, находящихся въ средѣ Литовцевъ, Жмудиновъ, Латышей, поступаютъ въ училища не понимая ни слова по русски и потому, естественно, не могутъ успѣвать наравнѣ съ мальчиками, говорящими бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, весьма близкимъ къ великорусскому.

Церковно-славянскій языкъ преподается преимущественно въ школахъ, гдѣ преобладающій элементъ учащихся — православные, хотя въ нѣкоторыхъ школахъ и католики не чуждаются этого предмета и даже оказываютъ очень хорошіе успѣхи. Обученіе славянскому языку начинается послѣ того, какъ дѣти привыкаютъ уже довольно свободно читать по русски, слѣдовательно во второмъ и главнымъ образомъ въ старшемъ отдѣленіи. Мальчиковъ приучаютъ читать по книгѣ Паульсона, Евангелію, часослову и псалтырю. Ученіе большею частью сопровождается объясненіемъ непонятныхъ словъ, а иногда и переводомъ на русскій языкъ. Мальчики охотно занимаются славянскимъ языкомъ, такъ какъ могутъ практически примѣнять свои знанія въ чтеніи апостола, псалтыря, часовъ. Нѣкоторые способнѣйшіе ученики настолько совершенствуются въ пѣніи и славянскомъ чтеніи, что заступаютъ мѣста псаломщиковъ и нерѣдко помогаютъ священнику при богослуженіи.

При преподаваніи арифметики въ послѣднее время преимущественно стала распространяться въ начальныхъ школахъ методика Евту-

шевскаго. Пособіями служили сборники задачъ: Воленса, Томаса, Малинина и особенно Евтушевскаго. Преподаваніе ариметики ведется болѣе или менѣе удовлетворительно. Въ большей части училищъ дѣти знакомятся съ ариметическими дѣйствіями при всестороннемъ разсматриваніи чиселъ, сопровождаемомъ рѣшеніемъ практическихъ задачъ, причемъ—умственные исчисления всегда предшествуютъ письменнымъ и именованнымъ отвѣченнымъ. Но есть и такія школы, гдѣ преподаваніе ариметики не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ и ведется отвлеченно, такъ что не ариметическія дѣйствія являются результатомъ изученія чиселъ, а скорѣе числа прилагаются къ дѣйствіямъ. Гг. инспекторы при посѣщеніи такихъ училищъ всегда помогали учителямъ своими совѣтами и давали образцовые уроки по ариметикѣ. Во многихъ школахъ ученики средняго и особенно старшаго отдѣленія приучены къ выкладкамъ на счетахъ, хотя особенной бѣглости не успѣваютъ приобрести по недостатку упражненія и ограниченному числу имѣющихся въ нѣкоторыхъ училищахъ счетовъ.

Обученіе письму состоитъ въ списываніи съ прописей, съ образцовъ, составляемыхъ учителями, и наконецъ съ книгъ. Особенныхъ успѣховъ по чистописанію ученики въ большинствѣ школъ не оказываютъ. Пишутъ четко, красиво, хотя и не очень быстрою скорописью, только въ тѣхъ училищахъ, гдѣ сами преподаватели владѣютъ хорошимъ почеркомъ; обыкновенно же пишутъ по одной и по двумъ линейкамъ. Пособіемъ для пишущихъ служатъ прописи Градобоева, а для учителей руководство Гербача.

Обученіе пѣнію, при его значеніи для эстетическаго и религиозно-нравственнаго развитія, идетъ не такъ успѣшно, какъ было бы желательно, хотя и есть достаточно школъ, въ которыхъ учащіеся, благодаря усердію наставниковъ, приобретаютъ въ немъ значительное искусство. Пѣніе болѣею частію бываетъ двухголосное, какъ болѣе легкое и гармоничное; ученики всѣмъ классомъ поютъ важнѣйшія молитвы и церковныя пѣсни, гимны народный и „Коль слава нашъ Господь“ и не мало народныхъ пѣсней. Въ нѣкоторыхъ же школахъ кромѣ общаго пѣнія составлены особыя трехголосныя и четырехголосныя хоры изъ учениковъ съ лучшими голосами. Вообще церковное пѣніе болѣе развито въ православныхъ мѣстностяхъ.

Кромѣ вышеисчисленныхъ учебныхъ предметовъ въ женскихъ начальныхъ училищахъ, какъ въ самостоятельныхъ, такъ и въ смѣнахъ или отдѣленіяхъ, преподается еще руководѣіе, заключающееся въ обу-

ченіи дѣвочекъ знающими это дѣло учительницами — вязаніемъ, шитьемъ бѣлья и платьевъ, вышиванію и другимъ женскимъ работамъ. Руководѣльныя занятія идутъ вездѣ удовлетворительно, но особенно успѣшно въ Виленской бесплатной для бѣднѣкъ дѣвчѣй школѣ, имѣющей сравнительно съ другими женскими училищами гораздо большія денежные средства. Въ старшемъ отдѣленіи этой школы на занятія руководѣлемъ посвящается большая часть времени, причемъ дѣвочки упражняются въ кройкѣ и шитьѣ бѣлья и платьевъ, работая изъ казеннаго и частію изъ собственнаго матеріала; сверхъ того пріучаются шить и на ручныхъ швейныхъ машинахъ. Приготовленные ими надѣлки отличаются прочностію, чистотою отдѣлки и красотою рисунка; не мало было исполнено ими различныхъ работъ по заказу постороннихъ лицъ.

Обученіе ремесламъ мальчиковъ происходило въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ при училищахъ подъ руководствомъ самихъ наставниковъ и частію приглашаемыхъ за особое вознагражденіе мастеровъ. Такихъ отдѣленій въ 1848 году было въ дирекціяхъ Виленской 2, Ковенской 1, Гродненской 9, Минской 71, Витебской 11 и Могилевской 3, а всего въ шести дирекціяхъ 97, менѣе противъ 1876 года на 7 отдѣленій; изъ числа ихъ четыре отдѣленія закрылись въ Минской и 3 въ Могилевской дирекціяхъ. Обученіе ремесламъ по дирекціямъ относится къ слѣдующимъ специальностямъ: въ Виленской дирекціи въ обихъ отдѣленіяхъ мальчики обучаются столярному мастерству, для чего отпускается изъ суммъ округа 40 руб.; въ Ковенской обучались въ одномъ отдѣленіи мастерами сапожному, кузнечному и столярному; въ Гродненской въ трехъ училищахъ — переплетному мастерству, въ двухъ училищахъ токарному, въ одномъ плетенію мебели и другихъ вещей изъ лозы, въ одномъ сапожному мастерству, въ одномъ учитель обучаетъ старшихъ учениковъ кладкѣ печей и производству штукатурки, и въ одномъ приходскомъ — токарному мастерству; въ видахъ экономіи занятій этими ремеслами и мастерствами въ отчетномъ году изъ суммъ управленія округа было отпущено 300 руб.; въ Минской губерніи всѣхъ ремесленныхъ отдѣленій въ январѣ 1879 года состояло 71; въ нихъ обучались мальчики мастерами кузнечному, столярному, токарному, сапожному и т. д.; для поддержанія ремесленныхъ классовъ при Минскомъ приходскомъ училищѣ дано было пособіе изъ суммъ округовъ 100 р.; въ Витебской дирекціи въ шести отдѣленіяхъ производилось обученіе столярному мастерству, въ двухъ токарному, въ одномъ дубильному и кузнечному и въ одномъ выпильному по дереву; выдано было на это 175 руб. и

на приобрѣтеніе токарныхъ станковъ и ремесленныхъ инструментовъ 40 руб., всего 215 руб.; въ Могилевской дирекціи учащіеся обучаются въ трехъ отдѣленіяхъ: въ одномъ столярному, токарному, выпильному и переплетному, въ другомъ токарному и въ третьемъ — кузнечному, слесарному и саножному, на поддержаніе конкъ изъ суммъ округа отпущено было 235 рублей.

Занятія ремеслами идутъ во всѣхъ отдѣленіяхъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ, за исключеніемъ существующихъ въ дирекціяхъ Виленской и Могилевской, что слѣдуетъ приписать столько же недостатку денежныхъ средствъ, сколько маловозрастности учениковъ и краткосрочности ихъ пребыванія въ школахъ. Вообще же количество выдѣлываемыхъ учащимися вещей годъ отъ году увеличивается не смотря на ограниченное денежное пособіе этому дѣлу отъ управленія округомъ, имѣющаго возможность отнискать на всѣ 97 отдѣленій только 1,040 руб.

Благотворное воспитательное вліаніе школы на дѣтей не подлежитъ сомнѣнію. Дѣти приучаются здѣсь къ порядку, вѣжливости, уваженію къ старшимъ и строгому соблюденію религіозныхъ обязанностей. Они читаютъ молитвы не только предъ началомъ и послѣ ученія, но утреннія и вечернія, предъ обѣдомъ и ужинкомъ, и въ сопровожденія учителя, въ воскресныя и праздничные дни, ходятъ въ церковь, гдѣ читаютъ и поютъ; въ св. четьредесятицу неусистительно исповѣдуются и приобщаются Св. Таинъ. Робкіе и застѣнчивые, при вступленіи въ школу, крестьянскія дѣти современемъ становятся развязными и искренними, что производитъ пріятное впечатлѣніе. Особенно благотворное воспитательное значеніе имѣютъ общія ученическія квартиры, существующія при нѣкоторыхъ училищахъ. Благодаря имъ учителя могутъ установить правильный порядокъ въ жизни учащихся, наблюдать за ними не только въ классѣ, но и въ свободное отъ занятій время. Эти квартиры устроены или въ особыхъ ночлежныхъ избахъ не далеко отъ училищъ или въ отдѣльныхъ комнатахъ при училищныхъ помѣщеніяхъ, такъ что состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ наставниковъ. Нравственному развитію дѣтей весьма много содѣйствуетъ ласковое обращеніе съ ними учителей, которые, согласно данной имъ инструкціи, не употребляютъ ни тѣлесныхъ наказаній, ни бранныхъ и рѣвкихъ словъ, случающіеся же по временамъ небольшія нарушенія школьнаго порядка или незначительныя дѣтскія шалости исправляютъ одними нравственными мѣрами, совѣтомъ, увѣщаніемъ, выговоромъ и т. п.

**ΑΘΗΝΣΚΟ ΠΟΨΑΝΟΒΛΕΝΟ ΒΨ ΧΕΨΤΨ ΑΡΙΨΤΟΜΑΧΑ ΑΡΓΟΨ-
ΣΚΑΓΟ.**

Во II томѣ Corporis Inscriptionum Atticarum подѣ № 161 помѣ-
щенъ слѣдующій обломокъ:

.Ο.ΕΩ
ΝΑΜΙΝΑΠΟΨ.ΕΔΔΟ...ΙΟΨΤΡΑΤ
ΤΕΤΩΝΕΕΖΩΝΗΓΕΜΟΝΙΚΑΙΤΩΝΙΠΠ
ΣΟ.ΙΤΗΨΟΙΚΕΙΟΤΗΤ.ΚΑΙΦΙΛΙΑ
5 .ΕΙΟΙΨΠΡΟΨΤΟΝΔΗΜΟΝΤΟΝΑΘΗ
ΤΟΔΗΝΤΑΥΤΗΝΩΨΨΥ.ΕΒΗΤΟΥΨΥ
.ΔΨΤΗΝΑΠΟΧΩΡΗΨΙΝΠΟΙΗΨΑ
.ΩΝΑΡΓΕΙΩΝΨΥΝ< ..ΕΨΤΗΨΕΝΑ
ΔΨΨΕΙΨΤΑΜΑΚΡΑΤΕΙΧΗΚΑΙΤΟΜ
10 ΟΥΝΠΑΡΕΙΔΗΦΩΨΑ..ΨΤΟΜΑΧΟΨ
ΔΟΤΙΜΙΑΝΔΙΑΤΗ ΠΙΠΑΣΙΝΑΟ
...ΑΙΜΝΕΙΑΝΔΙΑΤΕΤΕ.ΕΚΕΝΠΟ
ΔΕΥ.ΕΡΙΑΨ.ΟΥΔΗΜΟΥΤΗΝΑΡΙΨ
ΚΑΙΨΥΝΒΑΝΤΟΨΚΟΙΝΟΥΠΟΔΕΜΟ
15 ΠΟΔΕΙΤΩΝΑΡΓΕΙΩΝΠΡΟΨΑΔΕΞΑΠ
ΙΟΜΕΝΗΨΕΕΨΟΥΨΙΑΨΠΟΗΨ.ΨΟΔ
ΟΔΥΤΟΥΨΔΙΕΔΑΤΤΟΝΩΝΑ.
ΙΟΝΤΟΨΑΔΕΞΑΝΑΡΟΥΓΕΝ
~ΝΙΔΙΩΝΑΝΑΔΩΜΑΤΩΝ
20 ΝΗΝΕΠ ΙΨΑΤΟΤΗΝΕΙΨ
ΔΕΙΤ.ΙΑΕΚΑΙΕΝΤ

ΙΑΘΗΝΑΙΩΝΤΩΝΙ

ΝΕΠ.Ν.ΕΓΓ.Τ

ΟΠ.СА

Эта надпись найдена на Акрополѣ и была помѣщена Кёлеромъ въ V томѣ берлинскаго Hermes. Часть лѣваго края надписи сохранилась. Буквы, по замѣчанію Кёлера, вырѣзаны довольно небрежно и разбираются не легко. Само собою разумѣется, что у насъ поставлены такія majusculae, какія нашлись въ типографіи. Документъ есть постановленіе афинскаго народа въ честь Аристомаха, гражданина аргосскаго, и въ первыхъ девяти дошедшихъ строкахъ заключаетъ въ себѣ исчисленіе заслугъ отца или предковъ Аристомаха предъ народомъ афинскимъ, въ строкахъ отъ 10-й до 23-й исчисленіе заслугъ самого Аристомаха, а съ 24-й строки начиналось изложе- ніе почестей или наградъ, данныхъ этимъ постановленіемъ Аристо- маху. По сравненію со множествомъ дошедшихъ до насъ подобныхъ документовъ Кёлеръ предполагаетъ вполне основательно, что въ по- слѣдней сохранившейся строкѣ должно читать: ὄπ[ω]κ; ἀ[ν] οὖν καὶ ὁ δῆμος ὁ Ἴ�θηναίων χάριτας φαίνεται ἀποδοῦς κτλ). Кёлеръ не пред- ставляетъ полнаго восстановленнаго текста надписи; такое восста- новленіе чрезвычайно трудно, потому что ни въ одной строкѣ нель- зя достовѣрно положить, сколько буквъ потеряно, и, слѣдовательно, какъ широка была надпись; къ тому-же строки не выведены στοιχη- δόν, буква подъ буквой.

Вотъ текстъ по восстановленіямъ Кёлера:

— — — — — [δύ]

ναμιν ἀποσ[τ] ελλο[μέν] ης στρατ[ιῶσ — — —]

τε τῶν πεζῶν ἡγεμόνι καὶ τῶν ἱππ[έων — —]

σθ[α]ι τῆς οἰκαιοτή[τοσ] καὶ φιλία [σ ἢ αἰε ποτε ἦν τοῖσ Ἄρ]

5 [γ]είοισ πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ἄθη[ναίων μετὰ δὲ τὴν ἀποσ]

τολήν ταύτην ὡς συ[ν] ἔβη τοῖσ ὑπὸ τοῦ δήμου σταλέν]

[τ] ἀσ τὴν ἀποχώρησιν ποιήσα[σθαι ἐκ τῆσ χώρασ τῆσ]

[τ] ὧν Ἄργειῶν συν[κατ]έστησεν Ἄ[θηναίοισ — —]

λωσεῖσ τὰ μακρὰ τείχη καὶ τὸμ [Πειραιᾶ—Ἐπειδῆ]

10 οὖν παρειληφῶσ Ἄ[ρι]στόμαχοσ [παρὰ προγόνων τὴν φι]

λοτιμίαν διατη — — πᾶσιν Ἄθ[ηναίοισ — — —]

—[x]αὶ μνεῖαν διατετέ [λ] εκεν πο [ιοῦμενοσ αἰε τῆσ ἐ]

λεο[θ] ερίασ [τ] οὔ δήμου τὴν ἀρίσ[την — — —]

καὶ συνβάντοσ κοινού πολέμο[σ Ἄθηναίοισ τε καὶ τῆ]

- 15 πόλει τῶν Ἀργείων πρὸς Ἀλέξαν [δρον — — γε].
 [γ]ομένης ἐξουσίας ποῆς [α] θα [ι. — — —]
 — [π]ολὸ τοὺς δι' ἐλαττόνων ἅ [— — — —]
 — λοντας Ἀλεξάνδρου γεν[— — — —]
 [τ]ῶν ἰδίων ἀναλωμάτων [— — — —]
- 20 — [και]νήν ἐπ[ο]ήσατο τὴν εἰρ[ή]νην — —
 — [ἐπι]μελεῖτ[α]ι δὲ καὶ ἐν τ[ῷ] νῦν χρόνῳ καὶ κοινῇ]
 [καὶ ἰδία]ι Ἀθηναίων τῶν [ἀφικνουμένων εἰς Ἀργος]
 [καὶ τὸ λοιπὸν ἐπ[α]ν[γ]έλλ[ε]τ[αι] ἀγαθὸν ποιήσειν]
 [ὃ τι ἂν δύνηται] ὅπ[ω]ς ἂν οὖν καὶ ὁ δῆμος ὁ
 [Ἀθηναίων χάριτας φαίνεται ἀποδιδούς — —]

Для опредѣленія времени надписи всего важнѣе ясное, сохранившееся въ 14-й и слѣд. строкахъ, упоминаніе о „случившейся общей войнѣ (у Афинянъ, конечно, и) у Аргоса противъ Александра“. Въ 18-й строкѣ опять встрѣчается имя Александра, а въ 20-й вѣроятно упоминаніе объ „общемъ мирѣ“. Въ этой войнѣ участвовалъ или по крайней мѣрѣ во время этой войны жилъ и оказалъ услуги Афинянамъ Аристомакъ, гражданинъ аргосскаго, въ честь котораго и издано дошедшее постановленіе. Эта „общая война Афинянъ и Аргосцевъ противъ Александра“ и есть вмѣстѣ съ тѣмъ самый интересный фактъ разбираемой надписи. Келлеръ предполагаетъ, что дѣло идетъ объ Александрѣ Великомъ и о событіяхъ, разказанныхъ у Діодора XVII, 3. 8.—Въ 3-й главѣ XVII книги Діодоръ говоритъ, что послѣ смерти Филиппа многіе греческіе города были въ волненіи и хотѣли подняться: Афиняне, возбуждаемые Демосѣеномъ, хотѣли не уступать Македонянамъ игемоніи надъ Еллинами, завели тайныя сношенія съ Аталомъ (вождемъ Филиппа, переправившимся въ Азію), Этолійцы постановили возвратить въ Акарнанію людей, изгнанныхъ оттуда Филиппомъ, Амвραкіоты изгнали гарнизонъ, поставленный Филиппомъ, и установили демократическое правленіе у себя въ городѣ, Фивейцы постановили изгнать гарнизонъ изъ Кадмеи и не уступать Александру игемоніи надъ Еллинами, Аркады, одни изъ Еллиновъ не согласившіеся признавать игемоніи Филиппа, не думали держаться стороны и Александра; изъ другихъ Пелопоннискцевъ Аргосцы, Елейцы и Лакѣдемоняне и нѣкоторые другіе обратились къ достиженію автономіи.—Затѣмъ является въ Елладу Александръ, и все успокоилось: онъ вступилъ въ дружественныя переговоры съ Амвραкіотами, такъ какъ самъ хотѣлъ вывести изъ Амвραкіи гарнизонъ. Когда онъ прибылъ въ Віотію и

сталъ около Кадмея, то нагналъ этимъ страхъ на Фивейцевъ, которые на этотъ разъ отложили свое намѣреніе и остались спокойными. Аѳиняне тоже были испуганы быстрымъ прибытіемъ Александра и послали къ нему посольство съ извиненіями. Александръ отвѣчалъ имъ благосклонно. Затѣмъ въ Коринѣ на собраніи представителей всѣхъ греческихъ городовъ Александръ былъ признанъ вождемъ всей Эллады съ неограниченною властью, для войны противъ Персовъ. Это было, какъ извѣстно, въ 336 году, годомъ раньше, чѣмъ показывается Діодоръ. Въ 8-й главѣ Діодоръ говоритъ, что Александръ, прекративъ такимъ образомъ греческія смуты (или волненія—*τάς κατά τήν Ἑλλάδα ταραχάς καταπαύσας*), пошелъ войною во Фракію и далѣе на сѣверъ. Въ отсутствіе Александра, какъ извѣстно, Фивейцы возмущались, осадили Кадмею. Опять многіе Еллины были склонны принять участіе въ возстаніи, но не рѣшались открыто подняться. Пелопоннискцы послали отрядъ на Исомъ, но мѣшкали и выжидали, что будетъ, такъ какъ ожидалось прибытіе Александра (*διὰ τὴν ἐκαραδοχίαν προσδοκίμου τοῦ βασιλέως ὄντος*); Аѳиняне постановили помогать Фивейцамъ, но не выслали войска, выжидая, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ въ войнѣ (*οὐ μέντοι γὰρ τὴν δύναμιν ἀπέπεμφαν, καραδοχοῦντες τὴν ῥοπὴν τοῦ πολέμου*). Затѣмъ явился Александръ, взявъ штурмомъ и разрушилъ Фивы; на общемъ собраніи Еллиновъ опять утверждена была игемонія Александра. Аѳиняне опять принесли извиненія. Александръ потребовалъ было выдачи ораторовъ, но потомъ опять смягчился и показалъ благосклонность къ Аѳинянамъ. Это было въ 335 г. Изъ другихъ авторовъ мы знаемъ, что во время возстанія Фивъ изъ числа Пелопоннискцевъ именно Аркады выступили на Исомъ, но не двинулись далѣе Исома, и послѣ взятія Фивъ казнили смертію тѣхъ, которые побудили ихъ выслать войско. Всѣ народы, которые знали за собою какія-либо провинности, прислали посольства къ Александру съ извиненіями и объясненіями и старались дать въ той или другой формѣ удовлетвореніе Александру. Но въ 336 году никто изъ Грековъ не воевалъ противъ Александра, а въ 335 году воевали одни Фивейцы. Не смотря на это, Келеръ, издавая надпись въ Corp. Inscr. Atticarum, повторяетъ свое предположеніе и помѣщаетъ ее въ числѣ надписей времени царствованія Александра Великаго. Дройзенъ въ новомъ изданіи своей исторіи Александра принимаетъ предположеніе Келера (*Geschichte des Hellenismus. Zweite Auflage, Gotha, 1877, Vol. I, отдѣл. I, стр. 104, примѣчаніе 4-е*). Одно только уваженіе къ такимъ наме-

нитымъ ученымъ, какъ Кёлеръ и Дройзенъ, побудило меня изложить факты „греческихъ смуть“ 336 и 335 годовъ по тѣмъ, 3-й и 8-й, главамъ XVII кн. Діодора, на которыя оба ученые ссылаются. Всѣмъ извѣстно, что Аѣиняне никогда не воевали съ Александромъ Великимъ. Аѣиняне сочувствовали врагамъ Александра, желали гибели Александра, издавали при случаѣ недружелюбныя постановленія, даже въ 335 г. приняли, какъ кажется, постановленіе помогать Фивейцамъ, но далѣе не пошли. Послѣ разрушенія Фивъ до самой смерти Александра Аѣиняне держали себя очень осторожно. Но и въ 336 и 335 годахъ не было войны между Александромъ и Аѣинянами, такъ точно какъ въ 1877 и 1878 гг. не было войны между Россією и Англією. Участіе Аргоса въ движеніи противъ Македонянъ, бывшемъ въ Елладѣ послѣ смерти Филиппа, упоминается у Діодора весьма слабо: Діодоръ говоритъ только, что Аргосцы желали независимости. Въ нашей надписи Дройзенъ думаетъ видѣть подтвержденіе этого упоминанія Діодора.

Намъ необходимо отыскать такого Александра, противъ котораго Аѣиняне и Аргосцы дѣйствительно вели общую войну. Здѣсь представляются на выборъ два Александра, Александръ, сынъ Полисперхонта, и Александръ, сынъ Кратера.

Александръ, сынъ регента Полисперхонта, былъ посланъ отцомъ къ Аѣинямъ съ войскомъ въ то время, когда Мунихія и Пирѣя были заняты Никаноромъ, офицеромъ Кассандра, а въ Аѣинахъ было большое неудовольствіе противъ Фокіона, державшагося стороны Кассандра. Это было или въ 318 или въ 317 году; хронологія событій регентства Антипатра и начала регентства Полисперхонта довольно темна. Мнѣ кажется, впрочемъ, что Дройзенъ всѣ событія этого періода ставитъ слишкомъ рано, и что хронологія Клиттона вообще вѣрнѣе. Полисперхонтъ отъ имени царя Филиппа (Арридэя) издалъ манифестъ о свободѣ всѣхъ Еллиновъ, и Аѣиняне обратились къ помощи Полисперхонта противъ Кассандра, надѣялись избавиться отъ македонскаго гарнизона въ Мунихіи и Пирѣѣ и восстановить демократію. Изгнанники аѣинскіе, выселенные Антипатромъ въ 322 году въ Фракію, или бѣжавшіе отъ гнѣва Антипатра, применили къ войску Александра и возвратились въ Аѣины. Въ сущности Полисперхонтъ и Александръ хотѣли завладѣть Пирѣемъ сами, но пока выставляли себя защитниками аѣинской свободы. Съ возвращеніемъ изгнанниковъ въ Аѣинахъ была восстановлена демократія (Антипатръ участіе въ дѣлахъ государственныхъ предоставилъ только гражданамъ, имѣв-

шимъ не менѣе 2,000 драхмъ). Затѣмъ послѣдовала гибель Фокіона. Полисперхонтъ и Александръ воевали въ Аттікѣ противъ Кассандра и старались вытѣснить его изъ Пирея. Это, однако, имъ не удалось. Полисперхонтъ отправился въ Пелопоннисъ и неудачно осаждалъ тамъ Мегалополь. Аэиняне принуждены были сдаться Кассандру, то-есть вошли съ нимъ въ переговоры и заключили съ нимъ миръ на такихъ условіяхъ: „Аэинянамъ владѣть своимъ городомъ, землею, доходами, кораблями и всѣмъ прочимъ, будучи друзьями и союзниками Кассандра; а Мунихіею пока владѣть Кассандру, до тѣхъ поръ, пока онъ не доведетъ до конца войну свою противъ царей; участіе въ государственномъ правленіи будетъ въ Аэинахъ принадлежать гражданамъ по цензу, до 10-ти тысячъ; будетъ поставленъ одинъ гражданинъ аэинскій попечителемъ города (ἐπιμελητής τῆς πόλεως), тотъ, кого будетъ угодно Кассандру назначить“. Кассандръ выбралъ Димитрія Фалерейскаго, одного изъ приверженцевъ Фокіона. Условія мира Аэинянъ съ Кассандромъ сообщаются Діодоромъ XVIII, 74 и весьма интересны. Діодоръ очевидно пользовался хорошимъ источникомъ. Цари, противъ которыхъ фактически воевалъ Кассандръ, были Филиппъ и Александръ, братъ и сынъ Александра Великаго; то-есть правительство регента Полисперхонта. Но было ли въ актѣ мира Кассандра съ Аэинянами сказано такъ точно, какъ сообщаетъ Діодоръ „пока онъ не доведетъ до конца войну свою противъ царей“ — ἕως ἄν διαπολεμήσῃ πρὸς τοὺς βασιλεῖς—, сомнительно; вѣроятно было выражено мягче, такъ какъ Кассандръ признавалъ, вѣроятно, царей своими государями. Сдача Аэинянъ Кассандру произошла во всякомъ случаѣ въ 317 году, а не въ 318, какъ полагаетъ Дройзенъ.

Для всего дальнѣйшаго разсужденія необходимо сказать теперь нѣсколько словъ о политическомъ состояніи Аэинъ во время діадоховъ и въ слѣдующемъ столѣтіи. Аэины, конечно, были въ это время далеко не тѣмъ гордымъ и могущественнымъ государствомъ, какъ при Ификратѣ, Хавріи и Тимоѳеѣ, не говоря уже о времени Перикла; Аэины сильно упали, и матеріально и нравственно. Но ихъ паденіе и безсиліе обыкновенно понимаютъ преувеличенно. Послѣ хэронейской битвы, въ послѣдніе два года Филиппа, сына Аминты, и при Александрѣ Великомъ, Аэины обладали еще значительною силою, особенно морскою. Александру Великому приписываютъ изреченіе, что еслибы не было его державы, игемонія надъ Греками должна была бы принадлежать Аэинамъ. Сила Аэинянъ принималась въ расчетъ вождями, преемниками Александра; эти вожди старались овладѣть Аэинами, и

кто достигалъ этого, тотъ пользовался войскомъ и флотомъ аэнискимъ въ своихъ войнахъ. Ослабѣваніе Аэниѣ въ концѣ IV и въ III вѣкѣ происходило постепенно. При Филиппѣ, сынѣ Димитрія, Аэнины опять были слабѣе, чѣмъ при Кассандрѣ, и Титъ Ливій выражается, что (въ 200 году) Аэнины веди войну противъ Филиппа письмами и словами (то-есть постановленіями) — *litteris verbisque quibus solis valent* (XXXI, 44); но, однако, и въ 200 году аэниское войско сражалось съ Филиппомъ на выложенной камнемъ аллеѣ передъ Дипиломъ, большими воротами города (Liv. XXXI, 24). Твердость и самоувѣренность Аэниянъ со времени діадоховъ, конечно, также ослабѣли, какъ и ихъ матеріальныя силы; но объ ихъ нравственности нельзя судить по одной только неумѣренной лестнѣ предъ Димитріемъ Поліоркетомъ. Языкъ официальныхъ актовъ аэнискихъ, отношеніе этихъ актовъ къ разнымъ вождямъ и царямъ въ точности опредѣляются существовавшими во время изданія каждаго акта политическими отношеніями и условіями. Дѣло, впрочемъ, понятно: оно такъ бываетъ и въ новое время. Но въ актахъ аэнискихъ не соблюдается той официальной вѣжливости и къ врагамъ, какъ въ наше время: царя, подъ властію котораго Аэнины были во время изданія акта, или дружественнаго царя Аэнины называютъ въ своихъ актахъ царемъ; но царя враждебнаго Аэнинянамъ или властителю Аэниянъ они называютъ просто по имени, лишадъ царскаго титула—по старому обычаю. Въ V вѣкѣ и въ IV до македонскаго владычества Аэнины, какъ и всѣ прочіе Греки, называли въ актахъ и дружественныхъ царей просто по именамъ, безъ царскаго титула. Такъ, въ постановленіяхъ о Меонойцахъ царь македонскій называется просто *Περδίκκας*, въ большомъ союзномъ актѣ архонтства Навсиника союзники (приписанные на особомъ столбцѣ) цари Молоссовъ просто *Ἀλκίτας*, *Νεοπτόλεμος*. Одинъ великій царь персидскій называется царемъ, но за то обыкновенно просто царемъ, безъ имени. Если въ актѣ времени діадоховъ Димитрій названъ царемъ, значитъ актъ принадлежитъ такому времени, когда Аэнины были подъ властью Димитрія; если просто Димитріемъ, то значитъ Аэнины были или совсѣмъ независимы, или подъ властью царя враждебнаго Димитрію. Въ официальныхъ актахъ аэнискихъ конца IV и III вѣка всякое данное политическое положеніе Аэнискаго народа изображается, какъ и всегда въ официальныхъ актахъ, благоприятнымъ; царь-покровитель—доставившимъ или расположеннымъ доставить свободу. Въ началѣ 294 года Димитрій, во второй разъ покоривъ Аэнины, сильно стѣснилъ гражданъ, поставилъ гарнизоны не

только въ Пирѣй и Мунихію, но и въ Мусэй, то-есть въ самый городъ. Однако и подъ такою властью Аѣиняне говорятъ о своей свободѣ и демократіи (постановленіе въ честь Иродора (кизи)вскаго или (лампа)вскаго—С. I. А. II, № 300). Много разъ говорится о стремленіи царей Антигона и Димитріа къ свободѣ Грековъ (προαίρεσις τῶν βασιλέων), а потомъ о такомъ же стремленіи царя Лисимаха освободить Грековъ (отъ Димитріа). Поэтому напрасно Келеръ придаетъ большую историческую важность (онъ говоритъ: *novum autem est et satis memorabile, quod Demetrius Phalereus cives reconciliasse dicitur*) тому, что въ постановленіи дема аѣинскаго Эксоны въ честь Димитріа Фалерейскаго (С. I. А. II, № 584) говорится, что Димитрій примирилъ Аѣинянъ, раздѣленныхъ вслѣдствіе войны на части, на городъ и на Пирѣй, и соединилъ снова въ одно. Это примиреніе и соединеніе произошло вслѣдствіе мира Аѣинянъ съ Кассандромъ въ 317 году и „попечителю города“ Димитрію въ официальномъ актѣ, изданномъ во время власти „попечителя“, приписывается потому, что установленіе этой власти было также однимъ изъ условій мира. „Примиреніе и соединеніе Аѣинъ съ Пирѣемъ“—значить сдача Кассандру, вслѣдствіе которой прекратилась блокада Аѣинъ изъ занятаго Кассандромъ Пирѣя; а также то, что Кассандръ, по условію мира, оставилъ гарнизонъ въ одной Мунихіи, очистивъ остальной Пирѣй. Замѣчательный и дѣйствительно новый, изъ авторовъ неизвѣстный, примѣръ участія аѣинскаго войска въ войнахъ царя-покровителя Аѣинъ представляется въ великолѣпномъ документѣ въ честь Филиппида комика (Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική, Пер. В, ар. 109. С. I. А. II, № 314). Оказывается, что Димитрій Поліоркетъ взялъ съ собою въ 302 году въ Азію значительный отрядъ аѣинскаго войска. Этотъ аѣинскій отрядъ въ сраженіи при Ипсѣ (μάχην τὴν Ἰψῆ γενόμενην), во время общей катастрофы войска Антигона и Димитріа, положилъ оружіе предъ войсками Лисимаха. Это древнѣйшее упоминаніе о сраженіи при Ипсѣ, 284 года, черезъ 17 лѣтъ послѣ сраженія. Однимъ и тѣмъ же вождямъ и воинамъ аѣинскимъ приходилось служить на войнѣ сначала съ Кассандромъ противъ Димитріа, а потомъ съ Димитріемъ противъ Кассандра. Но въ государственныхъ актахъ въ честь вождей одинаково перечислялись подвиги, оказанные во всѣхъ походахъ, такъ какъ во всѣхъ походахъ вожди служили Аѣинамъ, исполняли свой долгъ, хотя и подъ разными знаменами. Въ большомъ документѣ въ честь вождя Фѣдра (С. I. А. II, № 331) упоминается сначала о службѣ Фѣдра (дѣда того Фѣдра, въ честь котораго документъ) во время ла-

мійской войны, слѣдовательно, противъ Македоніи; потомъ о службѣ Фимохара сына Фэдра (и отца того Фэдра, въ честь котораго документъ) на Кипрѣ въ 321 году за Антипатра противъ Пердикки-регента, потомъ на Кіонѣ въ 315—314 году за интересы самихъ Аеинянъ противъ Антигона, потомъ подъ Ореемъ за Кассандра противъ Антигона въ 312 году. Точно также баварскій генералъ фонъ-дёръ-Таннъ награждается за службу въ 1866 году противъ Пруссавовъ и за службу въ 1870 году за Пруссавовъ противъ Французовъ; или Вреде за службу въ 1812 году противъ Россіи за Наполеона и за службу въ 1813 и 1814 гг. противъ Наполеона за союзниковъ.

Итакъ съ 317 до 307 года Аеиняне были подъ властью Кассандра и принимали участіе въ его войнахъ. Александръ, сынъ Полисперхонта, въ 316 году воюетъ противъ Кассандра въ Пелопоннисѣ (Diod., XIX, 35. 53). Аргось сначала держался стороны Александра, потомъ, вѣроятно уже въ 315 году, прибылъ къ Аргосу съ войскомъ Кассандръ и заставилъ Аргось оставить союзъ съ Александромъ и вступить въ союзъ съ нимъ, Кассандромъ (Diod., XIX, 54). Антигонъ, воюя съ Кассандромъ, посылаетъ помощь Александру и Полисперхонту въ Пелопоннисъ, и офицеръ Антигона Аристоклимъ отъ имени Антигона объявилъ Полисперхонта вождемъ Пелопонниса, а Александра уговорилъ ѣхать къ Антигону въ Азію (Diod. XIX, 60). Александръ пріѣхалъ въ Азію къ Антигону, и здѣсь Антигонъ въ торжественномъ собраніи войска, какъ македонскаго народа, исчислилъ преступленія Кассандра противъ царскаго дома и провелъ въ войскѣ формальное постановленіе о войнѣ противъ Кассандра и о признаніи полной свободы всѣхъ Еллиновъ. Послѣ того онъ далъ значительную сумму денегъ Александру и послалъ его снова въ Пелопоннисъ (61). Тѣ граждане аргосскіе, которые были враждебны Кассандру, призывали Александра (возвратившагдся въ Пелопоннисъ) въ Аргось, обѣщая передать ему городъ. Но Александръ медлилъ, а офицеръ Кассандра Аполлонидъ, поставленный для охраны Аргоса и бывший въ это время въ походѣ въ Аркадію, послѣшшо возвратился въ Аргось, заперъ выходъ собравшимся въ пританейъ пятистамъ противникамъ и сжегъ ихъ жилищи вмѣстѣ со зданіемъ пританея; изъ другихъ виновныхъ большую часть изгналъ, нѣкоторыхъ схватилъ и казнилъ (63). Война между Кассандромъ и Александромъ въ Пелопоннисѣ продолжалась. Затѣмъ, вѣроятно, весной 314 года, Кассандру удалось переманить Александра, сына Полисперхонта, на свою сторону. Кассандръ объявилъ Александра вождемъ Пелопонниса, и Александръ сталъ союзникомъ Кас-

сандра (64). Теперь Аристодимъ, офицеръ Антигона, и Этолійцы начали воевать въ Пелопоннисѣ противъ Александра и Кассандра. Во время этой войны Александръ, главная квартира котораго была въ Сивіонѣ, былъ убитъ измѣннически Алексіономъ, сивіонскимъ гражданиномъ, и людьми, бывшими въ его свѣтѣ (67). Смерть Александра, сына Полисперхонта, произошла въ архонтство Никодора въ Аѣинахъ, слѣдовательно, въ промежуткѣ съ лѣта 314 до лѣта 313 года.

Итакъ, въ продолженіе одного года, приблизительно съ весны 315 до весны 314, была такая война противъ Александра, въ которой Аѣиняне и Аргосцы, не имѣя свободнаго выбора, были на сторонѣ Кассандра, и, слѣдовательно, въ числѣ враговъ Александра.

Александръ, сынъ Кратера, былъ внукъ Кратера, полководца Александра Великаго, убитаго въ сраженіи съ Евменомъ въ 321 году. Фила, знаменитая дочь регента Антипатра, была замужемъ сначала за Кратеромъ, другомъ Антипатра; овдовѣвъ, вышла замужъ во второй (или въ третій) разъ за Димитрія Подіоркета, который былъ моложе ея. Отъ Кратера у Филы былъ сынъ Кратеръ, отъ Димитрія Антигонъ, прозванный Гонатá. Антигонъ Гонатá принималъ титулъ царя, вѣроятно въ 283 году, когда пришло извѣстіе о смерти отца его Димитрія въ плѣну, во дворцѣ Апамен на Оронтѣ. Главный городъ, бывшій подъ властію Антигона въ этотъ моментъ, былъ Коринѣ; но у него были и другія владѣнія. Въ началѣ 280 года былъ убитъ Селевкъ, и съ этого времени начинается долгая борьба Антигона съ разными соперниками за македонскій престолъ. Въ 272 году былъ убитъ Пирръ, и тогда Антигонъ утвердился на македонскомъ престолѣ. Кратеръ, старшій братъ царя Антигона по матери, оставался во всю свою жизнь вѣренъ своему брату царю. Братская любовь Кратера и Антигона ставится въ примѣръ (Plutarch. περί φιλαδέλφιας 15). Кратеръ былъ человекъ ученый и весьма основательно изучалъ аѣинскія надписи; ему принадлежалъ обширный сборникъ аѣинскихъ постановленій—*συναγωγή ψηφισμάτων*. Кратеру Антигонъ давалъ важныя военныя порученія и часто оставлялъ его въ Пелопоннисѣ. Кратеръ, вѣроятно, былъ правителемъ Коринѣа и еллинскихъ владѣній Антигона, когда Антигонъ царствовалъ въ Македоніи. Двѣ главныя крѣпости, занятыя македонскими гарнизонами, Коринѣ и Халкида, были, вѣроятно, поручены Кратеру. Когда Кратеръ умеръ, его сынъ Александръ является владѣтелемъ Коринѣа и Халкиды. Но Александръ не былъ такъ преданъ своему дядѣ, царю Антигону. Александръ держалъ себя какъ независимый владѣтель, и Антигону пришлось вести

съ Александромъ войну.—Мы не имѣемъ, какъ извѣстно, въ древней литературѣ ни одного связнаго историческаго разказа о событіяхъ цѣлыхъ осьмидесяти лѣтъ въ еллинскомъ мірѣ, начиная съ 301 года и оканчивая 221. Вторая книга Поливія и біографіи Арата, Агиса и Клеомена у Плутарха до нѣкоторой степени освѣщаютъ послѣднія три десятилѣтія этого промежутка времени; біографіи Димитрія и Пирра—первыя два десятилѣтія; наиболѣе темными остаются тридцать лѣтъ, съ 280 до 250 года. Въ это именно темное время и была война Антигона съ Александромъ.

Латинская всеобщая исторія Трога Помпея намъ объяснила бы все это время; отъ нея сохранилось краткое оглавленіе книгъ. Оглавленіе (prologus) XXVI книги читается: „Въ какихъ городахъ Греціи Антигонъ Гоната установилъ владычество. Какъ онъ истребилъ мятежныхъ Галловъ въ Мегарахъ и убилъ царя Лакедэмоніанъ Арея въ Коринѣ, потомъ имѣлъ войну съ Александромъ, сыномъ своего брата Кратера. Какъ Аратъ, главный человѣкъ Ахаіи, занялъ Сикіонъ и Бординъ и Мегары“ и пр.—*Quibus in urbibus Graeciae dominationem Antigonus Gonatas constituerit. Ut defectores Gallos Megaris delevit regemque Lacedaemoniorum Area Corinthi interfecit, dehinc cum fratris sui Crateri filio Alexandro bellum habuit. Ut princeps Achaiae Aratus Sicionem et Corinthum et Megara occupavit etc.*—Въ извлеченіи Юстина почти ничего не осталось дѣльнаго. Изъ пролога XXVI книги ясно, что война съ Александромъ была между смертью царя спертанскаго Арея и освобожденіемъ Сикіона Аратомъ, то-есть между 265 и 251 годомъ, и замѣтно, что ближе къ первому термину. Время смерти Арея опредѣляется по Діодору XX, 29. Клеомвротъ былъ убитъ при Леввтрахъ, приблизительно въ іюлѣ 371 года. Агисиполидъ, его сынъ, царствовалъ годъ. Клеоменъ, братъ Агисиполида, шестьдесятъ лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Арей (Ἄρεος), внукъ Клеомена, 44 года. Если этотъ счетъ вполне точенъ, то отъ битвы при Леввтрахъ до смерти царя Арея прошло 105 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, и значить Арей убитъ въ маѣ 265 года. Но, конечно, нельзя утверждать, что счетъ Діодора вполне точенъ.

Кромѣ пролога Трога Помпея, Александръ, сынъ Кратера, упоминается еще у трехъ древнихъ авторовъ.—Свида v. Εὐφορίων: „Никеза, жена Александра, царствовавшего въ Евбеѣ, сына Кратера, очень полюбила Евфоріона, молодаго поэта, Халкидца родомъ, и онъ приобрѣлъ большое состояніе“.—Χαλκιδεύς ἀπὸ Εὐβοίας.—Τῆς Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλεύσαντος Εὐβοίας, οἰοῦ δὲ Κρατεροῦ, γυναικὸς Νικαίας στερ-

ἐξήγησεν αὐτὸν εὐπόρος σφόδρα γυγώνως κτλ. — Плутархъ въ биографіи Арата с. 17. 18 разказываетъ слѣдующее: Аратъ еще при жизни Александра предпринялъ овладѣть Коринеомъ (вѣроятно, по своему обычаю, хитростью, подкупомъ или неожиданнымъ нападеніемъ), но когда между ахейцами и Александромъ былъ заключенъ союзъ, прекратилъ попытки. Когда Александръ, подъ властью котораго былъ Коринѣъ, умеръ, будто бы отравленный Антигономъ, то вдова его Никэя стала владѣть Коринеомъ. Антигонъ предложилъ ей вступить въ бракъ съ Димитріемъ, сыномъ его; она была старше Димитрія. Во время брачнаго праздника старикъ Антигонъ посредствомъ хитрости овладѣлъ Акрокоринеомъ. — Полиэнъ IV, 6, 1 упоминаетъ имя Александра разказывая ту же исторію о захватѣ Акрокоринеа Антигономъ во время свадьбы Никэи съ Димитріемъ. — Изъ Свида, кажется, можно заключить, что Никэя наслѣдовала Александру въ Халкидѣ, также какъ и въ Коринѣѣ.

Смерть Александра случилась, какъ очевидно изъ Плутарха, нѣсколько лѣтъ послѣ 251 года и нѣсколько лѣтъ раньше 243, такъ какъ необходимо отдѣлить нѣсколько лѣтъ на попытки Арата отнять Коринѣъ у Александра и на союзъ Ахейцевъ съ Александромъ; и нѣсколько лѣтъ на правленіе овдовѣвшей Никэи и на промежутокъ, когда Коринѣъ опять былъ занятъ гарнизономъ Антигона.

Bellum cum Alexandro пролога XXVI-й книги Трога Помпея и есть, мнѣ кажется, πόλεμος πρὸς Ἀλέξανδρονъ нашей надписи. Въ періодъ времени, на который приходится война Антигона съ Александромъ, въ Аргосѣ господствовала династія тиранновъ, подъ покровительствомъ Антигона. Изъ Плутарха и Поливія оказывается, что этихъ тиранновъ въ Аргосѣ было четыре, одинъ за другимъ: Аристиппъ, Аристомахъ, Аристиппъ, Аристомахъ. Эти аргосскіе тиранны извѣстны русскимъ читателямъ изъ прекрасной книги В. Г. Васильевскаго — „Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи“, 1869, стр. 99, 178 и др. — Разказывая о предпріятіи Пирра на Аргосъ (272), послѣднемъ военномъ дѣлѣ Пирра, Плутархъ говоритъ, что въ Аргосѣ были двѣ партіи, главами которыхъ были Аристей и Аристиппъ. Аристиппъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ царемъ Антигономъ, и потому Аристей призывалъ Пирра въ Аргосъ, Pugh. 30. Такъ какъ Пирръ погибъ въ Аргосѣ, и Антигонъ одержалъ полную побѣду, то конечно за Аристиппомъ и осталась власть въ Аргосѣ. Въ биографіи Арата обстоятельно разказывается, какъ Аратъ послѣ освобожденія Коринеа хотѣлъ освободить и Аргосъ отъ

тиранна Аристомаха, какъ онъ устроилъ покушеніе на жизнь Аристомаха, неудавшееся однако. Тиранинъ на этотъ разъ успѣлъ, но немного времени спустя онъ былъ убитъ рабами своими; но власть успѣлъ захватить и удержать за собою Аристиппъ, который былъ „еще болѣе пагубнымъ тиранномъ“, нежели Аристомахъ — ὀπολαμβάνει δὲ τὴν ἀρχὴν φθίνας Ἀριστίππος ἐφαλέστατος ἐκείνου τύραννος. Изъ словъ ὀπολαμβάνει τὴν ἀρχὴν видно, что Аристиппъ былъ родственникъ, вѣроятно сынъ Аристомаха (Agat. 25). Затѣмъ у Плутарха довольно подробно говорится о многочисленныхъ попыткахъ Арата погубить и Аристиппа. Наконецъ Аристиппъ былъ убитъ въ сраженіи съ Аратомъ; но и на этотъ разъ Аргосъ не былъ освобожденъ отъ династїи; въ Аргосѣ успѣлъ вступить младшій Аристомахъ — ὁ νεώτερος Ἀριστόμαχος — съ царскими (то-есть македонскими) войсками. Аристомахъ младшій сталъ тиранномъ въ Аргосѣ. Судьба его извѣстна. Онъ, какъ и его предшественники, былъ подъ покровительствомъ царскаго дома Македонїи. Царь Димитрій, преемникъ Антигона Гонаты, былъ далеко не такъ силенъ, какъ отецъ; все время своего десятилѣтняго царствованія онъ боролся съ коалиціей союзовъ этолійскаго и ахейскаго, съ сѣверными варварами Дарданами. Отъ Дардановъ онъ потерпѣлъ большое пораженіе. Когда умеръ царь Димитрій (229), и въ Македонїи настало регентство Антигона Досона, Македонїя казалась такою слабою, что не только Аэины сбросили съ себя иго македонское, по соглашенію съ самимъ македонскимъ гарнизономъ, но и Аристомахъ счелъ болѣе безопаснымъ сложить съ себя власть и присоединить Аргосъ къ ахейскому союзу, по примѣру другихъ тиранновъ. Самый знаменитый и подвѣйшій примѣръ былъ показанъ Лидіадомъ мегалопольскимъ. Съ мая 227 до мая 226 Аристомахъ былъ стратигомъ ахейскаго союза. Во время войны ахейскаго союза съ Клеоменомъ Аристомахъ, оставшійся все-таки первымъ лицомъ въ Аргосѣ, перешелъ съ Аргосомъ на сторону Клеомена; потомъ Аргосъ былъ взятъ, Аристомахъ попалъ въ руки Ахейцевъ и погибъ страшною смертью (224 или 223). Филархъ, упрекая Арата за жестокую казнь Аристомаха, говорилъ, что Аристомахъ, гражданинъ аргосскаго, былъ изъ знатнѣйшаго дома и самъ былъ раньше тиранномъ въ Аргосѣ и происходилъ отъ тиранновъ — Ἀριστόμαχον τὸν Ἀργεῖον, ἀνδρὰ τῆς ἐπιφανεστάτης οἰκίας ὑπάρχοντα καὶ τετραννηχότα μὲν Ἀργείων, πεφοχότα δ' ἐκ τῶν ἄλλων — Polyb. II, 59.—Итакъ вполне вѣроятно, что четыре аргосскихъ правителя представляютъ собою нисходящую линію четырехъ поколѣній; на это указываетъ и преемство именъ: по греческому обы-

чаю внуку носить имя дѣда. Если Аристиппу Старшему было въ 272 году 60 лѣтъ, то въ этомъ году могъ уже родиться правнукъ его, Аристомахъ Младшій, и въ такомъ случаѣ Аристомаху Младшему было 48 или 49 лѣтъ, когда его утопили Ахейцы въ Кенхрехъ. Но вѣроятно Аристиппу Старшему было около 65 лѣтъ въ 272 году, а Аристомахъ Младшій дожилъ только до 36 лѣтъ. Эти цифры положены мною только для примѣра.—Съ какого до какого года правилъ каждый изъ четырехъ аргосскихъ владѣтелей, опредѣлить нельзя. Аристомахъ Старшій былъ убитъ немного лѣтъ послѣ освобожденія Коринѳа Аратомъ; на основаніи нашей надписи должно, мнѣ кажется, заключить, что онъ уже правилъ Аргосомъ во время войны Антигона съ Александромъ, около 263 и слѣдующихъ годовъ. Такъ что Аристомахъ Старшій правилъ лѣтъ 25, положимъ съ 266 до 241, Аристиппъ Младшій, положимъ, съ 241 до 234, Аристомахъ Младшій съ 234 до 228. Интрига Арата, какъ разказываетъ Плутархъ, отсрочила переходъ Аристомаха на сторону Ахейцевъ (Arag. 35), такъ что прошло нѣсколько времени отъ смерти царя Димитрія до этого перехода.

По моему убѣжденію Аристомахъ нашей надписи есть Аристомахъ Старшій, тираннъ или правитель аргосскій. Лицо, которому *de facto* принадлежала верховная власть въ какомъ либо городѣ, можно было безъ обиды назвать тиранномъ еще въ первую половину V вѣка до Р. X. Поэты называютъ тираннами властителей, къ которымъ обращаются. Въ надгробной надписи было сказано объ Архедикѣ, дочери Иппія:

ἡ πατρός τε καὶ ἀνδρός ἀδελφῶν τ' οὖσα τυράννων
παίδων τ' οὐκ ἤρθη νοῦν ἐς ἀτασθαλίην. Thus. VI, 59.

Пиндаръ своего Иерона называетъ тиранномъ *Pyth. III, 85*. Но едва ли это названіе употреблялось когда нибудь въ официальныхъ актахъ относительно дружественнаго владѣтеля, или въ актахъ самихъ тиранновъ. Харить, тираннъ Тихиуссы, современникъ Истіэя, называетъ себя въ надписи на сѣдалищѣ одной изъ статуй Бранкидской священной дороги *Ταχυόσσης ἀρχός* (Newton, *Halicarnassus, Cnidus, and Branchidae* № 72, Plate XCVII, pag. 784). Самъ Истіэй не даетъ себѣ никакого титула въ надписи Newton № 72 а, р. 787.—Затѣмъ во вторую половину V-го и въ слѣдующіе вѣка названіе тиранна въ живой рѣчи и у авторовъ принимаетъ оттънокъ порицанія, хотя не совсѣмъ исчезаетъ и прежнее общее значеніе. Филархъ въ приведен-

номъ мѣстѣ употребляетъ слово *τύραννος* чтобы показать высокое значеніе Аристомаха и его рода. Въ официальныхъ актахъ IV-го и слѣдующихъ вѣковъ, понятно, никакого дружественнаго тирана нельзя было назвать тиранномъ. Въ постановленіяхъ аѣинскихъ въ честь Діонисія Старшаго онъ называется начальникомъ Сициліи — *Σικελίας ἀρχων*—С. I. А. II, № 8, 51. Но Діонисій былъ большой тираннъ, не тѣмъ чета, которыхъ „насадилъ“ (Поливій употребляетъ глаголъ *ἐμφυτεύειν* II, 41) Антигонъ Гонатъ. Въ актахъ III-го вѣка дружественные тиранны, вѣроятно, оставались безъ титула, потому что они и не носили титула, довольствуясь фактической властью. Мы видѣли, что Кассандръ назвалъ „повечителемъ города“ то лицо, которому онъ намѣренъ былъ поручить правленіе въ Аѣинахъ. Димитрія Фалерейскаго самого, вѣроятно, называли тиранномъ послѣ сверженія. О правленіи Димитрія Фалерейскаго Плутархъ говоритъ, что оно было, въ сущности, монархическое (*Demetr.* 10). Изъ двухъ дошедшихъ до насъ актовъ въ честь Димитрія Фалерейскаго, въ одномъ (упомянутомъ выше) ему не дается никакого титула, въ другомъ онъ называется стратигомъ, потому что въ данное время отправлялъ эту должность, выбранный, конечно, особою хиротонією. (*Rang. Antiqu. Hell.* II, № 1079). Извѣстно, что онъ былъ и архонтомъ епонимомъ съ лѣта 309 года до лѣта 308 (*Diodor.* XX, 27. *Athen.* XII, 60). Поэтому вполне понятно, что въ разбираемой надписи мы не встрѣчаемъ никакого титула при имени Аристомаха.

Аѣины были покорены Антигономъ Гонатою, послѣ продолжительной войны, въ 260-хъ годахъ, и Антигонъ поставилъ гарнизоны въ Пирѣѣ и Мунихіи, на Саламинѣ и Суніи, и въ Мусѣѣ; то-есть въ самомъ городѣ (*Pausan.* II, 8, III, 6. *Plutarch. Arat.* 34).—Съ момента сдачи Аѣинъ Антигону, съ переходомъ подъ власть и покровительство Антигона, аѣинскія военныя силы перешли въ распоряженіе Антигона, и Аѣиняне стали участвовать на сторонѣ Антигона во всѣхъ войнахъ его, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ собственной Еллады; участвовали на столько, на сколько Антигонъ требовалъ ихъ участія, и на сколько позволяли ихъ силы. Съ того-же момента, конечно, перемѣнялось, въ чемъ необходимо было, и отношеніе официальныхъ аѣинскихъ актовъ къ разнымъ царямъ и владѣтелямъ и направленіе публичныхъ демонстрацій. Извѣстенъ разказъ Плутарха, что Аѣиняне однажды въ царствованіе Димитрія надѣли вѣнки, когда распространился слухъ о смерти Арата (*Plut. Arat.* 34). Между тѣмъ, Аратъ много разъ предпринималъ попытки освободить Аѣины отъ Македо-

нянъ. Но до момента освобожденія Аратъ былъ официальнымъ врагомъ Аэинянъ. Когда Александръ, сынъ Кратера, возмутился противъ своего дяди, царя Антигона, то сталъ официальнымъ врагомъ Аэинянъ; и война Антигона съ Александромъ была общею войною, какъ сказано въ нашей надписи, для Аэинянъ и для Аргоса.

Изъ двухъ поставленныхъ мною на выборъ войнъ должна быть выбрана война съ Александромъ, сыномъ Кратера. Главная причина та, что во время этой войны первымъ лицомъ въ Аргосѣ могъ быть Аристомахъ, извѣстный изъ другихъ источниковъ; между тѣмъ какъ никакого Аристомаха аргосскаго за время Александра, сына Полисперхонта, мы не знаемъ. Повторяю, во время войны съ сыномъ Полисперхонта Аргосъ сначала держался его стороны, силою принужденъ былъ перейти на сторону Кассандра и во время самой войны возмущался и только страшнымъ избиеніемъ гражданъ былъ удержанъ подъ властью Кассандра. При такихъ обстоятельствахъ едва-ли могъ офицеръ Кассандра Аполлонидъ, подавившій возстаніе, воспользоваться военными силами Аргоса въ короткое, оставшееся затѣмъ, время до мира Кассандра съ Александромъ, сыномъ Полисперхонта. Выраженіе надписи: καὶ οὐβάντος κοινῶν πόλεμονъ скорѣе указываетъ на такую войну, въ которой Аэины и Аргосъ съ самаго начала были на одной сторонѣ. Хотя, конечно, ни тотъ, ни другой изъ приведенныхъ мною доводовъ не имѣетъ вполне рѣшающаго значенія, однако, оба они устанавливаютъ большую вѣроятность въ пользу выбора войны съ Александромъ, сыномъ Кратера.

Наша надпись вырѣзана, мнѣ кажется, послѣ 260 года; положимъ въ 254 году (скоро послѣ вывода гарнизона изъ Мусэя, о чемъ будетъ упомянуто далѣе). Тутъ прежде всего читатель задастъ мнѣ вопросъ: могъ ли Кёлеръ ошибиться на 80 лѣтъ въ опредѣленіи времени надписи, допускаетъ ли письмо надписи, что она могла быть вырѣзана въ срединѣ III-го вѣка, вмѣсто второй половины IV-го?—Мое уваженіе къ заслугамъ и знаніямъ почтеннаго ученаго, списавшаго тысячи надписей, очень велико, и его слава нисколько не умалется, если мы эту надпись отодвинемъ въ болѣе позднее время. Между надписями второй половины IV-го вѣка и нѣкоторыми изъ надписей средины III-го вѣка нѣтъ никакой разницы въ письмѣ. Кёлера побудили поставить разбираемую надпись во время Александра Великаго не палеографическія соображенія, но факты содержанія надписи, главнымъ образомъ война съ Александромъ. Если мы сравнимъ нашу надпись съ тѣми, которыя Кёлеръ относитъ, исключительно по со-

ображеніямъ письма, во времени послѣ 260 года, №№ 371 и слѣд., то увидимъ большое сходство въ письмѣ. Правда, въ Согр. Inscriptions. Att. надписи изданы не facsimile; но все-таки главныя особенности начертаній соблюдены. Напримѣръ, № 392 и 397 писаны совершенно такими-же буквами, какъ и наша надпись, а № 392 Келеръ относитъ къ концу III-го вѣка. — Часто въ документахъ одного и того-же времени встрѣчается разное письмо въ надписяхъ, сообразно манерѣ, такъ сказать, почерку вырѣзавшаго надпись. Напримѣръ, № 317 поражаютъ своими странными четырехугольными формами буквъ, а эта надпись достоверно такого же времени, какъ и окружающія ее въ надписи Келера надписи обыкновеннаго письма. — Я полагаю, что наша надпись приблизительно того-же времени, какъ и упомянутое выше постановленіе въ честь Фадра, № 331. Письмо нашей надписи и постановленія въ честь Фадра сходно во всѣхъ буквахъ, кромѣ кси: въ постановленіи въ честь Аристомаха кси имѣетъ вертикальную черточку, въ постановленіи въ честь Фадра не имѣетъ. Но это не важный признакъ. Вышеназванные обломки №№ 392 и 397 имѣютъ кси съ вертикальной черточкой, Кси съ вертикальной черточкой встрѣчается въ очень позднихъ, сравнительно, надписяхъ; напримѣръ, № 445, по Келеру 160 года; № 467, по Келеру начала послѣдняго вѣка до Р. X., и въ другихъ. Наоборотъ, кси безъ вертикальной черточки встрѣчается иногда въ надписяхъ времени Филиппа, отца Александра Великаго; напримѣръ, № 116, документъ седьмой пританеи архонта Никомеха, начала 340 года, съ упоминаніемъ о вождѣ Харитѣ и афинскихъ клирухахъ въ Херсонисѣ; надпись № 116 списалъ самъ Келеръ.

Изъ разбираемой надписи съ большою вѣроятностію можно заключить, что война Антигона противъ Александра, сына Кратера, была послѣ покоренія Аеинъ Антигономъ, т. е. послѣ окончанія такъ называемой Хремонидовской войны. Изъ авторовъ слѣдуетъ довольно ясно то же самое. Такъ, у Трога Помпея, мы видимъ, прямо сказано, что война съ Александромъ была послѣ смерти Ареса, царя лакедонскаго; а именно Арей приходилъ на помощь къ Аеинянамъ противъ Антигона. О войнѣ Аеиняны съ Антигономъ лучшія свѣдѣнія сообщаетъ намъ Павсанія въ четырехъ мѣстахъ своего сочиненія. Эта война упоминается на первой же страницѣ Павсанія. „Если идти отъ мыса Сунія дальше (къ Аеинямъ) — небольшой пустой островъ, называемый островомъ Патрокла. На немъ выстроилъ укрѣпленіе Патроклъ, начальникъ египетскаго флота, присланнаго Пто-

демземъ сыномъ (Птолемѣя сына) Лага на помощь Аѳинянамъ, когда Антигонъ, сынъ Димитрія, вторгнувшись съ войскомъ, опустошалъ ихъ страну и запералъ вмѣстѣ съ тѣмъ кораблями съ моря" (Pausan. I, 1). „Этотъ Птолемей (т. е. Филадельфъ), какъ я раньше сказалъ, послалъ флотъ на помощь Аѳинянамъ противъ Антигона и Македонянъ. Но отъ этого немного вышло для спасенія Аѳинянъ“, I, 7. На основаніи этого мѣста новые издатели вставляютъ въ первой главѣ слово Πτολεμαίου между словами Πτολεμαῖος ὁ и словами τοῦ Λάγου. Вставка совершенно необходима. — „Рошу и храмъ Посидона въ Колонѣ сжегъ Антигонъ во время вторженія. Онъ и вообще войною опустошилъ аѳинскую землю“, I, 30. — „Когда Арей, сынъ Акротата, былъ царемъ въ Спартѣ, Антигонъ, сынъ Димитрія, пошелъ на Аѳины съ сухопутными войсками и флотомъ. На помощь Аѳинянамъ прибылъ флотъ Египтянъ подъ начальствомъ Патрокла, а также выступили всѣмъ ополченіемъ Лакедѳмоняне, назначивъ предводителемъ своимъ царя Арея. Антигонъ облагалъ Аѳины и препятствовалъ входу союзниковъ аѳинскихъ въ городъ. Патроклъ, посылая вѣстниковъ, побуждалъ Лакедѳмонянъ и Арея начинать битву противъ Антигона и общалъ, что когда они начнутъ, самъ онъ нападетъ съ тыла на Македонянъ: нельзя требовать, говорилъ онъ, чтобы они, Египтяне и матросы, сами первые наступали на Македонянъ на сушѣ. Лакедѳмоняне стремились рискнуть битвою по благорасположенію къ Аѳинянамъ и изъ ревности совершить что нибудь достопамятное для будущихъ поколѣній. Но Арей, когда вышли у нихъ припасы, отвелъ войско назадъ: онъ считалъ необходимымъ приберегать отчаянную рѣшимость для родины, а не выбросить неразчетливо ради чужихъ интересовъ. Съ Аѳинянами, которые продержались очень долго, Антигонъ заключилъ миръ на томъ, что онъ поставитъ у нихъ гарнизонъ въ Мусей. Черезъ нѣсколько времени самъ Антигонъ вывелъ этотъ гарнизонъ добровольно; а у Арея былъ сынъ Акротатъ“ и такъ далѣе (Pausan. III, 6).—Плутархъ упоминаетъ, такъ же какъ и Трогъ Помпей, о томъ, что царь Арей былъ убитъ около Коринѳа. Ἀρείου δὲ παύσιος κατὰ Κορίνθου οἶδος ὦν Ἀκρότατος τὴν βασιλείαν κατέσχεν. Agis 3.

Ни Павсанія, ни Плутархъ, ни Юстинъ не говорятъ, чтобы Арей былъ убитъ во время похода на помощь Аѳинянамъ. Павсанія говорить, что Арей отвелъ войско домой, и что потомъ Аѳиняне, послѣ долгаго сопротивленія, сдались. Если мы помѣстимъ даже смерть Арея послѣ сдачи Аѳинъ Антигону, то въ авторахъ не найдемъ этому противорѣчія. Новые ученые, которымъ смерть Арея даетъ одну при-

близительно точную хронологическую цифру посреди глубокаго мрака, постоянно ставить это событіе въ прямую связь съ осадой Аэний Антигономъ. Но, кажется, Павсаніи слѣдовало-бы упомянуть, что Арей погибъ, стараясь помочь Аэнианамъ, если бы дѣйствительно Арей былъ убитъ во время этой войны. Въмѣсто того, Павсанія именно говоритъ, что Арей не хотѣлъ рисковать для спасенія Аэний.

Аэний приводитъ изъ сочиненія Игисандра слѣдующія слова: „во время Хремонидовской войны (κατὰ τὸν Χρεμωνίδειον πόλεμον) демагоги, льстя Аэнианамъ, говорили, что все прочее у Аэнианъ общее со всѣми Греками, но дорогу, ведущую людей на небо, знаютъ одни Аэниане“ (Athen., VI, 57).—Знаменитый комментаторъ Аэниэа Casaubonus отказался объяснить, что такое Хремонидовская война. Τὸν Χρεμωνίδειον πόλεμον quaerant amplius historiae atticae studiosi.—Нибуръ разгадалъ загадку. Въ особой статьѣ über den Chremonideischen Krieg, написанной въ 1826 году (Kleine Schriften, pag. 451—463), онъ указалъ на отрывокъ изъ сочиненія Телита „объ изгнаніи“, помѣщенной у Стовза, Floril. XI, 8. Телитъ приводитъ примѣры благополучія изгнанниковъ: „Ликинъ тотъ, изгнанный изъ Италіи, развѣ не былъ у насъ начальникомъ гарнизона, по довѣрію Антигона, и развѣ мы, оставаясь на родинѣ, не исполняли всякое приказаніе Ликина? Иппомедонтъ Лакедэмонянинъ, поставленный теперь Птолемеемъ въ правители Эракіи, Хремонидъ и Главконъ Аэниане не допущены ли въ правительство и совѣтъ Птолемэа? чтобы не приводить тебѣ древнихъ примѣровъ, но изъ новаго времени. И напоследокъ, развѣ онъ не былъ посланъ съ такимъ большимъ флотомъ, и не была такая сумма денегъ ему вѣрена, съ властью употребить ее по своему усмотрѣнію?“ Кто изъ трехъ упомянутыхъ Телитомъ выше лицъ былъ посланъ изъ Египта съ большимъ флотомъ, изъ текста Телита нельзя заключить. Но Нибуръ указалъ, что это относится къ Хремониду, приведя разказъ Полиэна, V, 18, о сраженіи между Родосцами и адмираломъ Птолемэа Хремонидомъ — Χρεμωνίδης Πτολεμαίου ναύαρχος. Эта, одинъ только разъ упоминаемая война Родосцевъ съ Птолемеемъ можетъ быть нами оставлена безъ разбора; Нибуръ, впрочемъ, отгадалъ загадку и этой войны; вывѣдъ Хремониды съ флотомъ былъ, вѣроятно, при Птолемѣ Еввергетѣ, лѣтъ двадцать по крайней мѣрѣ послѣ смерти царя Арея.—На основаніи приведеннаго мѣста Телита, Нибуръ съ полною увѣренностью заявилъ, что Хремонидовская война есть война Антигона Гонаты противъ Аэнианъ, раз-

казанная Павсанию. Ich habe sehr zufällig des Räthfels Lösung gefunden, und die ist von der Art, dass sie nicht bestritten werden kann.

Догадка Нибура блистательно подтвердилась драгоценнымъ документомъ, найденнымъ 29 декабря 1836 года въ Афинахъ близъ Пропилей (Rang. Antiqu. Hell. II, pag. 143). Надпись издана Рангависомъ сначала въ старой 'Εφημερίς 'Αρχαιολογική подъ № 1, потомъ въ Antiquités Helléniques подъ № 453; Corp. Inscr. Att. II, № 332.

„При Пиеидимѣ архонтѣ, при Ерехеидѣ второй пританей, Метатитіона девятаго, въ девятый день пританей; ординарное народное собраніе; изъ проедровъ допустилъ подачу голосовъ Сострате, сынъ Каллистрата Ерхисецъ съ товарищами.

„Принято народомъ: Хремонидъ, сынъ Етеокла, Эвалидъ предложилъ.

„Такъ какъ и прежде Афиняне и Лакедэмоняне и союзники тѣхъ и другихъ, заключивъ между собою дружбу и общій союзъ, совершили вмѣстѣ многіе и прекрасные подвиги противъ предпринимающихъ порабощать города вслѣдствіе которыхъ (подвиговъ) самимъ себѣ приобрѣли славу; а прочимъ Грекамъ доставили свободу;

„и нынѣ когда подобныя же времена захватили всю Елладу изъ-за предпринимающихъ разрушать законы и отеческія у каждаго гражданскія правленія (ὅτι τοὺς κειμένους ἐπιχειροῦντας τοὺς τε νόμους καὶ τὰς πατρῶος ἐξέστητος πολιτείας),

„то и царь Птоломей, согласно съ направлениемъ (προαίρεσις) предковъ и сестры, очевидно ревнуетъ объ общей свободѣ Еллиновъ;

„и народъ афинскій, заключивъ съ нимъ союзъ, постановилъ и прочихъ Грековъ призывать къ такому же направленію;

„точно также и Лакедэмоняне, будучи друзьями и союзниками царя Птолемея, постановили и съ народомъ афинскимъ заключить союзъ, вмѣстѣ съ Елейцами, и Ахейцами, и Тегеатами, и Мантинейцами, и Орхоменцами, и Филейцами, и Кафиейцами, и Пританами, сколько ихъ (Кританъ) есть въ союзѣ у Лакедэмонянъ и Арей, и съ другими союзниками; и прислали пословъ отъ союзнаго совета (ἀπὸ τοῦ συνέδρου) къ народу (афинскому);

„и прибавше отъ нихъ заявляютъ объ усердіи Лакедэмонянъ и Арей и прочихъ союзниковъ къ народу (Афинскому); и принесли составленное о союзномъ договорѣ соглашеніе:

„дабы, при состоявшемся общемъ согласіи Еллиновъ, (оная Еллины) и нынѣ пребывали равностными, вмѣстѣ съ царемъ Птоломеемъ и другъ съ другомъ, борцами противъ совершившихъ насилія и нару-

шившихъ договоръ съ городами (πρός τε τοὺς νῦν ἡδικοῦσας καὶ παρὰ σκοπῆκόσας τὰς πόλεις), и впродъ въ согласіи спасали бы города:

„на доброе счастье, пусть народъ постановитъ: да будетъ дружественный и союзный договоръ между Аэинянами, и Лакедэмонянами, и царями Лакедэмонянъ, и Елейцами, и Ахейцами, и Тегеатами. и Мантинейцами, и Орхоменцами, и Фіалейцами, и Кафіейцами, и Критянами, сколько ихъ (Критянъ) есть въ союзѣ у Лакедэмонянъ и Арея, и съ другими союзниками, утвержденъ на вѣчное время тотъ, который принесли послы; и чтобы секретарь пританеи написалъ этотъ договоръ на мѣдной доскѣ^а и пр.

Мимоходомъ замѣтимъ, что до насъ дошелъ не договоръ Аэинянъ съ Лакедэмонянами и ихъ союзниками, какъ говорить Дройзенъ, III, I, p. 233, но ратификація договора въ народномъ собраніи. Дошедшій до насъ актъ, само собою разумѣется, на мраморѣ. Аэинскій народъ цѣликомъ утвердилъ проектъ договора, представленный спартанскимъ союзомъ, и утвержденный проектъ постановлено было вырѣзать на мѣдной доскѣ.

Документъ, какъ ясно читателю, превосходно подходитъ къ тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, по которымъ Нибуръ восстановилъ память о Хремонидовской войнѣ. Хремонидъ является въ надписи руководителемъ народнаго Аэинскаго собранія прѣ заключеніи союза съ Лакедэмонянами. Союзъ съ Птолемеемъ, сказано въ документѣ, уже заключенъ. Понятно, почему Хремонидъ, послѣ несчастнаго конца войны, которой душою былъ онъ (выраженіе Нибура, с. 454), бѣжалъ въ Египетъ и былъ въ чести у Птолемеевъ.

Остальныя замѣчательныя предположенія статьи гениальнаго ученаго удобнѣе разсмотрѣть въ связи съ разборомъ изображенія Хремонидовской войны, составленнаго богатою фантазіею Дройзена изъ разныхъ анекдотическихкихъ отрывковъ. Разборъ этотъ необходимъ, такъ какъ намъ придется удалить изъ постройки Дройзена много лишняго нанесеннаго имъ матеріала.—Искусственное построеніе Хремонидовской войны въ новомъ изданіи Дройзена (1877) осталось то же самое, какъ и въ старомъ (1843). Конечно, Дройзенъ вставилъ найденный документъ и воспользовался другою надписью; но въ старомъ своемъ текстѣ онъ не перемѣнилъ почти ничего и удержалъ всѣ свои предположенія. Съ перваго же шага въ описаніи войны (оно находится въ новомъ изданіи III, I, pag. 225—247) Дройзенъ сильно запутываетъ себя страннымъ предположеніемъ, что Пирей и Мунихія оставались подъ властью Антигона до самой Хремонидовской войны, что Анти-

гонтъ однако держалъ тамъ тиранновъ, а не фрурарховъ или стратиговъ и не держалъ тамъ гарнизона; что это характеристическая черта политики Антигона въ Греціи. Въ примѣчаніи Дройзенъ обвиняетъ Нибура въ томъ, что онъ выпустилъ это изъ виду. Такими тираннами въ Пирѣѣ, подъ покровительствомъ Антигона, были, по мнѣнію Дройзена, сначала Иероклъ, потомъ Главконъ. Дройзенъ полагаетъ, что въ 287 году, свергая власть Димитрія Полиоркета, Аѣиняне взяли только одинъ Мусѣй, а что потомъ, въ томъ же году, по договору Антигона съ Пирромъ, портовые города (Мунихія и Пирѣй) и Саламинъ остались во власти Антигона.—Во первыхъ, Антигонъ не заключалъ въ 287 году никакого мира съ Пирромъ. О мирѣ Пирра съ Димитріемъ, заключенномъ около 287 года, упоминаетъ Плутархъ (Руггн. 12). Но самъ Дройзенъ сознается, что мы ничего не знаемъ объ условіяхъ этого мира (II, 2. pag. 302). Если и было такое условіе между Димитріемъ и Пирромъ, чтобы Пирѣй принадлежалъ Димитрію, то оно не помѣшало потомъ Аѣинянамъ, когда и Димитрій и Пирръ были далеко, овладѣть Пирѣемъ и Мунихією.—На самомъ дѣлѣ было такъ: когда Аѣиняне узнали, что Димитрій Полиоркетъ лишенъ македонскаго престола (287), то они возстали (Plut. Demetr. 46). Подъ предводительствомъ мужественнаго Олимпіодора они всѣмъ народомъ двинулись на Мусѣй, побѣдили македонскій гарнизонъ, заставили его отступить въ укрѣпленіе и потомъ взяли самое укрѣпленіе (Pausan. I, 26). Эта побѣда была облегчена тѣмъ, что многие солдаты гарнизона перешли на сторону города, вслѣдствіе прокламаціи Аѣинянь, и даже помогли Аѣинянамъ взять Мусѣй. Начальникомъ гарнизона въ Мусѣѣ былъ Спинѣаръ. Эти любопытные факты узнаемъ мы изъ надписей С. I. Att. II, № 317, 318. Оттого и потеря Аѣинянь при взятіи Мусѣя была такъ мала: всего 13 убитыхъ. Pausan. I, 29. Такимъ образомъ, документы опять вполнѣ подтверждаютъ разказы Павсаніи.—Мунихія и Пирѣй нѣкоторое время дѣйствительно оставались еще подъ властью Димитрія. Въ этомъ опять согласны авторы и надписи. Плутархъ говоритъ, что Димитрій, сдавшись въ плѣнъ Селевку (въ 285 году), писалъ сыну и офицерамъ своимъ, бывшимъ около Аѣинъ и Коринѣа. Demetr. 51.—Павсанія говоритъ, что тотъ же Олимпіодоръ выручилъ для Аѣинянь Пирѣй и Мунихію. Изъ сравненія съ предшествующимъ разказомъ о взятіи Мусѣя видно, что это событіе было особо отъ взятія Мусѣя, то-есть послѣ взятія Мусѣя (Ὁλιμπιόδωρος δὲ τότε μὲν ἔργον μέγιστον (взятіе Мусѣя) χωρὶς τούτων ὦν ἔπραξε Πειραιᾶ καὶ Μουνοχίαν ἀνασώσ-

μνος. Paus. I, 26). Въ постановленіи въ честь Авдолеонта, царя Пэононь, данномъ лѣтомъ 285 года, говорится, что Авдолеонтъ обѣщаетъ содѣйствовать Аэинянамъ къ возвращенію Пирэя—εἰς τὴν Πειραιέως κομίστην.—Значить, лѣтомъ 285 Пирэй былъ еще подъ властью Димитрія. Въ постановленіи въ честь комика Филиппида, приблизительно въ сентябрѣ 284 года, сказано: „и когда народъ досталъ себѣ свободу, Филиппидъ пребылъ, говоря и дѣлая полезное для спасенія города и увѣщевая царя (Лисимаха) помогать и деньгами и хлѣбомъ, чтобы народъ остался въ свободѣ и возвратилъ себѣ Пирэй и укрѣпленія какъ можно скорѣе; и царь часто свидѣтельствовалъ обо всемъ этомъ въ пользу его (Филиппида) предъ посылаемыми отъ Аэинянъ къ нему (царю)“. Καὶ κομισαμένου τοῦ δήμου τὴν ἐλευθερίαν διατέτελεξεν λέγων καὶ πράττων τὰ συμφέροντα τῇ τῆς πόλεως σωτηρίᾳ καὶ παρακαλῶν τὸν βασιλέα βοηθεῖν καὶ χρήμασι καὶ σίτῃ ὅπως ἂν διαμένοι ὁ δῆμος ἐλεύθερος ὦν καὶ τὸν Πειραιᾶ κομισῆται καὶ τὰ φρούρια τὴν ταχίστην, καὶ ὑπὲρ τούτων πάντων πολλὰκις μεμαρτύρηχεν αὐτῷ ὁ βασιλεὺς πρὸς τοὺς πρεσβέοντας Ἀθηναίων πρὸς αὐτόν.—Изъ этихъ словъ нельзя съ точностью заключить, выручили уже въ то время Аэиняне Пирэй или нѣтъ. Ученые толкуютъ приведенныя выраженія въ ту и другую сторону. Диттенбергеръ полагаетъ, что еще не выручили (Hermes, Vol. II, pag. 294). Мнѣ кажется, что если самъ царь Лисимахъ часто говорилъ посламъ аэинскимъ объ этихъ хлопотахъ Филиппида, то, значить, онѣ увѣнчались уже успѣхомъ. Такимъ образомъ, по моему, Пирэй и Мунихія взяты Аэинянами въ концѣ 285 или въ началѣ 284. Но въ это время, или позже, во всякомъ случаѣ Олимпіодоръ освободилъ Мунихію и Пирэй, какъ ясно сказано у Павсаніи.—Въ старомъ изданіи Дройзенъ признавалъ это, но передавалъ дѣло такъ: Аэиняне въ 287 году взяли Мусэй и тотчасъ потомъ Мунихію и Пирэй; въ этомъ же году былъ заключенъ между Пирромъ, союзникомъ Аэинянъ, и Антигономъ миръ, и по условію мира Пирръ передалъ Мунихію и Пирэй Антигону (Geschichte des Hellenismus, первое изданіе, I, pag. 714 sq. II, p. 84). Такая черная измѣна со стороны Пирра, притомъ не упомянутая ни у одного автора, невозможна; и въ новомъ изданіи Дройзенъ предпочелъ вовсе промолчать объ извѣстии Павсаніи, что Олимпіодоръ выручилъ Мунихію и Пирэй.—Какая же необходимость заставила Дройзена выбросить молча это ясное и вполне вѣрное извѣстіе, между тѣмъ какъ онъ отыскиваетъ слѣды важныхъ фактовъ въ малѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ анекдотахъ?

Тому причинною слѣдующее мѣсто Аэинянъ: „Пиѳермъ въ числѣ

лицъ, бывшихъ тиранами въ Пирей, называетъ и Главкона водопійцу. Πόθερος δὲ ἐν τοῖς Πειραιῶς τυραννοῦσι καταγράφει καὶ Γλαύκωνα ὑδροπότην. II, 21. Нибуръ предположилъ, впрочемъ съ сомнѣніемъ, что это тотъ самый Главконъ, который у Телита является товарищемъ Хремонида. Дройзенъ принимаетъ это предположеніе, которое, дѣйствительно, опять очень удачно. Дройзенъ приводитъ стихи Филимона въ комедіи φιλόσοφος οὐ στυγὴ Ζηνονίη:

φιλοσοφίαν καινήν γὰρ οὗτος φιλοσοφεῖ.
πεινήν διδάσκει καὶ μαθητὰς λαμβάνει.
εἰς ἄρκτος ὄψον ἰσχάς, ἐπιπίειν ὄσπερ.

Meineke Fragmenta com. Graec. IV, pag. 29.—Главконъ, весьма вѣроятно, былъ ученикъ Зинова. Юноша Хремонидъ вмѣстѣ съ Клеаномъ находится въ обществѣ Зинова въ разказѣ у Діогена VII, 17.—Наконецъ, самъ Дройзенъ предлагаетъ (въ новомъ изданіи) прекрасную догадку, что Главконъ былъ братъ Хремонида. Павсанія упоминаетъ о колесницѣ, поставленной Главкономъ, сыномъ Етеокла, аѣнискимъ гражданиномъ, въ Олимпіи въ честь побѣды, одержанной имъ въ Олимпійскомъ состязаніи на бѣгѣ колесницъ въ четыре лошади. VI, 16. А изъ большаго документа архонтства Пионидима мы видѣли, что Хремонидъ былъ сынъ Етеокла.—Такимъ образомъ, съ Хремонидомъ и Главкономъ повторяется въ наукѣ та же самая исторія, что съ Евриклидомъ и Микіономъ. Евриклидъ и Микіонъ были первыми по вліянію людьми въ Аѣнахъ съ 229 года, послѣ освобожденія отъ македонскаго гарнизона, „предстоятелями народа“—προστάται τοῦ δήμου. О нихъ упоминаютъ Поливій V, 106, Плутархъ Agat. 41, Павсанія II, 9. Всѣ три автора называютъ обоихъ ихъ вмѣстѣ. Въ нѣсколькихъ надписяхъ встрѣчаются какъ имена ихъ самихъ, такъ имена ихъ потомковъ. Гротефендъ (Philologus, vol. XXVIII) предположилъ, что они были родственники, можетъ быть, братья. Теперь найдено важное постановленіе въ честь Евриклида, гдѣ уже прямо говорится, что они были братья (Köhler, Hermes, Vol. VII, pag. 1—6. С. 1, А. II, № 379).—Итакъ, конечно, Хремонидъ и Главконъ были πρόσταται τοῦ δήμου во время борьбы противъ Антигона, оба сопротивлялись Антигону, оба были потомъ, послѣ бѣгства изъ Аѣнъ, въ милости у Птолемѣя.—Какимъ же образомъ могъ Главконъ быть тиранномъ въ Пирей? однимъ изъ тиранновъ, поставленныхъ Антигономъ?—Нибуръ говоритъ: „Возможно, что Пирей, съ Александрійскою помощью, держался дольше города, и кто командовалъ тамъ, на послѣднихъ развалинахъ госу-

дарства, былъ названъ тиранномъ". Едва-ли Пирэй держался, послѣ того какъ Аѣины сдались; но главная мысль приведенной выписки вѣрна. Хремонидъ и Главконъ были не только демагогами, но и вождями: Хремонидъ потомъ командуетъ флотомъ Птолемѣя. Вѣроятно, братья раздѣляли между собою защиту города: Главкону было поручено начальство въ Пирѣѣ, Хремониду въ городѣ. Хремонида и Главкона могли приверженцы Антигона—и сами Аѣиняне послѣ сдачи—называть тираннами, дакъ точно, какъ Римляне—и сами Сиракузяне послѣ сдачи Сиракузь—называли тираннами братьевъ Иппократа и Епиклада, защищавшихъ Сиракузы противъ Римлянъ. (Liv. XXV, 28. XXVI, 30).—Если свободные Греки называли „попечителей“ или „предстоятелей“, поддерживаемыхъ въ городахъ Антигономъ, тираннами, то и македонская сторона могла назвать тираннами Хремонида и Главкона. Писермъ жилъ въ III вѣѣ, близко къ Хремонидовской войнѣ, какъ и Телитъ; если Писерму пришла въ голову странная идея составить списокъ: пирѣйскихъ тиранновъ (а въ то время греческіе писатели были охотники до подобныхъ спеціальныхъ и изысканныхъ задачъ), то, конечно, онъ включилъ въ этотъ списокъ всякаго, кто хоть сколько нибудь, хоть издали походилъ на пирѣйскаго тиранна. Ни одного настоящаго, особаго пирѣйскаго тиранна не было.—Задавшись мыслью возстановить драгоцѣнный писермовскій списокъ пирѣйскихъ тиранновъ, Дройзенъ ставитъ Иерокла предшественникомъ Главкона. Объ Иероклѣ мы поговоримъ нѣсколько позже.—Дройзенъ предполагаетъ, что Хремонидовская война началась съ занятія Пирѣя Аѣинянами (р. 233. поі. 2). „Хремонидъ долженъ былъ обезпечить себѣ согласіе Главкона въ Пирѣѣ“, говоритъ Дройзенъ, и такимъ образомъ избавляется наконецъ, въ дальнѣйшемъ описаніи Хремонидовской войны, отъ мнимыхъ пирѣйскихъ тиранновъ. Во время войны и у Дройзена Аѣины дѣйствуютъ за одно съ Пирѣемъ. Очевидно, это соединеніе Аѣинъ съ Пирѣемъ произошло гораздо раньше войны.

Вторая неудачная комбинація Дройзена состоитъ въ томъ, что онъ помѣщаетъ войну Антигона съ Александромъ, сыномъ Кратера, въ средину Хремонидовской войны. Мнѣ кажется, что на основаніи постановленія въ честь Аристомаха должно прямо вычеркнуть изъ Хремонидовской войны войну противъ Александра. Разборъ изложенія Дройзена опять покажетъ внутреннюю невозможность комбинаціи.—Патроклъ пребываетъ на своемъ островѣ, Арей подошелъ на помощь Аѣинянамъ.—Дошелъ-ли Арей до Аттики? спрашиваетъ Дройзенъ. Въ Мегарахъ были у Антигона наемные Галлы; сильный гарнизонъ

Акрокоринѣа могъ запереть Исѣмъ. — Вопросъ, гдѣ находился съ войскомъ Арей, остается, дѣйствительно, нерѣшеннымъ. — „Тутъ поднялся бунтъ наемныхъ Галловъ. Антигонъ, оставивъ маленкій наблюдательный корпусъ вблизи Аѣинъ, со всѣмъ войскомъ пошелъ на мятежниковъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія совершенно истребилъ ихъ. Патроклъ и Арей не сумѣли воспользоваться этимъ бунтомъ: послѣ быстрой побѣды Антигона (надъ Галлами) они отступили, въ то время какъ Антигонъ съ удвоенною живостью обратился противъ Аѣинъ“.

Здѣсь источникъ Дройзена—Юстинъ, котораго разказъ мы должны теперь передать. Юстина необходимо разсматривать всегда отдѣльно, не смѣшивая съ другими источниками. Этотъ epitomatorъ Трога Помпея извѣстенъ своею изумительною небрежностью. У него мы встрѣчаемъ самыя грубыя ошибки. Его интересуеть только анекдотическая и моральная сторона. Мы привели первую половину содержанія XXVI книги Трога Помпея. Изъ второй половины видно, что тамъ были описаны царствованія двухъ первыхъ Антиоховъ и Птолемея Филадельфа. Въ XXVI книгѣ былъ описанъ періодъ съ 272 до 246 года, въ томъ числѣ подвиги Арата, въ изложеніи которыхъ авторъ спустился и далѣе 246 года. Всѣ главные факты были упомянуты. Что-же осталось изъ всего этого въ XXVI книгѣ Юстина? Упомянаніе о смутахъ послѣ смерти Пирра и покореніи многихъ городовъ Антигономъ. Потомъ разказъ о жестокой тиранинн Аристотима въ Елидѣ (въ рукописяхъ стоитъ *Erigogum urbs*, что задало много работы новымъ ученымъ). Потомъ неточный и смутный разказъ о войнѣ, которую мы называемъ Хремонидовскою, и о бывшей во время ея войнѣ Антигона съ Александромъ, сыномъ Пирра. Главнымъ образомъ при этомъ Юстинъ имѣеть въ виду изобразить сначала свирѣлство Галловъ, а потомъ непостоянство фортуны. Наконецъ, разказъ о приключеніяхъ и смерти Дмитрія Красиваго въ Кириѣ и о славной царевнѣ Вереникѣ. — Больше ничего. Ахейскій союзъ, дѣла Арата, Антиохъ I, Антиохъ II — все отброшено. Не мудрено, что въ такомъ крушеніи историческихъ фактовъ исчезла неважная война съ Александромъ, сыномъ Кратера.—О Хремонидовской войнѣ вотъ какъ говоритъ Юстинъ: «Антигонъ былъ тѣснымъ войномъ со многими противниками (*multiplici bello*), съ царемъ Птолемеемъ и Спартамцами, и противъ него явился новый врагъ, пришло войско Галлогреціи. Тогда онъ, оставивъ малое войско противъ прочихъ, чтобы былъ только видъ лагеря (*in speciem castrorum parva manu adversus*

ceteros relicta), со всѣми силами отправился противъ Галловъ". Возмущеніе отряда наемныхъ Галловъ превращается у Юстина въ направленное противъ Антигона нашествіе новаго войска Галловъ изъ Галатіи. Слѣдуютъ дѣйствителныя фразы о томъ, какъ Галлы перебили своихъ женъ и дѣтей и какъ потомъ сами были перебиты Антигономъ. „Послѣ рѣшенія этой битвы Птолемей и Спартанцы, уклоняясь отъ побѣдоноснаго войска непріятеля, отошли въ болѣе безопасныя мѣста“ — *post huius pugnae eventum Ptolemaeus et Spartani victorem hostium exercitum declinantes in tutiora se recipiunt.* — Патрокль превращается въ самого царя Птолемѣя. „Антигонъ, увидавъ ихъ удаление и пользуясь свѣжимъ еще послѣ первой побѣды воодушевленіемъ воиновъ, напалъ войною на Аѳинянь“ — *bellum Atheniensibus infert.* Юстинъ собственно представляетъ себѣ войну такимъ образомъ: Птолемей и Спартанцы напали на Македонію, тѣснятъ Антигона. Въ это время нападаетъ на Македонію еще большее войско Галатовъ. Антигонъ побѣдилъ Галатовъ, Птолемей и Спартанцы отступили изъ Македоніи домой, и тогда Антигонъ отправляется противъ Аѳинянь. „Когда Антигонъ занятъ былъ этою войною (*in quo cum occupatus esset*), Александръ, царь Епира, желая отмстить за смерть отца своего Пирра, опустошаетъ предѣлы Македоніи. Когда Антигонъ возвратился изъ Греціи противъ него, войско Антигона перешло на сторону Александра, и Антигонъ потерялъ царство Македоніи вмѣстѣ съ войскомъ. Сынъ его Димитрій, еще мальчикъ, въ отсутствіи отца снова устроилъ войско и не только возвратилъ потерянную Македонію, но даже отнялъ у Александра епирское царство. Такова была шаткость солдатъ или таково непостоянство счастія, что по очереди цари превращались въ изгнанниковъ и изгнанники въ царей. И Александръ, какъ изгнанныкъ, убѣжавшій къ Акарннанамъ, восстанавливается на царство столько же желаніемъ самихъ Епиротовъ, сколько помощью союзниковъ“.

Вѣроятно, возстаніе наемнаго отряда Галловъ произошло въ такой связи событій, въ какой оно изображено у Дройзена, то-есть во время вторженія Антигона въ Атику. Но какое вліяніе побѣда Антигона надъ мятежниками имѣла на ходъ Хремонидовской войны, что писалъ объ этомъ Трогъ Помпей, куда отступили Арей и Патрокль послѣ усмиренія бунта Галловъ, мы не знаемъ. У Павсанія ничего не говорится о бунтѣ Галловъ. Дройзенъ говоритъ: „Египтяне были сильнѣе Антигона на морѣ; Антигонъ, вѣроятно, держалъ свои корабли только у мѣстъ высадки, подъ прикрытіемъ сухопутныхъ ка-

раульныхъ отрядовъ (Landposten). Патрокль, послѣ того какъ быстрое усмиреніе возстанія Галловъ и отступленіе Спартанцевъ разрушили послѣднюю надежду одержать какой либо успѣхъ надъ Антигономъ со стороны суши, долженъ былъ ограничиться удержаніемъ своего острова въ ожиданіи новыхъ военныхъ силъ изъ Александріи“.

Такъ, значитъ, Патрокль отступилъ на свой островъ? Но изъ Павсани не видно, чтобы онъ когда нибудь заходилъ дальше этого острова.

„Что Египетъ не могъ отказаться отъ однажды начатой борьбы противъ Антигона, само собою разумѣется; и разбросанныя крохи преданія позволяютъ еще усмотрѣть, что для продолженія борьбы употреблено было новое усиліе, устроена въ высшей степени широкая политическая комбинація. Неожиданно поднимается новый врагъ на сѣверѣ, между тѣмъ какъ въ то же самое время Коринѣеъ приведенъ къ отпаденію, Спарта снова выступила въ поле, и новый египетскій флотъ является въ Эгейскомъ морѣ“.

Слишкомъ много враговъ собрано противъ бѣднаго Антигона! Какъ онъ уцѣлѣлъ!—Спартанцы снова выступили, и Коринѣеъ (то-есть Александръ, сынъ Кратера) возсталъ въ одно время! Но какъ же въ единственномъ источникѣ объ отпаденіи Александра, сына Кратера, сказано, что оно было послѣ смерти Арея, значитъ, тѣмъ болѣе послѣ кампаніи Спартанцевъ противъ Антигона?

О нападеніи царя епирскаго Александра, сына Пирра, на Македонію сообщаетъ намъ собственно одинъ только мутный источникъ—Юстинъ. Въ хронологіи Евсевія (въ армянскомъ переводѣ—Eusebius, ed. Schöne, vol. I, 1875, род. 243) Нибуръ и Дройзенъ находятъ слѣдъ этой войны. По переводу Зораба все мѣсто читается такъ: „въ эти годы (то-есть, въ царствованіе Антигона Гонаты) Пирръ взялъ войска Антигона—Antigoni copias recepit—и овладѣлъ нѣкоторыми немногими мѣстами. Потомъ, побѣжденный въ сраженіи при Дерди Димитріемъ, сыномъ Антигона, лишенъ былъ власти — *rebus quoque (publicis) privabatur*. Скоро послѣ того умеръ Антигонъ“. Надобно сознаться, что слѣдъ весьма слабый. — Въ разказѣ Юстина о войнѣ Антигона съ Александромъ, сыномъ Пирра, нѣтъ никакихъ нелѣпностей. Изгнанный изъ Епира, Александръ уходитъ въ Акарнанію, куда ему естественно было уйти. Естественно предположить, что Александръ, сынъ Пирра, былъ врагомъ Антигона. Итакъ, вѣроятно, у Трога Помпея эта война разказана была приблизительно такъ, какъ у Юстина. Но было ли у Трога Помпея также сказано, что

вторженіе Александра въ Македонію произошло тогда, когда Антигонъ еще занятъ былъ войною съ Афинянами? Никакъ нельзя ручаться за это. Юстинъ способенъ и не на такія легкія неточности.

Дройзенъ говоритъ, согласно съ Юстиномъ, что когда Александръ, царь епирскій, ворвался въ Македонію, то „Антигонъ успѣшилъ въ Македонію, оставивъ, конечно, достаточную военную силу въ Атигѣѣ. Не преувеличеніе ли потеря войска и царства? Этого нельзя рѣшить.—Должно быть, подъ власть Александра павали верхнія провинціи Македоніи и Фессалія. Но почему царь (Антигонъ) предоставилъ своему брату (Нибуръ, *Kleine Schriften*, р. 228, и Дройзенъ думаютъ, что у Юстина и Евсевія ошибка, что не сынъ Антигона, мальчикъ Димитрій, побѣдилъ Александра, а братъ Антигона Димитрій) спасеніе государства? Почему онъ вышелъ изъ Македоніи, прежде чѣмъ можно было рассчитывать на спасеніе страны, которая была зерномъ его силы? Его должна была отозвать большая опасность“. Возсталъ Александръ, сынъ Кратера. „По египетскому-ли, спартанскому или собственному побужденію, стратегъ въ Коринѣ воспользовался замѣшательствами Македоніи, чтобы сдѣлаться независимымъ. Для Антигона громадная потеря; ключъ къ Пелопоннису былъ потерянъ, военная сила, которою онъ тамъ обезпечивалъ вліяніе свое и преданныхъ ему тиранновъ, была теперь на сторонѣ непріятеля; сами тиранны, отрѣзанные отъ македонской помощи, беззащитные передъ Этолійцами и Спартанцами, должны были или удалиться или держаться напряженіемъ всѣхъ собственныхъ силъ; кто изъ нихъ не упалъ, тотъ сталъ отсалъ самостоятельнымъ владѣтелемъ; такъ, Аристоклимъ мегалопольскій, такъ тираннъ въ Аргосѣ (вѣроятно Архинъ, *Polyaen.* III, 8)“.

Въ примѣчаніи Дройзенъ опять привлекаетъ для построенія Хремонидовской войны новое *ἀπὸ λεγόμενον*, новую *μονήρης λέξις*—Архина, тирана аргосскаго, упоминаемаго въ одномъ только мѣстѣ Плиніа. Совершенно неизвестно, когда этотъ Архинъ жилъ; слѣдовательно, онъ жилъ во время Хремонидовской войны.—Архину въ это время нѣтъ мѣста: оно занято четырьмя выше названными лицами.

Послушаемъ Дройзена далѣе: „Но болѣе еще, чѣмъ эта потеря въ Пелопоннисѣ, было то, что тотъ же стратегъ въ Коринѣ имѣлъ вѣсть съ тѣмъ начальство въ Халкидѣ, и съ его отпаденіемъ и островъ Евбея былъ оторванъ отъ царства; Евбея до сихъ поръ была исходнымъ пунктомъ всякаго македонскаго движенія на среднюю Грецію. Теперь эта дорога черезъ Евбею была Антигону заграждена,

Фессалія была вѣроятно занята Александромъ молосскимъ, котораго союзники Этолійцы занимали линію Сперкія, и прежде всего городъ Гераклею,—позицію, господствующую надъ Фермопилами. Антигонъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ Греціи; единственное сообщеніе, которое ему оставалось, было моремъ. Но на морѣ Египетъ чувствовалъ свое полное превосходство въ силахъ; если до сихъ поръ морская сила Антигона въ Саламинѣ и могла помѣшать Патроклу поставить себя въ непосредственныя сообщенія съ гаванями Аеинъ, то теперь слѣдовало ожидать, что послѣшито прибыть новая египетская эскадра, чтобы довершить столь счастливо предпринятую политическую комбинацію и пожать плоды ея; если этотъ флотъ соединится съ Патрокломъ, то Аеины спасены, то македонскій флотъ не можетъ держаться у Саламина, то Антигонъ не въ состояніи съ моря броситься на Иссъ и попытаться снова поворить Коринѣ; короче сказать, все потеряно, войско Птолемѣя въ Эгейское море и чрезъ Киклады, и Греція воздастъ почести Птолемѣю какъ освободителю. — Антигонъ долженъ былъ ожидать новаго египетскаго флота; встрѣтитъ его и отразитъ его во что бы то ни стало—должно было быть его первою заботою; онъ долженъ былъ пока бросить (*preisgeben*) Евбею, Аеины, Коринѣ, Пелопоннись. Еслибы онъ обратился туда прежде побѣды надъ Египтянами, то Египтяне, снѣша на помощь тѣснимымъ, взяли бы его въ тылъ, и онъ пропалъ бы; онъ долженъ былъ какъ можно скорѣе, какъ можно дальше отъ Греціи, перехватить египетскій флотъ, чтобы при благопріятномъ исходѣ дѣла даже и остатки этого флота не могли соединиться съ его противниками въ Греціи и съ Патрокломъ. Отъ удачи этого рискованнаго дѣла все зависѣло (*auf das Gelingen dieses Wagestückes kam Alles an*).—Плутархъ приводитъ два-три раза въ своихъ скучныхъ моральныхъ разсужденіяхъ анекдотъ такого содержания: когда Антигонъ хотѣлъ сражаться на морѣ противъ полководцевъ Птолемѣя, при Косѣ, и оди изъ его друзей сказалъ ему: „развѣ ты не видишь, что непріятельскихъ кораблей гораздо больше“; онъ, человекъ совсѣмъ не хвастливый, отвѣчалъ: „а во сколько кораблей ты считаешь то, что я самъ здѣсь?“ (*Plut. de se ipsum citra invidiam laud. 16, Arophtheg. vol. II p. 31. ed. Tauchnitz, vita Pelop. 2.* Съ этими мѣстами Дройзенъ сравниваетъ *Athen. p. 209, т. е. V, 44.*) Для того, чтобы дать это сраженіе, должно быть, и принужденъ былъ Антигонъ выйти (т. е. изъ Македоніи); онъ, должно быть, побѣдилъ (*dies wird die Schlacht sein;—er wird gesiegt haben*), какъ

можно догадаться по смыслу анекдота, и какъ подтверждаютъ дальнѣйшія событія“.

Съ Дройзеномъ случилось то же, что съ тѣмъ ученикомъ волшебника, который подслушалъ, какъ надобно послать метлу за водой, но не знаетъ слова, которое приказало бы метлѣ перестать. Онъ видѣлъ, какъ Нибуръ собралъ и оживотворилъ разбросанные куски историческаго факта; и подражая учителю, онъ собралъ въ одну кучу столько кусковъ, что ихъ оказалось гораздо больше чѣмъ нужно. Антигонъ по крайней мѣрѣ совсѣмъ утонулъ въ этой лишней водѣ. Въ самомъ дѣлѣ возможно-ли то, что рассказываетъ Дройзенъ? Антигонъ потерялъ всю Македонію—такъ прямо говоритъ Юстинъ, и Дройзенъ самъ сознается, что не имѣетъ права рѣшить иначе—Фессалию, Коринѳъ, Евбею, Пелопоннискіе; долженъ бросить Аѳины (т. е. осаду Аѳинъ); на морѣ Египтяне сильнѣе его. Что же остается у Антигона? Конечно, еслибы когда нибудь такіе удары всѣ вдругъ обрушились на Антигона, онъ былъ бы раздавленъ. Какъ неестественно, что Антигонъ, разбитый Александромъ епирскимъ, потерявъ—сдѣлаемъ уступку Дройзену—половину Македоніи и Фессалию, потерявъ всѣ владѣнія въ Греціи, плыветъ на юговосточный уголъ Эгейскаго моря отыскивать египетскій флотъ, чтобы дать ему сраженіе! Какъ далеко все это отъ простаго разказа Павсанія объ осадѣ Аѳинъ Антигономъ, объ Арей и Патроклѣ! Дройзенъ говоритъ, что Антигонъ бросилъ Аѳины, не зная, удержались ли войска македонскія въ Атикѣ (mochten sich die makedonischen Truppen in Attika bisher behauptet haben oder nicht). Да еслибы македонскія войска очистили Атику, развѣ Патроклъ остался бы на своемъ островѣ? развѣ Арей ушелъ бы въ Спарту? если бы Мольтке снялъ осаду Парижа, Орель де-Паладинъ развѣ остался бы въ Орлеанѣ, Федерръ въ Бапомѣ?—Тогда бы Павсанія намъ рассказали совсѣмъ другую исторію. На вѣсахъ Дройзена равны всѣ отрывки, какъ будто всякое слово всякаго древняго автора имѣетъ одну и ту же цѣну. Онъ старается привести въ связь и соглашеніе разныя разсѣянные разказы и изъ нихъ составляетъ общій разказъ, который совершенно противорѣчитъ каждому разказу, взятому отдѣльно.

Побѣда Антигона при Косѣ—любимое дѣтище Дройзена. Послѣ нея все повернулось для Антигона благопріятно; Патроклъ былъ прогнанъ съ острова, Арей убитъ, у Александра, сына Кратера, отнята Евбея, Димитрій прогналъ Александра епирскаго. Дройзенъ самъ удивляется, „какъ тѣснились одинъ за другимъ счастливые успѣхи“,

wie drängten sich die glücklichen Erfolge!—Побѣда при Косѣ, которую Дройзенъ сначала долженъ былъ выводить изъ общаго смысла анекдота (wird gesiegt haben), растеть съ каждою страницей. Ей приписываетъ Дройзенъ рѣшающее значеніе и въ дѣлахъ Азіи и даже Африки. Чуть было не сдѣлалось того-то и того-то, но „великолѣпная побѣда при Косѣ“ все поправила (die ganze Bedeutung des herrlichen Sieges, den Antigonos bei Kos gewann;—aber der herrliche Sieg von Kos verwandelte plötzlich die Lage der Dinge—pag. 276):

Плутархъ въ трактатѣ „о томъ, какъ хвалить самого себя, не возбуждая неудовольствія“—*παρὶ τοῦ ἑαυτὸν ἑκαστοῦ ἀνεπιφρόνου κειμένου*—говоритъ, что приведенныя выше слова сказаны Антигономъ вторымъ (ὁ δεῦτερος, т. е. Гоната) въ морскомъ сраженіи при Косѣ; въ „сборникѣ изреченій царей и вождей“—*ἀποφθέγματα βασιλέων καὶ στρατηγῶν*,—что Антигономъ вторымъ передъ морскимъ сраженіемъ противъ вождей Птолемея; въ биографіи Пелопида, что Антигономъ старикомъ (ὁ γέρον) — передъ морскимъ сраженіемъ при Андросѣ. Антигонъ ὁ γέρον, говоритъ Дройзенъ, означаетъ Антигона Одноглазого, т. е. отца Димитрія Полиоркета, дѣда Гонаты; и Плутархъ въ биографіи Пелопида или смѣшиваетъ битву при Косѣ съ бывшею послѣ битвою при Андросѣ, или первое Антигона, который и въ другомъ случаѣ называется ὁ γέρον (de fort. Alex. 1, 9), съ его внукомъ.—Но въ упомянутомъ мѣстѣ трактата *παρὶ τοῦ Ἀλεξάνδρου τῆς ἡλικίας* также разумѣется, вѣроятно, Антигонъ Гоната.—Во проломѣ XXVII книги Троя Помпея упоминается о морскомъ сраженіи Антигона при Андросѣ. Въ изданіи Йеера (Yeer, ed. minor p. 228) теперь читается: et Antigonūs (вариантъ: Antigonum) proelio navali Sophrona (въ рукописяхъ: прова, оргона) vicerit. Варианты я заимствовалъ изъ Дройзена, III, 1 p. 405. Мнѣ кажется, что исправленіе Гуттшидта, принятое Йееромъ въ текстѣ, вѣрно.—Диогенъ IV, 39 говоритъ, что послѣ морской битвы Антигона многие представлялись ему и писали увѣщательныя письма (*μετὰ τὴν Ἀντιγόου ναυμαχίαν πολλὰν πρὸς ὄντων καὶ ἐπιστολὰν παρακλητικὰ γυφῶντων*), но Арменский промолчалъ. Дройзенъ вполне вѣрно объясняетъ выраженіе *ἐπιστολὰν παρακλητικὰ*. Это значить трактаты, посвященные царямъ или вождямъ съ увѣщаніями воспользоваться услужемъ ко блага Еллиновъ; для возстановленія міра. Таковъ Филостратъ Исократъ. Впередѣ у Диогена сказано, что философъ Арменскій былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Герокломъ, начальникомъ Мунихіи и Перяя; офицеромъ Антигона (*φιλος τε τῶν βασιλέων Ἰεροκλέῳ τῷ τῆν Μυνησίαν ἔχοντι καὶ τὸν Περυαίῳ*); Героклѣ ча-

сто уговаривалъ Аресилая привѣтствовать Антигона, такъ какъ то дѣлали другіе философы и писатели; но Аресилай не хотѣлъ изъ скромности. Однажды Аресилай дошелъ было до воротъ при встрѣчѣ Антигона, но вернулся назадъ (т. е. не дождался прибытія царя). Такъ не хотѣлъ онъ заискивать милости Антигона и послѣ морской побѣды.—Ясно, что Антигонъ Гонатъ одержалъ одну знаменитую морскую побѣду, была ли она при Андросѣ или при Косѣ, что это было подъ конецъ его царствованія, въ годы его старости, и что во время этой побѣды Аѣины были подъ его властью. Персей одержалъ одну знаменитую побѣду надъ римскою конницею, и эта побѣда называется просто *ἰππομαχία* Персея (Polyb. XXVII, 9), какъ *ναυμαχία* Антигона. Битва при Андросѣ помѣщается въ прологѣ Трога Помпея въ царствованіе Селевка Каллиника, слѣдовательно послѣ 246 года; эта битва была приблизительно въ 243 году, когда Антигону было 76 лѣтъ; слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ конца Хремонидовской войны.

Изъ бѣдствій, собранныхъ Дройзеномъ на главу Антигона, война съ Александромъ, сыномъ Пирра, можетъ быть, была во время Хремонидовской войны; но никакъ не война съ Александромъ, сыномъ Кратера. Почему же Александръ, сынъ Кратера, не воспользовался этими затрудненіями своего дяди, войною съ Аѣинами, присутствіемъ войска Арея, флота Патрокла, можетъ быть и вторженіемъ Александра Епирскаго? Вѣроятно потому, что не имѣлъ еще власти: вѣроятно во время Хремонидовской войны еще живъ былъ Кратеръ, вѣрный слуга своего брата. Кратеру было въ 265 году 56 лѣтъ. Онъ много оказалъ услугъ Антигону на войнѣ, много занимался наукою и писалъ: весьма вѣроятно, что онъ прожилъ столько. Вѣроятно Александръ началъ возстаніе противъ Антигона тотчасъ послѣ смерти отца, вѣроятно съ того и началась война Антигона съ Александромъ, что Александръ хотѣлъ господствовать, какъ надъ своими собственными, надъ тѣми крѣпостями, провинціями и отрядами, которые были поручены Кратеру; такъ точно Кассандръ начинаетъ враждебныя дѣйствія противъ правительства Полиперхонта тотчасъ послѣ смерти отца своего Антипатра. Дѣло само по себѣ понятно: иначе и Кассандръ и Александръ, сынъ Кратера, принуждены были-бы довольствоваться ролью частныхъ лицъ.

Нибуръ опредѣляетъ время окончанія Хремонидовской войны временемъ смерти комина Филимона по Діодору. Въ отрывкахъ Діодора,

изданныхъ Гешелемъ, слова: „Филимонъ комикъ написалъ 97 драмъ, проживъ 99 лѣтъ“ находятся на 163 страницѣ между разказомъ о второй кампаніи первой пунической войны и описаніемъ осады Акраганта, которая была въ третью кампанію. (XXIII, 9 перваго изданія Беккера). Поэтому Весселингъ отнесъ смерть Филимона къ третьему году первой пунической войны, 262. Клинтонъ принимаетъ этотъ годъ. Нибуръ справедливо объясняетъ, что Діодоръ о смерти Филимона, по своему обычаю, сообщилъ подъ конецъ изложенія событій втораго года 129-й олимпіады, 263—262 года. Въ связи съ этимъ хронологическимъ показаніемъ Нибуръ ставитъ анекдотъ Эліана, приведенный въ лексиконѣ Свида, s. v. Φιλίμων. По Эліану Филимонъ во время войны Аэнианъ съ Антигономъ (πολεμοῦντων Ἀθηναίων καὶ Ἀντιγόνοιο) пребывалъ въ Пирэѣ и видѣлъ во снѣ девять дѣвъ, выходящихъ изъ его дома. На его вопросъ, почему онѣ оставляютъ его, дѣвы отвѣчали, что имъ нельзя оставаться. Проснувшись, Филимонъ разказалъ свой сонъ служителю (хорошо, что Эліанъ не забылъ упомянуть объ этомъ), докончилъ драму, которую въ то время писалъ, легъ, закрылся и умеръ. Нибуръ, и за нимъ Дройзенъ, соединяютъ разказъ Эліана со строчкою Діодора. Нибуръ предполагаетъ, что Аэнины сдались Антигону или во второй годъ 129-й олимпіады, или въ слѣдующій годъ. Дройзенъ думаетъ, что это случилось лѣтомъ 263 года, Ваксмутъ, требуя еще большаго преклоненія предъ анекдотомъ, настаиваетъ на томъ, что смерть Филимона была, по Эліану, раньше сдачи Аэинъ (Die Stadt Athen im Alterthum, vol. I, 1874, pag. 628).

Извѣстно, что біографическія свѣдѣнія о древнихъ писателяхъ—самый злосчастный отдѣлъ науки классической древности. Изъ всей древности всего хуже мы знаемъ обстоятельства жизни древнихъ писателей. Въ хаосѣ противорѣчій, неточностей и пробѣловъ, разумѣется, политическія событія служатъ путеводною нитью; и никакимъ образомъ время политическихъ событій не можетъ быть опредѣляемо историко-литературными извѣстіями. О смерти Филимона, кромѣ разказа Эліана, мы имѣемъ нѣсколько другихъ разказовъ. Всѣ авторъ согласны въ томъ, что Филимонъ до самой глубокой старости сохранялъ всѣ чувства и способности. Говорятъ, что Филимонъ жилъ 97 лѣтъ (Lucian, Macrob. 25), 99 (Diodor, Suidas), 101 годъ (Suidas). Вариантъ 96 лѣтъ, поставленный въ текстъ Свида Кустеромъ, изгнанъ на основаніи рукописей (Cf. edit. Bernhardy II. 2. col. 1465 sq.)—

Обычный разказъ о смерти Филимона таковъ, что Филимонъ увидѣлъ не девять мувъ во снѣ, но одного осла на яву; что онъ умеръ со смѣху, когда осель, забравшись въ его комнату, съѣлъ приготовленное для него кушанье (Lucian., Suidas, Valerius Maximus IX, 12. ext. 6). Апулей разказываетъ длинную исторію, въ которой сообщается, что представлениe одной пьесы Филимона происходило наканунѣ его неожиданной смерти, было прервано дождемъ и отложено на слѣдующій день, день смерти Филимона (Florid. num. 16. Tom. II, pag. 65 sqq. ed Hildebrand). Плутархъ, въ трактатѣ *ei* *πρεσβυτέρῳ* *κολλεατέῳ* 3, говорить, что Филимона захватила смерть посреди театральнаго состязанія и вѣнковъ.—Если всякій анекдотъ принимать со строгою точностью и соглашать со всякимъ другимъ анекдотомъ, то, спросимъ мы, могли-ли быть представленія въ Пирейскомъ или Аѣнскомъ театрахъ во время блокады и голода, передъ самою сдачею Аѣнъ, какъ выходить по Нибуру и Дройзену? „На послѣднихъ развалинахъ государства“, какъ выражается Нибуръ?—Мы не знаемъ когда, по Діодору, сдались Аѣины. Еслибы у Діодора было сказано, что Аѣины сдались Антигону въ 263—262 году, тогда другое дѣло. Въ отрывкѣ Діодора не сказано, что Филимонъ умеръ около времени сдачи Аѣинъ Антигону. У Діодора только одна вышеприведенная строка. Еслибы мы, читая въ цѣлости двадцать третью книгу Діодора, нашли описаніе сдачи Аѣинъ подъ 266—265 годомъ, а упоминаніе о смерти Филимона подъ 263—262, были бы мы удивлены легкимъ несогласіемъ Діодора съ Эліаномъ? Нисколько: мы нашли бы такое несогласіе совершенно въ порядкѣ вещей, такъ какъ о времени жизни и смерти пасателей мы постоянно встрѣчаемъ гораздо большія разногласія.

Намъ не далеко ходить за примѣрами такого разногласія. Для хронологіи Хремонидовской войны и Нибуръ и Дройзенъ пользуются также извѣстіями объ обстоятельствахъ жизни Зинова стояка и приходятъ къ діаметрально противоположнымъ результатамъ. Было-бы утомительно и для цѣли настоящей статьи излишне входить въ подробный разборъ всѣхъ выводовъ и предположеній обоихъ ученыхъ о жизни и смерти Зинова. Все въ этихъ выводахъ и предположеніяхъ держится на такихъ призрачныхъ и колеблющихся основаніяхъ, на которыхъ нельзя ни на минуту успокоиться. По мнѣнію Нибура изъ Діогена ясно, что послѣ конца Хремонидовской войны Зиновъ долгое время жилъ въ Аѣинахъ и продолжалъ свои добрыя отношенія къ

царю Антигону, даже долгое время спустя послѣ олимп. 131, 1, то есть послѣ лѣта 255 года. Последнее утвержденіе Нибуръ выводитъ изъ того, что по Діогену Аѣиняне положили Зиному на храненіе ключи стѣнъ—ἐτίμων δὲ οὖν Ἀθηναῖοι σφόδρα τῷ Ζήνωνι οὕτως, ὥστε καὶ τῶν τευχῶν αὐτῷ τὰς κλεῖς παρακαταθέσθαι. VII, 6. „Но пока гарнизонъ былъ въ городѣ, они не были господами своихъ ключей“. А въ хроникѣ Геронима подѣ олимп. 131, 1 записано: Антигонъ возвратилъ свободу Аѣинянамъ. И ученые понимаютъ это извѣстіе такъ, что Антигонъ вывелъ гарнизонъ изъ Мусэя (о чемъ Павсанія, какъ мы видѣли, упоминаетъ).—По мнѣнію Дройзена, Зиномъ умеръ раньше войны, приблизительно въ сентябрѣ 267, и Аѣиняне начали войну противъ Антигона только послѣ смерти Зинова, „тогда только, когда предостерегателя и посредника не стало“—erst nachdem der Warner und Vermittler dahin war.—„Ключи стѣнъ были положены на храненіе у мудреца; послѣ 263 года ключи были у македонскаго фрурарха. Это противъ Нибура“—Diess gegen Niebuhr. Но Нибуръ говорить, что Зиномъ дожилъ до того времени, когда гарнизонъ (изъ Мусэя) былъ опять выведенъ.—„Всѣхъ ли воротъ ключи были отданы Зиному?“ такъ не шутя спрашиваетъ Дройзенъ. На этотъ вопросъ едва ли бы отвѣтилъ Дройзену не только Діогенъ Лаертій, но и тотъ, кто первый выдумалъ всю исторію о ключахъ.

Къ Хремонидовской войнѣ всѣ ученые относятъ документъ о сборѣ добровольныхъ пожертвованій—ἐπιδοσεας—С. I. A. II, № 334. Во главѣ этой надписи поставлено имя Еврилида, сына Микіона, казначея военныхъ суммъ—ταμίας στρατιωτικῶν. При Діомедонтѣ архонтѣ было рѣшено пригласить желающихъ изъ гражданъ и изъ другихъ жителей города къ добровольнымъ пожертвованіямъ для спасенія города и охраненія страны—εἰς τὴν σωτηρίαν τῆς πόλεως καὶ τὴν φυλακὴν τῆς χώρας. Въ спискѣ жертвователей отмѣчены на второмъ мѣстѣ Еврилидъ Кифисіецъ, на третьемъ Микіонъ Кифисіецъ. Изъ числа жертвователей еще замѣтимъ философа Ликона (Λύκων φιλόσοφος—такъ сокращенно въ самой надписи) и Θимохара сфиттскаго.—Первый сложилъ документъ изъ четырехъ обломковъ и издалъ Евстратіадисъ (Ἐπιγραφαὶ ἀνέκδοτοι φολл. 1. 2. 1851. 52). Евстратіадисъ отнесъ надпись къ Хремонидовской войнѣ. Къ тому же результату пришелъ Рангависъ (Ant. Hell. II, № 880). Съ ними согласились Диттенбергерь (Hermes II, p. 301), Дюмонъ (Dumont, Essai sur la chronologie des archontes athéniens postérieurs à la CXXII Olympiade.

Paris, 1870, pag. 119), Ваксмуть (Die Stadt Athen I, p. 627), Кёлеръ (С. I. A. vol. II, p. 159), Дройзенъ (III, 1. p. 234).—Рангависъ (Ant. Hell. II, p. 172. 571) ставить *φολακὴ τῆς χώρας* надписи въ связь съ анекдотомъ Полиэна IV. 6, 20: „Антигонъ, желая взять Аѳины, заключилъ миръ во время осени. Аѳиняне, засѣявъ хлѣбъ, оставили себѣ немного, чтобы хватило до жатвы. Во время цвѣтенія хлѣбовъ Антигонъ вторгся съ войскомъ въ Аттику; Аѳиняне издержали свой хлѣбъ, а произвести жатву мѣшала неприятель; поэтому они впустили Антигона въ городъ и стали слушаться всѣхъ его приказаній“. Самъ Дройзенъ называетъ анекдотъ Полиэна „глупою исторіею“—*alberne Geschichte*, III, 1. p. 244.—Рангависъ показалъ изъ документа, что годъ архонта Диомедонта имѣлъ вставной мѣсяць. Хремонидовская война, по Рангавису, продолжалась семь лѣтъ, съ 269—268 до 262—261; изъ этихъ семи лѣтъ годы со вставными мѣсяцами были, по расчету Рангависа (p. 93. 571), 265—264 и 263—262; одинъ изъ нихъ, по его мнѣнію, былъ годъ архонта Диомедонта. Дюмонъ слѣдуетъ буквально во всемъ Рангавису. Диттенбергеръ выбираетъ первый изъ показанныхъ Рангависомъ годовъ и ставитъ Писидима на 266—265, Диомедонта на 265—264. Дройзенъ слѣдуетъ Диттенбергеру.

Несмотря на такое согласіе почтенныхъ ученыхъ, списокъ добровольныхъ пожертвованій невозможно относить къ Хремонидовской войнѣ. Евриклидъ и Микіонъ не могли быть дѣятелями вмѣстѣ съ Хремонидомъ и Главкономъ: это два разныхъ поколѣнія. Евриклидъ и Микіонъ были еще живы въ 216 году (Polyb. I. c.); ихъ смерть приписывается злодѣянію Филиппа (Pausan.), котораго перемѣна къ худшему произошла послѣ 216 года. Евриклидъ и Микіонъ навѣрно дожили до 214, вѣроятно и до 211 года, до союза Римлянъ съ Этолійцами, къ которому примкнули и Аѳиняне, включенные потомъ Римлянами въ договоръ съ Филиппомъ 204 года. (Liv. XXIX, 12). Только съ 211 года и могло быть Филиппу важно истребить Евриклида и Микіона; вѣрно ли обвиненіе или нѣтъ, но оно въ глазахъ Грековъ должно было имѣть какое-либо ближайшее основаніе. Но во всякомъ случаѣ, если даже возьмемъ 215 годъ для смерти Евриклида и Микіона, выходитъ по принятому всѣми учеными мнѣнію, что Евриклидъ и Микіонъ были важными дѣятелями за 50 лѣтъ до смерти. Сколько лѣтъ могъ Евриклидъ стать *τῆμας στρατηγικῶν*? Конечно не 20-ти. Если бы оба брата дожили до очень глубокой старости, они; какъ

люди извѣстные, попали бы въ какой-нибудь списокъ μακροβίων. Рангависъ замѣтилъ это затрудненіе и придумалъ, что Евриклидъ ταμίης при Диомедонтѣ есть отецъ Микіона, отмѣченнаго рядомъ съ нимъ въ числѣ жертвователей, дѣдъ Евриклида, упоминаемаго у авторовъ, и прадѣдъ Микіона, упоминаемаго у авторовъ. Такъ что по Рангавису Евриклидъ и Микіонъ списка жертвователей—отецъ и сынъ, и Евриклидъ и Микіонъ авторовъ—отецъ и сынъ, но только двѣ разныя пары лицъ. Дюмонъ опять во всѣхъ подробностяхъ принимаетъ родословную таблицу Рангависа. Дюмонъ почему-то называетъ тиранномъ аѣинскимъ Евриклида древнихъ авторовъ. Родословная Рангависа и сама по себѣ невѣроятна и совершенно разрушается надписью С. I. A. II, № 379, въ которой прямо сказано, что Евриклидъ и Микіонъ братья. Очевидно, что Евриклидъ и Микіонъ документа архонта Диомедонта (№ 880 Rang., № 334 Köhler) и надписи № 379, и Поливія, Плутарха и Павсанія—одна и таже пара братьевъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ началѣ VII тома изданія Hermes, Кёлеръ явно признаетъ это, и все-таки продолжаетъ держаться общепринятаго мнѣнія, что архонтъ Диомедонтъ былъ во время Хремонидовской войны. Кёлеръ говоритъ: „народное опредѣленіе архонства Диомедонта относится къ мѣрамъ, принятымъ Евриклидомъ въ должности ταμίης στρατιωτικῶν къ охраненію жатвы“. Въ этомъ охраненіи жатвы скрывается die alberne Geschichte Полиэна.

Ликонъ Философъ былъ предсѣдателемъ перипатетической школы 44 года, съ 270 до 226 (Diogen. V, 69. См. Fasti Hellenici Клинтона подъ этими годами). О преемствѣ учителей перипатетической школы до насъ дошли довольно точныя свѣдѣнія. Замѣчательно, что въ государственномъ актѣ дается Ликону названіе Φιλόσοφος. Философскія школы уже получили въ это время признаніе отъ государства. Онѣ стали важнымъ для благосостоянія Аѣинъ учрежденіемъ, настоящимъ аѣинскимъ университетомъ, единственнымъ въ мірѣ. Диогенъ приводитъ прекрасный документъ архонства Арренида — постановленіе въ честь Зинова Философа. У Диогена былъ передъ глазами вѣрный списокъ документа, что очевидно изъ совершенно вѣрныхъ вступительныхъ формулъ, а эти формулы очень рѣдко передаются древними авторами съ полною точностью. Въ этомъ постановленіи, между прочимъ сказано: „Такъ какъ Зиновъ, сынъ Мнасея, Киттісея, проведя много лѣтъ для занятія философіею въ городѣ, и вообще остался до конца добрымъ мужемъ; и увѣщавая молодыхъ

людей, посѣщавшихъ его коллегію (τοὺς εἰς σύστασιν αὐτῷ τῶν νέων πορευομένουσ παρακαλῶν), побуждалъ къ добродѣтели и нравственности, положивъ для всѣхъ образцомъ на самое лучшее собственную свою жизнь, согласную съ тѣми мыслями, которыя онъ излагалъ (πρὸς τὰ βέλτιστα παράδειγμα τὸν ἴδιον βίον ἐκθεῖς ἀπασιν, ἀκόλουθον ὄντα τοῖς λόγοις οἷς διελέγετο)^а. Въ одномъ официальномъ спискѣ жертвователей былъ отмѣченъ и Зиновъ, также съ званіемъ φιλόσοφος (Diogen. VII, 12). На обломкѣ камня С. I. A. № 385 сохранилось любопытное постановленіе въ честь одного пергамскаго гражданина; въ строкѣ 13-й упоминается Εὐάνδρου σχολάς, и Кёлеръ прекрасно догадывается, что постановленіе это въ честь философа Игисина пергамскаго, наслѣдовавшаго каяедру академіи послѣ Евандра и передавшаго ее Карнеаду. Παρὰ δὲ Εὐάνδρου διαδέχεται Ἡγησίνοσ Περιγαιηνόс, ἀφ' οὗ Карнеάδης. Diogen. IV; 60. — audivit (Carneades) Hegesinum, qui Euandrum audierat, Lacydi discipulum, quum Arcesilae Lacydes fuisset. Cic. Acad. Pr. 6, 16.

Эпимохаръ сфигтїецъ, по мнѣнію Клюбера и Диттенбергера, есть сынъ вождя Фэдра, упоминаемый въ концѣ надписи въ честь Фэдра (С. I. A. II, № 331, строка 99 и слѣд.). Это весьма вѣроятно; но это заставляеть насъ и надписи въ честь Фэдра отодвинуть въ болѣе позднее время. Ее безъ всякаго основанія относятъ во времени до Хремонидовской войны. Въ ней упоминаются имена нѣсколькихъ архонтовъ, между прочимъ неизвѣстныхъ Кимона, Ксенофонта, Еввула. Ихъ всѣхъ Диттенбергеръ помѣщаетъ, кажется, слишкомъ рано. Тутъ, и въ другихъ случаяхъ, на опредѣленія времени надписей безсознательно влїяеть желаніе ученыхъ поскорѣе дополнить списокъ архонтовъ первыхъ десятилѣтій III вѣка. Замѣчательно, что со всякимъ новымъ открытіемъ приходится этихъ архонтовъ отодвигать къ болѣе позднему времени. Клуберъ относитъ архонта Кимона къ 287—286; то-есть чуть не къ первому же году, который оставался незанятымъ во время написанія статьи Клюбера (1862 г. мнѣнія Клюбера нѣ извѣстны нѣ Диттенбергера и Кёлера); Диттенбергеръ — къ 281—280. Кёлеръ превосходно прочиталъ имя архонта Кимона на двухъ обломкахъ надписи С. I. A. II, № 380, и тогда стало ясно, что Кимонъ былъ архонтомъ нѣсколько лѣтъ позже 124-й Олимпіады (nonnullis annis post Olympiadem 124). Подъ олимпіадою Кёлеръ вездѣ разумѣетъ четырехлѣтній промежутокъ; значитъ, въ данномъ случаѣ время отъ лѣта 284 до лѣта 280 года; и слова его направлены про-

тивъ предположенія Диттенбергера. Признакъ показанъ Кёлеромъ тотъ, что въ документѣ упоминается опять въ единственномъ числѣ ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει (есть промежуткоу, когда эта должность была поручена коллегіи чиновниковъ).

Я думаю, что списокъ пожертвованій № 334 относится къ 229—227 годамъ, то-есть къ эпохѣ первенства Евриклида и Микіона. Когда Аѣнныя подеупомъ гарнизона свергли съ себя иго македонское, тогда имъ надобно было заботиться καὶ τῆς σωτηρίας τῆς πόλεως καὶ τῆς φυλακῆς τῆς χώρας въ ожиданіи весьма возможныхъ нападений со стороны Македоніи. Въ спискѣ пожертвованій тоже является въ единственномъ числѣ ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει, и кромѣ того въ этой надписи, въ первый разъ, по замѣчанію Кёлера, является выраженіе τοὺς λαχόντας προέδροус вмѣсто τοὺς προέδροус οἱ ἄν или οἵτινες ἄν λάχωνσι προέδροουσιν. Итакъ архонтъ Диомедонтъ, можетъ быть, 229—228 или 228—227. Постановленіе издано въ Елафиволіонѣ мѣсяцѣ (девятомъ мѣсяцѣ года); пожертвованія должны быть собраны, или по крайней мѣрѣ заявлены въ Мунихіонѣ (десятомъ); итакъ передъ нами апрѣль или май. Поэтому лучше выбрать 229—228; апрѣль 228 года будетъ близокъ ко времени освобожденія Аѣннъ. Постановленіе въ честь Фѣдра должно быть отнесено къ эпохѣ македонской власти, съ 266—265 до 229. Въ этомъ постановленіи много нарочью стертыхъ строкъ; Аѣнныя въ 200 году хотѣли истребить въ своихъ актахъ всякое почетное упоминаніе о Филиппѣ и его предкахъ, сломали много постановленій и стерли много строкъ. Изъ присутствія нѣсколькихъ съ умысломъ стертыхъ строкъ тоже можно заключить, что постановленіе въ честь Фѣдра было издано во время македонской власти.

Хремонидовская война началась раньше, чѣмъ полагаетъ Дройзенъ, и раньше кончилась. Она началась въ 270—268 годахъ, и къ одному изъ этихъ годовъ долженъ быть отнесенъ архонтъ Пиендимъ. Едва ли Антигонъ пропустилъ послѣ смерти Пирра много времени до нападенія на Аѣнны. Такое соображеніе было и у Ранганиса, который относитъ архонта Пиендима къ 270—269, а самую войну начинаетъ съ слѣдующаго года. Но, конечно, война началась въ самый годъ архонта Пиендима. Семь лѣтъ слишкомъ много для Хремонидовской войны. Аѣнны, вѣроятно, сдались въ 266—265 году. Смерть Арея—265. Смерть Кратера, можетъ быть, въ 263. Война Антигона съ Александромъ, сыномъ Кратера, можетъ быть, въ 263 и слѣдующихъ годахъ. Конечно, годы мною поужены приблизительно. Смерть

Арѣя является нѣсколько загадочною: совершилъ ли Арѣя второй походъ на помощь доходившимъ до крайности Афинамъ, или былъ убитъ во время набѣга на коринскія владѣнія Антигона послѣ сдачи Афинъ, неизвѣстно. Въ виду выраженій Павсаніи для меня вѣроятнѣе второе.

Покоривъ Афины, Антигонъ поставилъ начальникомъ гарнизона въ Мусѣѣ, вѣроятно, Ликина, Λοκῖνος (Teles ap. Stobaeum l. c.), а въ Пирѣѣ и Мунихіи Іерокла. Сюда слѣдуетъ помѣстить этого Іерокла; онъ командовалъ въ Пирѣѣ послѣ бѣгства Главкона и послѣ сдачи Афинъ, а не раньше Главкона. Объ Іероклѣ упоминаетъ одинъ Діогенъ Лаертій въ двухъ мѣстахъ. „Іероклъ, начальникъ Пирѣя, возвращаясь (или: прохаживаясь) вмѣстѣ съ философомъ Менедимомъ, въ святинѣ Амфіарая, много говорилъ ему о паденіи Еретріи“—‘Ιεροκλέους δὲ τοῦ ἐπὶ τοῦ Πειραιῶς συναναχάρκτουτος αὐτῷ ἐπὶ Ἀμφιάραιου, καὶ πολλὰ λέγοντος περὶ τῆς ἀλώσεως τῆς Ἐρετρίας κτλ. Менедимъ, по Діогену, молча слушалъ Іерокла и наконецъ отвѣтилъ ему грубою насмѣшкою насчетъ отношеній Іерокла къ Антигону (Diogen. IV, 127). Жизнь Менедима у Діогена наполнена разными темными историческими упоминаніями и намеками. Дройзенъ думаетъ, что Менедимъ умеръ скоро послѣ 278 года (III, 1. p. 95). Мнѣ кажется смерть Менедима была годами двадцатью позже. Что Менедимъ слушалъ Платона, какъ сказано Diog. II, 125. Plut. adv. Colot. 32,—положительно невозможно и должно быть просто отброшено. Невозможно даже и тогда, если мы примемъ 278 годъ за годъ смерти Менедима. Онъ жилъ 74 года (Diog. II, 144), и рожденіе его не можетъ быть раньше 352 года, за пять лѣтъ до смерти Платона.—Вспомнимъ правило: основаніемъ для біографическихъ фактовъ должны служить политическіе, а не наоборотъ.—Другое упоминаніе объ Іероклѣ въ біографіи Аркесіи IV, 39, 40. Оно почти все приведено нами выше. Изъ этого разказа совершенно ясно, что Іероклъ правилъ Пирѣемъ тогда, когда Антигонъ посѣщалъ Афины и былъ встрѣчаемъ всѣми знатными гражданами, всѣми философами и писателями, т. е. когда Афины были подъ властью Антигона.—Разговоръ Менедима съ Іерокломъ, правителемъ Пирѣя, могъ быть только послѣ 265 года. Взятіе Еретріи — неприятный для Менедима предметъ разговора — могло быть только послѣ конца Хремонидовской войны. Кто же взялъ Еретрію? Вотъ что разказываетъ Діогенъ II, 140—144. „Сначала Еретрійцы не дѣяли Менедима, бранили его; потомъ стали ему удивляться,

такъ что поручили ему управленіе городомъ. Онъ былъ въ посольствахъ къ Птолемѣю и Лисимаху, и всюду былъ въ чести; ѣздилъ посломъ и къ Димитрію. Изъ 200 талантовъ (!) ежегодной дани, которую платила Еретрія Димитрію, онъ успѣлъ сбавить 50. Обвиненный предъ Димитріемъ, что онъ хочетъ выдать городъ Птолемѣю, оправдывается письмомъ, начало котораго такое то.—Любилъ его и Антигонъ и провозглашалъ себя ученикомъ его. И когда Антигонъ побѣдилъ варваровъ при Лисимахи, Менедимъ написалъ постановленіе въ честь Антигона простое и нелестное, котораго начало: „стратиги и провулы предложили: такъ какъ царь Антигонъ, побѣдивъ въ сраженіи варваровъ, возвращается въ свою землю и во всемъ прочемъ имѣетъ успѣхъ по желанію, принято совѣтомъ и народомъ“. По этому и вообще по дружбѣ его къ Антигону стали его подозрѣвать, что онъ измѣняетъ городу въ пользу Антигона; такъ обвинялъ его Аристоклимъ, и Менедимъ выѣхалъ изъ Еретріи и жилъ въ Оропѣ, въ святилѣ Амфіарая. Когда тамъ пропали золотыя чашы, говорить Ермиппъ, ему было поручено слѣдствіе по общему постановленію Віотійцевъ. Потомъ онъ затосковалъ и тайно вкрался въ родной городъ, взялъ жену и дочерей, уѣхалъ къ Антигону и отъ унынія кончилъ жизнь. Но Ираклидъ говоритъ совершенно напротивъ, что онъ, будучи въ должности провула у Еретрійцевъ, часто освобождалъ городъ отъ тиранновъ, наводившихъ Димитрія. Не сталъ бы онъ выдавать городъ Антигону, но обвиненіе на него внесено было ложное. Онъ ѣздилъ къ Антигону и желалъ освободить отечество. Но Антигонъ не уступалъ и Менедимъ отъ тоски семь дней не принималъ пищи и скончался. Похожее на это разсказываетъ и Антигонъ каристійскій. Съ однимъ Персеемъ (Περσείος) велъ Менедимъ жаркую войну. Полагали, что когда Антигонъ хотѣлъ возстановить Еретрійцамъ демократію изъ уваженія къ Менедиму, то Персей помѣшалъ. Однажды Менедимъ за столомъ, опровергнувъ Персея разсужденіями, между прочимъ замѣтилъ: „такъ философъ онъ вотъ какой, а чловѣкъ изъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ наихудшій“.

Замѣтимъ, что Персей ученикъ Эпикова стоика, былъ начальникомъ гарнизона въ Коринѣ въ 243 году (Plut. Arat. 18. 23). Приведенный интересный разсказъ есть сборъ свѣдѣній о Менедимѣ изъ разныхъ источниковъ. Авторы, приводимые Диогеномъ, плохо понимали политическія отношенія. Для нихъ было главное — мораль: льстилъ ли Менедимъ, измѣнялъ ли. Состояніе Еретріи изъ нихъ сооб-

щений не совсѣмъ ясно. Изъ всего вышеприведеннаго разказа Дройзенъ выводитъ, что Антигонъ не держалъ гарнизона въ Еретріи. Мнѣ кажется, что это справедливо только на половину, что Антигонъ сначала не держалъ гарнизона въ Еретріи.—О какомъ паденіи Еретріи (ἄλωσις τῆς Ἐρετρίας) толковалъ Иероклъ Менедиму въ святинѣ Амфіарая?—Вѣроятно это событіе было во время войны Антигона съ Александромъ, сыномъ Кратера. Вѣроятно Александръ захватилъ Еретрію, въ которой не было гарнизона македонскаго.—Святиня Амфіарая какъ разъ противъ Еретріи. Одинъ изъ офицеровъ Антигона жарко упрекаетъ главнаго между Еретрійцами сторонника Антигона — въ какомъ нибудь упущеніи. Но я боюсь увлечься подобно Дройзену.

Дройзенъ почему-то увѣренъ и нѣсколько разъ повторяетъ, что Антигонъ отнялъ у Александра во время войны Евбею, и что у Александра остался только Коринѣ (III, 1. p. 243. 344). Между тѣмъ изъ Свида слѣдуетъ, что не только самъ Александръ царствовалъ въ Евбеѣ, но и его вдова Никая, сдѣлавшая Евфоріона Халкидца богатымъ человѣкомъ. Такъ какъ я представляю себѣ эту войну съ Александромъ, выходитъ, что если Свида называлъ Александра царствовавшимъ въ Евбеѣ, то значитъ Александръ удержалъ за собою войною Евбею. До войны, по моему, Александръ не царствовалъ. И затрудняющее Дройзена мѣсто, Plut. Agat. 12, легче объяснить, если принять, что въ данный моментъ Евбея не находилась подъ властью Антигона.

Обратимся теперь къ разбору содержанія постановленія въ честь Аристомаха, попытаемся отгадать хотя нѣкоторые факты. Изъ нашей надписи мы съ точностью узнали-бы какіе нибудь новыя важныя политическіе и военныя факты, если бы ее легче было восстановить.—По какому поводу въ 9-й строкѣ идетъ дѣло о длинныхъ стѣнахъ и Пиреѣ? Привзвано Нибуромъ, Дройзеномъ и Келеромъ (Hermes, VII, p. 3), что длинныя стѣны были отчасти разрушены при взятіи Аэны Антигономъ и потомъ въ 229 году при освобожденіи не восстановлены. Въ 200 году длинныя стѣны были полуразрушены. (Liv. XXXI, 26). Въ надписи въ честь Евриклида и Микіона и въ другихъ надписяхъ послѣдней четверти III вѣка говорится о стѣнахъ города и о Пиреѣ, но не упоминается болѣе о длинныхъ стѣнахъ. — Помогъ въ чемъ нибудь Аэниинамъ относительно длинныхъ стѣнъ и Пирея не самъ Аристомахъ, но его отецъ или одинъ изъ

предковъ. Всего проще предположеніе, что помогъ деньгами на постройку или ремонтъ; Кёлеръ думаетъ, что дѣло идетъ о возобновленіи длинныхъ стѣнъ и Пирая Конономъ въ 393 году, т. е. о самомъ знаменитомъ изъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, также какъ онъ и Александра, упомянутого въ надписи, принялъ за самаго знаменитаго изъ всѣхъ возможныхъ Александровъ. Итакъ отецъ Аристомаха по Кёлеру оказалъ услугу Аэинянамъ во время Коринеской войны, за 58 лѣтъ до времени общей войны строки 14-й, какъ это время опредѣлено Кёлеромъ (335 годъ). У Кёлера выходитъ слишкомъ великъ промежутокъ между услугами отца и сына. Я отношу помощь на ремонтъ длинныхъ стѣнъ и стѣнъ Пирая во времени такъ называемой четырехлѣтней войны, τετραετής πόλεμος. Объ этомъ ремонтѣ стѣнъ и самой четырехлѣтней войнѣ упоминается въ постановленіи въ честь Димохара (при біографіяхъ десяти ораторовъ Плутарха — vol. V, p. 173 ed. Tauchnitz): Постановленіе въ честь Димохара относится, какъ извѣстно, къ 271—270 году. Не въ этой статьѣ уже буду разбирать я, что такое четырехлѣтняя война; на этотъ разъ довольно сказать, что, по моему мнѣнію, четырехлѣтняя война была война Димитрія Полиоркета съ Аэинянами, такъ какъ полагаетъ Дройзенъ. Она продолжалась, мнѣ кажется, съ начала 298 до 294 года. Такимъ образомъ услуга была оказана приблизительно за 35 лѣтъ до начала общей войны, какъ я понимаю эту войну. Въ 298 году Аристиппу Старшему могло быть около сорока лѣтъ. Во время четырехлѣтней войны Аргосъ былъ, по расчету Дройзена II, 2. p. 257, противъ Димитрія Полиоркета, и слѣдовательно богатый аргоссійскій гражданинъ могъ помочь деньгами Аэинянамъ.—Но включить упоминаніе о денежномъ пожертвованіи на длинныя стѣны и Пирай въ мѣсто, остающееся для этого упоминанія на камнѣ согласно съ восстановленіями Кёлера,—нѣтъ никакой возможности. Въ 9-й строкѣ необходимое слово Πυραϊά и поставленное Кёлеромъ ἀναδῆ уже составляютъ 13 буквъ; а въ 10-й строкѣ Кёлеръ вставляетъ всего 17 буквъ для полного восстановленія текста. Что же мы сдѣлаемъ изъ четырехъ оставшихся въ нашемъ распоряженіи буквъ въ 9-й строкѣ? Хотя эта надпись и не написана στοχῆδον, но все таки число буквъ на одинаковомъ пространствѣ приблизительно равно въ каждой строкѣ. Въ такой надписи число буквъ одной строки можетъ равняться отъ числа буквъ другой на одну букву, много на двѣ.—Пробовавъ я вставить въ 8-ю строку—σοχῆαῖστῆσεν. Ἄ [θῆναζε καὶ συνεκλάβετο κα] 9 λῶς εἰς τὰ μακρὰ

ταίχη καὶ τὸν [Πατραῖ τῆ πόλει. Ἐπειδὴ]. Встаетъ нѣтъ полнаго смысла: не хватаетъ словъ „своими деньгами“, „въ издержкахъ“ и т. п.—И притомъ уже выходитъ много лишнихъ буквъ на небольшомъ разстояніи: въ 8-й строкѣ приставлены 23 буквы, а всего выходитъ 47 буквъ, въ 9-й строкѣ приставлено 20 буквъ, а всего выходитъ 44, въ 10-й только 17, а всего 41.—И въ первыхъ строкахъ по ширинѣ, предположенной Кёлеромъ, невозможно составить никакого разказа о походѣ.—Итакъ надпись была шире, чѣмъ предполагаетъ Кёлеръ. Убѣжденіе, что надпись относится къ войнѣ противъ Александра, сына Кратера, и къ Аристому Старшему, тирану аргосскому, помогло мнѣ возстановить нѣкоторыя строки въ надлежащемъ количествѣ буквъ. Для возстановленія надписи необходимо прибѣгнуть къ фразеологіи актовъ третьяго вѣка. Вотъ какъ я читаю строки 8—17:

- 8 [τῶν Ἀργείων συνκατέστησεν Ἀθηναίτε ἀσφαλῶς, καὶ συνεπαλάβετο τῆρ πόλει μετὰ] 64
5 10 15 20 24 5 10 15 20 25 30 35 40
5 10 15 20 24 5 10 15 20 25 30 35 40
- 9 ὡς εἰς τὰ μακρὰ ταίχη καὶ τὸμ [Πειραιᾶ ταῖς παρ' ἑαυτοῦ χορηγίας. Τοιαύτην μὲν] 64
5 10 15 20 24 5 10 15 20 25 30 35 40
- 10 οὖν παρεληφώς Ἀριστάρχος [παρὰ τῶν προγόνων πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων φη] 64
5 10 15 20 24 5 10 15 20 25 30 35 39
- 11 ὡςτις ἀνατρήσειν] πᾶσαν αὖθις [γναίος ἐσπούδαζεν, ἀποδεικνύμενος τῆν εὐνοί] 63
5 10 15 20 25 5 10 15 20 25 30 35 38
- 12 [αν]χ[αί] μνηστὴν ἀναστρέψατο ποιοῦμενος δεῖ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον τῆς εἰ] 63
5 10 15 20 24 5 10 15 20 25 30 35 39
- 13 ὡςτις [τῶν δῆμου τῆν ἀρίστην, ὅπως ἀν' ὁ δῆμος ὡς τάχιστα κομίσσεται τὸ ἄστυ] 63
5 10 15 20 24 5 10 15 20 25 30 35 40
- 14 καὶ συνβάντος κοινῶ πόλεμο [οὗ τῶι τε βασιλεῖ Ἀντιγόνω καὶ Ἀθηναίοι καὶ τῆρ] 64
5 10 15 20 25 5 10 15 20 25 30 35 38
- 15 πόλει τῶν Ἀργείων πρὸς Ἀλεξάνδρον τὸν Κράτεροῦ ἐν ἀσχυρίαι τοῦ βασιλέως, γε] 63
5 10 15 20 23 5 10 15 20 25 30 35 40 41
- 16 [υ]μενέλης ἐξουσίας πολεῖσθαι τὰς διαλύσεις ἑαυτῶν συμφορῶν, οὐχ ὑπέρχουσαν, αἰ] 64
5 10 15 20 23 5 10 15 20 25 30 35 40 41
- 17 [Λλά πρὸς αὐτὸν ἑαυτῶν αἰ] μνηστῆρος ἐπέβρωσε διαμεινῆς ἐν τῆρ συμμάχιαι.] 64

Въ возстановленныхъ десяти строкахъ по 64—63 буквы, вполне согласно съ характеромъ надписи. Мнѣ кажется, такимъ полнымъ соответствіемъ числа буквъ въ строкахъ и возстановленіемъ такого яснаго смысла большая вѣроятность нашего выбора войны противъ Александра, сына Кратера, укрѣпляется еще болѣе и приближается къ достовѣрности.

Вотъ переводъ этихъ строкъ 9—17 текста, съ моими возстановленіями, начиная съ исчисленія услугъ самого Аристомаха: „Итакъ Аристомахъ, наследовавъ отъ предковъ такую ревность во благо народа аэинскаго, старался сохранить ее всѣмъ Аэинянамъ, показывая свое благорасположеніе; и пребылъ, напоминая всегда самымъ добрымъ образомъ царю Антигону о свободѣ народа (аэинскаго), чтобы народъ какъ можно скорѣе получилъ себѣ городъ. И когда случилась общая война у царя Антигона и у Аэинянъ и у города Аргоса противъ Александра, сына Кратера, во время недосуга царя, была возможность (ему, Аристомаху) заключить выгодное для себя примиреніе, но онъ не послушалъ, но отбивавшимся (отъ непріятеля) съ меньшими силами много придавъ бодрости тѣмъ, что остался въ союзѣ“.

Слова, „пребылъ, напоминая всегда“ и пр. строкъ 12-й 13-й значать, что Аэиняне просили Аристомаха замолвить за нихъ слово предъ Антигономъ о выводѣ гарнизона изъ Мусэя. Выводъ гарнизона изъ Мусэя называется въ официальныхъ актахъ, на худой конецъ, освобожденіемъ Аэинъ, „полученіемъ города“, хетя бы Пирэй съ Мунихією еще оставались занятыми царскимъ гарнизономъ. Продоръ кизикскій или лампсакскій получаетъ великоблѣнный награды отъ Аэинянъ за то, что замолвилъ слово предъ Димитріемъ о выводѣ гарнизона изъ Мусэя—*ἄρκος, ἄν ὁ δῆμος (χομισαμε) νος τὸ ἄστυ δημοκρατ (ἰὰν ἔχοι ἀπολαβῆ) ὦν*, какъ у Келера или, *δημοκρατ (οἴτο ἐλευθερος) ὦν*, какъ предполагаетъ Кирхгофъ (С. I. Att. II, № 300). Весною 294 года (время документа № 300), Аэиняне мечтали только о Мусэѣ. „Получить городъ“—*χομισαμεναι τὸ ἄστυ*—означить освобожденіе Мусэя отъ гарнизона въ документахъ и въ честь Спартока и въ честь Авдолеонта, №№ 311. 312.—Съ выраженіями постановленія въ честь Аристомаха *καὶ μυρίαὺν διατετέλεκεν κτλ.* весьма сходна приведенная выше тирада изъ постановленія въ честь комика Филиппида. Слова „когда народъ получилъ свободу“—*χομισαμένους τοῦ δήμου τὴν ἐλευθερίαν*—означаютъ и въ постановленіи въ честь Филиппида то же, что въ ак-

такъ въ честь Спартока и въ честь Авдолеонта, т. е. освобожденіе Мусэя. У Евсевія о выводѣ гарнизона изъ Мусэя подлѣ 256—255 или 255—254 (по вариантамъ) годомъ было сказано; 'Αθηναίους Ἀντίγονος τὴν ἐλευθερίαν ἀπέδωκεν (такъ у Синкелла; у Иеронима: Antigonus Atheniensibus reddidit libertatem. Том. II, p. 120 sq. Schöne). Вѣроятно, постановленіе въ честь Аристомаха состоялось уже послѣ освобожденія Мусэя, можетъ быть, въ 254 году.

А при Александрѣ Великомъ награждали-ли Аѣнныя какого либо чужаго человѣка за то, что онъ напоминалъ или вспоминалъ о свободѣ аѣнской?—Никогда! При Александрѣ Аѣнныя еще крѣпко стояли на ногахъ. Ни въ одномъ почетномъ постановленіи IV вѣка нельзя найти такого выраженія. Въ IV вѣкѣ обыкновенно въ почетномъ постановленіи говорится, что таковой-то награждается за то, что былъ добрый человѣкъ относительно народа аѣнскаго—ὅτι αὐτὸρ ἀγαθὸς ἐστὶ περὶ τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων—и тому подобное. Послѣ Ламійской войны, и особенно послѣ 307 года, можно ожидать въ актахъ выраженія благодарности за хлопоты о свободѣ Аѣннъ; но мы не видимъ такихъ выраженій до самаго 294 года. Первое извѣстное мнѣ постановленіе съ такими фразами есть постановленіе въ честь Продора. Мое предположеніе о времени надписи въ честь Аристомаха можно, мнѣ кажется, послѣ этихъ соображеній, назвать вѣрнымъ.

Въ строкахъ 14—17-й идетъ рѣчь о началѣ войны съ Александромъ, сыномъ Кратера. Антигонъ занялъ въ Македоніи; можетъ быть, войною противъ Александра, сына Пирра. Въ это время умеръ Кратеръ; Александръ, его сынъ, пользуясь войсками Коринѣа и Халкиды, отлагается отъ царя, начинаетъ войну; можетъ быть, захватываетъ полунезависимую Еретрію.—Кратеръ былъ главный начальникъ войскъ Антигона въ Елладѣ; очевидно, что Александръ имѣлъ, во время отсутствія Антигона, превосходство въ силахъ надъ оставшимися на сторонѣ Антигона гарнизонами. Аттика, занятая въ пяти мѣстахъ гарнизонами Антигона (а можетъ быть еще и въ пограничныхъ съ Вiotією крѣпостяхъ, о которыхъ см. надпись № 1079 у Рангависа; онѣ же разумѣются подлѣ словомъ φρούρια въ актѣ въ честь Филиппида), была послѣ отпаденія Коринѣа и Халкиды главнымъ непосредственнымъ владѣніемъ Антигона въ Елладѣ. По своему положенію между Евбеєю и Коринѣомъ, двумя владѣніями Александра, Аттика была весьма важною территорією для этой войны, и война непременно должна была ее задѣть. При такихъ обстоятельствахъ помощь Ари-

стомаха Аргосскаго, сильнѣйшаго изъ тиранновъ — приверженцевъ Антигона, была существенно важна. Александръ, сынъ Кратера, предлагалъ выгодный договоръ Аристомаху АргоССкому, но Аристомахъ остался вѣренъ Антигону и поддержалъ царскіе гарнизоны Аттики и ополченіе аэинское. Аристомахъ не заключилъ отдѣльнаго мира съ Александромъ, но принялъ участіе въ общемъ мирѣ (строка 20-я), въ мирѣ царя Антигона съ Александромъ. Что война окончилась гораздо раньше смерти Александра, замѣтно и изъ древнихъ авторовъ. Александръ удержалъ за собою Коринѣ, Халкиду и вѣроятно большую часть Евбеи, или и весь островъ. Но между Александромъ и Антигономъ и послѣ заключенія мира оставались вражда и недобѣріе. Мы видимъ, что потомъ, можетъ быть около 249 года, Александръ заключаетъ союзный договоръ съ ахейскимъ союзомъ.

Возстановить 18-ю строку я считаю невозможнымъ, потому что тутъ шла рѣчь о фактахъ войны, совершенно неизвѣстныхъ намъ: не къ чему привязать догадку. Въ 19-й строке, можетъ быть, была рѣчь о выкупѣ плѣнныхъ Аристомахомъ или о возстановленіи на его счетъ зданія, разрушеннаго Александромъ. Не стояло-ли въ 18-й строке (*κατε*)λόγος 'Αλεξάνδρου?

Но довольно.—Интересно, на сколько новыхъ открытій, которыхъ очень можно ожидать для исторіи середины III вѣка до Р. X., будутъ благоприятны изложеннымъ предположеніямъ.

Ф. Семеновъ.

QUOMODO GENITIVI IN DEMOSTHENIS ORATIONE OLYNTH. II. § 2. EXPLICANDI SINT.

Interpretationem verborum „ὡς ἔστι τῶν αἰσχρῶν, μᾶλλον δὲ τῶν αἰσχίστων, μὴ μόνον πόλεων καὶ τόπων ὧν ἡμῖν ποτε κύριοι φαίνεσθαι προειμένους, ἀλλὰ καὶ τῶν ὑπὸ τῆς τύχης παρασκευασθέντων συμμάχων καὶ καιρῶν“ satis esse difficilem iam inde patet, quod adhuc nemo ita constructionem verborum exposuerit, ut ab aliis probetur; sed alius alia ratione genitivos explicat, quamvis multae in exponenda grammatica constructione sint prolatae sententiae, quas nihil attinet hic omnes repetere vel refutare, praesertim cum ea, quae in hac causa dici possint, fere omnia in Schaeferi Apparatu Critico et in libris editis a Voemelio, Frankio, Westermanno, Rehdantzio et aliis legantur. Quae cum ita sint, non alienum a re esse videtur novam interpretandi hunc locum insistere viam neque vereor temeritatis culpa notari, si modo ea, quae proferam, exemplis probari possint. Quae autem mihi videntur, sunt haec: si genitivos πόλεων καὶ τόπων a verbo κύριοι ita pendere statuamus, ut verba πόλεων καὶ τόπων ὧν ἡμῖν ποτε κύριοι unam efficiant sententiam secundariam, multa proferri possunt exempla e poetarum graecorum scriptis decerpta, nonnulla etiam ex aliis scriptoribus deprompta, quin etiam unum alterumve ex ipsius Demosthenis orationibus, quae demonstrant pronomen relativum in sententia secundaria non semper primum obtinere locum, quocum conferri potest illa grammaticae lex, de qua Buslaevus agit in opere suo inscripto *Истор. грам.* (pg. 376); eandem legem olim valuisse etiam in lingua sanscritica vel unum exemplum probat, quod legitur in Windischii et Delbrückii opere inscripto *Syn-*

takt. Forsch. I, 47. In tertia huius operis parte (Die altindische Wortfolge) nullum huiusmodi exemplum legi. E poetarum graecorum scriptis solum eos locos proponam, quae in Sophoclis tragoediis inveniuntur. Sunt autem haec: δς Ai. 356, 684, 1079, 1291; Tr. 200, 383, 732; Ant. 1117; O. T. 990; ὅστις O. T. 427; O. C. 288; Ai. 1412, 1472; Tr. 161, 441; Ant. 182, 661, 715; οἷος El. 1382; Ant. 692; ὅσος Ant. 712; ὁποιός O. C. 571. Oratores et historici et philosophi rarius hunc usum loquendi secuti sunt. In Platonis scriptis similis constructio legitur in dialogo inscripto Phaedrus (pg. 238. A, ubi legas adnotationem Stallbaumii). In Demosthenis orationibus hoc solum exemplum inveni: εἰ μὲν γὰρ ἔχεις, Αἰσχίνη, τῶν ὑπὸ τοῦτον τὸν ἥλιον εἰπεῖν ἀνθρώπων ὅστις ἀθῶος τῆς Φιλίππου πρότερον καὶ νῦν τῆς Ἀλεξάνδρου δυναστείας γέγονεν, ἢ Ἑλλήνων ἢ τῶν βαρβάρων· ἔστω, σύγχωρῶ (de Cor. § 270). Alterum exemplum dubium est, quamquam admodum mihi placet haec Sauppilii interpunctio: ἄξιον δ' ἐνθουμηθῆναι καὶ λογίσασθαι, τὰ πράγματα ἐν ᾧ καθέστηκε νοεῖ τὰ Φιλίππου (Ol. I, § 21). Sed iam ea, quae attuli, sufficere puto. At, dicat aliquis, Socratis interpretandi ratio a Platone in dialogo Protagora (pg. 346. E) descripta demonstrat, hanc pronomini relativi collocationem iam Socratis temporibus fuisse obsoletam, cum Socrates Simonidis verba aliter ac sensus enuntiationis postulet, interpretetur neque eius error reprehendatur. At nullo modo est dubium, quin tota illa dialogi pars irrisio sit sophistarum, qui ita vecordes et stupidi describuntur, ut ne id quidem senserint. Verba Simonidis, quae Socrates interpretatus est, auctor est Bergkii (Anth. lyr. 1854, pg. 329) haec esse:

πάντας δ' ἐπαίνημι καὶ φιλέω,
 ἐκὼν ὅστις ἔρδῃ
 μηδὲν αἰσχρὸν, ἀνάγκη δ' οὐδὲ θεοὶ μάχονται.

Hisce nisus argumentis haud absurdum esse puto, si in loco e Demosthenis oratione supra allato verba πόλεων καὶ τόπων ita cum sequentibus iungantur, ut una sententia secundaria fiat atque genitivi a substantivo κόριοι pendeant. Quod attinet ad verba ἀλλὰ καὶ τῶν ὑπὸ τῆς πόλεως παρασκευασθέντων συμμάχων καὶ καιρῶν, certum est, genitivos ea vi orationis postulari, quae in arte grammatica assimilatio vocatur. Liceat mihi afferre etiam ex Sophoclis tragoediis locos hos, quorum uterque eodem spectare videtur:

οὐ τάρᾳ τᾷ γε πρόσθεν οὐδὲν ἐξ ἴσου
 χρόνῳ διοίσει, γλώσσαν ἦτις οὐδαμὰ
 προύφηγεν οὔτε μείζον' οὔτ' ἐλάσσονα (Trach. 322 sq.),

qui versus intellegi non possunt, nisi vocem γλώσσαν ad enuntiationem relativam pertinere statuimus; statim enim omnes difficultates evanescent, quæ oriuntur, si vox γλώσσαν cum eis quæ antecedunt coniungitur, de qua re videas, quæ ad hunc locum adnotavit Nauckius.

Alter locus legitur Antigonaë initio (v. 2, 3); notissimi sunt versus et multi fuerunt, qui constructionem explanare, vel Sophoclis verba mutare conati sunt, sed has omnes interpretationes esse falsas Bonitzius luce clarius demonstravit, quod alii de eius ipsius interpretatione fecerunt. Nobis autem quæ videntur, hæc sunt: si Sophocles scripsisset πᾶν vel ἕκαστον τῶν ἀπ' Οἰδίπου κακῶν Ζεὸς νῦν ἔτι ζῶσαιν τελεῖ, nemo sane esset, qui non fateretur constructionem grammaticam esse planissimam. At dubitari non potest, quin eadem sententia etiam negative exprimi potuerit hoc modo: οὐκ ἔσθ', ὅποιον τῶν ἀπ' Οἰδίπου κακῶν Ζεὸς νῦν ἔτι ζῶσαιν οὐχὶ τελεῖ (cf. οὐκ ἔσθ' ὅποιον στάντ' ἄν ἀνθρώπου βίον οὔτε αἰνέσαιμ' ἄν οὔτε μεμφαίμην ποτέ 1156 sq.). Eadem sententia etiam interrogative exprimi potuit: ἄρ' οἶσθ' ὃ τι (sc. κακόν), ὅποιον τῶν ἀπ' Οἰδίπου κακῶν Ζεὸς νῦν ἔτι ζῶσαιν οὐχὶ τελεῖ; Ab hac constructione Sophoclis verba solum in hoc differunt, quod Sophocles ὅποιον οὐχὶ coniunxit et ὅποιον non in initio sententiæ relativæ posuit.

Georgius Fischer.

Томъ. Меморіалъ.
Меморіалъ.

самъ присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ, и лично экзаменовалъ воспитанниковъ по предметамъ математики, геодезіи и астрономіи, а равно осматрѣлъ и ихъ чертежи.

Полевая занятія воспитанниковъ старшихъ шести классовъ, происходившія въ окрестностяхъ слободы Перервы съ 15-го іюня по 4-е августа, заключались во всѣхъ родахъ межевыхъ и геодезическихъ работъ и въ глазомѣрной съемкѣ. Воспитанники VIII-го класса составляли тригонометрическую сѣть, сами измѣряли углы по способу Струве и Майера и произвели всѣ нужныя вычисленія; равно занимались и опредѣленіемъ истиннаго меридіана, для узнанія отклоненія магнитной стрѣлки.

Кромѣ съемки маршрутовъ, воспитанники этого класса произвели и полуинструментальную съемку, посредствомъ астролябіи и высото-мѣра, для пріобрѣтенія навыка въ скорой работѣ. Каждая партія на пространствѣ до 25 квадратныхъ верстъ должна была избрать базисъ, составить сѣть и нанести ситуацію по методу Лемана, въ течение недѣли.

Результаты экзаменовъ 1853 года были слѣдующіе: изъ 246 воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	3
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	12
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса	6
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса	6
Переведено въ высшіе классы	195
Исключено изъ заведенія за малоуспѣш- ность	13
Опредѣлено на основаніи § 41 уст. инсти- тута въ канцелярскіе служители	1
Уволено изъ института	2
Осталось въ тѣхъ же классахъ	8

Въ учебномъ 1853—1854 году были сдѣланы попечителемъ нѣкоторыя перемены въ курсѣ института. Для преподаванія минералогіи и геогнозіи, былъ приглашенъ ученый минералогъ Ауэрбахъ (впослѣдствіи профессоръ Петровской земледѣльческой Академіи). Общее распредѣленіе предметовъ по классамъ на 1853—1854 учебный годъ выразилось слѣдующимъ образомъ:

К Л А С С Ы:

ПРЕДМЕТЫ:

I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. Всего.

Число уроковъ.

ПРЕДМЕТЫ:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Русскій языкъ	3	3	3	3	2	3	2	1	20
Французскій языкъ	3	3	3	2	2	2	1	2	18
Нѣмецкій языкъ (для желающихъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Географія общая и русская, въ связи съ краткою статистикою Россіи	2	3	2	1	1	—	—	—	9
Исторія общая и русская	2	2	3	1	1	—	—	—	9
Русская исторія съ археологіею	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Математика	5	4	4	3	3	3	2	2	26
Геогнозія	—	—	2	2	2	2	2	2 ^{1/8}	13 ^{1/2}
Математическая географія	—	—	—	—	—	1			
Астрономія	—	—	—	—	—	—	1	3 ^{1/2}	4 ^{1/2}
Магнитныя и метеорологическія наблюденія	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Законовѣдѣніе	—	—	—	2	1	1	1	1	6
Межевые законы	—	—	—	1	3	3	4	1	12
Военныя науки	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Архитектура	—	—	—	1	1	1	2	1	6
Естественныя науки.	Физика и механика	—	—	2	2	—	—	—	13
	Химія	—	—	—	—	—	1 ^{2/8}	—	
	Зоологія	—	—	—	—	—	—	1 ^{1/8}	
	Ботаника, вмѣстѣ съ агрономіей и таксаціей	—	—	—	—	—	—	2	
	Минералогія	—	—	—	—	—	—	1	
	Геогнозія	—	—	—	—	—	—	—	
Физическая географія	—	—	—	—	—	—	—	1	
Каллиграфія и надписываніе плавовъ	3	3	2	2	2	1	1	—	14
Ситуація и черченіе плавовъ	3	3	2	2	2	2	2	1	17
Рисованіе	2	2	2	1	1	1	1	1	11
Итого	24	24	24	24	24	24	24	24	198

Примѣчаніе 1. Кромѣ того преподавались танцы и пѣніе,

а для кавказскихъ воспитанниковъ—грузинскій и татарскій языки (по 4 урока каждый).

2. Французскій языкъ былъ включенъ въ общее распределеніе уроковъ, а нѣмецкій преподавался внѣ класснаго времени.

Вмѣстѣ съ этимъ, послѣ личнаго присутствіанія на экзаменахъ и подробнаго разсмотрѣнія существовавшихъ программъ, попечитель нашелъ нужнымъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, соображаясь съ цѣлю заведенія и, главное, направляя самое ученіе къ практическому примѣненію его.

На этомъ основаніи, по его указаніямъ, нѣкоторыя программы составлены вновь, напримѣръ, по естественнымъ наукамъ, а другія исправлены и приняты къ руководству съ новаго учебнаго 1853—1854 года.

Всѣ эти программы сохранились въ дѣлахъ ¹⁾ института. Конечно, было бы весьма любопытно прослѣдить ихъ исполнѣ, но это значительно увеличило бы объемъ нашего очерка. Поэтому мы ограничимся только краткимъ указаніемъ того, что именно проходило въ то время въ институтѣ, останавливаясь съ нѣкоторою подробностію на главныхъ предметахъ или на такихъ, которые представляли нѣкоторую особенность, какъ напримѣръ, русская археологія.

Такимъ образомъ, изъ этихъ программъ видно, что съ учебнаго 1853—1854 года въ институтѣ проходились слѣдующіе предметы и въ слѣдующемъ объемѣ.

Законъ Божій. Священная исторія ветхаго и новаго завета. Калтихизисъ. Примѣчанія о религіи ветхозавѣтной церкви. Исторія христіанской церкви. Краткое ученіе о Богослуженіи православной церкви и объясненіе на литургію. Въ старшемъ классѣ были бесѣды объ обязанностяхъ христіанина, какъ выводъ изъ прежде пройденнаго по закону Божію.

Русскій языкъ. Грамматика во всемъ пространствѣ. Основанія риторики и логики. Чтеніе и разборъ образцовъ, по возможности изъ всѣхъ первоклассныхъ писателей, въ хронологическомъ порядкѣ. Краткая исторія русской литературы и практическія упражненія въ извлеченіяхъ и разнаго рода сочиненіяхъ. На письменныя упражненія обращалось особенное вниманіе и въ руководство къ нимъ полагалось чтеніе книгъ.

¹⁾ Дѣло института 1853 года, № 43.

Французскій и нѣмецкій языки. Чтеніе и письмо. Французская и нѣмецкая грамматика съ синтаксисомъ. Главныя правила французской и нѣмецкой фразеологіи. Переводы. Требовалось, чтобы воспитанники, достигая высшихъ классовъ, читали на иностранномъ языкѣ книги безъ всякаго затрудненія и могли дѣлать переводы безостановочно со всякаго рода сочиненій, при чемъ принимались мѣры, чтобы воспитанники могли, по возможности, и извѣстяться на иностранномъ языкѣ.

Обязателенъ былъ одинъ изъ языковъ. Выборъ предоставлялся самимъ воспитанникамъ, но съ утвержденія институтскаго начальства.

Исторія. Краткая всеобщая и болѣе подробно русская.

Археологія, въ связи съ русскою исторіею. Главною цѣлію введенія преподаванія русскихъ древностей и, въ особенности, палеографіи, было ознакомленіе съ древними рукописями, писцовыми книгами и иными документами, столь необходимое въ то время для межеваго чиновника, когда производилось во всей Россіи специальное межеваніе.

Для преподаванія этого предмета былъ приглашенъ, нынѣ столь извѣстный русскій археологъ, а въ то время молодой человекъ, даровитый Ив. Ев. Забѣлинъ.

Географія. Обзоръ всѣхъ частей свѣта и болѣе подробное изученіе географіи Россіи, въ связи съ краткою ея статистикою. Практическія упражненія въ статистическихъ описаніяхъ.

Математика. Мы изложимъ здѣсь, хотя и кратко, распредѣленіе математики по каждому классу особо, ибо считаемъ это распредѣленіе весьма важнымъ въ исторіи учебнаго заведенія.

I классъ. Ариметика до пропорцій, включительно, 3 урока. Геометрія до окружностей, т. е. введеніе и статьи объ углахъ, треугольникахъ, линіяхъ перпендикулярныхъ и параллельныхъ, четырехугольникахъ и многоугольникахъ, 2 урока.

II классъ. Ариметика: окончаніе, 1 урокъ. Алгебра: до уравненія 1-й степени съ двумя неизвѣстными, 1 урокъ. Геометрія: до подобія фигуръ многоугольныхъ, 2 урока.

III классъ. Ариметика: обзоръ ученія и упражненія въ болѣе сложныхъ вычисленіяхъ, 1 урокъ. Алгебра: до степеней и корней одночленныхъ алгебраическихъ количествъ, 1 урокъ. Геометрія: окончаніе лонгиметріи и вся планиметрія, 2 урока.

IV классъ. Алгебра: степени и корни количествъ одночленныхъ,

прогрессии и логарифмы, 1 урокъ. Геометрія: дополненіе планиметрии, стереометрія до объемовъ, 1 урокъ.

V классъ. Алгебра: уравненія квадратныя; приложенія логарифмовъ къ задачамъ сложныкъ процентовъ, 1 урокъ. Геометрія: окончаніе стереометрии, т. е. объ объемахъ и ученіе о сферическихъ треугольникахъ, 1 урокъ. Плоская тригонометрія вся, 1 урокъ.

VI классъ. Алгебра: разложенія и соединенія; числа фигурныя, ихъ примѣненіе: Ньютоновъ биномъ и приложенія оного. Разложенія въ ряды синуса и косинуса по возрастающимъ степенямъ дуги, 1 урокъ. Тригонометрія сферическая, 1 урокъ. Приложение алгебры къ геометрии и различнымъ сѣченіямъ конуса, послѣднія наглядно, съ показаніемъ главнѣйшихъ свойствъ уравненій и графическаго черченія получаемыхъ кривыхъ. 1 урокъ.

VII классъ. 2 урока: а) дополненіе коническихъ сѣченій, пройденныхъ наглядно въ VI классѣ; б) изслѣдованіе кривыхъ второго порядка; в) начала аналитической геометрии въ пространствѣ.

VIII классъ. 2 урока. Дифференціальныя и интегральныя исчисленія.

Кромѣ того, для каждаго класса обозначались подробно практическія упражненія. Вообще цѣль математическаго ученія должна была состоять не въ одномъ знаніи математики, какъ науки, но и въ томъ, чтобы воспитанники могли примѣнять математическія соображенія и различные методы при рѣшеніи вопросовъ изъ наукъ прикладныхъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ специальности.

Геометрія. Общія понятія о топографіи и различныхъ родахъ плановъ. Снаряды, служащіе къ измѣренію линій въ полѣ. Инструменты для нанесенія линій и угловъ на бумагу и масштабы. Общія понятія объ угломерныхъ снарядахъ. Эскеры. Буссоли и магнитная стрѣлка. Астролябия и измѣреніе ею угловъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ.

Съемка астролябіей мѣстности вообще и межевыхъ плановъ въ особенности. Мануала и ея принадлежности. Опредѣленіе ея точекъ и производство съемки. Вычисленіе площадей и раздѣленіе полей по различнымъ условіямъ. Общее понятіе о нивелированіи; устройство для сего инструментовъ. Нивелированіе простое и сложное. Теорія изображенія горъ Демана.

Общее понятіе о тригонометрической съемкѣ. Понятіе о различныхъ угломерныхъ инструментахъ, трубахъ, верньерѣ и уровнѣ. Устройство, повѣрка и употребленіе теодолита Эртеля. Теорія нивелира Истампера. Устройство, повѣрка и употребленіе планиметра Лаланда.

Составленіе тригонометрической сѣти. Измѣреніе основанія. Измѣреніе угловъ. Вычисленіе треугольниковъ 1-го разряда по способу Лежандра. Наложеніе точекъ сѣти на бумагу. Примѣры вычисленія: треугольниковъ 1-го разряда и координатъ по неизраженному способу Кассини.

Составленіе различнаго рода картъ. Проекціи стереографическія, коническаго развертыванія и Боина. Общее понятіе о проекціи меркаторской. Упражненія въ вычисленіяхъ.

Градусныя измѣренія. Геодезическое нивелированіе. Опредѣленіе долготъ и широтъ и азимутовъ изъ геодезическихъ измѣреній. Вычисленіе и построеніе проекціи Гаусса ¹⁾.

Выводъ формулъ, служащихъ для опредѣленія вида и величины земнаго сфероида.

Глазобѣрная съемка. Составленіе топографическаго и статистическаго описанія края. Съемка военныхъ маршрутовъ.

Астрономія. Введеніе; объ уравнительныхъ маятникахъ астрономическихъ часовъ; приложеніе формулъ рефракціи и параллаксавъ. Употребленіе морскаго мѣсяцеслова. Отсчитываніе на снарядахъ. Теорія круга Нистора и приложеніе его къ опредѣленіямъ времени, широты и азимута предмета.

Опредѣленіе географическихъ долготъ и лунныхъ разстояній, перевозка хронометровъ и падающихъ звѣздъ.

Обьясненіе прецессіи, нутаціи и абераціи. Среднія и видимыя мѣста звѣздъ. Знакомство съ употребленіемъ русскаго морскаго мѣсяцеслова, англійскаго Nautical-almanach, Берлинскаго Jahrbuch и таблицъ интерполяціи Брангеля. Намолненіе уровней, натягиваніе нитей и правила чистки снарядовъ.

Теорія снарядовъ пассажнаго, астрономическаго теодолита и универсальнаго; примѣненіе ихъ къ наблюденіямъ.

¹⁾ Скажемъ здѣсь кстати, что до 1853 года, въ курсъ преподаванія геодезіи не входило ученіе о построеніи картографическихъ проекцій по способу Гаусса тогда какъ эти проекціи уже были введены въ Военно-Топографическомъ депо. Поэтому, М. Н., въ мав 1853 года, командировалъ въ Петербургъ, въ Военно-Топографическое депо, преподавателя геодезіи полковника Мамонтова и поручика Троицкаго, съ цѣлью изученія построенія проекцій Гаусса и ознакомленія съ новыми геодезическими инструментами и способами съемки. Поручику Троицкому было поручено при этомъ сдѣлать сѣть по проекціи Гаусса на Восточную Сибирь, со включеніемъ и Камчатки; числовыми результатами сей сѣти впоследствии воспользовались для составленія карты Амурскаго края инженеръ Гашковъ и астрономъ Шварцъ.

Определение географических долготъ по способу перевозки хронометровъ, пороховыхъ сигналовъ, электрическаго телеграфа, покрытій звѣздъ, затмѣній спутниковъ Юпитера. Предвычисленіе покрытій звѣздъ по даннымъ формуламъ.

Во время практики—упражненіе учениковъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ на обсерваторіи.

Теорія магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій. О свойствахъ магнитовъ и земномъ магнетизмѣ. Абсолютныя наблюденія наклоненія и склоненія стрѣлки и горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма.

Термометрическія, психометрическія и барометрическія наблюденія. Определение направленія вѣтра; количества выпавшаго дождя и свѣга; наблюденія состоянія атмосферы и вычисленіе результатовъ.

Физика. Общія свойства тѣлъ. Электричество. Гальванизмъ. Магнетизмъ. Свѣтъ. Теплота.

Статика и Динамика тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ. Простыя машины и употребительнѣйшія сложныя. Общее понятіе объ устройствѣ мельницъ.

Химія неорганическая и органическая, съ производствомъ опытовъ.

Ботаника и Зоологія, кратко.

Минералогія и Геогнозія, болѣе подробно, преимущественно съ практическимъ примѣненіемъ, въ особенности же къ Россіи.

Физическая географія, кратко.

Законодѣніе. Государственныя и губернскія учрежденія. Законы о состояніяхъ. Гражданскіе законы и судопроизводство. Уголовныя законы и судопроизводство. Военно-уголовное судопроизводство.

Межевыя законы. Межевыя законы и межевое дѣлопроизводство во всемъ пространствѣ. Исторія межеванія въ Россіи.

Архитектура. Начальныя основанія сельской и городской архитектуры. Устройство дорогъ, простыхъ деревянныхъ мостовъ и военныхъ сообщеній и переправъ. Составленіе проэктвовъ и смѣтъ гражданскихъ зданій и небольшихъ мостовъ.

Военныя науки. Подъ этимъ названіемъ давалось понятіе о раздѣленіи войскъ на роды и военной администраціи.

Ситуація и черченіе плановъ.

Каллиграфія и надписываніе картъ и плановъ. Каллиграфическое письмо всѣхъ шрифтовъ и надписываніе всѣхъ родовъ плановъ, атласовъ и картъ.

Рисованіе. Карандашомъ, перомъ, тушью и акварелью, преимущественно ландшафтовъ.

Въ августѣ 1853 года, при началѣ новаго курса, попечитель пристально, почти ежедневно, сталъ посѣщать институтъ, исключительно занимаясь повѣркою знаній воспитанниковъ изъ главныхъ предметовъ, въ особенности въ VII и VIII классахъ.

19-го августа, въ часъ пополудни, въ то время, когда попечитель находился въ институтѣ на одномъ изъ такихъ экзаменовъ, институтъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича. Генералъ Муравьевъ имѣлъ счастье сопровождать Наслѣдника при осмотрѣ института и удостоился услышать о немъ весьма лестный отзывъ Его Императорскаго Высочества. При отъѣздѣ, Наслѣдникъ изволилъ спросить о директорѣ, не можемъ ли явиться по болѣзни, и приказалъ выразить ему свое сожалѣніе о томъ, что не видалъ его. Генералъ Омецкий имѣлъ счастье, по службѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, быть лично Ему извѣстнымъ.

Не оставилъ институтъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и Государь Императоръ: 4-го сентября, въ два часа пополудни, изволилъ пожаловать въ институтъ Великій Князь Николай Николаевичъ и при входѣ къ воспитанникамъ изволилъ произнести: „Государь Императоръ привалялъ вамъ кланяться и сказалъ, что Онъ очень сожалѣетъ, что не можетъ Самъ быть, но поручаетъ, вмѣсто Себя, осмотрѣть мнѣ институтъ“. Послѣ подробнаго осмотра, Его Высочество въ милостивыхъ выраженіяхъ изъяснилъ свое удовольствіе за состояніе института, а Государь, вслѣдствіе отзыва Великаго Князя, приказалъ распустить воспитанниковъ въ отпускъ до вечера слѣдующаго дня, о чемъ и было прислано повелѣніе съ фельдъегеремъ.

Попечитель, замѣтивъ, что преподаваніе химіи при опытахъ, безъ лабораторіи, не приноситъ желаемой пользы, приказалъ устроить небольшую химическую лабораторію при аптекѣ института, на что и отпустилъ изъ межевыхъ суммъ 425 рублей, по составленной инспекторомъ и преподавателемъ химіи сметѣ.

Въ этомъ году приобрѣтено значительное количество инструментовъ, книгъ и вещей для института и частью для астрономической и магнитной обсерваторій.

На астрономической обсерваторіи, подъ руководствомъ Швейцера, дѣятельно производились практическія работы прикомандированными

къ ней офицерами. На магнитной, подъ завѣдываніемъ капитана Мейера, производились постоянныя какъ метеорологическія, такъ и магнитныя наблюденія и наша обсерваторія была въ сношеніи съ главною физическою обсерваторіею Горнаго корпуса.

Въ 1869 году учрежденъ правильно IX-й офицерскій классъ. Попечитель, освабощиваясь возложенною уставомъ институту на межвое начальство обязанностію—образовать преподавателей и ротныхъ офицеровъ изъ отличившихся воспитанниковъ института, избралъ, по познаніямъ и благонадежности, шестерыхъ офицеровъ: Рашкова, Ларионова, Троицкого, Усольцева, Смирягина и Лукина, для слушанія дополнительнаго курса и преподавъ для сего слѣдующія основанія:

1) Означенные офицеры должны были помѣщаться частію въ институтскомъ зданіи, на свободныхъ квартирахъ, частію въ нанятомъ отъ института помѣщеніи; независимо отъ главнаго за ними надзора директора и инспектора классовъ по предметамъ ученія, они поручены были особому наблюденію младшаго штабъ-офицера.

2) Положенные предметы дополнительнаго курса они должны были изучать во всей полнотѣ, но по собственному избранію, сообразная со склонностію каждому, дабы по избраннѣмъ ими самимъ предметамъ они могли быть преподавателями въ институтѣ.

3) Изученіе этихъ молодыми людьми избраннѣхъ предметовъ имѣло быть подъ руководствомъ преподавателей института, которые объясненіями своими и указаніями должны были пособлять имъ, сколько возможно, въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи и развитіи ихъ полезныхъ знаній, и

4) Для вышшаго усовершенствованія, эти молодые люди назначены были и рететерами въ высшихъ классахъ математики, геодезіи и астрономіи.

Всѣ изъ названныхъ офицеровъ избрали для изученія астрономію; Троицкій, сверхъ того, высшую геодезію, а Смирягинъ высшую математику. Кромя того, всѣ они не только занимались основательнымъ изученіемъ французскаго языка и слушать у Ауэрбаха минералогію и геогнозію.

Попечитель, согласившись съ этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ Троицкому и Смирягину постоянно находиться при астрономической обсерваторіи, для изученія собственно практической астрономіи, а Рашкова, Ларионова и Усольцева, по случаю предназначенія ихъ въ камчатскую экспедицію, приготовить для опредѣленія географическихъ долготъ и широтъ, составленія и вычисленія тригонометри-

ческой сѣти и вообще прозѣній картъ Восточной Сибири, ознакомивъ ихъ со всѣми необходимыми къ тому свѣдѣніями и способами.

Такимъ образомъ возникъ IX классъ при институтѣ и всѣ первоначально поступившіе въ него офицеры, за исключеніемъ Дудина, вскорѣ отчисленнаго, вполне оправдали выборъ попечителя и оказались внослѣдствіи весьма полезными дѣятелями, какъ по институту, такъ и по межевому вѣдомству вообще.

Между тѣмъ, М. Н. въ мартѣ 1853 года сообщилъ директору института свой проектъ о снаряженіи особой учебной экспедиціи въ Нижегородскую губернію, для опредѣленія пунктовъ астрономической сѣти, подъ непосредственнымъ начальствомъ астронома Швейцера, изъ четырехъ инженеровъ Межеваго корпуса, въ тѣхъ видахъ, чтобы молодые люди, занимавшіеся при обсерваторіи астрономическими наблюденіями, могли получить практическое значеніе и засимъ, быть употребленными на отдѣльныя самостоятельныя командировки, какъ для опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи, для составленія атласовъ Россійской имперіи ¹⁾, такъ, въ особенности, для работъ къ предстоящей большой экспедиціи въ Восточную Сибирь — на Амуръ и въ Камчатку, которая снаряжалась въ это время географическимъ обществомъ.

По сообщеніи этого проекта астроному Швейцеру, онъ, вмѣсто проектированной попечителемъ одной большой экспедиціи въ отдаленную губернію, предложилъ совершить, этимъ же лѣтомъ, нѣсколько малыхъ, около Москвы, съ тѣмъ, во 1-хъ, чтобы офицеры изучили именно тѣ способы опредѣленія широтъ и долготъ мѣстъ, которые могутъ употребляться въ Сибири и которымъ они не могли бы научиться въ большой экспедиціи; и съ тѣмъ, во 2-хъ, чтобы эти экспедиціи могли содѣйствовать и къ разъясненію интереснаго явленія, оказавшагося въ окрестностяхъ Москвы, именно, такъ называемаго мѣстнаго притяженія (мѣстной аттракціи), вслѣдствіе котораго географическія широты, астрономически опредѣленныя, не согласуются съ выведенными изъ триангуляціи; — причемъ присоединить къ этимъ астрономическимъ экспедиціямъ отдѣльныя экспедиціи для магнитныхъ наблюденій, которыя также, вѣроятно, будутъ способствовать къ выясненію явленія мѣстной аттракціи.

¹⁾ Указа Самара о производствѣ межевыми чинами геодезическихъ работъ по составленію атласа Россійской Имперіи послѣдовалъ по Высочайшему повелѣнію, 20-го сентября 1847 года.

Завѣдующій магнитною и метеорологическою обсерваторіей, инженеръ-капитанъ Мейенъ, съ своей стороны, подтверждалъ полезность магнитныхъ экспедицій, указывая на то, что результаты, выведенные изъ магнитныхъ наблюдений въ Москвѣ, именно наклоненіе магнитной стрѣлки, также найденнаго въ С.-Петербургѣ на цѣльшъ градусъ; что въ склоненіи и напряженіи есть также разницы, хотя и не столь значительныя, но смотря на то—что наблюдения были одновременны, одни и тѣ же часы дня.

М. Н. одобрилъ предположеніе Швейцера и разрѣшилъ совершить малыя экспедиціи около Москвы, приказавъ отнестись на это изъ суммъ Межевой канцеляріи 450 рублей на расходы.

Съ указанными выше цѣлями, лѣтомъ того же 1853 года, состоялись такими образомъ астрономическія и магнитныя поѣздки въ окрестностяхъ Москвы.

Астрономическіе рейсы совершены были 4-мя ижевыми инженерами: Ларионовымъ, Ранковичемъ, Троицкимъ и Усольцовымъ. Рейсы для опредѣленія наклоненія, склоненія магнитной стрѣлки и напряженія земнаго магнетизма выполнены Мейеномъ съ обученными имъ двумя географами Межеваго корпуса Захаровымъ ¹⁾ и Ветчинкинымъ.

Какъ магнитныя наблюденія, такъ и астрономическія для опредѣленія широты, долготы и азимутовъ дѣлались въ однихъ и тѣхъ же, предварительно избранныхъ пунктахъ, расположенныхъ вокругъ Москвы, въ разстояніяхъ отъ 15 до 40 верстъ.

Число пунктовъ, въ коихъ произведены полныя астрономическія и магнитныя наблюденія, было четырнадцать (не считая Москвы).

Изъ представленнаго астрономомъ Швейцеромъ поличителью отчета видно, что офицеры, участвовавшіе въ экспедиціяхъ около Москвы, вполне усвоили и овладѣли на самомъ дѣлѣ съ приемами и различными способами астрономическихъ опредѣленій и были въ состояніи самостоятельно опредѣлять географическія положенія мѣстъ; что они изучили практическое употребленіе отражательнаго круга Нистора, астрономическаго теодолита, универсальнаго и пассажнаго снарядовъ; и что для опредѣленія долготы, кромѣ перевозки хронометровъ, применяли и другіе способы: помощію лунныхъ разстояній, кульминацій луны и лунныхъ звѣздъ, покрытія звѣздъ луною и посредствомъ наблюдений падающихъ звѣздъ августовскаго періода.

¹⁾ Имъ профессоръ геодезіи въ Петровской земледѣльческой академіи.

Для того, чтобы наглядно показать въ какой мѣрѣ достигнута первая и главная цѣль экспедицій, въ отчету по нимъ приложены были числовые результаты астрономическихъ опредѣленій, сдѣланныхъ разными наблюдателями, способами и приборами, а также и результаты прежнихъ таковыхъ же опредѣленій военно-географическаго депо и генеральнаго штаба.

Сравненія этихъ результатовъ между собою указали на удовлетворительную степень точности опредѣленій географическихъ широтъ и долготъ, какой только можно было достигнуть съ такими переносными приборами.

Относительно второй научной цѣли экспедицій, приведемъ слѣдующее:

Еще въ 1848 году второй астрономъ Главной Пулковской обсерваторіи Отто Васильевичъ Струве, нынѣ директоръ обсерваторіи въ Пулковѣ, обратилъ вниманіе г. Швейцера на феноменъ, оказывающійся въ окрестностяхъ Москвы. Именно, высота полуса Московской университетской обсерваторіи, астрономически опредѣленная въ 1842 г. О. В. Струве и офицерами генеральнаго штаба, и въ 1845 году г. Швейцеромъ, по результатамъ тѣхъ и другихъ была почти одинакова. При составленіи триангуляціи Московской губерніи офицеры генеральнаго штаба опредѣлили также астрономически высоту полуса нѣсколькихъ точекъ, лежащихъ около Москвы, версты на 50, но разными направленіями.

Надо было ожидать, что высота, полуса университетской обсерваторіи, выведенная геодезически, относительно упомянутыхъ точекъ, совершенно согласна будетъ съ астрономическими опредѣленіями Струве и Швейцера, но этого не случилось. Изъ разннхъ пунктовъ, довольно согласно между собой, получилось, что среднимъ числомъ высота полуса университетской обсерваторіи на 11 секундъ болѣе, чѣмъ она выходитъ изъ прямыхъ астрономическихъ опредѣленій. Чтобы найти причину этого явленія, г. Швейцеру поручено было тогда же, то-есть въ 1848 году, опредѣлить высоту полуса нѣсколькихъ точекъ вблизи Москвы, не позднее время года не позволило опредѣлить болѣе 6 мѣствъ, и послѣ того дѣло это остановилось до 1853 года, когда, благодаря содѣйствію Михаила Николаевича, явилась вновь возможность дальнѣйшей разработки этого ученаго вопроса на средства Мамцоваго корпуса, и лицами института.

Работы экспедицій 1853 года, точно такъ же какъ и наблюденія въ 1848 году г. Швейцера, обнаружили такіа разности между геодези-

ческии и астрономическнн широтами, которыя никакъ не могутъ быть объяснены погрѣшностями наблюдѣній и вычисленій; ибо, еслибы не существовало мѣстнаго притяженія, то въ разныхъ пунктахъ получились бы широты, почти сходныя съ геодезическими широтами: въ дѣйствительности же вышло напротивъ: всѣ редуцированныя наблюдѣнія въ различныхъ пунктахъ приводили къ тому, что геодезическая высота полюса университетской обсерватори болѣе астрономической на 10 секундъ, то-есть почти на одинаковую величину съ упомянутой выше.

Магнитныя наблюдѣнія 1853 года въ окрестностяхъ Москвы, произведенныя капитаномъ Мейеномъ, не могли, какъ сказано въ его отчетѣ ¹⁾, опредѣлительно показать мѣстную причину девиаций, оказавшихся въ наклоненіи магнитной стрѣлки и напряженности земнаго магнетизма,—такъ какъ для того, чтобы имѣть вѣрное понятіе о направленіи изоклиническихъ и неодинамическихъ линій въ окрестностяхъ Москвы, нужно бы значительно большее число лѣтъ наблюдѣній, чѣмъ одинъ годъ.

Но гипотеза о существованіи мѣстнаго притяженія въ окрестностяхъ Москвы, чрезъ астрономическія опредѣленія получила значеніе почти дѣйствительно существующаго факта, чрезвычайно интереснаго въ научномъ отношеніи, такъ что Швейцеръ просилъ продолжать наблюдѣнія по этому предмету. Скажемъ здѣсь вкратцѣ, хотя и зайдемъ нѣсколько впередъ, что дальнѣйшія изслѣдованія аттракцій, приостановленныя до 1858 года, когда приобрѣтенъ изъ заграницы вертикальный кругъ Репсольда, удобный въ путешествіяхъ и дающій отчеты до 0,2 секунды, были возобновлены въ 1858 году. Съ кругомъ Репсольда штабсъ-капитанъ Ларіоновъ въ 1858 году, штабсъ-капитанъ Троицкій въ 1859, 1861, 1862, 1863 годахъ опредѣляли астрономически широты слѣдующемъ въ 200 различныхъ пунктахъ, въ районѣ Московскои губерни. Вычисленные ими изъ этихъ наблюдѣній результаты и выводы изъ послѣднихъ отпечатаны въ отдѣльныхъ брошюрахъ, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе мѣстной аттракціи, существующей около Москвы“, изданныхъ астрономомъ Швейцеромъ въ 1862, 1863 и 1864 годахъ.

Изслѣдованія эти, за смертію Швейцера, были опять прекращены:

¹⁾ Напечатанъ въ приложеніи къ своду метеорологическихъ и магнитныхъ наблюдѣній за 1854 годъ, издаваемыхъ главною обсерваторіею въ С.-Петербурѣ.

но въ 1877 году, по распоряженію нынѣшняго попечителя института, сенатора В. К. Ржевскаго, положено начало новыхъ наблюденій, вообще по изслѣдованію земной аттракціи, подъ руководствомъ директора университетской обсерваторіи, профессора Бредихина и при содѣйствіи астронома института Троицкаго и состоящихъ при институтѣ мажорантъ инженеровъ. Для сихъ работъ выписаны отъ механика Репсольда реверсионный магнитъ, стоявшій слишкомъ 2,000 рублей.

Надзоръ за воспитанниками продолжался въ 1853 году прежнимъ порядкомъ; но, какъ писалъ директоръ въ отчетѣ за этотъ годъ, неоднократно случавшійся некомплектъ офицеровъ и частыя перемѣны ихъ не давали имъ возможности ознакомиться, ни съ характеромъ заведенія, ни съ ввѣренными имъ классами, что отражалось какъ на поведеніи, такъ и на ученіи воспитанниковъ. Кромѣ того, такъ какъ курсъ въ институтѣ въ этомъ году значительно былъ расширенъ, то и ученіе становилось труднѣе. Директоръ, или несочувствовавшій этому расширенію, или, какъ ближе стоявшій къ дѣлу и видѣвшій неудобства оного, въ томъ же отчетѣ за 1853 годъ донесъ попечителю, что развитіе институтскаго курса, отнимая, какъ показалъ опытъ, у нѣкоторыхъ воспитанниковъ надежду на успѣшное окончаніе оного, породило въ нихъ лѣнь и пагубное желаніе быть исключенными изъ института, для поступленія въ другой родъ службы. Слѣдствія такого порядка дѣлъ директоръ находилъ чрезвычайно вредными, какъ для воспитанниковъ, такъ и для заведенія, и, хотя и удостовѣрялъ, что характеръ массы воспитанниковъ еще по древнему хорошъ, но исключенія стали чаще и чаще, въ особенности между воспитанниками IV-го класса. На это попечитель отвѣтилъ директору¹⁾: что такихъ воспитанниковъ, конечно, не было бы въ IV-мъ классѣ, если бы въ низшихъ классахъ имѣли за ходомъ ученія должное наблюденіе и, на основаніи устава института, дѣлаемы были бы представленія объ исключеніи своевременно нерадивыхъ. „Эти упущенія — прибавлялъ попечитель, мною были замѣчены и при личномъ обзорѣ института осенью 1853 года и надѣюсь, что на будущее время сего не случится“.

Кромѣ того осенью 1853 года попечитель замѣтилъ въ институтѣ и еще одно важное упущеніе: онъ нашелъ многіе чертежи неудовлетворительными. Вслѣдствіе этого, поручено было одному изъ состав-

¹⁾ Дѣло института 1854 года № 22.

шихъ при немъ старшихъ ревизоровъ и директору чертежной Межевой канцеляріи—осмотрѣть въ подробности вообще всѣ чертежи, начиная съ III-го класса, и представить ему именной списокъ воспитанниковъ, съ обозначеніемъ дѣйствительныхъ ихъ знаній по черченію и каллиграфіи, то-есть по надписанію плановъ и картъ. Неудовлетворительно работавшихъ воспитанниковъ, изъ 174, нашлось 44. Воспитанникамъ велѣно заниматься внѣ класснаго времени по два раза въ недѣлю; главному преподавателю черченія полковнику Мамонтову и инспектору классовъ полковнику Станкару сдѣлано строгое замѣчаніе, а директору замѣчено, что экзаменные комитеты не обращали на черченіе должнаго вниманія и выставляли удовлетворительные баллы такимъ воспитанникамъ, которые весьма неукусно и даже плохо чертятъ.

При этомъ попечитель подтвердилъ, что искусное изображеніе ситуаций на картахъ и планахъ и таковое же надписываніе оныхъ должно составлять одинъ изъ главныхъ предметовъ знаній межеваго инженера и что никто не можетъ быть выпущенъ на межевую службу безъ удовлетворительнаго знанія означенныхъ предметовъ.

Скажемъ здѣсь, что съ конца 1868 года началось нѣкоторое охлажденіе попечителя къ директору института.

По словамъ современниковъ, многое, что вводилъ попечитель для научнаго образованія въ институтѣ, директору казалось неисполнимымъ. Преимущественно же онъ возставалъ, какъ мы и видѣли изъ его донесенія, протівъ расширенія курса и, затѣмъ, протівъ покупки дорогихъ инструментовъ, особенно для астрономической обсерваторіи. Не могъ онъ помириться и съ опредѣленіемъ астронома Швейцера, который, будучи подданнымъ Швейцарской республики, казался ему опаснымъ въ учебномъ русскомъ заведеніи; между тѣмъ Швейцерь, прожившій долгое время въ Россіи и все въ ней получившій, былъ не только Русскій въ душѣ, но самый строгій человекъ закона и чтившій русскихъ государей такъ, какъ дай Богъ всякому, что мы знали лично. Дѣло въ томъ, что тутъ встрѣтились два, если неравносильныхъ, то сильныхъ, но противоположныхъ характера. Съ одной стороны, кипучая дѣятельность Михаила Николаевича Муравьева, желавшаго вездѣ сдѣлать пресвѣщеніе и поднимать его выше и выше, не останавливавшася ни передъ какими препятствіями, не только передъ лѣнью мальчиковъ; съ другой—спокойная, ровная дѣятельность Смедкаго, также искренно желавшаго довести свое заведеніе до вы-

соты совершенства, но никакъ не достигавшаго, что эта высота должна заключаться въ высотѣ ученія.

Замѣтимъ здѣсь, въ оправданіе Сменцаго, что онъ, какъ человѣкъ, всю душу свою полагавшій въ заведеніи, сжившійся съ мальчиками, нравственно болѣвній о всякомъ исключаемомъ и желавшій каждому изъ воспитанниковъ, даже и слаботому, доставить извѣстное положеніе, естественно желалъ скорѣе понизить уровень образованія въ институтѣ, чѣмъ прибѣгать къ исключенію воспитанниковъ, и что, наконецъ, близо зная насущныя нужды заведенія и будучи вынужденъ тратить экономическія деньги для покупки дорогихъ инструментовъ, онъ сѣтовалъ на эти покупки, не приносящія, по его мнѣнію, пользы ни заведенію, ни вѣдомству, а производившіяся только въ виду достиженія отдаленныхъ цѣлей, на пользу науки. Понятно, что происходило нѣкоторое противодѣйствіе со стороны директора распоряженіямъ попечителя и что послѣднимъ это было замѣчено.

Въ 1853 году больныхъ воспитанниковъ перебувало въ лазаретѣ 420 человѣкъ; выздоровѣло 417; умерло 3.

Хозяйственная часть института, не смотря на увеличеніе расхода по военному положенію слишкомъ на нять тысячъ, которыя надо было покрыть изъ остатковъ, поддерживалась въ прежнемъ отличномъ состояніи.

Въ этомъ году возникло дѣло о пожертвованіи вдовою тайнаго совѣтника Вистицкаго капитала въ 8 т. руб. серебромъ на содержаніе изъ процентовъ съ онаго двухъ пансіонеровъ въ Константиновскомъ Межевомъ институтѣ, съ наименованіемъ ихъ пансіонерами тайнаго совѣтника, сенатора, Григорья Степановича Вистицкаго и артиллеріи подполковника Федора Николаевича Третьякова и съ предоставленіемъ г-жѣ Вистицкой пожизненнаго права выбора воспитанниковъ на эти вакансіи, долженствовавшія, по смерти ея, замѣщаться на общемъ основаніи,—что и было Высочайше утверждено 22-го іюня 1854 года; самый капиталъ внесенъ въ институтъ только въ 1859 и 1860 годахъ.

Въ 1853 году въ приходѣ съ остаточными было 62,376 руб. 49³/₄ коп., въ расходѣ 61,408 рублей 44 коп.; въ 1-му январѣ 1854 года осталось 968 рублей 5³/₄ коп. деньгами, да въ недоимкѣ, какъ прибавлялъ директоръ въ отчетѣ своемъ за 1853 годъ—6,637 руб. 4 к., употребленныхъ на устройство астрономической обсерваторіи и на необходимыя для нея инструменты. На это попечитель отвѣчалъ, что деньги сіи надлежитъ принять дѣйствительнымъ расходомъ изъ эконо-

номическихъ институтскихъ суммъ, а не заимообразнымъ, почему и предлагалъ ихъ въ недоимкѣ не числить. Замѣтимъ здѣсь, что означенныя деньги расходовались въ 1845, 1846, 1847 и 1848 годахъ и ни въ этихъ годахъ, ни въ послѣдующихъ, въ недоимкѣ не показывались. Ясно, что у директора съ 1853 года появился иной отъ попечителя взглядъ на обсерваторію, что отчасти служитъ также подтвержденіемъ выраженнаго нами выше мнѣнія на тогдашнія ихъ отношенія.

Личный составъ служащихъ въ институтѣ 1-го января 1854 года былъ слѣдующій:

Директоръ генераль-маіоръ Смецкій.

Инспекторъ полковникъ Станкаръ.

Помощникъ инспектора подполковникъ Гауссманъ.

Младшій штабъ-офицеръ полковникъ Флейшеръ.

Ротные командиры: капитаны Позняковъ и Аксеновъ.

Ротные офицеры: штабсъ-капитанъ Протопоповъ; межевой инженеръ штабсъ-капитанъ Мѣшковъ; межевой инженеръ поручикъ Полянцовъ; межевой инженеръ поручикъ Горскій; межевые инженеры поручикъ Полянский, пор. Ляховъ и пор. Якубовскій.

Экономъ и смотритель дома тит. сов. Сыроватскій.

Надзиратель при лазаретѣ тит. сов. Матвѣевъ.

Письмоводитель и бухгалтеръ тит. сов. Петровъ.

Его помощникъ кол. секр. Скрицкій.

Канцелярскіе служители:

Губернскій секр. Соколовъ, кол. рег. Макаровъ и Борисовъ.

Преподаватели:

Закона Божія—протоіерей Михаилъ Богдановъ.

Русскаго языка въ старшихъ классахъ—надв. сов. Дм. Ивановъ.

Русскаго языка въ младшихъ классахъ—кол. асс. Савельевъ.

Французскаго языка—тит. сов. Вивьенъ.

Нѣмецкаго языка—статскій совѣтн. Байеръ.

Естественныхъ наукъ—кол. сов. Ал. Ивановъ.

Минералогіи и геогнозіи—тит. сов. Ауэрбахъ.

Геодезіи и ситуациі въ старшихъ классахъ — полковникъ Мамонтовъ.

Геодезіи въ младшихъ классахъ—меж. инж. капитанъ Мейенъ.

Математики въ старшихъ классахъ—кол. сов. Ламовскій.

Математики и ситуациі въ младшихъ классахъ — меж. инж. шт.-кап. Александровъ.

Математики въ младшихъ классахъ—меж. инж. штабсъ-капитанъ
Эймонтъ.

Межевыхъ законовъ—меж. инж. капитанъ Стоцкій.

Гражданскихъ законовъ—надв. сов. Романовскій.

Исторіи—кол. сов. Куциба.

Русскихъ древностей—кол. сек. Забѣлинъ.

Географіи—надв. сов. Уминовъ.

Астрономъ Швейцеръ.

Военныхъ наукъ—Генеральнаго штаба капитанъ Гвоздевъ.

Рисованія въ старшихъ классахъ—академикъ Рабусъ.

Рисованія въ младшихъ классахъ—кол. сек. Мартыновъ.

Каллиграфіи—губ. сек. Сеженскій, кол. рег. Семеновъ.

Грузинскаго языка—священникъ Михаилъ Гурченадзе.

Татарскаго языка кандидатъ Махмудъ Измайловъ.

Изъ разсмотрѣнія этого личнаго состава видно, что въ числѣ ротныхъ офицеровъ было уже четверо изъ межевыхъ инженеровъ и что бѣльшая часть предметовъ специальныхъ, а равно и математическихъ, преподавались межевными же инженерами.

Учебный 1853—1854 годъ доведенъ былъ до экзаменовъ по тѣмъ программамъ, кои были утверждены въ 1853 году. Въ январѣ 1854 года директоръ получилъ, по представленію попечителя, орденъ св. Владиміра 3 степени и Михаилъ Николаевичъ сердечно поздравилъ его съ этою монаршею милостію. Видно, что онъ цѣнилъ дѣятельность Н. П. Смецкаго, хотя осенью 1853 года и напелъ въ институтъ не все въ такомъ видѣ, какъ ожидалъ; но онъ былъ увѣренъ, что генераль Смецкій исправитъ всѣ упущенія по учебной части. Это видно изъ всѣхъ его предписаній, въ которыхъ онъ возлагаетъ особенную надежду на знаніе дѣла и извѣстную ему попечительность директора.

Присутствіе попечителя на экзаменахъ 1853 года и особенно экстренное испытаніе, которое онъ сдѣлалъ VII и VIII классамъ не прошли безслѣдно для экзаменовъ 1854 года.

Было предписано во 1-хъ, ¹⁾: чтобы экзамены VII и VIII классамъ были произведены по окончаніи лагерей, послѣ 1-го августа, а не вмѣстѣ съ прочими классами, причемъ предлагалось, чтобы они сдѣланы были съ особымъ тщаніемъ и чтобы воспитанники спрашивались не только по предметамъ, преподаваемымъ въ ономъ, но изъ

¹⁾ Дѣло института 1854 года № 33, т. I.

всѣхъ спеціальныхъ частей, преподаваемыхъ въ VII классѣ, не останавливаясь притомъ спрашивать, по связи вопроса, и въ прочихъ даже начальныхъ частяхъ пройденной науки (скажемъ здѣсь, что это правило, относительно VIII класса, соблюдается и доселѣ въ институтѣ). Во 2-хъ, для экзамена прочихъ классовъ, которые должны были производиться съ мая, образовать три комиссіи:

Первую, для VI и V классовъ: изъ инспектора института, полковника Станкара; старшаго межеваго ревизора, полковника Берга; состоявшаго при управляющемъ Межевымъ корпусомъ подполковника Корсакова; инженеръ-капитана Мейена, старшаго преподавателя и класснаго офицера, а при испытаніи изъ межевыхъ законовъ и геодезии и директора чертежной межевой канцеляріи; вторую, для IV и III классовъ: изъ баталіоннаго командира полковника Флейшера; младшаго ревизора капитана Якушкина; инженеръ-штабсъ-капитана Эймонта; старшаго преподавателя и класснаго офицера; и третью, для II и I классовъ: изъ помощника инспектора, подполковника Гауссмана; ротнаго командира капитана Аксенова и класснаго офицера.

Во 3-хъ, при производствѣ испытаній, независимо отъ точнаго исполненія всѣхъ данныхъ по сему предмету правилъ, соблюдать: а) чтобы каждый изъ молодыхъ людей отвѣчалъ предъ всею комиссіею, а не передъ однимъ изъ членовъ, какъ это прежде допускалось; при томъ, чтобы они выводы свои дѣлали передъ комиссіею же на большихъ черныхъ доскахъ; и б) чтобы баллы выставлялись каждымъ членомъ комиссіи по своему усмотрѣнію и чтобы, по окончаніи каждаго засѣданія, члены комиссіи выставляли средній баллъ, принимая въ нѣкоторое соображеніе и классные баллы.

Директору предоставлялось быть въ каждой изъ комиссій, по его усмотрѣнію.

Директоръ, впрочемъ, уѣхалъ въ трехъ-мѣсячный отпускъ и должность его было поручено исправлять старшему межевому ревизору, полковнику Бергу.

Мы нарочно привели подробно составъ комиссій; составъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что особенно обилень лицами, не принадлежавшими къ институту. Въ прежнее время, и то только на экзаменахъ старшаго класса, присутствовалъ одинъ изъ межевыхъ ревизоровъ; въ комиссіи же 1854 года назначено четверо постороннихъ. Кромѣ того, какъ видно, по указаніямъ помечителя, были составлены, для руководства комиссій, во 1-хъ, особое соображеніе, по скольку воспитанниковъ спрашивать изъ каждаго предмета въ часъ, и во 2-хъ, пол-

ный сводъ правилъ, извлеченный изъ постановленій и предписаній попечителя: а) о порядкѣ производства испытаній; б) о порядкѣ перевода изъ класса въ классъ, и в) о порядкѣ перевода воспитанниковъ VII класса въ VIII и выпускѣ ихъ, какъ изъ VII, такъ и изъ VIII классовъ.

Какъ образецъ, какимъ образомъ было составлено соображеніе о времени, потребномъ для экзамена изъ каждаго предмета, приводимъ это соображеніе для VI класса, какъ весьма интересное въ своемъ родѣ. Изъ закона Божія было назначено спросить 8 человекъ въ часъ; изъ русскаго языка — 4-хъ; изъ французскаго — 5-хъ; изъ нѣмецкаго — 8; изъ русской исторіи, въ связи съ археологіею — 4-хъ; изъ алгебры — 2-хъ; изъ сферической тригонометріи — 2-хъ; изъ аналитической геометріи — 3-хъ; изъ геодезіи — 3-хъ; изъ математической географіи — 4-хъ; изъ химіи — 4-хъ; изъ зоологіи — 8; изъ законовѣдѣнія — 4-хъ; изъ межевыхъ законовъ — 3-хъ; изъ архитектуры — 8.

Такія же соображенія были составлены и для каждаго класса и, по словамъ подвергавшихся въ томъ году испытаніямъ, были выполнены съ педантическою точностію.

Экзамены младшихъ шести классовъ были произведены въ 1854 году съ 3 мая по 15 іюня.

Экзаменъ изъ закона Божія удостоилъ своимъ присутствіемъ митрополитъ Филаретъ, вмѣстѣ съ своимъ викаріемъ епископомъ Алексіемъ, и отвѣтами воспитанниковъ остался доволенъ.

Съ 15 іюня по 31 іюля воспитанники старшихъ семи классовъ находились въ лагеряхъ, гдѣ упражнялись во всѣхъ родахъ межеванія и геодезическихъ работъ.

Экзамены VII-му и VIII-му классамъ были произведены съ 2-го по 17-е августа двумя комиссіями, составленными изъ тѣхъ же лицъ, кои были упомянуты. На экзаменахъ присутствовалъ попечитель, аккуратно пріѣзжая къ 10 часамъ утра и оставая институтъ въ 3 и 4 часа по полудни.

Результаты экзаменовъ 1854 года оказались далеко не столь благоприятными, какъ въ прежніе года.

Изъ 243-хъ воспитанниковъ, подвергавшихся испытанію:

Выпущено на службу:

Межевymi инженеръ-прапорщниками	13
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса .	1
Младшими землемѣрными помощниками:	
Съ чиномъ XIV класса	2

Безъ чина	7
Переведено въ высшіе классы	171
Опредѣлено на основаніи § 41 устава института въ топографы.	5
Опредѣленъ рядовымъ	1
Возвращено родителямъ за малоусѣбность	22
Возвращено родителямъ по ихъ просьбѣ	7
Осталось въ тѣхъ же классахъ	14

Попечитель остался крайне недоволенъ экзаменами. Публичный экзаменъ окончился 17-го августа, а отъ 18 и 19 того же мѣсяца ¹⁾ послѣдовала рядъ предписаній по устройству учебной части, одно другого длиннѣе и подробнѣе. Такъ, отъ 18 августа попечитель писалъ: „При должномъ строгомъ наблюденіи за преподавателями и при точномъ исполненіи своихъ обязанностей инспекторомъ классовъ, ротными командирами и офицерами, нерадивые воспитанники были бы своевременно побуждаемы къ лучшему ученью, какъ приличными внушеніями, такъ и установленными наказаніями, и тогда, конечно, не было бы вынуждено начальство исключать и возвращать родителямъ, за негодностію, значительнаго числа воспитанниковъ, даже изъ высшихъ классовъ“. „Лично усмотрѣнное мною, при нынѣшнихъ экзаменахъ, неустройство въ ученіи по многимъ предметамъ преподаванія въ институтѣ вынуждаетъ меня поставить вашему превосходительству все сіе на видъ, объявить отъ меня строжайшій выговоръ инспектору классовъ, полковнику Станкару, поручая вамъ съ тѣмъ вмѣстѣ, согласно личнымъ моимъ указаніямъ, принять мѣры къ предупреденію на будущее время сязанныхъ неустройствъ и установленію строжайшаго наблюденія за воспитанниками, какъ въ классахъ, такъ и внѣ оныхъ, учредивъ и за самими преподавателями тѣхъ предметовъ, по коимъ замѣчено было менѣе успѣховъ, ближайшій надзоръ и перемѣнныя оказавшихся изъ нихъ мало надежными“.

Перемѣна началась съ инспектора классовъ. Въ августѣ же мѣсяцѣ 1854 года полковникъ Станкаръ подалъ въ годовой отпускъ, а потомъ былъ уволенъ и вовсе отъ службы по болѣзни ²⁾. Должность его поручено было исправлять баталіонному командиру, полковнику Флейшеру. Затѣмъ, преподаваніе геодезій въ V, VI, VII и VIII классахъ, вмѣсто полковника Мамонтова, поручено было инженеръ-капитану Мейену, а въ III и IV классахъ—инженеръ штабсъ-капитану Эй-

¹⁾ Дѣло института 1854 года, № 33.

²⁾ Въ сентябрѣ 1856 года.

монту, и сдѣланы нѣкоторыя перемены и въ другихъ преподавателяхъ.

Отъ 19 августа писано: а) Для единства въ ходѣ и направленіи преподаванія математики въ институтѣ, старшему учителю математики, Ламовскому—, занимавшемуся уже въ теченіе 11 лѣтъ преподаваніемъ сего важнѣйшаго предмета въ институтѣ и постоянно отличавшемуся какъ яснымъ и точнымъ изложеніемъ математическихъ наукъ, такъ и строгимъ наблюденіемъ за усидчивымъ изученіемъ оныхъ воспитанниками—, принять на себя званіе наставника-наблюдателя по математикѣ, на правахъ таковыхъ же въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и б) По замѣченному недостатку въ учебныхъ пособияхъ, какъ-то: въ географическихъ картахъ, инструментахъ для преподаванія высшей геодезіи, физики и соединенной съ нею механики, предложено—пополнить этотъ недостатокъ; равно предложено, назначенные по штату института 300 рублей на приумноженіе библиотеки расходовать сполна на этотъ предметъ.

Но главнѣйшимъ распоряженіемъ попечителя, послѣ экзаменовъ 1854 года, было предписаніе, чтобы установленная § 58-мъ Устава Института конференція „воспріяла полное свое дѣйствіе и чтобы въ оной постоянно разсматривались и обсуждались съ должнымъ тщаніемъ и подробностію все предметы, относящіеся до учебной части“.

Замѣтимъ здѣсь, что конференція, постановленная уставомъ 1844 года, хотя въ самомъ началѣ своего учрежденія и проявила дѣятельность, которая выражалась въ рапортахъ ея попечителю, но потомъ, съ 1850 года, совсѣмъ замолкла, такъ что даже переводы изъ класса въ классъ и выпуски воспитанниковъ дѣлались особыми экзаменными коммиссіями, а не конференцію. По крайней мѣрѣ, съ 1850 по 1854 годъ, нѣтъ ни протоколовъ конференціи, ни рапортовъ, ни даже никакого слѣда засѣданій оной. Думать надо, что, впрочемъ, подтверждаютъ и современники, что генераль Сметкій, любившій распоряжаться у себя самостоятельно, преднамѣренно не давалъ ей жизни. Попечитель же, справедливо полагая, что, для прочнаго устройства учебной части, конференція необходима, предписалъ:

1) Чтобы конференція постоянно собиралась, но крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ (первый вторникъ каждаго мѣсяца) или и чаще, по усмотрѣнію директора, и чтобы на обсужденіе ея вносило было все относящееся до учебной части института, дабы, сообража-

ясь съ указаніями оной, направляемы были, какъ преподаватели, такъ и вообще кодъ всего ученія къ указанной въ законахъ цѣли.

2) Чтобы по каждому засѣданію конференціи были составляемы постановленія, въ которыхъ должны быть изложены въ подробности какъ всѣ предложенные предметы къ обсужденію и вообще заключеніе по онымъ конференціи, такъ и отдѣльныя мнѣнія членовъ, если таковыя были.

3) Чтобы постановленія сіи были представляемы къ подписанію всѣхъ членовъ, отнюдь не позже семи дней послѣ засѣданія и притомъ были составляемы со всею подробностію, дабы ни одно особо объявленное мнѣніе и сужденіе члена не было пронущено въ изложеніи, и чтобы копіи съ этихъ постановленій были представляемы попечителю на разсмотрѣніе и утвержденіе, какъ повелѣно § 53 устава института, или для свѣдѣнія; и

4) Чтобы инспекторъ классовъ лично доводилъ до свѣдѣнія конференціи о всемъ замѣченномъ имъ по предметамъ ученія и вообще преподаванія въ институтѣ, требующемъ особаго обсужденія и направленія; равнымъ образомъ, чтобы и прочіе члены конференціи, не ограничиваясь собственно предметомъ ихъ преподаванія, указывали конференціи на имѣющееся у нихъ въ виду (по связи съ порученнымъ имъ ученіемъ) положеніе преподаванія и въ другихъ вспомогательныхъ частяхъ.

Членами конференціи, кромѣ инспектора классовъ, бывшаго членомъ по закону, были назначены вновь старшіе преподаватели по специальнымъ предметамъ: коллежскій совѣтникъ Ламовскій, астрономъ Швейцеръ, инженеръ-капитанъ Мейенъ, инженеръ-штабсъ-капитанъ Стоцкій, коллежскій совѣтникъ Ивановъ (Александръ), коллежскій совѣтникъ Ивановъ (Дмитрій) и младшій межевой ревизоръ Якушкинъ, на котораго возлагалось и веденіе протоколовъ. Кромѣ того, въ конференцію для объясненій могли быть приглашаемы и другіе преподаватели, по усмотрѣнію директора.

Наконецъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы вообще практическая и спеціальная части ученія въ институтѣ были постоянно направляемы къ единообразной цѣли, соображаясь съ дѣйствительною потребностію Межеваго корпуса, попечитель призналъ совершенно необходимымъ, чтобы въ обсужденияхъ конференціи принималъ непосредственное участіе и предсѣдатель Межевой канцеляріи. Поэтому онъ и предложилъ тогдашнему предсѣдателю, полковнику Гедеонову, присутствовать въ конференціи, когда найдетъ онъ это нужнымъ, по роду

предложенныхъ къ слушанію дѣлъ. При этомъ, предсѣдатель Межевой канцеляріи долженъ былъ принимать полное участіе во всѣхъ сужденіяхъ конференціи и, какъ ближайшій распорядитель Межеваго управленія въ Москвѣ, подписывать постановленія оной на сторонѣ, въ рядъ съ подписью директора института; онъ долженъ былъ также особня замѣчанія свои, заявленныя въ конференціи, представлять прямо попечителю.

Было сдѣлано также распоряженіе, чтобы въ конференціи присутствовали и помощникъ управляющаго Межевымъ корпусомъ, полковникъ Зеленый.

Люди, хорошо знавшіе генерала Смедкаго, разказываютъ, что ему очень не нравилось назначеніе постороннихъ институту лицъ въ конференцію. Это неудовольствіе выразилось тѣмъ, что онъ не присутствовалъ на первомъ засѣданіи конференціи.

Первое засѣданіе обновленной конференціи состоялось 28 августа, подъ предсѣдательствомъ исправлявшаго должность помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ и въ присутствіи предсѣдателя Межевой канцеляріи.

Главнымъ предметомъ засѣданія было разсмотрѣніе въ подробности новаго распредѣленія уроковъ на учебный 1854—1855 годъ. Были также разсмотрѣны программы русскаго языка, естественныхъ наукъ и архитектуры.

Перечень уроковъ на новый учебный годъ былъ составленъ конференціею и утвержденъ попечителемъ въ слѣдующемъ видѣ:

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы.								Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Русскій языкъ	3	3	3	3	2	2	2	1	19
Французскій языкъ	3	3	3	2	2	2	2	2	19
Нѣмецкій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Ариметика	3	1	1	—	—	—	—	—	5
Алгебра	—	1	1	1	1	1	—	—	5
Геометрія	2	2	2	2	1	—	—	—	9
Плоская и сферическая тригонометрія	—	—	—	—	1	1	—	—	2
Приложеніе алгебры къ геометріи и аналитическая геометрія	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Дифференціальныя и интегральныя исчисленія	—	—	—	—	—	—	—	2	2

26

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы.								Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Геодезія высшая и высшая	—	—	2	2	2	2	2	3	13
Математическая географія . . .	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Астрономія	—	—	—	—	—	—	1	3	4
Магнитныя и метеорологиче- скія наблюденія	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Законовѣдѣніе	—	—	—	2	1	1	1	—	5
Межевые законы	—	—	—	1	3	3	3	2	12
Военныя науки	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Архитектура	—	—	—	—	1	1	1	1	4
Географія	2	3	2	2	—	—	—	—	9
Статистика	—	—	—	—	1	1	1	—	3
Исторія общая и русская . . .	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Естественныя науки.	Физика и математика	—	—	—	2	2	1	—	5
	Химія	—	—	—	—	—	2	—	2
	Агрономія	—	—	—	1	—	—	—	1
	Повтореніе естественныхъ наукъ	—	—	—	—	—	—	1	1
	Минералогія	—	—	—	—	—	1	—	1
Геогнозія	—	—	—	—	—	—	2	2	
Каллиграфія и надписываніе плановъ	3	3	2	2	2	1	1	—	14
Ситуація и черченіе плановъ	3	3	3	2	2	2	1	1	18
Рисованіе	2	2	2	1	1	1	1	1	11
Итого	24	24	24	24	24	24	24	23	

12

Сравнивая этотъ переченьъ уроковъ съ 1853 годомъ, видно, что измѣненія сдѣланы небольшія, за исключеніемъ отдѣленія статистики отъ географіи и назначенія на первый предметъ особаго преподавателя.

Въ послѣдующія засѣданія, которыя уже происходили подъ предсѣдательствомъ директора института, конференція занималась, по преимуществу, разсмотрѣніемъ различныхъ программъ и затѣмъ особенно много было разсуждаемо о преподаваніи географіи, которое шло въ институтѣ не совсѣмъ удовлетворительно.

Отмѣтимъ здѣсь два постановленія конференціи, особенно заслуживающія вниманія: 1) Для того, чтобы удостовѣриться, что все, положенное по программамъ, въ теченіе академическаго года будетъ пройдено, постановлено: поручить преподавателямъ обозначать по-

мѣсячно, что они полагаютъ пройти въ каждомъ классѣ, за чѣмъ и имѣтъ наблюденіе инспектору классовъ. При этомъ г. Ламовскій заявилъ, что для лучшей видимости успѣховъ преподаванія было бы полезно завести во всѣхъ классахъ особыя книги, для записыванія преподавателями своихъ занятій въ продолженіе каждаго урока. Съ этимъ конференція согласилась и ясно, что это правило, при которомъ можно было постоянно слѣдить какъ за тѣмъ, что пройдено, такъ и за тѣмъ, что имѣетъ быть пройдено, а слѣдовательно и регулировать занятія учителя, было дѣйствительно практическое и полезное и, какъ таковое, соблюдается и до настоящаго времени; и

2) Порученіе составить подробныя распредѣленія практическихъ занятій, какъ по межеванію, такъ и по геодезін, которыя и были составлены гг. Стоцкимъ и Мейеномъ для каждаго класса и разсмотрѣны конференціею.

Упомянемъ здѣсь также, что конференція предполагала ввести преподаваніе военно-уголовныхъ законовъ въ VIII-мъ классѣ, назначивъ для сего особый годовой урокъ, но попечитель не нашелъ это удобнымъ, такъ какъ военно-уголовные законы назначены къ преподаванію въ общей программѣ законовѣднія, а призналъ только полезнымъ, для ознакомленія воспитанниковъ съ практическимъ военнымъ судопроизводствомъ, назначить въ концѣ курса нѣсколько уроковъ на сей предметъ, пригласивъ, для указанія учащимся всѣхъ формъ и вообще порядка военнаго судопроизводства, аудитора военно-судной комиссіи Межевой канцеляріи.

Съ 1854 года всѣ постановленія конференціи представлялись или на утвержденіе, или для свѣдѣнія, попечителю; протоколы ея велись правильно и она получила дѣйствительное значеніе въ учебной жизни института.

Въ 1854 году послѣдовалъ указъ сената управляющему Межевымъ корпусомъ, іюня 28-го № 34209, о Высочайше утвержденномъ 22-го мая положеніи военнаго совѣта, касательно предоставленія Войску Донскому, для воспитанія дѣтей, трехъ вакансій въ институтѣ съ платою по 350-ти рублей за каждаго пансіонера ежегодно и соблюденіемъ правилъ, опредѣленныхъ въ уставѣ института, относительно приѣма воспитанниковъ.

Въ 1854 году приняли дѣятельное участіе трое изъ состоявшихъ при институтѣ лицъ въ ученой экспедиціи въ Астраханскую губернію на гору Богдо...

Извѣстіе о мѣсторожденіи сѣрни въ окрестностяхъ горы Большаго

Богдо, сообщенное въ томъ году Императорскому Русскому Географическому обществу, побудило сіе послѣднее снарядить экспедицію, для обстоятельнаго дознанія такого важнаго открытія. Положено было: изслѣдовать въ подробности геологическое и минералогическое строеніе мѣстности, содержащей сѣру и всѣхъ горъ, прилежащихъ къ Богдо въ степяхъ Астраханской губерніи; составить планы мѣстности и горъ, смотря по важности, въ разныхъ масштабахъ; произвести нивелированіе мѣстности и особенно горъ; опредѣлить астрономическими наблюденіями положеніе ихъ по широтѣ и долготѣ; составить общую карту горъ и степи, произведя для этой цѣли главокрѣпную съемку въ различныхъ направленіяхъ; и, наконецъ, собрать статистическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ.

Для выполненія означенной программы, составъ экспедиціи былъ слѣдующій: преподаватель института геологъ, И. Б. Ауэрбахъ; межевые инженеры: подпоручики Троицкій и Смирнитъ, которымъ поручены геодезическія и астрономическія работы; топографъ-рисовальщикъ Чередуевъ, для снятій видовъ и начальникъ экспедиціи полковникъ Межеваго корпуса И. П. Корниловъ, принявшій на себя трудъ собранія статистическихъ свѣдѣній.

Вскорѣ послѣ прибытія членовъ экспедиціи на мѣсто изслѣдованія, въ августѣ 1854 года, вопросъ о мѣсторожденіяхъ сѣры рѣшился отрицательно, — сѣра оказалась только въ одномъ изъ кургановъ близъ Богдо, прозваннаго сѣринимъ, отдѣльными кусочками въ очень небольшомъ количествѣ; тѣмъ не менѣе, по донесеніи о томъ Географическому обществу, экспедиція продолжала работы, согласно данной программѣ.

Изслѣдія г. Ауэрбаха преимущественно относились къ Большому Богдо ¹⁾ и Баскунчакскому соляному озеру, которыя своимъ уединеннымъ положеніемъ, среди обширной и ровной степи, привлекали вниманіе геолога. Въ теченіе мѣсяца ему удалось сдѣлать вертикальный разрѣзъ горы и такимъ образомъ опредѣлить геологическое строеніе отъ вершины до ея основанія, спускающагося къ уровню Баскунчакскаго озера (высота Богдо надъ озеромъ 562 фута); произвестъ буреніе этого озера; собрать богатую коллекцію окаменѣлостей, травъ и насѣкомыхъ, въ числѣ которыхъ есть экземпляры, прежде нигдѣ незамѣченные; сдѣлать метеорологическія и магнитныя наблюденія.

¹⁾ Гора Большой Богдо и озеро лежатъ въ 40 верстахъ къ востоку отъ города Чернаго-Яра на Волгѣ.

Остальные горы Киргизской степи, за исключеніем Чапчачи, въ бургах которой обнаружены залежи превосходной по чистотѣ каменно-кристаллической соли, не представили особеннаго интереса и потому посѣщены были имъ только короткое время.

Результаты этихъ изысканій помѣщены въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго общества за 1871 годъ, подъ рубрикой „Гора Богдо; изслѣдованія, произведенныя по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго общества въ 1854 году И. В. Ауэрбахомъ“ съ предисловіемъ г. Траутшольда.

Члены экспедиціи Троицкій и Смиргинъ, тѣмъ временемъ, какъ г. Ауэрбахъ изслѣдовалъ Богдо, принявъ исходнымъ пунктомъ Саренту (Саратовской губерніи), хронометрическою поѣздкою внутрь Киргизской степи, опредѣлили нѣсколько (шесть) пунктовъ по широтѣ и долготѣ; потомъ сняли два плана Большаго Богдо, одинъ въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ и другой, по указанію г. Ауэрбаха на болѣе интересную часть горы — 50 саж. въ дюймѣ; произвели топографическое и геодезическое нивелированіе, что дало впоследствии возможность составить профиль Богдо по главнымъ его скатамъ.

Нивелированіе и снятіе плановъ на Чапчачи и другія горы выполнено во время вторичнаго путешествія въ степь, вмѣстѣ съ г. Ауэрбахомъ. Этимъ вторымъ рейсомъ пространство степи между изслѣдуемыми горами было прослѣжено еще разъ и пополнены пропуски, оказавшіеся въ прежнихъ картахъ, — Гёбеля 1884 года и землемѣрной картѣ Астраханской губерніи 1841 года.

Въ срединѣ октября, на возвратномъ пути въ Москву, по окончаніи работъ на Богдо, экспедиція останавливалась нѣсколько дней въ Жигулѣвскихъ горахъ Самарской Луки (противъ Самары на Волгѣ), для осмотра, такъ называемаго, „Сѣрнаго городка“, въ которомъ, во время Императрицы Екатерины II, выплавлялась сѣра изъ горныхъ породъ и гдѣ еще и теперь видны остатки отъ развалинъ печей. Минералогическое изслѣдованіе городка показало г. Ауэрбаху, что причиною прекращенія выплавки сѣры могла быть только бѣдность горныхъ породъ содержаніемъ добываемаго вещества.

Описаніе путешествія и результаты астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ работъ, произведенныхъ гг. Троицкимъ и Смиргинимъ, напечатаны въ „Запискахъ Военно-Топографическаго Депо“ за 1860 годъ, въ XXI томѣ.

Планы, профили горъ и карта Киргизъ-Кайсацкой степи приложены къ геологическому отчету г. Ауэрбаха.

Для музея института, библиотеки, астрономической и магнитной обсерваторий приобретено в 1854 году, по преимуществу по инициативѣ самого попечителя, значительное число инструментовъ и сочиненій.

Надзоръ за воспитанниками былъ по прежнему возложенъ на классныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ. Но на практикѣ дѣло сложилось такъ, что классные офицеры блюли по преимуществу учебную, а затѣмъ и нравственную часть, а ротные командиры, по преимуществу, нравственную часть, наружный порядокъ, и занимались фронтомъ.

Больныхъ воспитанниковъ перебивало въ лазаретѣ въ 1854 году 478 человекъ, которые всѣ выздоровѣли.

Сумма поступило въ институтъ въ 1854 году 63,842 рубля $12\frac{3}{4}$ коп., израсходовано 63,002 рубля 83 коп., осталось въ 1-му января 1855 года 839 р. $29\frac{3}{4}$ коп.

По окончаніи учебнаго 1854—1855 года экзамены 1855 года были произведены въ низшихъ шести классахъ съ 6-го мая по 13-е июня, тѣмъ же порядкомъ какъ и въ 1854 году; въ V и VI классахъ на экзаменахъ изъ геодезіи поручено было присутствовать астроному Швейцеру, а изъ математики, по возможности, Ламовскому, какъ наставнику-наблюдателю этого предмета. Во время экзаменовъ, въ конференціи возникъ вопросъ, можно ли допускать переэкзаменовки воспитанникамъ, рѣшенный ею, съ нѣкоторыми ограниченіями, утвердительно. На представленіе по этому предмету, попечитель отвѣчалъ ¹⁾, что хотя онъ находитъ болѣе правильнымъ—совершенно не допускать воспитанникамъ переэкзаменовываться, но на этотъ разъ разрѣшаетъ, согласно съ большинствомъ мнѣній членовъ конференціи, допустить воспитанниковъ, получившихъ неудовлетворительные баллы изъ одного какого бы то ни было предмета, къ переэкзаменованію, но съ тѣмъ, во 1-хъ, чтобы переэкзаменованіе сіе было дозволено тѣмъ только изъ сказанныхъ воспитанникамъ, которые выдержали вполне удовлетворительный экзаменъ изъ прочихъ предметовъ; во 2-хъ, чтобы экзаменъ этотъ не ограничивался только тѣмъ предметомъ, изъ котораго воспитанники будутъ переэкзаменовываться, но сдѣлано было испытаніе во всѣхъ предметахъ, имѣющихъ связь съ первымъ; и наконецъ, въ 3-хъ, чтобы сказанное переэкзаменованіе было произведено съ особою строгостію, дабы не дать на будущее время

¹⁾ Дѣло института 1855 года, № 32.

воспитанникамъ повода думать, что они могутъ избѣгнуть установленнаго для всѣхъ ихъ товарищей общаго экзамена.

Весьма поучительно для насъ указаніе, какъ смотрѣлъ Михаилъ Николаевичъ на переэкзаменовки. Онъ до такой степени считалъ важнымъ правильное и строгое производство этихъ переэкзаменовокъ, что впоследствии, во время самыхъ переиспытаній поручилъ на нихъ присутствовать своему помощнику, полковнику Геденову.

Полевыя практическія занятія воспитанниковъ происходили по программѣ, составленной конференціею въ минувшемъ году, и согласно распредѣленію времени, также рассмотрѣнному конференціею и утвержденному попечителемъ. Они начались 15-го іюня и окончились 6-го августа. Попечитель, удостовѣрившись въ минувшихъ годахъ, что учебная часть идетъ въ институтѣ не вполне удовлетворительно, пожелалъ узнать—производятся ли и практическія упражненія воспитанниковъ въ лагерное время на самомъ дѣлѣ должнымъ образомъ, а не дѣлаются ли только для наружнаго виду, почему и призналъ нужнымъ повѣрить на мѣстѣ порядокъ и самый успѣхъ производства работъ воспитанниковъ.

Въ этихъ видахъ, онъ составилъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ межеваго ревизора, полковника Красникова, изъ трехъ, изъ числа старшихъ, межевыхъ чиновъ, которой поручилъ подробный осмотръ и ревизію практическихъ занятій воспитанниковъ, соображаясь съ утвержденною программю и повѣривъ на самомъ дѣлѣ правильность составленныхъ воспитанниками плановъ, мензурныхъ и глазомерныхъ съемокъ и особо практическія ихъ занятія въ межевомъ дѣлѣ и обративъ особенно строгое вниманіе на то, дѣйствительно ли воспитанники сами все исполняли съ должнымъ понятіемъ дѣла ¹⁾.

Донесенія о результатахъ этой ревизіи въ нашихъ рукахъ нѣтъ. Но изъ разказовъ очевидцевъ мы знаемъ, что комиссія нашла множество упущеній, отчасти дѣйствительныхъ, отчасти мнимыхъ.

Полковникъ Красниковъ былъ въ высшей степени человекъ добросовѣстный, но никогда не могшій отрѣшиться отъ исполненія буквы, а не мысли, предписанія. Старинный землемѣръ, онъ, говорить, повѣрялъ глазомерную съемку цѣпью, и примѣрныя дачи, снятыя воспитанниками, точно такъ, какъ бы повѣрялъ дѣйствительное межеваніе, и никакъ не могъ, или не хотѣлъ понять, что ошибки

¹⁾ Дѣло института 1855 года, № 19.

свойственны обученію и что отъ учащихъ нельзя еще требовать полнаго знанія дѣла. Во всякомъ случаѣ, Михаилъ Николаевичъ остался недоволенъ лагерными работами и тогда же рѣшился прискивать инспектора классовъ, мѣсто котораго, за выходомъ полковника Станкара, оставалось вакантнымъ.

Повѣрочныя комиссіи съ этого года вошли въ обычай и назначаются каждый разъ для повѣрки практическихъ работъ воспитанниковъ.

Съ 9-го по 24-е августа были произведены экзамены VII и VIII классамъ двумя комиссіями, въ которыхъ участвовали межевые ревизоры полковники Бергъ и Красниковъ и капитанъ Якушкинъ и на конхъ присутствовалъ и помощникъ управляющаго, полковникъ Гедеоновъ.

Попечитель и самъ пріѣзжалъ на каждый экзаменъ и съ 9 часовъ утра высиживалъ до самаго конца экзаменовъ, то-есть до 3 и 4 часовъ вечера.

Это личное участіе попечителя въ экзаменахъ было чрезвычайно полезно; онъ не только узнавалъ тутъ ходъ преподаванія и степень познаній воспитанниковъ, но и знакомился съ ними самими, такъ что часто дѣлалъ впоследствии служебныя назначенія, смотря по ознакомленію своему съ тѣмъ или другимъ лицомъ на экзаменахъ.

Соображенія о выпускѣ и переводѣ воспитанниковъ изъ класса въ классъ въ этомъ году были сдѣланы уже конференціею.

Результаты экзаменовъ 1855 года были слѣдующіе:

Изъ 237 экзаменовавшихся:

Выпущено на службу:

Межевымъ инженеръ-подпоручикомъ	1
Межевими инженеръ-прапорщиками	6
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ VII-го класса	2
Младшими землемѣрными помощниками: съ чиномъ XIV-го класса	10
безъ чина	6
Переведено въ слѣдующіе классы	176
Исключено на основаніи § 41 уст. инст. въ топографы Межеваго корпуса	3
Уволено по просьбѣ родителей	8
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	25

Предъ наступленіемъ новаго курса, конференція занялась состав-

леніемъ подробнаго росписанія предметовъ ученія по классамъ и назначеніемъ самаго времени преподаванія оныхъ; при этомъ противъ курса 1854—1855 года сдѣлано по нѣкоторымъ предметамъ прибавленіе или уменьшеніе уроковъ, соображаясь съ успѣхами воспитанниковъ и дѣйствительною потребностію, и составлены нѣкоторые постановленія, которыя мы здѣсь и приводимъ:

1) Изъ числа назначенныхъ въ II, III и IV классахъ уроковъ на русскій языкъ, отдѣлено по одному уроку исключительно на диктантъ, для видимости не только успѣховъ въ правописаніи, но и въ скорописаніи;

2) прибавлено во II и III классахъ по одному уроку для практическихъ занятій по ариметикѣ и алгебрѣ съ тою цѣлію, чтобы воспитанники приобрѣтали навыкъ къ сворому соображенію и примѣненію теоретическихъ правилъ къ рѣшенію задачъ;

3) положено требовать отъ воспитанниковъ на переходныхъ экзаменахъ отвѣтовъ по каждому предмету изъ всего пройденнаго въ предшествовавшихъ классахъ, за исключеніемъ исторіи, которую спрашивать только русскійскую, а изъ общей новой то, что въ связи съ русскою исторіею; и

4) При изученіи законовѣдѣнія и военно-уголовнаго судопроизводства, по примѣру преподаванія мезевыхъ законовъ, положено упражнять воспитанниковъ въ приисканіи статей изъ свода законовъ Россійской имперіи, что значительнымъ образомъ должно было облегчить изученіе законовѣдѣнія и привести воспитанникамъ ту несомнѣнную пользу, что ознакомить ихъ съ системою законовъ.

Мы представляемъ здѣсь краткую сравнительную таблицу тѣмъ предметамъ, по коимъ сдѣланы измѣненія.

Классы.	Число уроковъ.	Курсъ 1854—1855 года.	Классы.	Число уроковъ.	Курсъ 1855—1856 года.
---------	----------------	-----------------------	---------	----------------	-----------------------

Русскій языкъ.

3	Практически начальныя основанія грамматики, до раздѣленія предложень по составу.	I	3	Чтеніе съ разказомъ содержанія прочитаннаго. Ученіе наизусть. О составѣ предложенья и отсюда о частяхъ рѣчи и ихъ примѣненіяхъ. Пра-
---	--	---	---	--

Класс.	Число уроков.	Курсъ 1854—1855 года.
II	3	Окончаніе этимологій.
III	3	Правописаніе и синтаксисъ.
IV	3	Повтореніе пройденнаго въ трехъ первыхъ классахъ.
V	2	Теорія прозы, заключающая въ себѣ ученіе о словѣ и видахъ прозаическихъ сочиненій.

Класс.	Число уроковъ.	Курсъ 1855—1856 года.
II	2	Этимологія во всей подробности. Чтеніе и изложеніе на бумагѣ прочитаннаго. 1 Правописаніе, соединенное съ чистописаніемъ.
III	2	Синтаксисъ. Орфографія. Переводы письменные съ иностранныхъ языковъ съ оцѣнкой передачи мысли и правильности языка. Переложеніе изъ стиховъ въ прозу и упражненія въ извлеченіяхъ. 1 Правописаніе, соединенное съ чистописаніемъ.
IV	1	Словесность (теорія прозы) и грамматическій разборъ. 1 Извлеченія и переводы. Главное вниманіе должно быть обращено на грамматическую правильность языка и вѣрность извлеченій и переводовъ. 1 Правописаніе, соединенное съ чистописаніемъ.
V	1	Словесность (теорія поэзіи). 1 Переводы, упражненія въ извлеченіяхъ и со-

Классы.	Число уроков.	Курсъ 1854—1855 года.	Классы.	Число уроков.	Курсъ 1855—1856 года.
VI	2	Общій и частный отдѣлы теоріи поэзіи.	VI	1	Исторія русской литературы.
				1	Извлеченія, переводы и составленіе дѣловыхъ писемъ.
VII	2	Древній и новый періоды исторіи русской словесности.	VII	2	Практическія упражненія. Монографіи по указанію специалистовъ; переводы и дѣловыя письма. Повтореніе и экзаменъ по всему курсу.
VIII	1	Практическія занятія въ сочиненіяхъ и повтореніе всего курса.	VIII	1	То же.

Статистика.

V	1	Введеніе въ статистику, ея исторія въ древніе, средніе и новые вѣка. Источники и матеріалы. Изъ статистики населенія до состава населенія Россіи.	V	2	Статистика Россіи съ сравненіемъ главнѣйшихъ нашихъ статистическихъ данныхъ съ таковыми же другихъ государствъ.
VI	1	Источники и матеріалы для статистики населенія; движеніе населенія.	VI	1	Окончаніе статистики Россіи въ той же системѣ.
VII	1	Статистика хозяйственная, нравственная и юридическая.	VII	1	Составленіе извлеченій изъ разныхъ статистическихъ матеріаловъ, съ цѣлю приучить воспитанниковъ собирать и составлять по источни-

Классы.

Число уроковъ.

Курсъ 1854—1855 года.

Классы.

Число уроковъ.

Курсъ 1855—1856 года.

кавъ статистическія свѣдѣнія.

VIII 1 То же.

Архитектура.

V	1	Общее понятіе объ архитектурѣ. Ордена, ихъ черченіе и черченіе іоническаго завитка.	VI	1	Теорія архитектуры. Черченіе ордеровъ.
VI	1	Опредѣленіе свойствъ грунта, сондировка, строительные матеріалы.	VII	2	Матеріалы и практическая архитектура. Составленіе проектовъ и смѣтъ по различнымъ постройкамъ.
VII	1	Объ основаніяхъ зданій и устройствѣ фундаментомъ и каменныхъ стѣнъ.	VIII	1	Постройка мостовъ, устройствъ береговыхъ и рѣчныхъ устоевъ и ледорѣзовъ.

Естественныя науки.

IV	1	Начальныя основанія агрономіи, сколько сіе для таксаціи земель нужно.	V	2	Физика. Общія свойства тѣлъ. Теплота, свѣтъ, электричество и магнетизмъ.
V	2	Физика. Электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, свѣтъ и теплота.	VI	2	Окончаніе физики, то есть явленія тяжести въ тѣлахъ твердыхъ,

Классы.	Число уроковъ.	Курсъ 1854—1855 года.	Классы.	Число уроковъ.	Курсъ 1855—1856 года.
		и различныя приложенія ихъ къ движению и равновѣсію твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.			жидкихъ и воздухообразныхъ и приложеніе ихъ къ устройству машинъ.
VII	1	Механика воздухообразныхъ тѣлъ.	VII	2	Химія.
	2	Химія съ производствомъ опытовъ.		1/2	Агрономія, сколько нужно для таксаціи земель.
	1	Минералогія.		1/2	Обзоръ физики и механики.
VIII	2	Геогнозія.	VIII	1	Минералогія.
	1	Повтореніе всего пройденнаго въ IV, V, VI и VII классахъ.		2	Геогнозія.

Попечитель вродѣ согласился на измѣненія, предложенныя конференціею, и сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ въ институтъ свода законовъ, для упражненія воспитанниковъ въ приискиваніи статей.

Такимъ образомъ, перечень уроковъ на 1855—1856 годъ былъ утвержденъ попечителемъ въ слѣдующемъ видѣ:

К Л А С С Ы :

ПРЕДМЕТЫ:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Русскій языкъ	3	3	3	3	2	2	2	1	19
Французскій языкъ	3	3	3	2	2	2	2	2	19
Нѣмецкій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Ариметика	3	—	—	—	—	—	—	—	6
Алгебра	—	1	2	1	1	1	—	—	6
Геометрія	2	2	2	2	1	—	—	—	9
Плоская и сферическая тригонометрія	—	—	—	—	1	1	—	—	2
Приложеніе алгебры къ геометріи и аналитическая геометрія	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Дифференціальныя и интегральныя исчисленія	—	—	—	—	—	—	—	—	2
									28
									17

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы:								Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Геодезія высшая и низшая	—	—	2	2	2	2	2	3	13
Математическая географія	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Астрономія	—	—	—	—	—	—	1	3	4
Магнитныя и метеорологическія наблюденія	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Законовѣдѣніе	—	—	—	—	2	1	1	—	4
Межевыя законы	—	—	—	2	2	3	3	2	12
Военныя науки	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Архитектура	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Географія	2	3	2	2	—	—	—	—	9
Статистика	—	—	—	—	2	1	1	1	5
Исторія	2	2	2	2	1	—	—	—	9
Русская исторія съ археологіей	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Естественныя науки {	Физика	—	—	—	—	2	—	—	10
	Физика и механика	—	—	—	—	—	2	1	
	Химія и агрономія	—	—	—	—	—	—	2	
	Минералогія и геогнозія	—	—	—	—	—	—	—	
Каллиграфія и надписываніе плановъ	4	3	3	3	2	1	1/2	—	16 1/2
Ситуація	3	3	2	3	2	2	1 1/2	1	17 1/2
Рисованіе	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Итого	24	24	24	24	24	24	24	23	191

10-го сентября возвратился изъ отпуска генералъ Смецкій.

Въ это же время собрался въ Петербургъ и Михаилъ Николаевичъ, пробывшій съ конца іюля до 11 сентября въ Москвѣ и посѣщавшій весьма часто институтъ.

Черезъ своимъ отъѣздомъ попочитель сообщилъ директору ¹⁾, что, оставляя помощника своего, полковника Геденова, въ Москвѣ, и на основаніи §§ 12, 13 и 14 положенія 24-го августа 1850 года о преобразованіи межевой части, поручая ему имѣть ближайшее наблюденіе за всеми частями межевыхъ учреждений, въ Москвѣ находящихся, онъ, относительно Константиновскаго Межеваго института, предписалъ ему: постоянно слѣдить за ходомъ учебной части, для чего и посѣщать лекціи сколь можно чаще и ежели замѣчено будетъ въ препода-

¹⁾ Дѣло института 1855 года № 47.

даваніи отступленіе отъ предписаннаго и вообще худой образъ преподаванія или малый успѣхъ воспитанниковъ, равнымъ образомъ, если и по другимъ частямъ замѣченъ будутъ какіе безпорядки, то немедленно распорядиться объ исправленіи сихъ упущеній чрезъ директора и доводить объ ономъ до свѣдѣнія попечителя.

Кромѣ того, полковникъ Гедеоновъ долженъ былъ присутствовать въ засѣданіяхъ конференціи и вообще доносить о положеніи института— „дабы я“,—какъ сказано въ предписаніи,— „могъ немедленно принимать мѣры къ рѣшительному направленію хода учебной части, согласно сдѣланныхъ мною лично указаній и наставленій“.

Мѣра эта была очень тяжела для генерала Смецкого, тѣмъ болѣе, что полковникъ Гедеоновъ, бывший адъютантъ-профессоръ военной академіи и инспекторъ классовъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, отлично понималъ учебное дѣло и дѣйствительно захотѣлъ войти во все его подробности въ институтѣ. Главнымъ недостаткомъ учебной части института того времени было желаніе, а подѣ часть и умѣнье нѣкоторыхъ преподавателей, хотя, оговоримся, весьма немногихъ, дѣлать многое только на показъ, что и замѣтилъ попечитель и что предстояло уничтожить.

Но слѣдуетъ сказать, что по всемъ прочимъ частямъ въ институтѣ, при генералѣ Смецкомъ, порядокъ былъ полный. Надо отдать ему справедливость, что въ умѣннѣ вести заведеніе, какъ въ нравственномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, ему соперника не было. Про учебную же часть онъ самъ въ рапортѣ попечителю, при представленіи отчета за 1855-й годъ, говорилъ, „что она не столь удовлетворительна, какъ бы желалось“.

Конференція въ 1855—1856 году, кромѣ разсмотрѣнія исправленныхъ, вслѣдствіе перемѣнъ въ курсѣ, программъ, признавъ полезнымъ ввести въ институтѣ аттестационныя тетради, раздачу наградъ и красныя и черныя доски, для написанія на первыхъ имени достойнѣйшихъ по поведенію и наукамъ, а на—вторыхъ, замѣченныхъ въ лѣности и дурномъ поведеніи воспитанниковъ, была занята составленіемъ прозковъ правилъ по сямъ предметамъ, которые и были утверждены попечителемъ. Существеннымъ же занятіемъ конференціи было ежемѣсячное разсмотрѣніе балловъ, полученныхъ воспитанниками за прошедшій мѣсяцъ, и направленіе сообразно онымъ ученія.

Въ 1855 году были утверждены попечителемъ „правила для бібліотеки института“, которыми опредѣлялись подробности приобрѣтенія, храненія и выдачи книгъ. Книги должны были покупаться не

нраве какъ по постановленіямъ конференціи, которая при этомъ должна была имѣть въ виду: цѣль учрежденія библиотеки, состоящую въ сосредоточеніи учебныхъ пособій, необходимыхъ какъ для преподавателей, такъ и для воспитанниковъ института и, сверхъ того, книги полезныя для чтенія оныхъ послѣднихъ.

При астрономической обсерваторіи въ 1855—1856 году находились 9 офицеровъ, изъ коихъ трое, Рашковъ, Усольцевъ и Смирягинъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1855 года отправлены въ Восточную Сибирскую Экспедицію, въ составъ математическаго отдѣла оной.

Экспедиція эта была снаряжена Географическимъ Обществомъ и специальная задача математическаго ея отдѣла состояла въ опредѣленіи географическаго положенія возможно большаго числа точекъ и въ соединеніи ихъ между собою, посредствомъ маршрутовъ, дабы этими данными воспользоваться для начерченія карты страны. Территорія, на которой должны были сосредоточиться ея работы, обозначалась Иркутскомъ теченіемъ Лены, Витима и русско-китайскою границею, а вслѣдствіе занятія въ тогдѣшнее время новаго края, теченія Амура, сюда присоединилась и эта область съ приморскимъ ея побережьемъ и островомъ Сахалиномъ. Эта экспедиція состояла изъ главнокомандовавшаго, доктора Шварца, и трехъ астрономовъ, выше названныхъ межевыхъ инженеровъ, на обязанности коихъ, сверхъ астрономическихъ работъ, лежало также собраніе свѣдѣній, имѣющихъ интересъ въ области геологій, этнографіи и статистики, такъ какъ ими посѣщались страны, куда еще впервые провикала нога образованнаго человѣка.

Поручнику Рашкову поручено было изслѣдованіе рѣкъ: Амура съ приморскимъ берегомъ и Сахалиномъ и Ангары съ ея порогами до Енисейска. Подпоручику Усольцеву—изслѣдованіе долины рѣкъ: Витима, Зеи и Буреи. Прапорщику Смирягину—водораздѣлъ Витима и Лены. Экспедиція продолжалась 4 года и на первый же годъ понесла грустную потерю въ лицѣ Смирягина. Этотъ молодой талантливый астрономъ былъ убитъ проводниками на рѣкѣ Вумуйко, впадающей въ Витимъ. Выѣсто его изъ Москвы былъ командированъ, въ качествѣ же астронома, состоявшій при обсерваторіи института инженеръ-прапорщикъ Крыжвинъ, которому и было поручено изслѣдованіе страны между Леною и Байгаломъ, а вслѣдствіи—страны вдоль русско-китайской границы въ землѣ Урянковъ и долины р. Маны.

Собранный экспедиціей матеріалъ для картографіи края былъ громаденъ: на долю однихъ межевыхъ инженеровъ Рашкова, Усольцева

и Крыжина принадлежить болѣе 70 пунктовъ, определенныхъ астрономически, которые и до настоящаго времени служатъ основой для картъ Сибири. Пункты эти связаны маршрутами на протяженіи болѣе десяти тысячъ верстъ. Метеорологическіе дневники съ указаніемъ температуръ рѣкъ и источниковъ, барометрическія опредѣленія, описание растительности и горныхъ породъ, а также и бытовой жизни инородцевъ и кочевниковъ сибирской тайги, сдѣланныя экспедиціею, ознакомили впервые съ климатомъ, орографіею, строемъ горныхъ краевъ и съ этнографіею посѣщеннаго ею края.

Отчетъ объ этой экспедиціи помѣщенъ въ отдѣльномъ изданіи Географическаго общества подъ названіемъ: „Труды Сибирской экспедиціи“. Петербургъ, 1864 года.

4-го мая, астрономъ института Швейцаръ, при содѣйствіи офицеровъ, наблюдалъ частное затмѣніе солнца. При этомъ, впервые замѣчено, что склоненіе магнитной стрѣлки, во время солнечныхъ затмѣній, подвергается возмущеніямъ. Результаты этихъ наблюденій помѣщенъ въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ.

Больныхъ въ лазаретѣ не было въ 1855 году 678; выздоровѣло 675; осталось 3.

Сумма въ институтѣ было въ 1855 году 64,211 рублей 49³/₄ коп.; израсходовано 68,661 рубль 98¹/₄ коп.; осталось къ 1-му января 1856 года 549 рублей 51¹/₂ коп.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣленъ въ институтъ инспекторомъ классовъ генеральнаго штаба капитанъ Анухтинъ.

31-го декабря 1855 года директоръ института, генераль-майоръ Смедкій подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку. Попечитель, цѣня его дѣятельныя заслуги, исходатайствовалъ ему награжденіе орденомъ св. Станислава 1-й степени, который и былъ ему Всемилостивѣйше пожалованъ 19-го марта 1856 года, а 28-го того же марта, онъ былъ уволенъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья.

28-го апрѣля 1856 года институтъ былъ отданъ на законномъ основаніи полковнику Флейшеру, который былъ назначенъ временно исправлять должность директора.

Попечитель, получивъ донесеніе о слухѣ и приемѣ института, написалъ къ Николаю Павловичу Смедскому благодарственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Отдавая всегда полную справедливость неуспыному попеченію вашему о благосостояніи заведенія, находившагося подъ ближайшимъ

начальствомъ вашимъ болѣе 15 лѣтъ, и постепенное приведеніе онаго въ настоящее устройство, обратившее особое на себя вниманіе въ Вашъ почтеннѣйшій Государя Императора, относя къ личнымъ трудамъ вашимъ и примѣрной распорядительности, — я въ долгу себѣ имѣннѣй, разставаясь съ вашимъ превосходительствомъ по службѣ, принести вамъ искреннюю мою благодарность за все, вами сдѣланное для блага и пользы института.

„Душевно желаю вамъ скорѣе поправить разстроенное здоровье, побудившее васъ оставить служебное поприще“.

Благодаря и ми съ своей стороны, что Николай Павловичъ Сметцкій былъ дѣятель замѣчательно полезенъ для института.

Въ управленіе его, изъ автономической суммы, которой оставлено было прежними директорами только 13,510 рублей; и изъ остатковъ, съ 1843 по 1855 годъ, употреблено на разныя предметы 52,527 рублей. Деньги эти помогли переформировать институтъ на военное положеніе и преобразовать оный изъ средняго учебнаго заведенія въ высшее, ибо на нихъ устроены музей, обсерваторія, приобретены инструменты для нихъ и т. д. Не забудамъ также, что почти всѣ главные вышншіе дѣятели по моему вѣдомству суть его воспитанники. Николай Павловичъ искренно любилъ институтъ и воспитанниковъ и прилагалъ о нихъ попеченіе истинно отеческое. Но въ то же время онъ былъ строгъ, и порядокъ былъ при немъ удивительный: такъ, напримѣръ, при немъ никогда не были заперты ни музей, въ которомъ хранились геологическій, физическій и прочіе кабинеты, ни библиотека, ни декаузнъ, а между тѣмъ ни одинъ воспитанникъ не смѣлъ туда войти, ибо это было запрещено. Онъ зналъ людей и умѣлъ каждого употребить по способностямъ. До преобразованія института на военное положеніе, когда выборъ воспитателей былъ широкій, составъ этихъ воспитателей былъ пріятенъ прекрасный. У него былъ одинъ только недостатокъ, какъ у директора: онъ былъ самовластенъ. Этотъ недостатокъ, не мѣшавшій отличному веденію прочихъ частей, вносимый въ учебную часть, мѣшалъ правильному ея развитію. Такъ, на сколько могъ, онъ отдалялъ устройство Конференціи; на экзаменахъ голосъ его имѣлъ рѣшающее вліяніе, и т. д. Но, затѣмъ, это былъ рѣдкій директоръ, дѣятельно посвятившій всю свою жизнь заведенію. Онъ скончался въ 1866 году и завѣщать на памятникъ, поставленномъ на его могилѣ, вѣрзвать слѣдующія слова: „Николай Сметцкій считалъ лучшимъ временемъ

своей жизни 15¹/₂ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ званіи директора Константиновскаго Межеваго института.

Предъ окончаніемъ курса 1855—1856 года въ конференціи были рассмотрѣны, какъ распредѣленіе экзаменовъ въ 1856 году, такъ и правила, для нихъ предложенныя. Въ этихъ правилахъ, по представленію помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ, конференція постановила сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) чтобы каждый экзаменый билетъ представлялъ нѣчто цѣльное и важное, изъ чего можно бы было судить о степени знанія воспитанниковъ, и 2) чтобы въ окончательномъ экзаменномъ спискѣ выставлялся средний баллъ изъ годичнаго балла и балла, полученнаго на экзаменѣ, то-есть изъ балла, выставленнаго передъ экзаменомъ учителямъ, и средняго балла, выведеннаго изъ балловъ, выставленныхъ членами экзаменной комиссіи, — отчего должна была получиться болѣе вѣрная оцѣнка знаній воспитанниковъ.

По утвержденіи сихъ измѣненій попечителемъ, экзаменъ семи нижнихъ классовъ въ 1856 году былъ произведенъ съ 1-го мая по 13-е іюня, при постоянномъ присутствіи полковника Гедесона, двумя комиссіями, а VIII-му классу отложено до осени. На экзаменѣ изъ закона Божія въ VI-мъ классѣ былъ митрополитъ Филаретъ, и въстѣ съ своимъ Викаріемъ, пресвященнымъ Алексіемъ, и отвѣты воспитанниковъ вполне одобрялъ.

Передъ выстуленіемъ въ лагерь, полковникъ Гедесонъ препроводилъ въ институтъ составленный подъ его руководствомъ и утвержденный попечителемъ „Проектъ положенія о лагерныхъ занятіяхъ воспитанниковъ института“, который и былъ принятъ къ исполненію при производствѣ практическихъ работъ лѣтомъ 1856 года. Проектъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, заслуживаетъ вниманія.

Воспитанники старшихъ семи классовъ находились въ лагеряхъ при слободѣ Перерывъ съ 14-го іюня по 9-е августа. Лагерь былъ неоднократно посѣщаемъ полковникомъ Гедесоновымъ, который осматривалъ и повѣрялъ работы.

Экзаменъ VIII-му классу было произведенъ при постоянномъ присутствіи попечителя и его помощника, съ 20-го августа по 3-е сентября. По своему обыкновенію, Михаилъ Николаевичъ высматривалъ съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни и слѣдилъ за отвѣтами каждаго воспитанника. Тутъ онъ замѣтилъ и отличилъ воспитанника Лѣтниева, который былъ дѣйствительно съ выдающимися способностями, и впоследствии далъ ему возможность прослушать курсъ ма-

тематическаго факультета въ Московскомъ университетѣ; а потому довершить свое математическое образованіе за границею.

По окончаніи экзаменовъ VIII-го класса, попечитель навелъ полезнымъ, чтобы окончившіе курсъ воспитанники этого класса были командированы для составленія маршрутовъ и статистическаго описанія въ болѣе значительныхъ пространствахъ, противъ производимыхъ ими работъ въ лагерное время. 10 человѣкъ этихъ воспитанниковъ, подъ завѣдываніемъ инженеръ-капитана Александра, раздѣленные на 5 партій, сняли каждой партіею въ масштабѣ $\frac{1}{2}$ версты въ дюймѣ около 60 верстъ и каждый представилъ статистическій описанія болѣе или менѣе самостоятельныя и удовлетворительныя. Описанія были городъ Волоколамскъ и его уѣздъ; монастырь св. Юсифа Волоколамскаго; городъ Руза и его уѣздъ; село Тушино; гор. Воскресенскъ, Ново-Иерусалимскій монастырь; городъ Звенигородъ и его уѣздъ и монастырь св. Саввы. Особенно были хороши описанія Лѣтниева села Тушина и Мамонтова гор. Волоколамска. Лучшей же маршрутъ былъ Мамонтова. Попечитель, знавшій хорошо эти мѣста, ибо тутъ было и принадлежавшее отцу его, Николаю Николаевичу Муравьеву, село Останово, въ окрестностихъ котораго производились сѣмена колоніо-возагати, потребовалъ къ себѣ какъ брульоны, такъ и вычерченные начисто маршруты и за лучшей маршрутъ приказалъ объявить благодарность Мамонтову.

Командировка эта была очень трудная, по наступившему уже тогда холодному времени, хотя воспитанники и были снабжены теплою одеждою.

Результаты экзаменовъ 1856 года были слѣдующіе:

Изъ 248 подвергавшихся экзамену:

Вынуждено на службу:

Подпоручикомъ межевыхъ инженеровъ 1

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ 8

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса 2

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса 5

Переведено въ слѣдующіе классы 208

Исключено изъ института за неуспѣшность въ наукахъ 8

Уволено по просьбѣ родителей 1

Оставлено въ тѣхъ же классахъ 15

Въ февралѣ 1856 года, подъ руководствомъ астронома Швейцера, была снаряжена, подготовленная при институтѣ, особая ученая экспедиція, названная Алтайскою. Она продолжалась съ 1856 по 1859 годъ (включительно) и была организована для астрономическихъ и геодезическихъ работъ изъ чиновъ института и состоявшихъ при институтской обсерваториіи офицеровъ, а для топографическихъ работъ изъ чиновъ Межевого корпуса.

Экспедиція эта была назначена, съ Высочайшаго соизволенія, для составленія топографической карты Алтайскаго округа, Томской губерніи, Западной Сибири. Карту надлежало составить въ масштабѣ 2 версты на дюймъ, на основаніи топографическихъ съемокъ, въ масштабѣ 1 дюйма на версту.

Алтайскій горный округъ раскинутъ на пространствѣ 650 по широтѣ и 550 верстъ по долготѣ, а потому требовалось астрономически определить необходимое число пунктовъ, съ производствомъ, гдѣ окажется нужнымъ, между этими пунктами геодезическихъ измѣреній. Вслѣдствіе этого, экспедиція была раздѣлена на три отдѣленія: астрономическое, геодезическое и топографическое, подъ общимъ руководствомъ преподавателя геодезіи въ институтѣ, инженеръ-капитана Мейенъ. Въ составѣ астрономическаго отдѣленія находились первоначально слѣдующія лица: инженеръ штабъ-капитанъ Ларионовъ, подпоручики: Ставровскій, Поповъ и Автократовъ и топографъ прапорщикъ Захаровъ.

При опредѣленіи астрономическихъ пунктовъ соблюдалось условіе, чтобы взаимное разстояніе ихъ было около 50 верстъ и для того, чтобы дать опредѣленіямъ возможную точность и ускорить работы, изъ числа этихъ пунктовъ, нѣкоторые назначены главными, а другіе второклассными; первые опредѣлялись изъ 4-хъ и 3-хъ рейсовъ, съ помощію вертикальнаго круга Репсольда, при 16 хронометрахъ, а послѣдніе — второклассные изъ одного или двухъ рейвовъ съ половиннымъ числомъ хронометровъ. Въ мѣстностяхъ, недоступныхъ для транспорта инструментовъ въ экипажѣ, опредѣленія дѣлались съ помощію отражательнаго большаго круга Пистора и малаго универсальнаго снаряда, при 8-ми карманныхъ хронометрахъ.

Въ первые два года, въ 1856 году г. Ларионовымъ, совместно съ г. Захаровымъ, и въ 1857 году — Захаровымъ, съ участіемъ г. Автократова, опредѣлено географическое положеніе 12-ти главныхъ пунктовъ и 7-ми второклассныхъ. Въ послѣдующіе затѣмъ два года, 1858 и 1859, астрономическое отдѣленіе дѣйствовало двумя партіями —

гг. Ставровскаго, съ Поповымъ и Захарова съ Автократовымъ; первую опредѣлены разности географическихъ долготъ и широтъ 32-хъ пунктовъ, а вторую 82-хъ, кромѣ того, азимуты нѣсколькихъ земныхъ предметовъ.

Результаты этихъ наблюдений (вычисленные въ Москвѣ гг. Ставровскимъ и Захаровымъ, подъ руководствомъ Швейцера) легли въ основу тригонометрической сѣти, оставленной геодезическимъ отдѣленіемъ экспедиціи.

Исполнителями работъ, возложенныхъ на геодезическое отдѣленіе, были слѣдующіе члены экспедиціи:

Инженеръ-поручикъ Лѣсневскій (производившій измѣренія въ 1856 и 1857 годахъ); инженеръ-подпоручикъ Троицкій (Василій) въ 1856, 1857 и 1858 годахъ; подпоручикъ Зиновьевъ въ 1858 году; топографъ прапорщикъ Ветчинкинъ въ 1856, 1857 и 1858 годахъ; и старшій землеѣрникъ помощникъ Рудаковъ, работавшій въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1856 по 1859 годъ.

Результаты измѣреній вычислены были потомъ въ Москвѣ гг. Рудаковымъ и Ветчинкинымъ, подъ руководствомъ преподавателя геодезіи въ институтѣ, инженеръ-полковника Н. Н. Смирнова; и нанесены на отдѣльные листы географической сѣтки, проектировавшею по способу Гаусса, въ связи съ пунктами, астрономически опредѣленными.

Эти листы съ проектированными на нихъ пунктами, а также и реестръ географическихъ широтъ и долготъ точекъ астрономической и геодезической сѣти, посланы въ правленіе Алтайскаго горнаго округа, при которомъ, по распоряженію экспедиціи, состояло еще нѣсколько годовъ топографическое отдѣленіе этой экспедиціи.

Въ 1856 же году исполнена экспедиція на Кавказъ — въ Пятигорскій край, съ цѣлью изслѣдованія минеральныхъ водъ во физико-географическомъ отношеніи и для снятія подробной и вѣрной карты края и окрестностей на эту мѣстность. Требовалось опредѣлить астрономически широты и долготы нѣсколькихъ новыхъ пунктовъ, составить тригонометрическую сѣть, измѣрить высоты горъ и другихъ замѣчательныхъ точекъ, произвести нивелировку и съемку мѣстности.

Работы по всѣмъ этимъ вопросамъ, выполнены, сопровождавшими поѣздку на Кавказъ М. Н. Муравьева, состоявшими при институтѣ, мещанинскими инженерами поручикомъ Ставровскимъ и подпоручикомъ Кикинымъ и кандидатомъ Московскаго университета Ф. Баталинымъ. Рисунки видовъ сдѣланы землеѣрнымъ помощникомъ Чередѣевымъ.

Результаты исследований, съ полнымъ описаніемъ всѣхъ наблюденій и измѣреній, изданы отдѣльнымъ сочиненіемъ въ 1861 году, подъ заглавіемъ: „Пятигорскій край и Кавказскія минеральныя воды“.

Предъ началомъ новаго учебнаго года, инспекторъ классовъ представлялъ въ конференцію отчетъ о ходѣ учебной части въ минувшемъ учебномъ 1855—1856 году и объ экзаменахъ 1856 года, а равно и предложенія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ на новый курсъ 1856—1857 года.

Въ числѣ этихъ предположеній, по иниціативѣ помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ, было внесено и слѣдующее: классы дѣлать только утромъ ¹⁾, распредѣливъ время уроковъ: отъ 8 до 11 часовъ первые два урока, потомъ завтракъ и отъ 12 до 3 часовъ вторые два урока, причемъ на переѣмъ между уроками давать не 10, а 20 минутъ. Отъ такого распредѣленія предполагалась та выгода, что воспитанники, для своихъ занятій, имѣли бы большую массу времени, и именно отъ 3¹/₂ до 10 часовъ вечера, тогда какъ съ раздѣленіемъ уроковъ на утренніе и вечерніе при урывчатыхъ занятіяхъ, продолжающихся не болѣе 1¹/₂ и 2 часовъ, они никогда не могутъ заниматься какъ должно.

Съ представленіемъ инспектора согласились полковникъ Геденовъ, профессоръ Швейцеръ и двое другихъ членовъ.

Г. Ламовскій, соглашаясь, что мѣра эта была бы весьма полезна для VIII-го класса, высказалъ, что воспитанникамъ прочихъ семи классовъ трудно будетъ за разъ приготовиться къ четыремъ урокамъ и что выслушать 4 урока будетъ слишкомъ для нихъ утомительно, особенно въ самыхъ младшихъ классахъ, такъ что если принять во вниманіе, что имъ потребуется болѣе времени на отдыхъ, то окажется, что, собственно для занятій, они не будутъ имѣть времени болѣе, чѣмъ теперь.

На это полковникъ Геденовъ возразилъ: 1) что воспитанникамъ надо будетъ приготовиться не къ 4-мъ, а только къ 3-мъ урокамъ, потому что каждый день будетъ одинъ классъ искусствъ ²⁾ и, кромѣ того, по взаимному соглашенію учителей, можно будетъ устроить такъ, чтобы не нужно было готовиться и къ 3-мъ урокамъ, ибо изъ двухъ

¹⁾ Примѣчаніе. Надо было замѣтить, что въ школѣ межевыхъ топографовъ, начальникомъ коихъ былъ передъ тѣмъ полковникъ Геденовъ, въ качествѣ председателя Межевой канцеляріи, подобный порядокъ распределенія уроковъ былъ введенъ и оказался удобнымъ.

²⁾ Какъ действительно и было.

ведѣльныхъ лекцій обыкновенно одна употребляется на чтение, другая на спрашиваніе прочитаннаго; 2) что для воспитанниковъ не будутъ утомительны 4. урока утромъ, потому что каждый день будетъ одинъ классъ вслухъ, не требующій такого напряженнаго вниманія, какъ остальные уроки, и, кромѣ того, между каждымъ урокомъ будетъ по 20 минутъ отдыха, а между двумя цѣльнъ часъ на завтракъ, чего мальчишкамъ будетъ совершенно достаточно, чтобы овѣшаться и отдохнуть; почему имъ и не будетъ никакой надобности въ особенно продолжительномъ отдыхѣ послѣ обѣда, такъ что съ 5 часовъ вечера имъ уже можно будетъ заниматься приготовленіемъ уроковъ. Г-нъ Ламовскій остался при своемъ мнѣніи, присовокупя, что если нужно, то время речетипій можно увеличить, назначивъ ужинъ позднѣе нынѣшняго; и что, при утреннихъ только урокахъ, самое наблюденіе за воспитанниками не будетъ такъ удобно, какъ теперь, ибо тогда мальчишки, начиная съ 3 часовъ по полудни, будутъ подлежать наблюденію только двухъ офицеровъ, не имѣя въ виду, что скоро долженъ предстать учитель, который потребуетъ отчета въ лекціяхъ. На это было возражено, что будутъ ли лекціи только утромъ или раздѣльно, утромъ и вечеромъ, мальчишки одинаковое количество времени будутъ состоять подъ надзоромъ учителей (6 часовъ) и подъ надзоромъ классныхъ офицеровъ (остальное время дня).

Мнѣніе прочіихъ членовъ было: ввести утреннее преподаваніе только въ старшихъ классахъ, а въ младшихъ оставить по прежнему.

Мы не безъ цѣли изложили здѣсь различныя мнѣнія по этому вопросу, ибо онъ весьма важенъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи и пренія о немъ могутъ быть поучительны на будущее время.

Затѣмъ, члены конференціи, согласно съ предположеніемъ инспектора, справедливо полагая, что учить исторіи съ I-го класса еще очень рано, положили исторію и географію въ этомъ классѣ не преподавать вовсе, замѣнивъ ихъ языками, а равно сдѣлать еще и другія измѣненія въ распредѣленіи уроковъ на новый курсъ, причемъ, по приказанію попечителя, ввести въ VII и VIII классахъ практическое преподаваніе линейнаго черченія, съ необходимыми объясненіями изъ теоріи, во время самыхъ упражненій, дабы довести воспитанниковъ до умѣнья изображать на бумагѣ различныя геодезическіе и астрономическіе инструменты.

Попечитель, разсмотрѣвъ отчетъ инспектора классовъ о ходѣ учебной части въ институтѣ за 1855—1856 годъ, вмѣстѣ съ постановленіемъ конференціи по предложеніямъ его, о допущеніи нѣкоторыхъ

измѣненій въ курсѣ ученія на учебный 1856—1857 годъ, напечатъ „отчетъ сей весьма замѣчательнымъ, по своей основательности и добросовѣстности и составленнымъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и съ особою заботливостію объ улучшеніи положенія учебной части“—почему и поручилъ объявить за оный еро особую благодарность ¹⁾. Относительно же предположенныхъ измѣненій, попечитель согласился:

1) По географіи: на нѣкоторое сокращеніе въ подробностяхъ преподаванія этого предмета; по исторіи: на предположенное передвиженіе преподаванія оной по классамъ и на соединеніе въ одну руку преподаванія русской исторіи и русской археологіи, доселѣ раздѣленное; и по статистикѣ: чтобы преподаваніе оной не было затрудняемо изученіемъ излишнихъ подробностей, въ особенности теоретическихъ и чтобы вообще преподаваніе статистики сколько можно болѣе связывалось съ географіею. За симъ попечитель, согласившись съ мнѣніемъ конференціи о введеніи въ видѣ опыта на учебный 1856—1857 годъ преподаванія только утренняго, утвердилъ распределеніе уроковъ на сей годъ, показанное въ нижеслѣдующей таблицѣ; причемъ прибавилъ, что положенныя въ высшихъ двухъ классахъ два урока рисованія не должно считать обязательными, предоставляя занятіе оными только желающимъ, не въ классное время, а въ замѣвъ оныхъ, назначилъ два урока для линейнаго черченія.

	Кл. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Русскій языкъ	4	3	3	3	2	2	2	1	20
Французскій языкъ	4	2	4	2	2	2	2	2	20
Нѣмецкій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Арифметика	3	2	—	—	—	—	—	—	5
Алгебра	—	—	1	2	1	1	1	—	6
Геометрія	2	2	2	2	1	—	—	—	9
Плоская и сферическая тригонометрія	—	—	—	—	1	1	—	—	2
Приложеніе алгебры къ геометріи и аналити- ческая геометрія	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Дифференціальное и ин- тегральное исчисленія	—	—	—	—	—	—	—	2	2

¹⁾ Дѣло института 1856 года, № 48.

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы:								Всего.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	
Геодезія низшая и высшая.	—	—	—	2	2	2	2	3	11
Математическая географія.	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Астрономія	—	—	—	—	—	—	1	3	4
Магнитныя и метеорологическія наблюденія	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Законовѣдѣніе	—	—	—	—	2	1	1	—	4
Межевые законы	—	—	—	2	2	2	3	2	11
Военныя науки.	—	—	—	—	—	—	—	3	3
Архитектура	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Линейное черченіе	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Географія.	—	3	3	2	1	—	—	—	9
Статистика	—	—	—	—	—	2	1	1	4
Общая исторія.	—	3	2	2	—	—	—	—	7
Исторія Россіи.	—	—	—	—	2	1	—	—	} 4
Археологія	—	—	—	—	—	—	1	—	
Естественныя науки. } <ul style="list-style-type: none"> Физика. Физика и механика. Химія и агрономія. Минер. и геогнозія. 	—	—	—	—	2	—	—	—	} 10
	—	—	—	—	—	2	1	—	
	—	—	—	—	—	—	2	—	
	—	—	—	—	—	—	—	3	
Каллиграфія и надписываніе плановъ	4	3	3	3	2	1	1	—	17
Ситуація.	4	3	3	3	2	2	1	1	19
Рисованіе.	2	1	1	1	1	1	—	—	7
Татарскій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Грузинскій языкъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Итого.	24	24	24	24	24	24	24	24	192

10-го ноября 1856 года назначенъ былъ исправляющимъ должность директора института полковникъ Николай Григорьевичъ Лошдаревъ, числившійся по гвардіи и служившій до того времени въ главномъ штабѣ военно-учебныхъ заведеній.

Онъ принялъ институтъ 23-го ноября.

Больныхъ перебивало въ лазаретѣ 541 человекъ, которые всѣ выздоровѣли.

Суммъ въ 1856 году было 66,904 рублей 89³/₄ коп.; израсходовано

66,767 руб. 9³/₄ коп.; осталось къ 1-му января 1857 года 137 руб. 80 коп.

Личный составъ служащихъ въ институтѣ 1-го января 1857 года былъ слѣдующій:

Исправляющій должность директора полковникъ Лошкаревъ.

Инспекторъ подполковникъ Апухтинъ.

Помощникъ инспектора меж. инж.-пор. Нотъ.

Младшій штабъ-офицеръ полковникъ Флейшеръ.

Ротные командиры: кап. Аксеновъ и шт.-кап. Ляховъ.

Ротные офицеры: капитаны: Протопоповъ и Волковъ и межевые инженеры: штабъ-капитаны Эймонтъ, Мѣшковъ, Горскій, Полянскій, Полянцовъ и пор. Якиманскій.

Экономъ губернской секретарь Качесовъ.

Смотритель лазарета коллежскій ассесоръ Матвѣевъ.

Письмоводитель и бухгалтеръ коллежскій ассесоръ Петровъ.

Его помощникъ коллежскій секретарь Свирицкій.

Канцелярскіе служители: губернской секретарь Соколовъ, коллежскіе регистраторы: Макаровъ и Алябинъ.

Сверхъ-штатный врачъ статскій совѣтникъ Зацѣпинъ.

Преподаватели: закона Божія—протоіерей Михаилъ Богдановъ.

Математики въ старшихъ классахъ коллежскій совѣтникъ Ламовскій, математики въ младшихъ классахъ межевые инженеры: капитанъ Александровъ, штабъ-капитанъ Эймонтъ, поручикъ Вердеревскій и подпоручикъ Соснинъ.

Русскаго языка въ старшихъ классахъ кол. сов. Дмитрій Ивановъ, русскаго языка въ младшихъ классахъ кол. сов. Робертъ.

Естественныхъ наукъ ст. сов. Ал. Ивановъ.

Минералогіи и геогнозіи Ауэрбахъ.

Геодезіи въ старшихъ классахъ меж. инж.-подполковникъ Смирновъ, въ младшихъ классахъ меж. инж.-шт.-кан. Эймонтъ.

Астрономіи астрономъ Швейцерь.

Математической географіи меж. инж.-пор. Волховской.

Французскаго языка въ старшихъ классахъ титул. совѣтники: Лагранежъ и Зброевскій.

Французскаго языка въ младшихъ классахъ губерн. сек. Кательниковъ.

Нѣмецкаго языка—Стурцель.

Общей исторіи—магистръ Лялинъ.

Исторіи русской и археологіи—тит. сов. Забѣлинъ.

Законовѣдѣнія—тит. сов. Барсовъ.

Межевыхъ законовъ—меж. инж.-капит. Стоцкій.

Географіи—тит. сов. Милеръ.

Статистики—кандидатъ Муравьевъ.

Линейнаго черченія—отставной пор. Май.

Архитектуры—архитекторъ Вивьень.

Военныхъ предметовъ—подполковникъ Апухтинъ.

Ситуаціи—полк. Мамонтовъ, кап. Александровъ и Шпревичъ и шт.-кап. Полянцовъ.

Каллиграфіи—землемѣрные помощники, губ. сек. Грибковъ и кол. рег. Семеновъ.

Рисованія въ старшихъ классахъ—академикъ Мокрицкій.

Рисованія въ младшихъ классахъ—шт.-кап. Полянцовъ.

Грузинскаго языка—протоіерей Михайль Гургенидзе.

Татарскаго языка—вол. сек. Измайловъ.

По окончаніи курса 1856—1857 года, экзамены происходили въ низшихъ семи классахъ съ 1-го мая по 1-е іюня, въ присутствіи помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ, генералъ-маіора Гедеонова, а старшаго VIII инженернаго класса, съ 19-го августа по 12-е сентября, въ присутствіи попечителя; 21-го сентября былъ экзаменъ публичный.

Экзамены произведены были тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ минувшемъ году, за исключеніемъ только того обстоятельства, что по представленію исправлявшаго должность директора института, вопреки мнѣнію всѣхъ членовъ конференціи, вѣрно было окончательный выводъ объ экзаменахъ воспитанниковъ дѣлать изъ однихъ экзаменныхъ балловъ и какъ средніе годичные баллы изъ ежемѣсячныхъ учительскихъ, такъ и выставленные къ экзамену принимать только къ соображенію о знаніяхъ и прилежаніи воспитанниковъ, не вводя ихъ въ цифирный расчетъ, — причемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитанникъ отвѣчалъ бы значительно лучше или хуже, чѣмъ онъ аттестованъ учителемъ, предлагать ему новые вопросы, дабы удостовѣриться положительнымъ образомъ въ справедливости того или другаго.

Такимъ образомъ, весьма основательное правило, по коему учительскому баллу, выразившему оцѣнку занятій воспитанника въ теченіе цѣлаго учебнаго года, придавалось равное значеніе съ балломъ экзаменнымъ, было уничтожено, и вмѣсто него введено неопредѣ-

ленное правило, которое каждый могъ примѣнять по своему произволу, принимая этотъ баллъ только въ соображеніе.

По окончаніи лагерныхъ занятій, происходившихъ съ 1-го іюня по 3-е августа, воспитанники VIII класса были, по примѣру 1856 г., отправлены на снятіе маршрутовъ и составленіе статистическихъ описаній.

Результаты экзаменовъ 1857 года были слѣдующіе:

Изъ 243 подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	2
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	10
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса	2
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса	13
Переведено въ слѣдующіе классы	206
Исключено за малоуспѣшность	3
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	7

Надзоръ за воспитанниками въ 1857 году остался въ прежнемъ видѣ, но полковникъ Лошкаревъ ввелъ весьма существенное и полезное улучшеніе относительно оцѣнки поведенія воспитанниковъ. Имъ учрежденъ воспитательный комитетъ, состоявшій, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспектора классовъ, баталіоннаго и ротнаго командировъ и всѣхъ ротныхъ офицеровъ, который сначала собирался только для обсужденія какихъ либо важныхъ проступковъ воспитанниковъ и для постановки вообще имъ балловъ за поведеніе, а потомъ, кромѣ этихъ случаевъ, и еженедѣльно.

Въ учебномъ 1857—1858 году никакихъ измѣненій по преподаванію не сдѣлано. Прибавлено только обученіе, не въ классное время, разборкѣ и сборкѣ инструментовъ воспитанниковъ VII и VIII классовъ и введено обученіе въ тѣхъ же классахъ, для желающихъ, фотографіи для копированія, посредствомъ оной, межевыхъ плановъ — для чего и были выписаны нужные инструменты и устроенъ небольшой павильонъ. Кромѣ того, попечителемъ утверждено временное положеніе о IX офицерскомъ классѣ, по коему офицерамъ этого класса предоставлялось слушать лекціи какъ въ университетѣ, такъ, въ случаѣ надобности, и особыя лекціи при институтѣ.

Въ 1857 году, по докладу попечителя, бывшаго тогда и министромъ государственныхъ имуществъ, 30-го октября, 13-го ноября и

2-го декабря, Высочайше повелѣно: сравнять содержаніе директора Константиновскаго Межеваго института, добавивъ къ получаемымъ имъ столовымъ 718 рублей серебромъ, и инспектора классовъ, увеличивъ его жалованье до 1,401 рубля серебромъ, съ таковымъ же содержаніемъ директора и инспектора классовъ Лѣснаго и Межеваго института, а ротнымъ командирамъ выдавать по 140 руб. сер. столовыхъ, отнеся всѣ дополнительные по симъ предметамъ расходы на остатки отъ межевыхъ суммъ.

Больныхъ въ институтскомъ лазаретѣ въ 1857 году было 395 и выздоровѣло 395.

Въ приходѣ съ остаточными въ 1857 году было 67,671 рубль 77 коп.; израсходовано 67,391 рубль 69½ коп.; осталось къ 1-му января 1858 года 280 рублей 7½ коп.

По окончаніи курса учебнаго 1857—1858 года, экзамены въ 1858 году были произведены, по заведенному порядку, въ низшихъ семи классахъ со 2-го мая по 1-е июня, а VIII классу съ 21-го августа по 14-е сентября. Публичный экзаменъ былъ 3-го октября, въ присутствіи статскаго совѣтника Шахова, командированнаго министромъ юстиціи.

Лагерныя работы происходили съ 3-го июня по 12-е августа; послѣ лагерей VIII классъ былъ также командированъ на съемку маршрутовъ и на составленіе статистическихъ описаній.

Результаты экзаменовъ 1858 года были слѣдующіе:

Изъ 242 экзаменовавшихся:

Выпущено на службу:

Подпоручикомъ межевыхъ инженеровъ	1
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	9
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса	2
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса	9
Младшими землемѣрными помощниками безъ чина	5
Переведено въ слѣдующіе классы	204
Исключено за малоуспѣшность	3
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	9

Перемѣнъ на новый курсъ 1858—1859 года никакихъ не послѣдовало и распредѣленіе уроковъ было утверждено въ прежнемъ видѣ.

Офицеровъ въ IX классѣ было 12 человекъ, которые частію занимались на обсерваторіи, частію слушали лекціи въ университетѣ.

Изъ списка преподавателей за 1857 годъ можно видѣть, что въ институтѣ почти всѣ преподаватели математики и специальныхъ предметовъ были уже изъ межевыхъ инженеровъ. Эти преподаватели были подготовлены преимущественно изъ слушавшихъ дополнительные курсы въ IX классѣ. Попечитель, желая доставить еще большія средства для образованія преподавателей, предположилъ, отличнѣйшихъ изъ межевыхъ инженеровъ, прошедшихъ курсъ IX класса, отправлять за границу, для окончательнаго усовершенствованія въ геодезїи и наукахъ математическихъ. Съ этою цѣлю имъ испрошено 28-го апрѣля 1858 года Высочайшее повелѣніе объ отправленіи за границу одного или двухъ офицеровъ, съ выдачею безплатныхъ паспортовъ и по 2,500 рублей сер. въ годъ каждому.

На первый разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1858 года, былъ отправленъ въ Парижъ, находившійся въ IX классѣ, поручикъ Лѣтниковъ, на два года.

Ему поставлялось въ обязанность:

а) Приобрѣтеніе основательныхъ и современныхъ свѣдѣній изъ области чистаго анализа и его примѣненій къ геодезїи, астрономїи, теорїи вѣроятностей, механикѣ и оптикѣ.

б) Изученіе педагогическихъ приемовъ, употребляемыхъ въ математическомъ преподаваніи; и

в) Обзорнѣе разныхъ специальныхъ училищъ и указаніе способовъ, какими достигается образованіе тамошнихъ специалистовъ и различныхъ дѣятелей на практическомъ поприщѣ; собраніе разнаго рода записокъ и лекцій, писанныхъ и гравированныхъ, а равно и другихъ пособій по вышесказаннымъ предметамъ ученя, кои у насъ въ Россїи достать затруднительно.

Учебныя учрежденія, къ которымъ слѣдовало обратиться прежде всего, рекомендовались Лѣтникову слѣдующія: школы политехническая и центральная, французская коллегія и Сорбонская академія. Затѣмъ, поставлялось въ обязанность, представлять начальству института донесенія о томъ, что имъ сдѣлано и предполагается сдѣлать по той или другой части математическихъ знаній. Лѣтниковъ аккуратно присылалъ обстоятельныя донесенія о своихъ занятіяхъ и объ осмотрѣ имъ нѣкоторыхъ специальныхъ заведеній, которыя разсматривались въ конференціи старшими учителями института и потомъ представлялись попечителю, который находилъ время, какъ видно изъ дѣлъ, и самъ ихъ разсматривать. Такъ на описанїи Брюссельской военной школы есть помѣтки, сдѣланныя его рукою.

Въ 1858 году, по докладу попечителя, Государь Императоръ 26-го мая Высочайше соизволилъ на увеличеніе комплекта воспитанниковъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ (240) двадцатью, съ отношеніемъ расхода на нихъ на остаточныя межевыя суммы.

Такимъ образомъ составъ воспитанниковъ института образовался слѣдующій:

Казенныхъ	150
Сибирскихъ	9
Кавказскихъ	15
Войска Донскаго	3
Вистидкой и Третьякова	2
Свокоштныхъ или казенно-коштныхъ на счетъ остаточныхъ суммъ Межеваго корпуса	81

Слѣдовательно всего въ институтѣ воспитанниковъ предназначалось 260.

Въ этомъ же 1858 году попечитель приказалъ составить при институтѣ проектъ положенія о классахъ для образованія частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ. Проектъ этотъ былъ вызванъ предполагавшею необходимостію въ частныхъ землемѣрахъ, при предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ и управляющаго Межевымъ корпусомъ, 15-го декабря 1858 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе, съ начала 1859 года, при институтахъ Константиновскомъ Межевомъ и Горигорѣвскомъ земледѣльческомъ, особыхъ классовъ, для образованія частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ, причемъ удостоены Высочайшаго утвержденія и проектъ положенія объ оныхъ классахъ.

Больныхъ въ лазаретѣ было въ 1858 году 439; выздоровѣло 430 умерло 3; осталось къ 1-му января 1859 года 6 человѣкъ.

Хозяйственная часть института, при крайне ограниченныхъ средствахъ, требовала особой заботливости для содержанія института въ должномъ порядкѣ и за всѣмъ тѣмъ, при увеличившихся на все цѣнахъ, поддержаніе этого порядка становилось весьма затруднительнымъ, такъ что директоръ находилъ крайнюю необходимость въ увеличеніи денежныхъ средствъ.

Дѣйствительно, если сравнить цѣны 1858 года съ цѣнами 1848 года, то окажется весьма значительная разница. Кромѣ того и плата учителямъ, не превышавшая въ 1844 году, когда былъ составленъ штатъ, 8-ми тысячъ, возросла до 12-ти тысячъ.

Въ приходѣ съ остаточными въ 1858 году въ институтѣ было 71,292 рубля 90¹/₂ коп.; израсходовано 70,641 рубль 28¹/₄ коп.; осталось 651 рубль 62¹/₄ коп.

1859 годъ начался въ институтѣ усиленною дѣятельностію по приготовленію и открытію классовъ для образованія частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ. Конференція обсудила и опредѣлила вопросы: 1) о назначеніи предметовъ для вступительнаго экзамена въ эти классы; 2) о назначеніи въ оныхъ времени для преподаванія и распределенія числа уроковъ для каждаго предмета; и 3) назначеніемъ отчетности объ успѣхахъ вольно-приходящихъ учениковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были составлены программы для преподаванія въ этихъ классахъ и по разсмотрѣніи конференціею представлены попечителю, по распоряженію коего, онѣ были разсмотрѣны и въ ученое комитетѣ министерства государственныхъ имуществъ. Замѣчанія комитета оказались цѣнными только относительно преподаванія таксаціи и выработанная на ихъ основаніи программа была впоследствии принята и въ институтѣ, ибо попечитель призналъ полезнымъ ввести, по примѣру землемѣро-таксаторскихъ классовъ, преподаваніе таксаціи поземельныхъ угодій и въ VI и VII классахъ института.

По окончаніи учебнаго 1858—1859 года, экзамены были произведены младшимъ семи классамъ съ 21-го апрѣля по 20-е мая, а VIII классу съ 25-го августа по 13-е сентября, по окончаніи лагерныхъ занятій, тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ минувшихъ годахъ.

Съ 27-го мая по 28-е августа происходили практическія занятія въ лагеряхъ при слободѣ Перерѣѣ, по заведенному порядку. Постѣ лагерей воспитанники VIII класса были, какъ и въ прошломъ году, командированы для съемки маршрутовъ и составленія статистическихъ описаній.

Результаты экзаменовъ 1859 года были слѣдующіе:

Изъ 260-ти воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ 2

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ 16

Младшими землемѣрными помощниками:

Съ чиномъ XIV класса 6

Безъ чина 2

Переведено въ высшіе классы 212

Оставлено въ тѣхъ же классахъ 17

Исключено за малоуспѣшность 5

На новый учебный курсъ 1859—1860 года, согласно предписанію попечителя, предстояло ввести въ VI и VII классы преподаваніе таксаціи.

Для этого конференція предположила: 1) какъ можно менѣе измѣнять настоящій курсъ; 2) дабы при значительномъ числѣ существовавшихъ въ VI и VII классахъ предметовъ, не затруднить воспитанниковъ введеніемъ новой науки, перенести изъ этихъ классовъ нѣкоторые предметы въ другіе классы; 3) вести въ институтѣ преподаваніе по той же программѣ, которая утверждена для землемѣроторскихъ классовъ; и 4) согласно съ мнѣніемъ приглашеннаго для преподаванія этой науки ученаго агронома Бажанова, назначить для преподаванія таксаціи въ VI и VII классахъ по два урока.

На этомъ основаніи, курсъ въ низшихъ трехъ классахъ оставленъ безъ измѣненія, а въ прочихъ классахъ, соотвѣтственно вышесказанному, были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ распредѣленіи предметовъ, но безъ измѣненія самыхъ программъ.

Такимъ образомъ распредѣленіе уроковъ на 1859—1860 годъ получилось слѣдующее:

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.								Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Русскій языкъ	4	3	3	2	2	2	2	1	19
Французскій языкъ	4	3	3	2	2	2	2	2	20
Нѣмецкій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Ариметика	3	2	1	—	—	—	—	—	6
Алгебра	—	1	1	2	1	1	—	—	6
Геометрія	2	2	2	1	1	—	—	—	8
Тригонометрія плоская и сферическая	—	—	—	—	1	1	—	—	2
Аналитическая геометрія	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Дифференціальныя и интегральныя исчисленія	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Геодезія низшая и высшая	—	—	—	3	1	2	2	3	11
Математическая географія	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Астрономія	—	—	—	—	—	—	1	3	4
Магнитныя и метеорологическія наблюденія.	—	—	—	—	—	—	—	1	1

} 27

ПРЕДМЕТЫ:		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Законовѣдѣніе		—	—	—	—	2	1	1	—	4
Межевые законы		—	—	—	2	2	2	2	2	10
Военныя науки		—	—	—	—	—	—	—	2	2
Архитектура		—	—	—	—	—	1	2	—	3
Географія		—	3	3	3	—	—	—	—	9
Статистика		—	—	—	—	1	1	1	1	4
Исторія общая и Россіи		—	3	2	2	3	1	—	—	11
Археологія		—	—	—	—	—	—	—	1	1
Естествен- ныя науки.	Физика	—	—	—	—	2	—	—	—	} 10
	Физика и механика	—	—	—	—	—	2	1	—	
	Химія.	—	—	—	—	—	—	2	—	
	Минер. и геометрія	—	—	—	—	—	—	—	3	
Таксація.		—	—	—	—	—	2	2	—	4
Линейное черченіе . . .		—	—	—	—	—	—	1	1	2
Каллиграфія и надписы- ваніе плановъ		4	3	3	2	2	1	1	—	16
Ситуація.		4	2	4	3	2	2	1	1	19
Рисованіе		2	1	1	1	1	1	—	—	7
Итого.		24	24	24	24	24	25	24	24	193

Сверхъ того, для желающихъ VII-го и VIII-го классовъ рисованіе 1 урокъ

Татарскій языкъ и грузинскій, для закавказскихъ воспитанниковъ по 4-е урока на каждый 8 "

Пѣніе 2 "

Танцованіе 2 "

Разборка и починка инструментовъ въ VII-мъ кл. 1 ур. и въ VIII-мъ классѣ 1 урокъ. 2 "

Химическіе опыты въ VII-мъ классѣ 1 "

Физическіе опыты въ V-мъ классѣ 1 "

Законъ Божій лютеранскаго и католическаго исповѣданія по 2 "

Наконецъ съ 1859 года введено было въ институтѣ обученіе гимнастики, сначала обязательное только для воспитанниковъ младшаго возраста, а потомъ распространенное и на всѣхъ, за исключеніемъ инженернаго отдѣленія.

Высочайшими повелѣніями 1859 года:

а) отъ 27-го апрѣля, учреждена въ институтѣ должность врача, съ содержаніемъ и правами, присвоенными врачу Лѣснаго и Межеваго института.

б) отъ 28-го ноября, всѣ военные межевые чины, занимающіе должности въ институтѣ, уравнины въ жалованьѣ, квартирныхъ деньгахъ и добавочномъ жалованьѣ за пяти и десятилѣтія, съ соответствующими должностями въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и

в) отъ 21-го декабря, предоставлено право носить золотой аксельбантъ до чина полковника включительно, всѣмъ тѣмъ, кои выпущены изъ института съ чиномъ подпоручика, а также и тѣмъ, кои хотя и выпущены прапорщиками, но выслушали дополнительные курсы, установленные § 65 и 66 уст. института или удостоены уже званія преподавателей въ институтѣ.

Въ концѣ 1859 года, по Высочайшему повелѣнію были командированы за границу: инспекторъ классовъ института въ Бельгію, Францію и Германію, для основательнаго изученія административно-учебной части въ замѣчательнѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи, Бельгіи и Франціи и поручики Тихѣевъ и Зиновьевъ, для изученія математики и геодезіи. Впослѣдствіи, 30-го апрѣля 1860 года полковникъ Апухтинъ былъ назначенъ начальникомъ школы межевыхъ топографовъ, а на его мѣсто, инспекторомъ классовъ былъ опредѣленъ въ институтѣ л.-гв. сапернаго батальона, полковникъ Горловъ.

Надзоръ за воспитанниками и внутренній распорядокъ оставались въ институтѣ въ прежнемъ видѣ, то-есть ближайшее завѣдываніе во всѣхъ отношеніяхъ лежало на классныхъ офицерахъ, при чемъ въ отношеніи къ учебной части они были непосредственно подчинены инспектору классовъ, а по нравственной—ротнымъ командирамъ и батальонному командиру.

Не можемъ здѣсь не отмѣтить, что съ конца 1859 года въ VI-мъ классѣ института появился у воспитанниковъ нѣкоторый духъ непокорства и порицанія распоряженій начальства. Духъ этотъ былъ навѣянъ извнѣ: въ то время появились въ Москвѣ какіе-то молодые люди, яко-бы эмиссары отъ одного изъ высшихъ петербургскихъ заведеній и, узнавши нѣсколько фамилій старшихъ воспитанниковъ разныхъ заведеній, а въ томъ числѣ и института, вызывали ихъ подъ видомъ родственниковъ и знакомыхъ и вели свою пропаганду. Этою пропагандою и увлеклись нѣкоторые воспитанники VI-го класса, такъ что позволяли себѣ преднамѣренно нарушать порядокъ заведенія, не

исполняли приказаній, а если и исполняли, то не тотчасъ и съ видимымъ нежеланіемъ, порицая при этомъ, въ присутствіи своихъ товарищей, установленна въ заведеніи правила. Воспитательный комитетъ нашелся вынужденнымъ одного изъ такихъ воспитанниковъ представить къ исключенію въ неучащіяся топографы, а съ пятерыхъ сдѣлать строгое взыскаііе, дабы подобііе безпорядка и въ особенности неумѣстныхъ разсужденія не могли имѣть дурнаго вліянія на прочихъ воспитанниковъ ¹⁾.

Больныхъ въ лазаретѣ перебивало 484; выздоровѣло 479; умеръ 1; осталось 4.

Въ приходѣ по институту съ остаточными въ 1859 году было 85,778 рублей 64³/₄ коп.; въ расходѣ 82,940 р. 89 коп.; осталось 2,837 р. 75³/₄ к. (билетъ, пожертвованный Вистицкою).

Въ концѣ учебнаго 1859—1860 года конференція института сдѣлала весьма важное постановленіе относительно порядка производства экзаменовъ:

Въ виду того, что до сихъ поръ экзаменныя комиссіи назначались по классамъ для всѣхъ предметовъ, проходимыхъ въ классѣ, и, такимъ образомъ, не могли состоять изъ лицъ специально знакомыхъ съ каждымъ изъ этихъ предметовъ, отчего баллы, выставленные членами комиссій, съ одной стороны, не могли дать вѣрнаго понятія о знаніяхъ воспитанниковъ, а съ другой—не всегда согласовались, какъ съ отчетами о ходѣ экзаменовъ инспектора классовъ, такъ и съ словесными отзывами присутствовавшихъ на экзаменахъ компетентныхъ лицъ, было постановлено:

а) Экзаменныя комиссіи составлять по предметамъ, такъ сказать, спеціальныя, соединяя, разумѣется, нѣкоторые однородные предметы вмѣстѣ, а членами экзаменныхъ комиссій назначать лицъ, хорошо знакомыхъ съ предметами испытанія, при чемъ оцѣнка знаній воспитанниковъ должна получиться болѣе правильная;

б) Составленнымъ, такимъ образомъ, экзаменнымъ комиссіямъ, поставить въ обязанность, по окончаніи экзамена изъ каждаго предмета, не прерывая засѣданія, дѣлать письменное заключеніе, до какой степени экзаменъ былъ удовлетворителенъ и какіе замѣчены недостатки, каковое заключеніе и передавать инспектору классовъ, вмѣстѣ съ экзаменными списками.

в) Такъ какъ, при такомъ составѣ экзаменныхъ комиссій, одинъ

¹⁾ Дѣло института 1859 года, № 84.

и тотъ же классъ будетъ экзаменоваться различными комиссіями, то, независимо отъ классныхъ офицеровъ, назначать особыхъ постоянно присутствующихъ на экзаменахъ известныхъ классовъ, въ видѣ председателей комиссій, для наблюденія за порядкомъ и правильностію производства экзаменовъ и вѣрностію экзаменныхъ списковъ.

г) При обсужденіи въ конференціи переводовъ воспитанниковъ изъ класса въ классъ и выпуска ихъ на службу, приглашать въ засѣданія оной членовъ экзаменныхъ комиссій, постоянныхъ наблюдателей (председателей) и классныхъ офицеровъ; и

д) принимая во вниманіе, что курсъ въ институтѣ начинается поздно, не ранѣе 15-го сентября, что происходитъ отъ экзамена VIII классу не вмѣстѣ съ прочими классами, а по окончаніи лагеря и что самый VIII классъ, имѣя въ виду экзамены, болѣе занятъ приготовленіемъ къ онимъ, чѣмъ практическими работами: ходатайствовать о производствѣ VIII классу экзамена въ маѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ прочими классами.

Согласно съ этимъ и было составлено для экзаменовъ 1860 года шесть комиссій: 1-я для математическихъ предметовъ и геодезій въ старшихъ трехъ классахъ; 2-я для тѣхъ же предметовъ прочихъ классовъ; 3-я для словесности и законовѣдѣнія; 4-я для французскаго и нѣмецкаго языковъ; 5-я для естественныхъ наукъ и 6-я для статистики, географіи и исторіи. Въ составъ каждой комиссіи вошли только преподаватели тѣхъ предметовъ, изъ коихъ предстоялъ экзамень или люди, хорошо знакомые съ ними.

При обсужденіи результатовъ экзаменовъ, произведенныхъ этими новыми спеціальными комиссіями, директоръ предложилъ конференціи: „высказать способы для того, чтобы воспитанники получали болѣе прочныя познанія въ слушанныхъ ими наукахъ и не забывали пройденнаго въ младшихъ классахъ“¹⁾.

Члены конференціи, послѣ уничтоженія одного изъ вѣрѣйшихъ для этого способовъ, именно, принятія на экзамень въ цифирный расчетъ годичнаго балла, выражавшаго результатъ цѣло-годичныхъ трудовъ воспитанниковъ, на сей разъ остановились на слѣдующемъ: они полагаютъ полезнымъ и въ известной степени разрѣшающимъ этотъ вопросъ—отмѣнить экзамены для тѣхъ изъ воспитанниковъ младшихъ шести классовъ, которые будутъ оказывать въ продолженіе

¹⁾ Протоколъ конференціи 19-го августа 1860 года.

учебнаго года отличныя и весьма хорошія успѣхи. Эта мѣра, по мнѣнію членовъ конференціи, должна была заставить воспитанниковъ заниматься въ теченіе года съ большимъ вниманіемъ и сознаниемъ, не рассчитывая на экзамень, приготовившись на скоро къ которому, можно было получить хорошія и даже отличныя баллы и, кромѣ того, должна была дать возможность производить экзамень съ болѣею подробностію, къ чему до сихъ поръ большое число экзаменующихся служило помѣхою. Наконецъ, заставляя воспитанниковъ не рассчитывать на одинъ экзамень, предполагалось, что мѣра эта увеличитъ число хорошихъ учениковъ, дастъ имъ возможность уяснить науку во всей ея цѣлости и устранить обыкновеніе готовиться по билетамъ, усваивать только отрывочныя свѣдѣнія, часто не имѣющія между собою никакой связи.

Все это должно было относиться только до младшихъ шести классовъ, не выпускныхъ; въ VII и VIII классахъ экзамену, самому строгому и безпристрастному, должны были подвергаться всѣ воспитанники, безъ исключенія.

Хотя мѣра эта и не была утверждена попечителемъ, но мы носимъ ее въ нашу хронику, во 1-хъ, какъ указаніе на то, что ходомъ учебной части начальство института оставалось не совсѣмъ довольно, а во 2-хъ, какъ доказательство того, что основывать окончательное сужденіе объ успѣхахъ и знаніи воспитанниковъ на однихъ экзаменныхъ отвѣтахъ, безъ принятія во вниманіе ихъ занятій въ теченіе года, или, что все равно, балловъ, выставляемыхъ учителемъ за годъ, нельзя. Ошибочность такой оцѣнки, конечно, должна была особенно выясниться при новомъ составѣ экзаменныхъ комиссій изъ специалистовъ и привела конференцію къ вышесказанному рѣшенію.

Лагерныя занятія и командированіе воспитанниковъ VIII класса на глазомѣрную съемку происходили по заведенному порядку.

Результаты экзаменовъ 1860 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	2
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	11
Младшими землемѣрными помощниками: съ чиномъ	
XIV-го класса	2
безъ чина	1

Исключено изъ института на основаніи § 41 устава
въ топографы и канцелярскіе служители. 4

Исключено за малоуспѣшность	3
Переведено въ внѣшніе классы	205
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	32

Въ 1860 году по Высочайшему повелѣнію министромъ государственныхъ имуществъ была снаряжена экспедиція въ Калмыцкую степь астраханской губерніи, вслѣдствіе соображеній о возможности устройства русскихъ осѣдлыхъ поселеній между Каспійскимъ и Чернымъ морями, въ степныхъ пространствахъ Кумо-Манычской низменности.

Съ этою цѣлью министерство поручило экспедиціи произвести возможно точное и подробное изслѣдованіе всей Калмыцкой степи, между Волгою и Дономъ, отъ Сарепты, на сѣверѣ, до Кумы и Маныча на югѣ, съ тѣмъ, чтобы имѣть вѣрныя данныя о качествѣ и количествѣ почвы, воды и расположеніи ихъ, для выбора мѣстъ, удобныхъ къ хлѣбопашеству и устройству селеній. При чемъ требовалось произвести астрономическую и геодезическую инструментальную съемку края, составить планы и карты и описаніе снятыхъ пространствъ.

Въ составъ этой комисіи, по распоряженію попечителя, для астрономическихъ и топографическихъ работъ, назначены состоявшіе при институтѣ, подпоручики Крыжинъ и Автократовъ, которые и отправились на мѣсто лѣтомъ того же года. Экспедиція продолжалась въ 1860 и 1861 годахъ и по астрономическому и геодезическому отдѣлу оной подпоручикъ Крыжинъ произвелъ географическое опредѣленіе 27-ми пунктовъ, помощію астрономическихъ наблюденій и нивелировку русла Маныча на протяженіи болѣе чѣмъ 100 верстъ, а подпоручикъ Автократовъ исполнилъ топографическую съемку долины Маныча и нѣкоторой части Калмыцкой степи по Крымскому и чумацкому трактамъ.

Результатъ съемки и нивелировки рѣшилъ вопросъ о распредѣленіи водъ долины Маныча. Наибольшее возвышеніе его долины лежитъ въ устьѣ Калауса, въ мѣстности, называемой Калмыками Шара-Хулусунъ, возвышающейся на 80 англійскихъ футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря и на 170 футовъ надъ уровнемъ моря Каспійскаго. Возвышеніе это служитъ водораздѣломъ, направляя теченіе Маныча по двумъ противоположнымъ направленіямъ: къ западу (въ Донъ) и къ востоку въ степную Калмыцкую низменность, по которой течетъ Кума.

Къ отчету объ астрономическихъ и геодезическихъ работахъ, произведенныхъ гг. Крыжинымъ и Автократовымъ, приложены были:

карта всей Калмыцкой степи, съ обозначеніемъ хозяйственнаго распределенія земель, (съ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ) и нивелировочный планъ съ чертежами профилей русла Маныча.

Отчетъ напечатанъ въ отдѣльномъ сочиненіи „Калмыцкая степь. Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи“, изданномъ въ С.-Петербургѣ, въ 1868 году, министерствомъ государственныхъ имуществъ.

На учебный 1860—1861 годъ сдѣлана значительная перемѣна въ курсѣ института, въ видахъ выпуска воспитанниковъ землемѣрными помощниками не изъ VII-го, а изъ VI-го класса. Еще въ 1858 году ¹⁾ директоръ института, по оказавшейся въ то время потребности въ землемѣрахъ, возбудилъ въ конференціи вопросъ, о сокращеніи времени на образованіе землемѣрныхъ помощниковъ, дѣлая выпускъ въ младшіе помощники изъ VI класса, съ тѣмъ, чтобы VII классъ былъ только пригготовительнымъ для VIII инженернаго класса. Конференція, принимая во вниманіе, что большая часть предметовъ, необходимыхъ собственно для землемѣрныхъ помощниковъ, заканчивалась въ VI классѣ, а изъ числа предметовъ, проходимыхъ въ VII классѣ, есть достаточно такихъ, которые не составляя необходимости для помощника, служатъ дѣйствительно только приготовленіемъ къ VIII инженерному классу, и слѣдовательно, проходятся напрасно и безъ должнаго окончанія тѣми изъ воспитанниковъ, которые не выходятъ изъ заведенія межевыми инженерами, тогда же признала эту мѣру полезною, тѣмъ болѣе, что она, сокращая время для образованія землемѣрныхъ помощниковъ, не требовала измѣненія ни программъ, ни числа часовъ, назначенныхъ на каждый предметъ, а только перемѣщенія нѣкоторыхъ предметовъ изъ VII класса въ VI и обратно.

Передъ началомъ учебнаго курса 1860—1861 года директоръ заявилъ конференціи ²⁾, что попечитель по его представленію изъявилъ согласіе на приведеніе этой мѣры въ видѣ временной, въ исполненіе и на измѣненіе курса въ институтѣ на 1860—1861 годъ такимъ образомъ, чтобы изъ VI класса на будущее время производить выпускъ воспитанниковъ, вполне подготовленныхъ для занятія должностей землемѣрныхъ помощниковъ, а изъ VIII межевыми инженерами, на прежнемъ основаніи.

¹⁾ Протоколъ конференціи 1858 года. Дѣло № 17.

²⁾ Протоколы конференціи 1861 года.

Для исполненія сего, конференція предположила: въ VI классѣ прибавить таксацію земель и законовѣдѣніе и окончить межевые законы и низшую геодезію; сферическую тригонометрію и аналитическую геометрію въ пространствѣ перенести въ VII классъ. Кроме того, ввести въ VI классъ повтореніе всей математики и упражненія въ тригонометрическихъ вычисленіяхъ.

Согласно съ этимъ, распредѣленіе уроковъ на учебный 1860—1861 годъ было слѣдующее:

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы.								Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Русскій языкъ	4	3	3	2	2	2	2	1	19
Французскій языкъ	3	3	3	2	2	2	2	3	20
Нѣмецкій языкъ	2	2	2	2	—	—	—	—	5(сборн.)
Ариѳметика	3	2	1	—	—	—	—	—	6
Алгебра	—	1	1	1	1	1	—	—	5
Геометрія	2	2	2	2	1	—	—	—	9
Тригонометрія плоская и сферическая	—	—	—	—	1	1	1	—	3
Аналитическая геометрія	—	—	—	—	—	1	2	—	3
Дифференціальныя и интегральныя исчисленія	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Низшая и высшая геодезія	—	—	—	2	2	2	3	3	12
Математическая географія	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Астрономія	—	—	—	—	—	—	2	3	5
Магнитныя и метеорологическія наблюденія	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Законовѣдѣніе	—	—	—	1	1	1	—	—	3
Межевые законы	—	—	—	2	3	3	1	1	10
Архитектура	—	—	—	—	1	1	1	—	3
Линейное черченіе	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Географія	—	2	2	2	—	—	—	—	6
Статистика	—	—	—	—	—	1	2	2	5
Исторія общая и Россіи	—	2	2	2	2	—	—	—	8
Археологія	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Естественныя науки.	Физика	—	—	1	1	—	—	—	2
	Физика и механика	—	—	—	—	1	1	—	2
	Химія	—	—	—	—	—	2	—	2
	Минералогія и геогнозія	—	—	—	—	—	—	2	2

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы.								Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Таксація	—	—	—	—	2	2	—	—	4
Каллиграфія и надписываніе									
плановъ	3	2	3	1	1	1	—	—	11
Ритуація	4	3	3	2	2	2	} 2	2	16
Сисованіе	2	1	1	1	1	1			
Итого	24	24	24	24	24	24	24	24	192

Между тѣмъ, къ началу курса 1860—1861 года возвратился изъ за границы полковникъ Алухтинъ и представилъ управляющему Межевымъ корпусомъ подробное и обстоятельное описаніе осматрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи, Бельгіи и Франціи. При личномъ докладѣ его о результатахъ заграничной поѣздки, Михаилъ Николаевичъ остановилъ свое вниманіе на системѣ преподаванія, принятой въ Парижской Политехнической и Брюссельской военной школахъ, которая ему была извѣстна и изъ собственнаго осмотра обонхъ этихъ заведеній.

Въ общихъ чертахъ система заключалась въ слѣдующемъ:

а) Въ раздѣленіи учебнаго года на періоды, въ которые начиналось и оканчивалось изученіе одного и не болѣе двухъ главныхъ и трудныхъ предметовъ, дабы имѣть возможность непрерывно продолжать преподаваніе каждаго предмета и не развлекать вниманія учениковъ преподаваніемъ многихъ наукъ разомъ;

б) въ чтеніи лекцій профессорами въ общихъ аудиторіяхъ, при чемъ профессоръ дѣлалъ спрашиваніе только затѣмъ, чтобы уяснить какъ понята была его настоящая или предыдущая лекція,

в) въ непремѣнномъ разучиваніи, послѣ каждаго чтенія, прочитаннаго урока, въ присутствіи профессора и репетиторовъ, при чемъ они должны помогать учащимся и дѣлать необходимыя объясненія и

г) въ спрашиваніяхъ, для оцѣнки познаній учащихся, производимыхъ не профессорами, въ общихъ аудиторіяхъ, а особыми репетиторами, въ отдѣльныхъ комнатахъ по одному или нѣсколькѣ учащихся, при чемъ въ случаѣ не полнаго знанія, репетиторы обязаны повторять и разъяснять пройденное—что, при существованіи большаго числа репетиторовъ на каждый предметъ, давало возможность, производить спрашиваніе (репетиціи), столь часто, сколько сіе считалось нужнымъ и ни одного отдѣла науки не оставлять безъ сирова и оцѣнки, а въ случаѣ надобности и безъ разъясненія.

При принятой у насъ системѣ, въ которой обязанности препода-

вателя и репетитора сливаются, хорошей ученикъ можетъ выучить-ся самъ собою, не оставляя ни одного пробѣла въ пройденномъ; лѣ-нивый же можетъ и не учиться, ибо съ одной стороны, одинъ учитель не можетъ спрашивать произвольно часто, а съ другой, не можетъ долго и останавливаться на непоявшившихъ пройденное, дабы не задержать цѣлый классъ. При системѣ же Политехнической школы, при повѣркѣ знаній учащихся спросами особыхъ репетиторовъ, всѣ, безъ исключенія, должны учиться, такъ какъ число спрашиваемой зависитъ отъ числа репетиторовъ, а единичныя объясненія не мѣ-шаютъ занятіямъ пѣлаго класса. Но само собою разумѣется, что эта система можетъ принести дѣйствительную пользу только тогда, когда число репетиторовъ согласовано съ числомъ учениковъ, а главное, если репетиторы хорошо знакомы съ курсомъ и методомъ препода-ванія профессора, такъ что могутъ репетировать извѣстный предметъ въ томъ самомъ объемѣ и направленіи, въ какомъ онъ преподается.

Само собою разумѣется также, что эта система болѣе пригодна для старшихъ классовъ, чѣмъ для младшихъ, въ которыхъ учитель не только долженъ читать лекціи, но и учить, т. е., безпрестанно разъяснять прочитанное. Михаилъ Николаевичъ такъ и понялъ это. Пожелавъ ввести репетиторовъ въ институтъ, онъ написалъ дирек-тору отъ 5-го сентября 1860 года ¹⁾: „по обзврѣніи нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеній за границею полковникомъ Апухтинымъ и вслѣдствіе личнаго его доклада, находя полезнымъ, чтобы изученіе предметовъ воспитанниками VIII инженернаго класса института, а если представится возможность, то даже и VII класса, производилось подъ ближайшимъ надзоромъ и при содѣйствіи особыхъ репетиторовъ, какъ это дѣлается въ тѣхъ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, я поручаю вамъ немедленно войти объ этомъ въ личное совѣщаніе съ полковникомъ Апухтинымъ и составивъ подробное соображеніе объ устройствѣ сего предмета въ институтѣ, представить мнѣ таковое на утвержденіе“.

Институтское начальство, принимая въ соображеніе, что при-званіе попечителя о введеніи репетиторовъ послѣдовало тогда, когда учебный курсъ давно уже начался, причемъ всякая рѣзкая перемѣна въ немъ могла повредить его успѣшности, нашло возможнымъ на-значить репетиторовъ только изъ трехъ главныхъ предметовъ и въ одномъ VIII-мъ классѣ, и именно, по дифференціальному и интеграль-

¹⁾ Дѣло института 1860 года № 51.

ному исчисленію, высшей геодезіи и астрономіи. Для сего число уроковъ, назначаеваемыхъ собственно для преподаванія или чтенія вновь этихъ предметовъ было уменьшено и распределено такъ, чтобы изъ каждаго изъ нихъ былъ только одинъ такой урокъ въ день, а оставшееся число утреннихъ часовъ изъ тѣхъ предметовъ было назначено или на разъясненіе и разучиваніе прочтенной лекціи, или на общія репетиціи, производимыя въ присутствіи цѣлаго класса и преподавателя. Затѣмъ, на репетиторовъ, производившихъ свои спрашиванія, не въ присутствіи цѣлаго класса, а въ особыхъ комнатахъ, по одному воспитаннику, были возложены слѣдующія обязанности:

1) Они должны были присутствовать на лекціяхъ преподавателей, дабы имъ было извѣстно, какъ и что пройдено;

2) Въ послѣобѣденное (то-есть, внѣклассное) время, по особо составленному росписанію, производить частныя репетиціи, то-есть, спрашивать воспитанниковъ изъ пройденныхъ отдѣловъ науки, по назначенію преподавателя; и.

3) Каждый отвѣтъ оцѣнивать баллами, которые и передавать преподавателямъ,

При такомъ распределеніи, по мнѣнію начальства института, могло быть достигнуто слѣдующее:

а) Въ теченіе дня изъ трудныхъ предметовъ будетъ только одинъ урокъ, собственно для преподаванія, и, вслѣдъ за нимъ, его разъясненіе или лучше сказать, разучиваніе.

б) Система спрашиванія, въ присутствіи цѣлаго класса, существовавшая до сихъ поръ и имѣющая ту несомнѣнную выгоду, что преподаватель при спрашиваніи можетъ дѣлать дополнителныя объясненія, останется при общихъ репетиціяхъ, дѣлаемыхъ преподавателемъ при полномъ классѣ; и

в) При частныхъ репетиціяхъ, каждый воспитанникъ будетъ спрошенъ подробно изъ всѣхъ безъ исключенія отдѣловъ науки, а не случайно изъ какой-нибудь его части.

Эти предположенія попечителемъ были утверждены и преподаваніе трехъ означенныхъ предметовъ было поведено въ институтѣ при содѣйствіи репетиторовъ.

Въ концѣ 1860 года, по предложенію директора, конференція представила объ отмѣнѣ красныхъ досокъ, существовавшихъ въ каждомъ классѣ, для записыванія именъ лучшихъ воспитанниковъ, „на томъ основаніи“, какъ сказано въ протоколѣ 8-го декабря 1860-года, „что воспитанникамъ слѣдуетъ постоянно внушать, что добрая нравствен-

ность и прилежаніе къ наукамъ есть ихъ прямая обязанность, и что поэтому, хорошо себя вести и учиться они должны по сознанію этой обязанности, а не изъ желанія видѣть имя свое написаннымъ на красной доскѣ". Оставлена одна только черная доска, вывѣшиваемая, въ случаѣ надобности, въ приемной комнатѣ, написаніе на коей имени воспитанника должно считаться крайнею степеню наказанія, къ коей положено прибѣгать только въ тяжкомъ случаѣ; если же другія мѣры взысканія не принесутъ пользы. Равнообразно, съ этого года принято выставлять не ежемесячно, а каждые два мѣсяца, аттестациі воспитанниковъ по каждому предмету.

Въ этомъ году (27-го апрѣля) было увеличено содержаніе директора и нѣкоторыхъ гражданскихъ чиновниковъ института на 57⁰/₀.

3-го апрѣля 1860 года полковникъ Ложкаревъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ утвержденіемъ въ должности директора института.

Больныхъ въ лазаретѣ въ 1860 году было 448, выздоровѣло 446. Умерло въ отпуску 8.

По хозяйственной части институтъ въ 1860 году находился въ затруднительномъ положеніи: увеличеніе цѣнъ на всѣ предметы и значительный сверхштатный расходъ, (и именно: на жалованье преподавателямъ VIII-го инженернаго класса, батальонному и ротнымъ командирамъ, ротнымъ офицерамъ, на жалованье и порціоны военнослужащимъ нижнимъ чинамъ, на столъ офицеровъ IX-го класса и на содержаніе астрономической и магнитной обсерваторій); который необходимо было производить изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ, не далъ возможности институту покрыть всѣ свои расходы суммами 1860 года, такъ что институтъ остался долженъ разнымъ подрядчикамъ 2,012 руб. 67³/₄ коп. и Межевой канцеляріи 3,200 руб. Директоръ, донося объ этомъ въ своемъ отчетѣ за 1860 годъ, указывалъ на крайнюю необходимость, увеличить штатныя суммы, ежегодно отпускаемыя институту.

Оборотъ суммъ за 1860 годъ былъ слѣдующій: Въ приходѣ съ остаточными 84,349 руб. 66 коп.; израсходовано 84,347 руб. 8¹/₂ к.; въ остаткѣ 2 руб. 57¹/₂ коп. и непрерывно-доходный билетъ сохранной казнач. отъ 1-го ноября 1859 года за № 2157 въ 2,604 рубля.

Въ 1860 году послѣдовалъ указъ сената отъ 19-го іюня о правахъ и обязанностяхъ воспитанниковъ изъ кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ.

Въ началѣ 1861 года получилъ разрѣшеніе вопросъ, озабочивав-

шій высшее межевое начальство еще съ 1855 года, а именно, о порядкѣ опредѣленія преподавателей въ институтъ на дѣйствительную службу.

Правила для сего, составленныя въ соединенной конференціи института и школы межевыхъ топографовъ, утвержденныя управляющимъ Межевымъ корпусомъ 6-го февраля 1861 года ¹⁾ и неизмѣненныя до настоящаго времени, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Всѣ, желающіе поступить на дѣйствительную службу преподавателями, должны имѣть право на преподаваніе въ учебникъ заведенія. Св. Зак. меж. прилож. къ ст. 26, п. 4.

2) Изъятія отъ сего правила допускаются:

а) Чинамъ Межеваго корпуса, съ успѣхомъ окончившимъ курсъ въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ, если они пожелаютъ преподавать предметы спеціальныя и именно: межевыя законы, геодезію, таксацію, астрономію, математику и ситуацію;

б) Лицамъ, окончившимъ курсъ въ IX-мъ офицерскомъ классѣ, если они предназначались для изученія какихъ-либо предметовъ общихъ и пожелаютъ преподавать эти предметы.

3) Лица, желающія поступить преподавателями и, на основаніи вышеназуженнаго, имѣющія на это право, должны представить конспектъ того предмета или того отдѣла науки, который они преподавать намѣрены; конспектъ этотъ предварительно разсматривается или старшимъ преподавателемъ или особою комиссіею, по назначенію конференціи, и представляется въ засѣданіе конференціи, куда приглашаются претендентъ и всѣ преподаватели того предмета, не коему написанъ конспектъ. Въ этомъ засѣданіи написавшій конспектъ даетъ объясненія на вопросы и возраженія членовъ и присутствующихъ на конференціи; и

4) Если написавшій конспектъ заслужитъ одобреніе конференціи, то можетъ быть допущенъ къ преподаванію немедленно; въ утвержденію же въ должности представляется не ранѣ истеченія годичнаго курса, дабы начальство заведенія, по успѣхамъ воспитанниковъ, могло удостовѣриться въ его способности къ преподаванію.

По окончаніи учебнаго 1860—1861 года, какъ экзамены всѣхъ 8-ми классовъ, съ 29-го апрѣля по 3-е іюня, такъ и латерныя занятія съ 4-го іюня по 10-е августа, въ 1861 году, были произведены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ минувшемъ году.

¹⁾ Дѣло 55—61 годовъ № 38.

Результаты экзаменовъ 1861 года были слѣдующіе:

Изъ 262 воспитанниковъ: выпущены на службу:

Подпоручиками жекевскихъ инженеровъ 2

Прапорщиками 13

Старшими землеѳриными помощниками:

Съ чиномъ XII-го класса 2

„ „ XIV-го „ 2

Младшими землеѳриными помощниками:

Съ чиномъ XIV-го класса 12

Всѣхъ чина 18

Исключено изъ института 2

Переведено въ слѣдующіе классы 194

Оставлено въ тѣхъ же классахъ 17

20-го февраля 1861 года Высочайше повелѣно: отличѣйшимъ воспитанникамъ, по выпускѣ изъ школы въ офицеры жекевскихъ топографовъ, предоставить слушать дополнительные курсы, вмѣстѣ съ жекевскими инженерами, вышедшими изъ Константиновскаго Межевого института, соединивъ ихъ въ одинъ офицерскій классъ при семъ заведеніи, а также распространить на нихъ, во время нахождения въ классѣ, преимущества, коими пользуются оные инженеры по § 68 устава института. Къ слушанію курса въ офицерскомъ классѣ допускать прослужившихъ два года въ офицерскомъ званіи (ранѣе же по особымъ уваженіямъ, съ разрѣшенія управляющаго Межевымъ корпусомъ) и выдержавшихъ удовлетворительно экзаменъ, опредѣленный для выпускаемыхъ изъ старшаго класса института. Курсъ ученія въ офицерскомъ классѣ продолжатъ въ теченіе двухъ лѣтъ. По окончаніи курса, офицеровъ сего класса подвергать особому испытанію, въ присутствіи особаго комитета изъ лицъ по назначенію управляющаго Межевымъ корпусомъ. Выдержавшихъ съ успѣхомъ это испытаніе, то-есть, получившихъ не менѣе $\frac{4}{5}$ балловъ по всѣмъ предметамъ ученія, кромѣ другихъ предоставленныхъ имъ уже преимуществъ, награждать слѣдующими чинами, подобно тому, какъ этимъ преимуществомъ пользуются офицеры, окончившіе курсъ въ офицерскомъ классѣ агѣнсичихъ, и отличѣйшихъ изъ числа выдержавшихъ экзаменъ по усмотрѣнію управляющаго Межевымъ корпусомъ, отправлять, примѣняясь къ горному вѣдомству, на казенный счетъ, за границу, для усовершенствованія въ приобретенныхъ ими познаніяхъ“.

Такимъ образомъ, IX-й офицерскій классъ, образованный админист-

стративнымъ порядкомъ изъ дополнительныхъ курсовъ, получить прочное законное существованіе.

По порученію управляющаго, въ конференціи института составлено было и особое положеніе объ этомъ классѣ, въ которомъ съ точностію опредѣлены порядокъ назначенія въ него офицеровъ, ихъ подчиненность, порядокъ занятій, повѣрва онаго и способъ производства экзаменовъ.

Курсъ института, какъ сказано было выше, административнымъ порядкомъ былъ уже намѣненъ такимъ образомъ, что воспитанники VI-го класса были совершенно подготовлены къ выпуску на службу младшими землемѣрными помощниками.

Управляющій Межевымъ корпусомъ, въ виду предстоявшей въ то время огромной потребности въ землемѣрахъ, на основаніяхъ, выработанныхъ по его порученію, конференціею, просилъ Высочайшее повелѣніе о выпускѣ воспитанниковъ института изъ VI-го класса. По всеподданнѣйшему докладу его, въ 17-й день апрѣля 1861 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Для перевода воспитанниковъ изъ VI-го въ VII-й классъ примѣнить тѣ постановленія, кои существуютъ для перевода изъ VII-го въ VIII-й классъ, то-есть, производить съ разбѣжками поочередно только тѣхъ, которые получаютъ за экзаментъ $\frac{2}{3}$ балловъ, какъ въ сложности по всѣмъ предметамъ преподаванія, такъ и въ частности изъ каждаго specialнаго для межевой службы предмета; а въ поведеніи не менѣе 9-ти балловъ; прочіе же воспитанниковъ VI-го класса выпускать по экзамену въ младшіе землемѣрныя помощники съ чиномъ XIV-го класса, если получаютъ въ знаніи не менѣе $\frac{2}{3}$ балловъ, какъ въ сложности по всѣмъ предметамъ, такъ и по каждому specialному, а по поведенію не менѣе 8-ми балловъ; получившихъ же менѣе сего балловъ выпускать младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

2) Воспитанниковъ, кои по экзамену перейдутъ изъ VI-го въ VII-й классъ, но, по малодѣйственности въ наукахъ, не будутъ въ состояніи перейти въ VIII-й нижемерный классъ, выпускать на службу младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса и съ отдачею старшинства въ ономъ (примѣняясь къ порядку, существующему для III-го specialнаго класса въ военно-учебныхъ заведеніяхъ), наравнѣ съ сверстниками, выпущенными на службу изъ VI-го класса.

3) Еслибы кто изъ воспитанниковъ, перешедшихъ въ VII-й

классъ, самъ замѣтивъ свою неспособность къ продолженію курса наукъ, пожелалъ быть выпущеннымъ на службу, то таковыхъ также выпускать на службу младшими вѣдомѣнными помощниками съ чиномъ XIV-го класса и съ отдачею въ ономъ вышесказаннаго старшинства¹⁾.

Такимъ образомъ выпускъ шестидесяти перваго года былъ уже сдѣланъ на основаніи этого повелѣнія. Замѣчательно, что оно до сихъ поръ не вошло въ сборъ законовъ и не было нигдѣ опубликовано.

Учебная часть института, по преимуществу, особенно заботила Михаила Николаевича. Несмотря на свои обширныя занятія, по должностямъ министра государственныхъ имуществъ и председателя департамента удѣловъ, онъ нашелъ время преподавать личныя указанія генералу Дошкареву объ устройствѣ этой части въ институтѣ, сообразно съ тѣми данными, которыя получились изъ собранныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ граничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

На основаніи этихъ данныхъ и сдѣланныхъ имъ личныхъ указаній, попечитель предписалъ директору института²⁾, составить подъ ея предсѣдательствомъ особый комитетъ, для обсужденія предположеній объ улучшеніяхъ по учебной части въ институтѣ и школѣ межевыхъ топографовъ³⁾.

Въ составъ этого комитета вошли членами: председатель Межевой канцеляріи, полковникъ Ахшарумовъ; начальникъ школы межевыхъ топографовъ, полковникъ Апухтинъ; инспекторы классовъ обоихъ заведеній, полковникъ Горловъ и штабсъ-капитанъ Волковской и преподаватели: статскій совѣтникъ Ламовскій, астрономъ Швейцеръ, полковники Мейенъ и Смирновъ, подполковникъ Стоцкий и поручикъ Лѣтниковъ.

Комитетъ, приступивъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, имѣлъ въ виду:

а) Что независимо отъ постепенныхъ улучшеній, вводимыхся по-

¹⁾ Дѣло инст. 1861 г. № 31. Предписаніе отъ 21-го апрѣля за № 1575.

²⁾ Дѣло института 1861 г. № 27.

³⁾ Школа межевыхъ топографовъ состояла тогда изъ 240 человекъ казенныхъ и своекоштныхъ воспитанниковъ и 80 человекъ пансіонеровъ министерства государственныхъ имуществъ, предназначаемыхъ для службы по сему вѣдомству. Курсъ школы былъ почти равенъ институтскому и она отличалась отъ института только тѣмъ, что воспитанники изъ VIII класса школы выпускались межевыми топографъ-прапорщиками, а не межевыми инженерами.

стоянно въ организацію учебной части, управляющимъ Межевымъ корпусомъ признано было необходимымъ, сдѣлать въ устройствѣ оной еще нѣкоторые измѣненія, сообразно организаціи этой части въ лучшихъ специальныхъ заведеніяхъ за границей, и при этомъ устранить и нѣкоторые замѣченные имъ недостатки, имѣющіе вліяніе на прочность приобретаемыхъ воспитанниками знаний и правильность ихъ оцѣнки; и

б) Что съ этою цѣлію было командировано за границу нѣсколько лицъ межеваго вѣдомства, какъ для подробнаго осмотра лучшихъ тамошнихъ специальныхъ заведеній, такъ и для ознакомленія со степенью развитія и методами преподаванія наукъ, и преимущественно тѣхъ, кои составляютъ специальность межеваго вѣдомства.

По этому комитетъ побуждиль начать свои занятія разсмотрѣніемъ какъ помянутыхъ выше недостатковъ, такъ и тѣхъ частей учебной организаціи, которыя подлежатъ измѣненіямъ на основаніи указаній, сдѣланныхъ управляющимъ Межевымъ корпусомъ, потомъ ознакомиться подробно съ отчетомъ, представленнымъ однимъ изъ командированныхъ за границу лицъ, полковникомъ Апухтинымъ и, затѣмъ уже, руководствуясь данными этого отчета, потребностями межеваго вѣдомства и указаніями управляющаго Межевымъ корпусомъ, составить и самыя предположенія объ улучшеніяхъ и измѣненіяхъ въ учебной части межевыхъ учебныхъ заведеній.

На этомъ основаніи, разсмотрѣвъ перечень преподаваемыхъ предметовъ и общую организацію учебной части въ то время, комитетъ нашель:

1) Что воспитанникамъ преподается слишкомъ много предметовъ, изъ коихъ многіе вводились постепенно, или въ видахъ общаго образованія или въ видахъ исключительныхъ надобностей, безъ отношеній къ специальности службы. Большое число предметовъ обременяетъ воспитанниковъ и не даетъ имъ возможности наиболѣе сосредоточить вниманіе на предметахъ, имѣющихъ специальную важность по роду ихъ будущей службы.

2) Программы по нѣкоторымъ не-спеціальнымъ предметамъ излишне обширны, особенно при имѣющемся въ виду усиленіи преподаванія предметовъ специальныхъ.

3) Вообще классы, особенно средніе и низшіе, слишкомъ многочисленны, отъ постепеннаго увеличенія комплекта воспитанниковъ.

4) Распредѣленіе времени не всегда правильно, такъ напримѣръ: назначеніе ежедневно 4-хъ уроковъ въ старшихъ классахъ, въ коихъ

должно быть предоставлено воспитанникамъ болѣе времени для самостоятельныхъ занятій; случайное распрежденіе предметовъ, иногда всѣхъ трудныхъ въ одинъ день и на оборотъ и т. п.

5) Неспеціальныя предметы, при изученіи и при переводѣ воспитанниковъ въ высшіе классы, сравнительно со спеціальными, имѣютъ почти одинаковое значеніе.

6) Неудовлетворительность вышней системы экзаменовъ. Главнѣйшіе недостатки этой системы заключаются во 1-хъ въ томъ, что при переводѣ изъ класса въ классъ, а также при выпускѣ, принимаются въ соображеніе одни лишь познанія, выказанныя на самомъ экзаменѣ, а годичныя занятія и прилежаніе не имѣютъ при этомъ значенія; изъ чего слѣдуетъ, что воспитанники нерадивые, проведя праздно весь учебный годъ и на-скоро приготовившись къ экзамену, всегда имѣютъ возможность быть переведенными въ слѣдующій классъ или выпущенными на службу безъ прочныхъ познаній; и во 2-хъ, въ недостаточности времени для экзамена, что не даетъ возможности вполне убѣдиться въ знаніи воспитанника. Всѣ вышесказанныя причины имѣютъ вліяніе на недостаточное усвоеніе большинствомъ воспитанниковъ преподаваемыхъ имъ наукъ. Конечно есть и всегда были единицы, прошедшія весь курсъ съ полнымъ успѣхомъ и получившія прочныя познанія, но на массу преподаваніе ложится поверхностно и замѣтно отсутствіе практическаго усвоенія нѣкоторыхъ предметовъ.

По разсмотрѣніи и должномъ обсужденіи всего вышесказаннаго, комитетъ полагалъ бы:

1) Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ отмѣнить вовсе; нѣкоторые же сдѣлать для экзамена необязательными.

2) Измѣнить конспекты наукъ, опредѣливъ конечную цѣль преподаванія каждаго предмета, и, по утвержденіи ихъ, составить вновь программы по всѣмъ предметамъ.

3) Неудобства, происходящія отъ многочисленности учениковъ въ классахъ, устранить одною изъ двухъ мѣръ: или устройствомъ параллельныхъ классовъ, или учрежденіемъ должностей репетиторовъ (помощниковъ преподавателей).

Но первая мѣра, требующая съ одной стороны особаго помѣщенія и новыхъ значительныхъ издержекъ на жалованье преподавателямъ, съ другой стороны представляетъ и весьма важное неудобство въ отношеніи разнородности преподаванія въ одномъ и томъ же классѣ.

Вслѣдствіе этого комитетъ исключительно обратитъ вниманіе на учрежденіе должностей репетиторовъ.

4) Ввести вообще въ распредѣленіе и порядокъ занятій, какъ въ теченіе дня, такъ и всего учебнаго года, указанныя опытомъ и одобренныя членами комитета улучшения.

5) При переводѣ изъ класса въ классъ, а тѣмъ болѣе при выпускѣ на службу, постановить большія требованія по предметамъ вспомога- тельнымъ и общимъ.

6) Чтобы устранить вредное обихновеніе насоро: приготовиться къ экзамену и заставить воспитанниковъ заниматься изученіемъ пред- метовъ въ теченіе всего курса, переводъ вообще изъ класса въ классъ производить на основаніи оказанныхъ въ теченіе года успѣховъ (по среднимъ годичнымъ балламъ). Для удостовѣренія же въ приобрѣ- тенныхъ воспитанниками познаніяхъ, — установить экзамены, по оконча- нии главнѣйшихъ отдѣловъ всего учебнаго курса. При окончательной оцнѣ познаній воспитанниковъ на экзаменахъ, непременно принима- ть въ расчетъ прилежаніе и годовыя занятія.

Принявъ эти мѣры, изложенныя въ общихъ чертахъ, за основаніе, комитетъ приступилъ къ болѣе подробному ихъ развитію и къ избра- нію способовъ, для примѣненія ихъ къ дѣлу.

Начавъ съ завѣдыванія учебною частію, комитетъ нашелъ необ- ходимымъ: къ имѣющимся въ обоихъ заведеніяхъ конференціямъ до- бавить учебный совѣтъ, для единства образованія и содѣйствія успѣшнѣйшему его ходу въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также для постоянного соглашенія хода учебной части съ потребностями службы Межеваго корпуса. На обязанности учебнаго совѣта должно лежать разсмотрѣніе и обсужденіе распредѣленія времени вообще, порядка классныхъ и практическихъ занятій, программъ и учебныхъ курсовъ, и вообще всего, что можетъ относиться до измѣненія или лучшаго устройства самыхъ заведеній по части учебной.

Всѣ заключенія учебнаго совѣта получаютъ должную силу по утвержденію ихъ управляющимъ Межевнымъ корпусомъ.

Въ составъ этого совѣта непременно ввести слѣдующихъ лицъ:

Начальниковъ обоихъ заведеній;

Предсѣдателя Межевой канцеляріи;

Директора чертежной Межевой канцеляріи;

Инспекторовъ классовъ обоихъ заведеній;

Нѣсколькихъ преподавателей обоихъ заведеній, и другихъ лицъ по назначенію управляющаго Межевнымъ корпусомъ.

Примѣчаніе I-е. Такъ какъ въ школъ межевыхъ топографовъ воспитываются 80 человекъ въѣдства министерства государственныхъ имуществъ, то въ учебномъ совѣтѣ долженъ присутствовать членъ отъ министерства государственныхъ имуществъ, назначаемый по согласію управляющаго Межевымъ корпусомъ съ министерствомъ.

II-е. Учебному совѣту предстаетъ приглашать въ свои засѣданія, если встрѣтится въ томъ надобность, постороннихъ специалистовъ, для совѣщаній.

Затѣмъ, перейдя къ рассмотрѣнію раздѣленія въ настоящее время полнаго курса на 8-мь классовъ, и находя: 1) что при приѣмѣ требуется отъ поступающихъ весьма мало познаній, и 2) что курсъ младшаго класса слишкомъ незначителенъ, комитетъ, имѣя при томъ въ виду выпускъ большаго, ежегоднаго числа воспитанниковъ на службу и при этомъ соблюденіе экономіи, полагалъ весьма полезнымъ, упразднить младшій классъ, помѣстивъ курсъ межевыхъ учебныхъ заведеній оканчивать въ семь лѣтъ, изъ коихъ два года полагать для пріготовительнаго отдѣленія (два класса: младшій и старшій), слѣдующіе три года для землемѣрнаго отдѣленія (три класса: младшій, средній и старшій) и послѣдніе два года для инженернаго отдѣленія (два класса: младшій и старшій).

Такимъ образомъ, вмѣсто нынѣ существующихъ восьми классовъ имѣть ихъ только семь. Для этого, на вступительномъ экзаменѣ въ младшій пріготовительный классъ, требовать отъ дѣтей большихъ познаній, сравнительно съ прежними.

Имѣлось въ виду согласить программы пріемнаго экзамена съ программами среднихъ классовъ гимназій, но достигнуть этого вполне оказалось невозможно, по особенностямъ требованій нашихъ заведеній по предметамъ математическимъ.

Въ пріготовительномъ отдѣленіи курсъ ученія установить такимъ образомъ, чтобы съ теченіемъ времени можно было упразднить еще младшій классъ, оставивъ только одинъ классъ, необходимый для уравненія познаній начинающихъ курсъ ученія, съ тѣмъ, чтобы они съ наибольшою пользою могли изучать потомъ курсъ землемѣрнаго отдѣленія.

При уничтоженіи еще одного пріготовительнаго класса, главнымъ образомъ имѣлось въ виду, что молодые люди, поступающіе въ заведенія старѣе возрастомъ, могутъ уже имѣть общее образованіе достаточное для того, чтобы въ самыхъ заведеніяхъ посвятить себя преимущественно изученію специальныхъ предметовъ.

Для землемѣрнаго отдѣленія назначить двойную цѣль: приготовить къ переводу въ инженерное отдѣленіе наиболѣе способныхъ и наклонныхъ къ занятіямъ молодыхъ людей, и остальныхъ за сими выпускать на службу землемѣрными помощниками, наилучше и спеціально приготовленными къ исполненію служебныхъ обязанностей.

Изъ инженернаго отдѣленія, составленнаго изъ однихъ лишь способнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ молодыхъ людей, выпускать на службу офицерскими чинами, вполне образованныхъ межевыхъ инженеровъ и топографовъ.

Относительно приѣма въ заведенія комитетъ полагаетъ: дозволить поступать желающимъ по состязательному экзамену во всѣ классы заведеній. При этомъ, разумѣется, поступающіе въ старшіе классы должны были имѣть преимущество предъ поступающими въ младшіе.

Желающіе поступить въ одинъ изъ означенныхъ классовъ обязаны держать экзаменъ, согласно программъ, установленныхъ для сихъ классовъ, а поступающіе въ два старшіе класса землемѣрнаго отдѣленія и въ оба класса инженернаго отдѣленія, сверхъ сего, должны умѣть производить практическія работы, для сихъ классовъ установленныя.

Возрастъ для поступления опредѣлить слѣдующимъ образомъ: имѣющіе отъ 12 до 14 лѣтъ могутъ поступать въ младшій приготовительный классъ;

Отъ 14 до 15 лѣтъ, въ старшій приготовительный.

„ 15 „ 16 „ „	младшій	} Земле- мерные.
„ 16 „ 17 „ „	средній	
„ 17 „ 18 „ „	старшій	
„ 18 „ 19 „ „	младшій	} Инже- нер- ные.
„ 19 „ 20 „ „	старшій	

Примѣчаніе. При совершенно удовлетворительномъ выдержаніи приѣмнаго экзамена и достаточномъ умственномъ развитіи, допускать приѣмъ въ каждый классъ однимъ годомъ моложе опредѣленныхъ выше лѣтъ. Сверхъ поступающихъ, на общихъ основаніяхъ воспитанниками, полагалось полезнымъ дозволить поступать по таковому же экзамену и въ тѣ же классы слушателями лекцій (экстернами).

Экстерны должны подчиняться всѣмъ условіямъ заведеній и пользоваться всѣми правами по выпуску, наравнѣ съ своекоштными воспитанниками. Плату съ нихъ взимать по примѣру гимназій, по 30 р. въ годъ, которую и назначить для покрытія расходовъ на учебныя пособия.

Програму для приѣмнаго экзамена въ младшій классъ приготовительнаго отдѣленія комитетъ полагалъ установить слѣдующую:

По закону Божію.

Необходимыя молитвы. Символь вѣры, Заповѣди. Краткая священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Краткій катихизисъ.

По русскому языку.

Чтеніе; объясненіе прочитаннаго; грамматическій разборъ; письмо подъ диктантъ безъ грубыхъ ошибокъ.

По иностраннымъ языкамъ.

Читать и писать по французски или по нѣмецки.

По ариметикѣ.

Дѣйствія надъ числами цѣлыми и дробными (простыми и десятичными).

Чистописаніе.

Въ той мѣрѣ, чтобы видна была твердость руки.

Въ отношеніи измѣненій учебнаго курса, комитетъ находилъ необходимымъ:

а) Преподаваніе архитектуры и археологій въ томъ видѣ, какъ она преподается нынѣ, отмѣнить, оставивъ по археологій только чтеніе древнихъ рукописей, присоединивъ его къ преподаванію русской исторіи.

б) Статистику, высшую геодезію, магнитныя наблюденія, астрономію, высшую математику и сферическую тригонометрію преподавать только воспитанникамъ, предназначеннымъ къ выпуску въ инженеры. Въ землѣрномъ же курсѣ преподавать: изъ высшей геодезіи о составленіи сѣти на малыхъ пространствахъ и краткое понятіе объ употребительнѣйшихъ прожекціяхъ, а вмѣсто статистики — подробную географію Россіи съ ея статистическимъ обзорѣніемъ.

в) Преподаваніе закона Божія оканчивать въ землѣрномъ курсѣ, такъ какъ изъ этого курса производится уже выпускъ на службу, а въ инженерномъ отдѣленіи назначить время для христіанскихъ бесѣдъ.

г) Рисованіе, какъ обязательное, преподавать только въ приготовительномъ отдѣленіи; въ прочихъ же обучать только желающихъ.

д) Исторію преподавать обязательно одну лишь русскую, съ чтеніемъ древнихъ грамотъ и рукописей.

е) Классное преподаваніе общей исторіи, исторіи отечественной

литературы, химіи, минералогіи и геогнозіи въ томъ видѣ, какъ они преподаются теперь, замѣнить чтеніями лекцій, употребляя для того вечернее время и не дѣлая этихъ предметовъ обязательными для экзамена. Эти чтенія предполагались въ видахъ дополненія образованія спеціальнаго, болѣе осмысленнаго образованіемъ общимъ, необходимымъ для всякаго человѣка.

ж) Низшую геодезію и таксацію, окончательно преподаваемую въ землемѣрномъ курсѣ, непременно повторять въ курсѣ инженерномъ.

з) Только тѣмъ изъ воспитанниковъ землемѣрнаго курса, которые приобрѣтутъ хорошія познанія въ одномъ изъ иностранныхъ языковъ (французскомъ или нѣмецкомъ), предоставитъ право на переводъ въ инженерный курсъ.

Такимъ образомъ, для воспитанниковъ, предназначенныхъ къ выпуску землемѣрными помощниками, составитъ курсъ изъ слѣдующихъ обязательныхъ предметовъ:

- 1) Закона Божія.
- 2) Языковъ русскаго и одного изъ иностранныхъ, по желанію.
- 3) Межевыхъ законовъ.
- 4) Геодезіи: всей низшей и части высшей.
- 5) Таксаціи, съ необходимыми для того свѣдѣніями изъ естественныхъ наукъ.

6) Математики: (алгебра низшая, геометрія, изъ аналитики—понятіе о координатахъ, уравненіи прямой линіи и круга, сколько сіе нужно для Геодезіи и плоская тригонометрія).

- 7) Физики съ элементарною механикою.
- 8) Географіи Россіи со статистическимъ обзорѣмъ.
- 9) Исторіи Россіи съ чтеніемъ древнихъ грамотъ и рукописей.
- 10) Законовѣдѣнія.
- 11) Математической географіи (популярная астрономія).
- 12) Каллиграфіи и Ситуаціи.
- 13) Черченія плановъ.

Предметы инженернаго курса назначить слѣдующіе:

- 1) Межевые законы: повтореніе курса.—Исторія Межевыхъ законовъ и государственнаго межеванія.
- 2) Геодезія высшая и повтореніе низшей.
- 3) Магнитныя и метеорологическія наблюденія.
- 4) Астрономія.
- 5) Математика (сферическая тригонометрія, аналитическая геометрія на плоскости и въ пространствѣ, нѣкоторыя части изъ выс-

шей алгебры, дифференціальное и интегральное исчисленія и способъ наименьшихъ квадратовъ).

6) Статистика, со свѣдѣніями изъ политической экономіи.

7) Повтореніе таксаціи.

8) Французскій или нѣмецкій языки.

9) Черченіе плановъ.

10) Линейное черченіе.

Практическія занятія должны состоять: въ землемѣрномъ курсѣ въ

1) Съемкѣ топографической и межевой.

2) Топографическомъ нивелированіи.

3) Дѣлопроизводствѣ по генеральному межеванію безспорному, спорному и межеванію спеціальному; веденіи полевыхъ журналовъ; составленіи плановъ и межевыхъ книгъ.

4) Практическомъ занятіи по таксаціи.

Въ инженерномъ курсѣ въ

1) Повтореніи землемѣрнаго курса по межевому дѣлопроизводству.

2) Съемкѣ топографической и межевой.

3) Составленіи тригонометрической сѣти.

4) Топографическомъ и геодезическомъ нивелированіи.

5) По астрономіи—въ различныхъ наблюденіяхъ, необходимыхъ для опредѣленія долготъ, широтъ и азимутовъ.

6) Въ производствѣ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій.

7) Повтореніи занятій по таксаціи.

Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ и практическихъ занятій, комитетъ предположилъ необязательныя вечернія чтенія или лекціи: въ землемѣрномъ отдѣленіи, по исторіи русской литературы и всеобщей исторіи и въ инженерномъ отдѣленіи—христіанскія бесѣды и чтенія по минералогіи, геогнозису и химіи.

Засимъ, комитетъ нашелъ необходимымъ сдѣлать распредѣленіе предметовъ по степени ихъ важности, сообразно съ спеціальною цѣлью заведеній.

Вслѣдствіе чего предположено: одни предметы считать спеціальными (главными), другіе вспомогательными (второстепенными) и, наконецъ, третьи общими, какъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

П Р Е Д М Е Т Ы:

	Спеціальные.	Вспомогательные.	Общє.
Отдѣленіе инженер-ное.	Межевые законы, Геодезія, Таксація, Астрономія, Математика, Черченіе плановъ.	Магнитныя наблюденія, Статистика, Иностранный языкъ, Линейное черченіе,	
Отдѣленіе землеѣрнос.	Межевые законы, Геодезія, Таксація, Математика, Ситуація и черченіе плановъ.	Русскій языкъ, Географія Россіи (со статистическимъ обзорѣніемъ), Законовѣдѣніе, Естественныя науки, какъ вспомогательныя для таксаціи.	Физика, механика, Исторія Россіи, Математическая географія, Иностранный языкъ.
Отдѣленіе приготовит.	Математика, Русскій языкъ.		Всеобщая географія, Иностранный языкъ, Рисованіе, Каллиграфія.

Разсматривая общій планъ учебной части, комитетъ призналъ необходимымъ, для соглашенія способовъ преподаванія, а также конспектовъ и программъ, съ цѣлю заведенія и съ предстоящею воспитанникамъ служебною дѣятельностью, опредѣлить конечную цѣль (краткіе конспекты) преподаванія и изученія каждой науки. Такимъ образомъ, комитетъ полагалъ, что конечная цѣль преподаванія должна быть:

По русскому языку—совершенное знаніе русской грамматики и, какъ слѣдствіе сего, умѣнье правильно писать и излагать свои мысли.

По иностраннымъ языкамъ—свободный переводъ съ иностраннаго языка (французскаго или нѣмецкаго) на русскій для поступленія въ инженерное отдѣленіе, гдѣ конечная цѣль есть умѣнье переводить съ иностраннаго языка на русскій и съ русскаго на иностранный.

По математикѣ—сверхъ необходимыхъ теоретическихъ свѣдѣній—практическое ея знаніе, съ умѣньемъ приложить его къ различнаго рода вопросамъ, касающимся специальности межеваго вѣдомства.

По низшей геодезіи—для землеѣрровъ: умѣнье практически

производить съемки межевую и топографическую (последнюю горизонталью) и топографическое нивелирование; для инженера: сверхъ того, знаніе всѣхъ существующихъ способовъ выраженія видоизмѣненій мѣстности.

По высшей геодезіи—сверхъ необходимыхъ теоретическихъ познаній—практическое знаніе всѣхъ тригонометрическихъ измѣреній, относящихся къ нимъ вычисленій и картографіи.

По межевымъ законамъ—знаніе практическаго производства всѣхъ родовъ межеванія, свидѣтельства дѣлъ и межеваго судопроизводства, съ примѣненіемъ при этомъ межевыхъ законовъ.

По таксаціи—умѣнье оцѣнить всякое поземельное угодіе, выразивъ его цѣнность въ видѣ капитала.

По естественнымъ наукамъ, какъ вспомогательнымъ для таксаціи,—знаніе главнѣйшихъ законовъ: ботаники, зоологіи, минералогіи, геогнозіи и химіи и въ особенности тѣхъ частей, которыя необходимы для спеціальной цѣли образованія.

По астрономіи—опредѣленіе географическихъ широтъ и долготъ и азимута.

По математической географіи—общія знанія о небесныхъ явленіяхъ и объ устройствѣ вселенной.

По магнитнымъ и метеорологическимъ наблюденіямъ—практическое знаніе опредѣленія наклоненія и склоненія магнитной стрѣлки, напряженія земнаго магнетизма (переносными и постоянными снарядами) и производство метеорологическихъ наблюденій.

По физикѣ—знаніе главнѣйшихъ законовъ явленій и болѣе подробное знаніе отдѣловъ, относящихся къ спеціальной цѣли образованія.

По механикѣ—знаніе основныхъ законовъ и примѣненія ихъ къ разрѣшенію простѣйшихъ вопросовъ практической механики, встрѣчающихся въ обществѣ.

По географіи—общій обзоръ всѣхъ частей свѣта, въ связи съ физическимъ описаніемъ странъ. Знаніе географіи Россіи, въ возможной подробности, съ указаніемъ на главнѣйшія статистическія свѣдѣнія.

По исторіи—обстоятельное знаніе отечественной исторіи, въ особенности тѣхъ моментовъ, которые обуславливали главнѣйшія эпохи исторической жизни народа.

По законовѣдѣнію—обстоятельное знакомство съ учрежденіями, преимущественно губернскими и уѣздными, знаніе гражданскихъ зако-

новъ, какъ опредѣляющихъ взаимныя права и обязанности гражданъ, общія понятія о преступленіяхъ и наказаніяхъ и о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ. Знакомство съ системою свода законовъ.

По статистикѣ—знакомство съ приемами для собиранія статистическихкихъ свѣдѣній и группированія ихъ. Знаніе статистики Россіи, съ необходимыми свѣдѣніями изъ политической экономіи.

По линейному черченію—умѣнье правильно чертить различныя инструменты съ натуры.

По каллиграфіи—скорое и четкое письмо и умѣнье употреблять установленныя шрифты при надписываніи картъ и плановъ. Умѣнье писать литографическою тушью.

По рисованію (въприготовительномъ отдѣленіи)—развитіе твердости и вѣрности руки и глазомѣра.

По ситуациіи—знаніе черченія горизонталей съ моделей и отгущевки покатошей карандашомъ и тушью, примѣняясь къ Лемановской системѣ.

По черченію плановъ—умѣнье вѣрно, отчетливо и скоро производить накладку, иллюминировку, отмывку и надписываніе плановъ.

Разсматривая нынѣшнюю систему оцѣнки познаній баллами и находя, что при слишкомъ большомъ количествѣ балловъ, весьма часто одинъ и тотъ же успѣхъ оцѣняется различными баллами, комитетъ призналъ болѣе полезнымъ принять для оцѣнки знаній шесть балловъ, отъ 1 до 6 включительно, полагая притомъ, что:

6	будетъ	выражать	отличный	успѣхъ
5	"	"	весьма	хорошій
4	"	"	хорошій	"
3	"	"	посредственный	"
2	"	"	слабый	"
1	"	"	безуспѣшность.	

Хотя этими 6-ю различными баллами возможно аттестовать всѣ степени приобрѣтенныхъ познаній, но для приданія большаго вѣса предметамъ спеціальнымъ предъ вспомогательными и симъ послѣднимъ предъ предметами общими, при размѣщеніи воспитанниковъ по старшинству, какъ въ классахъ, такъ и при выпускѣ на службу, сообразно оказаннымъ успѣхамъ, предполагалось полезнымъ, примѣняясь къ порядку, существующему въ иноземныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ввести такъ называемый баллъ важности (*cote d'importance*), установивъ, чтобы баллъ этотъ для спеціальныхъ предметовъ былъ 3, для вспомогательныхъ 2, для общихъ—1.

Обращаясь, затѣмъ, къ мѣрамъ для устраненія неудобствъ, происходящихъ отъ многочисленности классовъ, и признавъ полезнымъ, какъ выше было сказано, учредить, въ помощь преподавателю особыхъ репетиторовъ, комитетъ полагалъ, что обязанности репетиторовъ должны быть слѣдующія:

- 1) присутствовать на лекціяхъ преподавателя, и находиться на урокахъ, назначенныхъ для разъясненія пройденнаго.
- 2) Разъяснять лекцію совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она была прочитана преподавателемъ.
- 3) Спрашивать воспитанниковъ (по указанію преподавателя), въ особо назначенное для сего время, и не въ присутствіи класса, но преимущественно въ отдѣльныхъ комнатахъ.
- 4) Занимать мѣсто преподавателя, во время его отсутствія, и
- 5) Вообще быть помощникомъ преподавателя по занятіямъ его съ классомъ.

При этомъ комитетъ полагалъ, что обязанность репетитора въ приготовительныхъ классахъ различается отъ обязанности репетиторовъ въ прочихъ классахъ; различіе это зависитъ отъ относительно меньшаго развитія умственныхъ способностей, прилежанія и отъ недостатка навыка къ занятіямъ младшимъ воспитанниковъ. По этимъ причинамъ комитетъ полагалъ, что репетиторы приготовительныхъ классовъ должны разъяснять пройденное, а также спрашивать, не въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, но непременно съ самыхъ классовъ, въ присутствіи воспитанниковъ.

Комитетъ полагалъ полезнымъ назначить первоначально репетиторовъ для 5-ти старшихъ классовъ (отдѣленій инженернаго и землемѣрнаго) по предметамъ специальнымъ, для каждаго предмета особо и потомъ уже, если представится необходимость, то и по нѣкоторымъ вспомогательнымъ предметамъ. Въ должность репетиторовъ комитетъ предполагалъ избирать преимущественно межевыхъ офицеровъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставить начальствамъ заведеній право приглашать для этихъ должностей за вознагражденіе, которое будетъ установлено, и лицъ не служащихъ въ Межевомъ корпусѣ.

При этомъ предоставить репетиторамъ права учебной службы, въ томъ вниманіи, что обязанность ихъ будетъ чисто учебная.

Число репетиторовъ по каждому предмету должно зависеть отъ количества воспитанниковъ въ классахъ. Принимая во вниманіе, что подъ главнымъ наблюденіемъ инспектора классовъ, ближайшее завѣ-

дываніе каждымъ классомъ въ учебномъ отношеніи, поручается въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ ротнымъ офицерамъ и что они, по должности классныхъ офицеровъ, обязаны слѣдить за правильнымъ и успѣшнымъ усвоеніемъ воспитанниками преподаванія и вообще имѣть наблюденіе за ходомъ ученія въ классѣ, комитетъ полагалъ справедливымъ ходатайствовать о предоставленіи и симъ офицерамъ правъ учебной службы тѣмъ болѣе, что это будетъ лишь возстановленіемъ тѣхъ правъ, коими пользовались, до преобразованія Константиновскаго Межеваго института на военное положеніе, классные надзиратели, коихъ обязанность выполняютъ нынѣ классные офицеры, и распространеніемъ права, которымъ пользуется нынѣ надзиратель при больницѣ института.

Относительно распредѣленія занятій въ теченіе дня и недѣли, въ каждомъ отдѣленіи особо, комитетъ полагалъ: въ классахъ приготовительнаго отдѣленія, гдѣ дѣти еще не привыкли заниматься сами и гдѣ главное и самое полезное ученіе поѣтому происходитъ въ классное время и въ присутствіи преподавателей—назначить въ день по 4 урока.

Въ классахъ землемѣрнаго отдѣленія назначить въ день по 3 урока, а четвертый назначить для разъясненія и разучиванія (въ присутствіи репетитора) урока труднаго предмета, пройденнаго въ этотъ день. Если не будетъ надобности назначить разъясненія пройденнаго, то въ тотъ день 4-й урокъ оставить свободнымъ.

Въ классахъ инженернаго отдѣленія, гдѣ предполагается предоставить воспитанникамъ какъ можно болѣе времени для самостоятельныхъ занятій, назначить въ день не болѣе 2-хъ уроковъ и если нужно будетъ, то допустить третій урокъ изъ искусствъ. Послѣ преподаннаго урока изъ труднаго предмета, назначить время для разъясненія пройденнаго и для составленія по этому предмету записокъ.

При распредѣленіи уроковъ, принять за правило, чтобы каждый день первые часы преимущественно были назначены для труднаго предмета, послѣ котораго или оставлять свободные часы для разъясненія, или назначить урокъ легкой, или изъ искусствъ. Второй урокъ стараться назначить по предмету разнородному съ первымъ, требующему работы другихъ умственныхъ способностей. Въ приготовительномъ отдѣленіи, изъ четырехъ уроковъ въ день, одинъ непременно назначить изъ искусствъ. Въ классахъ землемѣрнаго и инженернаго отдѣленій, урокъ изъ искусствъ долженъ продолжаться 2 часа, такъ какъ замѣчено, что значительная часть времени употребляется на

приготовленіе къ черченію и, затѣмъ, для самаго черченія остается мало времени. Причѣмъ черченіе должно быть производимо только въ назначенное для того классное время, дабы, вопервыхъ, воспитанники приучались работать хорошо и скоро въ данное время и, вовторыхъ, они бы не имѣли никакой возможности чертить одни за другихъ, за чѣмъ, въ класснаго времени, услѣдить невозможно. Имѣя въ виду, что во французской политехнической школѣ принята метода преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ по періодамъ и что цѣль этой методы состоитъ въ томъ, чтобы учащіеся не были обременяемы въ одно и то же время изученіемъ большаго числа разнородныхъ предметовъ, комитетъ нашель, что мѣра эта заслуживаетъ полнаго вниманія, но, принимая въ уваженіе, что введеніе подобной методы у насъ, вдругъ для нѣсколькихъ предметовъ, по новости самой методы и непривычѣ къ ней, можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣхи ученія, комитетъ положилъ: начать преподаваніе по періодамъ съ одной математики, съ тѣмъ, чтобы подобное же преподаваніе другихъ предметовъ вводилось по мѣрѣ возможности и когда опытъ убѣдитъ въ дѣйствительной пользѣ этой методы.

По соображеніи всего вышеизложеннаго, а также продолжительности учебнаго года, числа предметовъ по классамъ и конечной цѣли преподаванія каждаго изъ этихъ предметовъ, комитетъ составилъ нижеслѣдующія приблизительныя таблицы числа уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ и по каждому предмету и распределеніе предметовъ по классамъ.

К Л А С С Ы:

Число уроковъ въ недѣлю.	К Л А С С Ы:								В с е г о.
	Младшій пригото- вательный.	Старшій пригото- вательный.	Младшій земле- мер- ный.	Среднй земле- мер- ный.	Старшій земле- мер- ный.	Младшій инженер- ный.	Старшій инженер- ный.		
Законъ Божій	1	1	1	1	1	—	—	—	5
Языки: Русскій	4	3	2	1	1	—	—	—	11
„ Французскій	3	2	2	2	2	2	2	—	15
„ Нѣмецкій	3	2	—	2	—	—	—	—	7
				Сборный.					
Всеобщая географія	3	2	—	—	—	—	—	—	5
Географія Россіи	—	1	—	1	1	—	—	—	3
Исторія Россіи	—	—	—	1	2	—	—	—	3
Статистика	—	—	—	—	—	2	1	—	3
Ариѳметика	2	3	—	—	—	—	—	—	5
Алгебра	—	2	1	1	—	—	—	—	4
Геометрія	2	2	1,5	—	—	—	—	—	5,5
Тригонометрія (плоская)	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Аналитическая геометрія на плоскости	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Повтореніе математики	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Сферическая тригоно- трія	}	}	}	}	}	}	}	}	}
Высшая алгебра									
Аналитическая геоме- трія									
Дифференціальное и интегральное исчи- сленія									
Астрономія	—	—	—	—	—	2	2	—	4
Геодезія высшая и низ- шая	—	—	2	2	2	3	3	—	12
Межевые законы	—	—	—	2	2	2	1	—	8
Законовѣдніе	—	—	1	1	1	—	—	—	3
Физика съ механикою	—	—	2	2	—	—	—	—	4
Таксація съ естественны- ыми науками	—	—	2	2	1	—	1	—	6

у Число уроковъ въ недѣлю.

	Младшій пригото- вительный.	Старшій пригото- вительный.	Младшій земле- мѣрный.	Средній земле- мѣрный.	Старшій земле- мѣрный.	Младшій инженер- ный.	Старшій инженер- ный.	Всего.
Математическая геогра- фія	—	—	—	—	1	—	—	1
Магнитныя и метеороло- гическія наблюденія	—	—	—	—	—	—	1	1
Каллиграфія и ситуація	3	3	3	3	—	—	—	12
Черченіе плановъ	—	—	—	—	3	2	2	7
Линейное черченіе	—	—	—	—	—	1	1	2
Рисованіе	2	2	—	—	—	—	—	4
Всего уроковъ въ недѣлю.	23	23	19¹/₂	20	19	17	17	138¹/₂

ПРЕДМЕТЫ.	Е Л		
	Младшій приготовительный.	Старшій приготовительный.	Младшій землеѣруч
Законъ Божій	Священная исторія новаго завѣта под- робно.	П р о с т р а н н ы й к а т и	
Русскій языкъ	Грамматика,	съ чтеніемъ исто	рическихъ разсказовъ.
Иностранные языкъ.	Оба языка о	бязательны.	Французскій или нѣме- цкаго иностраннаго языка
Арифметика.	Окончаніе арифме- тики.	Повтореніе всей арифметики и прак- тическое употребле- ніе логарифмиче- скихъ таблицъ.	
Алгебра		Уравненія 1 сте- пени.	Степени, корни, прогр и логарисмы.
Геометрія	Лонгиметрія до про- порціональныхъ линій.	Окончаніе лонги- метрии и планиме- трия.	Стереометрія.
Тригонометрія			
Аналитическая ге- ометрія			
Астрономія			
Геодезія			Межевая съемка прос инструментами. Вычисл площадей.
Магнитныя и ме- теорологическія наблюденія			

А	С	С	Ы
Средній земле- мѣрный.	Старшій земле-мѣрный.	Младшій инженерный.	Старшій инженерный.
и с ъ.	Исторія христіан- ской церкви.	Христіанскія	бесѣды.
[исъменныя упра- вленія грам-	женія и повторе- нныя математики.	Упражненіе въ	перелогахъ.
мъ по желанію ясненіемъ грам- матикъ.	ю. Переводы съ математическихъ пра- вилъ.	Упражненіе въ пе- реводахъ на иностран- на языкъ на иностран- на языкъ.	перелогахъ съ русскаго язы- ка на иностранный, и съ иностраннаго русскій.
введеніе алгебры.	Обзоръ всего прой- деннаго изъ мате- матикъ.	Дифференцирова- ніе и высшая ал- гебра. Трансце- дентное уравненіе.	Дифференціальныя и инте- гральныя исчисленія.
исчисленія. Вычисле- нія.	Употребительнѣй- шія кривыя.	Сферическая. Плоская.	Въ пространствѣ.
исчисленія. Вычисле- нія.	Употребительнѣй- шія кривыя.	Введеніе. — Части изъ сферической астрономіи.	Различные способы опредѣ- ленія широтъ, долготъ и азимутовъ.
исчисленія. Вычисле- нія.	Тригонометриче- ская сѣтка малыхъ пространствъ. Съемка, основан- ная на тригоно- метрическихъ измѣре- ніяхъ. О картогра- фическомъ.	Тригонометрич. сѣтка на значительн. простр. геодезиче- ское и барометрич. нивелированіе со- ставленіе картъ и графическая сѣтка.	Опредѣленіе вида и величины земли. Вычисленіе широтъ и долготъ, сферическ. и по- лярныхъ координатъ основ. на тригонометрич. измѣре- ніяхъ. Повтореніе высшей.
			Опредѣленіе склоненія и наклоненія магнитной стрѣ- лки и напряженія земнаго магнетизма. Метеорологи- ческія наблюденія.

ПРЕДМЕТЫ.	Е С Л		
	Младшій приготовительный.	Старшій приготовительный.	Младшій землебръ
Межевые законы .			Д ѣ л о п р о с
Исторія			
Географія	Всеобщая.	Окончаніе всеобщей и обзоръ географіи Россіи.	
Математическая географія			
Физика и механика.			Физика.
Статистика			
Тавсація съ естественными науками			Естественныя науки.
Каллиграфія и ситуация	К а л л и г р а ф і я .		Черченіе горизонталей горъ съ моделями. Каллиграфія.
Черченіе и накладка плановъ			
Линейное черченіе.			
Законовѣдніе			Учрежденія.
Рисованіе	О б я з а т е л ь н о е .		С б о р н и

А	С	С	Ы.
Средній земле- мѣръный.	Старшій землемѣръный.	Младшій инженерный.	Старшій инженерный.
о д с т в о .	Судопроизводство.	П о в т о р е н и е .	
Исторія Россіи и грамотъ и рукописей.	Чтеніе древнихъ копсѣй.		
Географія Россіи подробно.	Продолженіе гео- графіи Россіи, со статистическимъ обозрѣніемъ. Весь курсъ.		
Механика.			
Таксація земель.	Статистика Россіи.		Продолженіе статистики Россіи и свѣдѣн. изъ поли- тической экономіи. Повтореніе таксаціи.
Вкладка,	черченіе,	и иллюмино	в ва плановъ .
Гражданскіе и уг- ловные законы о состоя- ніяхъ.	Головные законы.	Графическое строе- ніе кривыхъ линій.	Черченіе инструм. съ на- туры.
К л а с с ъ	д л я ж е	л я ю щ и	х ъ .

Сверхъ показанныхъ предметовъ, должны быть назначены уроки: Закона Божія—для воспитанниковъ иностранныхъ исповѣданій.

Татарскаго языка.

Грузинскаго языка.

Гимнастики.

Таксаціи.

Пѣнія.

Фронтובהа ученія.

} Собственно въ Константиновскомъ
Межевомъ институтѣ для кавказскихъ
воспитанниковъ.

Относительно распредѣленія занятій, въ теченіе дня комитетъ предлагалъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, а также и указаній опыта, и распредѣлить день слѣдующимъ образомъ:

Въ 6 часовъ воспитанникамъ вставать.

Въ 6^{1/2} часовъ завтракать.

До 8 часовъ готовить уроки.

Отъ 8 до 9^{1/2} часовъ

„ 9^{1/2} до 11 часовъ

„ 11 до 12^{1/2} часовъ

} Три урока, изъ коихъ одинъ, по
возможности—искусствъ.

Отъ 12^{1/2} до 1^{1/2} рекреация и гимнастика.

Отъ 1^{1/2} до 4^{1/2} час.—обѣдъ, потомъ рекреация и въ то же время можетъ быть гимнастика, танцованіе, фронтובהа ученіе и занятія съ репетиторами въ отдѣльныхъ комнатахъ.

Отъ 4^{1/2} до 6 час.—Четвертый урокъ или урокъ для разъясненія, а въ нѣкоторыхъ классахъ занятія съ репетиторами и приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню.

Отъ 6 до 8 час.—Приготовленіе уроковъ, занятія съ репетиторами, а въ младшихъ классахъ и рекреация.

Отъ 8 до 8^{1/2} час. рекреация.

Отъ 8^{1/2} до 10 час. ужинъ, а потомъ рекреация.

Въ 10 часовъ ложиться спать.

Относительно производства экзаменовъ и порядка перевода признано полезнымъ: экзаменъ производить не ежегодно, но по окончаніи курса каждаго отдѣленія, именно: въ старшемъ инженерномъ классѣ (при выпускѣ на службу); въ старшемъ землемѣрномъ классѣ (при переводѣ въ инженерное отдѣленіе и выпускѣ на службу) и въ старшемъ приготовительномъ классѣ (при переходѣ изъ приготовительнаго отдѣленія въ землемѣрное). При переводѣ же изъ класса

въ классъ (изъ младшаго приготовительнаго въ старшій, изъ младшаго землѣрнаго въ средній и изъ сего въ старшій и изъ младшаго инженернаго въ старшій) экзаменовъ не производить, но руководствоваться средними годовыми баллами по каждому предмету. Средній годичный баллъ по каждому предмету долженъ былъ получаться изъ суммы всѣхъ балловъ за каждый отвѣтъ преподавателю и репетитору, раздѣленный на число спрашиваній. Для сего, за каждый отвѣтъ воспитанника, преподаватель или репетиторъ непременно ставитъ баллъ, который немедленно долженъ вноситься въ особую книгу. Полагая назначить экзамены не ежегодно, а только по окончаніи курса cadaго отдѣленія, комитетъ надѣялся, что экзамены будутъ производимы съ наивозможно бѣльшимъ вниманіемъ и основательностію, что особенно важно для выпускныхъ классовъ: старшаго землѣрнаго и старшаго инженернаго, гдѣ воспитанники пользуются различными правами по выпуску.

Недостаточность времени для экзамена, составлявшая одно изъ главныхъ неудобствъ настоящей системы, болѣе не будетъ имѣть мѣста.

Отмѣняя экзамены въ вышесказанныхъ классахъ, комитетъ находилъ возможнымъ продолжить въ нихъ учебное время, и именно на весь май мѣсяцъ, обыкновенно назначаемый для экзамена; въ классахъ же выпускныхъ, курсы оканчивать къ началу марта съ тѣмъ, чтобы мѣсяцы мартъ, апрѣль и май посвятить экзамену, а июнь и июль практическимъ занятіямъ старшихъ пяти классовъ.

Примѣчаніе. Въ старшемъ приготовительномъ классѣ, гдѣ занятій еще относительно немного, для экзамена, по прежнему, предполагалось назначить только май мѣсяцъ.

Для производства экзаменовъ комитетъ полагалъ весьма полезнымъ составить особия спеціальныя комиссіи. Воспитанники, переходящіе изъ одного отдѣленія въ другое и выпускаемые на службу, обязаны будутъ держать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ своего отдѣленія. Для того, чтобы наилучшимъ образомъ оцѣнить познанія экзаменующихся, полезно мѣрою (для выпускныхъ классовъ) признавалось соединять словесные экзамены съ письменными. Для этой цѣли воспитанники во все учебное время должны были быть по возможности болѣе занимаемы письменными упражненіями. Для письменнаго экзамена заблаговременно составлять, по каждому предмету, группы вопросовъ, которые бы заключали въ себѣ, по возможности, различные

отдѣлы науки. Тутъ же должны помѣщаться вопросы практическіе, а въ математическихъ предметахъ — и числовыя задачъ.

Члены экзаменной комиссіи должны имѣть право пр. совокуплять новыя вопросы, по своему усмотрѣнію. Во всякомъ случаѣ, вопросы и задачи не должны выходить за предѣлы программъ. Составленные такимъ образомъ вопросы должны распредѣляться между воспитанниками по жребію, на самомъ экзаменѣ, и до экзамена отнюдь не должны быть имъ извѣстны.

Письменныя рѣшенія воспитанниковъ должны быть сдѣланы ими и рассмотрѣны въ то же засѣданіе экзаменной комиссіи.

Словесный экзаменъ долженъ быть состоять въ отвѣтахъ на вопросы, предлагаемые изъ программъ, а равно въ разъясненіи письменныхъ рѣшеній. Затѣмъ, существующіе нынѣ экзаменные билеты, по большей части способствующіе отрывочному, неполному усвоенію предмета, комитетъ призналъ положительно вредными и предположилъ ихъ отмѣнить.

Къ экзамену никакіе баллы не должны быть извѣстны членамъ комиссіи; для отмѣтокъ же, предлагать имъ списки съ одними лишь фамиліями воспитанниковъ, составленные въ алфавитномъ порядкѣ.

Каждый членъ комиссіи за отвѣтъ воспитанника долженъ ставить баллъ въ свой списокъ.

Средній экзаменный баллъ, выведенный изъ отмѣтокъ членовъ экзаменной комиссіи, долженъ складываться съ среднимъ балломъ, полученнымъ въ теченіе курса, и раздѣляться на два, и этотъ выводъ долженъ служить окончательнымъ выраженіемъ знаній воспитанника по каждому предмету для преимуществъ по выпуску; для опредѣленія же старшинства воспитанниковъ между собою, выводъ этотъ множается еще на баллъ важности предмета, какъ сказано выше.

Такимъ образомъ, труды и успѣхи воспитанника, оказанные въ учебное время, должны были имѣть на экзаменѣ большое вліяніе, и комитетъ надѣялся, что эта мѣра не замедлитъ принести большую пользу.

Для перевода изъ класса въ классъ, по среднимъ годичнымъ балламъ, комитетъ полагалъ установить слѣдующія условія: къ переводу изъ младшаго инженернаго класса въ старшій, изъ средняго землемѣрнаго въ старшій и изъ младшаго въ средній землемѣрный, удостоиваются тѣ воспитанники, кои получаютъ средній годичный баллъ, по каждому изъ спеціальныхъ и вспомогательныхъ предметовъ, не менѣе 4-хъ, а по каждому изъ общихъ не менѣе 3-хъ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Аѳинское постановленіе въ честь Ари-
стомага Аргосскаго Ѳ. Соколова.

Quomodo genitivi in Demosthenis oratione
Olynth. II. § 2 explicandi sint Georgius Fischer.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Очеркъ Константиновскаго Межеваго инсти-
тута съ 1779 по 1879 годъ А. Апухтина.

Редакторъ **Е. Феоктистовъ.**

(Удѣлила 1-ю ноября).

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналь Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатери. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

СОДЕРЖАНІИ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1877 ГОДЪ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Отголоски финскаго эпоса въ русскоѣ Всев. Миллера.

Славяне на сѣверномъ Черноморьи Н. Ламбина.

Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. Дм. Тальберга.

Критическія и бібліографическія замѣтки:

Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составленная протоіереемъ *А. Орловымъ*, преподавателемъ монгольскаго языка въ Иркутской духовной семинаріи. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. А. Позднѣва.

Южное Славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. *Л. Доброва* В. Качановскаго.

Wilhelm Wollner. Untersuchungen über die Volkskerik der Grossrussen. (*В. Вольмеръ*. Изслѣдованія о народномъ эпосѣ Великоруссовъ). П. Морозова.

Oeuvres de Ghillbert de Lanuoy, voyageur, diplomate et moraliste. Récueillies et publiées par. *Съ. Н. Потвинъ*, avec des notes géographiques et une carte, par *Ж. С. Нонгеау*. (Сочиненія Гильберта де-Ланнуа, путешественника, дипломата и моралиста. Собраны и изданы *Ж. Потесомъ*, съ приложеніемъ географическихъ замѣчаній и карты, составленныхъ *И. С. Гузо* Л. Н. Майкова.

Замѣтка о преподаваніи русскаго языка въ приготовительныхъ классахъ гимназій и рогимназій А. Страхова.

Наша учебная литература.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) низшихъ училищъ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

**ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВСЕПОДДАНИЙШЕМУ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾.**

¹⁾ *Окончаніе. См. ноябрьскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. сего года.
часть сѣвѣ, отд. 1.*

СРАВНИТЕЛЫ

штатнаго числа преподавателей съ наличнымъ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	С.-Петербургскомъ.		Московскомъ.		Харьковскомъ.			
	Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.
		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		
Профессоровъ богословія	1	1	—	1	1	—	1	1
Ординарныхъ профессоровъ	34	33	3	39	38	—	39	35
Экстраординарныхъ профессоровъ	16	13	—	18	10	—	18	8
Доцентовъ и адъюнктовъ	24	18	—	31	26	—	31	12
Прозекторовъ	—	—	—	2	2	—	2	2
Помощниковъ прозекторовъ	—	—	—	3	3	1	3	2
Лекторовъ	8	8	—	4	4	—	4	3
Преподавателей	—	—	2	—	—	5	—	—
Привать-доцентовъ	—	—	13	—	—	14	—	—
Итого	83	73	18	98	84	20	98	63
		91			104			

ЦОМОСТЬ

ЛОМЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1878 ГОДУ.

Самарскомъ.			Св. Владиміра.			Новороссійскомъ.			Дерптскомъ.			Варшавскомъ.			В С Е Г О.		
Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		
Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.	Штатныхъ.
1	—	1	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	7	7	—	
35	1	39	34	1	28	21	1	} 43	38	—	27	27	2	} 245	} 261	} 9	
6	—	18	10	—	13	6	—		3	—	20	18	—				121
17	—	31	18	—	16	9	—	10	9	—	21	13	—	195	122	—	
1	—	2	2	—	—	—	—	2	1	—	3	2	—	12	10	—	
3	1	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	11	2	
3	—	4	3	—	4	3	—	5	3	—	5	5	—	38	32	—	
—	—	—	—	—	—	—	3	7	7	—	—	—	2	9	7	12	
—	8	—	—	9	—	—	—	—	—	5	—	—	1	—	—	57	
66	10	98	71	10	62	40	4	68	62	5	76	65	5	682	524	80	
76			81			44			67			60			604		

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о наличномъ составѣ штатныхъ преподавателей и о числѣ преподавательскихъ вакансій въ 1876 и 1877 годахъ.

Въ университетахъ.	Состояло на лицо штатныхъ преподавателей.						Число штатныхъ вакансій.						Всего вакансій.
	Ординарныхъ профессоръ.	Экстраординар. профессоръ.	Доцентовъ и адъюнктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	Ординарныхъ профессоръ.	Экстраординар. профессоръ.	Доцентовъ и адъюнктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	33	13	18	—	—	8	1	3	6	—	—	—	10
» 1878 г.	33	13	18	—	—	8	1	3	6	—	—	—	10
<i>Московскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	40	12	26	2	3	3	—	6	5	—	—	1	12
» 1878 г.	40	10	26	2	3	4	—	8	5	—	—	—	13
<i>Харьковскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	35	8	10	2	2	3	5	10	21	—	1	1	37
» 1878 г.	37	8	12	2	2	3	3	10	19	—	1	1	33
<i>Казанскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	36	6	17	1	3	3	4	12	14	1	—	1	31
» 1878 г.	36	6	17	1	3	3	4	12	14	1	—	1	31
<i>Св. Владиміра.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	37	7	21	2	3	2	3	11	10	—	—	2	26
» 1878 г.	36	10	18	2	3	3	4	8	13	—	—	1	26
<i>Новороссійскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	24	3	11	—	—	3	5	10	5	—	—	1	21
» 1878 г.	22	6	9	—	—	3	7	7	7	—	—	1	22
<i>Дерптскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	36	6	8	2	—	3	2		2	1	—	2	7
» 1878 г.	39	3	9	2	—	3	1		1	1	—	2	5
<i>Варшавскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1877 г.	27	20	10	2	—	5	—	—	11	—	—	—	11
» 1878 г.	27	18	9	2	—	5	—	2	12	—	—	—	14
Итого по университетамъ:													
Къ 1-му января 1877 г.													
» 1878 г.													

Примѣчаніе. Въ числѣ ординарныхъ профессоровъ показаны и профессора богословія.

ВЪ ДОМОСТЬ
о числѣ и распредѣленіи учащихся по факультетамъ и разрядамъ къ 1-му января 1878 года.

Въ университетахъ:	Ч И С Л О С Т У Д Е Н Т О В Ъ.													Въ Варшавскомъ факультетѣ.	Всего.
	Въ историко-филологическихъ факультетахъ.		Въ юридическомъ факультетѣ.		Въ физико-математическомъ факультетѣ.				Въ медицинскомъ факультетѣ.		Въ Варшавскомъ факультетѣ.				
	Въ отдѣленіи камеральномъ.	Историко-филологическомъ.	По разряду юридическихъ наукъ.	По разряду государственнахъ наукъ.	По разряду естественныхъ наукъ.	По разряду физико-химическихъ наукъ.	По разряду математическихъ наукъ.	По разряду физико-химическихъ наукъ.	Скнхъ наукъ.	Скнхъ наукъ.	Въ факультетѣ восточныхъ наукъ.	Общее число студентовъ.			
С.-Петербургскомъ	—	214	584	—	301	292	—	—	—	—	27	1418	81	1499	
Московскомъ	—	133	311	—	183	51	—	—	—	—	—	1568	47	1615	
Харьковскомъ	—	63	70	—	36	19	31	—	—	—	—	559	52	611	
Казанскомъ	—	53	66	27	43	21	—	—	—	—	—	572	36	608	
Св. Владиміра	—	76	92	—	67	56	—	—	—	—	—	771	64	835	
Новороссійскомъ	—	99	121	—	38	99	—	—	—	—	—	357	26	383	
Дерптскомъ	38	88	169	—	29	54	—	—	—	—	—	818	—	818	
Варшавскомъ	—	43	150	—	40	21	—	—	—	—	—	502	30	532	
Итого	38	769	1563	27	737	613	31	2671	27	6565	336	6901	—	6901	
	—	807	1590	—	—	1381	—	—	—	—	—	—	—	—	

Примечаніе. Кроме того въ Московскомъ университетѣ 207 аптекарскихъ помощниковъ и въ Варшавскомъ 111 фармацевтовъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

числа студентовъ и вольныхъ слушателей, состоявшихъ въ университетахъ къ 1-му января 1877 и 1878 годовъ.

Въ университетахъ.	Состояло на лицо къ 1-му января 1877 года.	Въ теченіе 1877 года			Состояло на лицо къ 1-му января 1878 года.
		Вновь поступило.	Выбыло.		
			До оконча- ній курса.	По оконча- ній курса.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>					
Студентовъ	1236	612	297	133	1418
Вольныхъ слушателей	76	свѣдѣній не до	ставлено		81
<i>Московскомъ.</i>					
Студентовъ	1301	434	75	89	1568
Вольныхъ слушателей	52	37	7	3	47 ¹⁾
<i>Харьковскомъ.</i>					
Студентовъ	442	154	50	40	559
Вольныхъ слушателей	39	52	свѣдѣній не до	ставлено.	52
<i>Казанскомъ.</i>					
Студентовъ	501	165	65	29	572
Вольныхъ слушателей	35	28	27	—	36
<i>Св. Владимира.</i>					
Студентовъ	613	270	65	47.	771
Вольныхъ слушателей	54	свѣдѣній не до	ставлено		64
<i>Новороссійскомъ.</i>					
Студентовъ	344	127	72	42	357
Вольныхъ слушателей	28	свѣдѣній не до	ставлено		26
<i>Дерптскомъ.</i>					
Студентовъ	786	278	114	132	818
Вольныхъ слушателей	свѣдѣній не доста	влено.	27	3	—
<i>Варшавскомъ.</i>					
Студентовъ	406	255	40	58	502
Вольныхъ слушателей	36	свѣдѣній не до	ставлено		36 ²⁾
Вообще: студентовъ	5629	2295	778	570	6565
вольныхъ слушателей.	320	117	61	6	336

¹⁾ Кроме того аптекарскихъ помощниковъ къ 1-му января 1877 года 156 и къ 1-му января 1878 года 207.

²⁾ Сверхъ того 111 фармацевтовъ.

В Ъ Д О М О С Т Ь

О числѣ студентовъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій въ университетахъ бесплатно и за половинную плату въ 1877 году.

Въ университетахъ.	Общее число студентовъ.	Слушавшихъ бесплатно.		Число слушавшихъ лекцій за половинную плату.
		Число лицъ.	Какой процентъ общаго числа студентовъ.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	1236	414	33,48%	59
Во 2-й „ „	1418	485	34%	43
<i>Московскомъ.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	} 1568	738	47,08%	36
Во 2-й „ „				
<i>Харьковскомъ.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	442	132	29,8%	—
Во 2-й „ „	559	149	26,6%	—
<i>Казанскомъ.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	} 572	296	52%	—
Во 2-й „ „				
<i>Св. Владиміра.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	618	154	25%	59
Во 2-й „ „	806	226	25%	64
<i>Новороссійскомъ.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	} 471	277	58%	5
Во 2-й „ „				
<i>Дерптскомъ.</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года.	} 1064	137	12,88	—
Во 2-й „ „				
<i>Варшавскомъ</i>				
Въ 1-й половинѣ 1877 года	406	40	} 10%	—
Во 2-й „ „	502	48		
В С Е Г О	9662	3096	32%	266

ВЪ ДОМОСТЪ

О СУММАХЪ, ИЗЪРАСХОДОВАННЫХЪ ВЪ 1877 НА СТИПЕНДІИ СТУДЕНТАМЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

П О Ф А К У Л ь Т Е Т А Ж Ъ

	Российск. СКОМУ.		Историко-философич. СКОМУ.		Физико-мат. Точн. СКОМУ.		Юридич. СКОМУ.		Медицин. СКОМУ.		Восточныхъ языковъ.		Всего.	
	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.	Число стипендіатовъ.	Сумма стипендій.
С.-Петербургск.	—	—	73	18423	155	37694	134	30398	—	—	14	5125	376	91640
Московск.	—	—	62	15628	49	11377	43	9016	251	71138	—	—	405	107160
Харьковск.	—	—	26	6319	22	5819	15	3965	92	26772	—	—	155	42875
Казанск.	—	—	36	7659	35	7415	26	6950	117	29131	—	—	214	51155
Кіевск.	—	—	22	5088	4	1680	10	2697	74	20682	—	—	110	30157
Новоросійск.	—	—	48	8936	47	8861	46	9414	—	—	—	—	141	27211
Дерптск.	21	—	11	—	3	—	5	—	23	—	—	—	63	14240
Варшавск.	—	—	16	4209	23	5230	36	7600	43	9363	—	—	118	28402
И Т О Г О	21	—	294	66273	388	78076	315	70040	600	157086	14	5125	1582	390840

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ЛИЦЪ, УТВЕРЖДЕННЫХЪ ВЪ УЧЕНЫХЪ И МЕДИ-
ЦИНСКИХЪ СТЕПЕНЯХЪ И ЗВАНІЯХЪ ВЪ 1877 ГОДУ.

О ЧИСЛѢ ЛИЦЪ, УТВЕРЖДЕННЫХЪ ВЪ УЧЕНЫХЪ

Въ университетахъ по факультетамъ и отдѣленіямъ утверждено въ степеняхъ и званіяхъ	С.-Петербург- скомъ.				Московскомъ.				Харьковскомъ.			
	По историко-фило- логическому.	По физико-мате- матическому.	По юридическому.	По восточныхъ языкъ.	По историко-фило- логическому.	По физико-мате- матическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-фило- логическому.	По физико-мате- матическому.	По юридическому.	По медицинскому.
Докторовъ	4	3	1	—	2	1	1	5	—	1	—	—
Магистровъ	—	3	1	1	2	2	1	—	—	2	—	—
Кандидатовъ	8	20	50	5	11	18	41	—	3	7	11	—
Дѣйствительныхъ студентовъ . . .	7	9	42	2	3	5	16	—	—	1	6	—
Лекарей	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Инспекторовъ врачебной управы .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Губернскихъ врачей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уѣздныхъ врачей	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—
Операторовъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Акушеровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Магистровъ фармаціи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Провизоровъ	—	—	—	—	—	—	—	58	—	—	—	—
Аптекарскихъ помощниковъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—
Дантистовъ	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Повивальныхъ бабокъ	—	—	—	—	—	—	—	104	—	—	—	—
Землемѣровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	19	35	94	8	18	26	59	223	3	11	17	8
	156				326				111			

1) Въ томъ числѣ 24 доктора медицины.

МОС Т Ъ .

Медицинскихъ степеняхъ и званіяхъ въ 1877 году.

Казанскомъ.			Св. Владимира.			Новороссій-скомъ.			Дерптскомъ.				Варшавскомъ.				Итого.	
По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По богословскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.		По медицинскому.
—	—	—	2	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	13	1	—	—	49 ¹⁾
—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	19
1	8	—	8	2	6	—	7	4	10	2	8	11	16	—	5	9	24	298
6	13	—	—	5	9	—	4	3	14	12	4	5	8	—	—	1	19	200
—	—	4	—	—	—	9	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	17	44
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	15
—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
—	—	8	—	—	—	26	—	—	—	—	—	—	35	—	—	—	32	170
—	—	49	—	—	—	37	—	—	—	—	—	—	50	—	—	—	99	310
—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	5
—	—	28	—	—	—	68	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	24	278
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	6
7	21	98	11	8	18	145	11	10	25	14	14	19	24	140	7	16	44	173
135			182			46			211				240				1407	

Гимназіи и прогимназіи.

Къ 1-му января 1878 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находилось: гимназій 129, шестиклассныхъ прогимназій 20 и четырехклассныхъ 57,—всего 206. По учебнымъ округамъ онѣ были распределены слѣдующимъ образомъ: въ С.-Петербургскомъ округѣ 15 гимназій, 4 шестиклассныя и 4 четырехклассныя прогимназіи; въ С.-Петербургѣ 8 гимназій (въ томъ числѣ гимназія при Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ и гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго общества) и 6 прогимназій, изъ нихъ 4 шестиклассныя; въ Кронштадтѣ, Царскомъ-селѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Петрозаводскѣ и Архангельскѣ по 1-й гимназіи, въ Устюжнѣ и Нарвѣ по одной четырехклассной прогимназіи; въ Московскомъ округѣ 20 гимназій и 16 прогимназій: въ Москвѣ 7 гимназій (въ томъ числѣ общіе гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ) и 2 прогимназіи; въ Нижнемъ-Новгородѣ 1 гимназія и 1 институтъ (Александровскій); въ Рязани 1 гимназія и 1 прогимназія; въ Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Калугѣ, Вязьмѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, Орлѣ, и Ельцѣ по одной гимназіи, и въ Серпуховѣ, Коломнѣ, Касимовѣ, Егорьевскѣ, Ржевѣ, Рославлѣ, Бѣльскѣ, Рыбинскѣ, Сергіевскомъ посадѣ, Брянскѣ, Бѣлевѣ и Жыздрѣ по одной прогимназіи; въ Шуѣ одна шестиклассная прогимназія, остальные же прогимназіи въ округѣ—четырехклассныя; въ Казанскомъ округѣ 8 гимназій и 3 четырехклассныя прогимназіи: въ Казани 3 гимназіи, въ Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Астрахани и Вяткѣ по одной гимназіи, въ Вольскѣ, Царицынѣ и Алатыри по одной прогимназіи; въ Оренбургскомъ округѣ 6 гимназій и двѣ четырехклассныя прогимназіи: въ Оренбургѣ, Уфѣ, Перми, Екатеринбургѣ, Уральскѣ и Троицкѣ по одной гимназіи, а въ Мензелинскѣ и Стерлитамакѣ по одной прогимназіи; въ Харьковскомъ округѣ 11 гимназій, 4 шестиклассныхъ и 7 четырехклассныхъ прогимназій: въ Харьковѣ 3 гимназіи и 1 прогимназія (четырехклассная), въ Пензѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (шестиклассная), въ Воронежѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (четырехклассная), въ Бѣлгородѣ, Сумахъ, Новочеркасскѣ, Усть-Медвѣдицѣ, Тамбовѣ, Курскѣ по одной гимназіи; въ Корочѣ, Елатьмѣ и Старобѣльскѣ по одной шестиклассной прогимназіи; въ Нижнечирскѣ, Каменской, Ахтыркѣ, Лебедяни и Краснослободскѣ по одной четырехклассной прогимназіи; въ Одес-

скомъ округѣ 13 гимназій, 2 шестиклассныя и 9 четырехклассныхъ прогимназій: въ Одессѣ 3 гимназіи и 2 прогимназіи (четыреклассныя), въ Херсонѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (шестиклассная), въ Кишиневѣ 1 гимназія и 1 прогимназія (четыреклассная), въ Николаевѣ, Екатеринославѣ, Таганрогѣ, Бердянскѣ, Керчи, Симферополѣ, Анапьевѣ и Мариуполѣ по одной гимназіи, въ Θεодосіи 1 шестиклассная прогимназія, въ Павлоградѣ, Вознесенскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Евпаторіи, Азовѣ и Ялтѣ по одной четырехклассной прогимназіи; въ Киевскомъ округѣ 11 гимназій (а съ коллегією Павла Галагана всего 12), 3 шестиклассныя и 4 четырехклассныя прогимназіи: въ Киевѣ 3 гимназіи и 1 прогимназія (шестиклассная), въ Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Немировѣ, Полтавѣ, Лубнахъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ по одной гимназіи; въ Острогѣ и Глуховѣ по одной шестиклассной прогимназіи, въ Суражѣ, Прилукахъ, Златополѣ и Житомирѣ по одной четырехклассной прогимназіи; въ Виленскомъ округѣ 8 гимназій, 3 шестиклассныя и 2 четырехклассныя прогимназіи: въ Вильнѣ 1 гимназія и 1 шестиклассная прогимназія, въ Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ и Шавляхъ по 1 гимназіи, въ Мозыри и Гомелѣ по одной шестиклассной прогимназіи, въ Бобруйскѣ и Брестъ-Литовскѣ по одной четырехклассной; въ Варшавскомъ округѣ 18 гимназій и 9 четырехклассныхъ прогимназій: въ Варшавѣ 6 гимназій и 2 прогимназіи, и по одной гимназіи, въ Калишѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Кѣльцахъ, Люблинѣ, Холмѣ, Сѣдлецѣ, Бѣлой, Ломжѣ, Сувалкахъ, Мариамполѣ и Плоцкѣ; въ Ченстоховѣ же, Грубешовѣ, Замостыи, Пултускѣ, Сандомирѣ и Пинчовѣ по одной прогимназіи; въ Дерптскомъ округѣ—13 гимназій: въ Ригѣ 3, въ Ревелѣ 3 (въ томъ числѣ Рыцарское Домское училище) и по одной гимназіи въ Митавѣ, Дерптѣ, Феллинѣ, Аренсбургѣ, Перновѣ, Либавѣ и Гольдингенѣ; въ Западной Сибири 3 гимназіи, по одной въ Тобольскѣ, Томскѣ и Омскѣ; въ Восточной Сибири 2 гимназіи, по одной въ Иркутскѣ и Красноярскѣ, 3 шестиклассныя прогимназіи—въ Якутскѣ, Владивостокѣ и Енисейскѣ и одна четырехклассная въ г. Благовѣщенскѣ (Амурской области); въ Туркестанскомъ краѣ двѣ четырехклассныя прогимназіи, въ Ташкентѣ и Вѣрномѣ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1877 году.

Въ учебныхъ округахъ.	Состояло учебныхъ заведеній.								Учащихся въ нихъ.					
	Къ 1-му января 1877 г.				Къ 1-му января 1878 г.				Состояло на лицо.				Выбыло въ теченіи 1877 г.	
	Гимназій.	Прогимназій.		При нихъ классовъ.	Гимназій.	Прогимназій.		При нихъ классовъ.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1878 года.	Противъ 1876 г.		До окончанія курса.	По окончаніи курса въ гимназійхъ.
		Приготовительныхъ.	Параллельныхъ.			Больше.	Менше.							
С.-Петербургскомъ	15	¹⁾ 7	22 24	15	¹⁾ 8	23 28	5453	5834	381	—	925	143		
Московскомъ . . .	20	²⁾ 13	33 44	20	²⁾ 16	36 45	7683	7889	206	—	1351	228		
Казанскомъ . . .	8	3	11 19	8	3	11 19	3119	3073	—	46	478	137		
Оренбургскомъ .	6	2	8 5	6	²⁾ 2	8 5	1614	1640	26	—	315	33		
Харьковскомъ . .	11	³⁾ 10	21 18	11	³⁾ 11	22 21	5136	5371	235	—	785	133		
Одесскомъ . . .	13	⁴⁾ 10	23 19	13	⁴⁾ 11	24 24	4956	5315	359	—	1096	98		
Кіевскомъ . . .	11	⁵⁾ 6	18 46	12	⁶⁾ 7	18 47	5882	6133	251	—	904	148		
Вилновскомъ . .	8	⁷⁾ 5	14 26	8	⁷⁾ 5	14 26	4100	4186	86	—	761	74		
Варшавскомъ . .	18	8	26 48	18	8	26 48	7778	8269	491	—	1315	135		
Дерптскомъ . . .	13	—	5 37	13	—	5 35	3691	3924	233	—	590	143		
Западн. Сибири .	3	—	3 3	3	—	3 1	609	572	—	34	139	19		
Вост. Сибири . .	2	⁸⁾ 3	5 4	2	⁸⁾ 4	6 1	683	666	—	17	186	14		
Туркестан. краѣ .	—	—	—	—	2	2	—	200	200	—	16	—		
Итого . . .	⁹⁾ 128	⁹⁾ 67	189 293	129	77	198 300	50701	53072	2371	—	8861	1305		

¹⁾ Въ томъ числѣ было 3, а нынѣ 4 шестиклассныхъ.

²⁾ Въ томъ числѣ 1 шестиклассная.

- 3) 4 шестиклассныя.
- 4) 2 шестиклассныя.
- 5) О коллегіи Павла Галагана въ 1876 не было свидѣній.
- 6) 3 шестиклассныя.
- 7) Въ томъ числѣ было 2, а нынѣ 3 шестиклассныя.
- 8) 3 шестиклассныя.
- 9) Не считая коллегіи Павла Галагана: и прогимназій въ Ташкентѣ и Вярномъ, о которыхъ свидѣній въ 1876 году еще не было доставлено.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о распредѣленіи учениковъ, состоявшихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1878 года по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ

Въ учебныхъ округахъ	Общее число учащихся къ 1-му января 1878 г.	Въ томъ числѣ находилось										
		По вѣроисповѣданіямъ.						По сословіямъ.				
		Православнаго.	Римско-католическаго.	Лютеранскаго.	Еврейскаго.	Магометанскаго.	Прочихъ исповѣданій.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскаго состоянія.	Иностранцъ.
С.-Петербургскомъ	5834	4838	316	441	212	5	22	3335	269	1807	290	134
Московскомъ . . .	7889	7099	186	230	184	8	182	3941	432	2983	434	99
Казанскомъ . . .	3073	2751	80	142	48	6	46	1479	219	1022	324	29
Оренбургскомъ . . .	1640	1476	35	34	40	48	7	681	115	643	193	8
Харьковскомъ . . .	5371	4935	103	128	189	2	14	2871	371	1573	504	53
Одесскомъ . . .	5315	2991	247	111	1846	—	120	1936	179	2780	209	211
Кіевскомъ . . .	6133	4198	1128	103	698	3	3	3598	545	1496	375	119
Виленскомъ . . .	4186	1393	1626	163	966	32	6	2363	175	1370	242	36
Варшавскомъ . . .	8269	1010	5742	382	1115	10	10	4377	239	2789	820	44
Дерптскомъ . . .	3924	462	404	2747	289	—	22	1479	250	1645	431	119
Западной Сибири..	572	478	41	9	44	—	—	288	31	225	28	—
Восточной Сибири.	666	585	19	8	47	2	5	236	30	302	97	1
Туркестан. краѣ . .	200	177	3	2	—	11	7	83	10	89	18	—
Итого . . .	53072	32393	9930	4500	5673	127	444	26667	2865	18723	3965	852

В Ъ Д О М О С Т Ъ

О числѣ пансіоновъ и общихъ ученическихъ квартиръ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ 1-му января 1878 г.

Въ учебныхъ округахъ.	Пансіоновъ.		Общихъ ученическ. квартиръ.				В с е г о .	
	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Казенныхъ.		Частныхъ.		Число заведеній.	Число воспитанниковъ.
			Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.		
С.-Петербургскомъ.	8	770	—	—	1	21	9	791
Московскомъ . . .	11 ¹⁾	812	—	—	9	64	20	876
Казанскомъ . . .	3	190	—	—	4	35	7	225
Оренбургскомъ . . .	3	146	—	—	1	21	4	167
Харьвовскомъ . . .	5	316	1	12	4	66	10	394
Одесскомъ . . .	5	253	—	—	48	200	53	453
Кіевскомъ . . .	3	189	1	168	356	1471 <small>(приблизительно)</small>	360	1828
Віленскомъ . . .	—	—	4	138	78	689	82	827
Варшавскомъ . . .	—	—	—	—	431	2234 ²⁾	431	2234
Дерптскомъ . . .	1 ³⁾	92	—	—	—	—	1	92
Западной Сибири .	2	70	—	—	—	—	2	70
Восточной Сибири .	1	63	—	—	—	—	1	63
Туркестан. край .	—	—	—	1	21	33	2	54
Итого .	42	2901	7	339	933	4834	982	8074

1) Въ томъ числѣ по одному при институтахъ Лазаревскомъ и Нижегородскомъ Александровскомъ.

2) Кроме того, до 300 учениковъ живутъ у мѣстныхъ преподавателей.

3) При Феллинской гимназіи.

В Ѣ Д

о числѣ преподавательскихъ должностей 1) бывшихъ вакантными въ 1-му янв.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	С.-ПЕТЕРБУРГСКО		
	Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего оставшихся вакантными въ 1-му янв. 1878 года.
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.
Законоучителей.	—	—	—
У ч и т е л е й:			
Русскаго языка и словесности	2	—	—
Латинскаго языка.	} 5	} 2	} 4
Греческаго языка.			
Исторія	} 2	} 2	} —
Географія			
Математики и физики.	1	1	—
Французскаго языка	} 1	} 4	} —
Нѣмецкаго языка.			
Рисованія, черченія и чистописанія	—	—	—
Итого	11	9	4

МО С Т Ъ

внѣ 1877 года или нѣкоторой части его и 2) оставшихся не замѣ-
нѣнн 3 г. въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

МОСКОВСКОМЪ.				КАЗАНСКОМЪ.				ОРЕНБУРГСКОМЪ.			
Общее число вакантных должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.	
Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
1	2	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
5	6	1	2	3	—	2	—	3	1	1	—
6	9	—	4	3	1	1	1	5	1	2	—
3	12	1	6	1	2	—	1	1	—	—	—
3	5	—	2	—	2	—	2	—	—	—	—
6	8	—	4	1	3	—	1	3	3	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	42	2	18	9	8	3	5	13	5	3	2

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	ХАРЬКОВСКОМЪ.				ОДЕССКОМЪ.				
	Общее число вакантных должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	
Законоучителей	1	—	1	—	1	2	—	—	
У ч и т е л е й :									
Русскаго языка и словесности	9	1	3	—	1	1	—	—	
Латинскаго языка	12	10	4	7	4	5	—	3	
Греческаго языка									
Исторіи	4	4	—	2	2	2	—	1	
Географіи									
Математики и физики	3	3	1	3	1	2	—	—	
Французскаго языка	3	5	3	2	—	6	—	3	
Нѣмецкаго языка									
Рисованія, черченія и чистопис.	—	—	—	—	—	—	—	—	
Итого	32	23	12	14	9	18	—	7	

КІЕВСКОМЪ.				ВИЛЕНСКОМЪ.				ВАРШАВСКОМЪ.			
Общее число вакантных должностей въ теченіи 77 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.	
Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.
3	—	2	—	3	1	1	—	3	1	—	1
5	1	1	1	3	1	2	1	—	—	—	—
8	4	5	2	2	4	1	3	5	1	1	—
1	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—
4	1	—	1	3	1	1	1	2	1	—	—
4	—	1	—	2	5	—	1	6	4	1	4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	6	9	4	13	16	5	6	16	7	2	5

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	ДЕРПТСКОМЪ.				ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.	
	Общее число вакантных должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіи 1877 года.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей	5	—	2	—	2	—
У ч и т е л е й:						
Русскаго языка и словестности	3	—	2	—	2	1
Латинскаго языка	3	—	2	—	2	—
Греческаго языка						
Исторіи	1	—	—	—	—	—
Географіи						
Математики и физики	1	—	—	—	1	1
Французскаго языка	1	—	—	—	1	—
Нѣмецкаго языка						
Рисованія, черченія и чистопис.	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	14	—	6	—	8	2

СТОЧНОЙ СИБИРИ.				ТУРКЕСТАН-СКОМЪ КРАѢ.		ПО ВСѢМЪ УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.			
Общее число вакантных должностей въ гимназіяхъ.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.		Общее число вакантных должностей въ прогимназіяхъ.		Общее число вакантных должностей въ теченіи 1877 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.	
въ гимназіяхъ.	въ прогимназіяхъ.	въ гимназіяхъ.	въ прогимназіяхъ.	въ гимназіяхъ.	въ прогимназіяхъ.	въ гимназіяхъ.	въ прогимназіяхъ.	въ гимназіяхъ.	въ прогимназіяхъ.
—	—	—	—	—	—	21	6	6	1
2	2	2	2	1	—	39	14	15	6
2	7	1	7	3	2	57	47	21	30
1	3	1	3	—	—	16	29	2	14
1	3	1	3	—	—	20	19	4	12
—	2	—	2	—	—	27	40	5	21
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	17	5	17	4	2	180	155	53	84
						335		137	

о средствахъ содержанія гимназій и прогимназій

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведен.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содержание своеобразныхъ и разныхъ ведомствъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносов отъ почетныхъ попечителей и благодѣтелей.		Изъ суммъ дворянства.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>										
Гимназій	15	442060	22	158591	36	99846	11	—	—	196
Прогимназій	8	141018	17	—	—	43542	13	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	23	583078	39	158591	36	143388	24	—	—	196
<i>Московскомъ.</i>										
Гимназій	20	529005	97	125203	18 ^{3/4}	137028	38 ^{1/2}	—	—	5077
Прогимназій	16	154617	50	—	—	19655	—	—	—	109
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	36	683623	47	125203	18 ^{3/4}	156683	38 ^{1/2}	—	—	5187
<i>Казанскомъ.</i>										
Гимназій	8	244931	29	36487	^{1/4}	75923	64 ^{3/4}	—	—	342
Прогимназій	3	35692	—	—	—	4433	46	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	11	280623	29	36487	^{1/4}	80357	10 ^{3/4}	—	—	342
<i>Оренбургскомъ.</i>										
Гимназій	6	144346	48	11392	22	29584	66	—	—	47
Прогимназій	2	7550	—	—	—	1097	62	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	8	161896	48	11329	22	30682	28	—	—	47

¹⁾ Здѣсь показана сумма, отпускаемая Императорск. Человѣк. обществомъ на стипендіи пансіона этой гимназій (23,269 р. 33 к.), которая внесена въ 4-ю графу прикладнаго бюджета изъ специальныхъ средствъ этой гимназій.

²⁾ Въ томъ числѣ на содержаніе Нижегородскаго Александровскаго институту.

³⁾ Въ расчетъ этихъ суммъ не входитъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

ГОСТЬ

7 годъ по отчетамъ попечителей учебныхъ округовъ.

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земства.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ одновременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и коробочнаго сбора съ Еяревъ.		Изъ различныхъ источниковъ.		Всего.	
б.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.
705	15	400	—	16084	22	2232	99	—	—	—	—	47451	2 ¹⁾	779331	6
686	—	1750	—	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	189051	30
891	14	2150	—	16139	22	232	99	—	—	—	—	47451	2	968382	36
928	46	12095	15	16989	88	7895	44	—	—	—	—	—	—	880923	46 ¹⁾ / ₄
050	—	37750	—	608	25	300	—	—	—	—	—	—	—	249079	96
978	46	49845	15	17598	13	8195	44	—	—	—	—	—	—	1,130003	42 ¹⁾ / ₄
630	—	—	—	4343	20	94	70	—	—	—	—	—	—	368829	84
000	—	2000	—	32	50	—	—	—	—	—	—	—	—	48157	96
630	—	2000	—	4375	70	94	70	—	—	—	—	—	—	416987	80
000	—	—	—	1181	13	—	—	22374	85	—	—	—	—	214354	34
129	3	3200	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	29001	65
129	3	3200	—	1206	13	—	—	22374	85	—	—	—	—	243355	99

и его гимназіи 39,536 р. 28 к., кромѣ суммы, имъ же отпускаемой на воспитанцевъ, и 7,914 р. 74 к., означенныя по отчету гимназіи Имп. С.-Петербургскаго Исто-

,269 р.
въ.

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведен.	Изъ государственнаго казначейства,		Изъ сбора платы за содержание воспитанниковъ и разныя вѣдомствъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносов отъ почетныхъ почителей и благодѣтелей.		Изм. суммъ, вносимаго въ гос. доходъ.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
<i>Харьковскомъ.</i>										
Гимназій	11	237625	11	62918	70 ³ / ₄	56659	31 ¹ / ₄	—	—	277
Прогимназій	11	107703	40	—	—	16276	76	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	22	345328	51	62918	70 ³ / ₄	72936	7 ¹ / ₄	—	—	277
<i>Одесскомъ.</i>										
Гимназій	13	326975	39	62295	32	83234	92 ¹ / ₄	—	—	—
Прогимназій	11	155266	11	—	—	36536	28	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	24	482241	50	62295	32	119771	20 ¹ / ₄	—	—	—
<i>Кіевскомъ.</i>										
Гимназій	12	310076	91	15922	—	112512	95	—	—	1098
Прогимназій	7	96687	85	1642	—	7973	38	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	19	406764	76	17564	—	120486	33	—	—	1098
<i>Виленскомъ.</i>										
Гимназій	8	258390	95	36763	16	99020	64 ³ / ₄	—	—	—
Прогимназій	5	89956	21	—	—	19528	36 ¹ / ₄	—	—	20
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	13	348347	16	36763	16	118549	1	—	—	20
<i>Варшавскомъ.</i>										
Гимназій	18	538733	96	—	—	6745 ⁵	—	—	—	—
Прогимназій	8	111135	95	—	—	—	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	26	649869	91	—	—	6745	—	—	—	—

*) Не считая коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, на содержаніе которой отъ казеннаго содержанія воспитанниковъ въ пансіонѣ при коллегіи 12,100 руб., всего 40,246 р. 29 к.

5) Кромѣ показанныхъ здѣсь суммъ внесено въ государственный доходъ изъ сбора

Отъ земства.		Изъ % съ пожертвован- капиталовъ.		Отъ одновременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и коробоч- наго сбора съ евреевъ.		Изъ различныхъ источни- ковъ.		Всего.			
К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
8	68	16930	—	16047	40	7946	70	74048	88	—	—	—	—	480714	79
0	—	33135	—	6779	34	7	50	30094	—	—	—	—	—	201996	—
8	68	50065	—	22826	74	7954	20	104142	88	—	—	—	—	682710	79
2	40	21903	30	6479	24	5040	74	—	—	—	—	—	—	554881	31 ¹ / ₄
0	—	6500	—	240	—	2999	85	—	—	—	—	—	—	219102	24
2	40	28403	30	6719	24	8040	59	—	—	—	—	—	—	773983	55 ¹ / ₄
0	—	31544	—	14892	31	—	—	—	—	—	—	—	—	496132	97 ⁴)
6	—	13720	2	85	—	600	—	—	—	—	—	—	—	130474	25
6	—	45264	2	14977	31	600	—	—	—	—	—	—	—	626607	22
—	—	—	—	43066	2	7260	—	—	—	6391	15	—	—	450891	92 ³ / ₄
—	—	—	—	119	80	1259	63 ³ / ₄	—	—	1296	98 ¹ / ₄	—	—	112181	3 ¹ / ₄
—	—	—	—	43185	82	8519	63 ³ / ₄	—	—	7688	13 ¹ / ₄	—	—	563072	96
—	—	—	—	2079	58	—	—	—	—	—	—	—	—	547558	54 ⁵)
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111135	95
—	—	—	—	2079	58	—	—	—	—	—	—	—	—	658694	49

изъ изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ 28, 146 р. 29 и изъ сбора за содер-
жы за ученіе въ гимназіяхъ Варшавскаго округа и прогимназіяхъ 125,593 р. 50 к.

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведен.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содержание своекоштныхъ и разныхъ вѣдомствъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ попочителей и блюстителей.		Итого.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
<i>Дертскомъ.</i>										
Гимназій	13	141256	9	—	—	154668	49	—	—	3610
<i>Западной Сибири.</i>										
Гимназій	3	86897	3	3765	—	5048	32	—	—	—
<i>Восточной Сибири.</i>										
Гимназій	2	63300	—	3718	77	6078	80	—	—	—
Прогимназій	4	73543	83	—	—	4085	35	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	6	136843	83	3718	77	10164	15	—	—	—
<i>Туркестанскомъ краѣ.</i>										
Прогимназій	2	40627	80	—	—	3223	—	—	—	—
Итого:										
Гимназій	129	3323629	40	517056	72 ³ / ₄	866351	24 ¹ / ₂	—	—	10649
Прогимназій	77	1013798	82	1642	—	156351	34 ¹ / ₄	—	—	111
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.	206	4337423	22	518698	72 ³ / ₄	1022702	58 ³ / ₄	—	—	10761

Отъ земства.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ одновременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и коробочнаго сбора съ Евреевъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		Всего.			
К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
88	—	—	597 91	—	486 60	—	—	—	—	—	1410 44	—	365905 91	—	
43	—	—	2339 55	—	23 —	—	—	—	—	—	—	—	99770 33	—	
—	—	—	930 —	—	— —	—	—	—	—	—	—	—	74027 57	—	
—	—	—	75 —	—	— —	—	—	—	—	—	—	—	77704 18	—	
—	—	—	1005 —	—	— —	—	—	—	—	—	—	—	151731 75	—	
—	—	—	— —	—	— —	—	—	—	—	—	625 —	—	44475 80	—	
99	82872 45	125030 44	30980 17	96423 73	6391 15	48861 46	5313322 5 1/4	3	98055 2	8019 89	5166 98 3/4	30094 —	1296 98 1/4	625 —	1412360 32 1/4
2	180927 47	133050 33	36147 15 3/4	126517 73	7688 13 1/4	49486 46	6725682 37 1/2								

Реальныя училища. Всѣхъ реальныхъ училищъ въ 1-му января 1878 г. было 67. По округамъ они были распределены слѣдующимъ образомъ:

1) Въ С.-Петербургскомъ—8: въ С.-Петербургѣ два и по одному въ Череповцѣ, Псковѣ, Кронштадтѣ, Новгородѣ, Вологдѣ и Великихъ-Лукахъ.

2) Въ Московскомъ—15: въ Москвѣ три и по одному въ Костромѣ, Орлѣ, Ливнахъ, Зарайскѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Муромѣ, Калугѣ, Твери, Скопинѣ, Смоленскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

3) Въ Казанскомъ—7: въ Казани, Сарапулѣ, Саратовѣ, Сызрани, Вольскѣ, Камышинѣ и Астрахани.

4) Въ Оренбургскомъ—3: въ Екатеринбургѣ, Красноуфимскѣ и Перми.

5) Въ Харьковскомъ—7: въ Харьковѣ, Сумахъ, Курскѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Новочеркасскѣ и станицѣ Урюпинской.

6) Въ Одесскомъ—9: въ Одессѣ два и по одному въ Ростовѣ на Дону, Николаевѣ, Кишиневѣ, Мелитополѣ, Екатеринославѣ, Севастополѣ и Херсонѣ.

7) Въ Кіевскомъ—7: въ Кіевѣ, Бѣлой Церкви, Ровнѣ, Кременчугѣ, Новозыбковѣ, Полтавѣ и Ромнахъ.

8) Въ Виленскомъ—4: въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Пинскѣ и Динабургѣ.

9) Въ Варшавскомъ—3: въ Варшавѣ, Влоцлавскѣ и Ловичѣ.

10) Въ Дерптскомъ, на особыхъ основаніяхъ—2: въ Ригѣ и Митавѣ.

11) Въ Западной Сибири—1: въ Томскѣ.

12) Въ Восточной Сибири—1: въ Троицкосавскѣ.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1878 году.

Въ учебныхъ округахъ.	Состояло учебныхъ заведеній.				Учащихся въ нихъ.					
	Къ 1 января 1877 г.		Къ 1 января 1878 г.		Состояло на лицо.		Противъ 1 января 1877 года.		Выбыло въ теченіи года.	
	Реальныхъ училищъ.	При реальныхъ училищахъ параллельныхъ классовъ.	Реальныхъ училищъ.	При реальныхъ училищахъ параллельныхъ классовъ.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1878 года.	1 января 1877 года.		До окончанія курса.	По окончаніи курса.
							болѣе.	менѣе.		
С.-Петербургскомъ	7	2	8	2	1111	1294	183	—	158	72
Московскомъ	12	1	15	4	1419	1797	378	—	243	32
Казанскомъ	5	2	7	5	734	908	174	—	117	14
Оренбургскомъ	3	—	3	2	415	482	67	—	47	9
Харьковскомъ	5	4	7	8	923	1342	419	—	140	28
Одесскомъ	8	11	9	13	1743	1993	250	—	392	90
Кіевскомъ	6	12	7	12	1615	1778	163	—	242	127
Виленскомъ	4	6	4	7	1213	1301	88	—	218	90
Варшавскомъ	3	—	3	—	893	914	21	—	151	70
Дерптскомъ	2	3	2	5	732	741	9	—	135	42
Западной Сибири	—	—	1	—	—	113	113	—	1	—
Восточной Сибири	1	—	1	—	82	100	18	—	14	—
В с е г о	56	41	67	58	10880	12763	1833	—	1858	574

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ учениковъ къ 1-му января 1878 г. по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

По учебнымъ округамъ.	Общее число учащихся къ 1-му января 1878 г.		Въ томъ числѣ находилось.									
			По вѣроисповѣданіямъ.					По сословіямъ.				
			Православнаго.	Римско-католическаго.	Лютеранскаго.	Магометанск.	Еврейскаго.	Прочихъ исповѣданій.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскихъ сословій.
С.-Петербургскому . .	1294	1098	69	94	—	22	11	647	34	477	105	31
Московскому	1797	1610	72	78	—	32	5 ¹⁾	734	46	815	175	27
Казанскому	908	742	25	112	—	5	24	275	34	351	234	14
Оренбургскому	482	456	7	11	—	7	1	150	22	205	100	5
Харьковскому	1342	1170	39	59	—	43	31	612	47	441	212	30
Одесскому	1993	1209	160	119	1	409	95 ²⁾	767	39	924	141	122
Кіевскому	1778	850	602	46	—	249	31 ³⁾	990	74	550	100	64
Виленскому	1301	327	662	85	1	159	67	826	32	356	61	26
Варшавскому	914	64	734	51	—	63	2	539	9	328	32	6
Дерптскому	741	22	72	604	—	43	—	114	—	350	231	46
Западной Сибири . . .	113	95	4	—	—	14	—	39	4	62	8	—
Восточной Сибири . .	100	91	1	—	—	7	1	14	5	74	7	—
В с е г о . .	12763	7734	2447	1259	2	1053	268	5707	346	4933	1406	371

¹⁾ Въ томъ числѣ 18 старообрядцевъ.

²⁾ Въ Севастопольскомъ реальномъ училищѣ.

³⁾ Въ томъ числѣ въ Новозыбковскомъ училищѣ 23 старообрядца, въ Кіевскомъ 3 раскольника.

В Ъ Д О М О С Т Ь

О числѣ пансіоновъ и общихъ ученическихъ квартиръ и о числѣ воспитанниковъ въ нихъ къ 1-му января 1878 года.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Пансіоновъ.		Общихъ ученическихъ квартиръ.			
	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Казенныхъ.		Частныхъ.	
			Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.
С.-Петербургскомъ	1	77	—	—	—	—
Московскомъ	—	—	—	—	72	189
Казанскомъ	—	—	—	—	1 1)	22
Оренбургскомъ	—	—	—	—	—	—
Харьковскомъ	—	—	—	—	2 2)	57
Одесскомъ	—	—	—	—	—	—
Кіевскомъ	—	—	—	—	185	847
Виленскомъ	—	—	1	47	32	268
Варшавскомъ	—	—	—	—	48	231
Дерптскомъ	—	—	—	—	—	—
Западной Сибири	—	—	—	—	—	—
Восточной Сибири	—	—	—	—	—	—
В с е г о .	1	77	1	47	340	1614

1) При Сызранскомъ реальномъ училищѣ; частное учрежденіе тамошняго земства.

2) 1-я въ Сумахъ на 10 человекъ, содержаніе которыхъ принялъ на себя почетный попечитель училища Харитоненко; 2-я въ Тамбовѣ при такъ называемомъ «Сиротскомъ отдѣленіи», содержимомъ на счетъ земства.

О ЧИСЛѢ ВАКАНТНЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИХЪ ДОЛЖНОСТЕЙ

Наимя должности были вакантны.	П О У Ч Е					
	С-Петербургскому.		Московскому.		Казанскому.	
	Общее число должностей, бывших вакантными въ теченіи 1877 года.	Осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.	Общее число должностей, бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 года.	Осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1878 года.	Общее число должностей, бывшихъ вакантными въ теченіи 1878 года.	Осталось незамѣненныхъ должностей къ 1-му января 1879 года.
а) Законоучителей . . .	1	—	1	—	—	—
б) Учителей наукъ и языковъ:						
Математики и механики . . .	4	2	4	1	—	—
Русскаго языка . . .	—	—	1	1	—	—
Нѣмецкаго языка . . .	4	4	7	1	3	—
Французскаго языка . . .						
Англійскаго языка . . .						
Исторіи и географіи . . .	1	1	5	1	—	—
Естественной исторіи . . .	3	3	4	1	—	—
Физики и химіи . . .						
Коммерческихъ наукъ . . .	—	—	—	—	—	—
в) Учителей искусствъ . . .	4	3	2	—	—	—
Всего . . .	17	13	24	5	3	5

О С Т Ъ

вакантныхъ училищахъ къ 1-му января 1878 года.

М Ъ О К Р У Г А М Ъ.

Оренбургскому.		Харьковскому.		Одесскому.	
Вакантныи въ те- ченіи 1877 года.	Осталось незаемъ- щенныхъ должно- стей къ 1-му ян- варя 1878 года.	Общее число долж- ностей, бывшихъ вакантными въ те- ченіи 1877 года.	Осталось незаемъ- щенныхъ должно- стей къ 1-му ян- варя 1878 года.	Общее число долж- ностей, бывшихъ вакантными въ те- ченіи 1877 года.	Осталось незаемъ- щенныхъ должно- стей къ 1-му ян- варя 1878 года.
—	—	—	1	1	1
4	3	3	3	7	2
—	—	3	3	4	2
3	2	1	1	8	4
2	1	3	3	2	2
2	—	1	1	—	—
—	—	3	—	—	—
—	—	—	—	—	—
1	6	14	15	22	11

Канія должности были вакантны.	П О У Ч Е Б Н Ы М					
	Кіевскому.		Віленскому.		Варшавскому.	
	Общее число долж- ностей бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 г.	Осталось незавъ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.	Общее число долж- ностей бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 г.	Осталось незавъ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.	Общее число долж- ностей бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 г.	Осталось незавъ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.
а) Законоучителей . . .	4	2	2	1	1	—
б) Учителей наукъ и языковъ:						
Математики и механики . . .	1	—	—	—	—	—
Русскаго языка . . .	1	—	—	—	—	—
Нѣмецкаго языка . . .	5	2	2	—	—	—
Французскаго языка . . .			2	1	1	1
Англійскаго языка . . .			1	—	—	—
Исторіи и географіи . . .	—	—	1	1	—	—
Естественной исторіи . . .	—	—	—	—	—	—
Физики и химіи . . .						
Коммерческихъ наукъ . . .	—	—	—	—	—	—
в) Учителей искусствъ . . .	1	1	1	—	—	—
Всего . . .	13	5	7	3	2	1

Е Р У Г А М Ъ .

Юртскому.		Западной Сибири.		Восточной Сибири.		По всемъ учебнымъ округамъ.	
теченіи 1877 г.	Осталось незамѣ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.	Общее число долж- ностей бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 г.	Осталось незамѣ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.	Общее число долж- ностей бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 г.	Осталось незамѣ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.	Общее число долж- ностей бывшихъ вакантными въ теченіи 1877 г.	Осталось незамѣ- щенныхъ долж- ностей къ 1-му января 1878 г.
—	—	1	—	—	—	11	5
—	—	2	2	—	—	25	13
—	—	1	1	—	—	10	7
—	—	1	1	—	—	41	20
—	—	1	1	—	—	15	10
—	—	—	—	—	—	10	5
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	1	—	—	9	5
—	—	7	6	—	—	121	65

о средствахъ содержанія реальныхъ училищъ за

По учебнымъ округамъ.	Число реальныхъ училищъ.	Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содержаніе своихъ и разн. вѣдомствъ воспит.		Изъ суммъ сбора за учене.		Обязательныхъ взносов отъ почетныхъ попечителей и блюстителей.		Изъ суммъ дворянства.		Изъ суммъ городов.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
С.-Петербургскому	8	210707	66	7043	—	32010	—	—	—	—	—	7
Московскому	15	218913	—	—	—	34595	50	—	—	2000	—	46
Казанскому	7	81219	—	—	—	17508	23	—	—	—	—	38
Оренбургскому	3	19424	40	—	—	10345	—	—	—	—	—	13
Харьковскому	7	79107	40	—	—	19509	55	—	—	—	—	36
Одесскому	9	116367	34	—	—	14215	77	—	—	—	—	52
Кіевскому	7	139296	83	—	—	44608	60	—	—	—	—	15
Виленскому	4	122644	80	—	—	34184	—	—	—	—	—	—
Варшавскому	3	68273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дерптскому	2	3846	50	—	—	19759	80	—	—	—	—	10
Западной Сибири	1	9090	—	—	—	757	50	—	—	—	—	4
Восточной Сибири	1	21251	—	—	—	2050	—	—	—	—	—	—
В с е г о	67	1090140	93	7043	—	259543	95	—	—	2000	—	224

*) Изъ кассы евангелическо-лютеранскаго общества въ Одессѣ.

*) Пожертвованіе почетнаго попечителя Цибульскаго на отстройку дома.

О С Т Ъ.

изъ по отчетамъ попечителей учебныхъ округовъ.

Изъ суммъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ пожертвован.		Изъ суммъ управленій учебныхъ округовъ.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и корочнаго съ Евреевъ сбора.		Изъ разныхъ источниковъ.		Всего.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
490	—	44	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	274720	16
930	50	576	—	7100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	339965	—
331	—	110	—	4475	40	—	—	—	—	—	—	—	—	171060	29
500	—	—	—	809	68	—	—	—	—	—	—	—	—	78079	08
500	—	—	—	2090	73	—	—	13995	—	—	—	—	—	158444	10
050	—	357	50	6308	30	—	—	—	—	—	—	3165 ¹⁾	62	259084	53
580	—	2350	53	6766	28	—	—	—	—	—	—	—	—	242602	24
—	—	440	—	1600	—	460	—	—	—	6571	13	—	—	165899	93
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	68273	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34356	30
—	—	—	—	15000 ²⁾	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28847	59
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23301	—
381	50	3878	53	44150	39	460	—	13995	—	6571	13	3165	62	1844633	13

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, объ учащихся въ нихъ и окончившихъ курсъ въ 1877 году.

ПО ОКРУГАМЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.						Находилось учащихся.		Выбыв. въ 1877 г.	
	Уѣздныхъ училищъ.	Къ 1 янв. 1877 г.		Уѣздныхъ училищъ.	Къ 1 янв. 1878 г.		Къ 1-му января 1877 г.	Къ 1-му января 1878 г.	До окончания курса.	По окончаніи курса.
		При нихъ.			При нихъ.					
		Дополнительныхъ курсовъ.	Ремесленныхъ классовъ.		Дополнительныхъ курсовъ.	Ремесленныхъ классовъ.				
С.-Петербургскому	23	—	—	20	—	—	1501	1318	312	219
Московскому	88	—	—	80	—	—	7024	6005	1191	1033
Харьковскому	54	1	—	54	1	—	4151	3991	726	633
Казанскому	48	6	4	48	6	4	4432	4358	1086	661
Віленскому	40	—	—	38	—	—	2834	2421	469	639
Кіевскому	31	—	—	22	—	—	2225	1606	235	280
Одесскому	30	6	13	20	1	3	1727	1627	378	216
Оренбургскому	15	—	—	15	—	—	2301	1764	356	253
Дерптскому	18	—	—	18	—	—	2001	2067	452	184
Варшавскому	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Западной Сибири	13	1	—	13	1	—	882	881	209	115
Восточной Сибири	9	—	—	9	—	—	538	632	149	65
Итого	369	14	17	337	9	7	29716	26670	5491	4298

В Ъ Д О М О С Т Ь

О ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ, УЧРЕЖДАЕМЫХЪ НА ОСНОВАНІИ ПОЛОЖЕНІЯ 31-го мая 1872 года.

ВЪ ОКРУГАХЪ.	Число училищъ.		Число учащихся.		Выбыло изъ училищъ.	
	Въ 1 январ. 1877 г.	Въ 1 январ. 1878 г.	Въ 1 январ. 1877 г.	Въ 1 январ. 1878 г.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
С.-Петербургскомъ	25	29	2597	3045	660	58
Московскомъ	25	36	2414	3456	539	115
Харьковскомъ	3	3	330	376	49	27
Кіевскомъ	—	10	—	750	97	—
Віенскомъ	—	2	—	156	9	—
Одесскомъ	4	14	1021	1403	230	90
Оренбургскомъ	2	2	224	171	53	12
Дерптскомъ	1	2	102	225	44	10
Варшавскомъ	1	1	150	148	30	8
Итого	61	99	6338	9730	1711	420

В Ѣ Д О

о б ѣ у ч и т е л ь с к и х ъ с е м и н а р і я н ъ

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебных заведеній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ въ 1877	
	Къ 1 января 1877 года.	Къ 1 января 1878 года.	Къ 1 января 1877 года.	Къ 1 января 1878 года.	До оконча- ния курса.	По оконча- нии курса.
1. С. Петербургскому:						
Учительскихъ семинарій.	5	5	314	325	34	49
Земскихъ учительскихъ школъ:						
а) для приготовленія учителей.	2	2	113	129	9	28
б) для приготовленія учительницъ.	1	1	65	77	2	27
2. Московскому:						
Учительскихъ семинарій.	6	6	444	463	41	88
Земскихъ учительскихъ школъ:						
а) для приготовленія учителей.	1	1	103	72	19	11
б) для приготовленія учительницъ.	2	2	254	257	56	49
Школа для приготовленія учительницъ на средства братства Св. Равноапостольной Маріи въ Москвѣ	1	1	80	84	—	—
3. Харьковскому:						
Учительскихъ семинарій.	4	5	268	321	34	55
Екатерининскій учительскій инсти- туть въ Тамбовѣ	1	1	116	125	4	19
Земская учительская школа	1	1	87	74	6	34
4. Казанскому:						
Учительскихъ семинарій.	4	4	150 ¹⁾	185 ¹⁾	7	27
Татарская учительская школа.	1	1	10	15	4	—

1) О числѣ учащихся и объ источникахъ содержанія Казанской учительской сем

МОСТЪ

ШКОЛАХЪ ВЪ 1877 ГОДУ.

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.												ВСЕГО	
Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Отъ земствъ.		Отъ городскихъ и сельскихъ обществъ.		Изъ сбора платы за учене.		Изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Изъ пожертвованій и другихъ источниковъ.			
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	Коп.
74242	—	17768	24	—	—	—	—	210	—	7407	99	99628	23
1000	—	42200	—	—	—	—	—	—	—	100	—	43300	—
98100	—	14509	20	—	—	—	—	—	—	2000	—	114609	20
—	—	19565	43 ¹ / ₄	—	—	—	—	—	—	—	—	19565	43 ¹ / ₄
—	—	19571	56	—	—	5779	52	120	—	—	—	25471	8
с в ъ д ъ н і ѣ не до став л е н о												—	—
70222	98 ¹ / ₂	7623	—	изъ во ѣск. 4130 98 ¹ / ₂		—	—	907	88	—	—	82884	85
—	—	7927	50	—	—	460	—	25722	—	1919	83	36029	33
—	—	20260	28	—	—	165	—	—	—	225	—	20650	28
50094	—	5500	—	500	—	—	—	—	—	—	—	56094 ¹ / ₂	—
с в ъ д ъ н і ѣ не до став л е н о												—	—

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ въ 1877	
	Въ 1 января 1877 года.	Въ 1 января 1878 года.	Въ 1 января 1877 года.	Въ 1 января 1878 года.	До оконча- нія курса.	По оконча- нии курса.
Земскихъ учительскихъ школъ:						
а) для приготовленія учителей . . .	1	1	278	79	41	34
б) для приготовленія учительницъ . .	2	2		202		
5. Виленскому:						
Учительскихъ семинарій	5	5	301	361	50	45
6. Киевскому:						
Учительскихъ семинарій	2	2	162	130	29	20
Земскихъ учительскихъ школъ . . .	1	1	99	99	9	23
7. Одесскому:						
Учительскихъ семинарій	4	4	283	325	87	56
Татарская учительская школа . . .	1	1	37	37	7	2
8. Оренбургскому:						
Учительскихъ семинарій	1	1	20	49	3	—
Татарская учительская школа . . .	1	1	57	44	3	—
9. Пермскому:						
Учительскихъ семинарій	2	2	147	152	23	26
10. Варшавскому:						
Учительскихъ семинарій	9	9	658	641	107	125
11. Западная Сибирь.						
Омская учительская семинарія . . .	1	1	66	73	10	10

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.												ВСЕГО.	
государ- ственнаго казначей- ства.	Отъ земствъ.		Отъ город- скихъ и сель- скихъ об- ществъ.		Изъ сбора платы за учене.		Изъ процен- товъ съ по- жертвован- ныхъ капи- таловъ.		Изъ пожер- твованій и другихъ ис- точниковъ.		Руб.	К.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.			
—	—	49479	55	—	—	—	—	—	—	16650	5	66129	60
449	32	—	—	4378	74	—	—	—	—	7003	1	89831	7
846	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30846	—
—	—	13555	65	—	—	—	—	—	—	—	—	13555	65
192	—	1000	—	—	—	—	—	—	—	2500	—	71692	—
520	—	1820	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15340	—
082	—	1742	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17824	—
181	55	360	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16541	55
098	90	—	—	—	—	2942	70	—	—	—	—	35041	60
104	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95104	17
698	—	—	—	1200	70	—	—	—	—	—	—	17898	70

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ въ 1878	
	Къ 1 января 1877 года.	Къ 1 января 1878 года.	Къ 1 января 1877 года.	Къ 1 января 1878 года.	До оконча- ния курса.	По оконча- нии курса.
12. Восточная Сибирь:						
Учительскихъ семинарій	2	2	101	104	10	18
ВСЕГО. . .	61	62	4222	4423	545	746
Учительскихъ семинарій	45	46	2923	3129	385	519
Земскихъ учительскихъ школъ муж- скихъ	6	6	480	453	63	106
женскихъ	5	5	519	536	79	100
Тамбовскій Екатерининскій учитель- скій институтъ	1	1	116	125	4	19
Школа для приготоуленія учитель- ницъ въ Москвѣ.	1	1	80	84	—	—
Татарскихъ учительскихъ школъ . .	3	3	104	96	14	2

Примѣчаніе. Показанныя въ этой вѣдомости учительскія семинарія и школы рѣи въ п. Гатчинѣ, Псковѣ, Череповцѣ, Тотьмѣ и Вытегрѣ; земскія учительскія школы Москвскомъ учебномъ округѣ: семинарія: въ с. Подивановѣ, Подольскаго уѣзда, въ г. Владимирѣ, въ г. Корочевѣ; земскія учительскія школы: въ гг. Рязани, Костромѣ, Ларіи; въ Харьковскомъ учебномъ округѣ: семинарія: въ гг. Пензѣ, Воронежѣ, Бѣловѣ и земская учительская школа въ г. Курскѣ; въ Каванскомъ учебномъ округѣ: скѣ, татарская учительская школа въ г. Кавани, земскія учительскія школы: въ гг. семинарія: въ с. г. Несвижѣ, Слуцкаго уѣзда, въ м. Молодечнѣ, Вилейскаго уѣзда номъ округѣ: семинарія: въ г. Острогѣ, въ м. Коростышевѣ, Радомысльскаго уѣзда рин: въ м. Байрамчѣ, Аккерманскаго уѣзда, въ г. Херсонѣ, въ м. Новомъ-Бугѣ, Хер- въ г. Симферополѣ; въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ на заводѣ Благовѣщенскомъ учебномъ округѣ: семинарія: въ гг. Рязнѣ и Дерптѣ; въ Варшавскомъ учебномъ округѣ: Илзецкаго уѣзда, въ г. Ленчицѣ, въ п. Андреевѣ, Андреевскаго уѣзда, въ с. Вымы- бири въ г. Омскѣ; въ Восточной Сибири въ гг. Иркутскѣ и Красноярскѣ.

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.												ВСЕГО.	
Источника значенія	Отъ земствъ.	Отъ городскихъ и сельскихъ обществъ.			Изъ сбора платы за ученіе.		Изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Изъ пожертвованій и другихъ источниковъ.				
К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	Коп.	
30	—	—	—	5824	82	—	—	—	—	—	—	56954	82
160	92 1/2	222822	41 1/4	16035	24 1/2	9347	22	26959	88	37835	88	1024991	56 1/4

одается въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ: семина-
С.-Петербургѣ, состоящая изъ мужскаго и женскаго отдѣленій и въ Новгородѣ, въ
Александровъ Вяземскаго уѣзда, въ г. Торжкѣ, въ с. Новомъ, Мологскаго уѣзда, въ
Васюковскій (женская) и Москвѣ (женская), содержащая на средства братства св. равноапостольной
одъ, Волчанскѣ, Новочеркасскѣ, Екатерининскій учительскій институтъ—въ г. Там-
наринѣ: въ г. Казани, въ с. Порѣцкомъ, Алатырскаго уѣзда, въ гг. Самарѣ и Воль-
ахъ Вяткѣ, Казани, (женская) и Самарѣ (женская); въ Виленскомъ учебномъ окру-
и. Свислочь, Волковыскаго уѣзда и въ гг. Полоцкѣ и Поневъжѣ; въ Киевскомъ учеб-
ская учительская школа въ г. Черниговѣ; въ Одескомъ учебномъ округѣ: семина-
скаго уѣзда, въ с. Преславѣ, Бердянскаго уѣзда и татарская учительская школа
имскаго уѣздъ и татарская учительская школа въ г. Оренбургѣ; въ Дерптскомъ
наринѣ: въ г. Варшавѣ, въ п. Свиницѣ, въ г. Бѣлѣ, въ г. Холмѣ, въ н. Содець,
въ Липновскаго уѣзда, въ с. Вевердахъ, Мариампольскаго уѣзда; въ Западной Си-

В Ѣ Д

О ЧИСЛѢ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число училищъ.				Общее число началь- ныхъ училищъ.	Ч и с л о			
	Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.			Въ двухклассныхъ уч- лищахъ.			
	Городскихъ.	Сельскихъ.	Городскихъ.	Сельскихъ.		Городскихъ.		Сельскихъ.	
						Муж. пола.	Жен. пола.	Муж. пола.	Жен. пола.
С.-Петербургскому . .	17	40	115	1517	1689 ¹⁾	881	455	2720	
Московскому	23	90	490	3963	4566 ²⁾	1088	1214	7432	
Харьковскому	9 ³⁾	39	207	2160 ⁴⁾	2415	3875 муж. п. и 442 жен.			
Казанскому	4	24	208	2173	2404 ⁵⁾	2019 муж. п. и 519 жен.			
Виленскому	23	4	233	3448	3708 ⁶⁾	922	472	369	
Кіевскому	66	29	199	2291	2585 ⁷⁾	3380	1666	2646	
Одесскому	14	38	431	986	1469 ⁸⁾	1084	919	1945	
Оренбургскому . . .	6	33	79	1285	1403 ⁹⁾	—	—	53158	
Дерптскому	29 ¹⁰⁾	—	112	372	513 ¹¹⁾	2251	641	—	
Варшавскому	48	11	408	2812	3279 ¹²⁾	3563	1433	544	
Западной Сибири . .	—	—	58	502	560 ¹³⁾	—	—	—	
Восточной Сибири . .	2	—	29	196	227 ¹⁴⁾	166	—	—	
Туркестантскому вр.	—	—	35	—	35	—	—	—	
Итого	241	308	2564	21705	24853	13345	6800	15656	2
			35			3894 муж. п. 961 ж.			
						53158 муж. п.			

1) Въ томъ числѣ: 207 церковно-приходскихъ школъ. 2) Въ томъ числѣ: 5 вѣд. 23 воскресныхъ школъ, 20 воскресныхъ классовъ технического черченія и 16 еженедельныхъ школъ съ 1493 учащимися; въ школахъ этихъ русскій языкъ не преподается и обученіе даётся на французскомъ языкѣ въ Красноуфлѣ, имѣющее три класса. 3) Въ томъ числѣ: 3 воскресныхъ школъ и 3 иногородскихъ училищъ. 4) Въ томъ числѣ: 1 сельское трехклассное училище, 12 сельскихъ и 13 училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій. 5) Въ томъ числѣ: 11 училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, 3 кадетскія, 78 иногородскихъ училищъ и 474 татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ. 6) Въ томъ числѣ: 370 школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи совѣта поддѣла православныхъ воскресныхъ школъ. 7) Въ томъ числѣ: 1 церковно-приходская школа, 456 кадетскихъ училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, киргизская школа въ г. Омскѣ и др.

ДОСТЪ

УЧАЮЩИХСЯ ВЪ НИХЪ КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

УЧАЩИХСЯ.				Общее число учащихся.		Въ теченіи 1877 г. вышло.	
Въ одноклассныхъ училищахъ.							
Городскихъ.		Сельскихъ.		Мужеск. пола.	Женск. пола.	До оконч. курса.	По оконч. курса.
Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.				
3977	2241	46123	9481	53701	12456	20252	25891
45419	14280	138003	22732	191942	39279	40747	14949
118968 мужескаго пола и 13706 женскаго пола.				122843	14148	25233	7657
9636	4919	82285	11601	93940	17039	22954	7515
8283	3147	79875	3766	89449	7404	20578	5084
2318	536	56497	4438	64841	6947	5216	1864
11862	3465	50448	5718	65339	10597	2035	3758
о пола и 14408 женскаго пола.				53158	14408	3314	7245
4167	1911	8209	4054	14627	6606	3841	2671
22919	10057	86058	45643	113084	57261	40450	10726
2473	731	6033	1142	8506	1873	2317	760
915	105	3250	492	4331	597	951	235
1202 мужескаго пола и 311 женскаго пола.				1202	311	—	—
111969	41392	556781	109067	876963	188926	197888	88255
120170 мужескаго пола и 14017 женскаго пола.							
14408 женскаго пола.							

нихъ (мордовскихъ) школь, 144 церковно-приходскія школы, 126 школь грамотности, первыя классовъ. Кроме того, въ Нижегородской губерніи находится 31 татарская азаны въ числѣ начальныхъ народныхъ училищъ. ⁸⁾ Въ томъ числѣ: приходское училищъ, 30 церковно-приходскихъ школь, 2 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, 5 воскресныхъ школь, 5 воскресныхъ школь. ⁹⁾ Въ томъ числѣ: 416 отдѣленій въ числѣ: 15 классовъ для взрослыхъ и 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и 20 татарскихъ школь. ¹⁰⁾ Въ томъ числѣ: 4 участковыя школы въ Оренбургской губерніи, въ которыхъ русскій языкъ не преподается. ¹¹⁾ Въ томъ числѣ: 5 училищъ трехклассныхъ въ числѣ народныхъ училищъ, 1 училище при церкви иностраннаго исповѣданія и 7 воскресныхъ училищъ. ¹²⁾ Въ томъ числѣ: 12 церковно-приходскихъ школь, 6 татарскихъ школь. ¹³⁾ Въ томъ числѣ 1 ремесленное училище.

В Ѣ Д О

Объ источникахъ содержанія нача

НАИМЕНОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВЪ СОДЕРЖАНІЯ.	Расходы начальны							
	С.-Петербургскому.				Московскому.			
	Двухклас- сныхъ.		Одноклас- сныхъ.		Двухклас- сныхъ.		Одноклас- сныхъ.	
	Руб.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
1. Изъ суммъ государственнаго казначейства	49136	44	42511	48	75413	74	61688	8
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ и управленій	4201	72	56664	27	22764	33	315920	8
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ	8208	69	78229	34	12302	1/4	235849	4
4. Отъ земствъ	9480	—	271244	1	20076	76	673168	1
5. Отъ дворянства	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Изъ суммъ сбора за ученіе	487	50	2100	58	1419	65	20574	—
7. Отъ взносовъ и пожертвованій разныхъ обществъ и лицъ	2045	33	21997	35	20703	91	192406	—
8. Изъ войсковыхъ суммъ	—	—	—	—	—	—	—	—
9. Изъ специальныхъ средствъ	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Отъ разныхъ ведомствъ	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Свячнаго и коробочнаго сбора съ Евреевъ	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Изъ разныхъ другихъ источниковъ	—	—	—	—	7630	—	996	8
ИТОГО	73559	68	472747	3	160310	39 1/4	1500604	8

КОСТЬ

ИХЪ УЧЕНИЦЪ ВЪ 1877 ГОДУ.

Ч И Л И Ш Ъ П О У Ч Е Б Н Ы М Ъ О К Р У Г А М Ъ .

Харьковскому.				Казанскому.				Виленскому.				Кіевскому.			
Двухклас- сныхъ.		Одноклас- сныхъ.		Двухклас- сныхъ.		Одноклас- сныхъ.		Двухклас- сныхъ.		Одноклас- сныхъ.		Двухклас- сныхъ.		Одноклас- сныхъ.	
Рубли.	Коп.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
2388	70	29953	6	18606	66	28344	60	6143	10	163320	93	149248	93	5966	39
7073	35	263832	53	9246	68	130339	7	9791	50	22026	79	15102	36	37737	93
5620 р.				5034	90	157641	47	1178	—	213758	21	4926	43	124393	68
5319	—	335726	74	8471	—	531408	98 ^{1/2}	—	—	—	—	3825	3	68125	20
18700 р.				—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
445	—	19838	70	73	50	719	—	115	80	2834	42	6977	97	107	—
4321	32	42141	71	50	—	35060	77	250	—	4457	59	6506	60	10068	80
1195 р. 19 к.				—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1715				—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
82790 р.				—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	2228	30	—	—	—	—	—	—	—	—	2433	53
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70309	46	1149	94	20880	15
1250	—	6874	70	—	—	829	50	984	72	14043	93	300	—	17762	11
60797	37	700082	44	43711	4	88343	39 ^{1/2}	18463	12	490751	33	188037	26	341474	79
103305 р. 19 к.				—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

НАИМЕНОВАНІЯ ИСТОЧНИКОВЪ СОДЕРЖАНІЯ.	Расходы начальных											
	Одесскому.		Оренбургскому.				Дерптскому.					
	Двухглас- ныхъ.	Одноглас- ныхъ.	Двухглас- ныхъ.	Одноглас- ныхъ.	Двухглас- ныхъ.	Одноглас- ныхъ.	Двухглас- ныхъ.	Одноглас- ныхъ.	Губ.	К.		
	Руб.	К.	Рубли.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Рубли.	К.	Губ.	К.
1. Изъ суммъ государственна- го казначейства	19290	—	24740	20	40726 р. 88 к.		—	—	4872	39	38579	68
2. Отъ городскихъ думъ, ра- тушь и управленій	17681	48	121443	22	36300 р. 17 к.		—	—	54842	49	1850	—
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ	16502	25	196107	5	42677 р. 47 к.		—	—	—	—	6500	78
4. Отъ земства	9168	80	209662	20	301667 р. 74 к.		—	—	—	—	—	—
5. Отъ дворянства	—	—	—	—	—	—	—	—	1000	—	—	—
6. Изъ суммъ сбора за ученіе	—	—	—	—	216 р.		—	—	41729	75	2495	70
7. Отъ взносов и пожертво- ваній разныхъ обществъ и лицъ	1000	—	6868	98	20973 р. 31 к.		—	—	17132	32	5073	93
8. Изъ войсковыхъ суммъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9. Изъ специальныхъ средствъ	433	90	10119	50	—	—	—	—	—	—	4267	36
10. Отъ разныхъ вѣдомствъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2513	33
11. Свѣчнаго и коробочнаго сбо- ра съ Евреевъ	706	—	7580	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Изъ разныхъ другихъ источ- никовъ	1498	28	5057	—	—	—	—	—	855	—	1540	69
ИТОГО	66280	71	581578	15	442560 р. 57 к.		—	—	120431	95	62821	47

таблица по учебнымъ округамъ.

Варшавскому.				Западной Сибири.				Восточной Сибири.				Турнестанскому краю.				Вообще по всемъ округамъ.			
Двуклассныхъ.		Одноклассныхъ.		Двуклассныхъ.		Одноклассныхъ.		Двуклассныхъ.		Одноклассныхъ.		Двуклассныхъ.		Одноклассныхъ.		Двуклассныхъ.		Одноклассныхъ.	
Убли.	К.	Рубли.	К.	Р.	К.	Рубли.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Р.	К.	Руб.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
16675	91	78913	98	—	—	9587	—	13523	р. 5 к.	—	—	28850	—	—	—	371775	87	566456	13
																54249	р. 93 к.		
31024	1/2	122467	80 1/2	—	—	24732	81	16029	р. 85 1/2 к.	—	—	—	—	—	—	181727	91 1/3	1097015	24 1/5
																57950	р. 2 1/2 к.		
2961	43	386777	92 1/2	—	—	75744	7	55912	р. 1 к.	—	—	—	—	—	—	51113	70 1/4	1475001	98
																98589	р. 48 к.		
																56340	59	2089335	29 1/2
																315367	р. 74 к.		
																1000	—		
		4498	25	—	—	—	—	1519	р.	—	—	—	—	—	—	51249	17	53167	70
																1735	р.		
37	50	12974	82 1/2	—	—	9424	14	12047	р. 68 к.	—	—	—	—	—	—	52046	98	340475	6 1/3
																34215	р. 18 к.		
																—	—	1715	—
																82790	р.		
																433	90	14386	86
																2228	30	4946	86 1/4
																1855	94	98769	61
36	60	13282	26	—	—	421	40	287	р. 49 к.	—	—	—	—	—	—	12554	60	60808	13
																287	р. 49 к.		
50735	44 1/4	618915	4 1/2	—	—	119909	42	99319	р. 8 1/2 к.	—	—	28850	—	—	—	782326	96 3/6	5802077	87 3/4
																645184	р. 84 1/2 к.		

В Ъ Д О

о числѣ женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго про
ихъ содержанія

Въ учебныхъ округахъ.	Число учеб- ныхъ заве- деній.		Число учащихся.		Число выѣзжихъ по окончаніи курса.	И С Т О				
	Въ 1-му января 1877 года.	Въ 1-му января 1878 года.	Въ 1-му января 1877 года.	Въ 1-му января 1878 года.		Изъ суммъ госу- дарственнаго каз- начейства.	Руб.	К.	Руб.	К.
<i>С.-Петербургскомъ:</i>										
Гимназій	7	7	1516	1597	111	14234	—	11948	—	
Прогимназій	14	15	1324	1432	72	10266	—	9928	10	
<i>Московскомъ:</i>										
Гимназій	12	13	3118	3363	143	14300	—	30590	58	
Прогимназій	29	32	3252	3751	198	13700	—	45610	74	
<i>Харьковскомъ:</i>										
Гимназій	8	9	6248	6692	365	21000	—	50525	71	
Прогимназій	32	31								
<i>Казанскомъ:</i>										
Гимназій	3	3	1233	1297	71	5400	—	12060	—	
Прогимназій	16	17	2343	2547	112	9600	—	26522	66	
<i>Кіевскомъ:</i>										
Гимназій	4	5	1337	1462	96	21226	85	5410	—	
Прогимназій	12	12	815	1061	91	21189	—	9092	39	
Острожское училище гр. Блудова	1	1	172	173	—	13300	—	—	—	

ДОСТЪ

освѣщенія и о числѣ учащихся въ нихъ, а также объ источникахъ 1877 году.

О Н И К И СО Д Е Р Ж А Н І Я .

Отъ земства.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сборъ за учење.		%/о съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертвованія разнхъ обществъ и лицъ.		Изъ разнхъ источниковъ.		Всего.	
б.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.
432	26	—	—	36762	25	3218	4	4999	—	35797	87	122355	52
058	9	—	—	6205	75	1504	58	4061	28	5831	99	48855	79
940	—	—	—	95294	99	5412	35	12956	51	3595	83	187090	20
810	—	—	—	22362	—	3238	52	4385	—	289	58	99895	84
119	99	28785	49	89640	—	3964	96	10430	45	37274	51	293741	26
000	—	—	—	33541	35	510	50	1668	80	3627	16	63780	81
599	10	—	—	9158	50	599	69	815	—	853	32	71148	28
000	—	—	—	33537	21	1710	60	998	99	—	—	68792	65
800	—	—	—	12476	73	83	24	2314	63	—	—	56955	99
—	—	—	—	230	—	2278	—	3202	—	—	—	19010	—

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ по окончаніи курса.	И С Т		
	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1878 года.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1878 года.		Изъ суммъ государственнаго казначейства.	Къ.	Руб.
<i>Одесскомъ.</i>						Руб.	Къ.	Руб.
Гимназій	14	14	3809	4041	204	} 25000	—	94137
Прогимназій	15	16	1351	1518	92		—	—
<i>Виленскомъ.</i>								
Маринское учил. 1-го разр.	1	1	504	510	26	27366	—	—
<i>Оренбургскомъ.</i>								
Гимназій	5	5	1261	1331	127	5500	—	7369
Прогимназій	8	8	886	936	40	4500	—	18098
<i>Дерптскомъ.</i>								
Гимназій	2	2	} 514	560	39	10860	—	11681
Прогимназій	1	1						
<i>Варшавскомъ.</i>								
Гимназій	10	10	2048	2186	154	142127	15	—
Прогимназій	7	7	674	728	75	51649	73	—
Высшее училище въ г. Холм.	1	1	140	149	8	29275	—	—
<i>Западной Сибири.</i>								
Гимназій	2	2	613	659	30	2000	—	1600
Прогимназій	9	11	752	867	60	7000	—	8705

О Ч Е Р К И С О Д Е Р Ж А Н І Я .

Отъ земства.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сборъ за учење.		% съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертванія разныхъ обществъ и лицъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		В с е г о .	
б.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.	Руб.	к.
158	16	—	—	—	—	2584	20	5750	7	138884	87	316814	40
—	—	—	—	48912	52	—	—	—	—	1200	—	77478	52
100	—	13380	—	22408	—	6268	71	1459	32	10723	97	82209	—
371	51	—	—	2070	—	—	—	827	42	997	55	37364	54
—	—	—	—	17608	49	—	27	—	—	—	—	40364	86
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	142127	15
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51649	73
—	—	—	—	3740	—	—	—	—	—	—	—	33015	—
—	—	—	—	12646	29	118	50	234	5	23471	—	40069	84
—	—	—	—	1744	50	1457	86	3386	19	—	—	22294	26

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ по окончаніи курса.	И С		
	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1878 года.	Къ 1-му января 1877 года.	Къ 1-му января 1878 года.		Изъ суммъ государственнаго казначейства.	Руб.	К.
<i>Восточной Сибири:</i>								
Гимназій	1	1	354	344	4	1500	—	330
Прогимназій	8	8	476	556	22	4400	—	782
<i>Туркестанскомъ краѣ.</i>								
Гимназій	1	1	70	108	—	—	—	—
Прогимназій	1	1	—	54	—	—	—	1232
Итого:								
Гимназій	69	72	34810	37972	2140	455393	73	366730
Прогимназій	152	159						
Высшихъ женск. училищъ .	3	3						

К О Н Т Е Н Т Ъ .

Изъ войсковыхъ суммъ.		Сборъ за ученіе.			% съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертвованія разныхъ обществъ и лицъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		Всего.	
К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
—	—	—	8287	50	298	67	1888	93	80	—	15355	10
—	—	—	5050	70	5014	9	2870	—	80	—	25240	96
—	19440	—	3155	—	—	—	—	—	—	—	22595	—
—	—	—	910	—	—	—	—	—	—	—	13235	—
11	61605	49	465678	5	38388	78	62247	64	262707	65	1951440	71

ВѢДОМОСТЬ

О ПОДВѢДОМСТВЕННЫХЪ МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЧАСТНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ И УЧИЛИЩАХЪ ПРИ ЦЕРКВАХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ИСПОВѢДАНІЙ И ЧИСЛѢ УЧАЩИХСЯ ВЪ ОНЫХЪ КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихъся.	
	Гимназій.	УЧИЛИЩЪ			ВООБЩЕ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
<i>С.-Петербургскомъ:</i>							
мужскихъ	3	} 18	47	387	457	1147	1225
женскихъ	2		—	—	—	—	—
обоего пола	—	—	—	—	—	—	—
при церквахъ иностранн. исповѣданій	—	—	10	18	28	128	69
<i>Московскомъ:</i>							
мужскихъ	3	4	7	19	33	} 2202	2546
женскихъ	1	6	7	21	35		
обоего пола	—	—	—	114	114	—	—
при церквахъ иностранн. исповѣданій	—	—	—	6	6	678	392
<i>Харьковскомъ:</i>							
мужскихъ	—	1	1	3	5	} 214	740
женскихъ	—	5	3	1	9		
обоего пола	—	—	—	16	16	—	—
при церквахъ иностранн. исповѣданій	—	—	1	1	2	269	318

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихъся.	
	Гимназій.	УЧИЛИЩЪ			ВООБЩЕ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
		1-го разрада.	2-го разрада.	3-го разрада.			
<i>Казанскомъ:</i>							
мужскихъ	—	—	5	3	8	} 1231	1030
женскихъ	—	2	6	5	13		
обоюго пола	—	—	—	14	14		
<i>Кіевскомъ:</i>							
мужскихъ	}	—	1	8	38	47	303
женскихъ							
обоюго пола							
при церквахъ иностранн. исповѣданій	—	—	1	3	4	127	61
<i>Виленскомъ:</i>							
мужскихъ	—	—	—	1	1	58	—
женскихъ	—	—	10	22	32	—	1047
обоюго пола	—	—	—	4	4	89	51
при церквахъ иностранн. исповѣданій	—	—	—	13	13	508	221
<i>Одесскомъ:</i>							
мужскихъ	—	4	2	9	15	} 1385	2204
женскихъ	—	8	4	7	19		
обоюго пола	—	—	—	24	24		
при церквахъ иностранн. исповѣданій:							
мужскихъ	—	—	3	—	3		

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихъся.		
	Гимназій.	УЧИЛИЩЪ			ВООБЩЕ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.				
женскихъ	—	—	1	—	1	656	519	
обоего пола	—	—	—	3	3			
<i>Оренбургскомъ:</i>								
мужскихъ	}	—	4	5	9	110	91	
женскихъ								
обоего пола								
<i>Дерптскомъ:</i>								
мужскихъ	1	—	10	27	38	2654	4749	
женскихъ	—	12	22	58	92			
обоего пола	—	—	—	44	44			
<i>Варшавскомъ:</i>								
мужскихъ	—	5	24	16	45	3589	—	
женскихъ	—	—	33	105	138	—	5772	
обоего пола	—	—	—	10	10	188	132	
<i>Западной Сибири:</i>								
обоего пола	—	—	—	9	9	84	108	
<i>Восточной Сибири:</i>								
обоего пола	—	—	—	3	3	56	37	
<hr/>								
ВСЕГО: мужскихъ	7	}	66	209	1009	1294	15676	22453
женскихъ	3							
обоего пола	—							

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (21-го сентября 1879 года). — Объ учрежденіи стипендіи при Бѣлгородской мужской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ пожертвованнаго покойнымъ бѣлгородскимъ мѣщаниномъ В. С. Чихачевымъ по духовному завѣщанію капитала въ одну тысячу руб., одной стипендіи при Бѣлгородской мужской гимназій, съ наименованіемъ оной: „стипендія Василя Семеновича Чихачева“.

11. (21-го сентября 1879 года). — Объ учрежденіи денежной преміи имени Ю. Ѳ. Самарина.

Попечитель Дѣл Печенгскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что общее собраніе Саратовскаго отдѣленія Прибалтійскаго православнаго братства во Имя Христа Спасителя, желая почтить память умершаго Юрія Ѳедоровича Самарина, въ уваженіе къ его заслугамъ на пользу братства, постановило пожертвовать капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, по нарицательной стоимости въ тысячу руб., съ цѣлью учрежденія на проценты съ этого капитала денежной преміи его, Самарина, имени, для выдачи въ награду одному изъ отличнѣйшихъ уче-

никовъ изъ православныхъ Эстовъ и Латышей Прибалтійскихъ губерній, оканчивающихъ курсъ въ Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинаріяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, кои получили первоначальное образованіе въ состоящихъ подъ покровительствомъ Прибалтійскаго братства школахъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе означенной преміи по правиламъ, какія для сего будутъ установлены министерствомъ народнаго просвѣщенія.

12. (21-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Гродненской гимназійи и Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ пожертвованнаго нѣкоторыми изъ служащихъ и жителей Гродненской губерніи капитала въ три тысячи руб., двухъ стипендіи при Гродненской гимназійи и Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора Александра Елпидифоровича Зурова“.

13. (21-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Серпуховской Николаевской женской прогимназійи.

Почетительный совѣтъ Серпуховской Николаевской женской прогимназійи ходатайствовалъ объ учрежденіи при означенной прогимназійи, на проценты съ капитала въ 500 руб., пожертвованнаго гражданами города Серпухова и жителями Серпуховскаго уѣзда, одной стипендіи, имени Московскаго генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

14. (12-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ, на проценты съ собраннаго

по добровольной подпискѣ педагогическимъ совѣтомъ Кронштадтскаго реальнаго училища и нѣкоторыми изъ обывателей гор. Кронштадта, капитала въ 700 руб., обращеннаго нынѣ въ облигаціи восточнаго займа, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія покойнаго директора Кронштадтскаго реальнаго училища Франца Александровича Александрова“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

15. (12-го октября 1879 года). О присвоеніи капиталу, пожертвованному старшимъ фельдшеромъ лейбъ-гвардіи Гатчинскаго полка Николаемъ Моргулисомъ наименованія „капиталъ Николая Васильевича Моргулиса“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе капиталу въ 683 руб., пожертвованному отставнымъ старшимъ фельдшеромъ лейбъ-гвардіи Гатчинскаго полка Николаемъ Моргулисомъ въ пользу Волочискаго приходскаго училища, Староковстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, наименованія по фамиліи жертвователя: „капиталъ Николая Васильевича Моргулиса“.

16. (12-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Нижегородской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго бывшимъ Нижегородскимъ преосвященнымъ, епископомъ Іереміемъ, капитала въ 1300 р., заключающагося въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, и 38 р. 54 к. наличными деньгами, двухъ стипендій при Нижегородской мужской гимназіи: одной — въ память основателя Нижняго Новгорода, Св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, и другой — въ память чудеснаго избавленія Государя Императора отъ руки злодѣя 2-го апрѣля 1879 г. въ С.-Петербургѣ; причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить преосвященнаго Іеремію.

17. (12-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Нижегородской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Нижегородской мужской гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ: „стипендія въ память основателя Нижняго Новгорода, Св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича“.

ваніемъ: „стипендія генераль-адъютанта графа Николая Павловича Игнатьева“, для уплаты за право ученія одного ученика, на пожертвованный для сего капиталъ въ 600 руб. торговцами табачнаго ряда Нижегородской ярмарки, добавленный 200 руб. самимъ генераль-адъютантомъ графомъ Игнатьевымъ, на случай увеличенія платы за ученіе въ гимназіи.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

18. (12-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Красноярской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго Красноярскимъ почетнымъ гражданиномъ Щеголевымъ капитала въ 5,000 руб., заключающагося въ 5⁰/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, одной стипендіи при Красноярской мужской гимназіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія красноярскаго почетнаго гражданина Иннокентія Сидоровича Щеголева“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

19. (12-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Нижегородскаго реальнаго училища нижегородскимъ 1-й гильдіи купцомъ А. П. Гусевымъ капитала въ 600 руб., заключающагося въ 2-хъ 5⁰/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, одной стипендіи при названномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной: „стипендія нижегородскаго 1-й гильдіи купца Александра Прохоровича Гусева“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

20. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Нѣжинской женской П. И. Кушакевичъ прогимназіи.

Титулярный совѣтникъ Шаула внесъ въ попечительный совѣтъ Нѣжинской женской П. И. Кушакевичъ прогимназіи 4⁰/₁₀₀ свидѣтельство Кіевской конторы государственнаго банка за № 132270, въ 2,000 руб., на предметъ учрежденія, на проценты съ этого капитала,

при названной прогимназіи одной стипендіи имени умершей его дочери Маріи Захарьевны Шаулы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семь докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи; причеъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователя.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

8-го сентября 1879 года. (№ 11). Назначается: директоръ Мозырской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Фелицынъ—окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа.

Утверждается: статскій совѣтникъ Фидлеръ—почетнымъ попечителемъ реальнаго училища при евангелическо-реформатской церкви въ Москвѣ, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ учебною цѣлю: магистру Императорскаго Дерптскаго университета Кизерицкому—на четыре мѣсяца и кандидату Императорскаго Московскаго университета Кулаковскому—на шесть мѣсяцевъ.

21-го сентября 1879 года. (№ 12). Назначаются: отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Маакъ—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Инспекторъ С.-Петербургской второй гимназіи, коллежскій совѣтникъ Гельбке—окружнымъ инспекторомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, съ 1-го сентября 1879 года.

Увольняются, согласно прошенію, отъ службы: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Фокковъ, съ 1-го сентября 1879 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

9. (28-го сентября 1879 г.). Правила о преподаваніи и экзаменахъ слушателей фармацевтическаго курса въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждены г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Аптекарскій помощникъ, при испытаніи его на степень про-

визора, долженъ представить доказательство, что онъ прослушалъ въ университетѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, слѣдующіе предметы: 1) минералогію, 2) ботанику, 3) зоологію, 4) физику, 5) химію, 6) фармацію съ фармакогнозіей, 7) физиологію, 8) фармакологию и 9, токсикологию.

§ 2. Порядокъ чтеній названныхъ предметовъ долженъ быть опредѣленъ медицинскимъ факультетомъ такъ, чтобъ въ 1 годъ фармацевты могли посѣщать лекціи: а) неорганической химіи (3 часа въ недѣлю), б) зоологіи (2 часа), с) ботаники (2 часа), d) фармаціи (2 часа), е) физики (2 часа), физиологіи (2 часа), и g) токсикологіи (1 часъ), во второй годъ они должны слушать: а) органическую химію (3 часа), б) минералогію (1 часъ), с) фармакогнозію (4 часа), d) токсикологию (2 часа), е) фармакологию (6 часовъ), и f) заниматься аналитической химіей (9 часовъ въ недѣлю).

§ 3. Распредѣленіе часовъ должно быть составляемо медицинскимъ факультетомъ, имѣя въ виду, какъ число часовъ, обозначенныхъ въ § 2, такъ и распредѣленіе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы слушаніе одного предмета не мѣшало посѣщать другой.

§ 4. Чтеніе ботаники должно состоять, какъ въ теоретическомъ изложеніи предмета, такъ и въ практическомъ занятіи, состоящемъ въ изученіи распознаванія свѣжихъ растений, или взятыхъ изъ травника.

§ 5. Такъ какъ чтеніе физики для фармацевтовъ должно быть, по закону, въ связи съ фармаціей и съ химіей, то для сихъ предметовъ учреждается отдѣльный курсъ (2 часа въ недѣлю).

§ 6. Экзаменъ на степень провизора долженъ быть производимъ въ засѣданіяхъ медицинскаго факультета, такъ, однако, чтобъ все испытаніе было окончено не позже 3 мѣсяцевъ.

§ 7. Желающій держать экзаменъ на степень провизора, долженъ подать прошеніе объ этомъ въ медицинскій факультетъ, представивъ при этомъ доказательство въ прослушаніи имъ предметовъ, обозначенныхъ въ § 2.

Въ случаѣ же исполненія желающимъ подвергнуться экзамену всѣхъ правилъ для вольнослушателей фармацевтовъ составляется секретаремъ факультета журналъ, въ которомъ обозначаются предметы, изъ коихъ долженъ экзаменоваться подавшій прошеніе, имя и фамилія просителя, число, мѣсяцъ, начало экзамена и наконецъ должна находиться графа для отмѣтки экзаменатора и число для испытанія.

§ 8. Плата за слушаніе лекцій должна производиться въ прежнемъ порядкѣ.

10. (27 октября 1879 года). Циркулярное предложеніе г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ къ предупрежденію небрежнаго отношенія учениковъ VIII класса гимназій къ исполненію своихъ обязанностей.

Въ виду замѣченнаго по нѣкоторымъ гимназіямъ ослабленія усердія въ ученикахъ VIII классовъ къ исполненію своихъ обязанностей въ надеждѣ на то, что они удостоятся аттестата зрѣлости, благодаря уже тѣмъ успѣхамъ, которые оказаны ими въ теченіе предыдущаго курса, я признаю полезнымъ, въ дополненіе къ пункту *a* § 46 утвержденныхъ мною 8 декабря 1872 г. правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, постановить, что ученики VIII класса, небрежно относящіеся къ своимъ обязанностямъ, или вовсе не допускаются къ испытанію зрѣлости, или же подвергаются оному изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса наравнѣ съ посторонними лицами.

О всѣхъ означенныхъ случаяхъ недопущенія учениковъ къ испытанію зрѣлости или допущенія ихъ къ оному въ качествѣ постороннихъ лицъ, педагогическіе совѣты обязаны доносить попечителю учебнаго округа, одновременно съ представляемыми, на основаніи § 47 правилъ, копіями съ постановленій комиссій о допущеніи учениковъ гимназій и постороннихъ лицъ къ испытанію и общихъ списковъ подвергающихся испытанію. Независимо отъ сего, я нахожу необходимымъ, чтобы директоры гимназій представляли въ управленіе учебнаго округа два раза въ годъ именныя списки учениковъ VIII класса, съ обозначеніемъ противъ каждаго изъ нихъ общаго числа уроковъ въ теченіе полугодія, числа уроковъ, пропущенныхъ по болѣзни, по другимъ уважительнымъ причинамъ и по неизвѣстнымъ или неуважительнымъ причинамъ, а равно и процентнаго отношенія числа всѣхъ пропущенныхъ уроковъ къ общему ихъ числу за данное полугодіе. Означенные списки за 2-ю половину каждаго учебнаго года должны быть доставляемы вмѣстѣ съ вышеупомянутыми копіею съ постановленія комиссій о допущеніи или недопущеніи учениковъ гимназій и постороннихъ лицъ къ испытанію зрѣлости и копіею съ общаго списка.

Съ помощью означенныхъ данныхъ, попечители учебныхъ округовъ, пользуясь правомъ на основаніи, § 47 правилъ, утверждать или не утверждать постановленія означенныхъ комиссій, будутъ имѣть пол-

ную возможность наблюсти, чтобы ученики VIII класса, замѣченные въ небрежномъ отношеніи къ своему дѣлу, отнюдь не допускались къ испытанію зрѣлости, наравнѣ съ прочими учениками этого класса, относящимися къ своимъ обязанностямъ съ должнымъ усердіемъ.

Сообщая о семъ вашему превосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, сдѣлать соотвѣтствующія по сему предмету распоряженія по гимназіямъ ввѣреннаго вашему управленію округа.

11. (10-го ноября 1879 г.). Циркулярное предложеніе г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ къ огражденію среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній отъ неблагонадежныхъ преподавателей.

Въ видахъ огражденія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и въ особенности начальныхъ народныхъ училищъ, существующихъ подъ разными въ вѣдѣніи сего министерства наименованіями, а также частныхъ учебныхъ заведеній, отъ преподавателей неблагонадежныхъ въ политическомъ или нравственномъ отношеніи и по затруднительности для начальствующихъ надъ названными заведеніями лицъ, отъ коихъ, зависитъ опредѣленіе или допущеніе преподавателей въ оныя имѣтъ всегда достовѣрныя свѣдѣнія о политической благонадежности и нравственныхъ качествахъ кандидатовъ, желающихъ занять преподавательскую должность въ этихъ заведеніяхъ, признавая полезнымъ содѣйствіе въ семъ отношеніи учебному вѣдомству со стороны мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальствамъ мужскихъ и женскихъ гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, директорамъ учительскихъ семинарій и инспекторамъ учительскихъ школъ, а также директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, и принять за правило въ управленіи ввѣреннаго вамъ округа, чтобы предварительно допущенія или опредѣленія избранныхъ кандидатовъ на учительскія мѣста въ названныя среднія и низшія учебныя заведенія, а равно прежде выдачи желающимъ свидѣтельствъ на право обученія въ частныхъ домахъ или открытій частныхъ учебныхъ заведеній, дѣлаемы были сношенія съ мѣстными губернаторами о нравственныхъ качествахъ и политической благонадежности лицъ, коимъ предполагается предоставить означенныя мѣста, или выдать указанныя свидѣтельства.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что о настоящемъ распоряженіи мною, вмѣстѣ съ симъ, сообщено министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о соотвѣтствующемъ съ его стороны предложеніи начальникамъ губерній.

12. (17-го ноября 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. печителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ снабженія начальныхъ народныхъ училищъ книгами и учебными пособіями.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій, въ начальныхъ народныхъ училищахъ, подвѣдомыхъ учебному начальству вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, должны быть употребляемы только такія книги, учебныя руководства и пособія, кои для сего одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія, по принадлежности, согласно спискамъ или каталогамъ, печатаемымъ въ журналѣ сего министерства или отдѣльно рассылаемымъ по училищамъ. Между тѣмъ иногда въ названныхъ училищахъ встрѣчаются книги и брошюры, не показанныя въ упомянутыхъ каталогахъ и журналѣ министерства, и между ними такія, кои, по ихъ преступному содержанію, подлежатъ запрещенію. Вслѣдствіе сего и въ видахъ огражденія начальныхъ народныхъ школъ отъ нашлава книгъ вреднаго содержанія и вообще неразрѣшенныхъ къ употребленію въ сихъ школахъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и главнымъ начальникомъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, признано необходимымъ установить въ дѣлѣ снабженія упомянутыхъ училищъ книгами слѣдующія правила: 1) книги, учебныя руководства и пособія, приобретаемыя для подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія училищъ, содержателями оныхъ, въ томъ числѣ и земскими учрежденіями, равно какъ жертвуемыя кѣмъ либо для училищъ, должны поступать въ училища не иначе, какъ чрезъ посредство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ или инспекторовъ народныхъ училищъ, смотря по тому, предназначаются ли книги для училищъ подвѣдомыхъ совѣтамъ, или же подчиненныхъ непосредственно инспекторамъ; 2) сообразно съ симъ содержатели училищъ или уполномоченныя отъ нихъ лица, равно какъ почетные блюстители училищъ, смотрители, попечители и попечительницы оныхъ, а также благотворители училищъ и разныя общества распространенія грамотности, полезныхъ книгъ и т. п. обязаны книги, учебныя руководства и пособія, приобретенныя

или жертвуемыя ими для училищъ, представлять въ уѣздный училищный совѣтъ или мѣстному инспектору народныхъ училищъ, по принадлежности, съ приложеніемъ списка представляемыхъ книгъ, съ указаніемъ въ списокѣ полного заглавія оныхъ, а также съ обозначеніемъ въ списокѣ или въ препроводительной бумагѣ отъ кого именно представляются книги, если только благотворитель училища, жертвующій книги, не пожелаетъ остаться неизвѣстнымъ, о чемъ, впрочемъ, и должно быть заявляемо въ препроводительной отъ неизвѣстнаго бумагѣ, или на списокѣ представляемыхъ книгъ; 3) названные совѣты или инспекторы, если не встрѣтятъ препятствія къ допущенію упомянутыхъ книгъ въ училища, имѣютъ отправлять ихъ отъ себя въ подлежащія училища на имя учителей оныхъ, при особомъ списокѣ, засвидѣтельствованномъ подписью инспектора народныхъ училищъ или члена отъ министерства народнаго просвѣщенія въ училищномъ совѣтѣ, съ обозначеніемъ въ списокѣ полного заглавія каждой изъ отправляемыхъ книгъ; 4) въ томъ случаѣ, когда между представленными книгами окажутся не одобренныя установленнымъ порядкомъ для народныхъ школъ, хотя и напечатанныя съ разрѣшенія цензуры или же напечатанныя безъ цензуры, а равно и прямо запрещенныя, училищные совѣты или инспекторы народныхъ училищъ обязаны отсылать: первыя, т. е. книги напечатанныя съ разрѣшенія цензуры, но неодобренныя для народныхъ школъ, къ мѣстнымъ директорамъ народныхъ училищъ или губернскимъ училищнымъ совѣтамъ, для представленія по принадлежности попечителямъ учебныхъ округовъ, на ихъ усмотрѣніе, а послѣднія, то-есть книги воспрещенныя цензурою, къ мѣстнымъ губернаторамъ на зависящее распоряженіе сихъ послѣднихъ объ изыятіи такихъ книгъ изъ обращенія въ публикѣ; 5) засимъ воспрещается учителямъ начальныхъ училищъ, подъ строгою отвѣтственностію за нарушеніе, принимать или допускать въ училища отъ кого бы то ни было книги, учебныя руководства и пособія, поступающія помимо порядка, указаннаго въ п. 3 сихъ правилъ; и 6) въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ по положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года, обязанности, возлагаемыя настоящими правилами на сіи совѣты или на инспекторовъ народныхъ училищъ, должны быть исполняемы: въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Архангельской, Оренбургской, Астраханской, въ Тургайской области, во внутревной киргизской ордѣ и въ Туркестанскомъ краѣ—мѣстными инспекторами народныхъ училищъ; въ Сибири—штатными смотрителями уѣздныхъ учи-

лицъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—лицами, коимъ ввѣрено ближайшее наблюденіе за училищами; въ губерніяхъ Виленскаго округа—дирекціями училищъ; въ губерніяхъ Варшавскаго округа—начальниками учебныхъ дирекцій и инспекторомъ училищъ города Варшавы, и наконецъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ—губернскими директорами училищъ, или штатными смотрителями уѣздныхъ училищъ, или же инспекторами народныхъ училищъ, по принадлежности.

О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для зависящихъ распоряженій.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

28-го сентября 1879 года (№ 13). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ минералогіи Брю — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ минералогіи, съ 1-го іюля 1879 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ географіи, этнографіи и статистики Стида — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ сихъ предметовъ, съ 31-го августа 1879 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ чистой математики Андреевъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ чистой математики, съ 8-го марта 1879 года.

Докторъ Георгій Лешке—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ древне-классической филологіи и археологіи, съ 26-го іюля 1879 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ минералогіи, коллежскій совѣтникъ Ерофеевъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ минералогіи, съ 1-го сентября 1879 года.

Тайный совѣтникъ Филипповъ—почетнымъ попечителемъ Ржевской прогимназіи, на три года.

Директоръ народныхъ училищъ Тверской губерніи, надворный совѣтникъ Маловъ—директоромъ Киржачской учительской семинаріи, съ 13-го августа 1879 года.

Назначаются: магистръ гражданскаго права Загоровскій—доцентомъ Демидовскаго юридическаго лица по кафедрѣ гражданскаго судопроизводства и торговаго права, съ 1-го сентября 1879 года.

Учитель Московскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Васильковскій—исправляющимъ должность директора Зарайскаго реальнаго училища, съ 7-го сентября 1879 года.

Перемѣщаются: директора гимназій: Уральской, статскій совѣтникъ Матвѣевъ, и Уфимской, статскій совѣтникъ Любарскій—директорами гимназій: первый—Уфимской и послѣдній—Уральской.

Почетный попечитель Алферовской учительской семинаріи, Смоленской губерніи, дворянинъ Губонинъ—почетнымъ попечителемъ Новоторжской учительской семинаріи, Тверской губерніи, съ 8-го сентября 1876 года.

Опредѣляются: потомственный почетный гражданинъ Андреевъ—почетнымъ попечителемъ Алферовской учительской семинаріи, Смоленской губерніи, съ 8-го сентября 1879 года.

Изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ Антроповъ—на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ утвержденіемъ инспекторомъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, съ 30-го августа 1879 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: старшій воспитатель средняго отдѣленія Императорскаго Гатчинскаго Николаевскаго Сиротскаго института, коллежскій секретарь Шульгинъ—съ утвержденіемъ инспекторомъ студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, съ 21-го сентября 1879 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: директоръ Киржачской учительской семинаріи, титулярный совѣтникъ Смирновъ, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 13-го августа 1879 года.

Членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія—статскій совѣтникъ Игнатовичъ, съ оставленіемъ въ званіи члена упомянутаго комитета, съ 24-го августа 1879 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Вологодской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Красовъ, съ 10-го августа 1879 года.

Директоръ Московскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ, съ 12-го августа 1879 года.

Директоръ Екатеринбургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ 25-го августа 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коссовичъ, со дня выслуги сорока-лѣтняго срока.

Продолжается срокъ отпуска: директору Керченской Александровской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Далю—на десять дней, въ разныя губерніи.

Ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскому Ассессору Колосову—по 1-е октября 1879 года, на Кавказъ и въ Крымъ, по болѣзни.

Сверхштатному учителю городскихъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ Малюкову—на мѣсяцъ, за границу, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Полоцкой учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Бѣлецкій—на мѣсяцъ, въ Крымъ.

Директоръ лицей Цесаревича Николая, статскій совѣтникъ Катковъ на два мѣсяца, въ разныя губерніи.

и б) За границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Ленцъ—на десять дней.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Ефремовъ—на двадцать восемь дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Виноградовъ—на двадцать девять дней.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Гиршгорнъ—на мѣсяцъ.

Почетный попечитель Одесской второй гимназіи Шульцъ—на три мѣсяца.

Увольняются согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дестунисъ, отъ службы при семъ университетѣ.

Инспекторъ студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Рогожинъ, отъ службы, съ 11-го сентября 1879 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется принаятельность министерства народнаго просвѣщенія: инспектору работъ по устройству Либавскаго порта,

надворному совѣтнику Олендзскому—за денежное пожертвованіе учрежденному при Либавской гимназій обществу вспомошествованія нуждающимся ученикамъ.

13-го октября 1879 года. (№ 14). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янсонъ—декановъ юридическаго факультета сего университета, съ 27-го сентября 1879 года по 7-е октября 1881 года.

Экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: докторъ химіи, статскій совѣтникъ Поповъ и докторъ чистой математики, коллежскій совѣтникъ Сонинъ—ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими кафедрамъ: первый — химіи и послѣдній — чистой математики, оба съ 20-го іюля 1879 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ всеобщей исторіи Успенскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ всеобщей исторіи, съ 20-го сего сентября 1879 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ ботаники, титулярный совѣтникъ Ришави—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ ботаники, съ 1-го сентября 1879 года.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Лаврентьевъ—старшимъ титоромъ университетскаго курса лица Цесаревича Николая въ Москвѣ, съ 27-го апрѣля 1879 года.

Исправляющіе должность директоровъ прогимназій: Ташкентской—коллежскій совѣтникъ Янко и Вѣрненской—коллежскій совѣтникъ Новакъ—въ симъ должностяхъ, съ 1-го іюля 1879 года.

Потомственный почетный гражданинъ, рославльскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Мухинъ—почетнымъ попечителемъ Рославльской мужской прогимназій, на три года.

Назначается: исправляющій должность учителя Ковенской гимназій, надворный совѣтникъ Смородскій—исправляющимъ должность директора Мовырской прогимназій, съ 29-го сентября 1879 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: коллежскій секретарь Столыпинъ, съ 28-го сентября 1879 года.

Оставляются на службѣ: по 1-е мая 1880 года: окружныя

инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Падренъ-де-Карне.

На пять лѣтъ: директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малининъ, съ 4-го сентября 1879 года.

Директоръ Оызранскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Горскій, съ 24-го сентября 1879 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: учитель Варшавской учительской семинаріи Клемке—на зимнее вакаціонное время 1879—1880 учебнаго года.

Преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ Веллярминовъ—на двадцать восемь дней, по болѣзни.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Станиславскій.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: учителю Землянскаго мужскаго приходскаго училища, Воронежской губерніи, состоящему въ XIV классѣ Романовскому—за отлично—полезную педагогическую его дѣятельность.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—книгу подъ заглавіемъ: „Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ и стихахъ, для употребленія въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій. Ч. 1. Составилъ и снабдилъ комментаріями Ю. Б. Стурцель. Изд. 2. Москва, 1878. Цѣна 1 р. 50 коп. Учебнымъ заведеніямъ, обращающимся непосредственно къ г. Стурцелю (Москва Нѣм. ул. д. Бородина), дѣлается уступка 30% съ номинальной цѣны“—одобрить какъ полезное учебное пособие для употребленія въ V, VI и VII классахъ гимназій.

I. „Руководство къ средней исторіи. Курсъ VI класса гимназій. Сост. И. Веллярминовъ, примѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 80 к.“—одобрить какъ руководство для VI класса гимназій.

II. Составленная М. Меліоранскимъ книги: а) „Вопросникъ по зоологіи для элементарныхъ училищъ. Классное пособие при повтореніи уроковъ и приготовленіи къ нимъ. Съ 165 политипажами. С.-Петербургъ. 1877 г. Цѣна 50 коп.“ б) Учебный матеріалъ къ вопроснику по зоологіи. Пособіе для обучающихся. С.-Петербургъ. Цѣна 1 р.“ и в) „Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ. Для дѣтей младшаго и средняго возраста. Книжка для учащихся къ Вопроснику по зоологіи. С.-Петербургъ 1880 г.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

III. „Краткія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ, съ приложеніемъ хронологическаго указателя священныхъ событій и съ указаніемъ мѣстъ библіи, которыя должно читать при изученіи священной исторіи. Сост. законоучитель Бѣлоцерковскаго реальнаго училища священникъ Захарій Шморгуновъ. Кіевъ. 1873 г. Цѣна 50 к.“,—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособия въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

IV „А. Серре. Прямолинейная тригонометрія. Перевелъ Ев. Гуторъ, преподаватель математики Воронежской военной гимназіи: Второе изданіе. Москва. 1878. Цѣна 1 р.“,—одобрить, въ качествѣ учебнаго пособия, для выпускныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и какъ весьма полезное приобрѣтеніе для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

V. „Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Ев. Гуторъ. Часть II. Воронежъ. 1870 г. Цѣна 85 коп.“,—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго пособия по алгебрѣ, для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

VI. „Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ, согласно съ учебною программой, утвержденною г. министромъ народнаго просвѣщенія для городскихъ училищъ, К. Θ. Ярошевскій. Съ 206 политипажами въ текстѣ. Москва. 1879 г. Цѣна 1 р. 30 коп.“,—допустить какъ пособие въ городскія училища.

VII. „Краткій очеркъ исторіи христіанской церкви, съ приложеніемъ очерка исторіи славянскихъ церквей и церкви Русской. Сост. протоіерей Леонидъ Петровъ. С.-Петербургъ. 1878 г.“,—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия, для гимназій и реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Исторія русской словесности, учебникъ для средне-учебныхъ заведеній. Составилъ А. Галаховъ, примѣнительно къ учебному плану, утвержденному министромъ народнаго

просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 1 р.“—рекомендовать какъ учебное руководство для гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книги подъ заглавіями: I „Лекціи объ электричествѣ Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго изд., подъ редакцію И. Гезехуса. Съ 60 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 75 коп., и II. „Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873. Дж. Тиндалемъ. Переводъ съ англійскаго 2-го изд. Я. Цедербаума и др., подъ редакцію Н. Гезехуса. Съ портретомъ Дж. Тиндала и 60 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1877 г. Цѣна 1 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій и институтовъ, а лекціи объ электричествѣ—также для библиотекъ сельскихъ и городскихъ училищъ.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, выслушавъ утвержденное Святѣйшимъ Синодомъ заключеніе учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ объ издаваемомъ съ 1875 г. подъ редакцію священника Петра Преображенскаго журналѣ: „Православное Обзорѣніе“, опредѣленіемъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановилъ: рекомендовать сей журналъ для приобрѣтенія въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—брошюру: „За приключеніями. Разсказъ, посвященный кавказскимъ дѣтамъ. Вѣрою Желиховскою. Тифлисъ 1878 г.“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжки, издаванныя обществомъ распространенія полезныхъ книгъ:

I. „Русскіе поэты“. М. 1879. II. „Нѣмецкіе поэты“ М. 1879 г. и III. „Славянскіе поэты“ М. 1879. Цѣна каждой книжки 11 коп.,—допустить въ народныя школы и въ ученическія библиотеки среднихъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ составленную В. Водовозовымъ книгу, подъ заглавіемъ: „Книга для первоначальнаго чтенія въ школахъ“. Часть I, изд. 13-ое. Спб. 1880 г., призналъ возможнымъ одобрить 13-ое изданіе означенной книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Съ таковымъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. товарищъ министра.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 8 день сентября 1879 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Витебской гимназіи портретовъ: г. министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго и попечителя виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Н. А. Сергіевскаго.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 12 день октября, Высочайше соизволилъ на постановку въ Шипиловскомъ начальномъ народномъ училищѣ, Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, портрета с.-петербургскаго купца Ефрема Сивохина, пожертвовавшаго шесть тысячъ р. на постройку дома для названнаго училища и на снабженіе его классною мебелью и учебными пособіями.

— Государь Императоръ, въ 29 день минувшаго октября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портретовъ: 1) въ Софійскихъ мужскомъ и женскомъ и Надеждинскомъ мужскомъ приходскихъ училищахъ, Семирѣченской области: министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, туркестанскаго генераль-губернатора, инженеръ-генерала, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, военнаго губернатора Семирѣченской области и командующаго въ оной войсками, генераль-лейтенанта Колпаковскаго и главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края, статскаго совѣтника Куна и 2) въ актовомъ залѣ Маргеланскаго четырехкласснаго городского училища: туркестанскаго генераль-губернатора, инженеръ-генерала, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, военнаго губернатора Ферганской области и командующаго въ оной войсками генераль-лейтенанта Абрамова и главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края, статскаго совѣтника Куна.

— Его сіятельство г. министр народнаго просвѣщенія, 28-го іюля 1879 г., разрѣшилъ: 1) открыть съ начала 1879—1880 года при Киевскомъ реальномъ училищѣ параллельныя отдѣленія при первыхъ двухъ классахъ сего училища и затѣмъ, послѣдовательно, чрезъ каждый годъ, открывать такія же отдѣленія и при слѣдующихъ классахъ до VI включительно, съ тѣмъ, однакожь, чтобы объ утвержденіи расхода, какой потребуется на содержаніе каждаго вновь открываемаго параллельнаго отдѣленія, начальство округа представляло предварительно министерству, и 2) увеличить, для содержанія параллельныхъ классовъ, съ того же срока, плату за ученіе въ означенномъ училищѣ съ 30 р. до сорока р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. министр народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству попечителя Виленскаго учебнаго округа, 11-го августа 1879 г. разрѣшилъ: 1) оставить и на текущій 1879—1880 учебный годъ параллельное отдѣленіе при II классѣ Вѣлостокскаго реальнаго училища и открыть въ этомъ учебномъ заведеніи таковое же отдѣленіе при III классѣ, съ отнесеніемъ расхода по содержанію сихъ параллелей частью на спеціальныя средства училища и частію на суммы, пожертвованныя на сей предметъ разными лицами и обществами, и 2) увеличить плату за ученіе въ означенномъ училищѣ до тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: открыть при I классѣ Виленскаго реальнаго училища въ текущемъ 1879—1880 учебномъ году параллельное отдѣленіе, съ платою за ученіе въ сей параллели 60 р. въ годъ съ каждаго ученика;

— открыть параллельныя отдѣленія: 1) при I и II классѣ Екатеринбургской гимназіи, 2) при приготовительномъ и IV классахъ Пензенской гимназіи и 3) при I классѣ Воронежскаго реальнаго училища съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію сихъ параллелей на спеціальныя средства названныхъ учебныхъ заведеній;

— оставить на 1879—1880 учебный годъ параллельныя отдѣленія при приготовительномъ и трехъ низшихъ классахъ Виленской гимназіи, съ платою за ученіе въ сихъ параллеляхъ: въ приготовительномъ классѣ по тридцати р., а въ нормальныхъ классахъ по шестидесяти р. въ годъ съ каждаго ученика;

— взимать съ начала 1880 года плату за ученіе въ Ревельской Александровской гимназіи въ нормальныхъ классахъ не свыше тридцати
часть ссѣи, отд. 1.

пяти р., а въ приготовительномъ не свыше двадцати пяти р. въ годъ съ каждаго ученика;

— ввести для учениковъ Евреевъ въ Одесскомъ реальномъ училищѣ при церкви св. Павла преподаваніе еврейскаго закона Божія, съ порученіемъ преподаванія сего предмета окончившему курсъ въ Житомирскомъ раввинскомъ училищѣ, Нахиму Цигельману, изъявившему желаніе преподавать сей предметъ безвозмездно;

— закрыть въ Севастопольскомъ реальномъ училищѣ параллельное отдѣленіе II класса и взамѣнъ онаго открыть, съ наступившаго учебнаго года, таковое отдѣленіе при III классѣ сего училища, съ отнесеніемъ расхода на содержаніе этого отдѣленія, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ р. въ годъ, на спеціальныя средства названнаго учебнаго заведенія;

— взимать плату за ученіе въ нормальныхъ классахъ Елисаветградской прогимназіи не свыше тридцати руб., а въ приготовительномъ не свыше двадцати р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. управлявшій министерствомъ утвердилъ: сдѣланное попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа распоряженіе 1) объ открытіи съ начала 1879—1880 учебнаго года параллельнаго отдѣленія при I классѣ Уфимской гимназіи, съ отнесеніемъ расхода по содержанію онаго на спеціальныя средства названнаго учебнаго заведенія; и 2) объ открытіи при II и III классахъ Пермскаго реальнаго училища параллельныхъ отдѣленій, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію сихъ параллелей на спеціальныя средства названнаго училища;

— опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Бахмутской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ нормальныхъ классахъ по тридцати руб., въ приготовительномъ же двадцать руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Попечитель Дерптскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что имъ, согласно постановленію педагогическаго совѣта Рижской гимназіи, разрѣшено увеличить плату за ученіе въ сей гимназіи съ 40 руб. на сорокъ пять руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Когда въ учебныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ Виленскаго учебнаго округа получена была вѣсть о страшномъ пожарѣ, истребившемъ большую и лучшую часть г. Оренбурга и оставившемъ болѣе половины населенія безъ крова и хлѣба, служація въ оныхъ лица посильшии съ своей стороны принести посильную денежную

помощь для облегченія несчастнаго положенія погорѣльцевъ. При этомъ, въ виду того, что въ числѣ пострадавшихъ отъ пожара были многія лица учебнаго вѣдомства, жертвователями было выражено желаніе, чтобы пожертвованія ихъ были обращены, по преимуществу, на вспомошествованіе пострадавшимъ отъ пожара этимъ сотоварищамъ ихъ по труду. Значительное участіе въ пожертвованіяхъ приняли и учащіеся. Общая сумма пожертвованій, какъ свидѣтельствуяютъ полученныя г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа донесенія, составляетъ 2,008 рублей.

Открытіе училищъ.

Въ губерніяхъ Вятской, Казанской и Саратовской открыты въ текущемъ году городскія училища: четырехклассное въ г. Вяткѣ 2-го октября, трехклассныя въ городахъ: Камышинѣ 15-го августа, Чебоксарахъ и Нолинскѣ 17-го сентября и двухклассныя въ городахъ: Балашовѣ 26-го августа, Спасскѣ 3-го, Царевококшайскѣ 11-го и Козмодемьянскѣ 13-го сентября. При открытіи упомянутыхъ училищъ поступило учащихся: въ Вятское 150, Камышинское 65, Чебоксарское 150, Нолинское 100, Балашовское 75, Спасское 88, Царевококшайское 120 и Козмодемьянское 125.

21-го минувшаго сентября открыто въ г. Михайловѣ (Рязанской губ.) трехклассное городское училище и въ день открытія принято было 37 учениковъ, изъ нихъ въ первый классъ 23, а во второй 14. При открытіи присутствовали: предводитель дворянства князь Л. Н. Гагаринъ, городской голова, представители учреждений и почетные жители города. На первое время училище открыто въ составѣ двухъ классовъ во временномъ помѣщеніи, отведенномъ городскимъ обществомъ бесплатно. Послѣ молебствія о здравіи и благоденствіи Государя Императора, директоромъ народныхъ училищъ Рязанской губерніи Кормилицынымъ было прочитано Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 24-го іюля сего года на разрѣшеніе открытія училища, при чемъ имъ была объяснена польза такого заведенія, а законоучителемъ протоіереемъ Надеждинымъ было сказано приличное торжеству слово и торжество открытія закончено народнымъ гимномъ.

— Открыты слѣдующія двухклассныя начальныя училища ми-

нистерства народнаго просвѣщенія: 30-го августа въ слободѣ Бѣлой, Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи, учащихся въ 1-мъ классѣ 60 человекъ, а во 2-мъ 17;

— Пензенской губерніи 26 го августа двухклассное училище въ селѣ Большой Ижморѣ, Керенскаго уѣзда, въ составѣ одного класса, въ который принято 68 учениковъ, 28-го того же августа въ с. Лунино, Мокшанскаго уѣзда, въ составѣ одного класса, всѣхъ учениковъ поступило въ 1-й классъ 70; 13-го сентября одноклассное городское училище въ с. Пичилейкѣ, Городищенскаго уѣзда; поступило 45 мальчиковъ исключительно изъ Мордвы;

— 25-го сентября въ г. Вытегрѣ двухклассное городское училище, которое и помѣщено въ удобномъ домѣ, крестьянки Пашковой, нанимаемомъ для училища мѣстнымъ городскимъ обществомъ и уѣзднымъ земствомъ;

— 5-го сентября въ заштатномъ городѣ Арскѣ, Казанской губерніи; поступило учениковъ въ 1-й классъ 56 и во 2-й 13;

-- 1-го сентября Борисовское двухклассное училище Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи, преобразованное изъ однокласснаго училища; учащихся поступило: въ 1-й классъ 60 мальчиковъ, во 2-й классъ 10;

— 1-го октября въ гор. Кадниковѣ двухклассное городское училище, первоначально въ составѣ одного класса, въ двухэтажномъ каменномъ домѣ, уступленномъ для помѣщенія училища Кадниковскимъ городскимъ обществомъ; въ училище, по настоящее время принято 44 ученика бывшаго Кадниковскаго уѣзднаго училища.

— 26-го сентября въ заштатномъ городѣ Плесѣ, Нерехтскаго уѣзда, двухклассное городское училище; въ день открытія принято до 70 ти учениковъ;

— 1-го октября въ селеніи Быковѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губ., поступило учащихся въ 1-й классъ 40 мальчиковъ.

— Одноклассныя: 20-го сентября въ м. Песчанкѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи;

— 8-го сентября въ селѣ Захарьевщинѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, на капиталъ, пожертвованный с.-петербургскимъ купцомъ Цвѣтковымъ, при пособіи изъ суммъ Государственнаго казначейства; учащихся ко дню открытія сего училища явилось 40 человекъ;

— 1-го сентября, съ пособіемъ отъ казны, въ селѣ Огивцахъ, Старокопстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи;

— въ Олонецкой губ. въ іюлѣ въ мѣстностяхъ съ корельскимъ населеніемъ, Повѣнецкаго уѣзда, а именно въ погостѣ Ругосерскомъ и въ приходѣ Святнаволоцкомъ первое 22-го и послѣднее 29-го числа;

1-го августа съ пособіемъ отъ казны въ м. Брупцѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи;

20-го сентября въ селѣ Старомъ-Жиркинѣ, Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи; въ день открытія сего училища принято въ оное 32 мальчика и 6 дѣвочекъ;

1-го октября въ м. Томашполѣ, Ямпольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

— Во вновь преобразованномъ Царскосельскомъ городскомъ училищѣ занятія начались 22-го истекшаго августа. При открытія занятій учащихъ было: въ I-мъ классѣ, въ младшемъ отдѣленіи 32, въ старшемъ отдѣленіи 51; во II-мъ классѣ, въ младшемъ отдѣленіи 28 и въ старшемъ отдѣленіи 17, а всего въ двухъ открытыхъ классахъ 128 учениковъ.

— Преобразованы: Кирилловское двухклассное городское училище съ начала настоящаго 1879—1880 учебнаго года въ трехклассное; при преобразованіи учащихъ было: въ 1-мъ классѣ 42, во 2-мъ—29 и въ 3-мъ—17, а всего 88;

Грязовецкое уѣздное училище съ 1-го іюля сего года въ трехклассное городское, первоначально въ составѣ двухъ классовъ; по окончаніи пріемныхъ испытаній, въ первый классъ принято 60, а во второй 14 учениковъ и ученіе началось 20-го истекшаго августа;

8-го сентября Назепетровское училище, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ. въ двухклассное училище. Въ день преобразованія этого училища состояло до 170 человекъ учениковъ;

30-го сентября Путивльское уѣздное училище въ двухклассное городское по положенію 31 мая 1872 г. Въ день преобразованія въ семь училищъ состояло учащихъ: въ 1-мъ классѣ 86 и во 2-мъ 20 учениковъ;

7-го октября приходское училище въ слободѣ Слоновкѣ, Ново-Оскольскаго уѣзда, Курской губерніи въ одноклассное начальное училище. Въ день преобразованія въ училищѣ было учащихъ: 70 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ.

ОТГЛОСКИ ФИНСКАГО ЭПОСА ВЪ РУССКОМЪ.

Благодаря историко-сравнительному методу, внесенному въ изученіе русскаго эпоса, вниманіе изслѣдователей этой области начинаетъ сосредоточиваться на средневѣковыхъ византійскихъ эпическихъ произведеніяхъ и отыскивать въ нихъ не только сюжеты древне-русскихъ героическихъ повѣстей, но и мотивы, ставшіе достояніемъ нашего былеваго творчества. Нѣсколько удачныхъ экскурсій въ это пока еще довольно „темное царство“ показали, что раскопки могутъ повести къ солиднымъ результатамъ и уяснить вліяніе насиженной на классической почвѣ византійской свѣтской литературы на юныя „варварскія“ литературы Балканскихъ и Русскихъ Славянъ. Но изслѣдуя эту южную культурную струю, этотъ потокъ, достигавшій Кіева, мы разрѣшаемъ только часть задачи—исторической постановки древне-русской народной поэзіи. Историческая жизнь, возникшая на сѣверѣ, тамъ, гдѣ сталкивалась національность Славянская съ Чудью и Варягами, манитъ изслѣдователя на другую оживленную окраину древней Руси, въ область Ладоги, Ильмена и Варяжскаго моря, и возбуждаетъ въ его умѣ рядъ вопросовъ объ отношеніи славянскихъ поселеній къ финской культурѣ, съ которою они столкнулись въ этихъ мѣстахъ. Нельзя допустить, чтобы раса съ глубокими религіозными задатками, съ богато-развитою миеологіей, раса, создавшая чудесныя руны Калевалы, не передала ничего изъ богатыхъ запасовъ своего творчества славянскимъ поселенцамъ. Многія озера и рѣки, свалы и гигантскіе валуны, лѣса и болота были освящены въ этихъ мѣстахъ преданіями о богахъ и богатыряхъ; легенды, прикрѣпленныя къ мѣстности, долж-

ны были переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, и финское кудесничество должно было сильно дѣйствовать на суевѣріе славянскихъ поселенцевъ (чему есть и историческіе примѣры). Можно поэтому надѣяться, что изслѣдователю въ этой области предстоитъ обильная жатва, и пожалѣть о томъ, что финская мифологія, финскія эпическія сказанія, легенды и сказки до сихъ поръ для нашей ученой литературы представляютъ такое же „темное царство“, какъ и средневѣковая византійская словесность, хотя матеріалъ, благодаря трудамъ финскихъ, нѣмецкихъ и шведскихъ ученыхъ собирателей, накопился весьма значительный.

Какъ на научный desideratum можно указать, напримѣръ, на подробное сличеніе финскихъ народныхъ сказокъ съ русскими. Изъ трудовъ гг. Шифнера ¹⁾ и Шотта ²⁾ оказывается, что, кромѣ общихъ сказочныхъ мотивовъ, свойственныхъ сказкамъ всѣхъ временъ и народовъ, существуетъ, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе тѣсная связь между сюжетами финскихъ и русскихъ сказокъ. Такъ, русская сказка „Ивашко медвѣжьи уши“, записанная въ Пермской губерніи, содержитъ въ себѣ рядъ аналогій съ эпическими сказаніями о богатырѣ Куллерво (Kalevala. Runo XXX—XXXVI включ.), хозяйка Похиолы напоминаетъ русскую Бабу-Ягу, заборъ ея жилища съ человѣчьими головами напоминаетъ частоколъ съ человѣчьими черепами нашей Яги и т. д. Изслѣдованіе финскихъ сказокъ важно потому, какъ показалъ г. Шифнеръ въ одной статьѣ ³⁾ о сборникѣ финскихъ сказокъ Эрика Рудбека (Suomen Kansan Satuja ja Tarinoita), эти сказки находятся часто въ тѣсной связи съ эпическими сказаніями, вошедшими въ Калевалу. На ряду съ рунами до сихъ поръ ходятъ сказки, напримѣръ, о сватовствѣ кузнеца Ильмаринена (въ Олонецкой губ.), о Похиолѣ, о Сампо, о лѣсномъ богѣ Тапио, о Куллерво и о многихъ другихъ личностяхъ, мѣстностяхъ и предметахъ извѣстныхъ въ эпосѣ.

Не имѣя намѣренія въ настоящей статьѣ странствовать по обширной области финскихъ и эстскихъ сказокъ, мы обратимъ вниманіе

¹⁾ Versuch einer Erklärung des Zusammenhange finnischer Sagen mit russischen. См. *Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, XII, 1863, стр. 608 слѣд.

²⁾ Beiträge zur Verwandtschaft russischer und finnischer Ueberlieferungen etc., тамъ же, стр. 589 слѣд.

³⁾ Ueber den Mythengehalt der finnischen Märchen, *Mélanges Russes* etc. tome II, 6-me livraison, 1855, стр. 599 слѣд.

только на нѣкоторыя черты финскихъ сказаній, которыя, на вашъ взглядъ, проникли въ наши былины.

1. Колыванъ. Уже академикъ Шифнеръ въ вышеприведенной статьѣ ¹⁾ обращаетъ вниманіе на то, что славное имя Kaleva, извѣстное у Финновъ и Эстовъ, сохранилось въ русскомъ эпосѣ въ имени богатыря Колывана. Дѣйствительно, имя Kaleva извѣстно всюду, гдѣ слышится финская или эстская рѣчь. Неизвѣстно, есть ли Kaleva имя личное, древняго богатыря, какъ думалъ Ганандеръ, или эпитетъ богатыря ²⁾; только главные герои Калевалы носятъ эпитетъ Kalevan poiat—сыны Калева, и въ рунахъ упоминается Kalevan kansa, или Kalevan väki—родъ или народъ Калева. Герой эстскихъ сказаній, слившій въ себѣ какъ бы личности трехъ финскихъ богатырей—Wäinömäinen'a, Ilmarinen'a и Lemminkäinen'a, вмѣсто собственнаго имени, просто называется сыномъ Калева (Kalevi poeg), родоначальника Эстовъ, принесеннаго орломъ въ скалисту берегу Эстляндіи ³⁾.

По всей странѣ Эстовъ и Ливовъ разсѣяны воспоминанія о геройскомъ сынѣ Калева. На скалистомъ берегу недалеко отъ Ревеля показываютъ мѣсто, гдѣ былъ погребень его отецъ, старикъ Kallew ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываютъ на скалахъ слѣды его ступней; у Садегервскаго озера около Дерпта видѣнъ огромный камень, который былъ брошенъ имъ во время состязанія съ братьями; близъ Або изъ моря выступаетъ подобный же камень, будто бы брошенный финскимъ Kalevan poika въ первую строившуюся въ городѣ церковь, но угодившій въ море; близъ мыса Юмида рядъ камней носить названіе дѣвъ Калева; возвышенность близъ озера Пейпуса называется ложемъ сына Калева (Kallewi poig'a). Одно преданіе разказываетъ, что, когда враги угрожали странѣ, великанъ Kallewi poeg вознамѣрился построить въ другой мѣстности и отправился въ Псковъ за досками. Нагруженный двѣнадцатью дюжинами громаднхъ досокъ, онъ по-

¹⁾ *Erman's Archiv etc.*, XVII. p. 616

²⁾ *Castren*, Vorlesungen über die finnische Mythologie, p. 243. Д-ръ Ленротъ считаетъ Kalevala Финляндіей и производитъ это имя отъ Kallio—скала; см. *Verhandlungen der gelehrten Estn. Ges.* I, 92.

³⁾ Kalewi-Poeg, eine epische Sage der Esten, въ *Erman's Archiv etc.*, XIX, стр. 347; Kalewi-poeg, eine Estnische Sage, verdeutscht von *Carl Reinthal*. 1857, 1-ter Gesang, vv. 80 слѣд. Ср. *Verhandlungen d. gelehr. Estn. Ges. zu Dorpat*, III, B, I. Heft, p. 41, ст. *Krobitzsalda*: Revels ältester estnischer Name Linda-nisse.

⁴⁾ Припомнимъ, что выше летопись знаетъ Ревель подъ именемъ Колыванъ. См. Лѣт. по Академ. сп. подъ 1223 годомъ.

шелъ вбродъ озеромъ Пейпусомъ, и вода доходила ему только до чреслъ. Пройдя озеро, онъ обратился въ бѣгство колдуна, вздымавшего волны своимъ дуновеніемъ, и прилегъ отдыхать на холмѣ ¹⁾.

Не мудрено, что, слыша финскія преданія о богатырѣ Kalevan poika, русское населеніе твердо запомнило это имя и перенесло его въ свой богатырскій циклъ, сдѣлавъ изъ родительнаго падежа Kalevan imä Колыванъ и произведя отсюда уже отчество Колывановичъ. Сила у Колывана громадная, на подобіе Святогоровой или Самсоновой. Любопытно, что народъ приписываетъ ему такую же похвалбу перевернуть землю, какъ и Святогору. Въ одной былинѣ, записанной Гильфердингомъ отъ крестьянина Батова, родомъ съ Выгозера, Колыванъ вмѣстѣ съ Самсономъ и Ильей хвастаютъ силой непомѣрною и не могутъ поднять сумки съ землею тягой (Онежскія быliny, № 185). По содержанію быliny видно, что Колыванъ сильнѣе Ильи и Самсона. Какъ древній и иноземный богатырь, Колыванъ сынъ Ивановичъ является въ числѣ старшихъ богатырей—на заставѣ богатырской внѣ Кіева ²⁾. Какъ часто бываетъ въ былинахъ, изъ Колывана сдѣлали отчество Колывановичъ, хотя нигдѣ не говорится, чтобы Колывановичи были сыновьями Колывана. Такъ, попадаетъ въ былинахъ богатырь Иванъ Колывановичъ, который въ числѣ другихъ (Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь, Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ, Иванъ Колывановичъ) стоитъ во время приступа Мамая къ Кіеву на полѣ Куликовѣ и спасаетъ съ товарищами Кіевъ по призыву Ильи ³⁾. Наконецъ, еще чаще упоминается Самсонъ Колывановичъ, также членъ дружины на богатырской заставѣ, и кажется, племянникъ Ильи, который спасаетъ его, когда онъ погрязъ въ Дунаѣ ⁴⁾.

¹⁾ См. *Fr. Kruse, Urgeschichte des Esthnischen Volksstammes etc.* p. 175 слѣд.; *Wiedemann, Aus dem inneren und ausseren Leben der Esten*, 1876, стр. 421 и слѣд.; *Neus, Estnische Volkslieder, I Abth.*, стр. 5.

²⁾ *Киртесскій*, I, стр. 7, ст. 5.

³⁾ *Киртесскій*, I, стр. 58, 60, 61.

⁴⁾ *Киртесскій*, IV, стр. 44:

Добры молодцы собиралися,
Садялися по своимъ добрымъ конямъ,
Поѣзжали братьями за Дунай-рѣку.
Подъѣзжаютъ братьями ко Дунай рѣкѣ:
Первый спочилъ *алеманникъ* Самсонъ Колывановичъ,
Скочивши погрязъ посередѣ рѣки;
Разскочился дядюшка Самсона Колывановиче,
Вытянулъ племянника и съ лошадейю.

И такъ, немного сохранилось отъ финскаго національнаго богатыря въ нашихъ былинахъ, записанныхъ, впрочемъ, только въ XIX столѣтїи, когда эпическая поэзія гложетъ и у насъ, и у Эстовъ, и у Финновъ,—одно имя и смутное воспоминаніе о его непожѣрной силѣ. Но и эти скудные факты не лишены значенія для исторїи нашего эпическаго творчества: они могутъ служить доказательствомъ возможности финскихъ отголосковъ въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ и побуждаютъ отыскивать другихъ слѣдовъ въ томъ же направленїи.

2. Священные камни. У Финновъ, Эстовъ и другихъ народовъ угро-финской и урало-алтайской семьи мы находимъ въ значительномъ развитїи культъ камней. Огромные валуны и скалы своими часто причудливыми формами должны были дѣйствовать на воображеніе народа, вызывать въ немъ образы боговъ, великановъ и богатырей. Ко многимъ камнямъ были прїурочены сначала миѳы о богахъ, а затѣмъ, послѣ принятїа христіанства, имена святыхъ. Эсты Псковской губерніи справляютъ до сихъ поръ Ивановъ день близъ камня св. Іоанна (rühä Iani kiwi) у деревни Мексъ. Въ полночь наканунѣ вокругъ камня собирается толпа нищихъ, ожидающихъ съ непокрытыми головами наступленія утра. Къ разсвѣту собирается туда же населеніе изъ Пскова и Острова, приносятъ восковыя свѣчи и обставляютъ ими камень. Нищіе поютъ, и народъ кладетъ на камень свои приношенія — молоко, сыръ, творогъ, куски полотна, чулки и т. п. Когда свѣчи выгорѣли, молящіеся обходятъ трижды вокругъ камня, раздѣляютъ свои дары между нищими и даютъ имъ по три ложки принесенныхъ съѣстныхъ припасовъ. Затѣмъ слѣдуетъ купаніе въ водѣ священнаго источника (rühä läte wezi)¹⁾. Буряты поклоняются доселѣ и присягаютъ передъ одною скалою на Байкальскомъ островѣ Ольханѣ, на которой, по преданїю, лежатъ одинъ изъ котловъ Чингисъ-хана. При истокѣ Ангары изъ Байкала изъ водъ возвышается скала, извѣстная подъ именемъ шаманскаго камня. Этому камню Буряты донинѣ поклоняются и присягаютъ на немъ. Подозрѣваемаго въ преступленїи Бурята сажаютъ въ легкой стружке и одного направляютъ къ камню, около котораго шумитъ и бурлитъ, разбивая о него свои волны, необыкновенно быстрая въ этомъ мѣстѣ Ангара. На этомъ камнѣ обвиняемый долженъ присягнуть въ своей невинности, и если онъ невредимо вернется на бе-

¹⁾ *Wiedemann*, стр. 415.

режь, то признается совершенно оправданнымъ ¹⁾. Среди рѣки Нерехты, близъ нѣкогда мерянскаго поселенія Нерехты, лежитъ чудный камень, похожій на большую бочку съ обручами. Народъ вѣритъ, что кто осмѣлится брать воду близъ этого камня, впадетъ въ сумасшествіе ²⁾. На Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Коневцѣ, лежитъ въ лѣсу Конь камень, которому въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жертву коня ³⁾. Въ Ростовѣ при св. Аврааміи чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и видѣніями. Ростовскій апостоль въ XI или въ началѣ XII вѣка сокрушилъ этого идола шестиконечнымъ крестомъ, а на мѣстѣ Волосова требища соорудилъ церковь ⁴⁾. Въ виду такой распространенности культа священныхъ камней у финскихъ народовъ, къ чему приглашала сама природа, усѣявшая сѣверъ Россіи валунами и скалами, быть можетъ, не слишкомъ смѣло будетъ предположеніе, что подобный финскимъ священный камень попалъ въ новгородскую былинну о смерти Василія Буслаева. Когда Василій, оскорбивъ черешъ древняго богатыря, взошелъ на гору Сорочинскую, онъ увидѣлъ:

На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ:
 Въ вышину три сажени печатный,
 А и черезъ его только топоръ подать,
 Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подписана:
 «А и кто де у камня станеть тѣшиться,
 «А и тѣшиться — забавляться,
 «Вдоль скакать по камню,
 «Сломить будетъ буйну голову» ⁵⁾.

Василій тому не повѣровалъ и сложилъ свою буйну голову недалеко отъ черепа какого-то древняго богатыря, который онъ оскорбилъ пингомъ ноги. Слѣдуетъ думать, что между древнимъ богатыремъ и камнемъ была такая связь, что камень лежалъ на его мо-

¹⁾ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1864 г., кн. II, ст. Шамкова: Шаманство въ Сибири, стр. 23.

²⁾ Записки свящ. Діева изъ Нерехты, у Снегирева, Русск. Простонар. Праздн., I, 187.

³⁾ Исторія рос. іерархін, ч. IV, стр. 627, у Снегирева, Русск. Праздн.; I, стр. 15.

⁴⁾ Снегиревъ, Русск. Праздн., III, стр. 158.

⁵⁾ Куршевскій, вып. V, стр. 27. Ср. вариантъ у Рыбникова, III, стр. 239 и слѣд., гдѣ мѣсто черепа заступаетъ косточка сужолова и камень называется бѣль горючъ камень.

гидѣ или игралъ какую-нибудь роль въ его уже забытыхъ похожденияхъ, подобно тому какъ множество камней связано у Эстовъ съ богатырскими подвигами ихъ національнаго богатыря. Отъ финскаго населенія могли Русскіе узнать о значеніи священныхъ камней и проникнуться сами убѣжденіемъ въ ихъ святости и непривосновенности. Оскорбленіе подобнаго камня, какъ доказательство непогрѣшной нечливости, вело къ гибели наравнѣ съ оскорбленіемъ божества.

На ряду съ культомъ камней столь же распространено на сѣверѣ убѣжденіе, что нѣкоторые камни и скалы—окаменѣлые люди. Окаменѣніе—довольно обычный мотивъ въ финскихъ сказаніяхъ. Такъ Линда, мать вѣтскаго богатыря, „матери вдова“ Калева, похищенная въ отсутствіи сыновей финскимъ колдуномъ и при помощи боговъ освободившаяся отъ него, превращается въ скалу на горѣ Иру ¹⁾. Въ эпическомъ сказаніи Лопарей о Солнечныхъ сыновьяхъ находимъ разказъ о похищеніи дочери великана Солнечнымъ сыномъ. Богатырь, исполнивъ при ея помощи условія, поставленныя для женитбы ея отцемъ-великаномъ, убѣгаетъ съ нею на суднѣ въ свою страну. Подобно Василисѣ Премудрой нашей сказки, дочь великана своими чарами задерживаетъ преслѣдующихъ братьевъ, и они, взойдя при восходѣ солнца на вершину одной горы, чтобъ оттуда высмотрѣть путь судна, везущаго сестру, внезапно превращаются въ каменные столбы, а ихъ лодка въ скалу ²⁾. Такимъ же окаменѣніемъ кончаютъ, какъ извѣстно, свое земное существованіе русскіе богатыри въ наказаніе за похвальбу поборотъ и „силу нездѣшнюю“. Послѣ неудачной борьбы съ постоянно увеличивавшеюся отъ ударовъ силой нездѣшней,

Испугалися жогучіе витязи,
Побѣжали въ каменные горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ побѣжить витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣть;
Какъ побѣжить другой,
Такъ и окаменѣть;
Какъ побѣжить третій
Такъ и окаменѣть ³⁾.

¹⁾ Kalewi roeg, пѣснь III, ст. 340 и слѣд.

²⁾ Die Sonnensöhne, ein episches Gedicht der Lappen, въ *Erman's Archiv* etc., XII, стр. 61. Другіе примѣры окаменѣнія см. *Erman's Archiv*, XII, стр. 2 въ статьѣ Радлова: Briefe aus dem Altai; *Kamitz*, Donau-Bulgarien, II, 325; *Andree*, Ethnogr. Parallelen u. Vergleiche, стр. 97 слѣд.

³⁾ *Киртескій*, вып. IV, стр. 114 и 115. Замѣтить, что былина записана Л. Меемъ отъ стараго сибирскаго казака.

3. Морской царь и Садко-гуслиарь. Прежде, чѣмъ указать въ былинахъ о Садкѣ богатомъ гостѣ мотивы финскихъ народныхъ преданій, мы должны оговориться, въ какой мѣрѣ могутъ быть допущены такія иновѣрные внесенія. Уже въ одной статьѣ, напечатанной въ 1870 году ¹⁾, мы высказали мнѣніе, что въ Садкѣ нужно различать двѣ личности—гостя богатаго и гуслиара. „Въ нѣкоторыхъ былинахъ есть только одна изъ этихъ личностей, на примѣръ, у Рыбникова въ №№ 51 и 62, разказывается о путешествіи Садка на дно морское, но объ игрѣ на гуслияхъ не говорится, такъ что, прочтя только эти былины, мы знакомимся только съ Садкомъ-купцомъ“. Отъ смѣшенія обѣихъ личностей происходитъ та неясность представленія, которая получается читателемъ. Какъ купецъ, Садко не подлежитъ теперь нашему вѣдѣнію. Мы не будемъ искать въ финскихъ сказаніяхъ аналогій для того Садка, который записывается въ братчину Никольщину и платитъ сснъ великую, хвастаетъ богатствомъ на пиру, бьется объ закладъ противъ всего Новгорода, скупаетъ товары—по однимъ пѣснямъ успѣшно, по другимъ—неуспѣшно, строитъ корабли, сваливаетъ на нихъ товары новгородскіе, ѣздитъ по Волхову, по Ладожскому озеру, по Невѣ, по сицею морю, по Волгѣ, строитъ палаты бѣлокаменные и храмы Божіи. Во всѣхъ этихъ чертахъ нельзя не видѣть историческаго осадка, нельзя не усматривать въ Садкѣ типъ новгородскаго богатаго купца-промышленника, получившаго громкую извѣстность богатствомъ, хлѣбосольствомъ, постройкой церкви и отношеніями къ новгородскому городскому обществу. Черты новгородскаго быта, жизни, торговли уже вдоволь указаны нашими изслѣдователями въ пѣсняхъ о Садкѣ гостѣ богатомъ, и съ этой стороны личность эта неприкосновенна для какихъ бы то ни было посягательствъ къ отысканію для нея иностраннаго образца. Другое дѣло—Садко-гуслиарь, играющій на берегу Ильмена и улаждающій своими гуслими Морскаго царя.

Нужно вспомнить, что на берегахъ озера Ильмена мы стоимъ на финской почвѣ, которую оглашала чудесная игра Вейнемейнена, что изъ озера появлялся царь морской Ahti, и что въ близкой Олонецкой губерніи были записаны Ленротомъ высоко-поэтическія руны, въ которыхъ главную роль играетъ національный герой и нѣкогда богъ Финновъ, пѣвецъ Вейнемейненъ. Просматривая эти руны и мѣстные финскія и эстскія сказанія, мы открываемъ цѣлый рядъ аналогій съ

¹⁾ Въ *Бесѣдахъ въ Общ. Люб. рос. словесности*.

нѣкоторыми чертами новгородскихъ былинъ, и быть можетъ, читатель согласится съ нами, что сопоставленіе Садка съ Вейнемейномъ и Морскаго царя съ Antti не лишено вѣроятія.

Начнемъ съ имени озера. Название Ильмень есть финское имя озера Imjärgw, что значитъ Wettersee (Има—воздухъ, погода, järgw—озеро), то-есть, озеро, предсказывающее или производящее погоду. У Финновъ и Эстовъ существуетъ убѣжденіе, что извѣстные ручьи, рѣки и озера могутъ производить дожди и породить бурю, особенно если бросить что-нибудь въ ихъ воду. На вопросъ Крейцвальда, какъ можетъ погода зависѣть отъ воды, онъ получилъ отвѣтъ: „Это наша старая вѣра, намъ такъ передавали старики“ ¹⁾. Эсты въ Дерптскомъ округѣ тщательно вычищаютъ ежегодно русло ручья Wöhhanda, протекающаго чрезъ Ильмень-озеро ²⁾, наблюдаютъ его для предсказанія погоды и приносятъ въ жертву богу ручья, иногда являющемуся въ видѣ мѣлодца съ синимъ и желтымъ чулкомъ на ногахъ, черныхъ быковъ. Въ прежнія времена его умилостивляли даже приношеніемъ въ жертву дѣтей. Въ силу такого вѣрованія о связи воды съ погодой, Ильмень получалъ свое имя Wettersee и считался священнымъ озеромъ ³⁾. То же слово ilma находимъ въ имени одного изъ героевъ Калевалы — Ilmarienen'a (уменьшит. отъ. Ilmari), также древняго бога, котораго, по свидѣтельству епископа Агриколы, молили о попутномъ вѣтрѣ ⁴⁾; а у Вотяковъ христіанской Богъ, какъ божество неба и воздуха, называется Ilmar (Ilmar) ⁵⁾. Чудскія сказанія, ходившія о священномъ озерѣ Ильменѣ, конечно, должны были стать извѣстными славянскому населенію, перейти къ нему вмѣстѣ съ почвой, къ которой они были прикрѣплены, и слиться съ его родными преданіями. Вотъ, напримѣръ, одно преданіе объ озерѣ Ильменѣ, несомнѣнно перешедшее къ Новгородцамъ отъ туземнаго населенія. „Съ западной стороны впадаетъ въ Ильмень небольшая рѣчка, называемая Черный ручей. Въ давнее время поставилъ кто-то на черномъ ручьѣ мельницу, и взмолилась рыба черному ручью, прося у него защиты: „Было де намъ просторно и привольно, а теперь

¹⁾ *Kreutzwald u. Neus, Mythische u. Magische Lieder der Esten*, p. 114.

²⁾ У Кастрена сообщается, что ручей Wöhhanda истекаетъ въ приходѣ Odemra у деревни Imegerge и впадаетъ, соединяясь съ Меддой, въ озеро Пейпуть (а не въ Ильмень, какъ у Крейцвальда).

³⁾ *Kreutzwald*, стр. 113; *Neus, Estnische Volkslieder*, I, стр. 58.

⁴⁾ *Castren, Finn. Mythologie*, стр. 305.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 306.

лихой человекъ отнимаетъ у насъ воду". И вотъ что случилось: одинъ изъ новгородскихъ обывателей ловилъ удочкою рыбу на Черномъ ручьѣ; подходитъ къ нему незнакомецъ, одѣтый весь въ Черное, поздоровался и говоритъ: „Сослужи мнѣ службу, такъ я укажу тебѣ такое мѣсто, гдѣ рыба кишмя кишитъ“. „А что за служба?“ „Какъ будешь ты въ Новгородѣ, встрѣтишь тамъ высокаго, плотнаго мужика въ синемъ кафтанѣ со сборами, въ широкихъ синихъ шароварахъ и высокой синей шапкѣ; скажи ему: Дядюшка Ильмень-озеро, Черный ручей тебѣ челобитье прислалъ и велѣлъ сказать, что на немъ мельницу построили. Какъ ты, молъ, прикажешь, такъ и будетъ“. Новгородецъ обѣщавъ исполнить просьбу, а черный незнакомецъ указавъ ему мѣсто, гдѣ скопилось рыбы тьма-тьмушая. Съ богатою добычей воротился рыболовъ въ Новгородъ, повстрѣчалъ мужика въ синемъ кафтанѣ и передалъ ему челобитье. Отвѣчалъ Ильмень: „Снеси мой поклонъ Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде, да и не будетъ!“ Исполнилъ Новгородецъ и это порученіе, и вотъ разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря и яростныя волны снесли мельницу¹⁾. Въ этомъ преданіи дядюшка Ильмень-озеро, въ синемъ кафтанѣ, шароварахъ и шапкѣ напоминаетъ молодца изъ ручья Wöhlanda въ синихъ и желтыхъ чулкахъ. Про тотъ же священный ручей Эсты разказываютъ, что одинъ Нѣмецъ помѣщикъ вздумавъ построить на немъ мельницу, и оттого будто бы началась дурная погода, которая продолжалась очень долго. Кончилось тѣмъ, что народъ сжегъ мельницу, и немедленно послѣ этого наступила хорошая погода²⁾.

Перехода теперь къ сказаніямъ о Садкѣ, остановимся прежде всего на личности Морскаго царя. Въ былинахъ онъ носитъ разныя названія, то царя Водяника³⁾, то Поддоннаго царя⁴⁾, то Морскаго или Заморскаго царя⁵⁾. Всюду, однако, онъ изображается царемъ, при чемъ описывается дворецъ, поддонная царица Водяница и толпы морскихъ дѣвъ. Въ былинахъ часто упоминается его богатство; онъ даетъ въ приданое за дочерью

¹⁾ *Вѣстн. Р. Геогр. Общ.* 1853, I, смѣсь, стр. 25—26.

²⁾ *Castren*, стр. 71.

³⁾ *Рыбниковъ* I, 368.

⁴⁾ *Рыбниковъ*, III, 242.

⁵⁾ *Рыбниковъ* I, 371, 377.

Одну бочку чиста серебра,
Другую бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга ¹⁾.

Эти богатства составляютъ, между прочимъ, изъ дани, которую ему должны платить мореходы: Садко, изъ остановки корабля на синемъ морѣ, заключаетъ, что царь морской, видно, дани требуетъ, и спускаетъ въ море сначала бочку сороковку чиста серебра, а потомъ такую же бочку красна золота ²⁾. Жилище царя помѣщается то неопредѣленно въ синемъ морѣ, то на островѣ, то въ Ильмень-озерѣ ³⁾. Царь морской любитъ музыку, восторгается при ея звукахъ и щедро награждаетъ музыканта богатымъ уловомъ рыбы: когда гуляръ-Садко, сѣвъ на бѣлъ горючъ камень на берегу Ильмень-озера, началъ играть въ гуселки яровчаты, три раза всколыбалася вода въ озерѣ, а въ третій разъ

Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, Садке новгородскій!
«Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
«За твою-то игру нѣжную;»
«За твои за утѣхи за великія;
«Аль безсчетной золотой казной ⁴⁾?»

Царь морской—властелинъ надъ рыбами и загоняетъ ихъ въ неводы тѣхъ людей, которымъ покровительствуетъ. Для довершенія его характеристики слѣдуетъ упомянуть, что онъ любитъ женить въ синемъ морѣ и имѣетъ въ своей свитѣ толпу морскихъ или водяныхъ дѣвушекъ.

Всѣ эти черты характеризуютъ и финскаго морскаго бога Ahti или Ahto. Ahti принадлежитъ у Финновъ къ числу великихъ боговъ, представляется маститымъ старцемъ (ukko, vanhin) съ травяною бородой, носитъ эпитетъ царя волнъ (oaltojen kuningas) и владычествуетъ надъ водами и рыбами. Его богатства считаются не изчислимими и состоятъ изъ большихъ кусковъ мюнхенской драгоценности Сампо, которая съ лодки Вейнемейнена упала къ нему на дно морское. Въ одной рунѣ Калевалы (43, ст. 267 и слѣд.) мы читаемъ:

¹⁾ *Киртесскій*, V, 41.

²⁾ *Рибниковъ*, I, 375.

³⁾ *Рибниковъ*, I, 371.

⁴⁾ *Рибниковъ*, I, 371.

Такъ погрузились эти куски,
 Большіе осколки Сампо,
 Подъ тихія воды,
 На черную тину.
 Они остались на богатство водѣ,
 На кладѣ племени Ахтову;
 Оттого во вѣки вѣковъ,
 Доволю свѣтитъ золотой мѣсяцъ,
 Есть въ водѣ богатство,
 Клады у морскаго Ахто.

Вмѣстѣ съ Аhti царствуетъ надъ водами его жена Wellamo (иначе Wellimo, Wellimus), добрая, щедрая хозяйка, благорасположенная къ людямъ. Она соотвѣтствуетъ нашей царицѣ морской, помогающей Садку выбраться на Божій свѣтъ. Царя и царицу окружаютъ толпы водныхъ дѣвъ, которыя называются Wellamon peiot — дѣвами Велламо. Въ 5-й рунѣ (стр. 29—35) мы читаемъ:

Тамъ живетъ племя Ахтово,
 Валяются дѣвицы Велламо,
 Сидятъ онѣ въ маленькой избушкѣ,
 Въ тѣсной комнатѣ,
 Подъ узорчатымъ камнемъ,
 Подъ толстой скалой.

Одной изъ такихъ дѣвъ стала невѣста Вейнемейнена, бросившаяся въ море изъ нежеланія выйти замужъ за стараго пѣвца. Превращеніе ея въ рыбу и жизнь въ морѣ показываютъ, что она, подобно Вейнемейнену, была личностью божественною, получившею вполнѣдствіи человѣческую окраску.

Царь морской Ахти охотникъ до музыки. Когда Вейнемейненъ, разсказываетъ 41-я руна (ст. 133 слѣд.), сталъ играть на своей арфѣ на берегу моря, то

Ахто, царь волнъ,
 Старецъ водъ, травяная-борода,
 Выбирается на поверхность воды,
 Бросается на кувшинчики,
 Слушаетъ веселые (звуки),
 Говоритъ такіа слова:
 «Никогда подобнаго я не слыживалъ,
 «Во вѣки вѣковъ,
 «Этой игрѣ Вейнемейнена,
 «Веселымъ (звукамъ) вѣчнаго пѣвца».

Не напоминаетъ ли это морскаго царя, слушающаго изъ озера Ильмена игру гуслира Садка?

Какъ нашъ царь морской радъ случаю залучить къ себѣ Садка, чтобы послушать его гуслей, такъ Ахти радъ овладѣть арфой Вейне-мейнена.

Сильно дули тогда вѣтры,
Хлестали лодку волны,
Унесли онѣ арфу изъ щуцѣй кости,
Бантелю изъ рыбныхъ плавниковъ,
На добро племени Велламо,
На отличное веселіе народа Ахтова;
Ахто увидалъ ее изъ волнъ.
На водѣ дѣти Ахтовы
Взяли прекрасный инструментъ,
Унесли къ себѣ домой ¹⁾).

Эта таинственная, поэтическая связь музыки съ водою, выражающаяся въ греческомъ преданіи объ Аріонѣ, спасенномъ дельфинами и, или въ преданіи о Садкѣ, изображается чрезвычайно ярко въ одной эстской народной пѣснѣ о сынѣ скалы. Какая-то дѣвушка, по справедливому замѣчанію Крейцвальда, напоминающая богиню Сальме, поетъ, что пошла она качаться на берегъ моря, и что ея уборы (ожерелье, перлы, цѣпи) были унесены въ море.

Помощь принесть ей сынъ скалы,
Пѣвецъ со шведскою арфой:
«Чего плачешь ты, вѣжная,
«Чего рыдаешь дѣвица?»

Она разказала ему о своей утратѣ.

«Не плачь, дорогая,
«Не горюй, милая!
«Ужь мы разыщемъ воровъ,
«Ужь откроемъ грабителей».
Началъ ударять онъ по арфѣ,
Зазвѣли струны арфы,
Зазвучали звуки пѣсни.
Въ удивленіи слушало море,
Волны остановились въ своемъ движеніи,
Смотрѣли облака съ тоскою.
Поднялась щука изъ моря,
Высоко ласточка надъ водою,
Изъ тьмы появилась пѣвица;
Принесли мой уборъ на рогожку и т. д. ²⁾).

¹⁾ Kalevala-Runo, 42, vv. 488—493.

²⁾ Kreutzwald, стр. 44 и слѣд.

Издатель эдскихъ пѣсень Крейцвальцъ видитъ въ этомъ сынѣ скалы (kaljo poisi) эпитеъ національнаго героя Эстовъ Калевипоега, который соотвѣтствуетъ отчасти музыканту Вейнемейнену и обладаетъ такимъ же искусствомъ въ игрѣ на арфѣ ¹⁾.

Подобно тому какъ царь морской въ нашей былинѣ даетъ Садкѣ богатый уловъ ²⁾ рыбы, составляющій основу Садкова богатства, такъ и богъ Ahti загоняетъ рыбу въ сѣти Вейнемейнена. Въ Калевалѣ разказывается, что огонь, павшій на землю, былъ проглоченъ на озерѣ Alue рыбою. Вейнемейненъ съ Ильмариненомъ сплели сѣти и стараются выловить эту рыбу. Для удачнаго улова пѣвецъ обращается съ молитвой въ Ахто:

Ахто, хозяинъ волнъ,
Властитель сотенъ омутовъ,
Возьми жердь въ пять сажень,
Ищи шесть въ семь сажень,
Чтобы имъ морскіе хребты разслѣдовать,
Дно морское перешупать,
Загонять костистую (то-есть, рыбью) стаю,
Туда, гдѣ мы неводъ вытащимъ,
Гдѣ сотню поплавокъ опустимъ,
Изъ рыбообильныхъ становъ,
Изъ лососинныхъ ямъ,
Изъ великихъ пучинъ морскихъ,
Отъ темныхъ глубинъ,
Куда никогда не свѣтитъ солнце ³⁾.

Ахти исполнилъ просьбу Вейнемейнена, и послѣ тоекратной закидки невода въ числѣ массы рыбы попалась и щука, проглотившая огонь ⁴⁾. Не напоминаетъ ли эта щука съ огнемъ во чревѣ нашу рыбу золотое-перо, загнанную царемъ морскимъ въ неводъ Садка ⁵⁾?

¹⁾ См. Kalewi poeg, III, 520 слѣд.

²⁾ *Киртесскій*, V, 49.

³⁾ Kalev. Runo, 48, ст. 135 слѣд.

⁴⁾ *Ib.*, ст. 197 слѣд.

⁵⁾ Ahti былъ извѣстенъ и у Эстовъ, и по его имени названо озеро Ahti-järvi близъ рѣки Мина-mägi; см. *Wiedemann*, Aus dem inneren u. äusseren Leben der Esten, стр. 418. У Бурятъ существуютъ вѣрованія въ царей воды (ухунъ хать). Они живутъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, озеръ, также и въ Байкалѣ, имѣютъ видъ старцевъ и постоянно занимаются чтеніемъ книгъ. Жилищами имъ служатъ огромные дворцы. Ухунъ хать имѣютъ на людей благотвительное вліяніе и всѣми мѣрами радуютъ о ихъ благополучіи (см. *Зап. И. Р. Геогр. Общ.*

Если такимъ образомъ финскій богъ Ahti близко напоминаетъ намъ морскаго няря, то прототипъ Садка-гуслияра можно видѣть въ музыкантѣ и пѣвцѣ Вейнемейненѣ. Дѣйствительно, въ Садкѣ богатомъ гостѣ чисто-музыкальная сторона является какъ бы внѣшнею прибавкой, не составляетъ его существенной черты, какъ новгородскаго купца-промышленника, котораго народъ помнитъ по его богатству, кораблямъ, состязанію съ Новгородомъ, постройкѣ церквей и т. п. Вейнемейненъ же у Финновъ и особенно эстскій Ваннемуйне является широко - извѣстнымъ типомъ дивнаго музыканта, чарующаго всю природу звуками кантели или арфы. Личность этого музыканта, любящаго изливать свою тоску на берегу моря или озера, занимаетъ самое видное мѣсто въ финскихъ и эстскихъ сказаніяхъ, воплощая въ себѣ національный характеръ пѣснелюбиваго и одареннаго могучимъ творчествомъ Финскаго племени ¹⁾. Эстскій Ваннемуйне не просто пѣвецъ древности: онъ божественнаго происхожденія, созданіе верховнаго бога (древняго отца—wapa Issa или wapa taat) и участникъ въ твореніи и украшеніи міра. Вотъ что разсказываетъ о немъ эстское народное преданіе. Древній отецъ жилъ на своемъ высокомъ небѣ; въ его чертогахъ блистало свѣтлое солнце. Онъ создалъ богатырей, чтобы они служили ему совѣтомъ, искусствомъ и силою. Самый старшій между ними былъ Ваннемуйне. Богъ создалъ его старцемъ съ сѣдыми волосами и бородой и одарилъ его глубокою мудростью; но сердце у него было молодое, и онъ обладалъ дивнымъ даромъ творчества и пѣнія. Когда бога обременяли заботы, Ваннемуйне игралъ на своей чудной арфѣ и пѣлъ пѣсни.... Другіе богатыри по моложе—были Ильмариненъ, искусный кузнецъ, и Леммекюне (фин. Lemminkäinen), веселый юноша. Древній отецъ рѣшилъ сотворить міръ и сообщилъ это своимъ богатырямъ. Они изумились, но отвѣтили: „Что ты порѣшилъ въ своей мудрости, то не можетъ быть худо. Пока они спали, отецъ создалъ міръ и опочилъ отъ трудовъ. Когда они проснулись и увидѣли твореніе, то протирали себѣ глаза. Затѣмъ Ильмариненъ взялъ кусокъ стали, выковалъ сводъ неба и протянулъ его надъ

1864 г. вн. II, ст. *Шашкова*, стр. 49). Отъ царей водъ Буряты отличаютъ водянныхъ духовъ—*ухунъ эжинъ* (господь водъ), соответствующихъ нашимъ *воднымъ*. Ихъ считаютъ душами утопленниковъ; *ib.*, стр. 57.

¹⁾ См. *Verhandl. d. gel. chst. Gesell.*, II B., 4 Heft, p. 72 и слѣд.: Die Sage von Wannemuine.

землю, укрѣпивши на немъ свѣтлыя звѣзды и мѣсяцъ. Изъ передней старика взялъ онъ свѣтильникъ и укрѣпилъ его къ своду такъ искусно, что онъ могъ подниматься и опускаться. Ваннемуйне въ восторгѣ запѣлъ пѣсню подъ арфу и сталъ плясать по землѣ; за нимъ полетѣли стаи птицъ, и гдѣ нога его касалась земли, тамъ выросли цвѣты, а гдѣ онъ пѣлъ, сидя на камнѣ¹⁾, тамъ выросли деревья....²⁾.

Другое, не менѣе поэтическое эстское преданіе разказываетъ о томъ, какъ старый Ваннемуйне прельстилъ своею игрою трехъ дѣвицъ; но когда онъ сталъ ихъ поочередно сватать за себя, всѣ три отказали ему, какъ старику. Долго горевалъ старый пѣвецъ, сидя одинокимъ въ лѣсу, наконецъ пошелъ и сѣлъ на берегу озера Эндла, выражая свою грусть въ чудныхъ пѣсняхъ. Вѣроятно, въ награду за пѣніе (о чемъ преданіе умалчиваетъ), находитъ онъ вдругъ въ травѣ новорожденную дѣвочку, которая, можно думать, была ему послана озеромъ, такъ какъ найдена была на берегу (при этомъ можно вспомнить красавицу Чернаву, на которой хочетъ женить Садка морской царь). Ваннемуйне, съ согласія древняго отца, принимаетъ дѣвочку себѣ дочерью, утѣхой своей старости. Онъ передалъ ей даръ поэтическаго творчества, и Ютта (такъ звали ее), по народному преданію, еще до сихъ поръ живетъ на берегу озера Эндла³⁾ и покровительствуетъ рыбамъ и птицамъ. Въ этомъ преданіи опять находимъ знакомый мотивъ—дивнаго музыканта, играющаго на берегу озера⁴⁾.

Другую черту, указывающую на связь музыки съ водою, можно видѣть въ самомъ происхожденіи кантели финскаго Вейнемейнена. Она сама морскаго происхожденія, она сдѣлана изъ пучьихъ костей. Когда Вейнемейненъ съ Ильмариненомъ и Лемминейненомъ ѣдутъ въ Похиолу добывать Сампо, ихъ лодка останавливается близъ водопада на спинѣ огромной щуки и не можетъ сдвинуться съ мѣста⁵⁾. Бо-

¹⁾ Вспомнимъ Садка, сидящаго на бѣль-горючъ-камнѣ.

²⁾ См. *Verhandlungen d. g. Est. G.*, II B., 2 Heft, стр. 63 след., статья *Fählmann: Wie war der heidnische Glaube der alten Esten beschaffen?*

³⁾ *Verhandlungen d. g. Est. G.*, B. II, Heft 4, p. 74.

⁴⁾ На утѣшающее, успокоивающее вліяніе Вейнемейнена на воду указываетъ финское выраженіе для морскаго затишья, штиля: *Väinämöisen tiä*—пути В—на, *Väinämöisen kulku*—дорога или ходъ Вейнемейнена. См. ст. Я. Гримма о Калевалѣ въ *Höfer's Zeitschr. f. d. Wiss. d. Spr.*, I, p. 54.

⁵⁾ Срав. остановку Садкова корабля среди моря. Мотивъ остановки корабля

гатыри выловили щуку, распластали ее, и изъ челюстей ея Вейнемейненъ устроилъ себѣ кантелю ¹⁾. Эта кантели впоследствии упала въ море съ лодки и стала снова достояніемъ морскаго бога Ахто, который былъ царемъ надъ рыбами. Подобно тому и гуселки яровчаты Садка сломаны имъ въ водѣ и остались въ Поддонномъ царствѣ.

Если мы теперь примемъ во вниманіе всѣ эти аналогическія черты между былинной о Садкѣ и сказаніями о Вейнемейненѣ, и притомъ вспомнимъ, какое важное мѣсто занимаетъ Вейнемейненъ въ финскихъ и эстскихъ мѣахъ и народныхъ преданіяхъ, то едва ли найдемъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что Садко-гусляръ — отголосокъ финскаго пѣвца, а нашъ морской царь — водяной богъ Ахти. Конечно, намъ могутъ сказать, что не зачѣмъ прибѣгать къ теоріи заимствованія, когда у насъ въ былинахъ есть свои гусляры, а въ нашихъ рѣкахъ и болотахъ живутъ свои водяные. Но если мы взглянемъ въ этихъ нашихъ гусляровъ и водяныхъ, то увидимъ, что они *toto cœelo* отличаются отъ Садка и морскаго царя. Наши русскіе водяные „съ одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ“ ²⁾, живущіе въ омутахъ, особенно около мельницъ, извѣстныя пьяницы, посящающіе шинки, гдѣ пьянствуютъ и играютъ въ кости ³⁾, ворующіе лошадей и коровъ и топящіе людей, совершенно отличны отъ былиннаго морскаго царя и финскаго бога Ахти, который относится благосклонно къ людямъ, любитъ ихъ и помогаетъ въ бѣдѣ ⁴⁾. Наши водяные, злые водные духи, соотвѣтствуютъ такой же категоріи финскихъ водяныхъ демоновъ, которыхъ называютъ *Wetehinen* (отъ *wesi*—вода). Знатокъ финской мѣологии Кастренъ замѣчаетъ, что *Wetehinen* и по понятію, и по этимологіи именно соотвѣтствуетъ

среди моря на водѣ Водянаго является и въ финскихъ сказкахъ. Напримѣръ, въ собраніи *Эрика Рудбека* (*Suomen Kansan Satuja ja Tarinoita*) читается сказка, записанная въ Пангаэри въ Карелии, «Объщаніи Водяному (*Wetehinen*) дѣти», гдѣ разглашается, что корабль одного короля былъ остановленъ среди моря водянымъ и тронулся лишь тогда, когда король общалъ водяному то, что родилось у него дома въ его отсутствіе (см. *Mélanges russes*, Т. II, 6-me livr. 1855, p. 608. Ср. тотъ же мотивъ въ русскихъ сказкахъ—*Аванасевъ*, V, № 31, VIII, стр. 397, V, 23, VI, 48, 49, 60, 61.

¹⁾ Kalevala-Runo, 40.

²⁾ *Аванасевъ*, Повѣч. Возврънія, II, 237.

³⁾ *Иб.* 238.

⁴⁾ *Castren*, *Finnische Mythologie*, 83.

русскому водяному и даже предполагаетъ, что представленіе объ этихъ существахъ было заимствовано Финнами изъ русской мифологіи, въ которой водяной играетъ гораздо болѣе значительную роль, нежели Wetehinen въ финской ¹⁾). Ни отъ Кастрена, ни отъ Аванасьева не скрылось глубокое различіе между водяными и морскимъ царемъ, и нашъ мифологъ называетъ послѣдняго славянскимъ Нептуномъ ²⁾). Мы ничего не имѣли бы противъ славянскаго Нептуна, еслибы личность морскаго царя была лучше засвидѣтельствована въ русскихъ мифическихъ вѣрованіяхъ. Но мы знаемъ его только изъ былины ³⁾, а въ нихъ слишкомъ опасно отыскивать русскую мифологію. Связь морскаго царя съ музыкой, совершенно отдѣляющая его отъ водяныхъ, о музыкальныхъ симпатіяхъ которыхъ ничего неизвѣстно, тѣсно сближаетъ его съ финскимъ Ahti и служить—для насъ по крайней мѣрѣ—достаточнымъ доказательствомъ вторженія его въ русскую былинную изъ финскихъ сказаній. Морскаго царя нельзя оторвать отъ гуслара Садка: они представляютъ группу, вошедшую соединенно въ нашъ эпосъ. Да и Садко не такой гусларь, какимъ являются, напримѣръ, Добрыня или Ставръ при княжескомъ дворѣ въ Киевѣ. Гусларь, который чаруетъ своею игрою морскаго царя и доводитъ его до изступленной пляски на днѣ моря,—не тотъ случайный гусларь, который, забавляя князя Владимира,

Сыгрѣшь играетъ Царя-града,
Танцы наводитъ Иерусалима,
Величаетъ князя со княгиней,
Сверхъ того играетъ еврейскій стихъ ⁴⁾.

Гуслара типа Садка не знала и не создала Киевская Русь: этотъ типъ—произведеніе новгородскаго былиннаго творчества, навѣянный мѣстными сказаніями о дивномъ музыкантѣ, который ходили въ сѣверной Руси и были чужды нашему югу. Мотивъ игры Садка на берегу Ильмена, на бѣломъ горячемъ камнѣ, и появленіе на сценѣ морскаго царя—unicum въ нашей былинной поэзіи, а этотъ мотивъ, какъ мы видѣли, напротивъ того распространенъ у Финновъ и Эстовъ. Все это, по видимому, говоритъ въ пользу нашего предположенія объ отголоскахъ финскихъ сказаній въ новгородской былинѣ.

¹⁾ Ib., p. 85.

²⁾ Повѣстч. Возврѣнія, II, 215.

³⁾ И изъ немногихъ сказокъ, гдѣ онъ впрочемъ является съ другимъ характеромъ, чѣмъ въ былинахъ.

⁴⁾ *Журналъ Даниловъ*, 132 и 133.

Объяснить, какимъ образомъ эти отголоски вѣрались въ нашу бытину, не трудно. Поселившіеся у Ильменя-озера Славяне должны были невольно усвоить себѣ популярную у туземнаго населенія личность Вейнемейнена и вѣрованія въ морскаго бога, живущаго въ озерѣ. И вотъ, въ силу какой-нибудь случайной аналогіи, личность Вейнемейнена амальгамировалась съ новгородскимъ богатымъ купцомъ Садкомъ. Быть можетъ, купецъ этотъ дѣйствительно хорошо игралъ на гусляхъ; быть можетъ, его странствованія на корабляхъ по морю напомнили странствованія Вейнемейнена, который много блуждаетъ по морю то одинъ, то въ лодкѣ съ другими богатырями;—какъ бы то ни было, но въ силу какой-то аналогіи на личность Садка были перенесены финскія, уже обрусѣлыя преданія о Вейнемейненѣ, а вмѣстѣ съ нимъ проникъ туда же и любитель его таланта морской богъ, съ женою, съ толпою дѣвъ и со всѣмъ своимъ царствомъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, какъ имена нѣкоторыхъ финскихъ боговъ или духовъ перешли къ русскому населенію въ Заонежьѣ.

Среди финскихъ злыхъ духовъ встрѣчаются бѣсы, называемые Lemro, представители зла на землѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Обитатели Похиолы, этой страны колдуновъ и бѣсовъ, которой противопоставляется Калевала, родина финскихъ богатырей, называются Lemmon kansa (народомъ Лемпо ²⁾). Этихъ финскихъ бѣсовъ не трудно узнать въ Лембояхъ, которые, по заонежскимъ повѣрьямъ, живутъ на Ишь-горахъ и Мянъ-горахъ. У нихъ тамъ цѣлыя села съ переселками и города съ пригородами. Лембои женятся между собою, распложаются, а все имъ мало: дня не проходитъ, чтобы не похищали людей, въ особенности дѣтей, которые закланы родителями ³⁾. Народъ разказываетъ много случаевъ такихъ похищеній. Въ тѣхъ же мѣстахъ надъ лѣшими, общеизвѣстными на Руси, владычествуетъ царь, который носитъ имя Мусайль-лѣсъ. Если лѣшій (или, какъ его называютъ въ Заонежьѣ, просто лѣсъ) обидитъ человѣка, то онъ идетъ съ челобитьемъ на обидчика къ Мусайлу-лѣсу и говорить: „Сдѣлалъ, молю, имреку лихо, не вѣдаю за что. И ты де, царь, Мусайла, имрека отъ лиха честию избавь, а не то будетъ у меня по-

¹⁾ *Castren, Finn. Myth.*, 110.

²⁾ *Ib.* p. 247.

³⁾ *Рубникова*, часть IV: Заонежскія повѣрья, стр. 220.

слана грамотка къ царю въ Москву^{а 1)}. Это странное имя, смахивающее на библейское (окончаніе на—иль, напримѣръ Сатанайль), по всей вѣроятности, искажено, изъ финскаго названія царя надъ всѣми лѣшными Тапио, который называется часто metsän ukko—лѣсной старецъ, metsän kuningas, лѣсной царь, metsolan kuningas—царь Метсолы, то-есть, лѣсной области, или metsolainen. Всѣ эти имена содержатъ слово лѣсъ—metsa или metsola, которое, по видимому, скрывается и въ заонежскомъ Мусайль-лѣсъ.

¹⁾ Рыбниковъ, тамъ же, стр. 224.

Всѣхъ Миллеръ.

СЛАВЯНЕ НА СЪВЕРНОМЪ ЧЕРНОМОРЬИ ¹⁾.

III. Извѣстія средневѣковыхъ гробо-латинскихъ писателей о Черноморскихъ Славянахъ, и другихъ древнѣйшихъ Славянскихъ народахъ въ восточной Европѣ.

Мы разсмотрѣли извѣстія нашей лѣтописи о Черноморскихъ Славянахъ. Возстановивъ правильное чтеніе искаженныхъ выражений списковъ нашей лѣтописи и разобравъ всѣ толки и мнѣнія о мѣстахъ жительства и именахъ этихъ народовъ, мы рѣшили такимъ образомъ нашу задачу, и статья наша окончена по отношенію къ извѣстіямъ нашей лѣтописи; но въ этихъ извѣстіяхъ передается только послѣдняя эпоха жизни Черноморскихъ Славянъ—во второй половинѣ IX и въ началѣ X вѣка, когда они, покоренные Русью при Олегѣ, утратили свою самостоятельность и вскорѣ потомъ были или истреблены, или вытѣснены изъ своихъ древнихъ жилищъ Печенѣгами, и только слабые остатки ихъ, спасшись на сѣверѣ, при верховьяхъ Буга и Днѣстра, вошли въ составъ Русскаго государства при Игорѣ. Но извѣстій о судьбѣ этихъ Славянъ въ VIII вѣкѣ и въ предыдущихъ вѣкахъ надобно искать не у нашего лѣтописца, а у средневѣковыхъ греческихъ и латинскихъ писателей, которые указываютъ Славянъ въ разныхъ мѣстахъ подъ различными названіями, уже съ III вѣка по Р. Х. и даже раньше.

Иорнандъ, писатель VI вѣка (551 г.) въ своемъ описаніи Скиѳіи, передъ приходомъ въ нее Готовъ изъ Скандинавіи, указываетъ въ

¹⁾ Окончаніе. См. Ж. М. Н. Пр. за май и іюнь 1877 года. Замедленіе въ печатаніи этой статьи произошло главнымъ образомъ по причинѣ болѣзни автора ел.

западной части этой страны почти сплошное славянское население, подъ тремя различными названіями, въ трехъ группахъ: 1) Въ странахъ къ сѣверу отъ Карпатовъ, начиная отъ истоковъ рѣки Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ обитаютъ, говоритъ онъ,—Венеды, народъ многочисленный. Венедовъ знаетъ и Тацитъ, еще въ I вѣкѣ по Р. Х. какъ восточныхъ сосѣдей Германіи за рѣкою Вислою, слѣдовательно, въ той же мѣстности, между Финнами на сѣверѣ и Сарматами на востокѣ. Онъ недоумѣваетъ только, куда причислить ихъ, къ Германцамъ ли, или къ Сарматамъ, находя, что они по образу жизни не похожи на Сарматовъ, живущихъ въ повозкахъ и на коняхъ и переходящихъ съ мѣста на мѣсто, тогда какъ Венеды живутъ осѣдло, строятъ дома и сражаются пѣшие, чѣмъ и походятъ болѣе на Германцевъ. 2) Славяне собственно (*Slavini*) по Иорнанду занимаютъ пространство отъ города Новодуна и озера Мурзіяскаго (a civitate Novietunense et lacu quid dicitur Mursianus), то-есть, отъ впаденія рѣки Дравы въ Дунай, на востокъ до Днѣстра, и на сѣверъ до истоковъ Вислы; болота и лѣса служатъ для нихъ крѣпостями. 3) Анты, храбрѣйшіе изъ Славянъ, живутъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ по берегу Чернаго моря и внутрь страны до неизвѣстныхъ предѣловъ на сѣверѣ. Всѣ эти Славянскіе народы, какъ и другіе обитатели Скиѣи и части Германіи, были, по сказанію Иорнанда, покорены Готами, подъ предводительствомъ знаменитаго короля ихъ Эрманриха, окончательно въ IV вѣкѣ; но господство Готовъ въ этихъ краяхъ было непродолжительно; въ концѣ того же IV вѣка оно рушилось подъ ударами Гунновъ: когда Гунны перешли Донъ, то народы, недавно покоренные Готами, одни за другими возстали и присоединились къ новымъ завоевателямъ; тогда 110-лѣтній король Эрманрихъ, видя неизбѣжную гибель своего государства, самъ лишилъ себя жизни, а по смерти его Остготы признали надъ собою власть царя Гунновъ. Другіе Готы, такъ называемые Визиготы или Вестготы, которые властвовали надъ Славянскими землями къ западу отъ Днѣстра и сѣверу отъ Дуная, послѣ неудачной попытки остановить стремленіе Гунновъ, перешли, съ дозволенія императора Валента, черезъ Дунай и укрылись въ предѣлахъ Восточной имперіи, откуда, послѣ разныхъ приключеній, перешли въ Италію, потомъ въ Галлію, и наконецъ, въ Испаніи утвердили свое государство. Славянскіе же народы, какъ природные, исконные обитатели задунайскихъ и прикарпатскихъ странъ, остались на своихъ мѣстахъ, на своей родной почвѣ, перемѣнивъ только властителей Готовъ на Гунновъ.

Но и гуннское господство тоже было непродолжительное. Достигнувъ наибольшаго своего распространенія въ половинѣ V вѣка, при Атилѣ, оно по смерти его рушилось среди возникшихъ между его сыновьями раздоровъ; пользуясь послѣдними, покоренные Гуннами, Германскіе и Славянскіе народы одни за другими возстановили свою независимость и явились самостоятельными дѣятелями, первые въ западной, а вторые въ восточной Европѣ, гдѣ по Дону и Азовскому морю до половины VI вѣка еще слышно было и имя Гунновъ: раздѣлясь на двѣ враждебныя между собою орды, Утургуровъ и Кутургуровъ, Гунны держали подъ своею властію обитавшіе тамъ мелкіе народы Тюрскаго и Финскаго племени и тревожили хищническими набѣгами области Восточной имперіи, увлекая съ собою и Славянскія племена съ Дуная; но въ половинѣ VI вѣка, покоренные вторгнувшимися изъ Азии Аварами, они смѣшались съ ними и утратили самое имя свое. Авары или Обры нашей лѣтописи, утвердившись въ Панноніи и покоривъ своей власти тамошнія племена Славянскія, сдѣлались въ свою очередь страшными сосѣдями всѣмъ Славянамъ, Восточной имперіи и государствамъ западнымъ; но въ концѣ VIII вѣка были разбиты до истребленія Карломъ Великимъ; остатки же ихъ погибли отъ моровой язвы всѣ до единаго. Оттого имя ихъ сдѣлалось у Славянъ поговоркой или притчей. Еще во время лѣтописца на Руси говорили о народѣ совершенно погибшемъ: „погибоша яко Обри“ Г. Гедеоновъ полагаетъ (Варяги и Русь, ч. II, стр. 451), что эта притча уже за два вѣка до Нестора была извѣстна Грекамъ, отъ которыхъ Несторъ заимствовалъ ее и объявилъ, что она до сегодня (то-есть, до его времени) существуетъ въ Руси. Но на самомъ дѣлѣ у Грековъ ни притчи, ни присловья объ Авахъ никакого не было. Въ письмѣ патріарха Николая словами Библии, приведенными у г. Гедеонова, говорится о погибели самихъ Аваровъ, всѣхъ безъ остатка. Это сказано и въ нашей лѣтописи объ Обрахъ еще прежде притчи: Богъ потреби я, помроша“ вси, и не остана ни единъ Обринъ“. (Оттого) есть притча въ Руси и до сегодня: „погибоша яко Обри“. Книжникъ, сообщившій этой притчѣ письменную редакцію, вѣроятно, при византийской мисси въ Кіевѣ, въ X вѣкѣ, прибавилъ къ ней безъ всякой надобности библейскую фразу, ту самую, которая читается у патріарха Николая: „ихъ же несть племени, ни наслѣдка“. Фраза совершенно лишняя, потому что мысль, въ ней выраженная, уже заключается въ самой притчѣ; погибша яко Обри, подобно Обрамъ, значить: погибли всѣ до единаго, никого не осталось. Такъ гово-

рили, вѣроятно, на Руси о конечной гибели враговъ и насильниковъ Славянъ.

И послѣ разныя Славянскіе народы подпадали на болѣе или менѣе продолжительное время владычеству иноплеменниковъ, особенно Славяне, жившіе въ нынѣшней западной Россіи и странахъ Карпатскихъ, часто были покоряемы вторгавшимися изъ Азіи кочевниками; но ни одинъ изъ нихъ не смѣшивался съ побѣдителями, не исчезалъ надолго изъ взоровъ исторіи и не покидалъ всюю массою своей родной почвы, а только пускалъ отъ себя во всѣ стороны болѣе или менѣе сильныя отпрыски, принимавшіе другія названія; такъ, послѣ паденія Гуннскаго государства, въ VI вѣкѣ, въ исторіи являются опять въ Западной Руси и въ странахъ Карпатскихъ тѣ же Славянскіе народы, какъ и въ III в., и на тѣхъ же мѣстахъ, такъ что владычество Готовъ и Гунновъ не имѣло, по видимому, на Славянъ никакого вліянія, не произвело въ ихъ положеніи никакой замѣтной перемены; особенно къ сѣверу и востоку отъ Карпатовъ славянскій міръ еще расширился во время владычества Гунновъ; подлѣ прежнихъ явилось много новыхъ славянскихъ народовъ, частію вслѣдствіе отпаденія отраслей отъ прежнихъ, частію вслѣдствіе переселенія къ нимъ выходцевъ отъ Карпатскихъ Славянъ.

Но въ нашей лѣтописи, начинающейся съ IX вѣка, нѣтъ уже ни Венедовъ на сѣверѣ, ни Антовъ на югѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по указанію древнихъ писателей, жили эти народы, она знаетъ другіе также древніе Славянскіе народы: на сѣверѣ Кривичей, въ верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра и Волги; а на югѣ, по берегу Чернаго моря, между Днѣстромъ и Днѣпромъ Ульцевъ съ двумя отраслями — Тиверцами на юго-западѣ по Днѣстру и на югъ до устьевъ Дуная, и Угличами на сѣверо-востокѣ, между Ингульдемъ и Днѣпромъ у пороговъ. Объ Антахъ же нѣтъ и помину; ихъ не знаетъ и Баварскій землеписецъ, писавшій въ IX вѣкѣ; у него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греческія извѣстія помѣщаютъ Антовъ, живетъ многочисленный славянскій народъ *Unlicí*, то-есть, наши Ульцы, и изъ греческихъ хроникъ Анты исчезаютъ уже въ началѣ VII вѣка. У Теофилакта подъ 602 годомъ въ послѣдній разъ упоминается объ Антахъ, именно, говорится, что хаганъ Аварскій послалъ своего вождя Апсика наказать Антовъ за ихъ союзъ съ Римлянами. Но здѣсь дѣло идетъ объ одной только толпѣ или объ отрядѣ Антовъ, посланномъ на помощь Римлянамъ въ войнѣ ихъ съ хаганомъ; самый же народъ Антовъ, безчисленный (*ἀμετρα*)—по выраженію Прокопія, никакому наказанію

отъ Аварскаго хагана подвергнуться не могъ и спокойно оставался на своей исконной родинѣ какъ въ VII, такъ и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Если имя его не упоминается болѣе въ греческихъ хроникахъ, такъ это потому, что отношенія его къ имперіи измѣнились: когда императоръ Юстиніанъ въ половинѣ VI вѣка уступилъ Антамъ права имперіи на городъ Туррисъ съ окрестными землями между устьями Дуная и Днѣстромъ, съ тѣмъ чтобъ они не пускали отсюда Гунновъ вторгаться въ имперію, то Анты, сдѣлавшись какъ бы стражами имперіи со стороны другихъ варваровъ, должны были прекратить и свои хищническіе набѣги и сдѣлаться друзьями Грековъ. Та часть Антовъ, которая поселилась въ городѣ Туррисѣ и въ уступленныхъ отъ имперіи земляхъ, между Днѣстромъ и Дунаемъ, назвалась Тиверцами, именемъ неизвѣстнымъ Грекамъ, но извѣстнымъ въ нашей лѣтописи, какъ названіе юго-западной вѣтви Ульцевъ. Стало быть, Анты, Унлици и Ульцы—одинъ и тотъ же народъ, котораго славянское имя жльци произносилось различно: Греки первую носовую гласную передавали черезъ *av*, и слѣдующую затѣмъ согласную *λ*, какъ неудобную для произношенія послѣ *v*, вмѣстѣ съ полугласною *z* пропускали, а славянское *ц* не могли выразить иначе, какъ двумя буквами *тс*, изъ которыхъ послѣдняя передъ окончаніемъ *ас* выпадала въ произношеніи. И такимъ образомъ изъ жльци вышло греч. *Ἄνται*, лат. *Antes*. Баварскій землеписецъ, выразивъ носовую гласную чрезъ *un*, и замѣнивъ полугласную *z* гласною *u*, ближе всѣхъ подошелъ къ славянскому произношенію этого имени, которое въ нашей лѣтописи утратило носовой звукъ, вслѣдствіе замѣны начальнаго юса простою гласною *у*.

И такъ, наши Ульцы извѣстны на берѣгу Чернаго моря между Днѣстромъ и Днѣпромъ уже со II или III вѣка по Р., X. ибо все то, что въ греческихъ и латинскихъ извѣстіяхъ говорится объ Антахъ, есть первоначальная исторія Ульцевъ, составлявшихъ, вѣроятно, отрасль Хорватовъ, спустившуюся съ восточной отлогости Карпатскихъ горъ по теченію Днѣстра къ югу и занявшую луговую низменность или равнину (жло), отчего и прозвалась жльцами 1).

1) Вѣроятно, на этой черноморской равнинѣ Славяне-Ульцы застали еще Фляновъ, составлявшихъ первобытныхъ обитателей во всей Европѣ, но постепенно тѣснимые съ юга и съ запада другими сильнѣйшими и болѣе храбрыми племенами, они отступали предъ ними къ дальнему сѣверу. Изъ западной Россіи тѣснили ихъ Славяне, а съ юго-востока народы сѣверо-тюркскаго племени.

Самый сѣверный славянскій народъ, вѣроятно, въ нашей лѣтописи носить свое собственное славянское имя—Кривичи, а прежде тотъ же народъ извѣстенъ былъ подь именемъ Венедовъ, какъ назвали его сѣверные его сосѣди Финны или Эсты, и подь этимъ названіемъ онъ весьма рано сдѣлался извѣстнымъ и Скандинавамъ, и Германцамъ, и Римлянамъ. Тацитъ, какъ мы видѣли уже, знаетъ въ I вѣкѣ по Р. Х. Венедовъ, какъ восточныхъ сосѣдей Германіи, за рѣкою Вислою. Поэтому должно полагать, что Кривичи, названные Венедами, не съ Дуная пришли, а искони обитали на сѣверѣ, рядомъ со своими соплеменниками Литовцами, вмѣстѣ съ которыми, вѣроятно, и пришли сюда изъ Азіи. Слѣдовательно, Кривичи—самые древніе Славяне въ Россіи. Къ древнимъ Славянамъ въ нашей странѣ должно причислить, кромѣ упомянутыхъ уже Ульцевъ, еще Хорватовъ по сѣверо-восточнымъ отлогостямъ Карпатовъ, и Дулѣбовъ или Бужанъ, страна которыхъ Βουγγουδαίσις (земля Бунгунтовъ, отъ Бунгъ, Бугъ) упоминается у Павла Діакона по древнимъ греческимъ источникамъ уже въ VIII вѣкѣ по

О древнемъ пребываніи Финновъ на Черноморьѣ у Карпатскихъ горъ свидѣтельствуется, между прочимъ, названіе Дѣвстра у Геродота и у другихъ древнихъ писателей Τόρις, Τόρας, происходящее отъ финскаго *tiuri*—быстро текущая рѣка, въ которой вода течетъ не прямою струей, а кругами и извилинами, что по фински называется *tiivitta*. Такого названія рѣка есть въ Финляндіи. Вѣроятно, и Тверца у Финновъ называлась *tiuri* съ придачею *rieni* (малый), отъ чего Славяне и дали ей названіе въ уменьшительной формѣ Тиверца, Тверца. Славяне сѣвше на востокъ отъ Дѣвпра, заняли мѣста, дотогѣ населенныя одними Финнами, которыхъ они или прогнали, или поработили и ослабили. Оба берега Оки были населены Финнами, которыхъ поселенія, вѣроятно, простирались на югъ до Чернаго и Азовскаго морей. Самая Ока именемъ своимъ напоминаетъ финское *joki* (рѣка). Еще называли ее *Rao*, отъ финскаго *raja* (граница). Мордва составляетъ въ настоящее время только малый остатокъ прежняго сплошнаго финскаго населенія юго-восточной Россіи. Но средняя Россія, то-есть, пространство между Окой и Волгой, было настоящимъ средоточіемъ Финскаго племени, которое, спустившись съ Урала (*Wuogela*, горная страна), двигалось на югъ и юго-западъ, а не на холодный сѣверъ, куда оно загнано было послѣ другими народами. На плоской возвышенности между Окой и Волгой обитало древнее Финское племя, извѣстное уже Геродоту подь именемъ *Alasomi*, по имени котораго и самая возвышенность эта у Птоломея называется *montes Alani* и доселѣ извѣстна подь именемъ Алаунской возвышенности. Здѣсь жили эти Финны-Алавы еще и въ IV в. по Р. Х., и только нашествіе Гунновъ заставило ихъ удалиться на сѣверъ за Волгу къ своимъ единоплеменникамъ, составлявшимъ сѣверную вѣтвь того древняго племени *Aunus* (Онегъ) и называвшуюся *Ulā-aunus* (верхній Онегъ). Остатки этого народа и теперь живутъ въ восточной Финляндіи подь именемъ *Aunuxelaiset*, Олончане.

Р. X., вмѣстѣ съ 'Αυτάιβ и Βαντάιβ (землями Антовъ и Вановъ или Венедовъ). Но приводя эти имена въ разказѣ о движеніи Лонгбардовъ съ сѣвера къ берегамъ Дуная, Павелъ Діаконъ сознается, что не знаетъ, что онѣ собственно означаютъ, особыя ли земли какія, или только селенія (pagus), въ которыхъ Лонгбарды на пути своемъ останавливались и хозяйничали нѣсколько времени. Посему, какъ имена ему неизвѣстныя, они не могли не подвергнуться въ его латинской транскрипціи искаженію: Βουγγουνθάιβ обратился въ Wurgunthaib, а Βανθάιβ въ Vanthaib. Притомъ же эти имена приведены у него, кажется, не въ порядкѣ перехода Лонгбардовъ съ сѣвера къ югу, или въ географическомъ, а въ алфавитномъ порядкѣ: Anthaib, Bant-haib, Wurgunthaib.

IV. Источники Нестора о Славянахъ и другихъ народахъ, обитавшихъ въ Россіи во второй половинѣ IX в. и въ X вѣкѣ.

Перечень народовъ, населявшихъ Россію въ половинѣ IX вѣка и вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, начинается въ нашей лѣтописи не этими четырьмя древнѣйшими славянскими народами, составляющими, такъ сказать, первый слой славянскій въ западной Россіи, осѣвншійся на финской почвѣ; лѣтописецъ начинаетъ съ Дунайскихъ Славянъ, которыхъ ведетъ изъ прародины ихъ Иллирика (вѣроятно, по западно-славянскому письменному источнику) и поселяетъ сперва по всей дунайской долинѣ, откуда вслѣдствіе нашествія Волоховъ, то-есть, Римлянъ, многіе славянскіе роды или колѣна перешли за Карпаты на сѣверъ, западъ и востокъ, гдѣ эти выходцы, принявъ названія отъ мѣстъ, на которыхъ поселились, образовали новые славянскіе народы. Поименовавъ народы, образовавшіеся изъ этихъ выходцевъ на западъ и сѣверѣ, въ Моравіи, Чехіи и Польшѣ, лѣтописецъ переходитъ къ востоку и говоритъ: „такъ же и тѣи Словенѣ пришедшіе и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною и прозвашася Дреговичи; иніи сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полотчане; рѣчки ради, аже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея Полотчане прозвашася; Словени же сѣдоша около озера Ильмена, прозвашася своимъ именьемъ, и сѣдлаша градъ, и нарѣкоша ѿ Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Сема, и по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверяне“. За изчисленіемъ этихъ шести народовъ, составившихся изъ дунай-

скихъ выходцевъ въ нашей странѣ, слѣдуетъ заключительная фраза: „И такъ рассаждеса Словѣнскій языкъ; тѣмъ же и грамота прозвася Словѣнская“. Значить, ясно, что здѣсь окончился письменный памятникъ Нестора о Дунайскихъ Славянахъ. Но гдѣ этотъ памятникъ начинается въ нашей лѣтописи—указать трудно, потому что онъ слить съ предыдущимъ библейскимъ сказаніемъ о разрушеніи столпа и смѣненіи языковъ. Должно полагать, что памятникъ этотъ есть ученый домыслъ какого-нибудь западно-славянскаго книжника, составленный въ Великой Моравіи, Чехіи, Польшѣ или другой западно-славянской землѣ на основаніи легенды о посѣщеніи апостоломъ Павломъ Илирика, гдѣ онъ училъ Славянъ и поставилъ имъ учителя и намѣстника вмѣсто себя ученика своего Андроника апостола, единого отъ 70. Видѣть же въ этомъ памятникѣ сочиненіе Нестора, написанное притомъ по устнымъ преданіямъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Если же онъ неизвѣстенъ западно-славянскимъ лѣтописцамъ, ни чешскимъ, ни польскимъ, и сохранился только въ нашей лѣтописи, то это легко объясняется тѣмъ, что только Несторъ имѣлъ похвальное обыкновеніе передавать событія подлинными словами своихъ источниковъ. Оттого въ его лѣтописи сохранились и древніе официальные акты, и труды предшествовавшихъ лѣтописцевъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и разныя записки и замѣтки Русскихъ людей прежняго времени.

Свѣдѣнія о древнихъ славянскихъ народахъ въ Россіи вставилъ Несторъ, но не въ связи съ этимъ сочиненіемъ, а въ дальнѣйшемъ повѣствованіи своемъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ это казалось удобнѣе, въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ. Такъ послѣ разказа о водяныхъ сообщеніяхъ изъ Руси по рѣкамъ въ разныя стороны, о путешествіи апостола Андрея черезъ Русскую землю на сѣверъ, о построеніи Кіева, о правленіи и смерти трехъ братьевъ его строителей, послѣ которыхъ родъ ихъ продолжалъ править Полянами, онъ, замѣтивъ, что и другіе, пришедшіе съ Дуная Словене, также имѣли свое правленіе „Деревляне свое, Дреговичи свое, Словене свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полотчане“, прибавляетъ сюда: „отъ сихъ же (то-есть, Полотчанъ) сѣдять и Кривичи, иже на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сидять Кривичи“. Потомъ, указавъ, куда отъ Кривичей прійдутся жилища Сѣверянъ, и наименовавъ жилища Финскихъ народовъ, онъ подводитъ, такъ сказать, итогъ, въ которомъ перечисляетъ какіе въ Руси Славянскіе народы и какіе

иноплеменники; къ числу Славянъ здѣсь прибавлены, прежде еще упомянутые „Бужане, зане съдоша по Бугу, послѣ же Волянне“, но за то пропущены Кривичи, которые непременно должны принадлежать къ Русскимъ Славянамъ, и пропущены, вѣроятно, потому, что въ томъ источникѣ, изъ котораго выписывалъ Несторъ, не было именно сказано, что они Славяне. Далѣе, Несторъ развѣиваетъ о разныхъ кочевникахъ, проходившихъ черезъ Русскую землю на Дунай и притѣснанныхъ Славянъ Дунайскихъ, въ томъ числѣ и объ Обрахъ, примучившихъ Дульбовъ. Потомъ, сказавъ повторительно, что Поляне и Древляне суть отъ рода Славянскаго, онъ ведетъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ и поселяетъ первыхъ на рѣкѣ Сожѣ, а вторыхъ на Окѣ. Это третій слой славянскій на финской почвѣ Россіи, но какъ пришедшіе отъ Ляховъ, то-есть, изъ Польши, эти два рода какъ бы не считаются у Нестора славянскими. Затѣмъ, онъ указываетъ, какіе изъ этихъ Славянскихъ народовъ жили въ мирѣ между собою, и въ числу ихъ, вслѣдъ за Вятичами, прибавляетъ прежде не упомянутыхъ еще „Хорвати“, но безъ указанія мѣста ихъ жительства. Далѣе говорится: „Дульбы живяку по Бугу, гдѣ нмѣ Величане“. Но это, кажется, тотъ же народъ, который выше названъ Бужалами; слѣдовательно, здѣсь онъ является вторично, вѣроятно—подъ своимъ племеннымъ именемъ. Наконецъ, указано мѣсто жительства Ульцевъ и Тивърцевъ по Бугу и по Днѣстру до самаго моря и на юго-западъ до устьевъ Дуная. Въ такомъ порядкѣ, или лучше сказать, безпорядкѣ приведены въ лѣтописи Нестора извѣстія о древнѣйшихъ въ нашей странѣ славянскихъ народахъ, которые или не принадлежали никогда къ Дунайскимъ Славянамъ, какъ напримѣръ, Кривичи, или выселились съ Дуная въ Карпаты на сѣверо-востокъ еще до нашествія Римлянъ (Волоховъ) на Дунайскія земли.

Извѣстія эти дошли до Нестора также не въ устныхъ преданіяхъ; въ исходѣ XI вѣка не могло быть никакихъ преданій о народахъ IX вѣка, которые въ началѣ X или совсѣмъ исчезли, или жили въ другихъ мѣстностяхъ, или назывались другими именами. Такъ, на Черноморской равнинѣ между Днѣпромъ и Днѣстромъ съ начала X вѣка не было уже никакихъ Славянскихъ народовъ; жившіе здѣсь до этого времени Ульцы съ Тиверцами и Угличами были или истреблены, или вытѣснены изъ ихъ древнихъ жилищъ Печенѣгами. Остались только въ стѣни полуразрушенные города ихъ, о которыхъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный, описывая землю Печенѣговъ въ половинѣ X вѣка; остатки же оби-

тателей этихъ городовъ, то-есть, Ульцевъ (Ὀὐλίνοι) и Тиверцевъ (Τιβεριάνοι) онъ указываетъ на сѣверѣ отъ жилищъ Печенѣговъ, въ сосѣдствѣ съ Древлянами и Хорватами, слѣдовательно—въ Подоліи, и причисляетъ ихъ къ народамъ, платящимъ дань Руси. Вотъ въ это время, въ половинѣ X вѣка, когда остатки этихъ народовъ еще существовали, но въ другой уже мѣстности, можно было написать о нихъ то, чтò читаемъ въ лѣтописи Нестора, то-есть, что прежде Ульцы и Тиверцы сидѣли по Бугу и по Днѣстру; прилегали къ Дунаю; ихъ было множество, сидѣли они по всему теченію Буга и Днѣстра до самаго моря; тамъ города ихъ и до сегодня. Гдѣ же это первоначально, не позднѣе половины X вѣка, было написано? Въ донесеніяхъ византійской миссіи въ Кіевѣ. Подлинныя донесенія, отправленныя въ Константинополь, послужили матеріаломъ для совершенно вѣрныхъ и точныхъ извѣстій Константина Багрянороднаго о Руси, о Русской землѣ и о народахъ, въ ней обитавшихъ, а черновыя этихъ донесеній, или копіи съ нихъ, оставшіяся въ архивѣ миссіи при церкви св. Ильи въ Кіевѣ, послужили источникомъ свѣдѣній Нестора какъ о первоначальныхъ жилищахъ Ульцевъ, Угличей и Тиверцевъ до X вѣка, такъ и о другихъ народахъ въ Россіи, краткія замѣтки о жилищахъ которыхъ онъ внесъ въ свою лѣтопись въ томъ видѣ, какъ нашелъ ихъ въ разныхъ донесеніяхъ и запискахъ миссіи. Оттого эти извѣстія и представляются въ лѣтописи, такъ сказать, натисанными гдѣ попало, безъ системы и безъ связи. Вѣроятно, отъ себя Несторъ прибавилъ здѣсь только указаніе—какіе изъ этихъ народовъ Славяне и какіе иноплеменники въ современномъ ему Русскомъ государствѣ.

Мы выше замѣтили о церкви св. Ильи въ Кіевѣ. Эта церковь, впервые упоминаемая въ лѣтописи въ княженіе Игоря подъ 6453 годомъ, существовала еще во время Нестора и была ему хорошо извѣстна; онъ говоритъ о ней: „яже есть надъ ручаемъ конецъ Пасынъче бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ съборная церква“. Въ прежнее время она была соборная, или соборъ, потому что въ ней обыкновенно служилъ самъ епископъ съ клиромъ соборнѣ, а если когда не служилъ, то присутствовалъ при богослуженіи, сидя на своемъ сѣдалищѣ или каедрѣ; посему церковь эта могла называться и каедральною, и епископскою. Это была, безъ сомнѣнія, первая христіанская церковь въ Кіевѣ, построенная византійскою миссіей, тотчасъ послѣ крещенія Аскольда и его Руси, въ 865 или 866 году. При этой церкви жилъ и епископъ съ миссіей, при ней же, вѣроятно, устроено было общежительство, родъ монастыря, для тѣхъ изъ новообращенныхъ,

которые не могли или не хотѣли оставаться между язычниками; наконецъ въ самой церкви или въ особой пристройкѣ къ ней, безопасной отъ огня и воды, хранился архивъ миссіи. Самая миссія, исполнивъ свое назначеніе, была упразднена въ концѣ X вѣка, когда, по крещеніи Владиміра, свѣтъ христіанства озарилъ уже почти всю Русскую землю, и когда главою церкви, вмѣсто епископа или архіепископа, начальника византійской миссіи въ Кіевѣ, сдѣлался митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Но архивъ миссіи, хотя можетъ быть и не въ цѣлости, сохранился до временъ Нестора, который въ немъ нашелъ богатые матеріалы для своей русской лѣтописи, и именно для первой эпохи Руси еще варяжской, до конца X вѣка, до смерти Святослава.

Въ этомъ архивѣ оказались: 1) официальные копія съ договоровъ Руси съ Греками, именно съ тѣхъ русскихъ договорныхъ хартій, которыя, при разнѣнъ актовъ между договаривающимися сторонами, переданы были отъ имени Русскихъ князей императорамъ, въ замѣнъ полученныхъ князьями императорскихъ хартій, греческихъ съ приложеніемъ русскаго перевода. Эти послѣдніе, пожалуй, могли храниться у князей въ Кіевѣ, но въ лѣтопись попали не они, а копія съ грамотъ Русскихъ князей, выданныхъ императорамъ и хранившихся въ Константинополѣ, съ которыхъ копія тотчасъ по разнѣнъ актовъ пересылаемы были византійскимъ правительствомъ къ его кіевской миссіи, какъ блюстительницѣ греческихъ интересовъ въ Руси.

2) Копія, тоже официальная, съ клятвенной записи Святослава, данной Цимисхію по заключеніи мира въ Доростолѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 971 года. Копія съ этого акта въ томъ же году, когда Святославъ былъ еще живъ, или когда Греки не знали еще о его гибели у Днѣпровскихъ пороговъ въ битвѣ съ Печенѣгами, была переслана въ Кіевъ къ миссіи съ предписаніемъ слѣдить за Русскимъ княземъ, если онъ, возвратившись въ Кіевъ, снова вздумаетъ подняться войною на имперію. По смерти же Святослава, когда и подлинное обязательство его утратило силу свою, въ копія съ него, какъ съ акта, потерявшаго свое значеніе, никому уже не было надобности.

3) Пасхальные таблицы съ замѣтками о событіяхъ историческихъ, русскихъ, греческихъ и болгарскихъ, сдѣланными современниками своевременно, то-есть, тотчасъ послѣ совершившихся событій. Эти замѣтки, прикрѣпляющія каждое событіе въ таблицѣ къ тому самому году, въ которомъ оно случилось, дали возможность Нестору ввести въ свою лѣтопись совершенно вѣрную хронологію мартовскими годами,

начиная съ 6360 года отъ сотворенія міра, въ которомъ будто бы впервые послышалось имя Русская земля, то-есть, въ Кіевѣ явилась передовая дружина Руси съ Аскольдомъ и Диромъ, событіе, которое Несторъ, не понявъ своего древняго источника, ошибочно принялъ за начало имени Русская земля для Кіева и страны Полянскій. (Журн. М. Н. Пр., 1874 г., июль, стр. 89).

4) Донесенія епископа, главы миссіи въ Кіевѣ, патриарху и своему правительству по дѣламъ церковнымъ и политическимъ въ Русской землѣ, въ черновыхъ или въ копіяхъ, оставленныхъ при дѣлахъ въ архивѣ для памяти. Записки членовъ миссіи, также черновыя, сообщавшія византійскому правительству необходимыя свѣдѣнія о Руси и Русской землѣ въ разныхъ отношеніяхъ: въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и проч. Одна такая записка, въ которой содержалось описаніе торговаго пути и всей дѣятельности Руси по византійской торговлѣ, переведенная на греческій языкъ, можетъ быть, для Константина Багрянороднаго, составляетъ 9-ю главу въ его сочиненіи О управленіи государствомъ, которой мы уже коснулись въ примѣчаніи къ статьѣ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ (см. Журн. М. Н. Пр. 1874 г., іюня, стр. 231). Такія записки о разныхъ предметахъ, вѣроятно, составляли приложения къ донесеніямъ епископа. Такую же дополнительную записку составляла и реляція о кіевской катастрофѣ 881 г., и эту-то записку Несторъ положилъ въ основаніе своего повѣствованія о происхожденіи Руси.

Но г. Геденовъ и слышать не хочетъ, чтобы Несторъ имѣлъ письменные памятники, современные основанію Русскаго государства и говорящіе объ этомъ событіи. На мое заявленіе, что до Нестора могли дойти такіе памятники въ архивѣ византійской миссіи въ Кіевѣ, гдѣ сохранились до него и официальные копіи съ договоровъ Олега и Игоря, онъ возражаетъ: „Но какъ объяснить въ этомъ случаѣ, что Несторъ не говоритъ и не знаетъ о крещеніи Руси въ 865 году, о пребываніи въ Кіевѣ и имени перваго греческаго епископа на Руси? Лѣтописецъ съ видимымъ рвеніемъ цитируетъ свои греческіе авторитеты: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаніи“, „якоже пишется въ лѣтописахъ гречестѣмъ“,—а объ официальном актѣ перваго Кіевскаго епископа, объ актѣ, служащемъ основою всей первобытной исторіи Руси, онъ, Несторъ, не сказалъ бы ни слова?“ (Варяги и Русь, ч. II, примѣч. 234).

Должно быть, г. Геденовъ или не понялъ меня, или не хо-

тѣмъ понятъ: я вовсе не говорилъ, что Нестору были доступны официальные акты перваго кievскаго епископа, главы византійской мисси; подлинныя донесенія, подписанныя епископомъ, не прятались въ архивѣ мисси въ Кіевѣ, а отсылались при первой возможности въ Константинополь, къ патріарху или византійскому правительству, а въ архивѣ мисси оставались только черновыя, съ которыхъ эти акты списаны, или снятыя съ нихъ копии, но ни тѣ, ни другія нигдѣмъ не были подписаны и никакихъ признаковъ официальности не имѣли, а потому Несторъ и не могъ ссылаться на нихъ, какъ на официальные акты; но они были важны для него по своему содержанию; онъ видѣлъ, что въ нихъ кто-то и къ кому-то писалъ о первыхъ временахъ Руси; онъ, можетъ быть, и догадывался, что это черновыя и копии съ донесеній византійской мисси, отправленныхъ ею къ своему правительству или патріарху, но своихъ догадокъ и предположеній онъ нигдѣ не высказываетъ. Если Несторъ правильно понималъ значеніе выраженія соборная церковь, то онъ могъ съ достовѣрностью заключить, что въ Кіевѣ въ прежнее время, когда церковь св. Ильи называлась соборною, былъ епископъ глава византійской мисси, служившій въ этой церкви, которая послѣ, въ его время, не называлась уже соборною, потому что не имѣла уже епископа по упраздненіи мисси. Но какъ назывался не только первый, но и послѣдній, ближайшій ко времени Нестора, изъ этихъ епископовъ, начальниковъ мисси, Несторъ, разумѣется, не зналъ, ибо не видѣлъ никакихъ актовъ, ими подписанныхъ. А что Несторъ не знаетъ о крещеніи Руси въ 865 году,—это весьма естественно: донесеніе объ этомъ было послано къ патріарху въ концѣ того же 865 или въ самомъ началѣ слѣдующаго года, и съ того времени черновая этого донесенія должна была пролежать въ архивѣ почти два съ половиною вѣка до Нестора; разумѣется, она совершенно истлѣла, если не утратилась еще прежде другимъ какимъ-либо образомъ, и Нестору не откуда было узнать о крещеніи Аскольдовой Руси. Но донесеніе епископа было послано и получено патріархомъ, который въ своемъ окружномъ посланіи, писанномъ въ 866 году, говоритъ о крещеніи Руси, какъ о фактѣ уже совершившемся, и притомъ хвалитъ новокрестившихся за ревность и усердіе въ исполненіи обрядовъ христіанской вѣры. Въ этомъ же первомъ донесеніи епископъ, должно быть, сообщилъ изъ Кіева еще новое свѣдѣніе о Руси, котораго патріархъ, очевидно, не имѣлъ прежде, то-есть, что Русь поработила окрестъ его живущіе народы (τοῦς περιεσθῶτων δουλοσάμενοι). Это выраженіе окру-

наго посланія совершенно ясно, и указываетъ на первыя завоеванія варяжской Руси на нашемъ славяно-финскомъ сѣверѣ при Рюрикѣ, когда дружина Русь, живя въ его Новгородскомъ княжествѣ, покорила ему и себѣ Полотчанъ, Ростовскую Мерю, Мурому и Весь Бѣлозерскую; въ этимъ окрестнымъ, дѣйствительно покореннымъ народамъ, должно причислить еще Полянъ съ Киевомъ, у которыхъ уже съ осени 851 г. хозяйничала, хотя и не вслѣдствіе завоеванія и даже не своимъ именемъ, та же Русь Рюрика, въ лицѣ двухъ мужей его, Аскольда и Дира.

Академикъ Кругъ, считая имя Русь равнозначительнымъ имени Норманны, придавъ словамъ окружнаго посланія патріарха Фотія слишкомъ обширное, ультра-норманское значеніе, цолагая, что патріархъ указываетъ на норманскія завоеванія вообще, то-есть, на западъ отъ Скандинавіи—въ Англии, Франціи и другихъ государствахъ европейскихъ, и на востокъ—въ земляхъ финскихъ и славянскихъ. Но смыслъ словъ Фотія совершенно ясенъ изъ нашей лѣтописи, въ которой перечислены всѣ окрестные народы, то-есть, жившіе вокругъ Новгородскаго княжества и покоренные Русью еще при Рюрикѣ, который роздалъ города и земли ихъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ, оставаясь самъ верховнымъ обладателемъ ихъ (то-есть, сюзереномъ), какъ и сказано въ лѣтописи: „и тѣми всеми обладаше Рюрикъ“.

Вѣроятно, вышеприведенная фраза окружнаго посланія о порабощеніи Русью окрестныхъ народовъ: τὸς περιχώτων δουλοπάροχοι поставила г. Гедеонова въ весьма затруднительное положеніе; онъ не могъ не видѣть, особенно если сличилъ ее съ показаніемъ нашей лѣтописи, что Фотій говоритъ здѣсь о покореніи Русью народовъ, жившихъ около Новгородскаго княжества Рюрика, князя, призваннаго изъ-за моря, отъ Варяговъ, слѣдовательно, и Русь, дѣйствующая подъ его знаменемъ, должна быть не славянская, а варяжская, вмѣстѣ съ нимъ пришедшая изъ-за моря. Но признать ее дѣйствительно существующею и дѣйствующею г. Гедеонову невозможно было, ибо тогда пришлось бы отказаться отъ своего изобрѣтенія—славянской Руси, живущей искони вѣковъ на нашемъ благословенномъ югѣ въ счастливой безвѣстности, и вотъ, чтобы не допустить патріарха говорить о варяжской Руси, онъ старается отнести выраженіе его о порабощеніи окрестныхъ въ одолѣнію Аскольдомъ Древлянъ, Полотчанъ, Угличей, Печенѣговъ и проч. Но сообразивъ, вѣроятно, что епископъ изъ Кіева не могъ сообщить патріарху о такихъ небыва-

льхъ подвигахъ Аскольда, и что одолѣніе не есть еще поработеніе, г. Гедеоновъ обращается къ общему смыслу окружнаго посланія и для него становится „очевидно, что патріархъ ищетъ, съ одной стороны, представить народъ Русь по возможности кровожаднымъ и необузданнымъ до крещенія, а съ другой—придать ему возможную степень значительности, чтобы тѣмъ болѣе возвысить цѣну новаго приобрѣтенія восточной церкви“. Значить, по мнѣнію г. Гедеонова, Русь не покорила никакихъ окрестныхъ; это выдумалъ Фотій, желая придать народу Русь возможно болѣшую степень значительности, чтобы тѣмъ болѣе возвысить цѣну новаго приобрѣтенія восточной церкви. Значить, патріархъ, хотя и съ благою цѣлью, но сказалъ ложь, да еще и не побоялся возвѣстить ее въ окружномъ посланіи всему христіанскому міру. Такъ думаетъ г. Гедеоновъ. Но Фотій не лгалъ; онъ возвѣстилъ то, что узналъ изъ перваго донесенія епископа, посланнаго въ Кіевъ крестить Русь и собравшаго тамъ вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Неизвѣстно, были ли въ этомъ первомъ донесеніи поименованы окрестные, покоренные Русью, но они поименованы въ запискѣ, приложенной къ одному изъ слѣдующихъ донесеній того же епископа, или его преемника, въ запискѣ, или какъ мы ее назвали, въ реляціи о кievской катастрофѣ, написанной въ 883 году, и съ черновой или копіи внесенной въ лѣтопись Нестора, реляціи, изъ которой и видно, что подъ окрестными въ первомъ донесеніи разумѣлись Полотчане, Ростовская Меря, Весь Бѣлозерская и Мурома, города и волости которыхъ Рюрикъ роздалъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ; а при Владимірѣ, когда ленная система была уничтожена, и ленные владѣльцы исчезли, всѣ эти города и волости оказались въ составѣ Славяно-Русскаго государства, съ столицею въ Кіевѣ, основаннаго Олегомъ. Такимъ образомъ варяжская Русь, прибывшая съ Рюрикомъ и братьями его изъ-за моря, съ перваго появленія своего въ нашей странѣ уже трудится надъ основаніемъ Русскаго государства, и о дѣйствіяхъ его въ половинѣ IX вѣка знаетъ и патріархъ Фотій; слѣдовательно, это не можетъ быть народъ, изобрѣтенный Несторомъ; а вотъ славянская Русь, о дѣлахъ которой никто ничего не знаетъ, и которой нигдѣ не слышно и не видно, дѣйствительно изобрѣтена г. Гедеоновымъ.

Н. Ламбинъ.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ ЧУЖОЙ ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ ¹⁾.

Г Л А В А П.

Литовско-русское законодательство.

§ 11. Не такъ давно въ нашей историко-юридической литературѣ высказана была весьма вѣрная мысль, что Литовскій статутъ „принадлежать къ числу важнѣйшихъ памятниковъ древне-русскаго права“ что „въ Литовскомъ статутѣ слѣдуетъ искать объясненіе всего, что кажется для насъ темнымъ и загадочнымъ въ древнихъ источникахъ восточно-русскаго законодательства“²⁾. „До соединенія юго-западныхъ русскихъ областей съ Литвою (въ первой половинѣ XIV в.) говоритъ профессоръ Ѳ. И. Леонтовичъ, юридическая жизнь западно-русскаго населенія въ существенномъ не различалась отъ жизни прочихъ частей Русскаго народа: Русская Правда, вполнѣ развившаяся въ XIII стол., дѣйствовала вездѣ на Руси въ значеніи Сборника общихъ законовъ“. Въ то время, какъ на востокъ Россіи все болѣе и болѣе утрачивалась непосредственная связь съ древне-русскимъ правомъ, въ законодательствѣ юго-западной Руси обнаруживается, по замѣчанію Бѣляева, та устойчивость, консерватизмъ въ дѣлѣ сохраненія стародавнихъ началъ русскаго національнаго права, которымъ отличается всегда жизнь народа, едва отторгнутаго отъ своего живаго, органическаго цѣлаго и живущаго подъ давленіемъ другой національности. Правда, вліяніе польскаго права не могло не отразиться на Литовскомъ статутѣ, но можно думать, что это вліяніе, наиболѣе замѣтное въ послѣднихъ двухъ редакціяхъ, выразилось бо-

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Леонтовичъ*. Русская Правда и Литовскій статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права. *Кіевскія Университ. Изв.*, 1865 г., № 2, стр. 1; № 4, стр. 35.

лѣе въ сферѣ публичнаго права, нежели въ обще-юридической жизни Литовской Руси (Леонтовичъ).

Помимо тѣсной, родственной связи между памятниками литовско-русскаго законодательства и Русской Правдой, изученіе этихъ памятниковъ имѣетъ большое значеніе для воспроизведенія юридическаго быта Московскаго государства въ виду того, что Литовскій статутъ былъ въ числѣ источниковъ при составленіи соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича ¹⁾. Но при всей важности разсматриваемаго памятника въ дѣлѣ изученія древне-русскаго права, Литовскій статутъ до настоящаго времени остается безъ всякой научной разработки и не приобрѣлъ еще, такъ сказать, права гражданства въ историко-юридической литературѣ нашей. Изученіе Литовскаго статута сравнительно съ московскимъ законодательствомъ въ уголовно-правовомъ отношеніи представляетъ весьма любопытныя стороны и большой историческій интересъ; но общая характеристика разсматриваемаго памятника не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему предмету, да и притомъ это довольно рискованно относительно такого еще малоислѣдованнаго памятника, какъ Литовскій статутъ. Вотъ соображенія, почему мы воздерживаемся отъ тѣхъ общихъ заключеній, къ которымъ привело насъ изученіе Литовскаго статута, и переходимъ къ постановленіямъ его о разбоѣ и грабежѣ.

§ 12. Въ литовско-русскомъ законодательствѣ извѣстно было дѣленіе преступныхъ дѣйствій на болѣе важныя и менѣе важныя (Литовскій статутъ 1566, разд. IV, арт. 5, 16, 20 и 56; статутовыя поправки, стр. 205; Литов. ст. 1588 г., изд. Моск. Общ. ист. и древн. російскихъ, разд. IV, арт. 9, 30, 36, 48, 49 и 76; разд. XI, арт. 38,

¹⁾ По поводу сходства постановленій Русской Правды и Литовскаго статута писали: *Строевъ*, Историко-юридическое изслѣдованіе уложенія 1649 г. Спб. 1833, стр. 26—31; *Стакиславскій*, Исслѣд. началъ огражд. имуществ. отношеній въ древн. памятникахъ русскаго законодательства, *Юрид. Сборн.* изд. *Мейеромъ*, Баянь, 1855, стр. 188—189; *Бяляевъ*, О наследствѣ безъ завѣщаній, стр. 177; *Леонтовичъ*, Русская Правда и Литовскій статутъ, *Кіевск. Унив. Изв.* 1865, №№ 2, 3 и 4.; *А. Ф. Кистяковскій*, Права, по которымъ судится Малоросійскій народъ, Кіевъ, 1879 г., стр. 32—33. О сходствѣ постановленій Соборнаго уложенія и Литовскаго статута см. статью *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: Отношенія между Литовскимъ статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича въ *Сборникъ Госуд. Знаній*, т. IV, Спб. 1877 года. Проф. *Θ. И. Леонтовичъ* и *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* включают литовско-русское законодательство, какъ составную часть, въ курсъ исторіи русскаго права. *Леонтовичъ*, Исторія русскаго права. Одесса, 1869 г., стр. 28, 29 и 58; Конспектъ лекцій по исторіи русскаго права читая. проф. *М. Владимірскаго-Буданова*, Кіевъ, 1875 г., стр. 2—3 (литогр. курсъ).

стр. 313; разд. XIV, арт. 4. Акты Зап. Россіи, т. III, Жалов. гр. 1570, № 50; Жалов. гр. 1577, № 77, Жалов. гр. 1581, № 125 ¹⁾; кажется, подобное дѣленіе, неизвѣстное нашему древнему законодательству и Литовскому статуту первой редакціи, взято изъ польскаго права ²⁾. Къ болѣе важнымъ дѣламъ относились такъ называемыя „всякіе речи кровавыя“, какъ то: „ображеніе мѣстату“ „квалты, розбой, раны головщныи“ „наѣздъ домовый, квалтъ бѣлимъ головамъ“ ³⁾ (то-есть изнасилованіе), выжоги“ и „иные злочинства: злодейство, фальшь, чародейство, трутизна (то-есть отравленіе), отповедь отъ шляхѣтича шляхѣтичу на здоровье, похвалъка на горло“ (см. Лит. ст. 1588, стр. 120 и др. вышеприведенныя мѣста статутъ); къ менѣе важнымъ относятся дѣла „гдѣ о горло неидеть“ какъ-то: „бой грабежи и кривды раны“, „испаны вшелякые“ и „иные шкоды тымъ подобныя меншыя а не кровавыя“, а также всѣ правонарушенія, за которыя удовлетвореніе не превышаетъ 20 копѣ грошей. Означенныя двѣ группы преступленій, кромѣ процессуальныхъ особенностей, на которыхъ мы не станемъ останавливаться, различаются главнымъ образомъ тяжестью установленнаго наказанія; „в речахъ важныхъ рвавыхъ, где идетъ о горло“ виновный подвергается лишенію чести, смертной казни, тюремному заключенію и изгнанію, а въ случаѣ менѣе важныхъ преступленій устанавливаются денежныя и другія болѣе слабыя взыскапія (о што честию, горломъ и ровлитьемъ крви, и везеньемъ, и выволаньемъ некарають“ Лит. ст. 1588, стр. 98).

Изложенное дѣленіе, далеко не выдержанное въ Литовскомъ статутѣ, имѣетъ для насъ то значеніе, что служить указаніемъ на не-

¹⁾ Объ указанномъ дѣленіи преступленій см. также изслѣд. *Владимірскаго-Буданова* «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ». Спб. 1868 г., стр. 36 и 160.

²⁾ Уголовныя дѣла въ древне-польскомъ правѣ XII—XIII в. раздѣлялись на *causae capitae, colli*, влекущія за собой отсѣченіе главы, и на *causae tantae, emperit*, то-есть дѣла, имѣющія послѣдствіемъ отрубленіе рукъ, пальцевъ, ушей, носа, словомъ иувѣченіе. *Русск. истор. Сбор.*, изд. Моск. общ. ист. и древн. Росс. кн. 2 изд. М. 1871, Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII ст., стр. 277. Въ Загребскихъ законахъ, по словамъ *Θ. И. Леонтовича*, извѣстно было дѣленіе преступленій на *causae majores* (убійство, разбой, раненіе, татѣба и зажигательство) и *causae pecuniales*. *Леонтовичъ*, Древне-хорватско-далматинское законодательство, Одесса, 1868, стр. 57.

³⁾ Бѣлая голова, женщина. Это выраженіе, говоритъ *Г. Горбачевскій*, вѣроятно происходитъ отъ блага головного убора, который носили въ древности женщины. *Горбачевскій*, Словарь древне-актоваго языка, Вильна, 1876 г., стр. 40.

сомнѣнное разграниченіе понятій разбоя и грабежа въ литовско-русскомъ законодательствѣ. (См. Акты Зап. Россіи, т. II, 1507 г., № 16, № 60, 1511, № 74, 1511; т. III, № 161, 1586 и др.).

§ 13. Разбой въ литовскомъ законодательствѣ принадлежалъ къ числу наиболѣе тяжкихъ преступленій и наравнѣ съ убійствомъ, поджогомъ, изнасилованіемъ, воровствомъ и насиліемъ всѣхъ родовъ — подлежалъ суду Гродскому (Литов. ст. 1566, Разд. IV, Арт. 16; Статутъ 1588, Разд. IV, Арт. 30, Разд. XI, Арт. 32 и др.); изъ того, что разбой помѣщенъ въ раздѣлѣ „о вгвалтѣхъ и о головцызнахъ шлехецкихъ“ (Разд. VII Ст. 1529, Разд. XI Ст. 1566 и 1588) слѣдуетъ, что это преступленіе разсматривалось, какъ дѣйствіе, направленное противъ личности, а не имущества. Какъ извѣстно, одни законодательства относятъ въ системѣ права разбой къ числу имущественныхъ преступленій, другіе — напротивъ, отводятъ разбой мѣсто среди преступленій противъ личности; къ послѣднимъ, очевидно, принадлежитъ литовское законодательство. За разбой виновный подвергался смертной казни (Л. Ст. 1529, Разд. VII, ст. 22; Л. Ст. 1566, Разд. XI, Арт. 23; Л. Ст. 1588, Разд. IV, Арт. 35; Разд. XI, Арт. 31 и 32; Разд. XII, Арт. 7; Разд. XIV, Арт. 19). Замѣтимъ при этомъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Литовскій статутъ первой редакціи перечисляетъ преступленія, мы не встрѣчаемъ выраженія „разбой“ среди другихъ наиболѣе преступныхъ дѣйствій; повсюду употребляется слово „грабежъ“, напримѣръ „если бы чьему чловѣку отъ чьего чловѣка злодейство стало, або бои або грабежъ стался або головщина межъ мужики або инне нѣкоторые речы...“ (Л. Ст. 1529, Разд. VI, ст. 4. Ср. также ст. 5 и 10 того же раздѣла). Разбой въ Литовскомъ статутѣ 1529 упоминается очень рѣдко, всего въ нѣсколькихъ случаяхъ; терминологию относительно разсматриваемаго преступленія слѣдуетъ признать далеко не выдержанною въ памятникѣ; очевидно подъ разбоемъ не всегда понимается насильственное похищеніе чужой собственности съ цѣлью ограбленія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбоемъ называется вообще насиліе противъ лица, такъ называемый „квалтъ“, напримѣръ: а коли бы кому шкюда в чьемъ дому стала, або квалтъ на дорозе, або где инде... таковий (т. е. виновный) повиненъ будетъ оный разбойъ або шкюду своими властными пенезми оправовати“ (Л. Ст. 1529, Разд. VII, ст. 18). Изъ текста этой статьи мы видимъ, что слово „разбой“ и „квалтъ“ употреблены, какъ выраженія одно другое замѣняющія; чтеніе соответствующихъ статей Литовскаго статута послѣ-

дующихъ редакцій убѣждаетъ насъ еще болѣе въ этомъ выводѣ, такъ какъ въ нихъ вовсе не находимъ слова „разбой“, которое замѣняется слѣдующими выраженіями: „школа и квалтъ“ (Л. Ст. 1566, Разд. XI, арт. 20) „бой раны або якій шкоды“ (Л. Ст. 1588, Разд. XI, арт. 41) ¹⁾.

Въ позднѣйшихъ редакціяхъ разсматриваемаго памятника юридическое понятіе разбоя значительно выясняется, терминологія отличается болшею выдержанностью; по всему видно, что разбой съ каждой редакціей памятника (въ особенности 1588 года) вызываетъ болшее вниманіе законодателя, хотя это преступленіе никогда не занимало такого важнаго и выдающагося мѣста, какъ это мы видимъ въ московскомъ законодательствѣ.

Относительно юридическаго состава „разбоя“ по литовскому законодательству можно сказать слѣдующее: 1) для понятія этого преступленія необходима была наличность ограбленія и злоумышленной цѣли, а потому Литовскій статутъ старается разграничить случаи разбоя отъ простой ссоры въ дорогѣ безъ ограбленія: „А будетъ ли на дорогѣ звада стала, а лупу никотораго не было, а сторона жалобливая вину дала разбойную; тогда... горла для разбою менованого не тратить“ (Л. Ст. 1566, Разд. XI арт. 23; 1529, Разд. VII, ст. 22; 1588, Разд. XI, арт. 30). 2) Разбой Литовскаго статута обыкновенно сопровождался нанесеніемъ ранъ (см. приведенныя выше статьи, а также Л. Ст. 1529, Разд. VII, ст. 21), въ нѣкоторыхъ случаяхъ и убійствомъ (Л. Ст. 1588, Разд. XI, арт. 32); изъ этого можно вывести заключеніе, что насиліе противъ лица было однимъ изъ необходимыхъ признаковъ разбоя, но степень насилія, имѣя значеніе относительно гражданской отвѣтственности лица, была, кажется, безразличнымъ обстоятельствомъ въ уголовно-карательномъ отношеніи, такъ какъ во всякомъ случаѣ „винные горьломъ карани будутъ а за голову головщина и шкоды... маеть быти плачно“ (Л. Ст. 1588, стр. 309). 3) То обстоятельство, что почти во всѣхъ относящихся къ разбою постановленіяхъ литовско-русскаго законодательства идетъ рѣчь о разбоѣ на пути, „на дорозе“, а еще чаще „на добровольной дорогѣ“ (Вислицкій статутъ 1347 „сильники

¹⁾ Въ Вислицкомъ статутѣ польскаго короля Казимира III 1347 года мы находимъ тѣ же признаки смѣшенія понятій насилія и разбоя Ст. 26: *«О четирихъ члонкахъ, за которымъ вина 70 у скарбъ королева и деть... Второй члонокъ о усилствъ а любо о разбои»* А. З. Россія, т. 1, № 2, стр. 6.

на добровольной дорогѣ“ А. З. Р., т. I, № 2, ст. 106; статутъ 1420—1423, *ibid.*, № 27, ст. 18; Королев. наказъ 1511, А. З. Р., т. 11, № 64 и т. д.) даетъ нѣкоторое основаніе предположить, что подъ „разбоемъ“ Литовскій статутъ понимаетъ исключительно случаи ограбленія на пути; но одного выраженія „на дороге“ недостаточно для подобнаго рода заключенія, тѣмъ болѣе, что это выраженіе встрѣчается и въ случаяхъ грабежа (напр. Л. Ст. 1566 и 1588; Разд. XIII, арт. 6). Трудно допустить мысль, что въ судебной практикѣ того времени неизвѣстны были иные случаи злоумышленнаго, насильственнаго похищенія чужой собственности, кромѣ ограбленія на пути, въ дорогѣ; къ этому предмету мы вернемся въ слѣдующей главѣ ¹⁾.

На основаніи указанныхъ нами признаковъ, мы думаемъ, что Литовскій статутъ подъ разбоемъ понимаетъ злоумышленное, насильственное похищеніе чужой собственности, сопровождавшееся извѣстнымъ физическимъ насиліемъ, нанесеніемъ ранъ или убійствомъ.

Пособничество и укрывательство разбойниковъ („людей подозрѣнныхъ, злочинцовъ разбойниковъ выволаныхъ изъ земли“) наказывается Литовскимъ статутомъ очень строго: „тогда тотъ не иначе маєтъ быти каранъ, толко яко каждый с тыхъ злочинцовъ вышѣшей писаныхъ“ „таковъ, прибавляетъ Литовскій статутъ второй редакціи, маєтъ быти горломъ каранъ“ (Л. Ст. 1529, Разд. VII, ст. 3; 1566, Разд. XI, арт. 5; 1588, Разд. XI, арт. 36).

Въ первыхъ двухъ редакціяхъ Литовскаго статута мы не находимъ признаковъ классификаціи разбоя на виды; въ относящихся къ нашему предмету статьяхъ говорится объ одномъ лишь случаѣ — о разбоѣ шляхтичемъ шляхтича на дорогѣ. Но въ третьей редакціи памятника разбой подраздѣляется на виды; подраздѣленіе это, довольно сложное, имѣетъ почти исключительно процессуальное значеніе и основано отчасти на признакахъ субъективныхъ и объективныхъ, отчасти на основаніяхъ чисто процессуальныхъ. Въ объективномъ отношеніи, съ виѣшной стороны, разбой дѣлится: а) относительно субъекта преступленія на разбой совершенный шляхтичемъ (арт. 30 и 31), разбой, совершенный мѣщанами, волостными людьми, слугами, боярами и т. д. (арт. 32), разбой совершенный Татарами „народу значнаго“ и Татарами „которые привильями имъ наданныи

¹⁾ Выраженіе на «дороге» даетъ основаніе г. Соколюскому видѣть въ постановленіяхъ Литовскаго статута такъ назыв. «Strassenraub», а отсюда объяснять понятіе разбоя въ уложеніи 1649 г. См. *Sokolsky, Beitrag zur Lehre v. den Eigentumsverbrech*, Dorpat, 1868, S. 53—54.

не суть принуждены до вольности шляхетское (арт. 33), и наконецъ — разбой, совершенный „жидомъ“ (Разд. XII, Арт. 7); в) относительно объекта преступленія разбой дѣлится на разбой шляхтича (ст. 30), разбой „купцовъ ямкхъ тубылцовъ, а не приездчыхъ людей“ „або иныхъ людей стану престоге“, разбой купцамъ людямъ приездчнмъ здалека“ (арт. 31) и, наконецъ, разбой, совершенный надъ „жидомъ“ (Разд. XII, арт. 7). Въ субъективномъ отношеніи, съ внутренней стороны—разбой Литовскаго статута 1588 г. подраздѣляется на разбой, совершенный въ 1, 2, 3, 4 и 5 разы. Наиболье общее и важное процессуальное значеніе имѣетъ дѣленіе разбоя на разбой съ поличнымъ и безъ поличнаго. Въ этомъ дѣленіи, да и вообще въ постановленіяхъ Литовскаго статута 1588 г. о разбоѣ, рѣзко отъвѣняется шляхетскій характеръ этого намятника; не смотря на всю силу поличнаго, какъ судебнаго доказательства въ древнемъ процессѣ, вообще въ настоящемъ случаѣ оно не имѣло рѣшающаго значенія относительно шляхтича. При обвиненіи челоуѣка всякаго другаго нешляхетскаго сословія поличное исключало необходимость всякихъ иныхъ доказательствъ (Разд. XI, арт. 32; Разд. XII, арт. 7); но если обвинялся шляхтичъ, то, кромѣ поличнаго, требовалась присяга „з двема шляхѣтичы а з чотырма челоуековъ простого стану людми“, а также допускалась очистительная присяга обвиняемаго шляхтича „самъ треть въ шляхтоу“, если обвинитель не могъ выставить требуемое число свидѣтелей. Одно обвиненіе шляхтича въ разбоѣ, безъ поличнаго, вовсе не принималось, не подлежало судебному разбирательству и шляхтичъ не обязанъ былъ оправдываться отъ обвиненій хлопа; напротивъ, послѣдній долженъ былъ заплатить обвиняемому штрафъ, какъ бы за рану (яко бы его ранилъ). При обвиненіи въ разбоѣ безъ поличнаго, во второй разъ — шляхтичъ могъ очиститься отъ обвиненія личною присягою; въ третій разъ — производился обыскъ; въ четвертый разъ — обвинитель обязанъ былъ въ подтвержденіе своей жалобы присягнуть „самъ-четвертъ въ однимъ шляхѣтичомъ, а з двема челоуеки простого стану“; наконецъ, въ случаѣ совершенія разбоя въ пятый разъ безъ поличнаго, шляхтичъ лишается жизни и то не мѣтче, какъ подъ условіемъ присяги обвинителя „самъ третей“.

Изъ этого видно, какъ трудно было обвинить шляхтича въ разбоѣ и какъ заботливо законъ предоставляетъ шляхтичу всѣ средства безнаказанно совершать самыя тяжкія преступленія!

§ 14. Выше, въ предыдущей главѣ, замѣчено было, что въ ле-

товскомъ законодательствѣ мы находимъ наиболѣе ясное подтвержденіе тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело насъ изученіе памятниковъ древне-русскаго права относительно понятія грабежа. Въ Литовскомъ статутѣ больше системы, болѣе богато внутреннее содержаніе, постановленія его вообще составляютъ продуктъ сравнительно болѣе развитаго права, а потому неудивительно, что многіе вопросы получаютъ въ немъ большее освѣщеніе и болшую опредѣленность, нежели въ древне-русскомъ законодательствѣ. Подобно тому, какъ это мы видѣли въ послѣднемъ, грабежъ въ Литовскомъ статутѣ употребляется въ различномъ значеніи въ то время, какъ разбой представляеть опредѣленное юридическое понятіе.

Во первыхъ, грабежъ Литовскаго статута означаетъ имущественный арестъ, какъ мѣру конфискаціи и исполненія судебнаго приговора. Въ числѣ первоначальныхъ способовъ возстановленія нарушеннаго права, насильственный, имущественный арестъ вообще занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ ¹⁾; правовая жизнь Литовской Руси не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Здѣсь главною мѣрою взысканія издавна былъ грабежъ, посредствомъ котораго взыскивались долги, всякія частныя обязательства, а также и казенныя недоимки ²⁾. Употребленіе военной силы (грабежа) при взысканіи послѣднихъ запрещено было только въ польской конституціи 1688 года. На сколько эта мѣра взысканія по всякаго рода обязательствамъ была употребительна въ Литовской Руси, можно заключить изъ того, что даже закуничество могло быть „по грабежу“, когда кредиторъ силою заставлялъ должника служить себѣ; нужно замѣтить, что эта форма закуничества была самою употребительной (Леонтовичъ, Крестьяне и т. д., стр. 10—11) ³⁾. Литовскій статутъ первыхъ двухъ редак-

¹⁾ См. чрезвычайно любопытную главу «Первоначальные способы возстановленія правъ» въ изслѣдов. *Мана: Древнѣйш. ист. учреждений. С.-П.-Б., 1876, лекц. IX—X, стр. 199 и слѣд.*

²⁾ *Леонтовичъ, Литовскій Статутъ и Русская Правда, ibid. № 2, стр. 23, № 4, стр. 15, 31. Крестьяне юго-западной Россіи, стр. 38.* До настоящаго времени въ различныхъ мѣстахъ Россіи сохраняется значеніе «грабежа» въ значеніи насильственнаго имущественнаго ареста при взысканіи недоимокъ среди крестьянъ, что намъ извѣстно отчасти изъ личныхъ наблюденій (Подольской губерніи, Брацлавскій уѣздъ), отчасти изъ сообщенія жителя Псковской губерніи.

³⁾ По Вислоцкому статуту 1347 года въ числѣ причинъ, когда кметъ могъ оставить своего господина и уйдти, мы находимъ «грабежъ» (то-есть имущественный арестъ) за долги пана. *Владимірскій-Будамовъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, С.-П.-Б. 1868 г., стр. 74.*

цій совершенно ясно различаетъ судебный грабежъ „отъ каждаго грабежу безвраднаго“, Л. Ст. 1529, Разд. XII, ст. 4) или „безправнаго“ (Л. Ст. 1566, Разд. XIII, арт. 4). Если виновный отказывается уплатить присужденное судомъ взыскаііе, „тогда тые судьи мають взяти вожа у дворе нашомъ.. и при ономъ вижи мають того пограбити, и тотъ грабежъ дати тому, кому што присудятъ...“ (Л. Ст. 1529, Разд. VI, ст. 31). Въ другихъ памятникахъ литовско-рускаго законодательства мы встрѣчаемъ грабежъ въ томъ же значеніи; такъ по уставу объ управленіи королевскихъ волостей 1557 и 1558 годовъ, если отвѣчикъ не отзовется на повозъ, „маеть урядъ зосласти, и съ права грабежъ вчинивши шкродному дати...“ (А. З. Россіи, т. III, № 19, ст. 49); въ 1585 году Литовскіе мѣщане жалуются королю, что „пакъ дей нѣкоторые люде... гдѣ-кольвекъ настигнувши, до права имъ не принадлежаго притягають (то-есть вопреки подсудности ихъ по Магдебурскому праву) и, грабежи имъ чинячи, товаръ ихъ забирають“ (А. Зап. Рос., т. III, № 145); далѣе въ Уст. Грамотахъ 1507 и 1529 годовъ мы встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: „А о грабежи безправныетакъ уставляемъ..., указывающее косвенно на то, что въ то время могли быть грабежи и по праву, то-есть по судебному приговору (А. Зап. Рос., т. II, № 30 и 164).

Вовторыхъ, подъ грабежомъ Литовскій статутъ въ большинствѣ случаевъ понимаетъ самоуправство, самовольный захватъ имущества другаго лица. При слабости, а часто и полномъ безсиліи общественной власти, при исключительномъ привилегированномъ положеніи литовскаго шляхетства, не желавшаго признавать надъ собой законъ и власть, общественная жизнь того времени обилуетъ всякаго рода насиліями; въ законодательныхъ памятникахъ мы находимъ цѣлый рядъ постановленій въ огражденіе частныхъ лицъ и ихъ собственности отъ насилій¹⁾. Къ числу этихъ постановленій относятся тѣ, которыя собраны въ главѣ „о грабежи и навезки“ (Л. Ст. 1529, Разд. XII; Л. Ст. 1566 и 1588, Разд. XIII). Разсмотримъ послѣдовательно всѣ случаи изложенные въ этой главѣ. 1. О пограбенье стада

¹⁾ Въ одномъ только случаѣ Литовскій статутъ допускаетъ грабежъ, самоуправство, это при порубкѣ дѣса: *«что бы въ пущи своей засталъ чьєю чело- века и пограбилъ; тогда за тотъ грабежъ неповиненъ навязывати»*, но только въ томъ случаѣ, если собственникъ дѣса доказалъ порубку. (Л. Ст. 1529, Разд. IX, ст. 6; 1566, Разд. X, Арт. 5; 1588, Разд. X, Арт. 5).

свирѣдскаго“; здѣсь идетъ рѣчь о самоуправномъ захватѣ дикаго табуна „королевскаго або князскаго або нанскаго або землянскаго“; навязку платилъ тотъ, кто захватилъ вещь, „уморилъ“ (Ст. 1529) або охромилъ (Ст. 1529 и 1566) „албо себе привлачилъ“ то-есть присвоилъ (Ст. 1588¹⁾). Размѣръ навязки зависѣлъ отъ того, изъ какого табуна похищенъ жеребецъ или кобыла. Очевидно, въ настоящемъ случаѣ подвергается взысканію не столько фактъ похищенія самъ по себѣ, сколько поврежденіе животнаго; признакъ присвоенія указанъ только въ послѣдней редакціи памятника.

2. „Хтоб пограбилъ кому стадо свирепѣ на своей земли, або на его, або на испаша“. Виновный въ захватѣ дикаго табуна платилъ „квалтъ и шкodu“ „бо не маетъ за испаша стада брати“; что касается другихъ животныхъ, какъ-то „кони ездные и робочные и инѣшее всякое быдло рогатое и нерогатое“ то относительно ихъ допускался арестъ за потраву до уплаты владѣльцамъ убытковъ (Арт. 2 во всѣхъ трехъ редакціяхъ).

3. Кто бы подшляхтичомъ або под шляхтянкою грабежъ учинилъ“. За грабежъ между шляхтичами лошади возлѣ костела или на рынкѣ или въ полѣ или въ лѣсу виновный платилъ навязку, какъ бы за раны шляхтичу, 12 руб. грошей. При этомъ было безразлично—сопровождался ли грабежъ боемъ или нѣтъ, былъ ли на лицо пострадавшій или только его слуги. (Арт. 3) Настоящій случай сомнителенъ, но всего вѣроятнѣе, что здѣсь—самоуправный захватъ лошади; предположеніе наше основывается на томъ, что слѣдующій артикулъ первыхъ двухъ редакцій, составляя какъ бы продолженіе разсматриваемаго, говоритъ о грабежѣ „безврадномъ“ или „безправномъ“ (см. выше): въ статутѣ 1588 этотъ артикулъ выпущенъ и разсматриваемый нами артикулъ дополненъ слѣдующею фразою: „кто такъ на поли ходячаго коня шляхетскаго своевольне пограбилъ, таковыи за доводомъ толго коня конемъ навезати маеть“ (Арт. 3 и 4 Лит. Ст. 1529 и 1566 и Арт. 3 Лит. Ст. 1588 г., стр. 351)

4. Далѣе слѣдуетъ артикулъ 5 второй редакціи памятника и артикулъ 7 первой, въ которыхъ несомнѣнно идетъ рѣчь о самоуправномъ и насильственномъ дѣйствіи въ томъ случаѣ, когда тотъ, у котораго укрывалась „челядь невольная втеклая“, не захочетъ ее выдать „безъ перейму“ и собственникъ вещи „взялъ поземъ квалтомъ“. Этого артикула мы не находимъ въ третьей редакціи.

5. „Хто чиего

¹⁾ Горбачевскій, Словарь, Ibid. стр. 282.

человека пограбить“, если шляхтичъ какихъ либо мужиковъ на рынкѣ или, у церкви, или въ полѣ „або где колвекъ“, „жони або животину на поли побралъ в грабеж“, то долженъ уплатить по жалобѣ пострадавшаго три рубли навязки „а грабежъ вернути“. „тожъ (то-есть учинившій насиліе) тепер мает на оном, чего ему потреба, искати“. Затѣмъ памятникъ говоритъ: „а естли бы онъ, кого пограбилъ, не стерпялъ и недоходячи правомъ, а противъ пограбил; тогда тотъ, хто грабеж за грабеж грабит“, теряетъ свою навязку и обязанъ вернуть награбленное и уплатить три рубля навязки. Здѣсь очевидно предусматривается случай, когда А, потерпѣвъ отъ насилія и самоуправства В, вмѣсто того, чтобы искать судебнымъ порядкомъ, употребить въ свою очередь насиліе и самоуправство (Л. Ст. 1529, Разд. XII, ст. 5). Это мѣсто выпущено въ послѣдующихъ двухъ редакціяхъ и замѣнено артикуломъ, имѣющимъ въ виду тотъ же случай самоуправства, только не въ такой рельефной и крайней формѣ выраженія. (Л. Ст. 1566 и 1588, Разд. XIII, Арт. 6). 6. „О мещанех, их не маут на торгу землянь грабити“. Этою статьею Литовскій статутъ запрещаетъ мѣщанамъ и другимъ подданнымъ „о долги свои якихъ калве“ селянъ и другихъ чиновъ людей „на торгу заповѣдати и грабити“; при этомъ указывается законный способъ взысканія. (Л. Ст. 1529, Разд. XII, ст. 11; 1566, Разд. III, арт. 28; 1588, Разд. III, арт. 37).

Разобранныя нами постановленія представляютъ послѣдовательный рядъ случаевъ самовольнаго захвата чужаго имущества; не скроемъ здѣсь сомнѣнія, которое возбуждаетъ въ насъ сравненіе двухъ послѣднихъ случаевъ. Чѣмъ объяснить то, что въ одномъ случаѣ виновный платитъ за грабежъ „сторонѣ обжалованной“, а въ другомъ платитъ „намъ господарю“? Но это сомнѣніе нисколько не уменьшаетъ нашего убѣжденія, что въ раздѣлѣ „о грабежахъ и навязкахъ“ нельзя ничего иного видѣть, какъ случаи самоуправства. (См. уст. гр. Полоцкому воеводѣ 1527, Акты Зап. Росс. т. II, № 147; Наказ. Королев. Гр. 1576 г., А. З. Р., т. III, № 72). Навонецъ, въ Литовскомъ статутѣ и другихъ законодательныхъ памятникахъ Литовской Руси грабежъ употребляется иногда какъ вообще насиліе (Акты 1522, А. З. Р. т. II, № 116, стр. 143—146) или въ значеніи притѣсненія изъ за цѣлей религіозныхъ (Окр. Кор. Гр. 1584, А. З. Р. т. III, № 139) или въ смыслѣ награбленнаго имущества (Акты Зап. Росс., т. II, № 46; т. IV, № 55; см. вышешпривед. мѣсто Литов. статута и мн. друг.).

Въ заключеніе характеристики понятія грабежа въ Литовскомъ статутѣ прибавимъ, что насиліе не всегда служило обстоятельствомъ, измѣняющимъ составъ извѣстнаго преступнаго дѣйствія; такъ насильственное истребленіе бобровъ и кража ихъ (Л. Ст. 1529, Разд. IX, ст. 10; 1566 и 1588, Разд. X, Арт. 9), насильственная и тайная порубка деревьевъ (Л. Ст. 1588, 2-я полов. арт. 16-го Разд. X) не различаются по наказуемости; въ случаѣ порубки лѣса насиліе не только не служитъ обстоятельствомъ, усиливающимъ тяжесть правонарушенія, а, напротивъ, насильственная порубка лѣса наказывается значительно слабѣ тайной; такъ, за насильственную умышленную порубку (кто бы кому угаи варащономъ которую шкоду вгвалтомъ умыслне вчинилъ) виновный платилъ 12 или 3 рубля вгвалту, но если „кто влодейскимъ обычаемъ а кому порубалъ“ и будетъ пойманъ съ поличнымъ, „тогда маетъ окупати горло своё“ (Л. Ст. 1529 *ibid.*, ст. 18; 1566 и 1588, *ibid.*, Арт. 15¹⁾).

Изученіе всѣхъ постановленій Литовскаго статута, въ которыхъ идетъ рѣчь о грабежѣ, приводитъ къ тому выводу, что грабежъ въ литовско-русскомъ законодательствѣ, подобно тому, какъ это видѣли мы въ предшествующихъ настоящей главахъ, означалъ вообще всякое насильственное дѣйствіе относительно имущества, находящагося въ фактическомъ владѣніи другого, безъ признаковъ злоумышленной цѣли присвоиванія чужой вещи. Помимо вышеизложеннаго, въ пользу этого вывода говоритъ еще то обстоятельство, что грабежъ принадлежитъ, наравнѣ съ боемъ, нанесеніемъ ранъ и всякихъ „шкодъ“, къ числу такъ-называемыхъ „меншихъ речей“ и дѣлѣ меньшей важности, что за грабежъ виновный подлежитъ денежному взысканію, не превышающему того, которое установлено за вгвалтъ, то-есть за насиліе. Какъ допустить при этихъ условіяхъ мысль, что грабежъ Литовскаго статута означаетъ преступное дѣйствіе съ *lucri faciendi causa*? Чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ чрезвычайно слабую наказуемость грабежа сравнительно съ воровствомъ, которое наказывалось смертною казнью и тѣлесными наказаніями (см. Лит. Ст. 1529, Разд. XIII, стр. 98 — 106; Ст. 1566, Разд. XIV, стр. 176 — 186; Статутъ 1588, Разд. XIV, стр. 557 и слѣд.)?

¹⁾ Въ этомъ слѣдуетъ, кажется, видѣть ту особенность древне-польскаго права, по которой тотъ, кто днемъ и публично вредитъ чужое имущество считается менѣ виновнымъ, чѣмъ дѣлающій то же, но тайно (См. *Maciowski*, *ibid.* § 175, с. 165).

§ 15. Кромѣ разбоя и грабежа въ Литовскомъ статутѣ можно найти рядъ постановленій въ защиту чужой собственности отъ насильственнаго нападенія на нее. Съ цѣлью установить съ большею опредѣленностью понятіе разбоя и грабежа, мы укажемъ вкратцѣ на эти постановленія. 1) Наѣздъ шляхтича, находящагося на войнѣ, на „дом або на гумна котораго шляхтича“ и дорожный грабежъ („або едучи на войну по дорозе грабилъ“) (Лит. Ст. 1529, Разд. II, ст. 14, 1566, Разд. II, арт. 20; 1588, Разд. II, арт. 18). 2) Насильственный захватъ воинскими людьми имущества частныхъ лицъ для продовольствія (Лит. Ст. 1566, *ibid.*, арт. 26; 1588, *ibid.*, арт. 27). Виновный въ этомъ „маеть сужонъ и каранъ быти яко збойца и лупезца“, то-есть какъ убійца и грабитель. 3) Наѣздъ на „именье або на село, або на люди его“; различался наѣздъ, сопровождавшійся ранами, и грабежемъ иными „шкодами“, и наѣздъ безъ боя и нанесенія ранъ, но съ ограбленіемъ. Въ первомъ случаѣ виновный обязанъ заплатить за насиліе квалтъ, раны и причиненіе убытковъ (всю шкоду добра оправити), а „грабежи з навезкою поворацати“. Во второмъ случаѣ, то-есть когда кто „только наѣхалъ а грабилъ“, виновный отвѣчалъ за „квалтъ“ и возвращалъ „грабежи з навезкою“ (Лит. Ст. 1529, Разд. VII, ст. 19; 1566, Разд. XI, арт. 21; 1588, *ibid.*, арт. 43). Здѣсь, кажется, нельзя видѣть понятіе грабежа въ современномъ значеніи этого слова, такъ какъ наличность цѣли ограбленія нѣтъ возможности установить, а составныя части понятія грабежа подлежатъ отдѣльной карательной оцѣнкѣ: виновный отвѣчалъ особо „за квалтъ“, за раны, за шкоды и за грабежъ. Всего вѣроятноѣ наѣздъ Литовскаго статута слѣдуетъ разсматривать, какъ одинъ изъ многочисленныхъ видовъ насилія, квалта; въ пользу этого, между прочимъ, говоритъ и то обстоятельство, что въ памятникѣ двухъ первыхъ редакцій послѣ статьи о наѣздѣ слѣдуетъ постановленіе „о квалт посполитыи суседскій“. Далѣе идутъ постановленія о разбоѣ, гдѣ о насиліи вовсе не упоминается; очевидно, квалтъ составлялъ необходимый признакъ разбоя и совершенно поглощался имъ относительно уголовной отвѣтственности. 4) Наконецъ, въ Литовскомъ статутѣ послѣднихъ двухъ редакцій существовалъ еще одинъ видъ насильственнаго дѣйствія относительно чужой собственности, это „отнятые квалтовное маетности“ (Лит. Ст. 1566, Разд. IV, арт. 18; 1588, *ibid.*, арт. 28) „отнятые и привлащенье собѣ“ „якихъ кгрунтовъ або пожитковъ“ (Лит. Ст. 1588, *ibid.*, арт. 50) „выбѣтые, або

отъпятые спокойнаго держанья“ (ibid., арт. 33). Относительно этихъ выраженій, встрѣчающихся въ памятникѣ исключительно только въ раздѣлѣ „о судьяхъ и о судахъ“, можно ограничиться замѣчаніемъ, что они имѣютъ въ виду преступное дѣйствіе, не имѣющее ничего общаго съ разбоемъ и грабежомъ въ современномъ значеніи этихъ словъ.

Вотъ, если не ошибаемся, всѣ случаи насильственныхъ дѣйствій противъ чужаго имущества; ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нельзя признать понятіе грабежа, какъ *delicta sui generis*, какъ правонарушеніе, имѣющее ту же злоумышленную цѣль присвоенія, какъ это мы видимъ въ преступленіяхъ воровства и разбоя.

Общіе выводы, къ которымъ приводитъ насъ изученіе постановленій Литовскаго статута о разбоѣ и грабежѣ, слѣдующіе:

1) Въ Литовскомъ статутѣ существуетъ совершенно ясное и опредѣленное разграниченіе понятій разбоя и грабежа.

2) Подъ разбоемъ литовско-русское законодательство понимаетъ злоумышленное съ цѣлью ограбленія нападеніе на чужое имущество съ признаками извѣстнаго насилія противъ лица.

3) Разбой принадлежитъ къ числу наиболее тяжкихъ преступленій противъ личности и наказывается смертною казнью.

4) Грабежъ Литовскаго статута означаетъ вообще всякое насильственное дѣйствіе относительно имущества, находящагося въ фактическомъ владѣніи другаго, безъ признаковъ корыстной цѣли присвоенія чужаго имущества.

5) Грабежъ принадлежитъ къ менѣе тяжкимъ случаямъ преступнаго дѣйствія и по наказуемости стоитъ значительно ниже воровства.

Д. Тальбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составленная протоіереемъ А. Орловымъ, преподавателемъ монгольскаго языка въ Иркутской духовной семинаріи. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. Казань. 1878 4).

Въ концѣ прошлаго года русская литература обогатилась еще однимъ произведеніемъ, предназначеннымъ содѣйствовать нашему ознакомленію съ нѣкоторыми изъ языковъ дальняго востока; это—грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составленная протоіереемъ А. Орловымъ. Трудъ этотъ принадлежитъ почтенному и кропотливому дѣятелю, и составляетъ—по словамъ самого автора—результаты его сорокалѣтнихъ занятій монгольскимъ языкомъ и тѣмъ не менѣе должно сказать, что трудъ этотъ, не удовлетворяя самымъ умѣреннымъ научнымъ требованіямъ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что авторъ его не имѣетъ даже элементарной общей подготовки въ сферѣ филологическихъ знаній. Не смотря однако на то, грамматика эта издана православнымъ миссіонерскимъ обществомъ. Отвергнувъ

4) По неизвѣстнѣ въ типографіи шрифта, употребляемаго въ изданіяхъ миссіонерскаго общества для предполагаемаго точнаго выраженія звуковъ бурятской рѣчи, мы предлагаемъ: 1) *o+u*, напечатанныя курсивомъ, считать за твердыя, а знаки *тхъ же* звуковъ, изображенные прямыми буквами, произносить мягко. 2) Долготу твердыхъ гласныхъ обозначать удвоеніемъ ихъ знаковъ; и 3) звукъ *х*, который является въ нарѣчій Хоринцевъ и Бурятъ, живущихъ по сию сторону Байкала, заимствующимъ монгольское *с*; и который въ изданіяхъ миссіонерскаго общества изображается буквою *х* съ подстрочнымъ знакомъ, мы также изображаемъ прямою буквою *х* среди окружающаго его курсива.

подъ предлогомъ неудобопонятности массивный и серьезный, хотя и не безукоризненный, трудъ покойнаго преосвященнаго Нила по переводу Священнаго Писанія на монголо-бурятскій литературный языкъ, дѣатели миссіонерскаго общества въ недавнее время начали свои переводы духовныхъ книгъ на такъ-называемый ими разговорный бурятскій языкъ; но, къ сожалѣнію, языкъ этихъ переводовъ оказывается также неудобопонятнымъ для Бурятъ; да къ тому же, благодаря практикуемой переводчиками конструкции бурятской рѣчи, въ переводахъ ихъ встрѣчается не мало случаевъ невѣрной передачи истинъ христіанскаго ученія. Не разъ уже было указываемо, что употребляемый отцами миссіонерами языкъ переводовъ не можетъ считаться удовлетворительнымъ; однако они продолжаютъ упорно держаться за свой разговорный бурятскій языкъ. Изданіе грамматики протоіерея Орлова, повидимому, имѣетъ цѣлью — разъяснить что такое разужаютъ монголисты миссіонерскаго общества подъ названіемъ этого языка. Нужно сказать, что сперва завѣдующій монгольскимъ отдѣломъ общества имѣлъ намѣреніе издать въ руководство отцамъ миссіонерамъ къ изученію бурятскаго языка и составленію переводовъ на оный грамматику Кастрена (изданную на нѣмецкомъ языкѣ академикомъ Шифнеромъ и переведенную на русскій архимандритомъ Епифаніемъ); но потомъ этой послѣдней была предпочтена грамматика протоіерея Орлова. Очевидно, стало быть, что книга издана не на обумъ, что она предназначена служить руководствомъ при составленіи переводовъ. Доказать однако ея непригодность для этой цѣли можно было бы, и съ гораздо большею очевидностью, по самымъ переводамъ, не касаясь труда о. Орлова, который, безъ сомнѣнія, искренно убѣжденъ, что онъ написалъ грамматику, какъ онъ говорить, „полнѣйшую и основанную до послѣдней строки на критически осмотрѣнной устной словесности бурятской“. Но въ виду вышеизложеннаго оборота дѣла, который можетъ дать поводъ къ принятію грамматики протоіерея Орлова какъ руководства въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается монголо-бурятскій языкъ, мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ объ этой грамматикѣ.

Разбирать трудъ отца Орлова подробно—нѣтъ возможности, потому что тогда пришлось бы толковать чуть не о каждомъ параграфѣ, или что то же, написать новую не „полнѣйшую“, а только враткую грамматику бурятскихъ нарѣчій всѣхъ вообще и ни одного въ частности; поэтому мы ограничиваемся указаніемъ только на странные филологическіе выводы этой грамматики и на тѣ мѣста ея, кото-

рыя уже черезъ чуръ ярко обрисовываютъ не только незнакомство составителя съ монголо-бурятскимъ языкомъ, но даже и незнаніе русскаго языка.

Начнемъ съ того, что въ трактатѣ объ орографіи намъ стоило большаго труда разобрать, толкуетъ ли грамматика собственно о монгольскомъ письмѣ, или объ изображеніи монгольскихъ звуковъ русскими буквами, или наконецъ — о самыхъ звукахъ; все это въ ней такъ неопредѣленно и неясно, что положительно и не знаешь, о чемъ она говоритъ.

„§ 1. Въ монголо-бурятскомъ языкѣ можно разслушать слѣд. звуки или буквы.“—Ясно, что звуки отождествляются грамматикомъ съ буквами, хотя, какъ извѣстно, это двѣ вещи совершенно различныя. Затѣмъ пачинается перечисленіе ихъ, но не полное, потому что въ § 2-мъ встрѣчается новый знакъ, а слѣдовательно, и звукъ—ы. Грамматика, впрочемъ, еще въ § 1-мъ предупредила возможность этого появленія, сказавъ, что для выраженія монголо-бурятской рѣчи могутъ быть употребляемы всѣ звуки русскаго алфавита, и на первыхъ порахъ мы можемъ упренуть ее только въ томъ, что она невѣрно выразила цѣль этого употребленія; ей слѣдовало сказать, что это рекомендуется и допускается не какъ способъ „точнѣйшаго выраженія“, а какъ средство для скрадыванія неточнаго выраженія монголо-бурятскихъ звуковъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ея мнѣнію, „звукъ ы слѣдуетъ допустить при сокращеніи слоговъ ай, эй, напримѣръ, абайи—возьми—абыи“. Замѣтимъ, что обѣ формы, въ которыхъ является слово въ сказанномъ примѣрѣ, назначаются для выраженія однихъ и тѣхъ же звуковъ въ говорѣ: литературный языкъ даже и не знаетъ такой формы какъ абай. Спрашивается теперь: гдѣ же являются точнѣе и раздѣльнѣе изображенными звуки—въ словѣ ли абайи или въ словѣ абыи? Второе начертаніе, безъ сомнѣнія, скрадываетъ ясность звуковъ перваго. За сими „звукъ ы допускается тамъ, гдѣ онъ годится для большаго благозвучія“, напримѣръ, „болхымъ вмѣсто болхуймъ“. Здѣсь намъ остается только недоумѣвать, почему неопредѣленность звуковъ искаженнаго слова болхымъ должны мы считать благозвучнѣе правильнаго болхуймъ. Сама грамматика не потрудились указать эти причины. А между тѣмъ для насъ было бы весьма интересно знать ея понятіе о благозвучіи, особливо въ виду того заявленія, что она „всячески старалась представить монголо-бурятскій языкъ болѣе благозвучнымъ“, другими словами взяла на себя задачу смягчить своимъ правописаніемъ „жесткій выговоръ“ Бурятъ и думаетъ, что нашимъ

миссіонерамъ можно было бы, слѣдую представленнымъ ею примѣрамъ, облаговзвучить рѣчь сближающихся съ ними номадовъ. Этимъ признаніемъ о своемъ излишнемъ стараніи грамматика между прочимъ облегчила намъ догадку, что мы не найдемъ въ ней рѣчи Бурята въ томъ видѣ, въ какомъ она слышится дѣйствительно въ его разговорѣ.

§ 3-й гласить такъ: „Въ книжномъ монголо-бурятскомъ языкѣ звуки *о+у* обозначаются однимъ знакомъ. Отъ этого въ новѣйшей письменности монгольской такіе два звука смѣшиваются“. Но мы знаемъ, что со времени изобрѣтенія монгольской азбуки и даже еще раньше, въ первообразѣ ея — алфавитѣ уйгурскомъ, *о* и *у* писались безразлично; къ чему же, сказавъ однажды, что звуки *о* и *у* обозначаются однимъ знакомъ, еще прибавлять, что они смѣшиваются въ новѣйшей письменности монгольской? Какъ будто это недостатокъ только позднѣйшаго времени и не былъ присущъ монгольскому алфавиту изначала! Еще страннѣе кажется слѣдующій выводъ: „Въ письменности *о+у* пишутся однимъ знакомъ, оттого въ новѣйшемъ письмѣ монгольскомъ, а еще болѣе въ живомъ говорѣ бурятскомъ, такіе два звука смѣшиваются; одни говорятъ *нуур*, другіе *ноор*“. Да развѣ живой говоръ обуславливается письменностію? Грамматикѣ кажется, что письменность появилась на свѣтѣ прежде людей, и что послѣдніе учились говорить по книгѣ. Такъ какъ звуки *о+у* въ книгахъ монголо-бурятскаго языка были написаны безразлично, то одни изъ Бурятъ прочитали *ноор*, а другіе *нуур*, и такимъ образомъ произошло различіе ихъ говоровъ. Не лучше ли было бы, если бы вмѣсто вышеприведенныхъ разсужденій, грамматика передала намъ еще нигдѣ не заявленное свидѣніе, что Буряты, обративъ вниманіе на безразличіе въ письменности монгольской знаковъ для *о* и *у*, въ настоящее время почти приняли у себя за правило писать для обозначенія звука *о* — знакъ монгольскаго твердаго *о+у*, начертываемый въ видѣ кружка, а для обозначенія *у* — знакъ монгольскаго мягкаго *о+у*, начертываемый въ видѣ кружка съ зубчикомъ, *шудутэй*, какъ говорятъ Буряты; что въ настоящее время они практикуютъ это во всѣхъ своихъ оригинальныхъ печатныхъ изданіяхъ, но что пользы отъ этого мало, потому что если сказанное употребленіе способствуетъ уясненію въ письменности звуковъ *о* и *у*, то въ свою очередь оно производитъ темноту для опредѣленія того — принадлежатъ ли слоги слова къ разряду твердыхъ, или должны быть произносимы мягко? Можетъ быть, впрочемъ, грамматика считала себя не въ правѣ говорить объ этомъ, потому что она заявила, что учить языку разговор-

ному и преподааетъ правила изображенія его опредѣленными русскими буквами; ей нужно было только сказать, что нѣкоторые Бураты произносятъ *нуур*, а другіе *ноор*; но какіе же это нѣкоторые? Намъ кажется, что при заботахъ объ опредѣленности письма, задачей грамматики было прежде всего познакомить своихъ учениковъ, какое изъ нарѣчій употребляетъ *у* и какое *о*. Этого она не дѣлаетъ ни въ трактатѣ о твердыхъ *о+у*, ни о мягкихъ *о* и *у*; въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ она объясняется нѣсколько опредѣленнѣе: „лучше писать *у* чѣмъ *о*; ибо у Бурятъ Забайкальскихъ и въ новомъ письмѣ Монголовъ заграничныхъ послѣдній звукъ почти не встрѣчается“. Для насъ собственно нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ письмѣ не встрѣчается звука, но интересно, что если знаешь, принятый въ письменности для означенія *о+у*, одинаковъ, то чѣмъ руководствовалась грамматика, утверждая, что въ письмѣ не встрѣчается звукъ *о*? Вѣдь не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ представить себѣ такой абсурдъ, чтобы письменность звучала, и хоть грамматика и ограничиваетъ свое положеніе только новою письменностію, однако мы думаемъ, что звуковъ не встрѣчалось равно и въ письменности древней. Что касается употребленія въ монгольскихъ рѣченіяхъ звука *о*, то, разсматривая ихъ въ связи съ языкомъ письменности, можно положить, что звукъ этотъ принадлежитъ тѣмъ двусложнымъ и многосложнымъ словамъ, которыя въ письменности являются заключающими въ себѣ послѣдовательную преемственность одного слога съ гласною *у*, а другаго—съ гласною *э*; или, наоборотъ, перваго съ гласною *э*, а втораго съ гласною *у*. Въ томъ и въ другомъ случаѣ обѣ эти гласныя обращаются въ звукъ *о*. Разсматривая представленныя грамматикою образцы бурятской рѣчи на стр. 259, мы находимъ подтвержденіе сказаннаго нами въ ея начертаніи словъ.

оюо = книж. улууэ или урууэ, утро

омо = „ эму „ повѣсь (а не помѣсти, какъ переводить это слово грамматика)

орорши „ ирууэриши

обоюхи „ эбууэши старики

дэблэн „ цэууэлэн нѣжный

хондолэнъ „ хундэлэнъ поперегъ

бохо „ бухэ крѣпкій и друг.

Вообще грамматика, указывая на особенности произношенія звуковъ, никогда не выясняетъ того, когда и гдѣ эти особенности имѣ-

нѣтъ мѣсто въ языкѣ. Это одинаково проводится ею черезъ весь трактатъ о звукахъ и соответствующихъ имъ буквахъ, какъ о гласныхъ, такъ и о согласныхъ. Возьмемъ для примѣра изъ отдѣла согласныхъ разсмотрѣніе звука *л*.

„§ 10. Звукъ *л* въ словахъ глухихъ, а иногда и въ открытыхъ, предъ согласною буквою выговаривается мягко какъ *ль*. Напримѣръ, *элимн*, *посольт*. Но держаться этого въ письмѣ нѣтъ основанія“. Заключение черезъ чуръ странное какъ въ виду того, что всякая письменность должна стремиться возможно точно изображать произношеніе звуковъ слова, такъ и въ виду того, что русскій алфавитъ введенъ отцами миссіонерами въ создаваемую ими монгольскую письменность вслѣдствіе неопредѣленности алфавита монгольскаго. Написавъ по предложенію грамматикѣ слово *элимн*, мы, во первыхъ, не выразимъ точно звуковъ слова, звучащаго какъ *элимн*, что, конечно, составляетъ громадную разницу отъ *элимн*, а во вторыхъ, мы дѣлаемъ буквальную транскрипцію русскими буквами тѣхъ монгольскихъ знаковъ, которые намъ самимъ казались неопредѣленными. Постановитъ какія-либо правила относительно выговора въ словахъ звука *л*, указавъ—когда нужно произносить его твердо, и когда мягко, грамматика не сочла своею обязанностію, хотя, рекомендуя монгольскую неопредѣленность письма, она должна была бы, кажется, исчислить тѣ случаи, когда *л* произносится мягко. Такъ какъ законовъ этихъ не было еще выяснено ни въ одной изъ имѣющихся доннѣ грамматикъ, то считаемъ долгомъ связать, что *л* предъ послѣдующею согласною произносится мягко: во первыхъ, во всѣхъ словахъ, состоящихъ изъ мягкихъ или глухихъ слоговъ, *элимн улмызы* и проч.; во вторыхъ, въ словахъ, состоящихъ изъ твердыхъ слоговъ тогда, когда слогъ, послѣдующій этому *л*, будетъ заключать въ себѣ гласную *и*, или же какую либо долгую, образовавшуюся черезъ сліянiе съ *и* другою гласною, *альбин*, *юльшик*, *альчуур*, и др.; въ третьихъ, что касается до словъ, начинающихся слогами съ средней гласной *и*, то въ нихъ мягкое или твердое произношеніе звука *л* можетъ быть опредѣляемо по соображенію двухъ предыдущихъ правилъ напримѣръ, *биширэлъту*, *мыла*, *илчи* и др.

Довольно однако о буквахъ; замѣтимъ только еще одно положеніе грамматикѣ, основанное чисто на воображеніи автора ея, будто Селенгинскіе Буряты произносятъ *и* книжнаго и живаго монгольскаго языка за *с*. Это совершенно не вѣрно по отношенію къ Бурятамъ

Селенгинскимъ и относится въ Забайкальи только до Бурятъ Хоринскаго, Агинскаго и Кударинскаго вѣдомствъ.

Второй трактатъ—о слогахъ—отличается такою же безотчетностію и неопредѣленностію правилъ, а подчасъ и совершенною неудовлетворительностію.

„Когда въ одномъ словѣ“, говоритъ грамматика, — „встрѣчается двѣ долгихъ гласныхъ, тогда послѣдняя изображается какъ въ книжномъ языкѣ, а не сокращается“. Чтобы не толковать объ этомъ долго, представляемъ въ примѣръ слово: *бѣлуху*: здѣсь въ одномъ словѣ двѣ долгія гласныя, и однако грамматика едва ли рѣшится написать, согласно своему правилу, послѣднюю изъ нихъ такъ, какъ она изображается въ нижнемъ языкѣ—*бѣлууху*; таковы же слова *данулаатъ*, *уулизаат*, и многія другія.

„Согласная буква обратныхъ слоговъ, на случай открытія коренныхъ слоговъ слова, должна относиться не къ предыдущей гласной, а къ послѣдующей согласной, напримѣръ, *а-риа, о-лаху*“. Да почему же должна? Вѣдь нужно же указать основы?! Корнемъ слова, по общепринятому мнѣнію, зовутся у насъ тѣ звуки, которые остаются неизмѣнными во всѣхъ перемѣнахъ и производствахъ слова. Беремъ слово *олху*; отсюда *ол-оот*—нашедши, *ол-бури*—находя, *ол-иза*—добыча и пр. Приводя на память различныя рѣченія монгольскаго языка, мы рѣшительно не находимъ такихъ словъ, для отысканія корня которыхъ должно было бы относить согласную обратнаго слога къ послѣдующей за нею согласной втораго слога; это можно, пожалуй, сказать только въ отношеніи нѣкоторыхъ агглютинацій, при частномъ, второстепенномъ производствѣ нѣкоторыхъ именъ и видовъ глагола, но ни коимъ образомъ нельзя распространять въ видѣ закона для отысканія первоначальнаго корня слова.

Слова различаются грамматикою, во первыхъ, по преобладанію гласныхъ, вовторыхъ, по производству, и втретьихъ, по значенію. Разсматривая ихъ въ первомъ отношеніи, грамматика полагаетъ, что „слова съ одною или двумя гласными и должно относить къ глухимъ“. Во первыхъ, мы видимъ здѣсь неточность. Беремъ слова „*шмитаган*“ и *мирія* или *миря*; въ первомъ изъ нихъ одно и, во второмъ—два, и однако они оба не принадлежатъ къ глухимъ, а къ твердымъ; но извиняемъ это: можетъ быть, авторъ имѣлъ виду сказать свое правило о словахъ, въ которыхъ, кромѣ и, нѣтъ другихъ гласныхъ, опредѣляющихъ принадлежность слова къ твердымъ или мягкимъ звукамъ. Но да позволено будетъ намъ ска-

затѣ, что и въ этомъ случаѣ онъ ошибается. Авторъ не принялъ въ соображеніе, что точное опредѣленіе твердости или мягкости въ сомнительныхъ односложныхъ словахъ удобнѣе всего познается чрезъ разсмотрѣніе ихъ производныхъ, такъ какъ Монголы имѣютъ обыкновеніе приставлять твердыя агглюнативныя частицы къ тѣмъ словамъ, которыя они считаютъ твердыми, и глухія—къ тѣмъ, которыя считаютъ глухими. Къ какому же отдѣлу причислимъ мы теперь слово *чим* (звучащее у Бурятъ какъ *шим*), которое имѣетъ одну гласную и, и отъ котораго происходитъ слово *чима* или *шима*, то есть, то самое твердое слово, которое употреблено въ грамматикѣ какъ бурятскій терминъ твердыхъ словъ? Но не будемъ останавливаться даже и на этихъ трудностяхъ, потому что въ языкѣ есть и многосложныя слова, состоящія исключительно изъ слоговъ съ гласною и, но принадлежность которыхъ къ твердымъ звукамъ доказывается не только ихъ агглюнаціей, но и усвоенною имъ орфографіей. Разрѣзы въ подолѣ платья Монголы называютъ *шикинж*, въ начертаніи этого слова они употребляютъ твердое к, которое ручается намъ за открытое или громкое произношеніе слова. Также точно изображается это слово и въ официально изданныхъ въ Китаѣ пособіяхъ для изученія монгольскаго языка ¹⁾.

Различая слова по производству, грамматика считаетъ слова „коренными, если (они) состоятъ изъ одного прямого слога, и производными—когда въ нихъ болѣе чѣмъ одинъ слогъ, напримѣръ, *аб*, возьми, *ук*, дай“, и насимъ говорить, что „эти слова должно считать многосложными“. Почему это такъ—намъ совершенно неизвѣстно, ибо такія слова какъ *аб*, *ук*, не только Русскими и Монголами, но въроятно, и всѣми народами міра, имѣющими у себя грамматику, считаются за односложныя. Въ разборѣ словъ по значенію грамматика ставитъ дѣлать пять примѣчаній. На первое изъ нихъ мы имѣемъ сказать, что слово *бае* выбрано неудачно, ибо съ значеніемъ „сторона“, „бокъ“ оно встрѣчается и въ литературѣ. На второе примѣчаніе замѣтимъ, что слова, которыя признаются грамматикою за слова книжнаго языка, устарѣвшаго уже для живой рѣчи, суть собственно не слова устарѣвшія, а употребляемыя донинѣ въ различныхъ нарѣчіяхъ: *сомасу*, *отасу*, слытны въ рѣчи Кобдинскихъ Монголовъ (да помнится, и у нашихъ Калмыковъ), также точно, какъ *дууалу* и *очису* у Ургинскихъ. *Сурлу*, употребляемое иногда въ книж-

¹⁾ *Маньчжу номоль у тэку толл бичикъ*, тетр. 15, стр. 55.

номъ языкѣ въ значеніи „вспрашивать“, говорится въ этомъ же смыслѣ Чахарами и Калмыками, хотя у восточныхъ Монголовъ и у Бурятъ оно замѣняется словомъ *асууху*. Что слова эти можно находить въ языкѣ книжномъ, это весьма помято, ибо литературныя произведенія появляются въ различныхъ мѣстахъ и расходятся по всей Монголіи; каждое изъ нихъ, безъ сомнѣнія, носитъ на себѣ отпечатокъ языка той мѣстности, въ которой оно появилось: оттого-то и лексиконъ языка литературнаго является полнѣе, чѣмъ лексиконъ языка или нарѣчія каждой отдѣльной мѣстности. Въ этомъ, конечно, смыслъ языка литературнаго и можетъ быть главнымъ образомъ отличенъ отъ языка живаго, мѣстнаго. Само собою разумѣется далѣе, что живой языкъ постоянно развивается, обогащается новыми словами и грамматическими формами; поэтому мы ничего не имѣемъ замѣтить противъ 4-го и 5-го примѣчаній, кромѣ только того, что они толкуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и слѣдовательно, могли бы быть слиты въ одно. Но примѣчаніе 3-е, въ которомъ авторъ говоритъ, что „въ говорѣ, иногда встрѣчаются склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ, свойственныя только книжному языку“, по меньшей мѣрѣ странно. Очевидно, что авторъ желалъ показать, что языкъ книжный устарѣлъ и разнится отъ разговорнаго; но какъ же можно сказать, что только книжному языку свойственно то, что, по собственному замѣчанію автора, встрѣчается и въ говорѣ?

Трактатъ о произношеніи и правописаніи словъ изложенъ въ грамматикѣ о. Орлова вообще несравненно короче, чѣмъ въ изданной еще въ 1849 г. грамматикѣ монгольско-калмыцкаго языка Алексѣя Бобровникова; въ качественномъ же отношеніи онъ положительно не можетъ быть и сравниваемъ съ изслѣдованіями послѣдней, потому что насколько у Бобровникова вопросъ этотъ изслѣдуется ясно и опредѣленно, съ указаніемъ законовъ перехода и измѣненія звуковъ словъ въ различныхъ нарѣчіяхъ, на столько же у о. Орлова онъ излагается темно и неопредѣленно. Грамматика о. Орлова говоритъ объ измѣненіи звуковъ, но не только не пытается указать законы, на основаніи которыхъ совершаются эти измѣненія, но и вообще не даетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, когда, гдѣ и въ какихъ нарѣчіяхъ имѣютъ мѣсто эти измѣненія. Употребляемая ею какъ будто бы для опредѣленія слова „въ балаганскомъ нарѣчій“, собственно говоря, рѣшительно ничего не выражаютъ, потому что самое дѣленіе бурятскихъ нарѣчій на селингинское и балаганское слишкомъ обще и неопредѣленно. Можно ли считать говоръ Верколенскихъ Бурятъ, жи-

вущихъ по сю сторону Байкала, за одно съ нарѣчіемъ Хоринцевъ, живущахъ по Оному, и правила произношенія однихъ распространять на другихъ, когда различія въ говорѣ Верхоленскихъ Бурятъ отъ помянутыхъ Хоринцевъ едва ли не больше, чѣмъ отличія говора этихъ послѣднихъ отъ особенностей говора Халхаскихъ Монголовъ? А между тѣмъ Хоринцы и Верхоленцы причисляются грамматикою къ одному балаганскому нарѣчію. Что касается правилъ правописанія, то авторъ упоминаетъ только объ одномъ законѣ монгольской орфографіи—о несомѣстности въ одномъ словѣ гласныхъ *a—o* и *э—o*; законъ этотъ заимствованъ авторомъ изъ Чжирухэн'утотла, но почитается непримѣнимымъ къ дѣлу и самимъ Монголами, почему, вѣроятно, онъ и выпущенъ какъ въ новѣйшемъ грамматическомъ сочиненіи Монголовъ: *Мотол усуг'ун йосон'и сайтур номлахан хэ-лэну чимек* ¹⁾, такъ и въ бурятскомъ бугварѣ, составленномъ Бурятомъ Номтоевымъ и употребляемомъ нынѣ въ училищахъ при степныхъ думахъ; а равно и въ краткихъ бурятскихъ же грамматическихъ произведеніяхъ: *Мотол усуг'ун тобчи номлаа* ²⁾ и *Мотол усуг'ун номлаана талхас'ун тэчхител хэмхэдэгу* ³⁾. Другихъ какихъ-либо правилъ монгольской орфографіи грамматика не приводитъ, вѣроятно, потому, что она предполагала цѣлью научить отцовъ миссіонеровъ вести письменность Бурятъ русскими буквами. Но чтѣ же въ такомъ случаѣ можетъ она сообщить о правописаніи? Ровно ничего, кромѣ замѣчанія, что при изображеніи на письмѣ всего отличнаго въ говорѣ отъ правильнаго литературнаго языка „вѣрнѣе слѣдовать тому правописанію, которое принято въ монгольской письменности“ то есть, тому правописанію, которому она не учитъ, и о которомъ не говорить ни слова.

Выясненіе законовъ удареній въ монгольскихъ словахъ составляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ монгольскаго языка. Еще Александръ Бобровниковъ справедливо замѣтилъ, что удареніе въ монгольскомъ языкѣ по большей части бываетъ на послѣднемъ слогѣ, но, толкуя о томъ, когда находится оно на другихъ слогахъ, совершенно смѣшала долготу слоговъ и удареніе ⁴⁾. Шмидтъ погрѣшаетъ въ

¹⁾ Приобрѣтено мною во время путешествія по Монголіи и передано въ библіотеку С.-Петербургскаго университета.

²⁾ Имѣется у меня въ рукописи.

³⁾ Имѣется у меня въ рукописи.

⁴⁾ Граммат. монгол. яз. Александра Бобровникова, стр. 17.

своемъ основномъ правилѣ, что монгольское удареніе бываетъ на первомъ слогѣ ¹⁾). Алексѣй Бобровниковъ, считавшій монгольское удареніе всегда на послѣднемъ слогѣ и подробнѣе другихъ изложившій ученіе объ удареніяхъ, какъ намъ кажется, также не рѣшилъ его вполне удовлетворительно ²⁾). Дѣло въ томъ, что во всѣхъ языкахъ міра тѣ гласныя въ словѣ, которыя имѣютъ на себѣ удареніе, произносятся всегда ясно, никогда не измѣняются при производствѣхъ и никогда не выпадаютъ и не сокращаются при произношеніи слова. Вотъ почему, изучая монгольскій языкъ чисто теоретически въ университетѣ и никогда еще не слыжавъ живой монгольской рѣчи, мы уже не могли согласиться съ Алексѣемъ Бобровниковымъ въ томъ, чтобы слово *бухулъ* имѣло дѣйствительно удареніе на послѣднемъ слогѣ, коль скоро, по собственному замѣчанію его, оно звучитъ въ языкѣ какъ *бухулъ*. Теперь, послѣ путешествія въ Монголію, мы положительно убѣждены, что это слово имѣетъ удареніе на второмъ слогѣ, хотя и не рѣшимся еще сказать свое положительное заключеніе объ удареніяхъ вообще. Намъ кажется прежде всего, что для опредѣленія удареній на словахъ въ монгольской рѣчи, недостаточно брать каждое слово въ отдѣльности, и что монгольскія слова иногда мѣняютъ свое удареніе подъ вліяніемъ словъ предыдущихъ и послѣдующихъ имъ въ рѣчи. Говорятъ *хоні*, но говорятъ и *хони*, *морі* и *мори*, *дорбонъ* и *дурбэ*, при чемъ уже ясно слышится присутствіе въ первомъ слогѣ гласной у, послужившей съ послѣдующею ему э основаніемъ для появленія слова въ другой формѣ звуковъ *дурбо*, или *дорбонъ*. Само собою разумѣется, что всѣ эти случаи произношенія не могутъ быть безосновательны, и причины этихъ различій; очевидно, кроются не въ самихъ словахъ отдѣльно взятыхъ, а въ словахъ, рассматриваемыхъ въ общей связи рѣчи. Съ другой стороны, даже въ отдѣльныхъ словахъ удареніе не всегда находится въ концѣ: *эйми*, *тэйми*, *байху*, *айху*,—всѣ эти и подобныя имъ рѣченія явно противорѣчатъ выраженному Бобровниковымъ положенію. Слово *дайсун*, на которое ссылается между прочимъ протоіерей Орловъ въ своей грамматикѣ, у Монголовъ и Забайкальскихъ Бурятъ не можетъ быть признано по крайней мѣрѣ съ яснымъ удареніемъ на концѣ какъ *дайсун*, а напротивъ, звучитъ какъ *дайсун*. При быстротѣ говора *дайсуи* всегда можетъ быть понято у Монголовъ

¹⁾ Mongol. Sprachlehre I. Schmidt's, S. 11.

²⁾ Граммат. монгольско-калмыцк. яз. Алексѣя Бобровникова, стр. 33.

въ значеніи „великая сунская династія“, если, конечно, не вопрепятствуетъ тому смыслъ рѣчи. Но мы не приводимъ этой могущей возникнуть двусмысленности въ причину, по которой *дайсун* не можетъ быть произнесено какъ *дайсун*; здѣсь, какъ намъ кажется, на удареніе имѣетъ вліяніе мягкой придыхательный звукъ, потому что всѣ гласныя, сопровождаемыя мягкими придыхательными, непременно носятъ на себѣ удареніе. Въ род. надежѣ у Халхаскихъ Монголовъ это слово звучитъ *дайсуній*, а у Бурятъ *дайсуни*. Въ первомъ случаѣ удареніе перешло на послѣдній слогъ, а во второмъ осталось на первомъ слогѣ. Очевидно, что на удареніе въ этомъ случаѣ имѣетъ вліяніе придыханіе, сопровождающее гласную флексію. И такъ, мы, пожалуй, можемъ согласиться съ тѣмъ, что монгольскій языкъ любитъ ударенія на конечномъ слогѣ, потому что тотчасъ же переноситъ его на этотъ послѣдній слогъ, лишь только онъ дѣлается количественно равнымъ съ предыдущими, но доселѣ никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобъ удареніе въ монгольскомъ языкѣ безусловно всегда было на послѣднемъ слогѣ. Повторимъ, что сказать свое окончательное слово по этому предмету мы теперь еще не рѣшаемся, потому что встрѣчаемъ иногда противорѣчія своимъ заключеніямъ. Что касается грамматика отца Орлова, то она ровно ничего не прибавляетъ къ прежде имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ объ удареніяхъ и въ примѣчаніи повторяетъ только наблюденіе Алексѣя Бобровникова, что гласныя съ придыханіемъ не предполагаютъ на себѣ повышенія голоса, а лишь выговариваются продолжительнѣе. Въ доказательство того грамматика ссылается на китайскую транскрипцію, говоря, что въ ней „слова съ придыхательными гласными пишутся и произносятся какъ слова, заключающія въ себѣ двѣ гласныя, подъ рядъ стояція“. Откуда заимствованы эти свѣдѣнія отцомъ Орловымъ—намъ неизвѣстно; мы и не намѣрены заподозрѣвать ихъ достоверность; скажемъ только, что Китайцы обыкновенно относятся къ языку Монголовъ, и особенно въ своихъ изданіяхъ послѣдняго времени, довольно небрежно, а оттого и на ихъ транскрипціи, въ особенности новѣйшія, полагаются нѣтъ никакой возможности. Но мы имѣемъ официальные изданія императорской ученой коллегіи въ Пекинѣ, и въ нихъ мягкія придыханія гласныхъ по большей части всецѣло сохраняются въ начертаніи словъ. Можемъ указать прежде всего на Юань-чао-ми-ши, этотъ драгоценнѣйшій памятникъ монгольской литературы, пріобрѣтеніемъ котораго покойный о. Палладій обез-

смертилъ свое имя для монголистовъ ¹⁾. Не имѣя этой книги подъ руками, въ примѣръ ея транскрипціи мы приводимъ только нѣкоторыя слова, дѣликомъ оказавшіяся выписанными въ нашихъ замѣткахъ: *у-юй-я* (попросимъ), *изр-эй* (жена), *у-эр-уй-н* вм. *у-эруй-н* (нѣтъ); кромѣ того, мы лично приобрѣли въ Пекинѣ такой же тонически нереложенный китайскими іероглифами краткій монгольскій словарь ²⁾, изданный при Минахъ императорскою академіей Ханъ-лингъ въ пособие къ изученію монгольскаго языка. Извѣстно, какъ заботились Минны о точности и правильности изданій этого рода ³⁾, а между тѣмъ мы находимъ въ этомъ словарѣ ту же сохранность мягкихъ придыхательныхъ звуковъ, какую видимъ и въ Юань-чао. Такимъ образомъ помянутый словарь пишетъ *найманъ* (восемь), и самое слово *дайсун* мы находимъ въ немъ изображеннымъ не какъ *даасун*, то-есть, заключающимъ въ себѣ три слога, а какъ *дайсунъ*, то-есть, двусложнымъ словомъ, въ которомъ первый слогъ имѣетъ у себя мягкій придыхательный звукъ. Памятники квадратной письменности также не раздѣляютъ помянутые слоги съ мягкими придыханіями на два, но всегда изображаютъ ихъ въ видѣ одного нераздѣльнаго слога. Юань-ши сохраняетъ намъ въ транскрипціяхъ имена сановниковъ, военачальниковъ, ученыхъ, отличившихся челоѣколюбіемъ и вѣрностію престолу времени Чингиса и его преемниковъ, и въ этихъ именахъ мы находимъ то же изображеніе придыхательныхъ. Наконецъ, у насъ есть составленный при Минахъ же какимъ-то китайскимъ купцомъ монголо-китайскій словарь, монгольскій текстъ котораго изображенъ, также тонически, китайскими іероглифами ⁴⁾. Въ большинствѣ случаевъ въ немъ также изображаются мягкія придыхательныя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна и неточность изображенія ихъ; такъ, словарь этотъ пишетъ *самъ* (хорошій) вм. монгольскаго *сайн* и пр. Мы не отрицаемъ далѣе, что и въ самомъ Юань-чао встрѣчается замѣна придыхательнаго *й* полнымъ явукомъ гласной и хотя бы въ словѣ *оира* вм. *ойра*; но намъ кажется, что на этихъ

¹⁾ Юань-чао-ми-ши, дѣлописъ о временахъ Чингиса и Угэдаи, издаваемая на монгольскомъ языкѣ въ транскрипціи китайскими іероглифами, была приобретена о. Палладіемъ въ Пекинѣ и передана мнѣ; мною же будетъ передана бібліотекѣ С.-Петербургскаго университета.

²⁾ Словарь этотъ, принадлежавшій императорскою Пекинскою бібліотекѣ, приобретенъ мною и хранится въ моей бібліотекѣ.

³⁾ *Recherches sur les langues tartares* par *Ab. Ramusat*, p. 215.

⁴⁾ Имѣется у меня въ рукописи.

частностяхъ нельзя основывать никакихъ заключеній. Извѣстно, что въ настоящемъ языкѣ Монголы всецѣло сохраняютъ придыхательный звукъ *й* въ своихъ словахъ, и что это однако не препятствуетъ имъ произносить *дѣйтѣ* вм. *дѣйтѣй*, врагъ; удареніе же этого слова, за всѣмъ тѣмъ, что придыханіе слышится въ немъ какъ гласный звукъ, находится также на первомъ слогѣ.

Первая часть грамматики въ собственномъ смыслѣ, или этимологія, начинается у о. Орлова изслѣдованіемъ о производствѣ словъ и прежде всего именъ. Количество суффиксовъ, употребляемыхъ для производства именъ существительныхъ и прилагательныхъ, исчисленное въ грамматикѣ, не превышаетъ представленное у Бобровникова (1849 г.), а разсмотрѣніе значенія этихъ суффиксовъ такъ кратко и неопредѣленно, что не можетъ дать почти никакого понятія учащимся о духѣ слова, производнаго при помощи той или другой агглюнативной частицы. Такъ, напримѣръ, перечисливъ шестнадцать различныхъ частицъ, о. Орловъ говоритъ, что эти частицы образуютъ тѣ производящія отъ глаголовъ существительныя, „въ которыхъ упоминается о дѣйствіи или производеніи“. Но что же это значить и объясняетъ? Ровно ничего, потому что въ каждомъ существительномъ, производящемъ отъ глагола, такъ или иначе непременно упоминается о дѣйствіи или производеніи. А между тѣмъ каждый суффиксъ въ языкѣ, приставленный къ корню, образуетъ слово, имѣющее свой опредѣленный, ему только свойственный смыслъ. Припоминая превосходно сдѣланный Алексѣемъ Бобровниковымъ разборъ суффиксовъ *а*, и *ма*, *мѣ*, наращаемыхъ въ монгольскомъ языкѣ при образованіи существительныхъ отъ глаголовъ, мы невольно пришли къ заключенію, что грамматика о. Орлова совершенно забыла свою главную цѣль—облегчить изученіе монгольскаго языка, и что эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда грамматика будетъ подробно излагать дѣйствительный характеръ, сообщаемый слову каждымъ суффиксомъ и каждою флексіей, когда она укажетъ основной смыслъ этихъ суффиксовъ и этихъ флексій и проведетъ его по всѣмъ частнымъ случаямъ, въ которыхъ они появляются въ языкѣ. Такой образъ изложенія несомнѣнно облегчилъ бы изученіе языка, приведя къ единству кажущіяся разрозненными формы его, и въ то же время, могъ бы привлечь учащихся, ибо для нихъ наука только тогда и можетъ быть занимательна, когда они станутъ ясно понимать ее. О. Орловъ, кажется, напротивъ, о томъ только и заботился, чтобы въ его грамматикѣ вышло побольше отдѣльныхъ параграфовъ, и съ этою цѣлію онъ разъ-

единялъ то, что не только совершенно можно, а даже должно было бы соединить. Возьмемъ для примѣра хотя его трактатъ о суффиксѣ *хи* въ образованіи прилагательныхъ: онъ раздѣляетъ на два отдѣла, и первый изъ нихъ говоритъ, что суффиксъ *хи* прилагается или къ родительному падежу именъ, или къ частицамъ для выраженія притяжательности, а второй представляетъ тотъ же суффиксъ (можетъ быть, невѣдомо даже для самого о. Орлова) въ формѣ *дахи дэххи* и говорить, что суффиксъ этотъ „употребляется при означеніи мѣста, въ которомъ предметы могутъ находиться“ (замѣтимъ, между прочимъ, неточность: суффиксъ *дахи дэххи* употребляется для означенія не того мѣста, въ которомъ предметы *могутъ* находиться, а того, въ которомъ они дѣйствительно находятся). Дѣло было бы гораздо удобопонятнѣе, полнѣе и легче для запоминанія, еслибы было сказано, что суффиксъ *хи* означаетъ вообще принадлежность, приставляется къ флексіямъ родительнаго и мѣстнаго падежей и въ первомъ случаѣ означаетъ принадлежность предмету (собственно притяжательность), а во второмъ—принадлежность мѣсту. Такое разсмотрѣніе, кажется намъ, облегчило бы учащимся изученіе языка, избавляя ихъ отъ труда зазубриванія массы отдѣльныхъ частицъ, которыхъ значеніе по его безотчетности легко можетъ ускользнуть изъ памяти.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе именъ прилагательныхъ, не прибавляя намъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, во многихъ мѣстахъ изобилуетъ неточными и неправильными примѣрами. Такъ, на примѣръ, слова *сэхэнхи* и *олаханхи* причисляются къ прилагательнымъ уменьшительнымъ и переводятся первое—довольно великій, а второе—довольно многій, тогда какъ и то, и другое значить по русски „большая часть“, или буквально „принадлежащій къ большинству, къ множеству“. Какъ примѣръ существительныхъ въ уменьшительномъ видѣ, представлено слово *ламахай*; ясно, что о. Орловъ въ окончаніи *хай* видѣтъ флексію уменьшенія; но употребленіе этого слова Бурятами исключительно въ отношеніи къ старшимъ ламамъ прежде всего можетъ ручаться за то, что это никакъ не уменьшительное имя, разсмотрѣніе же бурятской народной литературы убѣждаетъ насъ, что оно произошло отъ сліянія двухъ словъ—*лама-ахай*. Наконецъ, примѣчаніе 2-е говоритъ, что при именахъ животныхъ, означающихъ оба пола, прилагательное для означенія женскаго пола принимаетъ окончаніе *хиини*. Ограниченіе это заимствовано авторомъ, вѣроятно, у Бобровникова, но оно не вѣрно, ибо окончаніе *хиини*, а въ монгольскомъ *хиин*, дается не только къ прилагательнымъ, но и къ существительнымъ,

употребленнымъ въ значеніи прилагательныхъ, одинаково для означенія какъ мужскаго, такъ и женскаго пола. Чтобы не было по этому предмету никакихъ недоразумѣній, выбираемъ изъ своихъ замѣтокъ очевиднѣйшій примѣръ означеннаго: *эрэчимъ тахя эмэчимъ большыи хубилабай*, то есть: цѣтухъ превратился въ курацу¹⁾. Здѣсь *эрэ*, что значить мужчина (необходимо мужскаго рода), употребленное какъ прилагательное, имѣеть окончаніе *эчим*.

Изложеніе правилъ относительно числительныхъ имѣеть также отлится у о. Орлова неопредѣленностью и неопредѣленностью; таково, на примѣръ, замѣчаніе, что вмѣсто *миэ*, одинъ, употребляется иногда слово *ихса*. Когда это иногда? Грамматика не объясняетъ этого ни въ указанномъ мѣстѣ, ни въ дальнѣйшемъ трактатѣ о сочиненіи словъ; а между тѣмъ *ихса* имѣеть свой опредѣленный смыслъ, который никогда не можетъ быть приписанъ слову *миэ*: *ихса*—равносильно русскому „единъ“, тогда какъ *миэ* значить „одинъ“, которое, какъ извѣстно, имѣеть во всѣхъ языкахъ довольно обширное употребленіе. Для числительныхъ порядковыхъ въ монголо-бурятскомъ языкѣ грамматика ставитъ одну флексію—*дахи*. Но намъ положительно извѣстно, что не только Монголы восточныхъ аймаковъ, но даже и Бураты, какъ Селенгинскіе, такъ и Хоринскіе, употребляютъ для производства числительныхъ порядковыхъ еще флексію *дуар*, *дуэр*. Въ письменности подтвержденіе того мы находимъ въ составленной въ 1868 г. тайшой Дамба-чжалцанъ-лобунъ-цэрэнонъ исторіи Бураты. Разказывая о наградахъ своего ламбы, онъ говоритъ: „*Вонда эцэн-эсэ нидуэр алтан дүри хуцун-ду цуру аминской шара изахатай осортай; голдуар бамцэжэ, эрдэмингэ чулуунаар чимэсэн; гурбадуар табамур хайра хуртэлу-ин урида бөт барабай*“²⁾. То же самое мы находимъ заснвъ и въ положеніяхъ о бурятскомъ духовенствѣ, гдѣ даже порядковъ статей обозначенъ числительными порядковыми на *дуар* и *дуэр*³⁾.

„Раздѣлительнымъ“; говоритъ грамматика,—„бываетъ количественное усѣченное, когда принимаетъ оно наращеніе *ат*, *эт*“. Что такое разувѣсть грамматика падъ словами количественное усѣченное—ни-

¹⁾ Гурбанъ Улусійнъ бичикъ, кн. 101-я, листъ 9-й; приобретена нами и передана бібліотекѣ С.-Петербургскаго университета.

²⁾ Исторія селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, листъ 25-й, рукопись мнѣ принадлежащая.

³⁾ Лама санвар-тан'у токтогал.

гдѣ не объясняется, и хотя мы можемъ предположить, что авторъ разумѣлъ здѣсь корень слова, однако это трудно будетъ найти человеку, незнакому съ языкомъ. Притомъ же форма словъ, представленныхъ въ примѣрѣ, *нижээт хашаам* можетъ сбить незнакомаго съ языкомъ читателей положительно съ толку, потому что о корняхъ именъ числительныхъ, о переходѣ звуковъ *ъ* въ *цэ* и *чэ* и о сокращеніи этого послѣдняго въ *ж*, а равно о переходѣ звука *я* въ *ям*, въ грамматикѣ не было и помину. Въ примѣчаніи къ этому параграфу грамматика замѣчаетъ, что раздѣлительное числительное иногда склоняется. Само собою разумѣется, что эта особенность, какъ не свойственная европейскимъ языкамъ, невольно заинтересовываетъ учащихся: какимъ образомъ слово, имѣющее смыслъ нарѣчія, а въ монгольскомъ языкѣ носящее на себѣ характеръ дѣепричастной формы, могло подлежать склоненіямъ. Но авторъ не объясняетъ этого, да и представленные имъ въ примѣрѣ слова *табуу-ту*, *мурбади*—наго выясняютъ дѣло, ибо Буряты часто употребляютъ числительныя количественныя во множественномъ числѣ; слѣдовательно, *табуут* и *мурбаат* могли явиться, не нося въ себѣ раздѣлительнаго смысла. Замѣчаніе это авторъ однако повторяетъ въ трактатѣ о словосочиненіи, въ § 157-мъ; тамъ онъ и приводитъ нѣсколько болѣе точные примѣры. Но что жъ изъ того оказывается? Оказывается, что просто самъ авторъ не зналъ, въ чемъ дѣло. *Амитамъ бурикэмъ хошатъ хошихи абуба*. Примѣръ этотъ едва ли не заимствованъ авторомъ изъ Библии, переведенной на бурятскій языкъ английскими миссіонерами, при чемъ авторъ самъ переработалъ произношеніе ¹⁾. Но дѣло-то въ томъ, что употребленное тамъ *и* не есть надежная частица, каковою полагаетъ ее о. Орловъ, а сокращеніе притяжательнаго *ям*, или еще болѣе полно—*ину*. *Хошаамъ хошаади абуба* значитъ: „взялъ по парѣ изъ нихъ“. Относительно достоверности втораго приведеннаго примѣра мы ничего не можемъ сказать, ибо онъ не подсказываетъ общаго смысла фразы; указаній же на сочиненія, откуда заимствованы примѣры, авторъ нигдѣ не ставитъ. И такъ, онъ ничего не выяснилъ для объясненія склоненія числительныхъ раздѣлительныхъ, а представленные имъ примѣры совершенно не относятся къ сказанному имъ положенію.

Первоначальное разсмотрѣніе мѣстоименій, какъ и слѣдуетъ быть, ограничивается въ грамматикѣ раздѣленіемъ ихъ по значенію и пере-

¹⁾ *Мошійн гэнэшис хитэт икходус хэмэхчи*, стр. 9-я.

числениемъ на этомъ основаніи самыхъ мѣстоименій; но мы не можемъ не замѣтить, что адѣсь въ грамматикѣ о. Орлова все такъ переимѣнено, что въ концѣ концовъ положительно можно отказаться отъ опредѣленій частей рѣчи. Авторъ рѣшительно не хотѣлъ понять значенія частей рѣчи и сѣмьналъ его съ употребленіемъ словъ въ языкѣ. На этомъ основаніи у него въ отдѣлѣ мѣстоименій оказались и существительныя (*юма, бая*); и числительныя (*нигѣ*), и прилагательныя (*хамажи*), однимъ словомъ—чуть не всѣ части рѣчи. Никто не станетъ отвергать, что слово *нигѣ*—одинъ употребляется съ значеніемъ „вѣноторый“, въ этомъ смислѣ употребляется и русское одинъ, и латинское unus, перешедшее потому во французскомъ въ неопредѣленный членъ un, и нѣмецкое ein, но развѣ какая-либо грамматика говорила когда-либо, что одинъ, unus, ein, суть мѣстоименія? Всѣ причисляли ихъ къ числительнымъ, объясняя затѣмъ, что народное и литературное употребленіе дѣлаетъ ихъ и числительное, и неопредѣленное мѣстоименіе, и членъ. Грамматика же о. Орлова поставитъ въ тупикъ хоть кого и при опредѣленіи словъ по частямъ рѣчи, учащимся же ней придется довольно долго думать—къ какой части рѣчи должно быть отнесено слово. Наконецъ, для насъ совершенно непонятно, какаѣя цѣль въ извращеніи общепринятыхъ этимологическихъ понятій грамматики, когда они совершенно опредѣлены, и самыя грамматическія термины уже такъ сроднились съ нами, что мы совершенно не нуждаемся въ ихъ измѣненіяхъ. Конечно, мы не можемъ примѣнять всѣ вообще приемы европейскыхъ грамматикъ къ языку монгольскому, потому что онъ на столько своеобразенъ, что къ нему навсегда приложимы всѣ частности, общія грамматикамъ европейскыхъ языковъ, но въ общемъ итогѣ, и особливо, когда мы рассматриваемъ слова какъ средство для выраженія понятій, онъ, конечно, не можетъ ничѣмъ отличаться отъ другихъ языковъ, если только они не принадлежатъ къ такимъ чисто корчвымъ, какъ китайскій.

Существовавшія до сего времени грамматики монгольскаго языка всегда старались сохранить у себя приемы обыкновенныхъ филологическихъ грамматикъ; только Алексѣй Бобровниковъ обратилъ вниманіе на духъ монгольскаго языка и нѣсколько отступилъ отъ этого общепринятаго образца; сверстница же его грамматики, грамматика Кастрена, опять-таки не избѣжала подражанія древнимъ. Всѣ эти классическія грамматики, принимая во вниманіе три различныя окончанія родительнаго падежа и множественнаго числа, дѣлили име-

на на три склоненія. Но уже Кастронъ замѣтилъ, что это дѣленіе рѣшительно не соответствуетъ духу монгольскаго языка и его нарѣчій, а потому, принявъ за основу окончанія родительнаго и винительнаго падежей, представилъ въ своей грамматикѣ только два склоненія. Алексѣй Вобровниковъ въ трактатѣ о склоненіяхъ совершенно вѣрно не дѣлалъ никакихъ дѣленій. Что касается грамматика о Орлова, то она снова представляетъ дѣленіе монголо-бурятскихъ именъ на два склоненія, не высказывая притомъ даже и мотивовъ, почему она принимаетъ такое дѣленіе. Причисляя къ первому склоненію имена, кончающіяся на гласныя, она характеристичною отмѣткою родительнаго падежа ихъ ставитъ частицу *ин*, а между тѣмъ тутъ же, въ примѣрахъ, отъ слова *болжу*, родительный падежъ является въ видѣ *болжин*; въ которомъ помянутой частицы вовсе нѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ бесполезное отдѣленіе словъ, оканчивающихся на гласную *и*, но въ дѣйствительности имѣющихъ то же окончаніе *им*, мягкое придыханіе котораго и дѣлаетъ предыдущую конечную гласную слова долгою. Въ примѣчаніи добавляется, что всѣ имена перваго склоненія, исключая кончающихся на полугласную *и*, могутъ оканчиваться еще на *най* и *нэй*. Замѣчаніе это невѣрно, ибо помянутыя окончанія принимаются только тѣми словами, которыя въ именительномъ падежѣ наращиваютъ у себя согласную *н*, и которыя потому самому склоняются какъ слова оканчивающіяся на *н*. Не уяснивъ себѣ этого, грамматика должна была постоянно дѣлать безполезныя прибавки о томъ, что слова, кончающіяся на гласныя, принимаютъ де еще въ творительномъ падежѣ вмѣсто окончанія *ар*, — *нар*, въ восточномъ вк. *са* — *наса* и т. д. Однимъ словомъ, частицъ и правилъ совершенно безотчетно и безосновательно наставлено столько, сколько не указывали ихъ и монгольскія грамматикѣ, ухитрившіяся раздѣлить свой алфавитъ на 884 части. Въ примѣръ беремъ творительный падежъ и для краткости разбираемъ только твердыя оканчанія; въ этомъ видѣ флексія его звучитъ какъ *ар*. Что же дѣлаетъ отецъ Орловъ? Онъ говоритъ, что творительный падежъ обозначается:

„1) въ именахъ, кончающихся на гласныя буквы за исключеніемъ *и* прибавкою одной буквы *р*: *алба*, *албарь*“.

Дѣйствительно, буква представляется одна, но звукомъ-то образуется два: *о*. Орловъ и забылъ сказать своимъ ученикамъ, что конечная гласная *а* при образованіи творительнаго падежа должна превратиться въ долгую, ибо окончаніе твор. падежа собственно не

p, какъ говорить *o* Орловъ, а *ap*: имен. п. *алба*, твор. п. *алба+*
ар, или *албар*.

2) „Въ именахъ, кончащихся на *m*, тоже нарращеніемъ *p*, но такъ, что это *m* и вмѣняется въ *я*“. Пояснимъ. Приставляется та же частица *ар*, которая съ подвижною гласною слова, и необходимо составить *am*; им. п. *хуби*, твор. п. *хуби+ар* или *хубар*. Объ именьнейхъ словъ, кончащихся на долгія гласныя, мы говорить уже не будемъ: при нарращеніи на нихъ флексій, начинающихся съ гласной, происходитъ вставка согласной *s*; это слѣдовало сказать разъ навсегда, и было бы достаточно; но вмѣсто того о. Орлову захотѣлось помѣстить въ своей грамматикѣ совершенно браволено сотни двѣ-три отдѣльныхъ частицъ.

То, что сказано нами относительно толкованія двухъ падежей въ грамматикѣ о. Орлова, можетъ быть примѣнено и ко всѣмъ другимъ толкованіямъ его о падежахъ; поэтому мы и не будемъ продолжать дальнѣйшаго разбора этого отдѣла грамматикъ, а замѣтимъ только, что послѣднее примѣчаніе автора объ исходномъ падежѣ у Монголовъ заграничныхъ, не полно, и примѣры его совершенно не вѣрны: отъ слова *аха* исход. падежъ *ахаааа*,—до закону соввучія гласныхъ; а отъ слова *муну*, если *оде* появляется въ им. падежѣ въ этой формѣ, исходн. падежъ *муносо*, если же въ формѣ *мунун*, то *мунунеса*.

Касательно рассмотрѣнія падежныхъ окончаній именъ, причисляемыхъ авторомъ ко второму склоненію, считаемъ необходимымъ замѣтить, что Селангинцы и Хоринцы (собственно Хоринскаго и Агинскаго вѣдомствъ) равно какъ и заграничные Монголы, образуютъ родительный падежъ именъ, кончащихся на согласныя, за исключеніемъ *m* на *им*, вѣроятно, то самое, что авторъ хочетъ изобразить долгимъ *ин*. Въ именахъ же, кончащихся на *m*, нарращается обыкновенно *ай* или *эй*, и только весьма рѣдко встрѣчается у нихъ приставка *и*, которую авторъ ставитъ основнымъ окончаніемъ, для род. падежа и которая употребляется у Бурятъ, живущихъ по сѣверной сторонѣ Байкала; у Бурятъ, обитающихъ на южной сторонѣ Байкала, это замѣчается только въ Кударинскомъ вѣдомствѣ. Отсюда слѣдуетъ ложность всѣхъ примѣчаній, которыя помѣстивилъ авторъ. Заграничные Монголы никогда не нарращаютъ въ род. п. *у*: это принадлежность только литературнаго, собственно письменнаго языка, въ разговорѣ же это *у* всегда замѣняется на основаніи особыхъ законовъ въ *ай* или въ *и*. Такимъ образомъ *у* письменнаго языка, какъ окончаніе флексій, никогда уже не слышится нигдѣ въ рѣчи Монголовъ, и это измѣненіе

имѣть свое начало, какъ надо полагать; еще въ отдаленной древности, такъ какъ уже въ текстѣ Юань-чао мы находимъ подъ рядъ стоящими *а-чхи-у* (то-есть, *ачхиу*) и *а-чхи-ай* (у имѣняется въ *ай*). *Тэ-у-ну* (то-есть, *тэуну*) и *тэ-у-но-ай* (то-есть, *тэунмай*). Зная за сѣмъ, что род. падежъ оканчивается на *йн* (или пожалуй можно изображать его русскими буквами *ынн*, дабы ясно показать, что предыдущая согласная при наращеніи флексіи не терпитъ смягченія), мы, конечно, не можемъ вѣстѣ съ авторомъ, допустить такой строгости, какъ наращеніе въ одномъ словѣ двухъ флексій для родительнаго падежа. Слово *номайн* есть то же самое *номйн*, въ которомъ и флексіи, можетъ быть, подверглось нѣкоторому измѣненію въ звукѣ по законамъ аллитераціи словъ. То же нужно сказать и относительно подобнаго замѣчанія автора о падежѣ винительномъ.

Замѣчанія о. Орлова о склоненіяхъ съ притяженіями, а равно и примѣры этихъ склоненій, являются почти безоговорочными, потому что въ нихъ опущена главнѣйшая особенность притяжательныхъ падежныхъ окончаній—долгота гласной. Такимъ образомъ, частицами дат. падежа являются *да дэ*, тѣ самыя, которыя составляютъ и обыкновенный дательный или мѣстный падежъ. Относительно его авторъ еще прежде, въ § 57, сдѣлалъ замѣчаніе, что у Балаганцевъ онъ означается на вопросъ „гдѣ“ частицею *со*. Замѣчаніе это не полно; напримѣръ, выраженіе „на крышѣ“ нельзя сказать *дэбур-со*, „по морю“ нельзя сказать *далай-со*; это потому, что *со* имѣетъ исключительное значеніе пребыванія предмета внутри чего-либо. Если обратить вниманіе на корень этого слова, то оказывается, что это *со* замѣняется въ бурятской рѣчи иногда частицею *досд* (у Хоринцевъ Худайскаго рода постоянно), а такъ какъ у Хоринцевъ звукъ *с* часто замѣняетъ собою *т* Монголовъ и Селенгинскихъ Бурятъ, то въ этомъ *досо* необходимо видѣть *дото*, корень для словъ, означающихъ „внутренность“.

Трактатъ о производствѣ глаголовъ и образованіи залоговъ глагола у отца Орлова не прибавляетъ ничего новаго, а отъ изслѣдованій Алексѣя Бобровникова отличается неопредѣленностью. Такъ напримѣръ, объ образованіи переноснаго залога говорится, что онъ въ корняхъ глаголовъ, оканчивающихся на гласную, образуется наращеніемъ слога „улъ съ поглощеніемъ послѣдней гласной, или чрезъ наращеніе га, а, й, безъ поглощенія ея“. Когда наращается слогъ *ул*, и когда слогъ *га*—этого авторъ не говоритъ, а между тѣмъ мы имѣемъ о томъ прекрасное изслѣдованіе Бобровникова. Этого мало: откуда авторъ

взявъ, что наращеніе слога *аа* не помещаетъ послѣдней гласной? Ученику можетъ легко придти на умъ: какимъ образомъ произошли глаголы *токтоооку* (книжное *токто-аа-ку*), *соктоооку* (внѣш. *сокто-аа-ку*) и др.? Вообще: исполнота правилъ разбираемой грамматики замѣтна въ отношеніи не только разговорнаго, но даже и книжнаго языка, хотя въ разговорѣ употребленіе глагольныхъ формъ несравненно разнообразнѣе, чѣмъ въ литературѣ. Такъ на примѣръ, учащительный залогъ (*саа-сэа*) въ грамматикѣ о. Орлова имѣетъ значеніе только повторяемости дѣйствія, а между тѣмъ это значеніе почти исключительно принадлежитъ ему въ литературѣ; народъ гораздо чаще употребляетъ его въ значеніи учащительнаго: такъ Бурятъ, повстрѣчавъ на дорогѣ толпу народа, кричитъ всѣмъ вмѣстѣ: *мэнду сайн хбосачаччи байма-у!* Даже этихъ самыхъ обыкновенныхъ формъ не замѣтилъ авторъ, и мы не ошибаемся, кажется, если скажемъ, что въ трактатѣ о производствѣ глаголовъ и ихъ залоговъ онъ наговорилъ только неопредѣленностей, и что замѣтки его о разговорныхъ особенностяхъ языка ограничиваются лишь указаніемъ замѣны въ частицахъ буквы *ч* буевою *с*.

Дальнѣйшее объясненіе формъ глаголовъ, и прежде всего, наклоненія повелительнаго заключаетъ въ себѣ раздѣленіе послѣдняго на настоящее и будущее время; но это, собственно говоря, совершенно бесполезно и произвольно, потому что не имѣетъ никакого основанія въ языкѣ: *ааа*, *убей*, можетъ одинаково относиться какъ къ настоящему времени, такъ и къ тому дѣйствию, совершеніе котораго предполагается черезъ десятки лѣтъ. То же самое можно сказать и объ окончаніи *хтун*, которое приписываетъ авторъ балаганскому нарѣчію вообще, но которое мы ни разу не слышали у Бурятъ Хоринскаго и Агинскаго вѣдомствъ, говорящихъ всегда *хтуй*.

Въ изъявительномъ наклоненіи, раздѣленномъ на формы описательную и повѣствовательную, въ грамматикѣ о. Орлова вездѣ соблюдается въ отношеніи къ собственно глагольнымъ формамъ наращеніе мѣстоименій, хотя и въ сокращенномъ видѣ *б*, *и*, *бди* и пр. Такое понятіе о спряженіи глаголовъ, внесенное въ грамматическія замѣтки о бурятскомъ языкѣ впервые Кастреномъ, дало поводъ Максу Мюллеру отличать законы бурятскихъ спряженій отъ всѣхъ другихъ монгольскихъ нарѣчій¹⁾. Но намъ кажется, что узаконеніе такихъ спряженій положительно не допустимо. Мы не хотимъ оспаривать того,

¹⁾ Лекція по языку о языкѣ. М. Мюллеръ. СПб. 1865, стр. 2. 8.

что мѣстоименія являются иногда послѣдующими глагольными флексіямъ описательной и повѣствовательной формъ и при быстротѣ говора сливаются съ ними, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ бурятскомъ языкѣ лица глагола дѣйствительно отличались мѣстоименными приставками. Мы видимъ, что на ряду съ этими, соединенными съ приставочными мѣстоименными глагольными формами, существуютъ и свободныя отъ мѣстоименныхъ приставокъ, заключающія въ себѣ одну только глагольную флексію; слѣдовательно, приставка мѣстоименія не составляетъ существенной принадлежности флексіи, и послѣдняя можетъ обойтись и безъ этой приставки. Дѣло грамматики, слѣдовательно, указать, въ какихъ случаяхъ являются эти сличенія мѣстоименій съ глагольной флексіей, а не навязывать этой флексіи какъ необходимость; — то, безъ чего она легко можетъ обойтись и дѣйствительно обходится. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, невозможно на этомъ основаніи отличать бурятское нарѣчіе отъ другихъ монгольскихъ нарѣчій: приставка мѣстоименій къ глагольнымъ флексіямъ свойственна всѣмъ имъ, хотя и не у всѣхъ употребляется въ одинаковой степени. Что у Бурятъ эти приставки мѣстоименій встрѣчаются чаще, это справедливо, но онѣ все-таки существуютъ самостоятельно и независимо отъ флексій глагольной формы. Въ доказательство беремъ примѣръ изъ представленнаго въ той же грамматикѣ отца Орлова на стр. 262.

Дэз ши юнду идемъ мими идэбэ? Аян харуу ду ябусан гун иде туэй изсэн идэси идэбэ би. Дзуб. Бага намат юнду хатхуба? юбэ.

Какъ видно, вопросы ядутъ во 2-мъ лицѣ единственнаго числа, и ни одна глагольная приставка не имѣетъ у себя наращенія мѣстоименія 2-го лица. Могутъ сказать, что въ первомъ предложеніи мѣстоименіе находится впереди, и 2-е лицо глагола опредѣляется смысломъ; это совершенно вѣрно, но глагольная форма существуетъ все-таки безъ мѣстоименной приставки; во второмъ вопросѣ мѣстоименія нѣтъ ни въ концѣ, ни въ началѣ, и это еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе о безразличіи личныхъ окончаній въ бурятскомъ глаголѣ и о единственно возможномъ опредѣленіи ихъ по смыслу. Между оригинальными бурятскими сочиненіями, какъ извѣстными, есть одно довольно распространенное между Бурятами и написанное чисто народнымъ языкомъ: это — путешествіе въ Тибетъ хамбо-ламы Заяева ¹⁾; авторъ, описывая свои походы, но неважѣ долженъ говорить въ первомъ лицѣ, но онъ не ставитъ ни одиѣ

1) Зая Ламатайн убер'ун домог'ини айладухсам царлык. въ рукописи.

глагольной формы съ приставкою личного мѣстоименія. О Орлову, вѣроятно, также извѣстно это произведение (второе же надѣемся въ непродолжительномъ времени обнаружить въ печати), да и вообще автору грамматикъ въ теченіе 40-лѣтнихъ занятій можно было бы и во многихъ другихъ бурныхъ произведеніяхъ прийти къ истинному заключенію о составѣ формъ глагольн., а не важничать своими сужденіями у людей, хотя и приобретающихъ европейскую извѣстность, но очевидно поверхностно ознакомившихся съ дѣломъ.

Продолжая даѣе изслѣдованіе о дѣяпричастіяхъ, грамматика говоритъ, что дѣяпричастіе раздѣлительное въ словахъ, оканчивающихся въ корнѣ (глагольномъ?) на престою гласную, образуется присоединеніемъ одной согласной *т*. Это не справедливо: наращается всегда *ат*, почему послѣдняя гласная дѣяпричастія раздѣлительнаго и превращается всегда изъ короткой въ долгую, о чемъ умалчиваетъ о. Орловъ. Это признаніе наращенія *ат* дѣлаетъ затѣмъ понятнымъ и появленіе долгаго звука *я* въ глаголахъ, оканчивающихъ свой корень на *а*, а между тѣмъ грамматика дѣлаетъ изъ сего безполезное раздѣленіе. Вообще это ненужное раздѣленіе спряжений показываетъ, что авторъ вовсе не уяснилъ себѣ духа и характера языка, а напротивъ спутывалъ дѣло такъ, что его трудно распутать и знающему, а не только понять учащемуся. Въ примѣрахъ, къ 1-му спряженію причисляются авторомъ такъ-называемые недостаточные существительные глаголы, а во 2-му — всѣ глаголы коренные и производные. Казалось бы, что дѣло помончено, но затѣмъ является еще третье спряженіе, въ которомъ спрагаются причастія, и все это свряженіе состоитъ въ томъ, что къ причастіямъ всѣхъ временъ приставляется мѣстоименіе личное. О важности послѣднего для рѣчи мы уже говорили: оно можетъ сопутствовать глаголу, но можетъ быть и опущено не только при глагольной и причастной формѣ, но и въ цѣломъ предложеніи. Затѣмъ слѣдуетъ подъ рядъ спряженіе двухъ причастій съ приставкою тѣхъ же мѣстоименій, затѣмъ — спряженіе причастія, соединеннаго съ существительнымъ *юма* и личнымъ мѣстоименіемъ; то-есть, причастіе и существительное, какъ части рѣчи, не спрягаемыя ни въ какомъ языкѣ, остаются и здѣсь неизмѣнными — мѣняется только приставляемое къ нимъ мѣстоименіе, не составляющее важности въ рѣчи. Наконецъ, слѣдуетъ спряженіе стоящихъ подъ рядъ двухъ причастій, существительнаго *юма* и глагола съ приставкою мѣстоименій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ было уже замѣчано измѣняется одинъ глаголъ: къ чему же здѣсь безполезныя

приставки двухъ причастій и существительнаго имени? Что монголо-бурятскій языкъ допускаетъ у себя такого рода построение предложений, — это вѣрно; но не лучше ли было сообщить объ этой характеристичной особеннѣсти языка въ трактатѣ о сочиненіи предложений? Теперь же авторъ дошелъ до такого заключенія, что у него и прилагательныя имена спрягаются, находясь въ связи съ существительными и глаголами. Пожалуй, и по русски можно спрягать: я былъ знающій человекъ, ты былъ знающій человекъ, онъ былъ знающій человекъ; это будетъ то же самое, что по бурятски *мэдэм-юма билай*. Но дѣло въ томъ, относится ли здѣсь спряженіе къ прилагательному имени и къ существительному, или спрягается глаголь, а прилагательное и существительное стоятъ въ рѣчи независимо отъ него? Наконецъ, есть еще въ грамматикѣ о Орлова и 4-е спряженіе, примѣры котораго представляютъ соединеніе глаголовъ съ частицами вопроса, отрицанія, сомнѣнія и силы. Собственно особыхъ какихъ-либо измѣненій при сочетаніи съ этими частицами глаголь не терпитъ; спряженіе остается одинаковымъ, и совершенно достаточно было бы сказать, что эти частицы поставляются у Бурятъ позади глагольной флексіи, но впереди личнаго мѣстоименія, если оно поставляется на концѣ; автору однако было не достаточно этого: онъ сдѣлалъ изъ представленнаго правила цѣлое отдѣльное спряженіе. Какая же цѣль этого? Совершенно отказываемся понять; и если авторъ составилъ 4-е спряженіе изъ *мрэсэн-уэй-б*, то почему бы не составить еще и пятое изъ *мрэсэн-уэй бійзэ-б*, шестое — изъ *иреджсэн-уэй бійзэ-б*, седьмое — изъ *иреджсэн уэй-бийзэ-лэ-б*. Всѣ эти сочетанія словъ совершенно въ характерѣ рѣчи, почему было не сдѣлать изъ нихъ отдѣльныхъ спряженій?

Но довольно о глаголахъ. Трактатъ о частицахъ, заканчивающій первую часть грамматики, ничѣмъ не отличается отъ предыдущихъ: въ немъ все точно также растянато и перепутано. Такимъ образомъ слово *агаа* — причисляется здѣсь и къ нарѣчіямъ, и къ послѣрѣчіямъ; *адана* — къ послѣрѣчіямъ и въ союзамъ, *тула* — также къ послѣрѣчіямъ и къ союзамъ, *дэми*; вверхъ, — нарѣчіе, а *дэрсэ*, сверху, — послѣрѣчіе, и т. д.

Вторая часть грамматики рассматриваетъ употребленіе словъ въ предложеніяхъ, и здѣсь особенно ярко бросается въ глаза своеобразное понятіе автора о прилагательныхъ качественныхъ. По общепринятому значенію, качественными прилагательными называются тѣ имена, которыя указываютъ свойства предметовъ безотносительно,

почему и способны они замѣнять собой или существительное. Указаніе на эту способность составляетъ первый пунктъ трактата отъ Орлова о прилагательныхъ, но прежде же примѣры какъ-бы нарочито поставлены для того, чтобы обить учениковъ съ толку.

Залуухи үэр —

юрта молодыхъ.

Үзэхэн-дэлдэй, үзэ үзэй байлай — видѣвшій — морская пучина, не видѣвшій — дурчина.

Прежде всего замѣтимъ, что надъ словомъ *үзэ үзэй* не находится долготы гласной, о которой говорилъ авторъ въ § 107; это однако еще не бѣда, тутъ виноватъ, можетъ быть, издатель или корректоръ; но неужели въ самомъ дѣлѣ такія слова, какъ молодые (въ значеніи — новобрачные), можно считать за прилагательное качественное? Этого мало: авторъ считаетъ качественнымъ прилагательнымъ слово „видѣвшій“, которое не только не можетъ быть названо качественнымъ, но даже и вообще не можетъ быть причислено къ прилагательнымъ. Разъ причисливъ прилагательныя относительныя къ качественнымъ, о. Орловъ продолжаетъ дальше давать имъ и степени сравненія. Такимъ образомъ превосходная степень такихъ качественныхъ именъ выражается у него повтореніемъ одного и того же слова:

Нархан нархан шибэнъ. По русски перевести это мы не рѣшаемся. *Нархан* значить — сосна; поставленное предъ существительнымъ, оно можетъ значить — сосновый, но превосходной степени, которую нашелъ здѣсь о. Орловъ, оно не имѣетъ, и если онъ хотѣлъ говорить о томъ, какъ выражается въ бурятскомъ языкѣ исключительность свойствъ предмета, то для этого, конечно, не мѣсто въ трактатѣ о превосходной степени качественныхъ прилагательныхъ.

Касательно вѣрности представленнаго замѣчанія, что прилагательными относительными выражается иногда въ бурятскомъ языкѣ имя существительное, мы ничего не имѣемъ сказать; но представленные въ грамматикѣ примѣры почти всѣ не соответствуютъ духу бурятскаго языка. *Албату* значить не инородецъ, а данникъ, подданный: въ частности же для слова инородецъ Буряты употребляютъ выраженіе *бусу турульту*, выговаривая его именно такимъ книжнымъ образомъ.

Мэхэши юрту — лицемѣръ. Трудно представить, чтобы у Бурятъ образовалось такое слово для означенія понятія лицемѣръ, и намъ неоднократно случалось слышать, что они, вмѣстѣ съ Монго-

лами, употребляютъ въ этомъ смыслѣ одно слово *мажамы*, которое само по себѣ, какъ существительное, производное отъ слова *мажъ*, означаетъ „лицемѣръ“, приставка же *мюрю* очевидно составляетъ руссизмъ. Также точно по образцу русской рѣчи составлено слово *ханултайгаръ*, „съ удовольствіемъ“.

Я говорилъ уже, что разбирать подробно грамматику о. Орлова нѣтъ возможности, и это особливо относится къ его переводамъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ устной бурятской литературы: здѣсь пришлось бы говорить почти о каждомъ примѣрѣ, потому что въ бурятскомъ текстѣ видны недописки, а въ русскомъ неточность и подчасъ положительная невѣрность переводовъ. Такъ, къ § 161-му считаемъ долгомъ прибавить, что *ю* замѣняетъ собою вопросительное мѣстоименіе „который“ только въ томъ случаѣ, если оно поставлено въ родительномъ падежѣ; нельзя сказать *юи нуль*, какъ говоритъ грамматика, то-есть, оставивъ *юи* въ имен. падежѣ, а—*юнай нуль*,—или *юи нуль*. Правда, что при быстротѣ говора въ бурятской рѣчи отъ этой частицы родит. падежа *и* въ словѣ *юи* остается только придыханіе, смягчающее конечное *и*—*юнь*; но оно все-таки не даетъ намъ права считать слово за стоящее въ имен. падежѣ и измѣнять основные законы построения рѣчи. Въ указаніяхъ объ употребленіи слова *бэе* авторъ приводитъ слѣдующій примѣръ: *энэ бэин сайханин эрдэм билнэ хусэнду*, и переводитъ его такъ: „И я буду хорошъ силой ума да разума“. Этотъ переводъ положительно не вѣренъ; чтобы указать смыслъ и составъ этого предложенія, предлагаемъ его грамматическій разборъ: часть предложенія—подлежащее обозначается здѣсь притяжательною частицею *ин*, или *ину*; частица эта приставлена къ слову *сайханъ*, что значить буквально „хорошенькое“ (здѣсь оно можетъ быть замѣнено въ русскомъ языкѣ существительнымъ съ значеніемъ „доброкачественность“); и такъ, подлежащее—*сайханин*. Слово *бэин* (буквально тѣло, здѣсь же лучше можетъ быть употреблено значеніе—существо, или бытіе) поставлено въ род. падежѣ по зависимости отъ слова *сайханин*; далѣе, пожалуй, разборъ для автора не нуженъ; буквальный переводъ этого предложенія долженъ быть слѣдующій: „этого тѣла хорошенькое его“, или что то же—„настоящаго существа доброкачественность его (обосновывается) на силѣ ума, разума“. Вообще эта частица *ни* или *ин*, кажется, чрезвычайно смутно понимается авторомъ, и потому онъ зоветъ ее то частицей силы, то частицей соединенія. Въ трактатѣ о раздѣленіи именъ въ предложеніяхъ, § 167, она привела его къ странному заключенію, что въ бурятской рѣчи

имена раздѣляются при посредствѣ соединительныхъ частицъ. Но видимо, какъ примѣръ сего, авторъ привелъ предложение: *Аман монгол хоери алмин дора*, буквальный переводъ котораго таковъ: „золото и серебро, — которое изъ нихъ важнѣе“? Соединительной частицы въ этомъ предложении мы совершенно не видимъ; что же касается частицы *им*, то она, какъ уже было сказано выше, есть частица притяжанія, поставляемая притомъ и для означенія подлежащаго. Частица эта не есть союзъ и не коренная, каковою считается о. Орловъ въ § 137, а составляетъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Алексѣй Бобровниковъ, остатокъ отъ древняго мѣстоименія 3-го лица; подтвержденіе этой догадки Бобровникова мы имѣемъ теперь въ текстѣ Юань-чао, гдѣ эта частица употребляется не какъ только притяжательная, послѣдуя за именами и глаголами, а какъ самостоятельное слово. Напримеръ: *Ам тархаурунъ барахасу*, „когда они разошлись“ и т. д. Что касается употребленія ея въ помннутомъ предложении, то здѣсь, какъ притяжнціе, она образуетъ рѣчь по характеру построенія совершенно подобную построенію греческой, гдѣ одинаково употребляется *τις ἀνὴρ*, или *τις ἕξ ἀνδρῶν*; *τις ὄρνις* или *τις ἕξ ὀρνῶν*. Несомнѣнно, что всѣ эти неправильности перевода въ происхождѣ отъ того, что авторъ нигде не изучалъ языка, анализируя логически его составные элементы, не давалъ себѣ серьезнаго отчета въ построеніи бурятской рѣчи и не поставилъ важности въ изученіи ея духа и законовъ ея построенія. Не ознакомившись такимъ образомъ съ отдѣльными этимологическими частицами, онъ естественно не узнавалъ ихъ, если еще, по характеру бурятской рѣчи, частицы эти принимали на себя въ предложении нѣсколько другой видъ: онъ считалъ ихъ въ этомъ случаѣ или совершенно отдѣльными членами рѣчи, или наизводалъ имъ другое значеніе. Та же самая частица *им*, явившаяся въ видѣ *и* въ § 172, уже принимается о. Орловымъ за суффиксъ винительнаго падежа, и это даетъ ему поводъ къ составленію цѣлаго отдѣленія, въ которомъ говорится, что винительный падежъ поставленъ для показанія того, что въ словѣ заключается особенная сила, логическое удареніе. *Аба эдэн сурнам сайхан* — буквальный переводъ: „Ватюшка царь наставляете его прекрасно“. *Журлоо орбли сайхан* — „Шесть благословеній прекрасны“. Въ томъ и въ другомъ случаѣ *и* поставлено какъ частица для означенія подлежащаго, и винит. падежа здѣсь никакого и не можетъ быть ни по русскому, ни по монгольскому построенію рѣчи. Такого рода переводы примѣровъ и основанные на нихъ правила, кажется, лучше

всего свидѣтельствуютъ о достоинствѣ грамматики и о непригодности ея для нашихъ училищъ на столько же, на сколько непригодны оказались для самой грамматики критическіе осмотры авторомъ устной словесности бурятской.

Не менѣе замѣчательна та нелогичность, съ которою авторъ представляетъ собранныя имъ правила въ своей грамматикѣ. Въ этимологіи, какова бы она ни была, онъ рассматривалъ употребленіе въ языкѣ каждаго слова отдѣльно, говорилъ о способахъ образованія чиселъ и различныхъ падежей въ склоненіяхъ, временъ въ спряженіяхъ и т. д. Вторую часть онъ озаглавиваетъ: „употребленіе словъ для образованія предложений“... Естественно ожидать здѣсь разсмотрѣнія, какъ и въ какомъ случаѣ употребляются въ рѣчи тѣ или другія формы слова, о которыхъ говорилось въ этимологіи. На дѣлѣ однако совсѣмъ не то. Въ трактатѣ объ употребленіи чиселъ авторъ не представляетъ ни особенностей, какія выработались въ языкѣ отъ употребленія чиселъ, ни случаевъ, въ которыхъ народное употребленіе допускаетъ замѣну одного числа другимъ, однимъ словомъ, ничего не говоритъ о томъ, какъ прилагаются на дѣлѣ уже извѣстныя изъ этимологіи формы чиселъ. Такимъ образомъ прямая задача—показать употребленіе чиселъ остается, совершенною не исполненною. О чемъ же авторъ говоритъ здѣсь? А говоритъ онъ о томъ, что синонимы имѣютъ у себя свойство означать множественное число, что числительными обладаютъ той же способностію; однимъ словомъ, онъ отнесъ сюда то, что должно было бы рассматриваться совсѣмъ въ другомъ отдѣлѣ. Свойства именъ числительныхъ при употребленіи ихъ въ рѣчи, кажется, всего лучше было бы рассмотреть въ трактатѣ объ именахъ числительныхъ, а не занести разсмотрѣніе ихъ во множественное число. Да и вообще мы совершенно не понимаемъ системы, которой держался авторъ въ изложеніи своей грамматики. Толкуя о прилагательныхъ относительныхъ, онъ въ § 152 говоритъ, что прилагательныя эти замѣняютъ собою существительныя, въ § 153, — что ими замѣняются нарѣчія, а замѣчая, что они замѣняютъ глаголы, отнесено къ трактату о глаголахъ. Потому это такъ и по какой логикѣ въ главу объ употребленіи глаголовъ заняло разсмотрѣніе свойствъ прилагательныхъ относительныхъ — объяснить себѣ трудно, равно какъ не съ разу догадаешься и о томъ, что въ трактатѣ объ употребленіи множественнаго числа можетъ зайти правило, по которому при стеченіи въ предложеніи нѣсколькихъ дополнительныхъ или опредѣлительныхъ словъ, стоящихъ въ косвенномъ падежѣ, эта

частица косвеннаго падежа приставляется только къ послѣднему изъ нихъ. Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что авторъ, составляя свою грамматику, не имѣлъ никакой системы и заботился только о томъ, чтобы написать побольше, не разбирая вѣрно ли оно, или не вѣрно, относится ли къ дѣлу, или не относится; это замѣчается не въ одномъ только размѣщеніи правилъ по отдѣламъ, но одинаково проявляется въ отдѣльныхъ примѣрахъ и даже въ отдѣльныхъ словахъ. Мы видѣли уже, что на падежъ винительный представлялись примѣры, въ которыхъ объ этомъ падежѣ не было и помину, но это, пожалуй, случилось по невѣдѣнію автора; а вотъ на падежъ исходный такъ авторъ уже сознательно представляетъ примѣры съ падежомъ винительнымъ. Падежъ исходный, говоритъ онъ, ставится при глаголахъ стидиться, бояться и т. д. Напримѣръ, *Тэйши омилая айба*, „убоялся идти туда“. Мы не можемъ подумать, чтобы этотъ примѣръ былъ представленъ авторомъ по незнанію; здѣсь онъ не могъ смѣшать одинаковыхъ частицъ различнаго значенія, ибо въ объясненіи формъ, отличающихъ падежъ исходный, онъ никогда не заявлялъ, чтобы гласная я служила когда-либо суффиксомъ исходнаго падежа.

Въ разсмотрѣніи употребленія въ рѣчи глаголовъ вспомогательныхъ, среднихъ и дѣйствительныхъ грамматика не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній относительно умѣстности того или другаго употребленія, о заогодахъ же не говоритъ почти ничего, кромѣ того, что они по своему назначенію совершенно соответствуютъ залогамъ русской рѣчи. Впрочемъ, въ трактатѣ о залогахъ авторъ назвалъ еще нѣкоторые залогі: начинательный, продолжительный, окончательный, внезапный или удивительный. Разсматривая однако примѣры, мы не во всемъ сходимся съ авторомъ. Возьмемъ хоть залогъ начинательный. Примѣръ его: *Ничиши хур хуран уюер, идегани идеи уюер уиматимба*. Останавливаетъ на себѣ вниманіе собственно слово *уиматимба*, въ которомъ мы видимъ ничто иное, какъ слагіе двухъ глаголовъ — *уимат* (заслушавши), собственно означающаго дѣйствіе предмета, и *очуба* (бурят. *очуба*), глагола вспомогательнаго, приставляемаго ко всѣмъ среднимъ для показанія продолжительности и окончательности дѣйствія, также точно, какъ съ этою цѣлью приставляется у Бурятъ къ дѣйствительнымъ глаголамъ вспомогательный — *орхису* или *осису*. Въ живой рѣчи эти глаголы иногда являются во всей своей полнотѣ, какъ то видно изъ примѣра, представленнаго авторомъ въ § 179, а иногда подъ вліяніемъ предшествующаго слова и быстроты произно-

щенія сокращаются на самые разнообразныя манеры въ количественномъ отношеніи. И такъ, намъ кажется, что здѣсь пока нѣтъ никакого залога, а если онъ есть, то никакъ не начинательный, а продолжительный, или окончательный. Автору показалось, что слово это нужно перевести „сталъ засипать“, онъ и называетъ залогъ начинательнымъ; мы же переводимъ „заснулъ“, и намъ кажется, что тутъ залогъ окончательный. Мы не знаемъ, что сказалъ бы авторъ въ подтвержденіе своего мнѣнія; сами же мы, доказывая наше мнѣніе, будемъ основываться хоть на разборѣ тѣхъ же примѣровъ залога окончательнаго. Въ нихъ мы видимъ проявленіе того же самаго глагола и въ той же самой формѣ, только въ представленныхъ примѣрахъ послѣдовало еще большее сокращеніе *уноэ уэй балаот* (или *большими*) *ошибка*. Наконецъ, о. Орловъ нашелъ еще смѣшанный залогъ, который однако не могъ даже и опредѣлить никакой частицею, а слѣдовательно, и не даетъ о немъ никакого понятія.

Въ разборѣ наклоненій и различныхъ формъ ихъ господствуютъ положительно тѣ же недостатки, то-есть, или неумѣніе переводить примѣры, или совершенный произволъ въ переводѣ ихъ, а отсюда—накопленіе правилъ совершенно не идущихъ къ дѣлу и ничего не объясняющихъ. „Форма желательная выражаетъ желаніе“. Противъ этого опредѣленія ничего нельзя сказать; но что она выражаетъ также предположеніе и возможность этого мы изъ представленнаго примѣра не видимъ. *Бы уно мадэ уэйэ мадэсэйб*. Мы переводимъ это такъ: „о, еслибы я узналъ те, чего не знаю теперь!“ Форма желательная; о предположеніи же и возможности здѣсь нѣтъ ни слова. То же самое утверждаемъ мы и относительно обозначенія желательною формою *цѣли*.

Прошедшее неопредѣленное поглаговательной формы, говоритъ авторъ, — выражаетъ настоящее неопредѣленное время, и въ доказательство сего онъ приводитъ примѣръ: *Мюн саша абуба, озюэйи баа байба*. Авторъ переводитъ эту фразу такъ: „Бѣдетъ дальше, ему попадается пчелиный медъ“. Съ какой стати форма прошедшаго времени переводится формою настоящаго, — неизвестно, и едва ли будетъ извращеніе смысла фразы или нарушеніе въ переводѣ правильности русскаго языка, если мы, согласно требованію бурятскаго текста, скажемъ: „Нѣбжалъ дальше, попался ему пчелиный медъ“. Тотъ же произволъ перевода видѣтъ и въ замѣнѣ этого прошедшаго неопредѣленнаго будущимъ неопредѣленнымъ: *Хасты зар артажи эбэжи адаба*. — *Хартуй*. „Царская рука не въ силахъ будетъ подобрать

веревки. — Дорога*. На какомъ основаніи вставлено здѣсь слово „будеть“ а вслѣдъ за симъ и всей фразѣ приданъ смыслъ будущаго времени? Основаній для того положительно нѣтъ никакихъ, кромѣ какого-то необъяснимаго произвола автора, старающагося навязать рѣчи то, чего въ ней вовсе нѣтъ.

Трактатъ о дѣепричастіяхъ, занимающій цѣлыхъ восемь страницъ, также оказывается совершенно бесполезнымъ. Прежде всего онъ не объясняетъ вовсе, когда уместно въ рѣчи употребленіе того или другаго вида дѣепричастія, и не полагая никакого дѣйствительнаго различія между ними, говоритъ о каждомъ изъ первыхъ трехъ отдѣльно, что оно употребляется какъ дѣепричастіе, какъ наклоненіе изъявительное и какъ наклоненіе неокончательное. Мы говоримъ: не полагая никакого дѣйствительнаго различія, потому что тѣ ограниченія, которыя ставитъ авторъ какъ бы для опредѣленія употребленія того или другаго дѣепричастія, суть слова, не имѣющія никакого значенія; доказательство этого лучше всего можно видѣть въ томъ, что примѣры одного отдѣла могутъ быть совершенно переведены по правиламъ другаго; съ другой стороны, и самые примѣры, представленные авторомъ, не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Такимъ образомъ дѣепричастіе соединительное, по правилу отца Орлова, означаетъ изъявительное наклоненіе съ союзами соединительными причины, времени. Какъ примѣръ этого, авторъ приводитъ: *Итиажси гертэн ирэжи* — „Повѣрили и пошли въ домъ его“. Почему же не перевести дѣепричастіе дѣепричастіемъ же? „Повѣривъ, пошли въ домъ его“. Намъ кажется, что смыслъ рѣчи отъ такого перевода не утратится, и въ то же время переводъ этотъ будетъ не произвольнымъ, а соотвѣтствующимъ тексту.

Въ разборѣ употребленія описательнаго спряженія авторъ самъ сознается, что трудно со всею точностію опредѣлить—чѣмъ отличается спряженіе описательное отъ обыкновеннаго. Мы скажемъ, что ничѣмъ, ибо въ описательныхъ спряженіяхъ, какъ и въ простыхъ, измѣняется только одинъ конечный глаголь, и по обыкновеннымъ правиламъ спряженій, причастіе же или дѣепричастіе, составляющее вторую часть описательной формы, остается неизмѣннымъ. Но дѣло въ томъ, что въ главѣ объ употребленіи описательныхъ формъ вовсе и не мѣсто говорить о томъ, чѣмъ различаются формы описательныхъ спряженій отъ обыкновенныхъ. Отказавшись такимъ образомъ отъ всякихъ объясненій употребленія описательныхъ формъ спряженія, отецъ Орловъ представляетъ примѣры на всѣ избобрѣтенные имъ виды описательнаго

часть есѵ1, отд. 2.

спряженія; разбирать ихъ мы отказываемся, потому что не желаемъ говорить о какомъ-то мудреномъ спряженіи именъ. Впрочемъ, чтобы показать, на сколько значительны заслуги автора по представленію примѣровъ, и на сколько переводы ихъ могутъ уяснить дѣло ученикамъ, беремъ одинъ изъ нихъ: *Гурбан хайхан хатунтайи хубиту хуэ уэйиш*. Авторъ переводитъ это предложеніе такъ: „Имѣешь ты три хорошенькихъ жены, но такой, которая приносила бы тебѣ счастье, у тебя нѣтъ“. Первая половина перевода вѣрна, вторая составляетъ положительную фантазію автора: *хубиту* значить „судьбою назначенный, суженый“, *хуэ* отъ *ху*, сынъ, стоитъ въ вин. падежѣ съ притяжаніемъ, *уэйиш* нѣтъ; по сему разбору сказанная фраза *хубиту хуэ уэйиш* должна быть переведена: „а суженаго сына у тебя нѣтъ“.

Употребленіе частицъ вопроса, отрицанія, сомнѣнія и утвержденія разсматривается въ грамматикѣ отца Орлова едва ли не полнѣе всѣхъ другихъ частей рѣчи, а потому въ этомъ отдѣленіи и больше всего является промаховъ. Такимъ образомъ, частица *биши*, по правиламъ грамматики, употребляется, во первыхъ, при полуютрицаніи. Само собою разумѣется, что это выраженіе „при полуютрицаніи“ представляетъ крайнюю степень неопредѣленности. Частица *биши* употребляется въ бурятской рѣчи тогда, когда необходимо показать, что признакъ, приписываемый предмету рѣчи, къ нему не относится, но что ему принадлежитъ другой. Это единственный смыслъ, который имѣетъ частица *биши*; оттого она никогда и неспособна означать въ собственномъ смыслѣ отрицанія полнаго, каковое значеніе приписываетъ ей авторъ, равно неспособна замѣнять и союзъ: не только, но, и. Представленный авторомъ примѣръ *тимэ биши* по духу бурятской рѣчи не составляетъ полнаго отрицанія, а предполагаетъ только или другой предикатъ для предмета рѣчи, или неполноту предиката, приписаннаго предмету; равнымъ образомъ, и *уно биши* не значить „теперь нѣтъ“, а имѣетъ смыслъ и должно переводиться словами „не теперь“ (а въ другое время); выраженіе *хулэръ торху биши, хурэрэ торху* невозможно переводить согласно автору: „не только спотыкается ногами, а и словами“, а должно перевести: „не спотыкается ногами, а словами“. Особенно богатымъ ошибками и произвольными толкованіями представляется трактатъ о частицахъ силы. Мы уже говорили о частицѣ притяжанія *ину*, которая здѣсь снова разсматривается во всѣхъ своихъ разнообразныхъ измѣненіяхъ, какъ частица силы; впрочемъ, отецъ Орловъ, кажется, и самъ не скрываетъ того, что онъ говоритъ не только о дѣйствительныхъ фактахъ языка, но

и о томъ, что онъ думаетъ въ немъ видѣть: частица *иши*, употребляемая собственно у Бурятъ какъ частица обобщенія, у него „по видимому“ придаетъ слову какую-то силу; на этомъ основаніи онъ, не разбирая, какая это сила, тоже вклеиваетъ ее въ этотъ трактатъ. Затѣмъ такимъ же порядкомъ вошли сюда и притяжательныя на б м ш и т. д.

Второй отдѣлъ второй части грамматики говоритъ о сочиненіи предложеній и начинается изложеніемъ замѣчаній относительно формъ, въ которыхъ является въ бурятской рѣчи подлежащее и сказуемое. Замѣчанія эти хотя и кажутся довольно обширными, однако не прибавляютъ особенно много свѣдѣній, потому что въ большинствѣ случаевъ составляютъ повтореніе того, что говорилось въ первомъ отдѣлѣ, съ тою лишь разницею, что прежде авторъ говорилъ, что форма приказательная выражаетъ приказаніе, повелѣніе, просьбу, а теперь говорить, что сказуемое повелѣнія выражается формою приказательною, сказуемое просьбы — также формою приказательною и т. д. Гораздо болѣе новизны представляетъ трактатъ о предложеніи составномъ; подъ симъ послѣднимъ авторъ разумѣетъ прежде всего такое предложеніе, въ которомъ главные члены отдѣлены второстепенными эпитетами, синонимами, противными и дополненіями. Первый примѣръ эпитета у него слѣдующій: *Убулимъ хубсасу умусужуй*, — Надѣньте свое зимнее платье*. Въ примѣръ синонима представляется: *Аманда муылдэ урулда орѣдохо нюжи яда балби*. — „Не могу утаить перстня во рту, за деснами, за губами“. Мы не будемъ здѣсь распространяться о неправильности представленныхъ примѣровъ и ихъ переводовъ, но неужели гдѣ-либо въ мірѣ понимаются такимъ образомъ эпитеты и синонимы, какъ понимаетъ ихъ отецъ Орловъ? Зимній — у него эпитетъ платья, десны — синонимъ рта.

Да и къ чему прилетено сюда толкованіе о синонимахъ и эпитетахъ? Мы понимаемъ, что всѣ эти синонимы и эпитеты имѣютъ для грамматики значеніе только въ томъ смыслѣ, чтобы составить себѣ полное понятіе объ отдѣльныхъ словахъ, что они важны для отчетливаго пониманія законовъ управленія глаголовъ, но въ разборѣ понятій о предложеніяхъ они не имѣютъ никакого значенія; здѣсь всѣ эпитеты и синонимы превращаются въ подлежащія, сказуемыя, слова опредѣлительныя, дополнительныя и т. д. Въ замѣчаніи отецъ Орловъ добавляетъ, что у Бурятъ „много такихъ синонимовъ изъ царства природы и животнаго, кои трудно передать русскими словами“, и потомъ, какъ примѣръ, представляетъ слѣдующія: *Акта, хуэк, унулун, мори* и все это обозначаетъ однимъ понятіемъ „лошадь“. Но *акта* имѣетъ частное зна-

ченіе меринъ, *хулэж*—боевой (а отсюда мощный, возовой) конь, *унгун*—жеребенокъ, а *мори*—значить вообще лошадь. Всѣ же эти четыре слова не синонимы, а выражаютъ различныя понятія.

Въ трактатѣ о предложеніи сложномъ авторъ, упомянувъ о значеніи главнаго предложенія, обращаетъ особенное вниманіе на предложенія придаточныя, которыя для сего раздѣляетъ на нѣсколько отдѣловъ. По словамъ отца Орлова, „придаточное предложеніе бываетъ существительное, если поясняетъ имя существительное. Напримѣръ, ю *хэлу бэлэй мэдэнэ үзэйб*. „Я не знаю, что дѣлать“. Гдѣ здѣсь придаточное предложеніе и гдѣ то существительное, которое оно поясняетъ,—можетъ повѣдать только авторъ грамматики; намъ же на основаніи разсмотрѣнія примѣровъ кажется, что авторъ подразумѣваетъ подъ именемъ существительныхъ придаточныхъ предложеній не тѣ придаточныя предложенія, которыя поясняютъ собою существительныя, а тѣ, которыя могутъ быть замѣнены существительными именами. Подробный разборъ того, какими формами глаголовъ эти существительныя придаточныя предложенія выражаются въ рѣчи, представляетъ ту же спутанность, какую находимъ мы и во всѣхъ другихъ статьяхъ грамматики. Такъ, по § 250 существительное вопрошающее предложеніе высказываетъ себя причастіемъ въ косвенныхъ падежахъ. Напримѣръ: *Модо халханахуи дуулануута*. Нужно ли говорить, что представленный авторомъ примѣръ ясно доказываетъ, что вопросъ выражается здѣсь не причастіемъ въ косвенномъ падежѣ, а настоящимъ временемъ описательной формы глагола? Другіе примѣры совершенно не относятся къ дѣлу. Такъ, эти же вопросительныя придаточныя предложенія, по автору, выражаются „предложеніемъ главнымъ въ соупутствіи словъ вопросительныхъ и глаголовъ: *яху, яхиху, юэху*“. Напримѣръ, *биди шини тэрэ сакту мэдэ үгэй хана байабда, тэмэри дэрэ ю, гадзар дэрэ ю?* Гдѣ здѣсь помннутые глаголы—мы также не видимъ.

Ислѣдованія о придаточныхъ предложеніяхъ прилагательныхъ и обстоятельственныхъ, при чемъ послѣднія для большей ясности раздѣлены еще на причинныя, условныя, уступительныя, соединительныя, дополнительныя, изъяснительныя и пр., не могутъ быть для насъ убѣдительны и имѣть какое-либо значеніе, потому что они основаны по большей части на примѣрахъ, взятыхъ изъ переводовъ Священнаго Писанія, такъ что въ данномъ случаѣ книга отца Орлова является уже не грамматикою монголо-бурятскаго разговорнаго языка, а грамматикою переводовъ Священнаго Писанія на бурятскій языкъ.

На сколько соотвѣтствуетъ эта грамматика дѣйствительному бурятскому языку — явствуетъ ужь изъ того, что ни одинъ изъ бывшихъ доселѣ переводовъ никѣмъ не признается вполне удовлетворительнымъ. Съ другой стороны, примѣры, взятые изъ обыкновенныхъ разговоровъ, или отличаются невѣрностію перевода, или совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ правиламъ, на которыя они представлены. Такимъ образомъ, на предложеніе заключенія или вывода предлагается примѣръ: *эмнэж улаан эрдэмтэйхэн мори би: энэ бага бэе минн эжи абада эрхэхэн.* „Разумный конь только что объѣзженный буланка, это я въ юности подъ ласкою батюшки да матушки“. Есть ли какой-либо смыслъ въ такой рѣчи, и что значить она, или какую мысль думалъ придать ей авторъ, сравненіе ли человѣка съ лошадыю, или что-либо другое, — мы рѣшить не беремъ; но дѣйствительный переводъ сказаннаго стиха бурятской пѣсни будетъ таковъ: „Рыжій неукъ — лошадь съ достоинствами; это маленькое существо мое самовольно у батюшки и матушки“. Такимъ образомъ здѣсь видимъ мы два совершенно отдѣльные равносильныя предложенія; придаточнаго предложенія здѣсь нѣтъ, а тѣмъ болѣе нѣтъ такого, которое заключало бы въ себѣ какой-либо выводъ изъ перваго. Ясно, что переводъ не вѣренъ, и примѣръ этотъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію. А вотъ примѣры на предложеніе, выражающее цѣль: *Салхитай эдур гарху дурам угэй.* „Я не люблю выходить въ вѣтряную погоду“. Второй: *Танду умэни хэлэху.* „Сказать вамъ правду“. Третій: *Харьдан иэйлэхэ хара наран иэйлэй.* „Для освѣщенія горъ служить солнце и мѣсяцъ“. Уже и для знающихъ одинъ только русскій языкъ очевидно, что изъ числа этихъ трехъ предложеній два положительно ни въ какомъ случаѣ не могутъ выражать цѣли; третье же по переводу автора дѣйствительно выражаетъ цѣль, но за то переводъ этотъ передается совершенно не вѣрно; точный и буквальный переводъ этой фразы будетъ таковъ: „Освѣщающія горы, говорятъ, солнце да луна“. Думаемъ, что и здѣсь понятіе о цѣли остается не примѣнимымъ. Почти совершенно одинаковое по построенію съ этимъ послѣднимъ предложеніемъ другое находимъ у отца Орлова уже какъ примѣръ для предложеній, означающихъ отношенія по времени. *Харалажи гарху улэн хара далайн бурэн иэйлэй.* Переводить это отецъ Орловъ такъ: „Когда появляется облако черное, это пары моря чернаго“, и при этомъ переводѣ дѣйствительно какъ будто бы выражается въ предложеніяхъ отношеніе между дѣйствіями по времени. Но откуда взялъ отецъ

Орловъ этотъ смыслъ, когда его вовсе нѣтъ въ текстѣ? „Говорятъ, облако, выходящее чернѣясь,—пары моря чернаго“; вотъ, можно сказать, подстрочный переводъ представленнаго примѣра, и отношеній по времени въ немъ никакихъ не выражается.

Таковы почти и всѣ дальнѣйшіе переводы примѣровъ, взятыхъ изъ народной литературы, то-есть, переводы, сдѣланные лично отцомъ Орловымъ,—та неизбежная почва, на которой основалъ онъ свое зданіе грамматики. Мы почти ничего не говорили объ этомъ зданіи—собственно о правилахъ грамматики, но намъ кажется, что если доказана неправильность перевода примѣра, то само собою дѣлается яснымъ, что основанное на немъ правило, какъ произвольно и совершенно недоказательно составленное, не требуетъ уже никакихъ замѣчаній; иначе сказать—если отвергнуты данныя, то выводъ изъ нихъ падаетъ самъ собою, и пользоваться имъ нѣтъ возможности. Мы не упоминали и не разбирали также тѣхъ примѣровъ, которые заимствованы отцомъ Орловымъ изъ переводовъ Священнаго Писанія на языкъ бурятскій, не упоминали о нихъ потому, что представляется даже страннымъ, какъ возможно основывать правила языка на томъ, что давно уже было признано несоответствующимъ языку. Далѣе, какъ о важнѣйшемъ недостаткѣ грамматики, нельзя не сказать и о томъ, что она сама не соблюдаетъ тѣхъ правилъ, которымъ учитъ; такъ, въ § 258 мы встрѣчаемъ слово *хамтута*, то-есть, *хамту* съ частицею мѣстнаго падежа *та*, хотя въ § 58 грамматика говорила, что частица мѣстнаго или дательнаго падежа *ту* употребляется только послѣ согласныхъ *В, Р, С, Т*; на стр. 70, въ трактатѣ о будущемъ причастіи, авторъ говоритъ, что оно должно оканчиваться на слоги *ху, ху*, и что писать *ха, хо, хэ, хо, ху* (?) нѣтъ основанія, — а между тѣмъ самъ онъ почти никогда не держится своего правила ни въ приводимыхъ на грамматическія правила примѣрахъ, ни въ представляемыхъ имъ образцахъ монголо-бурятской рѣчи, составляющихъ заключеніе грамматики. Образцы эти, предложенные всего на трехъ страничкахъ, были бы самою лучшею частью книги, еслибъ авторъ, не задаваясь несбыточною цѣлью облагодзвучить своимъ правописаніемъ бурятскую рѣчь, представилъ то, что дѣйствительно есть въ языкѣ, да не прилагалъ бы къ этимъ образцамъ своихъ переводовъ. Ученымъ образцы эти представили бы тогда матеріалъ для разработки, а ученикамъ были-бы средствомъ къ познанію языка. Теперь же, при искаженномъ правописаніи, на тексты эти не можетъ положиться ученый, а ученикъ будетъ бесполезно ло-

мать голову, какимъ образомъ изъ даннаго текста вышло то, что далъ въ своемъ переводѣ отецъ Орловъ. Приведемъ для примѣра одно предложеніе изъ этихъ образцовъ. *Аян харуйду ябусан хун идетуэй іэсэн іэджи идэбэби.* „Я съѣлъ потому что путнику надобно поѣсть“. Откуда взялъ авторъ этотъ смыслъ—неизвѣстно; построение рѣчи здѣсь такъ легко, истинная мысль такъ очевидна, что даже подстрочный переводъ этой рѣчи былъ бы возможенъ для выраженія мысли на русскомъ языкѣ, какъ ни различествуетъ русская рѣчь отъ монгольской: (*идэбэби*) я съѣлъ (*іэджи*) думая (*іэсэн*) сказано (*идетуэй*) пусть съѣстъ (*хун*) человекъ (*ябусан*) прошедшій (*аян харуй ду*), по пути, дорогѣ. Очевидно, что старикъ съѣлъ мясо не потому, что путнику надобно поѣсть, а потому что онъ думалъ, что это мясо назначено для пищи путникамъ. Для знающаго бурятскій языкъ ошибка отца Орлова, конечно, очевидна съ перваго раза; но для учениковъ разборъ ея представилъ бы, безъ сомнѣнія, большую задачу. Вообще, предлагая свои переводы примѣровъ, авторъ совершенно опустил изъ виду главную цѣль — показать учащимся духъ монгольской рѣчи, выяснитъ характеръ ея построенія и способы выраженія ея извѣстнаго рода понятій и сужденій. Лучшимъ способомъ для сего можетъ быть, конечно, подстрочный переводъ, а его-то и нѣтъ въ грамматикѣ отца Орлова.

Общій характеръ ея и главнѣйшій недостатокъ состоитъ въ томъ, что она учитъ тому, какъ должно употреблять грамматическія формы бурятскаго языка, а не тому, какъ онѣ въ немъ дѣйствительно употребляются; отсюда естественно вытекаетъ диктаторскій тонъ ея правилъ, ничего не выясняющій учащемуся и поразительный на взглядъ знающаго.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что изъ указанныхъ авторомъ въ предисловіи источниковъ монгольскихъ литературныхъ и народныхъ произведеній, каковы: Монголо-маньчжурскіе разговоры, монгольская поэма Гессеръ-Ханъ, историческія произведенія: Алтанъ тобчи, лѣтопись Саванъ-Сэдена и наставленія сыновьямъ и младшимъ братьямъ Чингисъ-Хана,—въ грамматику не вошло ни одного примѣра, и на основаніи ихъ не составлено ни одного правила. Можетъ быть впрочемъ, авторъ только соглашалъ съ ними живую народную словесность Бурятъ, на которой собственно основалъ свою грамматику, и тогда дѣйствительными источниками для грамматики явятся только народныя пѣсни и сказки, собранныя самимъ авторомъ. Честь и хвала ему за это собраніе, и мы съ нетерпѣніемъ будемъ

ждать обѣщаннаго обнародованія ихъ въ христоматіи отца Орлова; но позволяемъ себѣ выразить желаніе, чтобъ онъ передавалъ рѣчь такъ, какъ она дѣйствительно звучитъ въ языкѣ, не стараясь облаговзвучить ее своимъ правописаніемъ; что же касается самой его грамматики, то мы съ прискорбіемъ должны повторить наше крайнее убѣжденіе въ ея бесполезности: авторъ не умѣлъ критически отнестись къ тому матеріалу бурятской народной рѣчи, который былъ у него подъ руками, не могъ научно разобрать этотъ матеріалъ, а потому и произошла у него невѣрность въ переводахъ и понятіяхъ о строѣ рѣчи, а за симъ — несостоятельность заключеній и правилъ, основанныхъ на ложныхъ выводахъ, или, что то же, безъ всякой почвы.

А. Ноздѣвъ.

Южное Славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. *Л. Доброва.* С.-Петербургъ, 1879.

Судя по заглавію, авторъ вышеназванной книги задался цѣлью — уяснить отношеніе южнаго Славянства къ Турціи и къ заинтересованнымъ въ судьбѣ Балканскаго полуострова европейскимъ державамъ. На самомъ же дѣлѣ содержаніе книги далеко не соотвѣтствуетъ заглавію: оно даетъ больше того, чего можетъ ожидать читатель. Авторъ сдѣлалъ попытку изложить исторію южныхъ Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до настоящей поры; излагаетъ онъ исторію политическую и отчасти литературную. Впрочемъ, изложеніе той и другой не поставлено въ тѣсную связь; развитіе литературы не разсмотрѣно по періодамъ, не указано ея значеніе въ извѣстный періодъ. Въ очеркѣ, какъ исторіи политической, такъ и исторіи литературы, не видно самостоятельнаго и тщательнаго изученія предмета, изслѣдованія по первымъ источникамъ. Впрочемъ, отъ такого изслѣдованія нашъ авторъ самъ сознательно уклонился. Но другой вопросъ: на чемъ онъ основался въ этомъ случаѣ? Г. Добровъ пренебрегъ, на примѣръ, свидѣтельствами современныхъ (съ X до XVI вѣка) писателей въ виду только того поразительнаго соображенія, что „кругъ знаній этихъ писателей былъ, безъ сомнѣнія, гораздо тѣснѣе знаній теперешняго ученика IV класса гимназіи, который никогда не смѣшаетъ Невы съ Евфратомъ, Черногорцевъ съ Китайцами и т. п.“ (стр. 35). Очевидно, нашъ авторъ не признаетъ силы критическаго изслѣдованія. Приведенныя слова

сказаны по поводу вопроса о происхожденіи Болгаръ. Исходя изъ такого невѣрнаго и даже невѣроятнаго въ серьезной книгѣ положенія, авторъ „не берется распутывать хаосъ противорѣчивыхъ намековъ и розказней византійскихъ, готскихъ и другихъ историковъ о происхожденіи Болгаръ“ (ibid.), и въ то же время—не отказывается представить легкій очеркъ этого вопроса. Но объ этомъ ниже. Устраняясь отъ изученія средневѣковыхъ источниковъ, авторъ не считаетъ нужнымъ справляться и съ необходимѣйшими пособіями. Такъ, онъ обвиняетъ „писателей болгарскихъ и цѣлую фалангу славистовъ—Русскихъ, Чеховъ, Сербовъ—въ томъ, что они распространили ложное свѣдѣніе объ обширности Болгарскаго царства, обнимавшаго будто бы весь Балканскій полуостровъ“ (стр. 323); при этомъ случаѣ авторъ затрогиваетъ незабвенную дѣятельность такихъ корифеевъ науки, какъ П. I. Шафарикъ и А. О. Гильфердингъ. Но еслибъ авторъ поближе ознакомился съ ихъ трудами, то убѣдился бы, что ни тотъ, ни другой никогда и нигдѣ не высказывали мнѣнія о принадлежности Болгарскому царству всего Балканскаго полуострова, а что при царѣ Симеонѣ западныя границы болгарскихъ владѣній достигали Адриатическаго моря, о томъ свидѣлствуютъ италянскіе источники.

При подобномъ отношеніи нашего автора къ источникамъ и пособіямъ, неизбежны крупныя ошибки и противорѣчія самому себѣ. Въ настоящей статьѣ мы постараемся указать важнѣйшія изъ такихъ невѣрностей, изъ чего обнаружится и общая невѣрная постановка вопроса въ разсматриваемой книгѣ.

Какъ выше было замѣчено, г. Добровъ уклонился отъ разсмотрѣнія лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ о происхожденіи Болгаръ. Но онъ все-таки счелъ нужнымъ признать предковъ нынѣшнихъ Болгаръ чистыми Славянами, то-есть, примыкаетъ къ теоріи славянскаго происхожденія ихъ, отрицая теорію урало-финскую и среднюю, вѣрно защищаемую Иречкомъ и М. С. Дриновымъ (глава IV). Согласно съ главнымъ защитникомъ славянскаго происхожденія Болгаръ, Д. И. Иловайскимъ, г. Добровъ въ найденныхъ св. Константиномъ (Кирилломъ) въ Херсонесѣ русскихъ книгахъ—Псалтыри и Евангеліи, видитъ болгарскій, то-есть, церковно-славянскій переводъ Священнаго Писанія, и въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ, усматриваетъ „значительную степень политическаго развитія Болгарскаго народа, съ сознательнымъ стремленіемъ къ дальнѣйшему мирному прогрессу“ (стр. 47). Признавъ эту истину, онъ справедливо

указываетъ на то, что было бы немислимо, чтобы болѣе культурный народъ переродился въ народъ, далеко уступающій ему въ цивилизаціи. Но однако каждый въ правѣ потребовать болѣе очевидныхъ фактовъ высшей степени развитія Болгаръ передъ подчинившимися имъ семью Славянскими племенами, чѣмъ тѣмъ голословныя заявленія, что „у Болгаръ VII—VIII вѣковъ мы находимъ князя — выраженіе единства народа, бояръ, ограничивающихъ княжескую власть, и участіе самого народа въ государственной жизни, выражавшееся по преимуществу въ низверженіи нелюбимаго князя“ (ibid.). Можетъ ли авторъ доказать, что этихъ явленій не было въ то же время и у семи подпавшихъ подъ власть Болгаръ славянскихъ племенъ?

Категорически, но въ то же время голословно, безъ ясныхъ доводовъ г. Добровъ утверждаетъ, что „такъ-называемый старо-славянский языкъ, на который переведены первыя священно-богослужебныя книги, не можетъ быть приписанъ ни одному изъ Славянскихъ народовъ и представляетъ собою языкъ нейтральный, въ которомъ смягчены мѣстныя особенности“ (стр. 207—208); но затѣмъ нѣсколько ниже (стр. 212) авторъ говоритъ о непосредственномъ происхожденіи отъ этого нейтральнаго церковно-славянскаго языка нынѣшнихъ нарѣчій болгарскаго и сербскаго: „въ памятникахъ средне-болгарской письменности, — „вырабатывается тотъ особый жаргонъ старо-славянскаго языка, на которомъ говорятъ и пишутъ нынѣшніе Болгары, и который значительно больше удаленъ отъ старо-славянскаго языка, чѣмъ, напримѣръ, сербскій. Знатоку старо-славянскаго языка гораздо болѣе понятенъ языкъ сербскій, чѣмъ болгарскій“. И этотъ старо-славянский языкъ, переродившійся въ языкъ болгарскій, авторъ видитъ уже въ XIV вѣкѣ: „На такомъ языкѣ писали: Тырновскій патриархъ Θεодосій, іеромонахъ Діонисій, Тырновскій патриархъ Евфимій, Виддинскій митрополитъ Іоасафъ, Кипріанъ (съ 1379 г. митрополитъ Кіевскій), Григорій Цамвлякъ, митрополитъ Кіевскій съ 1415 г.“. Трудно себѣ представить большую нелѣпность, чѣмъ приведенное сейчасъ мнѣніе нашего автора о церковно-славянскомъ языкѣ. Нѣтъ надобности доказывать невѣрность основанія такого мнѣнія. Авторъ, очевидно, не знаетъ исторіи славянскаго языка и не знакомъ съ литературой этого вопроса. Такъ, въ числѣ ученыхъ приписывавшихъ и приписывающихъ изобрѣтеніе славянской азбуки св. Кириллу, ста-

вить и преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) (стр. 206) ¹⁾, тогда какъ на самомъ дѣлѣ послѣдній изобрѣтеніе азбуки относитъ къ болѣе раннему времени—къ половинѣ VII в., и приписываетъ Кириллу Каппадоко-Солунскому ²⁾. Наконецъ, авторъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса о церковно-славянскомъ языкѣ безъ надлежащаго знанія біографіи тѣхъ лицъ, которымъ принято приписывать устройство книжнаго церковно-славянскаго языка; онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что миссію къ Хозарамъ предпринимали оба брата славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій (стр. 206—207), тогда какъ на самомъ дѣлѣ эту миссію исполнилъ только первый.

Но вотъ еще болѣе рѣзкій образчикъ опрометчивости нашего автора. Упрекая славистовъ, изъ которыхъ „одни, какъ Венелинъ и А. Ѳ. Гильфердингъ, съ видомъ нѣкотораго тщеславія приводятъ примѣры, что Славяне достигали важныхъ должностей при Византійскомъ дворѣ и даже захватывали престолъ, какъ истребитель Славянъ Василій II, а другіе какъ Крстовичъ, и самихъ Грековъ производятъ отъ Славянъ“, г. Добровъ замѣчаетъ: „Я думаю, что тщеславиться тутъ нечѣмъ, а напротивъ, на такіе примѣры слѣдуетъ смотрѣть съ грустью, какъ на доказательства проходившаго въ то время вырожденія славянства на Балканскомъ полуостровѣ“ (стр. 18). Гдѣ же основаніе для такого мнѣнія? Конечно, никто не станетъ защищать нелѣпаго мнѣнія о происхожденіи Грековъ отъ Славянъ; но и важная роль людей славянскаго происхожденія при Византійскомъ дворѣ никоимъ образомъ не можетъ быть понимаема такъ, какъ понимаетъ ее г. Добровъ. По отдѣльнымъ личностямъ нельзя судить о цѣломъ народѣ, и особенно въ ту эпоху, когда національность не получала еще права гражданства. Нельзя, согласно съ авторомъ, усматривать иронію въ судьбѣ южнаго славянства по тѣмъ даннымъ, что сами Славяне становятся во главѣ ихъ заклятыхъ враговъ для униженія и даже для истребленія своихъ соплеменниковъ“ (ibid.); это просто объясняется неравнѣніемъ національнаго чувства. Подобное же явленіе встрѣчаемъ и у Славянъ западныхъ: племена Балтійскихъ Славянъ, враждуя другъ противъ друга, оказываютъ помощь общему своему врагу—Нѣмцамъ; тѣ же Балтійскіе Славяне и Чехи

¹⁾ Г. Добровъ ссылается на «Исторію Аеона» преосвященнаго Порфирія.

²⁾ См. Путешествіе на Аеонъ преосв. Порфирія, часть I, отд. 1, стр. 105—106 и статью его же въ *Трудахъ Киевской Духовн. Академіи* 1877 г., октябрь «О св. Кириллѣ просвѣтителѣ Славянъ Моравскихъ».

помогаютъ Нѣмцамъ противъ Поляковъ. Да и какъ вяжется это мнѣніе автора о вырожденіи славянства на Балканскомъ полуостровѣ съ дальнѣйшею рѣчью его о перевѣсѣ славянства надъ эллинизмомъ? Можно ли согласить съ этимъ мнимымъ вырожденіемъ славянства на Балканскомъ полуостровѣ слѣдующую мысль г. Доброва, высказанную имъ по поводу возникновенія Болгарскаго государства: „Между Славянами, густо населившими Балканскій полуостровъ, должно было явиться сознание силы и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль объ объединеніи, которая, можно сказать, бродила по Балканскому полуострову, пока не нашла себѣ мѣста для осуществленія“ (стр. 33), то есть, въ вышней дунайской Болгаріи. По смыслу приведенныхъ словъ мы имѣемъ право предполагать, что авторъ допускаетъ присутствіе мысли объ объединеніи въ сознательномъ видѣ у всѣхъ Славянъ Балканскаго полуострова, допускаетъ — стало быть—существованіе общаго мнѣнія между всѣми южными Славянами. Но тотчасъ же затѣмъ г. Добровъ утверждаетъ, что начало политическаго объединенія южныхъ Славянъ положили Болгаре (стр. 34).

Дальше въ изложеніи событій перваго періода Болгарскаго государства до 802 года нашъ авторъ замѣчаетъ, что болгарскіе вожаки вели свой народъ на истинный путь процвѣтанія, пытаясь пробиться къ одному изъ морей омывающихъ Балканскій полуостровъ—Эгейскому или Адриатическому, но испытали неудачу, и въ то же время славянскихъ историковъ А. О. Гильфердинга, Венелина, К. Иречка, усматривавшихъ въ набѣгахъ Болгаръ (втораго періода существованія ихъ государства съ 802 по 898 г.) на столицу Византійской имперіи народную мудрость, народный гений, который подсказалъ Болгарскому народу всемірно-историческое значеніе этого центра трехъ странъ свѣта, авторъ упрекаетъ „въ проповѣданіи сентиментальныхъ славянофильскихъ иллюзій“ (стр. 71 и 74); по мнѣнію г. Доброва, „эти господа навязываютъ молодому государству недостижимыя пустыя мечтанія“ (ibid.), какова, между прочимъ, и попытка занять Константинополь; Болгаре того времени, говоритъ онъ,—не могли помышлять объ этомъ по недостатку вооруженія, хотя и имѣли стѣннотбитныя машины (стр. 72); эти стѣннотбитныя машины онъ считаетъ недостаточными для бомбардированія стѣнъ Константинополя, а между тѣмъ мы видимъ, что Византійскій императоръ считалъ нужнымъ поскорѣе заключить миръ съ Болгарами, съ ихъ вождемъ Крумомъ, и тѣмъ заблаговременно предотвратитъ эту осаду; этотъ походъ Крума нашъ авторъ считаетъ удачнымъ и серьезнымъ въ смыслѣ набѣга, но сумасброднымъ донкихотствомъ въ смыслѣ за-

воеванія столицы Византіи (стр. 73). Пусть будетъ такъ. Но тогда какой смыслъ имѣютъ дальнѣйшія слова нашего автора о Крумѣ: „Его войны показываютъ, что онъ стремился къ такимъ приобретеніямъ, которыя существенно необходимы были для прочнаго и всесторонняго развитія государства“ (стр. 77)? Какъ связать съ мыслию автора о невозможности у Болгаръ IX в. понятія о необходимости приблизиться къ югу, къ морю, слова его же, сказанныя въ характеристикѣ вѣка царя Симеона: „Существенная причина столкновенія съ Византіей оставалась та же, что и прежде,—борьба за существованіе: Болгарскому государству казались слишкомъ тѣсными для полнаго, всесторонняго развитія предѣлы; восторжъ, оно было замкнуто: ему нужно было стать твердою ногой у моря“ (стр. 96)? И вслѣдъ затѣмъ обстоятельство, почему Симеонъ въ 931 году не покончилъ съ Константинополемъ, а вошелъ въ переговоры, объясняемое славянскими историками (Гильфердингъ и Дриновъ) опрометчивостью Болгарскаго царя, авторъ нашъ считаетъ характеристическою чертою всѣхъ болгарскихъ завоеваній, главнымъ мотивомъ коихъ было хищничество, временный захватъ городовъ и территорій безъ прочнаго органическаго скрѣпленія ихъ съ государствомъ (стр. 98). Дѣло въ сущности было иначе. Византійская политика изощрилась въ хитромъ противодѣйствіи всѣмъ замысламъ Болгарскаго царя. Самъ же г. Добровъ „указываетъ на то, что византійскій дворъ съ этою цѣлью входилъ въ сношенія съ Мадырами на сѣверѣ и Сербамъ на западѣ отъ Болгарскаго царства. Ловкая политика Византіи сумѣла своими интригами посѣять кровавый раздоръ между Болгарами и Сербамъ въ тотъ самый моментъ, какъ царь Симеонъ помышлялъ включить Сербовъ въ свою обширную монархію. Ничего невозможнаго въ семъ послѣднемъ нѣтъ. И въ то же время г. Добровъ винить царя Симеона въ утвержденіи этой вражды, которая „косвенно поддерживала существованіе исторической аномалии, называвшейся Византійскою имперіей“ (стр. 106). Но пусть авторъ откроетъ страницу 145 своей книги; тамъ онъ отмѣтилъ: „Всѣмъ мелкимъ славянскимъ народностямъ (на Балканскомъ полуостровѣ) хотѣлось тогда (X в.) быть Болгарами: отъ жителей Бѣлграда, Лариссы, Драча, Адрианополя и Месембрии на вопросъ объ ихъ народности воображаемый путешественникъ услышалъ бы одинъ и тотъ же отвѣтъ: „мы—Болгаре“. Если вѣрно это предположеніе г. Доброва, то въ такомъ перевѣсѣ болгарской національности надъ другими Славянскими племенами Балканскаго полуострова нельзя не усматривать благотворнаго вліянія Болгарской церкви, Болгарскаго

патріархата, къ которому льнули всѣ православныя славянскія церкви на всемъ Балканскомъ полуостровѣ; а начала этого единенія нельзя не выводить отъ времени славянскихъ апостоловъ.

Касается ли нашъ авторъ такъ-называемаго „золотого вѣка“ царя Симеона, онъ сначала утверждаетъ, что „нельзя не согласиться съ господствующимъ мнѣніемъ (Гильфердинга, Палаузова, Дринова) о значеніи его для судьбы Болгаріи, для ея образованія; въ послѣднемъ отношеніи этотъ вѣкъ представляетъ блестящій моментъ въ исторіи Болгаріи“, но тутъ же прибавляетъ, что „весь этотъ блескъ состоялъ въ грудѣ сочиненій греческихъ, переведенныхъ на болгарскій языкъ, или же въ компиляціяхъ изъ византійскихъ писателей, которыя не имѣли и не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на умственное развитіе народа“ (стр. 94). Если эта переводная съ греческаго литература не имѣла вліянія на Болгарь, то какъ та же самая болгарская литература могла имѣть обширное вліяніе на зарожденіе славянской литературы другихъ славянскихъ народовъ—Сербовъ, Мораванъ и Русскихъ, что именно признаетъ и авторъ? Правда, г. Добровъ добавляетъ, что это вліяніе проявилось въ „перенесеніи къ этимъ народамъ вмѣстѣ съ школами византійской образовательности и того, что мы называемъ византійскимъ духомъ“ (стр. 96); но если эта литература привилась не только у Болгарь, а и у другихъ восточныхъ Славянъ, значитъ—она удобно воспринималась этими племенами. Нѣсколько ниже, въ XIII-й главѣ: „Болгарская образованность въ средніе вѣка“ и самъ нашъ авторъ раздѣляетъ то же мнѣніе, когда говоритъ, что „сближеніе ея (Болгаріи) съ Византіей имѣетъ прежде всего несомнѣнное дивидирующее значеніе для первой, вызвавъ такіа два крупныя событія, какъ распространеніе христіанства и развитіе славянскій письменности“ (стр. 205); когда вопреки высказанному прежде мнѣнію о вѣдѣ царя Симеона, какъ не имѣющемъ никакого значенія, утверждаетъ здѣсь, что „ученики славянскихъ апостоловъ, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, составляютъ цѣлую литературную плеяду, которая совпадаетъ съ вѣкомъ Симеона Болгарскаго, отличаетъ этотъ послѣдній какъ одинъ изъ блестящихъ моментовъ исторіи книжной образованности въ Болгаріи. Самъ царь принималъ дѣятельное участіе въ развитіи этой образованности, переводя на славянскій языкъ съ греческаго книги религіознаго и философскаго содержанія“ (стр. 208). Г. Добровъ, кажется, забылъ что сказалъ раньше о болгарской литературѣ золотого вѣка; послѣ приведенныхъ сейчасъ словъ, онъ продолжаетъ: „Объ от-

ношеніи болгарской книжной образованности къ развитію народа и о той роли, которую она играла въ исторіи славянскихъ литературъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, когда сведемъ общій итогъ древне-болгарской литературы“ (ibid.). Упомянувъ о главнѣйшихъ трудахъ царя Симеона и пяти главныхъ современниковъ его—Величскаго епископа Климента, Константина, Иоанна экзарха, монаха Григорія и черноризца Храбра (стр. 210—211), онъ затѣмъ замѣчаетъ: „Время, слѣдующее за вѣкомъ Симеона, замѣчательно бѣдностью книжной образованности, потому что это было время постепеннаго распадена Болгарскаго царства, когда событія политическія отвлекали отъ мирныхъ занятій, а преемники Симеона были люди бездарные, мелочные и невѣжественные“ (стр. 211). Значить, дѣятельность царя Симеона была не безъ пользы; а отсутствіе въ этой литературѣ чисто-народнаго элемента—на что указываетъ нашъ авторъ (стр. 220)—вполнѣ понятно: такова ужь судьба Славянскаго племени, что ему пришлось все заимствовать отъ Византіи.

Переходя теперь къ свѣдѣніямъ по исторіи Сербовъ, замѣтимъ прежде всего, что судьбы этого славянскаго племени изложены г. Добровымъ также поверхностно, какъ и отдѣлъ о Болгарахъ.

Отказывая Болгарскимъ царямъ въ политическомъ смыслѣ, нашъ авторъ приписываетъ Сербскому Симеону Неманѣ прозорливость, предвидѣніе, выразившееся въ убѣжденіи, что „Діоклея не есть то мѣсто, откуда можно провести начало государственнаго единства“: поэтому де Симеонъ „обратилъ вниманіе на Расу, какъ такую страну, которая не была прижата со всѣхъ сторонъ полузависными, полусамостоятельными жупанами: Травунією, Захлумією, Неретвою“ (стр. 243). Такое рѣзкое различіе въ характеристикахъ Симеона Болгарскаго и Сербскаго жупана Немани не совсѣмъ намъ понятно.

Авторъ выражаетъ свое сожалѣніе, что богатство, добытое Сербскимъ королемъ Владиславомъ чрезъ разработку серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ въ Рудникѣ, получило одностороннее назначеніе — на построеніе церквей, и что ничего не было сдѣлано для народнаго образованія (стр. 260). Странно требовать, чтобы люди первой половины XIII столѣтія шли противъ стремленій и обычаевъ своего вѣка. Но еще страннѣе, что нашъ авторъ усматриваетъ въ преступленіяхъ — лихоимствѣ, неправосудіи, противъ которыхъ былъ изданъ законъ королемъ Драгутиномъ, наибѣйшее сходство съ тѣмъ вопіющимъ порядкомъ вещей, который утвердился въ правленіе Турокъ, и притомъ не въ первые годы ихъ власти, а съ теченіемъ времени (стр.

265). Авторъ утверждаетъ, что Степанъ Дечанскій съ сыномъ Душаномъ находился въ заточеніи въ Константинополѣ до самой смерти отца перваго короля Милутина († 1320 г.), и что лишь только Степанъ Дечанскій узналъ о смерти своего отца, какъ послѣдовалъ въ Діоклею, куда къ нему явились сербскіе бояре (стр. 271). Даже не заглядывая въ источники, а руководствуясь однимъ лишь соображеніемъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ вторыхъ рукъ, нельзя не прийти къ заключенію, что въ изложеніи этихъ событій нашимъ авторомъ замѣчается противорѣчіе: Степанъ Дечанскій находится подъ строгимъ надзоромъ Византійскаго императора и однако успѣваетъ бѣжать — куда же? не въ столицу своего отечества, а въ маленькую область Діоклею.... Но историческіе памятники представляютъ ходъ дѣла въ иномъ видѣ: еще при жизни Милутина отца, Степанъ Дечанскій, какъ свидѣтельствуется біографъ сего послѣдняго, — получилъ амнистію, былъ возвращенъ изъ заточенія и отправленъ на жительство въ Дуэлю (Діоклею); онъ уже вошелъ въ сношенія съ сербскимъ дворомъ, сербскими властелями, и къ нему, какъ непричастному византійской политикѣ, которую преслѣдовалъ его младшій братъ Константинъ, сынъ третьей жены отца, Гречанки Симоныды, властели обратились съ предложеніемъ сербскаго престола. Вотъ какъ было дѣло. Но, кромѣ того, нашъ авторъ упустилъ изъ виду, что въ заточеніе, вмѣстѣ съ Душаномъ и его отцомъ Степаномъ Дечанскимъ, отправленъ былъ и другой меньшей братъ Душица, умершій въ этомъ заточеніи, — о чемъ также свидѣтельствуется біографъ Степана Дечанскаго. Дѣятельность Степана Дечанскаго, какъ короля, не вполнѣ обстоятельно разсмотрѣна авторомъ; невѣрна хронологія: г. Добровъ, на примѣръ, повторяетъ (стр. 272, 276) старую хронологическую ошибку относительно года смерти Степана Дечанскаго — 1336 г. вмѣсто 1331 г., и считаетъ архіепископа Даниила II біографомъ Степана Дечанскаго (стр. 275), когда уже давнымъ давно доказано, что Родословъ Даниила II, начиная съ житія Степана Дечанскаго, висаетъ двумя продолжателями, изъ которыхъ первый, діаконъ Даниилъ, былъ ученикомъ архіепископа Даниила ¹⁾).

Въ своемъ поверхностномъ очеркѣ времени правленія Степана Душана авторъ обнаружилъ опять положительное незнаніе предмета: малѣйшее знакомство съ источниками убѣдило бы автора въ томъ,

¹⁾ См. наше изслѣдованіе „Сербскія житія и летописи...“ въ III-мъ томѣ *Славянскаго Сборника*, 1876 г.

что движеніе Душана на югъ, въ греческія провинціи, было вполне обдуманное; г. Добровъ полагаетъ, что „Душанъ двигался туда потому, что не ожидалъ никакого сопротивленія; онъ (Душанъ) подобравъ нѣсколько обломковъ развалившагося зданія, и даже ничѣмъ при этомъ не рискуя. Это была оккупация покинутахъ областей.... Это не было и присоединеніе греческихъ областей къ Сербіи“ (стр. 282). Душанъ не ожидалъ сопротивленія отъ Грековъ; и все-таки, отправляясь въ этотъ походъ, счелъ нужнымъ заручиться нѣкотораго рода безопасностью со стороны Босны и Венеціи, съ которыми предъ тѣмъ имѣлъ споръ по поводу нѣкоторыхъ владѣній въ Боснѣ. Душанъ оккупируетъ покинутыя византійскія области и не присоединяетъ ихъ къ собственно сербскимъ областямъ — утверждаетъ нашъ авторъ, — а между тѣмъ источники свидѣтельствуютъ, что онъ твердою ногой сталъ въ сѣверо-восточной части Аона и помышлялъ сдѣлать весь Аонскій полуостровъ чисто-сербскимъ. Проницательный умъ Душана новопріобрѣтенныя греческія земли, вмѣстѣ съ прочими сербскими и болгарскими, распредѣляетъ между намѣстниками, надъ которыми самъ возвышается, какъ верховный повелитель, волѣ коего никто не дерзаетъ противиться, а затѣмъ Душанъ идетъ съ 80,000 арміей на Константинополь, но на пути умираетъ; нашъ же авторъ увѣряетъ, что „Душанъ если бы долше прожилъ, отказался бы отъ своихъ греческихъ завоеваній, потому что слѣдовало прежде всего объединить собственную Сербію, да поработать надъ собираніемъ сербскихъ земель, Босніи, Захлумія, Срема, Мачвы и др.“ (стр. 283); авторъ не знаетъ, что Сремъ, Мачва и Захлумія входили въ составъ монархіи Душана, что на Босну была протянута его рука, а стопы его доходили до Адриатическаго моря. Авторъ утверждаетъ (стр. 289), что по отношенію къ Венгріи Душанъ ничего не сдѣлалъ и передалъ своему наслѣднику неопредѣлившіяся отношенія Сербіи къ Боснѣ и Герцоговинѣ, и что въ то же время онъ оставался подъ покровительствомъ папы, тогда какъ, напротивъ, онъ отвергъ это покровительство, нанесъ оскорбленіе папскому легату, защиты коего святѣйшій папа потребовалъ у Венгерскаго короля Людовика I Великаго, поручивъ сему послѣднему наказывать схизматика. Не желая знать, или не чувствуя себя въ силахъ узнать источники по исторіи южнаго Славянства, авторъ позволяетъ себѣ считать сообщенія другихъ изслѣдователей о пріобрѣтеніяхъ Душана распространеніемъ неисторическаго факта; въ разказахъ объ этихъ пріобрѣтеніяхъ онъ видитъ хвастливость, проходящую черезъ всю источ-

рію политической жизни Балканскаго полуострова (стр. 284), а дѣсколько ниже возвратившись къ тому же вопросу, заявляетъ, что „походы Душана на Византію, имѣвшіе послѣдствіемъ занятіе оставленныхъ на произволъ судьбы греческихъ городовъ, представляютъ результаты не народной воли, а личнаго честолюбія Душана“ (стр. 303), то-есть, авторъ, самъ того не сознавая, признаетъ дѣйствительными пріобрѣтенія Душана въ греческихъ областяхъ. Но почему же — спросимъ кстати — не могло быть у Сербовъ народнаго желанія двигаться къ югу? Это стремленіе Славянъ на югъ Балканскаго полуострова—сначала Болгарь, а затѣмъ Сербовъ, начиная съ Уроша I Великаго,—было не новымъ для времени Душана; народъ былъ подготовленъ, быть можетъ, и испытывалъ благотворное вліяніе такого движенія на свое экономическое положеніе. Душанъ явился лишь болѣе сознательнымъ довершителемъ дѣла, начатаго предшествующими поколѣніями, и потому обличать его въ личномъ честолюбіи нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Нельзя винить Душана и въ томъ, что созданіе его начинается съ его смертію рушиться: нужно было нѣкоторое время, чтобы новый порядокъ окрѣпъ. Откуда нашъ авторъ взялъ, что уже при жизни Душана стали возникать мелкія полунезависимыя владѣнія изъ учрежденныхъ имъ намѣстничествъ (стр. 308)? Авторъ совершенно напрасно упрекаетъ Душана въ томъ, что онъ дѣйствовалъ, не какъ объединитель славянскихъ земель Балканскаго полуострова, а какъ владѣлецъ доходныхъ статей, изображая его отношенія къ Дюклеѣ, области съ сплошнымъ, единоплеменнымъ и единовѣрнымъ населеніемъ, въ слѣдующемъ видѣ: „Пока эта доходная статья, Дюклея, отдавалась членамъ велико-жупанскаго рода Неманей,— существовала хотя династическая связь ея съ Сербіей, а съ переходомъ ея во владѣніе боярскаго рода прервана и эта слабая связь, и съ того времени область эта, изъ которой развилась Черногорія, пошла особливимъ отъ Сербіи путемъ соціально-политическаго развитія“ (?). Но это отдѣленіе случилось уже по смерти Душана, а не при его жизни, даже и не въ первые годы правленія слабого его преемника Уроша V. Невѣрно обозначенъ и годъ смерти Душана—1356 г. (стр. 298), вмѣсто 1355 г., не смотря на то, что вопросъ этотъ давнымъ давно рѣшенъ.

Не понявъ значенія Душана въ исторіи не однихъ только Сербовъ, но и всего южнаго Славянства, авторъ высказываетъ удивленіе, что южное Славянство не заявляло себя въ предотвращеніи угрожавшей ему опасности со стороны возростающей силы Османовъ, ко-

торая имѣла къ нему болѣе непосредственное отношеніе, чѣмъ къ западной Европѣ, предпринимавшей рядъ крестовыхъ походовъ противъ невѣрныхъ. Но можно ли и справедливо ли ставить дѣйствія Европы въ XI—XII вв. противъ невѣрныхъ, захватившихъ христіанскія святини въ Малой Азій, въ параллель съ положеніемъ южнаго Славянства въ этотъ періодъ? Болгарское царство было уничтожено Василиемъ Болгаробойцемъ (1019 г.) и составляло съ того времени византійскую провинцію до возстановленія его Асѣнидами; Сербское государство только со второй половины XII в., подъ управленіемъ проныцательнаго Немани, стало образовываться; Сербскій народъ, не смотря на просвѣтительную дѣятельность св. Саввы, перваго Сербскаго архіепископа, продолжалъ коснѣть въ язычествѣ. Какъ же южное Славянство этого періода могло принять участіе въ борьбѣ съ невѣрными, которые не имѣли прямого къ нему отношенія? Что же касается послѣдующаго періода, правленія Душана, когда Сербское государство окрѣпло, мы видимъ Сербовъ воражающими въ Македоніи турецкія полчища, призванныя Византійскими императорами Андроникомъ и старшимъ Іоанномъ Кантакузиномъ. Какъ же, послѣ этого, авторъ можетъ утверждать, что „южное Славянство уже до появленія Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ представляло собою политическую величину, безсилную даже въ борьбѣ съ дряхлѣвшею и разлагавшеюся Византійей“ (стр. 327), когда нѣсколько выше самъ же говоритъ, что Душанъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія со стороны Византійской имперіи, области коей занималъ простымъ порядкомъ оккупациі? Однимъ словомъ, все сказанное нашимъ авторомъ о Душанѣ—пустня, безсвязныя фразы, которыя смѣшно и жалко читать человѣку, имѣющему хотя нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи Славянства. Вспомнимъ кстати, что даже враждебный Славянамъ Венгерецъ Каллай въ своей *Geschichte der Serben* (1878 г.) счелъ нужнымъ иначе и притомъ совершенно правильно взглянуть на дѣятельность Душана.

Укажемъ нѣкоторыя другія невѣрности въ изложеніи исторіи Сербовъ.

Симеона (Синишу сербскихъ лѣтописей), правившаго Эпиромъ, авторъ считаетъ лишь дальнимъ родственникомъ рода Немани (стр. 344), когда на самомъ дѣлѣ онъ былъ родной братъ царя Душана. На стр. 346 авторъ обнаруживаетъ незнаніе, что Косовская битва происходила на Видовъ день, 15-го, а не 10-го іюня.

Авторъ утверждаетъ, что малолѣтняя дочь Сербскаго де пота Юрія I Бранковича (1427 — 1456 гг.), Марія, отданная въ гаремъ султана Мурата II, стала извѣстна въ гаремѣ подъ именемъ *Иари* (стр. 348 и 364), между тѣмъ какъ такое названіе есть чисто сербское, общераспространенное, доннынѣ существующее въ живой рѣчи и памятникахъ народнаго творчества.

Авторъ создаетъ небывалыя названія: Болгарскаго цара Страншмира называетъ Страсимиромъ (стр. 34), Захлужскаго жупана Радослава называетъ Родиславомъ (стр. 331), Зетскаго князя Балыгу II называетъ „Балошемъ“ (стр. 365), албанскаго героя-правителя (Кандербега называетъ „Скандербиргомъ“ (стр. 368, 387, 398), правителя Крои Карла Токко переименовалъ въ Точчи (стр. 375), всѣмъ извѣстную рѣку Ситницу, что на Косовомъ полѣ, перевернулъ въ „Ситолицу“ (стр. 384).

Авторъ утверждаетъ, что уже въ концѣ XV в. не упоминаются сербскіе деспоты у сербскихъ колонистовъ въ Австріи (стр. 351), тогда какъ два малозвѣстные славянскіе писателя: 1) поэтъ Георгій изъ Срема (род. 1490) въ сочиненіи: *Georgii Sirmiensis Epistola de perdicione regni Hungarorum*, и 2) Антоній Вранчичъ въ сочиненіи: *De rebus gestis Hugarorum ab melinatione regni*—говорятъ совершенно противное: Австрійскіе Сербы съ ихъ деспотомъ Іоанномъ Чернымъ, поддерживаемые Сербами Задунайскими, принадлежавшими уже Турціи, играютъ важную роль въ политикѣ Австріи; Сербъ Николай Заполя вступаетъ на венгерскій престолъ. Невѣрно авторъ полагаетъ, что патаренская ересь держалась только до XIV в. (стр. 248).

Вслѣдствіе отсутствія у нашего автора опредѣленнаго плана, ему не представляется неудобнымъ и невозможнымъ отождествлять положеніе южныхъ Славянъ съ положеніемъ Грековъ въ одинъ и тотъ же періодъ времени. Такъ, изъ того факта, что императору Генриху, въ борьбѣ его съ Византійскимъ императоромъ Θεодоромъ I (1204—1222 гг.), помогаютъ Греки, когда на сторонѣ послѣдняго стоятъ Франки, авторъ нашъ дѣлаетъ заключеніе о высокой степени демократизаціи общественнаго строя жизни на Балканскомъ полуостровѣ (стр. 328). Фактъ этотъ не имѣетъ отношенія къ строю жизни всего Балканскаго полуострова, то-есть, къ строю жизни Балканскихъ Славянъ.

Рѣшительно отказывая Болгарамъ и Сербамъ въ обдуманности ихъ движеній противъ Византійской имперіи, авторъ въ то же время утверждаетъ, что всѣ первоначальные захваты Турокъ на Балкан-

скомъ полуостровѣ совершенъ съ строгою обдуманностью. Мурать I—говоритъ нашъ авторъ—съ умысломъ не стремится захватить ключъ къ обладанію всѣмъ полуостровомъ—Константинополь, изъ опасенія возбудить противъ себя Европу; онъ довольствуется на первыхъ порахъ занятіемъ такихъ пунктовъ, которые представляли важный базисъ для его власти на полуостровѣ, но въ то же время были мало извѣстны Европѣ, какъ Галлиполи, Филиппополь, Айдосъ, Софія, Нишъ, Никополь, Силистрія (стр. 367). Очень и очень странно: Европа знаетъ Константинополь и не знаетъ Галлиполи; Европа посылаетъ своихъ крестоносцевъ для освобожденія христіанскихъ святынь черезъ земли Сербовъ и Болгаръ и не знаетъ этихъ земель; сильное Венгерское королевство не знаетъ пограничнаго города Никополя, у котораго вскорѣ (1396 г.) король Сигизмундъ испытываетъ страшное пораженіе отъ Турокъ. Болгарскому царю Симеону, Сербскому царю Степану Душану (Сильному) авторъ отказываетъ въ сильной волѣ, которая создала сильныя царства—Болгарское и Сербское, тогда какъ приписываетъ ее Татарскому хану Тамерлану: „благодаря этой его личной волѣ, обширная его азіатско-европейская монархія держалась“ (стр. 373).

Восхваляя добрыя отношенія завоевателей - Турокъ къ покореннымъ народамъ Балканскаго полуострова съ XV по XVIII в., авторъ въ подтвержденіе своего положенія указываетъ на то, что „исторія не представляетъ ни одного примѣра болѣе или менѣе настойчивыхъ попытокъ свергнуть турецкое иго“ (стр. 421). Мало же онъ знаетъ эту исторію! Еще въ XV в. Сербы цѣлыми десятками тысячъ вынуждены были покидать свои дѣдины и переходить въ предѣлы Венгерскаго королевства, въ видахъ избавленія отъ турецкаго насилія. Въ томъ же столѣтіи (въ концѣ его) сербскій герой-деспотъ, воспитанный въ сербскомъ народномъ эпосѣ подъ именемъ „Змая-деспота Вука“, потомокъ Сербскаго деспота Юрія I Бранковича, велъ ожесточенную борьбу съ невѣрными врагомъ и почти всегда наносилъ ему большой уронъ; этого героя-вождя Сербы признаютъ своимъ деспотомъ, и это избраніе признаетъ и утверждаетъ Венгерскій король Матвѣй Корвинъ. Затѣмъ — въ официальныхъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе (потомковъ сербской династїи Юрія Бранковича): „если Богъ поможетъ свергнуть иго невѣрныхъ“¹⁾, которое нельзя считать пустою фразою въ виду попытокъ свергнуть

¹⁾ Miklosich, Monum. serbica, № CDLXV.

это иго; напротивъ, оно свидѣтельствуеъ о не прекращавшейся вѣрѣ въ возможность скорого уничтоженія этого ига. Надежда обманула, желаніе и вѣра въ желаемое не скоро оправдались, и все-таки эта надежда не прекращается: видимъ ее и въ сильномъ протестѣ ускочества, пока наконецъ, въ началѣ XIX в., она не осуществилась для Сербовъ и позднѣе для Болгарь. Признавая должнымъ мнѣніе нашего автора о безучастіи южныхъ Славянъ въ борьбѣ (XV в.) съ завоевателями Балканскаго полуострова—Турками (*ibid.* и стр. 430), мы объясняемъ двусмысленныя отношенія ихъ правителей (собственно сербскихъ) къ дѣйствіямъ Европы (собственно Венгерскихъ королей) противъ Османовъ посягательствомъ римско-католическаго міра на православіе южныхъ Славянъ. Чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи слова, сказанныя папою Каллистомъ III въ 1458 г.: „Очевидно, что эти Греки, эти Сербь и прочіе еретики, находясь внѣ церковнаго общенія, ненадежны для борьбы съ невѣрными; только сила католиковъ можетъ одолѣть султановъ“²⁾. Пропускаемъ наивныя разсужденія нашего автора о декабрьской конституціи 1876 года, которая будто бы „могла (*sic*) положить начало политической свободѣ страны“ (стр. 406); но остановимъ вниманіе на упрекѣ не столько менѣе наивномъ, сколько невѣжественномъ, который авторъ дѣлаеъ славистамъ: слависты будто бы „съ непонятнымъ усердіемъ всюду желаютъ открывать вражду къ Славянамъ, но не представляютъ однакоже никакихъ солидныхъ доказательствъ такой вражды между Сербамъ Австрійскими и Мадьярами за все время, предшествующее злосчастному 1848 году“ (стр. 626). Напомнимъ, что еще въ первой половинѣ XV в. происходили столкновения между Сербамъ, переселившимися въ приобрѣтенныя Сербскимъ деспотомъ Юріемъ I Браневичемъ (1427—1456 гг.) земли въ предѣлахъ Венгерскаго королевства (въ обмѣнъ за Бѣлградъ), и Мадьярами изъ-за преобладающаго господства въ нихъ,—и Венгерскій король Сигизмундъ рѣшаеъ споръ въ пользу Мадьяръ.

Наконецъ, считаемъ нужнымъ сказать слова два о расположеніи фактовъ въ книгѣ г. Доброва. Авторъ не соблюдаетъ самихъ простыхъ правилъ послѣдовательности: въ главѣ, гдѣ излагаются событія изъ исторіи Сербіи и Босны XIV в., изъ исторіи Герцеговины XV в., авторъ нашъ, ничего не говоря о XV вѣкѣ въ исторіи Сербіи и Босны, посвятивъ нѣ сколько (буквально) строкъ исторіи Черногоріи XIV и XV вв., прямо забѣгаетъ въ XVIII и XIX столѣтія и отводитъ

²⁾ *Raynaldus, Annal. eccles. X, стр. 63—4*

имъ пятнадцать строкъ своей объемистой книги (см. стр. 296—297); или восхвущенъ тамъ же въ краткихъ словахъ древнѣйшей исторіи Дубровника, въ томъ же самомъ мѣстѣ касается событій XVIII и XIX вв. (стр. 299).

Въ заключеніе замѣтимъ, что книга эта производитъ крайне прискорбное впечатлѣніе какъ небрежностью своей обработки, такъ и тѣми воззрѣніями, которыя авторъ ввелъ въ свой трудъ; впрочемъ, все же сочиненіе г. Доброва, какъ компиляція, можетъ быть прочитано съ интересомъ, но только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашъ авторъ остался вѣрнымъ компиляторомъ и не вдавался въ совершенно произвольныя умствованія.

В. Мачановскій.

Wilhelm Wollner. Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen (*В. Вольнера. Ислѣдованія о народномъ эпосѣ Велікоруссовъ*). Leipzig, 1879.

„Просматривая работы русскихъ ученыхъ въ области народнаго эпоса, можно замѣтить, что какъ въ прошломъ десятилѣтіи, такъ и въ нынѣшнемъ, положенія, выставляемыя однимъ писателемъ, нерѣдко молча и безъ критики принимаются другими и благодаря тому съ теченіемъ времени получаютъ значеніе факта. Ясно, что это препятствуетъ преподавателю свободно относиться къ своему предмету; поэтому мы считаемъ обязанностью каждаго, желающаго заняться изученіемъ русской народной поэзіи, прежде всего стараться объ устраненіи предразсудковъ, даже еслибъ онъ и рисковалъ при этомъ, подобно автору настоящаго труда, получить одни только отрицательные результаты“.

Въ этихъ словахъ довольно опредѣленно высказывается взглядъ г. Вольнера на задачу и значеніе своего труда. Трудъ этотъ, хотя и небольшой по объему (собственно „ислѣдованію“ посвящено только 60 страницъ, остальная же часть книги занята введеніемъ и приложеніемъ), представляетъ, тѣмъ не менѣе, работу вполне самостоятельную; авторъ, хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ, воспользовался, какъ источниками первой руки, то-есть, самими текстами былинъ, такъ и всѣмъ или почти всѣмъ, что было написано о русскомъ народномъ эпосѣ. По независимому отношенію къ предмету и по оригинальности достигнутыхъ авторомъ результатовъ, книжка г. Вольнера должна обратить на себя вниманіе всѣхъ интересующихся вопросами, затронутыми авторомъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ цѣлью только изложить содержаніе труда г. Вольнера и отмѣтить въ ней то, что кажется намъ особенно заслуживающимъ вниманія.

Книга начинается довольно подробнымъ введеніемъ (стр. 1—30), которое имѣетъ цѣлью указать на литературу предмета и на современное положеніе вопроса о русскомъ народномъ эпосѣ въ наукѣ. Здѣсь прежде всего перечисляются изданія и сборники былинъ и пѣсень, начиная съ сборника, составленнаго въ XVII в. Ричардомъ Джемсомъ, и кончая „Онежскими былинами“ Гильфердинга. Труды Рыбникова и Гильфердинга по собранію произведеній русскаго народнаго эпоса изложены довольно подробно; но для русскаго читателя въ этомъ изложеніи, конечно, нѣтъ ничего новаго. Перечень другихъ изданій и сборниковъ неполонъ: такъ, о трудахъ Кирѣевскаго упоминается лишь вскользь, какъ будто его сборникъ не заслуживаетъ вниманія. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе слова „былина“, указанія на типическія черты былинныхъ героевъ (постоянные эпитеты и пр.), на употребленіе эпическихъ чиселъ (3, 7, 9, 12, 40, 90, 500, 1,000 и 40,000); наконецъ, перечисляются книги и статьи о русскомъ народномъ эпосѣ, изданныя за границей, съ краткими ихъ характеристиками (Буссе, Марте, Бистромъ, г-жа Евреннова, Рольстонъ, Рамбо, Ягичъ, А. Н. Веселовскій, Лескинъ).

Въ видѣ добавленія къ этому введенію, г. Вольнеръ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи русскихъ былинъ. Сказавъ нѣсколько словъ о теоріи Погодина, по которой нынѣшніе Малороссы не признаются, какъ извѣстно, потомками древнихъ жителей Киевской Руси, и о мнѣніи г. Л. Майкова, что былины явились у насъ въ XI—XII в. ¹⁾, авторъ, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, сильно эксплуатирующій книгу Рамбо (не всегда, однако, указывая на этотъ источникъ), обращается къ мнѣніямъ г. Буслаева о значеніи русскаго эпоса, и воздавъ должное патриотическому усердію г. Безсонова, переходитъ къ подробному изложенію теоріи г. Стасова. Не вдаваясь

¹⁾ Въ изслѣдованіи г. Майкова время образованія былинъ обозначено впрочемъ нѣсколько иначе, а именно: «Имѣемъ право думать, что содержаніе былинъ Владимірова цикла выработывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, то-есть, въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ ожива была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такою эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV.»

въ критику мнѣній г. Стасова и его противниковъ, г. Вольнеръ справедливо замѣчаетъ, что въ трудахъ первыхъ изслѣдователей русскихъ былинъ подобныя крайности неизбежны, такъ какъ онѣ обуславливаются тѣмъ, что изслѣдователь приступаетъ къ своему предмету съ тою или иною предвзятою идеей. Только подвѣйшими изслѣдователямъ удастся мало по малу отдѣлять плевели отъ шишеницы, и сводя результаты, полученные представителями различныхъ направлений, пролагать пути для изслѣдованія строго-научнаго. Такое болѣе умѣренное и ео ipso болѣе научное направленіе уже обозначилось въ трудахъ гг. Пыпина, Тихонова и Веселовскаго. Г. Вольнеръ указываетъ на диссертацию проф. Веселовскаго „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, какъ на изслѣдованіе, методъ котораго можетъ служить образцомъ для подобнаго рода работъ.

Завтѣмъ введеніемъ слѣдуетъ собственно самостоятельная часть труда г. Вольнера, озаглавленная „Ueber die Stoffe der grossrussischen Volkserik“ (стр. 31—90) и раздѣленная на четыре главы. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ замѣчанія, что „большинство русскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ былинъ, видятъ въ нихъ историческія пѣсни—пѣсни, въ которыхъ Русскій народъ воспѣлъ отдѣльныя фазы своего развитія, на сколько это развитіе было имъ созвано, но что такой взглядъ на былинны не выдерживаетъ критики, такъ какъ содержаніе былинъ кievскаго и новгородскаго цикла совершенно сказочное, и только дѣйствующія лица ихъ носятъ имена „болѣе или менѣе историческія“. Замѣчаніе не особенно ясное, тѣмъ болѣе, что авторъ не указалъ, кто же именно изъ русскихъ ученыхъ видѣлъ въ былинахъ историческія пѣсни? Развѣ г. Безсоновъ? По крайней мѣрѣ, кромѣ извѣстныхъ „Замѣтокъ“ г. Безсонова къ „Пѣснямъ“ Рыбникова, былинны нигдѣ и никѣмъ не отождествлялись съ историческими пѣснями; но одинъ г. Безсоновъ, конечно, не составляетъ „большинства“ русскихъ ученыхъ. Далѣе, не совсѣмъ понятно замѣчаніе о „болѣе или менѣе историческихъ“ именахъ богатырей; вѣдь если имена Добрыни и Алени встрѣчаются въ лѣтописяхъ, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы въ лѣтописяхъ говорилось именно о былинныхъ герояхъ. Напротивъ, большинство русскихъ ученыхъ если и признаютъ въ былинахъ элементъ историческій, то лишь по отношенію къ исторіи бытовой, къ исторіи народныхъ возрѣній, а не въ смыслѣ исторіи фактической. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Вольнеръ разбираетъ былинну о Садкѣ и заключаетъ, что въ этой былинѣ рѣзительно нѣтъ ни одной черты мѣстной новгородской жизни

(стр. 35), но черезъ двѣ страницы самъ же признаетъ въ этой былинѣ „мѣстный колоритъ“; при этомъ ни слова не говорится о былинахъ про Василья Буслаева, въ которыхъ этого „мѣстнаго колорита“ еще гораздо больше.

Разсматривая наши былины вообще, г. Волльнеръ видитъ въ нихъ постоянное противорѣчіе формы съ содержаніемъ: форма—строго-эпическая, имена—историческія, колоритъ—мѣстный, содержаніе же—совершенно сказочное. Въ примѣрѣ приводится Владиміръ Святой и Владиміръ Красное Солнышко кievскихъ былинъ. Но неужели только однѣ русскія былины отличаются такими свойствами? Неужели Карлъ Великій французскаго эпоса представляетъ исторически-вѣрное изображеніе настоящаго Карла? Г. Волльнеръ говоритъ, что эпитеты „ласковый“, „славный“, „батушка“, „свѣтъ“, „надежа“ вполне прилагаются къ Владиміру историческому, но совершенно не вяжутся съ личностью Владиміра былиннаго, который нерѣдко выставляется въ комическомъ, а иногда въ еще болѣе невыгодномъ свѣтѣ. На это можно замѣтить, что не всегда же Владиміръ выставляется недостойнымъ своихъ эпитетовъ; а между тѣмъ въ народной поэзіи эпитетъ есть нѣчто до такой степени постоянное, нераздѣльное съ именемъ, что очень часто употребляется и тамъ, гдѣ ему, по обыкновенной логикѣ, вовсе не слѣдовало бы быть. Приведемъ наиболѣе рѣзкій примѣръ. Въ былинѣ „Илья-Муромецъ и Калинъ-царь“, послѣдній, какъ царь невѣрный, всегда называется собакою; такъ называютъ его даже его собственные послы; но слѣдуетъ ли изъ этого, что въ былинѣ есть внутреннее противорѣчіе? Совсе нѣтъ; это означаетъ только, что эпитетъ приобрѣлъ значеніе чего-то неотдѣлимаго отъ предмета. Такихъ примѣровъ можно было бы привести довольно много.

Между тѣмъ, на основаніи этого, только кажущагося, противорѣчія, авторъ дѣлаетъ весьма важное заключеніе. Именно, онъ предполагаетъ, что былины первоначально должны были имѣть совершенно иное содержаніе, что онѣ были нѣкогда „героическими пѣснями въ собственномъ смыслѣ слова“ (?); но послѣ „великаго переселенія“ съ юго-запада на сѣверо-востокъ (въ эпоху Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго), у повдвѣвшихъ поколѣній стали, мало по малу, исчезать интересъ къ героическимъ дѣяніямъ предковъ, стали являться новые разказы. Форма былинъ, имена, обстановка дѣйствій, вся эта „типическая часть“ былинъ не измѣнилась; но въ эту форму было влито совершенно новое содержаніе, и только кое-гдѣ сохранились отголоски прежней героической пѣсни. Къ сожалѣнію, этотъ выводъ

не подкрѣпляется никакими примѣрами, высказывается просто категорически; а между тѣмъ уже самое существованіе въ нашихъ былинахъ такъ-называемой „типической“ части могло бы навести на мысль о томъ, что типическое повтореніе однихъ и тѣхъ же выраженій и фразъ служитъ признакомъ разложенія, заимствованія былинны сказателемъ. Такимъ образомъ мы скорѣе предположили бы не измѣненіе содержанія, не замѣну стараго новизнѣ до неузнаваемости, какъ думаетъ г. Волльнеръ,—а только обобщеніе формы, ассимиляцію былинныхъ мотивовъ.

Переходя—во второй главѣ—къ вопросамъ о формѣ былинъ къ разсмотрѣнію ихъ матеріала, г. Волльнеръ раздѣляетъ этотъ матеріалъ на двѣ группы. Къ первой относится все то, что попало въ былинны изъ того огромнаго сказочнаго запаса, который возникъ первоначально на востокѣ, а затѣмъ перешелъ на западъ и сдѣлался достояніемъ всѣхъ европейскихъ народовъ путемъ устной передачи; ко второй группѣ относится все то, что можетъ служить признакомъ литературнаго вліянія на народный эпосъ; источникъ этого вліянія во многихъ случаяхъ можетъ быть опредѣленъ; говоря вообще—это вліяніе библейскихъ разказовъ, апокрифовъ и легендъ, а также и свѣтской средневѣковой литературы.

О заимствованіяхъ нашими былинными матеріала изъ первой группы авторъ считаетъ лишнимъ распространяться, „ибо не возможно опредѣлить, какими именно путемъ совершились эти заимствованія“ (стр. 43). Въ примѣры заимствованій изъ матеріала книжнаго онъ приводитъ былинну о царѣ Соломонѣ (Рыбн., II, №№ 52 и 53; III, № 56) и дѣлаетъ нѣсколько общихъ указаній на возможность вліянія на наши былинны сказаній объ Александрѣ Великомъ, объ Индѣйскомъ царствѣ (былинны о Дюгѣ Степановичѣ), сказомъ Тысячи и одной ночи (встрѣча Ильи-Муромца съ женою Святогора и арабская сказка о духѣ, который носитъ свою жену въ хрустальномъ ларцѣ), наконецъ — сказаній библейскихъ (похищенный кубокъ въ былинѣ о сорока калитахъ). Указанія, для русскаго читателя не новыя и притомъ очень краткія; авторъ общаетъ, впрочемъ, впоследствии представить подробный анализъ былинъ въ этомъ отношеніи; покуда же, для примѣра и для того, чтобы показать, какимъ образомъ былина перерабатываетъ заимствованный матеріалъ, авторъ разбираетъ (въ главѣ III) пѣсни о Добрынѣ. Общій выводъ изъ этого анализа тотъ, что въ былинахъ о Добрынѣ нѣтъ ничего чисто русскаго, національнаго, что всѣ мотивы этихъ былинъ встрѣчаются

и даже аналогично воспроизводится у другихъ народовъ. Авторъ не договариваетъ своей мысли; но принимая то, что связано имъ выше о противорѣчій между формою былины и ихъ содержаніемъ, легко замѣтить, что прииѣромъ Добрыни онъ желалъ иллюстрировать свою теорію замѣны стараго, „героическаго“ содержанія народнаго эпоса новымъ, подъ влияніемъ, съ одной стороны, сказочныхъ мотивовъ, а съ другой — нижней литературы. Прииѣръ Добрыни, надо сознаться, выбранъ удачно, особенно по отношенію къ тѣмъ былинамъ, гдѣ повѣствуется о боѣ со змѣемъ; но все же этотъ прииѣръ вовсе не убѣждаетъ читателя не только въ вѣрности основной идеи автора, но даже, пожалуй, и въ справедливости заключенія о совершенномъ отсутствіи въ былинахъ о Добрынѣ „національнаго“ мотива, такъ какъ авторъ, указывая сходство былины съ различными эпизодами сказаній другихъ народовъ, только констатируетъ это сходство, но не рѣшается говорить прямо о заимствованіи.

Наиболѣе интересную часть труда г. Вольнера представляетъ четвертая глава — „О старшихъ богатыряхъ“ (стр. 70—90). Здѣсь авторъ, прежде всего, заявляетъ, что о мнѣологическомъ толкованіи былины о старшихъ богатыряхъ не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что „весь отдѣлъ „старшихъ“ богатырей представляетъ только совершенно произвольное соединеніе подъ одну рубрику былины самаго различнаго содержанія, не подходящихъ подъ другія рубрики, установленныя русскими изслѣдователями“ (стр. 71), и затѣмъ старается доказать это положеніе, разбирая отдѣльно типы „старшихъ“ богатырей. Самое названіе „старшихъ“, которое придается богатырямъ только въ одной былинѣ¹⁾, авторъ считаетъ отголоскомъ предполагаемаго имъ первоначальнаго „національно-героическаго“ эпоса, отголоскомъ, который такъ и замеръ въ былинѣ, не найдя себѣ отзвука въ нынѣшнемъ содержаніи нашего эпоса. Въ самомъ дѣлѣ, что такое эти „старшіе“ богатыри и почему именно они „старшіе“? спрашиваетъ г. Вольнеръ—и отвѣчаетъ: „Только потому, что изслѣдователи русскаго эпоса привыкли считать появленіе Ильи-Муромца у Владимира за начало новой эпохи, новаго порядка вещей, и исходя изъ такого возрѣнія, стараются подкрѣпить его ссылками на самыя ничтожныя обстоятельства. Благодаря тому; они и провозгласили

¹⁾ Куртескій, I, стр. 78, ст. 45—48; стр. 80, ст. 134—137; стр. 81, ст. 170—174, дословно повторяется одно и то же три раза.

„старшими“ всѣхъ богатырей, находившихся при дворѣ Владиміра до появленія Ильи-Муромца“.

Попытка отнять у „старшихъ“ всякое старшинство — попытка оригинальная; но нельзя сказать, чтобы она удалась г. Вольнеру вполне. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ онъ свою задачу.

Какіе богатыри называются обыкновенно „старшими“? Вольга, Микула, Святогоръ, Самсонъ, Сухманъ (о каждомъ изъ нихъ существуютъ особыя былины); далѣе—Полканъ, Колманъ Ивановичъ, Иванъ Колывановичъ, Самсонъ Васильевичъ, Самсонъ Самойловичъ (упоминаемый въ былинѣ о Святогорѣ) и Малаферъ или Малафей (всѣ эти богатыри извѣстны въ былинахъ только по имени). Прежде всего надо замѣтить, что выраженіе автора, будто „старшими“ называются богатыри, находившіеся у Владиміра до пріѣзда Ильи, неточно: Вольга, Микула, Колманъ, Малафей вовсе не упоминаются въ перечнѣ Владиміровой дружины (см., напр., Кирѣевскаго, I, № 6); Святогоръ же хотя и упоминается, но въ былинахъ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-либо отношеніе его къ Владиміру. Малафей (Кир., IV, стр. 122, вар.), иначе называемый Молоферомъ (тамъ же, стр. 131, ст. 56), упоминается въ пѣснѣ объ Анкиѣ-воинѣ, гдѣ Смерть перечисляетъ побѣжденныхъ ею богатырей; не говоря уже о слѣдствіи его имени съ библейскимъ именемъ Олоферна, нѣтъ никакого основанія заключать, что онъ принадлежитъ къ числу „старшихъ“ богатырей.

Разсматривая другихъ „старшихъ“ богатырей, извѣстныхъ только по имени, авторъ справедливо замѣчаетъ, что Полканъ происхожденія чуждаго, книжнаго, что это имя — о чемъ подробно было говорено въ свое время г. Ботляревскимъ — передѣлалось изъ „Pulcane“ и зашло къ намъ вмѣстѣ съ передѣлкою извѣстной италіанской повѣсти *Viuvo d'Antona* (Бова Королевичъ); Колманъ Ивановичъ или Иванъ Колывановичъ (очевидно, это одно и то же имя) упоминается на богатырской заставѣ подъ начальствомъ Ильи; слѣдовательно, его нельзя считать „старшимъ“; кромѣ этого упоминанія, о немъ ничего неизвѣстно. Самсонъ Самойловичъ, по мнѣнію автора, библейскаго происхожденія; хотя въ былинномъ разказѣ о томъ, какъ онъ хотѣлъ перепрыгнуть черезъ Дунай-рѣку и попалъ въ воду—ничего библейскаго нѣтъ, однако мы не видимъ причины спорить съ г. Вольнеромъ о „старшинствѣ“ этого богатыря. Какъ этотъ, такъ и другой Самсонъ (Колывановичъ, Васильевичъ), представляють, въ сущности, отголосокъ Самсона-Святогора, о которомъ существуютъ особыя былины, и котораго, дѣйствительно, можно назвать богатыремъ библей-

скаго происхожденія; достаточно припомнить былинну въ III-мъ томѣ Рыбниковскаго сборника, гдѣ цѣлкомъ воспроизводится разказъ о библейскомъ Самсонѣ. Что касается до Святогора, во многихъ отношеніяхъ близкаго къ Самсону и даже отождествляемаго съ нимъ, то этотъ богатырь, по мнѣнію г. Вольнера, есть никто иной, какъ „святой Бгоръ“: сходство послѣдняго слога -горъ съ словомъ гора породило представленіе о святыхъ горахъ, на которыхъ, будто бы, живеть этотъ богатырь, а отсюда явилось и представленіе о немъ, какъ о такомъ гигантѣ, котораго земля не носитъ, и который жалуется на свою чрезмѣрную силу. Благодаря этому же представленію, Илья-Муромецъ очутился у Святогора въ карманѣ. Приключеніе Святогора съ „переметною сумочкой“ Микулы (и Самсона съ такою же сумочкой ангела) сравнивается съ подобнымъ же разказомъ о Маркѣ-Кралевичѣ и объясняется, вопреки мнѣнію г. Ор. Миллера, не желаніемъ народа указать на превосходство земледѣльца передъ грубымъ бродячимъ силачемъ, а христіанскою моралью: это — наказаніе за похвальбу, въ родѣ того наказанія, какому подверглись всѣ витязи, требовавшіе боя съ „силой невѣдѣшней“. Ниже, говоря о Микулѣ и Вольгѣ, авторъ отрицаетъ мнѣніе г. Ор. Миллера, но на его мѣсто не выставляетъ своего.

Разказъ о встрѣчѣ Ильи-Муромца съ женою Святогора представляется г. Вольнеру до такой степени близкимъ въ одной сказкѣ изъ Тисячи и одной ночи, что онъ рѣшается предположить здѣсь заимствованіе—если не прямое, то посредственное, чрезъ магометанъ восточной и южной Россіи. Разказъ о смерти Святогора кажется ему также заимствованнымъ съ Востока. Дѣйствительно, приходящая имъ магометанская легенда дословно повторяетъ тотъ же мотивъ, который мы видимъ въ началѣ разказа о смерти Святогора: архангелъ Гавріилъ ведетъ Моисея, Аарона и его сына на высокую гору. Тамъ они находятъ пещеру, а въ ней — гробъ съ надписью: „Я назначенъ для того, кто во мнѣ помѣстится“. Моисей ложится въ гробъ, но для него гробъ оказывается малъ; тогда ложится Ааронъ — и ему гробъ приходится въ пору¹⁾. Но дальнѣйшій разказъ совершенно несходенъ съ былинной о Святогорѣ, такъ что этотъ эпизодъ въ цѣломъ, всѣтаки, остался у г. Вольнера не выясненнымъ.

Въ этомъ объясненіи Святогора самымъ слабымъ пунктомъ ка-

¹⁾ Weil, Biblische Legenden der Mohammedaner, стр. 185; ср. еще тамъ же, стр. 189—191, легенду о смерти Моисея.

жется намъ отождествленіе его съ св. Егоріемъ, отождествленіе, не идущее далѣе сходства именъ и ничѣмъ не доказанное. Напротивъ, извѣстно, что былинный Святоторъ и былинный же Егорій Храбрый не имѣютъ между собою ничего общаго; если сравнивать Егорья съ богатырями, то для такого сравненія родится только Добрыня (бой со змѣемъ); но и Добрыня съ Святоторомъ, кромѣ богатырства, ничего общаго не имѣетъ. Такимъ образомъ, г. Вольверу не удалось доказать чуждаго происхожденія Святотора; да еслибъ это и удалось, если бы даже первообразъ Святотора и открылся въ героѣ какого-нибудь иноземнаго сказанія (въ возможности этого нѣтъ ничего невѣроятнаго), если бы, слѣдовательно, было доказано заимствование, то и въ такомъ случаѣ отношенія Святотора къ Ильѣ-Муромцу несомнѣнно указываютъ на старшинство великана-богатыря. Достаточно припомнить, что Святотору „не съ кѣмъ силой помѣряться“ (Рыбн., I, стр. 32—33), что калики, исцѣливъ Илью, налагаютъ на него зарокъ не драться съ Святоторомъ: „его и земля на себѣ черезъ силу носить“ (Рыбн., I, № 8); что Святоторъ „внучилъ Илью всѣмъ похваткамъ, воѣздаемъ богатырскимъ“ (Р., I, стр. 40); что въ одной побывальницѣ Ильѣ бѣжитъ отъ Святотора (Миллеръ, Ильѣ Мур., 243—244), называетъ его бѣльшимъ братомъ (Р., I, № 8) и что Святоторъ передаетъ, умирая, Ильѣ свою силу; достаточно припомнить все это, чтобы сказать, что представленіе о Святоторѣ, какъ о богатырѣ старшемъ, совершенно основательно. Увлеченіемъ своимъ желаніемъ уничтожить старшинство въ богатырской средѣ, г. Вольверъ, очевидно, не обратилъ вниманія на указанные нами признаки; онъ даже не упоминаетъ о нихъ.

Переходя затѣмъ къ быльямъ о Вольгѣ и останавливаясь на предположеніяхъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, желавшихъ видѣть въ этомъ богатырѣ историческаго Олега (Вѣяга или Святославича), авторъ справедливо замѣчаетъ, что очень можетъ быть, нѣкогда и существовали пѣсни объ Олгѣ (какъ существовали и преданія о немъ), и что имя Вольги Всеславьевича или Святославича представляетъ историческое воспоминаніе, но что былины о Вольгѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ихъ теперь, имѣютъ содержаніе совершенно сказочное, и что, кромѣ формы, ничего эпического въ нихъ нѣтъ. Это замѣчаніе относится, однако, главнымъ образомъ къ былинамъ о Волхѣ, то-есть, о томъ героѣ, который съ своею дружиношкой храброю ходитъ въ Индію и въ Турецъ-земли и достигаетъ успѣха благодаря своему оборотничеству; былины же о Вольгѣ, то-есть, о бога-

тирѣ, дѣйствующемъ на Руси, собирающемъ дань съ городовъ встрѣчающемся съ Микулоу Селяниновичемъ, остаются у г. Вольнера не разъясненными. Онъ пытается отождествить Микулу съ Николой Можайскимъ, который „всегда является въ былинахъ, какъ *deus ex machina*, всегда, гдѣ по ходу дѣйствія требуется вѣщательство высшей силы“; но это отождествленіе, основанное только на сходствѣ имени, совершенно произвольно и ни къ чему не ведетъ. Вопросъ о „старшинствѣ“ Вольги остается нерѣшеннымъ.

Остается еще Суханъ или Сухмантій Одимантьевичъ. Вопросъ о его „старшинствѣ“ былъ рѣшенъ отрицательно еще Ор. Ф. Миллеромъ (Илья-Муромецъ, 617); дѣйствительно, трудно понять, на какомъ основаніи полагаетъ г. Безсоновъ, что Сухмантій „носитъ на себѣ явные слѣды происхожденіе мнѣческаго, доисторическаго“; при всемъ желаніи истолковать его мнѣчески, это оказывается рѣшительно невозможнымъ. По мнѣнію, г. Вольнера, былина о Сухмантій, по своему трагическому исходу, должна быть признана одною изъ самыхъ прекрасныхъ, но вѣсть съ тѣмъ и одною изъ наименѣ эпическихъ былинъ. Сентиментальный характеръ этой былинны указываетъ, по мнѣнію г. Вольнера, на вліяніе литературное, и притомъ, вѣроятно, новѣйшаго времени. Сравненіе съ другою былинной подобнаго же содержанія, съ былинной про Давилу Довчанина, гдѣ главнымъ мотивомъ является также несправедливость князя Владиміра, едва ли привело бы автора къ заключенію о вліяніи литературномъ.

Таковы результаты, полученные авторомъ относительно „старшихъ“ богатырей. Дѣйствительно, ему удалось показать неосновательность подведенія подъ эту рубрику всѣхъ, обыкновенно помѣщаемыхъ въ ней, богатырей—кромѣ, однако, Святослора, который съ этой стороны обследованъ имъ недостаточно, и не смотря на всѣ старанія автора совершенно уничтожить въ перечнѣ богатырей разрядъ „старшихъ“, все-таки остается единственнымъ представителемъ этого разряда. Не говоримъ о Микулѣ, объясненіе котораго автору также не удалось: отставать „старшинство“ Микулы даже и съ точки зрѣнія прежнихъ ходячихъ объясненій, нѣтъ никакого основанія. Теорію мнѣологическаго толкованія былинъ г. Вольнеръ считаетъ, очевидно, уже устарѣлою (*überwanden*), хотя и не заявляетъ объ этомъ прямо; онъ совершенно игнорируетъ эту теорію, и въ замѣнъ ея на первый планъ выдвигаетъ, какъ и слѣдуетъ, методъ обще-сравнительный. Затрогивая вообще вопросы первостепенной важности, какъ напримѣръ, вопросъ о происхожденіи былинъ и о замѣнѣ въ нихъ стараго героическаго

содержанія новымъ, сказочнымъ, онъ ограничивается только постановкой этихъ вопросовъ и не даетъ ихъ рѣшенія, а только заранее излагаетъ свои выводы, — излагаетъ ихъ почти совершенно а priori, такъ что читатель, не привыкшій вѣрить на слово, въ правѣ требовать доказательствъ. Авторъ обѣщаетъ продолжать свои изысканія въ этомъ направленіи; но пока это обѣщаніе не будетъ исполнено, пока не будутъ представлены достаточно основательные доводы въ пользу новаго взгляда, мы должны признать книгу г. Вольнера только интересною попыткой указать на новые пути; главная мысль автора и главная часть его книги остаются, такимъ образомъ, — можетъ быть только до поры до времени — не убѣдительными.

Въ приложеніи къ изслѣдованію (стр. 91 — 147) излагается довольно подробно содержаніе важнѣйшихъ былинъ, при чемъ авторъ пользуется сборниками Кирѣевского, Рыбникова и Гильфердинга. Читатель, не знающій по русски, можетъ, такимъ образомъ, достаточно ознакомиться съ содержаніемъ нашего народнаго эпоса и провѣрить указанія и заключенія автора книги.

II. Морезовъ.

Oeuvres de Gillebert de Lanney, voyageur, diplomate et moraliste. Récueillies et publiées par Ch. Potvin, avec des notes géographiques et une carte, par J. C. Hougeau (Сочиненія Гильберта де-Ланнуа, путешественника, дипломата и моралиста. Собраны и изданы К. Потвеномъ, съ приложеніемъ географическихъ приложеній и карты, составленныхъ И. С. Гуго). Louvain, 1878.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ одномъ изъ собраній Русскаго географическаго общества, покойный П. С. Савельевъ сообщил очеркъ путешествія въ Прибалтійскія страны, Великій Новгородъ и Псковъ, совершеннаго рыцаремъ Гильбертомъ де-Ланнуа въ 1412 — 1414 годахъ. „Вотъ довольно примѣчательное явленіе“, говорилъ при этомъ случаѣ Савельевъ, — „странствующій рыцарь съ береговъ Слейсы, попавшій въ Новгородъ и Псковъ въ 1413 году! Ни Аделунгъ, авторъ „Критическо-литературнаго обозрѣнія путешественниковъ въ Россіи“, ни издатель его, не знали этого рыцаря, котораго отнынѣ должно поставить первымъ въ спискѣ путешественниковъ по Россіи XV вѣка непосредственно предъ Иосафатомъ Барбаро“. И дѣйствительно, до сообщенія Савельева въ 1850 году, замѣтки де-Ланнуа, относящіяся до Россіи, не были у насъ извѣстны, не смотря на то, что старинная часть ссѣт, отд. 2.

ный французскій подлинникъ путевыхъ записокъ и отчетовъ этого рыцаря изданъ былъ вполне еще въ 1840 году ¹⁾, а часть тѣхъ же отчетовъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыя замѣтки о южной Руси, появилась въ печати еще въ 1821 году ²⁾; кроме того, въ 1844 году изданъ былъ трудъ Лелевеля, въ которомъ онъ представилъ французскій подлинникъ и польскій переводъ извѣстій де-Ланнуа о разныхъ славянскихъ земляхъ и снабдилъ послѣдній обстоятельнымъ комментариемъ ³⁾. Савельевъ въ свою очередь предполагалъ исполнить подобный же трудъ на русскомъ языкѣ, но къ сожалѣнію, намѣреніе его не осуществилось, и памятникомъ его занятій надъ записками де-Ланнуа осталось лишь вышеупомянутое сообщеніе, напечатанное въ Извѣстіяхъ Географическаго Общества за 1850 годъ.

Вскорѣ послѣ сообщенія Савельева, въ 1852 году, Ф. К. Брунъ также обратилъ вниманіе на извѣстія де-Ланнуа; но между тѣмъ какъ Савельевъ говорилъ исключительно о поѣздѣ этого рыцаря въ Новгородъ и Псковъ въ 1413—1414 годахъ, г. Брунъ остановился только на замѣткахъ де-Ланнуа о Валахіи, Подолѣ, нижнеднѣпровскихъ степяхъ и Крымѣ, которыя нашъ путешественникъ посѣтилъ уже въ 1421 году. Г. Брунъ перевелъ и комментировалъ эту часть записокъ де-Ланнуа въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей, т. III, 1853 года.

Наконецъ, въ 1873 году, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ была помѣщена статья г. Емельянова: „Путешествія Гилльбера де-Ланнуа въ восточныя земли Европы въ 1413—1414 и 1421 годахъ“. Здѣсь мы находимъ біографію нашего рыцаря, опытъ критической оцѣнки его извѣстій и переводъ ихъ съ текста, сообщеннаго Лелевелемъ. Исслѣдователь воспользовался комментаріями какъ польскаго ученаго, такъ и г. Бруна; статья же Савельева осталась ему неизвѣстною.

¹⁾ Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399—1450. Mons, 1840. Это изданіе, сдѣланное обществомъ бельгійскихъ библіомановъ, напечатано по рукописи г. Серрюра (нынѣ Брюссельской бібліотеки) и снабжено объясненіемъ географическихъ именъ, глоссаріемъ и картою, составленною I. Лелевелемъ.

²⁾ Эти замѣтки входятъ въ составъ отчета де-Ланнуа о его путешествіи въ Сирію и Египетъ, который издавъ въ 1821 г. Дж. Веббомъ (J. Webb) въ т. XX сборника: Archaeologia Britannica, подъ заглавіемъ: A Survey of Egypt and Syria undertaken in the year 1422 by sir Gilbert de Lannoy.

³⁾ Rozbiory dzieł obejmujących albo dzieje albo rzeczy Polskie zóznymi czasy. Pozn. 1844.

Такимъ образомъ, путевыя записки де-Ланнуа уже не разъ привлекали къ себѣ вниманіе русскихъ и польскихъ ученыхъ. Извѣстія де-Ланнуа уже въ значительной мѣрѣ разъяснены свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, хотя и могутъ, конечно, подлежать еще многимъ дальнѣйшимъ и подробнѣйшимъ комментаріямъ. Но для критики этихъ извѣстій важно не только сопоставленіе ихъ съ другими источниками, — необходимо также выяснитъ обстоятельнѣе и умственную и нравственную фізіономію самого ихъ автора: богатый матеріалъ для такой задачи представляетъ книга, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, и на которую мы желали бы обратить вниманіе лицъ, занимающихся русскою исторіей.

Изданіе г. Потвена содержитъ въ себѣ не только текстъ всѣхъ сохранившихся путевыхъ записокъ и отчетовъ де-Ланнуа, напечатанный по нѣсколькимъ рукописямъ, но и текстъ другихъ сочиненій почтеннаго рыцаря, а именно — „Наставленія юному государю“ и „Отеческихъ поученій“; розысканіями г. Потвена впервые точно определено, что эти два послѣднія сочиненія написаны Гильбертомъ де-Ланнуа, а не другими лицами, которымъ они приписывались. Сверхъ того, въ изданіи г. Потвена мы находимъ пространное введеніе, въ которомъ разказана біографія де-Ланнуа и оцѣнены его сочиненія, а также находимъ хронологическую таблицу всѣхъ событій его жизни съ указаніемъ на разные документы, въ коихъ онъ упоминается, географическій комментарий къ его путевымъ запискамъ, разнаго рода указатели, и наконецъ, приложение, въ которомъ подробно описана одна рукопись, по своему содержанію весьма важная для исторіи рода де-Ланнуа и для жизнеописанія Гильберта. Обстоятельность этого труда заслуживаетъ всякаго одобренія, а богатство внутренняго его содержанія проливаетъ значительный свѣтъ на замѣчательную личность фламандскаго рыцаря, посѣтившаго нашу Русь въ первой четверти XV вѣка.

Делевель, Савельевъ и г. Брунъ представляютъ Гильберта де-Ланнуа преимущественно искателемъ приключеній. „Это типъ кочеваго рыцаря XV вѣка“, говоритъ Савельевъ. — „Онъ.... любилъ пожить весело, среди опасностей и трудовъ: въ самомъ девизѣ своего герба написалъ онъ: *Votre plaisir*; то, для спасенія души, ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ и другія Св. Мѣста, то спѣшилъ на край Европы подраться гдѣ есть пожива. Испанія, Франція, Англія, Пруссія, Ливонія, Русь, Польша, Греція, Турція, гдѣ бы ни дрались — Ланнуа спѣшилъ туда, чтобы, по понятію вѣка и своей касты, искать

тамъ „чести и славы“. Ни одна порядочная война не обходилась безъ его участія... На дѣлѣ однако оказывается, что эта красивая характеристика не вполне вѣрна. Только въ статьѣ г. Емельянова на дипломатическую дѣятельность Гильберта обращено больше вниманія, чѣмъ въ статьяхъ вышеназванныхъ авторовъ. Изданіе же г. Потвена подробно разъясняетъ намъ личность Гильберта какъ дипломата, воина, государственнаго человѣка, и сверхъ того, какъ „моралиста“. Воспользуемся матеріаломъ, представляемымъ книгой г. Потвена, чтобы нѣсколько характеризовать де-Ланнуа съ этихъ сторонъ.

Гильбертъ принадлежалъ къ одному изъ знатныхъ родовъ провинціи Геннегау (Hainaut). Онъ родился въ 1386 году и уже тринадцати лѣтъ началъ свое военное поприще. Съ 1399 по 1412 годъ онъ успѣлъ уже побывать въ нѣсколькихъ морскихъ экспедиціяхъ и сухопутныхъ походахъ—у береговъ Англій и въ Испаніи, успѣлъ сходить паломникомъ въ Іерусалимъ и посѣтить Египеть. И повсюду одинаково увлекали его какъ боевые успѣхи, такъ и любознательность путешественника: отправляясь на поклоненіе какой-нибудь святыни, онъ не упускалъ случая посѣтить и другія мѣста, гдѣ святынь не было; возвращаясь изъ какого-нибудь похода, онъ съ удовольствіемъ осматривалъ на пути города и замки, которые составляютъ, по его выраженію, „прекрасное и удивительное зрѣлище“. Въ 1412 году онъ поступилъ на службу къ Бургундскому двору, и съ этихъ поръ пребываніе при могущественныхъ въ то время Бургундскихъ герцогахъ—сперва при Іоаннѣ Безстрашномъ, а затѣмъ при Филиппѣ Добромъ, открыло широкое поле для развитія дарованій и дѣятельности Гильберта. Прежде однако, чѣмъ занять видное мѣсто въ бургундской службѣ, онъ рѣшился предпринять еще одно дальнее странствованіе. Въ то время среди геннегаускаго дворянства существовалъ обычай ѣздить къ рыцарямъ Тевтонскаго ордена, чтобы въ борьбѣ съ „невѣрными“ (литовскими язычниками) добывать себѣ рыцарскую славу, или по крайней мѣрѣ, рыцарскія шпоры. А Гильбертъ еще не былъ тогда посвященъ въ рыцари. Итакъ, въ 1413 году онъ отправился въ Пруссію.

Де-Ланнуа плылъ моремъ до самаго Данцига; стало быть, на пути посѣтилъ и Данію. Затѣмъ по прибытіи къ меченосцамъ, которыхъ великимъ магистромъ былъ тогда Генрихъ фонъ-Плауенъ, Гильбертъ принялъ участіе въ „поѣздѣ“, который рыцари совершали на Польшу и Померанію, подъ тѣмъ предлогомъ, что король Польскій и герцогъ Померанскій благопріятствовали литовскимъ язычникамъ; въ Помера-

ніи рыцари „сожгли до пятидесяти селъ и захватили множество скота“, но въ Мазови они, по видимому, потерпѣли неудачу, и самъ Гильбертъ былъ сильно раненъ въ одномъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе храбрость его доставила ему право на посвященіе въ рыцари, что и послѣдовало въ августѣ 1413 года. Въ концѣ же этого года де-Ланнуа и удалось посѣтить Новгородъ Великій и Псковъ, а затѣмъ, черезъ Литву и Польшу, Богемію и Германію, онъ возвратился въ 1414 году на родину. Въ слѣдующемъ году, отличившись въ сраженіи подъ Азенкуромъ, онъ заслужилъ расположеніе Іоанна Безстрашнаго и его сына, и ему было поручено начальствованіе надъ шлюзовымъ укрѣпленіемъ на рѣкѣ Слйесѣ или Эклюзѣ во Фландріи. Эту должность Гильбертъ сохранялъ въ теченіе тридцати лѣтъ, исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ и другія порученія своихъ государей. Такъ какъ въ то время Филиппъ Добрый управлялъ сѣверными владѣніями своего отца, то Гильбертъ имѣлъ возможность въ особенности съ нимъ сблизиться; когда же, въ 1419 году, Филиппъ унаслѣдовалъ своему отцу и выступилъ мстителемъ за его смерть отъ руки убійцъ, подсланныхъ французскимъ дофиномъ,—Гильбертъ явился однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ и довѣреннѣйшихъ приближенныхъ новаго герцога. Союзъ Бургунскаго герцога и всей бургундской партіи съ королемъ Англійскимъ доставилъ этимъ государямъ первенствующее значеніе въ Европѣ, и ихъ блестящіе успѣхи внушили имъ дальнѣйшіе честолюбивые планы. У нихъ возникла мысль о новомъ крестовомъ походѣ; вслѣдствіе того король Англійскій отъ своего имени и отъ имени короля Франціи, въ которой онъ принималъ регентство, и герцогъ Вургундскій поручили Гильберту совершить путешествіе на востокъ съ политическою цѣлью (1421 г.). Эта вторая поѣздка нашего рыцаря очень отличается отъ первой: конечно, и на сей разъ онъ подвергается большимъ опасностямъ и переноситъ большія трудности, но все же является тутъ уже не скромнымъ юношей, ищущимъ рыцарскаго званія, а полномочнымъ посланникомъ могущественныхъ дворовъ, который странствуетъ по Европѣ съ большою свитой, посѣщаетъ чужіе дворы и подноситъ чужимъ государямъ великолѣпные подарки, и котораго повсюду встрѣчаютъ съ изысканнымъ гостепримствомъ и почетомъ; въ Константинополѣ, въ бесѣдѣ съ императоромъ Мануиломъ, онъ затрогиваетъ вопросъ о соединеніи церквей и наблюдаетъ за развитіемъ турецкаго могущества и борьбой противъ него христіанъ Балканскаго полуострова. Видя невозможность ѣхать сухимъ путемъ, Гильбертъ снаряжаетъ свои особыя суда, и оставя большую часть своей свиты на

Родосъ, обязываетъ всю Палестину, чтобы, вмѣстѣ съ поклоненіемъ тамошнямъ святынямъ, произвести нѣчто въ родѣ военной ремогно-сцировки Обѣтованной земли.

Два года Гильбертъ провелъ въ этихъ странствованіяхъ, а когда онъ возвратился, то засталъ на западѣ обстоятельства сильно измѣнившимися: и Генрихъ V Англійскій, и Карлъ VI Французскій сошли въ могилу; герцогъ Бедфордъ сталъ регентомъ Франціи отъ имени малолѣтняго Англійскаго короля Генриха VI, а на французскій престолъ вступилъ Карлъ VII; Филиппъ все болѣе и болѣе втягивался во французскія дѣла. Гильбертъ лично представилъ свой письменный отчетъ въ Лондонѣ и Бросселѣ, но ни тамъ, ни здѣсь его докладъ не оказался уже ко времени. Это однако не измѣнило отношеній Филиппа къ своему вѣрному и способному слугѣ; начиная съ этихъ поръ, Гильбертъ является постоянно однимъ изъ лучшихъ его сотрудниковъ, какъ на войнѣ, такъ и въ дипломатическихъ переговорахъ, и во внутреннемъ управленіи государствомъ: онъ ѣздитъ посломъ и въ Шотландію, и къ императору Сигизмунду, и къ французскому двору; въ 1429 году Филиппъ Добрый возымѣлъ намѣреніе вмѣшаться въ гуситскія войны,—Гильбертъ посланъ присмотрѣться къ чешскимъ дѣламъ, и произведя эту новую развѣдку, отклоняетъ предположенное вмѣшательство. Между тѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ напряженная политика и расточительность Филиппа, дворъ котораго слылъ въ то время самымъ блестящимъ въ Европѣ, разстраиваютъ финансы его государства; среди его подданныхъ распространяется неудовольствіе, и въ богатой Фландріи подымается знамя возстанія: Гильбертъ является его усмирителемъ, а вскорѣ затѣмъ подаетъ Филиппу мысль учредить государственный совѣтъ для лучшаго управленія дѣлами своей страны и для приведенія въ порядокъ ея финансовъ. Указъ Филиппа о великомъ совѣтѣ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воспроизводящій точныя выраженія той докладной записки, въ которой Гильбертъ развивалъ свой проектъ этого учрежденія) изданъ въ 1446 году, и Гильбертъ становится однимъ изъ главныхъ членовъ новаго совѣта. И послѣ упорной борьбы во Франціи герцогъ Филиппъ не хотѣлъ однако отказаться отъ широкихъ плановъ, которые занимали его въ прежнее время. Онъ снова задумываетъ вмѣшаться въ восточныя дѣла и снова поручаетъ Гильберту приготовить экспедицію на помощь восточнымъ христіанамъ. Въ 1446 году Гильбертъ ѣдетъ къ королю Аррагонскому, въ Венецію и Римъ, и затѣмъ на востокъ—въ Кандію, Родосъ, Кипръ и Палестину. На этотъ разъ его новое по-

сольство имѣло практическіе результаты: флотъ Бургундскаго герцога былъ отправленъ въ Средиземное море и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не безъ успѣха боролся съ Турками у береговъ Родоса, Кипра и Варварійскихъ владѣній.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ великаго совѣта эта бургундская экспедиція противъ Турокъ, хотя и не предотвратила взятія ими Константинополя, была самымъ блестящимъ результатомъ дѣятельности Гильберта де-Ланнуа. Послѣ нея онъ прожилъ еще до 1462 года, когда скончался въ глубокой старости. Вѣроятно, въ эти-то послѣдніе годы своей жизни, совершивъ въ 1450 году еще одно паломничество въ Римъ, онъ—какъ предполагаетъ г. Потвенъ—заялся пополненіемъ своихъ записокъ, и къ представленнымъ въ 1423 году отчетамъ присоединилъ краткій перечень своихъ позднѣйшихъ паломничествъ, походовъ и посольствъ. Тогда же, вѣроятно, написаны были имъ и другія сочиненія—„Наставленіе молодому государю“ и „Отческое поученіе“.

Гильбертъ однако самъ говорилъ, что онъ не ученый и не книжникъ. Въ тотъ порядокъ, въ какомъ сохранились его путевыя записки и отчеты, они приведены его капелланомъ послѣ его смерти. Но въ его сочиненіяхъ сказывается его энергическій, пытливый духъ, его многообразная опытность, которыя и придаютъ имъ интересъ выше многихъ произведеній настоящихъ книжниковъ.

У него была врожденная наблюдательность. Онъ видитъ вещи ясно и въ точныхъ выраженіяхъ высказываетъ то, что видѣлъ. Простымъ но мѣткимъ словомъ очерчиваетъ онъ города, замки, рѣки, урочища, естественныя богатства страны и состояніе ея хозяйственной культуры; обращаетъ вниманіе на разстоянія, климатъ, глубину водъ, состояніе дорогъ, средства сообщенія, способы продовольствія и торговли; онъ не забываетъ упомянуть о водныхъ ключахъ и водоемахъ, о переправахъ и пристаняхъ, объ оборонительныхъ пунктахъ и ихъ хорошемъ или дурномъ состояніи, о томъ, гдѣ нужно брать лоцмановъ, и гдѣ слѣдуетъ опасаться разбойниковъ, даже о томъ, какой городъ удобно предать огню, и какой доступенъ внезапному нападенію. Все это доказываетъ, что онъ наблюдатель внимательный и не увлекающійся, разносторонній, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющій сосредоточить свое вниманіе на предметахъ существенныхъ для его дѣла то-есть, для военной развѣдки страны.

Въ виду той же дѣли Гильбертъ изучаетъ и населеніе посѣщаемыхъ имъ странъ. О христіанахъ восточныхъ онъ замѣчаетъ лишь вскользь, что по своему зависимому положенію они мало пользы моз-

гутъ привести крестоносцамъ. За то о „невѣрныхъ“ въ Сиріи и Египтѣ онъ говоритъ подробно и обстоятельно оцѣниваетъ способности и приемы ихъ веденія войны. Сарацины почти безоружны и преданы суровому рабству. Арабы имѣютъ лишь легкое оружіе, бѣдны и не покорны, но храбры. Туркмены еще храбрѣе Арабовъ, храбрѣе самыхъ войскъ султана и вѣрные его слуги. Одна изъ лучшихъ и наиболѣе содержательныхъ главъ путевыхъ записокъ де-Ланнуа есть та, въ которой онъ описываетъ управление Египта и Сиріи, господство военнаго деспотизма, однообразіе котораго лишь прерывается по временамъ ужасными дворцовыми революціями. Послѣдствія такого порядка вещей очень умно указаны Гильбертомъ въ томъ замѣчаніи, что подавленное деспотизмомъ населеніе Египта остается безучастнымъ къ ходу дѣлъ даже въ томъ случаѣ, если въ страну вносится война: „ни одна изъ общинъ не приходитъ въ движеніе“, каждый пребываетъ на своей чредѣ, при лежащемъ на немъ дѣлѣ, и „всякъ, кто захочетъ, можетъ стать господиномъ“.

Не слѣдуетъ однако думать, что путевыя наблюденія де-Ланнуа имѣютъ исключительно военный характеръ. Съ обычной своею отчетливостью описываетъ онъ и святыни Палестины, и народные нравы Новгородцевъ, Псковитянь, Татаръ, и гостепріимство у разныхъ государей. Трезвая правдивость его разказа простирается до того, что, при всей своей набожности, онъ отзывается о Латышахъ и Литовцахъ не иначе, какъ о „христіанахъ, насильно обращенныхъ рыцарями Прусскаго ордена“, и тѣмъ даетъ понять, что не одобряетъ такого насилія. Это впрочемъ не мѣшало ему участвовать въ поѣздахъ нѣмецкихъ рыцарей, и вмѣстѣ съ ними, предавать огню и мечу беззащитныя селенія Поморскихъ Славянъ. Съ пытливостью въ немъ соединялась отважность и беззавѣтная храбрость; онъ рѣдко довольствуется распросными свѣдѣніями и предпочитаетъ имъ личныя наблюденія, хотя бы эти послѣднія были соединены съ самыми большими трудностями; такъ, прибывъ въ Константинополь, онъ вздумалъ было ѣхать въ Палестину чрезъ Малую Азію, гдѣ между тѣмъ шла междоусобная война, и только убѣжденія императора могли удержать его отъ этого черезъ-чуръ смѣлаго шага.

Рыцарскою отвагой, которая воодушевляла Гильберта въ его странствованіяхъ и отражается въ описаніи послѣднихъ, провинуты и другія сочиненія нашего героя — нравоучительнаго содержанія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ остановиться на болѣе подробной ихъ характеристикѣ, но считаемъ нужнымъ замѣтить, что нравственный

идеаль, который де-Ланнуа предлагаетъ и молодому государю—безъ сомнѣнія сыну Филиппа Добраго, Карлу Смѣлому ¹⁾,—и своимъ собственнымъ дѣтямъ, есть, разумѣется, идеаль совершеннаго рыцаря. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря зрѣлому уму автора и мѣткости его рѣчи, эти правоучительныя его сочиненія могутъ занять видное мѣсто въ ряду тѣхъ произведеній средневѣковой западно-европейской литературы, которыя, подобно имъ, заключаютъ въ себѣ изложеніе аристократической морали рыцарства.

Возвращаясь теперѣ, послѣ всего сказаннаго о Г. де-Ланнуа на основаніи матеріаловъ, сообщаемыхъ г. Потвеномъ, къ отзывамъ о нашемъ рыцарѣ Лелевелиа и его русскихъ послѣдователей, мы, кажется, имѣемъ полное право заявить, что представленіе этихъ писателей о де-Ланнуа не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Конечно, это былъ рыцарь, но въ лучшемъ значеніи этого слова, а не дюжинный кочевой воинъ, не представитель того типа, котораго позднѣйшіе слѣды должны были со временемъ исчезнуть предъ знаменитою сатирой Сервантеса. Напротивъ того, этотъ рыцарь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ представитель новыхъ общественныхъ и политическихъ требованій, которыя стали созрѣвать въ переходный періодъ отъ средневѣковой разрозненности къ зачаткамъ политической системы новой Европы. Въ его дѣятельности личныя рыцарскіе порывы замѣтно примиряются съ государственными интересами того правительства, которому онъ служитъ, и знатный юноша, ѣздившій въ далекія страны, чтобы честно заслужить себѣ рыцарское званіе, съ годами становится многоопытнымъ знатокомъ военнаго дѣла, тонкимъ дипломатомъ и проницательнымъ государственнымъ челоуѣкомъ. Все это чрезвычайно важно, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что возвышаетъ авторитетъ его извѣстій и сужденій о посѣщенныхъ имъ странахъ.

Извѣстія де-Ланнуа о нашемъ отечествѣ не обширны; но у насъ вообще очень немного иностранныхъ извѣстій о Руси XV вѣка, и въ ряду ихъ разказы де-Ланнуа получаютъ особенную цѣну—послѣ того какъ мы ближе знакомимся съ личностью и судьбой ихъ автора. Еще Савельевъ указалъ, что свидѣтельство Гильберта объ удивительной обширности тогдашняго Новгорода ²⁾ „примѣчательно въ устахъ

¹⁾ И Карлъ, и его отецъ, и самъ Г. де-Ланнуа выведены въ «Наставленіи» подъ вымышленными именами.

²⁾ «Est la ville de la grant Noegarde merueilleusement grant ville» (изд. *Помеяна*, стр. 32).

Европейца, видѣвшаго Парижъ, Лондонъ и другія столицы Европы⁴. Для исторіи военнаго дѣла въ Россіи очень важны замѣчанія Гильберта, какъ военнаго человѣка, выдавшаго уже не мало вѣрностей и замковъ на западѣ, о неудовлетворительности новгородскихъ (земляныхъ съ плетнемъ) укрѣпленій въ 1413 году¹), противоположный тому отзывъ о Псковѣ, съ его каменными стѣнами и башнями²), и подробное и обстоятельное описаніе укрѣпленій Вильны³). Для исторіи нашихъ политическихъ учреждений не менѣе любопытно прочесть слѣдующее, вышедшее изъ-подъ пера человѣка, съ дѣтства знакомаго съ устройствомъ городскихъ общинъ Гента и Брюгге, описаніе новгородскаго политическаго быта: „Это вольный городъ, и управление общинное. Есть здѣсь епископъ, который у нихъ какъ государь (дополненіе въ одномъ изъ списковъ“: и нѣтъ у нихъ другого князя (гоу и государя, какъ великій князь Московскій, котораго они содержатъ государемъ, когда пожелають, а если не пожелають, то и нѣтъ“)... И есть въ томъ городѣ много знатныхъ господъ (seigneurs), которыхъ они называютъ боярами. А у инаго гражданина (bourgeois) земли миль на двѣсти въ длину: богаты и могущественны удивительно. И нѣтъ у Русскихъ Великой Руси (то-есть, Великаго Новгорода) другихъ господъ, кромѣ выбираемыхъ по очереди—кого захочетъ община (le conseil)... И есть у нихъ два сановника (officiers)—тысяцкій (duc)⁴) и посадникъ (bourchgrave), которые правятъ городомъ, и тѣ правители мѣняются изъ года въ годъ“⁵). Историкъ частнаго быта старинной Руси и изслѣдователь ея географіи также найдутъ въ запискахъ де-Ланнуа не мало полезныхъ свѣдѣній и указаній.

Свѣдѣнія де-Ланнуа о Руси—какъ мы уже говорили—вообще коротки, но въ то же время отличаются точностью, и если между ними попадаются два-три извѣстія сомнительныя или явнымъ образомъ оши-

¹) «Est la ville fermée de meschans murs fais de cloyes et de terre, combien que les tours sont de pierre» (тамъ же, стр. 33).

²) «Est Plesco moult bien fermée de murs de pierre et de tours, et y a unq chateau moult grant, où nul francq cristien ne peut entrer qu'il ne lui faille morir» (тамъ же, стр. 36). Здѣсь *francq cristien* употреблено въ томъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ западныхъ Европейцевъ зовутъ на турецкомъ востокѣ Франками.

³) Тамъ же, стр. 40.

⁴) См. въ статьѣ г. Емельянова (стр. 25, прим.) объясненіе, почему употребляемое Гильбертомъ слово *duc* слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ «князя», а въ смыслѣ «тысяцкаго». Прибавимъ къ этимъ соображеніямъ, что великаго князя Московскаго, а также князя Псковскаго, де-Ланнуа называетъ не *duc a roy*.

⁵) Изданіе г. Цотвена, стр. 33, 34.

бочныя, то это должно объяснять однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній, въ которыя нерѣдко впадаютъ чужестранцы-путешественники, а отнюдь не намѣренною ложью или легкомысліемъ Гильберта. Въ не разъ упомянутой статьѣ г. Емельянова есть нѣсколько дѣльныхъ соображеній по этому поводу, которыя сводятся, между прочимъ, къ вопросу о томъ: когда, въ какое время своей жизни де-Ланнуа писалъ записки о своихъ странствованіяхъ—во время ли пути, вскорѣ ли послѣ своего возвращенія изъ поѣздокъ, или наконецъ, гораздо позже, по воспоминаніямъ. Г. Емельяновъ склоняется ко второму изъ этихъ предположеній. Съ своей стороны г. Потвентъ въ своемъ введеніи почти не затрогиваетъ этого вопроса и ограничивается лишь немногими (приведенными нами выше) догадками, которыя притомъ и къ сожалѣнію, не отличаются опредѣленностью, и стало быть, мало подвигаютъ рѣшеніе этого вопроса.

Въ началѣ своей книги г. Потвентъ говоритъ, что, издавая собраніе сочиненій Гильберта де-Ланнуа, онъ желалъ внести свой вкладъ въ литературную исторію вѣка Бургундскихъ герцоговъ. Мы можемъ съ своей стороны сказать, что книга его есть полезный вкладъ и въ русскую науку, и безъ сомнѣнія, подастъ поводъ къ любопытнымъ изысканіямъ со стороны русскихъ и славянскихъ ученыхъ.

Л. Майковъ.

ЗАМѢТКА О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ КЛАССАХЪ ГИМНАЗІЙ И ПРОГИМНАЗІЙ.

Весь ходъ преподаванія въ школѣ зависитъ въ значительной степени отъ той подготовки, съ какою учащіеся поступаютъ въ учебное заведеніе. Особенно важную роль играетъ качество этой подготовки, ея основательность и зависящее отъ этого умственное развитіе и хорошія умственные привычки поступающихъ дѣтей.

Приготовительные классы при гимназіяхъ и прогимназіяхъ главнымъ образомъ для того и учреждены, чтобы давать контингентъ учениковъ, рационально-подготовленныхъ къ серьезному прохожденію гимназическаго курса. Поэтому, въ виду своей специальной цѣли, подготовительный классъ долженъ имѣть особенности, отличающія его отъ обыкновенной элементарной школы, а именно—качество свѣдѣній и навыковъ должно быть на первомъ планѣ, ихъ количество—на второмъ.

Какъ учрежденіе, сравнительно, новое, курсъ подготовительнаго класса нуждается въ данныхъ опыта: на практикѣ могли выясниться нѣкоторые недоразумѣнія относительно вопросовъ—что существенно необходимо для учениковъ, поступающихъ въ первый классъ, и какіе способы преподаванія наиболѣе пригодны для надлежащей подготовки къ курсу классической гимназіи.

Желая воспользоваться для отвѣта на эти вопросы тѣми данными, которыя намъ случалось встрѣчать въ своей и чужой практикѣ, мы составили предлагаемую замѣтку. Въ ней мы касаемся преподаванія одного русскаго языка, какъ учебнаго предмета, относительно котораго наиболѣе возможны недоразумѣнія.

Преподаваніе русскаго языка въ младшихъ классахъ, особенно же

въ приготовительныхъ, дѣло далеко не легкое. Это обстоятельство отчасти зависитъ отъ сложности этого учебнаго предмета, а отчасти—отъ трудности приспособить матеріалъ къ пониманію учениковъ. Въ первомъ классѣ гимназій начинается преподаваніе латинскаго языка, требующее уже значительнаго количества грамматическихъ свѣдѣній и нѣкоторой степени грамматическаго развитія. Между тѣмъ, рациональное преподаваніе грамматики въ приготовительномъ классѣ немислимо безъ достаточнаго количества упражненій въ чтеніи, пересказѣ читаннаго, безъ письменныхъ отвѣтовъ и наглядныхъ бесѣдъ. Нельзя пренебречь и спеціальными цѣлями, преслѣдуемыми каждымъ изъ этихъ упражненій: необходимо приучать къ осмысленному чтенію, къ правильному изложенію содержанія прочитаннаго (устному и письменному). Такимъ образомъ дать перевѣсъ собственно грамматическимъ упражненіямъ нельзя безъ вреда для всего дѣла: какъ я сейчасъ указалъ, отъ этого пострадало бы самое преподаваніе грамматики, не говоря уже о прочихъ важныхъ элементахъ курса русскаго языка въ приготовительномъ классѣ. Самый матеріалъ русской грамматики, съ ея часто сбивчивыми категоріями, не легко поддается элементарному изложенію; многое просто невозможно выяснить дѣтямъ возраста отъ 8 до 10 лѣтъ; вслѣдствіе этого приходится прибѣгать иногда къ механическимъ уловкамъ: кто занимался съ такими дѣтьми грамматикой, хорошо знаетъ это. Къ довершенію затрудненій, преподаватели перваго класса часто предъявляютъ слишкомъ неопредѣленныя требованія; притомъ характеръ этихъ требованій иногда не соответствуетъ ни дѣйствительнымъ нуждамъ перваго класса, ни возрасту учениковъ приготовительнаго класса. Это явленіе понятно: преподаватели гимназій не всегда хорошо знакомы съ практикой элементарнаго обученія, и потому не имѣли возможности убѣдиться лично въ трудности грамматики, въ ея отвлеченномъ видѣ, для дѣтей младшаго возраста. Результатомъ неопредѣленности и обширности требованій бываетъ то, что преподаватель приготовительнаго класса, желая удовлетворить предъявляемымъ ему требованіямъ, старается пройти побольше изъ грамматики: съ одной стороны, торопится въ сообщеніи грамматическаго матеріала, а съ другой—упускаетъ изъ виду другія, столь же важныя занятія: объяснительное чтеніе, пересказъ прочитаннаго, письменныя упражненія. Торопливость въ сообщеніи свѣдѣній изъ грамматики ведетъ къ тому, что учитель возвращается къ старому схоластическому методу преподаванія; на примѣръ, даетъ прямо образцы склоненій и упражняетъ дѣтей въ примѣненіи ихъ; между

тѣмъ, какъ рациональное преподаваніе склоненій въ приготовительномъ классѣ должно быть иное. Но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

Теперь же позволимъ себѣ изложить нѣсколько общихъ соображеній относительно тѣхъ основаній, на которыя должно опираться преподаваніе русскаго языка въ приготовительномъ классѣ; затѣмъ, укажемъ, какіе приемы, по нашему мнѣнію, наиболѣе пригодны для преподаванія грамматики въ этомъ классѣ.

Основной принципъ истинно-образовательнаго курса и главнѣйшая его цѣль есть духовное развитіе учащагося. Это положеніе служить, между прочимъ, самымъ капитальнымъ оправданіемъ классической системы образованія. Всѣ другія цѣли—на второмъ планѣ; онѣ могутъ достигаться параллельно и въ связи съ главной, но ни въ какомъ случаѣ не въ ущербъ ей: если побочныя цѣли приходятъ въ столкновеніе съ главной цѣлью, то должны быть принесены ей въ жертву. Относится ли эта истина только къ нормальнымъ классамъ, или же распространяется также и на приготовительный классъ? Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что и въ приготовительномъ классѣ долженъ господствовать принципъ развитія способностей, а не что другое: къ дальнѣйшему развитію способностей, конечно, готовятъ посредствомъ того же развитія, а не посредствомъ занятій игнорирующихъ душевныя силы учениковъ.

Поэтому, каково же должно быть преподаваніе русскаго языка въ приготовительномъ классѣ? Что должно принимать въ соображеніе при опредѣленіи содержанія и предѣловъ этого преподаванія?

Ясно, что прежде надобно установить спеціальныя цѣли преподаванія русскаго языка и тѣ разнообразныя способы, которыми эти цѣли достигаются; затѣмъ, должно принять въ соображеніе степень развитія дѣтей возраста отъ 8 до 10 лѣтъ (возрастъ учениковъ приготовительнаго класса), и, наконецъ, опредѣлить тѣ цѣли и способы преподаванія роднаго языка, которые доступны такимъ ученикамъ.

При обученіи родному языку въ общеобразовательной школѣ преимущественно имѣются въ виду слѣдующія цѣли:

1) Увеличеніе запаса словъ учащагося, то-есть разъясненіе болѣе точнаго смысла словъ, уже извѣстныхъ ему, и сообщеніе новыхъ словъ и соединенныхъ съ ними понятій. Увеличеніе запаса словесныхъ сочетаній, разъясненіе ихъ значенія.

2) Знакомство съ различными категоріями словъ, предложеній,

группъ предложеній, а также — съ общими формами, по которымъ слова и ихъ сочетанія измѣняются — то-есть, изученіе грамматики.

3) Грамматическая и логическая правильность устной и письменной рѣчи.

Эти цѣли достигаются во всѣхъ классахъ, но, разумѣется, не одинаковыми путями.

Чѣмъ моложе классъ, тѣмъ менѣе должно быть отвлеченности въ его курсѣ; чѣмъ моложе классъ, тѣмъ болѣе практической способъ долженъ преобладать надъ теоретическимъ. Въ приготовительномъ классѣ ученикъ обучается родному языку непосредственно изъ книги для чтенія и изъ рѣчи учителя; практически научается понимать отдѣльныя слова и соотношенія ихъ, цѣлыя фразы и связь ихъ между собою. Принесенный имъ въ школу запасъ словъ и выраженій приводится постепенно въ порядокъ, то-есть смутно или неправильно понимаемое дополняется, разъясняется и располагается въ правильныя сочетанія.

Преподаваніе въ приготовительномъ классѣ должно быть, такъ сказать, органическимъ: всѣ упражненія должны быть въ тѣсной связи, какъ части одного организма; одно упражненіе поддерживаетъ другое, одно другимъ обусловливается; но, притомъ, каждое упражненіе имѣетъ свою специальную цѣль. Весь ходъ преподаванія долженъ быть таковъ, чтобъ грамматическія знанія были плодомъ всего преподаванія русскаго языка, всѣхъ разнообразныхъ упражненій въ ихъ совокупности: плодомъ и объяснительнаго чтенія, и пересказа прочитаннаго, и дѣтскихъ сочиненій, диктанта, и спеціально грамматическихъ упражненій. Да иначе и быть не можетъ. Что такое грамматика? Классификація словеснаго матеріала, то-есть словъ, выраженій, предложеній, группъ предложеній. Чтобы ясно и правильно классифицировать, надо прежде освоиться съ матеріаломъ, разсмотрѣть его хорошо, накопить его побольше. Тогда общія понятія станутъ образовываться сами собою, дѣти незамѣтно для нихъ самихъ близко подойдутъ къ обобщеніямъ грамматики. Чтеніе, пересказъ прочитаннаго, письменныя отвѣты, диктантъ и другія упражненія и составляютъ собою то накопленіе и разсмотрѣніе словеснаго матеріала, о которомъ мы говоримъ, какъ о необходимой предварительной работѣ для образованія грамматическихъ понятій. Иногда встрѣчаются дѣти, которымъ весьма легко даются склоненія и другія грамматическія свѣдѣнія. При ближайшемъ знакомствѣ съ такими дѣтьми оказывается, что они дома много и хорошо читали, много занимались

устными и письменными упражненіями въ русскомъ языкѣ. Обыкновенно они и пишутъ замѣчательно правильно, не имѣя понятія ни о какихъ опредѣленныхъ орфографическихъ правилахъ. Причина такихъ явленій заключается въ томъ, что практическое знаніе родного языка (я разумѣю осмысленное чтеніе, умѣнье правильно излагать свои мысли устно и письменно) даетъ въ зародышѣ всѣ грамматическія знанія: остается развить ихъ, дать имъ болѣе опредѣленные формы и, наконецъ, закрѣпить эти формы соответствующими терминами.

На основаніи изложеннаго, курсъ русскаго языка въ приготовительномъ классѣ долженъ состоять изъ слѣдующихъ элементовъ, приводимыхъ здѣсь отдѣльно другъ отъ друга, но на практикѣ тѣсно связанныхъ:

1) Объяснительное чтеніе, упражненія въ бѣглости, выразительности и внятности чтенія. Заучиваніе наизусть стихотвореній.

2) Пересказъ прочитаннаго: а) дословный (при помощи вопросовъ при связуемомъ, подлежащемъ и т. д., причемъ текстъ воспроизводится почти безъ всякаго измѣненія), и б) съ допущеніемъ измѣненія, сокращенія или распространенія текста данной статьи.

3) Письменное изложеніе содержанія прочитаннаго по вопросамъ учителя, письменные отвѣты на разные предложенные учителемъ вопросы.

4) Наглядныя бесѣды, дающія, между прочимъ, матеріалъ для сочиненій учениковъ.

5) Дѣтскія сочиненія.

6) Упраженія въ правописаніи, элементарный курсъ грамматики.

Трудно опредѣлить, какія изъ этихъ занятій должны имѣть перевѣсъ надъ прочими; повидимому, онѣ всѣ одинаково важны. Однако, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ упражненій, значеніи самостоятельномъ, независимо отъ подготовки къ усвоенію грамматики.

Правильное веденіе объяснительнаго чтенія и связаннаго съ нимъ пересказа приучаетъ дѣтей глубже вникать въ смыслъ словъ и предложеній; мало по малу пріобрѣтается наклонность добиваться яснаго пониманія словъ, фразъ и общаго смысла статьи; при пересказѣ дѣти практически знакомятся съ необходимостью порядка и связности при изложеніи мыслей.

Наглядныя бесѣды и соединенныя съ ними дѣтскія сочиненія, при умѣломъ и живомъ руководствѣ, служатъ превосходнымъ средствомъ

для приученія къ наблюдательности, для развитія наклонности давать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ.

Дѣтскія сочиненія служатъ могущественнымъ импульсомъ къ развитію въ дѣтяхъ такихъ мыслей, которыя только проскользнули бы въ головѣ ученика и исчезли бы безъ слѣда. Правильно веденныя сочиненія—это весь внутренній міръ ученика, вся его, такъ сказать, маленькая философія. Правда, такіе результаты возможны только при особенно талантливомъ, искусномъ и усердномъ преподавателѣ, и потому дѣтскія сочиненія въ такомъ смыслѣ, какой указанъ мною, пожалуй, можно считать необязательными; но описаніе учениками предметовъ, разсмотрѣнныхъ въ классѣ, есть занятіе чрезвычайно полезное и не представляющее особыхъ затрудненій. Поэтому оно должно непременно входить въ составъ правильнаго элементарнаго курса.

Переходя къ изложенію моего взгляда на тотъ вопросъ—какъ должно вести спеціальныя упражненія по грамматикѣ, считаю не лишнимъ оговориться: мы не имѣемъ въ виду начертить подробный планъ преподаванія грамматики въ приготовительномъ классѣ, во-первыхъ, потому, что этотъ планъ уже существуетъ, а во 2-хъ, это вовсе не цѣль настоящей замѣтки. Намъ желательно только разъяснить: 1) свой взглядъ на значеніе различныхъ упражненій, входящихъ въ составъ приготовительнаго курса; 2) наше мнѣніе о надлежащемъ способѣ веденія грамматическихъ упражненій, и 3) нераціональность сообщенія грамматическихъ формъ въ видѣ отвлеченныхъ схемъ склоненій и спряженій и, вообще, неумѣстность отвлеченностей въ элементарномъ курсѣ.

Что преподаваніе грамматики должно опираться на другія указанныя занятія и сопровождаться ими—это достаточно разъяснено выше.

Слѣдуя закону перехода отъ конкретнаго къ менѣе конкретному, понятіе о предложеніи предшествуетъ понятію о его частяхъ, понятіе о частяхъ предложенія предшествуетъ понятію о частяхъ рѣчи, понятіе о частяхъ рѣчи идетъ впереди понятія о падежахъ—одного изъ самыхъ отвлеченныхъ въ курсѣ начальной грамматики.

Вообще всѣ указанныя грамматическія категоріи необходимо разсмотрѣть въ связи съ другими элементами предложенія. Большинство грамматическихъ формъ имѣетъ значеніе только въ связи съ другими формами,—этого никогда не должно забывать преподавателю элементарнаго курса. Способность понимать значеніе формы, вырванной

изъ предложенія, представлять въ умѣ ея отношенія къ другимъ—и есть то, что мы называемъ грамматическимъ развитіемъ.

Пояснимъ это примѣромъ. Что значитъ для маленькаго ученика слово: „человѣкомъ“? Что онъ представляетъ себѣ подѣ влияніемъ флексіи о мъ? Ничего, или нѣчто спутанное, крайне неясное. Отчего это происходитъ? Вопервыхъ, потому что онъ обѣденъ выраженіями связанными съ этимъ словомъ, восторныхъ—онъ не упражнялся въ отвлеченіи падежныхъ формъ изъ предложеній. Слѣдовательно, грамматическое развитіе, между прочимъ, достигается процессомъ отвлеченія падежныхъ формъ отъ фразъ и словъ, съ которыми эти формы связаны. Этотъ процессъ долженъ постоянно повторяться; недостаточно отвлечь форму изъ предложенія одинъ или нѣсколько разъ; умъ маленькаго ученика не настолько зрѣлъ, чтобъ удержать въ отдѣльно взятой грамматической формѣ ея отвлеченный смыслъ ему нужно постоянно возвращаться къ конкретному факту—къ предложенію, чтобъ не утратить совсѣмъ пониманія формы. Инымъ путемъ, напримѣръ, и невозможно достигнуть пониманія падежной формы. Падежь есть родъ зависимости словъ; слѣдовательно, форма его тогда только и можетъ быть понятна для ученика, когда стоитъ во фразѣ въ связи съ другими словами. Падежь, вырванный изъ фразы, для ученика элементарной школы не есть уже падежь, а только его форма, для него непонятная. Вотъ почему начинать курсъ элементарной грамматики съ таблицъ склоненій—не имѣетъ смысла: ужъ если допустить эти схемы, то только въ концѣ курса, для повторенія формъ; но во всякомъ случаѣ таблицы склоненій не способствуютъ пониманію падежей, а скорѣе затемняютъ его. Возьмемъ для примѣра фразу: „я вижу человѣка“. Ученикъ, привыкшій разсматривать падежь въ связи съ другимъ словомъ, отъ котораго падежь зависитъ, не собьется вслѣдствіе сходства падежныхъ формъ и узнаетъ винительный падежь; другой же, запомнившій падежныя формы по таблицамъ, съ прибавленіемъ туманныхъ для него вопросительныхъ словъ: кто, что, кого, чего, и т. д., — легко смѣшаетъ винительный падежь съ родительнымъ; ему не поможетъ вопросъ, который онъ дѣлалъ при винительномъ падежѣ, такъ какъ та же форма „человѣка“ имѣетъ при себѣ вопросы родительнаго падежа; еслибы онъ привыкъ соединять на практикѣ винительный падежь съ дѣйствительнымъ глаголомъ, путемъ различныхъ упражненій, и потомъ не отвлекалъ бы этотъ падежь совершенно (до потери его значенія), то ошибки не было бы.

При изученіи латинскаго языка схоластическій способъ усвоенія грамматическихъ формъ роднаго языка также оказывается вреднымъ.

Возьмемъ ту же фразу: „я вижу человѣка“. Усвоившій падежъ въ связи съ дѣйствительными глаголами не обратитъ вниманіе только на одну форму, но замѣтитъ и ея значеніе; а потому не переведетъ, „video hominis“, а „video hominem“.

Еще болѣе яркій примѣръ. Положимъ, что ученикъ долженъ перевести: „я вижу столъ“ и „я не вижу стола“. Тотъ, кто изъ множества разобранныхъ примѣровъ замѣтилъ связь нѣкоторыхъ глаголовъ съ винительнымъ падежомъ, нисколько не смутится тѣмъ, что и при отрицаніи не надо полатыни ставить винительный падежъ; скорѣе онъ найдетъ страннымъ, что въ русскомъ языкѣ эта связь иногда нарушается. Ученикъ же, воспитанный на „кого-чего-стола и кому-чему-столу“ и пр. скорѣе будетъ ошибаться, такъ какъ дѣйствительный глаголъ не имѣетъ для него значенія глагола, требующаго винительнаго падежа; по крайней мѣрѣ, табличное изученіе падежей не даетъ ему этого свѣдѣнія.

Впрочемъ, еслибы можно было доказать, что оба способа изученія падежей имѣютъ равное значеніе для латинскаго языка въ 1-мъ классѣ, все-таки предлагаемому мною способу должно отдать преимущество, какъ болѣе осмысленному и связанному съ знаніемъ грамматическаго разбора.

Что касается до спряженій, то учить ихъ по таблицамъ еще страннѣе, такъ какъ они очень легко усваиваются изъ непосредственнаго разсмотрѣнія предложеній.

Еще одно замѣчаніе. Съ самаго начала курса латинскаго языка ученики встрѣчаются съ параллельными формами дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ, а потому въ приготовительномъ классѣ они должны хорошо отличать оба залога и понимать ихъ тѣсную связь. Это можетъ быть достигнуто легко опять-таки на примѣрахъ. Напримѣръ, двѣ читаютъ, пишутъ подъ диктовку и разбираютъ слѣдующія двѣ статьи:

1) Столяръ дѣлаетъ столы, стулья и прочую мебель. Онъ употребляетъ при этомъ разные инструменты..... и т. д.

2) Столы, стулья и прочая мебель дѣлаются столяромъ. При этомъ имъ употребляются разные инструменты..... и т. д.

Такихъ примѣровъ можетъ быть приведено множество.

А. Страховъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія средних вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Составилъ *С. Рождественскій* примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ VI-го класса гимназій. Изданіе второе, исправленное и дополненное на основаніи указаній и замѣчаній ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1879.

По поводу перваго изданія этой книги съ разныхъ сторонъ и разными лицами, между прочимъ г. Тихомировымъ, авторомъ рецензій, помѣщенной въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, было выражено сомнѣніе, имѣлъ ли г. Рождественскій право заявлять, что его курсъ составленъ примѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ ни по плану, ни по направленію руководство вовсе не соответствовало сказанной программѣ, а скорѣе находилось въ полномъ съ нею противорѣчій. Мы видимъ теперь, что г. Рождественскій настаиваетъ на своемъ заявленіи и снова увѣряетъ публику, покупающую учебныя книги, что она найдетъ у него все, что нужно, что его книжка подходитъ къ новѣйшимъ требованіямъ и построена по послѣднимъ недавно появившимся образцамъ. Было бы излишне и напрасно продолжать споръ о томъ, что, можетъ быть, мало относится къ книгѣ и автору, а касается болѣе книгопродавца. Слѣдуетъ признать, что выраженіе „примѣнительно“ заключаетъ въ себѣ смыслъ довольно неопредѣленный и весьма растяжимый, и что, съ другой стороны, въ понятіе учебной программы тоже входятъ разные элементы. Примѣрная учебная программа по исторіи имѣла въ виду слѣдующіе три пункта: 1) она должна была обозначить внѣшнее количество фактовъ, усвоенія которыхъ слѣдуетъ требовать отъ учениковъ; 2) она стремилась указать наиболѣе правильное и удобное распредѣленіе учебнаго

матеріала по рубрикамъ и отдѣламъ, то-есть, начертать планъ, соответствующій требованіямъ научнымъ и въ то же время удобный въ педагогическомъ отношеніи, и 3) она обязана была, хотя въ общихъ чертахъ, опредѣлить внутреннее направленіе и духъ преподаванія. Послѣднее всего проще достигалось указаніемъ тѣхъ сторонъ и тѣхъ явленій въ исторіи, которыя требуютъ особеннаго вниманія, а иногда указаніемъ и самыхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ слѣдуетъ ихъ разсматривать и объяснять. Довольно обширныя общія замѣчанія, приложенныя къ программѣ въ видѣ предисловія или введенія, служили этой цѣли, и конечно, должны были считаться необходимою составною частью программы. Но сколько можно догадываться, именно этого-то и не думалъ г. Рождественскій, и потому не обращалъ на эти замѣчанія почти никакого вниманія. Что же касается плана и порядка изложенія, раздѣленія средней исторіи по періодамъ и отдѣламъ, то конечно, и самыя замѣчанія въ учебномъ планѣ дѣлали оговорку объ отсутствіи всякой обязательности для составителей учебниковъ слѣдовать здѣсь указаніямъ программы; г. Рождественскій вполнѣ воспользовался свободой, которая составляла тутъ его законное достояніе. Остается внѣшнее количество фактовъ, отмѣченныхъ программой болѣе или менѣе отчетливо. Конечно, учебникъ г. Рождественскаго такъ или иначе даетъ отвѣты почти на всѣ вопросы, которые обозначены въ программѣ,—но именно въ такой мѣрѣ и степени, какъ давалъ бы и даетъ эти отвѣты и всякой другой учебникъ, составленный по обычному шаблону и сохраняющій неприкосновенно традиціонный школьный матеріалъ, наслѣдованный отъ старыхъ временъ съ кое-какими добавленіями въ пользу Славянъ, добавленіями, безъ которыхъ уже сдѣлалось невозможнымъ обходиться. И такъ, если смотрѣть на дѣло не съ одной только внѣшней точки зрѣнія объема и количества, а обращать вниманіе на болѣе внутреннюю сторону—плана, направленія и системы, то учебникъ г. Рождественскаго окажется весьма мало примѣненнымъ къ желаніямъ и требованіямъ, выраженнымъ во введеніи къ программѣ и постоянно подразумеваемымъ программой. Съ другой стороны, если мы припомнимъ, что въ прежнія времена употреблялся въ школахъ совершенно другой учебникъ г. Рождественскаго, въ виду разширенія программы по средней исторіи сдѣлавшійся теперь совершенно непригоднымъ, то должны будемъ признать, что теперь издаваемый курсъ дѣйствительно имѣлъ въ виду примѣненіе къ новымъ обстоятельствамъ. Все это, впрочемъ, не имѣетъ большой важности. Само собою разумѣется, что можетъ быть

написанъ очень хорошій учебникъ безъ всякаго примѣненія къ программѣ, напечатанной въ учебныхъ планахъ, и на оборотъ, примѣненный учебникъ можетъ оказаться плохимъ.

Учебный планъ имѣлъ въ виду внести по возможности связь и единство въ сложную и пеструю массу многовѣковой и многонародной исторіи среднихъ вѣковъ, и съ этою цѣлю, согласно съ современнымъ состояніемъ науки, выдвигалъ впередъ идею имперіи, стараясь построить средневѣковую исторію на противоположности римско-германскаго и греко-славянскаго міра, восточной Византійской имперіи и западной Римско-Нѣмецкой. Г. Рождественскій не послѣдовалъ указанію, данному въ примѣрной программѣ, и конечно, имѣлъ на то полное право; но худо то, что онъ, съ своей стороны, не приложилъ никакого старанія замѣнить чѣмъ-нибудь отвергнутое, внести какую-нибудь руководящую нить въ свой курсъ средневѣковой исторіи. Вся его книга въ сущности представляетъ рядъ отдѣльныхъ статей, слѣдующихъ одна за другою безъ всякаго внутренняго мотива и связи, кромѣ внѣшней хронологической послѣдовательности. Но такъ какъ и эта послѣдовательность при изложеніи средневѣковой исторіи никакъ не могла быть строго выдержана, и по необходимости часто нарушается переходами отъ одной страны къ другой, отъ одного народа къ другому, то въ концѣ концовъ оказывается, что въ учебникѣ нѣтъ никакой системы, облегчающей обзоръ и цѣлаго, содѣйствующей памяти въ усвоеніи и разсудку въ пониманіи фактовъ и взаимной ихъ связи. Правда, что въ шести разныхъ мѣстахъ книги, а также въ началѣ ея, въ оглавленіи, можно найти напечатанное крупнымъ шрифтомъ обозначеніе шести большихъ отдѣловъ, но опять-таки все тутъ ограничивается внѣшнимъ надписаніемъ; ничего похожаго на общее обзоръ нигдѣ нѣтъ ни въ началѣ, ни въ концѣ отдѣла.

Отдѣлъ первый носитъ заглавіе: „Паденіе Западной Римской имперіи и водвореніе Германцевъ на ея земляхъ“; онъ простирается до распадѣнія монархіи Карла Великаго и до завоеванія Англіи Вильгельмомъ“ (1066 г.). Отдѣлъ второй озаглавленъ: „Византія, Славяне и Арабы въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ“; отдѣлъ третій— „Развитіе феодализма и папства въ западной Европѣ“ и т. д. Обратимъ вниманіе на ходъ изложенія во второмъ отдѣлѣ (стр. 50 и сл.). Онъ начинается тремя страницами, посвященными Славянамъ, ихъ быту, нравамъ и религіи. Потомъ слѣдуетъ крупнымъ шрифтомъ отмѣченное заглавіе „Византійская имперія“, говорится объ Юстиніанѣ Ве-

ликомъ, объ Иракліи; такъ или иначе ходъ дѣлъ на востокѣ разсматривается съ точки зрѣнія Византійской имперіи. Вскорѣ затѣмъ (со стр. 60) эта точка зрѣнія совсѣмъ оставлена; на первый планъ выходятъ Арабы и мусульманство: съ подробностію—несомнѣнно излишнею, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ ни задачамъ учебника вообще, ни даже объему другихъ частей въ руководствѣ г. Рождественскаго,—говорится о Магометѣ и калифатахъ; исторія Византіи входитъ теперь только эпизодическими отрывками въ исторію мусульманскихъ государствъ (стр. 66: Левъ III Исавріецъ). Послѣ изложенія исторіи исламизма до времени Крестовыхъ походовъ авторъ снова возвращается къ Славянамъ: слѣдуютъ отдѣлы о Кириллѣ и Меѳодіѣ, о первоначальной исторіи Болгаріи, о времени Болгарскихъ царей Симеона и Самуила, упоминается о разрушеніи Самуиловой державы съ замѣчаніемъ, что Болгарія оставалась въ зависимости отъ Византіи до конца XII вѣка; излагается исторія Велико-Моравской державы, говорится о Венграхъ. На стр. 93-й опять встрѣчаемъ крупную надпись: Раздѣленіе церквей; здѣсь еще разъ говорится о Львѣ III, объ иконоборствѣ (и все-таки весьма недостаточно), о дѣлѣ патріарха Фотія, объ отдѣленіи западной церкви отъ восточной въ 1054 году, о латинствѣ въ западной церкви, то-есть, объ исключительномъ употребленіи латинскаго языка въ богослуженіи, вслѣдствіе чего „латинскій языкъ сдѣлался языкомъ западно-европейской цивилизаціи“. Затѣмъ (стр. 97) начинается небольшой отдѣлъ: „католичество у западныхъ Славянъ“; авторъ здѣсь счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторый переходъ отъ одного параграфа къ другому, чего въ другихъ случаяхъ нѣтъ; „такая-то латинская цивилизація распространилась и у западныхъ Славянъ, когда въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ они подчинились папскому престолу“. Но и на сей разъ попытка г. Рождественскаго обозначить внутреннюю связь своего изложенія оказалась неудачною. Есть нѣкоторая несообразность въ томъ, что по прямому смыслу предыдущей главы латинство развилось въ западной Европѣ послѣ окончательнаго ея отдѣленія отъ восточной, а между тѣмъ св. Вячеславъ Чешскій и св. Войтѣхъ Пражскій, Мечеславъ и Болеславъ Храбрый въ Польшѣ, виновники утвержденія охарактеризованной выше латинской цивилизаціи у Славянъ, всѣ жили ранѣе половины XI вѣка, ранѣе окончательнаго раздѣленія церквей. Двумя страницами, посвященными исторіи Балтійскихъ Славянъ, гдѣ уже говорится объ императорахъ Саксонскаго дома, обанчивается одинъ

изъ шести большихъ отдѣловъ книги. Въ дальнѣйшемъ третьемъ отдѣлѣ сначала говорится вообще о феодализмѣ, о турнирахъ, о городскихъ общинахъ; затѣмъ излагается отдѣльно исторія западныхъ государствъ—Франціи до смерти Людовика IX (до 1270 года), Англии до Эдуарда I (1307 года); исторія Германіи излагается въ связи съ исторіей папства, а это побудило автора здѣсь же вставить главу о духовенствѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, о св. Бенедиктѣ Нурсійскомъ. Какъ бы въ вознагражденіе за свое не слишкомъ умѣстное отклоненіе назадъ, составитель не доводитъ исторію Германіи такъ далеко, какъ исторію Франціи или Англии, но заключивъ ее Вормскимъ конкордатомъ (1122 годомъ), начинаетъ излагать исторію Крестовыхъ походовъ. Кажется, здѣсь былъ бы поводъ обратиться къ византійской исторіи, но нашъ авторъ совсѣмъ и знать не хочетъ Византію послѣ Ираклія; онъ только случайно и мимоходомъ, ради объясненія западной исторіи, упомянулъ объ Алексѣѣ Комнинѣ. Даже утвержденіе Норманновъ въ южной Италіи, такъ близко соприкасающееся не только съ византійскою исторіей, но и самою исторіей Крестовыхъ походовъ, не отмѣчено здѣсь, какъ это слѣдовало бы сдѣлать. Авторъ вспомнилъ о Робертѣ Гвискардѣ и объ основаніи Норманскаго южно-италіанскаго государства только тамъ, гдѣ ему пришлось говорить о Генрихѣ VI, Римско-Нѣмецкомъ императорѣ, какъ будто онъ пишетъ нѣмецкую исторію и обязанъ разсматривать событія съ нѣмецкой точки зрѣнія.

Г. Рождественскій называетъ второе изданіе своего учебника исправленнымъ и дополненнымъ, и притомъ утверждаетъ, что эти исправленія и дополненія сдѣланы на основаніи указаній и замѣчаній ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Но признаемся, что просмотрѣвъ внимательно оба изданія, и старое и новое, мы все-таки затрудняемся указать, какія именно исправленія сдѣланы авторомъ въ этомъ второмъ изданіи; несомнѣнно, что никакихъ существенныхъ внутреннихъ улучшеній—нѣтъ. Съ другой стороны слѣдуетъ припомнить, что въ первый разъ книга г. Рождественскаго появилась въ такомъ видѣ, что уже одни внѣшніе, но весьма существенные ея недостатки (она была напечатана блѣднымъ сбитымъ шрифтомъ на сѣровой бумагѣ) дѣлали немислимымъ употребленіе ея въ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебника, если только слѣдовало беречь человѣческое зрѣніе. Поэтому, вѣроятно, и рецензентъ, который обязанъ былъ представить свой отзывъ ученому комитету, не считалъ нужнымъ разсматривать вопросъ о годности или непригодности со-

ставленнаго г. Рождественскимъ учебника по самому существу дѣла и по внутреннимъ его качествамъ и ограничился только указаніемъ на невозможность безъ вреда для глазъ читать представленную книгу; два-три бѣглыя замѣчанія о внутреннемъ содержаніи книги, при этомъ сдѣланныя, касались опять-таки больше внѣшняго объема извѣстныхъ отдѣловъ и все-таки не были приняты г. Рождественскимъ въ расчетъ при второмъ изданіи. Такимъ образомъ, всѣ дѣйствительныя исправленія и дополненія едва ли не ограничиваются однимъ измѣненіемъ шрифта и бумаги. Признаемъ, что перемѣна въ этомъ отношеніи послѣдовала весьма ощутительная и рѣшительно въ хорошую сторону. Что же касается внутреннихъ качествъ учебника въ его минорисправленномъ видѣ, то и теперь прежде всего бросается въ глаза отсутствіе плана и системы, несоразмѣрное расширеніе одного отдѣла на счетъ другихъ — мусульманскаго на счетъ византійскаго, о чемъ мы уже упомянули выше. Сверхъ того нужно прибавить, что, можетъ быть, книга г. Рождественнаго и вообще слишкомъ пространна для учебника, хотя съ другой стороны — если она гдѣ недурна и способна быть полезною, то именно тамъ, гдѣ она выходитъ изъ рамокъ сжатаго и краткаго изложенія, свойственнаго учебнику, и сбивается нѣсколько на хрестоматію. Можно сказать, что книга г. Рождественскаго состоитъ изъ двухъ составныхъ частей. Три, четыре страницы, посвященныя описанію нашествія Аттилы на Галлію изъ Амедея Тьерри въ русскомъ переводѣ хрестоматіи Стасюлевича), характеристика св. Северина по Ешевскому, дѣятельность Сугерія по Грановскому, нѣсколько статей въ исторіи южныхъ Славянъ и въ отдѣлѣ объ Арабахъ, извлеченныхъ также изъ общедоступныхъ и хорошихъ источниковъ, съ одной стороны нарушаютъ ощутительнымъ образомъ законъ соразмѣрности, а съ другой — все-таки выдаются какъ лучшая часть книги — и въ отношеніи матеріальномъ правильнымъ сообщеніемъ фактовъ, и въ отношеніи литературномъ живымъ и безукоризненнымъ языкомъ. Къ сожалѣнію, остальная часть книги, занимающаяся уже не отдѣльными эпизодами, а излагающая общій ходъ событій, не только остается далеко позади близкихъ образцовъ, но вообще написана небрежно и дурно, не свободна отъ фактическихъ погрѣшностей.

Всѣ частныя замѣчанія, которыя далѣе слѣдуютъ, относятся, конечно, къ этой второй части учебника.

На первой же страницѣ мы читаемъ слѣдующія строки:

„Римляне находили древнюю Германію удобною для жизни только

птицъ и дикихъ звѣрей. Германцы получили это названіе отъ Римлянъ, что значитъ на языкѣ Галловъ „сосѣди“. Сами же себя они называли Тевтонами, что на Готскомъ языкѣ означало „народъ“. Древніе Германцы отличались отъ обитателей Европы высокимъ ростомъ, крѣпкимъ здоровьемъ, голубыми глазами“ и т. д.

Вопервыхъ, никто изъ древнихъ, сколько мы знаемъ по ихъ сочиненіямъ, не выражалъ такой пустой и забавной мысли, что Германія была удобна для жизни птицъ. Вторыхъ, если производить названіе Германцевъ отъ кельтскаго слова, означающаго „сосѣди“, то необходимо принять, что первоначально и дано было Германцамъ это названіе Кельтами, ихъ древнѣйшими сосѣдами, и что только послѣ оно перешло отъ Кельтовъ или Галловъ къ Римлянамъ. Такое объясненіе обыкновенно и принимается въ ученыхъ и даже въ хорошихъ учебныхъ нѣмецкихъ книгахъ. Иначе будетъ совершенно непонятно, почему Римляне прибѣгли къ чужому языку, когда имъ понадобилось дать названіе, притомъ такое простое названіе „сосѣдей“, новому большому племени, пришедшему въ соприкосновеніе съ ними. Третьихъ, въ рецензіяхъ на другіе русскіе учебники по Всеобщей исторіи, помѣщавшихся именно на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, мы не одинъ разъ имѣли случай замѣтить, что древніе Германцы мало нуждались въ какомъ либо общемъ названіи для выраженія своего національнаго или племеннаго единства, такъ какъ самое сознаніе этого единства еще не пробуждалось у нихъ. Только въ X вѣкѣ вошло въ употребленіе выраженіе *diutisc—deutsch* народный, происходящее отъ существительнаго (соотвѣтствующаго готскому) *thioda* „народъ“; выраженіе это первоначально прилагалось къ языку, а потомъ перешло и на всѣхъ членовъ народной семьи, говорившихъ этимъ языкомъ. Мало того, что г. Рождественскій не обратилъ никакого вниманія на эти замѣчанія, сдѣланныя его сотоварищамъ или конкурентамъ, онъ еще дѣлаетъ новую ошибку; ибо, четвертыхъ, онъ по видимому, смѣшиваетъ два слова совсѣмъ не одинаковаго происхожденія. Отъ готскаго *thioda*, народъ, дѣйствительно можетъ быть производимо слово *diutisc, deutsch*; но слово Тевтоны имѣетъ и свою особую исторію, и свой корень. Сначала оно обозначало у Римлянъ извѣстный единичный народъ, можетъ быть Германскаго, какъ многіе думаютъ, а можетъ быть даже и не Германскаго, а Кельтскаго племени; а потомъ оно сдѣлалось ученымъ обозначеніемъ всего Германскаго племени. Во всякомъ случаѣ, оно никогда не было выра-

женіемъ народнымъ, то-есть, такимъ, которое употреблялъ бы самъ народъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Наконецъ, впятыхъ, есть что-то неловкое и въ концѣ выписаннаго нами отрывка: образъ выраженія, употребленный г. Рождественскимъ, даетъ поводъ спросить, не исключаетъ ли онъ Германцевъ изъ числа обитателей Европы.

На второй страницѣ слѣдуетъ отмѣтить совсѣмъ извращенную передачу извѣстнаго мѣста въ Германіи Тацита, гдѣ говорится объ участіи женщинъ въ сраженіяхъ. Авторъ учебника пишетъ: „Женщины иногда становились во главѣ войска и своими благопріятными предсказаніями такъ воодушевляли воиновъ, что они одерживали побѣды даже въ сомнительныхъ случаяхъ“. На самомъ дѣлѣ у Тацита (въ главѣ седьмой и восьмой) говорится совсѣмъ другое: женщины находятся только вблизи и очевидно позади сражающихся (*unde feminarum ululatus audiri, unde vagitus infantium*); онѣ суть *sanctissimi testes, maximi laudatores* сражающихся; онѣ не боятся считать раны своихъ мужей или сыновей, приносятъ имъ пищу и ободреніе.... Если онѣ одушевляли воиновъ въ сомнительныхъ случаяхъ, то опять-таки не посредствомъ благопріятныхъ предсказаній, которыя очевидно были бы чѣмъ-то весьма запоздалымъ въ пылу сраженія, а *constantia precum et objectu pectorum et monstrata comminus captivitate*.

Очень странно встрѣчать (на стр. 3) слово пары въ описаніи первоначальнаго Германскаго быта, и уже крайне неприятно опять читать о гелейтахъ. Болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ профессоръ С. Куторга, слушателемъ котораго былъ между прочимъ и г. Рождественскій, имѣлъ обыкновеніе при удобныхъ случаяхъ замѣчать, что такое слово для обозначенія германской дружины никогда не употреблялось. Не далѣе какъ при разборѣ руководства г. Бѣлова мы сочли долгомъ печатно повторить старую истину, что дружина у Германцевъ называлась *Gefolge*. И вотъ мы съ сожалѣніемъ усматриваемъ, что замѣчанія, высказываемыя на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, все-таки не доходятъ по адресу. Кого еще нужно призвать во свидѣтели, чтобы г. Рождественскій согласился бросить свои гелейты.

Въ рецензій на первое изданіе учебника по средней исторіи г. Белларминава, которая тоже была напечатана въ Журналѣ Мин. Нар. Пр., мы обратили вниманіе на неправильный разказъ о нашествіи Радагайса и его послѣдствіяхъ, особенно на невѣрное представленіе о связи этого событія съ утвержденіемъ Бургундовъ въ

области рѣки Роны. Теперь посмотримъ, какъ разказываетъ объ этомъ г. Рождественскій во второмъ исправленномъ изданіи своей книги. На стр. 6-й мы читаемъ:

„Онъ (Стилихонъ)—разбилъ Радагайса такъ, что отъ его сбродной дружины не осталось почти ничего. Германцы разбѣжались; остатки ихъ, соединившись потомъ съ другими своими соплеменниками, устремились въ Галлію и предали ее разграбленію. Изъ нихъ Бургунды, завоевавъ себѣ земли по рѣкѣ Ронѣ и по верховьямъ рѣки Рейна, положили начало Бургундіи“ и т. д. И такъ, все остается по старому, неважно только эти страннѣе остатки дружины, отъ которой почти ничего не осталось. Скучно повторять то, что уже много разъ было сказано и напечатано, и остается только—или отослать г. Рождественскаго къ новымъ ученымъ сочиненіямъ по исторіи переселенія народовъ, или же, въ случаѣ если онъ не согласенъ съ учеными изслѣдованіями, просить его, чтобы онъ привелъ на то свои основанія.—Невѣрно и то, что въ 410-мъ году Римъ подвергся страшному опустошенію (стр. 7).

Пропустивъ разныя мелочи, обращается къ главѣ о романизациі Галловъ. Страница 21, посвященная этому вопросу, во многомъ, даже почти во всемъ, напоминаетъ соответствующій отдѣлъ въ учебникѣ г. Илевайскаго. Только одно свое добавленіе счелъ нужнымъ сдѣлать г. Рождественскій, и къ сожалѣнію, этимъ добавленіемъ испортилъ все дѣло. Разсужденіе о римскомъ господствѣ въ Галліи г. Рождественскій заключаетъ такъ:

„Вообще римское вліяніе преобразовало только высшіе слои Гальскаго общества и лишь слегка коснулось всей массы Гальскаго народа“.

Послѣ этого остается опять одно изъ двухъ: или зачеркнуть всю страницу о романизациі Галловъ, потому что въ сущности ея, пожалуй, и не было, или же—спросить автора: куда же дѣвался гальскій языкъ, которымъ говорила нѣкогда масса населенія Галліи? И почему этотъ языкъ смѣнился романскимъ, если римское вліяніе только слегка коснулось народной массы?

На страницѣ 22 мы читаемъ: „Когда пала Западная Римская имперія, Галлія была уже раздѣлена между четырьмя германскими народами: Бургундами и Вест-Готами въ юго-восточныхъ частяхъ, Аллеманнами и Франками въ сѣверо-восточныхъ“. Грубая ошибка состоитъ здѣсь въ томъ, что Вест-Готамъ, поселившимся между Гаронной и Пиринеями, имѣвшимъ свою столицу въ Толозѣ

часть совѣ, отд. 3.

(Тулузѣ), приписывается восточное положеніе вмѣсто юго-западнаго. Даже и Франки, господствовавшіе отъ Рейна до Соммы, едва ли придутся точно на сѣверо-востокъ.

Далѣе слѣдуетъ тутъ же новая странность:

„Во время переселенія народовъ, Франки утвердились на нижнемъ теченіи Рейна. Рѣкой этою они раздѣлялись на двѣ части: жившіе по правому берегу назывались Франками Рипуарскими, а по правую сторону—Салическими“. Какое же различіе между правымъ берегомъ и правою стороною? Справедливость, конечно, требуетъ, чтобы мы находили здѣсь простой недосмотръ или опечатку, но все-таки не хорошо, что такой недосмотръ переходитъ изъ одного изданія въ другое безъ всякаго исправленія. Притомъ, если мы сдѣлаемъ необходимую поправку и будемъ читать, что Салическіе Франки жили по лѣвую сторону Рейна, то все-таки не получимъ точной истины, такъ какъ и Рипуарскіе Франки отчасти простирались на эту лѣвую сторону Рейна, но крайней мѣрѣ Кельнъ принадлежалъ имъ.

Побѣда надъ Алеманнами въ 496 году все еще помѣщается при Цюльпихѣ близъ Ахена. Не будемъ оспаривать за г. Рождественскимъ права придерживаться еще не всѣми покинутой старины; но думаемъ, что пора бы поправить древнее названіе Цюльпиха изъ Толбіана, какъ стоитъ въ учебникѣ, на Толбіакъ, какъ это слѣдуетъ писать.

Соотвѣтственно съ неправильнымъ опредѣленіемъ мѣстожителства Салическихъ и Рипуарскихъ Франковъ, невѣрно объясняется смыслъ терминовъ: Нейстрія и Австразія (стр. 24). Австразія обнимала не одну только восточную Галлію, но и простиралась за Рейнъ, внутрь Германіи.

Не понимаемъ, откуда взято находящееся на страницѣ 25 неосновательное положеніе, что маіордомъ первоначально назначались только для управленія галле-римскимъ населеніемъ. Не точно и не твердо и все дальнѣйшее изложеніе, объясняющее роль маіордомовъ въ государственномъ быту Франковъ.

Совершенно напрасно и притомъ слишкомъ вульгарнымъ тономъ переданъ пустой анекдотъ о причинѣ измѣны Нарвеса.

„Греки не долго владѣли Равеннскимъ эвхархатомъ: Нарвесь, назначенный на мѣсто Велизарія, былъ также скоро удаленъ и при этомъ жестоко оскорбленъ. Разказываютъ, что императрица Греческая разъ сказала ему: „Ну гдѣ тебѣ, Нарвесь, управлять цѣлою стра-

ною; вѣдь ты только нелучеловѣкъ; на, воюми прялку, я лучше сдѣлаю тебя надзирателемъ за дѣвушками, которыя сидятъ за пряжей". Услыжавъ такую злую насмѣшку, Нарзесъ въ гнѣвъ воскликнулъ: „Я сетку на твою голову, императрица, такое покрывало, какого ты никогда не сбросишь". Тотчасъ же онъ отправилъ пословъ къ Германцамъ-Ломбардамъ и предложилъ имъ завоевать себѣ Италию".

Еслибы даже г. Рождественскій изложилъ эту басню и болѣе приличнымъ образомъ, все-таки не мѣсто ей въ учебникѣ для старшаго возраста, а развѣ только въ эпизодическомъ первоначальномъ курсѣ.

Совсѣмъ невѣрно то, что Внифридъ-Бонифацій воспитывался въ итальянскомъ монастырѣ (стр. 29): мы даже не умѣемъ объяснить себѣ и происхожденіе такой ошибки. Конечно, только для красоты слога и для большаго отличія своего изложенія отъ другихъ однородныхъ сочиненій, г. Рождественскій прибавилъ въ характеристикѣ Бонифація черту объ его вроткихъ наставленіяхъ, съ которыми онъ обращался къ язычникамъ; но эта прибавка обличаетъ весьма малое знакомство съ дѣйствительнымъ характеромъ лица и его дѣятельности (ср. г. Иловайскаго, стр. 30). Есть и еще нѣкоторыя несообразности и хронологическія неточности въ разказѣ о Бонифаціи (стр. 31); но мы считаемъ уже излишнимъ останавливаться на нихъ.

Г. Рождественскій все еще полагаетъ, что Карлъ Великій въ 800 году возложилъ на себя корону Западныхъ Римскихъ императоровъ. Даже въ учебной программѣ, примѣнительно къ которой онъ составлялъ свой учебникъ, было замѣчено, что такое представленіе дѣла не вѣрно.

Неправильно и даже забавно слово графъ производить отъ грац, сѣдой (стр. 34, выводить отсюда заключеніе, что при Карлѣ Великомъ графская должность вѣрталась только пожилымъ людямъ—значить давать великую свободу своей сообразительности и остроумію, тѣмъ болѣе, что это можетъ вызваться и со стороны шельниковъ проявленіе тѣхъ же свойствъ ума. Они будутъ указывать на то, что не всѣ пожилые люди бываютъ сѣды, и задавать вытекающіе отсюда вопросы.—На той же страницѣ, нѣсколько стрекъ ниже, г. Рождественскій говоритъ о присутствіи на майскихъ поляхъ при Карлѣ Великомъ депутатовъ отъ свободныхъ сословій. Но развѣ майскія собранія имѣли форму *états généraux*? Нужно же различать разныя эпохи и различныя учрежденія. Въ трехъ приведен-

ныхъ словахъ заключается ошибка, доказывающая совершенное непониманіе дѣла.

Говоря (на стр. 37) о происхожденіи трехъ романскихъ народностей, г. Рождественскій, нѣсколько исхвывая свой прежній грѣхъ въ вопросѣ о романизаціи Галліи, сообщаетъ намъ, что Германцы, поселившіеся въ Галліи, Испаніи, Италіи, заимствовали отъ туземцевъ... римскіе нравы, обычаи, законы, даже языкъ. Но весьма жаль, что послѣдняя черта — заимствованіе языка — обозначена въ учебникѣ неловкою и даже совсѣмъ испоконитною фразой: „Въ самомъ языкѣ ихъ — Германцевъ — получилъ преобладаніе языкъ римскій или латинскій“.

Объясненіе происхожденія феодализма, подъ заглавіемъ „начало феодализма“ (стр. 38), сдѣлано неудовлетворительнымъ образомъ. Было бы, конечно, излишнимъ притавательствіемъ съ нашей стороны, еслибы мы вдумали отъ составителя учебника требовать знакомства съ результатами ученыхъ изслѣдованій Вайтца и Рета (Roth), хотя эти результаты уже излагаются въ разныхъ весьма доступныхъ по объему иностранныхъ конвенціяхъ и руководствахъ (напримѣръ, Рихтера: *Анналы Франческаго государства*). Но почему бы, кажется, нельзя было ожидать знакомства съ тѣмъ, что было писано на русскомъ языкѣ и что всѣмъ доступно? Мы разумеѣмъ, напримѣръ, статьи г. Вышинскаго, помѣщавшіяся въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1859 годъ — о развитіи государственныхъ учрежденій въ Западной Европѣ. Нельзя сказать, чтобъ это была большая новость; но рутинна, которой держатся болѣею частію составители нашихъ учебныхъ книгъ, не позволяетъ даже такого медленнаго прогресса. Г. Рождественскій, объясняя происхожденіе феодализма, говоритъ только о королевскихъ дружинникахъ, о королевскихъ ленникахъ и вассалахъ: но равнѣ только у королей были ленники и вассалы? Нѣкоторое дополненіе къ статьѣ о „началѣ феодализма“ можно найти ниже, на страницѣ 104. Здѣсь, между прочимъ, объясняется, какимъ образомъ высшіе феодальные владѣтели, бывшіе герцоги и графы, обратили свою государственную власть въ личную, вставили себѣ лично подчиниться свободныхъ людей, или другими словами — приобрѣли ленниковъ и вассаловъ. Но опять-таки развѣ одни графы и герцоги имѣли въ феодальную эпоху политическія права и власть судебную? Почему г. Рождественскій не послѣдовалъ указанію примѣрной программы, гдѣ прямо выставлена необходимость для объясненія происхожденія феодальныхъ порядковъ упомянуть объ иммунитетѣхъ (im-

munitas)? Полагаемъ, что это не только не затруднило бы ученика старшихъ классовъ гимназій, но напротивъ, много облегчило бы его пониманіе, замѣнивъ спутанныя и сбивчивыя представленія болѣе точными, ясными и даже болѣе простыми.

Въ отдѣлѣ „о Славянахъ и Арабахъ“ составитель учебника имѣлъ хорошихъ и весьма доступныхъ руководителей, и по видимому, держался довольно близко текста своихъ источниковъ. Вслѣдствіе того, въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ гораздо менѣе ошибокъ и промаховъ, хотя все-таки дѣло не обошлось совсѣмъ безъ нихъ. Неточная и даже страшная цитата на страницѣ 56 показываетъ, какъ опасно, не сдѣлавъ справки съ первоначальными источниками, прибавлять что-нибудь свое, хотя бы одну черту и одно слово, къ чужому изложенію. Приводя извѣстныя слова лѣтописи о вѣнахъ у Новгородчанъ, Смольянянъ, Киевянъ и въ другихъ волостяхъ, г. Рождественскій пишетъ, что это говоритъ „первый нашъ лѣтописецъ Несторъ“. Къ сожалѣнію приведенныя авторомъ учебника слова лѣтописца читаются только подлѣ 1176 годовъ, а еще не было такого ученаго, который приписывалъ бы Нестору всю Лаврентьевскую лѣтопись. Мы, конечно, не поставимъ въ упрекъ г. Рождественскому, что онъ держится стараго мнѣнія, по которому обращеніе Болгарскаго князя Бориса совершилось будто бы при садѣйствіи Солунскихъ братьевъ, именно св. Меодія. Хотя это мнѣніе и не имѣетъ серьезнаго основанія въ источникахъ и уже находятъ себѣ все менѣе и менѣе защитниковъ или неслѣдователей, но все-таки оно еще можетъ опираться на авторитетъ Гильфердинга, который и служилъ главнымъ руководителемъ г. Рождественскому во всемъ отдѣлѣ о рѣчныхъ Славянахъ. Несомнѣнно только то, что ученики св. Меодія вслѣдствіе гоненія, воздвигнутаго на славяцкій обрядъ въ Моравіи, уже по смерти учителя удалились въ Болгарію.

На страницѣ 84 мы читаемъ такое въ высшей степени страшное показаніе, что столицей Болгаріи при Самуилѣ сдѣлался „городъ Тырновъ на рѣкѣ Янтрѣ близъ Охридскаго озера“. То, что Тырновъ на самомъ дѣлѣ вовсе не былъ столицей Самуила, отличаетъ еще наименѣе важную ошибку приведенныхъ словъ. Всего хуже тутъ сопоставленіе рѣки Янтры и Охридскаго озера, похожее на то, еслибы кто сказалъ, что Кіевъ находится на рѣкѣ Днѣпрѣ близъ Ладожскаго озера. Если когда-нибудь позволительно было не имѣть точнаго представленія объ относительномъ взаимномъ положеніи рѣки Янтры и Охридскаго озера, то такое время уже миновало. Ужаси во

время послѣдней нашей войны за освобожденіе Болгаріи, г. Рождественскій не читалъ газетъ и не смотрѣлъ ни разу на карту?

Мы уже замѣтили, что исторія Болгаріи въ учебникѣ г. Рождественскаго кончается покореніемъ ея подъ власть Византіи въ началѣ XI вѣка (1118 годъ есть, конечно, опечатка вмѣсто 1018). Хотя и есть намекъ на то, что въ концѣ XII вѣка, послѣ 1186 года, послѣдовала какая-то новая переменна въ положеніи Болгаріи; но этотъ намекъ остался не разъясненнымъ въ учебникѣ. Обратяжъ Асеняхъ и объ основаніи втораго Болгарскаго царства ничего не сказано ни здѣсь, на страницѣ 86, ни въ исторіи Византіи при Ангелахъ, ни въ разказѣ объ основаніи Латинской имперіи въ Константинополѣ.

Въ главѣ о раздѣленіи церкви авторъ сначала говоритъ весьма неопредѣленно и темно, безъ всякихъ хронологическихъ опредѣленій, о притязаніяхъ папъ на первенство власти, при чемъ замѣчаетъ, что первоначально Римскій епископъ считался на равнѣ со всеми другими епископами и не претендовалъ ни на какія преимущества, но съ теченіемъ времени пребываніе въ Римѣ развило въ немъ мысль о первенствѣ, а послѣ... папа не хотѣлъ довольствоваться равенствомъ власти и съ восточными епископами. Нельзя сказать, чтобъ отсюда можно было извлечь правильныя и точныя представленія о первоначальномъ положеніи Римскаго епископа въ христіанской церкви. Затѣмъ въ учебникѣ говорится объ иконоборствѣ, какъ причинѣ разрыва между западнѣе и Восточной имперіей; само собою разумѣется, что глава объ иконоборствѣ, вставленная въ исторію папства, оказывается недостаточною съ точки зрѣнія потребностей русской и православной школы. Ничего не сказано о Константинѣ и Ирмѣ, пропущены седьмой вселенскій соборъ 787 года, а вмѣсто того говорится о соборѣ 842 года, котораго совсѣмъ не было, не названъ императоръ Теофилъ и т. д. Объясненіе содержанія и значенія еменсдорфовыхъ декреталій (стр. 126) также не удовлетворительно. Въ исторіи бѣды за инеституру, тамъ, гдѣ объясняется происхожденіе слова „симонія“, совсѣмъ невѣрно и несогласно съ священною исторіей сообщается, будто волхъ Симонъ хотѣлъ купить даръ творить чудеса у апостола Павла.

Пропуская всю середину, за которую мы охотно признаемъ весьма замѣтное и ощутительное превосходство предъ первой половиною книги, мы прямо обращаемся къ концу, къ послѣднимъ страницамъ учебника.

Наиболѣе слабыми, рѣшительно негодными представляются намъ

именно нѣкоторыя изъ послѣднихъ страницъ учебника, посвященныя состоянію просвѣщенія въ западной средневѣковой Европѣ и эпохѣ возрожденія. За исключеніемъ строкъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ и составляющихъ прямое, по видимому, дословное заимствованіе изъ другихъ книгъ, все, что напечатано на этихъ страницахъ, представляетъ совершенную путаницу, такой жалкій наборъ общихъ безсодержательныхъ фразъ, что остается только недоумѣвать и удивляться. Такъ, умственное движеніе въ средніе вѣка характеризуется въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: „Въ началѣ среднихъ вѣковъ (къ VIII в.) въ з. Европѣ исчезли всѣ остатки римской цивилизаціи; школы и ученныя учрежденія погибли, исчезла даже правильность языка; все, такъ-сказать, погружается въ варварство. Бароны, составлявшіе высшій классъ общества, гнушались умственными занятіями; многіе изъ нихъ не могли подписывать своихъ именъ; горожане болѣе заботились о защитѣ противъ буйныхъ феодаловъ; а простой народъ находился въ угнетеніи отъ феодальныхъ владѣтелей. Только въ средѣ духовенства и въ монастырскихъ стѣнахъ сохранялись нѣкоторыя остатки просвѣщенія и научныхъ занятій, напримѣръ, составленіе хроникъ. Заботы Карла В. о просвѣщеніи имѣли временной характеръ. Со смертію его все остановилось. Умственное движеніе замѣтнымъ образомъ начинаетъ пробуждаться въ з. Европѣ только со времени Крестовыхъ походовъ, вслѣдствіе знакомства съ арабскою и греческою образованностію“.

Вопервыхъ, никакъ нельзя сказать, что въ началѣ среднихъ вѣковъ исчезли всѣ остатки римской цивилизаціи; въ самомъ учебникѣ г. Рождественскаго легко найти доказательства, что этого не было. Вотъ, напримѣръ, относительно языка. Мы читаемъ въ приведенномъ отрывкѣ: „исчезла правильность языка“; но какого же? Если того языка, которымъ говорили южные народы Германскіе и Романскіе, то конечно, въ этихъ отчасти только начинавшихъ развиваться языкахъ правильность никакъ еще не имѣла основанія пропадать. Если же разумѣется языкъ книжный, латинскій, то значить, не всѣ остатки римской цивилизаціи исчезли. Вотъ вторыхъ, развѣ можно говорить о феодалахъ и горожанахъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, до VIII столѣтія? Изъ собственной же исторіи г. Рождественскаго явствуетъ, что феодализмъ развился только послѣ Карла Великаго, а горожане, какъ противоположность феодаламъ, появились еще гораздо позже. Если же г. Рождественскій думаетъ о римскихъ муниципіяхъ (что, впрочемъ, весьма мало вѣроятно), то какъ же можно

было утверждать, что исчезли всё остатки римской цивилизаціи, и не слѣдовало ли бы тогда выразиться совершенно въ противоположномъ смыслѣ о живучести римскихъ традицій. Наконецъ, какой смыслъ имѣютъ слова, что заботы Карла Великаго о просвѣщеніи имѣли только временной характеръ? Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: принесли временной результатъ, или что-либо въ этомъ родѣ.

Приводимъ еще одну болѣе длинную выписку (стр. 204), въ которой говорится о состояніи науки и искусства послѣ крестовыхъ походовъ: „Выѣстъ съ наукою начинается и искусство. Въ литературѣ появляется такъ-называемая рыцарская поэзія, въ которой воспѣваются пѣсни и похождения героев и рыцарей (Карла В., Роланда и др.). Изъ такихъ произведеній особенно замѣчательны „пѣсни о Нибелунгахъ“, которую называютъ нѣмецкою Илиадою. Поэты переходятъ изъ города въ городъ, изъ одного замка въ другой, присутствуютъ на рыцарскихъ турнирахъ и услаждаютъ общество своими пѣснями. Не рѣдко они вступаютъ также въ состязаніе между собою. Такіе странствующие поэты назывались во Франціи трубадурами и труверами, въ Германіи—миннезенгерами, а въ Англіи—минестрелями. Ихъ званіе приобретаетъ такое значеніе, что сами князья и даже вѣнценосцы считаютъ за честь быть ими (напримѣръ, Фридрихъ II, Ричардъ Львиное Сердце и др.). Но не смотря на то, наука и искусство долго еще не могли получить свободнаго развитія. Профессорами въ университетахъ были большею частію монахи, преподаваніемъ заправляли папы, языкомъ науки былъ латинскій, доступный только для ученыхъ. Малѣйшее уклоненіе отъ папскаго ученія навлекало кару. Такъ, напримѣръ, многихъ сожигали за то, что они учили своихъ дѣтей молитвамъ: „Отче нашъ“ и „Вѣрую“ на своемъ родномъ языкѣ. Оттого развилась такъ называемая схоластика. Умы пытливые, не смѣя свободно изслѣдовать научныя истины, занимались тонкими хитросплетеніями, разрѣшали, напримѣръ, вопросы: когда Богъ сотворилъ міръ—весной или осенью? При такихъ условіяхъ научныя занятія приняли ложное направленіе. Люди, занимающіеся (занимавшіеся?) астрономіей, вѣрили, что по звѣздамъ можно предсказывать будущую судьбу людей. Химики убѣждены были, что можно отыскать философскій камень или вещество, превращающее все въ золото, равно также жизненный эликсиръ, который излѣчивалъ бы всё болѣзни и продолжалъ жизнь человѣческую навсегда. Такимъ образомъ въ средніе вѣка развились астрологія, алхимія, магія и др.“

Здѣсь также цѣлый рядъ несообразностей, и самая вопіющая изъ нихъ находится по срединѣ, въ центрѣ. Авторъ учебника находитъ какую-то причинную связь между преслѣдованіемъ католическою церковью чтенія Священнаго Писанія въ переводахъ на народныя языки (по его, даже за чтеніе молитвъ) и развитіемъ схоластики. Во первыхъ, тутъ есть внутренняя несообразность, которая должна быть ясна для всякаго, кто имѣетъ хоть какое-нибудь представленіе о схоластикѣ, о началѣ, исходныхъ пунктахъ схоластической философіи. А вовторыхъ, спрашивается: когда же начались въ католической церкви преслѣдованія народныхъ языковъ и переводныхъ библій, и когда начала развиваться схоластика? Смутныя воспоминанія, вынесенныя изъ чтенія какого-либо сочиненія по исторіи реформаціи, совсѣмъ не годились при составленіи учебника по средней исторіи. Извѣстно, что св. Бѣда, жившій въ VIII вѣкѣ, помимо своихъ ученыхъ сочиненій, считалъ нужнымъ позаботиться о народѣ и перевелъ на народный англосаксонскій языкъ именно „Отче нашъ“ и „Вѣрую“; извѣстно, что въ XII вѣкѣ во Франціи обращалось нѣсколько переводовъ Священнаго Писанія на народный языкъ, рукописи которыхъ до сихъ поръ въ изобиліи находятся въ библіотекахъ; извѣстно, что первое запрещеніе Библии для мірянъ послѣдовало только въ XIII столѣтіи, на Толедскомъ соборѣ 1229 года, то-есть, тогда, когда уже завершился первый періодъ схоластики, обнимающій болѣе столѣтія (отъ Ансельма до Альберта Великаго). А съ другой стороны, совсѣмъ неизвѣстно, чтобы въ средніе вѣка кого-нибудь, а не только многихъ, сожгли за обученіе дѣтей молитвамъ на родномъ языкѣ.

Стоитъ ли послѣ этого останавливаться на такихъ мелочахъ, какъ отнесеніе Нибелунговъ къ такъ-называемой рыцарской поэзіи, на присвоеніи имени труверовъ и трубадуровъ только странствующимъ поэтамъ и т. д.?

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроль надъ ихъ занятіями; приоужденіе наградъ за представленныя сочиненія; ученые труды преподавателей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; движеніе больныхъ въ университетскихъ клиникахъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ состояло къ 1-му января 1879 года слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 1, лектаровъ 3; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 4, лаборантовъ 5; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 3; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 6, прозекторовъ 2, помощниковъ прозекторовъ 2, лаборантовъ 1, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ 6. Кромѣ того при университетѣ состоялъ положенный по штату ординарный профессоръ православнаго богословія. Такимъ образомъ штатныхъ преподавателей имѣлось: ординарныхъ профессоровъ 37, экстраординарныхъ 9, доцентовъ 13, лекторовъ 3, лаборантовъ 1, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 2, ординато-

ровъ факультетскихъ клиникъ 6, всего 73. Сверхъ штата состояли одинъ ординарный профессоръ по физико-математическому факультету и одинъ ординаторъ факультетской клиники. Приватъ-доцентовъ было 8: по греческому языку, исторіи литературы, ботаникѣ, государственному праву, международному праву, энциклопедіи законовѣдѣнія, акушерству и дѣтскимъ болѣзнямъ. Изъ положенныхъ по дѣйствующему уставу кафедръ вакантными были слѣдующія: на юридическомъ факультетѣ: энциклопедіи права, съ сентября 1868 года, международного права, съ декабря 1872 года и вновь учрежденныя по уставу 1863 года; по историко-филологическому—русской исторіи, съ 1876 года; по медицинскому—госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники.

Въ 1879 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 10, физико-математическій 28, юридическій 22, медицинскій 17. Преподаваніе по вакантнымъ кафедрамъ было поручено: русской исторіи профессору Надлеру, энциклопедіи права профессору Владимірову и приватъ-доценту Ярошу, международного права профессору Стоянову, государственнаго права приватъ-доценту Кулевасскому. Римское право, по случаю командировки за границу доцента Загурскаго, не читалось. Контроль надъ научными занятіями студентовъ всѣхъ факультетовъ состоялъ въ постоянномъ въ теченіи года наблюденіи преподавателей за практическими упражненіями студентовъ, въ годовыхъ теоретическихъ испытаніяхъ, въ годовыхъ практическихъ испытаніяхъ. Практическія занятія студентовъ заключались въ слѣдующемъ: по историко-филологическому факультету: по кафедрѣ греческаго языка и словесности представлены были письменныя работы: студентомъ Разумовымъ—переводъ рѣчи Димосеена противъ Филиппа (А), съ комментариемъ къ подлиннику; студентомъ Гинкинымъ, переводъ Плутарховой біографіи Солона и параллели между Солономъ и Публиолою; студентъ Архангельскій представилъ диссертацию на степень кандидата подъ названіемъ „Гомерическій періодъ“; онъ же изготавилъ переводъ III книги отъ 8 до 12 главы включительно 'Αριστοτέλῃ Πολιτικῶν, который признанъ удовлетворительнымъ. Студенты первыхъ двухъ курсовъ представляли переводы съ русскаго языка на греческій, которые поправлялись на лекціяхъ, спеціально для этого назначавшихся. По кафедрѣ римской словесности и латинскаго языка студенты всѣхъ курсовъ постоянно упражнялись, подъ руководствомъ профессора, въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, при чемъ письменные переводы ихъ по-

стоянно были возвращаемы имъ съ надлежащими исправленіями и словесными объясненіями. Поданы были письменныя упражненія: студентомъ Михаиломъ Смирницкимъ—довольно удачный переводъ изъ Светонія, и студентомъ Петромъ Гинкинымъ—весьма удовлетворительное сочиненіе, написанное на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „*Horatius Flaccus ejusque Satira*“. По сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ практическія упражненія состояли въ методическомъ сравненіи всѣхъ основаній санскритскихъ корней съ соответствующими имъ греческими, латинскими и древне-болгарскими и въ переводахъ (въ лекціяхъ) съ санскритскаго на русскій языкъ и на оборотъ. Практическія занятія по всеобщей исторіи шли успѣшнѣе чѣмъ когда-либо. На предложенныя темы представлены 17 сочиненій, изъ коихъ особеннаго одобренія удостоились работы: четырехъ студентовъ на тему „Черты народнаго характера Галловъ по запискамъ Юлія Цезаря“, троицъ на тему „Объ общественной исторіи древняго Египта по новѣйшимъ монументальнымъ и иероглифическимъ открытіямъ“, одного на тему „О дуализмѣ въ религіи древнихъ Иранянъ“, одного на тему „О буддизмѣ и его вѣрованіяхъ“ и одного на тему „Краткій очеркъ вліянія физическихъ условій на цивилизацію“. Затѣмъ предложены слѣдующія темы: „Буддизмъ древній и нынѣшній“, „Географическія свѣдѣнія Ксенофонта по его Анабазису“, „Периклъ и пелопоневская война по Фукидиду“, „свѣдѣнія Юлія Цезаря о Германцахъ“, Тиберій у Тацита и Светонія и „Жизнь Агриколы по Тациту“. По русской исторіи и русскому языку представлено до 20-ти сочиненій, относящихся по содержанию къ русскому языку и словесности. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма обширны и составлены съ большимъ трудолюбіемъ. Таковы: Красовскаго—„О причитаціяхъ“, Скандера—„О Домостроѣ“, Николая Маркова—„Начало славянской письменности“, и „Духовные стихи“, Конорова—„О горѣ и злосчастіи, Халанскаго—„О говорѣ Щигровскаго уѣзда Курской губерніи“, Чеканова—„Слово о полку Игоревѣ“, Тимошеева—„Базаровъ Тургенева“, Новосильцева—„Черты древняго быта русскихъ Славянъ“, Власова—„Былина о Садкѣ“, Гинце „Сравненіе поэтическаго произведенія со словомъ“, Андреева „Разбойники Шиллера“, Королевскаго, —„Былины объ Ильѣ Муромцѣ“. Студенты III и IV курсовъ, слушающіе объясненія старинныхъ русскихъ памятниковъ и польскій языкъ, въ тѣмъ и другимъ лекціямъ приготавливались дома, согласно съ указаніями профессора-преподавателя. По исторіи русской литературы студентъ IV курса Ко.

норовъ сдѣлалъ словесное сообщеніе о значеніи Чегодаева въ исторіи новой русской литературы и приводилъ къ концу сочиненіе „О литературныхъ типахъ древне-русской женщины“. Преподавателемъ предложены для сочиненій слѣдующія темы: „Сравнительный обзоръ древне-русскихъ путешествій въ Св. Землѣ“, „Поученіе Владиміра Мономаха“, „Древне-русская женщина въ литературныхъ типахъ“, „Романтизмъ Жуковского“ и „Философическія письма Чегодаева“. По философіи студентомъ Проскурниковымъ представлено сочиненіе „Психологическій этюдъ второй сцены третьяго акта трагедіи“ Шекспира „Король Лиръ“, признанное преподавателемъ заслуживающимъ одобренія. По физико-математическому факультету: По чистой математикѣ профессоромъ были ведены практическія занятія по алгебрѣ въ I курсѣ и по интегральному исчисленію въ III курсѣ. Система занятій состояла въ томъ, что студенты излагали письменное рѣшеніе предложенныхъ имъ задачъ у себя на дому и затѣмъ реферировали эти рѣшенія въ опредѣленные дни и часы каждой недѣли въ продолженіе года въ присутствіи своихъ товарищей, при чемъ въ необходимыхъ случаяхъ профессоромъ дѣлаемы были поправки или измѣненія. Практическія занятія со студентами II курса отдѣленія математическихъ физико-химическихъ наукъ состояли въ рѣшеніи частныхъ задачъ и счисленіе бесконечно-малыхъ; по аналитической механикѣ въ рѣшеніи задачъ изъ статики и динамики студентами III курса отдѣленія математическихъ наукъ. По астрономіи студенты II курса упражнялись въ рѣшеніи задачъ по сферической тригонометріи; студенты III курса рѣшали задачи по восхожденію и захожденію небесныхъ свѣтилъ и упражнялись на маломъ универсальномъ инструментѣ въ измѣреніи горизонтальныхъ угловъ и зенитальныхъ разстояній; студенты IV курса опредѣляли время ихъ наблюденій тѣмъ же инструментомъ зенитальныхъ разстояній звѣздъ. По физикѣ практическія занятія студентовъ III и IV курсовъ математическаго и физико-химическаго отдѣленій состояли въ опредѣленіи горизонтальной слагающей земнаго магнетизма, въ опредѣленіи показателя преломленія, сопротивленія проводниковъ, электро-возбудительныхъ силъ элементовъ и проч. По химіи практическія занятія состояли: для студентовъ первыхъ двухъ курсовъ — въ повтореніи нѣкоторыхъ реакцій неорганической химіи и въ упражненіи въ вѣсовомъ опредѣленіи элементовъ и ихъ соединеній; для студентовъ высшихъ двухъ курсовъ — въ анализѣ газовъ, причемъ были произведены примѣры опредѣленія состава воздуха и анализъ свѣтильнаго

газа, а также въ колOMETрическихъ опредѣленіяхъ, преимущественно относящихся къ явленіямъ насыщениа кислотъ основаніями. Подъ руководствомъ профессора Лагермарка, въ свободное отъ лекцій время, студенты III курса производили практическія упражненія по органической химіи. Имѣя цѣлю по возможности познакомить студентовъ съ приемами при работахъ по органической химіи, практическія занятія эти состояли въ приготовленіи извѣстныхъ органическихъ соединеній, по даннымъ изслѣдователями предписаніямъ, въ ознакомленіи съ приготовленными соединеніями и практическими приемами изслѣдованій по органической химіи. При этихъ работахъ обращалось, по возможности, вниманіе на то, чтобы познакомить студентовъ съ свойствами и превращеніями наиболее важныхъ классовъ органическихъ соединеній, какъ, на примѣръ, съ спиртами, кислотами, алдогидами, ангидридами, галлондонгидами и т. д. Въ теченіе года студенты также повторяли нѣкоторыя, явившіяся въ послѣднее время въ печати, изслѣдованія. Такъ, на примѣръ, повторялось изслѣдованіе Фриделя и Крафтса надъ дѣйствіемъ безводнаго хлористаго альгиминія на смѣсь голондопроизводныхъ органическихъ соединеній и ароматическихъ углеводовъ, съ цѣлю получить болѣе сложные ароматическіе углеводороды и ароматическіе кетоны. Курсъ практическихъ занятій по органической химіи окончился про изводствомъ элементарнаго анализа и опредѣленіемъ плотности пара. При послѣдней операциі обращалось вниманіе студентовъ на значеніе опредѣленія плотности пара для ученія объ органическихъ соединеніяхъ. Подъ руководствомъ профессора Яцукевича студенты отдѣленія физико-химическихъ и естественныхъ наукъ во II курсѣ занимались качественнымъ, а въ III курсѣ—количественнымъ анализомъ. По технической химіи III и IV курсы физико-химическаго отдѣленія занимались приготовленіемъ техническихъ препаратовъ и частными случаями технического анализа, каковы, на примѣръ, отмутываніе, сахарометрія, изслѣдованіе красокъ и т. п. По физической географіи и метеорологіи, практическія занятія со студентами II и III курсовъ физико-химическаго отдѣленія состояли въ практическомъ ознакомленіи съ инструментами для наблюденій и въ письменномъ рѣшеніи задачъ, относившихся къ обработкѣ метеорологическихъ наблюденій. Практическія занятія по зоологіи, по систематикѣ животныхъ со студентами III и IV курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ ограничивались безпозвоночными животными, за исключеніемъ суставчатогонихъ; они состояли въ демонстраціяхъ представителей

различныхъ группъ, причемъ обращалось вниманіе на признаки, взятые въ основаніе систематики, а также въ опредѣленіи главнѣйшихъ изъ этихъ представителей. Съ такою цѣлю выбирались главнымъ образомъ формы интересныя съ анатомической или эмбриологической стороны, равно какъ мѣстныя формы. По гистологій животныхъ практическія занятія съ студентами II курса отдѣленія естественныхъ наукъ велись параллельно съ чтеніемъ теоретическаго курса; при этомъ имѣлось въ виду ознакомленіе занимающихся съ главными приемами наблюденій подъ микроскопомъ, а также изученіе отдѣльныхъ видоизмѣненій тканей у различныхъ животныхъ. По сравнительной анатоміи и исторіи развитія животныхъ, практическія занятія состояли: а) для студентовъ III курса отдѣленія естественныхъ наукъ—въ секціяхъ представителей почти всѣхъ классовъ животныхъ, какъ прѣсноводныхъ, такъ и морскихъ, по преимуществу безпозвоночныхъ, съ цѣлю ознакомленія какъ съ устройствомъ органовъ, такъ и относительнымъ ихъ положеніемъ; б) для студентовъ IV курса того же отдѣленія — въ наблюденіяхъ по исторіи развитія. По ботаникѣ практическія занятія во II курсѣ отдѣленія естественныхъ наукъ состояли въ изученіи тканей растений и содержимаго кѣловокъ. Студенты приготовляли сами гистологическіе препараты, какъ при помощи разрывовъ, такъ и отдѣльныя ткани посредствомъ мацерации; при изученіи стѣнки и содержимаго употребляемы были соотвѣтствующіе реагенты. Проходя систематику растений, студенты III и IV курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ опредѣляли растенія при помощи флоръ, рисунковъ и моделей; пройдены группы сростколепестныхъ, однопокровныхъ и односѣмянодольныхъ растений. Подъ руководствомъ профессора Ценковскаго, практическія занятія студентовъ III и IV курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ состояли въ микроскопическихъ наблюденіяхъ надъ развитіемъ и строеніемъ сосудистыхъ тайнобрачныхъ, преимущественно папоротниковъ *Koizhsagraea*. Особенное вниманіе обращено было на строеніе точекъ возростанія и сосудочныхъ пучковъ, равно какъ на исторію развитія органовъ размноженія. По минералогіи практическія занятія студентовъ состояли: а) въ опредѣленіи минераловъ по наружнымъ и химическимъ ихъ признакамъ (по способу Вейсбаха и Кобелля); б) въ изслѣдованіи кристаллической формы минераловъ путемъ измѣренія и вычисленія величины двухгранныхъ угловъ; в) въ ознакомленіи съ способами изслѣдованія физическихъ свойствъ минераловъ, причемъ преимущественное вниманіе было обра-

щено на ознакомленіе студентовъ съ оптическими свойствами и г) въ опредѣленіи псевдоморфовъ. Практическія занятія по геологін студентовъ IV и частию III курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ главнымъ образомъ состояли въ микроскопическихкихъ изслѣдованіяхъ составныхъ частей горныхъ породъ. Особеннаго вниманія заслуживартъ работы студента Брендовскаго надъ кварцами днѣпровскихъ гранитовъ. По агрономіи студентами III курса отдѣленія естественныхъ наукъ занимались анализомъ почвъ. По юридическому факультету: практическія занятія по статистикѣ состояли: а) въ ознакомленіи съ изданіемъ „Обзоры внешней торговли Россіи“; б) въ выработкѣ программы для изслѣдованія матеріальнаго положенія студентовъ Харьковскаго университета, причемъ было обращено въ особенности вниманіе на предѣлы, далѣе которыхъ не должна идти пытливость изслѣдованія, вытекающаго въ виду постановку и рѣшеніе однихъ лишь общественныхъ вопросовъ. По статистикѣ же студентъ II курса Федоръ Сперанскій представилъ работу: „Попытка въ изслѣдованіи вопроса о вліяніи мостовъ на рождаемость“. По медицинскому факультету: практическія занятія по физиологической анатоміи ведены были со студентами I и II курсовъ. Материаломъ для занятій служили 125 труповъ, изъ коихъ мужчинъ 95, женщинъ 23 и дѣтей 7. Изъ общаго числа 125 труповъ употреблено для демонстрацій на лекціяхъ анатоміи 15 труповъ, остальные 110 служили исключительно для практическихъ упражненій студентовъ. Помимо назначенныхъ по росписанію двухъ ежедневныхъ послѣобѣденныхъ часовъ для занятій студентами работали также и утромъ до обѣда, въ часы свободные отъ лекцій и другихъ занятій, такъ какъ въ назначенные по росписанію часы только весьма немногіе успѣвали окончить свои препараты, не допустивши ихъ до полнаго разложенія. Приемъ приготовленныхъ студентами препаратовъ производился прозекторомъ какъ въ утренніе такъ и вечерніе часы, причемъ производился каждый разъ экзаменъ по приготовленному препарату. Всѣ работающіе студенты, для удобства занятій, были раздѣлены на группы, по 12-ти человекъ въ каждой, причемъ препараты раздавались по очереди, какую составили себѣ сами студенты при записываніи на практическія занятія. При раздачѣ препаратовъ студентамъ имѣлось въ виду, чтобы каждый изъ нихъ обработалъ слѣдующіе препараты: а) мышцы верхнихъ конечностей, б) мышцы нижнихъ конечностей, в) мышцы головы и лица. Эти препараты выдавались обмененно на двухъ студентовъ, причемъ послѣ сдачи

мышць, на тѣхъ же препаратахъ приготовлялись связки. Затѣмъ г) мышцы туловища (шеи, спины, груди и уха) съ содѣйствующимъ разсмотрѣніемъ паховаго и бедреннаго канала выдавались на шесть студентовъ. На 12 студентовъ, то есть на цѣлую группу отдавались для изученія д) полости грудная и брюшная съ заключенными въ нихъ внутренностями. Затѣмъ уже назначались препараты по нервамъ и артеріямъ е) головы и лица, ж) верхнихъ конечностей, з) нижнихъ конечностей. На послѣднихъ препаратахъ не всегда приволялись артеріи совместно съ нервами, но перѣдко казалъ ибудь одна система. Указанные препараты по нервамъ и артеріямъ обыкновенно выдавались на двухъ студентовъ. Демонстрирование мозга, помимо лекцій, нѣсколько разъ въ годъ производилось также и во время практическихъ занятій, для каковой цѣли ирбрались по возможности свѣжіе трупы. Кромѣ того, особенно ревностно занимающимся студентамъ выдавались, по ихъ желанію, особенно трудные предметы нервовъ изъ области головы, шеи, груди и брюха. Въ теченіе года студентами приготовлено было 1,136 препаратовъ. Изъ нихъ по связкамъ 198, по мышцамъ 487, по внутренностямъ 270, по нервамъ и артеріямъ 181. Кромѣ того, въ теченіе года изъ музея выдавались студентамъ для изученія на домъ препараты костей, а въ зданіи анатомическаго театра сухіе анатомическіе готовые препараты. Практическія занятія по патологической анатоміи состояли въ патологическихъ вскрытіяхъ и элементарномъ курсѣ патологической гистологии. Патологическія вскрытія производились для студентовъ V курса на трупахъ изъ госпитальныхъ клиникъ, временно открытых въ барачномъ госпиталѣ Общества Краснаго Креста; для студентовъ же IV курса—на трупахъ, изъ факультетскихъ клиникъ въ университетѣ. Главной задачей при вскрытіи со студентами V курса постоянно былъ точный, по возможности хронологическій анализъ болѣзненныхъ измѣненій и трупный діагнозъ, какъ выводъ изъ него, а для студентовъ IV курса—вмѣстѣ съ тѣмъ и техника самаго вскрытія. Элементарный курсъ патологической гистологии для студентовъ III курса состоялъ въ микроскопическомъ изслѣдованіи болѣзненно-измѣненныхъ органовъ, получаемыхъ съ наростовъ, опухолей, добываемыхъ изъ факультетной хирургической клиники и другихъ патологическихъ объектовъ. Главными цѣлями этого курса были навыки въ микроскопической technicѣ, распознаваніе болѣзненныхъ состояній тканей и органовъ, анализъ и синтезъ открываемыхъ микроскопомъ измѣненій, какъ матеріалъ для изученія природы и значеніе патологическихъ

процессовъ. Кромѣ курсовыхъ практическихъ занятій, студентамъ старшихъ курсовъ предоставлялись средства для занятій съ цѣлю пополненія клиническихъ наблюдений посмертными изслѣдованіями, или съ цѣлю болѣе точнаго прижизненнаго діагноза, а также и средства для специальныхъ занятій. Последніе, вслѣдствіе ускоренныхъ выпусковъ студентовъ, были разстроены и работы не были доведены до конца, хотя для нѣкоторыхъ вопросовъ и были собраны нѣкоторыми изслѣдователями, оставившими преждевременно университетъ, обильный матеріалъ. По предмету тератологій, во время чтенія самыхъ лекцій были показаны студентамъ тѣ формы патологическихъ образованій человѣческихъ зародышей, которыя находятся при музеѣ патологической анатоміи и происхождение оныхъ объяснено на основаніи склѣдшей исторіи развитія животныхъ. Кромѣ того производились вскрытія трупомъ зародышей и эмбрионъ плодовъ, присылаемыхъ изъ акушерской клиники и изъ города. — По предмету гистологій студенты II курса, въ теченіе 1-го и 2-го полугодій, а студенты I курса въ теченіе 2-го полугодія занимались практическими упражненіями въ приготовленіи и изслѣдованіи препаратовъ параллельныхъ тканей животныхъ. Занятія эти производились какъ въ часы, назначенные по расписанію, такъ и въ свободные отъ лекцій часы. Кромѣ того: студенты V курса—Н. Кульничкій и II курса—А. Спиридоновъ занимались въ теченіе года специальными изслѣдованіями подъ руководствомъ профессора гистологій. По эмбриологій практическія занятія студентовъ II курса состояли въ изученіи развитія животныхъ тканей и органовъ. Для болѣе успѣшнаго преподаванія профессоръ раздѣлялъ учащихся на двѣ параллельныя группы, и съ каждой группой занимался по два часа въ кедѣлю, причемъ каждый студентъ работалъ самостоятельно за отдѣльнымъ микроскопомъ и пользовался указаніями и объясненіями преподавателя. Студентъ Кащенко работалъ специально надъ развитіемъ скелета у лягушекъ. По недостатку помѣщенія и неимѣнію учебныхъ пособій въ эмбриологическомъ кабинетѣ, практическія занятія студентовъ производились въ помѣщеніи и съ микроскопами патолого-анатомическаго кабинета. — Въ физиолого-химической лабораторіи медицинскаго факультета занимались студенты всѣхъ, кромѣ I-го, курсовъ. Студенты II курса слушали въ лабораторіи практическія лекціи и занимались практикою въ часы, установленныя факультетомъ, и въ свободное время отъ лекцій. Студенты высшихъ трехъ курсовъ работали въ лабораторіи по мѣрѣ приобрѣтенія ими матеріала, нуждающагося въ химическомъ разслѣдованіи. Во-

обще же практическія занятія студентовъ состояли въ изученіи способовъ химическаго изслѣдованія животныхъ жидкостей, органовъ и тканей, какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Въ фармацевтической лабораторіи занимались, для полученія званія провизора, 19 аптекарскихъ помощниковъ, прослушавшихъ лекціи въ разныхъ университетахъ. 14 аптекарскихъ помощниковъ занимались практическими работами при посѣщеніи лекцій для полученія права экзаменоваться на званіе провизора; 88 аптекарскихъ учениковъ занимались приготовленіемъ препаратовъ при испытаніи для полученія званія аптекарскаго помощника. — Занятія по общей патологіи для студентовъ III курса распадались на теоретическое изложеніе общей патологіи и практическія занятія. Систематическая общая патологія излагалась по четыре часа въ недѣлю, практическія же занятія—по два часа. Послѣдніе состояли въ производствѣ различнаго рода опытовъ и вивисекціи надъ животными, производимыхъ самимъ профессоромъ и студентами подъ его руководствомъ. Кромя того демонстрировались и производились макро—и микроскопическія изслѣдованія патологически-измѣненныхъ органовъ и тканей, а также и новообразованій. Сверхъ того, студентамъ предоставлена была возможность заниматься, въ свободное для нихъ время, въ кабинетѣ повтореніемъ опытовъ, повтореніемъ опредѣленія свойствъ и характера различныхъ патологическихъ объектовъ, находящихся въ музеѣ кабинета, а также самостоятельными изслѣдованіями. Такъ студентъ V курса К. Данилевскій произвелъ изслѣдованіе надъ воспаленіемъ съ перерывкою вазомоторовъ, а студентъ IV курса (Очаковский) изслѣдованіе надъ искусственнымъ происхожденіемъ пороковъ сердца. Кромя того въ кабинетѣ общей патологіи докторомъ Шнятовымъ были произведены слѣдующія изслѣдованія: а) объ искусственомъ вызваніи различныхъ болѣзненныхъ формъ въ гортани животныхъ; б) о чувствительности слизистой оболочки гортани животныхъ (опытное изслѣдованіе); в) экспериментальныя данныя относительно механическихъ способовъ приподниманія подгортанника и примѣненіе новаго способа; г) о примѣненіи новаго подгортаннаго пинцета при ларингоскопическихъ операціяхъ, и д) опытное изслѣдованіе объ анестетическомъ дѣйствіи препаратовъ мяты. Практическія занятія студентовъ III курса по предмету діагностики состояли въ примѣненіи всѣхъ способовъ изслѣдованія у кровати больныхъ и въ востановленіи діагноза въ терапевтическомъ отдѣленіи университетской клиники. По психіатріи и нервнымъ болѣзнямъ практическія занятія, по при-

мѣру прежнихъ лѣтъ, состояли въ томъ, что студенты V курса, подъ руководствомъ профессора, въ психіатрическомъ отдѣленіи губернской земской больницы, наблюдали, исследовали, изучали и лечили душевно-больныхъ. Занятія эти главнѣйше состояли въ томъ, что каждый изъ студентовъ V курса занимался однимъ или двумя изъ душевно-больныхъ въ качествѣ клиническаго практиканта, велъ надъ ними нѣкоторое время ежедневныя наблюденія, прилагалъ по возможности научные методы исследования, читалъ и обсуждалъ составленную имъ исторію болѣзни въ присутствіи товарищей и подъ руководствомъ профессора, а также принималъ участіе въ подобныхъ занятіяхъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ, студентамъ пришлось болѣе или менѣе самостоятельно и основательно ознакомиться почти со всѣми извѣстными клиническими формами душевныхъ болѣзней во всѣхъ главныхъ отношеніяхъ, не исключая и главныхъ приемовъ психіатрической судебной экспертизы. Наиболѣе частыя посѣщенія студентами психіатрическаго отдѣленія происходили въ мартъ и апрѣль, потому что въ это время года является наиболѣе удобствъ въ путяхъ сообщенія въ отдаленное отъ города мѣсто, гдѣ помѣщается психіатрическое отдѣленіе губернской земской больницы. Занятія по психіатріи въ отдѣленіи мѣстной губернской земской больницы происходили также подъ руководствомъ приватъ-доцента Ковалевскаго, который старался приучить студентовъ къ обращенію съ душевно-больными, практическому умѣнью расположить къ себѣ психическихъ больныхъ и примѣненію различныхъ клиническихъ способовъ исследования душевно-больныхъ. Особенное же вниманіе обращено было на психическій анализъ съ цѣлію указанія различныхъ аномалій въ области чувства, представленій и движеній. На основаніи различныхъ аномалій въ той или другой области, преподаватель старался устанавливать, въ болѣе наглядныхъ случаяхъ, діагнозы болѣзни, дѣлать предсказаніе и назначать лечение. Въ послѣднемъ пунктѣ особенное вниманіе студентовъ было обращено на способъ помѣщенія и обращенія съ душевно-больными; вмѣстѣ съ тѣмъ указывались и логическія основы для того или другаго дѣйствія. При дальнѣйшихъ занятіяхъ студенты сами уже должны были анализировать душевно-больныхъ. Предварительно требовался отчетъ о наружныхъ физическихъ отклоненіяхъ въ различныхъ частяхъ организма, а затѣмъ уже болѣе тонкій анализъ душевныхъ явленій и различныхъ отклоненій въ ту или другую сторону. На основаніи найденныхъ аномалій студенты старались самостоятельно ставить діагнозы, про-

гнозъ и леченіе. При практическихъ занятіяхъ, для лучшаго усвоенія различныхъ аномалій, выбирались самыя рельефныя случаи психозовъ, такъ сказать—классическіе. Студенты не вели еще систематическаго наблюденія за теченіемъ болѣзней, такъ какъ они до того времени еще не были ознакомлены съ частною психіатріею. Насколько студенты находили пользы въ этихъ занятіяхъ доказывается тѣмъ, что они просили назначить эти занятія не только по воскреснымъ, но и въ праздничные дни среди недѣли. Занятія по оперативной хирургіи, десмургіи и механургіи состояли, кромѣ теоретическаго чтенія лекцій по этимъ предметамъ, въ практическихъ упражненіяхъ: со студентами IV курса произведено болѣе 360 большихъ операцій на трупахъ; со студентами III курса производилось наложеніе различнаго рода повязокъ на больныхъ госпиталя Краснаго Креста. Такія же занятія, но относительно въ меньшемъ размѣрѣ, были производимы на больныхъ хирургической клиники. По предложенію медицинскаго факультета, были производимы практическія занятія по десмургіи тоже на больныхъ госпиталя Краснаго Креста съ бывшими студентами V курса, окончившими уже медицинское образованіе въ теченіе весны. Студенты этого курса, кромѣ посѣщенія теоретическихъ лекцій оперативнаго акушерства и практическихъ занятій на фантомѣ, имѣли практическія же занятія въ земскомъ родильномъ домѣ, причѣмъ упражнялись какъ въ изслѣдованіи, діагнозѣ и леченіи больныхъ женскими болѣзнями, приходящихъ въ родильный домъ, такъ и въ акушерскомъ изслѣдованіи беременныхъ, присутствовали при неправильныхъ родахъ, и подъ руководствомъ завѣдывающаго подавали роженицамъ пособія, и наконецъ демонстрировали интересные случаи послѣродовыхъ болѣзней. Приватъ-доцентъ Пономаревъ велъ практическія занятія по дѣтскимъ болѣзнямъ со студентами III и IV курсовъ. Студенты IV курса упражнялись въ распознаваніи и леченіи больныхъ дѣтей въ поликлиникѣ при лечебницѣ мѣстнаго медицинскаго общества. Студенты III курса посѣщали больницу пріюта для подкидышей, гдѣ ими демонстрированы были главнѣйшія и чаще встрѣчающіяся болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Кромѣ того, для студентовъ этого курса въ праздничные и воскресные дни былъ прочитанъ курсъ осповививанія съ практическими упражненіями. Практическія занятія студентовъ IV и V курсовъ по судебной медицинѣ ограничивались изслѣдованіемъ человѣческихъ труповъ, присылаемыхъ судебными слѣдователями въ анатомическій театръ для опредѣленія причинъ смерти. Такое одностороннее на-

правленіе практическихъ занятій объясняется недостаткомъ помѣщенія въ университетскихъ зданіяхъ для судебно-медицинскаго кабинета и лабораторіи, безъ которыхъ немислимо поставить занятія на высоту современнаго требованія науки. Неудобство это устранено въ послѣднее время назначеніемъ въ загородномъ анатомическомъ театрѣ отдѣльнаго помѣщенія, въ которомъ будетъ устроенъ судебно-медицинскій институтъ въ размѣрѣ, какой дозволитъ весьма скудная сумма, отпускаемая по штату на кафедре судебной медицины. Въ теченіе года произведено было студентами судебно-медицинскихъ вскрытій 39, въ томъ числѣ: мужскихъ труповъ 27, женскихъ 9 и поворожденныхъ младенцевъ 3. Изъ числа 39 судебно-медицинскихъ освидѣтельствований найдено, что въ 14-ти случаяхъ предметомъ изслѣдованія была смерть насильственная, нанесенная въ 8-ми случаяхъ умышленно, а въ 6-ти безъ умысла, единственно отъ несчастныхъ обстоятельствъ и разныхъ видовъ неосторожности; кромѣ того, въ 25-ти случаяхъ смерть были послѣдствіемъ разнообразныхъ патологическихъ состояній. По свойству явленій, которыми обуславливалась, какъ насильственная, такъ и вообще всякая другая смерть, подавшая поводъ къ судебно-медицинскому изслѣдованію причинъ, всѣ вышеприведенные случаи представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) умершихъ насильственною смертію 8, б) умершихъ отъ разныхъ видовъ неосторожности 6, в) скоропостижно-умершихъ 25. Особенно велико было число тифозныхъ и дизинтерическихъ труповъ, что объясняется военнымъ временемъ и господствовавшими болѣзнями между турецкими плѣнными. Занятія въ факультетской терапевтической клиникѣ состояли въ демонстраціи каждаго отдѣльнаго явленія, наблюдавшагося при различныхъ имѣвшихся въ клиникѣ болѣзняхъ. Съ этою цѣлю студенты упражнялись въ перкуссіи, аускультаци, термометріи, ларингоскопіи, въ изслѣдованіи пульса помощію сифрофа, въ изслѣдованіяхъ чувствительности, мочи и т. д. Всѣ эти занятія, кромѣ демонстрацій при профессорѣ въ стационарной и амбулаторной клиникахъ, производились ими и при вечернихъ визитаціяхъ ординаторовъ клиники. Кромѣ того, приватъ-доцентомъ Ломиковскимъ были устроены по три раза въ недѣлю вечерніе часы для практическихъ занятій по ларингоскопіи на амбулаторныхъ и стационарныхъ больныхъ. Каждый студентъ, какъ кураторъ, имѣлъ отдѣльнаго больного, вносилъ въ исторію болѣзни всѣ сообщенные имъ факты, читалъ свою исторію у кровати больного, причемъ замѣченныя неточности, ошибки исправлялись, и такимъ образомъ студентъ

приучался къ объективности въ своихъ наблюденіяхъ. Въ виду невозможности требовать отъ студента, чтобы онъ могъ справиться съ цѣлою суммою симптомовъ, проводя чрезъ нихъ строгую логическую и физиологическую нить, недостатокъ этотъ восполнялся клиническими лекціями, которыя состояли въ возможно-подробномъ изложеніи связи симптомовъ болѣзни между собою. Объясненія эти производились на основаніи данныхъ патологической анатоміи, физиологіи и общей патологіи. По объясненіи появленія того или другаго симптома, вниманіе студентовъ было обращено главнымъ образомъ на то, чтобы путемъ дифференціальной діагностики всѣ найденныя измѣненія у больного привести къ одному патологическому знаменателю, и тогда только поставить точный клиническій діагнозъ. Послѣ этого обыкновенно слѣдовало указаніе на тѣ средства, которыя сообразно современному состоянію науки употребляются при терапіи даннаго случая, что неизбѣжно вело къ ознакомленію студентовъ съ клинической фармакологіей. Но дѣло этимъ не оканчивалось: студентъ долженъ былъ наблюдать перемѣны, происходившія въ болѣзни подъ вліяніемъ того или другаго способа леченія. Для болѣе точнаго запечатлѣнія въ памяти студентовъ дѣйствія лекарствъ, часто производились параллельныя наблюденія надъ нѣсколькими средствами при одной и той же болѣзни. Если больной умиралъ въ клиникѣ, то производилось вскрытіе трупа его въ патологическомъ институтѣ и данныя секціи составляли тоже предметъ клинической лекціи, причемъ объяснялась связь патолого-анатомическихъ явленій съ тѣми прижизненными признаками, которые были наблюдаемы у кровати больного. Больныхъ въ теченіе года было: стационарныхъ 139, амбулаторныхъ 1.414, умерло 12. Въ факультетской хирургической клиникѣ занятія состояли въ практическихъ упражненіяхъ студентовъ съ стационарными и амбулаторными больными. Въ стационарномъ отдѣленіи студенты, подъ руководствомъ директора клиники, занимались разборомъ болѣзней, состоящимъ въ изслѣдованіи больного, опредѣленіи рода болѣзни, основанномъ на этомъ изслѣдованіи, въ разборѣ оперативныхъ и терапевтическихъ мѣръ, могущихъ быть примѣненными въ данномъ случаѣ, въ изложеніи показаній и противупоказаній къ примѣненію оперативныхъ дѣйствій, направленныхъ къ излеченію данной болѣзни, наконецъ въ выборѣ способа операціи, которая и производилась въ присутствіи студентовъ или директоромъ клиники, или же практикантомъ подъ руководствомъ директора. При этомъ непремѣнно имѣлось въ виду, чтобы студенты, начиная съ простыхъ

операций, постепенно переходили къ болѣе труднымъ и сложнымъ; и тѣмъ развивали бы въ себѣ навыкъ дѣйствовать ножомъ на живомъ матеріалѣ, не теряясь, настойчиво и съ спокойною увѣренностію, соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ правила, выработанныя современною хирургіею для облегченія по возможности страданій больнаго. Особенное вниманіе обращено было на то, чтобы студенты занимались надъ примѣненіемъ усовершенствованныхъ способовъ послѣдовательнаго послѣ операціи леченія раненій, какъ при нормальномъ ихъ теченіи, такъ и при различныхъ осложненіяхъ, и одновременнымъ употребленіемъ различныхъ способовъ перевязокъ при однородныхъ раненіяхъ могли бы выводить по результатамъ сравнительную оцѣнку способовъ перевязокъ. Наиболее былъ употребляемъ, хотя и самый дорогой, но доселѣ незамѣнимый Листеровскій способъ перевязки ранъ, или въ томъ видѣ, какъ его употреблялъ самъ Листеръ, или же видоизмѣненный Тиршемъ, или наконецъ различно видоизмѣненный сообразно данному случаю и условіямъ, въ которыхъ поставлена клиника, замѣною однихъ антисептическихъ средствъ другими, не упуская изъ виду основной идеи Листера. Болѣе сложныя повязки накладывались студентами въ клиническіе часы въ присутствіи директора клиники, вечернія же и утреннія перевязки больныхъ — въ присутствіи ординаторовъ. При леченіи общихъ осложненій раненій, каковы пнемія, рожа и друг., студенты знакомились съ дѣйствіемъ различныхъ средствъ, употребляемыхъ нынѣ въ различныхъ видахъ примѣненія ихъ внутрь, снаружки и въ видѣ подкожныхъ инъекцій. Съ діагностическою цѣлью студенты занимались химическимъ и микроскопическимъ изслѣдованіями различныхъ патологическихъ продуктовъ и выдѣленій больнаго организма. При клиническихъ занятіяхъ съ студентами было обращено вниманіе также на то, чтобы они привыкали постепенно наблюдать патологическія явленія у кровати больнаго и критически относиться къ нимъ, и тѣмъ усвоили бы себѣ возможность, приступая къ самостоятельной врачебно-хирургической дѣятельности, съ умѣньемъ и опытностію приложить тѣ теоретическія познанія, какія имъ даетъ университетское образованіе. Съ этою цѣлью, при доужденіи студентовъ къ практическимъ клиническимъ занятіямъ, каждый больной былъ подробно изслѣдуемъ директоромъ клиники; затѣмъ, при дальнѣйшемъ поступленіи больныхъ, студенты обязаны были сами сообщать всѣ свѣдѣнія о прошедшемъ состояніи больнаго, описать настоящее его состояніе, приготовить химическія и микроскопическія изслѣдованія патологическихъ про-

дуктовъ, — если таковыя имѣлись, — собранный матеріалъ изложить у постели больного, и на основаніи этихъ свѣдѣній, подъ руководствомъ директора клиники, сдѣлать опредѣленіе болѣзни и указать на соотвѣтственное леченіе. Каждый студентъ, въ качествѣ практиканта, получалъ больного, исторію болѣзни котораго онъ обязанъ былъ вести и вносить въ нее всѣ наблюденія, дѣлаемыя во все время пребыванія больного въ клиникѣ. Такія же исторіи болѣзни велись студентами и въ отдѣленіи госпиталя Краснаго Креста, помѣщаемомся въ хирургической клиникѣ. Въ амбулаторномъ отдѣленіи клиники занятія студентовъ состояли въ приемѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директора клиники, приходящихъ больныхъ. Студентъ долженъ былъ опредѣлить болѣзнь и назначить требуемое леченіе. Въ случаѣ надобности въ незначительной оперативной помощи, студентъ тутъ же оказывалъ ее больному. Такимъ образомъ студенты приучались въ производствѣ мелкихъ операций, наложенію повязокъ, изслѣдованію внутреннихъ органовъ помощію зондовъ, бузей, ларингоскопа и другихъ инструментовъ. Для производствъ болѣе крупныхъ операций были назначаемы одинъ или два дня въ недѣлю, причемъ студентъ, производившій операцию, долженъ былъ наблюдать за послѣдующимъ леченіемъ больного, и объ измѣненіяхъ, заслуживающихъ вниманія, заявлять директору клиники и руководствоваться его совѣтами. — Въ акушерской клиникѣ при занятіяхъ студентовъ было обращено особенное вниманіе на то, чтобы исторіи болѣзней и родовъ были составляемы своевременно, и чтобы тщательно и аккуратно выписывались ежедневныя наблюденія. Студенты при клиническихъ упражненіяхъ оказывались настолько подготовленными, что при изслѣдованіи больныхъ и роженицъ были въ состояніи дѣлать правильныя опредѣленія болѣзни, положеній плода и другихъ данныхъ, находящихся при изслѣдованіи беременныхъ или роженицъ. Не меньшее вниманіе было обращено на изслѣдованіе родильницъ и на самый тщательный, правильный уходъ за ними, имѣющей громадное значеніе относительно предохраненія отъ родильныхъ горячекъ. — Въ офтальмологической клиникѣ студенты занимались: а) изслѣдованіемъ стационарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ и діагностированіемъ различнаго рода глазныхъ болѣзней, подъ руководствомъ директора клиники; б) веденіемъ исторій болѣзней; в) изученіемъ производствъ операций на фантомѣ надъ вврѣзанными глазами животныхъ; г) ассистировали при операціяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и сами производили глазныя операціи подъ руководствомъ директора клиники; д) изслѣдованіемъ

глазъ у конскриптовъ, присылаемыхъ въ клинику конторою мѣстной губернской и земской больницы, и ознакомленіемъ съ различными способами, предлагаемыми для повѣрки больныхъ. Сверхъ того, студенты IV курса упражнялись въ офтальмоскопированіи подѣ руководствомъ директора клиники.—Въ госпитальной терапевтической клиникѣ занятія производились со студентами V курса. При этомъ исключительное вниманіе обращалось на самостоятельное упражненіе студентовъ въ изслѣдованіи и леченіи. Каждый студентъ, подѣ наблюденіемъ профессора, изслѣдовалъ больного, опредѣлялъ болѣзнь и назначалъ лечение. Задача профессора сводилась на повѣрку способа и результатовъ изслѣдованія, на оцѣнку вѣрности выводовъ изъ данныхъ изслѣдованій, и наконецъ на то, чтобы точно и вѣрно установить показанія болѣзни, избрать надлежащіе средства для лѣченія и на критическую оцѣнку выбранныхъ средствъ. Въ виду того, что въ госпитальной практикѣ лѣчение ограничивается извѣстнымъ числомъ средствъ и опредѣленнымъ количествомъ ихъ, обращалось особенное вниманіе студентовъ на то, чтобы они изъ ряда возможныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ средствъ и мѣръ приучались выбирать такіе, которыя практикуются и полагаются по госпитальнымъ правиламъ, обходиться безъ нѣкоторыхъ, замѣнять одни—дорогіе другими—меньшей стоимости, но одинаково дѣйствующими, короче сказать—обращалось вниманіе на такъ-называемую госпитальную практику, чтобы они приобрѣли навыкъ, безъ ущерба для больныхъ, дѣйствовать въ извѣстныхъ рамкахъ госпитальной терапіи. Послѣ разбора больного, студентъ обязанъ былъ слѣдить за нимъ во все время его въ госпиталѣ, вести ежедневныя наблюденія, видоизмѣнять лечение, сообразуясь съ ходомъ болѣзни, съ согласія профессора. По окончаніи болѣзни, дѣлалась подробная практическая оцѣнка вѣрности діагноза и метода лѣченія, причемъ указывались основанія и причины къ отступленію отъ предложеннаго первоначально плана лѣченія, замѣна одного средства другимъ, какое изъ средствъ въ ряду другихъ оказалось наиболѣе дѣйствительнымъ, почему именно и т. д., короче сказать—отдавался подробный отчетъ въ каждомъ дѣйствіи и мѣропріятіи. Больныхъ въ госпитальной терапевтической клиникѣ въ теченіе года было 225; изъ нихъ выздоровѣло 213 и умерло 12. Наибольшій процентъ смертности палъ на дизентерію. Преобладающею формою страданій былъ сыпной тифъ, при лѣченіи котораго примѣнялся способъ обвертыванія больныхъ въ холодныя мокрыя простыни. Кромѣ того, не мало было случаевъ болѣзни легкихъ, плевры, болѣзни

сердца, брюшныхъ органовъ, нервной системы и проч. — Въ госпитальной хирургической клиникѣ практическія занятія состояли въ приученіи оканчивающихъ курсъ студентовъ къ самостоятельной врачебной дѣятельности, подъ непосредственнымъ руководствомъ и контролемъ завѣдывающаго клинкою профессора. Практиканты производили подробное изслѣдованіе больныхъ, съ примѣненіемъ, по возможности всѣхъ необходимымъ діагностическихъ пособій и, на основаніи добытыхъ данныхъ, выводили замѣчанія относительно происхожденія и натуры болѣзни; затѣмъ, высказавъ мнѣніе о прогностическомъ значеніи болѣзни и вѣроятномъ исходѣ ея, составляли планъ лѣченія, который и выполняли почти всегда сами, причѣмъ имъ предоставлялось какъ назначеніе лѣкарствъ, такъ и производство операцій, дѣланіе перевязокъ и проч. Перемѣны болѣзни, происходившія во время нахождения больнаго въ клиникѣ, тщательно отмѣчались ими въ скорбныхъ листахъ, а по выходѣ его изъ клиники излагались въ обстоятельно-составленной исторіи болѣзни даннаго случая. Больныхъ находилось въ клиникѣ въ теченіе года 139, изъ нихъ выздоровѣло 114, оставалось къ концу года 21, умерло 4; важнѣйшихъ операцій произведено было 46. Болѣзни, составлявшія предметъ наблюденія и лѣченія, заключались, главнѣйшимъ образомъ, въ поврежденіяхъ разнаго рода, особенно въ огнестрѣльныхъ ранахъ и въ послѣдствіяхъ ихъ. Въ концѣ года матеріалъ этотъ, за окончаніемъ военныхъ дѣйствій, значительно уменьшился и замѣнялся обыкновенными формами хирургическихъ болѣзней: воспаленіемъ наружныхъ частей, абсцессами, изъязвленіями и т. п.

На предложенныя для соисканія наградъ темы представлены были слѣдующія сочиненія: студентомъ IV курса историко-филологическаго факультета — „Синтаксическія особенности винительнаго въ санскритѣ“, удостоенное золотой медали; студентомъ IV курса физико-математическаго факультета М. Крендовскимъ. — „Описаніе безпозвоночныхъ животныхъ, чаще встрѣчающихся въ рѣкахъ гор. Харькова и его окрестностей“, удостоенное золотой медали; постороннимъ слушателемъ того же факультета А. Ренботомъ. — „Опредѣленіе разности долготъ на земной поверхности изъ наблюденій покрытія звѣздъ луною“, удостоенное серебряной медали а студентами медицинскаго факультета: V курса К. Даниловскимъ — „Экспериментальныя изслѣдованія надъ воспаленіемъ при перерѣзанныхъ вазомоторахъ“ и IV курса М. Очаковскимъ — „Экспериментальное изслѣдованіе надъ пороками сердца“, — оба удостоенныя золотыми медалями.

Въ 1878 году преподаватели Харьковскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: Добротворскій помѣстилъ нѣсколько своихъ проповѣдей въ Православномъ Обозрѣніи и въ Харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ; Делленъ помѣстилъ въ Университетскихъ Запискахъ „Комедія Теренція Hauton Timoghenos“ съ введеніемъ, содержащимъ жизнеописаніе Теренція, съ подробнымъ комментариемъ и съ русскимъ переводомъ; Потербня написалъ по порученію Академіи наукъ „Сравненіе словаря Гилюса со словаремъ Ненельмана“, „Вопросъ о примѣненіи русской азбуки къ литовскому языку“, „О нѣкоторыхъ явленіяхъ небности звуковъ въ славянскомъ языкѣ“ и читалъ въ историко-филологическомъ обществѣ при Харьковскомъ университетѣ статью „О начальныхъ сочетаніяхъ лш, рш, лу, ру“, которая будетъ напечатана въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ Колосова; Сумцовъ издалъ „Очеркъ исторіи колдовства въ западной Европѣ“ и помѣстилъ въ газетѣ Харьковъ двѣ статьи: „Объ отношеніяхъ Пушкина къ женѣ“ и „О времени празднованія юбилея комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“; Бекетовъ помѣстилъ: въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ въ извлеченіи, а вполне въ Журналѣ русскаго химическаго общества и въ Запискахъ академіи наукъ изслѣдованіе „Опредѣленіе теплоемкости водорода въ сплавѣ его съ коллодіемъ“ и въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ „Изслѣдованіе о растворимости окиси серебра въ водѣ“; Лагермаркъ издалъ вмѣстѣ съ Эльтековымъ „О синтезѣ пиротеребиновой и изотеребиновой кислотъ“; Морозовъ напечаталъ въ изданіи Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета статью „О планѣ города Харькова 1787 года“; Шимковъ помѣстилъ въ Харьковскихъ Университетскихъ Запискахъ вторую часть „Курса опытной физики“ (о свѣтѣ и теплотѣ); Федоренко помѣстилъ въ Университетскихъ Запискахъ статью „Способъ околомеридіональныхъ и равныхъ высотъ по обѣ стороны отъ зенита и приложеніе его къ нахожденію высоты полюса на астрономической башнѣ Харьковскаго университета“; Ценковскій напечаталъ въ Трудахъ Харьковскаго общества испытателей природы изслѣдованіе „О студенистыхъ образованіяхъ свекло-сахарныхъ растворовъ“; Яцукевичъ помѣстилъ въ Университетскихъ Запискахъ статью „Титрованный и калориметрической анализы“ съ двумя таблицами; Андреевъ помѣстилъ въ Московскомъ

Математическомъ Сборникѣ „О геометрическихъ соотвѣтствіяхъ въ примѣненіи къ построенію кривыхъ линий“; Бѣледскій напечаталъ въ Трудахъ Харьковскаго общества испытателей природы статью „Соображенія о причинѣ движенія протоплазмы животныхъ кѣловокъ“; Стояновъ помѣстилъ въ газетѣ Харьковъ двѣ статьи изъ путешествія по Италіи „Воспоминанія о Генуѣ, Пизѣ и Флоренціи“; Гаттенбергеръ напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній разборъ трехъ сочиненій: Соколовскаго — „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, Лавеле — „Собственность и ея первобытныя формы“ и Джевенса — „Деньги и денежное обращеніе“; Сокальскій помѣстилъ въ газетѣ Харьковъ двѣ статьи: „Общества взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ въ Полтавѣ и Харьковѣ“ и „Значеніе официальной статистики“ и рецензію на сочиненіе Морозова „Предсказаніе и изслѣдованіе бурь въ Россіи“; Даневскій напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ двѣ статьи „Мысли о каперствѣ и морской войнѣ“ и „Мысли о кодификаціи международнаго права“ и издалъ магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ „Исторія нейтралитета и Парижская морская декларация 1856 года“; Зарубинъ редактировалъ переводъ сочиненія Леберта о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ; Лазаревичъ помѣстилъ въ Лѣтописи Врачебной: 2-ю часть курса акушерства и „Описаніе новаго конструктора“; Тихоновичъ напечаталъ въ Отчетахъ общества опытныхъ наукъ статью: „О салициловой кислотѣ“, Грубе помѣстилъ: въ *Centralblatt für Chirurgie* — „Рефераты объ успѣхахъ русской хирургіи“, въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества: „Объ огнестрѣльныхъ ранахъ черепа“, „Объ *osteotomia subtrochanterica* при *Aukyloxia coxae*“ и „О примѣненіи способа лапоратоміи при леченіи *fistul sternalis*“; Крыловъ сдѣлалъ переводы: „Руководства къ патологической анатоміи“ д-ра Бирх-Гиршфельда (час. 2 вып. 2) и „Наставленія къ судебнымъ вскрытіямъ труповъ“ д-ра Миттенпвейга; Гиршманъ напечаталъ въ *Ophthalmologicae Statistika Nagel's* „Статистическія данныя о формахъ и процентномъ отношеніи глазныхъ болѣзней, о глазныхъ операціяхъ и ихъ исходахъ, выбранныя изъ больничныхъ книгъ клинической и частной за 1876 годъ“; Кремьянскій помѣстилъ въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ: „Сравнительная таблица состава и значенія суточной образцовой пищи Молешота, Певы, Плейфера и Парка хлѣбно-мясныхъ и простыхъ сухарей и объясненіе ея“ и „О результатахъ опытовъ надъ вліяніемъ салициловой кислоты на консервированіе мясныхъ и хлѣбно-мясныхъ пре-

паратовъ"; Кисилевъ напечаталъ въ Протоколахъ медицинскаго общества статью „Объ *Eclampsia infantum*"; Дудукаловъ напечаталъ въ тѣхъ же Протоколахъ „Матеріалъ къ леченію врожденной косолопости"; Ковалевскій помѣстилъ: въ Медицинскомъ Вѣстникѣ „О значеніи чувствительной сферы въ ряду другихъ сферъ душевной жизни" и въ Московскій медицинскій газетѣ „Случай зрительныхъ галлюцинацій при полномъ отсутствіи зрѣнія“, „Краткій очеркъ движенія больныхъ въ психіатрическомъ отдѣленіи Харьковской губернской земской больницы за 1877 годъ“, „Нѣсколько словъ о приемѣ и выпискѣ душевныхъ больныхъ"; Ломиковскій напечаталъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ и въ *Berliner klinische Wochenschrift* статью „Ларингоскопическая картина при *sclerose en plaques cerebri-principale*"; Чириковъ приготовилъ къ печати „Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковскихъ типографіяхъ съ открытія ихъ до настоящаго времени“.

Публичныя лекціи читали профессора: Беветовъ—по технической химіи, Ковальскій—по практической механикѣ, Яцукевичъ—по технологіи. Профессоръ Крыловъ читалъ бесплатно спеціальныя курсы: а) курсъ патологической анатоміи заразныхъ болѣзней (12 лекцій), б) курсъ патологической анатоміи сифилитическихъ заболѣваній (13 лекцій). Всѣ 25 лекцій прочитаны были въ промежутокъ времени отъ 25-го ноября по 19-е марта, причѣмъ на каждую лекцію, обнимавшую по возможности законченный отдѣлъ, употреблялось времени отъ 1½ до 2 часовъ.

Совѣтъ Харьковского университета имѣлъ въ теченіе 1878 года 19 засѣданій. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: доктора медицины 1 (Шилтовъ), кандидата 27, въ томъ числѣ: по историко-филологическому факультету 7, по физико-математическому 4, по юридическому 16; званія дѣйствительнаго студента 11, изъ нихъ по историко-филологическому факультету 2, по физико-математическому 4, по юридическому 5. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря 33, уѣзднаго врача 31, провизора 10, аптекарскаго помощника 38, повивальной бабки 43. Для приготовленія къ преподавательскому званію и для усовершенствованія въ избранныхъ спеціальностяхъ состояли стипендіатами при университетѣ кандидаты: Делленъ по сравнительному языковнанию, Осиповъ по химіи, Новиковъ по прикладной математикѣ, Крендовскій по геологіи, Рейнгардъ по зоологіи, Вошининъ по политической экономіи, Черняевъ по исторіи русскаго права, Ивановъ по статистикѣ.

Коссовскій по полицейскому праву и Василенко по уголовному праву. Командированы были за границу и въ губерніи Россіи: профессоръ Лагермаркъ въ Швецію для принятія участія въ юбилейъ Стокгольмскаго университета, доцентъ Погорѣлко и стипендіатъ Данилевскій на два года за границу, приватъ-доцентъ Ковалевскій на два мѣсяца въ Казанскую психіатрическую лѣчебницу для ученыхъ изслѣдованій и наблюденій.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1878 годъ было ассигновано Харьковскому университету: на содержаніе личнаго состава 207,880 руб., на учебныя пособия, хозяйственные и другіе расходы 111,089 руб. 20 коп., пособие состоящему при университетѣ обществу испытателей природы 2,500 руб., итого 321,469 руб. 20 коп., что съ оставшимися отъ 1877 года 31,418 руб. 37 коп. составитъ 352,887 руб. 57 коп.; изъ этой суммы въ теченіе года израсходовано 326,519 руб. 8 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года остатка было 26,368 руб. 49 коп. Специальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) сбора за слушаніе лекцій въ остаткѣ отъ 1877 года имѣлось 5,255 руб. 16 коп., въ 1878 году поступило 12,813 руб. 22 коп., израсходовано 11,972 руб. 94 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 6,095 руб. 44 коп.; б) пожертвованные капиталы къ началу 1878 года составляли 255,285 руб. 23 коп., въ теченіе года вновь поступило 16,627 руб. 66 коп., израсходовано 12,063 руб. 81 коп., къ 1-му января 1879 года имѣлось на лицо 259,849 руб. 8 коп. Главнѣйшіе расходы изъ специальныхъ средствъ были слѣдующіе: на пособия служащимъ при университетѣ лицамъ, леченіе и погребеніе 1,762 руб., на установку книгъ въ бібліотеку 960 руб., на учебно-вспомогательныя учрежденія 942 руб., на вознагражденіе приватъ-доцентовъ 750 руб., на печатаніе сочиненій ученаго содержанія 306 руб. и пр.

Студентовъ къ 1-му января 1879 года состояло на лицо 559; въ теченіе 1878 года поступило 175 (изъ гимназій 81, изъ духовныхъ семинарій 71, изъ другихъ университетовъ и медико-хирургической академіи 22, изъ бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета 1); въ теченіе года выбыло 128 (до окончанія курса 67, по окончаніи курса 61); затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 609, которые распределены были между факультетами слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 72, на юридическомъ 112, на физико-математическомъ 90 (по отдѣленію математическихъ наукъ 31,

по отдѣленію естественныхъ наукъ 25, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ 34). Постороннихъ слушателей было: къ началу 1878 года 52, къ 1-му января 1879 года 61. Стипендіями пользовались 161 студентъ на сумму 40,024 руб. 60 коп.; размѣръ стипендій отъ 150 руб. до 372 руб. включительно. Пособія выданы были 49 недостаточнымъ студентамъ. Освобождено было отъ платы за ученіе: въ первомъ полугодіи, при общемъ числѣ 488 студентовъ—270, то-есть 55,33% общаго числа, во второмъ полугодіи, изъ 609 студентовъ 382, или 62,73%. Въ число освобожденныхъ вошли и нѣкоторые изъ стипендіатовъ; за исключеніемъ же послѣднихъ, число освобожденныхъ отъ платы составляетъ: въ первомъ полугодіи 31, во второмъ 75 студентовъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета находились къ 1-му января 1879 года въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библиотекѣ числилось: книгъ 46,374 названія 88,759 томовъ на сумму 226,160 руб., періодическихъ изданій 568 названій 8,866 томовъ и тетрадей на 52,799 руб., рукописей 194 тома и тетради на 423 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 2,968 листовъ 3,046 экземпляровъ на 5,896 руб. Въ студентской библиотекѣ: книгъ 1,547 названій 3,094 тома на 3,630 руб., періодическихъ изданій 35 названій 315 томовъ на 420 руб., рукописей, картъ, гравюръ и рисунковъ 46 листовъ на 250 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ: книгъ и картъ 82 названія 133 номера на 1,101 руб., инструментовъ и снарядовъ 160 номеровъ 222 экземпляра на сумму 21,415 руб. Въ кабинетѣ практической механики: машинъ, моделей и другихъ предметовъ 104 номера 116 экземпляровъ на 4,959 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: физическихъ инструментовъ, принадлежностей къ нимъ, посуды и мебели 609 номеровъ 1,358 экземпляровъ на сумму 24,038 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: инструментовъ, атласовъ, картъ и проч. 156 номеровъ на 3,841 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ при ней: книгъ и рисунковъ 29 названій 73 экземпляра на 538 руб., аппаратовъ, снарядовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 1,463 номера 13,450 экземпляровъ на сумму 21,543 руб. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи: приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ 426 номеровъ 1,235 экземпляровъ на 3,474 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 565 названій на 405 руб., минераловъ, моделей, инструментовъ и другихъ предметовъ 12,365 номеровъ 16,955 экземпляровъ на сумму 19,658 руб. Въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ 111 названій

186 томовъ на 1,671 руб., окаменѣлостей, горныхъ породъ, моделей, инструментовъ, препаратовъ и проч. 5,228 номеровъ 13,656 экземпляровъ на 6,174 руб. Въ ботаническомъ саду: растеній, деревьевъ, кустарниковъ, травъ и проч. 4,082 номера 25,366 экземпляровъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 707 названій 674 тома на 5,304 руб., растеній, инструментовъ, препаратовъ, моделей и проч. 188 номеровъ 62,777 экземпляровъ на 4,191 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и журналовъ 175 названій 290 томовъ на 1,075 руб., предметовъ въ видѣ чучель, моделей спиртовыхъ, микроскопическихъ препаратовъ и проч. 4,850 номеровъ 39,385 экземпляровъ на сумму 20,846 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и журналовъ 153 названія 161 экземпляръ на 1,597 руб., препаратовъ, моделей, приборовъ, инструментовъ, посуды и мебели 50 номеровъ 2,843 номера 2,843 экземпляра на 6,859 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ, инструментовъ и другихъ вещей 346 номеровъ на 8,574 руб. Въ кабинетѣ общей патологій разныхъ предметовъ, относящихся до предмета 72 номера 465 экземпляровъ на 1,383 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и журналовъ 102 названія 331 томъ на 1,029 руб., приборовъ, инструментовъ, моделей, препаратовъ, посуды и мебели 1,206 номеровъ 6,040 экземпляровъ на сумму 11,211 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ и другихъ принадлежностей 437 номеровъ 2,275 экземпляровъ на 4,585 руб. Въ музей физиологической анатоміи: книгъ 105 названій 272 тома на 1,839 руб., анатомическихъ препаратовъ, инструментовъ, микроскоповъ и другихъ учебныхъ пособій 900 номеровъ 3,288 экземпляровъ на 9,141 руб. Въ музей патологической анатоміи: книгъ, журналовъ и брошюръ 344 названія 507 томовъ на 1,959 руб., анатомическихъ препаратовъ, патологическихъ конкрементовъ, слѣпковъ и проч. 1,127 номеровъ 3,337 экземпляровъ на сумму 9,649 руб. Въ гистологическомъ кабинетѣ: препаратовъ, моделей, приборовъ, инструментовъ и проч. 179 номеровъ 558 экземпляровъ. Въ эмбриологическомъ кабинетѣ: инструментовъ и другихъ предметовъ 30 номеровъ 1,667 экземпляровъ на 138 руб. Въ фармацевтической лабораторіи: книгъ 18 названій 24 тома на 88 руб., препаратовъ, приборовъ, инструментовъ и проч. 173 номера 2,141 экземпляръ на 3,287 руб. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ 101 номеръ 540 экземпляровъ на 161 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ: инструментовъ, машинъ, моделей и проч. 1,567 номеровъ 2,323 экземпляра на

сумму 16,733 руб. Въ офталмологическомъ кабинетѣ: аппаратовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ 318 номеровъ 421 экземпляръ на 2,919 руб. Въ акушерскомъ кабинетѣ: книгъ 63 названія на 201 руб., аппаратовъ, препаратовъ, мебели и другихъ принадлежностей 1,152 нумера на 7,274 руб. Въ кабинетѣ терапевтической клиники: книгъ 57 названій 3 тома на 701 руб., аппаратовъ и инструментовъ 205 номеровъ на 3,792 руб. Въ кабинетѣ электро-терапии: книгъ 160 названій 194 тома на 423 руб., снарядовъ и прочей утвари 269 номеровъ 752 экземпляра на 3,893 руб. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: книгъ 7 названій 120 томовъ на 204 руб., инструментовъ, препаратовъ и мебели 109 номеровъ 366 экземпляровъ на 925 руб. Въ музей изящныхъ искусствъ и древностей: картинъ, слѣпковъ, акварелей, гравюръ, художественныхъ изданій, монетъ и медалей 1,918 номеровъ 33,908 экземпляровъ на сумму 29,709 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ Харьковскаго университета представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ терапевтической клиникѣ (125 кроватей) отъ 1878 года больныхъ не оставалось, въ 1879 году поступило 139, изъ нихъ выздоровѣло и вышло 127, умерло 12, приходившихъ больныхъ было 1,414; въ хирургической (125 кроватей): поступило въ теченіе года 141, изъ нихъ выздоровѣло и вышло 126, умерло 15, приходившихъ больныхъ было 3,635; въ офталмологической (10 кроватей) отъ 1878 года больныхъ оставалось 5, въ 1878 году поступило 115, выздоровѣло и вышло 112, умерло 3, осталось на излѣченіе къ 1879 году 5; приходившихъ за совѣтами больныхъ было 3,804; въ акушерской и дѣтскихъ болѣзней (25): оставалось отъ 1878 года 17, въ теченіе года поступило 148, выздоровѣло и вышло 153, умерло 4, осталось въ клиникѣ на 1879 годъ 8; приходившихъ больныхъ было 365.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ 3-го разряда въ Виленскомъ округѣ принадлежать: содержимое г. Шмидтомъ въ г. Бѣлостокѣ для дѣтей обоого пола; содержимое г. Гейеръ въ г. Вильнѣ; учрежденное для дѣтей лицъ, служащихъ на станціи Вилейкѣ Ландварово-Роменской желѣзной дороги; одно для обоого пола въ имѣніи Датновѣ, содержимое на счетъ графини Крейцъ, и одноклассное училище для дѣтей обоого пола г-жи Макаровой въ г. Динабургѣ. Училище

г. Шмидта, открытое съ 1874 года, помѣщается во вновь прирено-собленномъ, достаточно удобномъ домѣ, составляющемъ собственность содержателя. Помѣщеніе содержитя прилично и снабжено всѣми необходимыми принадлежностями. Въ 1878 году училище посѣщало 40 приходящихъ мальчиковъ разныхъ сословій и вѣроисповѣданій (на 11 болѣе противъ прошлаго года). Цѣль этой школы заключается въ приготовленіи дѣтей въ 1 и 2 классы мѣстнаго реальнаго училища и въ доставленіи общаго образованія тѣмъ изъ нихъ, которые по лѣтамъ и другимъ условіямъ, не имѣя возможности поступить въ реальное училище, готовятся къ практической дѣятельности. Въ училищѣ преподаются законъ Божій, русскій языкъ, географія, арифметика, нѣмецкій и французскій языки. Въ 1878 году училище г. Шмидта приготовило въ 1 и 2 классы Бѣлостовскаго реальнаго училища 14 мальчиковъ. Пособій ни отъ правительства, ни отъ общества училище не получаетъ, а содержитя г. Шмидтомъ на средства, образующіяся изъ платы, вносимой учениками; изъ этого источника содержатель обезпечиваетъ училище нужными учебными пособиями. Состояніе учебной и воспитательной частей было удовлетворительно и общество относилось къ школѣ съ довѣріемъ.

Приготовительное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ г-жи Гейеръ состоитъ изъ трехъ классовъ: приготовительнаго, перваго и втораго; но во второмъ классѣ не было учащихся. Въ 1878 году число учащихся простиралось до 65, изъ коихъ 45 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ; въ I классѣ находилось: 21 мальчикъ и 10 дѣвочекъ. Въ этомъ числѣ пансіонеровъ, живущихъ въ школѣ и на полномъ содержаніи 14, остальные всѣ—приходящіе. Размѣръ платы съ воспитанниковъ опредѣленъ содержательницею съ пансіонера до 250 рублей, съ полупансіонера до 120 и съ приходящаго до 80 рублей въ годъ.

Училище расположено въ собственномъ домѣ содержательницы; число комнатъ вполне достаточно какъ для классовъ, такъ и для размѣщенія пансіонеровъ; комнаты достаточно просторны, сухи и теплы; классная мебель удобной конструкціи и въ достаточномъ количествѣ; необходимыя учебныя пособия также имѣются; пансіонеры содержатся удовлетворительно и пользуются внимательнымъ присмотромъ. Преслѣдуя главную цѣль: готовить дѣтей къ поступленію въ гимназіи, прогимназіи, реальныя училища и прочія среднія учебныя заведенія, школа эта имѣетъ опредѣленный учебный планъ, по которому объемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ каждомъ классѣ, равняется объему тѣхъ же предметовъ въ соответственныхъ

классахъ мужскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Въ пользу школы говоритъ и то, что въ нее приглашены для преподаванія учителя мѣстной гимназій и прогимназій, а также и другія лица, имѣющія на то право. Познанія учащихся на испытаніяхъ, произведенныхъ предъ каникулами, по всѣмъ предметамъ оказались удовлетворительными.

Воспитательное вліяніе этого учебнаго заведенія обнаружилось, между прочимъ, въ томъ, что дѣти держатъ себя прилично и не принужденно, но вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно относятся къ преподавателямъ, въ точности исполняютъ тѣ обязанности, которыя налагаетъ церковь, и вообще своимъ вѣншиимъ видомъ и опрятной одеждой производятъ хорошее впечатлѣніе.

Частная начальная школа для дѣтей обоаго пола на станціи Вилейкѣ, Ландваро-Роменской желѣзной дороги, помѣщается въ новомъ отдѣльномъ домѣ, принадлежащемъ обществу этой дороги. Подъ училище отведена только извѣстная его часть, гдѣ находятся довольно просторная и свѣтлая классная комната и небольшая квартира учительницы. Отопленіе, освѣщеніе и прислуга, а также жалованье учительницѣ въ размѣрѣ 420 рублей и православному законоучителю 120 руб. въ годъ и 60 руб. на книги и учебныя пособія, а всего 600 рублей въ годъ производится изъ средствъ Роменской желѣзной дороги. Всѣхъ учащихся состояло 23 мальчика и 7 дѣвочекъ. По отъезду участковаго инспектора, успѣхи учащихся въ 1878 году оказались нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ, чему главною причиною были частыя перемѣны въ составѣ учащихся. Всѣ предметы преподаются по плану, присвоенному курсу народныхъ училищъ; добавленіе состоитъ лишь въ томъ, что для дѣтей евангелическо-лютеранскаго исповѣданія преподаются элементарныя начала нѣмецкаго языка.

Частное сельское училище, содержимое на средства графини Крейцъ въ имѣніи Датновѣ, Ковенскаго уѣзда, помѣщается въ очень красивомъ и вполне удобномъ домѣ: классная комната довольно большая и квартира учительницы приличная. Обучаются здѣсь дѣти служащихъ въ имѣніи графини. Мебели, новаго образца, достаточно. Изъ средствъ сельской экономіи выдается жалованье учительницѣ 300 руб. въ годъ и удовлетворяются всѣ хозяйственныя и другія нужды школы. Состояніе учебной части удовлетворительно: учащихся 13 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; учебный курсъ приравненъ къ программамъ народныхъ училищъ Виленскаго округа.

Къ училищамъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій принадлежатъ въ Виленскомъ округѣ 13 лютеранскихъ училищъ (1 въ Вильнѣ, 11 въ Гродненской губерніи и 1 въ Ковнѣ), подвѣдомственныхъ съ 1869 года мѣстнымъ дирекціямъ народныхъ училищъ.

Всѣхъ учащихся въ означенныхъ школахъ было въ 1878 году 1065 (болѣе сравнительно съ 1877 годомъ на 336); изъ нихъ мальчиковъ 679 (болѣе противъ 1877 года на 171) и дѣвочекъ 386 (болѣе противъ 1877 года на 165). Виленское и Ковенское училища содержатся на средства мѣстныхъ церковныхъ коллегій, а училища Гродненской губерніи на средства мѣстныхъ нѣмецкихъ колоній, при пособіи изъ суммъ государственнаго казначейства. При училищахъ состоитъ обыкновенно по два учителя; изъ нихъ одинъ преподаетъ по русски общіе предметы, установленныя программами для народныхъ училищъ Виленскаго округа, а другой на нѣмецкомъ языкѣ законъ Божій евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкій языкъ, а также чистописание и пѣніе (въ Ковенскомъ лютеранскомъ училищѣ законъ Божій преподаетъ мѣстный лютеранскій пасторъ).

Учебная часть Виленскаго училища, по отзыву мѣстнаго директора народныхъ училищъ, въ 1878 году шла удовлетворительно. На произведенныхъ предъ лѣтними каникулами экзаменахъ, учащіеся первой группы I-го класса могли читать по букварю Тихомірова, писали на доскѣ прочитанныя слова и рѣшали умственные задачи до десяти. Дѣти второй группы хорошо читали по русски, съ толкомъ передавали своими словами содержаніе прочитанной статьи, удовлетворительно произносили стихотворенія и также писали на классной доскѣ подъ диктовку; изъ ариметики правильно рѣшали письменныя задачи на именованныя числа и умственные въ предѣлахъ сотни. Учащіеся 2 класса бѣгло и выразительно читали по книгѣ для чтенія Паульсона, хорошо объясняли содержаніе прочитаннаго, дѣлали логической и грамматической разборъ удовлетворительно, произносили стихотворенія и безошибочно писали подъ диктовку; изъ географіи давали обстоятельныя отвѣты о странахъ и частяхъ свѣта, моряхъ, океанахъ, островахъ, полуостровахъ и главнѣйшихъ государствахъ, правильно указывая ихъ на картѣ; изъ русской исторіи послѣдовательно рассказывали важнѣйшія событія до Іоанна Грознаго. Изъ ариметики скоро и правильно рѣшали письменныя задачи на дроби и умственные на цѣлыя числа. Учащіеся писали красивымъ почеркомъ и стройно пѣли подъ звуки мелодикона „Боже Царя Храни“ и „Коль славень“ а также русскія и нѣмецкія пѣсни.

Въ Ковенскомъ лютеранскомъ училищѣ общая оцѣнка успѣховъ показываетъ, что школа находится въ удовлетворительномъ состояніи. Успѣшнѣйшимъ результатамъ въ этомъ училищѣ мѣшали слабая подготовка дѣтей въ русскомъ языкѣ, одновременность поступленія ихъ въ школу и неакуратность посѣщенія уроковъ. Изъ лютеранскихъ училищъ Гродненской дирекціи, какъ въ учебномъ, такъ и воспитательномъ отношеніи лучше другихъ было Гродненское лютеранское училище; обязано оно этимъ вновь назначенному преподавателю нѣмецкаго языка, воспитаннику Варшавской учительской семинаріи, и предсѣдателю евангелическо-лютеранскаго церковнаго совѣта, г. Вестбергу, благодаря особой заботливости котораго училище приобрѣло лучшую внѣшнюю обстановку и всѣ необходимыя учебныя пособія. Такъ же удовлетворительно было состояніе учебной части въ лютеранскихъ Бѣлостокской и Нейбродской школахъ.

Переходимъ къ начальнымъ еврейскимъ училищамъ въ Виленскомъ округѣ. Для подготовленія учителей въ городскія еврейскія училища существуетъ въ Вильнѣ учительскій институтъ, учрежденный въ 1873 году. Въ теченіе пяти лѣтъ дѣятельность этого института вполне опредѣлилась, какъ въ отношеніи общеобразовательнаго, такъ и спеціально педагогическаго его характера. Программы курса и инструкціи для веденія практическихъ занятій воспитанниковъ выпускнаго класса въ образцовомъ училищѣ, составленныя педагогическимъ совѣтомъ и утвержденныя г. попечителемъ, оказались цѣлесообразными и результаты годовичныхъ и выпускныхъ испытаній, произведенныхъ весною 1878 года, можно считать удовлетворительными. Такъ изъ 21 ученика перваго класса удостоены перевода во второй 12, изъ 12 втораго въ третій классъ 11, изъ 10 третьяго класса въ четвертый 8 и 8 воспитанниковъ четвертаго класса удостоены были аттестатовъ объ успѣшномъ окончаніи курса. Такимъ образомъ изъ воспитанниковъ института, по окончаніи курса ученія въ 1877—78 году, оказали удовлетворительные успѣхи 41 или 77⁰/₁₀₀ (въ 1877 году 43 или 86⁰/₁₀₀).

О степени прилежанія и успѣхахъ учениковъ института можно судить по слѣдующей сравнительной таблицѣ отиѣтокъ, полученныхъ ими въ среднемъ окончательномъ выводѣ:

КЛАССЫ.	Въ 1877 году.						Въ 1878 году.							
	Число ученик.	2-3	%	3-4	%	4-5	%	Число ученик.	2-3	%	3-4	%	4-5	%
I . .	18	5	27,8	7	38,8	6	33,4	21	—	—	17	81	4	19
II . .	11	—	—	7	63,6	4	36,4	12	—	—	8	66	4	34
III . .	10	—	—	3	30	7	70	10	—	—	8	80	2	20
IV . .	11	—	—	3	27,3	8	72,8	10	—	—	3	30	7	70
Всего . .	50	5	10%	20	40%	25	50%	53	—	—	36	68%	17	32%

О состояніи отдѣльныхъ предметовъ въ каждомъ изъ четырехъ классовъ института можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ:

Названіе предметовъ.	I классъ.			II классъ.			III классъ.			IV классъ.			Во всѣхъ четыр. к.		
	2-3	3-4	4-5	2-3	3-4	4-5	2-3	3-4	4-5	2-3	3-4	4-5	2-3	3-4	4-5
Законъ еврейской вѣры.	—	16	5	—	5	7	—	4	6	—	1	9	—	26	3
Библия	3	14	4	—	5	7	—	1	9	—	—	10	3	20	3
Древне-еврейскіе языки .	2	15	4	—	8	4	—	5	5	—	2	8	2	30	2
Исторія еврейск. народа.	—	16	5	—	6	6	—	6	4	—	1	9	—	29	2
Русскій языкъ	3	14	4	—	9	3	1	9	—	—	5	5	4	37	—
Ариметика и Алгебра . .	4	16	1	1	10	1	—	7	3	—	6	4	5	39	—
Геометрія	—	—	—	—	8	4	—	5	5	—	—	—	—	13	—
Ист. всеобщая и русская	1	19	1	—	9	3	—	6	4	—	—	10	1	34	1
Географія	5	15	1	—	9	3	—	8	2	—	8	2	5	40	—
Естествовѣдѣніе	3	17	1	—	8	4	—	8	2	—	—	10	3	33	1
Педагогика	—	—	—	—	—	—	1	6	3	—	4	6	1	10	—
Рисованіе, черченіе и чи- стописаніе	—	7	14	—	—	12	—	4	6	—	—	10	—	11	4
Пѣніе и гимнастика . . .	3	17	1	2	8	2	1	8	1	1	5	4	7	38	—

Вышеприведенная таблица показывает, что судя по отбѣткамъ, преподаваніе всѣхъ предметовъ шло съ одинаковымъ успѣхомъ. Большее число слабыхъ отбѣтокъ выпадало на долю I класса и преимущественно на долю приходящихъ воспитанниковъ.

Вообще же состояніе учебной части въ каждомъ классѣ отдѣльно выражалось въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ: для I класса 3,53, для II класса 3,86, для III класса 3,75, и для IV класса 4,11, а для всѣхъ четырехъ классовъ среднею отбѣткою 3,81, свидѣтельствующею объ удовлетворительности состоянія учебной части въ институтѣ (въ 1877 году состояніе учебной части выражалось по всѣмъ предметамъ для перваго класса 3,55, для втораго класса 3,70, для третьаго класса 4,18 и для четвертаго класса 4,28, для всѣхъ четырехъ классовъ среднею отбѣткою 3,93).

Въ 1878 году особенное вниманіе педагогическаго совѣта института было обращено на специальную цѣль, къ которой готовятся воспитанники этого училища. Выслушавъ курсъ методики преподаваемыхъ въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ предметовъ, воспитанники выпускнаго класса, подъ руководствомъ директора, преподавателей, а также и учителей образцоваго училища, занимались практическими упражненіями въ преподаваніи.

Съ наступленіемъ новаго семестра, послѣ достаточнаго упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ, весь ходъ учебно-воспитательнаго дѣла, какъ въ начальномъ училищѣ, такъ и въ приготовительномъ классѣ, во всѣхъ его частяхъ поручался воспитанникамъ-практикантамъ подъ непосредственнымъ надзоромъ учителей начального училища. Для этой цѣли еженедѣльно изъ числа десяти воспитанниковъ выпускнаго класса выбирались по очереди три практиканта, изъ которыхъ одинъ несъ на себѣ обязанности завѣдывающаго начальнымъ училищемъ, другой исполнялъ обязанности его помощника, а третій велъ учебно-воспитательное дѣло въ приготовительномъ классѣ. Практиканты въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ директора, въ присутствіи всѣхъ членовъ педагогическаго совѣта и воспитанниковъ выпускнаго класса, обязаны были представлять отчеты о своей педагогической дѣятельности за истекшую недѣлю; отчеты эти, а также практическіе уроки, на которыхъ присутствовали воспитанники выпускнаго класса, были тогда же обсуждаемы, о чемъ каждый разъ одинъ изъ воспитанниковъ обязанъ былъ составлять протоколъ. Результаты этихъ занятій были удовлетворительны: всѣ 10 воспитанниковъ, во время своей

шестимѣсячной практики, приобрѣли достаточный навыкъ въ преподаваніи начальныхъ предметовъ, усвоили себѣ приемы, предлагаемые новѣйшею методикою, такъ что молодые люди, окончившіе курсъ въ 1878 году, можно надѣяться, съ успѣхомъ выполнять ту задачу, которая предстоитъ имъ при преобразованіи казенныхъ еврейскихъ училищъ по положенію 24 марта 1873 года.

Кромѣ того, воспитанники выпускнаго класса, по окончаніи экзаменовъ, были ознакомлены съ веденіемъ училищнаго счетоводства и дѣлопроизводства.

Съ наступленіемъ 1878—79 учебнаго года были произведены приемныя испытанія, изъявившихъ желаніе поступить въ I классъ института. Изъ 48 лицъ, подавшихъ прошенія о допущеніи ихъ въ этому испытанію десяти было отказано по несоотвѣтственности возраста, или по неудовлетворительности документовъ, шесть были приняты безъ экзамена, на основаніи имѣвшихся у нихъ аттестатовъ, а изъ остальныхъ 32 человекъ 15, выдержавшіе испытаніе, были приняты въ первый классъ; 17 же, оказавшимъ слабыя познанія по разнымъ предметамъ, было отказано въ приемъ.

Въ началѣ учебнаго года одинъ изъ вновь принятыхъ воспитанниковъ выбылъ изъ института по собственному желанію, такъ что во второмъ полугодіи состояло учениковъ: въ I классѣ 21, во II-мъ классѣ 12, въ III классѣ 11 и въ IV классѣ 10, а всего 54 человекъ. Съ 16 августа началось ученіе, какъ въ институтѣ, такъ и въ состоящемъ при немъ начальномъ училищѣ. Въ программахъ преподаванія на предстоящій учебный годъ не было сдѣлано никакого измѣненія; обращено было только вниманіе преподавателей на исключительно практическій характеръ курса четвертаго класса, въ которомъ пройденное въ трехъ низшихъ классахъ должно быть повторяемо и дополняемо.

О состояніи учебной части во второе полугодіе и объ успѣхахъ воспитанниковъ за это время можно судить по среднему выводу балловъ, полученныхъ ими за первыя двѣ четверти 1878—79 учебнаго года:

	Число учени- ковъ.	Отъ 2—8.		Отъ 8—4.		Отъ 4—5.	
			%		%		%
Въ I классъ . . .	21	—	—	14	66	7	34
во II > . . .	12	—	—	9	75	3	25
въ III > . . .	11	—	—	9	82	2	18
> IV > . . .	10	—	—	5	50	5	50
Всего . . .	54	—	—	37	69	17	31

Состояніе отдѣльныхъ предметовъ за то же время показываетъ слѣдующая таблица:

	I классъ.	II классъ.	III кл.	IV кл.	Общій средній выводъ.
Библия	3,5	3,7	4,2	4,2	3,9
Законъ еврейской вѣры . .	3,5	3,7	3,8	4,1	3,8
Русскій языкъ и славянское чтеніе	3,5	3,2	3,3	3,5	3,4
Древне-еврейскій языкъ . .	3,7	4,1	3,9	4	3,9
Арифметика и алгебра . .	4	3,5	3,6	3,5	3,6
Геометрія	—	3,5	3	—	3,3
Исторія всеобщая и русская	3,5	3,9	3,9	4	3,8
Географія	3,2	3,3	3,1	4	3,4
Исторія Евреевъ	3,5	3,8	3,8	3,9	3,7
Естествовѣдѣніе и физика	3,2	3,2	3,5	3,8	3,4
Педагогика	—	—	3,3	3,7	3,5
Черченіе и рисованіе . . .	4,1	4,3	4,6	4,4	4,4
Числосчисленіе	3,6	4,5	4,1	—	4,1
Пѣніе	2,8	3,2	3,7	4	3,4
Гимнастика	3,3	3,8	3,9	3,8	3,7
Средній выводъ.	3,5	3,7	3,5	3,9	3,7

Средній выводъ балловъ по всѣмъ предметамъ и для всѣхъ четырехъ классовъ былъ 8,7—что свидѣтельствуетъ объ удовлетворительномъ состояніи учебной части въ институтѣ. Сравнительно съ прошлымъ годомъ общій выводъ почти остался тотъ же, хотя несомнѣнно успѣшность по многимъ предметамъ курса болѣе или менѣе значительно возрасла, особенно по русскому языку, математикѣ и исторіи; но за то по еврейскимъ предметамъ среднія отмѣтки нѣсколько ниже прошлогоднихъ, равно какъ и по естественной исторіи, географіи и педагогикѣ, что объясняется относительно еврейскихъ предметовъ продолжительною болѣзнію инспектора, а относительно остальныхъ нѣкоторымъ возвышеніемъ требованій со стороны преподавателей.

Практическія занятія воспитанниковъ выпускнаго класса въ преподаваніи предметовъ, положенныхъ для еврейскихъ начальныхъ училищъ, начались съ 1-го сентября отчетнаго года и ведены были обычнымъ порядкомъ. Въ шестнадцать засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, съ участіемъ въ нихъ воспитанниковъ выпускнаго класса, было разобрано 155 практическихъ уроковъ, данныхъ воспитанниками въ образцовомъ училищѣ: по русскому языку, арифметикѣ, чтенію статей историческаго и географическаго содержанія, статей по естествознанію, а также по еврейскимъ предметамъ и чистописанію. Изъ числа этихъ уроковъ признано было неудовлетворительными 7, удовлетворительными 49 и весьма удовлетворительными 99. Совмѣстное разсмотрѣніе и обсужденіе практическихъ уроковъ преподавателями и воспитанниками оказалось весьма полезнымъ. Изъ 10 воспитанниковъ къ концу означеннаго полугодія 8 вполне усвоили приемы первоначальнаго обученія. Что касается до состоящаго при институтѣ начальнаго училища съ приговорительнымъ классомъ и дополнительнымъ курсомъ ремеслъ, то въ первой половинѣ 1878 года находилось въ немъ 146 учениковъ, а именно въ первомъ отдѣленіи 34, во второмъ 34, въ третьемъ 33, а въ приговорительномъ классѣ 45. Результаты произведенныхъ въ концѣ 1877—78 учебнаго года экзаменовъ были слѣдующіе: изъ приговорительнаго класса въ первое отдѣленіе начальнаго училища удостоились перевода 26 учениковъ, изъ перваго отдѣленія во второе 16, изъ втораго въ третье 15, а изъ 33 учениковъ III отдѣленія, по выдержаніи экзамена, педагогическимъ совѣтомъ удостоены были аттестатовъ объ окончаніи полнаго курса 13 учениковъ; изъ нихъ 4 были приняты безъ экзамена въ I классъ института. Такимъ образомъ изъ 146 учениковъ начальнаго училища и приговорительнаго класса оказались успѣвающими 70 учениковъ или

48%, а изъ 33 учениковъ третьяго отдѣленія окончило полный курсъ училища 18 или 40%. (Въ 1877 году изъ 118 учениковъ начальнаго училища и приготовительнаго класса успевавшихъ было 68 ученика или 58%, а изъ 18 учениковъ III отдѣленія окончило полный курсъ 14 или 77%.)

Къ концу 1878 года въ институтскомъ училищѣ состояло 165 учениковъ, а именно: въ приготовительномъ классѣ 52, въ первомъ отдѣленіи 50, во второмъ отдѣленіи 31 и въ третьемъ 32.

Дополнительные курсы столярнаго и токарнаго ремесла, учрежденные при институтскомъ училищѣ для желающихъ ими заниматься, посѣщались въ 1877/8 учебномъ году только 8 учениками; въ началѣ же 1878/9 учебнаго года было на нихъ не болѣе 5.

При учительскомъ институтѣ учреждены особые курсы для учителей казенныхъ еврейскихъ училищъ, желающихъ занимать мѣста во вновь открываемыхъ начальныхъ училищахъ. Въ началѣ 1878 года такихъ учителей было 15. Занятій ихъ прерывали въ послѣобѣденное время подъ руководствомъ директора, инспектора и четырехъ преподавателей. После повторенія институтскаго курса и усвоенія методики предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ, они давали уроки въ начальномъ училищѣ подъ руководствомъ своихъ преподавателей и въ порядкѣ заведенномъ для воспитанниковъ института. По окончаніи занятій прикомандированные на курсы подвергались экзамену въ педагогическомъ совѣтѣ и всѣ 15 удостоены были свидѣтельствъ.

Во второй половинѣ года снова были прикомандированы 6 учителей казенныхъ еврейскихъ училищъ, а именно 4 Виленскаго, 1 Кіевскаго и 1 Одесскаго округовъ.

Въ первой половинѣ 1878 года въ Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ было 50 воспитанниковъ казеннокоштныхъ и 2 приходящихъ, во второмъ же полугодіи 44 казеннокоштныхъ и 10 приходящихъ. Главный надзоръ за ними лежалъ на директорѣ, которому помогали инспекторъ и всѣ преподаватели ежедневными дежурствами во время обѣда и отъ 5 до 11 часовъ вечера, по установленной очереди. За нравственнымъ состояніемъ воспитанниковъ отдѣльныхъ классовъ и за успѣхами ихъ суждали завѣдующіе классами изъ числа штатныхъ же преподавателей, которые обязаны были представлять чрезъ каждые два мѣсяца въ педагогическіе совѣты отчеты о состояніи въѣренныхъ имъ классовъ.

Воспитанники выпускнаго класса по очереди исполняли обязан-

ности дежурныхъ по институту, слѣдя за вѣрнымъ порядкомъ въ заведеніи, за точнымъ исполненіемъ правилъ относительно распре- дѣленія времени воспитанниковъ, на нѣхъ же обязанности лежало вести журналъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Кроме того де- журные въ каждомъ классѣ слѣдили за чистотою и порядкомъ. За- мѣчанія относительно воспитанниковъ, дѣлаемыя дежурными, равно какъ и директоромъ и преподавателями, вносились въ вѣдущую книгу, по которой вѣдущіе классами составляли заключительныя свидѣ- тельства.

Поведеніе учениковъ за 1878/79 учебный годъ выразилось среднимъ отбиткомъ 4, 46. Изъ 146 учениковъ 20 имѣли въ среднемъ выводѣ по поведенію менѣе 4, 00.

Еврейскія казенныя начальныя училища по положенію 24 марта 1873 года. Въ 1878 году къ числу преобразованныхъ уже прежде училищъ присоединилось еще шесть; всего же преобразован- ныхъ къ 1 января 1879 года было 12.

Завѣдываніе ими и преподаваніе въ нихъ поручено было омов- чившимъ успѣшно курсъ въ Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, или командированнымъ съ дополнительными предья курсамъ и по выслушаніи оныхъ удостоеннымъ правнаго званія учителей еврейскихъ начальныхъ училищъ. Такъ какъ преобразование училищъ Лидскаго, Ковенскаго, Брестскаго, Бобруйскаго, Полоцкаго, и Гомельскаго про- изведено было во второй половинѣ 1878 года, то трудно съ опредѣ- ленностію высказаться объ результатахъ обученія въ этихъ учили- щахъ. Вѣдѣствіе чего сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія лишь о нѣкото- рыхъ изъ училищъ, преобразованныхъ въ предшествующемъ году. Въ Свенцянскомъ училищѣ оба наставника, принявшіе за дѣло съ энергіею и знаніемъ дѣла, достигли вполне удовлетворительныхъ ре- зультатовъ. Они обращали должное вниманіе на самостоятельныя работы учениковъ, пріему послѣднія и ведены были въ надлежащемъ порядкѣ. Классная дисциплина соблюдалась строго, ученики имѣли приличный видъ и одѣвались опрятно. Свенцянское училище помѣщается въ наемномъ домѣ, который по тѣснотѣ своей не вполне пригоденъ для школы. Къ осени будущаго года, съ окончаніемъ постройки въ центрѣ го- рода каменнаго двухъэтажнаго зданія, есть надежда нанять для училища болѣе удобное помѣщеніе. Въ 1878 году на остаточныя суммы приоб- рѣтено было необходимое число мебели новаго образца и библио- тека училища пополнена нѣсколькими дѣтными учебными пособиями. Вообще состояніе Свенцянскаго училища, какъ въ учебномъ, такъ и

въ воспитательномъ отношеніяхъ вполне удовлетворительно и потому эта провинція хороша впечатлѣніе, особенно господствующими въ ней чертами и порядкомъ.

Полешинское начальное еврейское училище помѣщается не вполне удобно, но недостатокъ этотъ будетъ устраненъ. Училищная его библиотека снабжена и обеспечена всѣми необходимыми руководствами и пособиями для нагляднаго преподаванія. Оба преподавателя занимались съ усердіемъ и умѣньемъ. Учебная часть находилась въ такомъ удовлетворительномъ состояніи, что тотъ и другой преподаватель послѣ ревизіи инспектора, были удостоены официальной благодарности отъ училищнаго совѣта дирекціи.

Гродненское начальное еврейское училище имѣло вполне удобное помѣщеніе, снабженное приличною мебелью и всѣми необходимыми принадлежностями. По ходатайству еврейскаго общества, при содѣйствіи дирекціи народныхъ училищъ, Гродненское губернское правленіе назначило къ отпуску изъ суммъ еврейскаго коробочнаго сбора на улучшеніе помѣщенія училища по 300 руб. въ годъ на четырехлѣтіе съ 1 января 1878 года. Всѣ наличные преподаватели, при хорошихъ способностяхъ, вполне обладаютъ какъ требуемыми знаніями, такъ и педагогическою подготовкою. Несмотря на то, что училище открыто только полтора года, къ концу отчетнаго времени въ немъ правильно сформировались всѣ три отдѣленія нормальнаго класса. Преподаваніе производится по лучшимъ учебникамъ, вполне методически; учащимися сдѣланы значительные успѣхи въ ознакомленіи съ разговорною русскою рѣчью; рѣчѣ преподается хорошо, равно какъ и воспитательная часть училища находится въ удовлетворительномъ состояніи. Училищная библиотека снабжена нужными руководствами, а также и наглядными пособиями.

Начальное еврейское училище въ г. Слупкѣ, помѣщающееся въ центрѣ города, имѣетъ малыхъ размѣровъ классныя комнаты, достаточное количество руководствъ и учебниковъ, но не снабжено въ надлежащей мѣрѣ наглядными пособиями. Учебная часть находилась въ удовлетворительномъ состояніи; школьный порядокъ и чистота поддерживались.

Въ Витебскомъ училищѣ учебная часть организована была на точномъ основаніи инструкціи и программъ для начальнаго образцоваго училища при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, и благодаря усердію и педагогической опытности преподавателей находилась въ хорошемъ состояніи. Воспитательная сторона уча-

щихся также не оставлена была безъ должнаго вниманія; преподаватели строго слѣдили за поведеніемъ учащихся, приучали ихъ къ чистотѣ и опрятности, вселяли чувства вѣжливости и уваженія какъ въ отношеніи къ старшимъ, такъ и другъ къ другу. Уроки гимна и гимнастики замѣтно выжили на оживленіе дѣтей и ихъ физическое развитіе.

Въ такомъ же удовлетворительномъ состояніи находились и Оршанское начальное еврейское училище.

Всего въ 12 преобразованныхъ еврейскихъ училищахъ состояло въ отчетномъ году 750 учащихся; въ томъ числѣ 745 городского и 5 сельскаго сословія; число выбывшихъ до окончанія курса составило до 159, но многими снова 11.

О СВЯЗИ МЫСЛЕЙ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ ЦИЦЕРОНОВЫХЪ ТУСКУЛАНСКИХЪ БЕСѢДЪ.

Въ самомъ началѣ второй книги Тускуланскихъ бесѣдъ Цицеронъ говоритъ, что занятіе философіею необходимо. Этой основной мысли подчиняется все до конца 2-го §, какъ противоположеніе Цицерону Нептолема, такъ и объясненіе, почему и въ какомъ разиѣрѣ упомянутое занятіе нужно. Оно необходимо, потому что оно лучше всѣхъ другихъ; оно необходимо должно распространяться на весь объемъ философіи, потому что *raucis philosophaę* дѣло трудное, такъ какъ занятіе небольшою частью философіи, съ одной стороны, предполагаетъ болѣе обширное знакомство съ послѣдней какъ условіе для выбора изъ нея той или другой части, съ другой стороны, благодаря привлекательности отчасти познанной философіи: оно само собою должно приводить къ изученію ея въ полномъ объемѣ. Означенныя отношенія этихъ мыслей между собою ясно отмѣчаются союзами *autem*, *enim*, *nam*. Потомъ Цицеронъ говоритъ, что даже небольшой отдѣлъ философіи можетъ быть очень полезенъ и доказываетъ это, по индукціи, пользою бесѣды о смерти (въ первой книгѣ), а эту пользу доказываетъ положеніями, что эта бесѣда уничтожаетъ страхъ смерти, что уничтоженіе этого страха много содѣйствуетъ освобожденію души отъ страха вообще, наконецъ, что страшнѣйшаго неизбѣжнаго зла никогда не можетъ быть спокойствіе. Не трудно эти положенія, вставляя другія, опущенныя, свести къ такому сориту: бесѣда о смерти удалила страхъ передъ смертію; то, что удалило страхъ предъ смертію, удалило страхъ предъ событіемъ неизбѣжнымъ;—то, что удалило страхъ предъ событіемъ неизбѣжнымъ, удалило страхъ, съ которымъ никогда нельзя быть спокойнымъ;—то,

чѣмъ удалена причина постоянного безпокойства, много содѣйствовало вообще успокоенію души;—что много содѣйствовало къ успокоенію души, то приноситъ большую пользу;—итакъ, бесѣда о смерти принесла большую пользу. Что же касается доказываемаго положенія, что и небольшая часть философіи очень полезна, то оно через *sed tamen* поставлено въ противительное отношеніе къ предшествующей мысли, что трудно *raucis philosophari*, но сверхъ того имѣеть еще другое, хотя и невыраженное союзомъ, отношеніе къ основной мысли предшествующаго, а именно, служить доказательствомъ (а *minore ad maius*) тому, что нѣтъ ничего лучше и полезнѣе, какъ занятіе философіею: то, чего отдѣльная часть уже полезна, въ цѣломъ еще полезнѣе.—Вторая группа мыслей простирается съ начала 3-го § до конца 4-го. Тутъ Цицеронъ говоритъ, что предвидитъ множество возраженій противъ своей философіи, на основаніи неизбѣжности возраженій противъ всякой философіи, и доказываетъ неизбѣжность такихъ возраженій путемъ аналогіи, которая принимаетъ характеръ доказательства а *minore ad maius*, вслѣдствіе того, что политическимъ и судебнымъ рѣчамъ приписывается какъ цѣль одобреніе народа, а философіи нѣкоторая враждебность къ тому же народу. Порицаются, заключаетъ Цицеронъ, такія рѣчи, которыя домогаются согласія народа; тѣмъ болѣе должны быть порицаемы философскія разсужденія, относящіяся къ народу враждебно. Поставляя эту мысль, частицею *quamquam*, въ уступительное отношеніе къ предыдущему, Цицеронъ обозначаетъ, что приведенное обстоятельство могло бы казаться препятствіемъ его философскимъ занятіямъ, на самомъ дѣлѣ, однако, не препятствуетъ имъ. Черезъ *autem* (*nos autem*) кажущемуся препятствію противопоставляются тѣ двѣ причины, по которымъ на самомъ дѣлѣ оно не служитъ препятствіемъ; эти двѣ причины: 1) прежнее опроверженіе Цицерономъ возраженій противъ философіи вообще и Академіи въ особенности, и 2) его желаніе встрѣчать такія возраженія почаще, потому что они содѣйствуютъ почету и процвѣтанію философскихъ занятій. Послѣдняя причина присоединяется къ первой чрезъ *sed tamen*, потому что могло бы казаться, будто тотъ, кто опровергнулъ возраженія, не желаетъ, чтобы ему дѣлали новыя возраженія.—Итакъ, содержаніе первыхъ двухъ группъ мыслей сводится къ тому, что Цицерону необходимо занятіе философіею, потому что это занятіе лучше всѣхъ другихъ, и что такое достоинство этого занятія и, слѣдовательно, необходимость его нисколько не опровергается и не устраняется предвидимыми нападками на философію. Если же

подъ занятіемъ философіею разумѣть сочиненіе философскихъ книгъ— а этого требуетъ упоминаніе о прежней Тускуланской бесѣдѣ—то выйдетъ, что говорится о причинахъ, которыя побудили Цицерона, и о препятствіяхъ, которыя не удержали его писать о философіи.—Въ началѣ § 5 Цицеронъ увѣщаетъ всѣхъ способныхъ къ тому лицъ заниматься соединеніемъ философскихъ книгъ. Вводя это увѣщаніе черезъ *quam ob rem*, онъ причиною этого желанія выставляетъ процвѣтаніе философіи въ Греціи вслѣдствіе происходившихъ тамъ споровъ, откуда, по аналогіи, выводитъ, что и у Римлянъ подобная полемика доведетъ до подобнаго же процвѣтанія. Цѣлью онъ выставляетъ отнятіе у Грековъ славы въ философіи (*ut huius quoque generis etc.*) и возможность достиженія этой цѣли доказываетъ, по аналогіи, успѣхомъ Римлянъ какъ по другимъ наукамъ такъ особенно по краснорѣчію (*sicut reliquas omnis etc.*). Повторяя это увѣщаніе (*philosophia nascitur etc.*), прибавляетъ другое—терпѣливо относиться къ возраженіямъ (*postque iras etc.*) и, доказавъ возможность исполненія его особенностью Академикомъ, къ которымъ, слѣдовательно, преимущественно относится это увѣщаніе, цѣлью сочиненія философскихъ книгъ выставляетъ возможность обходиться безъ греческихъ книгъ (*quod si haec studia etc.*). Такимъ образомъ главное содержаніе этой третьей группы составляетъ желаніе, чтобы и другіе писали о философіи и не сердились на возраженія.—Въ четвертой группѣ мыслей Цицеронъ заявляетъ, какихъ лицъ онъ вызываетъ къ авторству по философіи: только тѣхъ, которыя философствуютъ методически и владѣютъ искусствомъ изложенія. О томъ, почему онъ требуетъ методическаго изслѣдованія, онъ не говоритъ. Что же касается художественнаго изложенія, то онъ, черезъ индукцію, примѣромъ греческихъ и римскихъ энциклопедистовъ, доказываетъ, что никакое философское сочиненіе, которое не написано художественнымъ образомъ, не читается всѣми, а затѣмъ замѣчаетъ, что все надо писать такъ, чтобы читали его всѣ: мысли, которыя сводятся къ такому силлогизму: ничто такое, что должно быть читаемо всѣми, не должно быть написано безъ искусства;—философскія сочиненія должны быть читаемы всѣми, слѣдовательно они не должны быть написаны безъ искусства. Стоять только по индукціи вывести большую посылку, которой Цицеронъ не выводитъ, и прибавить заключеніе.—Въ пятой и послѣдней группѣ мыслей говорится, что Цицеронъ всегда держался ученія Академикомъ и перипатетикомъ, какъ для отысканія истины, такъ и для упражненія въ краснорѣчіи, и что онъ въ этой книгѣ

передаетъ философскую бесѣду, происходившую въ Тускуланумѣ послѣ утренняго упражненія въ краснорѣчїи: значить, указываетъ предметъ предлагаемаго труда и ученія, которому онъ здѣсь слѣдуетъ.

Г. Блажеевскій, въ своемъ изданіи первыхъ двухъ книгъ Тускуланскихъ Весѣдъ, слѣдя Мейсомеру, говоритъ слѣдующее: „Предисловіе. Обращеніе къ М. Бруту, въ которомъ Цицеронъ совѣтуетъ римскому обществу заниматься философїею, въ виду ея громадной пользы для ума и сердца; § 1—6“, и потомъ: „Философскія сочиненія не должны быть писаны небрежнымъ слогомъ, какъ сочиненія римскихъ эпикурейцевъ, и не для однихъ только специалистовъ; изложеніе въ нихъ должно быть привлекательно и краснорѣчиво, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ подражанія передъ прочими приемы Академикова; 7—9“. Но тутъ, во первыхъ „Обращеніе“ не у мѣста, потому что, не смотря на звательный *Brute*, предисловіе не болѣе и не менѣе относится къ Бруту, чѣмъ вся книга. Въ вторыхъ, опущено все мѣсто, въ которомъ Цицеронъ говоритъ о томъ, почему онъ пишетъ о философїи, и заявляетъ, что возраженія другихъ не мѣшаютъ ему. Въ третьихъ, идетъ рѣчь, конечно, и о пользѣ философїи, только не тамъ, гдѣ Цицеронъ другихъ увѣщаетъ писать о философїи, но гдѣ онъ говоритъ о своихъ философскихъ книгахъ. А въ четвертыхъ, не одно и то же требовать, чтобы философскія книги не были написаны небрежнымъ образомъ и не для однихъ специалистовъ, и требовать, какъ требуетъ Цицеронъ, чтобы онѣ были написаны изящно, потому что онѣ должны быть назначаемы для всѣхъ образованныхъ людей. Гораздо болѣе отстываетъ отъ истины Тишеръ на стр. XVI введенія своего изданія, говоря, что предисловіе, послѣ замѣчанія Цицерона о затруднительности положенія его по отношенію къ народу и къ противникамъ его, содержитъ обращенное къ образованной части публики увѣщаніе усердно заниматься философїею, какъ въ виду великой славы, прїобрѣтенной на этомъ поприщѣ Греками, такъ и въ виду наступающаго у Римлянъ упадка краснорѣчїа. Тутъ, во первыхъ, выраженіе „затруднительность положенія“ вовсе не соотвѣтствуетъ мысли Цицерона; въ вторыхъ не выяснено, почему Цицеронъ говоритъ о возраженіяхъ противъ ученія о безсмертіи; въ третьихъ, совсѣмъ опущено изъ виду, что объ упадкѣ краснорѣчїа говорится только какъ о доказательствѣ уже достигнутаго совершенства въ этомъ искусствѣ.

Отъ 4, 10 и до 5, 13 простирается введеніе слѣдующей бесѣды. На заявленіе слушателя, что онъ бесѣдою о безсмертіи и о безне-

чальномъ состояніи умершихъ освобожденъ отъ всякаго страха смерти, учитель отвѣчаетъ, что такое излѣченіе души дѣйствительно бываетъ результатомъ философствованія, но только у благородныхъ характеровъ, а далеко не у всѣхъ, даже не у всѣхъ философовъ. Когда же слушатель поднимаетъ вопросъ, не служитъ ли это доказательствомъ бесполезности философіи, то учитель возражаетъ, что нѣтъ, потому что и безплодіе нѣкоторыхъ полей не доказываетъ бесполезности воздѣлыванія земли, а философія есть также воздѣлываніе, именно воздѣлываніе души. Очевидно, слушатель заключаетъ такъ: „Что не вездѣ производитъ то, что должно произвести, то бесполезно; философія не вездѣ производитъ это: слѣдовательно, она бесполезна“ (*barbara*). А учитель опровергаетъ это доказательство, *ad contradictorium*, доказывая неосновательность большій послыки указаніемъ на пользу чего-то не всегда полезнаго. Послѣ такого оправданія философіи въ 5, 14, 15 слушатель, чтобы вызвать философское изложеніе, высказываетъ мысль, что боль, по его мнѣнію, есть наибольшее зло, но на вопросъ учителя, больше ли она также позора? тотчасъ отрывается отъ своего положенія и останавливается на томъ, что боль просто зло. Тѣмъ не менѣе, онъ требуетъ еще болѣе обстоятельнаго изложенія ученія о боли, которое учитель и общаетъ. Можно спросить, почему уже здѣсь рѣшается вопросъ о томъ, крайнее ли зло есть боль, и притомъ рѣшается такъ кратко, тогда какъ ниже—6, 16—рѣчь возвращается къ тому же предмету? Намекъ на имѣвшееся при этомъ намѣреніе мы находимъ, 12, 28, въ словахъ: *At tu, adolescens, cum id tibi paulo ante dixisses videri, rogatus a me etiamne maius quam dedecus, verbi de sententia destitisti.* Судя по противоположенію юноши философамъ, кажется, что взглядъ на боль, какъ на зло меньшее чѣмъ позоръ, разсматривается какъ взглядъ простаго здраваго смысла. Если же это такъ, то, слѣдовательно, въ занимающемъ насъ теперь мѣстѣ бесѣды не только прежде всего рѣшается тотъ вопросъ, на рѣшеніи котораго основывается вся возможность дальнѣйшаго изслѣдованія о боли (сл. l. 1.: *Nos ipsum, то-есть maius esse malum dedecus quam dolorem si tenebis, intelleges quam sit obstendum dolori*), но онъ рѣшается прежде всего съ точки зрѣнія простаго разсудка—порядокъ, уже предварительно, до собственныхъ доказательствъ, подкапывающій авторитетъ тѣхъ философовъ, противъ которыхъ вслѣдъ за тѣмъ придется говорить. Итакъ, означенное мѣсто—5, 14, 15—составляетъ первую главную часть самой бесѣды, можно сказать, приступъ ея. Причислить его къ той части, въ которой разсматриваются мнѣнія нѣкоторыхъ философовъ о боли, какъ

дѣлаетъ, вслѣдъ за Мейсснеромъ, г. Блажеевскій, называя эту часть теоретическою, нельзя вслѣдствіе яснаго заявленія самого Цицерона, который, говоря: *primum igitur de imbecillitate multorum et de variis disciplinis philosophorum loquar*, безъ сомнѣнія начинаетъ эту часть съ 6, 15; препатствуетъ, кромѣ того, и то отношеніе, въ которое эти мысли поставлены ко второй болѣе длинной части, 12, 28 (*hoc ipsum si tenebis etc*), гдѣ убѣжденіе, что боль не есть крайнее зло, называется условіемъ устойчивости противъ боли. Итакъ, вторая часть самой бесѣды начинается съ 6, 15 и озаглавлена „о слабости многихъ и принадлежащихъ къ разнымъ школамъ философовъ“. Такъ какъ подъ слабостью несомнѣнно надо разумѣть слабость относительно боли, измѣненный взглядъ на боль, то изъ этого самаго заглавія видно, что эта часть простирается только до 12, 28, гдѣ оканчивается бесѣда объ эпикурейцахъ, и не обнимаетъ того, что затѣмъ говорится о стоикахъ. Поэтому тамъ, 12, 28, и предлагается тема новой, третьей части: *intelleges, quam sit obsistendum doli; nec tam quaerendum est dolor malumne sit quam firmandus animus ad dolorem ferendum*. Мы увидимъ далѣе, съ какою цѣлью тамъ говорится о стоикахъ; но и изъ сказаннаго теперь видно, что невѣрно Мейсснеръ и г. Блажеевскій содержаніе этой второй части опредѣляютъ такъ: „Разборъ взглядовъ главныхъ философскихъ школъ: 1) Киренейской и Эпикурейской, 2) Стоиковъ и 3) Перипатетиковъ“. Это раздѣленіе не заимствовано у Цицерона, а навязано ему, и притомъ навязано не справедливо. Теперь мы обращаемся къ содержанію этой части. Мнѣніе, что боль есть крайнее зло, приписывается Аристиппу, Эпикуру и, хоть не прямо, а косвеннымъ образомъ, Пирониму, свободу отъ боли считавшему высшимъ благомъ. Противъ общаго имъ мнѣнія приводятся четыре доказательства. Первое то, которое уже въ приступѣ было употреблено: самая природа отвергаетъ мнѣніе, что боль есть крайнее зло—положеніе, выведенное изъ начала бесѣды съ слушателемъ (*natura statim respuit, ne—dolorem summum malum diceret*), и имѣющее для себя болѣе сильную посылку въ подразумеваемой мысли, что невѣрно все то, что отвергаетъ сама природа. Второе доказательство заключается въ словахъ: *Quod huic officium erit tanti quod adipisci cum dolore corporis velit, qui dolorem summum malum esse sibi persuaserit*. Этотъ вопросъ заступаетъ мѣсто отрицательнаго предложенія: *nullum huic officium etc*. Но въ такомъ видѣ это предложеніе еще не годится для посылки. Оно, однако, тождественно съ такимъ положеніемъ: „убѣжденіе въ томъ, что боль

есть крайнее зло, препятствуетъ исполненію обязанностей, сопряженныхъ съ болью“, и къ этому положенію, какъ къ меньшей послылкѣ, нужно только подразумѣвать большую послылку такую: „убѣжденіе, которое препятствуетъ исполненію такихъ обязанностей, ложно“, а эта послылка, съ своей стороны, вытекаетъ изъ того нравственнаго постулата, что вообще тѣ убѣжденія, которыя мѣшаютъ исполненію обязанностей, ложны. Подобно этому третье доказательство выражено словами: *Quam propterea quis ignominiam non pertulerit, ut effugiat dolorem, si id summum malum esse decreverit?* Это значить: убѣжденіе, что въ боли состоитъ крайнее зло, побуждаетъ къ самымъ постыднымъ поступкамъ. Отсюда, подразумѣвая, что такія убѣжденія ложны, можно вывести, что и означенное убѣжденіе ложно, иначе сказать, что крайнее зло не состоитъ въ боли. Въ основаніи четвертаго доказательства лежитъ *modus tollendi*. Приводится большая послылка: *Quis non, tunc est nemo non miser, si in doloribus est summum malum;* подразумѣвается, какъ меньшая послылка: неѣрно, что *nemo non miser*; выводъ: слѣдовательно боль не есть крайнее зло. Такимъ образомъ опровергнувъ мнѣніе Эпикура и другихъ философовъ, что боль составляетъ крайнее зло, Цицеронъ порицаетъ Эпикура еще, съ 7, 17, за ту непослѣдовательность, что онъ, не смотря на означенное мнѣніе, утверждаетъ, что мудрецъ и при крайней боли можетъ испытывать пріятное чувство. Цицеронъ возражаетъ на это, что боль во всякомъ случаѣ непріятна, и, въ доказательство этого ссылается на Софокла и Эскила, у которыхъ даже герои представляются сильно страдающими отъ боли. Что съ этою цѣлью выводятся Филоктеть, Геркулесъ и Прометей, видно изъ послѣднихъ словъ этого отдѣла, 10, 25: *Vix igitur posse videmur ita adfectum non miserum dicere et, si hunc miserum, certe dolorem malum.*

Начиная съ 11, 26, слѣдуетъ отступленіе, къ которому дали поводъ приведенныя мѣста изъ трагедій Софокла и Эскила. Здѣсь Цицеронъ говоритъ, во-первыхъ, что онъ, для украшенія рѣчи, не только приводитъ стихи латинскихъ поэтовъ, но и самъ переводитъ греческіе, и цитируетъ ихъ въ собственномъ переводѣ. Потомъ жалуется на вредное вліяніе поэтовъ, сѣтованіями своихъ героевъ изнѣживающихъ читателей, а 12, 28, ограничиваетъ это порицаніе поэтовъ, говоря, что даже философы, отъ которыхъ меньше всего этого надо было бы ожидать, и особенно Эпикуръ, признаютъ за болью такую важность. Правда, и здѣсь приводится доказательство противъ Эпикура. Положеніе его, будто крайній позоръ не есть зло, если онъ только

не сопряженъ съ болью, или, вѣрнѣе, предполагаемое при этомъ положеніе, что нѣтъ позора безъ боли, опровергается (*ad contradictorium*) возраженіемъ, что это самое положеніе есть величайшій позоръ, а все-таки не сопряжено съ болью. Однако это опроверженіе не только не касается прямо главнаго вопроса, есть ли боль крайнее зло, но и едва ли серьезно. Поэтому мы и въ этомъ мѣстѣ видимъ не столько „возвратъ къ Эпикуру“, какъ выражается г. Блажеевскій, то-есть возобновленіе прежней полемики противъ Эпикурова мнѣнія о боли, какъ о крайнемъ злѣ, сколько часть отступленія. Только послѣднія слова § 28 (*nec tam quaerendum est dolor malumne sit quam firmandus animus ad dolorem ferendum*) возвращаютъ насъ къ главному изслѣдованію, предлагая тему для второй части, или, если приступить считать первую, для третьей части изложенія. Сейчасъ мы увидимъ, что съ 12, 29 дѣйствительно начинается эта новая часть. Тамъ приводится слѣдующій силлогизмъ: *Nihil est malum, nisi quod turpe atque vitiosum est. Dolor turpis ac vitiosus non est. Ergo dolor non est malum (ad modum Celarent)*; опровергается большая посылка этого силлогизма замѣчаніемъ, что *non nihil interest doleam necne doleam*, то-есть что боль есть зло, хотя она не безнравственна; наконецъ опровергается и возраженіе стоиковъ противъ этого опроверженія, состоящее въ силлогизмѣ, что *nihil quicquam interest ad beate vivendum quod ad virtutem non pertinet; dolor ad virtutem non pertinet, ergo ne ad beate vivendum quidem*. Въ опроверженіе его говорится, что, называя *dolorem asperum contra naturam* и т. д., стоики сами допускаютъ его значеніе для счастья жизни, и такимъ образомъ опровергается меньшая посылка ихъ; послѣ чего еще приводится опредѣленіе, что *in malis ea, quae aspernatur natura*. Что это мѣсто не есть продолженіе предшествующаго, въ которомъ рѣчь идетъ *de imbecillitate multorum et de variis disciplinis philosophorum*, видно изъ самаго слова *imbecillitas*. Вѣдь слабодушіе отнюдь нельзя ставить въ вину стоикамъ. Что оно принадлежитъ уже къ тому отдѣлу, въ которомъ говорится о способахъ противодѣйствія боли, явствуетъ какъ изъ того, что въ послѣднихъ словахъ § 28 эта тема уже выставлена, такъ и изъ словъ: *illud quod me angebat non eximis. Definis tu mihi, non tollis dolorem*. Изъ нихъ же мы видимъ, какимъ образомъ оно относится сюда: прежде всего излагается, какое средство не дѣйствительно противъ боли. Значеніе этого мѣста не выяснено какъ скоро г. Блажеевскій просто обозначаетъ его какъ „опроверженіе мнѣнія стоиковъ“, или какъ скоро Тишеръ говоритъ:

„точно такъ же оспаривается крайность стоиковъ, не называющихъ боли зломъ“. Не трудно замѣтить, что и слѣдующее затѣмъ мѣсто не имѣетъ цѣлью выразить одобреніе перипатетикамъ, какъ говоритъ Тишеръ (хотя дѣйствительно защищаемое тамъ мнѣніе и было мнѣніемъ перипатетиковъ) и содержанія его не составляетъ „взглядъ Перипатетиковъ“, какъ говоритъ г. Блажеевскій. Будь это такъ, то перипатетики были бы названы, но названія ихъ нѣтъ. Будь это такъ, то это мѣсто отдѣлялось бы отъ предыдущаго гораздо рѣзче; а теперь переходъ столь незамѣтенъ, что даже можно сомнѣваться, начинается ли новый отдѣлъ со словъ (въ § 30): *illud et melius*—или со словъ: *hoc posito et verborum concertatione*—что все-таки кажется болѣе вѣроятнымъ. Переходъ этотъ указываетъ на то, что и теперь еще дѣло идетъ о стоикахъ. Послѣ того, какъ сказано, что производимая ими замѣна предиката „зло“ при понятіи боли другими предикатами не оказываетъ противъ боли никакого дѣйствія, теперь уже излагается, что боль, хотя и есть зло, однако не въ примѣръ меньшее, чѣмъ безнравственность, и поэтому не имѣетъ большого значенія, а слѣдовательно, средство стоиковъ противъ боли и не нужно.—Въ доказательство этого положенія высказывается мысль, что при помощи добродѣтели можно преодолѣть боль. Таковъ смыслъ словъ: *Nam dum tibi turpe nec dignum viro videbitur gemere, eiulare, lamentari, frangi, debilitari dolore, dum honestas, dum dignitas, dum decus aderit, tuque in ea intuens te continebis, cedet profecto virtuti dolor et animi inductione languescet*. Эта мысль составляетъ меньшую послыку силлогизма, большая послыка котораго подразумѣвается въ такомъ видѣ: зло преодоливаемое есть зло не сильное, а слѣдующее служить къ подтвержденію этой меньшей послыки. Говоря: *aut enim nulla virtus est aut contemnendus omnis dolor*, Цицеронъ утверждаетъ, что самое понятіе о добродѣтели несовмѣстимо съ порабощеніемъ болѣю, и поэтому, если есть у кого добродѣтель, то послѣднее немислимо. А что добродѣтель не есть только субъективное понятіе, только произвольное соединеніе признаковъ безъ соответствующей дѣйствительности, что добродѣтель есть фактическое явленіе, это не только само собою предполагается, но есть и намекъ на это въ словахъ: *prudenciamne vis esse?* Вѣдь этотъ вопросъ замѣняетъ собою утвержденіе, что *est prudentia*, и подобныя же утвержденія подразумѣваются касательно остальныхъ добродѣтелей—справедливости, умѣренности, мужества, хотя о нихъ, какъ и о благоразуміи, и доказывается только то, что онѣ не совмѣстимы съ порабощеніемъ болѣю: благоразуміе, потому

что подчиняться чувству боли безвредно; умѣренность, потому что человекъ, не преодолевающий боли, не можетъ считаться воздержнымъ; справедливость, потому что невозможно, избежавъ отъ боли, сохранять довѣренныя тайны; мужество, потому что оно несомнѣнно съ рыданіемъ и воплемъ. Въ послѣднихъ словахъ § 32, и въ началѣ § 33 (со словъ: *amittenda igitur fortitudo est aut sepeliendus dolor—* до словъ: *quid eius nomine gloriosi sumus?*), выражено, что особенно мужество или, точнѣе сказать, терпѣніе несомнѣнно со слабостью въ отношеніи къ боли, и что нѣтъ добродѣтели вообще, какъ только нѣтъ какой-нибудь одной отдѣльной добродѣтели. Если все это привести въ силлогическую форму, то выйдетъ слѣдующее: I. А. Если дѣйствительно есть добродѣтель, то боль преодолеваема, ибо I. а., благоразуміе и справедливость и умѣренность и мужество, по самому понятію своему, должны преодолевать боль.—I. б. Добродѣтель есть или благоразуміе или справедливость или умѣренность или мужество. I. с. Слѣдовательно добродѣтель, если есть такая, преодолеваетъ боль. 2. а. Если бы, въ случаѣ существованія добродѣтели, боль была непреодолима, то было бы понятіе о добродѣтели безъ терпѣнія и мужества. 2. б. А безъ терпѣнія и мужества понятіе добродѣтели быть не можетъ. 2. с. Слѣдовательно боль не непреодолима, если есть добродѣтель. I. В. Добродѣтель существуетъ. I. С. Итакъ, боль можетъ быть преодолеваема.—Въ срединѣ § 33 еще разъ высказывается результатъ этого доказательства: *sed eum opprimi dico patientia*—и подтверждается дѣйствительность существованія терпѣнія уваженіемъ къ философіи, причемъ заключается такимъ образомъ: если бы терпѣніе было понятіе не соответствующее дѣйствительности, то не было бы уваженія къ философіи; а это уваженіе существуетъ: слѣдовательно терпѣніе существуетъ въ дѣйствительности. Сл. *si nulla est, то-есть patientia, quid exornamus philosophiam?* Въ послѣднихъ словахъ § 33: *Sin tectus Vulcanis armis, id est fortitudine, resiste*, дѣлается переходъ отъ недѣйствительнаго и излишняго средства стонковъ противъ боли къ тѣмъ полезнымъ и дѣйствительнымъ средствамъ, о которыхъ идетъ рѣчь далѣе. Отъ § 34 до § 41 говорится—какъ о такомъ средствѣ—объ упражненіи въ трудахъ и приученіи къ нимъ, какъ въ началѣ § 42 сказано: *De exercitatione et consuetudine et commentatione dixi*. Въ доказательство того, что приученіе къ трудамъ представляетъ силу противъ боли, прежде всего приводятся законы Миноса и Ликурга, такъ что предполагается вѣрность убѣжденій такихъ великихъ мужей; подъ эти убѣжденія подводится и убѣжденіе о

пользѣ упражненія въ трудахъ, лежавшее въ основаніи упомянутыхъ законовъ, и такимъ образомъ выводится вѣрность и этого убѣжденія, то-есть дѣйствительная польза такого упражненія. Относительно Спарты присовокупляется еще другое доказательство: по неполной индукціи изъ того, что тамъ отроки, благодаря упражненію въ трудахъ, легко и спокойно переносятъ боль, выводится, что всѣ, послѣ такого же упражненія, столь же легко будутъ переносить боль. Это составляетъ содержаніе § 34. Въ § 35, послѣ разграниченія понятій *labor* и *dolor*, высказывается результатъ изложенныхъ доказательствъ: *consuetudo laborum perpressionem dolorum efficit faciliorem*. Въ § 36 сперва замѣчено, что какъ въ другихъ греческихъ государствахъ при упражненіи въ трудахъ имѣли въ виду юношей, такъ въ Спартѣ и женщинъ; потомъ объяснено, какимъ образомъ труды приготовляютъ къ перенесенію боли: во первыхъ сами по себѣ, а сверхъ того и потому, что часто труды сопряжены съ болью въ собственномъ смыслѣ. Новое доказательство приводится 16,37. Изъ преимущества, по отношенію къ способности переносить боль, старыя солдаты передъ новобранцами выводится, по аналогіи и вмѣстѣ съ тѣмъ *a minore ad maius*, подобное же дѣйствіе упражненія у образованныхъ и мудрыхъ людей. Приведенные при этомъ стихи, кажется, не служатъ доказательствомъ, но только украшеннымъ выраженіемъ мысли, что старые солдаты о боли мало заботятся. Въ § 40 и 41 слѣдуетъ четвертое доказательство. Изъ того, что охотники, кулачные бойцы, борцы на Олимпійскихъ играхъ, гладиаторы, вслѣдствіе привычки, легко переносятъ боль, выводится, по неполной индукціи, что вообще всѣ привыкшіе къ боли легко переносятъ ее. И къ этой индукціи присоединена другая: изъ того, что атлеты, непривыкшіе къ голоду, то-есть къ одному роду боли, не переносятъ его, выводится, что вообще не привыкшіе къ боли не переносятъ ея. Общее заключеніе изъ обѣихъ индукцій заключается въ словахъ: *tantum exercitatio, meditatio, consuetudo valet*, выражающихъ существованіе причиннаго отношенія между привычкою и легкимъ перенесеніемъ боли. А существованіе такого отношенія выводится изъ того, что привычка сопряжена съ легкимъ перенесеніемъ боли, отсутствіе привычки съ отсутствіемъ таковаго. Это есть меньшая посылка, для которой большую составляетъ мысль, что вообще, если присутствіе одного явленія сопряжено съ присутствіемъ другаго, а отсутствіе перваго съ отсутствіемъ втораго, то существуетъ между ними причинная связь. Но сказанное о гладиаторѣ употребляется еще для новаго доказательства, когда гово-

рится: Ergo hoc poterit Samnis, spurcus homo, vita illa dignus loquere: vir natus ad gloriam ullam partem animi tam mollem habebit, quam non meditatione et ratione conproboret? Тутъ сущность умоваключенія такова: кто сильнѣе духомъ другаго, переносящаго боль, тотъ легче переноситъ боль; мужъ, рожденный для славы, сильнѣе гладиатора, переносящаго боль: слѣдовательно и легче переноситъ боль. Что при meditatione et ratione не думается о ratio въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится о ratio ниже, 18,42, это видно не только изъ соединеннаго съ ratio слова meditatio, которое немного выше встрѣчается между exercitatio и consuetudo, но и изъ 18,42 insit. (nunc de ratione videamus), гдѣ явно указано на то, что прежде говорилось только о привычкѣ, а не о разумныхъ соображеніяхъ.

Съ означеннаго мѣста, съ гл. 18, Цицеронъ начинаетъ говорить о томъ, какимъ образомъ болѣе легкому перенесенію боли помогаетъ разумный взглядъ на нее. Такой смыслъ принимаетъ слово ratio въ данной связи мыслей. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ, есть ли боль зло или нѣтъ, и противопоставивъ отвѣту стоиковъ свое убѣжденіе, что она есть зло, но зло сносное, Цицеронъ прежде всего доказываетъ, что слѣдуетъ переносить боль. Что именно это есть доказываемая мысль, онъ заявляетъ словами (§ 43 extr.): Utendum est igitur his, то-есть mortis dolorisque contemtionem, si virtutis compotes vel potius si viri volumus esse, quoniam a viris virtus est nomen mutuata. Эти слова заключаютъ въ себѣ результатъ двухъ доказательствъ. Вѣдъ если въ первомъ говорится, что мужественное перенесеніе боли восхваляется всѣми и что не дѣлать того, что всѣ хвалятъ, постыдно: то отсюда прямо, конечно, слѣдуетъ только то, что не переносить боли постыдно, а къ этому стѣдуетъ только прибавить, что не надо дѣлать ничего постыднаго, чтобы вывести заключеніе: „должно переносить боль“. Второе доказательство развивается слѣдующимъ образомъ. Вопервыхъ, изъ того, что вообще предметъ, получившій названіе отъ другаго предмета, въ свойствѣ послѣдняго имѣетъ свое существенное содержаніе, сдѣланъ выводъ, что и то, что получило названіе отъ viri, имѣетъ существенное содержаніе въ отличительномъ свойствѣ viri. Потомъ это заключеніе употребляется какъ большая посылка, изъ которой, при помощи меньшей посылки „virtus appellata est ex viro“, извлекается (ad Barbara) заключеніе, что virtus имѣетъ существенное содержаніе въ отличительномъ свойствѣ viri. Это значить другими словами, что отличительное свойство мужа составляетъ главнѣйшее содержаніе добродѣтели, а это положеніе служитъ большею посылкою новаго сил-

логизма, въ меньшей послылкѣ котораго говорится, что *viri propterea maxime est fortitudo*, такъ что выходитъ: „мужество составляетъ главнѣйшее содержаніе добродѣтели“. Третій силлогизмъ уже тотъ, что главнѣйшія задачи главнѣйшаго содержанія или части добродѣтели должно исполнять, а *contemptio mortis dolorisque muneris duo sunt gravissima* главнѣйшей части добродѣтели, то-есть мужества, и слѣдовательно *utendum est his muneribus*, то-есть должно переносить смерть и боль. Присоединенное условное предложеніе *si virtutis compotes vel potius si viri volumus esse* служить замѣною такого причиннаго предложенія: требованія главнѣйшей добродѣтели должно исполнять именно потому, что мы желаемъ и должны быть добродѣтельны. Прямо выражены Цицерономъ, правда, только тѣ звенья доказательства, которыя мы привели въ латинскихъ словахъ, но дополнить доказательство иначе и найдти другія посредствующія звенья мы не видимъ возможности. Можно спросить, почему Цицеронъ прежде всего доказываетъ, что слѣдуетъ переносить боль? Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ самъ даетъ въ послѣднихъ словахъ § 42: *an eadem breviter attingam, quae modo dixi, quo facilius oratio progredi possit longius?* Отвѣтъ, конечно, довольно неопредѣленный, но можно, кажется, понять его такъ, что вопросъ о средствахъ переносить боль только тогда покажется основательнымъ, когда обязанность переносить боль поставлена внѣ сомнѣнія. Объ этихъ средствахъ Цицеронъ говоритъ въ гл. 19, предварительно еще разъ опредѣливъ тему въ послѣднихъ словахъ гл. 18-й: *quaereres fortasse, quomodo, et recte—*, и какъ выше, прежде чѣмъ говорить о дѣйствительномъ средствѣ къ перенесенію боли, объ упражненіи, онъ отвергнулъ недѣйствительное средство стоиковъ, такъ и теперь прежде всего доказываетъ недѣйствительность средства Эпикура. Эпикуру, говоритъ онъ, включаетъ такъ: что хоть и велико степенью, но имѣетъ самую краткую продолжительность, то не имѣетъ большаго значенія; боль, когда она наиболѣе сильна, имѣетъ самую краткую продолжительность: слѣдовательно и самая сильная боль не имѣетъ значенія. Но этотъ силлогизмъ заключаетъ въ себѣ двѣ ошибки. Впервыхъ, меньшая послылка его опровергается (*ad contradictoriam*) тѣмъ, что и у Филокета и у многихъ другихъ выставлена боль самая сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ очень продолжительная; а вовторыхъ, неясно, что такое есть самая сильная боль. Къ дѣйствительнымъ средствамъ, вытекающимъ изъ разумнаго взгляда на боль, Цицеронъ переходитъ 20,46. Точнѣе еще было бы сказать: къ средству, потому что въ послѣдующемъ не идетъ рѣчи о множествѣ

отдѣльных средствъ, изъ которыхъ каждое дѣйствовало бы независимо отъ другихъ, но о рядѣ приѣмовъ, которые оказываютъ дѣйствіе лишь въ совокупности. Прежде всего, говоритъ Цицеронъ, надо убѣдиться (20,47 in. *Quod si tibi persuasum est — reliquum est ut tute tibi imperes*), что не переносить боли постыдно, а переносить ее не только не противоестественно, но даже требуется природою. Но вмѣсто того, чтобы начать съ нользы этого убѣжденія, Цицеронъ прежде доказываетъ постыдность нетерпѣнія и естественность перенесенія боли. Относительно первой онъ спрашиваетъ: *Tunc, cum pueros—adulescentis—barbaros—videris excipientis gravissimas plagas—silentio, non constanter et sedate ferēs?* Тутъ форма вопроса употреблена вмѣсто отрицанія, такъ что выходитъ такой смыслъ: *non constanter et sedate non ferēs = constanter et sedate ferēs*. Обращеніе къ другому лицу, равно какъ выступленіе на сцену самой добродѣтели, которая вводится говорящему всю главу 20-ю, служитъ только къ оживленію рѣчи: мысль та, что воспоминаніе объ отрокахъ, юношахъ и варварахъ, переносящихъ боль, даетъ возможность перенести боль. Какимъ образомъ она даетъ такую возможность, здѣсь, правда, не говорится, но это видно изъ словъ въ § 43: *Quod—postulatur a fortibus—id—non ferre nonne turpe est?* Очевидно—, посредствомъ стыда. А что постыдно не переносить того, что переносятъ отроки, юноши и варвары, это вытекаетъ изъ встрѣтившагося уже выше умозаключенія: если человѣкъ выше стоящій не переноситъ того, что переносятъ низшіе, то это ему постыдно; мужъ стоитъ выше отроковъ, юношей и варваровъ; итакъ ему постыдно не переносить того же, что они переносятъ.—Доказавъ такимъ образомъ постыдность неустойчивости противъ боли, Цицеронъ дѣлаетъ самъ себѣ возраженіе, что *ferri dolor non potest*, потому что *natura non patitur*, и тотчасъ опровергаетъ его, говоря, что возможно то, что дѣйствительно дѣлается, а перенесеніе боли дѣйствительно встрѣчается, и поэтому возможно; причемъ большей послылки онъ не высказываетъ. Но, не довольствуясь этимъ, онъ вслѣдъ затѣмъ доказываетъ еще больше, чѣмъ было бы достаточно, именно доказываетъ, что природа даже требуетъ перенесенія боли, а не только допускаетъ его. Въ доказательство Цицеронъ выставляетъ большую посылку: „природа больше всего стремится къ тому, что похвально“, причемъ предоставляетъ подразумѣвать меньшую посылку, что перенесеніе боли похвально, чтобы вывести заключеніе, что природа стремится къ нему и требуетъ его. Ту же самую большую посылку онъ еще разъ выражаетъ словами: *Volo autem dicere illud homini longe optatum esse,*

quod ipsum sit optandum per se a virtute profectum и пр., причемъ выше употребленное выражение natura postulat оное объясняетъ словами: optimum homini, а самую посылку приводить въ болѣе удобную для силлогизма форму тѣмъ, что теперь среднее понятіе laudabile грамматически становится подлежащимъ. Однако, убѣжденіе въ постыдности перенесенія боли, какъ мы уже сказали, составляетъ только первый шагъ на пути разумнаго отношенія къ боли. Какъ дальнѣйшій шагъ рекомендуется, въ началѣ § 47, чтобы человекъ самъ себя повелѣвалъ, и объясняется это, въ остальной части того же параграфа, господствомъ разсудка надъ чувственностью. Эта связь упомянутого убѣжденія съ положеніемъ человека повелѣвающегоъ самому себѣ явствуется изъ словъ: quodsi tibi persuasum est, reliquum est ut tute tibi imperes, выставляющихъ это убѣжденіе основаніемъ остальныхъ приемовъ, и не противорѣчатъ ей, какъ могло бы казаться на первый взглядъ, слова § 48: saepe enim videmus fractos pudore, qui ratione nulla frangerentur. Впервые, тамъ подъ pudor, послѣ словъ: constringatur amicorum, propinquoque custodiis—очевидно надо разумѣть стыдъ передъ другими, тогда какъ убѣжденіе въ постыдности нетерпѣнія относится къ нетерпѣнію самому по себѣ, а въ противоположность этому стыду ratio получаетъ значеніе собственнаго разумнаго взгляда на боль. Въ вторыхъ, говорится объ этомъ стыдѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже безъ всякаго сомнѣнія идетъ рѣчь о ratio въ смыслѣ разумнаго взгляда на боль и отношенія къ ней, вытекающаго изъ такого взгляда. Въдѣ въ началѣ § 48 упомянутое господство разсудка надъ чувственностью раздѣлено на три рода. Если чувственность очень необузданна, то надобно, говорится, управлять ею, какъ хозяинъ управляетъ рабомъ, при помощи наблюденія друзей и приближенныхъ; если она умѣренна, но все-таки не совсѣмъ подвластна разсудку, то, какъ полководецъ повелѣваетъ солдату, усовѣщеваніемъ; или наконецъ, какъ отецъ повелѣваетъ сыну. О послѣднемъ случаѣ больше говорится начиная съ 21, 51. Прежде, со второй половины § 48, на примѣрѣ Уликса въ Niptra Пакувіа показано, каково господство втораго рода. Сл. послѣднія слова § 50: Huius animi pars illa mollior rationi sic paruit, ut severo imperatori miles pudens. А потомъ, впервые, опредѣляется, кто долженъ повелѣвать чувственности какъ отецъ сыну (мудрецъ, разумъ втораго достигъ совершенства) и какимъ образомъ это происходитъ: легко, безъ всякаго затрудненія. Затѣмъ, въ концѣ § 51, заявляется, какими способами это надо дѣлать, и рекомендуется, какъ такіе способы, contentio, con-

firmatio sermoque intumus cum ipse secum: cave turpe quicquam, languidum, non virile. Тутъ возникаетъ вопросъ, суть ли это отдѣльныя, такъ сказать, соподчиненныя между собою средства, дѣйствующія каждое и безъ другихъ, или связанные между собою приемы, составляющіе одно цѣлое и дѣйствующіе только въ совокупности. Что, однако, упомянутый разговоръ съ самимъ съ собою не разсматривается какъ средство имѣющее самостоятельное значеніе, а какъ такое, которое производить лишь требуемое напряженіе душевныхъ силъ, это Цицеронъ самъ даетъ знать, говоря 22, 53: *haec cogitatio, quid patientia, quid fortitudine, quid magnitudine animi dignissimum sit, non solum animum comprimit, sed ipsum etiam dolorem nescio quo pacto mitiorem facit*, и ниже, 23, 54: *Ut onera contentis corporibus facilius feruntur, remissis opprimunt, simillime animus, intentione sua depellit pressum omnem ponderum, remissione autem sic urgetur, ut se nequeat extollere. Et si verum quaerimus, in omnibus officiis persequendis animi est adhibenda contentio.* Вѣдь *cogitatio* есть то же самое, что *intimus sermo*, а слова *comprimit animum* и *intentione* относятся къ тому же, что названо было *contentio*, какъ соответствуютъ ему же слова *contentis corporibus*. А что и *contentio* къ *confirmatio* относится какъ причина къ дѣйствию, Цицеронъ заявляетъ 27, 65: *in quam (то-есть patientiam) saepe iam animi intentione dixi esse firmandam.* Итакъ, *confirmatio* есть результатъ *contentionis*, *contentio* результатъ *sermonis intimi*. Каковъ долженъ быть этотъ внутренній разговоръ съ самимъ собою, излагается въ §§ 52—53. Тамъ дается совѣтъ предостерегать самого себя отъ всего постыднаго и вспоминать о примѣрахъ мужества въ перенесеніи боли, какъ-то о Зенонѣ, Анаксархѣ, Каланѣ, Маріѣ, причемъ первымъ примѣрамъ противопоставляется обычная чело-вѣческая слабость въ отношеніи боли (*nos si res condoluit* и пр.) и причина этой слабости указывается въ извращенности нашихъ представлений, а по поводу примѣра Маріа указывается дѣйствіе такого примѣра на другихъ (*Cur ergo postea alii? Valuit auctoritas*), и доказывается, что нетерпѣливость въ отношеніи къ боли основана на ложномъ представленіи, а не на дѣйствительной невыносимости ея (*Videsne igitur opinionis esse non naturae malum*). Въ послѣднемъ отношеніи предполагается, что, если бы боль сама по себѣ была несносна, то и Маріѣ не перенесъ бы ея, а изъ недѣйствительности обусловливаемого *modo tollente* извлекается недѣйствительность условія. Въ послѣднихъ словахъ § 53 дѣлается переходъ къ изложенію того, какимъ образомъ размышленіе о достоинствѣ терпѣнія дѣйствуетъ

на перенесеніе боли: *haec cogitatio, quid patientia, quid fortitudine, quid magnitudine animi dignissimum sit, non solum animum comprimit, sed ipsum etiam dolorem nescio quo pacto mitiorem facit.* Повидимому, тутъ рѣчь идетъ о двухъ явленіяхъ, объ одномъ субъективномъ и о другомъ болѣе объективномъ; но на самомъ дѣлѣ говорится только объ одномъ, такъ какъ и боль переносимая находится внутри субъекта и уменьшеніе ея есть субъективное явленіе. Дѣло въ томъ, что при словахъ *comprimit animum* имѣется въ виду дѣятельная, такъ сказать, часть души, *ratio*, при *ipsum dolorem*—страдающая, чувственность, *temeritas* по выраженію Цицерона. Но на существенное единство этихъ двухъ сторонъ Цицеронъ самъ указываетъ, не раздѣляя своего изложенія на двѣ части, а говоря только объ одномъ пути облегченія боли. Если напрягаются силы духа, говорить онъ, то самая боль уменьшается, подобно тому, какъ для воина уменьшается опасность, если онъ не бѣжитъ; какъ уменьшается тяжесть, если для того, чтобы выдержать ее, всѣ тѣлесныя силы напряжены. Эти сравненія, очевидно, служатъ только для наглядности, а не для доказательства; слова § 54. s. f. *sunt enim quaedam animi similitudines cum corpore* оправдываютъ только употребленное сравненіе. Въ поясненіе того, какимъ образомъ напряженіемъ облегчается боль, въ указаніе на то, напримѣръ, что боль есть относительное понятіе и обуславливается, въ своей интенсивности, какъ силою впечатлѣнія, такъ и силою, съ которою противостоятъ послѣднему, Цицеронъ не входитъ. За то онъ въ частности говорить о плачѣ и о вздохахъ; плачь—§ 53. s. f.—отвергаетъ совершенно, а вздохи, § 56 и 57 допускаетъ лишь какъ средство къ поддержанію духа, причемъ онъ, съ одной стороны, доказываетъ такое дѣйствіе вздоховъ, путемъ аналогіи, подобнымъ ихъ дѣйствіемъ у скороходовъ, атлетовъ и бойцовъ, и содѣйствіемъ сильныхъ движеній напряженію голоса, а съ другой—для наглядности сравниваетъ объясняемое явленіе съ большею силою ту же натянутыхъ метательныхъ орудій. Вздохи, вынужденные слабостью, отвергаются какъ явчѣ постыдное. Въ § 58, послѣ краткаго отступленія о томъ, что напряженіе полезно не только какъ средство противъ боли, Цицеронъ уясняетъ, почему размысленіе о достоинствѣ терпѣнія дѣйствуетъ благотворно. Дѣйствуетъ оно такъ потому, что врожденна человѣку любовь къ добродѣтели: стоитъ только ему обратить взоръ на ея блескъ, чтобы все перенести. И что это такъ, доказывается путемъ индукціи, примѣрами людей терпѣливо переносившихъ всякую боль воиновъ, атлетовъ, охотниковъ, наѣздниковъ и т. п. При этомъ въ

§ 60 примѣру Посидонія, о которомъ говорится вслѣдъ за тѣмъ, противопологается примѣръ нетерпѣнія и слабости Діонисія. А въ § 63 и 64 слѣдуетъ, въ изобъжаніе, кажется, недоразумѣнія, указаніе на тотъ фактъ, что многіе, увлеченные мнѣніемъ толпы, ложную добродѣтель принимаютъ за настоящую, и совѣтуется судить о достоинствѣ вещей самостоятельно, причемъ постоянно имѣть въ мысли высокое достоинство терпѣнія, разсматриваемаго само по себѣ. Въ § 65 встрѣчается увѣщаніе соблюдать въ терпѣніи равномѣрность, основанное на фактѣ, что многіе легко переносятъ, напримѣръ, боль отъ ранъ, и не переносятъ страданій отъ болѣзни, а другіе наоборотъ,—явленіе, которое объясняется тѣмъ, что относительное терпѣніе этихъ людей не вытекаетъ изъ разумнаго взгляда на боль, а изъ стремленія и страсти къ тому, чего они добиваются. Въ § 66 то же самое обстоятельство упомянуто для того, чтобы доказать, что боль не есть крайнее зло, что, напротивъ, значеніе его, при добродѣтели, совершенно исчезаетъ. Доказательство, однако, не развивается: дополнить его можно такимъ образомъ: что стоитъ выше страсти и предразсудка, то сильнѣе чѣмъ они обезсиливаетъ боль; добродѣтель стоитъ выше ихъ; слѣдовательно, она и сильнѣе обезсиливаетъ боль. Затѣмъ замѣчено еще, что та же самая сила добродѣтели съ твердостью выдерживаетъ удары судьбы, тѣмъ болѣе, что смерть представляетъ убѣжище отъ несчастій жизни. Къ такому замѣчанію дало поводъ упоминаніе о силѣ добродѣтели, а нѣкоторымъ образомъ имъ подкрѣпляется и то, что сказано о силѣ добродѣтели. Вторая половина § 67 содержитъ соотвѣтствующее введенію заключеніе. Слушатель увѣряетъ учителя, что онъ, благодаря поученіямъ его, уже не боится боли, а тотъ назначаетъ ему новую бесѣду на другой день.

Можетъ быть, весь строй книги станетъ яснѣе, когда присоединимъ краткій перечень темъ отдѣльныхъ частей. Вотъ онъ:

А. Предисловіе. 1, 1—3, 9. Что Цицерона побудило заниматься философіею, и притомъ въ цѣломъ ея объемѣ (§ 1 и 2) и что не удержало его отъ этихъ занятій (§ 3 и 4); почему онъ желаетъ, чтобы и другіе его соотечественники писали о философій и не сердились на возраженія (§ 5 и 6), и какіе именно соотечественники и почему только такіе (§ 6—9); какое ученіе онъ и почему предпочитаетъ другимъ и что именно предлагаетъ въ означенной книгѣ.

В. Самая бесѣда:

I. Введеніе къ бесѣдѣ о боли. 4, 10—5, 13. Дѣйствіе философій.

II. Бесѣда о боли, 5, 14—27, 67 мед.

А. Приступъ, 5,14 — 5,15. Есть ли боль крайнее зло или только зло.

В. De imbecillitate multorum philosophorum. 6,15—12,23.

Опроверженіе посредствомъ четырехъ доказательствъ, мнѣнія, что боль есть крайнее зло. 6,15—6,17 in.

Опроверженіе положенія Эпикура, что мудрецъ и при крайней боли можетъ чувствовать себя пріятно. 7,17—10,25.

Отступленіе объ употребленіи стиховъ въ философскомъ изложеніи, о вредномъ вліяніи поэтовъ на отношеніе къ боли, о подобномъ же вліяніи извѣстныхъ философовъ. 11, 26—12, 28.

Г. О средствахъ противъ боли. 12, 29—27, 67. med.

Мнимое средство стойковъ и не дѣйствительно, 12, 29—13, 30 in. и не нужно, 13, 30 in.—14, 33.

Настоящія средства: 1. приученіе къ трудамъ—пять доказательствъ, 14, 34—17, 41.

2. Разумное отношеніе къ боли;

а. Два доказательства того, что боль должно переносить. 18, 42—18, 43.

б. Недѣйствительность средства Эпикура. 19, 44—45.

с. Дѣйствительное средство;

1. Убѣжденіе, что не переносить боли постыдно; терпѣніе не противно природы, а, напротивъ, требуется природою; доказательство вѣрности этого убѣжденія, 20, 46—20, 47 in.

2. Господство надъ самимъ собою;

а. Разъясненіе этого понятія, 21, 47 in.

б. Раздѣленіе его на три рода; къ кому первые два рода относятся, какимъ образомъ въ каждомъ родѣ это господство обнаруживается, 21, 47 med.—21, 48 med. Примѣръ втораго рода, 21, 49—50.

Третій родъ, къ кому онъ относится, 22, 55, какое средство, каково оно должно быть, 22, 52—53, in., какъ оно дѣйствуетъ, 22, 53 in.—23, 55 med., когда допускаются вздохи, 23, 56—24, 57, почему это средство дѣйствуетъ, 24, 58—26, 62, оговорка 26, 63—26, 64.

γ. Увѣщаніе къ одинаковому терпѣнію во всѣхъ положеніяхъ, 27, 65.

δ. Еще доказательство, что боль дѣло ничтожное. 27, 66.

ε. Отступленіе о болѣе широкомъ значеніи упомянутаго средства противъ боли. 27, 66 med.—67 med.

III. Заключение.

Рихардъ Фохтъ.

МИФОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Гермесъ.

Двѣнадцать греческихъ божествъ являются духовными началами природныхъ явленій только на самой высокой ступени язычества; но въ основѣ ихъ лежатъ очевидно главныя явленія природы, такъ что каждый богъ служитъ представителемъ одного изъ такихъ явленій. По моему мнѣнію божества соотвѣтствуютъ извѣстнымъ природнымъ явленіямъ слѣдующимъ образомъ:

Ζεὺς=небу	*Нра=воздуху
Ποσειδῶν=морю	Δημήτηρ=землѣ
*Ἀπόλλων=солнцу	*Ἄρτεμις=лунѣ
*Ἡφαίστος=молніи (огню)	Παλλὰς Ἀθήνη=грому
*Ἄρης=вѣтру	*Ἀφροδίτη=водѣ (текучей)
*Ἑρμῆς=свѣту	*Ἑστία=теплотѣ

Эта таблица отчасти согласна съ давно установившимся мнѣніемъ, отчасти же содержитъ новыя опредѣленія, а именно:

- Ζεὺς=небу (господствующее мнѣніе),
- *Нра=воздуху (по Преллеру и нѣкоторымъ другимъ),
- Ποσειδῶν=морю (господствующее мнѣніе),
- Δημήτηρ=землѣ (многими принятое мнѣніе),
- *Ἀπόλλων=солнцу (господствующее мнѣніе),
- *Ἄρτεμις=лунѣ (тоже),
- *Ἡφαίστος=молніи (огню) (тоже),
- Παλλὰς Ἀθήνη=грому (новое опредѣленіе),
- *Ἄρης=вѣтру (тоже),
- *Ἀφροδίτη=текучей водѣ (тоже),
- *Ἑρμῆς=свѣту (тоже),
- *Ἑστία=теплотѣ (тоже).

Впрочемъ природные признаки для Ареса и Афродиты не совершенно новы, такъ какъ первый изъ нихъ нѣсколько подходитъ къ опредѣленію Преллера, что Аресъ—богъ бурнаго неба, а второй къ мнѣнію Вельера, что Афродита имѣетъ отношеніе къ водѣ и къ любви.

При сравненіи тѣхъ божествъ, обыкновенное основное опредѣленіе конхъ удержано мною, съ тѣми, для которыхъ я принимаю другое основное понятіе, оказывается то важное различіе, что при первыхъ признакомъ считалось природное явленіе, при послѣднихъ же его нѣтъ. А такъ какъ по моему воззрѣнію всѣ божества произошли отъ природныхъ явленій, то и для тѣхъ, которыя по преданію не имѣли его, нужно было его отыскать научнымъ путемъ. Что въ греческой литературѣ нѣкоторыя божества ясно владѣютъ опредѣленною областью природы, другимъ же придается отвлеченное основное понятіе, вполнѣ видно изъ слѣдующаго: при дальнѣйшемъ развитіи совнанія о божествѣ, душевныя и духовныя качества боговъ и ихъ отношенія въ человѣческому обществу у однихъ изъ нихъ мало по малу застилали природное основаніе и память о немъ терялась, у другихъ же какъ бы вопреки набросанному на основномъ фонѣ рисунку, фонъ этотъ еще ясно проглядываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, главныя свойства Паллады Афины, какъ богини мудрости, Ареса какъ бога войны, Афродиты, какъ богини любви, Гермеса, какъ бога сношеній, гораздо важнѣе для человѣческаго общества, чѣмъ напримѣръ музыкальное искусство Аполлона или страсть Артемиды къ охотѣ. Такъ какъ древне-греческій народъ еще не утратилъ понятія о природномъ основаніи нѣкоторыхъ божествъ, уже а priori невѣроятно будто слѣдуетъ принимать для нихъ другое основаніе, хотя это не исключаетъ необходимости научныхъ изслѣдованій. Итакъ по крайней мѣрѣ всего вѣроятіе, что Посейдонъ—богъ моря, а не солнца, Гефестъ—богъ огня, а дѣйствительно богъ солнца—Аполлонъ.

На этотъ разъ остановлюсь на Гермесѣ и близкомъ къ нему Панѣ, присоединивъ нѣсколько словъ о Гестіи.

Преллеръ видитъ въ Гермесѣ бога дождя; онъ же, вмѣстѣ съ Вельеромъ, считаетъ его богомъ обращенія міра, преимущественно обращенія дня и ночи. Но какъ же Гермесъ можетъ быть богомъ обращенія? Вѣдь обращеніе отвлеченное понятіе и не входитъ въ рядъ элементарныхъ явленій природы. Итакъ, выраженіе „богъ дня и ночи“ было бы, можетъ быть, вѣрнѣе, хотя и оно оказывается неудобнымъ, потому что тутъ два природныхъ начала. Если Гермесъ—богъ дня, пере-

ходящаго въ ночь, то означенное неудобство можно нѣсколько устранить, но въ такомъ случаѣ мы ужъ очень приближаемся къ „свѣту“. День не только явленіе природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ отношеніе ко времени, такъ какъ вмѣстѣ съ ночью онъ составляетъ сутки. Впрочемъ Гермесъ дѣйствительно имѣетъ сторону, которая указываетъ на противоположность свѣту, то-есть на темноту, это „подземный Гермесъ“. Онъ относится къ Гермесу свѣта такъ же, какъ подземный Зевсъ или Андесъ къ небесному или олимпійскому Зевсу. Вся равнина въ томъ, что подземный Гермесъ кромѣ *Ἑρμῆς ὑπόγειος* не получилъ еще другаго наименованія, какъ получилъ его *Zeus ὑπόγειος*. Подземные боги являются результатомъ нѣкоторой рефлексіи; по большей части они вышли изъ представленія о подземномъ небѣ, которое легко могло образоваться вслѣдствіе восхода и захода небесныхъ свѣтилъ.

Въ новѣйшее время Мелисъ указалъ на первоначальное солнечное значеніе Гермеса (утреннее и вечернее солнце). Это опять очень близко къ свѣту; многое, что можно сказать въ пользу свѣта, можетъ служить опорой гипотезы о солнцѣ. Но вѣдь уже Аполлонъ—богъ солнца. Зачѣмъ же прибѣгать къ гипотезѣ о двухъ главныхъ божествахъ для одного и того же природнаго явленія, если нѣтъ дѣйствительно неопровержимыхъ для этого данныхъ? Въ человѣческомъ сознаниіи вообще, особенно же въ сознаниіи такого народа, какъ греческій, всегда замѣтна логика, хотя бы и дѣйствующая безотчетно. Подобно тому какъ въ греческомъ языкѣ проглядываетъ послѣдовательность и строгая система (даже неправильные глаголы можно привести къ законнымъ образованиямъ), такъ и въ сознаниіи о божествахъ является безсознательная логика и система. Не могу согласиться—по крайней мѣрѣ относительно времени послѣ раздѣленія индо-европейскаго племени—съ наклонностію М. Миллера и другихъ миеологовъ выставять природное основаніе столь неопредѣленнымъ, что оно обнимаетъ нѣсколько главныхъ явленій природы, какъ наприимѣръ солнце, свѣтъ и огонь. Хотя божество первоначально могло быть обозначаемо многими прилагательными и многія изъ нихъ въ свою очередь могли обозначать еще другіе предметы, не смотря на то могущественное однозвучіе и многозвучіе (*ἠμερῶν* и *τολοοωνῶν*), которымъ объясняются различныя странныя миеическія превращенія, все-таки установилось вслѣдствіе безсознательной логики народа одно главное названіе для божества какого либо одного главнаго явленія природы. По основному понятію *Agni* только богъ огня, *Surya* только

богъ солнца, Аполлонъ только богъ солнца, Гермесъ богъ свѣта, Гефестъ богъ огня.

Наконецъ, Ротеръ считаетъ Гермеса богомъ воздуха и вѣтра. Въ этомъ качествѣ онъ—будто бы слуга боговъ, именно Зевса, играетъ на духовыхъ инструментахъ и поетъ, оплодотворяетъ растительность и стада, воруетъ и обманываетъ, покровительствуетъ путникамъ, даетъ начало жизненному дыханію и носитъ крылья подобно Бореадамъ.

Я имѣю здѣсь цѣлю доказать, что Гермесъ—богъ свѣта. Начнемъ съ этимологій главнаго имени.

По Куну и М. Миллеру, названіе это, въ своей древнѣйшей іонической формѣ 'Ερμίας, этимологически равняется вѣдійскому Śaramēya. Корень sag=ige въ греческомъ языкѣ превратился въ ἐρ, такъ какъ въ этомъ языкѣ превращеніе s какъ начальнаго звука передъ гласною въ spiritus asper—явленіе обыкновенное: напримѣръ, σαπτα=ἑκτά, ἄλς = sal. Превращеніе s въ spiritus asper кажется мнѣ столь же мало удивительнымъ, какъ переходъ гортанныхъ и губныхъ придыхательныхъ буквъ въ h, а именно мягкое и твердое s (по русски з и с) по моему нечто иное какъ язычный придыхательный звукъ на подобіе гортанныхъ gh (j) и ch (x) и губныхъ w (в) и f (ф). Мягкое и твердое s—придыхательные звуки, которые образуются языкомъ и небомъ, между тѣмъ какъ мягкое и твердое англійское th (θ) придыхательный звукъ, образующійся между зубами и губами, который по трудному произношенію легко переходитъ въ смежные придыхательные звуки, съ одной сторонѣ s, а съ другой f или w. По лакедонски, напримѣръ, θός выговаривалось σός, а Ἀθήναι Ἀσῶναι. Итакъ, корень слова Ἑρμῆς—ἐρ, который измѣненіемъ гласной переходитъ въ ὄρ, напримѣръ ὄρῶω. Впрочемъ этотъ корень уже указанъ былъ Велькеромъ, съ которымъ я вполне согласенъ ¹⁾.

¹⁾ Въ сочиненіи Бенфея «Hermes, Minos, Tartaros» очень основательно доказано сродство 'Ερμίας съ Śaramēya. Въ индоевропейскомъ языкѣ суеииксъ, обозначающій принадлежность, имѣлъ первоначальную форму ians, изъ которой образовался болѣе краткій суеииксъ 'iā. Въ санскритскомъ словѣ Śaramēya принята послѣдняя изъ этихъ формъ, а въ греческомъ 'Ερμίας первая, которая преобразовалась въ ias съ долгимъ а въ замѣнъ выпавшаго y, напримѣръ μέλας замѣняетъ μέλας. Такъ объясняется долгое а въ греческомъ 'Ερμίας, хотя Śaramēya имѣетъ на концѣ короткое а, которому въ греческомъ по настоящему соответствовало бы о. Въ 'Ερμίας αι соответствуетъ e=a+i въ Śaramēya, такъ что конецъ греческаго слова по настоящему ias. Но одно i выпало, какъ часто случается въ греческомъ между двумя гласными, напримѣръ въ самомъ 'Ερμῆς: vi.

Но что же слѣдуетъ въ того, что *Ἐρησίας* и *Sārahēya* находятся въ этимологической связи? По образованію слова, *Sārahēya* значитъ принадлежащій, *Sarahā*, происшедшій изъ нея или ея сынъ. Итакъ, прежде всего нужно знать, что такое вѣдійская *Sarahā*? Кунъ считаетъ ее названіемъ бури, какъ бѣгущей, то-есть быстрой. Противъ этого однако возражаетъ М. Миллеръ, что въ мифахъ, относящихся сюда, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что *Sarahā* обозначаетъ бурю. По его мнѣнію, *Sarahā*—одно изъ названій зари, преимущественно утренней; ибо она выводитъ на свѣтъ красоты, сокрытыя мракомъ, она расколола скалу (горизонтъ) и освободила коровъ (лучи свѣта), совершила длинный путь дня и ходитъ по вѣрной дорогѣ. Все это указываетъ на зарю. Соглашаясь съ М. Миллеромъ, такъ какъ при малой опредѣленности кореннаго понятія нельзя не прибѣгать къ мифамъ, полагаю, что *sar* какъ *sar-as* вода, *sar-it* рѣка (близко къ корню *sal* въ *sal-ire sal-ila* вода) нужно принимать въ значеніи течь (о свѣтѣ); о зарѣ составилось понятіе какъ о приходящей и уходящей подобно тому, какъ мы говоримъ о восходящемъ и заходящемъ солнцѣ. Въ послѣднемъ случаѣ можно сюда же отнести и эпитетъ *rupahsaga* „бѣгущій“ или „ходящій въ равныя стороны“. По моему, *Sarahā* непременно относится къ вечерней зарѣ, и самъ М. Миллеръ постоянно соединяетъ утреннюю и вечернюю зарю.

Если же *Sarahā*—утренняя и вечерняя заря, то что такое *Sārahēya*? Въ Вѣдахъ онъ мало обрисованъ и встрѣчается почти только въ нарицательномъ смыслѣ; по М. Миллеру, онъ можетъ считаться сыномъ сумерекъ или можетъ быть первымъ дуновеніемъ вѣтра ранняго утра. Но дуновеніе вѣтра не находится въ прямой связи съ зарею. Поэтому я предпочитаю первое объясненіе. *Sārahēya* называютъ также и собакой.

„Если ты, блестящій *Sārahēya*, открываешь ротъ, о красный, то кажется, что сверкаютъ копы изъ твоей челюсти, когда ты начинаешь глотать. Спи, спи!“

¹*Ἐρησίας* изъ *Ἐρησίας*. Гласной *a* между *г* и *ш* въ *Sārahēya* соотвѣствовало бы въ греческомъ языкѣ *ε*, которое исчезло, какъ въ *ἀρνός* вм. *ἀρενός*. Этому исчезновенію *ε* способствовало удареніе на послѣдующемъ слогѣ *ἔρ(ε)μείας*. Наконецъ, долгое первое *a* въ *Sārahēya* появилось только въ азіатской отрасли основнаго языка, именно въ языкѣ санскритскомъ, между тѣмъ какъ самый корень *sar* имѣетъ короткое *a*.

„Лай на вора, Sâgamêya, или на разбойника; теперь ты лаешь на поклонниковъ Индры; зачѣмъ же ты тревожишь насъ? Спи, спи“¹⁾).

Тутъ безъ сомнѣнія имѣется въ виду вечерняя заря и сумерки; это ясно между прочимъ и изъ того обстоятельства, что собака, преимущественно животный образъ подземнаго царства и тьмы, противится приверженцамъ Индры, то-есть свѣтлаго неба.

Итакъ, мы можемъ считать Sâgamêya, сына Saramâ, преимущественно обозначеніемъ сумерекъ и ночи, слѣдующихъ за вечернею зарей, между тѣмъ какъ въ значеніи дневнаго свѣта, слѣдующемъ за утреннею зарею, онъ въ Вѣдахъ развился очень мало.

Ἐρμῆας, первоначально тождественный съ Sâgamêya, необходимо вышелъ изъ того же основнаго понятія, сына зари. Однако онъ преимущественно развивался какъ богъ дневнаго свѣта, хотя соединенъ, какъ съ своимъ двойникомъ, съ подземнымъ Гермесомъ, который выступаетъ богомъ ночи и подземнаго царства. Такъ, основнымъ природнымъ признакомъ его сдѣлался свѣтъ, преимущественно дневный; онъ свѣтитъ и видитъ ночью и въ подземномъ царствѣ. Онъ сталъ поэтому однимъ изъ греческихъ двѣнадцати главныхъ боговъ, который именно въ древнѣйшихъ мифахъ имѣлъ весьма обширное значеніе и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похожъ на Ормузда, зендское верховное божество.

Если бы онъ былъ только богомъ полусвѣта, какъ полагаетъ М. Миллеръ, то, во-первыхъ, не отличался бы отъ Saramâ, во-вторыхъ, не получилъ бы такого развитія въ греческихъ мифахъ, въ-третьихъ, не выросъ бы такъ скоро и изъ слабаго ребенка не сдѣлался бы такъ быстро могучимъ, какъ повѣствуетъ о немъ гомерическій гимнъ, въ четвертыхъ, не совершилъ бы въ продолженіе ночи воровства рога-таго скота, какъ разказываетъ тотъ же гимнъ. Нельзя допустить и мнѣнія Мелиса, уже по той причинѣ, что Гермесъ въ означенномъ выше гимнѣ является отчасти (какъ ночной богъ) въ неприязненномъ, отчасти же (какъ богъ дневнаго свѣта) въ дружественномъ отношеніи въ Аполлону; слѣдовательно, по основному понятію онъ можетъ быть сроднымъ Аполлону, но не тождественнымъ съ нимъ.

Уже самыя обменовенныя атрибуты и функціи Гермеса указываютъ опредѣленно на свѣтъ, какъ на его природное отличіе. Только при свѣтѣ природныя явленія дѣлаются видимыми; поэтому Гермесъ служить вѣстникомъ боговъ, преимущественно Зевса, такъ какъ уже

¹⁾ М. Миллеръ Die Wissensch. der Spr. II, 506.

самое имя послѣдняго (Ζεύς=Dyaus, небо отъ діо свѣтитъ) указываетъ на свѣтлое небо (θεῶν κῆρυξ, ἰεροκῆρυξ, Δὸς ἄγγελος).

Явленія природы даже происходятъ отъ свѣта, онъ какъ будто рождаетъ ихъ; поэтому Гермесъ производитель міра, и его древніе образы у Пелазговъ указывали на производительную силу (Ἐρμῆ; ἰθυσφάλιχος). Ночью онъ лежитъ малымъ и слабымъ въ пеленкахъ, днемъ же быстро растетъ и дѣлается большимъ и сильнымъ, а въ слѣдующую затѣмъ ночь опять ложится въ колыбель. Можетъ-ли эта черта Гермесова гимна обозначать что нибудь другое кромѣ свѣта? Она никакъ не согласуется ни съ солнцемъ, ни съ сумерками, ни съ вѣтромъ. Игра Гермеса на семиструнной цитрѣ и пѣсни его о Зевсѣ и Маѣ (то-есть о небѣ и землѣ) обозначаютъ гармонію лучей свѣта, которыя обливаютъ небо и землю и представляются какъ бы видимою музыкой ¹⁾. Обмѣна цитры на блестящій жезлъ объясняется легко изъ подобнаго естественнаго явленія, служащаго основаніемъ для обоихъ боговъ, то-есть изъ свѣта и солнца, но не изъ того же самаго явленія, какъ это хочетъ сдѣлать Мелисъ, потому что въ такомъ случаѣ обмѣна была бы совершенно излишня. Такъ какъ свѣтъ освѣщаетъ, дѣлаетъ яснымъ, то Гермесъ богъ рѣчи и письма (ἔρμηνεύς λόγιος). Глаголь ἔρμηνεύω я съ нѣкоторыми другими мнѣологами произвожу отъ самаго названія ἔρμῆς въ такомъ смыслѣ, какъ и мы говоримъ изъяснять (по нѣм. beleuchten) вмѣсто излагать или разбирать. Такъ какъ только при свѣтѣ видны дороги и границы, то Гермесъ ихъ богъ и защитникъ (ἐνοδῖος, ἔρμαιοι λόφοι). Отъ того же онъ покровительствуетъ сообщеніямъ торговымъ и путешествіямъ (ἔμπολαῖος, καλιχάπηλος, διάπτερος, κομπός, κορκυός); нажива и барышъ, а также и находки, бываютъ его дарами (κερδαῖος, πλοοτοδότης, ἔρμαιον). Онъ бѣлъ и сиNETЬ (λευχός, φαεινός) и такъ же быстръ какъ свѣтъ. Поэтому крылья у него не только на плечахъ и ногахъ подобно Бо-

¹⁾ Мнѣю о греческихъ богахъ нерѣдко приняты нѣсколько глубокомысленный характеръ, а это вполне объясняется изъ того, что большинство изъ нихъ образовалось на высшей ступени ямчества и нераздѣльно содержитъ въ себѣ не только религіозныя представленія, но и поэзію и философію того времени. Впрочемъ, слова въ древности имѣли гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ въ наше время, и впечатлѣнія, производимыя на разныя чувства, менѣе отличались разными словами, чѣмъ позже. Такъ можно было говорить и о видимой гармоніи и музыкѣ, что вѣроятно и способствовало представленію о музыкѣ соерь. Даже мы употребляемъ слово играть какъ о звукахъ и тонахъ, такъ и о свѣтѣ и о цвѣтахъ.

редамъ и богамъ облаковъ, но и на шляпѣ и жезлѣ *κηρόνιος ῥάβδος, χρυσόρατις* ¹⁾. Постоянные эпитеты боговъ могутъ считаться наиболѣе знаменательными и первоначальными. Гермесъ же постоянно называется безпорочнымъ (*ἀκάλητα*) благодатнымъ (*εὐροῦμος*), милостивымъ (*οἴκος*), дарителемъ благъ (*δότηρ εἰών*). Какъ разительно указываютъ эти качества на благотворное дѣйствіе свѣта! Стоглазый Аргосъ признанъ олицетвореніемъ звѣзднаго неба. Итакъ *Ἀργυφόντης* въ смыслѣ убійцы Аргоса — утренній свѣтъ, уничтожающій ночь. Если же *Ἀργυφόντης*, какъ нынѣ призвано всѣми, замѣняетъ *ἀργυφάντης*, свѣтлый, то этотъ эпитетъ Гермеса еще ближе подходитъ въ свѣту.

Какъ сынъ *Sagamâ Sâgamêya*, такъ и *Ἑρμῆας* не только происходитъ отъ утренней, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ вечерней зари. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ *Ἑρμῆς* богъ мрака и тѣни и, слѣдовательно, тоже богъ тѣней въ подземномъ царствѣ, а такъ какъ онъ знаетъ дороги, то служитъ путеводителемъ тѣней, то-есть душъ усопшихъ. Въ этомъ значеніи онъ играетъ большую роль въ мистеріяхъ (*Ἑρμῆς καθύλιος* въ Самоораки), то-есть въ представленіяхъ, касающихся подземнаго царства и будущей жизни. Не трудно также объяснить, почему Гермесъ посылаетъ сновидѣнія.

По древнему сказанію Индусовъ, боги Пани отгоняютъ коровъ небесныхъ и прячутъ ихъ въ пещерахъ горъ, пока Индра, богъ неба, не возвращаетъ ихъ. Названіе Пани (*Pani*) можно производить отъ корня *paḡ* „вымѣнивать“, „торговать“ и суффикса *ni*, а *paḡni* переходитъ въ *pani* съ *n dentale*, такъ какъ *n* послѣ *g* измѣняется въ *p* (*dentale*) а *g* передъ нимъ можетъ выпасть: напримѣръ, *panate* вмѣсто *paḡnate* купить. Коровы небесныя, вѣроятно, солнечные лучи, которые, какъ красноватые, называются нерѣдко коровами. Такъ какъ однимъ прилагательнымъ именемъ обозначались разные предметы, то миеологическое смѣшеніе совершилось легко. Поэтому нужно заключить, что Пани — богъ темноты или сумерекъ, уносящихъ солнечные лучи, которые на другое утро богъ неба опять возвращаетъ. Въ Пани можно узнать греческаго бога *Πᾶν*, сына Гермеса, который первоначально вѣроятно просто образовался изъ эпитета Гермеса, но уже какъ бога мрака или сумерекъ. Итакъ, сказаніе о похищеніи коровъ богомъ *Πᾶν* было вмѣстѣ съ тѣмъ сказаніе, относящееся къ Гермесу, а послѣ отдѣленія отъ него бога *Πᾶν* (какъ

¹⁾ Своими жезломъ усыпляетъ онъ людей какъ вечернія сумерки и будитъ ихъ какъ утренній свѣтъ. (Иліада 24, 343).

самостоятельнаго) сохранилось при Гермесѣ какъ болѣе значительномъ и главномъ изъ божествъ ¹⁾).

Гермесъ уводитъ вечеромъ коровъ Аполлона, то-есть солнечные лучи, и, заперевъ стадо въ темную ограду, ложится какъ свѣтъ утренней зари въ пеленки, подобно раскаленному углю, окруженному тепломъ. Потомъ, послѣ восхожденія солнца, онъ, по приказанію Зевса, вмѣстѣ съ Аполлономъ отыскиваетъ и освобождаетъ коровъ. Отъ этого Гермесъ самъ воръ и покровитель воровъ (κλεψίφρων, ἡκροποστής, ἀναφηλῆτων).

Можно замѣтить, какая разница между такимъ объясненіемъ эпитетовъ, при которомъ они составляютъ необходимыя качества естественнаго основанія и выводятся изъ него прямо, и такимъ, при которомъ эпитеты соотвѣтствуютъ только отчасти качествамъ элемента и выводятся послѣдовательнымъ рядомъ одинъ изъ другаго, какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Свѣтъ всегда возвѣщаетъ небо, всегда освѣщаетъ предметы, всегда покровительствуетъ путешествіямъ и торговлѣ; онъ всегда ярокъ, быстръ, благотворенъ и т. д. Если же мы допустимъ рядъ выводовъ одного эпитета изъ другаго и удержимъ лишь нѣкоторое отношеніе естественнаго основанія къ качеству бога, чѣмъ часто довольствуются миеологи, то изъ почти произвольнаго явленія природы можно вывести эпитеты любого бога, и я нисколько не сомнѣваюсь, что Рошеръ изъ вѣтра также удовлетворительно выведетъ качества Гермеса, какъ это сдѣлалъ Мелисъ изъ солнца. Положимъ, напримѣръ, что Гермесъ первоначально знаменовалъ собою воду. Дождевая вода напоминаетъ о небѣ, море и рѣки часто бываютъ границами, служатъ путями сообщенія и торговыхъ оборотовъ, вода верѣдко течетъ быстро и блестя, она чиста, полезна и т. д. Вся разница въ томъ, что свѣтъ имѣетъ эти качества постоянно, о водѣ же этого сказать нельзя.

Какъ отдѣльная личность, Панъ преимущественно получилъ развитіе въ значеніи бога вечернихъ сумерекъ. Поэтому онъ сынъ Гермеса и дочери Дриоса (Δρύοψ), олицетворенія лѣса, то-есть свѣта и тѣни.

¹⁾ Въ такомъ случаѣ Пѣу имѣетъ очень близкое съ вѣдійскимъ Рапѣ происхожденіе; аі на концѣ легко могло исчезнуть, какъ, напримѣръ, въ ἐν вмѣстѣ ἐνί. Преллеръ производитъ Пѣу отъ πῆω (кор. ра) паста, а Гергардъ отъ πῆω = φῶω свѣтитъ. Впрочемъ, очень возможно, что греческій народъ скоро забылъ настоящее производство и понималъ слово Пѣу въ смыслѣ глагола πῆω, а потому ставилъ Пана въ близкое отношеніе къ животнымъ, которымъ онъ покровительствуетъ.

Какъ тѣнь перескакиваетъ онъ черезъ горы и ущелья, пляшетъ на мягкой травѣ съ быстроногими нимфами, имѣя на плечахъ красный какъ кровь и косматый рысій мѣхъ. Последняя черта указываетъ на красный цвѣтъ горизонта и облаковъ въ вечернее время. На своей пастушьей флейтѣ играетъ онъ столь нѣжныя мелодіи, что ни одна птица въ лѣсу не издаетъ болѣе сладкихъ звуковъ. Игру Пана слѣдуетъ принимать въ такомъ же смыслѣ, какъ пѣніе Гермеса, то-есть какъ осязательно проявляющуюся въ разныхъ цвѣтахъ гармонію. Такъ какъ основной признакъ Пана — вечернія сумерки, то въ полдень онъ спитъ. Такъ какъ сумерки и темнота вообще внушаютъ страхъ безъ основательной причины, то и вошло въ обычай подобный страхъ называть паническимъ ¹⁾.

Гестія, по Преллеру, обозначаетъ землю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и эфирный небесный огонь, который, подобно пламени очага, горитъ надъ землею. Такъ какъ ни одно божество не можетъ имѣть двухъ совершенно разныхъ естественныхъ признаковъ, то это можно понять только такимъ образомъ, что Гестию слѣдуетъ разсматривать какъ небесный огонь и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ подземное божество. По Велькеру, Гестія богиня огня, или же богиня домашнего очага.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ культѣ Гестіи огонь имѣетъ очень существенное значеніе. Но, кромѣ того обстоятельства, что уже Гефэстъ богъ огня, еще противорѣчитъ огню какъ базису Гестіи средней родъ слова *пѣр*. Если ее считаютъ сообразно съ ея названіемъ богиней очага, то нужно принять въ соображеніе, что цѣль послѣдняго не огонь, а теплота. Итакъ, очагъ можетъ замѣнить понятіе о теплотѣ, и можно видѣть въ Гестіи богиню теплоты. Съ этимъ толкованіемъ результатъ сравнительной міеологіи столь благопріятенъ, сколько возможно. Слово *эстіа*, какъ и римская *Vesta* и индійская *Ushas* происходитъ отъ корня *vas* или *ush* „пламенѣть“. Итакъ, она, по прямому этимологическому производству — богиня жара или теплоты.

¹⁾ М. Миллеръ производитъ слово *Панъ* отъ корня *pā* чистить, изъ котораго образовалось санскритское слово *равалъ* вѣтеръ, и считаетъ *Панъ* богомъ тихаго вѣтра. Въ доказательство онъ приводитъ не болѣе двухъ-трехъ міеовъ, которые, конечно, можно объяснить различно. Кромѣ того, трудно понять, какимъ образомъ *Панъ* въ значеніи тихаго вѣтра именно сынъ Гермеса въ значеніи бога полусвѣта. Вѣдь не всегда при полусвѣтѣ бываетъ именно тихій вѣтеръ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

C. Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Выпускъ 1-й съ картой Галліи во времена Цезаря и двумя планами военныхъ дѣйствій Цезаря въ первый годъ Галльской войны. Сост. Булгаковъ. С.-Петербургъ. Изданіе Н. Фену и К°. 1879.

Недавно появилось въ Германіи весьма полезное для учащихъ изданіе подъ заглавіемъ: *Descriptiones nobilissimorum apud classicos locorum*. Ed. A. v. Kampen. Автору этой книги пришла счастливая мысль, на основаніи разбросаннаго по разнымъ спеціальнымъ и не для всякаго доступнымъ сочиненіямъ матеріала, составить карты, предназначенныя служить пособіемъ при чтеніи древнихъ историковъ. Какъ извѣстно, нерѣдко крайне трудно или даже совершенно невозможно должнымъ образомъ понять описанія походовъ, сраженій или осадъ, не имѣя спеціальныхъ картъ, представляющихъ наглядно различныя мѣстности, движенія войскъ и т. п. Карты и планы Кампена, относящіяся пока только къ Цезарю, вполне соответствуютъ своей цѣли. Считаю не лишнимъ рекомендовать это изданіе всякому преподавателю, желающему доставить своимъ ученикамъ пособіе, чрезвычайно содѣйствующее пониманію многого, что иначе показалось бы темнымъ у Цезаря. По своей дешевизнѣ оно вполне доступно всякому.

Нельзя также не считать практичною мыслью г. Булгакова присоединить въ видѣ приложенія карты Кампена къ изданію Цезаря: ученикъ такимъ образомъ постоянно имѣетъ ихъ подъ рукою и не легко ихъ затеряетъ. Но вѣроятно издатель полагалъ, что онъ долженъ прибавить что либо и отъ себя, дабы имѣть право выступить съ особымъ изданіемъ: вѣдь, въ противномъ случаѣ, каждый предпо-

челъ бы купить заграничный текстъ и карты отдѣльно, тѣмъ болѣе, что это было бы и дешевле. Посмотримъ же, въ чемъ именно заключается самостоятельный его вкладъ.

Находящійся предъ вами первый выпускъ содержитъ краткое введеніе, латинскій текстъ первой книги Галльской войны Ю. Цезаря съ тремя картами Кампена и краткій списокъ разныхъ терминовъ съ ихъ объясненіемъ. На латинскій текстъ можно было бы не обращать вниманія, не будь двухъ обстоятельствъ: 1) въ предисловіи къ нему сказано, что онъ „помѣщенъ въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ его читать и понимать по смыслу (?), то-есть со всѣми знаками препинанія“ (!!)—Какъ будто не во всякомъ изданіи напечатанъ текстъ такъ, какъ слѣдуетъ его читать и понимать по смыслу, или какъ будто въ другихъ изданіяхъ недостаетъ знаковъ препинанія! Напротивъ нужно замѣтить, что издатель злоупотребляетъ этими знаками, отдѣляя (впрочемъ очень непослѣдовательно) *ablativi absoluti* и *accusativi cum inf.* отъ прочихъ частей предложеній. 2) Какъ все изданіе, такъ главнымъ образомъ латинскій текстъ напечатанъ чрезвычайно небрежно, такъ что нѣтъ никакой возможности дать начинающимъ въ руки разбираемую книгу. Ограничимся указаніемъ на опечатки лишь на первой страницѣ, по которой можно судить и объ остальныхъ:

строна	напечатано	вѣсто
3	ligibus	legibus
15	Helvetlus	Helvetiis
”	flumen	flumen
21	Messala	Messala
22	finibns	finibus
25	notura	natura

Латинскому тексту предшествуетъ (на четырехъ страницахъ) описаніе по русски „Галліи во времена Цезаря“ и краткое изложеніе событій, упоминаемыхъ въ первой книгѣ Цезаря. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ сообщаются странныя новости: 1) что въ римской провинціи жили Белги; 2) что рѣка Мозель называлась *Mosalla* вм. *Mosella*; 3) что главный пунктъ Тревировъ уже во времена Цезаря назывался *Augusta Treverorum*.

Затѣмъ слѣдуетъ (полстраницы) *argumentum*, то-есть еще разъ содержаніе первой книги на латинскомъ языкѣ, гдѣ кромѣ вездѣ встрѣчающихся опечатокъ поражаетъ въ особенности: „*Iter Caesaris ad Ariovistum, occupata Vesontio*“. Если бы издатель сколько нибудь

tionēs. Съ какой же стати полагаетъ г. Булгаковъ ¹⁾, что *centuria* (gen. fem.) называлась Римлянами *ductor*? На этотъ вопросъ могъ бы онъ пожалуй отвѣтить, что центуріи у Цезаря почти исключительно ²⁾ называются *ordines*; но 1) этого нигдѣ у него нѣтъ и даже слово *ordo* въ его словарѣ не принято, хотя въ 42 главѣ оно именно употреблено въ смыслѣ *centuria*, и 2) сказанное о помѣщеніи центурій на флангахъ все-таки было бы не вѣрно, потому что оно относится къ центуріонамъ. Однако довольно. Нѣтъ болѣе ни надобности ни охоты приводить еще другіе курьезы въ родѣ того, будто „при Цезарѣ было 40 *quaestores provinciales*“ ³⁾ или будто крайнее число легатовъ при полководцѣ было 9 (у Цезаря было 10, ср. *Cic. fam. I 7, 10*), будто *testudo*—греч. *συναβλατόρις* (*sic!*) и т. д. Вотъ въ чемъ состоитъ самостоятельный трудъ г. Булгакова. Полагаемъ, что никто не позавидуетъ ему въ этомъ. Но вотъ чему надо удивляться: какъ такую книжку и притомъ за такую сравнительно съ объемомъ ея высокую цѣну рѣшаться преподнести учащемуся юношеству, которое, будто „даже не встрѣчая затрудненій въ лексикальномъ или грамматическомъ составѣ повѣствовательной или описательной рѣчи автора“ (слова предисловія), должно черпать изъ нея „знакомство съ общественно-бытовыми чертами древняго государственнаго строя“! А между тѣмъ редакція одной большой газеты вдалась въ обманъ и помѣстила недавно на столбцахъ своихъ хвалебный отзывъ о книгѣ г. Булгакова. Надѣмся, что публика будетъ осторожнѣе.

¹⁾ Ср. его слова: «изъ которыхъ послѣдняя» и т. д.

²⁾ За исключеніемъ: в. с. I 64 и III 91.

³⁾ Оно по крайней мѣрѣ двусмысленно: см. со временъ Цезаря, ср. *Suet. Caes. 41*.

Э. Вертъ.

Изъ младшаго приготовительнаго класса въ старшій и изъ сего послѣдняго въ землемѣрное отдѣленіе переводятся тѣ, кои по каждому предмету получаютъ не менѣе 3-хъ.

Тѣ изъ воспитанниковъ приготовительнаго отдѣленія и двухъ младшихъ классовъ землемѣрнаго отдѣленія, кои получаютъ менѣе положеннаго выше числа балловъ, по мнѣнію комитета, должны подлежать обсужденію конференціи заведенія и могутъ быть оставляемы въ тѣхъ же классахъ еще на одинъ годъ, только въ такомъ случаѣ, если она признаетъ, что оставленіе воспитанника въ классѣ будетъ для него полезно. Въ противномъ случаѣ, малоспособные и нерадивые должны быть исключаемы изъ заведенія. Оставаться же на другой годъ въ старшемъ землемѣрномъ классѣ и въ обоихъ классахъ инженернаго отдѣленія не должно быть допущено, исключая особыхъ случаевъ, какъ-то по болѣзни и т. п.

Для перевода въ инженерное отдѣленіе и для выпуска на службу изъ старшаго землемѣрнаго и старшаго инженернаго классовъ, комитетъ полагаетъ постановить слѣдующія условія:

А) Изъ старшаго землемѣрнаго класса:

Переводятся въ инженерное отдѣленіе тѣ, кои получаютъ изъ cadaго спеціальнаго и вспомогательнаго предмета не менѣе 5 балловъ, изъ cadaго общаго не менѣе 4-хъ балловъ.

Выпускаются на службу:

а) Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса тѣ, кои получаютъ изъ cadaго спеціальнаго не менѣе 5-ти, изъ cadaго вспомогательнаго и общаго предмета не менѣе 4-хъ.

б) Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса тѣ, кои получаютъ изъ cadaго спеціальнаго и вспомогательнаго предмета не менѣе 4-хъ, изъ общихъ не менѣе 3-хъ.

в) Младшими землемѣрными помощниками безъ чина тѣ, кои получаютъ изъ cadaго спеціальнаго предмета не менѣе 4-хъ.

В) Изъ старшаго инженернаго класса:

Выпускаются на службу:

а) Подпоручиками межевыхъ инженеровъ тѣ, кои получаютъ изъ cadaго спеціальнаго предмета полные баллы (6), изъ cadaго вспомогательнаго не менѣе 5-ти.

б) Прапорщиками межевыхъ инженеровъ тѣ, кои получаютъ изъ cadaго спеціальнаго и вспомогательнаго предмета не менѣе 5-ти балловъ.

в) Прапорщиками межевыхъ топографовъ тѣ, кои получаютъ изъ каждаго спеціального предмета не менѣе 5-ти, а изъ каждаго вспомогательнаго не менѣе 4-хъ балловъ.

г) Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса тѣ, кои получаютъ изъ каждаго спеціального и вспомогательнаго предметовъ не менѣе 4-хъ балловъ.

Получившіе менѣе сего балловъ выпускаются на службу съ тѣми правами, какія приобрѣли окончаніемъ курса въ землемѣрномъ отдѣленіи, со старшинствомъ въ чинѣ съ сверстниками.

Всѣ переводимые въ инженерное отдѣленіе и выпускаемые на службу воспитанники должны быть непремѣнно хорошаго поведенія, которое и опредѣляется тою же 6-ти балльною системою.

Комитетъ полагалъ полезнымъ, кромѣ того, постановить слѣдующее:

а) Воспитанникъ, перешедшій въ инженерное отдѣленіе, можетъ быть, въ теченіе всего инженернаго курса, выпущенъ на службу съ правами, приобретенными имъ при окончаніи курса въ землемѣрномъ отдѣленіи, и со старшинствомъ въ чинѣ съ сверстниками, какъ по собственному желанію, такъ и по опредѣленію конференціи, если она признаетъ, что воспитанникъ этотъ не соотвѣтствуетъ учебнымъ требованіямъ инженернаго отдѣленія.

б) Воспитанники всѣхъ безъ исключенія классовъ, оказавшіеся неодобрительнаго поведенія или нерадивыми къ ученію, послѣ всѣхъ мѣръ, принятыхъ къ ихъ исправленію а также вредные своимъ примѣромъ для другихъ воспитанниковъ, исключаются изъ заведенія во всякое время.

в) Равномѣрно, воспитанники всѣхъ безъ исключенія классовъ могутъ быть увольняемы изъ заведеній, по желанію ихъ родителей или опекуновъ, но при этомъ время, проведенное ими въ заведеніяхъ, не предоставляетъ имъ рѣшительно никакихъ правъ, и заведенія не выдаютъ имъ никакихъ аттестатовъ или свидѣтельствъ о бытности въ заведеніяхъ.

Изложивъ главныя основанія тѣхъ измѣненій и улучшеній, которыя признано полезнымъ сдѣлать въ организаціи учебной части межевыхъ учебныхъ заведеній, комитетъ считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностью заявить, что, по мнѣнію его, болѣе подробное развитіе и примѣненіе къ дѣлу предполагаемыхъ измѣненій и улучшеній, должно быть предоставлено времени и опыту и возложено на конференціи заведеній и учебный совѣтъ, какъ на учрежденія, завѣдующія учеб-

ною частью въ сихъ заведеніяхъ. Поэтому комитетъ считалъ также долгомъ ходатайствовать, чтобы настоящее предположеніе не было утверждено окончательно, а приведено въ дѣйствіе только въ видѣ опыта, хотя бы и на опредѣленный срокъ.

Мы не станемъ разсматривать здѣсь этихъ предположеній, для опредѣленія ихъ достоинствъ и недостатковъ. Ходъ исторіи института обнаружитъ ихъ самъ собою.

Управляющій Межевымъ корпусомъ нашелъ предположенія комитета, въ главныхъ основаніяхъ, правильными и выразилъ надежду, что приведеніе ихъ въ исполненіе принесетъ большую пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ предназначилъ, до окончательнаго ихъ утвержденія, ввести ихъ въ видѣ опыта, предоставивъ подробное ихъ развитіе и примѣненіе къ дѣлу времени и возложивъ эту обязанность на конференцію института и на новый учебный совѣтъ.

Согласно съ предположеніемъ комитета, онъ

Во первыхъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 17-го іюня 1861 года, о допущеніи приема въ институтъ экстерновъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Приемъ экстерновъ производить во всѣ классы института и изъ тѣхъ состояній по происхожденію, изъ которыхъ допускается приемъ своекоштныхъ пансіонеровъ.

2) Взимать съ нихъ на книги и прочія классныя потребности по 30 рублей въ годъ; тѣхъ изъ нихъ, которые по удостовѣренію начальства института не могутъ вносить этой суммы, освободить отъ всякой платы и

3) По окончаніи курса и выдержаніи удовлетворительно экзамена, предоставить имъ всѣ тѣ служебныя права и преимущества, какими пользуются, на основаніи существующихъ постановленій, окончившіе курсъ въ институтѣ своекоштные пансіонеры. И

Во вторыхъ, предложилъ сдѣлать¹⁾ по институту слѣдующія распоряженія:

1) Составить конспекты и программы какъ для пріемныхъ экзаменовъ въ нынѣшній 2-й классъ (приготовительный), такъ равно и для всѣхъ остальныхъ классовъ, согласно предназначенному комитетомъ распредѣленію предметовъ и конечной цѣли ихъ преподаванія. При этомъ имѣть въ виду: а) чтобы во 2-мъ и 3-мъ классахъ (приготовительныхъ) пройдено было все, что необходимо для подготов-

¹⁾ Дѣло института 1861 года № 27.

ленія молодыхъ людей къ слушанію спеціальнаго землемѣрнаго курса; б) чтобы въ 4, 5 и 6-мъ классахъ (землемѣрныхъ) приготовить наиболѣе способныхъ къ слушанію землемѣрнаго курса, а остальныхъ къ исполненію служебныхъ землемѣрныхъ обязанностей; и в) чтобы въ 7-мъ и 8-мъ классахъ (инженерныхъ), составленныхъ изъ однихъ лишь способнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ молодыхъ людей, приготовить вполнѣ образованныхъ межевыхъ инженеровъ и топографовъ.

2) Для удобнѣйшаго перехода отъ старыхъ программъ къ новымъ, конференціи института сдѣлать подробное соображеніе относительно соглашенія хода настоящаго курса съ предполагаемымъ, дабы отъ передвиженія предметовъ не осталось чего либо непродуманнаго.

3) Для устраненія неудобствъ, происходящихъ отъ многочисленности учениковъ въ классахъ, къ началу курса ввести репетиторовъ.

4) Расписаніе преподаванія предметовъ составить, согласно представленному комитетомъ примѣрному распisanію такъ, чтобы: а) во 2-мъ и 3-мъ классахъ (подготовительныхъ), гдѣ дѣти еще не привыкли заниматься сами и гдѣ главное и самое полезное ученіе должно происходить въ классное время и въ присутствіи преподавателей, назначить въ день по четыре урока; б) въ 4, 5 и 6-мъ классахъ (землемѣрныхъ) назначить въ день по 3 урока, а четвертый для разучиванія (въ присутствіи репетиторовъ) урока труднаго предмета, пройденнаго въ тотъ день; въ 7 и 8-мъ классахъ (инженерныхъ), гдѣ предполагается предоставить воспитанникамъ какъ можно больше самостоятельныхъ занятій, назначить въ день не болѣе двухъ уроковъ и, если нужно будетъ, то допустить третій урокъ изъ искусствъ. Послѣ преподаннаго урока изъ труднаго предмета, назначить время для разъясненія пройденнаго и для составленія по этому предмету записокъ. При распредѣленіи уроковъ, принять за правило, чтобы каждый день первые часы преимущественно были назначены для труднаго предмета, послѣ котораго, или оставлять свободные часы для разъясненія, или назначать урокъ легкій или изъ искусствъ. Второй урокъ стараться назначать по предмету разнородному съ первымъ, требующему работы другихъ умственныхъ способностей. Во 2 и 3-мъ классахъ изъ четырехъ уроковъ въ день, одинъ непременно назначать изъ искусствъ. Въ классахъ отъ 4-го до 8-го, урокъ изъ искусствъ долженъ продолжаться два часа. Дабы учащіеся не были обременены въ одно и то же время изученіемъ большого числа разнородныхъ предметовъ, ввести преподаваніе по періодамъ (по примѣру

политехнической школы), начать, для опыта, съ одной математики и съ тѣмъ, чтобы подобное же преподаваніе другихъ предметовъ вводить по мѣрѣ возможности и когда на дѣлѣ метода эта окажется дѣйствительно полезною*.

Систему экзаменовъ и самый порядокъ ихъ управляющій предполагалъ опредѣлить впоследствии, но имѣя въ виду, что для оцѣнки успѣховъ воспитанниковъ будетъ приниматься въ расчетъ годовое ихъ ученіе, предписалъ вмѣнить въ обязанность преподавателямъ и речетиторамъ: каждый отвѣтъ воспитанниковъ непременно оцѣнивать баллами, которые тотчасъ же и вносить въ особую книгу. Для упрощенія оцѣнки баллами во время годовичныхъ занятій принять слѣдующую систему:

6 балловъ — для выраженія отличныхъ успѣховъ, 5 балловъ — весьма хорошихъ, 4—хорошихъ, 3—посредственныхъ, 2—слабыхъ, 1—безуспѣшныхъ.

Курсъ предписывалось распределить такъ, чтобы въ 2-мъ и 3-мъ классахъ онъ кончался къ 1-му мая; въ 4, 5 и 7, къ 1-му іюля, а въ 6 и 8—къ 15-му марта, и, затѣмъ, составить въ конференціи всѣ соображенія по приведенію въ исполненіе вышеизложеннаго, чтобы 1-го сентября можно было начать ученье.

Нельзя не замѣтить, что въ приложенномъ къ предписанію печителя распределеніи дня воспитанниковъ, составленному въ комитетѣ, въ которомъ присутствовали директора и инспекторы классовъ обоихъ заведеній и весьма опытные преподаватели, одни утренніе классы отмѣнены и, хотя только одинъ урокъ, но перенесенъ на послѣобѣденное время. Дѣло въ томъ, что и три полутора часовыхъ утреннихъ урока сразу весьма затруднительны, а четыре, даже и съ промежуткомъ въ $\frac{1}{2}$ часа или часъ, невозможны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, управляющій призналъ полезнымъ, для содѣйствія успѣшнѣйшему ходу образованія въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ, для единства въ его развитіи и для постояннаго соглашенія объема и направленія учебной части съ потребностями службы, учредить учебный совѣтъ, независимо отъ конференцій, существовавшихъ въ обоихъ заведеніяхъ.

Совѣтъ этотъ и предписано было организовать подъ предсѣдательствомъ помощника управляющаго межевымъ корпусомъ, а въ отсутствіи его, директора института, изъ предсѣдателя межевой канцеляріи, директоровъ и инспекторовъ обоихъ заведеній, директора чертежной межевой канцеляріи и старшихъ преподавателей: по ма-

тематику, статскаго совѣтника Ламовскаго и помощника его, поручика Лѣтникова; по астрономіи, профессора Швейцера; по геодезіи, полковника Мейена и по межевымъ законамъ, подполковника Стоцкаго.

Въ совѣтъ дозволялось приглашать, по усмотрѣнію предсѣдателя, и постороннихъ специалистовъ, для совѣщанія.

На обязанности его, на первый разъ возлагалось: рассмотрѣніе и обсужденіе распредѣленія времени въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ, порядка классныхъ и практическихъ занятій, программъ и учебныхъ курсовъ и вообще всего, что можетъ относиться до измѣненія или лучшаго устройства учебныхъ межевыхъ заведеній. Опредѣленіе въслѣдствіи круга дѣйствій совѣта, съ большею подробностію, возлагалось на самый совѣтъ.

Первое собраніе учебнаго совѣта состоялось 24-го августа 1861 года. Въ немъ, кромѣ рассмотрѣнія и одобренія программъ, составленныхъ согласно новому порядку учебнаго курса, главнымъ предметомъ занятія было обсужденіе тѣхъ измѣненій, которыя должны быть сдѣланы въ предстоящемъ учебномъ году, для перехода къ новому положенію.

Новый семиклассный составъ предполагалось сформировать къ курсу 1862—1863 года, а курсъ 1861—1862 года сдѣлать переходнымъ, причѣмъ главною заботою, конечно, было соглашеніе существовавшаго курса съ предполагаемымъ такимъ образомъ, чтобы изъ предназначенныхъ къ преподаванію предметовъ не осталось чего либо не пройденнымъ. Предметы и число уроковъ, назначенные на 1861—1862 годъ представляются въ слѣдующей таблицѣ:

ПРЕДМЕТЫ	К Л А С С Ы								Всего.	
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	1861— 1862 г. курсъ.	Нор- маль- ный.
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	—	7	5
Русскій языкъ	4	4	3	2	1	1	1	—	16	11
Французскій языкъ	3	2	2	2	2	2	2	2	17	15
Нѣмецкій языкъ	3	—	—	—	—	—	—	—	3	7
Географія	3	3	3	—	—	1	—	—	10	8
Статистика	—	—	—	—	—	—	2	1	3	3
Исторія русская	—	—	—	—	1	2	—	—	3	3
Ариеметика	3	3	3	—	—	—	—	—	9	5
Геометрія	2	3	2	1,5	1	—	—	—	9,5	5,5
Алгебра	—	3	2	1	1	—	—	—	7	4

К Л А С С Ы:

ПРЕДМЕТЫ	К Л А С С Ы:								Всего.	
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	1861— 1862 г. маль- курсъ.	Нор- ный.
Плоская тригонометрія.	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
Аналитическая геометрія на плоскости . . .	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1
Повтореніе математики.	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1
Сферическая тригонометрія.										
Высшая алгебра . . .										
Аналитическая геометрія въ пространствѣ	—	—	—	—	—	—	4	3	7	7
Дифференціальныя и интегральныя исчисления										
Астрономія	—	—	—	—	—	—	2	2	4	4
Геодезія	—	—	—	3	2	2	3	3	13	12
Межевые законы . . .	—	—	—	2	2	2	1	1	8	8
Законовѣдѣніе	—	—	—	1	1	1	—	—	3	3
Физика съ механикою .	—	—	—	2	2	2	—	—	6	4
Таксація съ естественными науками . . .	—	—	—	2	2	1	—	1	6	6
Математическая географія	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1
Магнитныя и метеорологическія наблюденія .	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1
Каллиграфія и ситуація	2	3	3	3	3	—	—	—	14	19
Черченіе плановъ . . .	—	—	—	—	—	3	2	2	7	
Линейное черченіе . . .	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2
Рисованіе	2	1	2	—	—	—	—	—	5	4
Итого	23	23	21	20 ^{1/2}	20	21	18	17	164,5	138,5

Кромѣ того, предназначались еще вечерніе уроки:

Чтеніе по исторіи русской литературы въ V-мъ и VI-мъ (сводномъ) классѣ . . . 2

Чтеніе по химіи въ VII-мъ классѣ . . . 2

„ „ минералогіи и геогнозіи въ VIII-мъ классѣ 2

Христіанскія бесѣды въ VIII-мъ классѣ 1

наго, за нахожденіемъ помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ директора института.

Вслѣдствіе сдѣланнаго представленія начальника школы межевыхъ топографовъ, объ отдѣленіи двухъ инженерныхъ классовъ и о предоставленіи имъ во внутренней жизни нѣкоторыхъ преимуществъ сравнительно съ прочими воспитанниками, учебный совѣтъ, во первыхъ, принимая во вниманіе, что въ 7 и 8 классы переводятся лучшіе воспитанники, которые во всякое время могутъ воспользоваться правами, предоставленными имъ товарищамъ при выпускѣ на службу, полагалъ, что на этихъ молодыхъ людей нельзя смотрѣть, какъ на прочихъ воспитанниковъ, которые должны быть подчиняемы непрерывному наблюденію со стороны воспитателей и всему дисциплинному порядку, а слѣдуетъ устроить имъ жизнь болѣе самостоятельную и болѣе свободную, которая дала бы возможность испытать въ теченіе двухъ лѣтъ ихъ нравственныя качества, необходимыя для будущей ихъ службы. Для этого, тѣмъ изъ воспитанниковъ 7 и 8 классовъ, которые могутъ жить у родителей и родственниковъ или изъявлять желаніе жить на отдѣльныхъ квартирахъ, предполагалось и предоставить это право, съ выдачею имъ отъ казны денежнаго пособія, какое будетъ признано необходимымъ. Тѣмъ же, которые останутся въ заведеніи, подчинивъ ихъ въ общихъ чертахъ установленному порядку, предоставить такія условія образа жизни и занятій, которыя доставили бы имъ возможно большія удобства для самостоятельнаго труда. Сверхъ того, учебный совѣтъ полагалъ даже „весьма полезнымъ, въ видахъ доставленія воспитанникамъ двухъ старшихъ классовъ большіхъ удобствъ въ ихъ частной жизни,—измѣнить настоящую форму одежды, такъ, чтобы новая форма не ставила ихъ въ условія воспитанниковъ замкнутаго училища“, и

Вовторыхъ, обсуждая вообще положеніе инженерныхъ отдѣленій въ обоихъ заведеніяхъ, учебный совѣтъ пришелъ къ вопросу, въ какой степени необходимо и можетъ быть полезно существованіе инженерныхъ отдѣленій въ обоихъ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Разсматривая этотъ вопросъ, учебный совѣтъ принялъ въ соображеніе: а) что, по порядку назначенія молодыхъ людей въ инженерное отдѣленіе, классы этого отдѣленія должны быть малочисленные, а между тѣмъ будутъ обходиться дорого, какъ по платѣ учителямъ высшихъ предметовъ, такъ и покупкѣ цѣнныхъ инструментовъ, и б) что, такимъ образомъ, каждое заведеніе должно будетъ дѣлать значительныя издержки для незначительнаго числа воспитанниковъ.

Вслѣдствіе этого предположено: соединить инженерные классы обонхъ заведеній въ одно инженерное отдѣленіе при Константиновскомъ межевомъ институтѣ, такъ какъ при немъ имѣются всѣ учебныя пособія, для этого отдѣленія необходимы, какъ-то: собраніе геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ, музей, библиотека, астрономическая и магнитная обсерваторіи и проч., а для приведенія сего въ исполненіе, совѣтъ полагалъ: тѣхъ воспитанниковъ школы межевыхъ топографовъ, кои по окончаніи курса въ землемѣрномъ отдѣленіи будутъ предназначены для поступленія въ VII-й классъ, переводить въ институтъ.

Управляющій Межевымъ корпусомъ, въ счастію, не утвердилъ первую часть постановленія совѣта, имѣвшую цѣлю ни болѣе, ни менѣе, какъ обращеніе инженернаго отдѣленія въ открытое заведеніе; слѣдомъ ея только осталось отдѣленіе инженерныхъ классовъ отъ прочихъ воспитанниковъ, предоставленіе имъ права выхода въ будніе дни, дозволеніе курить въ особыхъ помѣщеніяхъ и т. п., во вполнѣ одобрилъ вторую часть и испросилъ по сему предмету Высочайшее повелѣніе.

Въ предписаніи отъ 10-го февраля 1862 года онъ сообщилъ директору института, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, въ 3-й день февраля, Всемилостивѣйше соизволивъ на соединеніе VII-го и VIII-го классовъ Константиновскаго межеваго института и школы межевыхъ топографовъ въ одно инженерное отдѣленіе при Константиновскомъ межевомъ институтѣ, Высочайше повелѣлъ:

1) тѣхъ воспитанниковъ VI-го класса школы, кои, на основаніи существующихъ узаконеній, должны поступать въ VII-й классъ, переводить въ тотъ же классъ Константиновскаго межеваго института.

2) Затѣмъ, изъ VIII-го инженернаго класса Константиновскаго межеваго института, независимо отъ выпуска на службу инженерами и землемѣрными помощниками, на основаніи существующихъ постановленій, выпускать также и прапорщиками межевыхъ топографовъ; причемъ условія для выпуска нѣсколько усилить, а именно:

Удостоивать производства въ прапорщики межевыхъ топографовъ только тѣхъ воспитанниковъ VIII-го класса института, которые получаютъ въ знаніяхъ по каждому спеціальному предмету не менѣе $\frac{1}{3}$ балловъ, по каждому изъ прочихъ предметовъ не менѣе $\frac{3}{5}$ балловъ и въ поведеніи 10 балловъ.

Съ этого времени школа будучи до VI-го класса включительно

заведенієм совершенно параллельнымъ институту, переводила своихъ лучшихъ воспитанниковъ въ институтъ и къ чести обоихъ заведеній надо сказать, что воспитанники инженернаго отдѣленія до такой степени сливались между собою и такъ ровно шли, что всякое различіе между школьными и институтскими воспитанниками совершенно исчезало.

Для уясненія внутренней жизни заведенія, послѣ едѣльнаго преобразования учебной части, представляемъ здѣсь существовавшій въ это время распорядокъ въ институтѣ.

1) Распредѣленіе дня:

Воспитанники вставали въ 6 часовъ утра, по пробитіи утренней зари; въ 6³/₄ завтракъ; отъ 7 до 7³/₄ приготовленіе уроковъ; отъ 8 до 12¹/₂ часовъ три урока въ часть съ четвертью и съ четвертью часа промежутка между каждымъ. Въ 1 часть обѣдъ; послѣ обѣда до 3¹/₂ часовъ рекреація, а въ нѣкоторые дни фронтное ученье или гимнастика, но не раньше, какъ черезъ часъ послѣ обѣда. Отъ 3¹/₂ часовъ до 4 приготовленіе къ урокамъ; отъ 4 до 5¹/₂ часовъ урокъ или слушаніе чтеній по необязательнымъ предметамъ. Отъ 5¹/₂ до 6 рекреація; отъ 6 до 8 приготовленіе къ урокамъ. Въ то же время репетиціи, то-есть, спрашиванія, производимыя репетиторами, или слушаніе чтеній по необязательнымъ предметамъ. Въ 8 часовъ ужинъ; послѣ ужина до 10-ти рекреація; въ 10 ложились спать. Такимъ образомъ, приблизительно было: на сонъ 8 часовъ; на занятія классныя и приготовленіе уроковъ: въ классахъ приготовительныхъ отъ 7 до 8 часовъ, въ прочихъ 9 часовъ; на рекреацію въ классахъ младшихъ отъ 5 до 6 часовъ, въ старшихъ 4 часа, но сюда же входили танцы, гимнастика и фронтное ученье: На одѣваніе и проч. 1³/₄ ч.; на обѣдъ и проч. 1¹/₄ часа.

2) Порядокъ въ классахъ:

Ближайшее завѣдываніе каждымъ классомъ, подѣ главнымъ наблюденіемъ инспектора, поручалось класснымъ офицерамъ, дѣйствовавшимъ по особой инструкціи.

Для наблюденія за порядкомъ и чистотою въ классахъ, а также и за тѣмъ, чтобы все необходимое для лекцій было приготовлено, назначалось по два дежурныхъ воспитанника въ каждомъ классѣ, которые, по приходѣ преподавателя, обязаны были докладывать ему о больныхъ и отсутствующихъ.

Во время урока изъ классовъ позволялось выходить, съ разрѣшенія преподавателя, только по необходимой надобности. Если пре-

подавателя не было, то воспитанники оставались въ классахъ и занимались подъ наблюдениемъ репетитора, а въ случаѣ и его отсутствія, дежурнаго офицера.

3) Условія, въ которыя были поставлены воспитанники, какъ въ заведеніи, такъ и внѣ оного, и наблюденіе за ихъ нравственностію:

Воспитанники были раздѣлены на инженерное отдѣленіе и двѣ роты: первую или старшій возрастъ (землемѣрное отдѣленіе) и вторую или младшій возрастъ (приготовительное отдѣленіе). Начальникъ инженернаго отдѣленія и ротные командиры, приблизительно, несли тѣ же обязанности, какъ и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени.

Фельдфебели и утеръ-офицеры назначались въ обѣ роты изъ старшихъ воспитанниковъ; они не имѣли почти никакого вліянія въ первой ротѣ, но во второй производили негласно даже высканія съ младшихъ воспитанниковъ, хотя это начальствомъ и не допускалось.

Утромъ и вечеромъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ, воспитанниками читались или пѣлись общія молитвы. Но, кромѣ этихъ общихъ молитвъ, замѣчалось, что рѣдкій изъ воспитанниковъ вставалъ и особенно ложился спать, не помолившись.

Завтракали, обѣдали и ужинали всѣ вмѣстѣ.

Въ воскресенье и праздничные дни воспитанники ходили въ приходскую церковь съ дежурными офицерами, иновѣрцы съ однимъ изъ старшихъ воспитанниковъ того же исповѣданія, въ свои церкви.

Для надзора за правильностію отпуска провизіи, по табели, наряжались ежедневно двое старшихъ дежурными по кухнѣ.

Кровати застилались служителями, а платье и сапоги чистились самими воспитанниками. Платье и бѣлье хранилось въ особыхъ цейггаузахъ.

Воспитанники во всемъ, что касалось ихъ обычныхъ обязанностей и нуждъ въ институтѣ, обращались къ своимъ класснымъ офицерамъ и ротнымъ командирамъ; впрочемъ, имъ не воспрещалось, въ скольконибудь важныхъ и особыхъ случаяхъ, обращаться и прямо къ старшимъ лицамъ.

Курить дозволялось только въ инженерномъ отдѣленіи, въ особомъ отведенномъ мѣстѣ.

Посѣтители допускались ежедневно, но въ назначенные часы и не иначе, какъ въ пріемной комнатѣ.

Заболѣвающіе отправлялись въ лазаретъ, съ разрѣшенія дежурнаго офицера; утромъ, до начала уроковъ являлся фельдшеръ, а въ

3 часа бывалъ докторъ для воспитанниковъ, имѣвшихъ надобность въ какой-либо помощи или совѣтъ.

Воспитанники увольнялись по праздникамъ въ отпускъ, если не были лишены онаго за проступки и вообще худое поведеніе; тѣ, на которыхъ были взяты годовые билеты на все праздничное время, а прочіе только днемъ и должны были почевать въ институтѣ, причемъ годовые билеты выдавались только лицамъ, извѣстнымъ институтскому начальству и, во всякомъ случаѣ, семейнымъ.

Въ будніе дни правомъ на отпускъ пользовались только воспитанники инженернаго отдѣленія; прочіе увольнялись по особоваажительнымъ причинамъ, а лучшіе изъ нихъ на семейные праздники, въ театръ съ родными и т. п.

Отъ воспитанниковъ требовалось, чтобы они и въ заведеніи вели себя безукоризненно и соблюдали какъ форму, такъ и правила относительно отданія чести. Посѣщеніе публичныхъ мѣстъ и гуляній дозволялось старшимъ однимъ, а младшимъ съ родными, но за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, посѣщеніе коихъ безусловно запрещалось, какъ-то: трактировъ, клубовъ и т. п.

На каникулярное время воспитанники увольнялись по окончаніи лагерей и до начала курса, то-есть, только на августъ мѣсяцъ.

Наблюденіе за нравственностію воспитанниковъ имѣли всѣ лица, для того поставленныя, какъ-то: директоръ, инспекторъ, батальонный и ротные командиры и классные офицеры.

Въ каждую роту ежедневно наряжались дежурные офицеры; ротные командиры отъ дежурства были освобождены, но обязаны были находиться возможно чаще въ институтѣ.

За проступки маловажные, а также за дурные баллы по ученю, воспитанники подвергались замѣчаніямъ, выговорамъ наединѣ и въ присутствіи класса или роты; стояцію болѣе или менѣе продолжительное время въ классѣ у доски или въ залѣ у стѣны; лишенію одного или двухъ блюдъ и неувольненію въ отпускъ. За проступки болѣе важныя взысканія дѣлались не иначе, какъ по обсужденіи проступка въ воспитательномъ комитетѣ, причемъ налагались слѣдующія взысканія: арестъ, арестъ на хлѣбъ и водѣ, лишеніе погоновъ, записаніе на черную доску, исключеніе изъ заведенія; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, за проступки постыдные, для воспитанниковъ младшаго возраста допускалось тѣлесное наказаніе.

Въ воспитательномъ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ директора изъ инспектора классовъ, батальоннаго и ротныхъ

командировъ, классныхъ офицеровъ и помощника инспектора, собравшемся еженедѣльно по субботамъ, ежемѣсячно около 1-го числа и экстренно, въ случаѣ какого-либо важнаго проступка воспитанниковъ, всѣми членами сообщались и обсуждались, какъ замѣчанія относительно поведенія воспитанниковъ вообще, такъ и проступки, учиненные въ теченіе недѣли, и баллы за ученіе, а каждый мѣсяцъ ставились баллы за поведеніе и постановлялось, какіе именно проступки должны быть вносимы въ аттестаціонную тетрадь. Всѣ проступки записывались въ штрафной журналъ, важнѣйшіе же въ аттестаціонныя тетради, которыя велись ротными командирами для каждаго воспитанника. Постановленія комитета записывались въ протоколъ.

Лучшіе воспитанники производились въ ефрейторы и унтеръ-офицеры; а отличнѣйшіе по поведенію и ученію, по особымъ правиламъ награждались книгами и инструментами, необходимыми для ихъ будущей службы.

Раздача наградъ соединялась съ приведеніемъ къ присягѣ выпущенныхъ на службу и всегда дѣлалась съ нѣкоторою торжественностію.

Въ 1861 году были отправлены, по Высочайшему повелѣнію, за границу штабсъ-капитанъ Рапшовъ, для изученія астрономіи, и поручикъ Зубатовъ—математики.

Въ томъ же году, на мѣсто статскаго совѣтника Зацѣпина, былъ опредѣленъ врачомъ въ институтъ статскій совѣтникъ Ивановъ.

Больныхъ въ лазаретѣ было 393; выздоровѣло 388; осталось въ 1-му января 1862 года 5.

Въ приходѣ съ остаткомъ, въ теченіе 1861 года, было 94,141 р. 46¹/₂ коп.; израсходовано 86,049 руб. 14 коп.; осталось 8,092 руб. 32¹/₂ коп. (въ томъ числѣ билетъ въ 8,000 рублей).

По окончаніи учебнаго курса 1861—1862 года, въ 1862 году, въ первый разъ экзамены были произведены на новыхъ основаніяхъ, изложенныхъ въ протоколѣ комитета объ улучшеніи учебной части и утвержденныхъ исправлявшимъ должность управляющаго Межевымъ корпусомъ 10-го марта 1862 года, такъ что экзамены были только въ старшемъ приготовительномъ, съ 1-го мая, старшемъ землемѣрномъ и старшемъ инженерномъ классахъ, съ 15-го марта по 30-е мая.

Въ VIII классѣ производился экзаменъ, какъ словесный, такъ и письменный; но въ VI, допущено уже отступленіе — производился только словесный экзаменъ.

Вмѣсто прежняго простаго осмотра чертежей и рисунковъ, слѣ-

данныхъ въ теченіе года, за которые и выставлялись баллы, экзаменъ изъ искусствъ въ этомъ году былъ произведенъ нѣсколько иначе: воспитанники, по данному имъ геодезическому журналу и примѣрному плану для внутренней ситуаціи, должны были произвести наладку, иллюминровку и вычисленіе площади, въ присутствіи экзаменной комиссіи, которая послѣ сего осматривала и ихъ годовыя работы.

Воспитанниковъ прочихъ классовъ предполагалось перевести въ слѣдующіе классы по годовымъ балламъ. Но, согласно съ указаніемъ попечителя, конференція нашла, что было бы весьма полезно производить и въ сихъ классахъ экзамены тѣмъ воспитанникамъ, кои въ теченіе года занимались съ переменнымъ успѣхомъ и получили неудовлетворительныя годовыя отиѣтки, а равно и цѣлымъ классамъ по нѣкоторымъ предметамъ, какъ для повѣрки знаній воспитанниковъ, такъ и для удостовѣренія въ справедливости оцѣнки преподавателей и репетиторовъ.

Въ ходѣ лагерныхъ занятій сдѣланы также измѣненія. Учебный совѣтъ предположилъ начать эти занятія со старшаго приготовительнаго класса, съ цѣлю предварительнаго ознакомленія воспитанниковъ съ устройствомъ и употребленіемъ простыхъ инструментовъ, астролябіи и пантометра, для болѣе яснаго пониманія геодезіи въ младшемъ землемѣрномъ классѣ.

Во всѣхъ же прочихъ классахъ положено практическія занятія согласовать съ пройденными теоретическими курсами тѣхъ же классовъ, и именно:

По геодезіи: Въ младшемъ землемѣрномъ классѣ:

Съемка астролябією и пантометромъ.

1) Обходъ окружной межи съ опредѣленіемъ непреступныхъ разстояній, и 2) съемка внутренней ситуаціи. Вычисленіе площадей, дѣленіе ихъ по количеству десятинъ и опредѣленіе склоненія магнитной стрѣлки. Знакомство съ употребленіемъ мензулы.

Въ среднемъ землемѣрномъ классѣ:

Мензульная съемка, въ масштабѣ 50 саж. въ англійскомъ дюймѣ, безъ составленія общей сѣти. Топографическое нивелированіе съ цѣлю инструментальной съемки горизонталей, на избранной части мензульнаго листа.

Въ старшемъ землемѣрномъ классѣ:

Мензульная съемка.

1) Геометрическая сѣть съ опредѣленіемъ высотъ, и 2) съемка контуръ въ масштабѣ 100 саж. въ дюймѣ, вмѣстѣ съ инструменталь-

ною съемкою покатоствей. При этомъ предполагено, чтобы въ этомъ классѣ при опредѣленіи высотъ было принято за основаніе геодезическое нивелированіе, произведенное воспитанниками старшаго инженернаго класса. Нивелированіе продольное и поперечное.

Въ младшемъ инженерномъ классѣ:

Измѣреніе базиса и горизонтальныхъ угловъ теодолитомъ и универсальнымъ инструментомъ. Нивелированіе болотъ.

Въ старшемъ инженерномъ классѣ:

Составленіе тригонометрической сѣти; геодезическое нивелированіе; съемка астролябією съ привязкою къ пунктамъ тригонометрической сѣти; накладка и вычисленіе площадей по координатамъ. Сверхъ того, въ обоихъ классахъ инженернаго отдѣленія предполагено упражнять воспитанниковъ въ нанесеніи горизонталей на листахъ съемки, переданныхъ изъ средняго и старшаго классовъ землемѣрнаго отдѣленія.

При обсужденіи практическихъ занятій по межеванію, предполагено обратить особое вниманіе и предоставить возможно-большее время для работъ въ полѣ, отнеся все, что возможно, изъ дѣлопроизводства, къ класснымъ занятіямъ въ теченіе курса.

На этомъ основаніи, работы по межеванію предполагено распределить слѣдующимъ образомъ:

Въ младшемъ землемѣрномъ классѣ:

Обходъ дачъ по безспорному генеральному межеванію съ веденіемъ полевыхъ журналовъ и сочиненіемъ черновыхъ плановъ.

Въ среднемъ землемѣрномъ классѣ:

Спеціальное размежеваніе дачъ, съ веденіемъ полевыхъ журналовъ и составленіемъ общихъ плановъ. Дѣленіе дачъ по разнымъ условіямъ.

Въ старшемъ землемѣрномъ классѣ:

Измѣреніе спорныхъ дачъ, съ веденіемъ полевыхъ журналовъ и составленіемъ спорныхъ плановъ. Обходъ окружной межи — астролябією, со снятіемъ внутренней ситуаци и черезполосностей мензулою.

Въ обоихъ классахъ инженернаго отдѣленія, въ воихъ программѣ назначено повтореніе межевыхъ законовъ, практическія занятія опредѣлять по усмотрѣнію конференціи института.

Кромѣ вышеизложенныхъ занятій, предполагено, чтобы воспитанники средняго и старшаго землемѣрнаго и старшаго инженернаго классовъ упражнялись въ полевыхъ занятіяхъ по таксаціи земель, согласно курсовъ тѣхъ классовъ.

Согласно съ этимъ, въ 1862 году старшій приготовительный классъ занимался въ лагеряхъ двѣ недѣли, а землемѣрные и инженерные классы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ 1-го іюня по 1-е августа; причѣмъ инженерные классы производили тѣ же межевыя работы, которыя производились и прежде.

Результаты экзаменовъ 1862 года были слѣдующіе:

Выпущено на службу:

Межевными инженеръ-подпоручиками	2
Межевными инженеръ-прапорщиками	9
Межевными топографъ-прапорщиками	1
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса	2
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса	4
Младшими землемѣрными помощниками безъ чина	8
Канцелярскими служителями на основаніи уст. инст.	3
Исключено за неуспѣшность	5
Переведено въ слѣдующіе классы	210
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	16

Въ шестьдесятъ второмъ году разрѣшенъ весьма важный вопросъ, относительно откомандированныхъ изъ Межевой канцеляріи штабъ и оберъ-офицеровъ и землемѣрныхъ помощниковъ, для занятій въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица эти, получавшія жалованье по своимъ военнымъ чинамъ и по званіямъ помощниковъ, за это жалованье обязаны были давать столько уроковъ, сколько таковыхъ имъ было назначаемо начальствомъ заведеній, причѣмъ одни имѣли ихъ болѣе, другіе менѣе.

По представленію учебнаго совѣта, было утверждено, чтобы за жалованье по чину, штабъ-офицеры давали по 6, оберъ-офицеры и старшіе помощники по 4, а младшіе помощники по 2 урока; за всѣ же прочіе уроки, даваемые сверхъ этого числа, они должны были вознаграждаться, наравнѣ съ прочими преподавателями, по добровольному соглашенію съ начальствомъ заведенія.

Бъ началу учебнаго 1862—1863 года всѣ вновь составленныя, вслѣдствіе сдѣланныхъ перемѣнъ въ учебномъ планѣ института, программы были утверждены попечителемъ и могли быть введены въ дѣйствіе. Равнобѣрно и число классовъ сокращено на семь. Число

уроковъ назначено по нормальному росписанію, за слѣдующими исключеніями:

1) Вынуждены были назначить особый лишній урокъ въ недѣлю, по каллиграфіи и черченію, для занятій неудовлетворительно аттестованныхъ воспитанниковъ землемѣрнаго отдѣленія. Ясное указаніе на то, что число этихъ уроковъ было уменьшено не въ мѣру.

2) По предложенію предсѣдательствовавшаго въ учебномъ совѣтѣ ¹⁾, исправлявшаго должность управляющаго Межевнымъ корпусомъ, генерала Гедеонова, пригласившаго въ засѣданіе и профессора исторіи Московскаго университета Ешевскаго, былъ возбужденъ вопросъ, правильно ли преподаваніе одной русской исторіи съ обязательнымъ экзаменомъ, а исторіи общей—только въ видѣ чтеній, для экзамена необязательныхъ: учебный совѣтъ, хотя и подтвердилъ взглядъ комитета на правильность преподаванія, но, выслушавъ мнѣніе профессора Ешевскаго о недостаточности 2-хъ уроковъ, назначенныхъ на чтенія изъ общей исторіи, призналъ необходимымъ увеличить это число до 4-хъ, назначивъ на эти чтенія по 2 урока въ каждомъ изъ двухъ старшихъ землемѣрныхъ классовъ, и

3) Учебный совѣтъ нашелъ также, что времени, назначеннаго для чтеній изъ русской литературы, недостаточно, и предположилъ: увеличить оное съ двухъ на 3 урока, назначивъ одинъ урокъ въ среднемъ и 2 въ старшемъ землемѣрныхъ классахъ.

27-го декабря 1861 года Высочайше повелѣно мѣсто младшаго штабъ-офицера въ институтѣ упразднить, установивъ въ замѣнъ его, съ тѣмъ же содержаніемъ и правами, мѣсто полиціймейстера, по примѣру военно-учебныхъ заведеній, для завѣдыванія хозяйственною частію.

Вслѣдствіе этого, въ шестьдесятъ второмъ году, бывший на правахъ баталіоннаго командира полковникъ Флейшеръ уволенъ отъ службы и за отличіе произведенъ въ генераль-майоры. Этотъ достойный человекъ оставилъ по себѣ добрую память въ институтѣ. Онъ былъ не безъ образованія, хорошо зналъ низшую математику и, прослуживъ около 10 лѣтъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ весьма полезнымъ воспитателемъ. Обращаясь съ воспитанниками весьма просто, зная до тонкости каждого изъ нихъ, онъ постоянно внушалъ имъ доброе и честное направленіе и умѣлъ вести дѣло такъ, что даже при строгихъ взысканіяхъ они на него не сѣтовали. Часть фронтонна и обмундированіе лежали также на немъ. Будучи безукло-

¹⁾ Протоколъ учебнаго совѣта 20 іюня 1862 года.

ризиенной честности, онъ, можно сказать, блюлъ каждый вершокъ казеннаго сукна и постоянно препирался съ своимъ закройщикомъ, который, въ теченіе 12-ти лѣтней службы при Флейшерѣ, никакъ не могъ привыкнуть къ его неизмѣнному присутствованію на каждой кройкѣ бѣлья и платья для воспитанниковъ.

Николай Михайловичъ Флейшеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей стараго закала, которые, имѣя самыя твердыя релігіозныя и нравственныя начала, приносятъ истинную пользу при воспитаніи, не смотря на нѣкоторую кажущуюся въ нихъ отсталость.

20-го ноября 1862 года, въ 3 часа пополудни, Государь Императоръ осчастливилъ институтъ своимъ посѣщеніемъ.

Его Величество изволилъ обойти классы, обѣ рекреаціонныя залы, дортуары 2-й роты, музеумъ, бібліотеку и столовую. Въ музеумѣ осматривалъ нѣкоторые инструменты и снаряды. Потомъ посѣтилъ лазаретъ, гдѣ разспрашивалъ каждаго воспитанника о его болѣзни, а также обсерваторіи магнитную и астрономическую; на послѣдней изволилъ разспрашивать о назначеніи каждаго снаряда и о томъ, гдѣ онъ приобрѣтенъ.

При пріѣздѣ Государя, воспитанники были въ классахъ, но тотчасъ вышли къ нему на встрѣчу и съ Его разрѣшенія, слѣдовали за нимъ по всѣмъ комнатамъ, а также по двору до лазарета и потомъ, когда Государь сѣлъ въ экипажъ, они проводили Его до воротъ.

Его Величество разспрашивалъ директора объ устройствѣ заведенія и времени занятій воспитанниковъ въ институтѣ и, по осмотрѣ всего, изволилъ отозваться, что: „Все, что Онъ видѣлъ, находится въ порядкѣ“, и потомъ спросилъ у директора, доволенъ ли онъ поведеніемъ воспитанниковъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, изволилъ прибавить: „Я надѣюсь, что молодые люди, обанчивающіе курсъ въ заведеніи, соотвѣтствуютъ своему назначенію: объ этомъ надо стараться“.

При отъѣздѣ, Его Величеству угодно было приказать уволить воспитанниковъ въ отпускъ на одинъ день ¹⁾.

Высочайшимъ приказомъ 29-го ноября 1862 года, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, предсѣдатель департамента удѣловъ и управляющій Межевымъ корпусомъ, генераль-отъ-инфантеріи Муравьевъ 2-й, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя департамента удѣловъ и управляющаго Межевымъ корпусомъ. На его мѣсто, управляющимъ корпу-

¹⁾ Дѣло института 1862 года № 1.

сомъ, 11-го декабря, былъ назначенъ Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, генераль-маіоръ Гедеевъ.

Дѣла Михаила Николаевича Муравьева говорятъ сами за себя. Можно сказать утвердительно, что онъ создалъ институтъ, какъ высшее и стройное учебное заведеніе. Инженерное отдѣленіе—дѣло его рукъ; IX классъ, который далъ и даетъ отличныхъ преподавателей математики и специальныхъ предметовъ и отличныхъ воспитателей—дѣло его рукъ; постоянная и доселѣ поддерживающаяся связь съ университетомъ—дѣло его рукъ. Все, что ни дѣлалъ и ни начиналъ онъ въ институтѣ, привилось прочно и принесло плоды, ибо дѣлалось и начиналось съ величайшимъ разумомъ. И, надо сказать правду, институтъ былъ его любимѣйшимъ дѣтищемъ; въ бытность его въ Москвѣ, онъ почти не пропускалъ дня, чтобы не побывать въ институтѣ, а на экзаменахъ просиживалъ по цѣлому мѣсяцу. Своимъ постояннымъ вниманіемъ къ институту, своею вѣриною просвѣщенною заботою объ учебной его части, своею ласкою и отличіемъ на службѣ лучшихъ воспитанниковъ, онъ развилъ въ институтѣ любовь къ труду, до сихъ поръ сохранившуюся. Величайшимъ счастіемъ для института было то, что преемники попечительства М. Н. Муравьева сами принадлежали къ числу людей высоко-образованныхъ, отлично знавшихъ учебную и воспитательную часть, почему въ институтѣ ничто существенное не сломано, а все хорошее сохранено и развито. Скажемъ въ заключеніе, что служить при Михаилѣ Николаевичѣ было трудно, но и чрезвычайно пріятно. Самъ онъ, неутомимый труженикъ, заставлялъ трудиться и другихъ много. Но за то, никто, какъ онъ, не умѣлъ и оцѣнить сдѣланнаго, поблагодарить и наградить за сдѣланное. Такіе начальники, какъ Михаилъ Николаевичъ, именно тѣмъ и дороги для людей трудящихся, что они сами понимаютъ трудъ ¹⁾.

Больныхъ въ лазаретѣ въ 1862 году перебивало 320; выздоровѣло 312; умерло 2; осталось 6.

Денежныя дѣла института, по прежнему, находились не въ блестя-

¹⁾ Генераль-отъ-инженеріи, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ 2, членъ Государственнаго Совета, шефъ 101 пѣхотнаго его имени полка, почетный членъ Императорской Академіи наукъ, Императорской Академіи художествъ и Императорскаго Географическаго Общества, Императорскихъ Университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и св. Владимира, Императорской публичной библиотеки, Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, и Горыгорцакаго Земледѣльческаго института, Сельскихъ обществъ: Московскаго, Лебедянскаго и Юрьевскаго, Общества Англи-

щемъ положеніи. Совершенно основательно директоръ представлялъ въ своемъ отчетѣ за 1862 годъ, что штатныхъ суммъ отпускается крайне недостаточно, но, по прежнему же, на этомъ представленіи все и кончилось.

Суммъ прихода въ теченіе 1862 года было съ остаточными

матризаціи животныхъ и растеній и Высочайше утвержденной Коммисіи, при университетѣ св. Владиміра, для описанія губерній Киевскаго учебнаго округа, былъ Кавалеръ орденовъ: св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра 1-й степени съ мечами надъ орденомъ, св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, Бѣлаго Орла, св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною и св. Георгія 4-й степени, за 25 лѣтъ, и имѣлъ медали: серебряную въ память войны 1812 года и свѣтло-бронзовую въ память войны 1853—1856 годовъ и знакъ отличія безспорной службы за XXX лѣтъ.

Михаилъ Николаевичъ родился 1-го октября 1796 года; по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ, въ службу вступилъ колонновожатымъ, въ 1811 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и произведенъ въ прапорщики въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (что нынѣ генеральный штабъ) 1812 года, 27 января; за отличіе, оказанное въ сраженіи при Бородинѣ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени съ бантомъ и получилъ серебряную медаль на голубой лентѣ въ память войны 1812 года. Службу продолжалъ по квартирмейстерской части до ноября 1820 года, когда уволенъ въ отставку за раню, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Въ 1826 году іюля 8-го дня поступилъ вновь на службу и причисленъ къ министерству финансовъ въ 1827 году. 1827 года 12-го іюня, опредѣленъ витебскимъ вице-губернаторомъ. 1828 года сентября 15-го дня могилевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. 1830 года 5-го января пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 1831 года 9-го іюля, по засвидѣтельствованію главнокомандующаго резервною арміею объ успѣшномъ исполненіи возложенныхъ на него порученій и объ особенномъ попеченіи, кѣмъ сохранена вѣрноподданная ему губернія отъ безпорядковъ, возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смежныхъ губерній, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени.

1831 года 15-го іюня оставленъ, по распоряженію главнокомандующаго резервною арміею, генераль-отъ-инфантеріи графа Толстаго, для исправленія при немъ равныхъ порученій, что и исполнялъ по 12-е августа 1831 года.

По возвращеніи изъ командировки, 1831 года 9-го августа, назначенъ Гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Отправился къ должности, чрезъ С.-Петербургъ, гдѣ, по Высочайшему повелѣнію, находился временно подъ распоряженіемъ председателя Государственнаго Совѣта въ комитетѣ по дѣламъ западныхъ губерній и по окончаніи занятій прибылъ къ новому назначенію.

1832 года 19-го октября объявлено ему Высочайшее благоволеніе, Высочайшимъ рескриптомъ на имя виленскаго губернатора и исправляющаго должность генераль-губернатора Гродненскаго и Вѣлостокскаго, князя Долгорукаго, за успѣшное управленіе въ Гродненской губерніи римско-католическихъ монастырей.

1832 года 18-го декабря переименованъ въ генераль-майоры, съ оставленіемъ при той же должности и съ представленіемъ правъ военнаго губернатора надъ

83,013 рублей 10¹/₄ коп., израсходовано 75,010 рублей 54³/₄ коп.; осталось 2 рубля 55¹/₂ коп. и билетъ въ 8,000 рублей.

Распредѣленіе уроковъ на курсъ 1862—1863 года было то же самое, за указанными выше добавленіями, которое назначено въ нормаль-

городомъ Гродно; въ этой должности за быстроту и усѣвшность принятыхъ мѣръ къ открытію и изловленію прибывшаго изъ Франціи для произведенія возмущенія эмисара польскихъ революціонеровъ Валловича, и за примѣрное устройство въ Гродненской губерніи полицейскихъ управленій, объявлена Всемилостивѣйшая Его Императорскаго Величества признательность.

1835 года 14-го января назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Курска и Курскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ сентябрѣ 1835 года, по Высочайшему повелѣнію вызванъ въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ комитетѣ объ учрежденіи новаго управленія казенными поселянами. 1837 года 30-го марта, за оказанные успѣхи въ устройствѣ Курской губерніи, ему объявлено рескриптомъ Его Императорскаго Величества удовольствіе.

1839 года 12 мая назначенъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ.

Въ 1839 году Государь Императоръ, обративъ Всемилостивѣйшее вниманіе на особенное дѣятельное содѣйствіе генералъ-маіора Муравьева, въ бытность Курскимъ военнымъ губернаторомъ, къ успѣшному исполненію распоряженій по разнымъ частямъ новаго устройства государственныхъ имуществъ, изъявивъ Высочайшее соизволеніе на включенія о томъ въ общій циркуляръ министерства государственныхъ имуществъ, а 7-го іюля того же года, за особенное усердіе, оказанное по рассмотрѣнію проэктовъ, составленныхъ въ У отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, о преобразованіи управленія государственнымъ имуществомъ, Муравьевъ Всемилостивѣйше пожалованъ табакеркою съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Императорскаго Величества.

Въ 1840 году пожалованъ въ тайные совѣтники, со старшинствомъ, по сравненію съ сверстниками, съ 31-го декабря 1834 года, а въ 1842 году повелѣно ему присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ.

1840 года 2-го октября назначенъ управляющимъ Межевымъ корпусомъ съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи и со всѣми правами и обязанностями главнаго директора Межеваго корпуса.

1843 года 27-го декабря получилъ орденъ Бѣлаго Орла.

Въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ по гражданскому вѣдомству 1849 года, 21-го апрѣля, за найденный Его Императорскимъ Величествомъ во время высочайшаго своего пребыванія въ Москвѣ, при осмотрѣ Константиновскаго Межеваго института, во всѣхъ отношеніяхъ наилучшій порядокъ, заслуживающій всякой похвалы, объявлено Его Величествомъ особенное благоволеніе.

Въ 1849 году переименованъ въ генералъ-лейтенанты, со старшинствомъ съ 4-го августа 1842 года, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и должностяхъ и съ зачисленіемъ по арміи.

Въ 1850 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта, съ сохраненіемъ настоящей должности и званія.

Въ 1852 году, во вниманіе къ отличной всегда службѣ и въ знакъ особеннаго

номъ распредѣленіи. Отмѣтимъ здѣсь только, что съ этого курса занятія репетиторовъ получили опредѣленность. Ихъ было девять чело­вѣкъ и репетиціи были включены въ росписаніе уроковъ. Это рос­писаніе на 1862—1863 годъ показано въ особой таблицѣ (А).

благоволенія за неутомимое рвеніе въ исполненіи возложенныхъ обязанностей пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Благоговѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Въ 1855 году, въ возданіе ревностной службы въ продолженіе 25-ти лѣтъ отъ получения перваго оберъ-офицераго чина, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1856 году 1-го января, за постоянную, отличную-ревностную и полезную службу и неутомимые труды въ исполненіи возложенныхъ обязанностей и въ знакъ особеннаго благоволенія, Всемилостивѣйше пожалованъ украшенными алма­зами знаками ордена Св. Благоговѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

1856 года 26-го августа, Всемилостивѣйше пожалованъ въ генералы-отъ-ин­фантеріи.

1856 года 24-го ноября назначенъ председателемъ департамента удѣловъ.

1857 года 17-го апрѣля министромъ государственныхъ имуществъ.

1857 ноября 1-го Высочайше назначенъ членомъ Комитета Остзейскихъ дѣлъ.

1858 года 17-го апрѣля, въ возданіе отличной усердной службы награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечемъ надъ орденомъ. 1859 года 21-го октября назначенъ членомъ еннаисоваго комитета. 1862 года января 1-го Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, уволенъ согласно про­шению, по-разстроеному-здоровью, отъ должности министра государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ при прочихъ должностяхъ и званіяхъ. 1862 года ноября 29-го, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, всемилостивѣйше уволенъ отъ должностей председателя департамента удѣловъ и управляющаго Межевымъ корпусомъ, съ оставленіемъ при всѣхъ про­чихъ, за тѣмъ, имъ занимаемыхъ должностяхъ и званіяхъ. При этомъ удостои­ся получить Высочайшій рескриптъ, съ изъявленіемъ признательности Государя Императора за долговременное служеніе его въ разныхъ отрасляхъ государ­ственнаго управленія. 1863 года мая 1-го Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по военному вѣдомству, назначенъ Виленскимъ военнымъ губернаторомъ и гене­ралъ-губернаторомъ Гродненскимъ, Ковенскимъ и Минскимъ и командующимъ войсками военнаго округа, съ предоставленными ему званію правами и властью командира отдѣльнаго корпуса въ военное время и съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ; на томъ же основаніи подчинены ему губерніи: Витеб­ская и Могилевская съ войсками, въ нихъ расположенными. 1863 года августа 30-го Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ Высочайшемъ приказѣ 1864 года апрѣля 19-го, за прекращеніе въ запад­ныхъ губерніяхъ смуты и мятежа и за водвореніе въ томъ край спокойствія и порядка объявлена сердечная признательность Государя Императора.

1864 года 9-го іюля Высочайшимъ приказомъ назначенъ шефомъ 101-го пѣ­хотнаго Пермскаго полка, коему повѣстно именоваться его именемъ, и въ допол-

Росписаніе уроковъ на 1862—1863 учебный годъ.

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.							Всего.		
	Приготови- тельные.		Землеу- ные.			Инженер- ный.		Уроковъ.	Репетицій.	Чтеній.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.			
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	1	6	—	—
Русскій языкъ	4	3	2	1	1	1	1	13	—	—
Практическія занятія по рус- скому языку	—	—	—	1	2	—	—	3	—	—
Чтеніе изъ исторіи русской литературы	—	—	—	1	2	—	—	—	—	3
Французскій языкъ	3	2	2	2	2	2	2	15	—	—
Нѣмецкій языкъ	3	2	д в а о д и н ѣ					8	—	—
Географія	3	3	1	—	1	—	—	8	—	—
Исторія русская	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—
Чтенія изъ общей исторіи . .	—	—	—	2	2	—	—	—	—	4
Статистика	—	—	—	—	—	2	1	3	—	—
Ариметика	2	3	—	—	—	—	—	5	—	—
Репетиціи изъ ариметики . .	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Геометрія	2	2	2	—	—	—	—	6	—	—
Репетиціи по геометріи . . .	1	1	—	—	—	—	—	—	2	—
Алгебра	—	2	1	1	—	—	—	4	—	—
Репетиціи по алгебрѣ	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Прямолинейная тригонометрія.	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
Аналитическая геометрія и повтореніе математики . . .	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—
Сферическая тригонометрія .	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Аналитическая геометрія . .	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Дифференціальное и инте- гральное исчисленіе	—	—	—	—	—	1	2	3	—	—

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.							Всего		
	Подготовительные.		Землеустроительные.			Инженерные.		уроковъ.	репетитій.	чтеній.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.			
Репетиціи по математикѣ	—	—	2	1	1	—	—	—	4	—
Высшая алгебра	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Репетиціи по высшей алгебрѣ	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—
Теорія вѣроятностей	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
Репетиціи изъ теоріи вѣроятностей	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Практическія упражненія въ математикѣ	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—
Астрономія	—	—	—	—	—	2	2	4	—	—
Геодезія низшая	—	—	2	2	2	—	—	6	—	—
Репетиціи изъ низшей геодезіи	—	—	1	1	2	—	—	—	4	—
Геодезія высшая	—	—	—	—	—	3	3	6	—	—
Репетиціи по высшей геодезіи	—	—	—	—	—	2	2	—	4	—
Межевые законы	—	—	2	2	2	1	1	8	—	—
Репетиціи по межевымъ законамъ	—	—	1	1	1	—	—	—	3	—
Межевое дѣлопроизводство	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—
Законодѣніе	—	—	1	1	1	—	—	3	—	—
Физика съ механикою	—	—	1	1	1	—	—	4	—	—
Репетиціи по физикѣ	—	—	1	1	—	—	—	—	2	—
Чтенія изъ химіи	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Естественная исторія	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—
Таксація	—	—	—	2	1	—	1	4	—	—
Математическая географія	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—
Репетиціи по математической географіи	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.							Всего.		
	Приготовительные.		Землеустроительные.			Инженерные.		Уроковъ.	Репетиторъ.	Чтеній.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.			
Магнитныя и метеорологическія наблюденія	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
Чтеніе изъ минералогіи и геогнозій	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Каллиграфія	3	3	1	1	—	—	—	8	—	—
Ситуація	—	—	1	1	—	—	—	2	—	—
Черченіе плановъ	—	—	1	1	3	2	2	9	—	—
Дополнительные уроки каллиграфіи и черченія	—	—	1 ³ / ₄			—	—	—	—	1 ³ / ₄
Линейное черченіе	—	—	—	—	—	1	1	2	—	—
Рисованіе	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Для желающихъ рисованіе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	26	25	25	27	33	23	23	147	25	13 ³ / ₄

неніе къ этому приказу, за отличныи порядокъ и устройство войскъ, собранныхъ при г. Вильно, объявлена искренняя признательность Государя Императора.

Высочайшимъ приказомъ 10-го августа 1864 года, по образованію 10-ти военныхъ округовъ, назначенъ командующимъ войсками въ Виленскомъ военномъ округѣ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ.

1865 года 17-го (29-го) апрѣля Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, Всемилостивѣйше уволенъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ должности Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго и Минскаго генераль-губернатора, главнаго начальника Витебской и Могилевской губерній и командующаго войсками виленскаго военного округа, съ оставленіемъ въ званіи члена государственнаго совѣта, и за особыя заслуги, оказанныя отечеству прекращеніемъ въ сѣверо-западномъ краѣ мятежа, водвореніемъ въ томъ краѣ спокойствія и улучшеніемъ быта крестьянъ, возведенъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство.

Скончался въ 1866 году августа 29-го.

Такимъ образомъ, новая система преподаванія была введена въ институтъ вполне, но пошла въ ходъ не вполне. По истеченіи почти двухъ мѣсяцевъ отъ начала курса, нѣкоторые преподаватели ни разу, какъ замѣтилъ директоръ ¹⁾, не спросили воспитанниковъ и не выставили имъ балловъ. А между тѣмъ, въ тѣхъ классахъ, гдѣ экзаменовъ не было, эти баллы служили единственнымъ основаніемъ для перевода воспитанниковъ въ высшіе классы; гдѣ же экзамены были, они входили существеннымъ образомъ въ оцѣнку ихъ знаній, что, конечно, было хорошо извѣстно преподавателямъ. Ясно, что если они не ставили балловъ, а слѣдовательно, и не спрашивали, то это происходило единственно потому, что число уроковъ было слишкомъ уменьшено и преподавателямъ надо было дорожить временемъ собственно для чтеній впередъ. Ясно также, что система, главнымъ образомъ основанная на частыхъ спрашиваніяхъ, не удавалась.

Учебный совѣтъ, руководившій въ это время учебною частью института, занялся слѣдующимъ:

1) По поводу возбужденнаго директоромъ вопроса ²⁾, слѣдуетъ ли давать награды воспитанникамъ, такъ какъ въ прежнее время онѣ давались по экзаменамъ, а теперь экзамены въ нѣкоторыхъ классахъ не существуютъ, произошло разсужденіе „вообще о значеніи наградъ въ воспитаніи и о томъ, дѣйствительно ли полезно и необходимо подобнаго рода поощреніе, для успѣшнѣйшаго хода занятій воспитанниковъ. При этомъ единогласно было выражено мнѣніе, что весьма желалось бы не имѣть надобности, для поощренія воспитанниковъ къ занятіямъ, прибѣгать къ награжденію ихъ подарками, такъ какъ воспитанники должны заниматься съ усердіемъ не для полученія какой бы то ни было награды, а по сознанію того, что успѣхъ есть уже самъ по себѣ высшая награда за трудъ. Въ пользу этого мнѣнія и въ подтвержденіе того, что уничтоженіе наградъ будетъ теперь своевременно, многими изъ присутствовавшихъ воспитателей было заявлено, что съ каждымъ годомъ награды теряютъ свое значеніе между воспитанниками, въ особенности въ старшихъ классахъ, и что вообще въ настоящее время награды не даютъ тѣхъ результатовъ, какіе имѣлись въ виду при ихъ учрежденіи“. Поэтому учебный совѣтъ и полагалъ полезнымъ и своевременнымъ, при настоя-

¹⁾ Дѣло института 1862 года № 54.

²⁾ Протоколъ учебнаго совѣта 1862 года октября 16-го.

щемъ развитіи воспитанниковъ, прекратить на будущее время раздачу наградъ, употребивъ деньги, на нихъ назначенныя, на приобрѣтеніе полезныхъ книгъ и періодическихъ изданій для чтенія воспитанниковъ.

Но исправлявшій должность управляющаго Межевымъ корпусомъ не раздѣлилъ этого мѣвня и награды въ 1862 году происходили въ институтѣ обычнымъ порядкомъ, для лучшихъ воспитанниковъ всѣхъ классовъ.

2) Были рассмотрѣны и утверждены программы вступительныхъ экзаменовъ ¹⁾ для всѣхъ классовъ института, на основаніи подробныхъ программъ, составленныхъ по новому плану ученія.

Въ началѣ мая 1863 года директоръ института, генераль-маіоръ Лоскаревъ, былъ командированъ въ распоряженіе Виленскаго военнаго губернатора и генераль-губернатора Гродненскаго, Ковенскаго и Минскаго, коимъ былъ въ то время Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Изъ этой командировки онъ возвратился только въ декабрѣ того же года, а должность его исправлялъ, вмѣстѣ съ несеніемъ и своей обязанности инспектора классовъ, полковникъ Горловъ. Генераль Гедесоновъ управленіемъ полковника Горлова остался весьма доволенъ и поручилъ директору, который, по возвращеніи, нашелъ институтъ въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, выразить ему его душевную благодарность.

Въ учебномъ 1862—1863 году никакихъ существенныхъ переменъ не произошло. Какъ преподаваніе, такъ и экзамены, а равно и лагерныя занятія, происходили въ томъ самомъ порядкѣ, какъ и въ предшествовавшемъ учебномъ году. Можно только отмѣтить, что, кромѣ обязательныхъ экзаменовъ въ старшихъ классахъ приготовительнаго, землемѣрнаго и инженернаго отдѣленій, произведены были экзамены и тѣмъ воспитанникамъ промежуточныхъ классовъ, которые занимались въ теченіе года съ сомнительнымъ успѣхомъ, причѣмъ подвергнулись экзамену изъ ариометики и всѣ воспитанники младшаго приготовительнаго класса. На экзаменѣ изъ закона Божія въ старшемъ землемѣрномъ классѣ присутствовалъ викарій московскій, епископъ Леонидъ, который потомъ посѣщалъ экзамены и во всѣ послѣдующіе года, до самаго своего отъѣзда изъ Москвы въ 1876 году.

Результаты экзаменовъ 1863 года были слѣдующіе:

¹⁾ Протоколъ учебнаго совѣта 1-го ноября 1862 года.

Изъ числа 260 воспитанниковъ и 10 экстерновъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	2
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	13
Прапорщиками межевыхъ топографовъ	2

Старшими землемѣрными помощниками:

Съ чиномъ XII класса	1
--------------------------------	---

Младшими землемѣрными помощниками:

Съ чиномъ XIV класса	11
Безъ чина	10
Канцелярскими служителями	3
Исключено за неуспѣшность	7
Переведено въ старшіе классы	193
Осталось въ тѣхъ же классахъ	28

Съ оставшимися въ 1863 году 6-ю воспитанниками, въ 1863 году больныхъ въ лазаретѣ было 315; выздоровѣло 314; умеръ 1.

Оборотъ суммъ въ 1863 году былъ слѣдующій: въ приходѣ 96,413 руб. 40 коп.; въ расходѣ 95,236 руб. 79 коп. и въ остаткѣ отъ личнаго состава 1,176 руб. 61 коп. Это увеличеніе суммъ произошло частію отъ введенія въ смѣту получавшихся изъ государственнаго казначейства на обмундированіе вынужденныхъ воспитанниковъ и на прибавку жалованья военнымъ офицерамъ за прослуженіе 5-ти и 10-ти лѣтъ при военно-учебныхъ заведеніяхъ, а частію отъ принятія во вниманіе расходовъ по нѣкоторымъ статьямъ изъ трехлѣтней сложности и отпуска суммъ, сообразно съ этими расходами.

Въ 1862 и 1863 годахъ, по распоряженію управляющаго Межевымъ корпусомъ генерала Гедесова, были снаряжены отъ института астрономическія экспедиціи въ Подтавскую и Черниговскую губерніи съ цѣлію опредѣлить нѣсколько пунктовъ и азимутовъ (направленій меридіановъ), въ которыхъ оказалась необходимость при регулированіи плановъ дать и составленіи межевыхъ картъ — такъ какъ малороссійское межеваніе вѣдно было производить по истиннымъ меридіанамъ (Положеніе о размежеваніи Черниговской и Подтавской губерній).

Въ экспедиціи 1862 года, совершенной поручиками Захаровымъ и Автократовымъ, опредѣлены широты и азимуты въ 17-ти различныхъ

пунктахъ Полтавской и Черниговской губерній; а въ 1863 году поручикомъ Автократовымъ и поручикомъ Павловымъ въ 13-ти остальныхъ городахъ Малороссіи. Кромѣ того, ими повѣрены были географическія широты еще нѣсколькихъ другихъ пунктовъ, извѣстныхъ по наблюденіямъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Результаты азимутовъ, вычисленныхъ гг. Автократовымъ и Захаровымъ, списокъ пунктовъ, опредѣленныхъ генеральнымъ штабомъ, и инструкція землемѣрамъ, для примѣненія этихъ данныхъ къ малороссійскому межеванію, отосланы для руководства, по распоряженію управляющаго, въ межевыя палаты Полтавскую и Черниговскую.

Въ учебномъ 1863—1864 году, за исключеніемъ прибавки одной репетиціи по математикѣ въ инженерномъ отдѣленіи и одной въ землемѣрномъ, также по математикѣ, для слабыхъ воспитанниковъ, никакихъ перемѣнъ не было. Какъ экзамены, такъ и лагерныя занятія происходили въ томъ же порядкѣ, какъ и въ минувшемъ году.

Но въ личномъ составѣ начальствующихъ лицъ въ институтѣ произошли большія перемѣны: директору института генераль-маіору Лошкареву указомъ сената (11-го сентября 1864 г.) Высочайше повелѣно быть директоромъ лѣснаго департамента и инспекторомъ корпуса лѣсничихъ. На его мѣсто назначенъ Высочайшимъ приказомъ 27-го октября начальникъ школы межевыхъ топографовъ, генераль-маіоръ Алухтинъ. Инспекторъ классовъ института полковникъ Горловъ назначенъ исправляющимъ должность начальника школы межевыхъ топографовъ, а на его мѣсто переведенъ изъ школы полковникъ Усовъ, на мѣсто котораго, инспекторомъ классовъ въ школу поступилъ статскій совѣтникъ Ламовскій, столь долгое время состоявшій въ институтѣ старшимъ преподавателемъ математики и принесшій институту столько пользы. Уроки Ламовскаго занялъ штабсъ-капитанъ Лѣтниковъ и коллежскій совѣтникъ Алексѣевъ, бывшій впоследствии профессоромъ математики въ Варшавскомъ университетѣ.

Николай Григорьевичъ Лошкаревъ оставилъ по себѣ въ институтѣ память высокочестнаго и благороднѣйшаго человѣка, много прилагавшаго заботы и труда по своей должности.

Николай Павловичъ Горловъ, къ сожалѣнію уже умершій, былъ очень способный къ своей должности и по своему образованію управлялъ учебною частью института съ большимъ успѣхомъ. Будучи выбранъ генераломъ Лошкаревымъ, онъ былъ ему добросовѣстнымъ и вполне полезнымъ помощникомъ.

Личный составъ института, въ концѣ 1864 года, былъ слѣдующій:
Помощникъ инспектора классовъ межевой инженеръ штабсъ-капитанъ Ларионовъ.

Ротные командиры: капитанъ Ляховъ и штабсъ-капитанъ Каринъ.
Ротные офицеры: межевой инженеръ кап. Мѣшковъ (завѣдывалъ инженернымъ отдѣленіемъ).

Штабсъ-капитаны: Михновъ, Рубецъ, Афонасьевъ, Щепотьевъ.

Поручикъ Мисюревъ и межевой инженеръ-поручикъ Автократовъ.

Полиціймейстеръ подполковникъ Протопоповъ.

Экономъ коллежскій ассесоръ Качесовъ.

Смотритель лазарета коллежскій ассесоръ Матвѣевъ.

Письмоводитель и бухгалтеръ коллежскій ассесоръ Петровъ.

Его помощникъ коллежскій секретарь Скрицкій.

Канцелярскіе чиновники: губернскіе секретари Соколовъ и Алябинъ и коллежскій регистраторъ Макаровъ.

Докторъ института статскій совѣтникъ Ивановъ.

Преподаватели:

Закона Божія православнаго исповѣданія священникъ Дмитрій Ба-
стальскій.

„ „ грегоро-армянскаго исповѣданія протоіерей Артемій
Кокчеянецъ.

„ „ лютеранскаго исповѣданія пасторъ Гейнрихъ Диг-
гофъ.

„ „ католическаго исповѣданія всендязъ Апполинарій
Довгялло.

Русскаго языка: статскій совѣтникъ Ивановъ (Дмитрій) и коллеж-
скій ассесоръ Давыдовъ.

Французскаго языка: титулярный совѣтникъ Тепферъ, состоящій
въ IX классѣ, Котельниковъ и Райо.

Нѣмецкаго языка: надворный совѣтникъ Стурцель.

Географіи: коллежскій ассесоръ Миллеръ.

Статистики: надворный совѣтникъ Телѣгинъ.

Исторіи общей: состоящій въ IX классѣ Шуфъ.

„ русской: кандидатъ Пршевальскій.

Математики: межевой инженеръ-штабсъ-капитанъ Лѣтниковъ, на-
дворный совѣтникъ Алексѣевъ, межевые инженеры штабсъ-капитанъ
Ларионовъ и подпоручикъ Королевъ.

Астрономіи: астрономъ Швейцеръ.

Математической географіи: межевой инженеръ-штабсъ-капитанъ Троицкій.

Высшей геодезіи: межевой инженеръ-полковникъ Мейенъ.

Низшей — полковникъ Смирновъ и штабсъ-капитанъ Ларионовъ.

Законовѣдѣнія: коллежскій ассесоръ Канивецкій.

Межевыхъ законовъ: межевой инженеръ-подполковникъ Стопкій.

Физики и линейнаго черченія: межевой инженеръ-поручикъ Острогорскій.

Химіи: межевой топографъ прапорщикъ Езучевскій.

Таксаціи: коллежскій секретарь Щербо.

Минералогіи и геогнозіи: Ауэрбахъ.

Ситуаціи: межевой инженеръ-подполковникъ Шпревичъ.

Каллиграфіи: подполковникъ Шпревичъ и землемѣръ полковникъ Веселовъ.

Рисованія: академикъ Мокрицкій и неимѣющій чина Оленевъ.

Результаты экзаменовъ въ 1864 году были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 6 экстерновъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	1
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	15
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ: XII класса	2
" " " " XIV " "	1
Младшими " " " XIV " "	10
" " " " безъ чина	8
Исключено за дурное поведеніе	1
Уволено изъ института	5
Переведено въ слѣдующіе классы	189
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	34

Въ лазаретѣ перебувало въ 1864 году 301; выздоровѣло 295; умерло 2; осталось къ 1-му января 1865 года 4.

Въ 1864 году въ приходѣ было 100,973 руб. 67½ коп., въ расходѣ то же. Сверхъ сего имѣлся билетъ въ 8,000 руб.

Такъ какъ эти деньги по большей части составились изъ цифръ штата 1844 года и такъ какъ, сверхъ штатнаго назначенія, пришлось употребить отъ остатковъ слишкомъ 23,000 руб., то институтъ, по

прежнему, находился въ весьма затруднительномъ положеніи, по недостаточности отпускаемыхъ суммъ.

Въ 1864 году посѣщалъ институтъ министръ юстиціи Дмитрій Николаевичъ Замятинъ и состояніемъ его во всѣхъ отношеніяхъ остался доволенъ.

Учебный 1864—1865 годъ прошелъ въ томъ же преобразованномъ видѣ, съ сокращеннымъ противу прежняго числомъ лѣтъ ученія и числомъ часовъ на оное. Экзамены въ 1865 году производились въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ минувшемъ году, то-есть подвергались экзамену только старшій инженерный, старшій землемѣрный и старшій приготовительный классы; переводъ же воспитанниковъ прочихъ классовъ былъ сдѣланъ по годовымъ балламъ.

Лагерныя занятія происходили равномѣрно въ томъ же порядкѣ, какъ и въ минувшемъ 1864 году.

Результаты экзаменовъ 1865 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 10 экстерновъ, подвергавшихся экзамену:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	3
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	15
Прапорщиками межевыхъ топографовъ	2
Старшими землемѣрными помощниками:	
съ чиномъ XII класса	2
Младшими землемѣрными помощниками:	
съ чиномъ XIV класса	17
безъ чина	9
Исключено за малоуспѣшность	9
Исключено за дурное поведеніе	3
Уволено по просьбамъ родителей	7
Переведено въ школу межевыхъ топографовъ	2
Переведено въ высшіе классы	157
Осталось въ тѣхъ же классахъ	45

Въ 1865 году въ приходѣ было 100,496 руб. 52 коп.; въ расходѣ то же. Кромѣ того, въ непрерывно-доходныхъ билетахъ было 8,000 рублей.

Больныхъ въ лазаретѣ въ 1865 году перебивало 257; выздоровѣло 249; умеръ 1; къ 1866 году осталось 7 человекъ.

Остановимся нѣсколько и рассмотримъ, въ какомъ положеніи былъ

институтъ 1865 года въ учебномъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Начнемъ съ учебной части.

Въ 1865 году прошло три года со времени преобразованій, сдѣланныхъ комитетомъ 1861 года, для улучшенія учебной части, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ бывшаго директора института.

Мы уже видѣли, что самымъ крупнымъ изъ этихъ преобразованій было сокращеніе учебнаго времени на годъ и общаго числа часовъ на 50 уроковъ или на 75 часовъ. Въ 1860—1861 году число лѣтъ ученія было 8; комитетъ сдѣлалъ 7; число уроковъ было 192; комитетъ сдѣлалъ 138, 5 обязательныхъ уроковъ (необязательныхъ принимать въ расчетъ нельзя), то-есть, фактически сократилъ ученіе на два года. При такомъ значительномъ сокращеніи учебнаго времени, повидимому, полагали, что для межеваго чиновника нѣтъ надобности въ общемъ образованіи, по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, въ какомъ оно давалось въ реальныхъ или военныхъ гимназіяхъ того времени, и думали, что предметы общаго образованія, проходимые въ институтѣ, отнюдь не должны проходиться сами для себя, а напротивъ, изъ этихъ предметовъ должны были сообщаться только тѣ знанія, которыя необходимы для изученія межевой спеціальности. Какъ будто являлась даже мысль, что полное изученіе этихъ общихъ предметовъ не только не будетъ способствовать, но даже будетъ мѣшать образованію техника. Наконецъ, слишкомъ понадѣялись на репетиторовъ, забывая, что преподаваніе, при содѣйствіи репетиторовъ, можетъ сократить число уроковъ въ день, а отнюдь не число лѣтъ ученія, ибо, напримѣръ, математику, въ объемѣ институтскаго курса, никакъ нельзя пройти въ малое число лѣтъ, хотя бы она проходила только одна, а надо дать на нее, для полнаго усвоенія, опредѣленное число лѣтъ, выведенное изъ опыта.

Только этимъ, а отчасти и господствовавшимъ въ началѣ 1860 годовъ мнѣніемъ о необходимости полнаго раздѣленія спеціальныхъ заведеній отъ общеобразовательныхъ и можно себя нѣсколько уяснить такой странный пріемъ комитета, для улучшенія учебной части, который долженъ былъ вести не къ улучшенію, а къ ослабленію оной.

Дѣйствительно, если принять во вниманіе, что комитетъ, при сокращеніи учебнаго времени на 75 часовъ, оставилъ число предметовъ и объемъ ихъ преподаванія почти въ томъ же видѣ, въ какомъ они были и прежде, то станетъ понятно, что полезность всѣхъ дру-

гихъ его предначертаній не повела ни къ чему и должна была уничтожиться передъ этою единственною, въ своемъ родѣ, мѣрою, тѣмъ болѣе странною, что число лѣтъ ученія прибавлялось въ институтѣ постепенно, вслѣдствіе указаній опыта, по мѣрѣ распространенія курса, а не вслѣдствіе теоретическихъ соображеній.

Мѣра эта сказалась очень скоро. Уже 1863 годъ, первый по преобразованію, показалъ, что въ учебной части появилась нѣкоторая неудовлетворительность; иначе, не зачѣмъ бы было прибавлять уроковъ по математикѣ, черченію и т. д. Въ 1864 году необходимость заставила переводить въ высшіе классы съ нѣкоторыми послабленіями ¹⁾ и, не смотря на это, число оставшихся въ классахъ было гораздо значительнѣе прежнихъ лѣтъ; въ 1865 году, не только ближайшее начальство института, но и попечитель, сенаторъ Геденовъ, посѣщая классы и особенно присутствуя на экзаменахъ, не могли не замѣтить нѣкотораго упадка ученія и меньшую, противъ прежняго, развитость воспитанниковъ. Число оставшихся въ классахъ значительно увеличилось, а число перешедшихъ въ высшіе классы значительно уменьшилось, даже противъ 1864 года. Такъ, какъ мы уже видѣли, первыхъ въ 1864 году было 34, а въ 1865—45; вторыхъ уменьшилось съ 183 на 157. Сокращеніе числа лѣтъ ученія и устраненіе нѣкоторыхъ предметовъ общаго образованія изъ круга предметовъ обязательныхъ—повели къ ослабленію и предметовъ специальныхъ, чему доказательствомъ служить то, что, вмѣсто 4 балловъ, принятыхъ комитетомъ для специальныхъ предметовъ при переводахъ изъ класса въ классъ, пришлось ограничиться только 3,5 и даже 3 баллами. Не можемъ тутъ не прибавить, что, по нашему убѣжденію, комитетъ сдѣлалъ двойную ошибку въ данномъ имъ направленіи учебной части института: съ одной стороны, принимая мальчиковъ 12 лѣтъ, даже, еслибы и съ тѣми познаніями, которыя требовалъ комитетъ и которыхъ, впрочемъ, въ дѣйствительности у нихъ никогда не было, институтъ не имѣлъ никакого права лишать этихъ мальчиковъ прочнаго общаго образованія; съ другой—комитетъ отвергъ ту неопровержимую истину, что чѣмъ болѣе развитъ мальчикъ и юноша на предметахъ общаго образованія, тѣмъ способнѣе молодой человѣкъ къ изученію предметовъ специальныхъ.

Великая заслуга попечителя учебному дѣлу института была въ

¹⁾ Дѣло института 1864 года, № 23-й: протоколъ конференціи 3-го августа.

томъ, что онъ во-время замѣтилъ ненормальный ходъ его и принялъ мѣры къ измѣненію его направленія, о чемъ мы и скажемъ ниже.

Такимъ образомъ, учебная часть института въ 1865 году, сравнительно съ 1861 годомъ, была нѣсколько ослаблена.

Теперь перейдемъ къ положенію института въ нравственномъ отношеніи.

Такъ какъ въ закрытомъ заведеніи нравственная часть неизменно находится въ прямой зависимости отъ части административной, то, для яснаго пониманія первой, необходимо разсмотрѣть, какъ дѣленіе воспитанниковъ, такъ и составъ административныхъ лицъ за это время. Воспитанники института дѣлились по прежнему на инженерное отдѣленіе изъ 2 инженерныхъ классовъ; 1-ю роту, изъ землемѣрныхъ, и 2-ю роту, изъ приготовительныхъ классовъ. Всѣ эти отдѣлы, состояли въ завѣдываніи старшихъ офицеровъ, на правахъ ротныхъ командировъ, въ помощь коимъ были приганы офицеры, завѣдывавшіе классами.

Инженерное отдѣленіе и роты находились въ довольно раздѣльныхъ помѣщеніяхъ, особенно первое, такъ что принципъ раздѣленія возрастовъ былъ примѣненъ въ достаточной степени.

Классные офицеры были, по преимуществу, изъ армейскихъ офицеровъ, такъ что составъ ихъ, противъ состава 1856 года, когда большая часть институтскихъ офицеровъ была изъ межевыхъ инженеровъ, значительно измѣнился. Можетъ быть, это происходило отъ того, что межевые инженеры, окончившіе курсъ въ IX-мъ классѣ, прежде всего были необходимы, какъ учителя и репетиторы, и неохотно шли въ ротные офицеры, ибо матеріальное положеніе послѣднихъ было несравненно хуже положенія учителей изъ межевыхъ чиновъ. Ротные офицеры несли свою многотрудную службу, съ весьма частыми дежурствами, за одно жалованье по чину, съ увеличеніемъ онаго до полуторнаго и двойнаго оклада; только за прослуженіе при институтѣ 5 и 10 лѣтъ, что для самаго старшаго изъ нихъ, въ чинѣ капитана, не составляло и 900 рублей. Учители же, изъ межевыхъ инженеровъ, производились въ штабъ-офицеры, пользовались жалованьемъ по чинамъ, съ тѣми же прибавками за 5 и 10 лѣтъ, что уже, напримѣръ, для полковника, составляло 1,500 рублей и, кромѣ того, получали вознагражденіе за преподаваніе, иногда довольно значительное. Такимъ образомъ, относительно немалой части офицеровъ, по словамъ отчета директора за 1865 годъ, нельзя было не сказать, что они только носили названіе классныхъ офицеровъ, не оказывая никакой

помощи воспитанникамъ въ ихъ ученіи, что, конечно, было вредно, не только въ учебномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ воспитатели института были вообще люди честные и благонамѣренные и такъ какъ въ институтѣ существовали добрыя преданія, которыя, во всякомъ заведеніи, а тѣмъ болѣе въ закрытомъ, весьма важны, то нравственность воспитанниковъ была лучшею изъ всѣхъ частей института и по, словамъ того же отчета: „оставаться ею довольнымъ было весьма можно“. Такое состояніе института въ нравственномъ отношеніи новый директоръ въ особенности приписывалъ отличному и продолжительному управленію двухъ его предшественниковъ, вкоренившихъ честь и честность у воспитанниковъ. Дѣйствительно, и цифровыя данныя подтверждаютъ этотъ отзывъ. Изъ разсмотрѣнія послѣднихъ трехъ лѣтъ—1863, 1864 и 1865—оказывалось, что въ 1863 году было воспитанниковъ:

Отличнаго поведенія	5,43%
Очень хорошаго	37,60%
Хорошаго	34,88%
Удовлетворительнаго	20,54%
Посредственнаго	1,55%

Въ 1864 году:

Отличнаго поведенія	6,15%
Очень хорошаго	38,85%
Хорошаго	31,15%
Удовлетворительнаго	20,00%
Посредственнаго	3,85%

Въ 1865 году:

Отличнаго поведенія	6,55%
Очень хорошаго	30,89%
Хорошаго	32,82%
Удовлетворительнаго	28,57%
Посредственнаго	1,16%

Исключено было изъ заведенія за всѣ эти годы, собственно за дурное поведеніе, только 4 человѣка, что составляетъ среднимъ числомъ въ годъ $1\frac{1}{3}$ чел., или только 0,50% на 260 человѣкъ. Стало быть, нравственная часть была въ весьма удовлетворительномъ состояніи.

Часть хозяйственная и за эти годы, какъ и за предыдущіе, была слабѣйшею въ институтѣ. Несмотря на то, что въ теченіе слишкомъ 25-ти лѣтъ всѣ директора жаловались на недостатокъ отпускаемыхъ суммъ, на эти жалобы, какъ на хроническую болѣзнь, при которой институтъ существовалъ однако же довольно исправно, никто не обращалъ вниманія. Исправность эта заключалась въ томъ, что институтское начальство никогда не жалѣло денегъ на ученіе и на пищу воспитанниковъ. Прочіе же предметы хозяйства, по недостатку средствъ, не могли идти какъ слѣдовало. Для доказательства, что отпускавшихся суммъ дѣйствительно было мало, не было надобности входить въ сравненіе съ прочими, неоднородными институту заведеніями; стоило сравнить только суммы института съ суммами сроднаго ему заведенія—школы межевыхъ топографовъ, чтобы убѣдиться въ этой недостаточности. Такимъ образомъ, за исключеніемъ содержанія личнаго состава и платы учителямъ, школѣ на 330 воспитанниковъ отпускалось 99,997 рублей 24 коп., а институту на 260 воспитанниковъ 71,776 рублей 56 коп., т. е., въ школѣ на каждого воспитанника приходилось по 303 рубля 2 коп. съ долями, а въ институтѣ только по 276 рублей 6 коп. съ долями.

Въ началѣ 1865 года попечитель писалъ директору ¹⁾:

„Въ 1861 году, въ институтѣ были временно допущены, въ видѣ опыта, нѣкоторыя преобразованія по учебной части, сущность коихъ заключалась: а) въ уничтоженіи младшихъ приготовительныхъ классовъ и б) въ направленіи преподаванія въ землемѣрныхъ классахъ (4, 5 и 6) такимъ образомъ, чтобы наиболѣе способные воспитанники могли быть переведены въ инженерные классы, а остальные поступить на службу.

„Имѣвъ случай убѣдиться, въ бытность мою въ Москвѣ, что эти измѣненія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не только не принесли ожидаемой отъ нихъ пользы, но даже имѣли неблагоприятное вліяніе на ходъ обученія, поставляю долгомъ покорнѣйше просить подвергнуть вопросъ о преобразованіи учебной части, согласно лично даннымъ мною указаніямъ, тщательному обсужденію въ конференціи института и потомъ внести ваши предположенія въ учебный совѣтъ, который долженъ ихъ рассмотреть и представить мнѣ съ своимъ заключеніемъ“.

¹⁾ Дѣло 1865 года, № 35.

Личныя указанія попечителя состояли въ слѣдующемъ:

а) Для окончанія землемѣрнаго курса, вмѣсто полагавшихся для сего пяти лѣтъ, назначить шесть, образовавъ шесть классовъ, съ тѣмъ, чтобы первые четыре класса были посвящены, если не исключительно, то по возможности, приготовительному или общему образованию, а послѣдніе два преподаванію предметовъ, специальныхъ для землемѣра;

б) Курсъ ученія въ землемѣрномъ отдѣленіи направить такимъ образомъ, чтобы главною его цѣлію было образование свѣдущихъ землемѣровъ, а не одно только приготовленіе къ слушанію курса въ инженерныхъ классахъ, какъ это было постановлено въ комитетѣ; и

в) Приемъ въ будущій младшій приготовительный классъ вновь поступающихъ оставить на тѣхъ условіяхъ, какія были опредѣлены комитетомъ, какъ относительно возраста, такъ и познаній.

Такимъ образомъ, главная мысль попечителя заключалась въ отдѣленіи преподаванія специальныхъ предметовъ отъ преподаванія общеобразовательныхъ и въ предоставленіи на каждый предметъ достаточнаго времени для его изученія.

Мысль эту удалось осуществить вполнѣ только въ курсу 1867—1868 года. Къ началу же учебнаго 1865—1866 года сдѣлано слѣдующее: 1) исходя изъ положенія, что изученіе специальности межеваго дѣла, какъ и вообще всякой специальности, будетъ тѣмъ успѣшнѣе, какъ относительно полноты преподаванія, такъ и по большому числу успѣвающихъ, чѣмъ приготовительное ученіе будетъ основательнѣе, начальство института рѣшилось значительно увеличить время, назначенное на такъ называемый приготовительный или общеобразовательный курсъ, что и обсудить тщательно впоследствии; для перваго же приступа къ этому дѣлу, конференція постановила:

1) Прибавить, или лучше сказать, возстановить временно закрытый I-й классъ.

2) Ввести обязательное обученіе обоимъ иностраннымъ языкамъ въ приготовительномъ отдѣленіи, ибо опытъ показалъ, что необязательное обученіе не ведетъ ровно ни къ какимъ результатамъ, а раздѣленіе воспитанниковъ, избравшихъ французскій языкъ, отъ избравшихъ нѣмецкій, въ разныя отдѣленія одного и того же класса, такъ какъ нельзя иначе осуществить это безъ крайняго ежедневнаго безпорядка, было невозможно для института какъ по неимѣнію денежныхъ для этого средствъ, такъ и помѣщенія.

3) Измѣнить преподаваніе исторіи введеніемъ ея въ число предметовъ обязательныхъ.

По постановленію комитета 1861 года, занятія воспитанниковъ по исторіи ограничивались только слушаніемъ лекцій, причемъ отъ нихъ не требовалось никакого отчета, что повело къ тому, что у нихъ не было никакого знанія. Нераціональность этого порядка, почти съ самаго начала введенія его, пришлось устранять тѣмъ, что если и не дѣлалось экзамена изъ общей исторіи, то производились въ теченіе года спрашиванія, чѣмъ хотя отчасти придавался чтеніямъ изъ оной характеръ учебнаго дѣла, а не простаго времяпровожденія, имѣющаго мало воспитательнаго значенія. Поэтому, съ курса 1865—1866 года положено ввести обязательное изученіе исторіи общей, начавъ преподаваніе оной съ III класса и назначивъ для сего два урока или три часа.

4) Во II и III классахъ ввести по одному уроку ситуациі. Уничтоженіе въ младшихъ классахъ занятія ситуациі повело къ тому, что вообще успѣхи воспитанниковъ по этому предмету и въ старшихъ классахъ стали слабѣе, что очень понятно, ибо для усвоенія навыка къ изображенію характера мѣстности нужно довольно продолжительное время.

5) Прибавить во II и III классахъ по одному уроку изъ закона Божія. Это прибавленіе было вызвано какъ заявленіемъ преподавателя о невозможности основательно пройти положенный курсъ, такъ и вообще для усиленія преподаванія закона Божія.

6) На курсъ 1865—1866 года переходный порядокъ преподаванія ввести только въ трехъ младшихъ классахъ, согласно составленному конференціею распредѣленію предметовъ, а IV, V и VI классы оставить при прежнемъ распредѣленіи предметовъ, и

7) Инженерное отдѣленіе, которое вообще устроено было достаточно правильно, оставить также при прежнемъ распредѣленіи учебныхъ предметовъ.

Составленный на этомъ основаніи перечень уроковъ на курсъ 1865—1866 года, рассмотрѣнный въ учебномъ совѣтѣ и утвержденный попечителемъ, показанъ въ слѣдующей таблицѣ:

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.								Всего.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	
Законъ Божій	2	2	2	1	1	1	1	1	11
Русскій языкъ	4	3	3	2	2	1	—	—	15
Исторія русской литера- туры	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Французскій языкъ	3	3	2	2	2	2	2	2	18
Нѣмецкій языкъ	3	2	2	—	—	5	—	—	12
Географія	2	3	2	1	—	1	—	—	9
Статистика	—	—	—	—	—	—	2	1	3
Исторія общая	—	—	2	—	2	2	—	—	6
Исторія русская	—	—	—	1	2	—	—	—	3
Ариѳметика	3	3	—	—	—	—	—	—	6
Геометрія	2	2	3	3	—	1	—	—	11
Алгебра	—	2	3	3	2	1	—	—	11
Тригонометрія на плос- кости	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Аналитическая геометрія .	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Повтореніе математики . .	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Сферическая тригономе- трія	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Высшая алгебра	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Дифференціальныя и ин- тегральныя исчисленія .	—	—	—	—	—	—	1	2	3
Теорія вѣроятностей . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Геодезія	—	—	—	2	2	2	2	4	12
Математическая географія .	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Астрономія	—	—	—	—	—	—	2	2	4
Законовѣдѣніе	—	—	—	1	1	1	—	—	3
Межевые законы	—	—	—	2	2	2	1	1	8
Физика съ механикою . . .	—	—	—	1	2	1	—	—	4
Химія	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Таксація съ естественны- ми науками	—	—	—	2	2	1	—	1	6
Магнитныя и метеороло- гическія наблюденія . . .	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Минералогія и геогнозія .	—	—	—	—	—	—	—	2	2

К Л А С С Ы:

ПРЕДМЕТЫ:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Каллиграфія	3	2	2	1	1	—	—	—	9
Ситуація и черченіе пла- новъ	—	1	2	2	3	3	2	2	15
Линейное черченіе	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Рисованіе	2	1	1	—	—	—	—	—	4
Итого	24	24	24	24	26	24	20	21	187

Примѣчаніе. Кромѣ того, танцы и гимнастика для всѣхъ; пѣніе для желающихъ; грузинскій и татарскій языки для закавказскихъ и законъ Божій для иновѣрныхъ воспитанниковъ.

Экзамены въ 1866 году были произведены съ 15-го апрѣля по 8-е іюня, но для всѣхъ классовъ безъ исключенія.

По постановленію комитета 1861 года, экзамены были назначены только въ старшихъ инженерномъ, землемѣрномъ и приготовительномъ классахъ; въ прочихъ же классахъ сужденіе объ успѣхахъ воспитанниковъ и о той мѣрѣ, въ какой они усвоили себѣ весь пройденный годичный курсъ, производились по отвѣтамъ, получаемымъ за отвѣты при спрашиваніи преподавателемъ или репетиторомъ, во время класса или репетиціи. Хотя и нельзя отвергать основательности подобнаго сужденія, но какъ съ одной стороны, времени на экзамены было назначено весьма достаточно, такъ что воспитанники могли повторить передъ испытаніемъ изъ каждаго предмета все пройденное въ теченіе года и тѣмъ усвоить себѣ предметъ во всей цѣлости, а съ другой, такъ какъ опытъ показалъ, что единственная желательная цѣль, которой думали достигнуть уничтоженіемъ экзаменовъ въ нѣкоторыхъ классахъ, именно, продолженіе времени годичнаго ученія, не достигалась, ибо преподаватели были постоянно отвлекаемы отъ классныхъ занятій присутствіемъ на оставленныхъ экзаменахъ,—то начальство института и рѣшилось возстановить экзамены во всѣхъ классахъ. Мѣра эта была попечителемъ одобрена.

Полевые занятія производились обыкновеннымъ порядкомъ съ 16-го іюня по 6-е августа.

Результаты экзаменовъ 1866 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 6 экстерновъ:

Выпущено на службу:

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ	3
Прапорщиками межевыхъ инженеровъ	17

Прапорщиками межевыхъ топографовъ	4
Младшими землеѣрными помощниками: съ чиномъ	
XIV класса.	12
безъ чина	1
Исключено за малоуспѣшность	3
Возвращено роднымъ	4
Переведено въ старшіе классы.	182
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	40

На мѣсто выбывшихъ, поступило вновь по приѣмному экзамену 21 человекъ въ 1-й классъ. Хотя выборъ былъ сдѣланъ почти изъ 100 человекъ кандидатовъ, но тѣмъ не менѣе, въ отчетѣ за 1866 годъ директоръ писалъ: „Поступившіе мальчики въ нравственномъ отношеніи болѣею частію, хороши, и отступленіе отъ этого замѣчалось, по преимуществу, только въ тѣхъ, которые побывали уже въ другихъ заведеніяхъ; но нельзя того же сказать относительно подготовки ихъ къ слушанію курса. Неподготовка эта весьма затрудняла и въ минувшемъ году и въ нынѣшнемъ“.

Отмѣтимъ послѣдовавшія въ это время перемены относительно содержанія воспитанниковъ и распредѣленія дня. До 1866 года институтъ освѣщался масляными лампами. При неминуемомъ недостаткѣ свѣта отъ этого освѣщенія, многіе воспитанники страдали глазами отъ сильнаго напряженія зрѣнія. Въ 1866 году построенъ свой небольшой газовый заводъ и замѣчено, что съ введеніемъ газоваго освѣщенія глазныя болѣзни почти исчезли.

До этого года воспитанники получали: утромъ чай съ булкой; въ часъ обѣды изъ трехъ блюдъ, изъ коихъ одно непременно мясное и вечеромъ чай съ булкой и черный хлѣбъ съ чухонскимъ масломъ. Это оказалось неудобнымъ, по значительнымъ промежуткамъ между принятіемъ пищи. Съ конца 1866 года введенъ слѣдующій порядокъ: утромъ чай съ булкой; въ часъ обѣды изъ трехъ блюдъ; въ 5¹/₂ часовъ чай съ булкой; въ 9 часовъ ужинъ изъ двухъ блюдъ. Какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ одно блюдо непременно мясное и мяса отпускалось на каждаго воспитанника отъ 85 до 87 золотниковъ. Въ замѣнъ бывшаго распредѣленія уроковъ въ теченіе дня введенъ слѣдующій:

Отъ 7	до 8 ¹ / ₂	часовъ утра	приготовленіе уроковъ.
„ 8 ¹ / ₂	„ 11 ¹ / ₂	„	два урока.
„ 2	„ 3 ¹ / ₂	„	приготовленіе уроковъ.
„ 4	„ 7	„	два урока.

Утренніе уроки назначались, по преимуществу, для предметовъ математическихъ и спеціальныхъ, а послѣобѣденныя для предметовъ общихъ. Это распредѣленіе обусловливалось въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что общіе предметы читались въ институтѣ учителями гимназическими, которые были свободны только послѣ 3-хъ часовъ по полудни.

Больныхъ воспитанниковъ въ 1866 году перебивало въ лазаретѣ 305; выздоровѣло 301; умерло 2; осталось къ 1867 году 2.

Суммъ по смѣтѣ было отпущено въ 1866 году 102,029 рублей 83 $\frac{1}{4}$ коп., которые всѣ и израсходованы.

Вслѣдствіе упомянутаго выше предложенія попечителя, весь учебный 1865—1866 годъ прошелъ въ обсужденіяхъ новаго учебнаго плана для института. Потребовался пересмотръ программъ, особенно по предметамъ общимъ, и, главное, опредѣленіе продолжительности всего учебнаго времени.

Такъ какъ эти сужденія, происходившія во многихъ засѣданіяхъ конференціи института и учебнаго совѣта, имѣютъ свою поучительную сторону, то мы изложимъ сущность ихъ въ нѣкоторой подробности.

Для опредѣленія числа уроковъ на каждый предметъ, предварительно было поручено каждому преподавателю составить краткія программы по своему предмету и опредѣлить какъ число уроковъ необходимое для выполненія этихъ программъ, такъ и распредѣленіе ихъ по классамъ. Въ засѣданіи конференціи 7-го декабря 1865 года¹⁾ по обсужденіи этихъ программъ и выслушаніи мнѣнія каждаго учителя, члены конференціи и присутствующіе преподаватели пришли къ тому заключенію, что хотя назначенное число уроковъ на каждый предметъ есть почти наименьшее, для успѣшнаго его преподаванія, но размѣстить эти уроки на четыре года притототельнаго и на два года спеціального, въ землемѣрныхъ классахъ, образованія, нѣтъ ни какой возможности, и что для того, чтобы пройти назначенныя въ притототельномъ курсѣ предметы въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ это необходимо для успѣшнаго слушанія курсовъ спеціальныхъ, требуется, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ на притототельныя и два года на спеціальныя землемѣрные классы.

Сообразно съ этимъ заключеніемъ и было составлено распредѣленіе уроковъ для общихъ и землемѣрныхъ классовъ; инженерныя

¹⁾ Протоколъ конференціи института.

же классы оставлены безъ измѣненія, ибо очевидно, что тутъ дѣло шло не о предметахъ специальныхъ, преподаваніе которыхъ въ институтѣ получило полную опредѣленность, а о предметахъ общихъ, преподаваніе коихъ началось въ приготовительныхъ классахъ, частію продолжалось и въ землемѣрныхъ и уже совсѣмъ превращалось въ инженерныхъ классахъ. Между тѣмъ составленное такимъ образомъ однѣми институтскими силами распредѣленіе уроковъ и, слѣдовательно, могущее быть одностороннимъ, требовалось поддержать сравненіемъ съ другими заведеніями, преслѣдующими также какъ и институтъ обще-образовательныя цѣли.

Для этого составлены были: а) сравнительная таблица числа часовъ, назначенныхъ на каждый предметъ въ гимназіяхъ реальныхъ, классическихъ и военныхъ; въ институтѣ назначенныхъ на курсъ 1858—1859 года, то-есть, до преобразованія учебной части, на курсъ 1861—1862 года, когда введено было преобразование и, наконецъ, предполагаемаго въ институтѣ на будущее время; и б) сравнительная таблица краткихъ программъ по каждому предмету, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ институтѣ, преподававшихся въ упомянутые курсы, а равно и предположенныхъ на будущее время.

По прочтеніи программъ и сличеніи числа часовъ, назначенныхъ на ихъ выполненіе, оказалось слѣдующее:

По закону Божію. Требованіе программъ реальныхъ гимназій и института почти одинаковое, почему и число часовъ въ институтѣ на законъ Божій предположено назначить равное съ гимназіями и именно 18 (въ гимназіяхъ $17\frac{1}{2}$).

По русскому языку. Число часовъ въ реальныхъ гимназіяхъ $31\frac{1}{2}$; въ классическихъ 30; въ военныхъ 30; въ институтѣ въ 1858—1859 г. — $25\frac{1}{2}$; въ 1861—1862—21; предназначено $27\frac{1}{2}$.

По иностраннымъ языкамъ. При сужденіи о преподаваніи сихъ языковъ было обращено вниманіе гг. присутствующихъ на то обстоятельство, что въ учебномъ совѣтѣ еще въ 1865 году возникалъ уже вопросъ, слѣдуетъ ли обучать воспитанниковъ института французскому и нѣмецкому языкамъ, или только одному изъ нихъ, и что въ послѣднемъ случаѣ, затруднительно было бы отдать преимущество тому или другому, ибо лучшія сочиненія по математикѣ писаны на французскомъ, а по геодезіи на нѣмецкомъ языкѣ и что вообще, желательно бы было, чтобы были преподаваемы для воспитанниковъ оба означенные языка. По этимъ уваженіямъ и гг. присутствующіе рѣшили, что было бы полезно оставить въ институтѣ

этого опредѣленія и полагали, что на подготовительный курс достаточно четырехъ лѣтъ.

Противъ этого, то-есть въ пользу пятилѣтняго подготовительнаго курса, было представлено слѣдующее:

1) Такъ какъ вообще наши программы и требованія подготовительнаго или общаго образованія весьма близко подходятъ къ требованіямъ реальныхъ гимназій и какъ познанія поступающихъ въ институтъ могутъ быть приравнены познаніямъ II-го класса гимназій, то нѣтъ, казалось бы и намъ, причинъ предполагать, что мы можемъ сдѣлать въ 4 года то, что въ гимназіяхъ дѣлается въ пять лѣтъ; что намъ, напротивъ, слѣдуетъ желать прибавки шестаго года для общаго образованія, ибо хотя къ намъ и поступаютъ мальчики въ 12 и 13 лѣтъ, но далеко не съ тѣми познаніями, которые имѣютъ гимназисты этого же возраста, переходящіе изъ II-го въ III-й классъ. Гимназистъ имѣетъ за собою два года правильнаго ученія, тогда какъ поступающій къ намъ воспитанникъ часто, какъ намъ всѣмъ извѣстно, не готовится къ приемному экзамену и полугода. (Что дѣйствительно поступающіе въ институтъ не имѣютъ далеко тѣхъ познаній, какія требуются по вступительной программѣ, и что большая часть изъ нихъ весьма неразвита,—это подтвердили и всѣ присутствующіе преподаватели, сами производящіе экзамены).

2) Что послѣ сдѣланнаго подробнаго разсмотрѣнія объема преподаванія каждаго предмета, ни этого объема, въ избѣжаніе поверхностнаго, а слѣдовательно, и безплоднаго ученія, ни назначеннаго на каждый предметъ числа уроковъ уменьшить нельзя; что, еслибы даже и являлась возможность уложить въ четыре года то, на что теперь предназначено пять лѣтъ, то великая разница для усвоенія преподаннаго и для развитія воспитанника между четырьмя и пятью годами ученія и что въ дѣйствительности, для большей части воспитанниковъ эти четыре года обратятся тогда сами собою въ пять, ибо не мѣшаетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, сколько воспитанниковъ, при нынѣшнемъ быстромъ ученіи, остаются въ классахъ на второй годъ и сколько переводятся съ разными послабленіями, и

3) Наконецъ, докторъ института заявилъ, что онъ считаетъ вреднымъ и для здоровья, и для физическаго развитія воспитанниковъ, то крайнее напряженіе умственныхъ способностей и долгое сидѣніе въ классахъ, которое будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ скорого уче-

нѣя, и что онѣ, какъ медикъ, возстаютъ противъ сокращенія пяти лѣтъ ученя.

Хотя оба изъ возражавшихъ остались при своемъ заключеніи и подали отдѣльныя мнѣнія, но замѣтимъ, что эти мнѣнія принадлежали преподавателямъ старшихъ классовъ, одного по геодезіи, а другаго по высшей математикѣ, не имѣвшимъ близкаго знакомства съ учениками приготовительныхъ классовъ.

Въ первомъ мнѣніи, нельзя было не согласиться съ тѣмъ, что прибавляя снизу одинъ годъ ученя, было бы полезно убавить одинъ годъ изъ лѣтъ приѣма, то-есть, принимать съ 11-ти лѣтъ, что впоследствии въ институтѣ и сдѣлано.

Второе мнѣніе, полагая правильнымъ предпослать специальному образованію института полное общее образование реальныхъ гимназій, въ томъ случаѣ, еслибы институтъ состоялъ изъ однихъ специальныхъ классовъ, подобно институтамъ Горному и Путей Сообщенія, въ то же время, предполагало возможнымъ урѣзать это общее образованіе при настоящей организаціи института только потому, что въ институтѣ въ одномъ заведеніи совмѣстно находились и спеціальныя и общеобразовательныя классы. Какъ видно, такое предположеніе, отчасти, произошло отъ неточнаго взгляда на тогдашнія реальныя гимназіи, которыя были наполнены исключительно одними предметами общаго образованія и могли служить только приготовительными заведеніями для специальныхъ. Поэтому-то конференція института того времени, принимая въ число своихъ воспитанниковъ дѣтей съ весьма ограниченными первоначальными познаніями и стремясь преподавать имъ общее образованіе въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ оно преподавалось въ тогдашнихъ общеобразовательныхъ реальныхъ гимназіяхъ, рѣшила оставить для приготовительныхъ и землемѣрныхъ классовъ 7 лѣтъ ученя.

Означенное предположеніе конференціи института, о новомъ планѣ ученя было представлено въ учебный совѣтъ. Туда же были внесены и заключенія о томъ же предметѣ школы межевыхъ топографовъ, которая, впрочемъ, разошлась съ институтомъ, назначивъ на общій и землемѣрный курсъ только 6 лѣтъ и мотивируя такое назначеніе ¹⁾, во 1-хъ тѣмъ, что общее образованіе не должно составлять существенной задачи межевыхъ учебныхъ заведеній и что на классы общаго образованія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на мѣру временную, вызванную

¹⁾ Протоколъ конференціи школы марта 8-го, 1866 года.

особыми условиями“, и во 2-х тѣмъ, что съ прибавленіемъ I класса, требованія относительно лѣтъ и познаній для поступления въ него остались тѣ же, какія были и для прежняго младшаго класса.

„Сверхъ того,—было сказано въ протоколѣ школы,—конференція раздѣляетъ вполнѣ мнѣніе и современныхъ представителей педагогій, утверждающихъ, что недостатокъ, замѣчаемый у насъ въ дѣльныхъ специалистахъ, происходитъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ энциклопедичности устройства нашихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, дающихъ, въ силу этого, поверхностныхъ всезнаекъ и фразеровъ, и что наука, какъ бы она ни была специальна, имѣетъ всегда общеобразовательное вліяніе на наши умственные способности, ибо каждая наука представляетъ болѣе или менѣе стройную систему извѣстнаго рода знаній и этимъ самымъ дѣйствуетъ на общее развитіе нашихъ духовныхъ силъ и, нѣтъ сомнѣнія, что гораздо болшую пользу вынесетъ учащійся, трудясь надъ усвоеніемъ меньшаго числа наукъ, чѣмъ изъ поверхностнаго скопленія по множеству разнообразныхъ предметовъ. Онъ увидитъ впоследствии, какія познанія ему еще необходимы и найдетъ средство и съумѣетъ самъ пріобрѣсти ихъ. Наконецъ, не будетъ и тогда бѣды, когда у насъ образуются и такіе специалисты, которые будутъ знать исключительно свое дѣло“.

Въ учебномъ совѣтѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не составилось единогласнаго рѣшенія о числѣ лѣтъ ученія въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство членовъ примкнуло къ постановленію института, а нѣкоторые согласились съ мнѣніемъ школы. Равномѣрно не получили разрѣшенія и вопросы о преподаваніи таксаціи и иностранныхъ языковъ. Въ институтѣ желали основать преподаваніе таксаціи на правильномъ изученіи наукъ естественныхъ и обучать обонимъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, а въ школѣ предполагали ограничиться для таксаціи только необходимыми для нея свѣдѣніями изъ наукъ естественныхъ и однимъ иностраннымъ языкомъ. Послѣдствія показали, что мнѣніе конференціи школы, относительно преподаванія таксаціи было болѣе правильно.

Управляющій Межевымъ корпусомъ, для рѣшенія этихъ важныхъ вопросовъ, долженъ былъ собрать совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. На этомъ совѣтѣ ¹⁾ состоялись слѣдующія постановленія, или лучше сказать, рѣшенія управляющаго.

1-е. Относительно продолжительности общаго и земле-

¹⁾ Протоколъ учебнаго совѣта 8-го мая 1866 года.

мѣрнаго курса. Такъ какъ очевидно, что главная причина различія въ мнѣнiяхъ по сему предмету заключалась въ различiи взглядовъ двухъ сторонъ на воспитанниковъ, ежегодно вновь принимаемыхъ въ 1-й общiй классъ, ибо одна сторона утверждала, согласно съ опытомъ, что поступающiе мальчики не удовлетворяютъ требованiямъ приемныхъ программъ, а знаютъ гораздо менѣе, почему необходимо въ заведенiи проходить съ ними то, что они должны бы знать уже при поступленiи, а слѣдовательно, необходимо для нихъ и большее число лѣтъ ученiя; другая же сторона, хотя и признавала, что поступающiе вновь не удовлетворяютъ вполне требованiямъ, однако находила возможнымъ, удѣливъ часть курса на повторенiе, продолжать съ ними курсъ 1-го класса, — то разрѣшено:

Въ виду возможности поступленiя мальчиковъ, недостаточно подготовленныхъ, которые иногда должны приниматься для пополненiя комплекта воспитанниковъ, директорамъ заведенiй, всякiй разъ, когда приемъ окажется неудовлетворительнымъ, входить административнымъ порядкомъ съ ходатайствомъ, объ открытiи временно низшаго пятаго класса, какъ отдѣленiя пригготовительнаго, съ которымъ и проходить тотъ курсъ, который требуется для поступленiя въ 1-й классъ.

2) Относительно способа преподаванiя таксацiи.

Управляющiй, по выслушанiи всѣхъ мнѣнiй, объяснилъ: что цѣль введенiя преподаванiя этого предмета есть чисто практическая, указываемая потребностями служебными, встрѣчающимися межевымъ чинамъ при размежеванiи чрезполосныхъ земель и обмѣнѣ одной земли на другую, для чего необходима оцѣнка земель и дохода ими приносимаго; что, поэтому, должно бы ограничить курсъ таксацiи существенно необходимымъ и изъ естественныхъ наукъ брать только то, что нужно для таксацiи; но, какъ нельзя не желать, чтобы преподаванiе таксацiи имѣло твердое основанiе въ наукахъ естественныхъ, которiя до сихъ поръ, только по недостатку времени, преподавались не отдѣльно, а въ формѣ введенiя въ таксацiю, то, при общемъ распредѣленiи всего порядка ученiя, желательно бы ввести въ общихъ классахъ и преподаванiе наукъ естественныхъ, которое, съ одной стороны, удовлетворяло бы потребностямъ общаго образованiя, а съ другой — дѣлало бы возможнымъ болѣе основательное изученiе таксацiи въ классахъ землемѣрныхъ, и

3) Относительно преподаванiя иностранныхъ языковъ.

Управляющiй предложилъ, при общемъ распредѣленiи курса уче-

нія по классамъ, принимать въ соображеніе пользу и важность преподаванія обоихъ языковъ; но допустить изученіе ихъ всеми воспитанниками только въ такомъ случаѣ, если это не стѣснитъ преподаванія другихъ болѣе важныхъ предметовъ; если же преподаваніе обоихъ языковъ заставитъ уменьшить число часовъ на основные предметы, то ограничиться обязательнымъ изученіемъ только одного иностраннаго языка.

Такимъ образомъ, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, существенно важный вопросъ о числѣ лѣтъ для общаго образованія былъ разрѣшенъ, по крайней мѣрѣ для института, въ пользу пяти лѣтъ и съ тѣхъ поръ институтъ не отказывался отъ своего права имѣть приготовительный классъ ни на одинъ годъ. Школа осталась при 4-хъ годахъ на общее образованіе.

Число уроковъ, выработанное конференціею института и утвержденное помещителемъ на каждый предметъ и классъ, было слѣдующее:

Е Л А С С Ы.

ПРЕДМЕТЫ.	При- готов.	Классы						Итого Урок.	Итого Урок.			Всего.
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.		VII.	VIII.		
Законъ Божій	2	2	2	2	2	1	1	12	1	1	2	14
Русскій языкъ	4	4	3	2	2	1	1	17	—	—	—	17
Французскій языкъ	3	3	2	2	2	1	1	14	2	2	4	18
Нѣмецкій языкъ	3	3	2	2	2	1	1	14	2	2	—	16
Географія	2	2	2	1	1	—	—	8	—	—	—	8
Статистика	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	3	3
Исторія общая	—	—	3	2	1	—	—	10	—	—	—	10
„ русская	—	—	—	2	2	—	—					
Ариметика	4	2	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—
Рѣшеніе задачъ	2	—	—	—	—	—	—					
Алгебра	—	2	3	2	—	—	—	7	—	—	—	—
Геометрія	—	2	3	2	2	—	—	9	—	—	—	—
Прямолинейная тригонометрія	—	—	—	—	1	1	—	2	—	—	—	—
Аналитическая геометрія	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	2	39
Повтореніе математики	—	—	—	—	—	1	2	3	—	—	—	
Высшая алгебра	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	
Сферическая тригонометрія	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	
Дифференціальныя и интегральныя исчисленія	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	4	—
Теорія вѣроятностей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—

ПРЕДМЕТЫ:	При- готов.	Б Л А С С Ы:								Итого уроков.	Итого уроков.	Всего.
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.			
Геодезія низшая	—	—	—	—	—	4	4	8	—	—	—	8
„ высшая	—	—	—	—	—	—	—	—	8	4	7	7
Математическая геогра- фія	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	2
Астрономія	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	4	4
Законовѣдѣніе	—	—	—	—	—	2	2	4	—	—	—	4
Межевые законы	—	—	—	—	—	3	3	6	1	1	2	8
Межевое дѣлопроизвод- ство	—	—	—	—	—	2	2	4	1	1	2	6
Физика	—	—	—	2	3	—	—	5	—	—	—	5
Химія	—	—	—	—	3	—	—	3	2	—	2	5
Естественная исторія	—	—	—	3	2	2	—	7	—	—	—	7
Таксація	—	—	—	—	—	2	3	5	—	1	1	6
Минералогія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2
Магнитныя наблюденія	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2
Чистописаніе	2	2	2	1	—	—	—	7	—	—	—	7
Ситуація и черченіе пла- новъ	—	1	1	1	1	3	3	10	2	2	4	14
Рисованіе	2	1	1	—	—	—	—	4	—	—	—	4
Итого уроковъ	24	24	24	24	24	24	26	170	22	22	44	214

Въ этомъ распредѣленіи, собственно на курсъ 1866—1867 года, были сдѣланы весьма незначительныя измѣненія: такъ, въ V-мъ и VI-мъ классахъ продолжалось чтеніе изъ русской литературы и было прибавлено по одному уроку изъ чистописанія во II-мъ и III-мъ классахъ. Такъ какъ съ курса 1865—1866 года новымъ порядкомъ поведены только низшіе три класса, а IV-й, V-й и VI-й оставлены на прежнемъ основаніи, то IV-го класса въ этомъ учебномъ 1866—1867 году не было; приговорительный же классъ былъ открытъ.

Въ составѣ учителей на новый курсъ произошли значительныя перемѣны: на мѣсто выбывшаго коллежскаго совѣтника Алексѣева, приглашенъ для высшей математики въ VII-й классъ профессоръ Московскаго университета Бугаевъ; для статистики, бывшій профессоръ статистики въ Ришельевскомъ лицей, Муравьевъ; для физики, инспекторъ 3-й Московской гимназій Вейнбергъ; для естественной исторіи, въ связи съ таксаціею, кандидатъ Московскаго университета Чарушинъ

и для общей исторіи профессоръ Московской духовной семинаріи Цвѣтковъ.

Экзамены съ 5-го апрѣля по 9-е іюня и практическія полевая занятія съ 17-го іюня по 1-е августа произведены въ 1867 году тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ минувшемъ.

Въ этомъ году лагерь института посѣтилъ товарищъ министра юстиціи графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ и осмотрѣлъ работы воспитанниковъ.

2-го августа 1867 года былъ Высочайше утвержденъ „Проектъ временныхъ правилъ о преобразованіи изъ военнаго въ гражданское устройство корпусовъ: путей сообщенія, лѣснаго и межеваго и телеграфнаго вѣдомства“, вслѣдствіе чего и выпускъ изъ института военными чинами прекращенъ, а служащіе въ институтѣ межевые штабъ и оберъ-офицеры переименованы въ гражданскіе чины. Это переименованіе, кромѣ перемѣны формы, не повлекло за собою никакихъ измѣненій, ибо устройство института и дѣленіе воспитанниковъ на роты осталось то же самое. Точно также и начальствующіе ими носили названіе ротныхъ командировъ и ротныхъ офицеровъ, хотя и имѣли гражданскіе чины.

Результаты экзаменовъ 1867 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 12 экстерновъ:

Выпущено на службу:

Старшими землемѣрными помощниками	25
Младшими землемѣрными помощниками, съ чиномъ XIV класса	9
Безъ чина	7
Исключено изъ заведенія за малоуспѣшность {	
воспитанниковъ	12
экстерновъ	1
Переведено въ слѣдующіе классы	195
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	15
Уволено по просьбѣ родныхъ для поступленія въ военныя училища изъ VII-го (5) и VI-го классовъ (3)	8

Воспитанникамъ VIII-го класса, выпущеннымъ на службу, чины назначены не были, впродъ до опредѣленія ихъ правъ.

Больныхъ въ лазаретѣ перебивало въ 1867 году 275; выздоровѣло 271; осталось 4.

По сметѣ на 1867 годъ было назначено 106,584 рубля 95 коп.,

которыя, за исключеніемъ 2 р. 32¹/₂ в., поступившихъ обратно въ казначейство, всѣ израсходованы.

Въ 1867 году совершены двѣ экспедиціи: одна въ г. Козловъ Тамбовской губерніи, другая на станцію Нижегородскую Рязанской желѣзной дороги,—межевными инженерами Троицкимъ и Ращковымъ съ двумя воспитанниками инженернаго класса Померанцевымъ и Неплюевымъ, съ ученою цѣлю, для наблюденій кольцеобразнаго солнечнаго затмѣнія.

Отчеты объ этихъ экспедиціяхъ напечатаны въ Математическомъ Сборникѣ за 1867 годъ, издаваемомъ Математическимъ Обществомъ въ Москвѣ.

Новый учебный 1867—1868 годъ прошелъ безъ всякихъ перемѣнъ. Въ теченіе его, не было V-го класса, такъ какъ въ предыдущемъ не было IV-го.

Какъ экзамены съ 11-го апрѣля по 5-е іюня, такъ и практическія полевая работы, съ 17-го іюня по 4-е августа, производились заведеннымъ порядкомъ.

Результаты экзаменовъ въ 1868 году были слѣдующіе:

Изъ экзаменовавшихся 260 воспитанниковъ и 1 экстерна:

Выпущено на службу:

Межевными инженерами: старшими землемѣрными помощниками	15
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса	1
Младшими землемѣрными помощниками: съ чиномъ XIV-го класса	16
Безъ чина экстернъ	1
Переведено въ высшіе классы	186
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	27
Исключено за неуспѣшность	1

По просьбамъ родныхъ:

а) Переведено въ военныя училища	12
б) Уволены изъ заведенія	2

Въ 1868 году, по поводу предоставленія права воспитанникамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія заниматься преподаваніемъ въ частныхъ домахъ, конференція института, по предложенію попечителя, рассмотрѣла вопросъ: въ какой мѣрѣ примѣнимо это право къ воспитанникамъ института, и пришла къ тому заключенію, что собственно въ институтѣ оно мо-

жетъ быть предоставлено только воспитанникамъ инженернаго отдѣленія, какъ имѣющимъ дозволеніе выхода изъ института каждагодневно; воспитанники же прочихъ классовъ этимъ правомъ пользоваться не могутъ, на томъ основаніи, что для нихъ институтъ есть заведеніе закрытое и они свободны только въ праздничные дни.

Составленныя, согласно съ этимъ, правила были утверждены попечителемъ.

Въ 1868 году умеръ институтскій врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Павловичъ Ивановъ, получившій гнойное зараженіе при производствѣ операціи одному изъ воспитанниковъ ¹⁾. Это была большая потеря: независимо отъ того, что Александръ Павловичъ былъ въ институтѣ старожиломъ, состоя съ 1841 года преподавателемъ физики, а съ 1861 года врачомъ и зналъ его отлично, такъ что приносилъ ему не мало пользы и какъ членъ конференціи, и какъ врачъ, онъ былъ и, какъ человекъ высоко-нравственный и безкорыстный; незамѣнимъ для института. Онъ не только зналъ натуру каждаго воспитанника, присматривалъ за ними здоровыми и ухаживалъ за больными, какъ за собственными дѣтьми; не только лечилъ всѣхъ служащихъ и ихъ семьи совершенно безвозмездно, но онъ не позволялъ даже, исключая случаевъ заразныхъ болѣзней, отправлять и служителей въ больницы. Часто видали его пробирающимся въ глубокую ночь въ подвальномъ этажѣ къ служительскимъ семьямъ, которымъ онъ и лекарства давалъ всегда на свои средства. Это былъ истинно добрый человекъ, о которомъ недаромъ всѣ, и въ особенности воспитанники, сожалѣли искренно. На его мѣсто былъ опредѣленъ, 17-го января 1868 года, врачомъ въ институтѣ статскій совѣтникъ Огневъ.

Больныхъ съ оставшимися перебивало въ лазаретѣ 286; выздоровѣло 284;—осталось въ 1869 году 2 воспитанника.

Суммъ поступило въ 1868 году 107,298 рублей 31 коп.; израсходовано 107,160 рублей $7\frac{3}{4}$ коп.; возвращено въ казну остаточныхъ 138 рублей $24\frac{1}{4}$ коп.

Въ учебномъ 1868—1869 году никакихъ перемѣнъ въ институтскомъ курсѣ не было. Въ началѣ года, вслѣдствіе возникшаго предположенія со стороны управляющаго Межевымъ корпусомъ о преобразованіи межевыхъ учебныхъ заведеній такимъ образомъ, чтобы институтъ составлялъ особое специальное межевое заведеніе, съ че-

¹⁾ Шейль, V-го класса.

тырехлѣтнимъ курсомъ ученія, а школа межевыхъ топографовъ — приготовительное для него заведеніе, съ шестилѣтнимъ курсомъ, приблизительно равнымъ курсу реальныхъ гимназій, но приспособленнымъ въ потребностямъ межевой специальности, — воспитанники приготовительнаго и 1-го классовъ института были переведены въ школу, а изъ школы были переведены въ институтъ V классъ, который и составилъ VI классъ института, ибо V класса въ минувшемъ учебномъ году не было.

Но предположеніе управляющаго о новомъ устройствѣ межевыхъ учебныхъ заведеній не состоялось, такъ какъ министръ юстиціи имѣлъ свои собственные виды относительно школы межевыхъ топографовъ и воспитанники приготовительнаго и 1-го классовъ были переведены изъ оной обратно въ институтъ, предъ самими экзаменами.

Экзамены съ 5-го апрѣля по 8-е іюня, а равно и практическія полевныя работы съ 17-го іюня по 4-е августа, производились въ 1869 году заведеннымъ порядкомъ.

Результаты экзаменовъ 1869 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 1-го экстерна:

Выпущено на службу:

Межевыми инженерами	23
Младшими землеѣрными помощниками:	
съ чиномъ XIV класса	17
безъ чина	2
Переведено въ слѣдующіе классы	186
Исключено за малуюспѣшность	2
Возвращено роднымъ по просьбамъ	22
Осталось въ тѣхъ же классахъ	9

Въ декабрѣ 1869 года въ институтѣ была освящена православная церковь пресвященнымъ Леонидомъ, викаріемъ Московскимъ. Судьба этой церкви замѣчательна. Еще въ 1850 году, Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ институтѣ, когда Ему былъ представленъ проектъ церкви, соизволилъ проектъ этотъ утвердить и одобрилъ мѣсто въ здании, предназначенное для церкви. Затѣмъ, хотя и много было переписки по этому дѣлу, но, по неизмѣннѣ сужью, проектъ этотъ такъ и оставался проектомъ до самаго 1867 года и единственный слѣдъ Высочайшаго утвержденія остался въ § 13 Устава института, изд. 1850 года, въ коемъ сказано: „При институтѣ находится церковь православнаго исповѣданія“.

Въ 1867 году служащіе въ институтѣ, въ благодарность Богу

за вторичное спасеніе жизни Государя Императора Александра Николаевича, 25-го мая того года, изъявили желаніе:

Вопервыхъ, устроить въ здании института церковь, на что, по собраніи достаточной суммы, испросить разрѣшенія начальства;

Вовторыхъ, церковь эту, во вниманіи къ тому, что землемѣрное училище, внослѣдствіи переименованное въ институтъ, открыто въ 1779 году 14-го мая, въ тотъ самый день, когда въ Москвѣ происходило торжество по случаю рожденія Великаго Князя Константина Павловича и въ честь Ея Высочества названо Константиновскимъ, — освятить во имя св. Царя Константина и матери его Елены; и въ третихъ, въ память же событія 25-го мая 1867 года, когда праздновалось Вознесеніе Господне, поставить въ церкви запрестольный образъ Вознесенія и сдѣлать въ алтарѣ приличную событію надпись.

Такъ какъ въ институтѣ въ то же время было собрано служащими болѣе 2-хъ тысячъ рублей на означенную церковь, то, съ разрѣшенія попечителя, и приступлено было къ ея устройству въ томъ самомъ залѣ, на который указалъ Императоръ Николай Павловичъ.

Въ сооруженіи церкви, по предложенію управляющаго Межевымъ корпусомъ, приняли участіе почти всѣ бывшіе питомцы института. Каждый изъ нихъ жертвовалъ, что могъ: кто рубль (50 и болѣе), а кто и одинъ рубль. При помощи этихъ пожертвованій, а равно и при значительномъ содѣйствіи избраннаго въ церковныя старосты, уличскаго купца 1-й гильдіи, Ивана Яковлевича Большакина, церковь была окончена и, съ благословенія святѣйшаго синода, какъ сказано выше, освящена въ 1869 году. Съ тѣхъ поръ и донинѣ на обновленіе и содержаніе церкви казенныхъ денегъ въ институтѣ не тратится.

Въ 1869 году больныхъ въ лазаретѣ института перебивало съ оставшимися 226 человекъ; выздоровѣло 228; осталось 3. Умеръ въ въ отпуску 1.

Сумма отпущено было 106,904 рубля 6 коп., которые, за исключеніемъ 131 рубля 49 коп., возвращенныхъ въ казначейство, и израсходованы.

Въ началѣ 1870 года сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Иванъ Михайловичъ Гедеоновъ былъ уволенъ отъ должности попечителя института ¹⁾.

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Иванъ Михайловичъ Гедеоновъ, сенаторъ, присут-

Онъ протѣлся съ институтомъ слѣдующимъ предписаніемъ директору и подвѣдомственнымъ ему чинамъ:

„Указомъ правительствующаго сената 24-го апрѣля сего года, и Высочайше уволенъ, согласно просьбы моей, отъ должности управ-

ствующій въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената и членъ главнаго военно-учебнаго комитета, состоящій въ генеральномъ штабѣ, дѣйствительный членъ совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества и помощникъ главнаго попечителя оного. Кавалеръ орденовъ: св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невского, Вѣлаго Орла, св. Владимира 2-й ст., св. Анны 1-й ст., Св. Станислава 1-й степени, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ на Георгіевской лентѣ и свѣтло-бронзовую медаль на Андреевской лентѣ, въ память войны 1853—1856 годовъ.

Иванъ Михайловичъ Гедсоновъ родился 6-го января 1816 года, происходитъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ службу вступилъ изъ фельдфебелей кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Волынской полкъ въ тысяча восемьсотъ тридцать пятомъ году. Затѣмъ, въ 1838 году поступилъ въ Императорскую военную академію. По выпускѣ оттуда, въ декабрь 1840 года, причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу въ 1-й резервный кавалерійскій корпусъ по части генеральнаго штаба, а въ 1842 году переведенъ въ генеральный штабъ капитаномъ. Въ томъ же году назначенъ состоять при 1 отдѣленіи департамента генеральнаго штаба; въ 1850 году, въ чинѣ подполковника, назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ военной академіи, съ оставленіемъ при департаментѣ, а въ 1851 году назначенъ инспекторомъ классовъ 2-го кадетскаго корпуса, съ оставленіемъ въ должности адъюнкта-профессора военной академіи. 1854 года мая 28-го дня назначенъ предсѣдателемъ Межевой канцеляріи съ переводомъ въ Межевой корпусъ, въ чинѣ полковника. 1855 года іюня 26-го назначенъ исправляющимъ должность помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ. Въ 1856 году назначенъ членомъ учебнаго комитета при штабѣ Его Императорскаго Высочества, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности. За отличіе по службѣ 1857 года, апрѣля 7-го, произведенъ въ генералъ-майоры и утвержденъ въ должности помощника управляющаго Межевымъ корпусомъ. 1858 года мая 26-го назначенъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ при настоящей должности. 1-го іюля 1858 года за труды и усердіе по бывшему званію предсѣдателя комитета о составленіи главныхъ началъ для размежеванія Малороссіи, объявлено особое именное Монаршее благоволеніе. 1862 года декабря 11-го Высочайшимъ приказомъ назначенъ управляющимъ Межевымъ корпусомъ и оставленъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ. 1863 года апрѣля 14, по Высочайшему повелѣнію назначенъ членомъ главнаго военно-учебнаго комитета, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ. 1864 года августа 30-ю произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 1865 года января 1-го, Всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, съ оставленіемъ управляющимъ Межевымъ корпусомъ и съ назначеніемъ

ляющаго Межевымъ корпусомъ. Просьба эта была выведена сожалѣніемъ, что я впредь не могу, на столько на сколько бы желалъ, быть полезнымъ тому вѣдомству, для котораго съ любовью и усердіемъ работалъ въ теченіи послѣднихъ 16-ти лѣтъ моей службы. Благодарю начальниковъ частей за ихъ постоянное честное, усердное и плодотворное содѣйствіе мнѣ въ управленіи; благодарю всѣхъ бывшихъ моихъ подчиненныхъ за ихъ добросовѣстную службу, и за то теплое довѣріе, которое я постоянно встрѣчалъ въ моихъ съ ними сношеніяхъ.

„Оставляя управленіе, я утѣшаюсь мыслию, что съ моей стороны сдѣлано было для ввѣреннаго мнѣ вѣдомства все отъ меня зависѣвшее, все, что было по моимъ силамъ.

„На прощанье, прошу всѣхъ служить такъ же честно и разумно, какъ служили доселѣ, что будетъ лучшею для меня наградою, потому что большинство бывшихъ моихъ сослуживцевъ на глазахъ моихъ и подъ моимъ руководствомъ созрѣли въ служебной дѣятельности“.

Много было правды въ этомъ задушевномъ словѣ. Дѣйствительно, Иванъ Михайловичъ Гедеоновъ потрудился на пользу института. Онъ посѣщалъ его весьма часто, по нѣскольку разъ въ годъ; постоянно присутствовалъ въ классахъ и на экзаменахъ и каждый годъ осматривалъ полевныя практическія работы, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Будучи самъ офицеромъ генеральнаго штаба, потомъ инспекторомъ клас-

къ присутствованію въ Межевомъ департаментѣ. Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 24-го апрѣля 1870 года, уволенъ, согласно его просьбѣ, отъ должности управляющаго Межевымъ корпусомъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора, членомъ главнаго военно-учебнаго комитета и въ генеральномъ штабѣ. 1876 года апрѣля 17-го, именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, Всемилостивѣйше назначенъ помощникомъ главнаго попечителя Императорскаго человеколюбиваго общества съ оставленіемъ при занимаемыхъ должностяхъ и въ другихъ вѣдомствахъ и назначенъ дѣйствительнымъ членомъ совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества. 1878 года января 19-го, за отличную дѣятельность по званію помощника главнаго попечителя Императорскаго человеколюбиваго общества, объявлена Высочайшая благодарность Его Императорскаго Величества. Того же года мая 19-го, за труды по бывшей Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи о введеніи ипотечной системы объявлено Высочайшее благоволеніе, а ноября 30-го за распоряженія по вѣдомству Императорскаго человеколюбиваго общества, сдѣланныя по случаю празднованія 26-го октября 1878 года 50-ти-лѣтія существованія IV отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, объявлена Высочайшая благодарность Его Величества.

совѣ и предсѣдателемъ Межевой канцеляріи, онъ до мелочи знаетъ и учебную, и межевую часть, и указанія его были всегда полезны. Дѣйствительно, всѣ подчиненные обращались къ нему съ полнымъ довѣріемъ, но это довѣріе вызывалось драгоценнымъ качествомъ, которымъ обладалъ самъ Иванъ Михайловичъ: разъ увѣрившись въ человѣкѣ, онъ вѣрилъ ему вполне. И, надо сказать правду, довѣріе его рѣдко бывало обмануто. Наконецъ, подобно Михаилу Николаевичу Муравьеву, и онъ имѣлъ утѣшеніе знакомыхъ ему по экзамену воспитанниковъ института видѣть дѣятелями на службѣ, что для него должно было быть тѣмъ отраднѣе, что онъ имѣлъ время, подъ своимъ руководствомъ, образовать изъ нихъ и полезныхъ дѣятелей.

Къ чести института и заступившаго мѣсто его попечителя, прибавимъ еще, что Иванъ Михайловичъ Гедеоновъ и до сихъ поръ желанный гость въ институтѣ и что онъ не оставляетъ его посѣщать всякій разъ, когда бываетъ въ Москвѣ.

На мѣсто сенатора Гедеонова былъ назначенъ управляющимъ межевою частію тайный совѣтникъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій.

Курсъ 1869—1870 года прошелъ безъ всякихъ измѣненій. Экзамены въ 1870 году съ 24-го апрѣля по 2-е іюня и практическія полевныя работы съ 8-го іюня по 4-е августа происходили заведеннымъ порядкомъ.

Въ 1870 году послѣдовало опредѣленіе правъ какъ воспитанниковъ, выпускавшихся изъ VIII класса до 1867 года военными чинами, такъ и окончившихъ курсъ въ IX офицерскомъ классѣ. Относительно ихъ 23-го марта 1870 года Высочайше утверждено слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта:

„1) Воспитанники VIII класса, выпускавшіеся по уставу института военными чинами, пользуются званіемъ межевыхъ инженеровъ, съ чиномъ X класса и служебными правами окончившихъ курсъ въ перворядныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„2) Прослушавшіе курсъ въ офицерскомъ классѣ и удовлетворившіе условіямъ, при которыхъ, по прежнимъ правиламъ, предоставлялся въ награду слѣдующій военный чинъ, награждаются слѣдующими гражданскими чинами.

„3) Изложенныя правила распространяются и на тѣхъ межевыхъ инженеровъ, которые выпущены изъ института или окончили съ успѣхомъ курсъ въ офицерскомъ классѣ, въ промежутокъ времени отъ преобразованія (въ 1867 году) Межеваго корпуса изъ военнаго въ

гражданское устройство до изданія настоящихъ правилъ, съ предоставленіемъ оимъ инженерамъ старшинства въ чинѣ со дня выпуска или окончанія курса наукъ“.

Такимъ образомъ, въ 1870 году выпускъ уже былъ произведенъ на железнодорожныхъ основаніяхъ и всѣмъ выпущеннымъ съ 1867 года межевымъ инженерамъ были даны чины X класса со старшинствомъ со дня утвержденія протоколовъ конференціи института о выпускѣ воспитанниковъ въ 1867, 1868 и 1869 годахъ.

Въ 1870 году Высочайше утверждена (30-го іюля) форма одежды воспитанниковъ Константиновскаго Межеваго института.

Форма эта состоитъ изъ: однобортнаго полукафтана темнозеленаго сукна съ гладкими позолоченными пуговицами и воротникомъ темнозеленаго бархата, обшитымъ узкимъ золотымъ галуномъ; шароваръ темнобѣраго сукна; пальто чернаго сукна; кепи съ бархатнымъ околышемъ, надъ которымъ знакъ межеваго вѣдомства, а на околышѣ желтыя литеры К. М. И., и башлыка верблюжьяго сукна, а для домашней одежды пиджака темнозеленаго сукна, застегивающагося на костяныя пуговицы и, лѣтомъ, парусинной блузы, съ чернымъ кожанымъ поясомъ и мѣдною пряжкой.

Результаты экзаменовъ 1870 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 1-го экстерна:

Выпущено на службу:

Межевными инженерами,

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X класса	16
--	----

Младшими землемѣрными помощниками: съ чиномъ XIV-го класса	10
--	----

безъ чина	3
---------------------	---

Поступили въ таксагорскіе классы	3
--	---

Уволено изъ заведенія по просьбамъ	16
--	----

Исключено по малоуспѣшности	20
---------------------------------------	----

Переведено въ старшіе классы	176
--	-----

Оставлено въ тѣхъ же классахъ	17
---	----

Больныхъ въ лазаретѣ въ 1870 году перебивало съ оставшимися 392; выздоровѣло 386, умеръ 1, осталось 5.

Въ 1870 году было ассигновано на институтъ 105,945 рублей 47 коп., которые всѣ и израсходованы, за исключеніемъ 5 рублей 16 коп., возвращенныхъ въ казначейство.

Новый понечитель института вошелъ во всѣ подробности учебнаго

дѣла. Онъ зналъ учебныя заведенія не по наслышкѣ только, а какъ бывшій самъ инспекторомъ классовъ и исправляющимъ должность директора въ нѣсколькихъ заведеніяхъ; въ обширному и многостороннему образованію присоединялъ и практическое знакомство съ учебною частію. Ознакомившись съ планомъ преподаванія въ институтѣ, разсмотрѣвши программы, посѣтивши классы, онъ, по выслушаніи мнѣнія членовъ конференціи и собранныхъ имъ преподавателей, нашелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія измѣненія въ распорядкѣ учения:

- 1) Математическую географію перенести изъ VI-го въ VII-й классъ.
- 2) Преподаваніе ботаники и зоологіи отмѣнить вовсе.
- 3) Преподаваніе статистики отмѣнить вовсе.
- 4) Вновь ввести преподаваніе аналитической механики, входившей до преобразованія 1861 года въ число предметовъ высшей математики въ VIII-мъ классѣ; и
- 5) отмѣнить преподаваніе физики въ III-мъ классѣ, перенести оное выше.

Все это было сдѣлано, главнѣйше, съ тою цѣлію, чтобы имѣть возможность прибавить нѣсколько уроковъ на нѣкоторые основные для института предметы, и ко всѣмъ этимъ измѣненіямъ учащій персоналъ института отнесся весьма сочувственно.

Въ дѣйствительности, математическая географія проходила въ институтѣ такимъ образомъ, что служила введеніемъ въ астрономію; яено, что ея мѣсто въ такомъ видѣ было въ VII-мъ, а не въ VI-мъ классѣ; ботаника и зоологія, проходившіяся съ III-го класса, какъ показалъ опытъ, не могли проходиться иначе какъ поверхностно, что всегда болѣе вредно, чѣмъ полезно; статистика, при прохожденіи ея въ видѣ дополненія и совмѣстно съ географіею Россіи, въ землемѣрномъ отдѣленіи, становилась ненужною въ инженерномъ отдѣленіи; наконецъ, начинаніе физики въ классѣ, гдѣ еще недостаточно пройдено изъ математики, было конечно неумѣстно.

Затѣмъ, распредѣленіе уроковъ на курсъ 1870—1871 года выразилось въ слѣдующей таблицѣ...

К Л А С С Ы :

ПРЕДМЕТЫ:	Праго- говит.	К Л А С С Ы :								Всего
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Законъ Божій	2	2	2	2	1	1	1	1	1	14
Русскій языкъ	4	4	3	3	2	1	1	—	—	18
Французскій языкъ	3	3	2	2	2	1	1	2	2	18
Нѣмецкій языкъ	3	3	2	2	2	1	1	2	2	16
Географія	2	2	2	1	1	—	—	—	—	8
Исторія общая	—	—	3	2	2	—	—	—	—	} 11
Исторія русская	—	—	—	2	2	—	—	—	—	
Законовѣдѣніе	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
Межевые законы	—	—	—	—	3	3	1	1	—	8
Межевое дѣлопроизводство	—	—	—	—	2	2	2	1	—	7
Таксація и химія	—	—	—	—	2	3	1	1	—	7
Минералогія	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Магнитныя наблюденія	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Ариметика	4	3	—	—	—	—	—	—	—	7
Рѣшеніе задачъ	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2
Алгебра низшая	—	—	3	3	3	—	—	—	—	9
Геометрія	—	2	3	3	—	—	—	—	—	8
Прямолинейная тригонометрія	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3
Аналитическая геометрія	—	—	—	—	2	—	1	—	—	3
Повтореніе математики	—	—	—	—	1	3	—	—	—	4
Высшая алгебра	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Сферическая тригонометрія	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Дифференціальныя и инте- гральныя исчисленія	—	—	—	—	—	—	2	2	—	4
Теорія вѣроятностей	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Механика	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3
Геодезія низшая	—	—	—	—	4	4	—	—	—	8
Геодезія высшая	—	—	—	—	—	—	3	3	—	6
Физика	—	—	—	3	3	—	—	—	—	6
Математическая географія	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Астрономія	—	—	—	—	—	—	2	2	—	4
Числописаніе	3	2	2	2	—	—	—	—	—	9
Ситуація и черченіе плановъ	—	2	2	2	2	3	3	2	2	18
Рисованіе	2	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Итого	24	25	25	25	25	24	24	23	21	216

Преподаваніе предметовъ производилось по прежнимъ программамъ, а на измѣненные или введенные вновь составлены были новыя.

Экзамены, съ 27-го апрѣля по 4-е іюня и практическія полевыя работы производились въ 1871 году безъ измѣненій, противъ прошлаго года. На этихъ экзаменахъ присутствовалъ попечитель, который ихъ пропускалъ и впослѣдствіи экзаменовъ ни одного года точно также, какъ не прошло ни одного лагеря безъ его посѣщенія и осмотра работъ.

Результаты экзаменовъ были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 6-ти экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X класса	4
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса	7
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса	8
Поступило въ таксаторскіе классы	2
Уволено по просьбамъ родныхъ	12
Исключено за малоуспѣшность	10
Переведено въ слѣдующіе классы	177
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	46

Въ 1871 году министръ юстиціи графъ Паленъ осматривалъ зданія института во время бытности воспитанниковъ въ лагеряхъ и принимая директора, разспрашивалъ подробно о состояніи заведенія.

Воспитанниковъ въ 1871 году, вмѣстѣ съ оставшимися, пребывало въ лазаретѣ 420 человекъ, выдворовѣло 413; умерло 5 (двое въ отпуску) осталось больныхъ 4.

Въ этомъ году въ институтѣ былъ сильно развитъ дифтеритъ и въ Москвѣ была холера, отъ которой и умеръ 1 изъ воспитанниковъ.

По смѣтѣ въ 1871 году было назначено на институтъ 102,569 рублей 18 коп. и поступило 59 рублей, которые всѣ и израсходованы. Но на этотъ разъ хроническій недугъ института, происходившій отъ недостаточности отпускаемыхъ суммъ, наконецъ сказался явственнымъ образомъ: институтъ въ 1871 году не могъ удовлетворить всѣхъ выдачъ смѣтными суммами, а долженъ былъ перевести на 1872 годъ 5,473 рубля 68 коп., недоставшихъ за разныя предметы и 7,741

рубль 34 коп., за ремонтныя работы, то-есть, всего 13,215 рублей 2 коп.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что за исключеніемъ содержанія личнаго состава и жалованья учителямъ, въ 1870 году приходилось на расходы по всѣмъ другимъ статьямъ 64,011 рублей 68 коп., а въ 1871 году только 58,792 рубля 93 коп., то-есть, слишкѣмъ на 5,000 менѣе. Это происходило отъ принятой системы исчислять деньги на разныя потребности, по трехлѣтней сложности расходовъ на эти потребности, а между тѣмъ, понятно, что чѣмъ менѣе отпускалось денегъ, тѣмъ менѣе и были расходы на такіе предметы, кои доступны были сокращенію, напримѣръ: на платье, окраску зданія и проч., а это сокращеніе, въ свою очередь, вело на будущее время къ уменьшенію отпусковъ денегъ, при назначеніи ихъ по трехлѣтней сложности дѣйствительныхъ расходовъ.

Въ учебномъ 1871—1872 году никакихъ существенныхъ перемѣнъ не сдѣлано: перенесено только преподаваніе географіи изъ приготовительнаго класса въ I-й и сдѣланы нѣкоторыя перемѣщенія уроковъ по классамъ изъ математики, при чемъ аналитическая геометрія помѣщена изъ V-го въ VI-й классъ, на мѣсто одного уничтоженнаго урока повторенія математики.

Въ 1872 году, какъ экзамены, съ 5-го апрѣля по 27-е мая, такъ и практическія полевыя работы, съ 14-го іюня по 3-е августа, производились заведеннымъ порядкомъ.

Лагери института были посѣщены повѣстителемъ, который подробно разсмотрѣлъ всѣ работы воспитанниковъ.

Результаты экзаменовъ 1872 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 6-ти экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевыми инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса.	15
Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса.	18
Уволено изъ института для продолженія ученія въ институтъ путей сообщенія, военныхъ училищахъ и проч.	10
Уволено по просьбамъ родныхъ.	6
Исключено за малоуспѣшность и дурное поведеніе.	3
Переведено въ слѣдующіе классы.	195
Оставлено въ тѣхъ же классахъ.	19

При выпускѣ 1872 года управляющій межевою частію нашель возможнымъ всѣмъ выпускаемымъ на службу воспитанникамъ VIII-го класса съ званіемъ межеваго инженера и съ чиномъ X-го класса присвоить право ношенія особаго знака отличія, замѣняющаго аксельбантъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 7-го декабря 1866 г. и 23-го марта 1870 года.

Въ учебной жизни института отмѣтимъ здѣсь рѣшеніе соединенной конференціи института и школы, относительно возбужденнаго управляющимъ межевою частію вопроса: слѣдуетъ ли преподавать въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ законовѣдѣніе, какъ предметъ отдѣльный, или, при полномъ изученіи межевыхъ законовъ, совмѣстно сообщать и тѣ необходимыя свѣдѣнія изъ общихъ законовъ, безъ коихъ изученіе первыхъ могло бы быть отрывочно и безсвязно. Вопросъ этотъ возникъ по поводу представленной однимъ изъ преподавателей школы программы межевыхъ законовъ, составленной по этому послѣднему методу.

Конференція ¹⁾, имѣя въ виду, что цѣль межевыхъ учебныхъ заведеній заключается въ приготовленіи молодыхъ людей къ спеціальной службѣ, на которую они и поступаютъ прямо по выходѣ изъ заведенія, полагала, что имъ надо знать хорошо, основательно и притомъ разумно тѣ законы, которые относятся къ ихъ специальности; разумное же и притомъ вполне сознательное пониманіе спеціальныхъ межевыхъ законовъ возможно только при удовлетворительномъ знакомствѣ съ законами общими, которое, въ свою очередь, возможно только тогда, когда преподаваніе ихъ будетъ ведено систематически, то-есть, когда законовѣдѣніе будетъ составлять отдѣльный, самостоятельный предметъ преподаванія. При совмѣстномъ же преподаваніи общихъ законовъ съ межевими, систематическаго изложенія первыхъ быть не можетъ, ибо общіе законы будутъ, такъ сказать, приурочиваться къ межевими и изъ нихъ будутъ проходиться только тѣ отдѣлы, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ законамъ межевими и, такимъ образомъ, свѣдѣнія изъ нихъ будутъ только отрывочныя. Въ доказательство этого, конференція именно указала на представленную программу, въ которую по необходимости было введено изъ законовъ общихъ только то, что имѣетъ непосредственную связь съ законами межевими, а между тѣмъ, изъ законовъ гражданскихъ не введено, на примѣръ, законовъ о правахъ семей-

¹⁾ Протоколъ соединенной конференціи 24-го октября 1872 года.

ственныхъ, о договорахъ, и прочее, а изъ законовъ уголовныхъ не введена даже общая часть о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще. Между тѣмъ, знаніе этихъ отдѣловъ законовъ составляетъ необходимо для каждаго межевого чиновника, который на практикѣ на каждомъ шагѣ можетъ встрѣтить случаи, требующіе ихъ знанія, напримѣръ: объ опекунахъ, о довѣренностяхъ, о преступленіяхъ по службѣ и т. п. Если же ввести въ предлагаемую программу всѣ указанные отдѣлы, то тогда и выйдетъ тотъ полный курсъ законовѣдѣнія, который знакомитъ съ общими понятіями о правѣ и законѣ, съ законами основными, съ государственными и губерскими учрежденіями, съ законами гражданскими и уголовными, то-есть, тотъ самый курсъ, который доселѣ существовалъ въ институтѣ. Разница будетъ только въ томъ, что, при существованіи законовѣдѣнія, какъ предмета отдѣльнаго, преподаваніе его можетъ быть ведено систематически, тогда какъ при совмѣстномъ изложеніи съ законами межевными оно непременно будетъ разбросано и отрывочно. Это рѣшеніе конференціи мы изложили съ нѣкоторою подробностію, какъ разъясняющее цѣль преподаванія законовѣдѣнія въ институтѣ.

Управляющій съ доводами конференціи согласился и преподаваніе законовѣдѣнія оставлено въ институтѣ въ отдѣльномъ видѣ.

На 1872 годъ было назначено на содержаніе института по смѣтѣ всего 97,764 рубля.

Директоръ, имѣя въ виду, что и въ минувшемъ году отпущенныхъ суммъ недостало на содержаніе института, а главное, что вообще суммъ, отпускаемыхъ на институтъ, крайне недостаточно, вынужденъ былъ представить на благоусмотрѣніе начальства, что еще предмѣстники его генералы Смецкій и Лопкаревъ, а равно и онъ самъ, въ отчетахъ своихъ указывали на то обстоятельство, что въ штатѣ института, составленномъ въ 1844 году, не предвидѣно много расходовъ, которые въ настоящее время должны быть удовлетворены изъ остатковъ отъ смѣтныхъ суммъ, тогда какъ цѣны на всѣ штатные предметы постоянно возвышаются, и что такихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ накопилось уже въ 1871 году до 23,000 рублей, которые и вызвали дефицитъ въ 13,000 рублей, и что въ 1872 году предстоитъ еще болѣе противъ 1871 года недостатокъ.

Въ дѣйствительности по штату института 1844 года на институтъ было назначено на 150 человекъ воспитанниковъ 41,443 рубля 10 коп., къ коимъ впослѣдствіи, при увеличеніи комплекта 104 воспитанниками и на разные предметы, прибавлено 50,085 рублей 23 коп.,

то-есть, всего въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ отпускалось на институтъ 91,528 рублей 33 коп. Точно также и въ 1872 году, если исключить изъ назначавшихся на институтъ 97,764 р., 4,185 рублей на таксаторскіе классы и 1,638 рублей на обмундированіе выпускныхъ ¹⁾, то-есть, 5,823 рубля, собственно на содержаніе института оставалось 91,941 рубль, то-есть, та же сумма, которая отпускалась въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ.

Между дѣмъ разница цѣвъ 1840 и 1872 года была слѣдующая:

	Въ 1844 году.	Въ 1872 году
На муку ржаную	28 к.	78 к.
„ крупу гречневую	3 р. 40 „	10 р. — „
„ говядину переднихъ частей	1 „ 65 „	3 „ 10 „
„ говядину заднихъ частей	1 „ 75 „	4 „ — „
„ обувь каждаго воспитанника	5 „ 20 „	12 „ — „
„ дрова осиновыя, за сажень	3 „ 20 „	6 „ — „

Кромѣ того, такъ какъ по неизбѣжному уменьшенію расходовъ на нѣкоторые предметы, уменьшалось по трехлѣтней сложности и смѣтное на нихъ назначеніе, то съ 1868 года отпускъ денегъ на содержаніе института также сталъ систематически уменьшаться.

Такъ, въ круглыхъ цифрахъ, на содержаніе института отпущено было:

въ 1868 году	107,200 руб.
„ 1869 „	106,900 „
„ 1870 „	104,600 „
„ 1871 „	101,200 „
„ 1872 „	96,400 „

Такимъ образомъ, недостатокъ, оказавшійся въ 1871 году, въ 13,215 рублей, по слѣланному исчисленію, долженъ былъ возрасти въ 1872 году до 23,000, такъ что всего за оба года имѣло недостатать до 36,000 рублей.

При этомъ былъ представленъ бюджетъ института, составленный по дѣйствительной надобности, по которому общій расходъ долженъ былъ простираться до 120,000 рублей.

Это представленіе восходило до государственнаго совѣта, и по Высочайше утвержденному мнѣнію онаго, институту въ 1872 году были отпущены дополнительныя деньги, въ количествѣ 36,403 руб.

¹⁾ Въ прежнее время эти деньги отпускались независимо отъ штатныхъ суммъ, по числу выпускныхъ, прямо изъ казначейства.

55 коп., на покрытие издержекъ, сдѣланныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ минувшихъ годахъ, а Высочайше утвержденнымъ въ 30-й день декабря 1872 года журналомъ департамента государственной экономіи постановлено: 120,000 рублей, назначенныхъ по смѣтѣ на 1873 годъ къ отпуску въ институтъ, обратить въ нормальную на будущее время сумму на содержаніе онаго.

Такимъ образомъ, въ 1872 году поступило въ институтъ 134,187 р. 55 коп. (97,764 р. смѣтныхъ и 36,403 р. 55 к. дополнительныхъ), которые за исключеніемъ 325 рублей 53¹/₄ коп., возвращенныхъ въ казначейство, всѣ и израсходованы.

Больныхъ въ лазаретѣ съ оставшимися перебивало въ 1872 году 348 человекъ; выздоровѣло 344; умерло 3; остался къ 1873 году 1.

По увольненіи врача Огнева и поступившаго на его мѣсто на короткое время доктора Лукина (съ марта 1872 года по январь 1873 года) въ институтъ опредѣленъ врачомъ, состоявшій въ школѣ межевыхъ топографовъ, надворный совѣтникъ Астровъ.

Учебный 1872—1873 годъ прошелъ безъ перемѣнъ.

Экзамены въ 1873 году, съ 28-го апрѣля по 30-е іюня, и лагерныя занятія, съ 12-го іюня по 4-е августа, производились заведеннымъ порядкомъ.

Результаты экзаменовъ 1873 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 5-ти экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевыми инженерами: старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса	15
Старшимъ землемѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ XII-го класса	1
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса	4
Безъ чина	1
Переведено въ старшіе классы	216
Осталось въ тѣхъ же классахъ	17
Возвращено по просьбѣ родныхъ	8
Исключено по малоуспѣшности	3

Въ этомъ году въ жизни института произошла существенная перемѣна. Воспитанники института изъ зданія на Старой Басманной были перемѣщены къ зданію, занимаемому школою межевыхъ топографовъ и эта послѣдняя была временно присоединена къ институту, по слѣдующему поводу:

Еще въ концѣ 1870 года министръ юстиціи, графъ Паленъ, пред- назначивъ преобразовать школу межевыхъ топографовъ въ нѣсколько иѣстинныхъ землемѣрныхъ училищъ, предположилъ:

Школу межевыхъ топографовъ упразднить постепенно, начиная съ учебнаго 1871—1872 года; на ея мѣсто учредить четыре межевыя учебныя заведенія съ чисто межевымъ курсомъ, въ четырехъ губерн- скихъ городахъ, по выбору министра юстиціи; и

эти четыре межевыя учебныя заведенія, подъ названіемъ „земле- мѣрныхъ училищъ“, открывать также постепенно, по мѣрѣ освобож- денія суммъ отъ упраздненія школы.

Такъ какъ вслѣдствіе этого предположенія пріемъ въ школу вновь поступающихъ воспитанниковъ былъ прекращенъ съ 1-го сентября 1871 года, то къ началу учебнаго 1873—1874 года воспитанниковъ оставалось въ школѣ только около половины всего числа и очень естественно, что, съ одной стороны, явилась мысль сократить из- держки казны, присоединивъ это половинное число воспитанниковъ школы къ институту, а съ другой—избрать для помѣщенія института именно то изъ двухъ зданій, занимавшихся обоими заведеніями, ко- торое окажется лучшимъ. Зданія школы имѣли уже за собою пре- имущество величины, ибо въ нихъ помѣщалось 330 воспитанниковъ просторно, тогда какъ въ зданіяхъ института помѣщалось только 260 человѣкъ, и, надо сказать правду, нѣсколько тѣсно. Кромѣ того, зданія школы были, въ бѣльшей своей части, строены вновь, прямо для учебнаго заведенія; институтскія же были только приспособлены къ потребностямъ заведенія; наконецъ, при школѣ былъ довольно об- ширный садъ, въ сравненіи съ которымъ институтскій могъ назваться палисадникомъ. Но Куракинскій домъ былъ старинное гнѣздо ин- ститута, въ которомъ возросло столько поколѣній и съ которымъ было соединено столько дорогихъ воспоминаній; при немъ было двѣ Obser- ваторіи, астрономическая и магнитная съ метеорологическою; након- ецъ, въ немъ недавно была устроена церковь, которую оставить было особенно жалко. Поэтому, понятно, что и служащимъ въ институтѣ, бѣльшею частію воспитывавшимся именно въ стѣнахъ стараго зданія, и воспитанникамъ, особенно старшимъ, не легко было разстаться съ этимъ зданіемъ, но, понятно также, что управляющій межевою частію, по подробномъ осмотрѣ обоихъ домовъ, избралъ для помѣщенія ин- ститута домъ школы. Вслѣдствіе этого въ маѣ мѣсяцѣ 1873 года ¹⁾

¹⁾ Дѣло института 1873 года, № 31.

сенаторъ Ржевскій сообщилъ директору института, что г. министру юстиціи угодно, чтобы по окончаніи лѣтнихъ практическихъ занятій, воспитанники института были переведены въ зданія школы межевыхъ топографовъ и размѣщены тамъ вмѣстѣ съ воспитанниками школы и чтобы были приняты необходимыя для сего мѣры.

Мѣры эти должны были состоять, конечно, прежде всего въ приспособленіи зданій школы для помѣщенія всѣхъ 420 воспитанниковъ, имѣвшихъ образоваться изъ обоихъ заведеній.

По осмотрѣ зданія, оказалось возможнымъ ограничиться весьма небольшими передѣлками, которыя и были возложены на управляющаго временно школою, послѣ смерти генерала Горлова, инспектора классовъ оной, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ламовскаго. Директоръ института и управлявшій школою рѣшились лучше потерпѣть на первое время нѣкоторыя неудобства въ помѣщеніи воспитанниковъ, чѣмъ входить въ двойныя издержки, сначала по приспособленію для удобнаго ихъ размѣщенія, а потомъ по уничтоженію этихъ приспособленій. Такимъ образомъ, не смотря на то, что съ параллельными отдѣленіями пришлось для обоихъ заведеній имѣть 18 отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, образовать общую столовую на всѣхъ 420 человекъ и расширить лазаретъ, единственное неудобство, которое было допущено, при соединеніи обоихъ заведеній—это ваннае части одной изъ рекреационныхъ залъ подъ спальни, что, конечно, было неудобно, но что продолжалось только одинъ учебный годъ. Самое приспособленіе заключалось въ выводѣ трехъ квартиръ воспитателей изъ главнаго зданія и другихъ мелкихъ передѣлкахъ, и вмѣстѣ съ ремонтомъ 1873 года мало чѣмъ превысило расходы на обыкновенный ремонтъ зданій школы.

Затѣмъ слѣдовало перемѣстить имущества института въ школу. Это сдѣлано безъ копѣйки расхода, но требовало большихъ трудовъ и самаго тщательнаго надзора, особенно при переноскѣ библиотекъ, геодезическаго и физическаго кабинетовъ. Стоитъ только указать, что въ библиотекѣ было болѣе 5,000 томовъ, которые надо было переносить въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ они стояли, а въ геодезическомъ и физическомъ кабинетахъ было не мало инструментовъ, стоявшихъ болѣе 1,000 рублей каждый, которые нельзя было довѣрить неумѣлымъ рукамъ наемныхъ слугъ.

Но все это было перенесено, перевезено и устроено къ началу академическаго 1873—1874 года.

При этомъ высшимъ начальствомъ было дозволено оставить за

институтомъ объ обсерваторіи, квартиры служащихъ и на первое время церковь. Всѣ же прочія помѣщенія приказано было передать въ вѣдѣніе архива министерства юстиціи, которому они и были переданы 15-го сентября 1873 года.

Къ началу учебнаго 1873—1874 года воспитанники института и школы были уже размѣщены въ зданіяхъ школы; въ виду соединенія обоихъ заведеній, исправленіе должности начальника школы найдено было необходимымъ поручить директору института, а инспектору классовъ института назначенъ, 29-го августа 1873 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламовскій, на мѣсто оставившаго эту должность, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Усова. Кромѣ этой перемены, въ личномъ составѣ института за это время произошли еще слѣдующія замѣненія: умеръ ротный командиръ межевой инженеръ Мѣшковъ; уволены отъ службы: ротный командиръ капитанъ Каринъ и ротный офицеръ ротмистръ Михневъ; на мѣста ротныхъ командировъ поступили межевые инженеры коллежскій совѣтникъ Симвовъ и надворный совѣтникъ Соснинъ; умеръ астрономъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богданъ Яковлевичъ Швейцерь; на его мѣсто опредѣленъ бывший его помощникъ, межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Троицкій.

Богданъ Яковлевичъ Швейцерь, съ самаго поступленія въ институтъ въ 1850 году, работалъ неутомимо, какъ на институтской обсерваторіи (которая до 1856 года, когда онъ, оставаясь на службѣ при институтѣ, опредѣленъ былъ и директоромъ университетской обсерваторіи, была исключительно въ его распоряженіи), такъ и по чтенію лекцій межевымъ инженерамъ IX-го класса и воспитанникамъ инженернаго отдѣленія. Будучи отличнымъ практикомъ, онъ строго требовалъ и отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ быстроты и аккуратности въ вычисленіяхъ и—по его выраженію—почтительности къ инструментамъ, при занятіяхъ ихъ на обсерваторіи. Точность и скорость въ вычисленіяхъ были доведены у него до изумительной степени. Будучи человекомъ весьма добрымъ и общительнымъ, онъ, при исполненіи своихъ обязанностей, былъ неумолимъ и къ себѣ и къ своимъ подчиненнымъ. Лекціи его, всегда заранѣе приготовленныя и отличавшіяся практическимъ направленіемъ, слушались воспитанниками съ большою охотою, не смотря на то, что читались, особенно первое время, совершенно своеобразнымъ русскимъ языкомъ. На конференціяхъ рѣчь его была всегда правдивая, не смотря на лица. Собственно для института и для межеваго вѣдомства онъ образовалъ нѣсколько поко-

лѣвнѣй отличныхъ практиковъ-астрономовъ и геодезистовъ, съ честию участвовавшихъ, какъ мы видѣли, во многихъ ученыхъ экспедиціяхъ. Рекомендованный Перевощниковымъ М. Н. Муравьеву, онъ былъ высоко уважаемъ какъ имъ, такъ и обоими за нимъ слѣдовавшими попечителями. Въ свою очередь, и онъ былъ привязанъ къ институту, какъ къ заведенію, впервые давшему ему возможность проявить свой талантъ отличнаго практика-астронома, причемъ онъ, при средствахъ небольшой институтской обсерваторіи, открылъ нѣсколько кометъ и издалъ не мало ученыхъ трудовъ. Собственно институтомъ издана его звѣздная карта и наставленіе для опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ. Не задолго передъ кончиною онъ получилъ, по представленію попечителя института В. К. Ржевскаго, орденъ св. Станислава 1-й степени и очень былъ доволенъ этою оцѣнкою его трудовъ по институту.

Въ 1873 году было учреждено мѣсто настоятеля при церкви института и первымъ настоятелемъ оной и законоучителемъ былъ опредѣленъ (1-го сентября) священникъ, магистръ Андрей Григорьевичъ Полотебновъ.

Учебный 1873—1874 годъ былъ не нетрудный для института. Съ одной стороны, институтъ и школа, по учебному плану, были заведенія, хотя и почти, но не вполне параллельныя. Съ другой, хотя оба заведенія и находились подъ однимъ главнымъ начальствомъ, но естественно, что личныя воззрѣнія ближайшихъ старшихъ начальниковъ не могли не имѣть вліянія на веденіе заведеній, и въ этомъ веденіи была также нѣкоторая равница. Дѣятельное участіе, принятое въ соединеніи заведеній попечителемъ института и личныя его указанія привели все въ стройный порядокъ. Такимъ образомъ, планъ ученія былъ принятъ институтскій и къ нему приурочены классы школы; равно и внутренніе распорядки по веденію заведенія попечитель одобрилъ институтскіе же, что было и совершенно справедливо, ибо институтъ долженъ былъ продолжать свое существованіе, а школа предназначалась къ упраздненію. Такъ какъ главное приказаніе попечителя было при соединеніи заведеній не дѣлать никакого различія между воспитанниками института и школы, то всѣ воспитанники обоихъ заведеній были перемѣшаны и въ классахъ, по своимъ познаніямъ, и въ возрастахъ, по своимъ лѣтамъ, такъ что оба заведенія слились въ одно цѣлое и различіе существовало только по бумажной отчетности, а не въ дѣйствительности; въ дѣйствительности же все составляло одну массу, учившуюся и жившую по однимъ порядкамъ.

На 1873—1874 учебный годъ въ институтѣ вмѣстѣ съ школою было: въ приготовительномъ классѣ одно отдѣленіе, въ I-мъ два, во II-мъ—три, въ III-мъ—три, въ IV-мъ—три, въ V-мъ—два, въ VI—два, въ VII-мъ и VIII-мъ по одному. На первое время всѣ служащіе въ институтѣ и школѣ были оставлены на своихъ мѣстахъ и всѣ означенныя классныя отдѣленія были поручены класснымъ воспитателямъ (ротнымъ офицерамъ), а возрасты, то-есть, инженерное отдѣленіе, состоявшее изъ VIII и VII классовъ, старшій возрастъ, составленный изъ VI, V и IV классовъ, и младшій изъ III, II, I и приготовительнаго классовъ—начальникамъ возрастовъ (ротнымъ командирамъ).

Равномѣрно и преподаваніе было распредѣлено между учителями института и школы.

Собственно планъ ученія на 1873—1874 учебный годъ остался прежній. Прибавлено только, по распоряженію попечителя, преподаваніе начертательной геометріи въ VII классѣ (2 урока), возобновлено преподаваніе линейнаго черченія въ VIII классѣ (2 урока) и введено обученіе пѣнію во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ инженерныхъ.

Экзамены въ 1874 году, съ 25-го апрѣля по 5-е іюня, произведены обыкновеннымъ порядкомъ. Лагерь, для практическихъ занятій, былъ избранъ институтскій, при слободѣ Перерывѣ, въ томъ вниманіи, что въ полуверстѣ отъ этого лагеря оказалось возможнымъ устроить обширную купальню на хорошей водѣ, тогда какъ около школьнаго лагеря воды совсѣмъ не было. Перенесенные изъ школьнаго лагеря нѣсколько барачковъ дали возможность устроить въ институтскомъ лагерѣ особую чертежную, хорошій теплый лазаретъ и расширить помѣщенія для воспитателей и преподавателей.

Лагерныя занятія продолжались съ 12-го іюня по 4-е августа, по заведенному порядку.

Результаты экзаменовъ 1874 года были слѣдующіе:

Изъ 260-ти воспитанниковъ и 22-хъ экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевymi инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X класса	15
Младшими землемѣрными помощниками: съ чиномъ XIV класса	1
Безъ чина.	2
Исключено по малоуспѣшности.	5

Переведено въ старшіе классы 247

Оставлено въ тѣхъ же классахъ 12

Между тѣмъ, составленные еще въ 1871 году въ конференціи института положеніе и штатъ землемѣрныхъ училищъ, окончательно рассмотрѣнные и исправленные управляющимъ межевою частію, были внесены министромъ юстиціи въ государственный совѣтъ, который мнѣніемъ положилъ:

„I. Проекты положенія и штаты землемѣрныхъ училищъ поднести на Высочайшее утвержденіе.

„II. Предоставить министру юстиціи принять мѣры къ постепенному закрытію школы межевыхъ топографовъ, перевода воспитанниковъ ея въ Константиновскій Межевой институтъ.

„III. Предоставить въ распоряженіе министра юстиціи въ теченіе пяти лѣтъ, считая съ 1-го января 1874 года, сумму, ассигнуемую по смѣтѣ вѣреннаго ему министерства на школу межевыхъ топографовъ, съ тѣмъ, чтобы, въ теченіе сего срока, имъ производимы были необходимыя по его усмотрѣнію соображенія, съ оставленіемъ за штатомъ нѣкоторыхъ изъ служащихъ въ семь заведеній лицъ, а затѣмъ, на счетъ суммъ, имѣющихъ остаться свободными отъ упраздненія школы межевыхъ топографовъ, открыты были четыре землемѣрныхъ училища на основаніи положенія о сихъ училищахъ“.

Это мнѣніе государственнаго совѣта и положеніе о землемѣрныхъ училищахъ были Высочайше утверждены 8-го іюня 1874 года ¹⁾, влѣдствіе чего представилась необходимость избрать тѣхъ чиновниковъ, которые должны были остаться на службѣ, и тѣхъ, которые должны быть оставлены за штатомъ.

При этомъ министру юстиціи графу Палену угодно было выразить желаніе, чтобы, во 1-хъ, выборъ воспитателей и вообще служащихъ былъ сдѣланъ изъ обоихъ заведеній, а не изъ одной школы, дабы, сохранивъ на службѣ лучшихъ, оставить за штатомъ тѣхъ, кои могутъ менѣе приносить пользы, и, во 2-хъ, чтобы затѣмъ и тѣ, кои не будутъ оставлены при институтѣ, были по возможности не удалены за штатъ, а устроены на службѣ же по межевому вѣдомству, получивъ другое назначеніе.

Желаніе графа было вполне исполнено: изъ всѣхъ служащихъ въ обоихъ заведеніяхъ только двое подали въ отставку, одинъ по болѣзни, межевой инженеръ надворный совѣтникъ Ставровскій, а другой по

¹⁾ Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1874 года, № 65, ст. 869.

преклонности лѣтъ, уже выслужившій пенсію, смотритель лазарета института, губернской секретарь Макаровъ; одинъ, межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Эймонтъ, былъ назначенъ начальникомъ Псковскаго землемѣрнаго училища и четверо переведены землемѣрами въ межевую канцелярію и въ томъ числѣ изъ институтскихъ коллежскій совѣтниковъ Поляжскій и надворный совѣтникъ Лозовскій, а остальные всѣ получили назначенія при институтѣ, или временно оставлены при школахъ съ тѣмъ, что впослѣдствіи будутъ переведены въ институтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію управляющаго межевою частью, всѣ старшіе и младшіе землемѣры и землемѣрные помощники, откомандированные въ институтъ отъ межевой канцеляріи для исправленія должностей преподавателей и другихъ, отчислены совершенно отъ канцеляріи и переведены на службу въ институтъ на тѣ должности, которыя они исправляли, только какъ прикомандированные къ институту. Эта мѣра имѣла послѣдствіемъ прекращеніе для института бесплатныхъ уроковъ, дававшихся межевymi чинами за жалованье, получавшееся ими изъ межевой канцеляріи, и, конечно, значительно увеличила бюджетъ института на вознагражденіе преподавателей.

Со времени перевода воспитанниковъ изъ Куракинскаго дома, попечителя особенно озабочивало внутреннее распредѣленіе помѣщеній въ новомъ зданіи института, а равно и дворовъ. Во 1-хъ, церковь въ домѣ школы была весьма небольшихъ размѣровъ, такъ что въ ней едва помѣщались тѣ воспитанники, которые не ходили въ отпускъ; во 2-хъ, главный входъ въ зданіе и большую рекреационную залу шелъ чрезъ узкій корридоръ, что было и некрасиво и неудобно; въ 3-хъ, чрезъ всю ту часть зданія, которая выходила на улицу, былъ продѣланъ проѣздъ, такъ что парадная дверь прямо выходила на этотъ проѣздъ и никакими тамбурами нельзя было спастись отъ холода и сквознаго вѣтра на парадной лѣстницѣ; въ 4-хъ, деревянной дворъ былъ расположенъ непосредственно у самаго зданія, что было небезопасно, и занималъ довольно большую и лучшую часть сада, что было неблагоприятно; и, наконецъ въ 5-хъ, самый садъ густо поросъ кустарниками разныхъ породъ, такъ что въ немъ надзоръ за воспитанниками становился невозможнымъ.

Попечитель, имѣя въ виду, что церковь въ прежнемъ домѣ института устроена съ особенною цѣлю и на частныя средства и что, следовательно, она принадлежитъ собственно институту, а равно и то, что архиву въ ней нѣтъ никакой надобности, испросилъ разрѣшеніе

министра юстиціи на уничтоженіе прежней церкви въ домѣ школы и на перенесеніе иконостаса институтской церкви изъ Куракинскаго дома въ новое помѣщеніе института. Такъ какъ главный входъ въ зданіе былъ стѣсненъ именно помѣщеніемъ прежняго алтаря, то однимъ переносомъ алтаря въ новую каменную пристройку и уничтоженіемъ темной передней и приѣмной комнаты, бывшихъ передъ прежнею церковью, явилась возможность увеличить церковь вдвое и открыть свободный входъ въ зданіе, чрезъ обширную комнату, занимавшуюся прежде алтаремъ. Прежнія церкви въ домахъ института и школы были, съ благословенія епархіальнаго начальства, уничтожены, а вновь устроенная въ помѣщеніи института, также на частіи средства, церковь была освящена пресвященнымъ Леонидомъ 24-го марта 1874 года, съ престоломъ во имя св. царя Константина и матери его Елены.

Затѣмъ, вмѣсто проѣзда съ улицы, устроены теплыя сѣни, давшія тепло всей парадной лѣстницѣ, а на мѣсто дровянаго двора, перенесеннаго на конецъ институтской земли, распространенъ садъ и въ него изъ столовой сдѣланы большія террасы, такимъ образомъ, что воспитанники прямо могутъ выходить въ садъ, не обходя кружнымъ дворомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый садъ былъ очищенъ отъ кустарниковъ и открытъ на столько, что видѣнъ каждый конецъ его.

Всѣ эти передѣлки и перестройки дали совершенно другой, лучший видъ бывшему дому школы межевыхъ топографовъ, такъ что кто зналъ этотъ домъ прежде, съ трудомъ узнаетъ его въ нынѣшнихъ помѣщеніяхъ института. Скажемъ здѣсь кстати, что новый домъ института, находящійся близъ Старой Васманной улицы въ Гореховскомъ переулкѣ, напротивъ церкви Никиты Мученика, принадлежалъ прежде главному директору военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанту Н. И. Демидову, былъ родовымъ домомъ Демидовыхъ и послѣ смерти Николая Ивановича въ 1834 году переходилъ въ разныя руки. Въ 1858 году онъ приобрѣтенъ былъ отъ купца Степанова за 100,008 руб. серебр. для школы межевыхъ топографовъ и на пристройку къ нему новаго обширнаго зданія и приспособленіе его къ помѣщенію заведенія отпущено изъ межевыхъ суммъ 286,235 рублей сер.; архитекторомъ при постройкѣ былъ И. А. Рязанцевъ, подъ наблюденіемъ профессора академіи А. И. Резанова, и самая постройка производилась особымъ строительнымъ комитетомъ, подъ завѣдываніемъ предсѣдателя Межевой канцеляріи, генералъ-маіора Ахшарумова.

Въ 1874 году, при содѣйствіи управляющаго межевою частію

преподаватели геодезии института статские совѣтники Смирновъ и Рашковъ приняли на себя, по контракту съ московскою городскою управою, производство съемки и нивелировки города Москвы.

Это была своего рода ученая экспедиція, произведенная единственно силами института и нѣсколькихъ межевыхъ инженеровъ, въ которой приняли участіе и воспитанники инженернаго отдѣленія. Работы эти исполнены по почину бывшаго московскаго городского головы князя В. А. Черкаскаго; онъ еще въ 1871 году при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ, специально знакомыхъ съ дѣломъ, образовалъ совѣщательное собраніе ¹⁾, на которомъ были выработаны основныя положенія для программы работъ по составленію плана Москвы. На основаніи этихъ общихъ положеній, межевными инженерами Смирновымъ, Рашковымъ и Захаровымъ была составлена подробная записка о съемкѣ и нивелировкѣ города, съ исчисленіемъ расходовъ на производство работъ. Но дѣло это оставалось безъ всякаго движенія до 1873 года, когда въ городскую управу поступило еще три проэкта по производству тѣхъ же работъ. По разсмотрѣніи всѣхъ четырехъ проэктвъ, городская управа, не считая себя достаточно компетентною, чтобы высказать по нимъ окончательное заключеніе, обратилась къ управляющему межевою частію, съ просьбою подвергнуть означенные проэкта обсужденію состоящихъ подъ его управленіемъ специалистовъ. Сенаторъ Ржевскій отозвался, что, по разсмотрѣніи проэктвъ межевными техниками, найдено: „что проэктъ гг. Смирнова, Рашкова и Захарова болѣе другихъ цѣлесообразенъ“ и что онъ, „желая, съ своей стороны, оказать содѣйствіе къ наилучшему достиженію цѣли, предположенной общественнымъ управленіемъ города Москвы, признавъ возможнымъ, если будетъ принятъ проэктъ гг. Смирнова, Рашкова и Захарова, разрѣшить г. Смирнову, какъ преподавателю геодезии въ Константиновскомъ Межевомъ институтѣ, пользоваться геодезическими инструментами межевыхъ учебныхъ заведеній и помѣщеніемъ для чертежныхъ работъ“ ²⁾. Кромѣ того, В. К. Ржевскій нашелъ возможнымъ, чтобы подъ надзоромъ г. Смирнова по съемкѣ и нивелировкѣ занимались работами и „воспитанники, оканчивающіе курсъ въ инженерномъ отдѣленіи института“.

Не смотря на то, что въ управу послѣ всего представлены были

¹⁾ Докладъ московской городской управы 10-го ноября 1873 года.

²⁾ Предоставленіе пользованія инструментами и помѣщеніемъ доставило городу до 8,000 р. сбереженія.

еще два проекта по тѣмъ же работамъ, она заключила на нихъ контрактъ въ мартѣ 1874 года съ гг. Смирновымъ и Рашковичъ (Захаровъ отказался отъ участія въ дѣлѣ) и по этому контракту постановила выдачу за работы денегъ, въ количествѣ 26,300 рублей, въ зависимость отъ Межеваго института. Такимъ образомъ, это дѣло, сначала частное, обратилось въ полуофициальное, производившееся, подъ руководствомъ институтскихъ преподавателей, межевими инженерами и воспитанниками VIII класса института.

Собственно работы заключались въ слѣдующемъ:

1) Составлена тригонометрическая съѣтъ 1-го разряда, за базисъ которой было принято опредѣленное генеральнымъ штабомъ разстоянiе Ивана Великаго и Новодѣвичьяго монастыря; ея связано 70 колоколенъ церковей города Москвы, изъ которыхъ 9 колоколенъ получили новыя опредѣленiя и прежнiя всѣ повѣрены. Вычисленныя координаты общихъ пунктовъ съ генеральнымъ штабомъ показали полное согласiе съ опредѣленiями сего послѣдняго. Большинство изъ этихъ колоколенъ было привязано геодезически съ точками земной поверхности, между которыми и производился полигонный обходъ съ универсальнымъ снарядомъ, съ точностию отчитыванiя въ углахъ по нониусу въ 10 секундъ, причеиъ разстоянiя измѣрялись стальной мѣрительною лентою, съ точностию до 0,01 сажени. Эти полигоны, названныя главными, обнимали большiе строительные кварталы, безъ подробной съемки, а эта послѣдняя производилась внутри ихъ астролябей съ точностию по нониусу до 1 минуты. Подробности съемки главнымъ образомъ касались длины, ширины улицъ, выступовъ и изломовъ ихъ, положенiя фонарныхъ столбовъ, границъ церковныхъ, казенныхъ и общественныхъ владѣнiй. Частныхъ же владѣнiй съемка не касалась. Точность работы по главнымъ полигонамъ достигала: въ углахъ отъ 1—10 секундъ и по периметру отъ $\frac{1}{700}$ — $\frac{1}{2000}$; по съемочнымъ полигонамъ: въ углахъ отъ 0,5—1,0 минуты и по периметру $\frac{1}{800}$ — $\frac{1}{1000}$.

2) Помощiю геодезическаго нивелированiя опредѣлены алытуды 40 колоколенъ, относительно уровня Балтiйскаго моря, а также и уровня рѣки Москвы, нижнаго ея теченiя, подъ Даниловымъ монастыремъ. Съ этими алытудами были связаны высоты различныхъ цоколей и выступовъ зданiй. Впослѣдствiи эти цоколи были замѣнены особыми металлическими нивелирными марками, реперами, которые, въ количествѣ 2,250 штукъ, были размѣщены на стѣнахъ городскихъ зданiй. Топографическое нивелированiе принимало къ означеннымъ

реперамъ и производилось сомкнутыми полигонами, начиная съ Кремля. Точность нивелировки не превосходила 0,01 сажени на версту.

3) Измѣрено главныхъ полигоновъ на 200 верстъ, съемочныхъ полигоновъ на 693 версты; проинвेलлировано на 547 верстъ; мензуральной съемки на 74 версты. Провѣрено, вслѣдствіе вкравшихся ошибокъ и недоразумѣній, на 311 верстъ; всего 1,825 верстъ. Число участвовавшихъ инженеровъ было: 2 распорядителя, 25 техниковъ и воспитанники 8-го класса трехъ выпусковъ 1874—1877 годовъ.

Кромѣ полевыхъ работъ, исполнено чертежныхъ:

4) Планъ въ масштабѣ 25 сажень въ одномъ дюймѣ, помѣщающійся на 41 листѣ ватманской бумаги большого формата и занимающій мѣсто около 45 квадр. аршинъ. На немъ улицы, переулки, площади, рѣки, пруды, церкви и проч. окрашены и подписаны, а также и казенныя и общественныя зданія. Поверхность Москвы представлена раздѣленною плоскостями, параллельными уровню рѣки Москвы у Данилова монастыря и отстоящими другъ отъ друга на 0,25 сажень сѣченія, по отвѣсной высотѣ.

5) Планъ Москвы въ масштабѣ 50 сажень въ дюймѣ, помѣщенный на 12 листахъ ватманской бумаги большого формата, занимающій мѣсто около 10 квадратныхъ аршинъ, также съ проведенными горизонталями на каждую сажень сѣченія, и

6) Профили на всѣ улицы, переулки, тупики, проѣзды и площади съ надлежащими подписями, въ количествѣ 401 листа ватмана.

При обсужденіи распредѣленія уроковъ на учебный 1874—1875 годъ, инспекторъ классовъ довелъ до свѣдѣнія конференціи, что въ принятомъ распредѣленіи уроковъ замѣчаются нѣкоторыя неудобства, происходящія, во 1) отъ излишней скученности предметовъ общаго образованія въ начальныхъ четырехъ классахъ, отчего выполненіе программъ становится весьма затруднительнымъ; 2) отъ недостаточности уроковъ на изученіе языковъ; 3) отъ позднаго начинанія изученія геодезіи, главнѣйшаго спеціальнаго предмета, что особенно невыгодно отзывается на практическихъ полевыхъ работахъ; и, наконецъ 4) отъ продолжительности уроковъ въ 1½ часа, чрезвычайно утомляющихъ воспитанниковъ.

Для устраненія этихъ неудобствъ, найдено необходимымъ прибавить еще одинъ годъ ученія, открывъ старшее отдѣленіе IV класса съ особымъ курсомъ, составляющимъ переходъ отъ общеобразовательнаго курса къ спеціальному и, кромѣ того, утренніе уроки, которые въ институтѣ обыкновенно назначаются на предметы математическіе,

геодезію, астрономію и проч., а равно и для искусствъ, оставить полтора часовыми, а вечерніе, назначаемые для языковъ, исторіи, географіи и проч., сдѣлать часовыми.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ гимнастика и танцы, преподававшіеся во внѣ-классные часы, отнимали у воспитанниковъ много времени отъ приготовленія уроковъ, то ввести и ихъ также въ число часовыхъ, послѣобѣденныхъ классовъ, измѣнивъ распредѣленіе времени для уроковъ слѣдующимъ образомъ: утромъ: въ приготовительномъ, I, II и III классахъ назначить по два, а въ IV кл., IV ст., V, VI, VII и VIII классахъ допустить и по три полутора часовыхъ урока; послѣ обѣда, во всѣхъ классахъ, по три часовыхъ урока. Попечитель утвердилъ составленное на этомъ основаніи распредѣленіе уроковъ, но съ своей стороны приказалъ ввести преподаваніе математической географіи въ VI классъ и прибавить 1 урокъ законовѣдѣнія въ V классъ, расширивъ нѣсколько программу этого предмета.

Такимъ образомъ росписаніе уроковъ на 1874—1875 годъ было слѣдующее:

ПРЕДМЕТЫ:	Приготов.	К Л А С С Ы:								Ч и с л о		
		I.	II.	III.	IV.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	уроков.	часовъ.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	16	16
Русскій языкъ	5	4	3	3	2	2	2	1	—	—	22	22
Французскій языкъ	4	3	3	3	2	2	2	1	2	2	24	24
Нѣмецкій языкъ	4	3	3	3	2	2	2	1	2	2	24	24
Географія	1	2	2	2	2	2	—	—	—	—	11	11
Исторія общая	—	—	2	2	2	1	—	—	—	—	7	7
Исторія русская	—	—	—	2	2	1	—	—	—	—	5	5
Ариметика	4	4	2	—	—	—	—	—	—	—	10	15
Низшая алгебра	—	—	2	3	2	3	3	—	—	—	13	19 ^{1/2}
Геометрія	—	2	2	2	3	2	2	—	—	—	13	19 ^{1/2}
Прямолинейная тригонометрія	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	3	4 ^{1/2}
Аналитическая геометрія	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	3	4 ^{1/2}
Повтореніе математики	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3	4 ^{1/2}
Высшая алгебра	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	4	6

К Л А С С Ы.

ПРЕДМЕТЫ:	Прагтов.	ст.								Число			
		I.	II.	III.	IV.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	уро-ковъ.	ча-совъ.	
Сферическая тригонометрія	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	3	4 ^{1/2}	
Дифференціальныя и интегральныя исчисления	—	—	—	—	—	—	—	—	3	4	7	10 ^{1/2}	
Теорія вѣроятностей .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	6	
Механика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
Начертательная геометрія	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	3	
Геодезія низшая	—	—	—	—	—	3	4	4	—	—	11	16 ^{1/2}	
Геодезія высшая	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	6	9	
Упражненія въ геодезическихъ вычисленияхъ и повтореніе низшей геодезіи .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	4 ^{1/2}
Математическая географія	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	4	4	
Астрономія	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	4	6	
Законовѣдѣніе	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	3	3	
Межевые законы	—	—	—	—	—	—	3	3	1	1	8	8	
Межевое дѣлопроизводство	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	4	6	
Физика	—	—	—	—	3	3	3	—	—	—	9	3 ^{1/2}	
Таксація и химія	—	—	—	—	—	3	2	3	—	1	9	9	
Минералогія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	
Магнитныя наблюденія	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2	2	
Геометрическое линейное черченіе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	3	
Каллиграфія	4	3	2	2	—	—	—	—	—	—	11	16 ^{1/2}	
Ситуація и черченіе плановъ	—	2	2	2	2	2	3	3	2	2	20	30	
Рисованіе	2	2	2	2	2	1	1	1	2	—	14	21	
Пѣніе	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	8	8	
Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2	2	—	—	16	16	
Танцы	2	2	2	2	2	2	2	2	—	—	16	16	
Итого	31	32	32	33	33	35	36	36	27	29	324	399^{1/2}	

Экзамены въ 1875 году, съ 9-го апрѣля по 11-е іюня, производились по заведенному порядку.

Лагерныя практическія занятія также происходили безъ перемѣнъ, за исключеніемъ VIII класса, воспитанники котораго, сверхъ работъ по межевому дѣлу, занимались составленіемъ и вычисленіемъ тригонометрической сѣти въ г. Москвѣ, съемкою полигоновъ астролібіемъ въ районѣ Замоскворѣчья и Рогожской части и нивелировкой снятыхъ полигоновъ поулично.

Результаты экзаменовъ 1875 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 72 экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевными инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X класса	{ воспитанниковъ 19 экстерновъ 2
Младшими землеѣрными помощниками: съ чиномъ XIV класса	
Безъ чина	1
Переведено въ старшіе классы	{ воспитанниковъ 187 экстерновъ 39
Исключено за малоуспѣшность	
Оставлено въ тѣхъ же классахъ	{ воспитанниковъ 37 экстерновъ 21

Больныхъ въ институтскомъ лазаретѣ въ 1875 году съ остаточными перебивало 454, выздоровѣло 448; осталось 6.

На 1875 годъ было отпущено 120,000 рублей сер., которые всѣ и израсходованы.

Въ январѣ 1875 года окончена при институтѣ слѣдующая замѣчательная работа:

Въ 1873 году, попечитель института, Владиміръ Константиновичъ Ржевскій поручилъ преподавателю геодезій, статскому совѣтнику Ларіонову, составить изображеніе Россійской имперіи на шаровой поверхности, имѣя въ виду получить это изображеніе безъ искаженія фигуры, всегда образующагося при проэктированіи сферическаго контура на плоскость карты. Эта работа была исполнена г. Ларіоновымъ, при помощи преподавателя института Жаркова и младшаго землеѣрнаго помощника Мартыновскаго, на полусегментѣ, выкованномъ изъ мѣди, такъ какъ ни изъ гипса, ни изъ папье-маше—веществъ, обыкновенно употребляемыхъ для глобусовъ, нельзя было до-

статочно вѣрно построить шаровую поверхность того размѣра, который образовался при масштабѣ 100 верстѣ въ дюймѣ. При исполненіи работы, особое вниманіе было обращено на составленіе съ возможною точностію сѣти меридіановъ и параллелей. Для достиженія же наибольшей точности въ нанесеніи подробностей, онѣ брались съ различныхъ специальныхъ картъ, атласовъ, каталоговъ пунктовъ, изданныхъ главнымъ штабомъ и проч., которыхъ было собрано болѣе 70 названій. Составитель изображенія Россійской имперіи пользовался этими данными съ большою разборчивостію, подвергая ихъ взаимному сличенію и отдавая преимущество официальнымъ источникамъ, такъ что сдѣланное имъ изображеніе можно назвать однимъ изъ вѣрнѣйшихъ.

Въ январѣ 1875 года полусегментъ былъ оконченъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ его осматривали многія лица, преимущественно специалисты по картографіи и, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, перенесенъ въ Зимній дворецъ.

13-го февраля въ 11 часовъ утра, Государь Императоръ удостоилъ осмотрѣть работу, причемъ осчастливилъ министра юстиціи и управляющаго межевою частію особою благодарностію, а равно и исполнителей работы, сказавъ имъ: „и васъ благодарю, господа“. Полусегментъ этотъ Государь соизволилъ оставить у себя.

Такой же полусегментъ былъ сдѣланъ и для Константиновскаго межеваго института.

На курсъ 1875—1876 года, по приказанію попечителя, введена практическая механика въ VII классѣ, на что назначено два урока. Всѣ остальные предметы и число уроковъ на нихъ остались безъ перемѣнъ.

Экзамены произведены обыкновеннымъ порядкомъ. На всѣхъ экзаменахъ присутствовалъ попечитель.

Въ лагерныхъ полевыхъ практическихъ занятіяхъ прибавлены занятія съ IV старшимъ классомъ. Занятія эти состояли:

1) Въ веденіи и измѣреніи линий, рѣшеніи разныхъ геометрическихъ задачъ, помощію цѣпи и эккеровъ; въ обходѣ дачъ, помощію цѣпи, кольевъ и эккеровъ и наложеніи ихъ на планъ, въ масштабѣ 10 и 50 сажень въ дюймѣ и въ мензуральной съемкѣ, сначала въ 10, а потомъ въ 50 саженномъ масштабѣ. VIII классъ находился на съемкѣ и нивелировкѣ г. Москвы. Воспитанники производили наблюденія и измѣренія угловъ въ трехъ пунктахъ (Андроніевъ монастырь, церковь Никиты Мученика и Алексѣевскій монастырь), послужившихъ

вершинами треугольника съѣти 1-го разряда; снимали полигоны астролябіемъ въ районѣ Васманной и Лефортовской частей и производили нивелировку снятыхъ ими полигоновъ поудлично.

Прочіе классы производили тѣ же работы, какъ и въ минувшихъ годахъ.

Результаты экзаменовъ за 1876 годъ были слѣдующіе:

Изъ числа 260 воспитанниковъ и 63 экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевными инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X класса 19

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса 8

Переведено въ высшіе классы { воспитанниковъ . . . 208
экстерновъ 55

Исключено по малоуспѣшности 4

Оставлено въ тѣхъ же классахъ { воспитанниковъ . . . 21
экстерновъ 8

Въ этомъ году вышло по просьбамъ родныхъ передъ экзаменами воспитанниковъ 15

которые были замѣнены экстернами.

Больныхъ въ лазаретѣ съ оставшимися перебивало въ 1876 году 355 человекъ; выздоровѣло 353; умерло 2.

Суммъ отпущено на 1876 годъ 120,000 рублей, которые всѣ и израсходованы.

Передъ открытіемъ новаго курса на 1876 — 1877 годъ, попечитель, желая расширить преподаваніе законовѣднія въ институтѣ, предположилъ ввести оное въ VII и VIII классахъ, подробности чего и поручилъ обсудить въ конференціи.

Вопросъ о расширеніи юридическаго образованія возникалъ въ институтѣ неоднократно, какъ со стороны бывшаго попечителя института, сенатора Гедеонова, который предполагалъ учредить курсъ юридическихъ наукъ при IX (офицерскомъ) классѣ института (протоколъ учеб. сов. 1866 г. марта 10), такъ и со стороны конференціи, въ которой высказывались въ прежнее время и причины для этого расширенія и объемъ самаго преподаванія, но вопросъ этотъ постоянно отклонялся по разнымъ причинамъ и только теперь долженъ былъ получить дѣйствительное примѣненіе. Для этого конференція ¹⁾ пред-

¹⁾ Протоколъ конференціи 7-го августа 1876 года.

ложила преподавателямъ законовѣдѣнія Канивецкому и межевымъ законовъ Стоцкому представить подробное о семъ мнѣніе.

Въ представленномъ ими мнѣніи было сказано: „По духу существующихъ законовъ, землемѣръ есть правительственный органъ: онъ межеуетъ земли и при наложеніи межевыхъ признавовъ, силою закона, укрѣпляетъ ихъ неприкосновенность; при спорѣ о границахъ представляетъ лицо примирителя между поземельными собственниками; при несогласіи же владѣльцевъ на миролюбивый разводъ, землемѣръ представляетъ какъ бы первую судебную инстанцію, изслѣдующую и собирающую всѣ факты о данныхъ, на основаніи которыхъ всѣ остальные судебныя мѣста нестановляютъ свои заключенія и резолюцію о межевомъ спорѣ.

„При утвержденіи межъ по рѣшенію суда, землемѣръ снова является возстановителемъ нарушеннаго права о межевыхъ границахъ на будущее время.

„Кромѣ чисто-спеціальной дѣятельности по межевому вѣдомству, землемѣръ прямо или косвенно принимаетъ участіе при разбирательствѣ межевыхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

„Въ каждый окружный судъ ежегодно поступаютъ дѣла о раздѣлѣ земельной собственности и о спорахъ по границамъ, дѣла о завладѣніи, о подтопѣ мельницъ, о правѣ собственности на земли, гдѣ представляются доказательства, имѣющія чисто межевой характеръ; возникаютъ вопросы о значеніи дачи въ межевомъ смыслѣ и т. п. Членъ, къ которому поступитъ подобное дѣло, затруднится въ докладѣ его присутствію, а присутствіе, равнымъ образомъ, затруднится въ рѣшеніи такого дѣла. Причину такихъ затрудненій легко понять: межевые законы представляютъ вообще смѣшеніе многихъ техническихъ правилъ межеванія съ общими правилами гражданскаго судопроизводства и эта смѣсь сообщаетъ имъ видъ столь особенный, что юристъ, знакомый со всѣми подробностями общаго гражданскаго судопроизводства, найдетъ въ нихъ предметы, совершенно ему незнакомые. Такимъ образомъ, всякій, неимѣющій чрезъ наглядное изученіе яснаго понятія о межеваніи, при рассмотрѣніи межевыхъ законоположеній, непременно встрѣтитъ недоразумѣнія, которыя помѣшаютъ ему составить о разсматриваемомъ предметѣ понятіе, вполне основательное и ясное.

„Дѣйствительно, въ настоящее время этотъ недостатокъ чувствуется всѣми судебными мѣстами, а для того, чтобы межевыя дѣла могли быть рѣшаемы въ общихъ судебныхъ мѣстахъ правильно и основа-

тельно, представляются два исхода: а) или судъ долженъ въ тѣхъ случаяхъ каждый разъ обращаться къ мнѣнію межеваго техника, какъ специалиста, что весьма затруднительно, — или же б) въ составъ суда долженъ быть введенъ членъ отъ межеваго вѣдомства.

„Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго видно, что межевой чиновникъ въ большей части гражданскихъ дѣлъ принимаетъ участіе посредственно или непосредственно, а изъ этого естественно возникаетъ вопросъ: могутъ ли межевые техники вполне удовлетворять своему назначенію, при нынѣшнемъ юридическомъ образованіи воспитанниковъ межеваго института?

„Хотя межевой техникъ, во время нахождения въ институтѣ, слушаетъ курсъ общаго законовѣдѣнія, при основательномъ изученіи межевыхъ законовъ и дѣлопроизводства, но, нѣтъ сомнѣнія, что курса этого недостаточно; необходимо болѣе основательное юридическое образованіе и близкое знакомство не только съ дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ, но знаніе и теоріи права. Конечно, при настоящемъ положеніи Межеваго института, когда это заведеніе имѣетъ характеръ и общеобразовательный и спеціальный, нѣтъ времени и мѣста значительно расширить преподаваніе юридическихъ наукъ, но, тѣмъ не менѣе, необходимо принять въ основаніе соответствующее цѣлямъ заведенія расширеніе“.

Составители мнѣнія представили довольно полный списокъ предметовъ для юридическаго курса Межеваго института, а именно, они предполагали ввести въ этотъ курсъ: 1) гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство; 2) межевые законы; 3) уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство; 4) государственное право; 5) полицейское право; 6) исторію русскаго права; 7) политическую экономію, и 8) статистику.

Члены конференціи нашли, однакоже, что юридическія науки не могутъ быть введены въ институтѣ въ такомъ широкомъ размѣрѣ, который, тѣмъ не менѣе, все-таки не объимаетъ всей совокупности юридическихъ наукъ, читаемыхъ на юридическомъ факультетѣ университетовъ, и поэтому признали болѣе полезнымъ ограничиться только необходимымъ, имѣя въ виду, по преимуществу, цѣль практическую. На этомъ основаніи, принимая во вниманіе, что Межевой институтъ представляетъ соединеніе двухъ заведеній: средняго (землемѣрнаго), и высшаго (для межевыхъ инженеровъ), изъ которыхъ каждое должно представлять законченное цѣлое, постановили, что и преподаванію

законовѣдѣнія, какъ и всѣмъ прочимъ наукамъ, необходимо придать характеръ законченный какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣленіи.

Согласно съ этимъ, курсъ законовѣдѣнія раздѣлится на двѣ части, а именно: въ землемѣрномъ отдѣленіи ограничиться преподаваніемъ дѣйствующаго нашего законодательства, какъ это дѣлалось и до настоящаго времени, расширивши, впрочемъ, нѣсколько объемъ преподаванія, а въ инженерномъ отдѣленіи ознакомить воспитанниковъ какъ съ теоріею права, такъ и съ юридическою практикой.

Такимъ образомъ, курсъ законовѣдѣнія предположено было распредѣлить въ институтѣ слѣдующимъ образомъ:

А) Въ землемѣрномъ отдѣленіи: 1) основные законы, 2) государственныя и губернскія учрежденія, 3) законы о состояніяхъ, 4) гражданскіе законы, причемъ должно быть обращено особенное вниманіе на право собственности, 5) уголовныя законы, изъ которыхъ необходима только общая часть, и 6) вѣратцѣ судопроизводство гражданское и уголовное.

Б) (Въ инженерномъ отдѣленіи: 1) энциклопедія законовѣдѣнія, какъ наука, заключающая въ себѣ общія юридическія начала и краткій обзоръ всѣхъ юридическихъ наукъ, и 2) подробное изложеніе гражданскаго и уголовного судопроизводства.

Почетитель, утвердивъ программы гражданскаго и уголовного судопроизводства для VII и VIII классовъ, приостановился съ введеніемъ преподаванія энциклопедіи законовѣдѣнія, впредь до большаго уясненія этого дѣла. Мы не помѣщаемъ здѣсь этихъ программъ, такъ какъ преподаваніе законовѣдѣнія въ инженерномъ отдѣленіи выработалось впоследствии нѣсколько въ иной формѣ.

Мы упоминали, что въ августѣ 1867 года былъ утвержденъ проектъ правилъ о преобразованіи Межеваго корпуса изъ военнаго въ гражданское устройство, но какъ въ этомъ проектѣ ничего не было упомянуто объ институтѣ, то бывшій управляющій Межевымъ корпусомъ, относительно института, ограничился только распоряженіемъ о переименованіи ротныхъ командировъ и офицеровъ, а также и преподавателей, въ гражданское званіе, такъ что устройство заведенія, права воспитанниковъ по образованію и положеніе служащихъ въ институтѣ лицъ остались безъ измѣненія.

Хотя Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся въ 1870 году, воспитанникамъ, выпускавшимся прежде военными чинами, предоставлено званіе межевыхъ инженеровъ съ чиномъ X класса и служебными правами окончившихъ курсъ въ перворазрядныхъ учебныхъ за-

веденіяхъ, и хотя такимъ образомъ институтъ, выпуская всѣхъ своихъ воспитанниковъ съ чинами гражданскими, преобразовался въ заведеніе совершенно гражданское, но въ немъ, согласно его уставу, по внутреннему распредѣленію все еще оставалось устройство военное.

Воспитанники, по прежнему, дѣлились на роты и отдѣленія, а воспитатели, состоя въ гражданскихъ чинахъ, носили названіе ротныхъ командировъ и ротныхъ офицеровъ и поэтому права ихъ оставались въ положеніи совершенно неопредѣленномъ какъ по производству въ чины, такъ и по содержанію, ибо они получали такое же не по должностямъ, какъ принято въ гражданскомъ вѣдомствѣ, а по тѣмъ военнымъ чинамъ, въ которыхъ застало ихъ переименованіе въ гражданское званіе.

Такое неопредѣленное положеніе, продолжавшееся почти 9 лѣтъ, отозвалось въ жизни заведенія немалыми неудобствами: такъ было неизвѣстно, до какихъ гражданскихъ чиновъ могутъ быть производимы ротные командиры и ротные офицеры; при опредѣленіи вновь на эти должности лицъ, имѣвшихъ гражданскіе чины, встрѣчалось затрудненіе, какое именно назначать имъ содержаніе и имѣютъ ли они право на полученіе добавочныхъ окладовъ за пяти и десятилѣтія прослуженія при военно-учебныхъ заведеніяхъ; наконецъ, всѣ эти лица, несшія равныя обязанности, получали неравное содержаніе, что было весьма неудобно.

Въ видахъ устраненія этихъ затрудненій и для довершенія преобразованія института изъ военнаго въ гражданское устройство, попечитель представилъ министру юстиціи о необходимости:

1) Отмѣнить дѣленіе воспитанниковъ на роты и отдѣленія, замѣнивъ оное соотвѣтствующимъ подраздѣленіемъ, основаннымъ на дѣленіи по классамъ, въ отношеніи учебномъ, то-есть раздѣлить воспитанниковъ по управленію, въ замѣнъ ротъ, на три отдѣленія: приготовительное, землемѣрное и инженерное, а вмѣсто ротныхъ отдѣленій принять дѣленіе по классамъ;

2) замѣнить званіе ротныхъ командировъ и ротныхъ офицеровъ званіями воспитателей; и

3) издать новый штатъ для лицъ, служащихъ въ институтѣ, примѣняясь къ штатамъ, существующимъ въ однородныхъ заведеніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было представлено, что, при пережѣтѣ этого внутренняго устройства заведенія, необходимо принять мѣры, чтобы на будущее время, при окончательномъ закрытіи школы межевыхъ

топографовъ, давшихъ въ годъ до 20 воспитанниковъ въ инженерное отдѣленіе института, это отдѣленіе оставалось въ своемъ прежнемъ численномъ составѣ, дабы не ощутились недостатки въ лицахъ, имѣющихъ званіе межевыхъ инженеровъ, такъ какъ они необходимы не только для института, но и вообще для межеваго вѣдомства, ибо, сверхъ замѣщенія должностей преподавателей специальныхъ предметовъ и воспитателей въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ, межевые инженеры, какъ получившіе высшее специальное образованіе, избираются для замѣщенія должностей межевыхъ ревизоровъ, губернскихъ землемѣровъ и проч. Удобнѣйшимъ для сего способомъ предлагалось увеличеніе комплекта воспитанниковъ въ институтѣ до 300 человекъ, которое не представляло и никакихъ особенныхъ затрудненій, какъ по незначительности требовавшагося на это расхода, такъ и со стороны помѣщенія института, занимавшаго зданія упраздненной школы межевыхъ топографовъ, въ которыхъ помѣщалось болѣе 300 воспитанниковъ, а равно библіотека, геодезическій и физическій кабинеты и проч.

Въ дѣйствительности, по среднему выводу, каждый воспитанникъ института обходился въ годъ 469 рублей 51 коп., но какъ управленіе, содержаніе дома, то-есть, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и прочіе расходы почти не должны были измѣниться, будетъ ли въ зданіяхъ института помѣщаться 260 или 300 воспитанниковъ, то при увеличеніи комплекта на 40 человекъ, слѣдовало имѣть въ виду только тотъ расходъ, который необходимъ для каждаго изъ этихъ воспитанниковъ, а именно:

На столовое содержаніе.	51 р. 19 ¹ / ₄ к.
„ обмундированіе.	43 „ 19 ¹ / ₂ „
„ классныя учебныя пособія, библіотеку, музеумъ и предметы практическихъ занятій.	18 „ 29 ³ / ₄ „
„ содержаніе лазарета и прачешной .	12 „ 05 ¹ / ₂ „
„ жалованье учителямъ	107 „ 67 ¹ / ₄ „

но изъ числа и этихъ расходовъ слѣдовало принять полностью только первые четыре, ибо цифра вознагражденія преподавателямъ могла быть сокращена на половину, такъ какъ только половина 40 человекъ могли потребовать лишняго класснаго отдѣленія, а остальные могли быть размѣщены по существующимъ уже классамъ. Такимъ образомъ, на каждаго изъ прибавленныхъ воспитанниковъ тре-

бывалось, вмѣсто 469 рублей 51 коп., только 178 рублей 57 коп., а на всѣхъ 40—7,142 рубля 80 копѣекъ.

По замѣнѣ ротъ отдѣленіями, предполагалось переименовать ротныхъ командировъ въ старшихъ воспитателей, назначивъ ихъ трехъ и поручивъ имъ завѣдываніе инженернымъ, землемѣрнымъ и пригособительнымъ отдѣленіями, а ротныхъ офицеровъ — въ классныхъ воспитателей, назначивъ ихъ 10 человекъ, по числу имѣющихся образоваться классовъ.

При составленіи проекта штата института, имѣлось въ виду: содержаніе директора и инспектора классовъ приравнять къ содержанію соотвѣтственныхъ должностей въ институтахъ Путей Сообщенія и Горномъ; содержаніе старшихъ воспитателей приравнять къ содержанію начальниковъ, а классныхъ воспитателей къ содержанію надзирателей землемѣрныхъ училищъ; законоучителю, въ уваженіе того, что на обязанности его должны лежать заботы о нравственномъ воспитаніи, не только наравнѣ съ прочими воспитателями, но и выше ихъ, независимо отъ платы за уроки, назначить такое же жалованье, какъ и старшимъ воспитателямъ; прочихъ же должностныхъ лицъ или приравнять въ содержаніи къ штату соотвѣтственныхъ должностей Горнаго института или оставить имъ такое же по прежнему окладамъ Межеваго института.

Въ счетъ требуемой на увеличеніе штата института суммы предполагалось обратить оставшіяся отъ упраздненія школы межевыхъ топографовъ, за назначеніемъ 88,000 рублей на 4 землемѣрныхъ училища, свободный остатокъ въ 25,000 рублей, ибо это увеличеніе требовало всего 23,663 рубля.

Всѣ эти соображенія и проектъ новаго штата института на 300 человекъ воспитанниковъ были препровождены министромъ юстиціи въ министерство финансовъ, которое, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія въ штатѣ, между прочимъ полагало, что въ институтѣ достаточно назначить, вмѣсто трехъ, двухъ старшихъ воспитателей, соединивъ для сего въ отношеніи надзора инженерное отдѣленіе съ землемѣрнымъ. Министръ юстиціи, соглашаясь съ доводами министерства финансовъ относительно сдѣланныхъ имъ измѣненій, не раздѣлялъ однако же предположенія объ уменьшеніи числа старшихъ воспитателей.

При внесеніи въ государственный совѣтъ доклада по утвержденію проекта новаго штата Константиновскаго Межеваго института, графъ Паленъ по этому поводу совершенно справедливо писалъ:

„Въ инженерное отдѣленіе вступаютъ молодые люди, которые

окончили курсъ воспитанія среднихъ учебныхъ заведеній и приобрѣли право, при опредѣленіи на межевую службу, получить званіе землемѣрныхъ помощниковъ и чинъ XIV класса. Въ институтѣ приняты всѣ мѣры не только къ обособленію этихъ лицъ отъ другихъ воспитанниковъ, но и къ отдѣльному ихъ помѣщенію, въ видахъ представленія имъ большей самостоятельности и средствъ къ серьезнымъ занятіямъ науками. Надзоръ за сими лицами долженъ быть поставленъ въ особыя условія отъ надзора за воспитанниками, которые еще не вышли изъ отроческаго возраста; поэтому, соединеніе въ одномъ лицѣ обязанности по надзору за тѣми и другими воспитанниками будетъ невыгодно въ томъ отношеніи, что приемы обращенія, усвоенные воспитателемъ по отношенію къ воспитанникамъ инженернаго отдѣленія, при примѣненіи ихъ къ воспитанникамъ отдѣленія землемѣрнаго, не будутъ достигать цѣли. Поставленіе же воспитанниковъ инженернаго отдѣленія въ условія, которыя считаются полезными для воспитанниковъ отдѣленія землемѣрнаго, было бы излишнимъ для нихъ стѣсненіемъ. Между тѣмъ, невозможно требовать отъ одного лица, находящагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ воспитанниками обоихъ отдѣленій, строгаго соблюденія тѣхъ приемовъ обращенія, которые такъ много способствуютъ придаванію надлежащаго значенія какъ положенію воспитателя, такъ и вообще его требованіямъ. Хотя въ инженерномъ отдѣленіи число воспитанниковъ не столь значительно, какъ въ отдѣленіи землемѣрномъ, но для приобретенія должнаго вліянія на сихъ воспитанниковъ потребно не одно только внѣшнее наблюденіе за ихъ поведеніемъ, но всестороннее изученіе характера и ознакомленіе съ образомъ мыслей каждаго изъ нихъ, что имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что воспитанники сего отдѣленія не только приготавливаются быть дѣятелями на поприщѣ служебномъ, но и могутъ во всякое время обратиться въ таковыхъ, потому что поступленіе въ это отдѣленіе свидѣтельствуетъ объ окончаніи курса въ землемѣрномъ отдѣленіи, а слѣдовательно, даетъ право на землемѣрнаго помощника. Назначеніе одного воспитателя для двухъ отдѣленій, представляя незначительную денежную экономію, не только не принесетъ пользы дѣлу, но и невыгодно отразится на нравственно-воспитательной сторонѣ заведенія“.

Въ 1876 году государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ это представленіе министра юстиціи по проекту новаго штата Константиновскаго Межеваго института, мнѣніемъ положилъ:

„1) Проект штата сего института представить на Высочайшее утверждение.

„2) По восполненіи Высочайшаго утвержденія, штатъ этотъ ввести въ дѣйствіе съ 1-го января 1877 года.

„3) Одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе означеннаго штата:

„а) отмѣнить дѣленіе воспитанниковъ на роты и отдѣленія, замѣнивъ оне соотвѣтствующимъ подраздѣленіемъ, основаннымъ на дѣленіи по классамъ въ отношеніи учебномъ;

„б) переименовать ротныхъ командировъ въ старшихъ, а ротныхъ офицеровъ въ классныхъ воспитателей; и

„в) существующій комплектъ воспитанниковъ въ институтѣ увеличить прибавленіемъ 40 казенно-коштныхъ вакансій“.

Это мнѣніе государственнаго совѣта Государь Императоръ 29-го мая (10-го іюня) 1876 года Высочайше соизволилъ утвердить и повелѣлъ исполнить.

Такимъ образомъ, полученіемъ новаго штата институтъ обязанъ попечительности сенатора Ржевскаго и особому вниманію къ институту и его нуждамъ бывшаго министра юстиціи, графа Константина Ивановича Палена.

Штатъ этотъ, сравнявшій содержаніе лицъ управленія съ штатомъ институтовъ Путей Сообщенія и Горнаго, увеличившій противъ штата 1852 года число старшихъ воспитателей до 3-хъ (было 2 ротныхъ командира) и классныхъ до 10 человекъ (было 8 ротныхъ офицеровъ) и давшій имъ гораздо большее содержаніе противъ прежняго, въ особенности замѣчательнъ широкимъ примѣненіемъ правъ учебной службы по пенсіямъ и значительнымъ увеличеніемъ оной противъ прежнихъ положеній. Ничего не могло быть справедливѣе, какъ распространеніе правъ учебной службы на воспитателей института, которые, исполняя всѣ обязанности классныхъ наставниковъ и постоянно разъясняя воспитанникамъ уроки, несутъ всю тяготу учебной службы. Служба же эта—воистину тяжелая и не дающая никакихъ надеждъ на повышеніе или на занятіе высшихъ должностей.

Никто, можетъ быть, не охарактеризовалъ съ такою вѣрностію учебной службы, какъ самъ Государь Императоръ, когда Онъ, въ бытность Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, по поводу возникшаго вопроса о возобновленіи права полученія пенсій за 25 лѣтъ учебной службы, отнятаго указомъ 5 ноября 1852 года, къ запискѣ министра народнаго просвѣщенія 25 ноября 1855 года,

поданной въ комитетъ министровъ, приказаль присоединить свое мнѣніе. Въ этомъ мнѣніи Наслѣдника Цесаревича сказано было: „Зная близко свойства и условія учебной службы Моего вѣдомства, нахожу, что она не только не можетъ быть подведена вполне подъ правила общаго пенсіоннаго устава, но должна сохранить особыя данныя ей преимущества, если не хотять разрушить всего благотворнаго на умственное и нравственное образованіе и настоящаго и будущаго поколѣній вліянія, какое произвели и производятъ уставы, дарованныя этой службѣ благодіемъ и мудростію Государя Императора. Не говоря о томъ, что служба учебная требуетъ постоянно напряженной дѣятельности, и умственной и тѣлесной, мудрено сдѣлать очевидною для всѣхъ степень этого напряженія, большую, нежели какой требуетъ, говоря вообще, служба гражданская; скажу только одно неоспоримое и очевидное для всѣхъ: служба учебная имѣетъ особыя свойства и требуетъ особенныхъ условій, не легкихъ въ исполненію и не встрѣчающихся въ другомъ родѣ служебной дѣятельности, какъ-то: 1) служба учебная требуетъ особаго приготовленія, въ которомъ ученически проходятъ лучшіе годы того, кто въ ней готовится, тогда какъ его сверстники находятся уже на дѣятельной службѣ военной или гражданской. Можно принять, что средній возрастъ, съ котораго начинаютъ службу военную или гражданскую, есть 18 лѣтъ, а средній возрастъ, съ котораго начинается служба учебная—23 года; слѣдственно, служащіе, военные и гражданскіе, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, 5 лѣтъ выслуги впереди противъ учителя. 2) Служба учебная не представляетъ движенія. Движеніе по степенямъ служебнымъ, военною и гражданскою представляемое, и естественное слѣдствіе этого движенія—улучшеніе своего быта и возвышеніе своего значенія въ обществѣ—всего этого не существуетъ для учителя; тѣмъ онъ былъ на первомъ году своей службы, тѣмъ останется и на послѣднемъ. Эта-то неподвижность и есть главная причина, что до учебной службы мало охотниковъ. Безспорно, что одна изъ главнѣйшихъ потребностей правительства есть приобрѣтеніе для молодаго поколѣнія учителей достойныхъ,—людей нравственныхъ, просвѣщенныхъ и способныхъ; единственное преимущество такихъ людей предъ чиновниками заключается только въ пенсіяхъ; если отнять и ограничить это преимущество—много ли достойныхъ людей пойдетъ въ многотрудное учительское званіе? Допустить это званіе къ упадку было бы страшною политическою ошибкою; она отразилась бы горько для правительства и для Россіи въ

будущихъ поколѣнiяхъ. Вотъ причины, по которымъ Я всегда считалъ, что весьма полезно было бы для военно-учебныхъ заведенiй не касаться вовсе благодѣтельнаго положенiя 1836 года, которымъ дана новая жизнь этимъ заведенiямъ; а, напротивъ, всякое измѣненiе есть ущербъ для того нравственнаго и умственнаго добра, которое сдѣлано было для нихъ съ 1836 года Государемъ Императоромъ“.

Благости Государя обязаны и въ настоящее время служащiе въ институтъ увеличенiемъ ихъ пенсiй.

Такимъ образомъ, по прежнимъ постановленiямъ старшiй учитель могъ получить въ пенсiю 643 рубля 33 коп.,—по новому штату онъ получаетъ 1,000 рублей; младшiй учитель, вмѣсто 571 руб. 84 к.,—750 рублей; старшiе воспитатели, вмѣсто получавшихся ротными командирами, по чину капитана, 345 рублей, имѣютъ получать одинъ 1,000 и двое по 850 рублей; классные воспитатели, вмѣсто получавшихся ротными офицерами, по чину поручика, 290 рублей, имѣютъ получать по 750 руб.

Затѣмъ, новый штатъ, основанный на среднемъ выводѣ дѣйствительныхъ расходовъ института за послѣднiе года, весьма удовлетворителенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, за исключенiемъ цифры, назначенной на уплату учителямъ. Цифра эта ограничивается 23,000 рублей, тогда какъ институтъ тратитъ на вознагражденiе преподавателей свыше 30,000 рублей. Дѣло въ томъ, что преподаватели математики и специальныхъ предметовъ въ инженерномъ отдѣленiи, хотя и не несутъ званiя профессоровъ, но, конечно, съ одной стороны, имѣютъ тѣ же самыя обязанности, а съ другой, имѣя ограниченное число лекцiй въ самомъ институтѣ, не могутъ читать лекцiй, по специальности своихъ предметовъ, и въ другихъ заведенiяхъ, такъ что ихъ уроки должны быть оплачиваемы несравненно выше, чѣмъ уроки въ землемѣрномъ и пригготовительномъ отдѣленiяхъ. Даже, если и не принимать во вниманiе этого возвышенiя платы, а принять только въ расчетъ, что въ институтѣ 10 классовъ и назначить, какъ и предположено, по 5 уроковъ въ день, то выйдетъ 50 уроковъ въ недѣлю, которые, если ихъ оплачивать только 60 рублями за годовой часъ, составятъ уже цифру въ 30,000. Между тѣмъ въ инженерномъ отдѣленiи уроки оплачиваются по 100 и 150 рублей за годовой часъ. Новый штатъ помѣщенъ въ приложенiи.

По полученiи этого штата, директоръ испросилъ разрѣшенiе печителя, въ виду того, что учебный годъ начинается не съ 1 января, а съ 1 сентября и что къ 1 января 1877 года, когда прина-

зано ввести новый штатъ, половина курсовъ будетъ уже пройдена и слѣдовательно пріемъ воспитанниковъ дѣлать будетъ неудобно, про- извести пріемъ 40 воспитанниковъ только къ 1 сентября 1877 года, тѣмъ болѣе, что съ 1 января 1879 года долженъ быть прекращенъ отпускъ суммъ на школу межевыхъ топографовъ и что часть оставшихся въ ней воспитанниковъ придется зачислить въ институтъ къ 1878—1879 учебному году.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ служащіе въ институтѣ призваемы ми- нистра юстиціи были переименованы или зачислены на новыя долж- ности, согласно Высочайше утвержденному штату.

Курсъ на 1876—1877 годъ, за исключеніемъ курса въ VII и VIII классахъ, остался безъ перемѣнъ.

Въ этихъ же двухъ классахъ, согласно упомянутому распоряже- нію попечителя, было прибавлено по два урока на законовѣдѣніе вза- мѣнъ одного уничтоженнаго урока рисованія и одного убавленнаго урока по математикѣ.

Лѣтомъ 1877 года институтъ былъ два раза посѣщаемъ ми- нистромъ юстиціи, графомъ Паленомъ, въ сопровожденіи попечителя. Графъ осмотрѣлъ заведеніе во всей подробности и остался имъ от- мѣнно доволенъ; присутствуя на экзаменахъ въ инженерномъ отдѣ- леніи, онъ также нашелъ необходимымъ, чтобы межевые инженеры имѣли болѣе сильныя юридическія знанія, особенно по гражданскому праву. Повидимому, графъ Константинъ Ивановичъ имѣлъ предпо- ложеніе, при помощи этого расширеннаго юридическаго образоваія: дать возможность межевымъ инженерамъ участвовать въ рѣшеніи тѣхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ от- ношеніе къ межеванію.

Экзамены въ 1877 году, съ 6 мая по 7 іюня, произведены обык- новеннымъ порядкомъ. Полевые практическія занятія, съ 14 іюня по 5 августа—также. Воспитанники VIII класса находились на мензур- ной съемкѣ берега Москвы рѣки у Симонова монастыря; снимали астролябіей полигоны въ районѣ Якиманской и Хамовнической ча- стей и произвели нивелировку въ Якиманской части, тѣмъ и закон- чились ихъ работы по съемкѣ и нивелировкѣ города Москвы.

Результаты экзаменовъ 1877 года были слѣдующіе:

Изъ 260 воспитанниковъ и 75 экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевыми инженерами, старшими землеѣрными помощ- никами съ чиномъ X класса 15

Межевымъ инженеромъ съ правомъ на чинъ X класса при поступленіи на службу экстернъ	1
Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса	2
Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса	13
Съ правомъ на чинъ XIV класса при поступленіи на службу экстернъ	1
Канцелярскими служителями въ Межевую канцелярію	2
Исключено по малоуспѣшности { воспитанниковъ	7
{ экстерновъ	5
Уволено по просьбамъ родныхъ { воспитанниковъ	15
{ экстерновъ	8
Переведено въ старшіе классы { воспитанниковъ	201
{ экстерновъ	46
Осталось въ тѣхъ же классахъ { воспитанниковъ	5
{ экстерновъ	14

Больныхъ въ лазаретѣ перебивало въ 1877 году 354; выздоровѣло 348; осталось 6.

На 1877 годъ отпущено 139,173 рубля, которые всѣ и израсходованы.

Къ курсу 1877—1878 года съ вновь принятыми кандидатами, перечисленными изъ экстерновъ и переведенными изъ школы воспитанниками, за упраздненіемъ оной, образовался въ институтѣ полный комплектъ въ 300 воспитанниковъ.

Общій курсъ института на учебный 1877—1878 годъ остался безъ перемѣнъ, но въ VII и VIII классы, согласно указанію министра юстиціи, для чтенія юридическихъ наукъ былъ приглашенъ профессоръ Московскаго университета Муромцевъ. Графъ Паленъ настолько принялъ участія въ этомъ дѣлѣ, что въ бытность свою въ Москвѣ входилъ въ личныя сношенія съ профессоромъ и одобрилъ составленную имъ программу для VII и VIII классовъ.

Экзамены происходили въ 1878 году съ 27 апрѣля по 9 іюня, введеннымъ порядкомъ; на экзаменахъ изъ Закона Божія въ VI классѣ присутствовалъ преосвященный Амвросій, викарій Московскій. Практическія полевныя работы, съ 15 іюня по 5 августа, за исключеніемъ VIII класса, также были безъ перемѣнъ.

Относительно же VIII класса, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ былъ на съемкѣ и нивелировкѣ города Москвы, директоръ заявилъ конференціи, что въ виду окончанія этой работы въ предъ-

лахъ камеръ-коллежскаго вала, попечителю угодно было приказать классу этому продолжать геодезическія работы по съемкѣ и нивелировкѣ мѣстностей, составляющихъ окрестности Москвы; начиная эти работы отъ исполненнаго уже плана города, ограниченнаго камеръ-коллежскимъ валомъ.

Это распоряженіе попечителя было вызвано тою дѣйствительною пользою, которую принесъ воспитанникамъ, въ минувшихъ годахъ, подобный переводъ ихъ съ работъ учебныхъ на работы серьезныя, имѣющія приложенія въ дѣлѣ общественныхъ надобностей.

Программа сихъ работъ, выработанная старшимъ преподавателемъ геодезій Рашковымъ, заключалась въ слѣдующемъ:

- 1) Составленіе треангуляціи. Новая треангуляція должна была быть продолженіемъ прежней сѣти, но за чертою города.
- 2) Геодезическое нивелированіе.
- 3) Полигонный обходъ астролябією между пунктами, которыхъ положеніе относительно колоколенъ уже опредѣлено.
- 4) Подробная съемка внутри полигоновъ мензулою, съ назначеніемъ горизонталей, помощію кипрегеля.
- 5) Нивелировка топографическая съмочныхъ полигоновъ, начиная съ реперовъ, положенныхъ и укрѣпленныхъ на стѣнахъ зданій, въ чертѣ города, и
- 6) При съемкѣ подробностей, а также и полигонной, привязка встрѣчающихся межевыхъ признаковъ, описывая подробно эту привязку въ журналѣ.

Масштабъ съемки для городскихъ работъ былъ принятъ 25 сажень и для окрестностей 50 саж. въ дюймѣ, а точность работъ по съемкѣ: въ углахъ до 1 минуты, въ длинѣ линій не болѣе $\frac{1}{300}$ и по нивелировкѣ до 0,07 сажени на версту.

Самыя работы предполагалось начать или съ сѣверо-восточной части Москвы, для изслѣдованія долины рѣки Яузы, или съ южной. Такъ какъ вторая мѣстность представляла болѣе важный интересъ для топографическихъ изысканій, по идущему здѣсь нижнему теченію рѣки Москвы отъ Данилова монастыря верстъ на 20 или на 30, причѣмъ нивелировка рѣки Москвы и ея долины на такомъ протяженіи могла дать точныя данныя для проекта канализаціи города, то члены конференціи признали за болѣе полезное—начать работы съ южной стороны Москвы, съ чѣмъ согласился и попечитель.

Такимъ образомъ, согласно этой программѣ, въ лѣто 1878 года 12 человекъ воспитанниковъ VIII-го класса, подъ руководствомъ

г-на Рашкова, составили тригонометрическую сеть, для чего производились наблюдения въ 6-ти пунктахъ (колокольни: Калитинскаго кладбища, Симоновская, Новоспасская, Перервенская, Донская и Андроніевская); произвели геодезическое нивелированіе съ пунктомъ: Донскаго, Симонова и Перервинскаго монастырей на Андроніевскій монастырь, для опредѣленія алытудъ Перервы, Калитинской колокольни и столба у плотины (что на Москвѣ-рѣкѣ около Перервы), сняли астролябіею полигоны въ 26, 12 и 15 угловъ, на 11¹/₂ верстахъ; пронивелировали топографически 16 верстъ 280 сажень и свали мензулою 4 квадратныхъ версты. Кромѣ этихъ полевыхъ работъ, вычислили: координаты точекъ сѣти, координаты полигоновъ, привязки къ пунктамъ городской сѣти, привязки межевыхъ столбовъ, геодезическое и топографическое нивелированіе и опредѣленіе уровня Москвы-рѣки у Перервинской плотины.

Результаты экзаменовъ 1878 года были слѣдующіе:

Изъ числа 300 воспитанниковъ и 57 экстерновъ:

Выпущено на службу:

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X класса:

Воспитанниковъ	11
Экстернъ	1

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса

8

Канцелярскимъ служителемъ въ Межевую канцелярію

1

Переведено въ старшіе классы:

Воспитанниковъ	223
Экстерновъ	45

Исключено:

Воспитанниковъ	8
Экстернъ	1

Уволено по просьбѣ родныхъ:

Воспитанниковъ	5
Экстерновъ	1

Оставлено въ тѣхъ же классахъ:

Воспитанниковъ	45
Экстерновъ	4

На курсъ 1878—1879 года была сдѣлана только слѣдующая перемена: теоретическая механика, проходившаяся въ инженерномъ от-

дѣленіи, замѣнена элементарною практическою механикою, на которую назначено 2 урока, по одному въ V и VI классахъ землемѣрнаго отдѣленія, по слѣдующимъ соображеніямъ: преподаваніе теоретической механики въ инженерномъ отдѣленіи при двухъ урокахъ въ недѣлю приходилось ограничивать, по недостатку времени, только частію науки, а именно, механикою точки, не сообщая почти никакихъ свѣдѣній, касающихся механики системы. Такое преподаваніе механики, по сокращенной программѣ, какъ самостоятельнаго предмета, не достигало цѣли; увеличивать же число часовъ на оную въ инженерномъ отдѣленіи конференція не находила возможнымъ какъ потому, что при этомъ предмету, имѣющему для института второстепенное значеніе, придано бы было такое развитіе, котораго онъ имѣть не долженъ, такъ и потому, что вслѣдствіе усиленія преподаванія юридическихъ наукъ въ инженерномъ отдѣленіи прибавлять времени на механику было бы и невозможно. Въ этихъ видахъ конференція признала болѣе полезнымъ преподаваніе теоретической механики въ инженерномъ отдѣленіи, какъ самостоятельнаго предмета, прекратить, введя въ замѣнъ оной преподаваніе механики практической, на основаніяхъ элементарной математики, въ классы землемѣрные. Но имѣя въ виду, что преподаваніе механики въ инженерномъ отдѣленіи имѣло также цѣлію расширить область приложений математики, конференція, согласно предложенію профессора Лѣтникова, предположила возможнымъ допустить изложеніе нѣкоторыхъ главъ этой науки, въ видѣ прибавленія къ курсу интегральнаго исчисленія, причемъ подобное расширеніе курса математики будетъ не только весьма полезно, но даже необходимо, ибо въ противномъ случаѣ многія части интегральнаго исчисленія остались бы вовсе безъ приложений въ курсѣ института.

Вводить практическую механику, на основаніи элементарной математики, въ инженерное отдѣленіе признано неудобнымъ, ибо тогда нарушилось бы общее направленіе высшаго математическаго ученія въ ономъ; отъ перенесенія же практической механики въ землемѣрные классы предвидятся слѣдующія выгоды:

а) Всѣ ованчивающіе курсъ въ землемѣрномъ отдѣленіи приобретутъ массу знаній, существенно полезныхъ въ практической жизни и кромя того ихъ общее математическое образованіе подвинется впередъ, ибо на изученіе механики, при настоящей ея обстановкѣ со стороны имѣющихся руководствъ, можно смотрѣть и какъ на средство общеобразовательное; и

6) Отъ прохожденія элементарной механики, какъ науки самостоятельной, улучшится преподаваніе физики (собственно), программа которой до сихъ поръ наполнилась и даже нерѣдко переполнялась различными статьями, въ разбросанномъ видѣ, изъ частей механики и химіи. Отдѣльное преподаваніе механики въ этомъ отношеніи будетъ на столько же полезно, какъ и введенное въ институтъ отдѣльное преподаваніе химіи.

Личный составъ института въ 1879 году былъ слѣдующій:

1. Директоръ, тайный совѣтникъ Александръ Львовичъ Анукинъ.
2. Инспекторъ классовъ, действительный статскій совѣтникъ Александръ Михайловичъ Ламовскій.
3. Законоучитель и настоятель церкви въ институтѣ, магистръ богословія, священникъ Андрей Григорьевичъ Полотебновъ.

Старшіе воспитатели:

4. Межевой инженеръ статскій совѣтникъ Владиміръ Семеновичъ Симовъ.
5. Межевой инженеръ статскій совѣтникъ Любимъ Ивановичъ Соколовъ.
6. Межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Федоръ Никитичъ Соснинъ.

Классные воспитатели:

7. Межевой инженеръ статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Роменко.
 8. Межевой инженеръ статскій совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Автографовъ.
 9. Межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Юденичъ.
 10. Межевой топографъ коллежскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Шубинъ.
 11. Межевой инженеръ надворный совѣтникъ Іосифъ Михайловичъ Косицынъ.
 12. Межевой инженеръ коллежскій ассесоръ Николай Петровичъ Бѣликовъ.
 13. Титулярный совѣтникъ Николай Александровичъ Поликъ.
- Занимающіе должности классныхъ воспитателей.
14. Межевой инженеръ коллежскій ассесоръ Иванъ Казимировичъ Казакевичъ.
 15. Межевой инженеръ титулярный совѣтникъ Петръ Андреевичъ Лаврентьевъ.

16. Межевой инженеръ титулярный совѣтникъ Вячеславъ Михайловичъ Давровъ.
- Состоящіе на службѣ:
- Старшіе преподаватели:
17. Межевыхъ законовъ—межевой инженеръ статскій совѣтникъ Дмитрій Демьяловичъ Огонцій.
18. Геодезіи—межевой инженеръ статскій совѣтникъ Дмитрій Петровичъ Рашковъ.
19. Накладки и черченія межевыхъ плановъ и ситуаціи—межевой инженеръ статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Кушнеревъ.
20. Накладки и черченія межевыхъ плановъ и ситуаціи—межевой инженеръ статскій совѣтникъ Василій Михайловичъ Ширевичъ.
21. Межевыхъ законовъ—статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Роменко.
22. Математической географіи—межевой инженеръ статскій совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Автократовъ.
23. Математики—профессоръ технического училища, докторъ математики, межевой инженеръ статскій совѣтникъ Алексѣй Васильевичъ Лѣтниковъ.
24. Накладки и черченія межевыхъ плановъ и ситуаціи—межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Дмитрій Петровичъ Жарковъ.
25. Математики—межевой инженеръ надворный совѣтникъ Владиміръ Елисеѣвичъ Сердобинскій.
26. Геодезіи—межевой инженеръ надворный совѣтникъ Альфредъ Николаевичъ Бибъ 2.
27. Астрономъ института и преподаватель астрономіи—межевой инженеръ статскій совѣтникъ Иванъ Никифоровичъ Троицкій.
- Младшіе преподаватели:
28. Математики—статскій совѣтникъ Петръ Николаевичъ Азанчевскій.
29. Физики—межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Николай Павловичъ Острогорскій.
30. Математики—межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Дмитрій Петровичъ Некрасовъ.
31. Математики—межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Юденичъ.
32. Французскаго языка—коллежскій совѣтникъ Петръ Петровичъ Райо.

33. Чистописанія и правилъ надписыванія картъ и плановъ—надворный совѣтникъ Василій Аникитовичъ Веселовъ.

34. Математики—межевой инженеръ надворный совѣтникъ Юсифъ Михайловичъ Косицынъ.

35. Русскаго языка и законовѣдѣнія — межевой инженеръ коллежскій ассессоръ Николай Петровичъ Вѣликовъ.

36. Нѣмецкаго языка—домашній учитель Августъ Васильевичъ Виберштейнъ.

Исправляющіе должности преподавателей:

— 37. Нѣмецкаго языка — межевой инженеръ надворный совѣтникъ Евгений Николаевичъ Билъ 1.

38. Математики—межевой инженеръ коллежскій ассессоръ Иполитъ Васильевичъ Велицкій.

39. Географіи—межевой инженеръ коллежскій ассессоръ Иванъ Казиміровичъ Казакевичъ.

40. Физики—межевой инженеръ Петръ Андреевичъ Лаврентьевъ.

41. Математики — межевой инженеръ Вячеславъ Михайловичъ Лавровъ.

Преподаватели по найму:

42. Закона Божія православнаго исповѣданія: протоіерей Дмитрій Ивановичъ Кастальскій и

43. Дьяконъ при церкви института Иванъ Петровичъ Протопоповъ.

44. Закона Божія армяно-грегоріанскаго исповѣданія — протоіерей Іаковъ Захарьевичъ Суреньянецъ.

45. Закона Божія лютеранскаго исповѣданія — оберъ-пасторъ Генрихъ Генриховичъ Диггофъ.

46. Закона Божія римско-католическаго исповѣданія — ксендзь Иванъ Егоровичъ Вобкевичъ.

47. Практическихъ занятій по астрономіи — ординарный профессоръ Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Федоръ Александровичъ Бредихинъ.

48. Географіи—межевой инженеръ Владиміръ Семеновичъ Сивовъ.

49. Математики—межевой инженеръ коллежскій совѣтникъ Федоръ Никитичъ Соснинъ.

50. Таксаціи—эстраординарный профессоръ Московскаго университета коллежскій совѣтникъ Николай Евстафьевичъ Ласковскій.

51. Законовѣдѣнія—ординарный профессоръ Московскаго университета надворный совѣтникъ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

52. Русскаго языка—инспекторъ 3-й Московской классической гимназіи статскій совѣтникъ Ростиславъ Ивановичъ Крыловъ.

53. Исторіи—инспекторъ Московской духовной семинаріи магистръ Алексѣй Ивановичъ Цѣйтковъ.

54. Нѣмецкаго языка—статскій совѣтникъ Юлій Богуславичъ Стурцель.

55. Русскаго языка—учитель 2-й Московской классической гимназіи коллежскій совѣтникъ Александръ Павловичъ Ошвейскій.

56. Химіи — коллежскій ассессоръ князь Григорій Дмитриевичъ Волковскій.

57. Французскаго языка — иностранецъ Генрихъ Ивановичъ Шолле.

58. Рисованія—академикъ Николай Назаровичъ Кореневъ.

59. Церковнаго пѣнія—регентъ Михаилъ Михайловичъ Алабышевъ.

60. Танцованія—артистъ Императорскихъ театровъ Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ.

61. Гимнастики.

62. Завѣдующій астрономическою обсерваторією — астрономъ института межевой инженеръ И. П. Троицкій.

63. Завѣдующій магнитивою и метеорологическою обсерваторією—межевой инженеръ Н. П. Острогерскій.

64. Секретарь и бухгалтеръ—надворный совѣтникъ Семень Николаевичъ Кацауровъ.

65. Помощникъ секретаря — титулярный совѣтникъ Петръ Павловичъ Соколовъ.

66. Канцелярскій чиновникъ—Василій Евстафьевичъ Денисовъ.

67. Смотритель зданій—коллежскій секретарь Дмитрій Константиновичъ Михайловъ.

68. Экономъ — титулярный совѣтникъ Александръ Семеновичъ Семеновъ.

69. Врачъ института—коллежскій совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Астровъ.

70. Консультантъ по глазнымъ болѣзнямъ — ординарный профессоръ Московскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Густавъ Ивановичъ Браунъ.

Сверхштатные зубные врачи:

71. Коллежский регистратор Иванъ Крестьяновичъ Пфуль.
72. Коллежский регистраторъ Иудвиль-Эдуардовичъ Адельгеймъ.
73. Надзиратель при лазаретѣ—коллежский ассесоръ Петръ Михайловичъ Скрипцѣй.
74. Гезель при аптекѣ—коллежский регистраторъ Дмитрій Алексѣевичъ Кусковъ.

Фельдшера:

75. Коллежский регистраторъ Сергій Гавриловичъ Гавриловъ.
76. Коллежский регистраторъ Василій Михайловичъ Михайловъ.
77. Сергій Алексѣевичъ Алексѣевъ.
78. Церковный староста—купецъ 1-й гильдіи Иванъ Яковлевичъ Большакинъ.

79. Кастаньяна—Апполиарія Михайловна Сибѣлова.

1879 годомъ мы заканчиваемъ нашъ очеркъ исторіи Константиновскаго Межевого института. Основанный 14-го мая 1779 года, подъ названіемъ Землемѣрной школы, въ 1879 году онъ достигъ ста лѣтъ своего существованія. Это событіе Высочайше было повелѣно ознаменовать особымъ празднествомъ и по поводу оного институтъ былъ удостоенъ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

Константиновскому Межевому институту.

„Прабабка Наша, императрица Екатерина II, повелѣвъ открыть генеральное размежеваніе земель въ Имперіи, указала для производства сего межеванія принимать на службу лицъ изучившихъ землемѣріе и опытныхъ въ составленіи плановъ.

„Во исполненіе таковой Августѣйшей ея воли, 14-го мая 1779 года была учреждена въ Москвѣ, для приготовленія межевыхъ техниковъ, Землемѣрная школа, наименованная, въ память рожденія въ томъ же году великаго князя Константина Павловича, Константиновскою. Школа эта впоследствии была преобразована въ Константиновскій Межевой институтъ, которому, по повелѣнію въ Бозѣ почивающаго императора Николая Павловича, присвоены права перво-разряднаго учебнаго заведенія.

„Предназначенный для предоставленія способовъ къ высшему межевому образованію, Константиновскій Межевой институтъ въ теченіе столѣтняго своего существованія приготовилъ межевыхъ техниковъ, трудами которыхъ произведено генеральное межеваніе и окончено специальное межеваніе большей части земель въ 35 губерніяхъ.

„Такимъ образомъ, учрежденіемъ Межеваго института достигнута въ значительной мѣрѣ благое предназначеніе мудрой государыни, поставившей цѣлю государственнаго размежеванія „истинную всего общества пользу утверженіемъ покоя, правъ и надежности“ владѣнія недвижимою собственностію.

„Въ настоящій знаменательный для института день, съ удовольствіемъ вспоминая о полезной вѣковой его дѣятельности, неоднократно обращавшей на себя вниманіе въ Бозѣ почившихъ Предшественниковъ Нашихъ, въ особенности Августѣйшаго Родителя Нашего императора Николая I, объявляемъ Мы Константиновскому Межевому институту особое Наше благоволеніе. Пребываемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ увѣренности, что и впредь питомцы сего Института, слѣдуя примѣру бывшихъ воспитанниковъ онаго, посвящать тѣ немногіе годы жизни, которые имъ суждено проводить въ стѣнахъ института, исключительно на обогащеніе себя свѣтомъ истиннаго знанія, и усвоенныя ими начала доброй нравственности, чувства чести и долга внесутъ въ дальнѣйшую свою дѣятельность на достойное и полезное служеніе Престолу и Отечеству.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ заключеніе, мы прилагаемъ списокъ выпущенныхъ изъ Константиновскаго Межеваго института воспитанниковъ.

В Ы П У С К И:

1887 года.

Старшими землемѣрными помощниками, съ чиномъ XIV класса.

1. Иванъ Смирновъ.
2. Петръ Папковъ.
3. Иванъ Губинъ.
4. Егоръ Широпаевъ.
5. Иванъ Архангельскій.
6. Алексѣй Ягодичъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

7. Викторъ Мальцевъ.
8. Всеволодъ Кетчеръ.

9. Василій Голстунскій.
10. Христофоръ Милютинъ.
11. Александръ Рудневъ 1-й.
12. Николай Григоровичъ.
13. Иванъ Тиль 1-й.
14. Петръ Линдинъ.
15. Иванъ Фольцъ.
16. Иванъ Сахаровъ.
17. Алексѣй Горяиновъ.
18. Михаилъ Шведовъ.
19. Иванъ Храповъ.
20. Александръ Ильинъ.

Канцелярскимъ служителемъ съ чиномъ XIV класса.

21. Павелъ Зайцевъ.

1836 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Николай Ананьевъ.
2. Иванъ Мясниковъ.
3. Егоръ Кудрявцевъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

4. Дмитрій Своехотовъ.
5. Николай Смирновъ 3-й.
6. Михаилъ Андреевъ.
7. Николай Крузе.
8. Михаилъ Бронинскій.
9. Аполлонъ Ротте.
10. Петръ Голубковъ.
11. Николай Рудневъ 2-й.
12. Василій Померанцевъ.
13. Александръ Смирновъ 4-й.
14. Алексѣй Васильевъ.
15. Дмитрій Чичаговъ 1-й.
16. Анфиногенъ Рутковскій.
17. Василій Чичаговъ 2-й.
18. Сергѣй Рейнгольцъ.
19. Николай Лукинъ.
20. Константинъ Архиландеръ.
21. Іаръ Овсянниковъ.
22. Петръ Воробьевъ.

1839 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Леонтій Шидловскій.
2. Иванъ Лебедевъ 1-й.
3. Петръ Галкинъ.
4. Николай Юмаговъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

5. Михаилъ Папковъ 3-й.
6. Сергѣй Тиртовъ.
7. Александръ Чаплыгинъ.
8. Николай Мартыновъ 1-й.
9. Левъ Жигачевъ.

10. Павелъ Карпенко.
11. Николай Черковъ.
12. Алексѣй Григорьевъ.
13. Александръ Сипачевъ.
14. Михаилъ Михайловъ.
15. Егоръ Байкасовъ.
16. Александръ Смирновъ 2-й.
17. Ѳедоръ Папковъ 2-й.
18. Дмитрій Ивановъ 1-й.
19. Иванъ Борденау.
20. Иванъ Скорняковъ.
21. Павелъ Дмитриевъ.
22. Василій Редеръ.
23. Егоръ Волковъ.
24. Александръ Пупырниковъ.
25. Александръ Баженковъ.
26. Алексѣй Грузовъ.
27. Василій Раговинъ.
28. Николай Перемывинъ.
29. Алексѣй Стровъ.

Своекоштные.

30. Андрей Крамалей.
31. Василій Еропкинъ.

1840 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Михаилъ Дворецкій.
2. Дмитрій Папковъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

3. Александръ Марасьевъ.
4. Іосифъ Карповичъ.
5. Василій Ягодкинъ.
6. Левъ Казанскій.
7. Андреянъ Калыгинъ.
8. Николай Протопоповъ.
9. Александръ Пичугинъ.
10. Константинъ Ефремовъ.
11. Николай Лебедевъ.
12. Григорій Катуховъ.
13. Василій Лавровъ.
14. Михаилъ Устиновъ.

1841 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Алексѣй Новгородцевъ.
2. Михаилъ Бульвинскій.
3. Дмитрій Кванчехазевъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

4. Николай Григорьевъ.
5. Василій Ананьевъ.
6. Петръ Штранихъ.
7. Алексѣй Якиманскій.
8. Николай Папковъ.
9. Петръ Горловъ.
10. Александръ Антюковъ.
11. Алексѣй Жигачевъ.
12. Алексѣй Кубасовъ.
13. Князь Иванъ Кугушевъ.
14. Андрей Мѣшковъ.
15. Дмитрій Муравьевъ.
16. Дмитрій Явмаѣскій.
17. Александръ Александровъ.
18. Иванъ Алексѣевъ.
19. Яковъ Дембинскій.
20. Николай Осовицкій.
21. Василій Мартыновъ.
22. Яковъ Шишкинъ.
23. Петръ Матвѣевъ.
24. Александръ Поповцевъ.
25. Викторъ Афонасевъ.
26. Константинъ Шеланинъ.
27. Спиридонъ Любатовичъ.
28. Николай Семеновъ.
29. Николай Сурмицъ.

1842 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Илья Дмитріевъ.
2. Александръ Лопухинъ.
3. Викторъ Ивановъ 4-й.
4. Дмитрій Стоцкій.

5. Николай Шахларевъ.
6. Александръ Де-Медемъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

7. Гасилій Семеновъ.
8. Александръ Гамзинъ.
9. Павелъ Галкинъ.
10. Василій Борисовъ.
11. Александръ Янышевъ.
12. Юилъ Юрьевъ.
13. Николай Глаголевъ.
14. Ефимъ Дикъ.
15. Николай Струковъ.
16. Николай Крыловъ.
17. Андрей Ястребовъ.
18. Андрей Соколовъ.
19. Сергѣй Серебряковъ.
20. Николай Соголовскій.
21. Егоръ Тверитиновъ.
22. Никита Спиридоновъ.
23. Михаилъ Безсоновъ.
24. Степанъ Рѣшниковъ.
25. Василій Машковъ.
26. Александръ Жигачевъ.
27. Петръ Алексѣевъ.
28. Александръ Титовъ.
29. Семень Ивановъ.

1843 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Карлъ Медемъ.
2. Романъ Крейцфельдъ.
3. Владиміръ Першиновъ.
4. Иванъ Дмитріевъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

5. Александръ Ѳедоровъ.
6. Степанъ Бѣльскій.
7. Николай Милуковъ.
8. Александръ Богородскій.
9. Николай Колосовъ.
10. Николай Жирновъ.

11. Никоноръ Якимовъ.
12. Александръ Ивановъ.
13. Николай Гранкинъ.
14. Александръ Голубовскій.
15. Николай Сацыперовъ.
16. Александръ Зарубинъ.
17. Александръ Сергѣевъ.
18. Павелъ Золотовъ.
19. Павелъ Калягинъ.

1844 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Алексѣй Радзѣвскій.
2. Николай Солнцевъ.
3. Порфирій Померанцевъ.

Младшими землемѣрными помощниками.

4. Михаилъ Свистуновъ.
5. Левъ Милютинъ.
6. Николай Редриховъ.
7. Иванъ Зарубинъ.
8. Иванъ Ивановъ.
9. Дмитрій Атавинъ.
10. Петръ Устимовичъ.
11. Леонидъ Чеснокъ.
12. Василій Серебряницкій.
13. Алексѣй Кванчихазевъ.
14. Платонъ Ниловъ.
15. Василій Наумовъ.
16. Павелъ Еншинъ.
17. Василій Бобылевъ.
18. Михаилъ Ключаровъ.
19. Степанъ Коршуновъ.
20. Сергѣй Курпановъ.
21. Генрихъ де-Вальденъ.
22. Николай Кренцфельдъ.
23. Александръ Юдинъ.
24. Алексѣй Потановъ.
25. Захаръ Терентьевъ.
26. Александръ Архангельскій.
27. Валерій Даль.
28. Николай Утинъ.
29. Александръ Боровинъ.

1843 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 1-го разряда.

1. Федоръ Мейенъ.
2. Николай Смирновъ 2-й.
3. Александръ Маркваръ.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству по 2-му разряду.

4. Евгеній Фохтъ 1-й.
5. Вячеславъ Михайловъ.
6. Владиміръ Сомовъ 1-й.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

7. Матвѣй Обирковъ.
8. Алексѣй Наумовъ.
9. Илья Пановъ.
10. Василій Лебедевъ.
11. Михаилъ Алагрекъ.
12. Антонъ Веригинъ.
13. Дмитрій Григорьевъ.
14. Егоръ Накитинъ 1-й.
15. Александръ Троицкій 1-й.
16. Павелъ Зубатовъ.
17. Федоръ Соколовъ 1-й.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

18. Александръ Цемшъ.
19. Павелъ Ганеманъ.
20. Александръ Чудаковскій 1-й.
21. Сергѣй Чудаковскій 2-й.
22. Аркадій Есиповъ.
23. Николай Заклинскій.
24. Дмитрій Рудинъ.
25. Павелъ Сущевскій.
26. Александръ Глаголевъ.
27. Александръ Устиновъ.
28. Семень Де-Медемъ.

29. Александръ Краснопольскій.
30. Алексѣй Шамаховъ.
31. Григорій Садковскій.

1946 года.

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 1-го разряда.

1. Павелъ Эймонтъ.
2. Платонъ Яковлевъ.

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 2-го разряда.

3. Иванъ Николаевъ.
4. Павелъ Обирковъ.
5. Сергѣй Александровъ.
6. Василій Шпревичъ.
7. Михайлъ Черневскій.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

8. Александръ Фохтъ.
9. Иванъ Сапожниковъ.
10. Порфирій Лавровъ.
11. Николай Смирновъ.
12. Сергѣй Милоговъ.
13. Александръ Погодинъ.
14. Николай Щепинъ.
15. Михайлъ Величковскій.
16. Василій Дмитриевъ.
17. Иванъ Левшинъ.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

18. Николай Булашевичъ.
19. Николай Перваго.
20. Иванъ Смирновъ.
21. Всеволодъ Никитскій.
22. Павелъ Михайловъ.
23. Николай Шарфовъ.
24. Игнатій Красовскій.
25. Павелъ Кублицкій.

26. Александръ Грабовскій.
27. Илья Освальдъ.
28. Иванъ Бердцалъ.
29. Александръ Штранихъ.

1948 года.

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 1-го разряда.

1. Петръ Полянцевъ.
2. Игнатій Воропай.
3. Николай Каменскій.
4. Николай Горскій 1-й.

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 2-го разряда.

5. Иванъ Неклюковъ.
6. Аркадій Семеновъ.
7. Андрей Князевъ.
8. Николай Муравьевъ.
9. Николай Воропай.
10. Владиміръ Тюринъ.
11. Александръ Дьяковскій.
12. Иванъ Устимовичъ.
13. Дмитрій Горскій 2-й.
14. Викторъ Вердеревскій.
15. Петръ Сергеевъ.
16. Николай Троицкій 1-й.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

17. Николай Вецкій.
18. Николай Ивановъ 7-й.
19. Александръ Пузыревскій.
20. Николай Никольскій.
21. Василій Долговъ.
22. Николай Терликовъ.
23. Михайлъ Максимовъ.
24. Иванъ Поляковъ.
25. Павелъ Ивановъ 6-й.

1849 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 1-го разряда.

1. Николай Пестовъ.
2. Николай Полянскій.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 2-го разряда.

3. Евгений Таранцевъ.
4. Николай Житовскій.
5. Николай Сегедій.
6. Николай Самгинъ.
7. Петръ Никитинъ.
8. Константинъ Сомовъ.
9. Ростомъ Коргановъ.
10. Николай Сулхановъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

11. Платонъ Милашевичъ.
12. Аркадій Никольскій.
13. Николай Никитинскій.
14. Николай Веливановъ.
15. Дмитрій Щепотьевъ.
16. Викторъ Комаревъ.
17. Михаилъ Никитинскій.
18. Иванъ Флямъ.
19. Петръ Кудрявый.
20. Владиміръ Маттей.
21. Тимофей Соловьевъ.
22. Алексѣй Протопоповъ.
23. Иванъ Ложкинъ.
24. Николай Карангозовъ.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

25. Василій Рябининъ.
26. Владиміръ Новиковъ.

1850 года.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса и съ правомъ по чинопроизводству 2-го разряда.

1. Николай Долговъ.
2. Николай Мазуровъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

3. Левъ Максимовъ.
4. Николай Островзоровъ.
5. Порфирій Воздвиженскій.
6. Инокентій Анисимовъ.
7. Филиппъ Потапьевъ 1-й.
8. Михаилъ Шубинъ.
9. Андрей Житовскій.
10. Николай Владиміровъ.
11. Иванъ Ильинъ.
12. Григорій Иванскій.
13. Константинъ Лукинъ 1-й.
14. Николай Предтеченскій.
15. Владиміръ Дмитріевъ.
16. Федоръ Шидловскій.

Изъ закавказскихъ уроженцевъ.

17. Михаилъ Мамуновъ.

1851 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Иванъ Ноть.
2. Михаилъ Печковскій.
3. Дмитрій Рашковъ.
4. Василій Ларионовъ.
5. Александръ Роменко.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

6. Николай Кушнеревъ.
7. Иванъ Троицкій.
8. Михаилъ Полянскій.
9. Василій Камышниковъ.
10. Николай Домантовичъ.

11. Петръ Соловьевъ.
12. Павелъ Живневскій.
13. Иванъ Смирновъ 6-й.
14. Александръ Прейсъ.
15. Александръ Смирновъ 5-й.
16. Александръ Капринскій.
17. Александръ Каменскій.
18. Николай Евтихievъ.
19. Михаилъ Федройдъ.
20. Аркадiй Литвиновъ.
21. Михаилъ Шутовъ.
22. Любимъ Соколовъ 4-й.
23. Александръ Арнольдъ.
24. Степанъ Мясниновъ.
25. Павелъ Орловъ.
26. Федоръ Вишневскій.
27. Андрей Полозовъ.
28. Федоръ Гаариновъ.
29. Андриянъ Березинъ.
30. Алексiй Блязовъ.
31. Владимиръ Вокъ.
32. Адольфъ Лвневскiй.
33. Арсенiй Усольцевъ.
34. Алексiй Муравьевъ.
35. Иванъ Мажневскiй.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

36. Христофоръ Потаповъ.
37. Федоръ Чигаевъ.
38. Александръ Пестовъ.
39. Сергiй Игнатевъ.
40. Михаилъ Рудаковъ.
41. Владимиръ Федоровъ.
42. Евгенийъ Порпура 2-й.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

43. Иванъ Городищевъ.
44. Александръ Масловъ.
45. Николай Лосевъ.
46. Александръ Кромскiй.
47. Александръ Поповъ.
48. Петръ Дельсаль 2-й.
49. Гавриилъ Дельсаль 1-й.
50. Алексiй Шафратъ.
51. Сергiй Порпура 1-й.

1853 года.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

1. Илларионъ Демидовичъ.
2. Михаилъ Ключинъ.
3. Николай Алфѣевъ.
4. Еммануилъ Прейсъ.
5. Иванъ Львовъ.
6. Эрастъ Рожанскiй.
7. Владимиръ Ивановъ.
8. Иванъ Ананьевъ.
9. Александръ Глбовъ.
10. Сергiй Шафратъ.
11. Василiй Яковлевъ.
12. Федоръ Протопоповъ.
13. Павелъ Маховъ.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

14. Михаилъ Вигилянскiй.
15. Николай Кемарскiй.
16. Александръ Богомоловъ.
17. Николай Пинигъ.

1853 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Александръ Смирницкiй.
2. Александръ Милашевичъ.
3. Александръ Баталинъ.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

4. Дмитрiй Фоктеистовъ.
5. Владимиръ Колбе.
6. Федоръ Докучаевъ.
7. Яковъ Лувинъ.
8. Николай Журавлевъ.
9. Василiй Краснопольскiй.
10. Александръ Смирницкiй.
11. Митрофанъ Хрусталева.
12. Павелъ Пряжескiй.
13. Алексiй Бунинъ 1-й.

14. Алексѣй Сониный.
15. Владиміръ Сумовъ.
16. Князь Николай Эрнстовъ.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

17. Михаилъ Грибковъ 1-й.
18. Иванъ Кривошеинъ.
19. Николай Грибковъ 2-й.
20. Константинъ Курганскій.
21. Петръ Мулюкинъ.
22. Матвѣй Михайловъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

23. Петръ Вельтишевъ.
24. Викторъ Харламовъ.
25. Василій Апушкинъ.
26. Петръ Алехновичъ.
27. Ѳеодоръ Аносовъ.
28. Дмитрій Сегедій.

1854 года.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

1. Ѳеодоръ Соснинъ.
2. Александръ Севенардъ.
3. Павелъ Ставровскій.
4. Яковъ Поповъ.
5. Алексѣй Смирницкій.
6. Романъ Кавриискій.
7. Апполонъ Кувчинскій.
8. Люціанъ Новицкій.
9. Алексѣй Орловъ.
10. Александръ Белоусовъ.
11. Иванъ Крыжневъ.
12. Александръ Ежескій.
13. Николай Каневскій.

Старшимъ землемѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ XII класса.

14. Николай Соколовъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

15. Евгений Павловъ.
16. Петръ Ильинскій.
17. Андрей Крыжановскій.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

18. Александръ Маховъ.
19. Петръ Хребтовъ 2-й.
20. Иванъ Померанскій.
21. Гаврилъ Соболевъ.
22. Николай Одинцовъ.
23. Павелъ Ждановъ.
24. Константинъ Суховъ.

Младшимъ землемѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ хорунжаго.

25. Алексѣй Яровъ.

Младшимъ землемѣрнымъ помощникомъ съ званіемъ урядника ¹⁾.

26. Михаилъ Есауловъ.

1855 года.

Подпоручикомъ межевыхъ инженеровъ.

1. Алексѣй Кикинъ.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

2. Василій Троицкій.
3. Алексѣй Швигтовъ.
4. Иванъ Бунинъ.
5. Иванъ Вишневскій.
6. Иванъ Автократовъ.
7. Николай Рашковъ.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

8. Егоръ Евтихѣевъ.
9. Николай Рудковъ.

¹⁾ Два послѣднихъ изъ уроженцевъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

10. Николай Дубровский.
11. Николай Хребтовъ 3-й.
12. Алексѣй Карпенкинъ.
13. Михаилъ Венюковъ.
14. Николай Мейенъ.
15. Алексѣй Масловъ.
16. Сергѣй Загѣпинъ.
17. Дмитрій Вивьенъ.
18. Александръ Печковскій.
19. Иванъ Богдановскій.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

20. Венедиктъ Прохаевъ.
21. Григорій Киреевскій.
22. Александръ Дурновъ.
23. Дмитрій Бейтнеръ.
24. Григорій Рылковъ.
25. Александръ Радикорскій.

1856 года.

Подпоручикомъ межевыхъ инженеровъ.

1. Алексѣй Лѣтниковъ.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

2. Дмитрій Зубатовъ.
3. Владиміръ Модзелевскій.
4. Алексѣй Голосовъ.
5. Михаилъ Москвинъ.
6. Павелъ Мамонтовъ.
7. Василій Порошинъ.
8. Николай Юденичъ.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

9. Александръ Молчановъ.
10. Алексѣй Царевскій.

Младшими землемѣрными помощниками.

11. Владиміръ Константиновъ.
12. Орестъ Танковъ.

13. Владиміръ Эвертъ 1-й.
14. Виталій Брекцинеръ.
15. Павелъ Рогачевъ.

1857 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Николай Острогорскій.
2. Иванъ Тихвевъ.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

3. Владиміръ Ртишинъ.
4. Михаилъ Окуньковъ 2-й.
5. Альфонсъ Бенедельдъ.
6. Михаилъ Крыловъ.
7. Константинъ Григорьевъ.
8. Иванъ Ивановъ 13-й.
9. Николай Выжилевскій.
10. Валерьянъ Тарховъ.
11. Михаилъ Степановъ.
12. Павелъ Окуньковъ 1-й.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

13. Сергѣй Полевъ.
14. Василій Смирновъ 7-й.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

15. Николай Безсоновъ.
16. Андрей Шелковниковъ.
17. Николай Безбородовъ.
18. Григорій Львовъ.
19. Александръ Пузинъ.
20. Иванъ Сомовъ.
21. Андрей Бурцевъ.
22. Николай Черкасовъ.
23. Николай Эвертъ 2-й.
24. Алексѣй Юшневскій.
25. Николай Петровъ.
26. Петръ Михайловъ.

1858 года.

Подпоручикомъ межевыхъ инженеровъ.

1. Александръ Преображенскій.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

2. Николай Большой.
3. Дмитрій Ясинскій.
4. Николай Оленинъ.
5. Николай Пападичевъ.
6. Владиміръ Благой.
7. Михайлъ Поповъ.
8. Иванъ Башиловъ.
9. Николай Булашевичъ.
10. Пантелеймонъ-Лаптевъ-Повбѣевъ.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

11. Дмитрій Маслюковъ.
12. Петръ Рулевъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

13. Ѳедоръ Бунинъ.
14. Николай Рыковъ.
15. Владиміръ Сергѣевъ.
16. Константинъ Первухинъ.
17. Николай Диго.
18. Владиміръ Князевъ.
19. Владиміръ Милановъ.
20. Вячеславъ Бѣлицкій.
21. Петръ Киршнеръ.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

22. Всеволодъ Службенскій.
23. Александръ Михайловъ.
24. Лавръ Ивановъ.
25. Викторъ Самсоновъ.
26. Михайлъ Трескинъ.

1859 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Владиміръ Кравковъ.
2. Юсифъ Поповъ 5-й.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

3. Карлъ Ватсонъ 1-й.
4. Михайлъ Милановъ 2-й.
5. Владиміръ Тарасовъ 1-й.
6. Александръ Сергѣевъ 2-й.
7. Владиміръ Быковъ.
8. Сергій Позняковъ.
9. Викторъ Павловъ.
10. Петръ Харзѣевъ.
11. Ѳедоръ Дѣляевъ.
12. Александръ Одинцовъ.
13. Левъ Лебедевъ.
14. Дмитрій Некрасовъ.
15. Алексій Андреевъ.
16. Николай Поляковъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

17. Александръ Бергъ.
18. Дмитрій Никифоровъ.
19. Василій Миловиловъ.
20. Павелъ Желтоуховъ.
21. Иванъ Андрущенко 1-й.
22. Михайлъ Мозговъ.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

23. Константинъ Глаголевъ.
24. Александръ Гросицкій.

1860 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Василій Черневскій.
2. Викторъ Травинъ.

Прапорщиками ~~землемѣрныхъ~~ инже-
неровъ.

3. Владиміръ Смирновъ 9-й.
4. Николай Титаревъ.
5. Викторъ Горскій 1-й.
6. Дмитрій Черневскій 1-й.
7. Леонидъ Ивановъ 16-й.
8. Иванъ Миловановъ.
9. Сергій Антоновъ.
10. Алексій Вознесенскій 1-й.
11. Александръ Фонъ-дербъ-Флитъ.
12. Павелъ Троицкій.
13. Михаилъ Вреховъ.

Младшими землемѣрными помощ-
никами съ чиномъ XIV класса.

14. Викторъ Морибель.
15. Федоръ Безсоновъ.

Младшими землемѣрными помощ-
никами безъ чина.

16. Александръ Скоровъ.

1861 года.

Подпоручиками ~~межевыхъ~~ инже-
неровъ.

1. Викторъ Кикинъ 2-й.
2. Михаилъ Королевъ.

Прапорщиками ~~межевыхъ~~ инже-
неровъ.

3. Александръ Люшинъ 1-й.
4. Константинъ Величинъ.
5. Викторъ Якимовъ.
6. Александръ Черкасовъ.
7. Павелъ Циленевъ.
8. Владиміръ Лазовскій.
9. Константинъ Адамовичъ.
10. Анатолий Оберъ.
11. Александръ Малышевъ 1-й.
12. Павелъ Пѣвцовъ.
13. Владиміръ Свасскій-Автоно-
мовъ.
14. Владиміръ Стельмаховичъ.
15. Федоръ Мошвовъ.

Старшими землемѣрными помощ-
никами съ чиномъ XII класса.

16. Ефимъ Ходщевниковъ.
17. Иванъ Сергѣевъ 3-й.

Старшими землемѣрными помощ-
никами съ чиномъ XIV класса.

18. Алексій Соколовъ 8-й.
19. Иванъ Гросицкій.

Младшими землемѣрными помощ-
никами съ чиномъ XIV класса.

20. Николай Мозговъ 2-й.
21. Николай Вершинъ.
22. Александръ Скрицкій 1-й.
23. Богданъ Бостельманъ.
24. Дмитрій Бабинъ.
25. Николай Мицкевичъ.
26. Алексій Постниковъ.
27. Эдуардъ Андерсъ 1-й.
28. Михаилъ Бороздинъ.
29. Андрей Желтоуховъ.
30. Михаилъ Горбуновъ.
31. Сергій Дрожинъ.

Младшими землемѣрными помощ-
никами безъ чина.

32. Николай Потаповъ.
33. Александръ Михайловскій.
34. Сергій Добровъ.
35. Петръ Новоселовъ.
36. Павелъ Карчагинъ.
37. Николай Телепневъ.
38. Генрихъ-Евгеній Руткевичъ.
39. Константинъ Малышевъ 2-й.
40. Александръ Давинъ.
41. Иванъ Небольсинъ.
42. Николай Муракинъ.
43. Николай Соколовъ 11-й.
44. Николай Соколовъ 12-й.
45. Владиміръ Горскій.
46. Константинъ Добрынинъ.
47. Николай Кузьминъ.
48. Григорій Антошевъ.
49. Александръ Голубовъ.

1863 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Владиміръ Сердобинскій.
2. Иванъ Стелецкій.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

3. Павелъ Марчевскій.
4. Евгений Бикъ 1-й.
5. Дмитрій Масалитиновъ.
6. Сергѣй Милановъ 3-й.
7. Александръ Бурцовъ 2-й.
8. Андрей Афонасьевъ.
9. Александръ Тихъевъ.
10. Михаилъ Паскаловъ 1-й.
11. Николай Рѣшетовскій.

Прапорщикомъ межевыхъ топографовъ.

12. Петръ Сильванскій:

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

13. Иванъ Бурко.
14. Алексѣй Калеминъ.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

15. Николай Подтягинъ.
16. Константинъ Шадринъ.
17. Николай Филинъевъ.
18. Сергѣй Владиміровъ.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

19. Викторъ Стодѣй.
20. Александръ Карфополицкій.
21. Леонидъ Симбергъ 1-й.
22. Викторъ Сакулинъ 2-й.
23. Иванъ Соколовъ 9-й.
24. Николай Сакулинъ 1-й.
25. Михаилъ Каменскій.
26. Петръ Звягинъ.

1863 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Клавдій Паскаловъ 2-й.
2. Всеволодъ Соколовъ 13-й.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

3. Александръ Ватсонъ 2-й.
4. Алфредъ Бикъ 2-й.
5. Михаилъ Комаровъ.
6. Леонидъ Сергѣевъ.
7. Василій Васильевъ 1-й.
8. Евгений Тарасовъ.
9. Владиміръ Трескинъ.
10. Николай Виноградовъ.
11. Павелъ Кикинъ.
12. Максимилианъ Гончаревскій.
13. Николай Поповъ 6-й.
14. Константинъ Зыбинъ.
15. Ѳедоръ Черторижскій.

Прапорщиками межевыхъ топографовъ.

16. Владиміръ Цингеръ.
17. Николай Поповъ 7-й.

Старшимъ землеѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ XII класса.

18. Александръ Чмутовъ.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

19. Корнелій Корольковъ.
20. Евгений Лемешовъ.
21. Яковъ Скрипцкій 2-й.
22. Александръ Теляковскій.
23. Николай Тухтаревъ.
24. Андрей Гагачаревскій 2-й.
25. Аполлонъ Тихоміровъ.
26. Сергѣй Холодковскій.
27. Александръ Быковъ.
28. Константинъ Ивановъ 18-й.
29. Александръ Кирилленко.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

30. Сергій Вознесенскій.
31. Владиміръ Зміевъ.
32. Александръ Вихъ 3-й.
33. Николай Окуньковъ.
34. Александръ Крендовскій.
35. Дмитрій Крикъ.
36. Иванъ Федоровскій.
37. Леонидъ Цингеръ.
38. Михаилъ Богдановъ.
39. Іосифъ Жаба.

1864 года.

Подпоручикомъ межевыхъ инженеровъ.

1. Александръ Болосовскій 1-й.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

2. Михаилъ Дмитріевъ.
3. Іосифъ Косицынъ.
4. Иванъ Михалевскій.
5. Николай Вахтинъ.
6. Лукьянъ Эгерть.
7. Михаилъ Гулинъ.
8. Брониславъ Раковскій.
9. Николай Сомовъ.
10. Василій Кочетковъ.
11. Владиміръ Красовскій.
12. Василій Давыдовскій.
13. Владиміръ Карякинъ.
14. Николай Грузовъ.
15. Михаилъ Веденскій.
16. Семенъ Стелецкій.

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

17. Владиміръ Соколовъ 14-й.
18. Николай Максимовскій.
19. Платонъ Квасюкъ.

Старшимъ землеѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ XIV класса.

20. Сергій Де-ла-Двезъ.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

21. Николай Орфеновъ.
22. Николай Евреиновъ.
23. Михаилъ Красовскій.
24. Николай Грязновъ.
25. Георгій Сергіевскій.
26. Михаилъ Василевскій.
27. Михаилъ Гвоздевъ.
28. Андрей Кринари.
29. Михаилъ Задубровскій.
30. Витольдъ Милевскій.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

31. Владиміръ Бородинъ.
32. Михаилъ Галкинъ.
33. Петръ Поляковъ 2-й.
34. Николай Щеголевъ.
35. Аркадій Владиміровъ.
36. Григорій Мардановъ.
37. Григорій Примѣровъ.
38. Михаилъ Бурцевъ.

1865 года.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Михаилъ Брусилловъ.
2. Иванъ Сокольскій.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

3. Александръ Короваевъ.
4. Владиміръ Ширяевъ.
5. Сергій Шадринъ.
6. Сергій Малиновскій.
7. Петръ Лазаревъ.
8. Сергій Широковъ.
9. Семенъ Пафомовъ.
10. Митрофанъ Рудольфъ.
11. Евгеній Тельшевскій.
12. Михаилъ Станѣевъ.
13. Николай Чернавскій.
14. Григорій Взоровъ.
15. Викторъ Вялкинскій.

1866 года.

16. Алексѣй Ивановъ 19-й.
17. Владиміръ Бржецлавскій.

Прапорщиками межевыхъ топографовъ.

18. Владиміръ Алексѣевъ.
19. Александръ Эджубовъ.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

20. Аркадій Рухинъ.
21. Леонидъ Северьяновъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

22. Владиміръ Дурасовъ.
23. Митрофанъ Харзѣевъ.
24. Алексѣй Мартыновскій.
25. Сергѣй Магницкій.
26. Викторъ Николевъ.
27. Викторъ Скрицкій.
28. Андрей Вольскій.
29. Михаилъ Лющинъ.
30. Аркадій Сипко.
31. Павелъ Соколовъ.
32. Алексѣй Колосовскій.
33. Иосифъ Макаренко.
34. Василий Мелникъ-Алахвердовъ.
35. Николай Мардановъ 2-й.
36. Василий Поповъ 8-й.
37. Анатолий Веденскій.
38. Николай Малевскій.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

39. Александръ Навроцкій.
40. Александръ Муромцевъ.
41. Андрей Глушановскій.
42. Ѳеодоръ Ротте.
43. Петръ Кургановъ 2-й.
44. Владиміръ Кургановъ 3-й.
45. Владиміръ Дерябинъ.
46. Михаилъ Холодковскій.
47. Семенъ Дубровскій.

Подпоручиками межевыхъ инженеровъ.

1. Константинъ Струковъ.
2. Ѳеодоръ Сердобинскій 2-й.
3. Михаилъ Зѣнецъ.

Прапорщиками межевыхъ инженеровъ.

4. Алексѣй Надежинъ.
5. Александръ Кельсиевъ.
6. Иванъ Богдановъ 2-й.
7. Семенъ Масленниковъ.
8. Павелъ Богдановъ 3-й.
9. Михаилъ Протопоповъ 1-й.
10. Владиміръ Виноградовъ 2-й.
11. Григорій Павловъ.
12. Евграфъ Суровъ.
13. Петръ Травинъ.
14. Константинъ Тухтаровъ 2-й.
15. Аркадій Соколовъ 15-й.
16. Николай Зарайскій.
17. Алексѣй Малининъ.
18. Николай Ушановъ.
19. Анатолий Симбергъ.
20. Петръ Сайтовъ.

Прапорщиками межевыхъ топографовъ.

21. Николай Поляковъ 8-й.
22. Михаилъ Воиновъ.
23. Михаилъ Смѣлковъ.
24. Владиміръ Чурсинъ 1-й.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

25. Николай Веденскій 3-й.
26. Александръ Румянцевъ.
27. Дмитрій Ивановъ 21-й.
28. Павелъ Божановъ.
29. Владиміръ Телѣпневъ.
30. Николай Рауковъ.
31. Григорій Любимовъ.
32. Всеволодъ Чурсинъ 3-й.
33. Ѳеодоръ Соколовъ 18-й.
34. Николай Владиміровъ 3-й.

35. Викторъ Багрийовскій.
36. Петръ Скрипичанъ.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

37. Константинъ Грбидкій.
1867 года.

Межевными инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X класса.

1. Иллѣодоръ Померанцевъ.
2. Александръ Возницынъ.
3. Фѣдоръ Дидериксъ.
4. Сергѣй Китовскій.
5. Леонидъ Лакашинъ.
6. Петръ Добротердовъ.
7. Владиміръ Ульянинскій.
8. Яковъ Архиновъ.
9. Сергѣй Ивановъ 20-й.
10. Василій Сердобинскій 3-й.
11. Евгений Сафоновъ.
12. Яковъ Евтѣхievъ.
13. Николай Пантелѣевъ.
14. Иванъ Кудрявцевъ 2-й.
15. Леонидъ Лышкинъ.
16. Андрей Поповъ 10-й.
17. Сергѣй Рождественскій 1-й.
18. Александръ Постниковъ.
19. Михаилъ Астауровъ.
20. Алексѣй Богдановъ 4-й.
21. Дмитрій Оглоблянъ.
22. Владиміръ Неплюевъ.
23. Владиміръ Мордановъ.
24. Сергѣй Ивановъ 26-й.
25. Николай Соколовъ 16-й.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

26. Михаилъ Любвинъ.
27. Николай Штурмеръ.
28. Викторъ Рыковъ 1-й.
29. Владиміръ Снѣжковъ.
30. Владиміръ Васильевъ.
31. Николай Соколовъ 19-й.
32. Андрей Ленчевскій.

33. Викторъ Фидлеръ.
34. Андрей Даль.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

35. Василій Побитовъ.
36. Фѣдоръ Головинъ.
37. Григорій Колонтаровъ.
38. Павелъ Колосовъ 1-й.
39. Николай Водо 1-й.
40. Андрей Бекрезовъ.
41. Александръ Шевцовъ.

1868 года.

Межевными инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X класса.

1. Иванъ Георгіевскій.
2. Евгений Дубровинъ.
3. Александръ Григоровъ.
4. Николай Бѣликовъ.
5. Владиміръ Станчинскій 1-й.
6. Иванъ Флоринскій.
7. Василій Тихвинскій.
8. Левъ Фыхтнеръ.
9. Аполлонъ Михайловъ 5-й.
10. Семенъ Прозоровскій.
11. Александръ Асафовъ.
12. Николай Иломскій.
13. Константинъ Поповъ 11-й.
14. Павелъ Козловъ.
15. Петръ Челышевъ.

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

16. Владиміръ Рыжи.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

17. Леонидъ Колпицынъ.
18. Иосифъ Шель.
19. Григорій Красовскій 2-й.
20. Алексѣй Поповъ 9-й.
21. Григорій Поспѣловъ.
22. Николай Соловьевъ.
23. Дмитрій Смирновъ 13-й.

24. Дмитрій Кудравцевъ.
25. Андрей Ивановъ 22-й.
26. Николай Витманъ.
27. Николай Гарди.
28. Владимиръ Якинъ.
29. Александръ Фидлюкъ.
30. Николай Петровъ.
31. Александръ Страшный.
32. Василій Петровъ.

1869 года.

Межевymi инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса.

1. Николай Лавровскій.
2. Алексѣй Борисякъ.
3. Михаилъ Протопоповъ.
4. Владимиръ Ползиковъ.
5. Иванъ Сиверцовъ.
6. Николай Вѣльскій.
7. Брониславъ Бортевичъ.
8. Николай Рождественскій.
9. Владимиръ Кападинскій.
10. Аркадій Фофоновъ.
11. Владимиръ Доримедонтовъ.
12. Осипъ Рямашевскій.
13. Михаилъ Соколовъ 17-й.
14. Иванъ Богдановъ 6-й.
15. Владимиръ Логвиновъ.
16. Иванъ Пейчъ.
17. Александръ Пыхачевъ.
18. Алексѣй Сунниковъ.
19. Николай Замятинъ.
20. Сергѣй Романовъ.
21. Иванъ Пospelовъ.
22. Василій Потоцкій.
23. Павелъ Холодковскій.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса.

24. Николай Стратоновичъ.
25. Павелъ Смирновъ.
26. Михаилъ Касиновъ.
27. Александръ Дандри.
28. Николай Алексеевъ.
29. Николай Гамбурцевъ 2-й.

30. Николай Бруканскій.
31. Владимиръ Донуцаевъ.
32. Андрей Петровъ.
33. Павелъ Вагницъ.
34. Николай Орловъ.
35. Сергѣй Назимовъ.
36. Константинъ Добровольскій.
37. Петръ Ивановъ.
38. Арсеній Тихоміровъ 1-й.
39. Николай Тихоміровъ 2-й.
40. Николай Сычуговъ.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

41. Георгій Михайловскій.
42. Викторъ Соболевъ.

1870 года.

Межевymi инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса.

1. Аркадій Грачевъ.
2. Василій Свиринъ.
3. Николай Смирновъ 18-й.
4. Александръ Свѣтловъ.
5. Александръ Погожевъ.
6. Михаилъ Орловъ 1-й.
7. Владимиръ Холодковскій 2-й.
8. Викторъ Загѣсскій 1-й.
9. Дмитрій Величкинъ.
10. Николай Дубровинъ.
11. Владимиръ Полонскій.
12. Владимиръ Богдановъ 5-й.
13. Василій Черкизовскій.
14. Александръ Широковъ.
15. Михаилъ Пемовъ 1-й.
16. Матвѣй Непомнящій.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса.

17. Евгений Сиворцовъ 1-й.
18. Сергѣй Смирновъ 14-й.
19. Евгений Благой.
20. Левъ Тухтаровъ.
21. Александръ Загѣсскій 2-й.
22. Николай Рейхардтъ.

23. Павелъ Свиньинъ.
24. Василій Мартыновъ.
25. Петръ Ботъ.
26. Михаилъ Колоколовъ.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

27. Владиміръ Скрынниковъ.
28. Викторъ Смирновъ 21-й.
29. Григорій Морозовъ.

1871 года.

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса.

1. Александръ Чудовъ.
2. Иванъ Казакевичъ.
3. Николай Пуццло.
4. Григорій Бѣлаго.

Старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XII-го класса.

5. Евгенийъ Кичигинъ.
6. Николай Сахаровъ 1-й.
7. Сергѣй Воронцовъ.
8. Сергѣй Цитовичъ.
9. Аркадій Хонинъ.
10. Василій Дьяконовъ.
11. Павелъ Григоровъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса.

12. Владиміръ Воронинъ 1-й.
13. Николай Шокинъ.
14. Алексѣй Афонасьевъ 1-й.
15. Модестъ Кибардинъ.
16. Николай Широковъ.
17. Павелъ Ефимовъ.
18. Веніаминъ Лебедевъ 2-й.
19. Ричардъ Михаловскій.

1873 года.

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса.

1. Викторъ Лебедевъ.

2. Ипполитъ Велицкій.
3. Иванъ Баштеновъ.
4. Николай Волковъ.
5. Василій Васильевъ 1-й.
6. Павелъ Вожлевскій.
7. Михаилъ Ивановъ.
8. Александръ Семеновъ.
9. Павелъ Барановъ.
10. Сергѣй Ставровскій.
11. Алексѣй Говоровъ.
12. Николай Тремпау.
13. Степанъ Циклискій.
14. Василій Даль.
15. Леонидъ Миницкій.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV-го класса.

16. Ѳедоръ Страшный.
17. Алексѣй Разумовъ.
18. Георгій Гофманъ 1-й.
19. Сергѣй Дидимовъ.
20. Вильгельмъ Мекверъ 1-й.
21. Владиміръ Раковскій.
22. Александръ Логиновскій.
23. Илья Бахметьевъ 1-й.
24. Иванъ Потудовъ 1-й.
25. Сергѣй Панинъ.
26. Сергѣй Губкинъ.
27. Александръ Ремезовъ.
28. Иванъ Ароновъ.
29. Яковъ Ивановъ 25-й.
30. Михаилъ Фроловъ-Багрѣевъ.
31. Карлъ Гауфъ.
32. Константинъ Легензевичъ.
33. Павелъ Крыжановскій.

1878 года.

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X-го класса.

1. Михаилъ Равичъ-Щербо 1-й.
2. Алексѣй Краснопольскій 1-й.
3. Сергѣй Петровъ 1-й.
4. Михаилъ Смирновъ 2-й.
5. Алексѣй Сердобинскій 4-й.
6. Михаилъ Любимовъ.

7. Андрей Морозовъ 1-й.
8. Александръ Фидлеръ 1-й.
9. Василий Протопоповъ 3-й.
10. Константинъ Краповскій.
11. Иванъ Федосъевъ.
12. Петръ Ивановскій.
13. Александръ Кодратовскій.
14. Михаилъ Брюковъ.
15. Иванъ Лиринъ.

Старшимъ землемѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ XII класса.

16. Евгенийъ Безсоновъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

17. Эдуардъ Меккеръ 2-й.
18. Игнатій Мартыновскій.
19. Сергѣй Григоровскій 1-й.
20. Семень Арсеневъ 1-й.

Младшимъ землемѣрнымъ помощникомъ безъ чина.

21. Иванъ Комаровъ.

1874 года.

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X класса.

1. Петръ Лаврентьевъ.
2. Александръ Равичъ-Щербо.
3. Сергѣй Сердобинскій.
4. Александръ Пономаревъ.
5. Константинъ Брастилевскій.
6. Николай Стерлиговъ.
7. Викторъ Афонасьевъ.
8. Николай Шпилевъ.
9. Владиміръ Лажанинъ.
10. Федоръ Папковичъ.
11. Владиміръ Сныткинъ.
12. Николай Шевелевъ.
13. Дмитрій Забинъ.
14. Михаилъ Брецинскій.
15. Андрей Пемовъ.

Младшимъ землемѣрнымъ помощникомъ съ чиномъ XIII класса.

16. Алексѣй Никифоровъ.

Младшими землемѣрными помощниками безъ чина.

17. Яковъ Жолксовичъ.
18. Владиміръ Маевскій.

1875 года.

Межевными инженерами, старшими землемѣрными помощниками съ чиномъ X класса.

1. Владиміръ Эльмановичъ.
2. Алексѣй Соколовъ.
3. Михаилъ Поваровъ.
4. Иванъ Унгерманъ.
5. Вячеславъ Лавровъ.
6. Константинъ Джебелей.
7. Орестъ Фидлеръ.
8. Николай Флоринскій.
9. Михаилъ Никитинъ.
10. Николай Антюковъ.
11. Николай Шишкинъ.
12. Ювентинъ Федоровъ.
13. Николай Данковъ.
14. Сергѣй Богатуровъ.
15. Павелъ Яковлевъ.
16. Константинъ Гегеръ.
17. Александръ Лебедевъ.
18. Иванъ Азбукинъ.
19. Георгій Колубанскій.
20. Константинъ Завьяловъ.
21. Иванъ Фортуатовъ.

Младшими землемѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

22. Лавръ Гамбургевъ.
23. Сергѣй Озерскій 1-й.
24. Сергѣй Доронинъ.
25. Александръ Рудневъ.
26. Алексѣй Озерскій 2-й.
27. Орестъ Едлинскій.
28. Василий Алексѣевъ.
29. Александръ Стахановъ.
30. Петръ Арсеневъ.

Младшими землеѣрными помощниками безъ чина.

31. Валеріанъ Борисякъ.

1876 года.

Межевными инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X класса.

1. Всеволодъ Лаврѣнтьевъ.
2. Ростиславъ Коссовъ.
3. Степанъ Рославлевъ.
4. Никандръ Любимовъ.
5. Сергій Чирковъ.
6. Константинъ Лазаревъ 2-й.
7. Иванъ Карельскій.
8. Петръ Флоринскій.
9. Александръ Душариндовъ.
11. Сергій Мадышевъ.
12. Павелъ Жаховской.
13. Александръ Розановъ 1-й.
13. Василій Назаровъ.
14. Александръ Покатило.
15. Николай Протопоповъ 1-й.
16. Павелъ Плавинскій.
17. Андрей Соммеръ.
18. Яковъ Смирновъ.
19. Сергій Кузнецовъ.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

20. Григорій Краснопольскій.
21. Викторъ Меккеръ.
22. Николай Тулузовъ 1-й.
23. Павелъ Золотовъ.
24. Евгенийъ Бахметьевъ.
25. Михаилъ Морозовъ.
26. Дмитрій Потѣхинъ 1-й.
27. Василій Тулузовъ 2-й.
28. Владиміръ Дмитріевъ.

1877 года.

Межевными инженерами, старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ X класса.

1. Василій Рубцовъ.

2. Тимофей Поваровъ.
3. Александръ Протопоповъ.
4. Викторъ Соколовъ 2-й.
5. Флавіанъ Песковскій 1-й.
6. Иванъ Филиповъ.
7. Владиміръ Ивановъ.
8. Александръ Байеръ.
9. Иванъ Евтюховъ.
10. Николай Фидлеръ.
11. Иванъ Лызловъ 1-й.
12. Михаилъ Соколовъ 1-й.
13. Евгенийъ Блочковъ.
14. Александръ Вербицкій.
15. Александръ Васильевъ 3-й.

Съ правомъ на чинъ X класса, при поступленіи на службу.

16. Иванъ Шелякинъ (эксцернъ).

Старшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XII класса.

17. Павелъ Бобровъ.
18. Александръ Ендрѣевскій.

Младшими землеѣрными помощниками съ чиномъ XIV класса.

19. Александръ Родоконаки.
20. Николай Калашниковъ.
21. Василій Петровскій.
22. Михаилъ Кореневъ.
23. Александръ Краузе.
24. Сергій Федоровъ 1-й.
25. Александръ Галкинъ.
26. Сергій Разумовскій.
27. Михаилъ Палицынъ.
28. Александръ Надежинъ.
29. Николай Штрольманъ.
30. Михаилъ Саблуковъ.
31. Иванъ Молоденковъ.

Младшимъ землеѣрнымъ помощникомъ съ правомъ на чинъ XIV класса при поступленіи на службу.

32. Владиміръ Дмитріевъ (эксцернъ).

1878 года.

Межевыми инженерами, старшими
землемѣрными помощниками съ
чиномъ X класса.

1. Алевсѣй Жолкевичъ.
2. Николай Хмѣлевскій 1-й.
3. Николай Клементьевскій.
4. Дмитрій Литвиновъ.
5. Александръ Нуромскій.
6. Николай Розановъ 2-й.
7. Сергѣй Семеновъ 1-й.
8. Николай Фофановъ.
9. Николай Голубковъ 1-й.
10. Сергѣй Рудинъ.
11. Сергѣй Поповъ 1-й (экстернъ).

Межевнымъ инженеромъ, старшимъ
землемѣрнымъ помощникомъ съ
правомъ на чинъ X класса.

12. Виссарионъ Коротковъ (пансіонеръ Войска Донскаго).

Младшими землемѣрными помощ-
никами съ чиномъ XVI класса.

13. Михаилъ Пафомовъ.
14. Николай Климентовъ.
15. Владиміръ Кехертъ.
16. Владиміръ Федоровъ.

Младшими землемѣрными помощ-
никами съ правомъ на чинъ XIV
класса при поступленіи на службу.

17. Алексѣй Степановъ (пансіонеръ Воспитательнаго дома).
18. Константинъ Корнѣевъ (пансіонеръ Войска Донскаго).

СОДЕРЖАНІЕ
ДВУХЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ 46 и 141

Высочайшія повелѣнія.

ОТРАВ.

1. (22-го мая 1879 г.). О передачѣ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія окружныхъ училищъ и заводскихъ школъ горнаго вѣдомства. 47
2. (5-го сентября 1879 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Дертевымъ 48
3. (8-го сентября 1879 г.). Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ. —
4. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Ревельскихъ Александровской мужской гимназій и женской прогимназій —
5. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи—ссуды при Казанскомъ университетѣ. 49
6. (8-го сентября 1879 года). Объ учрежденіи стипендій при Дерптскомъ городскомъ училищѣ. —

7. (8-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Дерптскомъ городскомъ училищѣ	50
8. (8-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Ревельскихъ мужской Александровской гимназій и женской прогимназій	—
9. (31-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи при Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинаріяхъ преміи „Юрія Ѳедоровича Самарина“	—
10. (21-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Бѣлгородской мужской гимназій	139
11. (21-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи денежной преміи имени Ю. Ѳ. Самарина	—
12. (21-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Гродненской гимназій и Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ	140
13. (21-го сентября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Серпуховской Николаевской женской прогимназій	—
14. (12-го октября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ	—
15. (12-го октября 1879 г.). О присвоеніи капиталу, пожертвованному старшимъ фельдшеромъ лейбъ-гвардіи Гатчинскаго полка Николаемъ Моргулисомъ наименованія „капиталь Николая Васильевича Моргулиса“	141
16. (12-го октября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Нижегородской мужской гимназій	—
17. (12-го октября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Нижегородской мужской гимназій	—
18. (12-го октября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Красноярской мужской гимназій	142
19. (12-го октября 1879 г.). Обь учрежденіи стипендіи при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ	—
20. (29-го октября 1879 года). Обь учрежденіи стипендіи при Нѣжинской женской П. И. Кушакевича прогимназій	—

Высочайшіе приказы.

14-го августа 1879 года (№ 10)	51
8-го сентября 1879 года (№ 11)	143
21-го сентября 1879 года (№ 12)	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (3-го марта 1879 года). Положеніе о стипендіи имени Ефима Роштейна при С.-Петербургской первой гимназій . . . 51
2. (23-го іюня 1879 г.). Инструкція преподавателямъ для болѣе правильнаго веденія упражненій въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. 52
3. (4-го августа 1879 г.). Уставъ Юридическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. 54
4. (18-го августа 1879 г.). Правила о стипендіи коллежскаго совѣтника Николая Сергѣевича Афанасьева въ университетѣ св. Владиміра. 57
5. (21-го сентября 1879 г.). Положеніе о стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени при Ревельской Александровской мужской гимназій 58
6. (22-го сентября 1879 г.). Положеніе о стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени при Ревельской женской прогимназій. 59
7. (22-го сентября 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о преподаваніи пѣнія воспитанникамъ учительскихъ семинарій. —
8. (28-го сентября 1879 г.). Положеніе о преміи Юрія Федоровича Самарина для воспитанниковъ Рижской или другихъ смежныхъ губерній учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. 61
9. (28-го сентября 1879 г.). Правила о преподаваніи и экзаменахъ слушателей фармацевтическаго курса въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 143
10. (27-го октября 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ къ предупрежденію небрежнаго отношенія учениковъ VIII класса гимназій къ исполненію своихъ обязанностей. 145
11. (10-го ноября 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о мѣрахъ къ огражденію среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній отъ неблагонадежныхъ преподавателей. 146
12. (17-го ноября 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ снабженія начальныхъ народныхъ училищъ книгами и учебными пособиями. . . 147

**IV ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

18-го августа 1879 года (№ 12)	62
28-го сентября 1879 года (№ 13).	149
13-го октября 1879 года (№ 14)	152

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ“. Исторія Греціи въ біографіяхъ. Г. В. Штоля. Переводъ подѣ редакцію В. Г. Васильевскаго. Изд. 2. О. И. Бакста 67
- Объ изданіи: ежемѣсячнаго „Математическаго листа“, №№ 1, 2, 3, 4, и 5. Подѣ ред. А. И. Гольденберга. —
- О книгахъ подѣ заглавіями: 1) томъ III сочиненія Фридриха фонъ Гельвалда „Земля и ея народы“. II. „Іерусалимъ и Синай“. Записки втораго путешествія на Востокъ А. С. Норова. Подѣ редакцію В. Н. Хитрово. III. „Альбомъ видамъ Палестины и Синай“. Сост. Поливановымъ —
- О книгахъ подѣ заглавіемъ: I. „Курсъ опытной физики“. А. П. Шишкова. Выпускъ II. О свѣтѣ и теплотѣ. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. II. „Книга упражненій по латинской этимологіи; обработана для русскихъ гимназій К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ. —
- О книгѣ: „Г. Нидерле, грамматика греческаго языка“, обработанная для русскихъ гимназій. Часть 1. Этимологія, съ чешскаго перевелъ И. Мейеръ. Сост. 68
- О книгѣ: „Ботаника весной“. Свѣдѣнія объ устройствѣ и жизни растений, основанныя на изученіи раннихъ весеннихъ, преимущественно садовыхъ растений. Съ 70 политипажамъ и таблицю для опредѣленія деревьевъ и кустарниковъ въ безлиственномъ состояніи. Сост. М. Меліоранскій. —
- О брошюрѣ: „Краткое обозрѣніе Курской губерніи въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ“. Сост. М. Бойковъ. —
- О книгѣ: „Нѣмецкая хрестоматія“, заключающая въ себѣ

- выборъ статей въ прозѣ и стихахъ, извлеченныхъ изъ творенія нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ столѣтій. Сост. Н. Верте. . . . 68
- О брошюрѣ: „Дешевыя несгараемыя постройки“. Вып. 1. Постройки изъ саманнаго кирпича. Изд. ред. „Хозяйств. Строитель“. —
- О книгахъ подъ заглавіями: I. „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Сост. К. Крафтъ. II. „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, дополн. былинами Новгородскими, Московскими, Казанскими и Петровскими. Сост. В. П. Авенариусъ . . . —
- О книгахъ подъ заглавіями: I. „Etude pratique de le langue. Cours de la langue française, de composition et de style basé sur un choix de morceaux en prose de force graduée, extraite d'auteurs célèbres et suivis de nombreuses matieres de composition analogues représentant plus de 300 devoirs à faire et de modéls indiquant l'emploi de la méthode à suivre, par Camille Ruault, professeur de langue et de littérature française du lycei Alexandre, à l'école de droits et dans plusieurs autres établissements publics. II. „Историческіе, критическіе и полемическіе опыты“. Николая Барсова. . . . —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Синтаксисъ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ, съ руководящими вопросами для практическіхъ занятій. Хрестоматія. Сост. Ѳ. Г. Савенко 69
- О книгахъ подъ заглавіями: I „Элементарный курсъ зоологii съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологii“. Сост. К. Сентъ-Илеръ. IX-е, исправленное и значительно дополненное изданіе. II. Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ низшихъ трехъ классахъ гимназій и прогимназій. Въ 2 частяхъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Сост. Лопатинскимъ —
- О книгахъ подъ заглавіями: I. „Русская хрестоматія“ Ч. 1. Эпическая поэзія. Сост. Андрей Филоновъ. II. „Латинская грамматика доктора Фердинанда Шульца“, Сост. Ю. Ходобаемъ. III. „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій“. Сост. Ю. Ходобай и П. Виноградовъ. Часть I. и II. Изд. 2-е исправленное и значительно дополненное“. 70
- О книгѣ: „Практическая русская грамматика“. Сост. Ѳ. Пуцковичемъ —
- О книгѣ священника Минской епархіи Романа Москалевича: „Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочеловѣка, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Размышленіе христiанипа, посвященное юношеству —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ и стихахъ“. Сост. Ю. Б. Стурцель. 153

О книгѣ подъ заглавіемъ: I. „Руководство къ средней исторіи“. Сост. И. Беллярминовъ. II. а) „Вопросникъ по зоологій“; б) учебный матеріалъ къ вопроснику по зоологій; в) „Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ“. Сост. М. Меліоранскій. III. „Краткія свѣдѣнія о священныя книгахъ“. Сост. свящ. Захарій Шмаргуновъ. IV. „А. Серре. Прямолинейная тригонометрія“. Перевелъ Ев. Гуторъ V. „Курсъ алгебры“. Сост. Ев. Гуторъ, часть II. VI. „Краткій курсъ естественной исторіи“. Состав. К. Θ. Ярошевскій. VII. „Краткій очеркъ исторіи христіанской церкви“. Сост. Л. Петровъ. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія русской словесности“. Состав. А. Галаховъ 154

О книгахъ подъ заглавіями: I. „Лекціи объ электричествѣ Джона Тиндала“. Сост. И. Гезехусъ. II. „Свѣтъ“. Шесть лекцій. Состав. Я. Цедербаумъ. 155

О журналѣ: „Православное Обзорѣніе“, изд. Петра Преображенскаго. —

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго систематическаго курса“. Первая часть. Цѣлыя числа. Сост. В. Евтушевскій 71

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Покореніе Царства Казанскаго“. В. Лапина. Съ раскрашеною картинкою. Изд. учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ —

Объ издавіи: Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ I. Романъ: Бѣглые въ Новороссіи. Разказы: Семейная старина. Прабабушка. Тѣнь Прадѣда. Бабушкинъ рай. Украинскія сказки (XIX). Томъ II. Романъ: Воля (Бѣглые воротились). Разказы: Старосвѣтскій маляръ. Село Сорокопановка. Феничка. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Томъ III. Романъ: Новыя мѣста. Разказы: Бѣглый Лаврушка за границей. Изъ преданій семнадцатаго вѣка. I. Первый выпускъ сокола. II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Четыре времени года украинской

охоты. Священная легенда. Томъ IV. Романъ: Девятый валь (изъ лѣтописей женскаго монастыря). I. Въ обществѣ. II. Обитель. III. Въ семьѣ	71
О книгѣ: „Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. А. Бекетова. Въ 2-хъ книжкахъ. Изданіе 4-е; съ 18 рисунками въ текстѣ.	—
Объ изданіи: „Азбука рисованія для семьи и школы“. Руководство для родителей и воспитателей. М. Д. Раевской-Ивановой.	72
О брошюрѣ: „За приключеніями“. Разсказъ, посвященный кавказскимъ дѣтямъ. Вѣрою Желиховскою.	155
О книгахъ: I. „Русскіе поэты“. „Нѣмецкіе поэты“ и III. „Славянскіе поэты“. Изд. Общ. распротр. пол. книгъ	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Книга для первоначальнаго чтенія въ школахъ“. Часть I. изд. 13-е. Сост. В. Водовозовымъ.	156
Официальныя извѣщенія.	72 и 156
Открытіе училищъ	74 и 159

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Историко-географическія извѣстія Герберштейна Е. Замысловскаго.	1
Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. Дм. Тальберга.	19 и 156
Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тироли А. Веселовскаго.	71
Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи. Ф. Бруна. Часть первая. В. Васильевскаго.	84
Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. Л. Ст.	120
Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ. Всев. Миллера.	121
Славяне на сѣверномъ черноморьи. Н. Ламбина	141
Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, состав. протоіереемъ А. Орловымъ, преподавателемъ монгольскаго языка въ Иркутской духовной семинаріи. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. А. Позднѣва	170
Южное славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Л. Доброва. В. Качановскаго.	208

Wilhelm Wollner. Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. (В. Волънеръ. Исслѣдованія о народномъ эпосѣ Великоруссовъ). П. Морозова. 223

Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Récueillies et publiées par Ch. Potuin, avec des notes géographiques et une carte par J. C. Houzeau (Сочиненіе Гильберта де-Ланнуа, путешественника, дипломата и моралиста. Собраны и изданы К. Потреномъ, съ приложеніемъ географическ. картъ, составленныхъ И. С. Гуго). Л. Майкова. 233

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Къ вопросу объ организаціи учебной части въ городскихъ училищахъ. А. Баранова. 1

Замѣтка о преподаваніи русскаго языка въ приготовительныхъ классахъ гимназій и прогимназій. А. Страхова. 23 ✓

Наша учебная литература. 31 ✓

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о двадцать-второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1 ✓

Отщество археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. 13

Императорское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ. 21

Памяти Сергѣя Михайловича Соловьева. 25

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) университеты б) низшія училища. 38 и 75 ✓ ✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Аѣинское постановленіе въ честь Аристомаха Аргосскаго. Θ. Соколова. 369 ✓

Quomodo Genitivi in Demosthenis oratione Olynth II. § 2. explicandi sint. Georgius Fischer. 418 ✓

О связи мыслей во второй книгѣ Цицероновыхъ Тускуланскихъ бесѣдъ. Рихарда Фохта. 421 ✓

Мнеологическія изслѣдованія. Е. Шмидта	440 ✓
С. Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Выпускъ 1-й съ картой Галліи во времена Цезаря и двумя планами воен- ныхъ дѣйствій Цезаря въ 1-й годъ Галльской войны. Сост. Булгаковъ. Э. Верта.	450 ✓

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Очеркъ исторіи Константиновскаго Межеваго института съ 1779 по 1879 годъ. А. Апухтина.	стр. 129 - 224 ✓
"	225 - 350 ✓

**HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY**

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books
to Circulation Desk.

Renewals and recharges may be made 4 days prior
to due date.

**ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS
AFTER DATE CHECKED OUT.**

AUG 11 1975

REC. CIR. FEB 11 1976

REC. CIR. MAR 4 '76

NRLF LIBRARY USE OCT 10 1990

LD21—A—40m—12,'74
(S2700L)

General Library
University of California
Berkeley

YD 22675

